Преподобнии отцы,
слух свой смиренно Евангелию Христову приклонивше,
призывание от Вышняго во обители Небесныя приясте,
и, Тому верно последующе,
мира красная во уметы вменивше,
единыя доброты вожделесте Христа;
Емуже прилежно молитеся
низпослати мирови мир и Церквам единомыслие,
стране нашей на враги одоление,
братии обители вашей единодушие и смиренномудрие
и душам нашим велию милость.

Стихира по 50-м псалме из службы на перенесение честных и многоцелебных мощей прпп. Зосимы, Савватия и Германа 8/21 августа.

Спасо-Преображенский Соловецкий
ставропигиальный мужской монастырь

Соловецкая обитель:
история и святыни

Книга паломника

издание
Соловецкого
монастыря
2014

УДК
ББК

Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС XX-XXX-XXXX

Книга «Соловецкая обитель: история и святыни», предлагаемая вниманию читателя, рассказывает о многих веках жизни одной из древнейших обителей Русского Севера.

История Соловецкого монастыря, порою светлая, а порою – трагическая, представлена как совокупность жизней святых и подвижников, которые в этой обители совершали путь спасения. Жизнеописания Соловецких насельников разных времен объединены по хронологическому принципу, содержат цитаты из исторических источников (патериковых повествований, архивных документов, следственных дел) с комментариями, учитывающими результаты современных исследований Соловецкого наследия.

Помимо представления широкой панорамы почти шестисотлетней истории монастыря, книга включает описания скитов и пустыней. В особом разделе помещены песнопения и молитвы святым, особенно почитаемым в Соловецкой обители.

Книга будет полезна всем, кто интересуется историей православия в России, историей Русского Севера, и в особенности тем читателям, кто готовится или совершил паломническую поездку в монастырь.

В цитатах сохраняются орфография, пунктуация
и особенности текстов оригиналов.

Даты событий до февральской революции (27 февраля 1917 г.)
указаны по старому стилю, в том числе и даты из дореволюционных изданий.

Даты событий после 14 февраля 1918 г. указаны по новому стилю.

Даты в промежутке и при ссылках на церковный календарь приводятся одновременно
по старому и по новому стилю.

ISBN 978-5-91942-024-8

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Почти шесть столетий минуло с тех пор как преподобные Зосима, Савватий и Герман основали монастырь на Соловецких островах, отделенных от мира водами студеного Белого моря. К началу XX века пустынная обитель с небольшой деревянной церковкой превратилась в благоустроенный монастырь со множеством каменных храмов, келейных и хозяйственных корпусов, огражденных неприступной крепостью из гранитных валунов. Своей автономностью монастырь напоминал маленькое государство с собственным управлением, хозяйством, транспортом, со своими обычаями и порядками.

Центром и сердцем этого государства был Спасо-Преображенский собор, построенный в середине XVI века игуменом Филиппом. В нем денно и нощно возносились молитвы иноков. Величественный храм в своем устремлении к небу напоминает христианскому сердцу о том, что его путь – восхождение, которое начинается с покаяния, с очищения своей души, а заканчивается Преображением. По слову преподобного Серафима Саровского, смысл христианской жизни состоит в стяжании Духа Святаго.

Когда любовь Божия касается человеческого сердца, а потом, по-видимости, отступает, душа скучает и плачет, как плакал Адам о потерянном рае. В поисках богообщения человек оставляет мир и вступает на путь монашества. «Монос» означает не только «один», но и «един» – «единение», то есть, жизнь в Боге без потери собственной личности. Благодать, которую стяжали Святые в своем сердце, освящает не только душу, но и само вещество делает иным.

Соловецкая земля освящена молитвами древних святых и новых мучеников. Соловецкая обитель как путеводная звезда на низком северном небе сияет светом Преображения, который достигает самых окраин Русской земли и постоянно привлекает к себе массы людей, жаждущих этого света. Едва открывается навигация, все соловецкие корабли неутомимо курсируют между материком и островами, доставляя паломников и туристов.

Обычно посетители живо интересуются богатой событиями историей монастыря, восхищаются уникальными храмами и крепостью, удивляются необычной северной природе. Но когда стихают первые эмоции от встречи

с Соловками, у многих возникают вопросы: «Кто же возводил эти храмы и стены здесь, на краю света? Кто и с какой целью первым решился поселиться на необитаемом острове? Почему до сих пор находятся люди, желающие нести монашеский подвиг в Соловецкой обители?»

На эти вопросы нелегко найти ответ, так как духовная жизнь иноков по сути своей есть внутренняя, сокровенная, открытая лишь всевидящему оку Божию. Но ради назидания прежних и будущих поколений боголюбцев собиратели духовной мудрости в течение 500 лет составляли рукописные сказания о подвижнической жизни Соловецких иноков. Драгоценные крупицы духовного опыта Соловецких святых и подвижников благочестия представляет благочестивому читателю это издание.

Архимандрит Порфирий,
наместник и игумен
Спасо-Преображенского Соловецкого
ставропигиального мужского монастыря

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие из боголюбивых посетителей Соловецкого монастыря за короткий срок пребывания своего не успевают подробно познакомиться с историей и святынями обители и со всем, что в ней достойно внимания благочестивого паломника. Предлагаемое издание имеет целью помочь паломнику сохранить и упорядочить в памяти полученные впечатления, а самое главное – хоть в некоторой степени представить, как жили люди, чьими руками созидалась обитель, из какого источника черпали они духовные и физические силы.

В предлагаемой вашему вниманию книге паломника история Соловецкого монастыря представлена как совокупность историй жизни святых и подвижников, которые в этой обители совершали путь своего спасения. Жизнеописания соловецких насельников разных времен объединены по хронологическому принципу, в каждое из них включены цитаты из исторических источников (патериковых повествований, архивных документов, следственных дел) с комментариями, учитывающими результаты современных исследований соловецкого наследия.

К историческому повествованию присовокуплены описания храмов Божиих и других строений монастыря, описания скитов и пустыней, песнопения и молитвы святым, особенно почитаемым в Соловецкой обители. На форзацах размещены схема расположения храмов и строений внутри монастырских стен и схема расположения скитов и пустыней на Соловецком архипелаге[1].

Чтение этой книги поможет увидеть в исторической перспективе историю соловецкого подвижничества, то есть, духовно настроиться на паломничество. Можно объехать весь мир и при этом не расстаться с суетой своей повседневной жизни. Смысл паломничества – раскрыть очи своей души, а для этого необходим труд сердца: покаяние и молитва. Итак, приидите трудолюбнейшие искатели духов-

[1] Соловецкие острова, или Соловки – группа островов в Белом море у входа в Онежскую губу. Самый крупный из них – Большой Соловецкий, его протяженность около 24 км с запада на восток и около 16 км с севера на юг, площадь – 219 кв. км. Площадь второго по величине острова – Анзер – 48 кв. км. На остальные острова: Большая Муксалма (19,8 кв. км), Малая Муксалма (1,2 кв. км), Большой и Малый Заяцкие (1,4 и 1,1 кв. км) и множество мелких островков – приходится 5,6 % общей площади Соловецкого архипелага, которая составляет 283 кв. км. Существует несколько версий происхождения названия Соловки: в русском языке слово «соловый» означает мутный, туманный, на финском языке «suol» означает остров, а на новгородском диалекте «соловки» – барашки на волнах. Поморский сказ повествует о том, что остров Соловецкий «из моря Белого встал для спасения людей» и назван был «по малой птице соловью» и жителей его звали соловьянами. Но соловьи, однако, на Соловках не водятся [82, №1, 2002, с.62].

ного бисера, стецемся к берегам студеного моря Белого, где красуется величием храмов, но более преданиями о мужах дивных и подвигах душеспасительных святая Соловецкая обитель.

«Святое семя иночества, насажденное подвижническою рукою преподобных Зосимы и Савватия на дикий и необитаемый остров студенаго моря, не переставало приносить плоды до ближайшей к нам современности. Надеемся, что оно, при благословении Божием, останется так же плодоносно и на будущее время»[2] [83, с. 2]. Этими словами заканчивается предисловие к Соловецкому Патерику, изданному в 1873 году. С тех пор список Соловецких святых продолжен именами многих новомучеников и исповедников Соловецких, пострадавших на Соловецких островах в 1923–1939 годах и прославленных на Юбилейном Соборе 2000 года[3].

Новейшая история Соловецкой обители началась с 1989 года, когда по просьбе православной общины, созданной жителями острова, на Соловки для совершения богослужений был направлен игумен Герман (Чеботарь). Под его духовное окормление стали стекаться ищущие монашеской жизни. 25 октября 1990 года Священный Синод вынес решение о возобновлении деятельности Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря. Новая лоза, привитая к старому корню, дает первые плоды: в 2010 году монастырь отметил свое двадцатилетие, в храмах совершается богослужение, возрождена традиция крестных ходов вокруг монастыря, оживают скиты, воздвигаются поклонные кресты в знак того, что освященная трудами подвижников и кровью мучеников Соловецкая земля есть удел Божий.

Тысячи паломников, притекающих в Святую Соловецкую обитель, убеждаются на собственном опыте, что по молитвам Соловецких угодников благодать Божия не отступает от места сего и изобильно изливается на всякого, могущего вместить. И, пожалуй, главное для паломника – приготовить свое сердце к встрече с Соловецкими святыми: разглядеть за каменными валунами, составляющими стены и храмы монастыря, истинные драгоценные камни, избранные Господом для созидания Града Небесного Иерусалима.

Хотя внешние события, происходившие в обители, такие, как защита от шведов и англичан, посещения царственных особ, Соловецкое сидение, а также благолепие храмов и образцовое монастырское хозяйство, более привлекают внимание паломников, но не в этом состоит назначение монашества. Монашеская община – братство воинов Христовых, бросивших вызов не «плоти и крови, но духам злобы поднебесной». Их дело – война с грехом, совершающаяся в тайной

---

[2] В XV веке подвизались вместе с первоначальниками Соловецкими 13 прославленных святых; в XVI веке – 6; только за первую половину XVII века просияло 29 преподобных, причем среди них 7 начальствующих – игуменов и основателей пустыней, а остальные – пустынники; в XVIII веке – преподобный Иов Анзерский и преподобный Феодор Санаксарский, причем оба из числа сосланных; из подвижников XIX века прославлены преподобные Матфей, Паисий, Амвросий и Феофилакт, которые по послушанию покинули Соловецкую обитель в июне 1866 года ради восстановления и благоустроения Троицко-Стефановского Ульяновского монастыря у зырян.

[3] С 2000 года по благословению Святейшего Патриарха Алексия 10/23 августа в Соловецком монастыре совершается праздничное богослужение в память всех пострадавших за веру на Соловках – Собор новомучеников и исповедников Соловецких.

храмине души. «Иноческая жизнь, и по назначению и по свойству своему, есть внутренняя, сокровенная. Подвиги на этом поприще большею частию остаются известны одному всевидящему Богу» [82, с.3]. Конечно, духовная жизнь иноков остается скрытой от посетителей монастыря, но, по милости Божией, для нас сохранено множество примеров подвижнической жизни Соловецких боголюбцев.

Мы постарались, сохраняя, по возможности, стиль древнерусских жизнеописаний, подобрать свидетельства из монастырской жизни, которые помогли бы современному читателю проникнуться духом Соловецких подвижников, полюбить их и понудить себя хотя бы в малой степени подражать им. Это подражание могло бы начаться с минимального отречения от своей воли хотя бы на короткое время пребывания на Соловках: «Не как я хочу, а как Бог даст».

Вместо того чтобы стараться побывать на всех достопримечательных местах, попробуем поучаствовать в нынешней монастырской жизни: проснуться по-монастырски в половине шестого, помолиться на долгих службах, если благословят, потрудиться. Только будем помнить: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Лучше лишний раз спросить: «Как сделать? Как здесь принято?» – и действовать в духе любви и взаимной терпимости, чем нарушать мир ради кажущейся «пользы дела». Будем радоваться, если приходится себя утеснить, потерпеть, значит, по молитвам преподобных Зосимы, Савватия и Германа нам дана возможность стать чуточку чище. Соловки не место отдыха, а место подвига.

Часть I

История Соловецкой обители в течение шести веков

«Древнерусское монашество было отречением
от мира во имя идеалов, ему непосильных,
а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных».

В. О. Ключевский

Глава 1

НАЧАЛО СОЛОВЕЦКОЙ ОБИТЕЛИ

XV век

1.1. ЦАРСТВО ПРАВЕДНИКОВ

В XIII–XIV веках Русь постоянно находилась под угрозой нашествия монголо-татарских полчищ с юга и востока, с запада ее старались потеснить германцы, шведы, датчане и литовцы, внутреннее единство нарушалось междуусобной борьбой за княжеские уделы и титул великого князя, уцелевшие от баталий города опустошались моровыми поветриями.

Ничто не обещало благоустроенности и устойчивости земной жизни, поэтому взоры многих обращались к жизни духовной. Вера помогала преодолеть смертный ужас перед татарином или вероломным соседом, сохранить любовь и милосердие по отношению к ближним. Предельным выражением веры во всемогущий и всеспасающий Промысл Божий было следование Христу – принятие ангельского образа.

За двести лет владычества монголов на русской земле возникло вдвое больше иноческих обителей, чем за два с половиною века со времени основания Русской Церкви. В монастыри уходили не для того, чтобы скрыться от государственных бедствий за стенами обителей, но для того, чтобы путем полного самоотречения обрести внутреннюю свободу. Многие иноки, стремясь к высшим степеням духовного преуспеяния, оставляли благоустроенные монастыри, уходили в пустыню или в глухие леса, строили себе хижину или копали пещеру и подвизались в уединении. Вскоре вокруг них собирались такие же любители безмолвия, строили небольшую деревянную церковь и келии, а затем обращались к епископу с просьбой об освящении храма и о поставлении игумена – так устраивался новый монастырь.

Жажда духовного подвига в русском обществе, обещавшая последующее восстановление государственной независимости, не находила удовлетворения в сложившейся к середине XIV века системе церковного устроения. Тогда митрополит Алексий, опираясь на поддержку патриарха Константинопольского Филофея, попытался возродить в русских монастырях строгий общежительный устав, на основании которого преподобным Феодосием Печерским была устроена жизнь Киево-Печерской обители.

Задача показать вдохновляющий пример введения «общего жития» в уже существующем особножительном монастыре была возложена на преподобного Сергия Радонежского. Он смиренно принял это благословение, так как в отказе от собственности видел способ преодоления внутренних конфликтов в обители, вызванных имущественным неравенством монашествующих. Превращение обители отшельников на Маковце в общежительный монастырь было для преподобного Сергия шагом к устроению малого образа Царства Святой Троицы – грядущего царства праведников, живущих по заветам Спасителя и являющих миру достижимость и действенность главных христианских идеалов – любви и единомыслия. Свято-Троицкая обитель преподобного Сергия стала той духовной лампадой, от которой возгорелось множество светильников церковных на Русском Севере, в том числе и на Соловках.

Прпп. Зосима, Савватий и Герман, Соловецкие чудотворцы

Во время игуменства преподобного Зосимы (1452–1478 гг.) в Соловецкой обители утвердился общежительный монастырский устав и выработался особый тип соловецкого подвижничества, выражавшийся в органичном сочетании деятельной и созерцательной жизни, в соединении труда и молитвы: «И тружахуся постом и молением, купно же и ручным делом: овогда землю копаху, иногда же древеса на устрой монастырю заготовляху, иногда дров множество секуще, готовляху и росол морской, черплюще, и тако соль варяху и даяху купцем, приходящим к острову, и от них взымаху всяко орудие на потребу монастырскую, и в прочих делех тружахуся... И тако от своих трудов и потов питахуся. Бе бо их числом братии с игуменом блаженым Зосимою двадцать и два и бе всем подвиг о обители, яко едина душа в разных телесех тщание» [52, т.2, с.164]. В последних словах – «и все как один подвизались единодушно, со старанием созидая обитель во славу Божию» – летописец выразил идеал устроения монашеской общины, заданный преподобным Сергием и реализовавшийся на Соловках в силу необходимости выживания в суровых условиях приполярных, необжитых человеком островов.

1.2. ПРЕПОДОБНЫЙ САВВАТИЙ – ПЕРВОНАЧАЛЬНИК СОЛОВЕЦКОГО ИНОЧЕСТВА

Первым монахом, избравшим для поселения Соловецкие острова, был преподобный Савватий. Он принял монашеский постриг в Кирилло-Белозерском мо-

настыре, где подвизался под руководством самого преподобного Кирилла[1] – ученика и продолжателя дела преподобного Сергия Радонежского.

Преподобный Кирилл начал свою монашескую жизнь в московском Симоновом монастыре, настоятелем которого был архимандрит Феодор – племянник преподобного Сергия. Преподобный по временам посещал племянника, знал братию монастыря и скоро прежде всех стал заходить к монаху Кириллу в хлебню[2], с любовию беседуя с ним о спасении души. Когда в 1389 году архимандрит Феодор был хиротонисан в епископа на Ростовскую кафедру, братия избрала Кирилла настоятелем Симонова монастыря. Однако, влекомый любовию к безмолвию, Кирилл сначала оставил настоятельство и ушел в затвор, а затем по указанию Божией Матери удалился в пределы белозерские. Там он поселился в землянке на северном берегу озера Сиверского.

Через несколько лет одиночество его было нарушено иноками, пришедшими к нему из Симонова и других монастырей. В 1397 году преподобный Кирилл построил церковь в честь Успения Божией Матери и положил начало новой обители. Он ввел строгий общежительный устав и примером своим сумел передать братии дух подвижничества, воспринятый им от преподобного Сергия.

Время пребывания преподобного Савватия в Кирилловой обители определено в первоначальной редакции жития преподобных Зосимы и Савватия[3] следующим образом: «во дни благочестивого и великого князя Василия Васильевича Владимирского и Московского (1425–1462), и великого князя Бориса Александровича Тверского (1425–1462), и великого князя Феодора Олеговича Рязанского (1387–1427), когда архиерейский престол на Руси содержал некий от греков митрополит Фотий (1409–1431)[4], а в Новгороде архиепископом был Евфимий Брадатый (1423–1429)[5]… в одном из монастырей Белоезерских, именуемом Кириллов, пребывал … <инок> Савватий» [52, т.2, с.7][6].

Из сопоставления вышеприведенных дат следует указание на весьма узкий интервал времени: 1425–1427 годы. Можно предположить, что летописец хотел точно обозначить время, когда преподобный Савватий покинул Белозерскую обитель. Скорее всего, это произошло после кончины преподобного Кирилла 9 июня 1427 года.

---

[1] Родился в 1337 г. в Москве, скончался в 1427 г.

[2] Хлебня – пекарня, где проходил послушание монах Кирилл.

[3] Житие соловецких святых было создано на рубеже XV–XVI вв. по настоянию новгородского архиепископа Геннадия, бывшего послушником старца Савватия на Валааме. История написания жития зафиксирована письменно в «Слове о сотворении жития начальник соловецких Зосимы и Савватия» [51, с.82–84; 19, с. 159–162]. Первоначально сведения об основателях монастыря были записаны со слов преподобного Германа его сокелейником Соловецким иноком Досифеем, который передал собранные им материалы митрополиту Спиридону для литературной обработки. Митрополит Спиридон написал также предисловие и послесловие к житию и завершил свою работу в 1503 г.

[4] Митрополит Фотий грек, рукоположен 1.09.1408; прибыл на Русь в 1409 г.; † 2.07.1431.

[5] Архиепископ Евфимий I (в иноках Емелиан) (Брадатый) избран в 1423 г.; рукоположен в сентябре 1424 г.; † 1.11.1429.

[6] Дата 6945 (1437) не вписывается в интервал (1425–1427). По-видимому, при переписывании жития вкралась ошибка: вместо 6945 должно быть 6935, то есть, буква «л» была заменена буквой «м». Тогда дата 1427 год согласуется с указанным временем перехода преподобного Савватия на Валаам.

Остается неизвестным, из каких краев и когда пришел преподобный Савватий в монастырь, возможно, что он был в числе первых иноков, поселившихся с преподобным Кириллом в 1396 году. По крайней мере, в житии утверждается, что Савватий долгое время провел в Кирилло-Белозерском монастыре, подвизаясь воздержанием и постом, изнуряя тело свое и преодолевая страсти и козни диавола.

Послушание, кротость и смирение привлекали к нему любовь братии и игумена, и все почитали его как «образ всем тамо пребывающим во всех добродетелях и исправлениях жития» [52, т.2, с.8]. Савватий же себя укорял: «Славу от человек принимаешь, а славы Божией не ищешь» [52, т.2, с.150]. И, узнав, что на Ладожском озере на острове Валаам есть пустынный монастырь Преображения Господня, в котором иноки отличаются особой строгостью жития, все приобретая трудами рук своих, решил переселиться туда.

И там приходилось ему трудиться на самых тяжелых работах, и все исполнял он в молчании, без лености и прекословия, ибо желал он такового подвига, чтобы плоть покорить духу. И истончив тело свое, соделал его жилищем Святого Духа. Видя, что игумен и братия почитают его ради добродетельного жития, Савватий рассудил: «Лучше ми есть отлучитися от пребывания места сего, нежели честь приимати и похвалы» [52, т.2, с.151].

Между тем преподобный узнал, что на севере есть остров Соловки: «пуст и человеческого пребывания неприятелен; ради зимнего времени[7]... имяше же посреди себе озера многи и рыбы разные. ... и по раздолиям всяко древеса имяше, и ягодичия многа разны бяху, и сосния древеса велия бяху к созиданию храмов и на вся потребы благоустроен бе» [19, с. 22]. Услышав это, преподобный Савватий «сердечно уязвися безмолвия любовию» и стал просить у игумена благословения отпустить его на поиски того острова. Однако игумен и братия не пожелали расстаться со святым старцем. Тогда, предав себя на волю Божию, преподобный Савватий ночью оставил Валаамскую обитель.

Подражая преподобному Кириллу, он взял с собой путеводительницей икону Божией Матери Одигитрию Смоленскую. Ею направляемый, он преодолел более семисот верст и достиг берега Белого моря. От местных жителей он узнал, что остров находится в двух днях плавания и что на нем никто не живет, «страхования ради морския нужды»[8]. Видя желание старца там поселиться, удивленные жители спрашивали, как он будет там жить и чем питаться? «У меня такой Владыка, – отвечал преподобный, – который и дряхлости дает силы свежей юности, и голодных питает досыта».

Некоторое время преподобный Савватий оставался в часовне, стоявшей вблизи устья реки Выг, в местечке Сороки. Там он встретил черноризца Германа, старца простого нравом и некнижного, который бывал уже на острове. Герман согласился не только проводить Савватия на остров, но и поселиться вместе с ним. На утлой ладье, называемой карбас, старцы отправились по суровому морю и на третий день достигли Соловецкого острова. Выйдя на берег, подвижники ра-

[7] В течение восьми месяцев (с ноября по май) остров совершенно отрезан от материка, так как навигация прекращается, а путь по льду невозможен, потому что Белое море полностью не замерзает.

[8] Боясь, что путь по морю не всегда возможен.

Каменный крест преподобного Савватия.
Альбом ризницы Соловецкого монастыря, 1886 г.

достно возблагодарили Бога, что не презрел молитву их. Было это в 1429 году. Неподалеку от моря, на расстоянии не более километра, они нашли место «стройно» у озера, за которым возвышалась к небу гора, и поселились там, где теперь находится скит Савватиево. Там они поставили крест, келию и раскопали участок земли мотыгами, чтобы иметь пропитание.

Прибрежные жители стали завидовать преподобным. Считая себя наследственными владельцами островов, они решили изгнать черноризцев.

По общему совету некий рыбак с женой и со всем имуществом приплыли на остров и поселились неподалеку от подвижников. Но Господь не попустил утвердиться мирянам рядом со старцами. На рассвете в воскресный день преподобный Савватий во время пения заутрени вышел из келии покадить честный Крест, водруженный для поклонения. Внезапно он услышал «вопль велик» и молился в изумлении и ужасе, думая, что людей на острове быть не может. По окончании утрени плач еще усилился. Тогда Герман, приняв благословение от святого, пошел на голос и нашел женщину, лежащую и плачущую с криком. На вопрос Германа: «Почто плачеши, кричащи?» – женщина отвечала: «Отче, идущу ми на озеро к мужу своему, и сретоста мя два юноши страшна образом светла зело, и начаста мя бити дубцы люте, глаголющу: “Изыдите скоро от острова сего! Вам бо недостоит жити зде, но благоволи Бог на пребывание иноческаго чина устроену быти месту сему. Вы же скорее отидите отсюда, да не погибнете злою смертию! На сем месте соберутся множество иноков, и да прославится от них имя Божие на месте сем и храм во имя Иисуса Христа воздвигнется”. И стали невидимы» [52, т.2, с.154]. Герман, возвратившись в келию, передал Савватию все слышанное, и оба возблаго-

Явление ангелов, высекших жену. Клеймо гравюры, 1748 г. Д. А. Ровинский. Виды Соловецкого монастыря, отпечатанные с древних досок, хранящихся в тамошней ризнице. СПб., 1884 г. № 4.

дарили Бога, так как уразумели «от Бога хотящую быти благодать на острове том». И с того времени никто из мирских людей не дерзал поселиться на Соловецком острове [52, т.2, с.154].

Через несколько лет преподобный Герман отправился для приобретения необходимых для жизни вещей на реку Онегу. Осенью он не смог вернуться на Соловки из-за встречного ветра и снежной бури, пришлось зазимовать в Онеге. И на следующее лето, будучи «объят болезнию на многая времена», преподобный Герман не смог исполнить своего намерения.

Преподобный Савватий, оставшись один, сперва поскорбел об отшествии Германа, но потом более укрепился на подвиг, умоляя Господа не лишить его сего вожделенного места. Духи же нечистые, желая устрашить утеснявшего их, всей силой ополчились на преподобного, принимая образы змия или диких зверей, хотящих поглотить его. Святой же оградился крестным знамением и воспел: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази его!» – и так пребыл без вреда.

Предчувствуя приближение кончины, преподобный Савватий обратился с молитвой к Богу, чтобы Он сподобил его причастия Святых Таин, поскольку долгое время лишен был он сего сладкого просвещения – с тех пор, как поселился на Соловках. Помолившись, Савватий вышел на берег моря, где Божиим смотрением обрел карбас со всем необходимым для плавания[9]. Не возвращаясь в келию, он отправился в путь и за два дня при спокойном море и попутном ветре достиг устья реки Выг, где встретил игумена Нафанаила, шедшего для причащения больного крестьянина.

Оба обрадовались встрече и приветствовали друг друга целованием, прося один от другого благословения. Савватий, рассказав о своем житии на острове, просил: «Да отимеши грехи мои от меня чистым исповеданием, и да сподобиши быти причастником Святых и Животворящих Таин Пречистого Тела и Честныя Крови Владыки Христа и Бога моего, много бо лет желаю напитатися душепитательною сею пищею». Игумен Нафанаил, удивляясь, сколько имеет Господь сокровенных рабов, отвечал: «Да если бы я имел грехи твои, отче, во очищение моего недостоинства», – и просил Савватия подождать его в часовне до утра. Преподобный же отвечал: «Отче, не отлагай до завтра мое причащение. Не знаю, будет ли еще во мне дыхание заутра». Игумен, слыша пророчение о близком его отшествии, исполнил желание старца. Савватий, по слову игумена, отправился в

[9] Был конец сентября – время осенних штормов, и чтобы отправиться в утлом карбасе по бурному морю, не обладая мореходными навыками и навигационными приборами, нужны были немалое мужество и вера.

Перенесение мощей преподобного Савватия. Фрагмент резьбы на раке, XVI в.

часовню на реке Выг, затворился в келии, находившейся при часовне, и благодарил Бога за причащение.

В то время к берегу пристал новгородский купец Иоанн и, поклонившись святым иконам в часовне, пришел к святому старцу. Получив благословение и наставление, он предложил преподобному часть своего богатства и был опечален, когда услышал отказ. Желая утешить купца, преподобный Савватий сказал: «Чадо, Иоанне, почивай зде до утра и узриши благодать Божию, и беструдным путем отидеши в путь свой». Иоанн же поспешил к кораблю, чтобы уходить в море. Внезапно началась буря с громом, молнией и с великим трясением на море. Испугавшись, купец остался ночевать в шатре. Утром буря утихла и воссияло солнце. Иоанн, поклонившись иконам в часовне, пришел к келье преподобного, желая принять благословение на путь. Он сотворил молитву, но ответа не получил. Войдя в келью, он ощутил благоухание и увидел старца, сидящего в мантии и куколе, и кадильница стояла близ него. Иоанн сказал: «Прости меня, отче честный, яко дерзостно вошел к тебе. Не смею отойти в путь свой, не приняв твоего благословения». Но ответа не было. Думая, что старец спит, Иоанн коснулся его рукой и лишь тогда понял, что душа его уже отошла ко Господу.

Иоанн боялся и оставить тело святого без погребения, и прикоснуться к нему недостойными своими руками. Но, помолившись, дерзнул с верою возложить на плечи свои тело преподобного и перенести его в часовню. В тот час возвратился игумен Нафанаил, и они вдвоем с псалмами и песнями с честью погребли святые мощи преподобного Савватия, придав персть персти, 27 сентября 1435 года. Оба они, Нафанаил и Иоанн, удивлялись, какой благодати они сподобились – послужить погребению святого мужа [52, т.2, с.155–158].

Через 30 лет в 1465 году святые мощи преподобного Савватия были перенесены преподобным Зосимой и братией на Соловецкий остров и положены под спудом за алтарем церкви Успения. На Московском соборе, бывшем при митрополите Макарии, в 1547 году, установлено совершать память преподобного Савватия в день его кончины 27 сентября/10 октября.

В 1566 году мощи преподобных Савватия и Зосимы были перенесены в Спасо-Преображенский собор, в придел, устроенный во имя сих чудотворцев (память перенесения мощей 8/21 августа).

1.3. ПРЕПОДОБНЫЙ ЗОСИМА – СОЗИДАТЕЛЬ ОБИТЕЛИ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Преподобный Зосима происходил из села Толвуя новгородской земли. Его родители Гавриил и Варвара были людьми благочестивыми, воспитывали сына в добрых нравах и обучили его чтению святых книг. «От юности сосуд быв на приятие Святому Духу» [52, т.2, с.210], Зосима вскоре удалился от мирской жизни и был пострижен в монашество в Палеостровском монастыре.

Желая освободиться от земного попечения, чтобы чистым умом предстоять перед Богом, он стремился, как олень к источникам водным, в место пустынное, где бы ему наедине Единому Богу собеседовать в молитвах. И размышлял Зосима: «Не до конца отверг я мирскую жизнь, лишь словом. В Писании же говорится: "Награждаются не слова, но дела, и не слушатели закона спасаются, но творцы". Со мной же рядом всегда родители мои и сродники, друзья и знаемые, и живу я посреди них. В чем же тогда мое отвержение мира? Писано бо есть: "Не любите мира и яже в нем. Не может человек одно око устремить на небо, а другим смотреть на землю, как не может один раб двум господам работать: он или одного возлюбит, а другого возненавидит, или будет одному угождать, а о другом нерадеть. Невозможно служить одновременно Богу и мамоне"» [52, т.2, с.210]. Так, распаляясь любовью божественной, раб Божий Зосима днями и ночами молился и трудился, прилагая любовь к любви и пламя к огню, и искал себе помощника в духовных подвигах. И с Божией помощью случилось ему повстречать старца Германа, который прежде жил с блаженным Савватием на острове Соловецком[10].

В духовной беседе Герман рассказал Зосиме о блаженном Савватии, о его подвигах и трудах, об острове, удобном для устройства монастыря. Услышав это, возрадовался в душе Зосима и возвел очи к небу, молясь про себя: «Господи Владыка человеколюбче! Настави мя на путь истинный, им же пойду по милости Твоей к спасению моему!» И Бог просветил его очи сердечные. В сердце блаженного Зосимы словно огонь возгорелся от великого желания поселиться на острове вместе с Германом.

В то время отец Зосимы страдал лихорадкой и вскоре скончался, мать же осталась вдовой. Зосима с великими слезами и пением псалмов, как полагается по всем обычаям, похоронил отца своего. И войдя в дом отчий, обратился к матери своей с советом благим, говоря ей так: «Госпожа моя мати! Угодно было Богу забрать к себе твоего мужа, моего отца... Не все ли в этом мире прах, не все ли пепел?» Она, решив повиноваться во всем воле сына своего, с готовностью отвечала ему: «Как повелишь, чадо, так и будет, я не ослушаюсь тебя!» Зосима посоветовал матери оставить дом и имущество, удалиться в ближайший женский монастырь

[10] Далее рассказ о преподобном Зосиме является переложением дополненной редакции его жития [52, т.2, с.159–201]. В кавычках приведены дословно переведенные фрагменты.

и принять там пострижение. Мать во всем исполнила волю его и ушла в монастырь. Блаженный же Зосима раздал имущество родителей своих убогим и нищим, служивших у них людей отпустил, отдав им довольную часть богатства своего, и возвратился к прежним подвигам. Так он во второй раз отвергся от мирской жизни: сначала от родителей и сродников отказался, и от пищи, и от всех соблазнов мирских, затем же отечество и всех знаемых своих покинул.

Видение прп. Зосимы. Клеймо гравюры, 1748 г.

Пришел он к Герману, и, с Божией помощью, при попутном ветре на второй день достигли они острова Соловецкого.

Поставив карбас, Зосима и Герман пошли вдоль берега, размышляя, где бы подобало монастырь строить, если Бог изволит и Пречистая Богородица. И обрели место, подходящее для основания обители: озеро близ моря на расстоянии полета стрелы, а морской залив тих и пригоден для устройства пристани и для рыбной ловли. И поставили они на том месте шатер свой и в нем провели ночь в молитве и бдении, и пении псалмов с великою верою и духовною любовию ко Христу Богу и Пречистой его Матери.

Когда же утром вышел раб Божий Зосима из шатра, было ему видение страшное: «луч пресветлый просвещающий его и сияние божественное осиявающее место то». И, ужасаясь сему, Зосима обратился к востоку и увидел церковь, «превелику зело и пречудну, простерту на воздусе, стоящу». И от такового страшного видения изменилось лицо его. Пришел Зосима к сподвижнику своему старцу Герману, и заметил старец перемену в лице его: был он мудр и искусен от многолетнего монашества и доброго жития. И спросил Герман Зосиму: «Что с тобою, брат мой любимый? Что приключилось? Или призрак, или видение какое возмутили сердце и душу твою?» Зосима, видя, что невозможно утаиться, рассказал ему все подробно, как видел свет божественный и церковь прекрасную. Герман же, горя духом, отвечал: «Дерзай, любимче! Тебя избрал Бог для устроения места сего. Теперь и я скажу тебе: при блаженном Савватии, о котором я прежде поведал тебе, ангелы Божии изгнали отсюда рыболова и жену его высекли, говоря: “Изыдите отсюда скоро, да не злою смертию погибнете, вам бо недостоит зде быти! Но сей остров в наследие будет иноческого жития”. Теперь же сказанное ангелами должно исполниться вскоре. Ибо Сам Владыка Христос сказал: “Небо и земля прейдут, но слова мои не прейдут”. Показал некогда Бог Моисею образ скинии в пустыне, также и тебе страшное видение явил. Не неверуй Божию явлению, тобою воздвигнет Бог монастырь на месте сем!» От слов Германа укрепился блаженный Зосима в вере своей, и с еще большей решимостью устремился он к подвигам телесным и духовным: к телесным – по неотложному созданию монастыря, к духовным – на борьбу с врагами невидимыми, вооружившись постом и молитвами. И поучался он этому от Германа, больше же – от самого Бога, помогающего всегда рабам своим в их борьбе с супостатами.

И помолились вместе Зосима и Герман, говоря: «***Господи Иисусе Христе, Сыне Божий и Слово безначального Отца! Ты рекл еси праведному Аврааму: изыди от земли твоея и дому отца твоего и вселися в землю, юже ти покажу, и тамо реку ти, яже подобает творити; тако и бысть. Изведый Иакова от Лавана с женами и детищами и со имением животным многим, и сотворивый его обрести благодать пред Исавом, и преложив его в язык велик во Египте. Иосифа праведного положи царя страстем и князем всему Египту и пшеницедавца на всю вселенную, Моисея же – руководителя и наставника всему Израилю, <иже наставил еси в> землю Обетования. Дал еси правителя и законодавца Аарона, пречудного жреца сотворил еси < его и > служителя законным жертвам. Иисуса Навина причастодавца содела земли Обетования. И Давида пророка и царя сотвори праведна роду еврейскому, и обещанием с клятвою извещаему Христу Богу от семени сести на престоле Его, на Негоже языцы уповают. Се убо прииде, Ему же щадеся, о сих всех дерзающе. И, уповающе, молим Тя, Всемилостивого Владыку Христа, да сотвориши на нас по милости Твоей и по щедротам человеколюбия Твоего, а не по нашего недостоинства недоумению***[11]***. Направи нас на волю Твоего хотения, да и мы, немощнии и смиреннии и недостойнии, сподобимся слышати глас онаго: "Се цел еси, к тому не согрешай!" или "Вера твоя спасе тя, иди с миром!". Утверди ны, Господи Владыко Христе, на месте сем, прославити имя Твое святое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь***» [52, т.2, с.161].

Помоливщись, начали Зосима с Германом рубить деревья и кельи строить, что и удалось им вскоре с помощью Божией завершить. Преподобный же Зосима с тех пор стал труды к трудам прилагать, радуясь о Господе, ум свой к вышним вперяя, тело духу покоряя, понуждая себя на всенощные стояния и молитвы непрестанные возсылая к Богу, поучаясь во псалмах и пении духовном. Он славословил Господа, говоря: «На Тя, Господи, уповах, спаси мя по милости Твоей! Буди нам помощник на противника нашего дьявола, яко благословен еси во веки. Аминь». И так пребывали они с Германом, обрабатывая землю мотыгами и от плодов ея питаясь, по слову: «в поте лица своего съедали хлеб свой», так Бог питал их.

По прошествии времени, Герман, посоветовавшись с блаженным Зосимой, отправился на материк за всем потребным для созидания обители. Когда же он намерен был возвращаться к острову Соловецкому, то не смог: задули осенние студеные ветры и нанесли снега и льда, море неукротимо волновалось. Волны перекатывались с места на место с силой и скоростью великой. Так пророк Давид писал в Псалтири: «Духом уст Его <сотворена> вся сила их, собирая, яко мех, воды морские и полагая в сокровищах бездны». Льдины, увлекаемые волнами, сталкивались между собой, и сокрушали друг друга, и невозможно было ни добраться к острову, ни вернуться оттуда.

Блаженный же Зосима, пребывая на острове в одиночестве, сперва скорбел, что не вернулся к нему старец Герман. Потом же возложил он упование на Бога, говоря: «Господи Боже мой, на Тя уповах, спаси мя! Яко к Тебе привержен есмь от

[11] И Давида – пророка и царя праведного дал народу еврейскому, обещанием с клятвою известив о явлении от семени его на престоле Христа Бога, на которого все народы уповают. Так, наконец, явился Тот, кому было предначертано изначально. Уповая на Тебя, мы молим Тебя, Всемилостивого Владыку Христа Бога, суди нас по милости Твоей и по щедротам человеколюбия Твоего, а не по нашего недостоинства недоумению.

юности моея и от чрева матери моея, и ныне, Человеколюбче, утверди мя на камене веры Твоея и неподвижна мя сохрани, яко к Тебе взях душу мою, никогда же не отлучаешися своих раб, но присно в них пребывая. Христе, Свете истинный, не остави мене, раба Твоего, уповающего на Тя!». И так к еще большим подвигам он устремился, слезами на всякий день омочая постель свою, молитвами, постом и злостраданием тело свое удручая, Богу непрестанно молитвы воссылая.

Видя же бесы себя поругаемы и изгоняемы с острова молитвами преподобного Зосимы, вооружились против него и стали много бед творить ему. Ополчились они на него всею силою своею, и скрежетали зубами своими, одни – обличие змей приняв, другие превратившись в зверей различных и гадов, скорпионов и ящериц и других пресмыкающихся по земле. И устремились они все против Зосимы в виде змей, пожрать готовых, и зверей рыкающих, хотящих растерзать его. Раб же Божий Зосима, не усомнившись в заступничестве Божием и не испугавшись козней лукавых бесов и наглости их, отвечал им: «***О вражия грубая немощь***[12]***! Аще прияли есте на мя власть от Бога, то творите, еже хощете, аще ли ни, то всуе тружаетеся: мене бо вы от любве Христовы никако же отлучити возможете!***» Осенил себя Зосима знамением животворящего креста, обратившись к оружию непобедимому, глаголя: «***Да воскреснет Бог и расточатся враги Его! И да бежат от лица Его вси ненавидящие Его, и яко исчезает дым, да исчезнут!***» И так вся сила вражия исчезла.

Святый же, воздев руки к небу, рече: «***Боже вечный, Царю безначальный, содетелю всей твари, молю Тя аз, раб Твой! Ты еси Царь царем и Господь господем, Ты еси разрешитель душам, Ты еси избавитель в Тя верующим, Ты еси упование труждающимся, Ты еси наставник рабом и всем уповающим на Тя, Ты еси утешитель плачущим, Ты еси Творец тварем, Ты еси любитель всякому добру, Ты еси Владыко и Содетель всем, Ты еси радость и веселие святых, и живот вечный, и свет незаходимый, Ты еси источник святыни, Ты еси сияние славы Бога Отца прежде всех век, ты еси Спаситель миру, исполнение Святаго Духа, ты седиши одесную Бога Отца, владеяй живыми и мертвыми в бесконечные веки. Ты убо, Господи, пресвятый Царю, услыши мя в час сей, недостойного, молящегося Твоей благости! Не отврати лица Твоего, яко скорблю! Избави мя от уст пагубного змия, зияющего пожрети мя и свести во ад жива, и от всех коварств человекоубийцы диавола. Да ополчением святых Твоих ангел сохраняем и наставляем, достигну во единство веры и в разум единосущныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь***». И с того времени преподобный Зосима имел власть над нечистыми духами, и не могли они к нему приблизиться.

Вскоре подошли к концу запасы пищи; время от времени смущала преподобного Зосиму мысль, чем ему прокормиться до лета. Но он, отгоняя смущающие помыслы, говорил в себе: «Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает». Через малое время, когда он молился в келии, пришли к нему два светлых мужа, влекуще за собой сани, полные хлебов, муки и масла. Сотворив молитву и приняв благословение преподобного, они сказали: «Приими, отче, у нас хлебы, и муку, и масло, и положи их у себя. А мы идем на добычу в море. И аще будет у тебя недостаток еды, ешь хлебы сия, и муку и масло, а мы, аще Бог повелит, со временем будем у тебя». Старец много времени

[12] О ничтожество проклятое.

Чудо о явлении ангелов. Клеймо гравюры, 1748 г.

не притрагивался к запасам, ожидая мужей тех, но они не пришли. И он уразумел Божие милосердие, что пища сия Богом послана ему, и прославил человеколюбца Господа, яко не презрел раба своего, уповающего на Него.

По весне пришел с побережья Герман с рыбаком Марком, который пожелал разделить с преподобными уединение. Они привезли достаточное количество пищи и мрежи для рыбной ловли. Вскоре пристали люди к острову и с ними инок Феодосий, имевший священнический сан. Феодосий пришел к преподобному Зосиме, желая подвизаться с ним на острове. Святый же со усердием принял его и с радостию великою прославил Бога, что сподобил его жити с братией вкупе. И повелением преподобного Зосимы Феодосий постриг Марка в иноческий образ и нарек ему имя Макарий.

Многие иноки приходили на остров к преподобному Зосиме, желая с ним поработать Богу. Святой же с радостною душою принимал их, говоря: «Владыко, Господи, призри с небесе и виждь, и посети место сие, еже сотвори десница твоя!» Для прибывающей братии выстроили кельи, а затем воздвигли и небольшую деревянную церковь во имя Преображения Господня, на том месте, где было преподобному Зосиме видение света неизреченного и церкви «на воздусе». К церкви же присовокупили небольшую трапезу.

По совету с братией, преподобный Зосима послал одного из старцев в Новгород за благословением на устроение Соловецкой обители и с просьбой поставить им игумена для освящения храма и попечения о душах братии. Архиепископ Иона, занимавший кафедру в 1450–1470 годах, прислал на Соловки антиминс[13] для церкви и определил Соловецким игуменом иеромонаха Павла, который по прибытии на Соловки освятил церковь во имя Преображения Господа нашего Иисуса Христа с приделом святителя Николая. К храму примыкали трапезная палата и звонница с каменными колоколами-билами, сделанными, по преданию, самим Зосимой. (В описаниях ризницы значатся «зазвонный каменный колокол» и «клепало каменное» преподобного Зосимы [71, с. 75].)

Вокруг располагались келии и хозяйственные постройки, обнесенные оградой. Все это помещалось на площади, занимаемой ныне Спасо-Преображенским собором. Преподобный же Зосима радостной душой прославил Бога, исполнившего его желание сердечное. И вместе с игуменом и братией они непрестанно воссылали пение и молитвы Богу и Пречистой Его Матери. Так трудились они постом и молитвой, купно же и ручным делом, копая землю, и лес заготовляя для мона-

[13] Антиминс (греч. – вместопрестольник) – четырехугольный льняной или шелковый плат с зашитыми в угол частицами мощей, с изображением почившего Иисуса Христа и четырех евангелистов по углам.

стырских построек, и дров запасая множество, и, черпая морской рассол, соль варили, и давали купцам, приходящим к острову, получая взамен все необходимое для монастыря, и рыбу ловили в море и в озерах. И так от своих трудов и потов питались, и было их число братии с игуменом и с блаженным Зосимой двадцать два, и все подвижнически трудились для обители, пребывая «яко едина душа в разных телесех».

Однако игумен Павел «не мог понести труда пустынного жительства и, не многа лета пребыв, отиде восвояси» [52, т.2, с.165]. Также и два других игумена Феодосий и Иона, присланные от архиепископа Новгородского, управляли недолгое время монастырем, но затем возвратились в Новгород. При игумене Ионе от Господина Великого Новгорода монастырю была дана грамота, согласно которой все острова Соловецкого архипелага перешли в собственность монастыря «в веки». На имя игумена Ионы оформлена и грамота посадницы Марфы Борецкой, отдавшей «в дом Святому Спасу» два лука своих угодий на реке Суме. В течение 1459–1470 годов, согласно сохранившимся источникам, на имя игумена Ионы было оформлено еще 6 данных, 2 купчих и одна закладная грамоты, по которым монастырь становился хозяином пахотных земель, пожен, лесов, озер, рыболовных тоней по рекам Кемь, Шуя, Выг, Сума, Шижня и по близлежащим морским побережьям. В это время старец Иона уже вернулся в Новгород и не был Соловецким игуменом, но он, по-видимому, исходатайствовал эти грамоты для Соловецкой обители по просьбе игумена Зосимы [30, с.18].

По удалении игумена Ионы братия Соловецкого монастыря положили на общем совете – не брать себе игуменов из других монастырей, а избирать из своей среды. Однако никто не дерзал воспринять игуменский сан, подражая смиренномудрию преподобного Зосимы и желая его иметь игуменом. И говорили братия преподобному Герману: «Ты пришел с нашим начальником на место сие святое, не имеем мы к нему ходатая кроме тебя. Все мы пришли получить наставление ко спасению от его святости, слыша о его истинном любомудрии и добродетельном житии. И ныне видение паче слуха уверяет нас. Посему никто не может начальствовать на месте сем святом, но ему предназначено сие от Бога, а не от человек».

Герман передал их слова преподобному, он же никак не хотел принять хиротонию по кротости и смирению. Братия понуждали его, говоря: «Аще не хочешь хиротонисатиться, разыдемся вси отсюду, и дашь ответ перед Богом в день судный о душах наших!» И преподобный неволей повиновался желанию их. Они же с радостью отправили к Новгородскому архиепископу посланцев с просьбой, чтобы он призвал отца их Зосиму и рукоположил его во священство и игуменство, хотя бы и не без сопротивления со стороны смиренного старца.

Архиепископ Иона так и сделал: узнав, что в монастыре собралось более двадцати человек братии под началом старца Зосимы, он вызвал к себе преподобного посланием. Видя, «яко воистину Божий человек бе», почтил его саном священства, и, поставив игуменом Соловецкого монастыря, дал братии с ним пришедшей со словами: «Се есть отец ваш игумен, имейте его во Христов образ со всяким послушанием и покорением». Вручив игумену Зосиме необходимое для устроения монастыря серебро и золото, сосуды и ризы, и все на путь требующееся, архиепископ Иона благословил его и отпустил с миром.

По возвращении в монастырь преподобный Зосима встречен был с честью старцем Германом и всей братией и возведен на игуменское место. Когда же преподобный совершал в своей обители первую божественную литургию, то по причащении Божественных Таин лицо его просветилось светом благодати, «яко лице ангелово», и церковь исполнилась благоухания, свидетельствуя достоинство его священства.

По окончании богослужения преподобный благословил просфорой купцов, бывших в то время в обители, и пригласил их на трапезу с братией. Они же, выйдя из церкви, направились к своей ладье, желая принести дары, и по неосторожности обронили просфору. Посланный за ними инок Макарий заметил пса, который старался схватить что-то и не мог из-за поднимавшегося пламени. Приблизившись, Макарий увидел, что пламень исходит от просфоры, потерянной купцами. Ужасаясь огненному видению, инок поднял просфору и пошел к ладье звать купцов к трапезе. Он спросил: «Что потеряли вы, идя от монастыря к ладье?» Они же отвечали: «Только просфору, благословение игумена вашего. Скажи и ты, отче, чего ради пес лаял, хапая устами пламень, пока ты не пришел к месту тому?» Макарий же рассказал о всем бывшем им, а затем, придя в трапезу, и преподобному игумену. И все немало удивлялись, говоря: «Верен Господь во всех словесех своих и преподобен во всех делех своих, творяй чудеса един!» И все едиными устами прославили Бога[14].

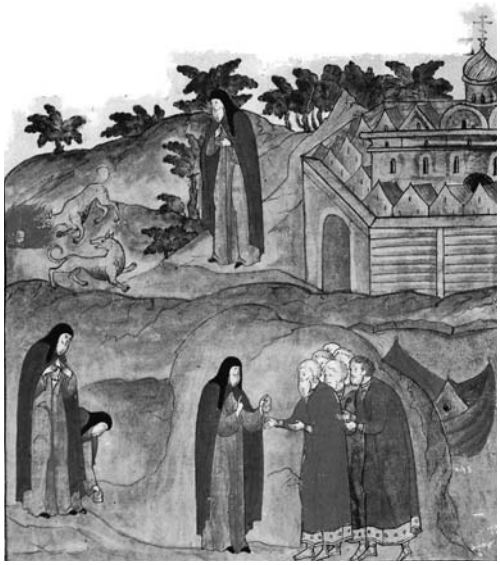
Преподобный Зосима стал игуменом в 1452 году и игуменствовал 26 лет. С умножением братии прежняя деревянная церковь оказалась тесной, и преподобный Зосима заложил новую великую церковь Преображения Господня. Но напали на строителей церковных тучи мошки и комаров, и пришлось разводить костры, чтобы дымом отгонять их. Когда сруб готов был уже до порога церковных дверей, не ведомо как огонь попалил все до основания. Братия смутились, говоря: «Бог не велит нам воздвизати великия церкви!» Преподобный же Зосима отвечал им: «О чада, се есть злоба от неприязни, той нам пакости деет! Мы же не престанем подвизающеся!» И повелел ударить в било. Собралась братия, и преподобный отслужил молебен Господу и Пречистой Его Матери. Он освятил воду, покропил место и делателей, благословил их и сам положил основание церкви. Мастера принялись за дело. Когда около полудня строители немного отдыхали, они не один раз слышали стук топоров, рубящих церковь невидимо: ибо Божия помощь была посылаема молитвами преподобного Зосимы. И так вскоре споспешеством благодати Христовой завершена была церковь Преображения Господа нашего Иисуса Христа с приделом святителя Николая с северной стороны. Потом пришлось строить трапезу, так как в прежней уже не вмещалась братия, и с восточной стороны трапезы пристроили церковь во имя честного Успения Пречистой Владычицы нашей Богородицы. Так обитель распространилась, и братство о Христе умножилось. Построено было множество келий, поварня и хлебня, а вокруг – ограда.

Блаженный же Зосима заботился более о духовном делании, труды к трудам прилагая, и, радуясь, шествовал без преткновения по стопам Владыки своего, вы-

[14] В память «Чуда о просфоре» «повеле Преподобный Зосима на том месте крест поставить, которой и доныне стоит» [40, л.2 об]. Позднее на этом месте справа от дорожки, ведущей от пристани к Святым вратам, была устроена часовня, которая хорошо видна на литографиях и фотографиях между Александровской и Петровской часовнями.

шних ища и ум к небеси простирая, и сердце предочищая от всех страстных помышлений всегда. И пребывал во всенощных стояниях непрестанно. Добродетельного ради жития пронеслася всюду о нем слава. Многие приходили, желая жительствовать с ним и слышать от уст его слово спасения. Блаженный же не только советами поучал, но и делом во всем был примером своему стаду, исполняя Евангельскую заповедь: Блажен, иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном. Как чадолюбивый отец, преподобный Зосима принимал всех приходящих в обитель с радостью и кротостью, давая все потребное: трапезу всем одинаковую, одежду и обувь. И было изобилие во всем. Весь чин монастырской жизни благолепно исправлялся по типикону Иерусалимскому. И учил преподобный Зосима братию непреложно хранить правила иноческого жития и устав, так как даны были они великими Антонием, Евфимием, Саввой, Феодосием, Пахомием и прочими преподобными. Братия же, яко благоплодная земля, приемлющая семена, во всем повиновались своему наставнику, пребывая без мятежа.

Деревянные потир и дискос, сделанные при преподобном Зосиме. Альбом ризницы Соловецкого монастыря, 1886 г.



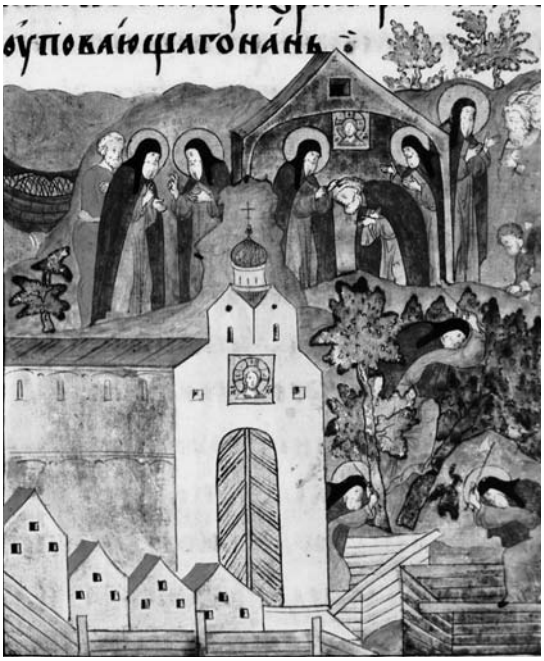
Чудо о просфоре. Книжная миниатюра, конец XVI в.

В 13-е лето своего настоятельства, то есть в 1465 году, преподобный Зосима в благословение увеличивающейся братии решил перенести мощи преподобного Савватия, скончавшегося на реке Выг и погребенного при тамошней часовне. В этом намерении он окончательно утвердился, получив следующее послание иноков Кирилло-Белозерского монастыря: «Возлюбленному о Христе благодать и милость от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, духовному настоятелю, боголюбивому игумену Зосиме со всею еже о Христе братиею радоватися! Слышахом бо некогда от приходящих страны вашея до нас о острове Соловецком, яко издревле необитаем бе, за морскую скорбь и нужду[15]… ныне же слышим от многих самовидец, яко на острове том, Божиим изволением и Пресвятыя Богородицы ходатайством и вашего по Бозе трудолюбия тщанием составися обитель, и брат-

[15] По причине неудобства морского пути.

Царская пристань Соловецкого монастыря. Фото нач. XX в.
Справа – часовня «Чуда о просфоре».

ства множество собрася, и храми воздвигошася велелепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Его Пречистыя Матере честнаго Ея Успения, и вся добре исправисте добродетели, памяти достойна. Но единаго дара лишены бысте – мощей блаженнаго Савватия, прежде вашего трудолюбия жительствовавшего на Соловецком острове и скончавшегося в посте и труде, совершенного в добродетели, подобно древним преподобным отцам. Он, всею душею Христа возлюбив, удалився мира и блаженную кончину приял, радуяся. Неции иноки нашего монастыря, бывшии в Новгороде, слышали повесть от христолюбца Иоанна, яко сподобил его Бог видеть преподобного Савватия и получить от него духовное наставление, и, по кончине, погрести святыя мощи его с игуменом Нафанаилом на реке Выг у часовни. Тако и брат его Феодор, токмо поклонился гробу преподобного, и от злыя смерти сохранен бысть на мори молитвами преподобного Савватия. И ина многа знамения и чудеса творяхуся у гроба его. И сами мы свидетели добродетельному его житию, понеже сей блаженный отец довольно пожил с нами в Кирилловском монастыре. Ныне же вашей святости даем совет духовный – да не лишены будете таковаго дара, его же сподоблени бысте от Бога, но скоро с потщанием шедше, перенесите блаженнаго мощи в свой монастырь, да иде же лета многа телом потрудился, тамо святыя мощи его да будут положены. Здравствуйте о Христе Иисусе в вечную жизнь и нас в молитвах ваших поминайте, да и нам подаст Господь Бог свободу от всех зол, находящих на ны, молитвами своего угодника преподобного Савватия» [52, т.2, с.169-170].



Строительство деревянного храма. Книжная миниатюра, конец XVI в.

Такое послание как нельзя более согласовалось с желанием самого преподобного Зосимы и Соловецкой братии. Приготовив корабль, они отправились с попутным ветром на поморское прибрежье. Достигнув селения Сороки на реке Выг и откопав гроб преподобного Савватия, они нашли мощи нетленными, и одежду невредимой – в воздухе разлилось необычайное благоухание. С подобающей честью и псалмопением Соловецкие иноки перенесли святую раку на корабль и с попутным ветром благополучно достигли своей обители.

Первоначально честные мощи были положены в земле, за алтарем церкви Успения Пресвятыя Богородицы, а позднее над ними была устроена часовня. Многие болящие, приходя сюда с верой, получали исцеления по молитвам преподобного. Сам игумен Зосима каждую ночь горячо молился в этой часовне, и часто утренняя заря заставала его на молитве.

Купец Иоанн, бывший при погребении Савватия и имевший к нему особенную любовь, принес в дар обители первую икону преподобного. Иоанн и брат его Феодор вручили образ игумену Зосиме, присовокупив и щедрое подаяние для обители. С благоговением приняв и лобызав изображение первоначальника Соловецкого, игумен Зосима поставил его в надгробной часовне и обратился к иконе преподобного, как к нему самому живому, со словами: ***«О рабе Божий преподобне! Аще телом скончал еси свое житие от земных селений, но духом неотступно буди с нами, моляся Владыце Христу Богу, руководствуй нам и достойны представи шествовати по Божественней Его заповеди совершенней, яко же рекшу во святем Евангелии: взем крест свой и последовати по себе. Ты убо, преподобне, имый дерзновение ко Господу и Пречистей Его Матери, буди молитвенник о нас недостойных рабех твоих, живущих во святей обители сей, ей же ты бысть начальник; тако и ныне буди помощник Богом собранному стаду словесных овец, еже о Христе братству сему, да твоими молитвами к Богу невредими будем, пребывающе в месте сем, от враг видимых и невидимых и от человек, зло творящих святому месту сему; да всегда сохраняеми ходатайством твоим, славу и благодарение возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь»***.

Поселение иноков на пустынном острове, основание и распространение Соловецкой обители возбудили зависть корыстолюбивых и недоброжелательных людей. Они приплывали к острову, ловили в озерах рыбу, а монастырю ловить не позволя-

ли, называя себя хозяевами и владельцами Соловецких островов, и даже грозили разорить обитель и выгнать оттуда монахов. Преподобный игумен решился отправиться к Новгородскому архиепископу и просить у него помощи и защиты.

Прибыв в Новгород, преподобный Зосима был благосклонно принят архиепископом Ионой, который посоветовал ему изложить свои нужды пред главными боярами, управлявшими городом. Преподобный обошел их дома и просил не допустить обитель свою до разорения: все знатные люди обещали ему свою помощь. Но между влиятельными и богатыми новгородцами в то время особенно выделялась Марфа Борецкая: ее-то поселенцы и рабы чаще других причиняли разные обиды Соловецкому монастырю. Заслышав о соловецком игумене и предубежденная против него наговорами своих домашних, она повелела с бесчестием отогнать его от своего дома. С терпением и кротостью принял угодник Божий это бесчестие и пророчески сказал своим ученикам: «Настанет время, когда жители этого дома не будут ходить по своему двору; двери дома затворятся и уже не отворятся; этот двор опустеет».

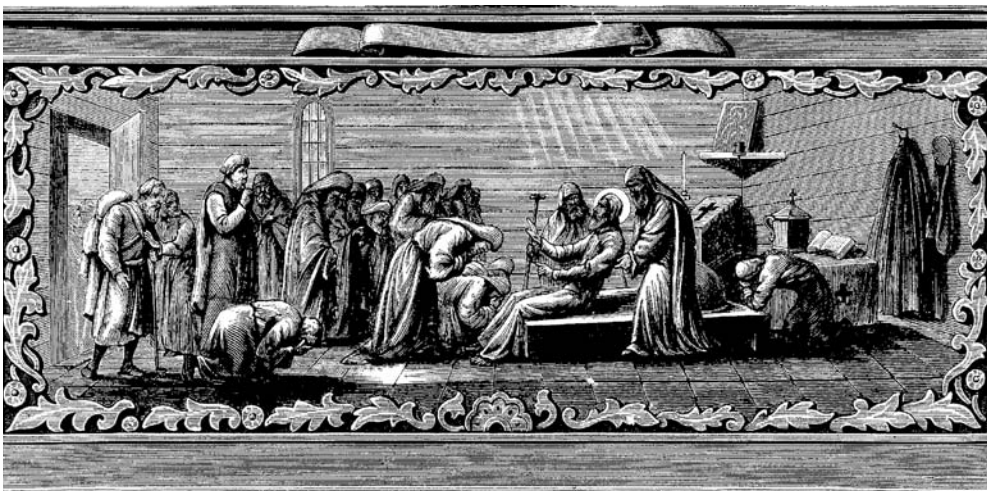
Архиепископ Иона созвал бояр к себе, вновь изложил им обиды монастырю от пришлых людей и убедил оказать помощь обители. Игумен получил от доброхотных дателей много пожертвований для нужд монастыря церковными сосудами, священными одеждами, золотом, серебром, хлебом. Также дана была грамота преосвященного Ионы, архиепископа великого Новгорода, и посадников новгородских, и тысяцких, и бояр, и купецких людей, и жителей всех пяти концов великого Новгорода, в которой они «пожаловаша игумена Ивоню и всех старцов обители Св. Спаса и Св. Николы теми островы Соловки, и Анзеры островом, и Муксами островом, и Заяцким островом, и малыми островки. В тех островах землею, и ловищами, и тонями, и пожнями, и лешами озеры, земля им делати, и пожни косити, и лешие озера ловити и тоне ловити… А тыми островы, и землею и водою, и ловищами, и пожнями, и тонями владети игумену и всем старцам Св. Спаса и Св. Николы, по сей жалованной грамоте в веки. А боронити[16] игумена и всех старцев всем великим Новым-городом»[17].

Скоро и сама Марфа раскаялась, что оскорбила преподобного, и, желая загладить причиненную ему обиду, пригласила его к себе на обед. Игумен Зосима, по своему незлобию, принял это приглашение и, когда вошел в дом боярыни, то был с честию встречен самою хозяйкою и всем семейством ее и посажен на почетном месте. Во время обильной трапезы преподобный сидел молча и, по обыкновению, мало вкушал от предлагаемой пищи. Взглянув на гостей, он в изумлении опустил глаза; взглянув в другой и третий раз, он видел то же самое, именно: шестерых главнейших бояр, сидящими без голов. Поняв, что означает это видение, преподобный вздохнул и прослезился, и уже не мог вкушать ничего из снедей, как ни просили его собеседники.

После обеда Марфа, испросив у старца прощение за прежнее оскорбление, дала монастырю во владение землю, утвердив это пожертвование грамотою. Когда

[16] Оборонять.

[17] «Сия грамота, написанная полууставом на пергаменте за восемью вислыми свинцовыми печатями, хранится между древностями в монастырской ризнице. Год, месяц и день, когда она была совершена, не показаны по старинному обыкновению древних письмоводителей». [41, с. 13].



Кончина преподобного Зосимы. Фрагмент резьбы на раке, XVI в.

преподобный вышел из дома Марфы, ученик его Даниил спрашивал его о причине скорби и слез во время обеда. Старец объяснил ему свое видение, заметив, что эти шесть бояр будут со временем обезглавлены, но просил сохранить это втайне.

Вскоре по возвращении преподобного в обитель исполнилось и его пророчество о запустении дома Борецкой, и видение во время обеда. Смирив Новгород силою оружия, великий князь Иоанн III повелел казнить тех бояр, которых преподобный Зосима видел обезглавленными, а Марфу Борецкую отправить в ссылку. Имение ее было разграблено, дом и двор запустели.

Преподобный Зосима, достигнув маститой старости и предчувствуя приближение кончины, стал приготовляться к переходу в вечность. Он устроил себе гроб и часто со слезами смотрел на него, памятуя о своей смерти. Когда постигла его болезнь, то, призвав братию, он говорил им: «***Се убо чада и братия, время моего скончания приходит. Вас же оставляю Всемилостивому Богу и Его Пречистей Матери; изберите, кого хощете имети с Богом игумена вместо меня!***» Братия же едиными устами отвечали: «Аще бы можно нам умереть с тобою, отче, нежели разлучитися от тебе, пастырю добрый! Но се есть воля Божия. А яже ти извести всеведый Бог твое отшествие к вечным обителем, то и может тебе ради подати нам пастыря и учителя, да будет нам наставник и вожь ко спасению. Но молим тя, не остави нас сирых и по своем к Богу отшествии, имаши бо дерзновение к нему».

Преподобный отвечал: «***Не скорбите, о чада! Се уже предаю вас Богови и Его Пречистей Матери. И аще будут угодна дела моя Богови, то не оскудеет потребным святая обитель сия до скончания века и болма распространится. Но токмо любовь имейте друг ко другу и смирение нелицемерно, и страннолюбие, и милостыни со тщанием прилежите, без нея же никто же узрит Господа. А о игумене возложите упование на Господа Бога и Пречистую Богородицу и на наше смирение, то да будет вам игуменом Арсений***». И поручил ему монастырь и братию, говоря: ***«Се убо, брате Арсение, оставляю тя по Бозе строителя и наставника святей обители сей и всей боголюбивой братии. Но блюди, брате, паче всегда ничто же***

погрешиши обычая монастырскаго по правилом святых апостол и святых отец седми Собор Вселенских, иже имать церкви Божия, и пение и чтение соборное без мятежа с вниманием да будет, и на трапезе ястия и питие с молчанием в благодарении и послушании божественных Писаний, и весь чин и обычаи монастыря сего, уставленные по Бозе нашим смирением. И Господь Бог да исправит стопы ваши к деланию заповедей Его, молитвами Пречистыя Богородицы и всех святых, и преподобного отца нашего старца Савватия. И Господь да сохранит вы и утвердит в любви Своей. Аз же, аще телесне отхожу от вас, но духом с вами неотступно пребуду. И о сем разумеете: аще обрящу благодать от Господа, то обитель сия по моем отшествии наипаче распространится, соберется множество братии в любви духовней, и в телесных потребах ничим же скорбни будете» [52, т.2, с.176].

И так, поучив братию, и всем о Христе целование дав, отпустил всех по келиям, молитвами одарив и благословением укрепив. Сам же непрестанному славословию прилежал, в вечный путь готовясь. И, воздев руки, знаменовал себя крестным знамением, мир дал всем и помолился: «Владыко Человеколюбче! Сподоби мя одесную Тебе стати в последний день, егда приидеши во славе судити живым и мертвым и воздати комуждо по делом его». И возлег на одр, и предал честную душу в руце Божии блаженный Зосима игумен, начальник Соловецкого монастыря, в лето 1478 месяца апреля в 17 день. Честное и трудолюбное тело его погребено было братиею со свечами и надгробным пением во гробе, иже он сам ископал, за алтарем Преображенского собора.

На третий год после успения преподобного ученики поставили часовню над его могилой, а в ней иконы Господа нашего Иисуса Христа и Пречистыя Богородицы. Все верующие, притекая сюда с молитвою, получали по молитвам преподобного облегчение скорби и исцеление болезней. Московский собор, бывший при митрополите Макарии в 1547 году, положил совершать память преподобного Зосимы в день его кончины 17/30 апреля.

1.4. ПРЕПОДОБНЫЙ ГЕРМАН – ПОСЛУШНИК И ПОМОЩНИК

С именем преподобного Савватия связан образ отшельника, безмолвника, созерцателя, с именем преподобного Зосимы – образ заботливого игумена, отца и наставника братии, строителя храмов, труженика, а с именем преподобного Германа – образ смиренного монаха, всегда готового с любовию оказать помощь ближнему.

Он первым из монахов с рыболовами побывал на Соловках, и благодаря ему преподобные Савватий и Зосима поселились на острове. Он нес наравне с ними все тяготы пустынножительства, многократно в одиночку на утлом карбасе путешествовал по коварному Белому морю, доставляя на остров все необходимое.

Преподобный Герман был из простецов, грамоте и Божественному писанию не научен. Однако, будучи сам человеком не книжным, он был убежден, что жизнеописания подвижников представляют назидание для чающих спасения, а потому повелел клирикам записать с его слов свидетельства о том, как преподобные Зосима и Савватий пришли на остров и как обустраивался монастырь. Рассказами преподобного Германа, записанными священноиноком Досифеем о начале монашеской жизни на Соловецком острове, было положено начало написанию жития преподобных Савватия и Зосимы и их прославлению.

Прп. Герман. Икона XIX в.

Преподобный Герман 50 лет потрудился на благо Соловецкой обители, и в этих трудах по дороге в Новгород застала его смерть. Проходя мимо обители святого Антония Римлянина, он имел некое «явление Божие», которым извещен был о близком отшествии ко Господу. Он призвал игумена из того монастыря и, после исповеди и причастия Святых Христовых Таин, мирно предал дух свой Богу в 1479 году.

Ученики преподобного решили перенести его мощи в монастырь, но из-за распутицы они не успели добраться до островов и погребли мощи в веси Ховроньиной на берегу реки Свири.

В 1484 году при игумене Исаие святые мощи преподобного Германа были обретены нетленными, с радостью перенесены в родную Соловецкую обитель и положены под спудом «близ гроба Савватия чудотворца, на правой стороне церкви святителя Николая в часовне» [40, с. 21].

Служение преподобного Германа настолько сокровенно, что его жизнеописание содержит лишь сведения о его блаженной кончине и о его явлении пресвитеру Григорию в 1602 году в селении Тотьма, откуда преподобный был родом. Преподобный Герман повелел пресвитеру написать свое изображение и составить тропарь, что и было исполнено.

30 июля 1623 года при игумене Иринархе были обретены мощи преподобнаго аввы Германа [41, с. 57]. В 1692 году по благословению патриарха Иоакима преподобный Герман, Соловецкий чудотворец был канонизирован к местному празднованию 30 июля/12 августа. «Аще кто с верою приходит к нему (преподобному Герману) – от многих скорбей, и болезней, и бед избавляет святыми своими молитвами».

1.5. О ПОЧИТАНИИ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНЫХ ЗОСИМЫ, САВВАТИЯ И ГЕРМАНА

8/21 августа 1566 года мощи преподобных Савватия и Зосимы были торжественно перенесены в северный придел Спасо-Преображенского собора, устроенный во имя сих чудотворцев. В похвальном слове, посвященном этому собы-

Составление первого жития преподобных Зосимы и Савватия. Книжная миниатюра, конец XVI в.

тию, один из иноков писал: «***Кто когда просил чего полезного у честных мощей их, – и не был услышан? Или кто призывал с верою святое их имя, – и не был избавлен от язвы душевной и болезни телесной? Это пастыри и учители наши, это стена нам и ограждение, похвала великая и к Богу дерзновение. Подобает нам, братия, веселиться духовно и праздновать светло, взирая на раки преподобных отец наших, в них же положены трудолюбивые их телеса, испускающие реку чудес во все концы Русской земли... Аще бо и во гробах положены святые, но духом с нами пребывают и видят всех нас. Аще по заповедям их живем и повеления их храним, о сем радуются преподобные и милостивно приближаются к нам, и хранят и блюдут нас, аки чада возлюбленные. Аще ли будем нерадеть о своем спасении, и словесам отец наших не последуем, сами помощи их лишаемся, и молитва их святая не помогает нам…***»[18]

Преподобные Зосима, Савватий и Герман всегда почитались «хозяевами» Соловков, они и молитвенники, и заступники и наказатели нерадивых. В XVIII веке пустынник Феофан видел духовными очами, что, когда иноки прикладываются к святым мощам, сами Зосима и Савватий как бы невидимо сидят при своих гробницах и одних благословляют, а от других отвращаются. Тогда старец заповедал своим ученикам каждый день с благоговением прикладываться к ракам угодников. И до нынешнего времени братия и гости Соловецкой обители ежедневно приходят к святым мощам преподобных Зосимы, Савватия и Германа, чтобы испросить у них благословение на грядущий день.

Придел преподобных Зосимы и Савватия несколько раз перестраивался и расширялся в восточную сторону, а в 1860-е годы он стал южным приделом Троицкого Зосимо-Савватиевского собора. В 1861 году мощи преподобных Зосимы и Савватия были поставлены в двух отдельных гробницах у южной стены собора, каждый в отдельной арке, над которыми высился резной золоченый балдахин, отчего сами гробы окружала таинственная священная полутьма. Богомольцы прикладывались к живописным изображениям преподобных, находившимся на верхней доске рак. Мощи открывали только в Великий четверток, когда настоятель с двумя избраннейшими монахами омывали их благовонной водой.

[18] Слово похвальное на перенесение мощей 8/21 августа 1566 г. [19, С. 191-193].

Раки с мощами преподобных Зосимы и Савватия в Свято-Троицком соборе. Фото нач. XX в.

Какие чувства наполняли душу паломника, преклоняющего колена перед раками с мощами великих угодников Соловецких? Приведем отрывок из очерка о паломничестве архимандрита Евдокима с 27 студентами Московской Духовной академии: «Хотелось всегда лежать на полу перед этими святынями в страхе и трепете, хотелось быть прахом и постоянно быть попираемым пред ними. Отойдя в сторону, в страхе и смущении стоял я. Как дети окружают гроб горячо любимого отца, так и эти священные гробы окружала здесь большая, родная русская семья. Бесшумно склонялись паломники один за другим пред мощами Святых угодников… Как волна, замаравшись в грязном месте, отливая на песчаный берег, здесь оставляет свою нечистоту, так и грешная людская волна очищалась, омывалась, убелялась, обновлялась здесь… Кто и что может сравниться с этими безмолвными раками в силе влияния их на людей?!»[19].

[19] Соловки. Вера и Церковь. М. 1899. Т. 2. С. 254.

Каждое утро братия монастыря и паломники прикладываются к мощам преподобных, прося благословения на дневные труды. Фото 1992 г.

С 1925 по 1939 год изъятые мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа хранились в алтаре Благовещенской церкви, превращенной в антирелигиозный отдел музея Соловецкого общества краеведения, существовавшего при СЛОН. Во времена гонений на веру первоначальники Соловецкие видимым образом объединились. Их святые мощи вместе кочевали по «темницам» спецхранов с 1940 года, а 21 августа 1992 года вернулись в обитель и почивают ныне под одной сенью. День возвращения мощей, совпадающий с днем перенесения мощей Зосимы и Савватия от земных недр в Спасо-Преображенский собор 8/21 августа 1566 года, – один из главных праздников обители.

Святейший Патриарх Кирилл в день памяти преподобных Зосимы, Савватия и Германа 21 августа 2009 года, стоя у их мощей, предложил своей пастве поразмышлять над вопросом: «Какая правда Божия открывается людям в человеческом страдании? Почему преподобные отцы не только не избегали страданий, но, отказавшись от богатства и власти, от поддержки общества, добровольно приплыли на этот остров, чтобы в полном одиночестве лицом к лицу встречать опасности и скорби, которых не было в их прежней жизни?» Нетрудно представить, что ожидало преподобных на Соловках. «Голый, холодный северный остров. Ни жилья, ни крыши над головой. Пронизывающие ветры, снег, стужа. И хотя не такой уж комфортной была жизнь средневековой Руси, но ведь там жили люди, там было тепло, там были дома, там была поддержка… Святые преподобные отцы специально погружали себя в такую ситуацию, когда не на кого было надеяться, кроме Бога. Это своего рода духовный экстрим, который требует полной отдачи сил, огромной целеустремленности, великого муже-

Святейший Патриарх Кирилл у мощей прпп. Зосимы, Савватия и Германа в Спасо-Преображенском соборе. 21 августа 2010 г.

ства, но, что самое главное, крепкой веры, переходящей в знание того, что есть Бог в человеческой жизни… Бог перестает быть просто словом, абстрактным понятием или отвлеченной идеей. Он рядом в каждое мгновение жизни. Почему монашеское житие называется равноангельским? Потому что ангелы предстоят Богу… Так и в монашеской жизни, в этой полной преданности воле Божией, в отказе от всякой человеческой силы, власти, денег, в полном растворении себя в Божественной благодати и осуществляется идеал христианской и вообще человеческой жизни… Конечно, не каждому дано идти по стопам святых преподобных отцев, но каждый должен знать, что такой путь есть».

Ежедневно мощи преподобных открывают для поклонения после братского молебна, приблизительно в 7 часов утра. Большую часть года раки с мощами преподобных Зосимы, Савватия и Германа находятся в храме святителя Филиппа справа на солее. В июле-августе мощи переносят в Спасо-Преображенский собор, где раки устанавливают слева на солее под резной деревянной сенью, сооруженной в 1997 году.

Каждую среду после вечерни вся братия монастыря и паломники соборно совершают молебен с каноном и акафистом преподобным Зосиме, Савватию и Герману. Простое, доступное для народа пение, служение самим преподобным и непосредственно перед ними в их Святой обители – все это поражает паломников, они как бы оказываются на Небе, отрешаются от земных забот, радуются и ликуют, чувствуя в себе благодатное присутствие Божие. Инокам нетленные мощи преподобных напоминают о данных ими обетах, и, внимая голосу совести, иноки стараются подражать святым первоначальникам.

1.6. УЧЕНИКИ ПРЕПОДОБНОГО ЗОСИМЫ

Преподобный Зосима вручил игуменство благочестивому иноку Арсению (Коневскому), считая его способным к управлению монастырем и братией.

Преподобный заповедал игумену и братии строго следовать всем установленным им согласно Иерусалимскому уставу обычаям монастырского общежития: «***не желать и не искать ничего для себя, а заботиться только об общем благе; в храме стоять со страхом Божиим, не сходить с места до конца службы, не разговаривать друг с другом. В трапезе сохранять молчание и внимать назидательному чтению; игумен, священники и старцы ядят и пьют в трапезе, кушанье для всех одинаково; по келиям, за исключением больных, нет стола; из трапезы не выносить кушанья и питья; одежда и обувь выдаются от обители; если кто может, – покупает себе келию, иначе братия живут в монастырских келиях; дохода нет никому никакого, все нужное выдается от обители***» [30, с. 16].

Во время настоятельства игумена Арсения был пожертвован в монастырь колокол от Каянских воевод, как свидетельствует вкладная крепость: «Се аз, Феодор Иванович, воевода Каянския рати, и Подвомские Олферей и Феодор, и Новгородцы, и дети Корельстии вымольцы и Тиврульцы, и вся рать Каянская, что ходили есма на Ию реку, за обиду детей Корельских; и на войны своея дали осмя колокол Святому Спасу на Соловки игумену Арсению, и старцем всем монастыря Соловецкого в веки» [50, с. 160].

При игумене Феодосии II в 1479 году великий князь Московский Иоанн Васильевич III дал монастырю подтвердительную грамоту на владение островами и рыбной ловлей. В 1507 году великий князь Василий Иоаннович дал подтверждение этой грамоте на имя Соловецкого игумена Евфимия. После покорения Новгорода в 1472 году Соловецкий монастырь, оставаясь в подчинении Новгородских архипастырей, стал пользоваться особым покровительством Московских государей.

Следующим игуменом на короткое время стал Досифей – современник и ученик преподобного Зосимы, живший в одной келии с преподобным Германом. По благословению новгородского архиепископа Геннадия он написал первое житие преподобных Зосимы и Савватия, а затем в 1503 году, будучи в Ферапонтовом монастыре, упросил жившего там на покое митрополита Киевского Спиридона литературно обработать свою рукопись. Досифей много сделал для пополнения монастырской библиотеки, и его книжный знак считается первым экслибрисом в России.

С 1483 года игуменствовал Исаия. При нем в 1485 году зимней ночью случился пожар, который уничтожил трапезную палату, Успенскую церковь и хранившиеся в подклетах припасы: «все погоре, ни едины иконы успеша вынести из церкви» [51, с. 62]. Оставшиеся в нищете братия унывали и даже советовались, не разойтись ли им, куда кого Бог направит. Однако чудным заступлением преподобных Зосимы и Савватия через старца именем Зосима, жившего на реке Шуе, был послан монастырю короб со всем необходимым для богослужения и запас рыбы для пропитания. Братия ободрились, и вскоре монастырь был отстроен заново: церковь с трапезной возобновили «по обычаю», т.е. в прежних формах.

Глава 2

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ – ГОСУДАРЕВО БОГОМОЛЬЕ, ДУХОВНЫЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЦЕНТР ПОМОРЬЯ, СЕВЕРНЫЙ ФОРПОСТ РУСИ

XVI – середина XVII века

2.1. ГОСУДАРЕВЫ БОГОМОЛЬЦЫ

К началу XVI века Российское государство стало осознавать себя последним оплотом вселенского православия, так как за его пределами все православные народы были порабощены либо западными христианами, либо мусульманами.

Идея создания православного царства по образцу павшей Византийской империи была воспринята и проведена в жизнь великим основателем Российской державы Иоанном III. Он добился объединения удельных княжеств вокруг Москвы и окончательного освобождения Руси от татарского ига в 1480 году.

После венчания с племянницей (и как бы наследницей) последнего византийского императора Софьей Палеолог великий князь Иоанн III повелел объединить московский герб, на котором был изображен Георгий Победоносец, поражающий змея, с древним гербом Византии – двуглавым орлом, символизирующим идею симфонии Церкви и государства.

Для верховного правителя Руси был введен новый титул: «Иоанн, Божиею милостию государь всея Руси и великий князь владимирский, и московский, и новгородский, и псковский, и тверской, и югорский, и пермский, и болгарский, и иных». Таким образом, Русь стала рассматриваться как преемница Византийской империи, а Москва получила именование третий Рим. В начале XVI века монах Филофей писал: «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Падение первого Рима – Римской империи и второго Рима – Византийской империи связывали с уклонением от «истинной веры» ради материального благосостояния и политических интересов. По исторической необходимости русский народ стал основным носителем восточнохристианской культуры, приняв на себя обязательство хранить чистоту православной веры и помогать порабощенным православным народам.

Приготовление к исполнению этой миссии началось еще в XIV веке, в эпоху преподобного Сергия Радонежского, когда в недрах народного сознания сфор-

мировался национальный идеал – Святая Русь. Стремление к личной святости и стремление привести всю тварь на поклонение Творцу оказались той почвой, на которой в России сформировалась стержневая идея христианской государственной политики – идея «симфонии» (соработничества) Церкви и православного Царства, которые поддерживают друг друга, оставляя за собой свои сферы деятельности. Причем Церкви отводилась роль «совести нации»: не вмешиваясь в дела государственного управления, она имела право нравственной оценки любого политического решения.

Целый XVI век понадобился, чтобы в России появились две ключевые фигуры, которым надлежало воплотить идею «симфонии» – православный царь и Патриарх. Сначала по совету с митрополитом Макарием великий князь Московский Иоанн IV Грозный принял решение венчаться на царство, и 6 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля сам митрополит возложил на него шапку Мономаха, бармы, крест, цепи и вручил скипетр. Церковное таинство так потрясло юного царя, что Иоанн действительно ощутил себя помазанником Божиим, единовластным правителем страны. Благодаря Бога, Иоанн пожелал собрать жития подвижников, соблюдавших молитвами Русскую землю. В результате на соборе 1547 года было прославлено двадцать угодников, в числе которых были и Соловецкие чудотворцы преподобные Зосима и Савватий.

В следующем, 1548 году настоятелем Соловецкого монастыря был поставлен игумен Филипп, в прошлом знатный боярин Феодор Степанович Колычев, бывший когда-то наставником при малолетнем царе, но покинувший Москву в 1538 году, чтобы стать монахом на Соловках. Царь Иоанн особенно благоволил к Соловецкому монастырю, вклады его поражают своей ценностью и превосходят все другие [30, с.41]: три золотых креста 1558, 1562, 1582 гг., церковные, духовные и научные книги, колокола, пищали с ядрами, церковные облачения, деревни и земли, налоговые льготы, денежные пожертвования, составившие более 5000 рублей.

Опираясь на царскую помощь, игумен Филипп возвел два грандиозных каменных храма: церковь в честь Успения Божией Матери с трапезной и собор в честь Преображения Господня. О том, что главным ктитором обоих храмов был царь Иоанн, напоминает посвящение приделов: верхний придел Успенской церкви был освящен в память Усекновения главы Иоанна Крестителя, чтобы день Ангела государя отмечался особенно торжественными богослужениями как престольный праздник обители; а верхние западные приделы Преображенского собора освящены в честь святых покровителей сыновей Иоанна Грозного Иоанна Лествичника (северо-западный) и Феодора Стратилата (юго-западный). Верхние восточные приделы Преображенского собора освящены в честь святых апостолов: юго-восточный в память собора Двенадцати Апостолов, северо-восточный – собора Семидесяти Апостолов. Апостольское посвящение подчеркивало миссионерскую деятельность Соловецкого монастыря по отношению к северным народам, а, кроме того, в соборе апостолов поминался и святой покровитель игумена Филиппа – апостол Филипп.

В целом посвящение приделов Преображенского собора символизировало единство церковной и государственной власти – монастырь таким способом утверждал за собой статус «государева богомолья» [8]. Такой статус давал возможность монастырю обращаться за помощью непосредственно к царю, а в ответ

обязывал братию усердными молитвами испрашивать для него, его семьи и всего царства здравие и благоденствие и призывать благословение Божие на все его государственные дела.

Намереваясь строить первый каменный храм, игумен Филипп обратился к царю с просьбой выделить монастырю участок со строевым лесом, так как «у них с острова лес вышел и у них на церковное строение лесу нет» [17, ч. III. С. 17]. Царь Иван Васильевич в ответной грамоте 1550 года пожаловал монастырю две деревни у реки Колежмы с лесными угодьями и с 8 солеварнями и островок на реке Суме «за свое здравие и по своих родителях в вечный поминок. А игумну с братией на мои именины пети молебен собором и обедню служити о нашем здравии, и на братию корм большой и милостыня. А по памятям моих родителях преставльшихся (в дни преставления) игумену пети панихиды и обедни служити собором и на братию корм большой с милостыней» [17, ч. III. С. 18,19].

Царь предписал «игумену Филиппу с братией или кто по нем иный игумен будет» не только молиться о благополучии Российского государства, но и полностью возлагал на монастырь управление вотчинами, вплоть до судных дел. Судить же соловецкого игумена мог только сам царь или его доверенный боярин, хотя формально Соловецкий монастырь принадлежал новгородской епархии.

В результате Соловецкому монастырю пришлось взять на себя не только духовное просвещение и окормление Поморья, но и заботу об экономическом развитии северных территорий, так как у Московского государя ресурсов для этого не было.

В Соловецких вотчинах монастырь фактически выполнял функции государственного управления: туда назначались приказчики от монастыря, которые разрешали земельные и денежные споры, помогали наладить севооборот, обеспечивали рынок сбыта для крестьянских промыслов. Поскольку базой и образцом для вотчин должен был служить сам монастырь, любителю пустынножительства и молитвы игумену Филиппу пришлось заняться разработкой технологий кирпичного производства, каменного строительства, кузнечного дела. Его заботами не только были выстроены храмы и келии в монастыре, но был окультурен и весь остров: проложены дороги, осушены болота, озера соединены каналами, расчищены от леса луга и пастбища. Игумен Филипп с любовью «возделывал» свой остров в том смысле, как заповедано было Богом Адаму возделывать рай.

В 1566 году игумен Филипп был призван царем в Москву на кафедру митрополита. К этому времени, во-первых, с помощью преподобного Феодорита Кольского, постриженника Соловецкого, в 1557 году было получено благословение Константинопольского Патриарха Иоасафа на возведение великого князя Московского в царский сан[20]. Во-вторых, царь избавился от опеки своих ближайших сподвижников – Адашева и протоиерея Сильвестра, подозревая, что они сами всем распоряжаются, а его «водят, как юнака, под руки». Поводом для расправы стала смерть царицы Анастасии в 1560 году. Царь обвинил своих добрых советников в злом умысле и отравлении царицы. Протопоп Сильвестр по приказу Грозного был по-

[20] В 1561 году это благословение было утверждено соборной грамотой, и идея преемства Московским царством роли Византийской империи как хранительницы вселенского православия приобрела официальный статус.

стрижен и сослан в Соловецкий монастырь. А Адашев неожиданно скончался. После смерти митрополита Макария в 1563 году начался этап единоличного правления Иоанна Грозного, когда он перестал принимать советы своих доброжелателей[21]. Ниже в житии святителя Филиппа подробно обсуждаются причины призвания в это время на Московскую кафедру Соловецкого игумена и его страдания за правду Божию, попираемую царем.

Другое важнейшее событие русской церковной истории нашло отражение в Соловецком летописце времени игумена Иакова – ученика святителя Филиппа: 26 января 1589 года в Успенском соборе Московского Кремля Божиим изволением по желанию царя Феодора Иоанновича и по благословению Патриарха Цареградского Иеремии совершилось поставление первого русского Патриарха Иова[22]. Впоследствии Патриархов поставляли в России по чину церковному свои митрополиты, не испрашивая разрешения Восточных Патриархов.

Учреждение патриаршества в России стало естественным и необходимым шагом с точки зрения преемства Русской землей церковного значения и славы древней Византии. В 1589 году Константинопольский Патриарх Иеремия писал в Уложенной грамоте, обращенной к царю Феодору по случаю установления патриаршества в России: «Древний Рим пал аполинариевой ересью, а второй Рим – Константинополь находится в обладании безбожных турок. Твое же великое российское царство, Третий Рим, превзошло всех благочестием и все благочестивые царства собрались в твое единое, и ты один под небесами именуешься христианским царем во всей вселенной».

Согласно логике этого послания, поскольку Русское царство осталось единственным в мире православным государством, и в нем вера Христова «яко солнце под небом сияет, и благочестивые лучи во всю вселенную испущает, и неверующих души просвещает, и от тьмы на свет обращает», то необходимо было увенчать Русскую церковь Патриархом, чтобы он имел попечение обо всем Вселенском православии. Хранение православия означает, прежде всего, осуществление на деле христианского образа жизни – подвига по правилам христианской аскезы,

---

[21] Такому настроению царя способствовала встреча с бывшим Коломенским епископом Вассианом Топорковым, лишенным епархии в боярское правление за лукавство и жестокосердие. Иоанн желал лично узнать человека, заслужившего доверенность его родителя: говорил с ним о временах Василия и требовал у него совета, как лучше править государством. Вассиан сказал ему: «Если хочешь быть истинным самодержцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не учиться, повелевать, а не повиноваться. Тогда будешь тверд на царстве и грозою вельмож. Советник мудрейший государя неминуемо овладеет им». Эти ядовитые слова проникли в глубину Иоаннова сердца. Схватив и поцеловав руку Вассиана, он с живостию сказал: «Сам отец мой не дал бы мне лучшего совета!» Тогда же, направляясь на богомолье в Кириллов Белозерский монастырь, Иоанн посетил преподобного Максима Грека, бывшего в заточении в Троице-Сергиевой Лавре. Страдалец за правду пытался удержать царя от путешествия: «Пристойно ли тебе, государь, – говорил старец, – скитаться по дальним монастырям с юною супругою и с младенцем? Вездесущего не должно искать только в пустынях: весь мир исполнен славы Его. Завоевание Казанского царства, счастливое для России, стало гибелью для многих христиан: вдовы, сироты, матери избиенных льют слезы: утешь их своею милостию. Вот дело царское». Иоанн не принял его совета, и преподобный Максим сказал ему чрез бояр последнее слово, что если он не печется об устройстве сирот и вдов, то Бог у него самого отнимет сына, что и сбылось вскоре.

[22] Рук. Летописец Соловецкий, РНБ Сол. 877/987. Л. 216-217.

в первую очередь Патриархом, «понеже образ Христов есть архиерей, и силою Христовою богатеет»[23], а вместе с ним и всем народом.

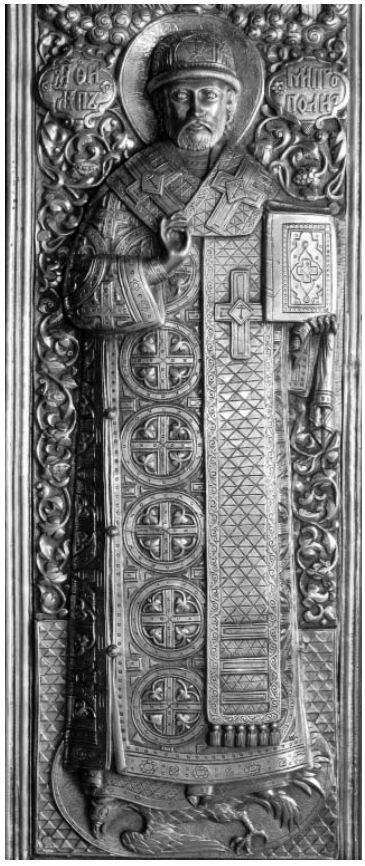
Первый период русского патриаршества (1589–1700 гг.) пришелся на XVII век – время самоопределения и самосознания всего русского общества, время выбора пути развития Русского государства. Когда смуты начала века были преодолены, восстановлена царская династия, в России удивительным образом реализовалась византийская идея симфонии церковной и государственной власти. Через Патриарха Филарета и царя Михаила Феодоровича в России был явлен наглядный образ того, какими должны быть отношения главы Церкви и главы государства – родные отец и сын стали двумя главами единой православной державы (1619–1633 гг.)! В соборном определении о причинах избрания митрополита Филарета на патриарший престол 24 июня 1619 года говорится о чистоте его жития и благих нравах, о том, что он сведущ в учениях божественных апостол и отец, но главной причиной называется то, что он «по плоти царев отец, и сего ради да будет царствию помогатель и строитель, и сирым заступник и обидимым предстатель» [44, Кн. II., т. 11, с. 4 по изд. Спб 1882].

Затем во времена Патриарха Никона и царя Алексея Михайловича (1652–1658 гг.) основанием для симфонии стала невиданная никогда, ни прежде, ни после, дружба во Христе между Благочестивым Царем и Христолюбивым Патриархом. Однако, по словам жизнеописателя Патриарха Никона Иоанна Шушерина, «не по мнозе времени позавидев общий супостат великия любви между Благочестивым Царем и Святейшим Никоном Патриархом, нача быти между ними безсоветие и распря чрез некиих злых человек, иже от супостата на то устроенных». Податливость высших церковных и государственных деятелей козням «супостата» привела к созыву Большого Московского собора (1666 г.), осудившего как Патриарха Никона, так и его оппонентов – старообрядцев, то есть всех, кто по-разному ревновал об одном и том же – об укреплении Церкви, об идеале Святой Руси как норме жизни для всего российского общества в целом. Следствием этого собора стал, во-первых, внутрицерковный раскол, во-вторых, раскол между Церковью и государством, который привел к упразднению патриаршества в царствование Петра I, «чтобы ему, государю, свободнее было».

Соловецкий монастырь никогда не имел такого духовного авторитета, как в первой половине XVII века. Его постриженник Авраамий Палицын способствовал освобождению Москвы от поляков и избранию царя Михаила Романова, на вершине церковной власти оказались соловецкие постриженники Патриарх Иоасаф I и Патриарх Никон, монастырские игумены Антоний, Иринарх и Маркелл вскоре после кончины почитались как святые. Возможно, именно ощущение своей праведности, вера в совершенство монастырского уклада и беспокойство за судьбы православной веры спровоцировали Соловецких старцев не только выступить против соборных постановлений об изменении обрядов, но и оказать неповиновение государю, закрыв монастырские врата и отменив моление за царя.

Описав кратко исторический контекст XVI – первой половины XVII века, обратимся к житиям тех, кто личным подвигом запечатлел верность идеалам Святой Руси.

[23] Скрижаль. М. 1656. Л. 177.



Свт. Филипп, митрополит Московский. Изображение на крышке ковчега 1653 г.

2.2. СВЯТИТЕЛЬ ФИЛИПП, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ (ИГУМЕН СОЛОВЕЦКИЙ)

Святитель Филипп, митрополит Московский, происходил из знатного боярского рода Колычевых. Его отец Стефан был близок к великому князю Василию Ивановичу, благочестием отличалась его мать – Варвара[24].

11 февраля 1507 года в семье родился первенец, названный Феодором. Получив образование по церковным книгам, он вскоре поступил на службу при дворе великого князя, где был знаком с малолетним Иваном – будущим царем Иоанном IV. Христианское благочестие и глас Божий, услышанный Феодором 5 июля 1537 года в церкви во время Литургии: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть» (Мф. 6, 24), – подвигли молодого боярина отвергнуть все мирское и удалиться в пустыню. Феодор тайно покинул родительский дом и безвестным странником ушел на Север. В одной из прибрежных онежских деревень (Хиже) он, воспользовавшись гостеприимством крестьянина Субботы, служил недолго пастухом, а затем продолжил путь на Соловецкие острова. В монастыре он был с любовью принят игуменом Алексием (Юреневым).

Феодор скрыл свое высокое положение в миру и вместе с другими монастырскими трудниками работал на огороде, расчищая и удобряя бедную каменистую почву: «дрова убо секий и землю копая в огороде и каменье пренося, овогда же и гной (навоз) на плещу своею носяще». Ради приобретения смирения он кротко переносил и более тяжкие испытания, будучи «многажды же уничижаем и бием от неразумных».

Через полтора года он был пострижен и наречен Филиппом. Но ангельский образ не отменил его тяжелых трудов. Филипп нес послушание сначала в кузнице, где постоянное обращение около огня приводило ему на мысль геенский огонь, потом на поварне, потом в хлебне (пекарне), где он рубил дрова, носил воду, топил

[24] В Летописце отмечено: «Игумен Филипп просил братию свою о записке в Литийный Синодик для вечного поминовения родителей его: боярина Стефана и матери, инокини Варсонофии и брата его Бориса, а также и его самого по преставлении, в установленное им самим время, ноября в 7 день». [41, с.30].

печь. Однажды, когда он, утрудившись, уснул за печкой, ему явилась Сама Пресвятая Богородица и оставила свою Тихвинскую икону, получившую название «Хлебенная», или «Запечная». Это было удивительное знамение того, что не высота служения, а чистосердечная ревность в прохождении его приближает человека к Богу.

Явление пресвятой Богородицы игумену Филиппу. Клеймо грав. 1748 г.

После пострига Филипп находился в послушании у иеромонаха Ионы (Шамина), дивного старца, который в юности был учеником преподобного Александра Свирского, тогда уже прославленного. Отец Иона учил Филиппа всему монастырскому и церковному уставу, и вскоре усердный ученик, постигнув литургическую науку, был поставлен екклисиархом, то есть наблюдающим за чином богослужения. Старец предрекал о нем: «Сей будет настоятелем во святой обители нашей». Учитель и ученик и похоронены были рядом. В подклете Троицкого собора, в усыпальнице святителя Филиппа, сохранилась надгробная плита иеромонаха Ионы 1646 года с надписью: «Лета 7076 (1568) преставися раб Божий инок Иона Шамин месяца генваря в 10 день».

Трудовые послушания не заглушили в иноке Филиппе стремления к духовной жизни. Желая неразлучно пребывать в богообщении, он удалился из монастыря в лесную пустыню: «тамо к Богу ум возвысив, в молитвах точию упражняшеся». В уединении отшельник провел «не мала лета», потом, навыкнув безмолвию, вернулся к монастырским трудам, но сердце его уже всецело принадлежало Господу.

Впоследствии, будучи игуменом, а затем митрополитом, Филипп оставался в первую очередь монахом. «Духовная карьера» его не интересовала, он бежал славы и принимал высокие назначения лишь «за послушание» воле Божией. Через десять лет соловецкой жизни «никто из иноков житием, разумом и опытностью» не мог сравниться с Филиппом. Игумен Алексий любил его и видел в нем своего преемника. Филипп отказывался, но, видя его нелицемерное смирение, игумен Алексий только укреплялся в своем намерении. Удручаемый старостью и болезнями, он предложил братии избрать нового настоятеля. Выбор единодушно пал на Филиппа.

С письмом игумена Алексия и в сопровождении нескольких старцев он отправился за утверждением в Новгород. Архиепископ Феодосий принял монахов, привезших письмо игумена Алексия, но не увидел среди них Филиппа. «Где же избранный?» – спросил он. Избранный скрылся из скромности. Представ перед владыкой, он продуманно отвечал на вопросы о толковании Священного Писания. Видя, что он искусен в богословии и способен пасти словесное стадо, архиепископ за литургией рукоположил Филиппа в священнический сан и вручил ему игуменский посох. «Вот отец вам, – сказал владыка инокам, – имейте его во образ Христов и покоряйтесь ему со всяким послушанием».

В середине августа его уже встречали в обители: бывший игумен с братией вышли ему навстречу к пристани и проводили в церковь на игуменское место. Немного не поспел игумен Филипп к дню храмового праздника Успения. 17 августа 1548 года[25] он совершил соборно свою первую литургию в монастыре и сказал свое первое учительное слово.

Далее в житии игумена Филиппа повествуется о том, что торжественно поставленный игумен сложил с себя управление. «Преподобный же Филипп, хотя и принял старейшинство, но больше прежнего простирался на духовный подвиг, принимая на себя и многие телесные труды… Он видел себя хвалимым и почитаемым от всех, и вменил сие в тщету. Будучи от юности украшен смирением и любя безмолвие, сего ради он оставил игуменство и отошел опять в пустыню, приходя в монастырь только для причащения пречистого тела и крови Христа Бога нашего. В это время начальствовал прежний игумен, который и постриг святого» [36, с.564].

По преставлении игумена Алексия через полтора года Филипп вторично был избран игуменом по совету братии. Если учесть, что для возвращения к власти престарелого Алексия и для вторичного утверждения Филиппа требовались новые путешествия в далекий Новгород к владыке Феодосию, то удаление Филиппа в пустыню без достаточных оснований выглядит довольно странно. Здесь представляются две возможности: или он с первых же шагов своего игуменства столкнулся с противодействием части братии и ради мира упросил игумена Алексия оставаться настоятелем, или он сложил с себя бремя власти по аскетическим соображениям. Возможно, что он бежал власти, сомневаясь в своих силах и раскаиваясь в своем согласии на игуменство. В обоих случаях виден не твердый характер, не честолюбивый деятель, знающий меру своих сил и ответственности, а натура кроткая, стремящаяся уклониться от власти в смиренном сознании своего недостоинства. Таким и запомним его, чтобы образ хозяйственного игумена и мужественного исповедника не заслонил в наших глазах его природы, той кроткой и смиренной немощи, в которой «сила Божия совершается».

Игуменство святителя Филиппа продолжалось 18 лет. Летописец рассказывает, как ревностно сохранял игумен Филипп память о Соловецких первоначальниках и как старался по мере сил поддерживать их начинания: «Преподобный Филипп-игумен доведался (разыскал) образ Пречистыя Богородицы Одигитрии, с которым Савватий-Чудотворец сам на остров приехал первее. Да он же Филипп-игумен сыскал Чудотворца Зосимы Псалтирь, по которой Псалтири сам правил, и служил, и готовился к службе, да вычинил он ее, да и подписал на ней, кое Зосимы-Чудотворца самого. Да Филипп же игумен сыскал Зосимины ризы, в коих сам служил, да вычинил, да и подписал на них, кое на Чудотворцевы памяти игумены сами служат в них, и учинил их первыми ризами».

Возведенные трудами святителя Филиппа первые каменные храмы Соловецкого монастыря – Спасо-Преображенский собор и Успенская трапезная церковь – на протяжении пяти веков остаются архитектурными жемчужинами

[25] Эта дата поставления на игуменство указана в Соловецком патерике [83, с. 49]. В. А. Буров на основании анализа хозяйственных документов утверждает, что первый период игуменства продолжался с февраля 1543 г. по сентябрь 1545 г., а второй – с июля 1546 г. по июнь 1566 г. [82, Вып. 6, с. 66].

монастырского ансамбля, так что все более поздние постройки (храмы, келии, крепость) образуют для них как бы драгоценную оправу.

Масштабность, соразмерность и гармоничность разновременных построек Соловецкого монастыря создают впечатление, что, начиная строительство, игумен Филипп имел перед своим мысленным взором ту картину, которая открывается теперь со стороны бухты Благополучия перед каждым прибывающим на Соловки. Это впечатление подкрепляется и тем, что на иконе «Богоматерь Боголюбская с житием Зосимы и Савватия», написанной в 1545 году на Соловках по заказу игумена Филиппа, изображены каменные храмы, построенные десятилетием позднее [4, с. 234-236].

Решение о строительстве церкви в честь Успения Пресвятой Богородицы игумен Филипп предоставил собору братии. Братия «отвечали ему, говоря: "О отче! Внушивший тебе эту мысль Бог может тебя и на дело укрепить… Мы убо воле твоей покоряемся… ибо Бог Сам зрит в сердце и помышления в него влагает". Он же, слышав совет их, радости исполнися, ибо не посрамилась надежда его» [36, с. 565].

Сбор средств на строительство игумен Филипп начал в 1547 году, причем сам внес первые пять рублей. Имена многочисленных жертвователей на сооружение Соловецких храмов сохранились в трех документах, поименованных «Памяти Филиппу игумену». По мнению исследователя В. А. Бурова, эти источники «содержат уникальные сведения о святителе Филиппе как выдающемся организаторе, который, по сути, превратил Соловки в "общенародную стройку"» [82, Вып. 6, с. 61-78]. На строительство Успенского храма внесли пожертвования 129 «христолюбцев», а на строительство Спасо-Преображенского собора 89, причем список жертвователей включает 79 имен братии монастыря. Самый крупный вклад – царя Иоанна Васильевича – составил 1000 рублей, а скромные монастырские старцы давали по 1-2 алтына (1 алтын = 0,03 рубля).

Игумен Филипп «мастеров убо от Новагорода прием, хитре зиждущих церкви» [36, с. 565], и сам с братией воздвиг за пять лет (1552–1557 гг.) церковь в похвалу Божией Матери с приделом Иоанна Крестителя и с огромной одностолпной трапезной палатой с западной стороны. С северной стороны к церкви пристроена также одностолпная, но меньших размеров келарская палата. В подклетах под церковью и келарской палатой были расположены просфорня и пекарня, а под трапезной амбары для муки и прочих припасов.

Радуясь первому удачному опыту каменного строения на Соловках, игумен Филипп открыл братии свое заветное желание «яко воздвигнути величайшую церковь плинфотворну[26] <в честь> боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, идеже виде лучу пресветлаго осияния Божества, руководитель и отец, наставник же и чюдотворец, преподобный Зосима… Они же, слышавше, недоумением покровени быша, но не смеяху препяти добраго его рачения» [36, с. 566].

Смущение братии было вызвано тем, что все средства обители оскудели, а строительство собора предполагало огромные затраты. Игумен Филипп не хуже братии представлял все трудности, сопряженные с невиданными масштабами

[26] Кирпичную.

строительства, но «не хотел без подвига быти» и надеялся, что если Богу угодно будет, то Он «невидимо подаст от неоскудных Его сокровищ потребное на воздвижение дома Святаго имени Его. Они же, аще и не хотяше, но покаряющеся наставнику своему и прощения просяще за противление свое, сказали: "Все, еже просиши у Бога, даст ти Бог" » [36, с. 567].

Игумен Филипп, собрав вокруг себя мастеров «художных, имущих разум», сам возглавил строительные работы и за 8 лет воздвиг Спасо-Преображенский собор с приделами в память Зосимы и Савватия с северной стороны и в память собора Архистратига Михаила с южной. Над основным объемом храма возвышаются еще четыре угловых придела в честь соборов 12 и 70 апостолов и в честь Иоанна Лествичника и Феодора Стратилата. Собор был украшен иконами, книгами, ризами, дорогими сосудами и подсвечниками златокованными «яко невеста».

На монастырском дворе у северной стены собора игумен Филипп завещал себя похоронить – «гроб себе возлюби, идеже ныне лежат честныя его мощи, от заточения принесены». Монументальный храм утвержден на мощном цоколе из тесаных гранитных валунов и в то же время устремлен к небу. Он как бы задает направление восхождения своего великого созидателя и в этом смысле является лучшим ему памятником.

В Тулуповской редакции жития святителя Филиппа говорится: «самый оток красится его труды» – сам остров украсился его трудами. Действительно, по всему острову были проложены новые дороги, 52 озера соединены каналами[27], чтобы наполнить водой расширенное и вычищенное озеро с восточной стороны от монастыря, на канале, по которому вода стекала из озера в море, устроены мельницы и толчея, расчищены от леса луга и пастбища. Игумен Филипп, будучи сам строгим аскетом, но снисходя к немощам братии и трудников, приложил немало усилий, чтобы улучшить монастырский быт: прежде постройки храмов были построены новые келии для братии, заведены коровы для снабжения общей трапезы молочными продуктами, налажены закупки зерна и прочих припасов, заведены олени, из шкур которых изготавливали одежду, а мясо шло на пищу трудникам.

Чтобы учесть потребности братии в одежде, при игумене Филиппе был составлен «Устав о монастырском платье» [34, с. 80-91]. Этот документ был принят игуменом Филиппом со священниками, и с келарем, и с казначеем, и с соборными старцами, и со всею братией, «посоветовав в трапезе, полюбовно положили есмя меж собою в братии по колику нам платья держати монастырского». Это не просто регламент, определяющий количество платья, которое могут иметь в келии монахи, а руководство к действию для лиц, ответственных за выдачу одежды. Им предписано проявлять любовь, мудрость и гибкость: «давать… по рассуждению… кому будет пригоже… по нужде» [34, с. 87].

Старинный Летописец Соловецкий следующими словами повествует о всех мудрых и выгодных для обители заведениях святителя Филиппа:

«При Филиппе игумене прибыли: шти с маслом, да и разные масляные приспехи, блины и пироги и оладьи, и крушки рыбные, да и кисель, да и яишница.

[27] 52 озера указано в Летописце Соловецком и в Соловецком патерике [83, с. 50], в «Сказании о Филипповом строении» и в «Сказании вкратце о Соловецких игуменах» указано 72 озера. [33, с. 167, 172].

Да при Филиппе ж игумене прибыло: стали в монастырь возити огурцы и рыжики.

Да при Филиппе ж игумене прибыли олени на острову, а до Филиппа игумена оленей на острову не было; да при Филиппе же игумене прибыли коровы.

Да при Филиппе игумене прибыло промыслов: в Колежме два црена, да за морем два промысла, иногда тремя црены варят[28], а иногда четырьмя, да железной промысел сполна[29].

Да при Филиппе же игумене прибыл промысел в солокурье на Луде, двема црены варят.

Да Филипп же игумен мельницы делал, да ручьи копал к мельницам, воду приводил к монастырю, пятьдесят два озера; да у губы у ворот по сторонам кучи великия и высокия каменныя делал, да на них кресты великие и высокие ставил; да дороги делал и чистил. Да двор коровей поставил в Муксальмах. Да на Вараке двор поставил на кирпичное дело печи и анбары. Да двор поставил в Новгороде, палаты поделывал, своды сводил, а стал во сто рублей; да другой двор в Суме поставил, стал во сто рублей.

Да при Филиппе ж игумене прибыли: пятеры суды столовые белые, да четыре ставы блюд белых, да пятнадцать солонок оловянных и медяных, да пять оловянных кружек.

Да при Филиппе ж игумене прибыло: серебряных сосудов впятере, стопочки, чарочки и ковшички; да котел делал, стал в полечетвертатцать рублев, да иные котлы делал многие; да ковер купил, стал в полтора рубли с гривной.

Да при Филиппе ж игумене прибыло людей, да и коней и волов, да сена прибавил, пожни чистил больше полуторы тысячи копен.

Да дворца[30] прибавил, да на дворце прибавил четыре избы великие новые, да и клеток (чуланов) прибавил.

Да при Филиппе ж игумене поставили тын вострый между монастырем и дворца, да и ворота и келью.

Да при Филиппе ж игумене прибыли окончины стекольчатые с круги и с каймами: стекла разные цветы, стали оне в сорок рублев и по свыше.

Да при Филиппе ж игумене слугам и тиуну и доводчикам определено жалованье, да при Филиппе ж игумене прибыли и слуги нарядные[31].

Прибыли каменные колоколы звонят, да клепало каменное великое звонит же.

Да до Филиппа игумена квас парили, ино сливали вся братия и слуги многие и изо швален, а при Филиппе парят квас: старец да пять человек, и сливают те же, а братия уже не сливают, ни слуги, ни изо швален; А тот квас сам сольется со всех чанов, да верх подоймут, ино трубою пойдет в монастырь, да в погреб сам льется, да и по бочкам разойдется сам по всем.

---

[28] Описывается солеваренный промысел. Црен – металлическая низкая кастрюля, в которой кипятили морскую воду, вываривая соль.

[29] Добывалась железная руда в количестве, достаточном для обеспечения монастырских нужд.

[30] Дворец (с ударением на «о») означает комплекс хозяйственных построек вне монастыря.

[31] Нарядные – работающие по наряду.

Да до Филиппа игумена на сушило рожь носили многие братья, а Филипп игумен нарядил телегу, сама насыпается, да и привезетца, да и сама и высыплет рожь на сушило.

Да до Филиппа игумена подсевали рожь братья многия, а Филипп игумен доспел севальню, десятью решеты один старец сеет; да при Филиппе ж доспели решето само сеет и насыпает, и отруби и муку разводит розно, да и крупу само же сеет, и насыпает и разводит розно крупу и высейки.

Да до Филиппа братья многие носили рожь на гумно веяти, а Филипп нарядил ветр мехами в мельнице веяти рожь; да прежде сего на вараке глину на кирпич копали людьми, а ныне волом орут одним, что многие люди копали и глину мяли на кирпич людьми, а ныне мнут глину на кирпич коньми; да и на церковь лошадьми воротят вороты кирпич, и брусья, и известь, и всякой запас» [41, с. 31-35].

По-отечески заботливо относился игумен Филипп к населению Соловецких вотчин. Сохранились тексты двух «уставных грамот» 1548 и 1564 годов [17, ч. III, с.184-194], регламентирующих взаимоотношения крестьян и вотчинной администрации, поставленной от монастыря. Представителям монастыря вменялось в обязанность решать все спорные дела между крестьянами и защищать их перед судом царским. Причем предписывалось «крестьян на суде беречь накрепко», а «поминки» (платы) с них не брать. Оговорены были также и величины денежных сборов на содержание администрации. Если же «старец наш приказчик или доводчик, коего крестьянина или казака изобидит чем-нибудь, или не по сей грамоте что с них возьмут, и им от нас быть в смирении (в наказании), а кого чем изобидят, и нам на них велети доправити (воздать) вдвое» [17, ч. III, с.189].

Игумен Филипп категорически запретил принимать в монастырских вотчинах виноторговцев: «приказчику тех людей на подворье не принимать и вина у них не покупать ни приказчику, ни крестьянам, ни казакам, и свово не курить» [17, ч. III, с.189], а за игру в кости (зернь) велел штрафовать и из вотчин высылать.

Весной 1566 года, когда митрополит Афанасий оставил кафедру, игумен Филипп неожиданно получил царскую грамоту с приглашением в Москву «духовного ради совета». По-видимому, Соловецкий игумен был достаточно хорошо осведомлен о московских делах, так как в 1560 году под его начало был сослан протопоп Сильвестр – бывший духовник и советник царя.

Сильвестр был свидетелем начала нравственного падения царя после кончины его любимой супруги Анастасии: разврат, бесчинства, казни, жертвами которых становились иногда люди достойные и ни в чем неповинные. Игумен Филипп мог знать, что царь обратился к нему после изгнания из митрополичьих покоев Германа, архиепископа Казанского, и мог предполагать, что ему будет предложена первосвятительская кафедра.

Не желая высокого сана и «жалостию снедашеся», ибо приходилось оставлять свое любимое детище – монастырь, игумен Филипп отслужил соборно свою последнюю литургию на Соловках и, исполняя царское повеление, отправился в Москву.

Почему выбор Иоанна пал на уже престарелого Соловецкого игумена? Неужели он считал, что Филипп будет покладистым исполнителем царской воли? Заметим, что Иоанн Грозный соединял злодеяния со страстной набожностью и считал себя ревнителем чистоты и благолепия церковного. Он желал видеть святого пастыря

на Московской кафедре и иметь в нем молитвенника, а не судью своей совести, и потому обратился к давно знакомому игумену Соловецкому. Царь был уверен, что Соловецкий отшельник не будет вмешиваться в дела правления, а тем более в боярские интриги. Сама праведность его должна была освящать и дела государя.

Царь принял игумена Филиппа с честью, усадил за царскую трапезу и, наконец, объявил, что желает видеть его на кафедре митрополита. Филипп не сразу согласился принять высокий сан. Он со слезами обратился к царю: «Нет, милосердый государь, не разлучай меня с моею пустынею; не налагай на меня бремени выше сил. Отпусти, Господа ради, отпусти; не вручай малой ладье бремени великого». Но царь был непреклонен, и игумен Филипп принял первосвятительский сан с условием, что будет ослаблена «опричнина».

Уничтожить опричнину Иоанн отказался, ссылаясь на то, что против него «все умышляют». И митрополит Филипп вынужден был принять волю царя: «Не вступаться в дела двора и опричнины, после поставления не удаляться с митрополии за то, что царь не уничтожил опричнины, но советоваться с царем, как советовались прежние митрополиты». Таким образом, святитель Филипп оставил за собой исконное право русских святителей печаловаться за невинно гонимых и говорить о правде евангельской.

Благодаря святителю Филиппу были помилованы многие из тех, кто выступал против «опричнины». Не найдя поддержки в Земской думе и Священном Соборе, он один мужественно противостоял грозному царю, порой отказывая ему в благословении. Не действовали на святителя ни угрозы, ни попытки опорочить его имя. Свое дело он считал правым и готов был пострадать даже до смерти, отстаивая его.

В начале января 1568 года Иван IV вернулся в Москву после кратковременного пребывания в Александровской слободе, связанного с переводом туда Опричного двора и переездом семьи. Тогда же в январе царь собрал думный собор, на котором он объявил боярам и духовенству «свою царскую мысль, чтобы ему свое царство разделити и свой царский двор учинити в Александровой слободе. И на се бы его благословили» [36, с.573]. Целью этих действий было продолжение расследования «заговора» в земщине и желание покончить со всеми, кто, как представлялось царю, сочувствовал этому «заговору». Подозреваемых казнили или грабили до последней нитки. По мысли царя, напуганные расправами знать и духовенство должны были бы «на всяко дело без рассуждения благословляти, и волю его творити, и не разгневати».

Действительно, не только бояре, но и епископы, договорившиеся перед собором крепко стоять против оприч-но-земского двоевластия, убоялись «царева страха» и «своего начинания отпадоша». Доблестный же пастырь Филипп стал умолять царя: «Державный царю, престани от такового начинания, неугодного Богу и всем православным христианам. Сам Господь говорил: «Если царство разделится – запустеет». И никак на такое дело нет и не будет нашего благословения». Святитель обращался к лучшей стороне царской личности: «Благочестия хранителя вем тя, и истины поборника, и православия снабдителя, и своея державы смотрительна правителя. И никто же на твою державу зло совещавает. Свидетель есть – Всевидящее око».

Митрополит Филипп единственный из участников собора последовательно отрицал существование заговора в земщине. Он боролся против возведения опричных

Обличение царя Иоанна Грозного. Клеймо иконы XVII в.

властей на вершину государственного управления, потому что способ проведения политической реформы опирался на ложные обвинения. Система правления, основанная на обмане, для своего поддержания требовала дальнейших преступлений, множивших страдание по всей стране. В конце своего обращения святитель Филипп призвал царя «не посрамляти веру деяньми ненавистными»: «И мы тебе совещаваем и советуем – добродетельми украшати веру и верою добродетелей светлейших соделовати любовь... Общее же благо рода и отечества твоею властию дай видети и именовати» [36, с. 574].

Видя, что собор безмолвствует, святитель Филипп обратился к епископам: «Что устрашаетеся правду глаголати? Ваше бо молчание цареву душу влагает в грех, а ваши души – на горькую погибель, а православную веру – на скорбь и смущение». Они же стояли «видом смиренны, а делами предатели и злу пособники» в угоду царю. Видя, что царь разгневался на святого, они тоже досадовали на него, обвиняя его в пренебрежении церковными интересами: «Добро было во всем царя слушати, и на всяко дело без рассуждения благословляти, и волю его творити и не разгневати».

В начале весны 1568 года стало очевидно, что опричные репрессии приняли форму государственного террора, введенного Иваном IV для уничтожения всех недовольных существующим режимом. Тогда «благоразумные и истинные правители и искусные мужи, и от первых вельмож, и весь народ пришли к пастырю своему заступления ради с великим рыданием, смерть имея пред глазами» [36, с. 578].

После январского собора святитель Филипп уже не имел возможности обратиться к царю с «печалованием». Он с любовью утешал свою паству, напоминая, что «Господь не оставит нас искуситися выше силы нашея и не попустит до конца пребыти в прелести сей!» Он мог только разделить страдания своей паствы и дать пример терпения в искушениях: «Сия приключишася грех ради наших, общего ради спасения нашего. Ныне же и аз радуюся о страданиих моих за вас – вы бо ми есте ответ, и оправдание, и похвалы венец».

В крестопоклонное воскресенье 2 марта 1568 года царь пришел на богослужение в Успенский собор Московского Кремля. Он и опричники были в черных одеждах, с высокими шлыками на головах и с обнаженным оружием. Иоанн подошел к митрополиту и трижды просил благословения. Святитель безмолвствовал. Бояре зашептали: «Владыко святый! Государь царь Иван Васильевич требует благословен быти от тебя». Тогда святитель Филипп с упованием на Бога обратился к царю со словами: «Царю благий! Несть се слышано, еже благочестивым царем свою державу

возмущати ... Убойся, о царю, Божия суда... Колико страждут православные христиане! Мы убо, о царю, приносим жертву чисту и бескровну за спасение мира, а за алтарем неповинно льется кровь христианская и напрасно умирают. Не о тех скорблю… иже скончаваются мученически, ибо не могут страдания нынешние сравниться с грядущим воздаянием, но о твоем спасении имею попечение!» Царь же, обличению не внимая, отвечал: «Филиппе, нашей ли державе противишься, увидим крепость твою!» Святый отвечал без страха твердо: «Царю благий! Вашему повелению не повинуемся, ибо не доброе помышляешь, аще и люто от вас постраждем. За истину благочестия подвизаюся. Аще и сана лишаеми или лютейшая предлежит пострадати – не смиряемся». Сие услышав, царь ярости исполнися [36, с. 580].

Автор жития пишет, что «малу времени минувшу, празднику пришедшу святых апостол Прохора и Никанора…», то есть 28 июля святитель Филипп совершал праздничный молебен с крестным ходом в Новодевичьем монастыре. Когда он собирался читать Евангелие перед Святыми вратами, то, оглянувшись, увидел, что некоторые из пришедших с царем опричников стоят в тафьях – островерхих шапках. Святитель обратился к царю: «Подобает христианом Слово Божие с откровенными главами послушати; что сии люди, магометанскому закону последующе с покровенными главами предстоят?» Царь обернулся: «Кто сей?», – но виновный уже снял тафью. Царь вышел из себя и поносил святителя.

Желая избавиться от непокорного митрополита, он в начале ноября созвал собор, чтобы не просто казнить святителя, но опорочить его доброе имя, замарав его клеветой. Царь призвал с Соловков игумена Паисия с кучкой наветников, которых удалось угрозами и посулами склонить к даче ложных показаний (текст их не сохранился). Св. Филипп кротко сказал клеветнику: «Благодать Божия да будет на устах твоих, чадо, яко уста льстивыя отверзошася на мя… Вспомни слово Господне: что посеет человек, то пожнет».

Последние слова его царю были: «Престани, о государь, от столь нечестивых деяний; вспомяни прежде бывших царей: как творившие добро ублажаемы по смерти, а зло содержавшие царство свое, ныне не с благоговением поминаются. Потщися и ты подражать благим нравам, ибо светлостию сана не умоляется смерть, во все вонзающая несокрушимые свои зубы. Итак, прежде ея немилостиваго пришествия, принеси плоды добродетели и собери себе сокровища на небесах, ибо все собранное в мире сем остается на земле, и каждый воздает слово о житии своем».

Закончив свое слово, Филипп хотел сложить с себя святительские одежды и удалиться. Но царь, желавший публичного унижения святителя, распорядился, чтобы он на следующий день в праздник Михаила Архистратига служил литургию в Успенском соборе Кремля. По-видимому, приговор митрополиту был вынесен заочно, текст его не сохранился.

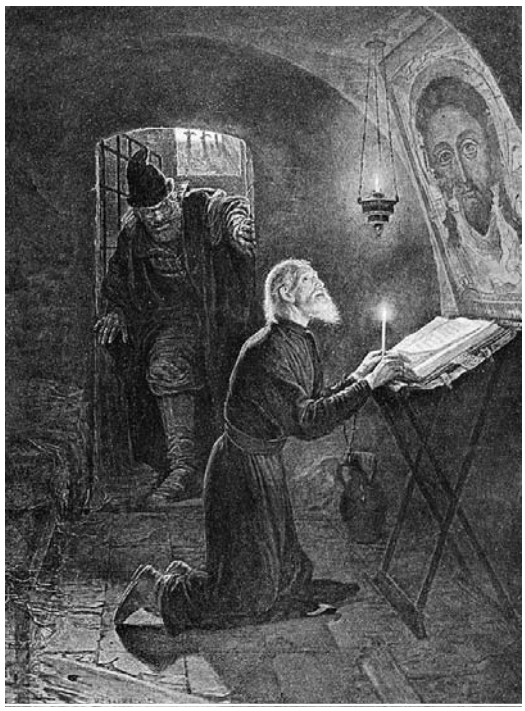
Святитель Филипп стоял перед царскими вратами, готовясь совершить литургию, когда в храм вошел Алексей Басманов со многими опричниками. Он громко прочел соборное определение: «Недостоин еси святительского сана!» Опричники бросились на святителя «яко суровии зверие», сорвали с него епископские облачения и возложили на него «ризы иноческия многошвенны и раздранны».

Житие сохранило прощальные пророческие слова митрополита Филиппа потрясенному народу: «О чада, скорбно сие разлучение, но я радуюсь, что все сие

приобрел ради Церкви. Настало время ее вдовства, ибо пастыри, как наемники, презираемы будут. Не удержат они здесь своей кафедры и не будут погребены в своей соборной церкви Матери Божией» [36, с.583].

Опричники вывели святителя из церкви и, посадив на дровни, повезли из Кремля в Богоявленский монастырь, осыпая его бранью и побоями. Народ со слезами провожал своего пастыря, а он благословлял на обе стороны и говорил в утешение: «Все сие принял я ради вашего преуспеяния в добре, чтобы умиротворилось смятение ваше. Если бы не любовь к вам, ни одного бы дня не хотел я здесь оставаться, но укрепляло меня слово Божие: "Пастырь добрый полагает душу свою за овцы своя". Не смущайтесь: вся сия смута от лукавого, но Господь, сие попустивший, нам помощник. Христос с нами, кого убоимся? Готов я пострадать за вас, и любовь ваша плетет мне венец в будущем веке. Ради победы приходится терпеть болезни, и венцы даются за труды. Но молю вас, уповайте на Бога, и да никто же не отторгнет вас от Него. С любовию наказует нас Господь для исцеления наших греховных ран. Не от чужих раны, но от своих, и приимем скорби с радостию. Ибо Господне слово: "Любите враги ваша и добро творите ненавидящим вас; благословите проклинающих вас и молитесь за творящих вам зло". Бог же мира да устроит вам все на пользу по своей благости» [36, С.584].

Святитель Филипп был заточен в смрадной келии, лишен пищи на неделю, скован цепями, ноги забиты в колоду. Царь думал сломить дух его угрозой голодной смерти, но мужественный исповедник, имевший навык поста и молитвы, остался непоколебим. А царские посланники донесли, что после семидневного заточения нашли святителя свободным от оков и стоящим на молитве. Тогда Иоанн обрушил свой гнев на весь род Колычевых: в пытках и казнях окончили свою жизнь до десяти человек. Отрубленную голову одного из них царь послал святителю. Он принял ее как главу мученика со словами: «Блаженны, яже избрал и приял еси, Господи, и память их в род и род», – поцеловал и вернул посланному. Вскоре Иоанн сослал святителя Филиппа в заточение в Тверской Отроч монастырь.



Репродукция картины Н. А. Новоскольцева «Последние минуты митрополита Филиппа». 1890 г.

В декабре 1569 года царь с опричниками проезжал через Тверь по пути в Новгород, намереваясь покарать его жителей за мнимую измену. Тогда по воле Иоанна Малюта Скуратов – «муж каменносердечный» – явился в келию Филиппа со словами: «Владыко святый! Преподай благословение царю

на путь в Великий Новгород». Видя его лукавство, святитель отвечал: «Делай то, зачем пришел, но дара Божия не получают обманом, – и обратился ко Господу: – Прими с миром дух мой!» Малюта задушил святителя подушкой, а настоятелю монастыря сказал, что его небрежением митрополит умер от угара. Это было 23 декабря 1569 года. Так окончил земную жизнь великий святитель, положивший жизнь за паству свою!

В 1591 году игумен Иаков – ученик святителя Филиппа – пожелал исполнить волю своего наставника о том, чтобы похоронить его тело на Соловках в приготовленной им могиле. Он и братия монастыря обратились к царю Феодору Иоанновичу с просьбой перенести тело святителя Филиппа в Соловецкий монастырь. По повелению царскому в Твери был обретен гроб святителя, тело его оказалось «цело и нерушимо», «ризам его не прикоснуся тление» и «град весь исполнился благоухания некоего неизреченного» [36, С.590].

На Соловках мощи святого принесли в Спасо-Преображенский собор, где от них также разливалось необычное благоухание, и «по совершении утреннего славословия … целоваше тело святого и погребоша, иде же сам уготова» себе могилу у северной стены собора.

Так исполнилось желание святителя Филиппа: он упокоился под папертью созданного им храма рядом со своим любимым наставником старцем Ионой Шаминым. С той поры многие из Соловецкой братии обращались к святителю Филиппу как к святому и получали исцеление от болезней [36, с. 591–594]. В то же время, по-видимому, в Москве, был вышит покров с изображением святителя Филиппа.

После перенесения мощей и до 1597 года[32] было составлено первое житие святителя Филиппа. К этому же времени относятся и три древнейших списка службы на память митрополита Филиппа. Начальные буквы тропарей 9-й песни канона этой службы образуют акростих «ИЯКОВ». А. Е. Смирнова справедливо предположила, что составителем канона был игумен Иаков – ученик и духовный наследник святителя Филиппа[33].

В 1636 году при патриархе Иоасафе, постриженнике Соловецкого монастыря, служба митрополиту Филиппу была внесена в печатную Минею под 23 декабря – в день его мученической кончины [43, с.19][34]. В 1646 году царь Алексей Михайлович повелел торжественно открыть святые мощи, после чего они были перенесены в Преображенский собор и поставлены «в раке против правого клироса в углу у святых икон» (у южной стены) [40, л. 17]. Над местом погребения святителя Филиппа была устроена усыпальница[35], в которой до настоящего времени сохранилась каменная плита с надписью: «Лета 7078 (1570[36]) преставился Филипп митрополит во Твери декабря в 23 день. Лета 7099 (1591) привезены мощи Филипповы в Соловецкий монастырь и погребены августа в 8-й день».

---

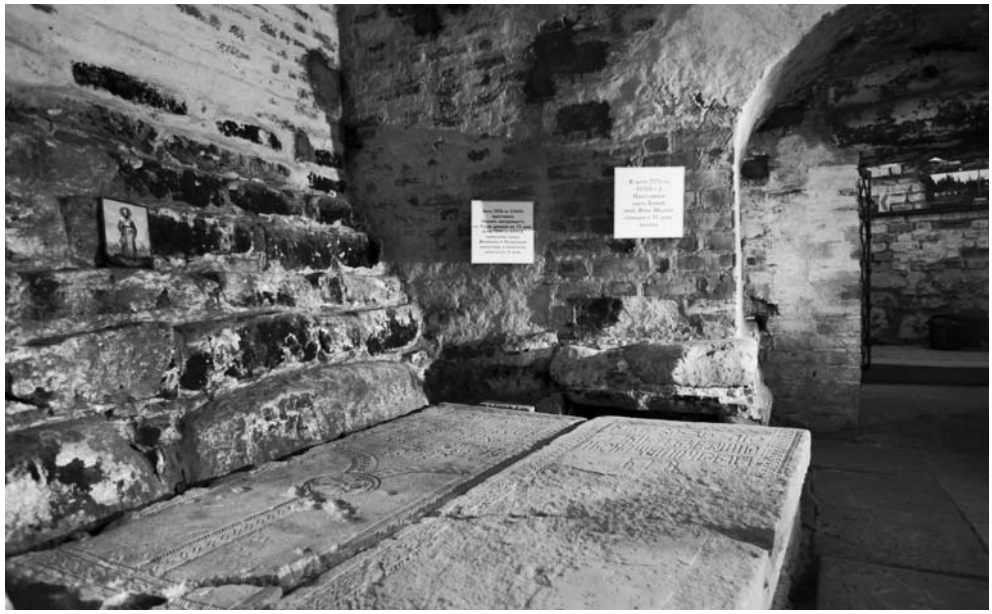
[32] Год перевода игумена Иакова в Кострому.

[33] Смирнова А. Е. Первоначальная редакция службы митрополиту Филиппу // Книжное наследие Соловецкого монастыря XV–XVII вв.: Тезисы докладов Международной научной конференции. Соловки, 2005. С. 25–27.

[34] Лобакова С. 19.

[35] В настоящее время в подклете Троицкого собора.

[36] Церковный год начинался с сентября, поэтому даты, указанные на плите – 23 декабря 1570 г. и 8 августа 1591 г. – в современной хронологии должны читаться: 5 января 1569 г. и 21 августа 1591 г.



Усыпальница свт. Филиппа с намогильными плитами 1646 г.

Репродукция картины А. Д. Литовченко «Перенесение мощей святителя Филиппа в Москву в 1652 г.»

В 1652 году мощи были перенесены митрополитом Новгородским Никоном (будущим Патриархом) в Успенский собор Московского Кремля, где и почивают до сего дня. «А часть мощей Святителя Филиппа-митрополита оставлена в Соловецком монастыре в соборной церкви, в той же раце, в ковчезе сребрянном, на исцеление скорбящим» [40, л. 17 об.].

Изгнание митрополита Филиппа, совершенное за обличение царских беззаконий и жестокостей, и его убийство были первым и самым серьезным конфликтом между самодержцем и главой Церкви в России. Требовалось восстановить каноническую правду в отношениях монархии и Церкви. Подобно тому, как император Феодосий, отправляя посланников за мощами святого Иоанна Златоуста, обращался к давно почившему Святителю с покаянной грамотой, прося в ней прощения за свою мать, гнавшую святого, Никон предложил царю Алексею

Михайловичу написать покаянное послание святителю Филиппу. В нем царь просил прощения у святителя-мученика «за совершенное против него неразсудно завистию и нездержанною яростию» царем Иоанном Васильевичем: «Преклоняю пред тобою сан мой царский за согрешившего против тебя, да отпустишь ему согрешение его своим к нам пришествием, и да упразднится поношение, которое лежит на нем, за изгнание тебя».

Страдания святителя Филиппа за правду, за должный авторитет Церкви в Русском обществе и за ее право давать духовно-нравственную оценку государственных деяний царя стали для будущего Патриарха Никона вдохновляющим примером первосвятительского служения. Об этом речь пойдет ниже, а пока продолжим рассказ об учениках и современниках святителя Филиппа.

2.3. СВЯТЫЕ ДВОИЦЫ: ПРЕПОДОБНЫЕ ВАССИАН И ИОНА ПЕРТОМИНСКИЕ И ИОАНН И ЛОНГИН ЯРЕНГСКИЕ

Святитель Филипп в основу своего монашеского делания полагал трудолюбие и послушание и в этом же духе воспитывал своих учеников. Четверо из них настолько преуспели в исполнении этих монашеских добродетелей, что смерть на послушании вменилась им в подвиг мученичества, и после кончины Господь прославил своих верных рабов чудотворениями.

В 1561 году из устья Двины на Соловки шли пятнадцать судов с грузом извести для строительства Спасо-Преображенского собора. Во время шторма суда были разбиты и потонули вместе с бывшими на них людьми. В числе утонувших были Соловецкие монахи Вассиан и Иона, тела которых были найдены нетленными с восточной стороны Унской губы вблизи нынешнего Пертоминска. Тела другой двоицы – монастырских трудников Иоанна и Лонгина – были также обретены нетленными севернее входа в Унскую губу в устье реки Яренги и положены в одноименном селении. Слава о чудесах, совершающихся на местах захоронения праведников, привлекла со временем подвижников, которые построили себе поблизости келии. Так возникли монастыри в Пертоминске и в Яренге.

Чудесно было и само обретение мощей преподобных. Жители с. Луда, отправляясь на морской промысел, увидели множество воронов, носящихся в воздухе над местом, где лежали нетленные тела иноков. Видя, что неведомая сила не дает птицам приблизиться к мощам святых, рыбаки решили перенести их в свое село и похоронить при церкви. Они взяли тела и отправились в Луду, но из-за сильного тумана рыбаки сбились с пути и пристали к берегу там, откуда отплыли. В ночном видении им явились преподобные Вассиан и Иона, сказали, что они иноки Соловецкие, и повелели похоронить их на пустынном берегу под большой сосной, а в свое селение не возить: «Взяв нас из воды, неужели вы желаете опять положить нас в воду? Когда Богу угодно будет, он и на этом месте устроит храм». Рыбаки припомнили, что, действительно, селение их стоит на сыром месте, и похоронили тела преподобных неподалеку от места их обретения, поставив над могилой деревянный крест.

Прпп. Вассиан и Иона Пертоминские

Пертоминский монастырь. 1886 г.

В 1599 году старец Троице-Сергиева монастыря Мамант был задержан сильным ветром в Унской губе на четыре дня. В сонном видении явились ему два мужа и на вопрос: «Откуда они и как имена их?» назвались один Вассианом, а другой Ионой, рассказали о своем потоплении, указали место погребения и просили поставить над могилой часовню. 12 июня старец поставил над мощами преподобных часовню, устроил в ней крест и с попутным ветром продолжил свой путь.

Чудеса и явления преподобных прославили место их погребения, так что все прохожие и мореходы считали своим долгом помолиться в часовне и оставить там жертву. Со временем иеромонах Иаков с несколькими пустынножителями на месте часовни устроил деревянную церковь в честь Преображения Господня, а над местом погребения преподобных Вассиана и Ионы была поставлена рака. Новую обитель назвали Пертоминским монастырем преподобных Вассиана и Ионы.

В 1694 году Петр I, застигнутый бурей на пути из Архангельска в Соловецкую обитель, нашел убежище в Пертоминском монастыре. Пробыв здесь три дня, он своими руками поставил на берегу деревянный четвероконечный крест высотой полторы сажени, с надписью на русском и голландском языках: «Сей крест поставил капитан Петр в лето Христово 1694». Тогда же архиепископ Холмогорский и Важеский Афанасий в присутствии царя освидетельствовал мощи преподобных Вассиана и Ионы. Мощи оказались нетленными, до разорения монастыря в 1920 году они почивали под спудом в каменном храме Успения Божией Матери, освященном в 1691 году. Крест был в 1805 году перенесен в кафедральный собор Архангельска, а на месте оставлена его точная копия.

О прославлении преподобных Иоанна и Лонгина Яренгских ходатайствовал один из иноков, поселившихся поблизости – Илия Телов. В 1625 году он сообщил патриарху Филарету о чудесах, совершающихся при мощах праведников. Тогда новгородский митрополит Макарий направил игумена Николо-Корельского монастыря Герасима с представителем митрополичьего Софийского дома произвести подробное исследование о времени обретения мощей и о чудесах. Обнаружилось, что чудотворения совершались уже в течение 60 лет. Самые замечательные исцеления того времени — Марии, три года страдавшей от беснования; молодого

поселянина, бывшего в падучей болезни, и поселянина Евфимия, полгода страдавшего желудком и вызванного в Яренгу явлением преподобных Иоанна и Лонгина.

По ходатайству патриарха Иоасафа царь Михаил Феодорович грамотой 1635 года пожаловал «Яренгский погост, где лежат чудотворцы Иоанн да Лонгин», со всеми землями и угодьями Соловецкому монастырю. Новгородский митрополит Аффоний, предписал Соловецкому архимандриту Рафаилу построить и освятить новый храм во имя Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия потому, что «Яренгские Чудотворцы Иоанн и Лонгин труждалися в древния лета в Соловецком монастыре».

Прпп. Иоанн и Лонгин Яренгские

Новый деревянный храм был построен и освящен преемником архимандрита Рафаила, переведенного в 1636 году в Новгородский Хутынский монастырь, игуменом Варфоломеем. 2 июля 1638 года перенесены в этот храм мощи праведников и положены – Иоанн на правой, а Лонгин на левой стороне. Яренгский монастырь состоял под управлением Соловецкого до своего закрытия при составлении духовных штатов в 1764 году. Впоследствии до революции 1917 г. святые мощи преподобных Иоанна и Лонгина почивали в приходской церкви селения Яренги.

Были попытки перенести мощи из Яренги. В 1854 году Соловецкий архимандрит Александр (Павло́вич) при поддержке братии обратился в Святейший Синод с просьбой о разрешении построить каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы Одигитрии в Савватиевской пустыни в ознаменование и память чудесного спасения Соловецкой обители от нападения англичан. В эту церковь предполагалось перенести мощи праведных Иоанна и Лонгина. Перенесением мощей предполагалось усвоить Соловецкой обители право на обладание этим сокровищем благодати. 20 сентября 1855 года Святейший Синод разрешил строительство церкви в Савватиевской пустыни, а дело о перенесении мощей оставил на усмотрение Архангельского епархиального начальства. По ходатайству преосвященного Антония в 1857 году решено было мощи «оставить в том самом положении, в каком находятся они доселе»[37].

Затем в июне 1858 года православные жители Архангельска обратились к преосвященному Александру (Павло́вичу), который к тому времени был уже епископом в Архангельске, с прошением ходатайствовать о разрешении перенести мощи праведного Иоанна Яренгского в кафедральный собор. Преосвященный поддержал это прошение, однако ходатайствовал о перенесении мощей не в собор, а в Николо-Архангельский монастырь. Святейший Синод не дал благослове-

[37] Арх. епарх. вед. 1899, № 5, с. 122.

ния на перенесение мощей, основываясь на своем решении 1854 года, когда было отказано в перенесении мощей того же самого святого в строящуюся церковь на Соловецком острове. Считая такое решение делом промысла Божия, епископ Александр написал на присланном из Синода указе: «Богу так угодно устроить».

2.4. ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОРИТ КОЛЬСКИЙ — ПРОСВЕТИТЕЛЬ ЛОПАРЕЙ

До разорения монастырского некрополя с южной стороны от Спасо-Преображенского собора внимание паломников обращала на себя белокаменная надгробная плита XVI века, отмечавшая место погребения Феодорита Кольского — просветителя лопарей.

Надпись на плите приведена в Соловецком патерике: «Лета 7079 (1571) августа 17 дня преставися раб Божий священно-архимандрит Суздальский Евфимиева монастыря, священноинок Феодорит, Соловецкий постриженник» [83, с.43]. За подвижническую жизнь и просветительские труды он удостоен в церковном предании титла Блаженного.

Мирское имя его было Сергий, родился он в Ростове[38], на тринадцатом году удалился из дому родительского в Соловецкий монастырь, а на четырнадцатом принял постриг с именем Феодорит. В соответствии с обычаем, он был отдан на послушание мудрому старцу, иеромонаху Зосиме (ученику преподобного Зосимы Соловецкого), который подвизался в скиту на реке Шуе южнее нынешней Кеми. В Летописце упоминается имя старца Зосимы, так как именно через него преподобные Зосима и Савватий Соловецкие явили чудесное заступничество и помощь своей погоревшей обители в 1485 году (см. 1.6).

У Зосимы он пробыл в послушании духовном 15 лет. За это время он «навыче всякой духовной премудрости», а также познакомился с «лопью дикой»[39] и иными малыми народностями Севера, с их языком и наречиями, так как через скит проходили традиционные пути из центра России на Кольский Север.

Не позднее 1509 года[40] он был рукоположен архиепископом Новгородским Серапионом (Курцевым) в сан иеродиакона. Еще полтора-два года Феодорит провел в Шуе, теперь уже сослужа иеродиаконом иеромонаху Зосиме в скитской церкви в честь святителя и чудотворца Николая. А затем, испросив у своего старца благословения, отправился «на созерцание ко славному и великому мужу, чудотворцу сущу, Александру Свирскому».

Преподобный Александр, не зная Феодорита и прозрев приближение его, вышел к нему навстречу за ограду монастыря и произнес: «Вот сын Авраамов пришел

---

[38] По мнению иеромонаха (в наст. время – епископа) Митрофана [53], наиболее вероятная дата рождения — 1481 год. Далее в разделе 2.4 хронология жития следует работе [53], а цитаты в кавычках приведены по изданию: Курбский Андрей. История о Великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2 пол. XVI в. М., 1986, с. 324–347.

[39] Лопь, лопари – древнерусское обозначение этнической общности современных саамов.

[40] В 1509 г. Владыка Серапион был низвергнут с Новгородской кафедры [90, с. 318], после чего она пустовала до 1526 г., когда наконец был назначен архиепископ Новгородский Макарий (1482–1563 гг.), будущий митрополит Московский и всея Руси.

к нам, Феодорит-диакон», – то есть принял его очень тепло и «зело любяще его, пока он жил в монастыре оном». Затем Феодорит обошел далекие заволжские монастыри в поисках духовно опытных воинов Христовых и, наконец, избрал для жительства Кириллов (Белозерский) монастырь, где обрел подвижнически настроенных монахов.

Прп. Феодорит Кольский. Фрагм. иконы XX в.

Взирая на этих «святых мужей», он в течение двух лет предавался «жестокому и святому жительству, умучая и покоряя плоть свою в порабощение и в послушание духа», а потом перешел в Порфириеву пустынь, ради научения от «божественного Порфирия, исповедника и первомученика»[41]. Прожив с Порфирием в пустыни четыре года, Феодорит получил письмо от своего духовного отца старца Зосимы, который писал, что приближается время его отшествия ко Господу, и просил Феодорита возвратиться к нему. Феодорит поспешил отправиться в дальний путь, чтобы облобызать священные седины своего старца, и около года с любовью служил ему в его немощах и недугах до его блаженной кончины.

Похоронив почившего Зосиму и взыскуя пустынного безмолвного жития, Феодорит направился на небольшом судне вдоль реки Колы к местам обитания «глубоких варваров, лопарей диких».

Там, в непроходимых лесах, он через несколько месяцев встретил отшельника Митрофана, который, по-видимому, был не кто иной, как преподобный Трифон Печенгский до своего пострига[42]. Феодорит и Митрофан подвизались вместе 12 лет, питаясь «от жестоких зелий и корений, их же там производит прегорчайшая пустыня оная». Личный подвиг спасения в пустынных, языческих местах оказался наиболее действенным способом проповеди Христа. Н. М. Карамзин так писал о Феодорите: «Он имел славу крестить многих диких лопарей; не убоялся пустынь снежных; проник во глубину мрачных, хладных лесов и возвестил Христа Спасителя на берегах Туломы; узнав язык жителей, истолковал им Евангелие, изобрел для них письмена <...> просветил Божественною верою без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и Америке, но единственно примером лучшего».

---

[41] Иеромонах (в наст. время – епископ) Митрофан указывает, что это было до 1521 г., когда «был тот Порфирий привлечен из пустыни насилием, по повелению великого Князя Московского (Василия III) на игуменство в Троице-Сергиев монастырь». В 1524 г. за смелые обличения он был изгнан Василием III обратно в его пустынь, а затем подвергнут жестоким пыткам и заточению.

[42] Ко времени этой встречи в 1518–1519 году Трифону было около 30 лет, из которых 5 он провел в пустыни.

Прп. Феодорит Кольский со своими духовными детьми – лопарями

Завершением этой проповеди Евангелия на берегах Нивы, Колы и Туломы должно было стать крещение лопарей и строительство храмов для них. Поэтому в 1530 году Феодорит вместе с Трифоном (тогда еще Митрофаном) отправились за помощью в Новгород. Вернувшись со строителями, они воздвигают церкви: Трифон — на Печенге (у реки Маны) — Свято-Троицкую, Феодорит — на реке Коле — Благовещенскую (летнюю) и Никольскую (зимнюю).

Первой была построена церковь на Печенге, и «по воздвижении же та святая церковь пребывала три лета» неосвященной — шло строительство церквей на Коле. В 1532 году Феодорит с лопарями с Колы-реки и с Туломы поехали «бить челом» к преосвященному Макарию и просить антиминсов и священников, чтобы освятить церкви Божии. По этой челобитной боголюбивый архиепископ Макарий направил к Мурманскому морю священника соборной церкви святой Софии — иеромонаха Илию. Вероятно, вместе с ним отправился и диакон Феодорит как податель челобитной. Когда летом 1533 года Феодорит вернулся в Новгород, архиепископ Макарий рукоположил его во иеромонахи и определил быть своим духовником.

Феодориту было уже около шестидесяти лет. Благодать Святого Духа столь обильно изливалась на всех к нему притекающих, что Андрей Курбский, касаясь его деяний в Новгороде, писал: «Не будучи епископом, воистину светлого епископа дела исправляет». Он привел к истинной вере и к пути спасения множество знатных «свет-

лых и богатых граждан». Он «целил недужных, очищал прокаженных, возвращал заблудших душою из сетей диавольских», пробуждая их к покаянию. Но мыслями он был в северной стороне, среди полюбившихся ему лопарей. О них, добрых и наивных детях природы, Феодорит рассказывал Курбскому: «Тот народ Лопский, люди зело просты и кротцы и отнюдь всякого лукавства неискусны, ко пути спасения же тщаливы и охочи зело». В совершенстве владея лопарским языком, Феодорит учил их Священному Писанию и некоторые молитвы перевел им со славянского языка на лопарский. Многие из крещеных лопарей желали проводить монашеское житие.

Через два года, собрав богатые пожертвования, Феодорит вернулся в свою пустыню, в устье реки Колы создал монастырь с церковью во имя Святой Троицы. Заботясь о стекавшейся к нему монашеской братии, он дал им общежительный устав и заповедовал им жить нестяжательно, без имений, добывая пищу своими руками. Он многих наставлял на путь спасения, совершал огласительные беседы и просвещал святым крещением. Через несколько лет, когда проповедь Евангельская распространилась в округе среди лопарей, в один день крестилось около двух тысяч человек с женами и детьми.

После этого у Феодорита начались нестроения в монастыре, поскольку «не терпит древний супостат человеческого рода благочестие возрастаемое и … шепчет невидимо в уши и глаголюще им в сердце», что никто из людей не может вынести и претерпеть устав, от Феодорита установленный, — «тяжел он вам и неподъемен. Как можно без имений жить и лишь своими руками кормиться?.. Сложившись с диаволом», монахи, схватив Феодорита, «старца святого, бьют нещадно и не только из монастыря извлачают, но и из страны той изгоняют, как врага некоего». Феодорит поневоле вернулся в Новгородскую землю и в течение двух лет был там игуменом в небольшом монастыре.

О его подвижническом житии узнал царь Иоанн Грозный и призвал Феодорита в Москву, чтобы поставить его архимандритом Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале, где пребывали «зело необузданные монахи, своевольно не по уставам и святым правилам живущие». Около пяти лет старец пытался внушить им страх Божий, чтобы побудить их к исправлению. Когда же его обличения коснулись и архиепископа Суздальского «за сребролюбие и пианство», тот в ответ обвинил Феодорита в ереси и сослал в Кирилло-Белозерский монастырь в заточение, где он полтора года претерпевал «ругание и бесчестие». Об этом Феодорит писал Курбскому и иным духовным чадам, и те обратились к архиепископу Новгородскому Макарию с ходатайством.

Преосвященный Макарий, вспоминая подвиги и духовничество Феодорита, послал письмо в монастырь, «повелевающе отпустити мужа и жительствовати ему свободне, идеже хощет». Феодорит поселился в Ярославском Спасском монастыре, однако через год или два снова был призван царем как муж духовный и знающий греческий язык и в 1558 году отправлен послом к Константинопольскому Патриарху просить об узаконении титула «царя Московского». Курбский, писал, что Феодорит, хотя и был «уже во старости и в немощном теле» (77 лет), но «повеление царево послушал и пошел с радостью на таковое посольство».

Поручение Феодорит выполнил очень успешно, и царь, весьма довольный полученным патриаршим посланием с благословением, наградил Феодорита 300 большими сребрениками и «кожухом драгих соболей», а также предложил ему выбрать

себе «власть духовную», какую бы хотел. Курбский так описывает ответ Феодорита. На упомянутые выше искусительные царские милости он, «чуть усмехнувшись, отвечал: «Я, Царь, повеления твоего послушался и все, что ты заповедал мне сделать, исполнил, не обращая внимания на немощи старости моей. Пусть наградою и довольствием мне будет от апостольского наместника, Патриарха Вселенского, данное мне благословение. Даров же от Твоего Величества, так же как и власти для себя, не требую. Даруй их тем, кто просит и кому оное потребно. Я же серебром да драгоценною одеждою услаждаться не приучен, поскольку отрекся от всего такового в начале пострижения власов моих. И пекуся о том лишь, как бы украситься внутренне добротою душевною да благодать Духа стяжать, и только одного прошу — да с покоем и со безмолвием в келии до исшествия моего да пребуду»».

Сколь же велика была святость сего дивного старца, если даже Иоанн Грозный смирился перед ним и «начал молить его да не обесчестит он сана царского и да возьмет дары сии». Феодорит повиновался «за послушание», но взял от 300 лишь 25 серебряных монет. После чего, поклонившись по обычаю, покинул царские палаты. Царь все же повелел шубу отнести в келию, где жил Феодорит. Шубу Феодорит продал и, раздав деньги нищим, отправился в Спасо-Прилуцкий монастырь под Вологду.

Из этого монастыря он дважды добирался по реке Двине до моря и по морю до созданного им монастыря в устье реки Колы для посещения и окормления лопарей, «пекущися о спасении душ их… сея в неверных проповедь евангельскую и размножая благочестие — врученный ему от Бога талант… не щадяще ни старости своей, ни немощного тела, сокрушенного многими летами и великими трудами».

Предвидя возможные сомнения читателей своей повести в реальности столь долгих лет жизни старца и весьма тяжких трудов, Курбский писал, обращаясь к скептикам: «Смотри сюда, полувер, лицемерный христианин, размягченный и разложенный различными наслаждениями: какие храбрые обретаются старцы в православной Христианской земле, на правоверных догматах воспитанные! Чем более состарятся и изнемогут телом, тем храбрее ревность ко благочестию прилагают и острозрительнейшими и приятнейшими ко Богу бывают».

По милости Божией преподобный Феодорит почил от трудов праведных на месте своего пострижения в Соловецком монастыре 17/30 августа 1571 г.

Архимандрит Никодим (Кононов), впоследствии епископ Белгородский, священномученик, писал в работе «Преподобный Трифон Печенгский Чудотворец и его ученики», что «забытая совершенно гробница преподобного Феодорита была разыскана архимандритом Порфирием Карабиневичем в 1860-х годах».

2.5. ПРЕПОДОБНЫЙ ИГУМЕН ИАКОВ – ЧУДНОГО СТЕНОЗДАНИЯ СОГРАДИТЕЛЬ

Об игумене Иакове уже упоминалось в связи с перенесением мощей святителя Филиппа из Твери на Соловки. Он пришел на Соловки в 1563 г.[43] при игумене Филиппе и вскоре принял монашеский постриг.

[43] Рук. Летописец Соловецкий, РНБ Сол. 877/987. Л. 180.

В 1573 году Иаков был назначен игуменом в Палеостровский монастырь, но через 6 лет по неизвестным причинам вернулся на Соловки. Время было неспокойное. Еще в 1571 году на соловецком горизонте появлялись шведские корабли. Хотя «свитцкие немцы», постояв несколько дней «на голомяни», то есть в открытом море, удалились, было ясно, что монастырь, не имевший ни крепостных стен, ни воинского отряда, ни оружия, ни боезапаса, мог при случае стать легкой добычей для неприятеля. Царь Иоанн Васильевич распорядился строить на острове крепость с надлежащим гарнизоном.

В 1578 году на Соловки прибыл воевода Михаил Озеров[44], с ним четыре пушкаря и десять стрельцов. На остров были доставлены пушки, ядра и порох. За одно лето монастырские плотники срубили вокруг монастыря деревянный острог, но уже через четыре года осложнение военно-политической ситуации в Поморье побудило государя позаботиться о более надежном укреплении обители.

К этому времени относятся две грамоты царя Иоанна Васильевича игумену Варлааму с братией с просьбой о молитвенной поддержке на одоление внешних врагов: «чтоб Господь Бог очистил наши согрешения и отвратил праведный свой гнев… и не предал бы нас и все православное Христианство Российского Царствия в расхищение и в плен бусурманам Туркам, и Татарам, и Литве, и Латынам, и Немцам, и путное б наше шествие… на вся видимыя и невидимыя враги победительная, и нам и всему православному воинству здраво возвратитися во свояси» [17, ч. III, с. 33]. Грамота «писана 1579 года мая в 26 день» ввиду нашествия польского короля Стефана Батория.

В грамоте от 24 августа 1581 года Грозный царь перед лицом опасности даже принес публичное покаяние: «смея и не смея челом бью, что Бога прогневал, и вас своих богомольцев раздражил, и все православие смутил своими неподобными делы... и ради многого согрешения моего Бог попускает варварам Христианские страны разорять... а вы бы пожаловали молили, чтоб Господь Бог и Пречистая Богородица праведный свой гнев отвратили и православное Христианство от разорения свободили… А мы и с детьми вам со слезами челом бьем» [17, ч. III, с. 34].

Весной 1581 года, когда Соловецкий игумен Варлаам был уволен на покой по старости, «братья послали бити челом к государю, и просити игумена Иякова в Соловки на игуменство, и государь игумена Иякова на Соловки пожаловал, дал»[45]. Таким образом, игумен Иаков был поставлен по именному повелению царя

---

[44] Сведения о нем сохранились в грамоте Иоанна Грозного игумену Варлааму с братией от 2 августа 1578 года: «а велели Михайлу... сделати острог около Соловецкого монастыря... и людей по острогу, и по башням, и по воротам расписать... А ты б, богомолец наш Варлаам, с Михайлом Озеровым делом острожным промышлял сообща, чтоб острог вскоре сделали, чтоб дал Бог Соловецкого монастыря от немецких людей уберечи» [84, 1998 г., с. 7]. Михаил был убит в стычке со шведами вблизи Кеми в 1579 году и похоронен у южной стены Спасо-Преображенского собора. Сохранилась белокаменная надгробная плита, которая находится в фондах Соловецкого музея. Могилу закрывает гранитная копия. Дата кончины, указанная на белокаменной плите (27 марта 1575 г.), не совпадает с известной датой (начало 1579 г.), когда был убит воевода Михаил Владимирович Озеров. В. А. Буров высказал предположение, что надпись на плите и, соответственно, сама могила относятся к другому представителю московского боярского рода Озеровых (Российская археология, № 2, 2001, с. 132–134).

[45] Рук. Летописец Соловецкий, РНБ Сол. 877/987. Л. 213об.

Иоанна Васильевича. Согласно древнему обычаю, новопоставленный настоятель лично ездил к государю в Москву с образами Соловецких чудотворцев и со святой водой. После кончины Иоанна Грозного 18 марта 1584 года игумен Иаков также ездил в Москву на поклонение к его сыну – новоизбранному царю Феодору Иоанновичу. Игумен Иаков стал духовным наследником и достойным преемником святителя Филиппа – «игумен многотрудный, чудного стеноздания сограditель, зело подвижного жития» – так о нем свидетельствует запись № 11 в «Верном и кратком исчислении… преподобных отец Соловецких» [61, с. 17].

Он управлял монастырем 16 лет (1581–1597 гг.), и главным видимым памятником его деятельности осталась на века неприступная Соловецкая крепость. Строительство мощных стен и башен из необработанного булыжного камня довело до логического завершения замысел святителя Филиппа: были окончательно определены границы и планировка монастырского ансамбля. Возведение крепости началось в 1582 году[46], продолжалось 14 лет [75, с. 17], а пристенок с восточной стороны был достроен уже в 1621 году. Крепость строилась руками монастырских трудников на монастырские средства.

В 1594 г. был прислан из Москвы воевода Иван Михайлович Яхонтов «для обозрения строящейся крепости и для собрания к оной в помощь людей из волостей, монастырю принадлежащих. В тот же год сия крепость строением была совершена. Она воздвигнута из диких неотесанных больших и средних камней, имеет… восемь высоких башен и восемь ворот. Стена внизу с бойницами, а вверху с окнами или амбразурами и проходом под крышею; мерою вокруг и с башнями 509 саженей трех-аршинных[47]. Местоположение крепости придает ей и важность, и красоту: <внутри нее высятся храмы Божии, окруженные жилищами иноков, а снаружи> с западной стороны – морская губа, а с восточной – глубокое и большое озеро, которое называется Святым. А все сие огромное строение располагал и зодчим при оном был монах Трифон[48]), постриженник Соловецкий, уроженец поморского селения Нёноксы. После кончины его, в сем монастыре, для поминовения за труды его записан он в Синодик без выписки, доколь Святая обитель стоит» [40, с. 47].

---

[46] Там же. Л. 214об.

[47] Общая протяженность стен по внешнему абрису около 1200 м. [75, с. 30].

[48] Старец Трифон (в миру Терентий Григорьевич Кологривов) происходил из рода Григория Пушки, который был также предком и А.С. Пушкина. Отец Терентия принял иноческий постриг в Николо-Корельском монастыре и там окончил свою жизнь под именем Герасима-схимника. В той же обители подвизался вначале и сам Терентий, и два его брата. Затем Терентий пришел в Соловецкую обитель, где принял постриг с именем Трифон и почти 40 лет занимался строительством. Он в совершенстве владел уникальной технологией кладки из громадных валунов неправильной формы и воздвиг не только крепость, но и церковь Благовещения, и каменные переходы. Он скончался и похоронен на Соловках около 1621 г. «По смерти его, в уважение незабвенных трудов, записан он в Синодик (за вклад 50 рублей) для всегдашнего поминовения, доколе святая обитель стоит» [17, с. 85]. По свидетельству К. П. Гемп, еще в начале XX века в Соловецком монастыре ежедневно возносились молитвы о упокоении души монаха Трифона: «Соловки воздали особое вознаграждение только зодчему Трифону… Четыре раза я слушала это поминовение. Оно провозглашалось с амвона и сопровождалось хором. Церемония производила большое впечатление на присутствующих и вызывала много разговоров». [К. Гемп, Сказ о Беломорье. – Архангельск, 1983, с. 112].

В это же время для защиты поморских крестьян от набегов финнов и шведов был построен на иждивение монастыря на побережье Сумский острог – деревянное, обнесенное земляными валами укрепление. Острог включал шесть башен с теплыми подклетами и был защищен пушками. В нем располагался храм в честь святителя Николая Чудотворца, двор монастырский с 5 житницами, изба для сторожей и – на случай осады – дома для крестьян с теплыми подклетами, комнатами в два этажа и 13 житниц.

С начала строительства крепости непосредственному ведению монастыря были подчинены стрельцы в количестве 100–130 человек, набранные из монастырских крестьян. Половина из них всегда находилась в береговых укреплениях Сумского и Кемского острогов, а другая часть – в Соловецком монастыре. Таким образом, игумен мирной северной обители вынужден был принять на себя обязанности коменданта военной крепости и охранять безопасность всего Беломорского края[49].

Несмотря на начальственные обязанности, связанные с многопопечительностью, игумен Иаков находил время и для книжных занятий, он был собирателем и любителем книг. При нем в Соловецком монастыре сложилась традиция переписывания рукописей; на некоторых рукописях сохранились пометы о том, что они написаны «по велению игумена Иакова». На других – присутствует экслибрис игумена Иакова, то есть у него была и личная библиотека.

Во время его игуменства был составлен один из первых Соловецких летописцев, в котором история возникновения и становления Соловецкой обители изложена в контексте общерусской истории[50]. По-видимому, автором этого летописца был сам игумен Иаков или кто-то из его учеников, так как в тексте упоминаются детали биографического характера, касающиеся именно игумена Иакова, например, о его приходе в монастырь, о избрании на игуменство, о поездках в Москву к государю[51].

1/14 сентября 1584 года игумен Иаков освятил в монастыре каменную церковь во имя святителя Николая, под которой находились погреба, а прежнюю деревянную перенесли на остров Анзер. Настоятель надеялся со временем вокруг церкви устроить скит. Об этом впоследствии писал преподобный Елеазар: «Прежде мене, грешнаго Елеазара, бывший игумен Иаков виде от Бога откровение о месте Анзерском. Аз же его застах[52]. И поведа, что хощет Бог прославитися на месте сем, и будет монастырь велий и многи святыя. И сам он хотел поставити монастырь на том месте и церковь воздвигнути. И по зависти супостата врага не

[49] Насколько необходимой была в то время самооборона для монастырей, свидетельствует история Трифоно-Печенгской обители. В течение зимы 1590 г. финны сожгли и разорили до основания Печенгский монастырь, игумена Гурия с иноками и монастырскими людьми умертвили в числе 116 человек, а церковное и монастырское имущество разграбили. Потом они приступили и к Кольскому острогу, но жители Колы на вылазке разбили их.

[50] Летописец Соловецкий. // Ркп. РНБ, Сол. 877/987, л. 114об.–217.

[51] Там же. Л. 180, 200, 211–217. Об этой рукописи см. Новикова О. Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // [35, С. 216–253].

[52] Известно, что преподобный Елеазар переселился на Анзерский остров осенью 1614 г., а до этого несколько лет подвизался в Соловецком монастыре, где и встречался с игуменом Иаковом.

даша ему воздвигнути Соловецкия старцы. Он же и до смерти глаголаше: "Аще и не даша мне поставити, а обитель будет на месте сем велия"» [76, с.113]. Это предсказание исполнилось: в 1621 году царским повелением был основан Свято-Троицкий Анзерский скит.

Игумен Иаков избрал себе место упокоения рядом с местом погребения святителя Филиппа. Сохранились прикрепленные к стене фрагменты надгробной плиты игумена Иакова с надписью: «Здесь погребено тело игумена 27-го Соловецкого Иакова, ученика Святителя Филиппа, бывшего игуменом 16 лет, старанием коего перенесены Святителя Филиппа мощи из Отрочь монастыря и за то принявшего покой у ног своего учителя. В 1597 году скончался». Ошибка в дате кончины свидетельствует о том, что эта плита поздняя, она положена, может быть, во время строительства Троицкого храма. В 1597 году игумен Иаков стал архимандритом Костромского Ипатьевского монастыря. В 1606 году он удалился на покой в Соловецкий монастырь, где и скончался 21 марта / 3 апреля 1614 года [76, с. 9].

На Соловках вместо Иакова, переведенного в Костромской Ипатьевский монастырь, был поставлен игуменом соловецкий постриженник Исидор, управлявший обителью семь лет (1597–1604 гг.), до возведения в сан митрополита новгородского. При нем 1 ноября 1601 года загорелись мельницы и житницы в южной части монастыря. Сильный ветер способствовал распространению пламени, и от горящих головней уже начали тлеть крыши келий. Тогда игумен Исидор со всем собором начал со слезами петь молебное пение Господу, Божией Матери и преподобным Зосиме и Савватию, у мощей преподобных. Затем он велел вынести к месту пожара крест Господень, святую воду, чудотворную икону Пресвятой Богородицы, принесенную им из Казани, и образ преподобных Зосимы и Савватия. Игумен Исидор стал кропить огонь святой водой и осенять крестом, а иконы были поставлены прямо против ветра. Тотчас пламя уменьшилось, горевшая житница и крыша стали гаснуть, распространение огня прекратилось.

Это чудесное избавление от пожара еще раз подтвердило, что преподобные Зосима и Савватий не оставляют обитель своим попечением.

2.6. СТАРЕЦ АВРААМИЙ ПАЛИЦЫН — ЛЕТОПИСЕЦ И РАТОБОРЕЦ

На Соловках сохранился замечательный памятник преодоления смуты в Российском государстве. Это надгробие над могилой Авраамия Палицына – знаменитого келаря Троице-Сергиевой Лавры, похороненного у южной стены Спасо-Преображенского собора.

В монастырских синодиках его поминают как «старца Авраамия», так как отсутствуют сведения о его рукоположении в священный сан, а дела его свидетельствуют о духовной зрелости. В его личности сочетались талант военачальника и прозорливость молитвенника, литературная одаренность и политическая мудрость, умение распорядиться вверенным ему лаврским достоянием и готовность пожертвовать своим положением, репутацией и даже жизнью ради пользы Отечества.

Авраамий Палицын.
Фрагм. памятника в Новгороде

Принадлежал он к древнему роду дворян Палицыных, выехавших из Литвы при Димитрии Донском. По преданию, он родился в селе Протасьеве Ярославской губернии, близ Ростова. Мирское имя его было Аверкий Иванович. Имена родителей – Иоанн и Матрона – остались в помянниках Лавры благодаря заупокойным вкладам, данным Авраамием. Дата его рождения неизвестна.

Впервые имя Аверкия Палицына упоминается в 1584 году в связи со ссудой денег родственнику (то есть к этому времени Аверкию Ивановичу было не менее двадцати лет). Он состоял на службе у царя Феодора Иоанновича и в 1588 году был послан воеводой в Колу, однако вскоре по неизвестной причине был лишен имущества и сослан на Соловки, где и принял монашество.

В 1594 году вместе со старцами Исидором и Илией Авраамий был послан в Троице-Сергиеву Лавру. В 1601–1608 годах он жил в Богородицком Свияжском монастыре Казанской губернии. В 1608 году возвращен в Троице-Сергиев монастырь на должность келаря[53]. Являлся вторым лицом после архимандрита, ведал монастырское строение, вотчины, казну, столовые запасы, был судьей и устроителем имений монастыря и его посредником в сношениях со светской властью, оберегателем его прав и интересов.

Вместе с архимандритом Лавры Иоасафом Авраамий рассылал грамоты, в которых Троицкие власти укрепляли народ стоять за царя Шуйского против Тушинского вора Лжедмитрия. Во время осады Лавры войсками Сапеги и Лисовского[54] жил в Москве по повелению Шуйского. Писал поддерживающие нравственную бодрость послания в осажденный монастырь, убеждал царя послать в монастырь военную помощь. В Москве во время сильного голода по приказанию Шуйского вывозил на рынок хлеб из московских монастырских житниц с целью сбить цены.

---

[53] Келарь, буквально, – келейный надзиратель, но по уставу Киево-Печерского монастыря келарь заведовал всем, что касалось монастырской трапезы. В Троице-Сергиевой Лавре келарь под контролем и по благословению настоятеля заведовал монастырским строением, вотчинами, казной, столовыми запасами, всякими угодьями, по совету с собором избирал старцев добрых трезвого поведения на разные должности монастырского управления, составлял «окладные книги» – хозяйственные описания монастырских земель.

[54] Осада продолжалась с 23 сентября 1608 г. по 12 января 1610 г.

Авраамий Палицын

После низведения с престола Шуйского 27 августа 1610 года произошло неслыханное: представители великой и обширной Русской земли присягнули на подданство иноземному государю Владиславу. Под Смоленск к Сигизмунду III было направлено посольство с тем, чтобы он дал королевича Владислава на царство.

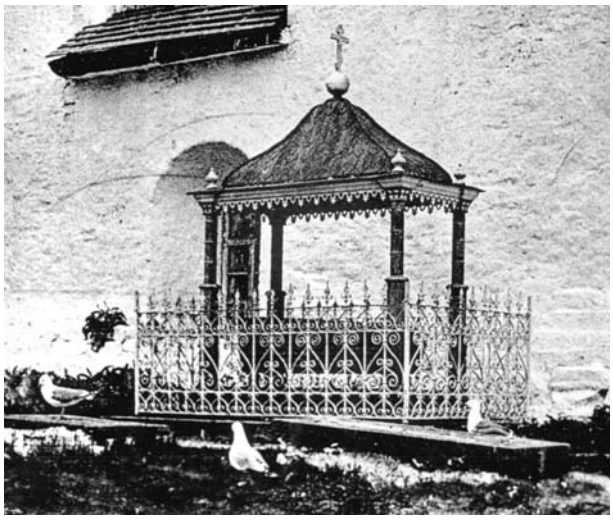
Сигизмунд не согласился, намереваясь взять Москву силой, и Авраамий, вместе с другими послами, был задержан и томим голодом. Сенаторы же и гетманы говорили послам, что они одни только упрямятся, а все Московское государство хочет служить польскому королю, и показывали челобитные с подписями, кто что у короля просит.

Авраамий, видя, что «лукави бо сущи и нетверди в вере Поляки и Литва» [32, с.68], считал дальнейшие переговоры «бездельными». Поэтому он богатыми дарами и признанием власти Сигизмунда выговорил себе право вернуться в Москву, да еще с грамотой, подтверждающей права монастыря на вотчины в случае победы Сигизмунда. За ним последовали и другие представители посольства, причем против воли бывшего во главе посольства митрополита Ростовского Филарета (боярина Феодора Никитича Романова), чем, естественно, вызвали его гнев и обвинения в измене[55].

Однако сразу после возвращения из-под Смоленска Авраамий встал под знамя патриарха Гермогена, создавшего грамотами ополчение Ляпунова, и вместе с архимандритом Лавры Дионисием стал рассылать Троицкие грамоты, призывающие русский народ к восстанию на поляков, засевших в Кремле. Одна из патриотических Троицких грамот повлияла на Минина, собравшего ополчение нижегородцев и двинувшегося к Москве на соединение с казаками.

Видя упорную медлительность Пожарского, стоявшего пять месяцев с нижегородцами в Ярославле, Авраамий лично отправился к нему, чтобы побудить князя к походу на Москву. В войске он увидел «нестроение велико: одни хотели идти под Москву, другие – нет, говоря: “Князя Димитрия манят в Москву за тем, что хотят его там убить казаки…” Келарь же много прещаше им и князю Димитрию говорил: “Помни, княже, Господне слово, во Евангелии реченное: “не убойтеся от убиваю-

[55] Отъезд Палицына без благословения митрополита Филарета был, конечно, формальным нарушением церковного послушания. «Но уехать в Москву иначе и невозможно было… Сигизмунд даже не позволял послам посылать в Москву известий о ходе дел под Смоленском… При отъезде Авраамий говорит, что болен и не может явиться на зов Филарета… Поступок этот не может быть оправдан, но может быть извинен. Авраамий Палицын понимал, что оставить посольство благоразумно, но не справедливо (юридически), и оправдываться означало к неправде прилагать большую ложь. Он не мог согласиться с позицией Филарета, но и поучать того считал неудобным» [32 , с.66].



Надгробие Авраамия Палицына. 1901 г. Фото нач. XX в.

щих тело, души же не могущих коснутися", – что аще случится и постраждеши, мученик будеши Господеви". Многое и другое говорил ему старец, "яко умилитися ему, и, оставивши все свои размышления, и страх ни во что же вменив, но все упование возложив на всесильного Бога", Пожарский решился идти к Москве» [32, с.122].

В решительный момент битвы с Ходкевичем, когда казаки готовы были переключиться на мародерство и оставить нижегородцев без помощи, Авраамий живым словом, обещанием Троицкой казны и своим непосредственным участием в военных действиях воодушевил казаков на поддержку ополчения.

Духу корыстолюбия и разделения он противопоставил дух жертвенности и соборности. Он сумел проповедью Слова Божия объединить и вдохновить на подвиг дворян, бояр и горожан, ополченцев из русских городов и казачьи отряды. Его слово имело силу, потому что за ним стояла правда Божия: «Чтобы всем быти в совести и соединении, и друг друга не побивати, и не грубити, и дури ни над кем не чинити».

Решено было даже отдать казакам Троицкую ризницу, так как денег не было. Однако казаки, тронутые Троицким челобитьем с похвальным словом о службе их и видя шитые жемчугом ризы с икон Богоматери, обещались и без вознаграждения не отходить от ополчения, не взявши Москвы. 26 октября 1612 года русские войска торжественно вошли в Кремль, 18 месяцев бывший в руках поляков. Благодарственный молебен на Лобном месте служил доблестный архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Дионисий.

В начале 1613 года, когда бояре в очередной раз делили между собой власть, выборные от народа склонились к избранию на царство молодого Михаила и обратились за поддержкой к Палицыну. Авраамий заплакал и, похвалив их за благое намерение, пошел и возвестил власть имущим о желании народных масс. Для бояр неожиданно было это заявление, ибо влиятельнейшие из них сами домогались царства. Однако Палицын опять сумел помочь совершиться тому, что согласно было «смотрению Всевышнего Бога» [90, с. 499]: 21 февраля в неделю Торжества Православия посланы были Рязанский архиепископ Феодорит, Троицкий келарь Авраамий Палицын, Новоспасский архимандрит Иосиф, боярин Василий Морозов возвестить народу с Лобного места об избрании земским собором на царство Михаила Романова, но едва они вышли, народ единодушно воскликнул то же имя.

Надгробие Авраамия Палицына. 1901 г. Фото 2005 г.

Сразу снаряжено было посольство в Кострому в Ипатьевский монастырь. Однако инокиня Марфа отказывалась благословить сына на царство, ссылаясь на то, что «Михаил несовершеннолетен, а люди Московского царства в Смутное время изолгались и измалодушествовались. Московское государство разорено, царская казна истощена, а служилые люди бедны. Узнает король Польский, что сын Филарета избран на царство, еще более утеснит его» [32, с.157]. Михаил соглашался с матерью, никакие доводы посольства не действовали, народ, пришедший из Костромы, кланялся в землю и плакал.

В решительный момент архиепископ Феодорит взял принесенную из Москвы Владимирскую икону Божией Матери, а Палицын икону Московских Святителей и встали перед Марфой и Михаилом, говоря: «Недаром шла с нами сюда чудотворная икона Богородицы и образ Великих Святителей, если вы нас не хотите

слушать, то не осмеливайтесь преслушаться Богородицы и Великих Святителей, но исполняйте волю Божию. От Бога избран ты, Михаил, не гневай Владыку всех Бога». Тогда Марфа, как бы испугавшись Божия гнева, вручила свое чадо Богородице и чудотворцам Петру, Алексею и Ионе: «Даю вам своего сына. Пусть будет он царем». «И паки радостная весна усмехнуся, лето благоверия повсюду пролияся», – заключает летописец сказание о смутном времени [90, с.160].

Авраамий Палицын продолжал участвовать в налаживании государственной жизни, он был представителем на нескольких земских соборах. В 1615-1617 годах он написал «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и Литвы и о бывших потом мятежах». Он надеялся, что, читая это скорбное летописание, «всяк возраст да разумеет, и всяк да приложит ухо, дабы услышать, из-за каких грехов наших попустил Господь Бог наш праведное свое наказание всей России – из конца в конец, и как весь Славянский народ впал в смуту, и все места по России огнем и мечом поедены были».

Старец Авраамий впервые открыто назвал духовные причины смуты – попрание правды Божией ради удобства достижения своих целей. Началом отступления стало убийство Борисом Годуновым царевича Димитрия ради достижения царского трона. К этому греху приложился больший – «всего мира безумное молчание», ибо Борис при короновании обещал: «Бог свидетель сему, никто не будет в моем царстве нищ или беден». Эти обещания «пряника» быстро сменились политикой «кнута»: стремясь укрепить свою власть и передать ее наследникам, Борис стал подозрительным, создал тотальную систему доносов и постарался избавиться от мудрых советников: «разумные люди из тех, кто был в царских палатах, истреблялись, и сильных в рассуждении далеко прогоняли». Самое страшное, что в глазах всего общества произошла десакрализация царской власти: оказалось, что ее можно было не только принять из руки Божией, но и восхитить. Отсюда возникла идея самозванства. В результате, оставшись без законного царя, русская земля «побрела розно» – каждый выживал, как мог.

На примере истории осады Троице-Сергиевой Лавры старец Авраамий показал, что путем подвига и покаяния есть возможность для русского общества объединиться и вернуться на пути Божии. «Сказание…» было высоко оценено современниками. «Хронограф» 1617 года советовал: «Аще кто восхощет о смятении Российския земли широко и пространно уведать, и той да прочти себе великую Историю Палицына».

В 1615 году Авраамий вместе с архимандритом Дионисием выхлопотал у царя указ об исправлении Троицкими справщиками богослужебных книг. В 1618 году он возглавлял защиту Лавры от войск Владислава, так как архимандрит Дионисий был оклеветан и находился в заточении за исправление книг. Когда вернувшийся из семилетнего польского плена митрополит Филарет был поставлен Патриархом, Авраамий Палицын, по-видимому, счел за благо, испросив разрешения царя, удалиться на покой в Соловецкий монастырь.

Он вернулся на Соловки в 1620 году, чтобы в соответствии с обычаем того времени окончить дни свои в обители, где он давал обеты при пострижении в монашество. Здесь из-под его пера вышла новая версия «Сказания...». В 1830-е годы архимандрит Досифей имел удовольствие держать в руках древний скорописный летописец, в котором большая часть была посвящена защите Троицкого монастыря от поляков. Сличив почерк этой рукописи с почерком рукописной же книги

«Житие Преподобного Сергия Чудотворца Авраамьевское Палицына», он сделал вывод, что эта летопись «и есть остаток от трудов сего знаменитого писателя» [17, с. 132].

13/26 сентября 1627 года старец мирно отошел ко Господу. Настоятель даже известил о его кончине государя, думая, что он, возможно, пожелает как-нибудь отметить место упокоения столь известного мужа. Однако никаких распоряжений не последовало, и к 1836 году даже место упокоения Авраамия Палицына нельзя было указать. Архимандрит Досифей писал: «Нашим бытописателям и доныне не было известно, где скончался сей достославный страж отечества и где покоится прах его» [17, с. 130][56].

В 1872 году могила была обнаружена. «Монахами был усмотрен выдававшийся наружу из-под размытого ливнем слоя земли кусок надгробной плиты с высеченной на камне надписью. Самый камень развалился, но слова: "лета 7135 погребен раб Божий Авраамий Палицын" – сохранились весьма отчетливо и ясно»[57]. 13 сентября 1901 года архимандрит Иоанникий с братией отметили место упокоения «достопамятного инока Авраамия» памятником в виде гробницы из местного серого гранита с надписью на боковой плоскости, обращенной к посетителю: «В смутное время междуцарствия, когда России угрожало иноземное владычество, ты мужественно ополчился за свободу отечества и явил беспримерный подвиг в жизни русского монашества. Как смиренный инок, ты безмолвною стезею достиг предела жизни и сошел в могилу, не увенчанный победными лаврами. Венец тебе на небесах, незабвенная память твоя в сердцах благодарных сынов Отечества, тобой освобожденного вместе с Мининым и Пожарским».

2.7. ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ, ИГУМЕН СОЛОВЕЦКИЙ — МУЖ ТРЕЗВЕННЫЙ И ВЕЛИКИЙ ТЕРПЕЛИВЕЦ

Начало XVII века – время самозванцев и смут в русском Отечестве. В это время был поставлен игуменом Соловецким Антоний (1605–1613 гг.) – «муж трезвенный и великий терпеливец, в подвигах иноческих, молитвах и постах небесною помощию укрепляем ко утешению и укреплению иноков и всех православных, в то время бедствующих от нападения Шведов» [61, с. 17].

При нем в 1605 году освящен верхний придел Успенской трапезной церкви во имя святого великомученика Димитрия Солунского [40, с. 50].

В Смутное время игумен Антоний проявил себя как истинный патриот и стойкий борец за интересы России. Его благоразумием была спасена обитель Соловецкая, а с ней и все Поморье от шведов.

---

[56] В этом же труде архимандрит Досифей писал, что в Соловецкой обители совершалось ежегодное поминовение старца Авраамия в день его кончины и «стол на братию с белым хлебом», согласно записям в кормовых книгах монастыря, в которых на весь год было расписано, когда по кому из вкладчиков поставлять на братию трапезу. Авраамий Палицын давал вклады в монастырь два раза по 50 рублей, да 15 рублей платил за келью, да после кончины его осталось 63 рубля, да два меха куньи, ценой 6 рублей, «всего его вкладу 184 рубля». Он завещал также в монастырскую библиотеку «на помин свой во веки» Псалтирь, писанную уставом, с заглавными раззолоченными рисунками.

[57] Моск. Епарх. Ведомости. № 21. 21 мая 1872 г. С. 148.

Игумен Антоний. «Сад спасения». 1711 г. Титульный лист

После низложения царя Василия Шуйского шведский король стал захватывать русские города и надеялся возложить на свою голову венец Мономаха. Для этого он старался заручиться поддержкой Соловецкой обители. В ответ на его грамоту игумен Антоний писал 12 марта 1611 года: «И у нас, в Соловецком монастыре, и в Сумском остроге, и во всей поморской области тот же единомышленный совет: не хотим никого из иноверцев на Московское государство царем и великим князем, опричь своих природных бояр Московского государства» [30, с. 67].

Вскоре шведы показали свои намерения. Летом 1611 года они, замышляя разорение монастыря, пристали на кораблях к островам, расположенным в 30 верстах от Соловецкого архипелага, которые и теперь называются Немецкие Кузова. В летописи говорится, что «во днех сего блаженного игумена Антония бегство бе от шведов во святый сей Соловецкий иноческий эдем со всего помория. Благодатию Божиею и молитвами его супостаты во мраке быша за 30 поприщ от монастыря у островов, нарицаемых Кузова, и пути во обитель не видеша, и отидоша» [61, с. 17]. Однако вплоть до 1613 года шведы беспокоили своими набегами пограничных жителей и требовали себе Сумской острог.

Игумен Антоний «подвизался во ангельском чернеческом образе 41 лето» и скончался, как указано на надгробной плите, 22 марта 1612 года[58]. Тело его погребено в усыпальнице Святителя Филиппа с северной стороны. Впоследствии над местом погребения была устроена рака, но служба ему как святому не совершалась, хотя память его почиталась и в начале XX века как высокодобродетельного и славного подвижника.

2.8. ПРЕПОДОБНЫЙ ИРИНАРХ, ИГУМЕН СОЛОВЕЦКИЙ, И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

В 1614 году настоятелем Соловецкого монастыря по грамоте царя Михаила Феодоровича был поставлен постриженник Соловецкий Иринарх – угодник «Божий и подвижник, житием весьма кроткий и смиренный, во время его многия пустынножители на острове Соловецком просияша» [61, с. 17].

[58] На плите XVII века надпись: «Лета 7120-го (1612) месяца марта 22 день преставися игумен Антоний Соловецкого монастыря». Такую же дату указывает «Летописец» [40, с. 50]. У еп. Никодима приведена дата кончины 21 марта 1613 г. [61, с. 17].

Игумен Иринарх. «Сад спасения». 1711 г. Титульный лист

28 сентября 1614 года он заключил перемирие со шведами. Однако из-за угрозы нападения со стороны датчан ему пришлось привести в боевое состояние монастырскую крепость: с восточной стороны достроить пристенок, с северной и южной сторон выкопать рвы, выложить их камнем и обнести частоколом. В монастыре, а также в Сумском и Кемском острогах число военных людей, находящихся на содержании монастыря, увеличилось до 1040 человек[59].

Большое количество военных и всякого звания людей, участвовавших в работах по достройке и охране крепости, привносили с собой мирские нравы, нарушающие монастырскую жизнь. Будучи сам строгим подвижником, преподобный Иринарх понимал необходимость уединения и безмолвия для любителей молитвы. Поэтому он благословил на пустынножительство своего ученика преподобного Елеазара и способствовал устроению Троицкого скита на острове Анзер. В личной беседе с Патриархом Филаретом и царем Михаилом Феодоровичем он сумел так повернуть дело, что 18 марта 1620 года дана была патриаршая грамота на устроение церкви для пустынножителей. Летом 1620 года сам игумен Иринарх положил нижние венцы в основание первой деревянной скитской церкви во имя Святой Троицы с приделом в честь преподобного Михаила Малеина – святого покровителя царя.

Через год церковь была освящена, причем «образы, и сосуды, и кадило, и книги, и ризы, и всякое церковное строенье» [31, с. 336] было прислано от Патриарха и царя.

Путешествие игумена Иринарха к царю в начале 1620 года было связано с тяжелым экономическим положением монастыря. Об этом говорится в царской грамоте на имя Двинского воеводы князя Хилкова от 15 февраля 1620 года: «Бил нам челом богомолец наш Соловецкого монастыря игумен Иринарх с братиею и сказал: Соловецкий монастырь место не вотчинное, и хлебной пашни нет, питаются соляными промыслы… Возили они к Вологде для своего монастырского годового обихода по сто тысяч пудов соли на год и ту соль на Вологде продавали и на те деньги … покупали всякие хлебные запасы, и платье, и обувь и монастырский обиход, на братию, и на служек и на ратных людей; … и как блаженной памяти

[59] Первым Соловецким воеводой был Михаил Иванович Спешнев, назначенный царским указом. Он пребывал в Сумском остроге. Ему была поставлена задача вместе с Соловецким игуменом наблюдать за пограничными местами и оберегаться от внезапных неприятельских вторжений.

царь и великий князь Василий Иванович взял у них казну из монастыря, и с того времени соли у них пред прежним приходит к Вологде не сполна, всего тысяч по шестидесяти и по семидесяти пудов на год, и тою вологодскою соляною продажею им про монастырский обиход сполна хлебных запасов купить не на что» [30, с. 72].

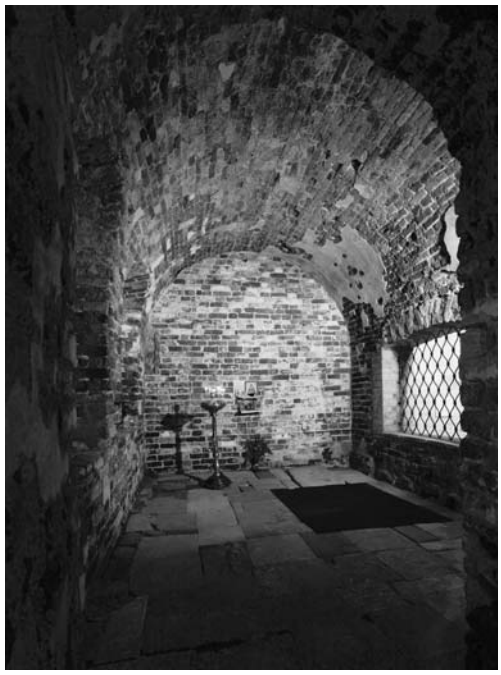
Далее в грамоте указано количество людей, получавших пропитание от монастыря: «братии у них и служек, и пушкарей, и затинщиков, и стрельцов, и мастеровых и всяких работных людей в Соловецком городе и в остроге Сумском больше тысячи человек, да у соляных промыслов, у варниц, соляных промышленников больше семисот человек, а пьют, едят и носят они монастырское, опричь приезжих людей, гостей. А бедные разоренные люди от немец и от литвы, и наших поморских и корельских волостей и из лопских погостов многие люди, приезжая безпрестанно, питаются от Соловецкаго монастыря» [30, с. 73]. Указывается также, что и Соловецкая крепость, и Сумский земляной острог строились и содержались за счет монастыря «без подмоги», также и денежное, и хлебное жалованье для стрельцов, порох и свинец дается из монастыря.

Соляные промыслы монастыря в 1613–1615 годах сильно пострадали от литовских людей и от русских воров. Монастырскую денежную казну 5150 рублей взял в Москву царь Василий, а в 1614 году 1000 рублей – царь Михаил. Видя, что в результате всех издержек военного времени Соловецкий монастырь денежной казной и хлебными запасами окончательно оскудел и «самим питаться, и в городе и остроге ратных людей держати не чем» [30, с. 74], царь Михаил Феодорович освободил монастырь от уплаты пошлины со ста тысяч пудов соли на пять лет «для немецкого разорения и для укрепления Соловецкого монастыря и Сумского острога». Царь также пожаловал монастырю во владение волость Шую Корельскую с угодьями и крестьянами и подтвердил подсудность монастырских владений, кроме уголовных дел, одному игумену.

Присутствие в обители военных и мирских людей понуждало и монашествующих входить с ними в общение, заниматься мирскими делами и вспоминать мирские привычки. «Ведомо нам учинилось, – писал царь в грамоте от 9-го февраля 1621 года, – что в Соловецком монастыре некоторые из братии дерзают иметь житие не по божественному уставу и не по правилам св. апостолов и богоносных отец, во многих случаях не соблюдают соборных повелений, устава и предания преподобных чудотворцев Зосимы и Савватия. Слыша о том, удивляемся, что в такой честной лавре и в чудотворном месте начинают проводить такую слабую жизнь, презирая и ни во что вменяя отеческия предания». Царь повелел обуздывать своевольных и недостойных монахов, особенно предающихся пьянству. Новоначальные братия, ради научения отсекать свою волю, должны были находиться в послушании у опытных старцев и игумена.

30 июля 1623 года при игумене Иринархе были обретены мощи преподобного Германа [40, л. 15].

В 1626 году престарелый игумен отпросился на покой и последние два года своей жизни провел в совершенном безмолвии и молитве. Преставился он 17 июля 1628 года и был погребен в часовне, названной его именем. На плите надпись: «Зде погребен Иринарх, игумен Соловецкий, преставился в лето от Адама 7136, а от Р.Х. 1628 июля 17 дня. Игуменом был 12 лет». Мощи его почивали под спудом. «Идеже



Часовня игумена Иринарха в подклете Троицкого собора. Современный вид

гроб его стоит во обители в молитвенном храме, мнозии видевшии чудный свет блистающ во уверение совершенства его святыни» [61, с. 18]. Над мощами была устроена рака, память его в начале XX века чтилась то панихидами, то молебнами, и иконы преподобного Иринарха в большом количестве встречались на Севере [61, с. 68].

В Иконописном подлиннике предписано изображать его следующим образом: «подобием сед, брада аки Кирила Белозерскаго, в клобуке, ризы преподобническия» [61, с. 66].

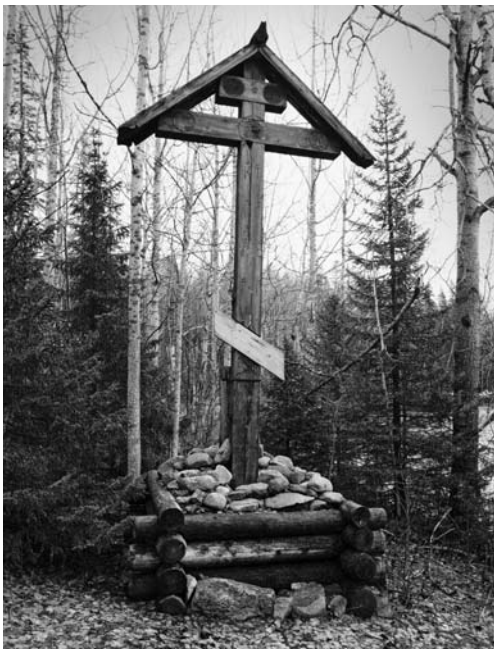
Посмертные явления преподобного Иринарха свидетельствуют, что он обрел благодать пред Господом и стал молитвенником за бедствующих и страждущих. Записки о чудесах были составлены не позднее 1644 года Соловецким монахом Иларионом (впоследствии игуменом Калязинским), а затем до 1666 года добавлялись и другие свидетельства очевидцев.

Первое явление произошло на 40-й день по кончине преподобного Иринарха. Когда иноки встали из-за трапезы и пели поминальную литию, инок Виталий – ученик преподобного, слезно скорбевший о лишении духовного отца, увидел, что игумен Иринарх, в епитрахили и с кадилом в руке, ходит по рядам братии и кадит, и с того времени исцелился он от печали и уныния. Иеромонах Вениамин также скорбел и тужил о разлуке с игуменом, но был утешен явлением преподобного Иринарха, который, как бы пришедши в келию, благословил его и сказал: «Сын мой, зачем ты скорбишь о мне? Я получил от Владыки Христа Бога нашего милость и нахожуся в покое. Ты не скорби о мне, а радуйся и подвизайся о своем спасении».

Известны также «морские чудеса» преподобного Иринарха. В 1629 г. две ладьи промысловиков из Двинской области были унесены сильной бурей далеко от берега. Несколько дней поморы усердно молились Богу об избавлении от беды, а когда от качки и утомления задремали, кормчему на одной ладье явился во сне старец с длинной седой бородой в священническом облачении и с крестом в руке и сказал: «Встаньте, молитесь Богу и призывайте на помощь Соловецких чудотворцев и скоро получите милость от Бога». Кормчему показалось, что все встали и поклонились старцу, который осенил их крестом и на вопрос, кто он, отвечал: «Я игумен Соловецкого монастыря Иринарх». Такое же явление видел и один из бедствовавших на другой ладье: явившийся старец также назвал себя Иринархом, увещевал не скорбеть, но уповать на милость Божию и указал посохом путь к Анзерскому острову. Проснувшиеся, выслушав рассказ о явлениях преподобного,

возблагодарили Бога и ободрились. Скоро подул попутный ветер, который принес первую ладью к месту, называемому «Зимний». Здесь промышленники нашли множество морских зверей и с богатой добычей вернулись домой. Другая ладья пристала к мысу Колгуев Анзерского острова.

Жителей деревни Варзуги, возвращавшихся с безуспешного промысла, старец разбудил ночью и сказал: «Вставайте, Бог посылает вам здесь добычу!» Один из охотников встал, выглянул с судна и увидел благообразного старца, который назвался игуменом Соловецкого монастыря Иринархом. Поморы, выскочив с судна без верхнего платья, действительно нашли на льдине множество зверей и возвратились домой с большой добычей.



Поклонный крест 1812 г. в Старой Сосновке

Жителей Сумского посада, заночевавших на берегу Анзерского острова, игумен Иринарх разбудил и велел вытащить суда на берег, чтобы их не повредило льдом. Проснувшиеся мореплаватели едва успели оттащить суда подальше от полосы прибоя, так как многие снасти уже были унесены водой.

Интересно, что «морские чудеса» преподобного Иринарха связаны с теми местами, где он сам многократно ходил по морю «лодейным кормщиком», трудясь на монастырском послушании. В статье О. В. Панченко [82, Вып. 11, с. 69] приводятся сведения о том, что в 1588 году отец Иринарх был отправлен за монастырской солью в Порью губу, в 1590–1591 годах – в Кузему, а в 1590–1594 годах он был назначаен «мельничным старцем» в Варзугу. То есть, Терский берег от Умбы до Варзуги (южное побережье Кольского полуострова, расположенное в 200 км к северу от Соловецкого архипелага) был, можно сказать, родным для отца Иринарха. Это подтверждается и тем, что в 1618 году игумен Иринарх с братией вложили рукописную книгу «Богородичник» XV века в Воскресенскую церковь Умбской волости [82, Вып. 11, с. 79].

В 1642 году в марте соловецкий кузнец Иоанн Емельянов был исцелен преподобным Иринархом от болезни руки. Во сне вошли к нему два старца. Один из них был преподобный Иринарх, он благословил больного и, взяв у спутника кисть, окропил святой водой лицо и больную руку Иоанна. Пробудившись, Иоанн нашел платок, которым завязана была рука, мокрым, а руку здоровой. Были также случаи исцеления от зубной боли.

Известны чудеса преподобного Иринарха, связанные с игуменом Маркеллом и со старцем Елеазаром, о чем повествуется ниже в их житиях. Упоминается, что пре-

Изображение преподобного Сергия в росписи Благовещенской церкви

подобный Иринарх обладал даром прозорливости: «прия пророчество, предвозвести преподобному Елеазару Анзерскому, кто по нем будет игумен, и сколько лет, и что последуют во время того многие скорби и нестроения монастырские, иже и сбылося во время свое» [61, с. 17].

Мощи игумена Иринарха, источающие дивное благоухание, были обретены около 1675 года – на седьмом году после начала осады обители царскими стрельцами. Сказание об обретении мощей игумена Иринарха не сохранилось, сведения о нем были обнаружены только в сочинении протопопа Аввакума, который был извещен об этом чуде в Пустозерском остроге[60].

Преемником Иринарха в управлении обителью стал игумен Макарий (1626–1632 гг.), Соловецкий постриженник, переведенный из Палеостровскаго монастыря. Его игуменство ознаменовалось двумя чудесными событиями, утешившими Соловецкую братию.

В 1627 году на сосне, растущей вблизи морской губы, явилась инокам чудотворная икона Богородицы Корсунская, которая впоследствии именовалась Сосновской. Так как по преданию даже щепки от дерева, на котором явилась икона, излечивали зубную боль, сосна была «разобрана паломниками на благословение». На месте явления образа в XVII веке возникла пустынь: были устроены часовня в честь Корсунской иконы Пресвятой Богородицы и келейный корпус. В XIX веке здесь была рыболовная тоня, в которой трудился подвижник Соловецкий старец Наум, а в 1812 году на месте обретения иконы был поставлен поклонный крест, сохранившийся до наших дней.

В 1628 году произошло чудесное исцеление строителя московского подворья старца Даниила. В грамоте царя Михаила Феодоровича и Патриарха Филарета от 28 сентября 1628 года говорится, что накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы старец Даниил лишился зрения. На память преподобного Сергия 25 сентября Бог дал ему видеть только свет, а на память преподобного Савватия 27 сентября ночью ему явились чудотворцы Сергий и Савватий. Савватий стал умолять преподобного Сергия, чтобы возвратить зрение страдальцу. Сергий отвечал, что Даниил наказан за ослушание, так как, будучи послан в обитель в 1622 году

[60] Панченко О. В. Сказание о чудесах и явлениях преподобного отца Сумского нового чудотворца [35, с. 476-477].

царем и патриархом, он без благословения уехал из монастыря. Савватий просил Сергия: «Пощади его ныне ради меня!» Тогда преподобный Сергий, вынув из сумки сосуд с кисточкой, помазал очи больного, после чего святые стали невидимы. Проснувшись, Даниил ясно увидел икону преподобных Сергия и Савватия. Он совершенно исцелился и был оставлен строителем московского подворья. Царь и Патриарх повелели совершить благодарственный молебен за такое дивное проявление милости Божией.

В 1631 году царь Михаил Феодорович подтвердил монастырю прежние его права и даровал несудимые грамоты. Монастырь пожертвовал на нужды Отечества значительные суммы.

При игумене Рафаиле (1632–1636 гг.) в 1635 году случилось большое наводнение, причинившее монастырю значительный ущерб. Уровень воды в Белом море поднялся настолько, что вода доходила до крыльца Спасо-Преображенского собора, были затоплены нижние этажи многих монастырских строений.

В 1637 году воеводе Соловецкого войска Тимофею Крапивину повелено было, сдав дела, крепостные ключи и военные снаряды игумену, отправиться в Москву. С этого времени не только духовная, но и военная власть в Поморье сосредоточилась в руках Соловецкого настоятеля.

2.9. СВЯТИТЕЛЬ МАРКЕЛЛ, АРХИЕПИСКОП ВОЛОГОДСКИЙ И БЕЛОЗЕРСКИЙ

Святитель Маркелл

Два чуда преподобного Иринарха связаны с настоятельством игумена Маркелла, будущего архиепископа Вологодского.

Во время игуменства Варфоломея (1636–1638 гг.) строитель Соловецкого подворья в Вологде иеромонах Маркелл увидел необыкновенный сон [83, с. 83]. Он как будто оказался в церкви Преображения Господня на Соловках и, сотворив начало молитвословию, встал у западной стены. Перед собой он увидел лестницу, достигающую от земли до верха большой главы. По той лестнице сошел преподобный игумен Иринарх и остановился перед царскими вратами. Тут же возле игуменского места стоял и игумен Варфоломей. Игумен же Иринарх, воззрев на Варфоломея, подошел к нему и взял посох из руки его, сказав со властию: «Довольно ти есть, брате! Несть бо сие твое дело». После же воззрел и на Маркелла со словами: «Приближися семо Маркелле! И возьми посох сей». Маркелл

же с благоговением и поспешностью подошел и поклонился ему до земли, а блаженный дал ему посох и благословил его. Очнувшись от сна, Маркелл удивлялся виденному, но вскоре царским повелением игумен Варфоломей был от настоятельства отстранен, на его место поставлен казначей Паисий, а в 1640 году – достойнейший иеромонах обители Маркелл. Так через год предсказание исполнилось.

В августе 1641 года при игумене Маркелле (1640–1645 гг.) царь Михаил Феодорович повелел ежедневно служить Литургию в церкви преподобных Зосимы и Савватия, где они почивают мощами, что и исполнялось вплоть до закрытия монастыря в 1920 г.

В 1642 году игумен Маркелл был вызван в Москву для участия в избрании нового первосвятителя Русской Церкви вместо почившего более года назад Святейшего Патриарха Иоасафа I.

Впервые выбор Патриарха совершался по жребию, кого «Бог изволит и Пречистая Богородица изберет». В числе шести кандидатов, избранных царем по согласованию с Собором, был и Соловецкий игумен Маркелл. 20 марта 1642 года имена двух архиереев, архимандрита и трех игуменов были написаны в шести свитках, запечатаны царской печатью и принесены в соборную церковь. После троекратного моления перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы Владимирской был отобран один из свитков и принесен царю. На патриаршество по воле Божией был избран архимандрит Симонова монастыря в Москве Иосиф, который и возглавлял Русскую церковь в последующие 10 лет.

Игумен Маркелл продолжал свои труды по управлению Соловецкой обителью. В 1642 году в северном дворе монастыря была построена одностолпная каменная Портная палата в два этажа. Первоначально в верхнем этаже была пошивочная мастерская, при которой жили мальчики-трудники – «рубашечные швали, недоросли», а в нижнем этаже помещались караульные Никольских ворот.

Преподобный игумен Иринарх продолжал особым образом покровительствовать игумену Маркеллу. 1 мая 1643 года монастырскому кузнецу Иоанну Емельянову, упоминавшемуся выше в связи с его исцелением, совершенным преподобным Иринархом, явился во сне старец, в котором Иоанн узнал игумена Иринарха. Преподобный, благословив Иоанна, сказал: «Рцы[61] игумену, яко старцы живут неподобно, сего ради постигнет их Божие наказание, востанет бо о пятидесятом дни туча снежная велия и будет мраз[62]: дабы игумен и братия молилися Богу и около монастыря творили крестное хождение и молебная совершали пения Всемилостивому Спасу, Пречистей Богородице и преподобным отцем Зосиме и Савватию; аще ли же не послушают и молебнов совершати не будут, то имей ми веру, яко роспуску лодиям и на службы братии и мирянам на промыслы не будет до Ильина дни[63]» [61, с.140].

Утром Иоанн рассказал о видении братии и трудникам, но над ним посмеялись, так как море уже очистилось от льда. Когда же наступила суббота 7-й недели по Пасхе, канун праздника Пятидесятницы[64], то повелением Божиим вне-

[61] Скажи.

[62] Мраз – мороз.

[63] Память пророка Илии празднуется 20 июля/2 августа.

[64] В 1643 году праздник Троицы приходился на 20 мая (ст. ст.).

Декор южного фасада Портной палаты

запно поднялась сильная буря, «продолжавшаяся три дни и три нощи, и нашла туча снежная, снега ниспало зело много, и насташа мразы велицыи, от яковых и лежаше той снег на земли дней двадесять». Когда стало очевидно, что пророчение игумена Иринарха сбывается, инок Трифон по прозванию Корешок поведал об этом игумену Маркеллу. Игумен подробно расспросил о видении самого Иоанна и повелел всем умолять Всемилостивого в Троице славимого Бога о прощении.

Сразу же пошли с крестным ходом вокруг монастыря и стали совершать молебное пение Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородице, и преподобным отцам Зосиме и Савватию. Когда же вошли в ограду и начали петь панихиду над гробницей преподобного Иринарха, в тот же час «хлад преложися в теплоту, и дождь благотворный велий на землю спаде и проливашеся весь день той, до самыя нощи: на утрие же бысть солнечная теплота велия, губа морская от льдов вскоре очистилась и езеро растаяло» [61, с.140]. Игумен же с братией и все живущие в киновии, видя такое милосердие Божие, прославили Бога и Пречистой Богородице и святым угодникам Его вознесли благодарственное славословие.

В 1643 году игуменом Маркеллом было выстроено каменное здание подворья Соловецкого монастыря в Вологде взамен сгоревшего деревянного. При подворье находились две деревянные церкви: холодная – во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, и теплая – во имя священномученика Климента, папы Римского. Главным зданием Соловецкого подворья был Соляной двор с двухэтажными палатами. Перевозка на судах монастырской соли и «складка» ее в Вологде и послужили еще со времен игуменства святителя Филиппа причиной к основанию Соловецкого подворья в этом городе.

В 1645 году, после шестилетнего настоятельства в Соловецком монастыре, игумен Маркелл был вытребован в Москву и там 16 января рукоположен в архиепископа Вологодского и Белозерского. В лице святителя Маркелла Святейший

патриарх Иосиф нашел единомышленника и соревнителя в охранении истинного христианского благочестия. В святительских грамотах епархиальному клиру (1658, 1660 гг.) архиепископ Маркелл увещевал в церквах Божиих пение совершать единогласно, за курение и продажу вина в монастырских вотчинах грозил наказанием и духовным запрещением без пощады.

Архиепископ Маркелл преставился 22 марта (ст. ст.) 1663 года. Тело его, согласно завещанию, было привезено в Соловецкий монастырь и погребено в Германовой часовне [40, л. 16], о чем Соловецкий архимандрит Варфоломей послал царю Алексею Михайловичу донесение: «В нынешний, Государь, в 7171 (1663) год, июня в 5–й день … в Соловецкий монастырь привезли тело твоего государева богомольца, бывшего преосвященного Маркелла архиепископа Вологодского и Белоезерского, и я со священницы, и с диаконы, и с братиею со кресты вышел встретити на морской пристани, и принесли в соборную церковь, и надгробная над ним совершили и погребли в часовне, где опочивает Чудотворец Герман. А от преставления его до того времени, как ныне привезен к нам в монастырь, прошло одиннадцать недель; и тело его ничим же рушимо, и лицо светло: дух же исходит от тела его добровонен» [17, с. 140].

Икона Святителя Маркелла, 2004 г.

Мощи Святителя Маркелла находятся в храме Свт. Филиппа

В июле 2003 г. при археологических раскопках, проводимых в церкви преподобного Германа В. А. Буровым, было обнаружено погребение архиепископа Маркелла [82, 2005, с. 75]. Погребение оказалось нетронутым. Мощи святителя Маркелла покоились в гробовине, выдолбленной из колоды. Святитель был высок ростом и статен, крепкого телосложения. На груди его лежала панагия с серебряным ободком и тонкой двусторонней резьбой по дереву с изображением Вседержителя и Божией Матери. Сохранились остатки архиепископского облачения – фрагменты золототканого шитья. На главе его была расшитая золототканая митра с изображением в передней части Спасителя, а на левой стороне – крылатого херувима с надписью «Херувим».

19 августа 2003 года мощи были перенесены от земных недр в домовый храм. В 2004 году 20 августа (перен. с 19 августа) впервые праздновался день перенесения мощей святителя Маркелла. В этом же году была написана первая его икона. В настоящее время мощи святителя Маркелла находятся в храме Святителя Филиппа.

2.10. ПРЕПОДОБНЫЙ ЕЛЕАЗАР, АНЗЕРСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Личность преподобного Елеазара – духовного сына и единомышленника игумена Иринарха – замечательна, прежде всего, тем, что он стал основоположником пустынножительства на Анзерском острове.

Как мы видели на примере истории Соловецкого монастыря, с середины XVI века большинство крупных общежительных монастырей было включено в систему государева богомолья, что подразумевало не только молитвенную поддержку царского дома, но и управление обширными вотчинами, и участие в защите государственных границ от иноземных захватчиков. Эти необходимые для государства, но трудно совместимые с монашескими обетами функции приводили к понижению плана бытия монастырской жизни: стремление к богообщению вытеснялось стремлением к приумножению, благоустроению и благоукрашению монастырского достояния. Избегая мирского духа, преподобный Елеазар сначала сам удалился на Анзерский остров, чтобы проводить монашескую жизнь согласно древним традициям пустынножительства, а впоследствии, когда вокруг него стали селиться такие же любители безмолвия, основал Свято-Троицкий скит.

Родом преподобный Елеазар был из города Козельска из благочестивой священнической семьи отца Афанасия (Севрюкова) и матушки его Татианы[65]. Они

[65] Хотя в патерике XIX в. упоминается, что Елеазар происходил из купеческой семьи, но во «Вкладной книге Анзерского скита» нач. XVIII в. говорится: «Бе убо преподобный отец наш Елеазар родися от отца благочестива и праведна священноиерея Афанасия и матери Татианы во граде Казелском... Егда же во благо прииде ему звание Божие, и тогда взем святыя иконы, имиже благословил отец его, Афанасий, поя же с собою и братию свою – Романа и Афанасия, и отиде с ними в монастырь Соловецкий, иже на отоце океанстем. И немало ту время пребывая во всяких делех духовных, и всеми ту живущими любим бяше. И посем благослови братию свою: Романа – пребывати в монастыре Соловецком, иже и скончася ту; Афанасия же – жити в острозе Сумском, сам же вселися во остров Анзерский…» [76, с. 271]. Также и в Синодике в записи «род старца Елиазара Ванзерскаго» поминаются имена «священноиереа Афонасиа... Романа... Татианы» (ГМИР, колл. 3, оп. 1, № 392, л. 86).

Изображение Анзерского острова. Усердием архимандрита Ионы. 1802 г.

были столь праведны, что не поколебались троих своих сыновей благословить на труды в Соловецкой обители. Елеазар, по-видимому, был старшим, так как он далее руководил братьями: благословил Романа пребывать в Соловецком монастыре, где тот и скончался, а Афанасия – жить в Сумском остроге. Вероятно, сам Елеазар был пострижен игуменом Иринархом около 1613 года. Монашеское имя его в переводе с древнееврейского означает «Божия помощь», мирское имя осталось неизвестным.

Елеазар усердно подвизался в посте, молитвах и трудах. Он был искусен в резном деле и принимал участие в обновлении иконостаса в Преображенском соборе. Тогда к четырехъярусному иконостасу добавили 28 икон праотцов, а Елеазар выполнил резные надписи о времени создания иконостаса. В житии преподобного, написанном в начале XVIII века, говорится, что и до того времени в иконостасе надвратной церкви Благовещения сохранились летописные резные надписи, выполненные преподобным Елеазаром. Будучи сам всегда погруженным в богомыслие и молитву, игумен Иринарх в ученике своем провидел великого подвижника и потому, испытав, благословил его на пустынножительство.

Как сурово встретила преподобного пустыня, известно из «Своеручной хартии[66] преподобного Елеазара о бывших ему видениях и откровениях»[67]: «Лета 7123 (1615 г.[68]) поведа мне, грешному Елеазару, некто от христолюбивых мужей о острове Анзерском – возможно на нем имети житие пустынное. И приидох нача здати келию. Завидя же супостат диавол, хотя устрашити и изгнати, вооружися на мя со многими бесы, ови во образе знаемых сумских людей стрельцов, ины же незнаемы. Ови на конях, ины же пеши с луки, и с самопалы, и с копии. Обступиша мя с яростию хотяху убити, глаголюще сице: “Почто прииде на нас? Наше бо место исконии бе, никто же бо житие прежде тебе имуще”. Аз им отвещав: “Не ваше, но Христа Бога нашего, а Богъ изволил быти мне на месте сем”. И начах глаголати: “Да воскреснет Бог и разыдутся врази Его”, и прочая псалма того. И тако отидоша без вести» [76, с. 109]. Вчитываясь в архаичный текст, мы имеем возможность хотя бы одним глазком заглянуть в сокровенную жизнь пустынника, понять, почему он избрал такой, кажется, непосильный

[66] Грамота, писание.

[67] Рукопись датируется 1636–1638 гг. [76, с.49].

[68] По нынешнему летоисчислению временем прихода Елеазара на Анзер была осень 1614 года «от Покрова Пресвятей Богородицы».

для человека, способ спасения. Важно свидетельство подвижника, о том, что избравшему Христа ради путь терпения искушений от естественных нужд и от козней бесовских подаются и особые утешения дивными знаками Божественной любви.

Поначалу Елеазар поселился в глубине острова около озера Круглое (теперь Большое Елеазарово). На невысокой горе, расположенной чуть восточнее озера, он водрузил крест и поставил келию.

Пропитание он добывал изготовлением деревянной посуды, которую выносил к месту стоянок мореходов. Путешествующие охотно брали эти чашки с собой, оставляя взамен хлеб и съестные припасы.

К естественным тяготам жития на необитаемом острове добавлялись бесовские страхования. «Иногда же приходяще скрежещуще зубы и грозяще убийствомъ, глаголы многоразличными устрашая… Иногда же внезапно пришедше, яко из тысячи вдруг самопалов удариша, с первых дней жития моего, от Покрова Пресвятей Богородицы до Рождества Христова, Бога нашего. Зело мне тяжко – не дающе сна и покоя ни в денъ, ни в нощъ. И не в кое время, спяще и не спяще мне, прииде ко мне в видении Святая Богородице, глаголюще ми тако: "Мужайся и крепися, Господь с тобою. И напиши в келии своей на стенах: ***"Христос с нами уставися"***. И даде мне посох и четки. Аз же, восстав, написах по глаголу Ея. И умалися многи рати» [76, с. 109]. Древнее слово «уставися» означает «встал и пребывает». С тех пор эти слова пишут на стенах или на двери келии все Анзерские подвижники.

В 1616 году Елеазар встретился в пустыне с таким же подвижником, соловецким иеромонахом Фирсом, и от него принял пострижение в схиму. «Схимник есть истинный и буквальный исполнитель заповеди – любить Бога всем сердцем, умом, крепостию, всею мыслию, всею душею... Ныне понуждают схимника заниматься совсем не свойственным делом (продавать свечи, собирать с кошельком деньги, молиться и служить молебны, стоять на определенном месте напоказ мирянам). Мастеру золотых и бриллиантовых дел дают в руки железные клещи и молоток и заставляют ковать гвозди. Схимник есть вместилище Духа Святого, приятелище многих духовных дарований, столп Православия, живая как бы копия с Господа Иисуса по человечеству. Да не помыслит кто, что я по пристрастию так высоко сужу о схиме, – это истина»[69].

Елеазар сознательно принимал на себя все тяготы отшельничества, так как согласно его опыту «ничто же бо ино тако душу очищает и на первообразное приводит[70], яко пустыня и безмолвие». Учителем же его в умном делании был сам Господь: ***«Научен еси христолюбивым Духом Святым и отеческим преданием закону света Христа Бога нашего: тецы во след святых и стереги дом свой душевный неленостно, да не окраден будет от фараона мысленного и лукавых амаликов, при-***

---

[69] Так писал о схиме иеросхимонах Иероним, в миру Ерофей Лукин. Он был пострижен в Новгородском Хутынском монастыре в 1799 году, а в 1808 году рукоположен в иеромонахи в Московском Новоспасском монастыре. Под влиянием архимандрита Юрьевского Фотия составил записку о распространении в обществе масонства и противных Православию учений, за что был заключен в Петропавловскую крепость, а в 1830 – сослан под строгий надзор в Соловецкий монастырь. Иероним обладал обширным умом и был весьма начитан в духовной литературе, имел «увлекательный дар слова и редкую силу убедительности». Иеросхимонах Иероним почил в Троицком ските 23 сентября 1847 года, имея 82 года от роду [83, с.184-191].

[70] «На первообразное приводит» – приводит к Богосозерцанию.

никай всегда во глубину сердечную, что душа и ум строят – земная или небесная. Сей … плод духовный: слезы и воздыхание, страх Господень, и любовь ко Господу и человеком» [76, с.107].

Это наставление – образец поразительной духовной свободы. Преподобный Елеазар с готовностью следовал пути промысла Божия, даже когда по человеческому рассуждению путь этот кажется странным: «Вот я, Господи, пошли меня!» – мог бы он сказать подобно древним пророкам.

В своей «хартии» он неоднократно упоминает, как Господь наставлял его на путь. Он желал пребывать в безмолвии, но к нему стали собираться братия: «Прииде ко мне Соловецкаго острова инок, имя ему Кирило. И нача ему глаголати: “Брате, аще пришел еси Богу работати – поживем в любви Христовой безмолвным обычаем. Церкви же отнюд не помышляй ставити, освятим прежде церковь телесную, свободим душы своя от грех, а по смерти нашей, яже Бог изволит”. Он, слыша от мене, и паче мене укрепляюще, и обещася никако же сего начати» [76, с.110].

Преподобный Елеазар ввел для сподвижников древний порядок пустынной жизни. Каждый пустынник имел особую келию, в которой пребывал в посте и молитве, занимаясь каким-либо рукоделием для своего пропитания, никого не принимая к себе, и сам никуда не ходил, кроме собрания на общую молитву. Общая всенощная молитва совершалась дважды в неделю в келии преподобного Елеазара: с вечера отправляли вечерню, читали псалтирь, пели каноны Господу Иисусу и Пресвятой Богородице, исповедовали свои помышления и грехи наставнику; утром служили литию, утреню, часы, и затем подвижники уходили на безмолвие в свои келии.

Преподобный Елеазар не собирался строить церковь, но, как упоминалось выше, еще игумену Иакову было явлено некое откровение об устроении на Анзере скита с церковью. Исполнилось это Божие предначертание через царскую семью. «При государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче … случися быти на Москве игумену соловецкому Иринарху и старцам. Прииде же игумен к государыне, великой старице инокине Марфе Ивановне, побити челом о своей нужде. Она же вопрошаху его тако: “Слух нас дошед, отец игумен Иринарх, что есть, де, от вашего монастыря недалече остров Анзерской, на нем отшельницы живут пустынным житием”. Он же отвещает: “Ей, государыня, остров зело угоден иноческому пустынному пребыванию: воды много, со езеры, и лес, и ягодичие”. Она же глаголаше: “Можно ли поставить на том месте церковъ?” Он глагола: “По глаголу твоему – зело угодно!” И даша ему сто рублев на сооружение. Нам же, пребывающим на острове, ничто же о сем имуще попечение, но сам Бог изволи быти святой церкви… По сем же извести Бог Святейшему Патриарху (Филарету)[71] о святем месте, и даша книги, и ризы, и образы, и приложи велию веру строити» [76, с.111].

В 1621 году в скиту была освящена деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы с приделом в честь преподобного Михаила Малеина, небесного покровителя царя Михаила Феодоровича. Для нового храма Патриарх и царь пожаловали книги, иконы и церковную утварь. Царской грамотой было установлено содержание от казны из двинских доходов на иеромонаха и одиннадцать старцев и приказа-

[71] Через старца Александра Булатникова.

но им было рыбными ловлями, соляными варницами, пашнями и никакими иными угодьями не владеть, жить в нестяжании пустынным обычаем, в мирские молвы не вступать и молить Бога о государевом здравии, и о телесном здравии и душевном спасении родителей государя – Святейшего Патриарха Филарета Никитича и инокини Марфы Ивановны, и о всемирном устроении [76, с.164].

Скитоначальником был сначала иеромонах Варлаам, а с 1624 года строителем был назначен преподобный Елеазар. Братия скита жила по обычаю древних пустынников. После недели труда и молитв иноки собирались в субботу вечером на общую ночную службу в храме. В воскресенье утром, по окончании литургии, совершали чин прощения и в молчании расходились по келиям. Также совершалось богослужение и по праздникам.

Устав для скита преподобный Елеазар испросил у игумена Иринарха с братией. В предисловии к «Скитскому уставу Анзерской пустыни», сохранившемуся в списке 30-х гг. XVII в., говорится: «И отец наш государь игумен Иринарх и соборныя старцы пожаловали прислали скитской устав и уставщика старца Дионисия, прозвище Крюк. А тот Дионисий… много времени жил в ските (Нила Сорского) и в Кирилове монастыре был уставщиком. А сказывал он, что, де, тот Нил принес устав от святыя горы Афонския, а живал, де, он тамо много времени с великими отцы и досточудными и во странах Палестинских, иже окрест Иерусалима и в Раифе» [76, с.106].

Преподобный Елеазар занимался в келии переписыванием книг и иконописанием. Однажды он услышал божественный глас, повелевающий написать образ Спасителя на убрусе (на плате). По просьбе Елеазара Соловецкий иконописец Памва «назнаменил сей образ» чернилами, то есть нарисовал контуры лика на доске, покрытой левкасом. Но преподобный не имел дерзновения писать. Тогда глас увещевал его «умильно: "Напиши Мой образ"». И снова преподобный не посмел писать. Тогда на другой день с утра глас раздался «крепчайше перваго и со гневом: "Напиши Мой образ Христов". Аз же, уповая на Господа, помоляся, написал красками сей образ, уповаючи на силу Его святую. Ему же буди слава и ныне и присно и во веки веков. Аминь» [76, с.105].

Образ этот Господь повелел преподобному Елеазару поставить в келии и молиться перед ним. В конце жизни преподобный передал образ вкладом на «вечное свое воспоминание» в Троицкую церковь. В 1710 году «сей чудотворный образ поставлен во святей часовне над гробом преподобнаго Елеазара, и приходящим к нему с верою сладостное некое благоухание от себя испущает, аки ароматное, и лобызающим его исцеление неоскудное подавает» [76, с.249]. В середине XIX века икона была перенесена на Соловки и поставлена над Святыми вратами монастыря «в защищение от врагов видимых и невидимых». После 1921 года икона исчезла.

В «Своеручной хартии…» преподобный Елеазар свидетельствовал, как трудно ему бывало временами переносить скорби «от бесов и злых человек» и как Божественный глас ободрял его «многажды невидимо глаголюще: "Не бойся бесов – Господь с тобою". Иногда же глаголюще: "В терпении стяжите души ваша". Многажды и от братий соловецких и от пребывающих со мною быша скорби и не могущи терпети, утешающе мя и невидимо глаголюще: "Вы бо сильни есте и немощи немощных носите"» [76, с.115].

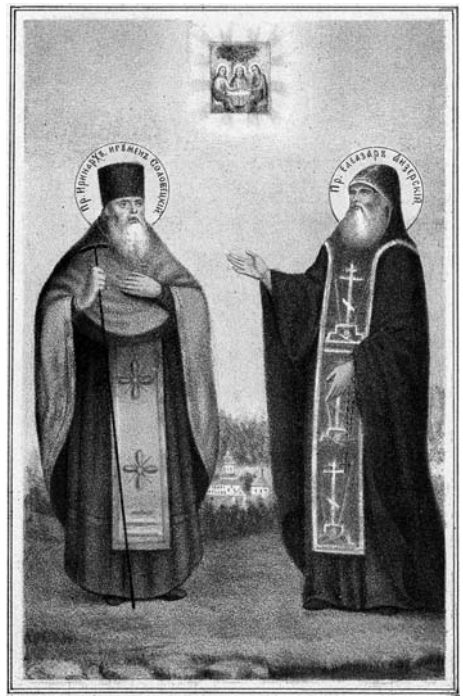
Преподобный Елеазар был силен духом и телом, он носил вериги и занимался тяжелыми работами («дрова секий и возяше на хребту своем») ради умерщвления плоти, но и он иногда малодушествовал и даже хотел уйти с острова Анзерского «в руския места», то есть в центральную Россию, страдая от недобрых людей и от бесовских нападений. Господь остановил его знамением, которое Елеазар описал следующим образом: «Стоящу ми на поле чисте и показующе ми некто незнаем перстом на небо: "Зри". И видех чрез все небо луч световиден, яко радуга во время дождевное. И, мало помедлив, паки глаголюще: "Возри на небо". И видех образ Христа Бога нашего и Пречистую Богородицу, и святого пророка Иоанна, с ними же дву ангелов и апостолов, яко же в Деисусе описуются. Мне же чудящеся сим знамениям. И паки показующе ми: "Зри на небо!" И видех нерукотворенный образ Христа Бога, тако бысть велик во все небо. И глаголаше ми: "Виждь величество Божие и славу его: егда Отчим изволением во чреве вместися в Пресвятую Богородицу и на земли многи скорби претерпе человек вас ради быв, ныне же и небо не вместит. А ты не хощеши терпети скорби" [76, с.115–116]».

Поскольку преподобный Елеазар был иконописцем, ему и видения были явлены на языке икон. От нерукотворного образа Спасителя он научился, будучи в состоянии скорбном и унылом, обращаться к воспоминанию Страстей Христовых и помышлять, что безгрешный Господь принял на себя человеческое естество и терпел поношения ради спасения нас грешных. Поэтому Елеазар и записал этот случай, как пример того, что, находясь в утеснении и малодушии, нужно не падать духом, а напоминать себе: «Господь терпел и нам велел!»

В житии преподобнаго Елеазара упоминается о том, насколько он был воздержан и внимателен к исполнению заповедей. Списатель жития включил нижеследующий эпизод, чтобы читателю «почудитися, колик бяше разсудителен святый» – подивиться, насколько был рассудителен святой [76, с.130–131]. Иногда к преподобному Елеазару приступал «любопищный»[72] демон и убеждал его вкусить рыбы. Святой, как бы поддаваясь искушению, ловил рыбу, готовил, ставил перед собой, а затем укорял себя за помысел о вкушении рыбы и не ел. Когда через несколько дней в келии распространялось зловоние от протухшей рыбы, преподобный говорил: «Хочется ли тебе этой вкусной рыбы, о любострастная моя душа? Ешь теперь и насыться злосмрадия сего». Так преподобный побеждал прилоги сопротивного и пресекал желания плоти.

17 июля 1628 года преставился ко Господу игумен Иринарх – друг и наставник старца Елеазара. Единство душ их и высота их духовных дарований обнаружились в час кончины игумена Иринарха. Елеазар, будучи у себя в скиту, сказал братии: «Друг мой и собеседник о Господе игумен Иринарх сегодня умирает, – мне надобно поспешить в обитель, но уже не застану его в живых". Иринарх же на одре смертном пред Соловецкою братиею произнес: „Брат мой духовный Елеазар сегодня отправляется из своего скита в нашу обитель и желает прибыть прежде моей кончины, но, по воле Божией, уже не увидит меня в живых"» [83, с. 92]. Так, находясь на расстоянии в 30 верст, они знали, что происходит, как будто были рядом.

[72] Внушающий желание насладиться пищей.



Игумен Иринарх и преподобный Елеазар. Соловецкий патерик, 1873 г.

При преемнике игумена Иринарха игумене Макарии грамотой от 7 февраля 1628 года число братства в Анзерском скиту определено в 12 человек и на это число повелено отпускать через Соловецкий монастырь из доходов двинской области: на одежду по 2 руб. на человека, на содержание – по три четверти ржаной муки, по осьмине овса, солода, по полуосьмине круп и толокна, на церковные расходы – пуд воска, три ведра красного вина, 10 фунтов ладана, на просфоры – по четверти пшеничной муки, и, кроме того, 5 руб. на дрова. Благодаря такой заботливости царя Михаила Феодоровича материальное положение Анзерских пустынников было обеспечено.

Усердная помощь царской семьи Анзерскому скиту не осталась без воздаяния. Однажды в беседе с келарем Троице-Сергиевой лавры Александром Булатниковым царь выразил ему свою скорбь, что не имеет по себе наследника, прибавив: «Кто бы мог помолиться, чтобы Господь разрешил нашу печаль?» «Есть, государь, – отвечал старец, – в твоей державе таков муж. Надеюсь, яко может вам у Бога испросить плод сыновства». И рассказал о жизни и подвигах преподобного Елеазара. Благочестивый царь обрадовался этой вести и послал самого Александра[73] просить пустынника «да благоволит не нуждею доити к ним» в Москву.

Преподобный со смирением пришел и беседовал с царем, и утешил его: «Не печалуйся, о богосочетанный супруже царственный! Силен бо есть Бог дати вам плод по вере вашей. И се (ясно), яко день сей... яко зачнется вам сын и родится, и царствия по вас будет наследник» [76, с.140]. Государь принял эти слова с радостью и умолил преподобного Елеазара остаться в Чудовом монастыре в Московском Кремле до времени рождения наследника. 10 марта 1629 года Бог даровал царю сына Алексия. Рождение царевича принесло царскому дому радость и торжество. Не был забыт при этом и Анзерский пустынник. Царь, призвав к себе Елеазара, предлагал ему почести и чины духовные, но смиренный подвижник отказался от лестных предложений, намереваясь окончить жизнь свою в пустынном уединении.

---

[73] В последние годы своего пребывания на Соловках Александр Булатников, по-видимому, предполагал перейти в Анзерский скит на «безмолвие». Для этого он даже построил в Анзерской пустыни две келии «с сени и с чюланы». В феврале 1652 г., уже после возвращения в Троице-Сергиев монастырь, Александр Булатников передал обе келии насельникам Анзерской пустыни, оценив их в 40 рублей и попросив записать их в качестве вклада «по собе и по своих родителех в наследие вечных благ и будущаго ради покоя» [76, с.207].

СВѧТѢЙШІЙ НИКОНЪ
ПАТРІАРХЪ МОСКОВСКІЙ И ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Почитая строителя Анзерского, царь пожелал упрочить существование скита и грамотой от 31 июля 1633 года объявил Анзерский скит независимым от монастыря. Пустынникам разрешалось избирать строителей из своей среды, иметь братии 12 человек и 2 мирян для рубки дров, разрешалось также провинившихся не посылать в Соловецкий монастырь для исправления, но смирять их по своему усмотрению. Соловецкому игумену предписывалось не вступаться в управление скитом, не посылать туда строителей, не делать пустынникам никакого притеснения и не препятствовать желающим из Соловецкой братии переходить в скит. А двинскому воеводе особой царской грамотой того же 31 июля 1633 года было повелено под опасением опалы высылать в Анзерский скит своевременно и сполна назначенное содержание на казенных подводах и судах, помимо Соловецкого монастыря.

Впрочем, зависть и недоброжелательство злых людей причиняли скитянам немало скорбей и беспокойств. 13 июля 1634 года приезжали к острову злоумышленники с явной целью грабежа, но в то время приплыли к устью губы поморские ладьи, и воры, устрашившись, бежали. По жалобе преподобного Елеазара, царь грамотой от 31 января 1638 года повелел Сумскому воеводе охранять скит от разбойников и недоброжелателей.

В это время скитское братство увеличилось несколькими замечательными лицами. В 1630 году вступил в скит Никодим Казанец, который сделался любимым учеником преподобного Елеазара и, по смерти его, занял место строителя. Во всяком воздержании и в монашеских подвигах он прожил 43 года и преставися с миром 22 января 1673 года.

В 1636 году в скит пришел, стремясь к строгому подвижничеству, московский священник отец Никита, которого преподобный Елеазар постриг с именем Никон[74]. О нем так упоминается в житии: «Бысть же и ин ученик преподобному преславен именем Никон, иже бысть Патриарх царствующаго града Москвы и

[74] Преподобный Елеазар, видя в пустынножителях воинов Христовых, давал любимым ученикам имена, начинавшиеся со слова Ника – по-гречески победа: Никон – «побеждающий», Никодим – «побеждающий народ», Никифор – «Победоносец». Никифор – сын богатых родителей, родом из Новгорода, недолго подвизался под руководством Елеазара, «И той бе в младых летех пребывая житие постническое же и безмолвное. И побысть в монашеских исправлениях немного лет. И преставися в вечный покой. И погребены бысть оба <Никифор и Никодим> в той же часовни с преподобным Елеазаром».

всей России. И той пречуден бысть в житии своем, и многу ревность о исправлении православия показа, и во изгнании скончася» [76, с. 130].

Повествуется и о чудесном видении этого времени: «Однажды Никон совершал литургию. Преподобному Елеазару представилось, что на плечах Никона лежит архиерейский омофор. Узрев в этом знамение Божие, преподобный Елеазар предсказал, что Никон в последствии времени будет святителем» [63, с. 25]. В житии преподобного Елеазара Анзерского упоминается также об образе Спаса Нерукотворного, «егоже написа Никон Патриарх по повелению преподобнаго Елеазара, когда был учеником у него». Сей образ, написанный на убрусе и устроенный над церковным входом, в течение 65 лет «на всяко лето от вара солнечнаго пожизаем, и зноем и мразом, и вихры и дождем, и снегом изнуряем, и цел пребывает, чудесно соблюдаем Божиею благодатию за угождших ради преподобнаго Елеазара и ученика Его» [60, с. 176]. По свидетельству паломников, в 1869 году этот образ с благоговением хранился в алтаре Троицкой церкви Анзерского скита [56, с. 130].

Хотя будущий Патриарх Никон провел на Анзере только три года (1636–1639 гг.), он до последних дней своей жизни не забывал обители, в которой положил начало своему монашескому подвигу, продолжая, насколько возможно, подвизаться «чином Анзерския пустыни». Сохраняя сыновнюю любовь к своему духовному наставнику преподобному Елеазару, он часто делал вклады в Анзерский скит [17, с. 353-355], посылал дары и лично преподобному («да тебе, Строителю, рыбу белужку» [17, с. 325]), прося молитв соборных и келейных, а тот с благодарностью принимал от него эти дары. Узнав о болезни преподобного, митрополит Никон в своей грамоте приказывал соловецкому игумену Илие отпустить больничного старца преподобного Кириака из Соловецкого монастыря в Анзерский скит для ухода за преподобным Елеазаром [83, с. 96; 63, с. 49]. «Здесь да обличится ложь раскольников, что якобы преподобный Елеазар, предвидев о делах ученика своего Никона, от себя его изгнал и предрек, что он много Святой церкви причинит зла и разорит церковные уставы. Из подлинных документов, хранящихся в Соловецком монастыре, можно увериться, что преподобный Елеазар имел нелицемерное уважение к Никону, как к истинному пастырю Христовой церкви, а Никон особенное оказывал почтение своему учителю» [17, с. 325].

В царствование Алексея Михайловича с 1646 года на Анзере наконец началось строительство каменной Свято-Троицкой церкви с двумя приделами[75]: в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» и во имя преподобного Михаила Малеина.

«По недоброжелательству соловьян» строительство затягивалось, Соловецкий игумен Илия даже заключил преподобного Елеазара в темницу. Понадобилось энергичное вмешательство митрополита Новгородского Никона, который писал в Соловецкий монастырь о скорейшем завершении церковного строения и просил отписать по окончании работ.

[75] Ещё в 1638 году двинскому воеводе князю Львову велено послать мастеров для строительства на Анзере каменной церкви, соловецкому игумену предписывалось дать кирпич для строения с монастырского завода. Государь Михаил Феодорович дал на строение 200 рублей, «а уставщиком-каменщиком» от него в Анзерский скит был послан из Москвы Трефил Шарутин. Однако монастырские власти не пожелали исполнить царский указ.

Преподобный Елеазар с братией деятельно участвовали в постройке церкви. Когда ранней весной закончился кирпич, и рабочие оставались без дела, Елеазар сам с несколькими людьми отправился на судне в монастырь. Нагрузив ладью кирпичом и известью, пловцы на обратном пути были окружены носившимися в море льдинами. Опасность быть затертыми льдом была велика, но преподобный, не теряя присутствия духа и упования на Бога, взялся за руль и спас всех от явной гибели. При усердных трудах Елеазара и его сподвижников, скитский каменный храм с трапезою и кельями для пустынников был построен в конце 1649 года, а освящение храма состоялось в 1650 году. Из материала ветхой деревянной Троицкой церкви была построена колокольня.

В 1655 году Святейший Патриарх Никон исходатайствовал у Государя новые милости для Анзерской пустыни. Во-первых, разрешено было увеличить число братии до 17 человек. Во-вторых, поскольку в скиту, по заведенному порядку, совершалась ежедневная литургия, то в прибавление к прежней даче для церковной надобности, повелено было отпускать на год «по 1 пуду ладану, по 3 пуда воску, по 10 галенков вина (три ведра российской меры) церковного, по 4 четверти муки пшеничной на просфоры, также к денежному жалованию прибавлено по 1 рублю на каждого брата» [17, с. 324]. Заметим, что за двадцать лет настоятельства преподобного Елеазара уклад жизни в Троицком скиту изменился в сторону приближения к уставу общежительного монастыря: скитяне ежедневно собирались для церковной службы, постриги совершались прямо в скиту, минуя монастырь. Елеазар не отказывался от пожертвований, используя их для строительства и благоукрашения церкви.

Среди разнообразных забот о благоустроении своего скита преподобный Елеазар приближался к кончине и созревал для вечности. Опыты своей духовной жизни он сохранил на память ищущим спасения, изложив их в цитированной выше «Своеручной хартии… о бывших ему видениях и откровениях».

«Во ино же время стоящу ми пред образомъ Христа, Бога нашего, молящеся со слезами и глаголюще тако: “О, Владыко Христе, Царю и Содетелю мой, что воздам против милости Твоей? И ничто же бо благо сотворих пред Тобою!” И видех, яко голубь лицу моему тихо приразися и глаголюще тако: “Богу моему и Богу твоему слезы твоя принесу”. И тако невидим бысть. И возрадовася душа моя, и вся внутренняя в веселии бысть» [76, с.113].

Преподобный Елеазар стал третьим праведником в истории, удостоившимся явления Пресвятой Троицы. Праотцу Аврааму и преподобному Александру Свирскому Триединый Бог являлся в виде трех ангелов-путников, а преподобный Елеазар сподобился видения Господа во славе: «Во ино же время мало приимшу мне сна лежаще на ложи моем, имуще во устах молитву, и обретохся на некоем месте при горе, недалече от церкви к восточной стороны с полпоприща. И видех умныма очима чудное видение: седяще на престоле Господа Бога ветхи денми, яко же описуют иконописцы, с Ним же видяще на престоле Сына Божия, на третием престоле Святаго Духа в голубине образе. Чуднаго же зрака их и сияния невозможно списати. Пред ними же стояще ангелы, имуще на себе одежду белу, яко снег, держаще в руку своею кадило, и нача кадити, яко же священники обычай имать по чину по трижды. И нача кадити прежде Отца и Бога, глаголюще тако: “Слава Отцу и Сыну и Святому Духу”, – и поклоняшеся до земли. Прииде же к

Сыну Божию, нача кадить, глаголюще сице: “Славословлю тя, Сына, со Отцем и Духом Святым”, и поклоняшеся. Прииде же ко Святому Духу кадить, глаголюще: “Прославляю тя, Святаго Духа, со Отцем и Сыном”. Аз же грешный приложих к сим словесем: “Троица Святая, спаси души наша ныне и во веки веков, аминь”. И ощути сердце мое исполнено радости многи зело…» [76, с.114–115].

Не единожды удостоился преподобный Елеазар явления Пресвятой Богородицы. Он имел обыкновение после совершения некоторого числа Иисусовых молитв и поклонов обращаться к Богородице с молитвой: «Пресвятая госпоже Мария, Пречистая Богородица, спаси мя грешного!» После совершения сотни молитв явилась ему Пресвятая Богородица в темно-бордовой ризе, и три звезды сияли на ее главе и на плечах. Она промолвила: «Елеазар, разумей на мне звезды сия. И аще имаши всегда мя тако призывати в молитвах, буду тебе помогати до исхода души твоея». В то время в келии Елеазара лежал трудник, угоревший зимней порой. Богородица склонилась над ним и, подув на него, сказала: «Побереги угорчака сего». И стала невидима.

В другой раз в воскресный день Великого поста на Литургии Елеазар видел умными очами Пресвятую Богородицу, стоящую перед своим большим образом напротив левого клироса, лицом к церкви. Когда же оба клироса сошлись посреди храма и начали петь задостойник: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь…», Она молча встала посреди певчих. По окончании песнопения братия поклонились по обычаю, тогда Она тоже поклонилась и стала невидима. Елеазар же пребывал в страхе и радости.

В другой раз в летнее время преподобный Елеазар пришел в церковь к обедне в субботний день пораньше братии и стал читать входные молитвы. И явился ему образ Пречистой Богородицы Смоленской, такой же, как в Соловецком монастыре напротив игуменскаго места. И был от образа глас: «Елеазар, имейте заповеди Христовы – смирение и любовь, да во имя мое поставьте святую церковь».

Были явления истинные и ложные. Преподобный Елеазар имел дар различать их. Например, однажды ему явился в церкви Пресвятой Троицы апостол Павел, держащий в правой руке образ пядничный[76] Пресвятой Богородицы. И сказал апостол: «Елеазар, когда приходите во святую церковь, приходите и покланяйтеся образу Христа Бога нашего со страхом и трепетом. Да сия глаголы моя и братии яви». На другой день в келии преподобный увидел такое же явление апостола Павла, только без образа в руках. Святого сохранила благодать Божия. Почувствовав приход искусителя, Елеазар начал читать: «Верую во единаго Бога Отца!» И явление силой Христовой тотчас исчезло.

Однажды преподобному «прииде помышление: како сотворю угодно Творцу и Богу моему и какое угодно ему моление? И востах помолихся прилежно: “Владыко, Боже Отче и Сыне и святый Душе! Яви мне, како Тя призову на всяко время – псалмопением или красною молитвою?” И слышах глас глаголющ ко мне: “Сим образом молися – глаголи на всяк день: “Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение…” и так все Великое Славословие до конца … Се бо есть песнь к Богу обща ангельска и человеческа. Аминь» [76, с.118]. Это свидетельство из XVII века приводит читателя в умиление и трепет от того, как близок Бог к любящим Его: тяжка духовная брань, но духовные утешения превосходят все мыслимые человеческие радости.

[76] Размером в одну пядь. В XVII веке малая пядь равнялась 19 см, а большая — 22-23 см.

Потрудившись в монашеских подвигах 40 лет, преподобный Елеазар преставился с миром ко Господу 13 января 1656 года. Тело его было погребено с честью учениками за алтарем церкви.

В первое десятилетие XVIII века были составлены три варианта жития преподобного Елеазара, которые включали сведения, полученные от живших в скиту монахов.

Автором самого подробного жития был, по-видимому, монах Макарий, которым в 1710 году была составлена вкладная книга Анзерского скита. В ней Макарий постарался подкрепить устные предания о жизни преподобного Елеазара ссылками на обнаруженные им архивные документы. Например, во вкладной книге описана судьба икон, которыми отец преподобного Елеазара священник Афанасий благословил своих детей. Вселившись на остров Анзерский, Елеазар эти «иконы имел в хижине своей в почтении мнозем. И был в монашестве своем чуден. Снеди же токмо единою в седмице приимаше, в прочия же дни в поте лица своего слезами душу свою питаше. Еще же и вериги на теле своем за смирение ношаше и, по реченному пророком, питие свое с плачем растворяше. И многаго ради воздержания и бдения плоть ему изменися, и колена его изнемогоста от поста. Но благодатию Христовою силен бе в немощи своей. От единаго же образа Пресвятыя Богородицы, иже с Корнилием преподобным, и явления сподобися видети. И яко ангел, в телеси своем на земли пребывая в молитвах многих, и поживе лета долги, и Вышняго Иерусалима человек устроися быти.

Егда же проуведа блаженный Елеазар свое ко Господу отшествие, тогда призва <сына>[77] брата своего по плоти Димитрия и теми чудесными и явленными иконами благослови его, и повеле ему иметь их у себя до времени судеб Божиих… По успении же преподобного отца нашего Елеазара начаша от него бывати чудеса многа, иже на море являяся, и страждущих от смертных бед избавляя, и от цельбоносного своего гроба различныя исцеления подавая… О всех сих слыша, Сумского острога житель, Димитриев сын Иоаким прослытием Севрюков, привез в Анзерский скит две божественныя иконы – Софии Премудрости Божией и Пресвятыя Богородицы с Корнилием преподобным, писаны на красном золоте в давние лета. И постави их по вере своей над гробом родственника своего» [76, с. 271, 272]. К несчастью, эти иконы сгорели при пожаре 1741 года.

В 1733 году строитель Анзерского скита монах Иона с братией обращались к преосвященному Герману архиепископу Архангелогородскому и Холмогорскому с челобитной об освидетельствовании святых мощей преподобнаго Елеазара. Они сообщали, что в течение многих лет после погребения мощи обретаются целыми, что братия и богомольцы спасаются молитвами преподобнаго Елеазара и призыванием его имени получают благодать Божию: в морских плаваниях окормление и в недугах исцеление. И потому просили преосвященного приехать в скит или послать иеромонаха – «мужа духовна» и благословить ему, «взяв часть мощей преподобного отца нашего и чудотворца Елеазара, положить на раце его в ковчеге для целования, и петь молебное пение, а не панихиды… понеже тропарь, кондак

[77] По-видимому, о нем упоминается в Дозорной книге 1661 года «Никитка да Митка (Дмитрий) Афанасьевы Севрюковы» [76, с. 9], то есть, Димитрий приходился племянником преподобному Елеазару.

и канон над гробом его издревле устроен к молебному пению»[78]. В то время прославлению преподобного Елеазара помешали нестроения во взаимоотношениях между братией скита и Соловецким настоятелем, который старался ограничить самостоятельность скита.

В 1757 г., при сооружении фундамента для каменной часовни преподобного Елеазара, в числе четырех гробов найден один, у которого верхняя доска и колода оказались целы; тело нетленно, только одежды истлели; от гроба исходило благоухание. Анзерские иноки заключили, что это гроб преподобного основателя скита Елеазара, и донесли о находке архиепископу архангелогородскому Варсонофию. Преосвященный указом 16 августа 1758 года [61, с.72] предписал Анзерскому строителю Мельхиседеку с братией все найденные гробы с костьми поставить в новую могилу в самой часовне; эту могилу покрыть брусьями или каменным сводом и поставить над ней присланную от преосвященного гробницу, которую железными решетками не окружать и покровами не покрывать; при переложении мощей петь панихиду преподобному Елеазару. Впоследствии вместо деревянной часовни, устроенной над могилой преподобного в 1757 году, была построена каменная, а в XIX столетии прежняя обветшавшая рака заменена новой, сделанной из меди и посеребренной.

17–18 июня 2003 года Комиссия под руководством игумена Дамаскина (Орловского) обследовала место погребения преподобного Елеазара[79] на предмет поиска его святых мощей. В 1925 году в лагерной газете была опубликована заметка о том, что мощи преподобного Елеазара изъяты из Троицкого храма и выставлены в краеведческом музее (в Благовещенской церкви Соловецкого монастыря). При расчистке строительного мусора на глубине 1,6 м от современного деревянного пола были найдены тесаные камни, оказавшиеся частями каменной гробницы. Подтвердились сведения, что сами мощи были изъяты, однако небрежно, так что остались незамеченными фрагменты крупных костей (черепа, ребер, позвонков) и мелких костей кисти и стопы. По совокупности исторических, археологических и медико-антропологических данных был сделан вывод, что найденные частицы мощей принадлежат преподобному Елеазару.

Знаменательно, что как только в скиту стала возрождаться монашеская жизнь, угодник Божий не замедлил послать в утешение и укрепление братии части своих мощей.

2.11. СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ НИКОН — СОЗИДАТЕЛЬ СВЯТОЙ РУСИ

В рукописи «Верное и краткое изчисление преподобных отец Соловецких…» о Патриархе Никоне как о Соловецком святом говорится: «Никон, Патриарх Всероссийский, ученик и постриженник преподобнаго Елеазара, опочивает в мо-

[78] ГААО. Ф. 831. Оп.1.Д. 2094. 1733 г. Л. 1об.

[79] При перестройке и расширении Троицкого храма в 1886 году место погребения преподобного Елеазара оказалось внутри храма в подклете у солеи правого клироса. Над местом погребения у южной стены была поставлена рака.

Святейший Патриарх Никон

настыре Нововоскресенском, егоже и ктитор бысть, за 50 поприщ отъ царствующаго града Москвы» [61, с. 18].

Вершиной его служения стало Патриаршество. 25 июля 1652 г. во главе Русской Церкви и Русского Государства встали два великих друга, два духовных сына преподобного Елеазара: Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. На несколько лет в России реализовалась византийская идея симфонии церковной и царской власти, когда, как писал сам Патриарх Никон в предисловии к Служебнику, изданному в 1656 году, «священство Божественным служит, царство же человеческим владеет и о сем печется. Вкупе же уставы и правила святых отец, яко от Святаго Духа вдохновенны, облобызающе приемлют и держат». Это идеальное устроение государства, когда дело личного спасения поставлено во главу угла государственной политики, держалось до кончины старца Елеазара. Затем враг рода человеческого через приближенных к царю бояр посеял семена недоверия между царем и Патриархом.

Крушение личной дружбы между ними обернулось пятнадцатилетним заточением для Патриарха Никона и духовным кризисом для царя Алексея Михайловича. Под его руководством Российское государство взяло курс на расцерковление, при сыне его Петре Патриаршество было упразднено, а Русская Церковь низведена до положения государственного департамента, плоды чего мы пожинаем и до сего времени. Патриарх Никон эти тенденции видел, пытался удержать царя от участия в их реализации, а когда царь стал раздражаться на него, оставил патриарший престол, запечатлев свои убеждения подвигом исповедничества.

Личность Патриарха Никона настолько же цельна, насколько и многогранна. Он был велик во всяком деле, за которое брался: три года был отшельником на Анзерском острове и два года управлял государством, пока царь вел войну с Литвой. Он был ходатай обидимых и вдовиц и ближайший друг царя, аскет в личной жизни и созидатель великолепнейших храмов, ревностный поборник просвещения и строгий хранитель церковных канонов, талантливый проповедник и искусный иконописец, верный сын своего народа и вселенский святитель. Ревность по Бозе или горение сердца ко Христу – вот основание великих деяний Патриарха Никона по воцерковлению русского государства, по исправлению церковного чина, по устроению монастырей во образ Святой земли и Святой горы Афон.

Эту же ревность он желал видеть и в чадах своих, всемерно способствуя просвещению российской паствы светом евангельских заповедей, из которых первая – любовь. В письме к царю Алексею Михайловичу Патриарх Никон писал: «Любовь воистину подобна есть солнечному просвещению, во вся концы земли достигающу: любви начало, бытие и конец – Христово пришествие» [2, с. 156].

Святейший Патриарх Никон (в миру Никита Минов, названный в честь Преподобного Никиты, столпника Переяславльского, † 1186 год, память 24 мая/6 июня) родился в мае 1605 года в крестьянской семье в селе Вельдеманово Нижегородского края. Еще в детстве он проявил неудержимый интерес к духовным знаниям и ради этого желал посвятить себя иноческой жизни в какой-либо уединенной обители.

В двенадцатилетнем возрасте Никита тайно бежал в монастырь Макария Желтоводского и стал послушником. Однако через 5 лет по настоянию родни он ушел из монастыря, женился и спустя два года принял священный сан. Ему было тогда 19 лет.

Будучи приходским священником, отец Никита стал известен новгородским купцам, которые пригласили его в Москву. Около 9 лет он служил в домовом храме боярина Хлопова. За это время у супругов родились трое детей, которые умерли в младенчестве. Отец Никита посчитал это знаком того, что Господь не благословляет его супружескую жизнь. Он вспомнил о своем юношеском желании посвятить свою жизнь Единому Богу, уговорил жену принять монашество в Московском Алексеевском монастыре и покинул Москву.

Теплое усердие в вере и желание безмолвия привели его в 1636 году в отдаленную Анзерскую пустынь, устроенную по древнему уставу, под руководство святого старца. Отец Никита, по-видимому, встречал преподобного Елеазара, когда тот пребывал в Москве в Чудовом монастыре, или, по крайней мере, знал о его духовной силе в связи с тем, что Преподобный вымолил наследника царского престола. Преподобный Елеазар с любовию принял нового послушника и вскоре постриг его в монашество с именем Никон в честь священномученика Никона, епископа Никомидийского († 251 год, память 23 марта / 5 апреля).

Строг был в то время иноческий устав в Анзерском скиту. Но иеромонах Никон не только со всей точностью соблюдал его, но и по благословению преподобного Елеазара прибавлял прочтение в течение суток всей Псалтири и совершал 1000 земных поклонов с Иисусовой молитвой, до крайности сокращая время сна. Также он нес иерейское послушание в Троицком храме скита.

Духовные подвиги его сделались нестерпимыми для врага рода человеческого. Когда подвижник решался немного отдохнуть от трудов своих, «тогда абие нечистии дуси приходяще к нему в келию, его давляху, и иныя пакости и страшилища многообразными своими мечты деяху, и от труда ему почити не даяху» [26, с. 17]. Страдая от этих напастей, отец Никон дополнительно стал читать молитвы от обуревания злыми духами и каждый день совершал водоосвящение, окропляя келию святой водой.

Несмотря на все трудности пустыннического жития, эти три года были, по-видимому, самыми счастливыми в жизни Никона. Покинув Анзерский скит, он встал на путь одиночества: такого духовного отца и наставника, каким был для

него преподобный Елеазар, он больше никогда не встретил. Как упоминалось выше, Никон всегда с сыновней любовью старался оказывать содействие преподобному Елеазару в благоустроении скита. Сам же он возгревал в себе ревность к подвигам, обращаясь мысленно к началу своего монашеского пути: поэтому он строил монастыри на островах и, насколько позволяли обстоятельства, соблюдал устав Анзерского скита.

Так, поступив в Кожеезерскую обитель в 1639 году, иеромонах Никон избрал для жительства маленький островок, где продолжал подвизаться «чином Анзерския пустыни» [2, с. 21]. В дополнение к священническому служению он ловил рыбу и готовил ее для братской трапезы. В 1643 году он был избран игуменом этой обители.

Будучи в Москве по делам обители в 1646 году, игумен Никон был представлен царю Алексею Михайловичу. 17-летний царь, год назад потерявший отца и мать, всем сердцем расположился к северному подвижнику, увидев в нем человека сильного душой и телом, искреннего и чуткого к чужому горю, умудренного житейским опытом и многолетним аскетическим подвигом, способного понять его душевные стремления, дать дельный совет и быть опорой и подмогой его царскому делу.

Благодаря начитанности, глубокому знанию Священного писания, живому уму и свободе от земных привязанностей игумен Никон показался царю очень подходящим человеком, с которым можно было обсуждать насущные церковно-государственные дела. Чтобы иметь возможность постоянно видеться с ним, царь способствовал его назначению архимандритом Ново-Спасского монастыря в Москве. По повелению Алексея Михайловича архимандрит Никон каждую пятницу приезжал во дворец к утрени для совместных молитв и последующих бесед. Скоро люди, нуждавшиеся в заступничестве перед царскими чиновниками, стали передавать через него челобитные государю. Архимандрит Никон, сам выходец из народа, всегда был готов помочь несправедливо притесняемым и неимущим, особенно вдовам и сиротам.

Во время настоятельства в Ново-Спасском монастыре впервые проявился талант Никона как храмоздателя, не имевшего в середине XVII столетия равных себе по масштабу. Во время возведения на месте обветшавшей церкви нового величественного Спасо-Преображенского собора архимандрит Никон неустанно изучал все тонкости строительного ремесла: от технологии кладки до составления чертежей. Образцом для его архитектурного замысла послужил, по-видимому, Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря. Оба храма поражают своей монументальностью, построены на высоких подклетах, окружены папертями и переходами, внутри визуально двустолпные. Также и в келейной застройке Ново-Спасского монастыря, сохранившейся с середины XVII века, присутствуют элементы, характерные для Соловков, например, маленькие окна со ступенчатыми откосами, кирпичные узоры на фасадах. Насколько удачным оказался первый опыт создания Никоном архитектурного комплекса, можно судить по запискам Павла Алеппского о посещении Ново-Спасского монастыря в 1655 году: «Великая церковь выстроена патриархом Никоном в бытность его архимандритом этого монастыря. Она благолепная, кра-

сивая, душу веселящая; мы не находим в этом городе (Москве) подобную ей по возвышенности и радующему сердце виду» [39, с. 75]. Впоследствии зодчество стало для патриарха Никона не только любимым делом, но и средством выражения его богословских взглядов.

11 марта 1649 года Собор архиереев во главе с Патриархом Иосифом возвел архимандрита Никона в сан митрополита Новгородского и Великолуцкого. Он занимался церковным строительством, благотворительностью, исправлением нестроений в монастырской и приходской жизни. Митрополит Никон создал в Новгороде четыре богадельни и устроил во время голода на владычнем дворе «погребную палату», где питались одновременно двести-триста человек. Помощником митрополита по распределению милостыни был блаженный Василий Босой, Христа ради юродивый. Он ежедневно оделял каждого нищего куском хлеба, а по воскресеньям раздавал от имени митрополита деньги: детям – полденьги, взрослым – одну деньгу, престарелым – две.

Во время восстания 1650 года в Новгороде митрополит Никон показал себя мужественным пастырем, готовым положить душу за свое стадо. Он вышел к бунтовщикам со словами: «Дети, я всегда проповедовал вам истину. Ничто земное не устрашает меня. Я, как пастырь, пришел спасти вас от возмущающих вас волков». Будучи бит едва не до смерти, он кротостью и молитвой привел народ к покаянию, и бунт прекратился. В благодарственном письме царь Алексей Михайлович называл Никона «новым страстотерпцем, крепкостоятельным пастырем, крепким воином и страдальцем Царя Небесного и своим собинным (особенным) другом». Благодаря самоотверженности и мудрости митрополита мятежники в Новгороде не совершили кровопролития, в то время как в Пскове бунтовщики убили воеводу и многих знатных людей.

Во время управления Новгородской митрополией Никон особое внимание уделял духовному состоянию монастырей: он вникал в особенности богослужений в обителях, интересовался нравственным состоянием братии, строго спрашивал за различные нестроения в иноческой жизни. Так, Никон пытался исправлять известные ему беспорядки в Соловецкой обители: запретил рыбный стол по субботам и воскресеньям в Великий пост и во всю Страстную седмицу; под угрозой запрещения велел делать раздаточные просфоры не из ржаной, а из пшеничной муки; запретил в монастыре хмельное питие.

Митрополит Никон был ревностным пастырем стада Христова, постоянно назидающим свою паству словом Божественной мудрости. Историк Церкви митрополит Макарий утверждает, что в то время среди архиереев не было проповедника, равного святителю Никону [44, кн. VI, т. 11, с. 270]. Неустанно поучаясь в заповедях Божиих, святитель искал в житиях святых пример для подражания. Он сам написал житие преподобного Иакова Боровичского в книге «Рай мысленный», изданной в 1659 году. Он же, по-видимому, является и автором рукописной «Книги глаголемой описание о российских святых», дошедшей до наших дней в виде нескольких списков [61, с. 79], основную и наиболее подробную часть которой, составляют жизнеописания святых русского Севера, и, прежде всего, Соловецких. Никон лично занимался канонизацией преподобного Евфимия Архангелогородского в 1651 году, приказал построить церковь на родине препо-

добного Антония Сийского, возглавил перенесение мощей святителя Филиппа из Соловецкой обители в Москву.

Митрополиту Никону был близок сам тип личности святителя Филиппа, который во всех жизненных обстоятельствах, прежде всего, оставался аскетом-молитвенником: и в сане игумена, превратившего Соловецкий монастырь в духовный и хозяйственный центр Поморья, и в сане митрополита, отстоявшего право Церкви давать нравственную оценку государственных деяний царя и других представителей власти. Будучи на новгородской кафедре, Никон имел частицу мощей святителя Филиппа – косточку из гортани[80], преподнесенную Соловецкой братией. И вот царь поручил ему перенесение мощей с Соловков в Москву.

Во время путешествия, продолжавшегося с 11 марта по 3 июля 1652 года (ст. ст.), митрополит Филипп явился Никону в видении. «Мало ми воздремавшу, – писал Никон в письме царю, – и се вижу святаго отца Филиппа митрополита по обычаю в раке лежаща… вельми[81] светло, святое лице его явися, таким образом, яко пишется на иконе, и восклоняся[82], яко сести хотя, и глагола ми: "Мир ти, брате!" – и паки возлеже, и паки восклонися, и сяде прямо, и глагола ми: "Мир ти, брате, и не отходи от мене". Аз же, мняся[83], стоя и не смея приближитися, глагола: "Прости ми, владыко святый, яко за многая своя согрешения к твоей святыни приближитися не смею". Он же глагола ми: "Прииди!" – и паки возлеже» [77, с.366].

Слова святителя: «Прииди!» и «И не отходи от мене», – Никон, по-видимому, воспринял как благословение святителя Филиппа на подвиг архипастырского служения и как обещание духовной поддержки. Митрополит Никон провидел, что, подобно святителю Филиппу, ему придется потерпеть гонение со стороны царской власти и до дна испить чашу клеветы, осуждения и заточения.

Цв. вкл. II, с. 13

Свое предчувствие он запечатлел в иконе, написанной по его замыслу, а, возможно, и при его участии, в 1657 году[84] как местный образ для иконостаса Голгофского придела Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря. На иконе изображен Спаситель, восседающий на престоле, с припадающими в молении к Его стопам Святителем Филиппом и Патриархом Никоном. Оба в полном архиерейском облачении. Крестчатый орнамент на ризах святителей напоминает о том, что добрый пастырь, подобно Господу Иисусу Христу, душу свою полагает за овцы. Над главой Святителя Филиппа нимб, а над главой Патриарха Никона в овальном картуше помещен чуть видоизмененный текст кондака Великой среды: «Паче блудницы, Блаже, беззаконновах, Щедре, слез точение никакоже Тебе принесох, но молчанием моляся, припадаю Ти, и любовию лобызаю, пречистеи нозе Твои, да прощение мне, яко Владыка, даси грехов, яко да зову Ти, Спасе: от скверных дел моих избави мя смиреннаго Никона, раба Своего». Эта покаянная

[80] Сапожникова О. С. Неизвестные сочинения соловецкого книжника Сергия Шелонина // Русь и славяне. Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 348.

[81] Очень.

[82] Восклониться – приподняться.

[83] Сомневаясь.

[84] В надписи на окладе иконы значится, что этот образ написан «ко умному боговидению всякому верующему … в присное поучение повелением и мздою смиреннаго Никона … Патриарха… от плотскаго Христова Рождества 1657 г.» [22, с. 193-194].

«Два великих друга – две красы XVII века: царь Алексей Михайлович и Святейший Патриарх Никон». Сщмч. Иларион (Троицкий)

молитва передает настроение Патриарха Никона во все время его жизни: созерцая величие Промысла Божия, он скорбел о немощи человеческой природы, в том числе и его собственной, препятствующей его осуществлению.

Во время путешествия митрополита Никона за мощами святителя Филиппа скончался Патриарх Иосиф. Тогда царь, видя, что никого нет равного митрополиту Никону «в разуме и во утверждении благочестия», по совету со всем освященным собором «понудиша его престол патриарший прияти» [44, кн. VII., т. 12, с. 20].

Никон всячески отрицался, ссылаясь на свое недостоинство и предвидя, что его патриаршество будет недолгим и завершится исповедничеством, подобным подвигу святителя Филиппа [44, кн. VII., т. 12, с. 355]. Противоречивость своего положения в сане Патриарха Никон видел в том, что на Руси в XVI и XVII столетиях все церковное управление находилось под контролем государственной власти. Царь избирал и назначал Патриарха и всех епархиальных архиереев и через них управлял не только государством, но и самой Церковью. Такое положение Церкви в государстве Никон находил неправильным и противоречащим церковным канонам. Он считал необходимым освободить духовную власть от подчинения ее власти светской, добиться независимости власти Патриарха от власти царя во внутрицерковных делах, а в делах государственно-общественных закрепить за Патриархом право духовного совета, чтобы они совершались согласно Слову Божию, правилам святых апостолов и святых отцов, вселенских и поместных соборов и законам древних благочестивых царей. Поэтому при избрании на патриаршество Никон потребовал от царя, бояр и всего народа «дати слово и сотворити обет во Святей Соборней и апостольской Церкви пред Господем и Спасом нашим

Иисусом Христом и пред Святым Евангелием и пред Пречистей Богородицей и пред Святыми Ангелы и пред всеми Святыми держати Евангелие, Христовы догматы и правила святых апостол и святых отец и благочестивых царей законы хранити и слушатися нас во всем, яко началопастыря и патриарха вашего верховнаго, елико вам возвещати буду о догматех Божиих и о правилех»[85].

Царь, бояре и Собор такое обещание дали, и 25 июля[86] 1652 года состоялось поставление митрополита Никона в Патриарха Московского и всея Руси Собором архиереев во главе с митрополитом Казанским и Свияжским Корнилием.

Задачу Патриарха Никон видел в том, чтобы удержать Российскую державу в целом в послушании Православной Церкви, в то время как в русском обществе уже делались попытки законодательно закрепить отношение к Церкви как к одной из государственных структур. Согласно принятому в 1649 году «Уложению», предполагалось учредить монастырский приказ как светский орган управления церковными имениями и делами.

«Церковь не стены и кровля, но каноны и пастыри духовные» [14, с.216], – говорил святитель. Тяготея сердцем к строгому соблюдению церковного устава, он в первую очередь упорядочил Богослужение, а также многие стороны церковной жизни. Считая монашество краеугольным камнем Православия, он всячески поддерживал монастыри, ревнуя об их благочинии. В частности, хорошо зная порядки и обычаи, сложившиеся в Соловецком монастыре, он, еще будучи митрополитом Новгородским, посылал Соловецкому настоятелю строгие предписания, касающиеся исправления некоторых сторон монастырской деятельности [50, с. 203–205]. Да и на патриаршество он смотрел как на игуменство в большом монастыре.

Молитвами, трудами и иждивением Святейшего Никона воздвигнуты были на Руси три монастыря в прославление трех вселенских святынь: Иверская Валдайская обитель, приемшая принесенный с Афона список с чудотворной Иверской иконы Божией Матери; Крестовоздвиженский монастырь на Кий-острове в Белом море, выстроенный как кивот Креста, изготовленного в Палестине в меру Креста Господня и украшенного мощами святых числом до трех сот; Воскресенский монастырь, созданный во образ Небесного Иерусалима и именуемый поэтому Новый Иерусалим, главный храм которого устроен в подобие храма Гроба Господня.

Патриарх Никон продолжил начатое Патриархом Иосифом дело исправления богослужебных книг и обрядов. Еще будучи архимандритом Новоспасского монастыря, Никон входил в кружок «ревнителей благочестия», возникший в 1646 году при дворе царя Алексея Михайловича. Главная цель кружка состояла в поиске путей оздоровления церковной и духовно-нравственной жизни русского общества после Смутного времени. Возглавлял кружок духовник царя настоятель Благовещенского собора Московского Кремля протопоп Стефан Вонифатьев. В кружок входили: постельничий боярин Федор Михайлович Ртищев, смоленский дворянин Симеон Потемкин,

[85] Патриарх Никон. Письмо к Патриарху Цареградскому Парфению. 1660. РГАДА. Ф. 27. Д. 140. Ч. III, Л. 238а-277.

[86] В этот же день в 1566 г. Соловецкий игумен Филипп был возведен в сан митрополита.

глава печатного двора князь А. М. Львов, игумен Макарьевского Желтоводского монастыря Иларион, игумен Московского Златоустовского монастыря Феоктист, настоятель Казанского собора на Красной площади Иван Неронов, протопопы: костромской Даниил, муромский Логин, темниковский Даниил, юрьевский Аввакум. Хотя русское благочестие и живая вера XVII века были достойны всякого восхищения, однако невежество помрачило чистоту нашего древнего вероучения изобретением прежде неизвестных Церкви обычаев[87]; обезобразило величественный чин богослужения искажением богослужебных книг и обрядов, многогласием в пении и чтении. Причем быстро обнаружилось, что установить верное и отбросить нелепости и ошибки, противоречащие уставу и духу Церкви, в России чрезвычайно трудно[88]. Даже соборного определения было недостаточно – «своим» не верили. Требовался авторитетный богословский разбор, опирающийся на тысячелетний богословско-литургический опыт Вселенской Церкви, выстраданный в острейшей борьбе с ересями.

Кроме того, после падения Византии Русь осталась единственной православной мировой державой – Третьим Римом – и ощущала ответственность за судьбу «Рима Второго» – всех древних православных народов[89]. Стремление царской власти к политическому единству с православным Востоком подразумевало единство религиозное. Поэтому при патриархе Иосифе дело исправления русских книг и обрядов в пользу греческих приобрело статус государственного. Уже тогда среди «ревнителей» наметились разногласия: бояре Ртищев и Морозов придерживались взглядов царя и о. Стефана Вонифатьева о необходимости единения с Греческой церковью. Неронов, Аввакум, Лазарь и Даниил полагали, что достаточно лишь исправления нравов, отмены многогласия, введения живой проповеди, исправления некоторых богослужебных книг согласно древним русским книгам. Греческую православную ученость и богослужебную практику они совершенно отвергали, считая современных греков людьми крайне неблагочестивыми[90]. Никон вначале поддерживал эту точку зрения, но, разобравшись глубже, понял, что «поместная Церковь есть только часть единой Вселенской Церкви, что между частями этой Церкви должно быть каноническое общение и согласование» [24, с. 218].

После того, как Никон был поставлен патриархом Московским и всея Руси, правильное устроение церковной жизни в России стало его непосредственной обязанностью.

---

[87] Например, обычай преподносить мирянам святое причастие троекратно во образ Святой Троицы, упраздненный при патриархе Филарете.

[88] Так, архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Дионисий был осужден как еретик за попытку исправить в русском Требнике молитву в чине великого освящения воды: «Освяти воду сию Духом Святым и огнем». Он исключил слова «и огнем» [31, с.39]. Лишь патриарх иерусалимский Феофан, поставлявший патриарха Филарета, смог убедить русских, что слова «и огнем» действительно ошибка.

[89] 27 января 1649 года прибывший в Москву патриарх иерусалимский Паисий заявил на приеме у государя: «Пресвятая Троица… да сподобит вас восприяти превысочайший престол великого царя Константина… да будеши новый Моисей, да освободиши нас от пленения» [31, с. 44].

[90] После Флорентийской церковной унии (1439 г.) и захвата Константинополя турками (1453 г.) русские считали, что истинное христианство осталось только на Руси. Все, что исходило от живших под бусурманским игом греков, считалось подозрительным и ложным. Например, греческие богослужебные книги, по словам Арсения Суханова, были исполнены «латинских ересей».

Из грамот Константинопольского патриарха Иеремии на имя первого Русского патриарха Иова патриарх Никон знал, какое страшное осуждение грозит за каждое нововведение в чине православной Церкви. Поэтому, когда на древнем саккосе митрополита Фотия, присланном из Греции, он прочел подлинный Символ веры, то ужаснулся, увидев, что с ним не сходен Символ в Русских печатных книгах. Также и в чине Божественной литургии он нашел отличия от списков древних чинопоследований.

Никон, как предстоятель Церкви, не мог не считать себя ответственным перед Богом за эти несоответствия, поэтому ему пришлось взяться за приведение богослужебного чина Русской Церкви в согласие с чином Вселенской Церкви. Он пытался поддержать преемственность святоотеческой традиции в Русской Церкви, что не вполне удалось из-за отсутствия в России богословской школы достаточно высокого уровня.

В то же время духовную сущность своего понимания этой преемственности ему удалось выразить образно, посредством устроения трех монастырей, каждый из которых стал архитектурной иконой вселенских святынь. Патриарх Никон совершил то, на что был призван и что до него не смогли сделать все бывшие митрополиты и патриархи Московские [50, с.564-570].

Все решения об исправлении книг и обрядов принимались соборно. Собор, состоявшийся в 1654 году (27 февраля – 2 мая ст. ст.), не только признал необходимость исправления книг, но и утвердил правило, как вести это исправление: «Достойно и праведно исправити против харатейных (русскоязычных рукописных) и греческих» [44, кн. VII., т. 12, с. 83]. Для этого было собрано более 2700 книг, к которым прибавились книги, привезенные из Греции старцем Арсением Сухановым.

Замечательно, что одновременно с началом исправления книг была начата работа по переводу книги «Скрижаль», содержавшей духовное толкование богослужения. Понимание догматического и таинственного смысла литургии, церковных священнодействий и обрядов освобождало от рабского следования «букве» и исключало возможность ошибок при выборе между старо- и новопечатными книгами. Для обсуждения русского перевода «Скрижали» был созван специальный собор 1656 года (23 апреля – 2 июня ст. ст.). Отцы Собора Русской Церкви признали книгу не только «непорочной», но и «достойной всякой похвалы и удивления, и много благодарили Бога за такое безценное сокровище»[91].

Этот же собор постановил правило о троеперстии в крестном знамении и изрек письменное проклятие на не повинующихся учению Церкви, подтвердив первую анафему на последователей двуперстия, произнесенную в Успенском соборе 24 февраля 1656 года в неделю Православия патриархами Антиохийским Макарием и Сербским Гавриилом и митрополитом Никейским Григорием[92].

Никон прекрасно понимал, что догматизация[93] обряда и упорное стремление поставить местные предания выше соборных постановлений Вселенской Церкви

[91] РГАДА. Ф. 27. Д. 140. Ч. III. С.105.

[92] Там же. С. 106.

[93] Сакрализация обрядов, приравнивающая их к догматам, дала основание для догматизации самых незначительных сторон церковной жизни, что привело, в силу местного разнообразия, к появлению многочисленных разделений внутри раскольников.

приведут к церковному расколу, и принимал меры, чтобы этого не произошло. В частности, при условии послушания Церкви разрешал служить и по старым книгам, допуская разность мнений в вещах, не затрагивающих существа веры. Митрополит Макарий писал, что «если бы Никон не оставил кафедры, раскола в Русской Церкви не было бы» [44, кн. VII., т. 12, с. 119].

Поводом для ухода Никона с патриаршей кафедры 10 (23) июля 1658 года в праздник Ризы Господней послужило то, что царь Алексей Михайлович не пришел, как обычно, молиться в Успенский собор, но послал князя Юрия Ромодановского сказать Никону: «Царское величество на тебя гневен, поэтому и к заутрени не пришел и не велел ждать его к литургии», а также «повелел, чтоб впредь ты не писался и не назывался великим государем, и почитать тебя впредь не будет».

О причине своего ухода от правления Патриарх Никон написал в своем знаменитом «Возражении или разорении»: «Царь при избрании нас на патриаршество дал клятвенное обещание перед Богом и всеми святыми хранить непреложно заповеди Евангелия, святых апостолов и святых отцов, и пока пребывал в своем обещании, повинуясь святой Церкви, мы терпели. А когда царь изменил своему обещанию и на нас положил гнев неправедно, мы, 10 июля, совершив во святой великой церкви богослужебную литургию и засвидетельствовав перед Богом и всеми святыми о напрасном государевом гневе, вышли, по заповеди евангельской, из града Москвы, отрясли прах от ног наших и тогда же письменно известили царя, что уходим ради его неправедного гнева и что он даст за все ответ перед Богом. Кто же укорит меня, что я поступил вопреки воле Божией, а не по правде, и какое тут отречение?» [44, кн. VII., т. 12, с. 196]. Далее в ответе на 17-й вопрос, где говорилось, что святители могут покидать на время свои престолы только ввиду военного нападения, Никон продолжил: «Не больше ли войны – гнев царский?.. Из Москвы я отошел не без ведома царева: царь знал, что гневается на меня без правды. И от него приходили ко мне … и я им говорил, что иду из Москвы от немилосердия государя, пусть ему будет просторнее без меня; а то, гневаясь на меня, он не ходит в церковь, не исполняет своих обещаний, данных при нашем избрании на патриаршество, отнял себе суд церковный, велел судить нас самих и всех архиереев и духовный чин приказным людям» [44, кн. VII., т. 12, с. 201]. Царь именовал себя владыкой всех вещей, а Патриарху следовало «послушным ему бытии, яко сущему в большем достоинстве и наместнику Божию».

Понимая губительность подобных притязаний, Патриарх Никон также сознавал, что открытое сопротивление царской власти со стороны власти духовной может вызвать в России смуту, разрушающую религиозную основу русского бытия – любовь народа к Церкви-матушке и царю-батюшке. «После длительных молитвенных размышлений он выбрал единственно возможный для себя путь: незаконным притязаниям не подчиняться, в открытое противостояние не вступать; указывая на нетерпимость положения, рассчитывая на отрезвление и покаяние светской власти, оставить кафедру Московского первосвятителя и удалиться в Воскресенский монастырь» [28, с. 400].

«По удалении в Воскресенский монастырь, Никон жил в нем самым строгим подвижником, представляя в себе для братии образец иноческих трудов. По прибытии в обитель он облекся в бедную и грубую одежду, надел на себя железные

Вериги Патриарха Никона

вериги, и всецело посвятил себя молитве, посту и телесным трудам. В черной монашеской мантии, только с источниками, он первым являлся в церковь к богослужению, и последним выходил из нея. Каждый день, по окончании литургии, он со слезами выслушивал молебен Пресвятой Богородице, "поемый во всякой скорби душевной и обстоянии". Патриарх Никон всегда и везде являлся примером трудолюбия, исправности и благоразумной опытности; первый исходил на всякое дело, и после всех полагал конец своим трудам. Он устроил для совершенного уединения и безмолвия пустыню, с двумя церквами, по примеру церквей на Афонской горе у пустынных отцев. В пустыни наедине с собой и с Богом, изнурял плоть свою, и возвышал дух свой к Господу постоянною молитвою, постом, коленопреклонением и поклонами. Сон его тогда был не более трех часов в сутки. Он продолжал составлять свою летопись. Изображая превратности царств, народов и частных людей, Никон точнее узнавал цену своего крестнаго испытания в сладостном уединении Новаго Иерусалима. Среди строгих подвигов благочестия Никон не забывал и дел милосердия, которое составляло как бы душу его жизни»[55, с. 194-196]. Всех странников и богомольцев Святейший Никон приказывал поить и кормить по три дня даром, в монахи принимать безвкладно, всем давая платье за счет обители. В праздник всегда трапезовал с братией и сам лично омывал ноги богомольцам и заезжим путникам.

Предметом особенного попечения Патриарха Никона стал дивный по своему плану каменный храм Воскресения Христова, который был заложен 1 сентября 1658 года в Воскресенском монастыре и устраивался в подобие храма Гроба Господня в Иерусалиме. Теперь он говорил сам в себе вместе с Давидом: «едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святый Его!» (Пс.26,4).

Ново-Иерусалимский монастырь задуман был не только как «оправа» для копии храма Гроба Господня, но как архитектурная икона Царства Небеснаго. Поскольку «Иерусалим Новый» не явлен даже в Откровении в достаточно описуемом виде, Патриарх Никон исходил из того, что историческая Святая земля и храм Гроба Господня в Иерусалиме могут быть образами небесных первообразов «новой земли», «града Небеснаго», «Иерусалима Новаго». Такое понимание основано на Священном Предании Церкви, согласно которому храм объемлет всю вселенную и созидается, по существу, не только людьми, но великим Строителем – Словом и существует на земле как мысленное подобие того, что превыше небесного свода.

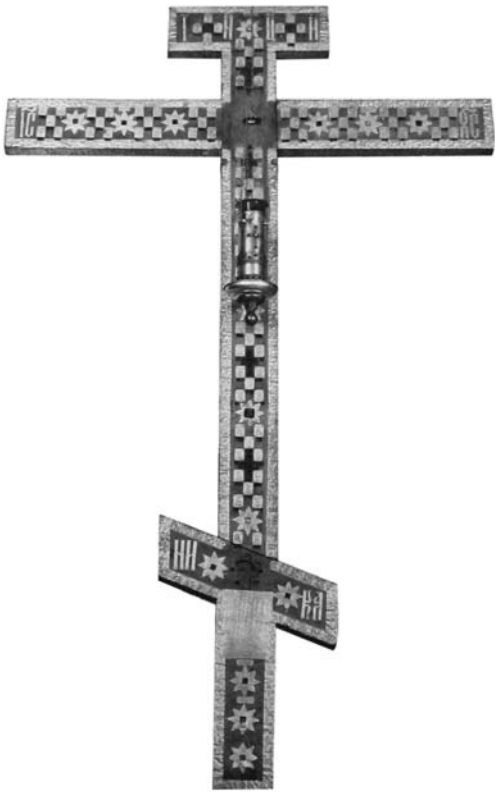
О двояком значении своего «Нового Иерусалима» как образа исторической Палестины и Царства Небесного свидетельствовал сам Патриарх Никон надпи-

Храм Воскресения Христова в Ново-Иерусалимском монастыре

сями в ротонде Воскресенского собора и на колоколах. «Да разум имуще, от знамения и образа к началом образных истин восходити возможем… Познаем наше достоинство, почтим начало образное, знаем тайны силу и за кого Христос умре. Будем яко и Христос, зане же Христос яко и мы; будем бози Его ради, зане и Он нас ради человек бысть и изволи прияти горшее, да даст лучшее»[94]. Святейший Никон в надписях в соборе и на колоколах запечатлел свое понимание того, что начало образных истин – Бог, а совершеннейшими образами Его являются святые. В 1664 году был вылит Всехсвятский колокол – «духовная труба новому Израилю», а на нем «вылиты святые во весь год» и надпись – выдержки из откровения Иоанна Богослова (7. 14–16), касающиеся насельников Небесного града: «сии суть приидоша от скорби великия и испраша ризы своя в крови Агнчи, сего ради суть пред престолом Божиим, и служат ему день и нощь в церкви Его, поюще песнь нову. С ними же сподоби, Боже, и нас причастником быти»[95].

В 1660–1661 годах Патриарх Никон обустраивал также Крестовоздвиженский монастырь на Кий-острове. Отсутствие источника питьевой воды на острове делало его малопригодным для жизни иноков. Поэтому, в первую очередь, святейший Никон, много помолившись, чтобы Господь указал ему место, ископал колодец великий (глубиной около 10 метров) из камня дикого (гранита) и на том

[94] Надписи на колоколах. РГАДА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 71. Л.58.
[95] Там же. Л.59.



Кийский Крест
Патриарха Никона, 1656 г.
Находился в Крестовоздвиженском соборе на Кий-острове до закрытия монастыря в 1923 году.
В 1923–30 гг. Крест находился в антирелигиозном музее в Соловецком лагере, о чем сохранилась заметка в газете «Карело-Мурманский край» (№ 7, 1927, с. 9). В заметке указывается, что крест был украшен листовым позолоченным окладом, позднее утраченным.
Затем Крест был перевезен в Москву и хранился в запасниках Исторического музея.
В августе 1991 г. Крест передан в московский храм преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках, где он и находится в настоящее время

колодце построил церковь каменную во имя происхождения Честного Креста Господня [26, с.41].

В одной связи с папертью этого храма находилась келия Патриарха Никона, в которой он жил во время строительства главного храма монастыря – каменного холодного Крестовоздвиженского собора. Он был построен иждивением святейшего Патриарха Никона и освящен им самим 2 сентября 1661 года.

Храм поставлен на гранитной скале, и стены его сложены из глыб того же гранита, кирпич употреблялся только для связки камней и для выкладывания сводов. Престол в алтаре каменный, устроенный на самой скале, по образу храма Гроба Господня. Главной святыней монастыря был привезенный из Палестины в 1656 году Крест «из древа кипарисного в высоту и в ширину во всем подобный мерою Кресту Христову», который сам святейший Патриарх Никон «обложил сребром и златом и драгоценным камением, и бисером украсил. И положил в нем святых мощей даже до трию сту» [62, с. 8]. Крест тот почитался великой святыней, и паломники веровали, что если «кто с верою восхощет к тому животворящему Кресту на поклонение приити, да не менее тому силою святаго того честнаго и животворящаго Креста благодать дастся, якоже путешествующим во святая Палестинская места, в нихже святое свое смотрение Христос Бог наш исполни» [62, с. 7].

Во время пребывания Патриарха Никона на Кий-острове состоялся первый Собор по его делу, длившийся с 16 февраля по 14 августа 1660 года, который не нашел причин для его осуждения. Собор постановил: «Да

вместо благоговейного Никона, бывшаго Патриарха Московскаго, самовольно престол свой оставльшаго, ин Святейший Патриарх Московский правильно изберется, благодатию Духа Свята восхиротонисуется и в душевную всего благочестиваго рода российскаго пользу на престол Патриарший возведется» [44, кн. VII., т. 12, с. 182]. Известный своей ученостью иеромонах Епифаний Славинецкий добавил: «О том, чтобы Никон чужд был архиерейства и священства, я не только писать, но и говорить не дерзаю. Я не нашел таких правил, чтобы архиерея, самовольно оставльшаго свой престол, но не отрекшагося архиерейства, отчуждали архиерейства и священства» [44, кн. VII., т. 12, с. 180].

Узнав о Соборе, Никон сделал еще одну попытку решить дело о взаимоотношениях Патриарха и царя мирным путем согласно канонам. Он собственноручно сделал выписки из Нового Завета, снабдив их комментариями, касающимися состоявшегося над ним суда, и послал тетради (объемом более 200 страниц) под названием «Наставления христианину» царю Алексею Михайловичу с надписью: «изволи милостиво сия тетради приняти, Божия завета нужнейшия заповеди, без них же невозможно всякому христианину спастися, со вниманием чести и, воистину, познаеши недостаточство свое пред Господем Богом и ближним. И аще почтеши, надеюся на Господа, яко милостив будеши нам. Аминь»[96]. Патриарх Никон с помощью Евангельских цитат, как бы от лица Христа, наводил читателя на мысль, что главное дело каждого христианина – соблюдение заповедей Божиих и пребывание в воле Его. Он указал на то, что обличение всех делающих неправду, в том числе и царя, – его долг как пастыря, что «подобает обличение и запрещение приимати, яко лечбу чистительную страстем, и здравие содевающу»[97]. Он подчеркивал жизненную важность очищения от греха через покаяние: «яко кончина греха – смерть, а кончина <деланию> заповедей Божиих – жизнь вечная». Поэтому кто ради человекоугодия не обличает согрешающего, тот повинен в его вечной погибели.

Многократно цитируя Евангелие, Патриарх Никон призывал в посредники и свидетели на суд царев Христа, надеясь, что благодать Слова умягчит сердце царя. Он и заботился о спасении души своего царственного друга, и боролся за то, чтобы во главе Российской державы стоял царь, способный благодатно исполнять свое служение в послушании Церкви.

Патриарх Никон подчеркивал, что грех в жизни личной и общественной есть причина несчастий, следующих за уклонение от воли Божией, и что единственным средством отсечения поврежденной грехом человеческой воли является выправление всей жизни согласно церковному канону, согласно которому целью жизни является стяжание благодати Святаго Духа. И в этом Патриарх должен быть учителем царя, как вторая половина «Богомудрой двоицы», как духовное восполнение царя. Патриарх Никон пытался с помощью Евангельского пространства вернуть царя от мелких обид и претензий уязвленного самолюбия («Не ты, мужик, мой отец, но Вселенский Патриарх!») на глубину человеческих отношений во Христе. Только из глубины веры, а не из политических соображений, подсказываемых окружающими царя людьми, возможно было разрешить противостояние царя и Патриарха по поводу будущего России.

---

[96] Патриарх Никон. Наставления христианину. 1660. РГАДА. Ф. 27. Д. 140. Ч. I. Л. 298.

[97] Там же. С. 390.

В конце тетрадей Патриарх Никон сформулировал главный пункт своего несогласия с царем: «Яко идеже Церковь под мирскую власть снидет, несть Церковь, но дом человеческий и вертеп разбойников»[98].

Через шесть лет в «Возражении…» в ответе на вопрос 20-й Патриарх Никон подробно изложил учение церкви о священстве и царстве: «священство и самаго царства честнейши: престол священства поставлен на небеси по глаголу Божию: «елика бо аще свяжете на земли, будут связаны на небесех» (Мф. 18,18). Что может сравниться с этою честию: суд от земли восходит на небо чрез священника, который поставлен посредником между Богом и человеками. Сего ради и цари помазуются от священнической руки, а не священники от царской; ибо меньшее от большаго благословляется. Царю вверено здешнее, а священнику Небесное; царю вверено попечение телесное, иерею же – душевное, царь долги имениям оставляет, священник же долги согрешениям; царь действует принуждением, а священник увещанием; царь имеет оружие чувственное, священник – духовное; царь имеет брань к сопостатам, сражается с врагами видимыми, священник же имеет брань к началам и властем тьмы» [14, с.217].

В 24-м возражении, говоря о привилегиях церковных, Никон восклицал: «Мы не знаем иного законоположника себе кроме Христа, который дал нам власть вязать и решить. Уж не эту ли привилегию дал нам царь? Нет, но он похитил ее от нас, как свидетельствуют его беззаконные дела. Какие? Он Церковью обладает, священными вещами богатится и питается, славится тем, что все церковники – митрополиты, архиепископы священники и все причетники покоряются ему, оброки дают, работают, воюют; судом и пошлинами владеет». Такое обладание царя Церковью, по слову Патриарха Никона, является «антихристовым узаконением», свидетельствующим о духовном перерождении русской монархии, когда из защитника Церкви она начала превращаться в ее обладателя и распорядителя. Царь начал управлять Церковью не в совете с патриархом, а «преболе» его. Усматривая в этом духовную катастрофу для России, Святейший Никон, иногда в резкой форме, свидетельствовал, что земной град восстал на град Небесный, что царская власть беззаконно узурпирует власть духовную. Патриарх в такой ситуации становился номинальной фигурой, исполняющей волю самодержца. Таким Патриархом Никон быть не мог и не хотел.

Вынужденный уход Никона с Патриаршего престола представляется исповедническим подвигом архипастыря, который спасал Церковь от грозящего ей поглощения в государстве, предвидя порабощение Церкви, доведенное до логического конца Петром I. Патриарха Никона постигла судьба пророков, гонимых и претерпевавших многие оскорбления и поругания.

Сколько времени Патриарх Никон строил храм Гроба Господня, столько враг рода человеческого собирал тучи над его главою. Одним из пунктов обвинения его на суде 1666 года было строительство «Нового Иерусалима». Отвечая на вопрос 13-й в «Возражении…», Патриарх Никон богословски обосновал возможность создания архитектурного образа Святой Земли и Царства Небесного: «Не позорю я стараго Иерусалима, называя Воскресенский монастырь Новым

[98] Там же. С. 391.

Иерусалимом, так как писано у пророков: "из Сиона изыдет закон и слово Господне из Иерусалима". Того закона я любитель и слова Господня хранитель – не стыжусь и сам называться иерусалимлянином. Согрешает ли тот, кто во славу Господу Богу с любовию созиждет храм во имя святаго Воскресения по образу храма Воскресения, еже есть во Иерусалиме, величеством, и мерою, и добротою? И разве все прочие церкви не та же иерусалимская церковь и не тот же святый Сион? Послушай предания святаго седьмаго вселенскаго собора: "Яко освящаются убо честными иконами очи зрящих, воздвижется же теми ум к боговидению, тако же и божественными храмами и священными сосудами и иными вещами в писаниях, и умышлениях, в жертвах, в храмах и изображениях". Смотри, какие правила предлагают святые апостолы и святые отцы к божественному созерцанию; также и Василию Великому мнится священными иконами ум на первообразное возводити. … Разве может быть образ, котораго не было бы в действительности? Разве может быть сын без отца, или разве не может быть сын назван по имени отца? … Имена святым церквам, монастырям и городам даются от первообразных; каждое из названий различается от своего первообраза временем и местом, как например старый Рим от новаго; новаго Рима слава уже окончилась, стараго же Рима остается. Иеро – означает святилище или священное, салим – означает мир, а в совокупности – Иерусалим, то есть священный мир, ибо всякий может разуметь, что и церковь и Иерусалим есть священный мир, так как в церкви освящаются святым крещением, святым маслосвящением и миропомазанием» [14, т. 2, с. 196–201].

Второй Собор по делу Патриарха Никона состоялся 7 ноября – 12 декабря 1666 года. Отметим, что два восточных Патриарха, Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий, участвовавших в суде над Патриархом Никоном и решивших дело в угоду царю и боярам, во-первых, не имели права судить Патриарха, так как сами были низложены со своих кафедр именно за эту поездку, а во-вторых, были подкуплены Московским правительством[99]. В приговоре Собора указаны следующие вины Патриарха Никона: самовольное оставление престола, строительство Ново-Иерусалимского монастыря, требование поставить нового патриарха по его, Никонову, благословению, обличения царя и членов Собора, жестокое обращение с клиром [44, кн. VII., т. 12, с. 365]. На основании этих, по мнению многих исследователей, малообоснованных, обвинений Патриарх Никон лишен был архиерейского сана и священства и заточен был в Ферапонтов монастырь.

Выслушав приговор, Святейший Никон сказал только: «Никоне, Никоне! Вот за что все это тебе: не говори правды, не теряй дружбы. Если бы ты устраивал у себя богатые вечери и с ними угощался, то верно этого с тобой не случилось бы» [44, кн. VII., т. 12, с. 135].

Но, низвергнув Патриарха Никона с патриаршего престола, его недоброжелатели не только не могли истребить плодов ревности его для блага Церкви, но и положили основание прочнейшему их утверждению. По судьбам Промысла, Патриарха Никона судил Собор, по составу своему почти вселенский, и непреложно утвердил на все времена плоды пастырских трудов его. Этот Собор умолил царя и пастырей устроить училища для духовного просвещения, утвердил сделан-

[99] Михайлова Н. Божией милостью патриарх.// «Благодатный огонь». 1999 г. № 3. С. 10.

ные Патриархом Никоном исправления в богослужебных книгах и обрядах; постановил правило о неподсудности духовенства мирским судьям; изрек строгий суд на легкомысленных нарушителей уставов церкви [44, кн. VII., т. 12, с. 380–392].

Заметим, что два наиболее усердствовавших против Патриарха Никона архиерея, Крутицкий митрополит Павел и Рязанский митрополит Иларион, отказались подписать акт о низложении Никона 14 января 1667 года, так как в свитке Восточных патриархов, на основании которого судили Патриарха Никона, царь именовался владыкою всех вещей, а Патриарху следовало «послушным ему быти, яко сущему в большем достоинстве и наместнику Божию» [44, кн. VII., т. 12, с. 371].

Также и другие русские архиереи поняли, что здесь несправедливо унижена патриаршая власть относительно царской, на что и указывал Патриарх Никон. В результате споров было определено, что «царь имеет преимущество в политических делах, а Патриарх в церковных» [44, кн. VII., т. 12, с. 372].

Нелишне указать на судьбу главнейших судей Патриарха Никона. Восточные Патриархи по возвращении своем на паству были повешены султаном за то, что без его повеления отправлялись в Россию. Паисий Лигарид, обличенный во многих злоупотреблениях, лишился милости русских бояр и был изгнан из России. Иосиф, впоследствии митрополит Астраханский, мучительски убит казаками. Иларион, митрополит Рязанский, предан был суду за некоторые предосудительные поступки и отставлен от епархии [55, с. 280]. Сбылись цитированные Патриархом Никоном в «Возражении …» слова: «разсыплет Бог кости человекоугодников» (Иез. 6,5).

С 1666 по 1676 год Святейший Никон находился в ссылке в Ферапонтове монастыре. Никон безропотно терпел свою горькую участь, за все благодарил Господа и молился даже за врагов своих: «Отче, отпусти им: не ведят бо, что творят». В письме к царю Алексею Михайловичу Патриарх Никон открывает свой внутренний настрой: «Сила Божия в немощи совершается; благоволю и аз в немощех моих и злостраданиях, зане елико внешний наш человек озлобляется (страдает от зла), толико внутренний обновляется. Аз убо не точию страдати всеизволяю, но и умрети готов есмь правды ради, только бы не во твое царство... Мы на то обещались, что терпеть – претерпевый до конца той спасен будет... Терпеньем да течем на предлежащий нам образ взирающе, на Начальника вере и Совершителя Иисуса, Иже вместо предлежащия Ему радости претерпе крест и о срамоте не раде; темже убо да исходим к Нему вне стана, поношение его носяще; не имамы бо зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем»[100].

Неутомимо деятельный, он не хотел оставаться праздным и в тесноте заточения. «Праздность всякому злу вина бывает», – говорил Патриарх Никон. Очищая ум и сердце смиренною молитвою к Богу и покаянием, он тело свое изнурял постоянными трудами. Он сам носил дрова для своей келии, ходил за водой на озеро и готовил пищу для своей братии, которая прибыла сюда разделить с ним скорби заточения.

Заключение в монастыре, в котором узнику были отведены больничные братские кельи, «смрадные и закоптелые», было до того тяжко, что лица, добровольно

[100] Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 93.

поехавшие с патриархом Никоном в ссылку, вернулись обратно в Москву.

С 1672 года, когда Никону разрешен был свободный выход из келий, к нему стали приходить люди, страдавшие телесными и душевными недугами. Никон читал над ними молитвы, мазал освященным маслом, давал лекарства, и больные получали исцеление. Никон так говорил о своем лечении: «Являлся, де, ему, Никону, Христос часто в церкви тем образом, как пишется на иконе, и подал, де, ему благодать чаши лекарственной; и он, де, по тому явлению и по благодати неисчерпаемой чаши лекарственной исцелял и от того его лекарства Бог от болезней многих людей избавлял, а больше того его никто лекарству не учивал»[101]. В записях 1672–1675 годов всех исцеленных значится 132 человека. Болезни, от которых излечивал Никон: падучая, безумие, страхование от бесов, расслабление членов и другие.

Кончина Святейшего Патриарха Никона в Ярославле

В 1676 году Никона перевели в Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы ужесточить условия заточения. Однако «ни бедность, ни теснота, ни унижение не могли поколебать в нем твердаго духа: он без малодушия переносил свои страдания. Он постоянно носил на себе железные вериги и маленький серебряный ковчег со Святыми дарами. В таком расположении духа и с таким напутствием, он всегда был истинным воином Иисуса Христа, облеченным во вся оружия Божия против слабостей плоти и искушений духа» [55, с. 337].

17 августа 1681 года блаженный Никон «в добром исповедании, благодаря Бога о всем, яко во страдании течение свое соверши, с миром успе, душу свою в руце Богу предаде, Егоже возлюби» [26, с. 94]. «Тело же его невредимо отнюдь от вони злосмрадныя, аще и десятодневно пребысть; в толикое бо теплое время… цело и тлению не причастно бе» [26, с. 100]. По желанию самого Патриарха тело его положили в основанной им Ново-Иерусалимской обители, в приделе Усекновения главы Иоанна Предтечи храма Воскресения Христова. По любви и усердию благочестивейшего царя Феодора Алексеевича честные останки Святейшего Патриарха Никона погребены были по патриаршему чину, «и бысть того всего действия… 10 часов и две четверти» [26, с. 98].

[101] Белокуров С. А. Материалы для русской истории. «Дела Святейшаго Никона Патриарха, паче же рещи чудеса врачебная». М., 1888, с. 84.

Гробница Святейшего Патриарха Никона в Ново-Иерусалимском монастыре

«Царь же Благочестивый, непрестанно жалея о Никоне Блаженном, яко не поминается Патриархом... о сем соизволи восписати в Палестину ко всем четырем Вселенским Патриархом» [26, с. 102], и в сентябре 1682 года были получены грамоты от Вселенских Патриархов, восстанавливающие Никона в правах Патриарха «ввиду искупления им своей вины смиренным терпением в заточении». Патриарх константинопольский Иаков писал, что святая Церковь имеет власть, соразмеряя суд и милость наказывать и миловать согрешающих, особенно если они «творят плоды достойные покаяния». Так, продолжал он, и Патриарх Никон, хотя был осужден за свои вины собором восточных и русских архипастырей и лишен святительского сана, но благодушно перенес свое наказание, «многими и тмочисленными печальми и нуждами себе усмири, и многих печальных ради трудов в небесное царствие вводящий путь возвратив, в терпении, озлоблении, в нужном пребывании постом и молитвами непрестанными и бденьми всенощными, яко злато в горниле, искушен бысть, и яко всеплодие Бога живаго жертва явился, и не даде сна очима своима, ниже дремания на челе своем, ниже покоя составом своим, дондеже блаженным сном уснув, благочестно к Господу отиде». Обращаясь к самым причинам извержения Никона из патриаршего сана, вселенский патриарх замечает, что «Никон осужден не яко неких вин ради душевных или телесных, елицы от благодати архиерейства отчуждают, ниже над Божественными догматы благочестий согреши, столп бо благочестия непоколебаемый знаем бысть, и Божественных и священных канонов оберегатель присно-искуснейший, отеческих догмат, повелений же и преданий неизреченный ревнитель и заступник достойнейший: но яко человек, человечески болезнуя от малодушия некоего гневом и унынием побежден бысть». Поэтому собор, созванный при константинопольском патриархе для рассуждения о причислении Никона к сонму всероссийских иерархов, нашел благословным восстановить Никона к патриаршескому поминовению.

Память Святейшего Патриарха Никона особенно почиталась в трех основанных им монастырях. Вскоре после его кончины архимандрит Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря Герман (†1682) написал эпитафию в 24 строки, которая была высечена на каменной плите и помещена у гробницы [22, с. 313–

316]. В эпитафии Патриарх Никон именуется «отец и молебник наш к Богу» и «любезный пастырь всех нас», подчеркивается, что путь его жизни был, подобно пути Христа, путем страдания и терпения, и в этих бедах он «стояше твердо, аки столп камен». Конец стиха – похвала царю Феодору, вернувшему Патриарха Никона из ссылки и лично позаботившемуся о достойном погребении его тела и о восстановлении его доброго имени. Этим он старался искупить несправедливость Алексея Михайловича в отношении Никона – «целя вред, яже подъял отец».

В 1686–1698 годах архимандрит Воскресенского монастыря Никанор составил стихотворный Летописец – первое изложение истории Нового Иерусалима. Патриарху Никону в нем посвящены строки, которые звучат как церковные песнопения, прославляющие святого:

...Апостольским преданиям
и Святых Отец
Юныя и старыя уча, аки отец,
Горняго ища, долняя вся презирая,
Щит веры имея,
ко брани на бесов простирая,
О благочестии истинный бысть ревнитель,
И веры христианския присный хранитель...

Парсуна Святейшего Патриарха Никона, написанная в Ново-Иерусалимском монастыре. ГИМ

Дни тезоименитства Патриарха Никона отмечались в Воскресенском монастыре с особой торжественностью. 25 марта, в день памяти святого преподобномученика Никона, и 24 мая, в день памяти преподобного Никиты Столпника Переяславского чудотворца, после Божественной литургии совершались соборные панихиды. На панихидах у гробницы Патриарха Никона полагался особый отпуст «Христос истинный Бог наш... душу от нас преставльшагося раба твоего, Святейшего Патриарха Никона в селениях праведных учинит, в недрах Авраамовых упокоит, с праведными сопричтет и нас его святыми молитвами помилует, яко благ и человеколюбец». Таким образом молитва о Патриархе Никоне соединялась с молитвой самому Патриарху Никону.

Настоятель Воскресенского монастыря архимандрит Леонид (Кавелин) подготовил первое научное издание написанного Иоанном Шушериным «Известия о житии...» Патриарха Никона. Сверенное по разным спискам с приведением разночтений это издание, осуществленное в 1871 году, стало эталонным и переиздается с тех пор, в сущности, без изменений. В 1874 году архимандрит Леонид устроил в Воскресенском монастыре Музей памяти Патриарха Никона. Обычай бережного сохранения личных вещей святых угодников Божиих архимандрит Леонид воспринял из Иоанно-Предтеченского скита Оптиной пустыни, где прошли первые годы его иноческой жизни и где сберегались как святыни вещи прежде почивших старцев.

Впоследствии Музей Патриарха Никона в Новом Иерусалиме стал образцом для создания Музея Патриарха Никона и в Иверском монастыре на Валдае.

Однако до середины XIX века официальная историография продолжала поддерживать позицию царской власти, расправившейся сначала с Патриархом Никоном, а затем и патриаршеством вообще.

Не принесено было покаяние за суд неправедный, на котором Никон сказал: «Кровь моя на твоей голове, царь!». «Для государственной власти, желающей снять эту тягость, надо принести такую же общественную повинную перед гробницей Никона, какую Никон от лица царя Алексея Михайловича принес перед гробницей святителя Филиппа, и молил его о прощении. А русский народ уже давно прославил Никона своими посещениями места его последнего упокоения, и молитвами перед его гробницей получал от Бога исцеления» [24, с. 233].

У гробницы святителя стали совершаться многие исцеления и знамения благодатной помощи, особенно матерям и несправедливо гонимым. В Ново-Иерусалимском монастыре существовала специальная книга, где записывались проверенные случаи благодатной помощи людям у гробницы святого [37, с.111]. Приведем печатные свидетельства о чудных знамениях благодати Божией ради Святейшаго Патриарха Никона по смерти его.

«Бысть в оной обители Воскресенской в лето в 1691 году месяца мая день 24-й, на память Никиты столпника, Переяславскаго чудотворца (патрона Никона) определенный у большой Воскресенской церкви сторож Диомид и глазами своими не виде света ни мало, и не мог положенное ему исправлять послушание. И по вседневному обыкновению, бывшим у той церкви двум сторожам, пред утренними благовестами за полчаса из них один пошел на колокольню благовестить, а другой сторож, слепой Диомид, отперевши большую церковь, взошел в нее, и по обыкновению своему, церковные висящие замки и ключи положил на полку в церкви за персону <портрет> Святейшаго Никона Патриарха, которая стоит у стены церковной от входа в двери церковныя, на левой стороне. И бысть от этой персоны глас: “Диомиде, прозри!” И виде свет велий во всей церкви, зажжены бяху все свещи пред святыми образами и в хрустальных висящих лампадах елей налит на всех хорах и возжен. Он же, страж, увидел в большой церкви Святейшаго Патриарха Никона, в отверзтых царских вратах стояща в одеянии святительском и осеняющаго, в руках своих имуща трикирий и дикирий, стоящих в белых одеждах и перед ним поющих много в той церкви слышаше. И пойде <Никон> из царских дверей в малую церковь Иоанна Предтечи, где есть гроб его, Святейшаго Патриарха Никона. <Диомид:> “И сие увидев, от страха падох на землю и не вем, кто подняше меня с земли, и приидох в Предтечеву церковь Святейшаго Никона Патриарха. Аз же не можах стояти на ногах от страха, но на коленях стоях пред ним. Святейший же Никон седяше на гробе своем и рече ми: “Мир всем на месте сем живущим! Не ужасайся, Диомиде, аз бо месту сему фундатор <основатель>: но глаголи без боязни обители сея порученному начальнику, чтобы в церкви Иоанна Предтечи над сим гробом моим, во вся дни отправляли литургию, и панихиды пели бы на память мою, в сей же день тезоименитому мне угоднику Никите, Переяславскому чудотворцу, празднество творили, а близ гроба моего не погребали бы, утеснение ми чинят”. И благослови мя десницею, и помаза ми очи елеем, у гроба горевшим, и невидим бысть от очию моею, аз же пад

поклонихся на землю и лежа в беспамятстве". И в благовест утренний пришед пономарь, монах Трифон в церковь, видев свещи и лампады зажженныя, начат гасити, но не можаше погасити, и искаше сторожа церковнаго, но не нашед, поиде из церкви в сторожную палату, подумав, что спит, и не обрете никого. И в это время пришедше по обычаю братия в церковь, видевше свещи зажженныя, все удивляющеся вельми, что благовест в малый колокол, а свещи возжены все, и спрашиваху пономаря. Он же рече: "Не вем для чего и не могу найти сторожа чередnаго". Братия же пришедшия: иеромонах Евстратий и иеродиакон Гедеон, взошедше в Предтечеву малую церковь и видевше у гроба лежаща сторожа Диомида и поднявше его от земли спрашиваху, кто <зажег>, и для чего горят свещи с лампадами. Он же им всем бывшим ту поведа вся подробну, что видел своима очима и что слышал от Святейшаго Никона Патриарха из уст. Его святыми молитвами очима своима прозре, а не виде своима очима 28 лет. И так с того времени никогда служба не оставляшеся, но вся дни совершаху литургию и панихиды пояху во вся субботы над гробом его Святейшаго Никона Патриарха, и на память угодника Божия, святаго преподобнаго Никиты, Переяславскаго чудотворца, мая в 24 день празднество творяху» [37, с.121–123].

«Дому царскаго величества окольничаго Родиона Матвеевича Стрешнева, жены его сестра родная Мария Васильевна, бывшая дворянская жена Саввы Волкова, жила в вотчине своей Волоколамскаго уезда селе Дмитровском, близ Вознесенскаго монастыря. Бысть на ней велия скорбь в руках и ногах, не имела ни мало има движения, но от скорби велико скрючена быша. Бысть же в 1685 году апреля 3 дня явися в нощи сей Святейший Никон Патриарх, повелевая: "Во обитель мою вели себя привести и на гробе моем вели отпеть панихиду и узришь над собою благодать Божию и скорби твоей будет облегчение". Она же от сна воспрянувши, повеле себя везти во обитель Воскресенскую, и привезена к монастырю, повеле себя на своем носиле внести в большую церковь Воскресенскую, и стоящую персону <портрет> у стены, на левой стране, Святейшаго Никона Патриарха увидев, дворянская жена Мария, скоча с носила своего на ноги своя и побеже, до персоны Никона Патриарха и глагола со слезами: "<Сей> повеле приити в обитель сию, сей ми явися нощию в доме моем и обеща ми исцеление подать рукам и ногам моим", и, хапая (обнимая) руками своими персону, стоящую на стене, Святейшаго Никона Патриарха. И отпевше над гробом его панихиду и братии обители тоя почтение подаде, и хваля Бога и угодника Его Святейшаго Никона Патриарха, возвратися здрава в дом свой. А о болезни своей объявила, что не владела ногами и руками своими седмь лет и молитвами его, Святейшаго Никона Патриарха стала здрава. И ныне приходящие с верою к гробу его, просяще исцеление, получают неоскудно» [37, с.123–124].

В жизнеописании архимандрита Петра, настоятеля первоклассного Тихвинского монастыря, читаем: «Однажды… о. Петр сильно простудился и впал в горячку. При таковом состоянии болящаго, одному из келейников диавол вложил в голову злой умысел против него… но за час до того времени, в которое келейник намеревался исполнить задуманное, о. Петр находился в легком сне, и в нем видел святителя в полном облачении с архипастырским жезлом в руке. По висевшему в келии портрету болящий узнал Святейшаго Патриарха Никона, к которому с самаго вступления в монастырь питал особенное почтение. Представший ему святитель спросил: "Почему ты не в церкви и не наблюдаешь за врученной тебе братией?"

"Слабость сил не позволяет мне быть там", – ответствовал старец, прикованный лютою болезнью к своему ложу. Тогда святитель коснулся его концом жезла со словами: "Будешь здоров, только не ленись: ходи в церковь", – после чего стал невидим. Пораженный видением и чудесно исцеленный о. Петр немедленно воспрянул со одра и поспешил в церковь. Это было около полуночи, и братии там еще никого не было. Предварив всех приходом, он стал на свое место; но замеченное во время службы неожиданное появление его привело всех в удивление, почти в ужас (ибо известное всем болезненное состояние не допускало и возможности его прихода), пока он не рассказал всего, с ним случившагося. По окончании утрени, когда возвратился в келию, то был встречен келейником, с глубоким раскаянием передававшим ему злое свое намерение. Уразумев на себе милосердие Божие, с искренним душевным утешением отец Петр простил виновнаго и только отпустил его с миром из своей келии. Отец Петр скончался в 28 день июля 1855 года» [37, с.120–121].

с. 496

О почитании Патриарха Никона в Соловецком монастыре свидетельствует его изображение с нимбом в ряду соловецких святых на колоколе «Благовестник», который можно видеть в настоящее время во дворе монастыря.

В 1875 году имя Святейшего Патриарха Никона было включено в «Молитвенное призывание преподобных отцев Ближних пещер» Киево-Печерской лавры: «Стражие наши, путеводители и бесов отгонители Варвара Великомученица, Борис Страстотерпец, Глеб Страстотерпец, Игорь Мученик, Димитрий Ростовский, Феодосий Черниговский, Иов Почаевский, **Никон Ново-Иерусалимский**, Тихон Задонский, Иоасаф Белгородский, молите Бога о нас»[102].

В 1891 году была издана книга архимандрита Леонида «Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. Справочная книга по русской агиографии». В этой книге в число 795 святых включен и «Никон, Патриарх Московский и всея России».

Свою лепту внесло в прославление Патриарха Никона и XX столетие. Промыслом Божиим Патриарх Никон и по смерти своей способствовал восстановлению Патриаршества на Руси. Выступая на Поместном Соборе 1917 года в защиту патриаршества, архимандрит Иларион (Троицкий), ныне священномученик, назвал Патриарха Никона и царя Алексея Михайловича: «два великих друга, две красы XVII века», и указал на пророческое сбытие слов Патриарха Никона сказанных им при оставлении престола: «ухожу, чтоб ему, государю, просторнее было». Именно по этой причине было уничтожено патриаршество при Петре I, чтобы «ему, государю, без Патриарха просторнее было»[103]. Перед избранием Патриарха все члены Собора совершили паломничество в Новый Иерусалим. При поставлении Патриарха Тихона ему были вручены крест, белый клобук и мантия Святейшего Патриарха Никона как благословение на подвиг исповедничества веры перед безбожной властью[104].

---

[102] Молитвенное призывание преподобных отцев Ближних и Дальних пещер. Киев: Киево-Печерская Лавра, 1992. С. 19.

[103] Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Священномученик Иларион, житие и свидетельства к церковному прославлению. Сретенский монастырь. 1999. С. 6.

[104] Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1994. С. 278, 280.

В исследовании М. В. Зызыкина [23], написанном в 1930-х годах в эмиграции, впервые вместо обычного объяснения дела Патриарха Никона его личными качествами было обращено внимание на историческую перспективу духовной трагедии России. Автор показал, что именно в неправедном осуждении Первосвятителя Русской Церкви нужно искать ключ к развязке той драмы, которая вывела Россию не на путь православного оцерковления жизни, а на путь немецкой духовной колонии.

О почитании Патриарха Никона в настоящее время свидетельствует библиография. К 400-летию со дня рождения Патриарха Никона в издательстве Московского университета вышло в свет подробнейшее исследование, посвященное Святейшему Патриарху и его великим трудам [65], которое впервые за трехсотлетнюю историю сделало доступным его богословское и эпистолярное наследие. По материалам выставки «Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон», экспонировавшейся в 2005 году в Патриарших палатах Московского Кремля, выпущен великолепный альбом [96]. О почитании Патриарха Никона на Нижегородской земле свидетельствует богато иллюстрированное издание [66]. В недавно изданном жизнеописании Патриарха Никона [21] подробно рассматривается вопрос о воплощении его богословских идей в архитектуре Ново-Иерусалимского монастыря. Трехтомный энциклопедический свод материалов о жизни и деяниях Патриарха Никона включает летопись жизни Святейшаго Патриарха вместе с исследованиями, ему посвященными, уникальными текстами XVII столетия и обширнейшей библиографией [64].

В заключение приведем оценку первосвятительского служения Патриарха Никона, данную авторитетным церковным историком митрополитом Макарием: «Патриаршество Никона составляет эпоху в истории нашей Церкви. При нем началось соединение двух бывших митрополий, Киевской и Московской, и Никон первый начал называться патриархом Московским и всея Великия и Малыя и Белыя России. При нем и его главном участии действительно началось вполне верное и надежное по своим основам исправление наших церковных книг и обрядов. Никоном сделана была самая смелая из всех когда-либо у нас бывших и решительная попытка отстоять самостоятельность и независимость Русской Церкви от светской власти, хотя и кончившаяся для него неудачно. При Никоне чаще, чем когда-либо, происходили сношения Русской Церкви с Греческою по делам церковным, чаще, чем когда-либо, приезжали к нам высшие греческие иерархи, и при их участии совершались у нас такие Соборы, каких ни прежде, ни после у нас не бывало. Да и сам Никон с его необыкновенным умом и характером и с его необыкновенною судьбою представляет собою такое лицо, которое резко выдается в ряду других наших патриархов и всех когда-либо бывших в нашей Церкви первосвятителей» [44, кн. VII., т. 12, с. 21].

Он устроил три монастыря, сам лично занимался строительством и иконописанием и всегда был примером истинно монашеской подвижнической жизни. По словам архиепископа Серафима (Соболева), опровергавшего обвинения Патриарха Никона в гордости и властолюбии, «благодать Святаго Духа была присуща ему с самых младенческих лет и проявлялась в нем в очевидной и поразительной мере до самой его кончины». Он отличался ревно-

стью по Бозе, которая высоко ценится в очах Божиих, «ибо все его действия показывают, что центром его жизни была не личная слава, а слава Божия, благо русской Церкви и государства». Таким образом, нам следует «благоговейно преклоняться перед ним, чтить его вместе с простым верующим русским народом как праведного и благодатного светильника русской Церкви и всемерно содействовать тому, чтобы в возрожденной России он был причислен к лику святых Российской Церкви» [78, с.173, 174].

2.12. СМУТА ПО ПОВОДУ ИСПРАВЛЕНИЯ БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ И ОБРЯДОВ

Приведение русских богослужебных книг и обрядов в соответствие с греческими, начатое Патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем в 1654 году, не нашло понимания в Соловецком монастыре.

Во время правления Никона неприятие монастырскими старцами постановлений московских соборов носило скрытый характер. После того, как опальный Патриарх был осужден и отправлен в ссылку, а старые обряды и те, кто их придерживался, были преданы анафеме на соборе 1667 г., противостояние, теперь уже требованиям царя Алексея Михайловича, стало явным. Увещевания не подействовали, тогда на усмирение непокорной обители царь решил двинуть войска. Монастырь «заперся» и держал осаду 8 лет (1668–1676 гг.).

Ответ на вопрос, почему плавное течение монастырской жизни было нарушено невиданным взрывом страстей, не очевиден. Почти сразу после разорения монастыря царскими войсками появились две интерпретации событий. Согласно мнению митрополита Игнатия (Корсакова), бывшего соловецким иноком в 1676–1679 годах, причиной возникновения смуты стало появление в обители учеников Аввакума и «мятежников» из войска Степана Разина. Они создали в среде братии атмосферу недоверия к церковной иерархии и царю и вовлекли насельников монастыря в вооруженное противостояние царским войскам. С этой точки зрения описывалась соловецкая смута в официальной церковной историографии и в монастырских изданиях [30, С. 89-108]. Старообрядческие авторы представляют соловецкое «сидение» как попытку кротких благочестивых иноков отстоять древнее благочестие, пусть даже ценой собственной жизни.

Обе парадигмы вступают в противоречие с достоверными фактами, представленными в документах, опубликованных Н. И. Субботиным в 1890-х годах. Их подробный анализ с учетом дополнительных источников, введенных в оборот к настоящему времени, проведен в работе О. В. Чумичевой «Соловецкое восстание 1668–1676 гг.» (Новосибирск, 1998 г.). В этой работе восстановлен ход событий во время осады монастыря и сделан вывод о том, что идеи неприятия соборных постановлений Русской церкви и указов царя о служении по новопечатным книгам возникли в среде монастырских иноков и трудников, которые и сыграли основную роль в организации вооруженного сопротивления. Это видно и из того факта, что во время осады монастырем, как и прежде, управлял черный собор. В то же время большинство монашествующих были против вооруженного сопротивления.

В настоящем издании сначала изложена история соловецкого «сидения» – своеобразного кризиса монастырской жизни, в результате которого знаменитая обитель была совершенно разорена. А затем обсуждаются исторические уроки смуты, в которой были повинны обе стороны: церковной иерархии и царю не хватило широты взгляда, чтобы на время разрешить богослужение по старым книгам и обрядам при условии подчинения церковной иерархии, а в соловецкой братии оскудело элементарное послушание мнению церковных соборов и поставленному собором настоятелю. Ошибкой обеих сторон было убеждение в том, что форма церковных обрядов единственна и универсальна в той же степени, как церковные догматы, и что от точного соблюдения этой формы зависит спасение душ верующих.

Исправление книг и обрядов началось в настоятельство игумена Илии (Пестрикова), постриженника Соловецкого, который управлял монастырем с 1645 по 1659 год. Во время его настоятельства 31 мая 1646 года по благословению патриарха Иосифа и желанию царя Алексея Михайловича мощи святителя Филиппа были открыты и перенесены в Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря, а через шесть лет – в Успенский собор Московского кремля. 2 марта 1651 года по указу царя Алексея Михайловича Соловецкий игумен Илия в награду за его труды был посвящен в архимандриты митрополитом Никоном, и святую литургию велено было служить полным архимандричьим чином, «в шапке, и с палицею, и с набедерником, и ручным сулогом, и с рипидами, и со осеняльными свещами, и с ковром» [40, л. 17]. С этого времени настоятелю Соловецкого монастыря полагалось быть в сане архимандрита.

По неизвестным причинам в 1653 году братия Соловецкой обители попыталась сменить настоятеля: вместо архимандрита Илии избрали Соловецкого постриженника книгохранителя Никанора. 16 июня 1653 года Никанор отправился для поставления в Москву, но его неожиданно назначили настоятелем Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде, где он и оставался до 1660 года. Вернувшись в Соловецкий монастырь «на покой» архимандрит Никанор стал духовным лидером Соловецкого восстания.

В августе 1657 года на Соловки были присланы новоисправленные служебники. Под влиянием архимандрита Илии черный собор, не вникая в существо исправлений и опасаясь якобы содержавшихся в них “многих ересей и новшеств лукавых”, определил их как “писание слуг антихристовых, ересь латинскую” и приговорил: новые служебники отставить, а службу править по-прежнему, как при Чудотворцах правили. 8 июня 1658 года братия скрепила соборный приговор поручными записями. Монастырь вступил в противоборство с официальной Церковью, а следовательно, — с государством.

Немедленной реакции не последовало, так как в это время Никон, не снимая с себя патриаршего сана, удалился от дел, а фактически возглавивший Церковь Алексей Михайлович был слишком занят и внешней политикой, в частности, войной с Речью Посполитой, и делом Никона.

Предшествующая деятельность Алексея Михайловича: принятие Соборного Уложения (1649), ограничивавшего монастырское землевладение и уничтожавшего церковную юрисдикцию церковных людей по гражданским и уголовным

делам[105]; активное участие царя в никоновской реформе и жестокие преследования ее противников; набиравшая силу тенденция к секуляризации общественной жизни; активизация международных контактов Руси (общение с еретиками — латинянами и люторами), — все это давало соловецким монахам повод к недоверию царю в вопросах благочестия. Поэтому смута в Соловецком монастыре, не будучи подавленной в самом начале, набирала силу.

Тому было несколько причин: во-первых, сохранение древнего благочестия для соловецких монахов означало строгое и неуклонное следование уставу, завещанному святыми основателями, то есть, к любым переменам отношение было подозрительное; во-вторых, малообразованное духовенство не желало служить по новым книгам: «старики и по старым книгам едва читают, а по новым, сколько ни учиться, не навыкнуть будет»[15, с. 599]; в-третьих, в начале XVII века для соловецких монахов военное дело было «за обычай», и они могли взяться за оружие, отстаивая свое право независимо решать свои духовные и мирские дела; в-четвертых, в то время в монастыре находилось множество ссыльных как раз по делу исправления книг и обрядов (начальник печатного двора при патриархе Иосифе князь Львов, Арсений Грек, беглые сообщники волжского разбойника Разина).

Между прочим, еще будучи митрополитом Новгородским (апрель 1649 – июль 1652), Никон требовал ужесточить режим содержания ссыльных и заточенных, «вы им даете свободу, а потому от тех ссыльных бесчинников бывают большие смуты» [30, с. 90]. Развитие событий показало, что неисполнение этого распоряжения имело особенно печальные последствия.

Заметим, что реформа не затрагивала основ православного вероучения: она лишь приводила форму (обряды) в соответствие с содержанием (догматикой). К числу наиболее значительных преобразований относились: замена двоеперстия троеперстием при совершении крестного знамения; перемена формы креста: вместо «трисоставного» (восьмиконечного) с изображением Распятия — «двоечастный» (четырехконечный); перемена хождения по солнцу («посолонь») на хождение против солнца при совершении чинов крещения, венчания, во время крестных ходов и т.д.; сокращение числа просфор с 7 до 5 для проскомидии (в начале литургии). Из книжных исправлений: изменение написания имени Христа (Иисус вместо Исус); замена текста в «Символе Веры»: до Никона — «Господа Истиннаго и Животворящаго», «Его же Царствию несть конца», после Никона — «Господа Животворящаго», «Его же Царствию не будет конца»; в конце пения псалма вместо дважды повторяемого слова «аллилуиа» («сугубая аллилуиа») введение трехкратного его повторения («трегубая аллилуиа»). Были упразднены 12 из 16 земных поклонов (коленное метание) на молитве Ефрема Сирина, и т.д.

Неприятие обрядовых изменений в Соловецком монастыре во многом определялось позицией архимандрита Илии. Он явно сочувствовал противникам исправления книг. Когда ссыльный протопоп Иоанн Неронов с тремя духовными

[105] В частности, это означало, что монастырские власти, рядовые монахи и население монастырских вотчин по всем гражданским и уголовным делам должны были судиться светским судом. В результате (помимо моральных издержек) монастырь нес серьезный материальный урон, лишаясь судебных пошлин — одной из крупных и постоянных статей дохода.

детьми бежал 10 августа 1655 года из Кандалакшского монастыря, Илия с честью принял их на Соловках, трапезовал с ними и снабдил всем необходимым на дорогу. «Страдальче, одолевай биемый!» – сказал он ему на прощание. Патриарх Никон, узнав об этом, запретил архимандрита Илию к священнослужению.

Многие соловецкие иеромонахи (Василий, Кирилл, Исидор, Никон, Спиридон и Герман) желали бы служить по новым служебникам и в 1658 году послали патриарху грамоту, в которой жаловались, что архимандрит не дал им посмотреть новоисправленные книги и силой заставил приложить руки к соборному определению о неприятии новых служебников [30, с. 93]. То есть, в монастыре не было единого мнения по поводу исправления богослужебных книг. В Соловецкой библиотеке хранилась рукопись, писанная Герасимом Фирсовым, в которой были собраны свидетельства как в пользу двуперстия, так и троеперстия.

Архимандрит Илия скончался в 1659 году. На его место братия избрала постриженника своего же монастыря – иеромонаха Варфоломея, который жил тогда в звании приказного старца на Соловецком подворье в Вологде. В марте 1660 года, на Вербное воскресенье, в Москве Варфоломей был возведен в сан архимандрита Новгородским митрополитом Макарием, а затем присутствовал на происходившем тогда Соборе по делу патриарха Никона. Его подпись присутствует под решением Собора, так что он мог отправиться в обитель не раньше конца августа. Только через год, 22 октября 1661 года, новый настоятель вместе со всеми священниками и со всей братией монастыря на черном Соборе приняли приговор, чтобы по примеру соборной церкви в Москве и всех обителей ввести и в Соловецком монастыре «пение наречное» и впредь совершать службы по новоисправленным печатным книгам. Однако через некоторое время обнаружилось, что этот приговор вовсе не исполнялся.

В начале 1663 года, едва только архимандрит Варфоломей отправился по монастырским делам в Москву, в обители произошла великая смута из-за того, что 7 февраля при совершении Литургии священниками Варламом и Геронтием «дьякон Евангелие чел без свечи, и пелены на аналое не было, и святыни де пономарь не возносил на заамвонной молитве» [49, т. 3, с.19–23]. Особенно нападали все на уставщика иеромонаха Геронтия, обвиняя его в том, что он будто бы приходил к келарю и просил новые Служебники, все еще находившиеся в монастырском казнохранилище, чтобы по ним служить. И грозили его камнями побить, несмотря на клятвенные уверения Геронтия, что у него «ни в уме, ни в помышлении того никогда не бывало, чтобы желать новых Служебников: кое мне приобретение спасению, что желати нового? Довлеет мне на спасение последовать преданию преподобных чудотворцев» [49, т. 3, с.20]. Сохранилось письмо иеромонаха Геронтия в Москву к строителю Иосифу об учиненных на него, Геронтия, наветах (от 15 февраля 1663 года).

Это письмо – свидетельство крайней неустойчивости духовной обстановки в монастыре, показывающее, с какой легкостью возникали слухи и смуты через тех, кто поддавался козням врага рода человеческого и первого клеветника. Тон письма теплый и искренний, так как адресовано оно духовному отцу: «Государю моему батюшку, священноиноку Иосифу, сын твой духовной убогий поп Геронтий…» Желая открыть свою душевную скорбь и прося молитв, Геронтий рассказал о про-

исхождении «новизн» во время служении Литургии 7 февраля. Дело было в том, что пономарь Игнатий Драницын не приготовил заранее покрывала на аналой. «И как учал дьякон Евангелие чести (читать) и пономарь хватился пелены на аналой, и пелены сыскать не мог, а в кое время пономарь пелену искал, и в ту пору дьякон Евангелие и прочел, и с свечею у Евангелия пономарю стоять не дошло ж, и после того, как заамвонную молитву стал Варлаам священник говорить, и пономарь с святынею выйти не поспел. И того ж дня приходили к келарю слуги: Григорей Чорной, Сидор Хломыга с товарищи, били челом на меня, будто я тою Божественную Литургию служил по-новому… И я у келаря и у казначея милости просил со слезами, чтоб мужикам мятежникам не поверили, велели сыскать допряма, а они порадовались моему безвременью… От их неправедного сыску учинился о мне мятеж и гил великой, и говорят, что я служил по-новому, и за то хотели меня побить камением, и окошко сенное заклали калом человечьим. И не выходил из кельи до возвращения архимандрита Варфоломея… И ныне за грехи своя не по делу всем монастырем возненавиден, аки враг Божий. И ныне, Государь, от безмерныя кручины и печали я слег, свету Божия не могу видети, и молю твое преподобие, помолися обо мне всещедрому Богу, чтоб Господь Бог такую вражию бурю на мя восстающую укротил, и тех мятежников и убийц сердца на кротость преложил» [49, т. 3, с.36–39].

Смута была прекращена, когда архимандрит Варфоломей, получив известия о происшедшем и от келаря, и от Геронтия, поспешил возвратиться с дороги в обитель и учинил сыск. В результате разбирательства невиновность иеромонаха Геронтия была доказана. Пономарь признался, что все изменения в служении литургии произошли из-за его нерасторопности, а когда стоявшие в Благовещенском храме стали его о том спрашивать, он сказал, что уставщик Геронтий велел ему так служить. В этой лжи он каялся и просил прощения. Келарь же Савватий, имевший какое-то неудовольствие на Геронтия, дал ход этой лжи. Так из-за мелких человеческих страстишек вспыхнул огонь мятежа, о котором архимандрит Варфоломей писал с опасением: «неведомо, чему было бы и быть; только Бог умирил на колико время» [29, т. 3, с.35]. Главной жертвой смуты оказался иеромонах Геронтий, который вел себя истинно по-монашески и о главном своем преследователе келаре писал: «помилуй его Бог и должен (я) за него молити Бога» [49, т. 3, с.35].

Наказав по расследовании дела виновников смуты, архимандрит Варфоломей составил вместе со всеми священниками и диаконами монастыря приговор (16 февраля 1663 г.), чтобы «впредь от них возмущения никакого не было и никаких чинов нововводных». А кто из них «станет вводить какие-либо новые чины без государева указа и святительского повеления или укорять другого нововводными чинами и того не докажет, тех смирять монастырским жестоким смирением. А если даже сам архимандрит станет превращать (изменять) церковные чины и вводить новые без государя и святительского веления, то и архимандриту священники должны смело говорить о том, а если не послушается, то писать на него Новгородскому митрополиту». После такого приговора о введении в Соловецком монастыре новых Служебников вместо доселе употреблявшихся старых нечего было и думать, хотя приговор, не без намерения изложенный в таких общих чертах, по букве вовсе не касался новых Служебников.

В 1666 году архимандрит Варфоломей был вызван в Москву для участия в соборе, низложившем Патриарха Никона и утвердившем изменения в книгах и обрядах, принятые во время его правления. Соловецкая братия передала с настоятелем первую челобитную царю (от 14 февраля 1666 г.) с просьбой «церковных чинов не переменять». Челобитную подписали келарь Савватий с братией и бывшие на острове миряне, а подписи архимандрита под челобитной не было. Зато архимандрит Варфоломей подписался под соборным деянием, в котором служение по новым книгам признавалось обязательным.

Когда об этом узнали на Соловках, оппозиционная Варфоломею группа монахов и мирян отстранила от дел келаря Савватия и казначея Варсонофия, мотивируя это тем, что «они нас оскорбляют всяким жестоким и бесчеловечным оскорблением, священников и диаконов и рядовую братию напрасно плетьми бьют без милости, и в тюрьмы глухие в цепях сажают, и голодом морят, и, вынув из тюрьмы, ограбят донага и, платье сняв, безмилостивно и бесчеловечно высылают из монастыря вон напрасно». Мятежники желали утвердить настоятелем бывшего Саввинского архимандрита Никанора[106], и послали с этой просьбой челобитчиков в Москву. Там их посадили под стражу, а в монастырь по повелению царя и Вселенских патриархов было послано «Соборное повеление о приятии новоисправленных книг и чинов», которое должен был огласить архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Сергий.

О нем в «Жизнеописании патриарха Никона» И. Шушерин писал: «Сергий был муж гордый, якоже древний фараон, и велеречивый». Поэтому он не только не смог умирить Соловецкую братию, но даже усилил смуту. Когда в Преображенском храме он зачитал братии царский указ и наказ освященного Собора, раздались крики: «мы указу великого государя послушны и во всем ему повинуемся, а повеления о Символе веры, о сложении трех перстов для крестного знамения, о трегубой аллилуйе, о молитве «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас» и о новоисправленных печатных книгах не приемлем, и слышать не хочем, и готовы все пострадать единодушно» [44, кн. VII., т. 12, с. 332; 49, т. 3, с. 145].

Тут бывший архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря Никанор, подняв высоко руку со сложенными тремя перстами, стал говорить, что учение о

[106] Пострижен в Соловецком монастыре до 1640 г. В 1644–1653 годах был книгохранителем. В 1653 г. поставлен строителем подворья в Вологде, но вскоре был избран братией в настоятели Соловецкого монастыря вместо архимандрита Илии, однако не утвержден, а поставлен настоятелем Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде, который пользовался особым покровительством царя Алексея Михайловича. С 1660 года находился на покое в Соловецком монастыре и вместе со старцем Герасимом Фирсовым составлял оппозицию архимандриту Варфоломею, на которого в 1666 году старец Герасим с князем Михайлом Львовым и с братией написали донос с просьбой назначить настоятелем Никанора. В 1667 году отправился в Москву вместе с архимандритом Сергием, чтобы ходатайствовать за Соловецких старцев. На соборе он изъявил раскаяние в заблуждении и обещал стоять за истину, так что предполагали даже поручить ему заведование духовными делами в Соловецком монастыре «во еже увещевати Соловецкие отцы к покорению патриарху и к принятию новоисправленных книг». Однако, уже на обратном пути, Никанор спровоцировал усиление смуты письмом с призывом к братии не принимать нового настоятеля, так как он будет служить по-новому. Из всех поступков Никанора видно его двоедушие и стремление к власти.

сложении трех перстов для крестного знамения есть предание латинское, что это печать антихристова и что он готов ехать в Москву и за всех пострадать. Поднялся неистовый крик. Архимандрит Сергий едва уговорил братию выбрать кого-нибудь, с кем можно было бы говорить благочинно о деле. Братия указали на черного попа Геронтия, который, не участвуя в борьбе за власть в монастыре, твердо придерживался старых обрядов[107].

Тот сразу стал приводить известные и опровергнутые уже в Москве мнения раскольников: зачем отняли «Сына Божия» в молитве «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас» и про аллилуйя трижды. Опять поднялся шум. На вопросы архимандрита Сергия, считают ли они царя и Собор православными и благочестивыми, соловчане отвечали утвердительно, но повеление Собора принимать отказывались: «Повеления их не хулим, но новых веры и учения не принимаем, держимся предания Святых чудотворцев и за их предание все готовы умереть охотно» [44, кн. VII., т. 12, с. 333; 49, т. 3, с. 152–160].

Единственным результатом приезда архимандрита Сергия[108] была увезенная им «Скаска»[109] и посланные вслед челобитные (вторая – краткая и третья – пространная, октябрь 1666 года), которые первым подписал архимандрит Никанор, а затем братия и миряне. Они во всем обещали покориться царской власти, просили лишь: «не вели, государь, ему священноархимандриту Сергию, прародителей твоих государевых, благоверных царей и благочестивых великих князей, и начальников наших великих чудотворцев, преподобных и богоносных отец Зосимы и Савватия и Германа и преосвященного Филиппа, митрополита Московского и всея Русии предания нарушать» [49, т.3, с.160–164] и вновь жаловались на архимандрита Варфоломея и просили поставить Никанора[110].

Первоначально московские церковные и светские власти пытались разрешить конфликт мирным путем: вызванного в Москву в феврале 1667 г. Никанора встретили с уважением, как представителя соловецкой братии. Он отказался от прежних взглядов, однако притворно, т. к. впоследствии, вернувшись в монастырь, раскаялся вторично, «с раскольники вчинися». Архимандритом же его не поставили, а назначили Иосифа, «келейного брата» и единомышленника Варфоломея.

Никанору было определено жить на Соловках на покое. Возвращаясь в монастырь вместе с бывшим настоятелем Варфоломеем и вновь назначенным

---

[107] Его подпись впервые появилась только под четвертой челобитной.

[108] Сергий оставался в монастыре с 4 по 11 октября 1666 года. Причем у кельи, в которой он проживал, был выставлен караул. Сопровождавших Сергия стрельцов тоже взяли под стражу, и они имели все основания опасаться за свои жизни: караульщики рассуждали вслух, что неплохо бы тех стрельцов «побить каменьем» — «посланы де они от антихриста прельщати нас».

[109] «Скаска соловецких иноков, поданная архимандриту Сергию 6 октября 1666 г» [49, т.3, с.152-160]. Подписана она за келаря Азария черным попом Леонтием, Саввы Чудотворца Сторожевского монастыря бывшим архимандритом Никонором, черным попом Геронтием и т. д. В ней впервые обсуждаются те исправления, о которых говорится в разосланном от собора 1666 года «Наставлении благочестия церковного» [49, т.2, с.120-144]. Далее во всех челобитных изложение мнимых отступлений от веры только слегка видоизменяется и дополняется. Писана эта сказка, очевидно, тем же Геронтием, выбранным для беседы с архимандритом Сергием.

[110] Последнюю жалобу подписал и Геронтий, хотя он прежде противником Варфоломея не был. Вскоре братия выбрали его казначеем самовольно, не бив челом царю.

Иосифом, он, задержавшись в Архангельске, послал братии письмо, в котором призывал «Иосифа в архимандриты не принимать и под благословение к нему не ходить» [49, т.3, с. 99–100].

Когда архимандриты Иосиф и Варфоломей прибыли к Заяцкому острову, в монастыре был созван Собор, чтобы решить, как принимать архимандритов. Постановили принять с честью и радостью, если «по старому учнут служить, а буде ли станет служить по новому, и нам де он, архимандрит Иосиф, в монастыре не надобен… сиди де у нас в келии, а в монастыре и в церкви ничего не ведай».

Архимандрит Иосиф даже под угрозой смерти от рук мятежников не отступил от позиции Собора. Поэтому под благословение к нему никто не подходил, даже его бывший духовный сын Геронтий, выбранный к тому времени казначеем. 15 сентября 1667 года старец Геронтий сам читал в соборной церкви перед всей братией Патриаршие отписную и настольную грамоты и сам вместе с келарем сказал: «нам де ты в архимандриты не надобен с такою службою, как написано в грамоте». Архимандрит Иосиф пытался братию вразумить, чтобы они послушались указа Великого Государя и Вселенских Патриархов, но казначей и вся братия с великим шумом ему отказали: «нам де ты архимандрит не надобен, сиди де в келии» [49, т.3, с.276–282].

Архимандрит Никанор, выждав в Архангельске пока без него, хотя и по его письму, будет отвергнут архимандрит Иосиф, 20 сентября прибыл в монастырь. Он объявил, что ему по-прежнему велено быть в монастыре на покое. О своем покаянии перед Собором [49, т.3, с.199–201] и о послушании Соловецкой братии Собору ничего не сказал. Сообщил, что клобук «рогатый» на него надели силой. А когда братия напомнили, что в Москву его посылали, «чтоб ты Великому Государю заступник смел за нас стоял, а ты к нам что привез, неведомо умом», он отвечал: «Сами де поедете к Москве и про то отведаете» [49, т.3, с.282].

Тогда в Москву был послан старец Кирилл Чаплин со следующей челобитной (четвертой): «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу бьют челом богомольцы твои, Соловецкого монастыря келарь Азарий, казначей Геронтий, и священницы, и дияконы, и соборные чернцы, и вся рядовая и больничная братия, и служки и трудники все. В нынешнем, государь, во 7176-м (1668)[111] году, сентября в 15 день, по твоему, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца, указу и по благословению и по грамотам святейшего патриарха Иоасафа Московского и всея Руссии, и преосвященного Питирима, митрополита Новгородского и Великолуцкого, прислан к нам в Соловецкий монастырь в архимандриты, на Варфоломеево место архимандрита, нашего монастыря постриженник священноинок Иосиф. А велено ему служить у нас по новым Служебникам, а мы, богомольцы твои, предания апостольского и святых отец изменить отнюдь не смеем, бояся Царя царствующих и страшного от Него прещения и хощем все скончатися в старой вере, в которой отец твой государев, благоверный государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея

[111] По современному летоисчислению это был сентябрь 1667 года, так как тогда год начинался в сентябре.

Споры об исправлении книг

Руссии и прочие благоверные цари и великие князи богоугодно препроводиша дни свои. Понеже, государь, та прежняя наша християнская вера известна всем нам, что богоугодна, и святых Господу Богу угодило в ней многое множество, и вселенские патриархи Иеремия и Феофан, и прочие палестинские власти книг наших русских и веры православные ни в чем до сего времени не хулили, наипаче же и до конца тое нашу православную веру похвалили, и тем их свидетельством известно надеемся в день Страшного суда пред Самым Господом Богом не осуждены быти, наипаче же и милость получити. Милосердный государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержец! Молим твою, великого государя, благочестивую державу и плачемся все со слезами, помилуй нас, нищих своих богомольцев и сирот, не вели, государь, у нас предания и чину преподобных отец Зосимы и Саватия переменить! Повели, государь, нам быти в той же нашей старой вере, в которой отец твой государев и все благоверные цари и великие князи и отцы наши скончались, и преподобные отцы Зосима и Саватий, и Герман, и Филипп митрополит и все святии отцы угодили Богу. Аще ли ты, великий государь наш, помазанник Божий, нам в прежней, святыми отцы преданной, в старой вере быти не благоволишь и книги переменити изволишь, милости у тебя, государя, просим: помилуй нас, не вели, государь, больше того к нам учителей присылать напрасно, понеже отнюдь не будем прежней своей православной вере пременить. И вели, государь, на нас свой меч прислать царский и от сего мятежного жития преселити нас на оное безмятежное и вечное житие. А мы тебе, великому государю, не противны. Ей, государь, от всея души у тебя, великого государя, милости о сем просим и все с покаянием и с восприятием на себя великого ангельского чину на той смертный час готовы. Великий государь царь, смилуйся — пожалуй!»

Архимандрита Иосифа выслали из обители в «безгодное» зимнее время, и он обосновался в Сумском остроге, сосредоточив в своих руках управление вотчинами. Мятежную братию возглавил архимандрит Никанор.

Почти одновременно 22 сентября 1667 года царю была также отправлена известная «Соловецкая челобитная» (пятая), составленная казначеем Геронтием [49, т.3, с.213-276]. В основу ее были положены старые раскольничьи челобитные Лазаря и Никиты. Содержание ее сводилось к тому, что были повторены все ста-

рообрядческие доказательства неправоты новой веры и канонические достоинства веры старой. Прежде всего, Геронтий обратил все усилия своего ума на то, чтоб опровергнуть корректурные исправления в новых книгах. Вот образчик этих опровержений: в новых книгах написано в молитве «Царю небесный, Утешителю, Душе истины», а не истинный, как в прежних книгах; две буквы «н» и «й» отъяли из истинный и вышло, что Дух Святой не вполне истинный, а только сопричастен истине [49, т.3, с.238]. Исчислив такого рода поправки, Соловецкая челобитная пришла к следующему заключению: «також и прочее церковное пение заутреню и вечерню, и повечерню, и полунощницу, и молебны и панихиды, и вкратце сказать, весь чин и устав, всё, что содержит церковь Божия, то всё переменили, и книги напечатали не по преданию святых отец и всю православную христианскую веру испревратили на свой разум. А указывают они, государь, на старые книги, и говорят, что де в греческих книгах так написано, и печатают с них без рассмотрения, только бы было согласно с греческими книгами, а этими греческими книгами они православную веру до толика истребили, будто и след православия в твоем государстве, Российском царствии до сего времени не именовался, учат нас ныне новой вере, яко же Мордву или Черемисов» [49, т.3, с.245]. По-прежнему на словах изъявлялась смиренность: «повели, государь, прислать на нас свой царский меч и преселить нас от сего мятежного жития на безмятежное и вечное» [30, с. 101].

В ответ на эти челобитные 23 декабря 1667 года были направлены две отдельные грамоты соловецким старцам, а также «слугам и служебникам» монастыря с предложением покориться, а 27 декабря был издан царский указ, означавший начало блокады монастыря за «противство» и «непослушание» светским и церковным властям и святейшим Вселенским Патриархам.

В указе предписывалось «Соловецкого монастыря вотчинные села, и деревни, и соляные и всякие промыслы, и на Москве и в городех дворы со всякими заводы и с запасы, и соль отписать на нас, великого государя, и из тех сел, и из деревень, и ото всяких промыслов денег, и хлебных всяких запасов, и соли, и всяких покупок с Москвы и из городов в тот монастырь пропускать не велели». Эти же предписания были повторены и в апреле 1668 года: не разрешалось отправлять в монастырь его хлебные запасы, присланные из Вологды и хранящиеся в амбарах в Холмогорах, а повелевалось послать их в монастырские соляные промыслы для работных людей.

Тогда же в 1668 году Вселенскими Патриархами была написана грамота архимандриту Иосифу с проклятием Соловецких мятежников (келаря Азария с братией и архимандрита Никанора): за «непокорение ко Святей Церкви, и к Великому Государю нашему и к нам Патриархом, и за ложь на Святую Церковь, и на православную нашу христианскую веру, и на Великого Государя нашего, и за лживое их писание мы, православные Патриарси и весь освященный Собор, тех непокорников предаем анафеме, сиречь вечному проклятью, кроме тех, которые вскоре обратятся ко Святей Церкви с чистым покаянием» [49, т.3, с.292–296].

Весной 1668 года на Соловки прибыл стряпчий Игнатий Волохов с небольшим отрядом стрельцов (несколько более 100 человек). В ответ монастырь «заперся», началось «сидение». По-видимому, в первый период царь Алексей Михайлович надеялся взять монастырь измором и устрашением, блокировав до-

ставку продовольствия и других необходимых запасов. Помимо экономической блокады Волохову вменялось «промышлять над непослушниками, смотря по тамошнему делу, всякими мерами».

Однако с теми силами, которыми располагал И. Волохов, «промышлять» над неприступной островной крепостью нечего было и думать[112]. Даже организация полной блокады островов оказалась делом невозможным. Осажденные не утратили связей с внешним миром: на Анзере покупали рыбу, кемляне доставляли в обитель масло, привозили продукты крестьяне многих других волостей. Восставшие пользовались авторитетом, сочувствием и поддержкой у поморского населения. На них смотрели как на «сидельцев за Христово имя и Спасительный Крест».

Численно среди сидельцев преобладали бельцы – более четырех сотен московских стрельцов, донских казаков и боярских беглых холопов и крестьян, были иноземцы – «свийские немцы, и поляки, и турки, и татаровя». Да «в разиновщину» пришли «многие капитоны[113], чернцы и белцы из понизовых[114] городов». В монастыре, по словам старца Пахомия, «всякому злу корень собрались».

Очевидно, бельцы играли заметную роль в организации вооруженного сопротивления: перебежчики называли царским следователям имена «мирских пущих завотчиков» – Исачко Воронина, Хрисанфко Бороду, Сашко Васильева, Коземку Вараксу, Никифора Камышина, Коземку Хромого, прибывших «из Разина полку» Фадейку Кожевникова, Ивашку Сарафанова и других. Не без участия этих искушенных в военном деле бельцов была организована караульная служба, налажено обучение сидельцев огневому бою, устроены окопы и земляной вал перед Никольской башней, надрублены раскаты (деревянные стены) на сушиле и т.д. Однако и монахам военное ремесло было «за обычай».

Невежественность мятежников особенно проявилась 7 марта 1669 года, когда они изорвали и сожгли более двухсот книг, а на оставшихся сделали раскольничьи приписки. Неповрежденными сохранились «Лавсаик», который читал преподобный Зосима, и в котором молитва Иисусова была написана так, как ее повелевает творить Святая Церковь: «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас»; и часослов, принадлежавший святителю Филиппу, в котором предписывалось троекратно говорить «аллилуия, аллилуия, аллилуия, слава Тебе, Боже» [30, с. 103].

---

[112] В подчинении у Волохова находилось 100 сумских, 25 кемских и несколько московских стрельцов. Численность восставших была гораздо больше. 19 июля 1674 года (т.е. на седьмой год осады) вышедший из монастыря старец Пахомий показывал: «Братии всей в монастыре с 300 человек». Осажденные имели серьезное преимущество в вооружении: в крепости было (по описи 1676 года) 65 пушек и 14 крепостных пищалей; ручниц и мушкетов — 637; карабинов — 27; пистолей — 25; сабель — 149; копий и бердышей — 334; луков — 74; самострелов 45; после взятия монастыря в оружейной службе было найдено также боевого запаса: олова — 10 фунтов; пуль свинцовых — 24 пуда 20 фунтов; ядер разных — 4279 штук; свинца — 741 пуд 20 фунтов; пороху — 397 пудов 20 фунтов; продовольствия в амбарах обнаружено: ржи, пшеницы, ячменя и овса — 5477 четвертей (ок. 701 т: 1 четверть — 8 пудов, т.е. ок. 128 кг); муки — 1430 четвертей (ок. 183 т); круп разных — 136 четвертей (ок. 17,5 т); коровьего масла — 99 пудов 20 фунтов; меду — 20 пудов; толокно, солод, горох и проч.

[113] Приверженцы ереси Капитона Даниловского, отрицавшего институт священства, некоторые таинства и проповедовавшего изуверский аскетизм.

[114] Т.е. из Поволжья.

Авторитетным руководителем восстания был архимандрит Никанор. Близко к нему стояли келари Азарий[115], Мисаил и Нафанаил[116], ризничий Вениамин, городничие старцы Протасий и Дорофей, головщик старец Матвей[117], черный поп Леонтий[118] и другие монахи.

Позиция сидельцев – и бельцов, и монахов – была однозначной: «Мы, – заявляли они, – по новоисправленным книгам петь и говорить отнюдь не хотим и за то де мы хотим помереть все единодушно». Весьма сильными среди восставших были антиправительственные настроения. Уже упоминавшийся старец Пахомий на допросах показывал: «воры де называют Соловецкий монастырь своим монастырем, а Великого Государя землю называют только по монастырь». И «остров де наш», говорили восставшие, а «не Великого Государя».

Действия Игнатия Волохова на протяжении 1668–1671 годов едва ли можно квалифицировать как осаду монастыря: летом его войско стояло на Заяцком острове, а зимой уходило в Сумской посад. Готовясь к длительному сопротивлению, мятежники в июле 1669 года выслали из монастыря содержавшихся там в заключении греческого митрополита Макария, чернеца Герасима, попа Козьму, чернеца Иова Салтыкова, сына боярского Осипа Пирюгина. В июне 1670 года под монастырем произошла стычка, во время которой один стрелец был убит и двое ранены; потери восставших – трое убитых и двое раненых. На следующее лето военных действий вообще не было.

Пребывая в Сумском посаде, Волохов враждовал с архимандритом Иосифом. Стряпчий и настоятель слали в Москву доносы друг на друга. Волохов писал, что у Иосифа к правительству «малая правда», что он в осажденный монастырь отправляет тайно «воровские письма», что состоящие при нем монахи – бражники и т. д. Иосиф в свою очередь отписывал, что Волохов «над соловецкими мятежниками промыслу никакого не чинит», все время проводит в Сумском остроге, разоряет «для своей корысти» монастырских крестьян, грозит «огласить напрасно» (оклеветать) перед Государем архимандрита и т. п. В Москве не знали, кому и верить. В конце концов, дошло до безобразия: 16 марта 1672 года во время обедни приключилась драка – Волохов в церкви принародно архимандрита Иосифа «бил и за бороду драл и, оковав, держал в тюрьме многое время». Правительство вынуждено было обоих отозвать в Москву. На место Иосифа был назначен старец Иоиль, на место Волохова – голова московских стрельцов Клементий Иевлев (2 августа 1672 года он прибыл на остров в Глубокую губу).

Конец июня и весь июль 1672 года К. Иевлев простоял на Заяцком острове. Только с прибытием в августе отряда двинских стрельцов (500 человек) было совершено несколько набегов в окрестности монастыря. Стрельцы пожгли стоявшие за оградой строения, вырезали скот и на зиму удалились в Сумской острог, откуда Иевлев жаловался царю на то, что у него «не стало пороху и свинцу», что «двинским сотникам ратное дело не за обычай», а стрельцы «пехотному строю не учены» и т.д.

Иевлеву предписывалось «как мочно потеснить» монастырь, но при этом «ратных людей, стрельцов и иных по наряду для приступов к Соловецкому мона-

[115] В марте 1669 года Азарий организовал сожжение новопечатных служебников. 11 сентября того же года он вместе с 12 чернецами и 24 мирянами выслан из монастыря в руки стрельцов по решению собора за «нестройные мятежи» и «жестокое смирение» всех с ним несогласных.

[116] Один из наиболее яростных противников молитвы за царя.

[117] «Говорил про Великого Государя неистовые слова».

[118] «Даже молебен на том пел, что за Великого Государя Бога не молить».

стырю не посылать и никакого воинского промыслу над монастырем не чинить, кроме того что у монастыря заставы учинить крепкие, чтобы отнюдь из монастыря никто ни с чем, также в монастырь тайно и явно не ездили». А паче того рекомендовалось действовать убеждением, пытаться склонить мятежников к сдаче путем переговоров, за что правительство обещало (12 мая 1673 года) бунтовщикам «прежние их вины отдать» [30, с. 106; 49, т.3, с.317, 318].

Лето 1673 года также не принесло Иевлеву сколько-нибудь заметного успеха. Больше того, двинские стрельцы учинили бунт, едва не прибив своего начальника, посылавшего ратных людей на приступы без боевого запаса, от чего ратные люди несли большие потери. После бунта, едва избежав расправы, Иевлев бил челом царю об освобождении его от должности. 6 сентября 1673 года на смену Иевлеву был послан воевода Иван Алексеевич Мещеринов, а с ним «начальные люди» иноземцы Степан Келен, да Гаврила Буш.

28 декабря 1673 года в монастыре было решено «за Великого Государя богомолье отставить» – тягчайшее по тем временам государственное преступление. Однако вряд ли стоит переоценивать его значение: монастырь и до принятия этого решения уже пять лет воевал с правительством.

31 мая 1674 года[119] И. А. Мещеринов направился к Большому Соловецкому острову, чтобы начать летнюю осаду. Попытки переговоров с восставшими не удались, двух посланников прогнали от стен обители 2 июня, двух других 3 июня посадили под караул, 14 июня – еще двоих, один из которых был священник холмогорского собора Кирилл, драли за бороду и с бесчестьем из монастыря вытолкали. К этому времени конфронтация обители с властями зашла слишком далеко. Пощады, даже в случае добровольной сдачи, ждать не приходилось. Восставшие, вероятно, были наслышаны о жестоких расправах над разинцами, тем более что, как свидетельствовал старец Иосиф, летом 1671 года «из Разина полку приезжали в Соловецкий монастырь».

О происходившем в то время внутри монастыря известно из «роспросных речей» 1674 г. [49, т.3, с.323–345]. 17 сентября добровольно вышли из монастыря иеромонахи Митрофан и Амвросий и белец Иудка Иванов сын Рогуев[120], а также были высланы мятежниками иеромонахи Геронтий и Павел, старцы Варлаам[121], Дионисий и Манасия, 20 сентября вышел трудник Васка Кириловщина. На вопросы: «повинуются ли они Великому Государю и Церкви и от кого бунт учинился», – иеромонах Митрофан[122] говорил: «В Соловецком... монастыре мятеж учинился о новоисправленых печатных книгах от чернаго священника Геронтья, да от бывшаго Савина монастыря архимандрита Никанора, да от келаря Азарья, да от служки Фадюшки Бородина с товарищи... а которые... братья, священницы, и старцы, и служебники, к их мятежу не приставали... и из монастыря просились, и они... мятежники, их из монастыря не выпустили. А стрельба... зачалась от Никанора архимандрита да от служки Фадюшки Бородина с товарищи; и

[119] В 1674 году в монастыре было 200 братии и 300 бельцов, а с начала осады умерло и убито 33 человека.

[120] Иеромонахи Митрофан и Амвросий вышли через бойницу Никольской башни, где Иудка, духовный сын Амвросия, стоял на карауле.

[121] Пострижен за 37 лет до описываемых событий, новоисправленные книги и обряды принял, за что его 16 недель морили голодом в тюрьме.

[122] Пострижен и поставлен в иеромонахи за 17 лет до описываемых событий.

он... Никанор, по башням ходит безпрестанно, и пушки кадит, и водою кропит, и им говорит: "Матушки-де мои галаночки, надежа-де у нас на вас; вы-де нас обороните" ...а Геронтей о стрелбе запрещал и стрелять не велел». Так же вел себя и послушник Геронтия старец Манассия. Никанор же благословлял защитников обители ни на минуту не прекращать стрельбы, советовал высматривать в трубу воеводу: «и как усмотрите и вы по нем стреляйте, как поразим пастыря, ратные люди разыдутся аки овцы».

Иеромонах Павел[123] повторил показания Митрофана, в том числе и слова Никанора о «пушечках-галаночках», и добавил, что Святых Таин не причащался Никанор лет пять, а начало «бунта» и «мятежа» отнес ко времени приезда архимандрита Сергия, т. е. еще к 1666 году. Это подтверждается и показаниями стрельцов, сопровождавших архимандрита Сергия: они слышали, как в монастыре «мирские люди» говорили о том, что находящихся вне монастыря стрельцов надо захватить и каменьем побить. Все допрошенные выходцы из монастыря 1674 года единодушно отделяли позицию Геронтия в вопросе о вооруженной борьбе, назвав его лишь среди «заводчиков» восстания, но не организаторов «стрельбы»: «Бунт и мятеж завелся с приезду архимандрита Сергия, от Никанора и Геронтия; а стрельба началась от Никанора, Азария и Фадейки Бородина».

И иеромонах Митрофан, и иеромонах Павел говорили об обострении противоречий внутри монастыря. 28 декабря 1673 года «был у них в Соловецком монастыре черный Собор, чтоб за великого государя богомолие оставить». Но священники продолжали молиться за царя. 16 сентября 1674 года состоялся новый Собор, среди участников которого произошел бунт. Сотники Исачко и Самко пригрозили келарю прекратить свою военную службу из-за того, что «они, воры, за великого государя священником Бога молить не велели, а священницы их не слушают и за великого государя Бога молят, а они... воры, того слышать не хотят... а про великого... государя говорят такие слова, что не только написать, но и помыслить страшно. И сели... они, воры, в монастыре на смерть, сдаться никоторыми делы не хотят». После этого из монастыря были высланы содержавшиеся в заключении в жестоких условиях противники вооруженной борьбы, которые и давали вышеупомянутые показания воеводе И. Мещеринову.

Среди «роспросных речей» особенно интересны показания Геронтия, автора последних Соловецких челобитных. Он был среди тех, кого «мятежники» выпустили из тюрьмы и выслали из монастыря после «черного Собора» 16 сентября 1674 г. О себе он сказал, что родом из Чебоксар, мирское имя его Григорий Иванович Рязанов, что отец его подьячий в Чебоксарах. В Соловецкий монастырь пришел и постригся в 1650 году. На вопрос об организаторах мятежа он ответил иначе, чем другие: мятеж учинился «от всей братьи и от служебников»; заявил, что «челобитную писал по братскому велению, и на скамью в трапезе становился, и выписки братии и служебником их чел и их спрашивал, любы ли? и братия и служебники сказали, что всем любы; а что его вторым Златоустом называли, того не упомнит; а к челобитной де братия и служебники и руки приложили».

Если в показаниях других допрашиваемых он предстает как противник лишь «стрельбы», т. е. вооруженной борьбы, то сам он заявил, что был против всякого

[123] Пострижен за 20 лет до описываемых событий.

Осада Соловецкого монастыря

сопротивления и против того, чтобы «запирать» монастырь; даже написал об этом «приговор»: «А он... Геронтей, о стрелбе запрещал и в монастыре запираться не велел, и его... воры за то держали в тюрьме и мучили и по се число; и приговор о том он написал, что против государевых ратных людей не биться, и тот приговор был у келаря Азарья».

Слова Геронтия подтвердил трудник Василий Карпов сын Кириловщина. Позиция непротивления, занятая с самого начала восстания группой сторонников Геронтия (ее состав и количество неизвестны), отчетливо предстает и в той части показаний Геронтия, которая относится уже к 1674 году. Геронтий признал себя виновным («а перед Великим Государем он во всем виноват»), однако заявил, что в немолении не участвовал («и будучи в Соловецком монастыре, за него, Великого Государя, Бога молил, и ныне молит, и впредь молить должен»); заявил о своей преданности Церкви («и соборной и апостольской Церкви по соборному и святых отец преданию последует»). Однако он не отказался от прежних убеждений: «А новоисправленых печатных книг, без свидетельства с древними харатейными книгами, слушать ему и треми персты крест на себе воображати сумнительно, и боится Страшнаго суда Божия, и хочет он о тех новоисправленых книгах и о кресте достоверное уверение и свидетелство с древними харатейными книгами восприяти от преосвященнаго Иоакима, митрополита Новгородскаго и Великолуцкаго»; митрополит якобы призывал к себе Геронтия, но его не отпустили из монастыря. Геронтий, как и прежде, надеялся на мирное разрешение конфликта путем прений и переговоров. Иеромонах Митрофан показал, что «черных де священников Геронтия да Павла, да старцев Варлама и Дионисия, воры держат в тюрьме за то, что они за Великого Государя Бога молить велят, а стрелять им ворам не велят».

Всех принявших нынешние предания соборной и апостольской Церкви Мещеринов отправил в Сумской острог под начало старца Игнатия, а священника Геронтия и послушника его старца Манассию, придерживавшихся старых преданий, оковав, посадил в тюрьму до царского указа. Очевидно, после окончания мятежа иеромонах Геронтий вернулся на Соловки, так как в синодике Соловецкого монастыря, хранящегося в Отделе рукописных фондов Государственного музея истории религии[124], на обороте листа 15 сохранилась запись о его кончине 7 апреля 1679 года. В записи также указано: «чебоксарянин, был казначеем во 176-м [1667–1668] году».

[124] ГМИР, колл. 3, оп. 1, № 392.

Поскольку затянувшийся бунт изрядно надоел правительству, Мещеринову был дан наказ, чтобы он с Соловецкого острова без государева разрешения «отнюдь не отходил» и чтобы «мятеж искоренил вскоре». Адресованная воеводе царская грамота заканчивалась выразительной припиской: «А буде ты, Иван, с Соловецкого острова, без нашего Великого Государя указу, впредь сойдешь, и за то тебе учинена будет смертная казнь».

Летом 1674 года И. Мещеринов устроил раскаты с пушками вокруг монастыря. 25 июля стрелецкий отряд майора С. Келена штурмом взял шанцы (окопы) у Никольской башни. Все попытки восставших отбить шанцы закончились неудачно. И. Мещеринов хотел отвести воду из Святого озера, но нехватка рабочих рук не позволила этого сделать.

«Малолюдство», недостаток артиллерии, боезапаса, провианта вынудили воеводу, разрушив свои укрепления под монастырскими стенами, удалиться в конце сентября на материк. Когда об этом узнали в Москве, Мещеринова в специальной грамоте отчитали за самовольство, велели вернуться на остров и еще раз предупредили: «А если ты вскоре к Соловецкому монастырю на остров не пойдешь и промысел учнешь чинить нерадетельно, и тебе, Ивану, быть за то в смертной казни». Царская грамота повелевала «над соловецкими ворами и изменниками чинить промысел, не испустя времени, и во всяком ратном деле чинить промысел неотложно и со всяким радением».

К зиме 1674/75 годов И. Мещеринову удалось установить довольно жесткую блокаду монастыря. Подвоз свежих продуктов прекратился, не хватало дров, среди осажденных началась цинга. Несмотря на усилившиеся тяготы осады, сидельцы продолжали укреплять оборону. Башни и ворота обнесли рогатками, в местах возможных приступов положили доски с набитыми гвоздями (чтобы доски нельзя было убрать, их приколотили к земле деревянными сваями), усилили караулы на башнях – до 30 человек на каждой, и у ворот – до 20 человек. Все, потенциально склонные к измене, были изолированы.

В конце мая 1675 года Мещеринов вновь высадился в Долгой губе Большого Соловецкого острова. Не изжитое «малолюдство» (при воеводе было всего 185 стрельцов) не позволило сразу атаковать монастырь. Лето прошло в мелких стычках с осажденными, в строительстве батарей, городков и раскатов, по высоте равнявшихся стенам крепости. С раскатов можно было обстреливать монастырь из пушек, которых, однако, у Мещеринова было мало, не было и пушкарей, пороху, ядер. Все это прислали воеводе только в сентябре[125].

С прибытием подкреплений осадные работы оживились. Однако разрушить крепостную стену артиллерия не могла. Безрезультатными оказались попытки подкопов под угловые башни. Тщетными были лобовые атаки. Одна из них имела

[125] Из Москвы было прислано 100 пудов пороху, 300 ядер и т.д. Прибыло также 157 стрельцов с Двины и Великого Устюга. Однако Мещеринов продолжал жаловаться на малолюдство. С 4 июня по 22 октября 1675 года воевода потерял 32 человека убитыми и 80 ранеными. В стрелецком отряде было 50 больных да 72 человека «старых и малых», а также неспособных к воинскому промыслу. Мещеринов писал: «А на караулы, Государь, и на работу ходят 895 человек». Этого было совершенно не достаточно для успешного ведения осадных работ, тем более для штурма. Сколько-нибудь полных данных о потерях восставших до момента падения монастыря нет.

место 23 декабря 1675 года у Сельдяных ворот. Штурмовавший ворота стрелецкий отряд понес потери – 36 человек убитых и раненых – и отступил. Погиб ротмистр Степан Потапов.

Между тем положение осажденных продолжало ухудшаться. Бежавшие из монастыря на допросах показывали: «в городе многие воры чернецы и бельцы от крепкие осады оцинжали и многие лежат больны, а иные и померли». Как упоминалось выше, никто из иеромонахов не поддержал вооруженного сопротивления и не пожелал оставить молитвы за царя, к чему их принуждали мятежники. Никанор утешал восставших: «мы и без священников проживем». Многие «сидельцы» перестали ходить в церковь, умирали без покаяния и были погребаемы без молитв. Впрочем, в монастыре оставалось некоторое количество иноков, не желавших участвовать в вооруженном сопротивлении, продолжавших молиться за царя и искавших случая избавиться от власти мятежников.

8 ноября 1676 года в лагерь к Мещеринову вышел из монастыря чернец Феоктист, предварительно «высмотря в монастыре всякие городовые крепости и причинные места, где б над ними, ворами... промысел учинить». Предложенный Феоктистом план сводился к следующему: за час до рассвета, когда ночные караулы уходят, а на стенах на постах остается по одному человеку, отряд стрельцов должен через «пролаз» в сушиле проникнуть в монастырь и, перебив стражу, открыть ворота. И. Мещеринов долго не решался осуществить этот замысел, однако бесплодность осадных усилий побудила воеводу к действиям по плану Феоктиста.

Вьюжной ночью на 22 января 1676 года Феоктист с воинами «плинфы (кирпичи) из окна ломами железными выбивше, един по единому вхождаху в полату <сушиленную>, дондеже и вся наполнися <воинами>. И шедше, разломиша замки, и врата града отверзше, воинство пустиша ратных во обитель» [16, с. 63].

Восставшие были захвачены врасплох. Озлобленные стрельцы перебили почти всех. Мещеринов захватил в плен 63 человека, из которых 35 были посажены в темницу, а 28 казнены. В старообрядческих источниках говорится о том, что архимандрит Никанор после допроса был избит воеводой, а затем, связанный по рукам и ногам, брошен в ров, где пролежал всю ночь в одной рубашке, а наутро помер. Однако сам Мещеринов о взятии в плен Никанора не упоминает, и в документах его имя последний раз упоминается среди организаторов восстания в 1674 году. Поэтому можно предположить, что он умер до окончания «сидения».

Восьмилетнее «сидение» подорвало и духовную, и экономическую мощь монастыря. После мещериновского погрома в монастыре осталось только 14 монахов, а было их согласно переписи осенью 1668 года 273 человека. Число бельцов по переписи осенью 1668 года составляло 400 человек. По подсчетам О. В. Чумичевой получается, что за время осады из монастыря вышло около 200 человек, которые были высланы или бежали. Если учесть число умерших во время осады, получается, что число погибших во время штурма могло доходить до 200 человек. Помимо людских потерь монастырь понес и огромный материальный ущерб. И. А. Мещеринов ограбил обитель. Он присвоил много икон в ценных окладах и складней, церковных облачений, печатных и рукописных книг, серебряной, медной и оловянной посуды, слюды, собольих и куньих мехов, несколько пушек, пищалей, порох, часы, несколько пудов железа, конскую сбрую. Некоторые монахи, чтобы

сохранить жизнь, давали воеводе крупные взятки: черный поп Леонтий дал своих 850 рублей, 150 рублей из казны, боевые гирные часы, соболью шубу. Феоктист отдал из казенной палаты четыре мешка денег, серебряную посуду, часы, шубу. По приказу царя Феодора Алексеевича зверосердечный и корыстолюбивый воевода был посажен под караул. Только в августе 1677 года, возвратив монастырю награбленное, Мещеринов смог выехать в Москву.

В старообрядческих синодиках упоминается до 33 имен «страдальцев Соловецких». Среди них, кроме архимандрита Никанора, ни одного иеромонаха или иеродиакона, а только 16 иноков и 17 бельцов. Погибшие в годы восстания сидельцы снискали огромную популярность у населения Русского Севера, их поминали как мучеников. По рукам ходили списки «Повести о отцех и страдальцех Соловецких» Семена Денисова [16][126], многих других произведений.

Популярность «сидельцев» среди простого народа объясняется тем, что уже во второй половине XVII века в церковной и государственной жизни России проявлялись тенденции, которые позднее в царствование Петра I были закреплены законодательно. Церковь была низведена до уровня государственного департамента и лишилась законного главы – Патриарха, древнее благочестие и национальные традиции осмеивались, образцом для подражания служила рационалистичная и потому материалистичная Европа.

В этих условиях «старая вера» стала символом устремления горе, к Небесному Иерусалиму, к Святой Руси в противовес государственной имперской политике, тяготевшей к воплощению идеалов языческого Рима. Печально, что старообрядцы не распознали в патриархе Никоне своего вернейшего союзника в борьбе за чистоту православной веры и укрепление церковных устоев.

Для восстановления и благоустроения Соловецкой обители по указу царя Феодора Алексеевича и благословению Патриарха Иоакима были поставлены: настоятелем – архимандрит Макарий из Тихвинского монастыря, келарем – Иларион, казначеем – Феодосий из Сийского монастыря, должность экклесиарха (уставщика) три года исполнял благоговейный Игнатий Корсаков, из рода царских стольников Римских-Корсаковых, впоследствии ставший митрополитом Тобольским. Свидетельства последнего особенно интересны, так как он оказался в монастыре непосредственно после восстания. В посланиях к своей сибирской пастве Преосвященный Игнатий пишет о соловецких жителях, составивших челобитную: «от Аввакумовых и Лазаревых арменоподражательных[127] учеников прибегоша нецыи на море, на остров Соловецкий; и тако оную Святую обитель Спасову, и Пресвятыя Богородицы, и преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких со всем братством возмутиша, еже и слово не может изъявити» [49, ч.III, с. 237-238].

К тому же «прибегоша в тую же обитель окаянного богоотступника и чародея, донскаго казака и атамана Стеньки Разина с помощники воры из Астрахани; а егда во обитель внидоша, тогда бо уже и братству, иноком и бельцем, волю всю отъяша, и поставиша себе начальником Фадейка Кожевника да Ивашка Сарафанова,

[126] Церковно-историческая критика произведения Денисова, изобразившего мятежников кроткими страдальцами за истинную веру, приведена в истории Соловецкого монастыря [30, с. 108-112].

[127] Имеется в виду, что армяне также придерживались двуперстного крестного знамения.

и начаша быти во всем противны не только Святой Церкви хулами, но и благочестиваго царя не восхотеша себе в государя имети». Эти же беглые казаки призывали стоять за истинную веру и не креститься тремя перстами, на самом же деле они выжидали момент, чтобы перебить братство и похитить богатство обители.

На эти свидетельства человека, подвизавшегося в Соловецкой обители непосредственно после мятежа, опирался и его тезка Преосвященный Игнатий Семенов (1791–1850), который, будучи епископом Олонецким (1828–1841), много усилий приложил для искоренения раскола. Он искреннейшим образом постарался разобраться в причинах Соловецкой смуты.

Первоначально он предполагал, что если так поступили «Соловецкие старцы, то сделали это, частию, по свойственной им и общей тогдашнему времени простоте, частию и из ревности, хотя совсем не по разуму, и что, может быть, на тот раз даже не имели они вовсе способов узнать истину в памятниках древности, по неимению или незнанию таких памятников в монастыре своем» [25, с. VI]. Однако вскоре сподобил его Бог посетить «святый Синай морский», как именует он Соловецкую обитель. В монастырской библиотеке он обнаружил опись 1676 года, из которой «легко видеть можно, что вещи и книги, кои объясняют истинно старые обряды Веры и верность исправления Церковных наших книг, были тогда в Соловках» [25, с. VII]. В своей книге он привел ссылки на эти книги, а архимандрит Иларий, управлявший тогда обителью, в предисловии обещал каждому желающему эти книги предъявить.

Далее Преосвященный Игнатий обратил внимание на самих челобитчиков келаря Азария и казначея Геронтия, которые избраны были, вопреки законному порядку, на самое время заговора «самовольством без Великого Государя указу». Они намеренно захотели действовать без главы братства – архимандрита. Анализируя происходившее в обители на основании первоисточников, то есть пользуясь архивными материалами Соловецкой обители, на которые обычно ссылались раскольники, Преосвященный Игнатий доказал неопровержимо, что «челобитная Соловецкой обители» (пятая), служившая главным козырем в руках раскольников, была составлена вовсе не Соловецким монастырем. «Челобитная, какова подана Великому Государю в Москве в 176 году[128]: а) не есть челобитная “Соловецкого монастыря”, б) не “братства Соловецкого служек всех”, но в) воровская прелесть” и, г) что еще хуже, “скоп и заговор” не только против монастыря или закона, но и … против Высочайшей власти Государя, составленный несколькими мятежниками, пришельцами и ссыльными, с чистою ложью» [25, с. 18]. Далее подробно показывается, что в основу так называемой «челобитной Соловецкой обители» положена ходившая тогда по рукам Никитина челобитная, за которую он давал ответ на соборе в марте 1666 года[129].

---

[128] Составлена 22 сентября 1667 г. Доставлена царю в октябре месяце 1667 г., в цитате указан 7176 г. от сотворения мира или 1668 г. от Рождества Христова, так как тогда новый год начинался с сентября.

[129] Текст этой челобитной приведен в [49, т.4, ч.1, с.1] «Суздальского соборного попа Никиты Константиновича Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексею Михайловичу на книгу «Скрижаль» и новоисправленные церковные книги». По собственным Никитиным словам, он составлял свою челобитную семь лет и давал другим читать выписки из нее.

Итак, Игнатий, митрополит Тобольский, и Игнатий, архиепископ Воронежский, снимают с Соловецкой братии ответственность за смуту, говоря о захвате власти некими пришельцами. В отношении инициаторов вооруженного сопротивления царским войскам с этим мнением можно согласиться, однако духовным лидером восстания был, несомненно, Никанор – Соловецкий постриженник, и все решения принимались черным собором, в котором во время мятежа стали активно участвовать миряне, чего раньше никогда не было.

Чтобы понять, что же помешало Соловецким старцам устоять в истине, обратимся к весьма поучительному опровержению Соловецкой челобитной, написанному Юрием Крижаничем[130]. Его сочинение совершенно лишено какой бы то ни было пристрастности. Он слышал о Соловецкой обители и даже «издавна желах у вас пребывати и вашими святыми молитвами спасатися. О том бо зде в Сибири и челобитье подавал и много молил: да бы мя Великий Государь велел к вам превести» [38, с. 43]. Поэтому, когда ему в руки попала Соловецкая челобитная, он, сознавая себя «недостойным и последним в человецех», решился «из чистей любви» напомнить Соловецким отцам вещи ими хорошо знаемые, но в пылу страстей забытые, а именно:

[130] Н. И. Костомаров о нем пишет: «В то время, когда киевские монахи приносили с собою в Москву свою церковную ученость, с узкими схоластическими взглядами и отжившими свое время предрассудками, в области умственного труда в России явился человек с светлою головою, превосходивший современников широтою взгляда, основательностью образования и многосторонними сведениями. Это был Юрий Крижанич (1617–1683)». Родом хорват, он, владея в совершенстве, кроме своего родного языка, немецким, латинским, итальянским, греческим и русским, получил, по-видимому, наилучшее в то время богословское и юридическое образование в Риме и занимался проблемой унии применительно к своему отечеству. Изучая долгое время историю церкви и составив даже «Всеобщую библиотеку схизматиков», он пришел, наконец, ко взглядам, которые по своей высоте расходились с узкими воззрениями как сторонников римской пропаганды, так и их противников. Крижанич уразумел, что вековой спор между восточной и западной церковью проистекает не из самой религии, а из мирских политических причин, из соперничества двух древних народов – греков и римлян – за земную власть, за титулы. Таким образом, вопрос о разделении церквей есть исключительно вопрос греков и римлян, а к славянам не должен относиться. Нечего им мешаться в чужую распрю. Славяне не должны из-за них чинить раздора между собою и защищать чужие привилегии, чужую верховную власть, а должны знать единое царство духовное, единую церковь, не имеющую рубежей, распространенную во всем свете. Крижанич пришел к убеждению, что весь славянский мир должен сделаться единым обществом, единым народом. Он, между прочим, оставил после себя грамматику особого им созданного всеславянского языка, называя его «русским» потому, что Русь есть корень всего славянства. Он поступил на службу к Русскому царю в 1659 году. 20 января 1661 года Крижанича по неизвестной причине сослали в Тобольск, но не в качестве опального, а с тем, чтоб быть у государевых дел, у каких пристойно. Ему положили жалованья семь рублей с полтиною в месяц. Крижанич пробыл в ссылке шестнадцать лет, не терял присутствия духа и написал там самые замечательные свои сочинения. По смерти царя Алексея Михайловича, 5 марта 1676 года, Крижанич, получив царское прощение, возвратился в Москву и был назначен в Посольский приказ переводчиком. В 1678 году он уехал из России с датским посольством Ф. фон Габеля. Вскоре он принял монашество в доминиканском монастыре в Вильно, где занимался составлением на латинском языке «Истории Сибири» – пособия для миссионерской деятельности доминиканцев. В 1682 году Крижанич был направлен в Рим, однако по пути задержан в Варшаве и оставлен в качестве священника в армии польского короля Яна Собеского. В 1683 году Юрий Крижанич был убит в битве с турками под Веной.

1) Единственным критерием истины в вопросах веры, когда логические доказательства бессильны, является соборное мнение Церкви, так как через Соборную и Апостольскую Церковь «всегда и присно и безсумненно говорит Святой Дух». Церкви дано обещание: врата адовы (то есть ереси и всякие дьявольские козни) не одолеют ее. «Како вы мните, – обращается Крижанич к соловчанам, – что Церковь вся есть заблудила, и ни единого в ней нет правоверного архиерея? … Хотя бы вы и всего мира имели мудрость, и всех Святых Отец богословие имели, и все то не было бы достаточным для вашей дерзости к Соборной Церкви осуждению» [38, с. 87, 71].

2) Возникает вопрос, а возможно ли спасение для отсекших себя от Соборной Церкви? Крижанич отвечает отрицательно: «Поведите (скажите) нам в каковой церкви вы есте? В Соловецкой или у ваших единоумников (единомышленников) в Сибирской? … Какова бо Церковь может быти, в ней же нет пастырей и святителей, а скоро не будет и священников? Когда бо помрут ваши ныне живущие священники, кто вам хощет других посвятити? … Вы есте яко луторцы (лютеране) и отвещаете: епископы да иереи нам не суть надобны. Мы бо вси есма Святым Духом на крещение освящены и вси есма иереи и епископы. Тако вы, отцы из Христовы Церкви в люторову синагогу иступисте. И, аще не образумитеся, спастися вам нет мощно (невозможно)» [38, с. 88–89].

3) Особенно тщательно увещевает Крижанич соловчан прекратить сеяние раздора, ибо, если кто «и мало расколство учинит, тамо восстает гнев Божий и меч ярости, и пребывающим в том конец – мука вечная». Он обращается к зачинщикам со словами: «О, честнии отцы Назарие и Геронтие, вы поставлены назидать братию, а вы раздираете». И цитирует Иоанна Златоуста: «ничтоже да не может Церкви тако разделяти, како властолюбие. Ничто же Бога тако на гнев не побуждает, како церковный раздор. Хотя несчетна сделаем добра дела, аще пресекаем полноту Церкви, не меньшу имеем прияти казнь, неже они, иже тело Его торгаша (продавали) и мучиша» [38, с. 124].

4) Словами Златоуста Крижанич, наконец, обличает главную слабость (или страсть) расколоучителей – властолюбие. По духовным законам нельзя даже желать учительства, а тем более самовольно учительствовать. «Аще кто не умеет бороться с врагами, и пленять всякий разум в покорность Христу, таков да будет далеко предстояти от учительского престола» [38, с. 70]. Кто ставил вождей раскола учить народ, царя и всю Соборную Церковь правой вере? Крижанич вопрошает: «Аще речете (если говорите): “Не Церковь, но Бог сам нас послал”, – покажите нам едину, хоть малу, того Божия послания печать. Каково чудесное Господне дело или знамение и каково апостольское житие можете вы показать в себе, или в Никите, или в Лазаре, или в Аввакуме, или во всей своей дружине? Колико (сколько) бесов изгнасте? Колико недужных оздрависте (исцелили)? Колико мертвецов возбудисте (воскресили)?» [38, с. 128]. Крижанич лично знал инициаторов раскола и святости в них не видел. Он встречался с Аввакумом[131] и видел его высокомерие и

[131] Встреча была характерная: Аввакум, возвращаясь из Даурии в Москву через Тобольск, хотел видеть Крижанича. Крижанич, войдя к нему, сказал: «Благослови, отче!» Аввакум закричал ему: «Не подходи, скажи: какой ты веры?» Крижанич отвечал: «Я верую во все то, во что верует Святая Апостольская Церковь, и священническое благословение принимаю в честь. О вере готов объясняться перед архиереем, а перед тобою, который сам подвергся сомнению в вере, мне широко говорить нечего. Если не хочешь благословить, благословит Бог, а ты оставайся с Богом».

боязнь осквернiться от «неверных». Жил он немало времени вместе с Лазарем в Тобольске и говорил ему: «Отче Лазаре, как можем устроение Церкви исправляти, если сами тако неисправны, что и басни срамотны баем и улицы нам хмельным бывают тесны». Крижаничу не хотелось бы о грехах ближних говорить, но он считает нужным показать, кому люди хотят вверить свои души и чье учение полагают в основание своего спасения.

5) **«Глава же вашего прельщения,** о честнии отцы, и всего вашего завода (дела) основание, есть едино невежество, **что вы не умеете молитвы и обычая церковного разлучити от веры,** и вы мните: молитву пременити и веру пременити, то бы все едино» [38, с. 140]. Действительно, главным заблуждением и противников, и сторонников изменения обрядов было убеждение, что форма, которую они отстаивали, единственно правильная, изменению во времени не подлежит и от этой формы зависит спасение. Русь получила чин церковного Богослужения от Византии, в основном, уже установившимся, поэтому форма Богослужения воспринималась как Богодарованная и неизменная. Крижанич напоминает, что от апостольских времен и литургийные чины менялись (литургия апостола Иакова оставлена, но не осуждена, а составлена была литургия Василия Великого и сокращена Иоанном Златоустом), и Символ веры изменялся (Никейский на Никео-Цареградский) соборным постановлением, и епископам дозволялось иметь семью, и в священники ставили не женатых. «А вы об том не тужите, а тужите об третьей аллилуи, и об согбении перстов и об иных таковых меньших и спора недостойных вещах. Тако чиняху фарисеицы: большие вещи презираху, а об малых велику скорбь ношаху. За то к ним велит Спаситель: “Водци (вожди) слепии, комара отцежаете, а вельбуда пожираете”» [38, с. 164]. И далее Крижанич замечательно определяет веру как грань между неверием и суеверием: «Права вера или благочестие стоит насред (посреди): держит праву веру. А неверность блудит налево по скудости. Мнит не быти греха, там где есть грех. А преверность (или суеверие) блудит надесно (направо) по избытку: верует бо в лишнее, его же недостоит веровати. Мнит быти грех, там где нет греха. Таков бяше квас фарисейский. Об вас пророковал Исаия: сии люди устнами мя почитают, а сердце их далеко от мене» [38, с. 166].

6) «О, солнце, о, истина, како люди от тебе очи замижают (закрывают)», – восклицает Крижанич. Утверждений, достойных серьезного разбора и опровержения, в Соловецкой челобитной он не видит. «Вы, отцы, в патриаршеском обличении в жезловой книге[132] пресветло уличены и препрени, и истина вам достаточно ясно доказана. А вы по всем том не любите единства, но чините раздор. И тако изступисте из разума, что, не побоявшеся Бога и не посрамовавшеся людей, к царскому величеству, и к его высокой думе, и к освященному Собору написали: како да бы Святейший Никон Господа и Спасителя нашего грешником назвал… А в Скрижальной книге муж разумен легко видит, еже не Господа, но осужденнаго на смерть татя (разбойника), грешником зовет… О глупи и косни сердцем, како дерзаете тако клеветати» [38, с. 90, 91]. Крижанич не считает нужным еще раз разбирать вопрос о перстосложении, об изменениях в словах, именах и т. п. «Все это, – говорит он, – с вашей стороны фарисейская святость, излишнее и ненужное благоче-

[132] «Жезл правления», М. Печатный двор. 1667.

стие или, лучше сказать, нечестие...». О сугубой аллилуйе он говорит с точки зрения истории богослужения, тем более что этот предмет он лично обсуждал с Лазарем. Он признает житие Евфросина, сочинение, на которое опирались раскольники, положительно подложным, и по поводу вопроса о том, сколько раз следует произносить «аллилуйя», приводит пример западной церкви, где произносят «аллилуйя» в разное время богослужения и три раза, и два, и один раз.

Терпеливо изъясняя Соловецким сидельцам их заблуждения, Крижанич видел в их поступках тот великий грех, что они отрываются от Церкви, не хотят слушать ее и тем нарушают любовь, которая должна господствовать в Христовой Церкви.

По отношению к причине раскола он не одобрял буквализм ни со стороны исправителей книг, ни со стороны тех, кто предпочитал старые книги и соблюдал такие обряды, которые были изменены церковью. В предисловии к своей грамматике он высказал яснее этот взгляд. «Мое мнение таково: ошибки языка не могут вести к осуждению, а исправление книг никого не спасает, спасение дает нам благочестивое сердце, неутомимое в добродетелях. Поэтому, если бы церковные книги и в десять раз были хуже переведены по отношению к речи (не говоря о смысле), то все-таки неисправление их никому не препятствовало бы спасаться. Не стоит из-за малых причин поднимать церковный раздор, не следует соблазняться грамматическими ошибками и разорять духовную любовь». До такого взгляда на раскол общецерковное сознание доросло только спустя три столетия.

В «Деянии освященного Поместного Собора Русской Православной Церкви об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их» 1971 года были рассмотрены решения Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года «в части, касающейся наложения ими клятв на старые русские обряды и на употребляющих их». «Необоснованность суждений Соборов 1656 и 1667 гг. о старых обрядах дониконовских времен, как о якобы содержащих еретический смысл, давала повод усматривать в клятвенных запретах и определениях этих Соборов осуждение старых обрядов самих по себе. Между тем из неоднократных разъяснений, сделанных авторитетными иерархами Русской Православной Церкви и ее Святейшим Синодом, вполне очевидно, что подлинная цель соборных прещений 1656, 1666 и 1667 гг. заключалась в противодействии тем вождям раскола, которые, осуждая исправленные при патриархе Никоне книги, чины и обряды, проявили свое противление Церкви, порицая содержимые ею обряды и употребляя исключительно обряды старые (см. «Изъяснение» Святейшего Синода от 1886 года)». Соборное деяние 1971 года напоминало об «Увещании православной кафолической Церкви», где говорилось о признании православности старых обрядов и спасительности употребления их со ссылкой на постановление Отдела по единоверию и старообрядчеству Поместного Собора 1917/1918 гг. Поместный Собор 1971 года определил утвердить три постановления Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года под председательством заместителя патриаршего местоблюстителя высокопреосвященного митрополита Нижегородского Сергия:

1) «О признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им»;

2) «Об отвержении и вменении, яко не бывших, порицательных выражений, относящихся к старым обрядам, и в особенности к двуперстию»;

3) «Об упразднении клятв Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православно верующих христиан, и считать эти клятвы яко не бывшие» [68].

Определения Собора 1971 года были повторены Собором 1988 года, принявшим «Обращение Поместного Собора Русской Православной Церкви ко всем держащимся старых обрядов православно верующим христианам, не имеющим молитвенного общения с Московским патриархатом», где подтверждена «равночестность старых обрядов». Собор «с глубокой болью вспоминает возникшее в XVII в. разделение чад церковных – тех, кто проявил непоколебимую твердость в сохранении старых русских обычаев, с теми, кто ввел в богослужебное употребление традиции, распространенные в Поместных Церквах на православном Востоке».

Возвращаясь к XVII веку, заметим, что в определении относительно раскола Московского Собора от 2 июля 1666 года есть понимание того, что для сохранения верности древней православной традиции необходимо обсуждение различных мнений в рамках внутрицерковной дискуссии, но при этом не должно быть противления Церкви, доходящего до вооруженного противостояния. О причинах раскола говорится: «Многие невежды не только из простых, но из священных лиц, одни ***по неведению Божественных писаний и порочной жизни,*** другие, по-видимому, и добродетельные, но ***надменные самомнением*** и считая себя мудрыми, хотя исполнены всякого бессмыслия, третьи, увлекаясь ***ревностью не по разуму***, возмутили души многих неутвержденных иные словом, иные же и письменно» [44, кн. VII., т. 12, с. 328]. То есть, причиной раздора церковного считается подверженность страстям самих расколоучителей.

Некоторые из них, представ пред Собором, принесли покаяние, например, Соловецкий старец Герасим Фирсов. Другие, как бывшие попы Никита и Лазарь, были строго осуждены за их нестерпимые хулы на Церковь и за противление ей. Однако Собор не изрек в своем определении никакого проклятия или прямого осуждения ни на старопечатные книги, ни на двуперстие в крестном знамении, ни на сугубую аллилуйю, ни на другие обряды, которые защищали раскольники. Осуждалось противление Церкви, а богословские мнения обсуждались. Собор даже признал нужным составить особую книгу, в которой были бы опровергнуты основания раскола, как они были изложены в челобитной попа Никиты и свитке попа Лазаря.

Книга была составлена Симеоном Полоцким и издана от имени Собора под заглавием «Жезл правления» в 1667 году.

На этом догматические споры можно было бы прекратить, поскольку с логической точки зрения спорить было не о чем: существовавшая до исправления книг и обрядов практика Российской церковной жизни признавалась спасительной и не опровергалась, но приводилась в согласие с практикой Вселенской Церкви. Далее вступают в силу психологические мотивы. В первую очередь, это справедливое беспокойство по поводу секуляризации общественной жизни, которым можно объяснить панический страх утратить древнее благочестие и желание во что бы то ни стало сохранить форму обрядов. Второй движущей силой раскола стала национальная гордость: в общественном самосознании XVII века Русь считала себя преемницей

Византии и хранительницей Православия, отсюда и недоверие к грекам, особенно подчеркнутое в Соловецкой челобитной, отсюда и ощущение себя лично последними поборниками Православной веры. Наконец, третья, особенно печальная, психологическая особенность инициаторов раскола – оскорбленное самолюбие. Вспомним, что Иоанн Неронов и Аввакум более всего зазирали Патриарху Никону, что прежде он с ними советовался, а теперь, став Патриархом, ведет дело исправления книг и обрядов самостоятельно. Соборность принятых решений по поводу исправлений они во внимание не принимали, хотя это подтвердил даже собор 1666 года, осудивший самого Никона.

Какому же евангельскому архетипу соответствует этот психологический портрет: формальное соблюдение законов, гордость своим благочестием и желание учительствовать? Это евангельский образ законоучителя-фарисея, и конец тот же: раздирание Тела Христова – Церкви. И для того так подробно обсуждается эта печальная страница в жизни Соловецкой обители да и всей России, чтобы не провоцировала брожение в наших душах закваска фарисейская.

И еще один важный для нас вопрос поставил Крижанич: «За что Бог сему раздору в русском народе быти попустил?» Русской Церкви нужно было выстрадать свою веру в борьбе с ересями, как в свое время Византии. «Ереси бо от глубокого лености сна нас возбуждают, к труду подвигают, к чтению Священного Писания и к пресмотрению и разбиранию правил нашего Богочестия принуждают… Да добрии раби Божии объявятся по своей крепости; да обличится скрытый меж нами смрад; да себя невежество от Церкви отженет» [38, с. 38, 39]. Обратим внимание на последнее замечание: не Церковь невежество изгонит, но само невежество себя от Церкви отторгнет, и, между прочим, всегда остается возможность воссоединения с Церковью через покаяние. Раны могут быть залечены, ибо «Божий промысел обыкает из яда изымати врачевство» [38, с. 40].

Глава 3

УЧРЕЖДЕНИЕ СТАВРОПИГИИ И ЛИШЕНИЕ ВОТЧИН

XVIII – начало XIX века

В конце XVII века Соловецкий монастырь вновь приобрел статус «государева богомолья», отвергнутый братией во время смуты.

Посещения Петра I, его искреннее восхищение укладом жизни северной обители привлекли монаршие милости. Благодаря мудрому руководству архимандрита Фирса монастырь почти не пострадал от петровских нововведений и оказывал всемерную поддержку государеву делу.

Зато церковная реформа Екатерины II, в результате которой были учреждены духовные штаты в 1764 году, поставила монастырь в сложное положение: все вотчинные земли были отобраны безвозвратно и переданы в ведение коллегии экономии. К этому времени монастырь выполнил свою историческую задачу по освоению и обороне поморских земель. Вотчины, пожалованные царственными особами монастырю в XVI и XVII веках ради строительства крепости, острогов и содержания ратных людей, были взяты под управление окрепшего государства, оно же обязалось теперь заботиться о безопасности обители и всего Поморья.

Казалось бы, монашеская община получила возможность заниматься главным своим делом – молитвой и богомыслием. Но на самом деле введение штатов, согласно которым в первоклассном Соловецком монастыре полагалось пребывать 33 монахам и в Анзерском скиту – 13, поставило монастырь на грань выживания. В 1765 году по грамоте Святейшего Синода с Высочайшего утверждения Соловецкий монастырь был изъят из епархиального управления и стал ставропигиальным, а настоятели получили подтверждение своих преимуществ по священнослужению, согласно грамоте, данной Петром I архимандриту Фирсу. Однако в целом противомонастырская политика государства привела к тому, что в Соловецком монастыре количество монашествующих сократилось к 1791 году до 26 человек (иеромонахов – 12, иеродиаконов – 4, монахов – 10), а на Анзере официально не значилось никого[1].

[1] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5495. 1791. Л. 7.

3.1. АРХИМАНДРИТ ФИРС И ПОСЕЩЕНИЯ ПЕТРА I

Соловецкий монастырь медленно и с великими трудами восстанавливался после разорения во время смуты. После четырех лет настоятельства на Соловках (1676–1680 гг.) архимандрит Макарий пожелал вернуться в Тихвинский монастырь, и настоятелем был назначен келарь Иларион (1680–1686 гг.). При нем в 1682 году была открыта Холмогорская и Важская епархия, и Соловецкий монастырь из Новгородской митрополии поступил в ее владение. Целью учреждения новой епархии было противодействие расколу, который распространялся в Беломорье.

23 июня 1683 года первый архиепископ Холмогорский Афанасий прибыл на Соловки, чтобы поклониться святым мощам великих чудотворцев Зосимы и Савватия Соловецких. Ознакомившись с укладом жизни монастыря и увидев, что некоторые обычаи требуют исправления, он во время пребывания в обители 29 июня подписал уставную грамоту на имя архимандрита Илариона, келаря Лаврентия и казначея Арсения с братией. Грамота начинается с благодарения Богу за то, что иноки не уклонились в раскол, но остались верными догматам православия. Затем архиепископ писал, что некоторые, проявляя ревность не по разуму и не разумея правды Божией, стараются поставить свою правду, нарушая уставы общежития. Таковых он повелевал смирять соборно «жезлием и узами» [17, ч. III, с. 243], пока не покажут плоды покаяния.

Для управления монастырем был учрежден совет из двенадцати опытных иноков во главе с архимандритом. Было запрещено увольнять из обители иноков, а беглых велено подвергать наказанию. Предписывалось не держать в обители опьяняющих напитков и у приезжих опечатывать их. Присылаемых в заключение указано держать под крепким присмотром, а в случае бесчинства с их стороны подвергать телесным наказаниям и определять на тяжкие работы, чернил и бумаги им не давать. При Иларионе расширились монастырские владения на материке: в 1686 году цари Иоанн и Петр Алексеевичи пожаловали обители Орлецкие угодья с известковым камнем, лесами и покосами. После Соловков 9 января 1686 года архимандрит Иларион был переведен в Спасо-Иаковлевский монастырь г. Ярославля,

Модель яхты-фрегата, висевшая на железной тяге под сводами Святых ворот. По преданию, две модели были подарены монастырю Петром I во время его посещения в 1702 г. Их длина 127 и 170 см. Масштаб 1:10. Изображают типичные «новоманерные» суда, которые строились на Беломорье в XVIII в.

а 1 февраля 1691 года был хиротонисан в митрополита Псковского и на этой кафедре скончался.

В 1689 году настоятелем стал архимандрит Фирс (Шарапов)[2], постриженник соловецкий, бывший до того казначеем. Он управлял монастырем 28 лет и 8 месяцев (1689–1718 гг.) – дольше всех в истории монастыря. Во время его настоятельства в 1692 году по благословению патриарха Иоакима преподобный Герман, Соловецкий чудотворец был прославлен, как местночтимый святой. Дважды – в 1694 и 1702 годах – архимандрит Фирс встречал в монастыре Петра I. Пользуясь расположением царя, он ходатайствовал об освобождении монастыря от многих повинностей.

Крест, сделанный и поставленный Петром I в Пертоминском монастыре

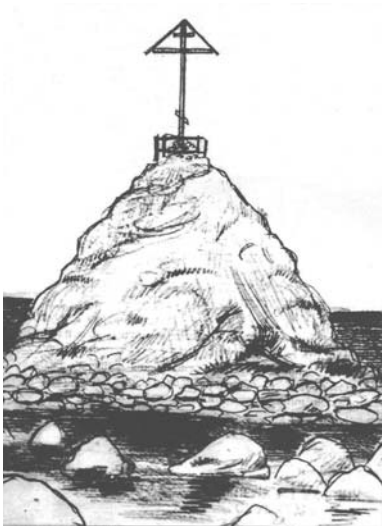
20 мая 1694 года Петр участвовал в спуске на воду первенца русского коммерческого флота корабля «Святой Павел» в Архангельске. А 1 июня вместе с архиепископом Афанасием на яхте «Святой Петр» они отправились в Соловецкий монастырь.

По выходе из устья Двины царская яхта попала в шторм и оказалась в таком отчаянном положении, что архиепископ Афанасий служил молебен, а Петр I исповедовался и причастился Святых Таин, опасаясь внезапной смерти. Монастырский лоцман Антипа Тимофеев посоветовал государю направить судно в Унскую губу. Опытный и искусный кормчий, он твердой рукой провел яхту между двумя рядами далеко выдающихся в море камней, называемых Унские Рога. Когда в решительную минуту царь попытался давать указания по выбору курса, Антипа только отмахнулся: «Поди прочь, я лучше знаю, как здесь править!» Когда 2 июня яхта стала на якорь у Пертоминской обители, государь обратился к Антипе: «Помнишь ли, брат, как ты меня отпотчевал?» – и три раза поцеловал его. В благодарность Петр пожаловал Антипе свой измокший кафтан и назначил пожизненную пенсию. В память о своем спасении Петр поставил на берегу Унской губы, против стоянки яхты, полутораcаженный крест, на котором собственноручно вырезал (на голландском языке): «Сей крест делал шкипер Петр в лето Христово 1694»[3]. Пока продолжалась непогода, государь оставался в Пертоминском монастыре, сам пел на клиросе и читал Апостол. Архиепископ Афанасий и царь Петр произвели освидетельствование мощей Пертоминских чудотворцев Соловецких иноков Вассиана и Ионы и нашли их нетленными.

6 июня Петр вновь вышел в море и на следующий день ступил на берег Соловецкого острова. Так как до Петра коронованные особы не посещали

[2] В сан архимандрита посвящен Святейшим Патриархом Иоакимом.

[3] По одной из версий этот крест впоследствии сохранялся в соборном храме г. Архангельска. Исследования о судьбе петровского креста собраны в статье В. Н. Абрамовского: Ставрографический сборник. Кн. 1. М. 2001. С. 316–324.



«Городок Петра I».
Рис. П. К. Казаринова. 1934 г.

Соловецкий монастырь, архимандрит Фирс с братией запрашивали владыку Афанасия: «Егда будет пришествие во обитель» царя, и «каковым чином ему Великому Государю сретенье учинить, и в каком облачении». Афанасий ответил подробной инструкцией: «Егда пришествие Великого Государя к вам будет, и из Заяцкого острова к вам пойдет, тогда во обители учинить благовест в большой колокол, а егда приближатися учнет ко обители, тогда звонить во весь большой звон; егда же приидет на пристань монастырскую, тогда вам архимандриту со освященным собором в праздничном священном одеянии и со кресты всебратственно встретить Его Царское Величество вне монастырских святых врат, и поднесть ему к целованию святый напрестольный крест; а в церковь егда он Великий Государь приидет, тогда читать ектению и отпуст молебные, а по отпусте поднесть Его Царскому Величеству к целованию святой крест, а по целовании покропить его святой водою. Сицев чин заповедахом вам по церковному обычаю исполнити» [17, с.251].

с. 492

В память прибытия на Соловки Петр распорядился водрузить вблизи пристани большой деревянный крест, над которым впоследствии была сооружена часовня в честь святых апостолов Петра и Павла.

В течение трех дней монарх молился, поклонялся мощам святых угодников и осматривал обитель, а потом, по отправлении молебного пения и одарении настоятеля со всей братией щедрой денежной милостыней, 10 июня отбыл к Архангельску с милостивым обещанием всегда покровительствовать святой обители.

Вскоре царским указом монастырю было пожаловано из архангельских казенных складов 3000 четвертей ржи (в качестве компенсации за съеденный царскими стрельцами во время осады 1668–1676 гг. монастырский хлеб). На следующий год были пожалованы 700 рублей на поновление соборного иконостаса, а вскоре приписаны Высочайшим указом к Соловецкой обители Московская Новосоловецкая (в Марчугах) и Авраамиева Чухломская (в Костромской епархии) пустыни со всеми принадлежавшими им землями и крестьянами. Петр не только окончательно простил Соловецкой обители противление царской власти, но в трудный момент, нуждаясь в молитвенной поддержке перед схваткой со шведами за Нотебург[4], он вторично посетил Соловки в 1702 году.

Из-за противного ветра эскадра из 13 кораблей с 4000 войска вынуждена была встать между Анзерским, Муксалмским и Соловецким островами. Чтобы испросить у Бога попутного ветра, Петр обратился к поморскому обычаю: на отмелях вблизи островов были сооружены три «городка», которые представляли собой насыпные островки из камней, увенчанные поклонными Крестами.

[4] До 1611 года – русская крепость Орешек, а после 1702 – Шлиссельбург.

Портрет императора Петра I из портретной галереи настоятельских покоев Соловецкого монастыря. Неизвестный художник. Вторая половина XVIII в. АОМИИ. [57, с. 75]

10 августа 1702 года эскадра бросила якоря у Заяцкого острова, на котором царь приказал соорудить деревянную церковь во имя святого апостола Андрея Первозванного. За полтора часа до вечерни Петр с немногими приближенными прибыл в монастырь. «И вышед его царское величество на брег, помолился против монастыря и принял у архимандрита благословение; и архимандрит великаго государя целовал руку, а он великий государь – у архимандрита. Келарь не со многою братиею подошли с подносом с образом, хлебом и рыбою, и великий государь благодарил и изволил сказать: "Будем у вас", – а прочая братия все стояли по чину, вышед мало из Святых ворот. Благочестивый же государь не пошел ко вратам, но изволил идти кругом ограды монастырской на правую сторону и, обшедши, вшел Святыми вратами в монастырь. Изволил идти в соборную церковь без благовеста, и звона не было, а в соборной церкви помолился; и изволил его царское величество идти в церковь к преподобным чудотворцам и там у гробов преподобных прикладывался. Потом изволил идти в ризницу, и в оружейную казну, и в трапезу. И говорил архимандриту, что его царское величество завтра кушать будет со всеми пришедшими своими начальными людьми в трапезе. И слушал литургию у преподобных чудотворцов, еже есть во вторник. Потом пожаловал он, великий государь, к архимандриту в келью и благоволил в тот вечер у архимандрита кушать. При нем, великом государе, в то время были боярин князь Михайло Григорьевич Ромодановской, боярин Феодор Алексеевич Головин, думной дворянин, и печатник, и учитель его, великаго государя, Никита Моисеевич Зотов, ближний стольник князь Юрий Юрьевич Трубецкой, постельничий и ближний человек Гавриил Иванович Головкин, ближние стольники Кирилл Алексеевич Нарышкин, князь Юрий Феодорович Шеховской, Иван Давыдович Щепотев, певчие, диак его государев Степан Иванов Беляев да резидент польской. И откушавши великий государь изволил отъехать часу в шестом ночи на корабль, а вышеписанные бояре и ближние люди ночевали в гостинной кельи.

11 августа благоволил великий государь прийти слушать литургию без благовеста и звона, и после соборной службы братия откушали в трапезе[5]. Он же, великий государь, изволил внити в монастырь без встречи, и с ним, великим государем, благоверный государь царевич и великий князь Алексей Петрович и весь его царской синклит; служил иеромонах с диаконом, пели великаго государя певчие поскору. По литургии слушал молебен, служил священник с диаконом, и благоволил на молебне дачу пожало-

[5] Петр заметил, что «никогда так приятно и сытно не кушивал», архимандрит Фирс отвечал, что это от того, что еда готовится по благословению, с молитвой и кропится святой водой.

вать. И, отслушав молебен ради благовернаго государя царевича, изволил ходить паки в ризницу, и в оружейную палату, и в прочие службы. И благоволил великий государь в трапезе кушать, и благоверный царевич, и при нем ближние люди и начальные, а кушанье приспевали все монастырское и питие, а подчивал архимандрит, келарь и казначей и от братии первые. Он, великий государь, такожде и благоверный царевич, сидели купно с боярами и ближними людьми и, откушав, благоволил по монастырю ходить и по тюрьмам, и благоволил быть у архимандрита в кельи довольно и до отдачи часов, и отбыл его царское величество и с благоверным царевичем на корабли ночевать.

12 августа изволил прийти в малом судне без царевича, и в гостинной кельи легкое кушанье было монастырское, и, покушав, изволил ехать верхами на лошадях на кирпичные заводы с своими ближними людьми. И приехав, был паки в гостинной кельи и поздно отбыл на корабль ночевать. Изволил говорить архимандриту: есть, де, мы не пойдем – будем праздновать у вас в монастыре праздник Успения пречистыя Богородицы, и накорми, де, ты у меня служивых людей мясом, а мы, де, будем платить. Бояре же вышеписанные и ближние люди, которые в первом приходе пришли с ним, были все неотходно от монастыря в гостинной кельи и ели монастырское. И в 13 день, в четверток, с кораблей великий государь не сходил, и ему, великому государю, подносу от пищи и пития из монастыря не было, только послано было на всякой корабль по десяти хлебов да по бочке сельдей; и указал великий государь принимать благодарно и смирно служивым людям.

И в 14 день, еже есть в пяток, пред малою вечернею изволил великий государь прийти с корабля в малом судне и был в гостинной кельи, архимандрит с прочими был при нем, великом государе, и указал малую вечерню петь и молебен по монастырскому обыкновению; архимандрита изволил удержать у себя и благоволил кушать, и благоверный царевич с корабля в малом судне прибыл, и указал благовесту быть за час до вечера ко всенощной. И изволил он, великий государь, и царевич в церковь прийти, и было всенощное пение, и великий государь с певчими стоял на правом клиросе и изволил петь, а на другом клиросе его ж, великаго государя, певчие пели. Пение все было греческаго роспеву, и канон весь пели без припевов, девятую песнь по чину пели с припевами, чтения не было. Литийную стихиру пели певчие на клиросе и славник, прочие стихиры указал на глас головщикам принять с литиею. Стояли в церкви близ западных дверей. И по доношению архимандрита изволил великий государь смотреть грамот праотеческих и отца своего, великаго государя блаженные памяти царя и великаго князя Алексея Михайловича и всея России самодержца, о чести монастыря – что архимандриту велено служить со осенением, и указал великий государь быть против прежних великих государей указов и служить во всем указал против Чудова монастыря архимандрита, а именно: служить полной архимандричьей службой против грамоты, какова дана архимандриту Илии в 1651 году. Да в прибавление к тому дано ему, архимандриту Фирсу, носить мантию со скрижалями, посох с яблоками и по нем будущим архимандритам; именной свой указ записать приказал думному дворянину и печатнику Никите Моисеевичу Зотову.

И по чину к литургии благовест был в пятом часу дни в исходе, и по указу служил архимандрит так, как его царское величество указал. Он же, великий государь, стоял и пел на правом клиросе, благочестивый царевич стоял за архимандричьим местом. И по святей литургии изволил его царское величество

идти в гостинную келью, тамо и кушал с благоверным царевичем. Приспешники были дворцовые, и пища была по его, великаго государя, указу, питие было монастырское. И откушав, изволил быть на монастыре и посетить старца Лаврентия Александровича, понеже он не выходил никуда, ниже в церковь, разве причащения ради. Бысть же великий государь во всякой радости и веселии, людие во всяком смирении, и довольствии, и во благодарении.

И в той же день Успения Пречистыя Богородицы в 9-м часу прииде к великому государю посланный с ведомостью с моря, что в кораблях идти возможно, и великий государь у гостинной кельи архимандрита к ручке пожаловал, принял у него благословение и с благоверным царевичем благоволил идти в малых судах на корабли. Но в тот день идти не соизволил, но в 16 день, в неделю, благоволил идти рано, за полчаса до дни, подняв паруса; даде Господь благополучен ветр, и к вечеру приидоша к пристани к соловецкому усолью Нюхче. Архимандрит же и келарь не со многими монахи, взяв образ чудотворцев и от пищи довольно ему, великому государю, и благоверному царевичу в поднос и поклонитися за милость его, поехали в карбасе на корабли к великому государю. И за противным ветром доехать не могли, и, ночевав в Заяцком, по утру благополучным ветром поехали за кораблями вслед, и приехали к великому государю на пристань. Великий же государь архимандрита и келаря принял на корабль к себе, и к ручке пожаловал, и вельми благодарил за приезд их, и велел довольно подчевать на корабле у себя боярину князю Борису Ивановичу Прозоровскому. И указал за быки выдать деньги, и вельми ему, великому государю, было угодно и пожаловал в монастырь, и велел выдать от города Архангельскаго пороху двести пуд. И отпустил архимандрита в монастырь. Архимандрит же, приехав в монастырь, не входя в келию пел молебен со всею братиею в церкви у Преображения Господня с благовестом и звоном за его, великаго государя, и за благовернаго царевича, и за путешествующих с ними. И по том благодарении за пришествие великаго государя и за посещение вси возвеселишася, и был архимандрит на погребе со всею братиею и довольно радовались, благодаря Господа Бога за толикое благополучие. И от той Нюхоцкой пристани он, великий государь, отпустил корабли к Архангельскому городу, а сам изволил шествовать к Повенецкой пристани лесами, мхами и болотами, растоянием от Нюхоцкой пристани сто шестьдесят верст. Где принуждены мосты были делать, и для той работы были Соловецкаго монастыря крестьяне Сумскаго острога и Кемскаго городка, все с лошадьми, и обреталися у той работы до зимы. Лошади были под фурманами, а люди тянули две яхты на себе до Повенецкой пристани[6]. А с пристани на судах

[6] По приказу царя два фрегата — «Курьер» и «Святой Дух» — были подняты на берег. За десять дней эти суда волоком протащили по так называемой «Государевой дороге» до города Повенца и спустили на воды Онежского озера. Следом за кораблями 160-верстный путь прошли Петр со свитой и сопровождавшая их гвардия. «Государева дорога» — лесная просека с гатями в болотистых местах — имела длину до 160 верст при ширине в три сажени. Была построена в великой спешке летом 1702 г. крестьянами соловецких вотчин под руководством сержанта Преображенского полка Михайлы Щепотева. После 1702 г. на дороге содержанием соловецких же крестьян были учреждены почтовые станции, новопроложенным трактом с Севера в Прибалтику проходили войска и провозились военные грузы. По окончании Северной войны дорога была за ненадобностью заброшена и заросла лесом.

езером Онегом в пределы Великаго Нова града, и оттуда прииде с воинством своим на град Орешек, что ныне переименован в Шлиссельбург. И Божиею помощию, а его, великаго государя, счастием град той взят[7] и победа преславная даровася на шведов» [40, л.23 об.–28 об.]

Меньше чем через год, 16 мая 1703 года на болоте в устье Невы был заложен город-мечта царя Петра – Санкт-Петербург – «северный парадиз», стоивший жизни тысячам русских крестьян и ставший впоследствии столицей Российской Империи.

Интересно, что когда весть о царском посещении дошла до Соловецкого постриженника митрополита Тобольского и всея Сибири Игнатия, он, разделяя радость соловчан, направил им следующее послание: «Многое воздахом благодарение Богу о добром слышании вашего жительства, преподобнаго пребывания, и яко посетил вы есть Господь Бог пришествием пресветлого Монарха, и сие аз слышах, духовне увеселихся, яко не презре Господь Бог трудов преподобных отцев наших Зосимы и Савватия и Германа Соловецких Чудотворцов; сего ради и ваша любовь, благодарни бывайте и о своем спасении не ленитеся, не на тленное богатство и многолюдство обители надеющеся, но в тихости жительства монашеского пребывая, к горней обители друг со другом ретящеся, спасайтеся, по речению Апостольскому: горняя мудрствуйте, а не земная. Понеже Ангельское житие жительствуем, да потщимся и добродетели оная Ангельския просити от Бога, и творити я, яже и небесная дарования именуются, глаголю же: пост, бдение, молитва, и внегда сия небесная дарования от Бога восприимем яве, яко Божиим укреплением, постимся бодростным же бдением в добродетелях, венчаемся Христовою благодатию дарованною же молитвою, помощию Святаго животворящаго Духа добродетели монашества действуем: и дарованием бо поста тело в чистоте сохраняется, бдением же ум наш просвещается, молитвою же ангельски Богу предстоим, славяще Его пресвятое имя, и молящеся спастися нам и избавитися вечныя муки, получити же царство небесное и водворение со преподобными отцы нашими Зосимою и Савватием и Германом Соловецкими и всея вселенныя Чудотворцами» [17, ч.III, с. 237–238].

Соловецкий монастырь пользовался доверием царя Петра: ввиду опасности нападения шведов в 1702 году по Высочайшему повелению в монастырь было прислано 200 пудов пороха. А в Петербург по просьбе государя было отправлено девять живых нерп (тюленей). Благосклонность монарха к обители проявилась, когда в 1704 году первейший чиновник Российской Империи Александр Данилович Меншиков самовольно передал во владение олонецким Алексеевским железным заводам Сумский и Кемский остроги, Нюхоцкую волость со всеми крестьянами и Керетские слюдяные промыслы, принадлежавшие Соловецкому монастырю. По жалобе архимандрита Фирса именным Высочайшим указом все вотчины были возвращены монастырю в 1711 году.

В 1714 году архимандрит Фирс должен был отправиться в Санкт-Петербург по письму того же князя Меншикова, чтобы заключить договор о поставке мона-

[7] 11 октября 1702 г. после двухнедельной артиллерийской бомбардировки и штурма шведский гарнизон Нотебурга капитулировал. Петр переименовал крепость, основанную в XIV веке новгородцами, в Шлиссельбург, что означает по-немецки, – «ключ-город». Весной следующего года этим ключом отомкнули замок, запиравший устье Невы, – взяли шведскую крепость Ниеншанц. Так Россия получила выход в Балтийское море.

стырем соли на Алексеевские железные заводы. Этот договор действовал до 1720 года, пока следующий настоятель не отказался от него, так как вследствие удорожания жизненных потребностей и нехватки дров содержание солеварниц стало нерентабельным для монастыря.

Архимандрит Фирс скончался 5 марта 1718 года в Санкт-Петербурге. Тело его по ходатайству царицы Параскевы Феодоровны, супруги царя Иоанна Алексеевича, по дозволению сената привезено в монастырь и погребено близ соборной церкви с западной стороны. Во время настоятельства архимандрита Фирса Параскева Феодоровна пожаловала ему «архимандричью шапку, украшенную драгоценными каменьями и жемчугом, и покров на раку Святителя Филиппа митрополита Московского черного бархата, низанный жемчугом и мелкими изумрудами» [17, с.230].

Следует отдать должное мудрости архимандрита Фирса, ибо он сумел сохранить внешний авторитет Соловецкого монастыря, внутренний уклад монашеской жизни в обители и ее вотчинное хозяйство в сложнейшее время петровских реформ. Пользуясь расположением государя, настоятель ходатайствовал об отмене многих повинностей, которыми были отягощены другие монастыри. Некоторые противники петровских нововведений оказались в ссылке на Соловках. По делу Григория Талицкого[8] в 1700 году на Соловки были сосланы Тамбовский митрополит Игнатий и священник церкви Распятия Господня в Кремле Иван Иванов. О последнем узнике и пойдет речь в следующем повествовании.

3.2. ПРЕПОДОБНЫЙ ИОВ (В СХИМЕ ИИСУС) – ЦАРСКИЙ ДУХОВНИК И ОСНОВАТЕЛЬ ГОЛГОФО-РАСПЯТСКОГО СКИТА НА АНЗЕРСКОМ ОСТРОВЕ

Мирское имя преподобного Иова – Иоанн Иоаннов – известно благодаря сопроводительной грамоте преосвященного Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важского, архимандриту Фирсу от 14 марта 1701 года[9], с которой он был препровожден на Соловки.

Родился Иоанн в 1635 году в семье московского священнослужителя[10]. По достижении совершеннолетия был рукоположен во иерея. Семьи он не имел, поэтому все силы своей души направлял на служение Богу и своей пастве. Отец Иоанн

---

[8] В 1699 г. Григорий Талицкий распространял в народе письма, в которых Москва именовалась Вавилоном, а царь Петр – антихристом, и призывал к избранию другого царя. Свои писания он читал митрополиту Игнатию, надеясь на его поддержку. Однако митрополит, хотя и разделял воззрения Талицкого, считал бесполезным противодействие Петру. 28 июня 1700 г. Талицкий был схвачен и под пыткой оговорил Игнатия. Немедленной расправе над митрополитом помешало заступничество Патриарха Адриана, и только после его смерти в октябре 1700 г. митрополита Игнатия в присутствии архиереев лишили сана и под мирским именем Ивашки Шангина отправили в ссылку на Соловки.

[9] Порфирий, архим. Священноинок Иов, основатель Голгофо-Распятского скита на Анзерском острове. С-Пб., 1864. С. 48.

[10] В синодике Голгофского скита записан «род священноинока Иова: иеросхимонахов Иосифа, Питирима, священно-иереев Михаила, Григория, схимонахини Евдокии, монахинь Евгении и Марфы».

по возможности ежедневно совершал Божественную Литургию или пел на клиросе. Он водворял мир в домах и скорбящих душах, посещал темницы и творил милостыню.

Его благочестие и добродетели не укрылись от государя Петра Алексеевича, который сделал отца Иоанна своим духовником и духовником всей царской семьи. Однако, когда по наветам недоброжелателей отец Иоанн был оклеветан перед царем и обвинен в причастности к делу «вора» Гришки Талицкого, Петр не поколебался сослать своего 65-летнего духовника в Соловецкий монастырь для пострижения в монахи. Это произошло в 1701 году.

Надо сказать, что всю жизнь отец Иоанн исполнял, кроме священнического, еще и иноческое правило. Он желал монашества, приучал себя к уединению, посту, ночной молитве, но не дерзал сам просить пострижения, ожидая, когда Господь укажет ему место подвига. Поэтому, направляясь в ссылку в Соловецкий монастырь, он радовался, воспевая: «Се удалихся, бегая, и водворихся в пустыни, чаях Бога, спасающаго мя от малодушия и от бури».

13 марта 1701 года отец Иоанн прибыл в Холмогоры. Преосвященный Афанасий, приняв его братски, препроводил в Соловецкий монастырь с грамотой от себя, в которой писал, чтобы священника Иоанна постригли в монашество и отдали в послушание опытному старцу. «И быть ему в монастыре до кончины живота неисходно»[11].

С упованием на Промысл Божий старец Иоанн предстал перед настоятелем обители архимандритом Фирсом, который, видя его духовную опытность, сказал: «Согласно воле государя, надлежит постричь тебя в монашество, что ты сам об этом думаешь?» «Промыслитель Христос Бог, – отвечал старец, – привел меня к твоей святыне, произволяя спастись мне тобою. Поэтому что ты мне недостойному повелишь, то и сотворю», – и поклонился своему новому пастырю. «Благословен Бог, укрепляющий тебя на подвиги; вот для тебя место спасения», – сказал архимандрит. Старец еще раз поклонился архимандриту до земли, прося удостоить пострижения.

Он был пострижен в монашество в соборном храме архимандритом Фирсом, о чем была отправлена в Архангельск к преосвященному Афанасию грамота следующего содержания: «В нынешнем, Государь, 1701 году, апреля 3-го, по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, и по твоей архиерейской грамоте прислан к нам в монастырь распяцкой поп Иван Иванов… и, приняв его в монастыре, мы и постричь, и в подначальство старцу, бывшему келарю Ионе, отдать велели: а монашеское имя ему Иов…»[12].

Предав себя всецело воле своего старца, Иов начал трудиться с твердым желанием угождать во всем Господу Богу, смиренным послушанием изумляя всю братию. Инок, с которым новый труженик жил в одной келии, свидетельствовал, что этот сокровенный раб Христов, кроме хлеба и воды, не вкушал ничего — и братия прозвали блаженного Иова постником. Сперва послали его на послуша-

[11] Порфирий, архим. Указ. соч. С. 48.
[12] Там же, С. 50.

ние в братскую поварню. Он рубил дрова и на старческих раменах носил их по высоким лестницам в поварню. Скоро отец Иов был переведен на послушание в братскую трапезу, где трудился с не меньшим усердием.

Но враг, желающий погибели душ человеческих, не дремал и старался всячески отвлечь избранника Божьего от спасительного пути. Однажды искуситель явился в образе известного Иову в миру врача и говорил как бы с состраданием: «Возлюбленный! Следует тебе поберечь здоровье свое, чтобы, изнуривши плоть трудом и воздержанием, не ослабеть под игом, которое ты взял на себя Христа ради. Бог не желает трудов или поста выше сил, а ищет сердца чистого и смиренного. Ты, при старости своей, работаешь на черноризцев, как купленный раб. Не следует тебе так трудиться и потому, что ты священноинок. Довольно с тебя и того, что, оставив славу и честь в мире, ты пришел в убожество и принял на себя столь тяжкие труды. Удивляюсь, как ты можешь принимать эту суровую пищу. Берегись, чтобы недуги твои не умножились сверх меры, тогда и я не возьмусь помочь тебе, и ты умрешь прежде времени».

«Хорошо не щадить плоти, чтобы она не восставляла брани,— отвечал подвижник мнимому своему знакомцу.— Впрочем, хотя бы плоть и изнемогала, но сила Божия в немощах совершается. Святой апостол сказал более: ***"Недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явитися в нас"***[13]. Пост есть мать целомудрия — ты внимай себе». Услышав такой ответ, враг тотчас исчез.

Через год настоятель и братия обители, признав нового постриженника совершенным монахом, единогласно освободили его от монастырских послушаний и разрешили затвориться в келии. Иеромонах Иов занимался непрестанно Иисусовой молитвой, чтением святого Евангелия, Апостола, Псалтири, житий преподобных Зосимы и Савватия и рукоделием. Пищи он принимал мало — из общей братской трапезы, а особо для себя не готовил ничего.

В 1702 году Петр I посетил Соловецкую обитель и встретил там своего бывшего духовника. Удостоверившись, что отец Иоанн был оклеветан, царь хотел возвратить его в Москву на прежнее служение, но согбенный бременем лет и трудов старец просил позволения остаться на Соловках. Желание еще большего безмолвия совершенно овладело им. В 1702 году, по благословению архимандрита Фирса, он переселился в Анзерский Свято-Троицкий скит. Считая себя среди скитской братии новоначальным, он всем служил и особенно старался помогать немощным. При этом церковных служб и келейного правила никогда не опускал.

В 1703 году скончался анзерский скитоначальник Исаия. Холмогорский архиепископ Варнава, знавший благочестивую и подвижническую жизнь старца Иова, предложил соловецкому архимандриту Фирсу почтить его должностью строителя Анзерского скита. Выслушав от настоятеля волю архипастыря, преподобный Иов из послушания принял это назначение. Вместе с тем старец просил, чтобы его удостоили пострижения в схиму, но в этой просьбе настоятель ему отказал.

---

[13] Это жемчужина, обретенная преподобным Иовом в послании апостола Павла. Если мы запомним, что Господь попускает нам искушения, ради приобретения благодати Святого Духа (хотящей явиться в нас), то сможем сказать лукавым и ропотным помыслам твердое: «Нет». И не потерпим вреда, но только укрепимся от искушения.

Благословляя на должность, архимандрит сказал новому строителю: «Предаю тебе Анзерский скит Святой Троицы, осторожно блюди его: как все устроено, так да и будет, устава церковного не изменяй, но твори все по правилам святых отец». Старец, простившись с архимандритом, отправился опять в скит. Здесь, созвав в соборную церковь братию, скитоначальник Иов с коленопреклонением совершил молебен Святой Троице, затем преподобному Елеазару, как первоначальнику и покровителю скита, а потом, приветствуя братию, предложил им следующее поучение: «Молю вас, братия мои возлюбленные, поспешим к наследию Царства Небесного постом и молитвой. Позаботимся о спасении душ наших, оставим все дурное и путь лукавый: любодеяния, татьбу, клевету, празднословие, ссоры, пьянство, объядение и братоненавидение. Уклонимся и возгнушаемся этим, братия, чтобы не осквернить душ своих, но пойдем по пути Господнему, ведущему нас в Отечество Небесное. Взыщем Бога рыданием и слезами, пощением, бдением, покорностью воле Его и послушанием, да обрящем милость у Господа. Возненавидим прелестный мир, вспоминая слова Господа: "Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и матерь, и жену и чад, и братию и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик" (Лк. 14, 26). Мы, братия, отрекшись мира, отречемся и всех дел его. Как убежим бесконечной муки, проводя жизнь свою в лености? Нам, братия, нарекшимся иноками, прилично каждый день плакать и каяться о грехах своих. Покаяние есть путь, приводящий к Царству Небесному, покаяние есть ключ Царства Небесного, без которого никому нельзя войти туда. Укрепимся на пути Царства Небесного, сюда не приближаются лукавые. Это шествие хотя ныне и прискорбно, но зато после будет радостно».

На новом поприще строитель Иов, вспомянув слова Господни: «Емуже дано будет много, много взыщется от него» (Лк. 12, 48),— усугубил труды и подвиги. Преподобный Иов хотел сохранить память об основателе и о всех благотворителях Анзерского скита. По благословению преподобного Иова его ученик и сподвижник чернец Макарий составил первое житие преподобного Елеазара и вкладную книгу Анзерского скита. Однако Макарий не смог умолчать и о преподобном Иове: «Аз убо, чернец Макарий, аще и многое возбранение себе приях от добраго нашего наставника и блаженнаго отца … иеросхимонаха Иисуса Распяцкаго, или и впредь от него некое запрещение понесу, еже заповеда ми о себе молчати и ничтоже отнюд повеле являти, но некая сила судеб Божиих весма понуждает мя о нем всем на спасение душевное возвещати» [76, с.225].

Прислушаемся к его словам, звучащим как церковный гимн: «И по пророчеству отца нашего и чудотворца преподобнаго Елеазара, воздвиже Христос во храм Свой вящего Ему Своего раба и угодника. И всепречистая Богоматерь и Богородица избра животворящей тайне Сына Своего и Бога истиннаго хранителя – предреченнаго и блаженнаго Иисуса Распяцкаго[14], еже восхотеша прославити им святое их скитское место. И возставиша таковаго благодетеля в последния слабыя человеческия роды всей России во удивительное светило. Нам же, недостойным чадом его, сего преизящнейшего отца на спасения наставление, яко дар освящен, дароваша.

[14] В 1710 году Соловецкий архимандрит Фирс удостоил старца Иова пострижения в схиму с именем Иисуса, в память Иисуса Навина, израильского вождя.

И учиниша его по благодати Своей непоколебима столпа, и скиту строителя, и, яко твердаго адаманта, укрепиша его благочестию ревнителя.

Аз же… аще и не достоин нарещися, но по Церкви Святей сын ему есть и делам его благим самовидец бысть. В нем же Пресвятая Троица жилища Себе сотвори. И не токмо устрои его пустынным монахам кроткого правителя, но паче всех сих убеди его, смиренномудреннаго о душах человеческих всегдашняго молителя, и непрестаннаго в церкви Божией святаго служителя, и… Животворящаго Тела Христова употребителя. И кто не прославит Вседержителя и Господа, видя сего чуднаго мужа, иже пребываяй в телеси своем на земли, яко бесплотный ангел!.. Таковаго страдальца и самовольнаго мученика, иже по евангельскому Господню словеси, "явися соль миру" и столп по его Христову распятому житию.

Преподобный Иов.
Соловецкий патерик. СПб., 1873 г.

Той же благий иеросхимонах Иисус весь страха Божия и Духа Святаго исполнен бысть, и ревностию своею разжеся в Бозе о душах приснопоминаемых за святою божественною проскомидиею, и трудолюбно попечеся изыскати разнесенное, и во едино восхоте собрати расточенное, и богомудренно памятством своим восстави издавна забвенное: ово от олтарных дискосов и священных потирей сребренных, ово от воздвизальных и запрестольных крестов Христовых, от начертанных на них летописей, паче же от подписания святых книг церковных, иже благочестивыя великия государи цари и святейший великий господин Никон Патриарх своею рукою подписывали, и инии раби Божии данныя ими святыя иконы и книги своими руками закрепляху. К тому же от многолетных старец, издревле живущих ту, он, Богоносный Иисус, правым слышанием уверися, что от кого и кия всякия разныя вклады от них во храм Святыя Троицы поданы. И елико от всех сих возмог уведати и со многим тщанием вместе совокупи погибшее, и минувших и настоящих тех боголюбивых вкладчиков имена их в сию книгу вписати повеле, и всегда за здравие их поминати утверди, а отшедшим ко Господу усопшим душам приносимою бескровною жертвою Христовою свободную пользу благоразумно учини, да не вси убо нерадивым небрежением вечныя памяти своея лишени будут. Но аще убо зде в писании сем и умалишася числом, но в книзе жизни небесныя никогда же имена их оскудеют святаго сего поминанием, божественнаго светильника Иисуса» [76, с.227,228].

Братство в скиту незаметно стало умножаться, так что в короткое время собралось до тридцати человек. Новоначальных иноков отец Иов учил смиренному послушанию Богу и начальству, без чего, говорил он, нет спасения, поскольку послушание – первая из всех добродетелей. В ночное время старец имел обычай обходить братские келии, напоминая о ночном бдении. Если слышал кого молящимся, с радостью отходил от келии, а кого заставал в беседе – стукнув в дверь, отходил с печалью в душе и утром призывал того брата и наедине обличал. Скитян, желавших жития еще более уединенного, преподобный Иов благословлял на пустынножительство. Старец часто посещал их, побуждал к иноческим подвигам и давал рукоделие. Обладая даром прозорливости, он иногда обличал пустынножителей в прегрешениях прежде, чем они успевали каяться ему.

Вспомнив однажды, что Господь наш Иисус Христос, умыв на Тайной вечере ноги Своих учеников, сказал им: «И вы творите такожде» (Ин. 13, 15), преподобный Иов начал с горьким рыданием укорять себя: «Окаянный, как высоко возведен ты! Имеешь сугубый сан священнический и строительский, а нет у тебя смирения в подражание Христу Спасителю». С этого времени он стал навещать больных, сам служил им, обмывал и обвязывал своими руками раны, больные части тела мазал святым елеем и нередко исцелял их. Этого подвига любви и заботы о ближних не оставлял он до самой кончины своей.

Иеросхимонах Иисус нередко удалялся на безмолвие в пустынные места, а также ходил к отшельникам для духовной беседы. Так, 18 июня 1712 года, в среду, старец пришел посетить уважаемого им пустынника, иеродиакона Паисия, жившего в четырех верстах от Анзерского скита, при высокой горе, называемой ныне Голгофой. Утрудившись, он остался ночевать в келии отца Паисия. По обычаю своему старец Иисус стал на вечернюю молитву, которую и продолжал до самой полуночи, читая псалмы с коленопреклонением. По молитве он сел и в тонком сне вдруг увидел в келии своей необыкновенный свет и в сиянии небесной славы Пресвятую Богородицу и с Нею преподобного Елеазара Анзерского. В благоговейном страхе, встав с места, он поклонился им до земли. При этом услышал голос Царицы Небесной: «Сия гора наречется вторая Голгофа, на ней будет церковь Распятия Сына Моего и Господа и устроится скит для вселения иноков и тебя с двумя учениками, схимонахом Матфием и монахом Макарием, и скит прозовется Распятским, соберется к тебе множество монахов и прославится имя Божие. Я Сама буду посещать гору и пребуду с вами во веки». С этими словами видение кончилось. Но в то же время послышался с высоты другой голос: «Освяти гору сию Голгофу и водрузи на ней крест!» Благочестивый старец много удивлялся виденному и слышанному и рассказал все иеродиакону Паисию, который все слышанное вырезал на кресте, сделанном руками самого строителя.

29 июня, в праздник святых апостолов Петра и Павла, преподобный Иисус, исполняя волю Божию, с учениками Матфием и Макарием отправился из Анзерского скита на гору Голгофу, там освятил воду, и, окропив ею гору, водрузил приготовленный крест с надписью. «Егда же кропляше гору, исхождаше от горы дым смраден и нечистые духи, яко вранове исхождаху с вопли и гласы». После устроения церкви на Голгофе тот крест некоторое время был запрестольным, а затем находился в стеклянном футляре над гробницей старца Иисуса.

По преданию Пресвятая Богородица неоднократно являлась иеросхимонаху Иисусу во образе Своем Тихвинском. Во вкладной книге Троицкого скита упоминается, что «иеросхимонах Иисус Распяцкий новоявленную ему икону Пресвятыя Богородицы Тихвинския обложил окладом сребреным, венец чеканной, поля басменныя. И сей чудотворный Богоматере образ с Превечным Ея Младенцем, Господем нашим поставил в церкви вкладом быти на аналой всегда и по себе в вечное свое в воспоминание» [29, с.250].

С этого времени строитель начал заботиться об учреждении новой киновии на Голгофской горе. В 1713 году он отправился с учеником своим Макарием к архиепископу Холмогорскому Варнаве просить благословения на устройство церкви и скита на горе Голгофе. Грамотой архипастыря было разрешено устроить скит, с наименованием его Распятским, а горы – Голгофой.

Получив эту грамоту, старец сложил с себя обязанности строителя Свято-Троицкого скита и с несколькими учениками перешел на гору Голгофу, где начал устраивать скит. Вскоре ученики преподобного Иисуса соорудили на Голгофе деревянную церковь, которая была освящена архимандритом Фирсом в честь Распятия Господня, согласно грамоте преосвященного от 15 мая 1715 года.

Петр I, узнав о явлении блаженному старцу Пресвятой Богородицы и об устройстве скита на Голгофе, в знак особого расположения к бывшему духовнику много помог ему. Так, последовало повеление о ежегодном отпуске из архангельских государственных магазинов хлеба для братии Голгофского скита. А в 1714 году, в самом начале устройства скита, от великой княжны Марии Алексеевны поступило пожертвование драгоценной церковной утвари, одежды и книг. Особенно ценным пожертвованием была икона Успения Божией Матери в серебряной ризе с позолоченными полями и в ней вкладной ящик со многими святыми мощами. Царица Параскева Феодоровна (вдовствующая супруга царя Иоанна Алексеевича), пожаловала на строительство церкви сто рублей, князь Меншиков дал сто червонцев.

В 1718 году на новоустроенный скит напали разбойники и увезли с собой церковное и скитское имущество, которое после так и не отыскалось. В этот час скорби блаженный старец безвыходно находился в келии и молился Господу о спасении братии. Разбежавшиеся пустынники опять собрались в скит к своему духовному отцу. Старец упрекнул их в малодушии, и иноки тогда же дали обещание: лучше умереть, а не выходить из скита, какие бы скорби ни последовали.

Все приходящие в скит для подвижнической жизни принимаемы были с любовию, только каждый должен был срубить себе келию для жительства. Так собралось до 20 иноков. Жизнь братии протекала в подвигах духовных и трудах телесных. Сам престарелый строитель, в пример другим, нередко рубил дрова, носил на гору воду для поварни, в пекарне замешивал тесто для хлеба. Однажды, в праздник Успения Божией Матери, пришел к преподобному келарь скита и сказал: «Отче! Некому в поварню воду носить». Старец встал и сам начал носить воду с озера из-под горы, но ученики его, увидев это, выбежали и наносили воды с избытком.

Тот же келарь через некоторое время пришел опять к преподобному с жалобой: «Повели, отче, одному из братии, праздному, приготовить дров для поварни». «Я праздный, пойду и приготовлю»,— отвечал блаженный. А между тем было время

Преподобный Иов. Илл. к житию [4].

обеда. Старец благословил братию идти на трапезу, сам взял топор и начал рубить дрова. По окончании обеда взялась и братия за приготовление дров.

В келье преподобный Иисус постоянно занимался рукоделием. Если случалось выручить за свой труд немного денег, он делил эти деньги на три части: одну – на нужды церковные, другую – на нужды братии и третью – на милостыню нищим. Ничего, кроме некоторых духовных книг, у старца не было. Из одежды он довольствовался только двумя свитками: власяной, жесткой, на теле, и верхней, покрывавшей первую. На укоризны в таком простом образе жизни старец не обращал никакого внимания. Был и такой обычай у старца: если кто из братии подвергался болезни, преподобный, оставив свою келию, приходил к больному и служил ему до тех пор, пока тот не выздоравливал.

Но кто может исчислить все духовные подвиги угодника Божия? Они вполне известны только Господу, для Которого и были совершаемы. На повседневных церковных службах преподобный Иисус присутствовал без упущения, приходя прежде других, а в келейной молитве с коленопреклонением проводил целые ночи. При наступлении святой Четыредесятницы обыкновенно затворялся в келии и, пребывая весь Великий пост в этом уединении, упражнялся в непрестанной молитве. Из этого затвора он выходил не ранее, как перед самым праздником Пасхи.

Для учеников своих преподобный составил скитской устав, в котором особенно замечательно следующее правило: «Если кто соизволит жить со мной и после меня в скиту, то не должен употреблять в пищу: коровьего масла, молока и рыбы, особенно же не пить вина. Общая трапеза должна состоять из огородных овощей, с употреблением в меру постного масла. В келиях собственных вещей не иметь; женского пола не принимать и отроков в послушании не держать. Кроме общего церковного правила, в келиях каждому читать по пяти кафизм из Псалтири, пятьсот молитв Иисусовых и делать триста поклонов».

За богоугодную жизнь преподобный был удостоен особенных откровений. Некоторые ученики его скорбели и роптали из-за того, что трудно было носить на гору воду с озера, отстоявшего от скита за версту. Опасаясь, что после его кончины братия уйдут с горы, старец, став на молитву с вечера, прилежно и со слезами молился до полуночи. Он просил Господа Бога и Пресвятую Богородицу, да изведут источник водный на самой горе на потребу братии. В самую полночь он увидел в

келии своей свет неизреченный: ему явилась Сама Владычица Небесная, сияющая небесной славой паче солнца; при ней преподобный Елеазар Анзерский и два ангела. Старец пал ниц, а Царица Небесная промолвила: «Встань! Услышана твоя молитва, заутра возьми учеников твоих и ископай на горе кладезь, здесь будет вода на потребу тебе и братии». Пречистая указала и самое место, где следовало копать.

Придя в себя, блаженный старец рассказал ученикам о чудесном явлении. С наступлением дня преподобный поспешил с ними пойти на указанное место, начали копать колодец и действительно докопались до изобильного источника воды. Все признали это явление знаком особенного Промысла Божия о ските и радовались, прославляя Бога и Пресвятую Богородицу, воспевая единодушно: «Дивна дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси». Когда же источник был вполне устроен, то старец с братией совершил Божественную литургию и по литургии благодарственный молебен с коленопреклонением, а затем крестный ход на новый источник. По освящении воды в источнике он окропил ею святой храм, братские келии и вершину горы с пением стихиры Святому Духу: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра; и вси вземше крест Твой...» А по окончании священнодействия преподобный утешил своих учеников поучением, приличным случаю. Вот о чем он говорил:

«Не скорбите, братия, не малодушествуйте, но уповайте всегда на Бога. Господь всесильным Своим словом извел из бездны источники воды сладкие для всех живущих на земле верных и неверных. Нас ли, рабов Его, оставит, не пропитает? Вспомним обещание Его: “Мать исчадие свое скорее забудет, нежели Аз вас!”»

Водой из этого источника пользовались жители скита со времени открытия его до 1828 года, когда при постройке новой каменной церкви на горе Голгофе колодец, к сожалению, был засыпан.

Однажды ночью к старцу пробрались воры, не зная, что у него нечего было похищать. Притаившись у келии, они дожидались, чтобы преподобный ушел в церковь к утреннему богослужению. Старец еще не спал и стоял на обычном правиле. Он прозрел их намерение и обратился ко Господу: «Боже, пошли сон рабам Твоим, утрудившимся в суетном угождении врагу». Молитва была услышана, и незваные посетители проспали у келии старца беспросыпно пять дней и пять ночей, пока сам преподобный, пришедши с братией, не разбудил их словами: «Доколе стережете всуе? Подите в домы свои».

Пробудившись, они встали, но идти не могли, потому что немало времени пробыли без пищи. Старец накормил их и отпустил. Услышав впоследствии, что эти люди привлечены к ответственности, он послал просьбу об избавлении их от суда. Сам же поспешил продать последние книги, какие были у него, а деньги раздать нищим – из опасения, чтобы опять кто не впал в подобную беду. Злополучные разбойники, освободившись от суда, пришли в скит и, испросив прощения и благословения у старца, трудились целое лето на пользу братии.

В другое время воры пришли в огород старца за овощами. Наполнив мешки, они закинули их на плечи, чтобы унести, но не могли и сдвинуться с места и так простояли два дня и две ночи неподвижно с тяжелым грузом. Потом начали кричать: «Отче святый, пусти нас с места!» На голос пришли некоторые из братии, но не могли свести их с места. На вопрос иноков: «Когда вы сюда пришли?» – они

отвечали: «Два дня и две ночи стоим здесь». – «Мы всегда ходили сюда, почему же не видели вас?» – «Да и мы, если бы видели вас, давно уже со слезами просили бы прощения у вашего старца». Пришел и сам преподобный и сказал ворам: «Вы всю жизнь, пребывая в праздности, без трудов, крадете чужие труды, поэтому стойте здесь в праздности все годы вашей жизни». Со слезами воры умоляли отпустить их, обещая впредь не делать ничего подобного. Старец сказал: «Если хотите руками трудиться и от труда вашего других питать, то отпущу». Они с клятвой дали обещание исполнить его повеление. Тогда он сказал: «Благословен Бог, укрепляющий вас, потрудитесь год в этой обители на братию». После этого разрешил их от невидимых уз своей молитвой, и они действительно трудились год в скиту.

Один из скитской братии, будучи обуреваем блудной страстью, пришел к преподобному просить помощи с намерением исполнить все, что старец повелит. Старец, научив его воздержанию, прикоснулся своим жезлом к телу брата — тотчас же плотская страсть исчезла, и инок никогда более не страдал ею.

Годы протекали за годами. Угодник Божий, испытавший в своей жизни столько превратностей, приближался к концу своего многотрудного земного поприща. Силы стали оставлять преподобного старца, и заблаговременно начал он готовиться к переселению в жизнь нескончаемую. Теперь он обращал больше внимания на себя, хотя не прекращал обычной заботы и о пользе ближних. Старец часто ходил к изготовленной им самим могиле и над ней, размышляя о смерти и суде Божием, проливал слезы и глубоко вздыхал: «Душе моя, душе моя! Что спиши? Конец приближается, и имаши смутитися».

Господь открыл Своему верному рабу не только приближающуюся кончину, но определил и самый день ее. Блаженный старец задолго до смерти объявил братии, что кончина его последует в воскресный день до восхода солнца.

Лежа на одре болезни, преподобный призвал учеников и сказал им: «Я отхожу от вас к вечной жизни, а вы пребывайте богоугодно, каждый в своей, Богом предизбранной службе, безвыходно из скита, ради любви братской по Бозе».

Вскоре к тяжелой болезни старца присоединилась другая — изнурительная горячка. Изнемогая, он только повторял себе: «Воля Господня да будет о мне, что угодно Господу, да сотворит», – и потом погружался в молитву. Угасающий подвижник три дня и три ночи лежал недвижим, и было едва заметно его дыхание, так что ученики, рыдая, ожидали скорой кончины его.

Но, к общей радости и удивлению, через три дня старцу неожиданно стало легче, он встал с одра и обратился к братии со словами: «Время жизни моей оканчивается, о чем мне и Господь возвестил! Вы изберите среди вас себе наставника вместо меня, я его поставлю и благословлю». Почувствовав облегчение от болезни, преподобный Иисус в последний раз совершил Божественную литургию и причастил братию Святых Христовых Таин. После литургии он опять почувствовал изнеможение и уже больше не вставал. В эти предсмертные минуты он весь исполнен был необыкновенной радости.

Рано утром, призвав к себе учеников, преподобный в последний раз облобызал и благословил каждого. Братия горько рыдали. Простившись со всеми, старец сказал: «Я отхожу ко Владыке моему Господу Иисусу Христу... Заповедаю вам: тела моего по смерти не омывайте, одежду на нем не пере-

меняйте, а в которой теперь нахожусь, в ней положите во гроб, погребение сотворите сами, без мирских людей». Плачущие иноки спросили: «Отче святый, как мы останемся в сиротстве без тебя? Желали бы и мы умереть с тобою, ибо ты нас вел ко Христу за собою, а ныне далеко оставляешь». Старец отвечал: «Утешьтесь, мои возлюбленные, ибо я хотя телом разлучаюсь, но духом пребуду навсегда с вами». И с этими словами отпустил их в келии.

Один из учеников, служивший старцу в болезни, выйдя от преподобного, остановился и не пошел в свою келию. Он тайно, через скважину, посмотрел на больного и увидел, что, проводив из келии иноков, старец встал с одра, преклонился на колена посреди келии и молился со слезами Богу и Пресвятой Богородице, призывая и святых угодников, и в молитве этой часто поминал устроенную им святую киновию и братию. После молитвы он лег на одр и перекрестился. Через несколько минут преподобный опять встал с одра и на коленах молился Господу с воздетыми руками: «Господи Боже мой! Благодарю Тебя, что призрел на смирение мое и сподобил меня скончаться в православной вере в Тебя, в исповедании и в исполнении заповедей Твоих! Приими, Владыко Преблагий, в мире дух мой, а Твоих рабов, которых во едино стадо чрез меня грешнаго собрал, сохрани...»

Непродолжительна была эта молитва добродетельного подвижника, и он лег на одр. В эти минуты лицо его с устремленным к небу взором сияло необъяснимым спокойствием и радостью. Он пребывал уже недвижим в молчании и как будто с кем-то душевно беседовал. Вдруг молчание свое старец прервал восклицанием: «Благословен Бог отец наших! Если так, то уже не боюсь, но в радости отхожу от мира сего!» С этими словами келия озарилась необыкновенным светом, разлилось благоухание и слышны стали голоса, поющие псаломскую песнь: «Яко пройду в место селения дивна, даже до дому Божия, во гласе радования и исповедания шума празднующаго» (Пс. 41, 5). В эту минуту блаженный на одре своем совершенно обратился лицом вверх, ноги простер, руки сложил на персях крестообразно, и душа его отлетела в обители небесные, куда постоянно стремилась во все время своего земного странствования.

Тело почившего положили в деревянную гробницу, на которой сделали надлежащую надпись, а на саму гробницу положили еще доску со словами: «Здесь скончался 1720 года, марта 6 дня, преподобный Иов (в схиме Иисус), строитель прежде бывший Анзерский, а потом Голгофский. В монашество поступил 1701 года. В Анзерский скит перешел на безмолвие 1702 года. Строительство Анзерское принял 1706 года. В схиму постригся в 1710 году. На гору Голгофу пришел жить строителем 1714 года. Показавый образ добродетелей – словом и житием, любовию и духом, верою и чистотою сердечною. 1720 года марта 9 дня погребен здесь».

С самого дня погребения почитатели преподобного во множестве начали отправлять на его могиле панихиды, так что через некоторое время старанием учеников блаженного старца над гробницей была поставлена часовня и на надгробной доске изображен лик преподобного.

В 2000 году преподобный Иов был прославлен Юбилейным Архиерейским собором для общецерковного почитания. Честные мощи его, обретенные 11 июня 2000 года, покоятся ныне в храме в честь Распятия Господня на вершине горы Голгофы.

3.3. АРХИМАНДРИТЫ-ТРУЖЕНИКИ

Преподобным Иовом заключается ряд прославленных (канонизированных) Соловецких святых. Далее приведены жизнеописания подвижников благочестия – незаметных тружеников, чьими усилиями поддерживалась монашеская жизнь в Соловецкой обители в екатерининскую эпоху «просвещения», когда царица в переписке именовала себя «главой Греческой Церкви»[15], а из 953 великорусских монастырей более половины прекратили свое существование.

3 сентября 1720 года в архимандрита Соловецкого монастыря был посвящен Варсонофий, постриженник Соловецкий, из иеромонахов Александро-Невской лавры[16]. В бытность свою настоятелем он дважды – в 1733 и 1735 годах – был членом Святейшего синода, а в 1740 году после двухгодичной череды священнослужения при высочайшем дворе в С.-Петербурге он был хиротонисан в архиепископа Архангелогородского. В Архангельске он и скончался в 1759 году. Современники характеризовали архимандрита Варсонофия как «человека умного и в приморских всех местах известного».

Его преемником на Соловках стал архимандрит Геннадий (Георгий Иванович Дроздовский), сын шляхтича Ивана Иванова из города Мстиславля земли Полоцкой. В Соловецкий монастырь он пришел в 1713 году. Пострижен в монашество был в 1718 году вышеупомянутым архиепископом Варсонофием, когда тот был еще иеромонахом в Соловецком монастыре «между архимандритским приказом того монастыря казначея монаха Германа Скорнякова Писарева»[17].

15 февраля 1741 года иеромонах Геннадий, бывший келарь Соловецкого монастыря, был посвящен в сан архимандрита в Москве Преосвященным Варсонофием. Будучи настоятелем (1741–1761 гг.), он «соблюдал во всем строгий порядок и деятельно заботился об устройстве обители», при нем поступили в монастырь значительные вклады. В архиве Соловецкого монастыря сохранилось множество хозяйственных документов, составленных архимандритом Геннадием для братии на время своих отъездов в зимнее время на материк. Они интересны тем, что дают представление о монастырском укладе первой половины XVIII века, когда Соловецкая обитель уже оправилась после разорения во время смуты и еще не была затронута секуляризацией 1764 года.

24 августа 1761 года архимандритом Геннадием была составлена инструкция монаху Исаакию, назначенному быть келарем. Первым пунктом он писал: «В церковь ходить ко всякому пению не леностно, кроме приключившейся болезни, и в посты исповедываться и причащаться»[18]. Затем следовали пункты, касающиеся наблюдения за братией и трудниками, «чтоб поступали во всем благочинно, не пьянствовали, ссор,

---

[15] Православный собеседник. 1875. Февраль. С. 99.

[16] Высочайшим указом 1715 г. предписано было производить архимандритов в главные монастыри из иеромонахов Александро-Невской лавры, в которой все монашествующие хорошо известны государю.

[17] ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 1422-ОЦ. 1736. Л. 2.

[18] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 3988. Л. 1–5. 1761 г. Публикация: [82, вып. 10, с.72–74].

драк и краж и прочих бесчинств не чинили». О виновных следовало докладывать архимандриту, наказывать же по своему усмотрению трудников, а тем более братию келарь права не имел «опасаясь за то сам штрафования». Келарь считался первым помощником архимандрита, поэтому кроме прямых обязанностей по обеспечению братии съестными припасами он нес ответственность за содержание арестантов соответственно присланным о них указам, «в праздничные дни и в другое свободное время» он сам должен был осматривать амбары, «нет ли какой повреды в кровлях» или «мышами проеденных великих дыр» и «велеть исправлять тот час». Также велено было смотреть, чтобы во всех службах «тунеядцев не было, а все находились при работах». «А ежели чего в сей инструкции не написано, а по усмотрению твоему надлежит оное исправить неотменно и следует к пользе монастыря, то тебе о том докладывать архимандриту для резолюции, не упущая тому удобного времени, понеже всякое дело требует исправления во свое время кое и упустить не должно».

Архимандрит Геннадий потрудился на разных послушаниях в Соловецком монастыре 48 лет, из них 20 – в сане архимандрита, часто «не имея помощника, все собою персонально», поэтому он досконально знал монастырское хозяйство и старался через подробные инструкции передать опыт своим преемникам.

Сам почтенный архимандрит неоднократно просил освободить его от настоятельской должности, ибо от трудов праведных пришел он «в совершенную старость и дряхлость». В 1761 году он был уволен на покой «с полною архимандрической честью» в Архангелогородский монастырь, где и скончался 25 июня 1770 года, а на его место определен из Галицкого Новоезерского Авраамиева монастыря Костромской епархии архимандрит Досифей.

Осенью этого же года новый настоятель был вызван в столицу до весны. По этому случаю им были оставлены подробные «приказы должностным лицам монастыря о деятельности»[19], составленные архимандритом Геннадием 3 октября и подписанные архимандритом Досифеем 19 октября. Старшим заместителем настоятеля оставался казначей иеромонах Иероним, а помощником ему – бывший келарь, именуемый теперь эконом, монах Исаакий. Казначею вменялось в обязанность «на дванадесятые и храмовые праздники, всенощные и литургии отправлять собою персонально и соборне, и первенство иметь на литургиях и на молебнах самому, и без всякой остановки и лености, кроме приключившейся болезни».

Особое внимание велено было обратить на молитву, для чего требовалось, чтобы «синодики были в добром смотрении и порядке, чернения в них никакого отнюдь не было и оные синодики за правым и левым клиросами и в алтаре от определенных синодитчиков чтены б были во свое время, всегда без простою, а ленивых понуждать и по нижеписанному смирять». Предписывалось «в церковь ходить неленостно, братию и клиросных понуждать, чтоб ходили ко всякому пению (кроме болезни), а ленивых штрафовать поклонами до двух раз, а за третие небытие чепью умеренно, а ежели из братии или клиросных явится весма ослушен, такового наказывать в трапезе при собрании братства и то весьма умеренно, и не черезвычайно, а более духом кротости, а в святые посты из братства и отцов духовных все б исповедывались и по достоинству святых тайн приобщались».

[19] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 3989. 3 октября 1761 г. – 31 октября 1761 г. Л. 1–10.

Далее идут 53 пункта о содержании арестантов, о хранении припасов, о достаточной и доброкачественной пище братии, о печении просфор, о выделке кирпича, о ремонте кровель храмов, о ремонте мельницы, о кузнечных работах, об обучении грамоте солдатских детей. Эти же распоряжения дублируются в инструкциях исполнителям: городничему монаху, житенному монаху, кузнечному старосте, нарядчику, учителю, подкеларщику, хлебенному монаху, плотнику и другим. За этими инструкциями видно желание начальствующих сохранить образ монастыря-хозяина, в котором телесные труды во славу Божию являются органичным продолжением церковных и келейных молитв.

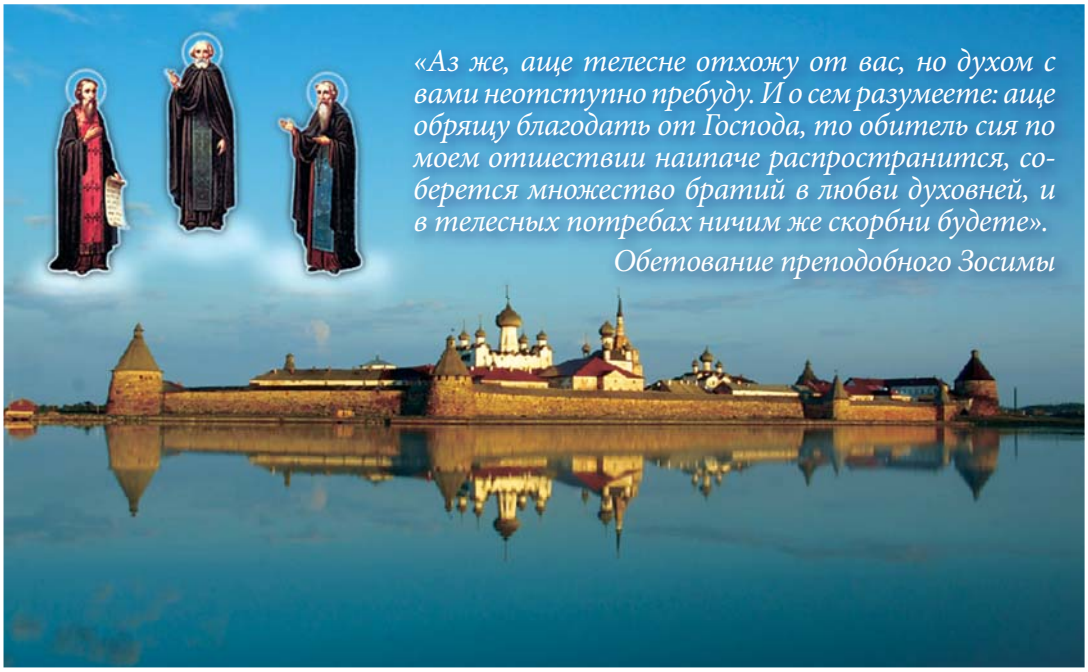
В 1764 году у монастыря были отобраны все вотчины на материке, и обитель оказалась в затруднительном положении. По обычаю, в Соловецкой обители братия и трудники всегда кормились на монастырский счет, а после того как отобраны были имения и деньги, не на что стало купить припасы. Кроме того, монастырь лишился средств, необходимых на ремонт крепости и церковных зданий. Архимандрит Досифей донес об этом Святейшему Синоду, который ходатайствовал перед коллегией экономии либо о возвращении денег, либо о выдаче особой суммы от монарших щедрот. Впоследствии средства были изысканы, и в 1777 году была выстроена новая колокольня и отлиты колокола.

Архимандритом Досифеем были поставлены у мощей преподобных Зосимы и Савватия их иконы в серебряных с позолотой ризах. Для нужд монастыря были построены четыре мореходные ладьи. Архимандрит Досифей преставился ко Господу в Сумском посаде, и, согласно своему завещанию, похоронен в Соловецком монастыре под приделом архангела Михаила. На несохранившейся плите была надпись: «Досифей архимандрит, бывший настоятель Соловецкого монастыря, скончался в 1777 г. Был ревностным попечителем обо всем том, что относилось к пользе обители, и старанием своим поддержал на будущее время древнюю знаменитость сего монастыря».

После Досифея по указу Святейшего Синода в архимандриты был произведен казначей Соловецкого монастыря иеромонах Иероним (Колпаков). Он добился отмены указа Святейшего Правительствующего Синода об обязательном выезде настоятеля на зимнее время из Соловецкаго монастыря в Сумской острог для оперативного исполнения указов правительства и Святейшего Правительствующего Синода. Если до 1765 года отсутствие настоятеля в монастыре в течение большей части года можно было оправдать необходимостью оперативного управления вотчинами, соляными варницами и прочими угодьями, то в 70-е годы XVIII века ему оставалось лишь собирать бумаги, присланные из Синода и других учреждений, ибо для исполнения предписаний необходимо было находиться в самом монастыре. Поэтому архимандрит Иероним просил «отныне впредь от вышепредписанного выезда из монастыря на зимнее пребывание на берег меня милостивно уволить, а повелеть на оные зимние времена оставаться во обители»[20].

Синод слушал его доношение 16 января 1786 года и согласился с тем, что «долг требует и за братиею, служителями и содержащимися в том Соловецком монастыре колодниками иметь прилежное смотрение». Поэтому было принято

[20] РГИА. Ф.796. Оп.46. Д.289. 1765–1787. Л. 30.



Святейший Патриарх Кирилл, священноархимандрит Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального мужского монастыря с братией. 21 августа 2012 г.

ПРП. САВВАТИЙ СО ГЕРМАНОМ, ПРИБЫВ НА ОСТРОВ, ВОДРУЖАЮТ КРЕСТ
ПРЕПОДОБНЫЙ САВВАТИЙ
ПР. ГЕРМАН

Икона Божией Матери «Хлебенная». XIX в.

*Икона «Вселение на остров прпп.
Савватия и Германа в 1429 г.». XIX в.*

Церковь Успения Пресвятой Богородицы с Трапезной палатой

Икона Успения Пресвятой Богородицы

В алтаре Успенской церкви

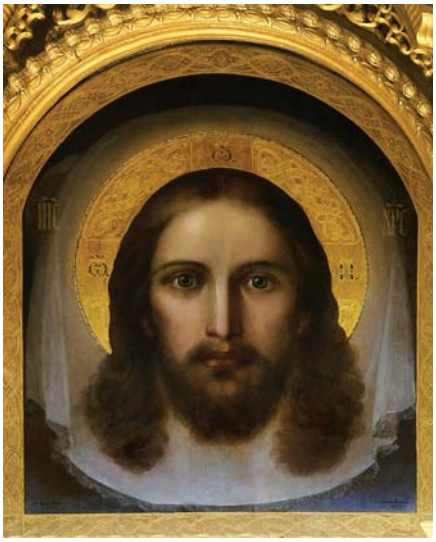
Плащаница Божией Матери на престоле

Чин погребения плащаницы Божией Матери

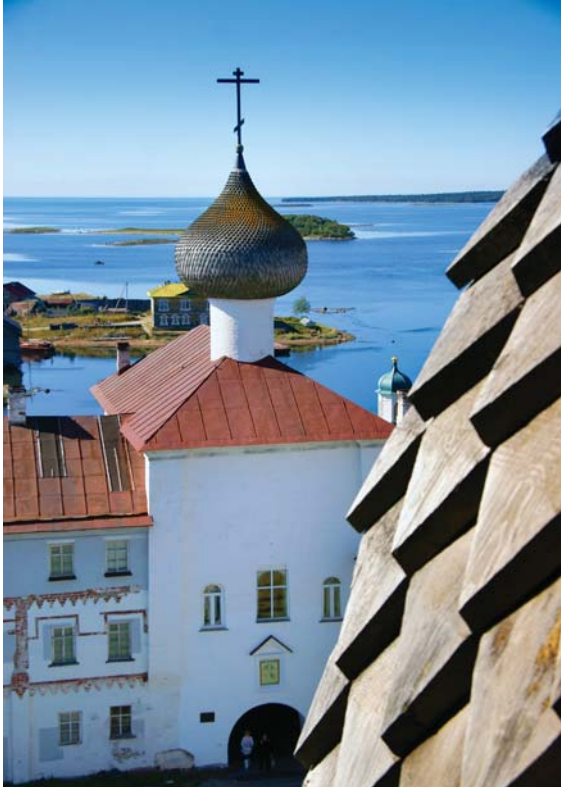
Спасо-Преображенский собор

Патриаршая служба в Спасо-Преображенском соборе

Церковь в честь Благовещения
Пресвятой Богородицы



Образ Спаса Нерукотворного.
Соловецкий монастырь,1892 г.



Алтарь церкви Благовещения

Икона Святителя Филиппа.
Конец XX в.

Икона Пресвятой Богородицы
«Знамение». Начало XXI в.

Храм во имя Святителя Филиппа,
митрополита Московского

«Крестные ходы совершаются для того, чтобы освятить людей и все, что потребно им для жизни, то есть, домы, пути, воды, воздух и самую землю, как попираемую и оскверняемую стопами грешников. Все это для того, чтобы обитаемые грады и веси, и вся страна соделались причастными Божественной благодати, отвергнув от себя все губительное и тлетворное».

Скрижали 245

Раки с мощами прпп. Зосимы, Савватия и Германа, Соловецких Чудотворцев

«Подобает нам веселиться духовно и праздновать светло, взирая на раки и мощи преподобных отец наших... Кто когда просил чего полезного у честных мощей их – и не был услышан? Или кто призывал с верою святое их имя – и не был избавлен от язвы душевной и болезни телесной? Это пастыри и учители наши, это стена нам и ограждение, похвала великая и к Богу дерзновение...»

Слово похвальное на перенесение мощей 8/21 августа 1566 г.

По традиции, при постриге насельники монастыря нарекаются в честь Соловецких Святых

Игумен Зосима

Игумен Савватий

Архимандрит Герман

Соловецкая крепость

решение «архимандрита по прописанным от него обстоятельствам от выезда на зимнее время на берег в Сумской острог уволить и пребывание всегдашнее в монастыре иметь ему и будущим архимандритам дозволить, а … для принятия и собрания присылаемых из Святейшаго Синода в оный Соловецкий монастырь указов и из протчих команд пакетов, то для онаго определить из монашествующих или из служителей человека надежнаго»[21].

При архимандрите Иерониме были сделаны чертежи и отремонтирована крепостная стена, а в 1781 году воинская команда, бывшая на монастырском содержании, перешла в ведение военного начальства. В 1788–1790 годах по инициативе настоятеля и за его счет была построена мореходная ладья во имя преподобного Зосимы. В 1793 архимандрит Иероним был по старческой немощи уволен на покой и скончался в Онежском Крестном монастыре в 1804 году.

В 1793 году митрополит Новгородский Гавриил, желая обновить и укрепить иночество в России с помощью учеников знаменитого старца Паисия (Величковского) Молдавского, решил послать настоятелем в Соловецкий монастырь близко известного ему игумена Герасима (Ионина), который был пострижеником старца, а в то время исполнял должность наместника Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры.

Архимандрит Герасим ревностно взялся за возобновление древнего общежительного устава монастыря, то есть, понуждал братию во всем подражать прежним святым отцам, которые молитвой, трудом, кротостью, смирением и нестяжанием угодили Богу и преподали последующим инокам пример. В частности, был отменен указ о разделе между братией остаточных годовых доходов. Однако введение более строгого порядка вызвало недовольство и жалобы братии. В 1796 году архимандрит Герасим был по болезни уволен от настоятельства на покой.

Его сменил архимандрит Иона, взятый из наместников Александро-Невской Лавры, прежде бывший игуменом Новгородского Клопского монастыря. Он был ревностнейший строитель обители. При нем велось большое строительство новых и благоустройство старых построек в монастыре и скитах: в Спасо-Преображенском соборе пол был выстлан каменными плитами, с южной стороны от собора была выстроена больничная церковь святителя Филиппа, старая иконописная палата была перестроена под казарму для размещения воинской стражи и арестантов, закончено строительство судовой верфи, отремонтированы двухэтажные каменные келии настоятельские, наместнические, ризничные, казначейские, иконописные и т. д.

Добродетельный архимандрит всегда довольствовался пищей за общим братским столом, все собственные денежные средства «на благоугодные подаяния истощал», в том числе и на вклады в Соловецкую обитель, одежду носил самую скромную и «в малом числе».

После его кончины оказалось, что все его имение составляли несколько серебряных чарочек и ложек да две шубы [85, вып. 8, с.157–159]. Он был погребен в монастыре под аркой с северной стороны Преображенского собора, при входе у лестницы в Зосимо-Савватьевскую церковь. На несохранившейся плите была

[21] Там же. Л. 32-32об.

надпись: «Иона, архимандрит Соловецкого монастыря † 28 апреля 1805 года на 61 г., настоятелем был 9 лет 10 месяцев 20 дней» (1796–1805 гг.).

8 сентября 1805 года настоятелем Соловецкой обители стал казначей Александро-Невской Лавры Иларион Каноникин. Судя по описи привезенной им личной библиотеки, состоявшей из 88 томов, он был человеком образованным, интересовался российской и зарубежной историей и философией. Он много заботился о нравственном благоустройстве обители и распорядился, чтобы все иеромонахи, иеродьяконы, монахи и послушники всегда ходили к ранней обедне и пели на клиросе или помогали в чтении Псалтири, Апостола и поучений, а также не оставляли вечернего правила, которое читалось ежедневно в соборе определенными чтецами.

Во время войны в 1809 году монастырь пожертвовал на государственные нужды 5000 рублей и 2 пуда серебра. В том же году архимандрит Иларион был спасен от потопления в море вблизи Кирилловской губы Анзерского острова молитвами преподобных Зосимы и Савватия. Скончался в монастыре и погребен слева от лестницы в Спасо-Преображенский собор. На несохранившейся плите была надпись: «Здесь погребено тело в Бозе почившего архимандрита 16-го Илариона II (Каноникина), скончался 1813 года июня 4 дня, в среду настоятелем был в этой обители 8 лет».

На его место переведен из Новгородского Устюженского Моденского монастыря архимандрит Паисий II. При нем в 1814 году была выведена из монастыря воинская артиллерийская команда со всеми годными орудиями, ибо, казалось, что обитель потеряла свое военно-стратегическое значение. Для сохранения сведений о прежних достопамятных событиях был издан «Соловецкий летописец».

Надгробная плита архимандрита Паисия

Тщанием архимандрита Паисия придел преподобных Зосимы и Савватия был расширен в восточную сторону и для этой церкви сделана серебряная дарохранительница. В 1818 году архимандрит Паисий был уволен на покой. Скончался он в монастыре и был похоронен на монастырском кладбище. На плите, сохранившейся до нашего времени, надпись: «Паисий, архимандрит, бывший настоятель Соловецкого монастыря † 4 дек. 1825, настоятелем был 7 лет. На терниях мира сего скончавшемуся даждь на цветах царствия Твоего пробудиться ему, Господи. Положил плиту архимандрит Александр».

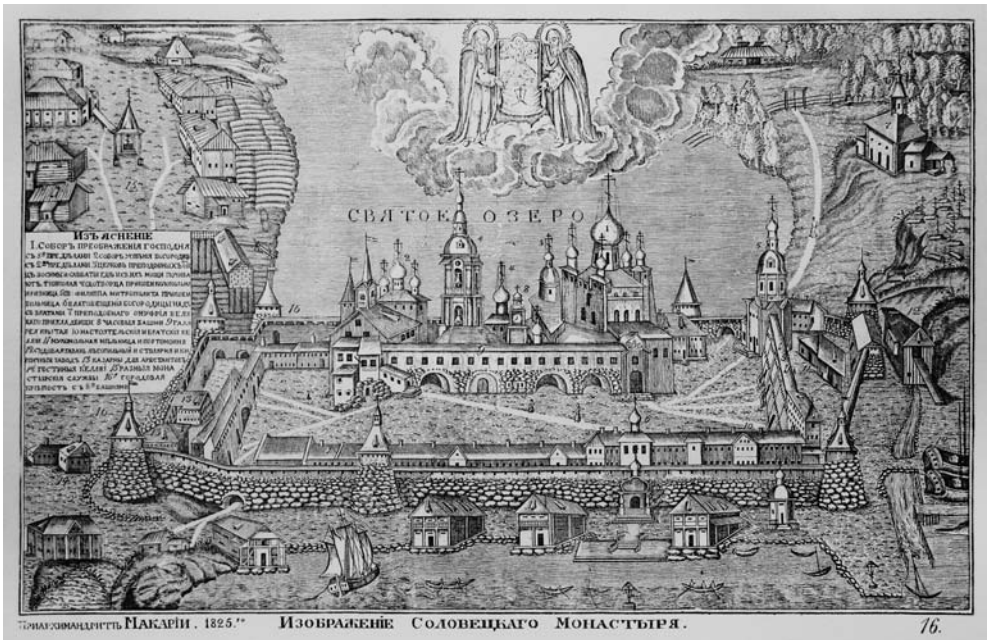
3.4. АРХИМАНДРИТ МАКАРИЙ – ПУСТЫННИК И ДОБРЫЙ НАСТАВНИК

Архимандрит Макарий прибыл на Соловки в 1819 году, в 52-летнем возрасте. Его духовной родиной был Валаамский монастырь, куда он поступил в юном возрасте и где принял монашеский постриг в 1798 году. Там же он вскоре удостоился и священнического рукоположения.

На Валааме он жил в уединении, поэтому и на Соловках выстроил на собственные деньги пустынь на берегу озера Нижний Перт, которая и носит его имя. Когда дела не задерживали его в обители, он удалялся в пустыньку для безмолвия. Когда он возвращался в обитель, братия бежала встречать его к Святым вратам: принять благословение и слышать его ласковое назидательное слово[22]. Он ездил скромно, на одной лошадке.

Архимандрит Макарий выстроил каменную церковь во имя преподобного Онуфрия Великого на братском кладбище, улучшил экономическое состояние обители и первый на запас стал копить и класть деньги в банк. Великий труженик на ниве Господней, он отличался смирением и кротостью.

Литография с видом Соловецкого монастыря, изданная при архимандрите Макарии в 1825 г.



[22] По мнению П. Ф. Федорова, «за XIX столетие (до 1889 года) из 15 настоятелей только о троих сохранилась добрая память среди Соловецкой братии: о Макарии, Димитрии и Порфирии. О прочих настоятелях добрых воспоминаний не осталось: ихняя деятельность омрачена каким-либо их недостатком» [91, с. 301].

Надгробная плита архимандрита Макария

Архимандрит Макарий благословил открыть сбор средств в пользу православных братьев-греков. Его усердием было издано в Москве первое сочинение, в котором излагалась история обители до первой четверти XIX века, — «Описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря». Однако его настоятельство было недолгим. В 1824 году он заболел и, предчувствуя приближение кончины, пожелал проститься с Валаамской обителью. Архимандрит Макарий обратился в Синод с просьбой о пятимесячном отпуске «для изъяснения личных духовных нужд Преосвященному Серафиму, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому, а также для окончательного свидания со старцами Валаамского монастыря» [85, вып. 8, с.161]. Прежде чем было дано разрешение об отпуске, архимандрит Макарий отошел ко Господу.

Согласно его желанию он был похоронен близ алтаря построенной им церкви преподобного Онуфрия Великого с левой стороны. Сохранилась надгробная плита с надписью: «Здесь погребено тело в Бозе почившаго Архимандрита 18-го Макария 2-го, скончавшагося 1825 года ноября 22 в субботу. Настоятелем был в этой обители 6 лет. Идеже лики Святых, тамо вчини, Владыко многомилостиве, душу раба твоего Макария, послужившего Тебе всем сердцем. Аминь. 22 ноября 1854 года. Архим. Александр».

3.5. ПУСТЫННИК ФЕОФАН – ХРИСТОЛЮБЕЦ

При самом начале управления архимандрита Макария скончался в монастыре пустынник Феофан (Пантелеев). Родился он около 1744 года в семье малороссийских земледельцев. В двенадцать лет по смерти родителей остался сиротой, причем на его попечении оказались малолетние брат и сестра. Ради пропитания Феофан занимался крестьянским хозяйством.

Однажды, когда он трудился в поле, божественный свет озарил его душу и, увлекаемый любовию ко Христу, он тотчас распряг своих волов, оставил землю, плуг и, даже не простившись с братом и сестрой, пошел в Киево-Печерскую лавру. Там шестнадцатилетний юноша был принят в число послушников и в разных трудах провел семнадцать лет.

Наставником его в иноческой жизни стал подвижник Досифей, к которому он был определен келейником. Затворник Досифей более двадцати лет не покидал

своей келии и никого не принимал к себе. Получить от него благословение или наставление можно было только через окно его келии. Обладая даром слова в сочетании с прозорливостию, он обличал тайные прегрешения и побуждал к покаянию, предостерегая от будущих бед и искушений. Замечали, что когда он давал просфору или жезл, то этим означалось выздоровление и благоденствие, а когда ладан, то этим предвещалась смерть.

Однажды Феофан спросил у своего старца благословение на паломничество в святые места Палестины, связанные с событиями земной жизни Господа Иисуса Христа. Однако Досифей ответил: «нет тебе пути ни в Иерусалим, ни в Святую Гору; тебе предлежит в свое время другой путь; а теперь, если желаешь, ступай в Молдавию; это будет тебе на пользу». Он велел Феофану отыскать на Подоле[23] двух молдавских иноков и привести их к нему. Одним из этих иноков был Софроний, друг и сопостник великого Паисия Величковского, бывший после архимандритом. Его-то и попросил Досифей взять с собой Феофана.

Молдавские иноки охотно согласились, и втроем они отправились в нелегкий путь. Потерпев лишения от турок и дорожных трудностей, Феофан стал сожалеть о том, что покинул Киев. Провидя это, близ Нямецкой обители встретил путников сам Паисий и приветствовал Феофана следующими словами: «Чадо Феофане! не вотще бысть к нам путь твой; он уготовил тебе мзду свою».

С любовью принятый, Феофан сначала жил в Нямецком монастыре, потом посещал другие обители, знакомясь с уставами, нравами и обычаями иноческого жития в них. Пример жизни этих иноков оказался весьма поучительным. Нестяжание их было полное: в келиях не было ничего, кроме икон, книг и орудий для рукоделья. Иноки отличались смирением, устранялись гордости и тщеславия. Ненависти и взаимных обид они не знали: если случалось кому-то, по неосторожности или горячности, оскорбить брата, оба спешили примириться. Кто не хотел простить согрешившего брата, был изгоняем из монастыря. Походка у иноков была скромная и благочинная: глаза опущены в землю; при встрече один другого предупреждал поклоном; в церкви стояли на назначенном для каждого месте; празднословия не допускали не только в церкви, но и в монастыре. Со старцем Паисием жило тогда до семисот братий, и когда они собирались на послушание по сто человек и более, то один из них читал книгу или рассказывал какую-либо душеполезную повесть. Если же кто начинал праздный разговор, немедленно его останавливали. В келиях одни писали книги, другие пряли шерсть, иные шили клобуки и камилавки, выделывали ложки, кресты, или занимались разными рукоделиями. Все были под надзором духовников и наставников; никто самовольно не дерзал даже съесть какой-либо плод, которых так много в той стране; только с благословением и все вместе они вкушали пищу во славу Божию.

По сердцу пришлась Феофану эта жизнь, и он просил Паисия оставить его в Молдавии. Однако старец отправил его в Киев к Досифею, чтобы послужить ему до кончины, и велел затем идти спасаться, куда он укажет. Напутствуя Феофана благословением, он прибавил: «Чадо, Бог и Пречистая да соблюдут тебя на всяком пути; верую, что Бог не даст тебе искуситься более меры и сподобит части избранных Своих,

[23] Район г. Киева.

ради молитвы преподобных отец Антония и Феодосия, Печерских чудотворцев, и старца твоего Досифея; да будет на тебе от нашего смирения благословение Божие. Скажи благоговейному старцу твоему благодарность и не забывай наше убожество».

Снабженный на дорогу всем необходимым, Феофан благополучно прибыл в Киев в Китаевскую пустынь, где Досифей проводил последние годы своей жизни. Почувствовав приближение кончины, пустынник сказал своему ученику: «Возлюбленное чадо мое, ты много послужил мне; теперь я отхожу в путь отцев моих; когда погребешь меня, не оставайся здесь, но иди на север: там в обители Соловецкой ты найдешь спасение». Феофан отвечал: «Отче, я обещался проводить жизнь при пещерах преподобных Антония и Феодосия». «Чадо, – сказал старец, – пред Богом равны здесь Антоний и Феодосий, там Зосима и Савватий; они имеют у Бога одинаковую благодать ходатайствовать о духовных чадах своих. Вижу, что Божественный промысл указует тебе место на север, и верую, что строит все по желанию твоему, на пользу и спасение души твоей, и поможет тебе понести скорби пустынного жития. Не противься определению Вышнего; но пребывая там, внимай себе, и блюдись от лютого зверя, ищущего поглотить тебя. Если же и найдет искушение, не унывай, но мужественно старайся исправить себя».

Таково было предсмертное наставление Досифея своему ученику. После 30-летнего затворничества он скончался в 1778 году, будучи 52 лет от рождения. Впоследствии выяснилось, что под именем затворника Досифея скрывалась девица Дария из рода рязанских дворян Тяпиных. С двух до девяти лет ее воспитывала в своей келии бабушка – монахиня московского Вознесенского монастыря Порфирия. Когда она приняла схиму, Дария вернулась домой, но по характеру осталась монахиней: совершенно отказывалась от еды в среду и пятницу, а в другие дни употребляла только постную пищу без мяса, молока и яиц; избегала она и всякого общения с людьми. Наконец, в 15-летнем возрасте, отправившись на прогулку с сестрами, скрылась. Поиски, предпринятые родителями, остались без результата. Через три года сестра Дарии с матерью, отправившись в лавру преподобного Сергия, обратила внимание на молодого монаха, зажигавшего свечи, черты лица которого удивительно напоминали Дарию. Сестра пыталась через иеромонаха обратиться к этому иноку, но он тут же покинул обитель. Спустя двадцать лет эта сестра посетила в Киеве затворника Досифея и получила от него совет не искать, если кто из родных скрылся ради Господа. Лица затворника сестра не видела, а когда в другой раз прибыла в Киев, Досифея уже не было в живых.

Инок Феофан вопреки совету старца пожелал остаться в Киеве. Сначала он ископал себе пещеру, но ему не дозволили поселиться в ней; потом он удалился в пустынь рядом с лаврой, но и оттуда его изгнали. Тогда пришлось Феофану послушаться старца и отправиться на Соловки. Он был принят в обитель при архимандрите Иерониме и назначен на послушание в просфорню. Там уже трудился инок Климент, проводивший подвижническую жизнь. Он так говорил телу своему: «я смиряю тебя сухоядением, алчбою и жаждою, чтобы ты было покорно и удобнее текло своим путем, неся возложенное иго».

Феофан расспрашивал Климента о прежде бывших пустынножителях Соловецких, чьи имена ведал только Бог, как они жили в алчбе и жажде, питаясь мхом и ягодами, терпели лютый мороз и молитвой мужественно преодолевали

страхования вражии. Сам Климент, также желая безмолвного жития, испросил у своего старца благословения идти в пустыню. Старец, по испытании, видя его непреклонное желание и зная его терпение, с молитвою отпустил его в уединение. В труднодоступном месте посреди острова Климент нашел под горой удобное место и, выкопав пещеру, начал жить в посте и молитве.

Феофан заботился о нем, доставляя ему необходимое. Но скоро один из монастырских служителей донес о местопребывании пустынника архимандриту Иерониму. Настоятель распорядился привести его в монастырь и возвратить в просфорню. Но любитель безмолвия с наступлением весны опять ушел в пустыню по благословению своего старца. Феофан сначала скорбел, потеряв своего друга, а потом и сам тайно ушел из монастыря. Не найдя Климента, он в десяти верстах от монастыря близ Ягодного озера устроил себе землянку для жительства. Ночью он пел Псалтирь и клал поклоны, а днем занимался трудами и собирал мох и корни для пищи. Душа его ликовала в пустыне. По диавольскому наваждению Феофану являлись то дикие звери, то множество хищных птиц, то конное войско врагов, иногда он даже страдал от биения. Тогда он повергался пред Богом, прося помощи и заступления, и Господь спасал его.

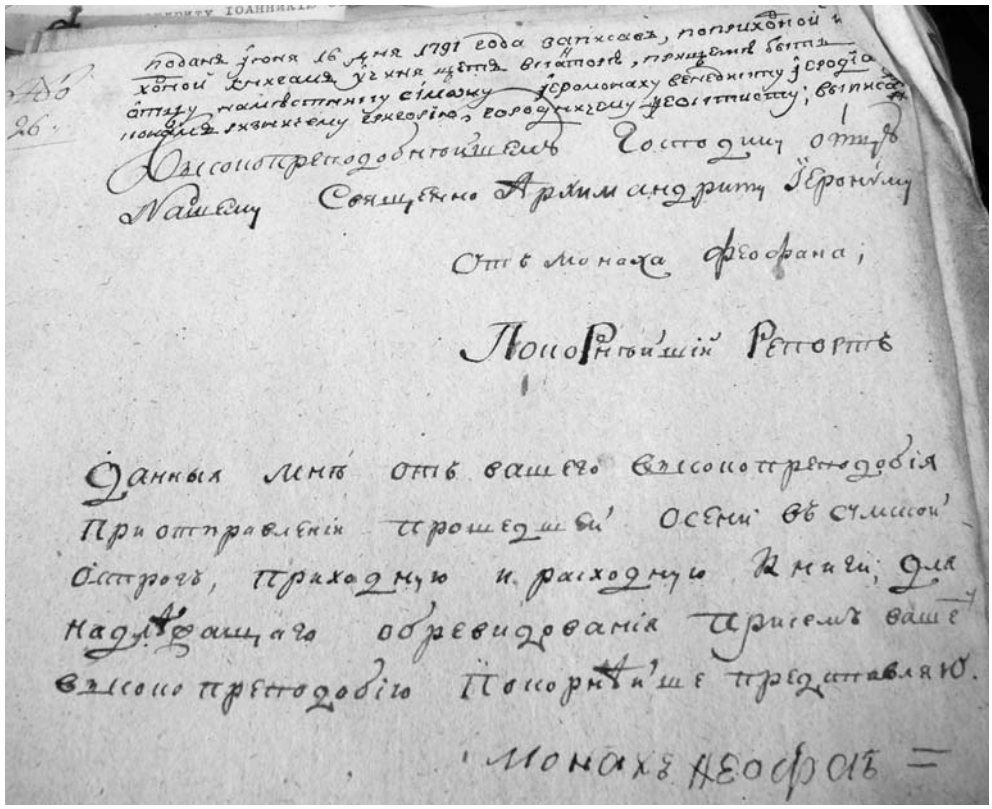
В надежде отыскать Климента или других отшельников Феофан обходил соседние горы и болота. Однажды он набрел на келию двух пустынников, в которой они обитали в течение семи лет: встав в полночь, один делал поклоны, а другой, воздев руки, молился о себе и о брате, потом первый вставал на его место, а второй брат творил поклоны. В другой раз он встретил посланных отыскивать его самого и с ними вернулся в монастырь.

Вскоре Феофан был послан в Суму для надзора за Соловецким подворьем. В монастырском архиве сохранилась «Приходная и расходная книги денег в Сумском остроге монаха Феофана и доношение его властям. 15 октября 1790 – 16 июня 1791 г.»[24] На титульном листе надпись делопроизводителя: «Высокопреосвященнейшему Господину отцу нашему Священно Архимандриту Иерониму от монаха Феофана покорнейший репорт. Данных мне от вашего высокопреподобия при отправлении прошедшей осению в Сумской острог приходную и расходную книги для надлежащего обревизования при сем вашему высокопреподобию покорнейше представляю». Подпись «монах Феофан» сделана его рукой.

В летнее время в 1790–1792 годах монах Феофан занимался также закупками припасов для монастыря в Архангельске [82, вып. 2, с. 31]. Из «покорнейшего репорта» монаха Феофана архимандриту Иерониму следует, что 20 августа 1790 года вместе с припасами (рожь, ячмень, овес, солод, мука, крупы, воск, масло, железо пенька и т. д.) на судно «Преподобный Зосима» ввиду войны со Швецией было погружено по приказу губернатора 50 бочек пороха весом 150 пудов. Монах Феофан просил «его превосходительство, чтоб нас от оной возки избавить, но он мне сказал… что непременно оной порох для монастыря надобен»[25].

Судя по «покорнейшему репорту» от 20 июля 1791 года[26], монах Феофан был человеком грамотным, основательным, хорошо ориентировался в ценах и каче-

[24] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5488. 1791.
[25] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5448. 1790. Л. 231 об.
[26] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5490. 1791. Л. 143–145 об.



Автограф монаха Феофана

стве закупаемых припасов и всячески старался сократить расходы Святой обители. Видно, что он был человеком ответственным и инициативным: описывая свои сделки, он предлагал и обосновывал свои решения, но в то же время спрашивал совета и благословения настоятеля: «как Вам разсудится». Хотя послушник-письмоводитель, бывший при корабле, пожаловался на него, что он «кушаньем кормит самым худым сухарями с квасом, а иногда и кашицей жиденькой» и что «отец Феофан чрез свое упрямство и несогласие сим летом в закупке великой убыток сделал»[27], он еще два года занимался закупками, пользуясь полным доверием настоятеля. А преемник Иеронима, архимандрит Герасим, назначил его экономом обители.

Время было для монастыря трудное: количество братии сократилось до 26 человек, на Анзер иногда посылался для служения иеромонах из числа проживавших в обители[28]. Возможно, поэтому Феофан и трудился в поте лица ради поддержания монастырского хозяйства до тех пор, пока звонарь обители не передал ему приветствие от Климента. «Разве он жив еще?» – с некоторым страхом спро-

[27] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5448. 1790. Л. 222 об.
[28] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5495. 1791. Л. 7.

сил Феофан. «Жив», – отвечал звонарь, и рассказал ему о встрече с Климентом. Будучи в Анзерском скиту и посетив Голгофскую гору, звонарь на обратном пути свернул с дороги, собирая ягоды, и сбился с пути. Два дня он блуждал по острову, а на третий – увидел дым над горой. Направившись к горе, он обнаружил малую келию, в которую и вошел, сотворив молитву. Молившийся в келии пустынник узнал в звонаре давнего знакомого и сказал, что он Климент, сотрудник Феофана в просфорне.

На вопрос звонаря, как он попал сюда и как жил все это время, Климент поведал: «Выйдя из монастыря, я пошел к морю; здесь на берегу нашел три бревна, сделал плот, и на нем пустился в море, взывая: "Господи Иисусе Христе, Боже мой! Ты ведаешь мое намерение; желая служить Тебе единому, бегаю людей. Если Тебе угодно спасти мою душу на этом острове: удержи меня здесь; а если предназначил мне иное место, веди туда. Молю Тебя, Владыко, не лиши меня Твоего Промысла; но да будет во всем Твоя святая воля". Молясь так, я начал удаляться от берега, гребя попавшимся деревом; подул попутный ветер, и я скоро пристал к Анзерскому острову. Отыскивая место, удобное для жительства, я пришел сюда, выстроил здесь хижину и шестой год в безмолвии работаю Богу». «Скажи, чем ты питаешься, – спросил звонарь, – и не беспокоят ли тебя нечистые духи?» Пустынник указал ему на корень одного растения, из которого приготовлял себе пищу, а о бесовских нападениях рассказывал, что, в начале своего прибытия на остров, он много терпел от нечистых духов. Иногда они приходили в виде рыболовов и гнали пустынника прочь, иногда в виде диких зверей устремлялись на него, готовясь как бы растерзать. «Но скажи, – спросил пустынник, – жив ли мой отец Феофан и что с ним?» «Жив, и теперь закупщик», – отвечал звонарь. Услышав это, Климент ударил себя в грудь, упал на землю и, рыдая, говорил: «Увы мне грешному! Слышу не то, что хотел бы; скажи ему, Господа ради, что он погибает; передай ему скорбь мою. Где его прежняя подвижническая жизнь? Где ревность к добродетели и желание пустынной жизни? Находясь среди мира и его соблазнов, он более и более погрязает в житейских заботах. Вот те три пустынника, которых видел казначей Иоанн, совершили свой подвиг и с миром скончались о Господе, и я похоронил их своими руками». В беседе с Климентом звонарь провел всю ночь, а утром, испросил у пустынника благословение и, узнав дорогу в скит, возвратился домой.

Рассказ звонаря глубоко потряс Феофана. Друг его подвизается, а он погружен в житейские попечения и не имеет времени подумать о душе. Чувство скорби и покаяния объяло его сердце, и он решился изменить свою жизнь. Обстоятельства его побега из монастыря изложены в рапорте архимандрита Герасима в Синод: «Находящийся … в штатном числе братства монах Феофан, взявши у меня 14-го дня минувшего мая дозволение отлучиться в отстоящую от монастыря на семнадцать верст часовню, называемую Сосновскою, для поклонения по усердию его Святым в ней иконам и молитвы, ушел туда на другой день в утреннее время; но как во весь сей день, так и в минувшие за сим еще два дня не возвращался в монастырь обратно, то по сему сумнению, отперши я его Феофанову келию, усмотрел лежащие на столе ключи, служащие к отмыканию названной Сосновской часовни, и еще некоторую бумагу, писанную его собственной рукою, которые вещи, как

и не оказавшееся в келии его платье, уверили подлинно, что оный монах Феофан под видом такового действия умыслив намерение свое исполнить, учинил из монастыря здешнего неведомую никому и куда утечку»[29].

Как рассказывал сам отец Феофан, присланный из Петербурга архимандрит Герасим ревностно взялся наводить порядок в обители и делал ему строгие внушения. Будучи нарядчиком (организатором) монастырских работ, Феофан оказался промежуточным звеном между взаимно недовольными настоятелем и братией. Желая сохранить мир в душе, он взял малый карбас, хлеба и пустился в море. Неожиданно разыгрался шторм, и перед лицом смертной опасности Феофан воззвал: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня! Ты ведаешь, что я вдался волнам этим ради Тебя. Молю Твое милосердие, дай мне время на покаяние; ибо вижу, что волны готовы поглотить меня, бездна водная да не сведет в ад душу мою, не готовую предстать на страшный суд». Из-за сильного волнения невозможно было ни поднять парус, ни грести веслами. Феофану оставалось только лежать посреди лодки, пока через десять дней волны не вынесли ее на Кемский берег. Благодаря Бога за избавление от гибели, Феофан устремился в лес и поселился в хижине, которую ему указал один местный житель.

Господь попускал ему скорби и искушения, чтобы очистить его душу, научить отвергать свою волю и покоряться воле Божией, укрепить его решимость к подвижничеству. Скоро Феофана обнаружили в хижине, привели в Кемь и заключили под стражу, намереваясь при случае отправить в Соловецкий монастырь. Выждав момент, когда сторож задремал, Феофан освободился из заключения и побежал в лес. Встретив людей, он просил их указать ему такое пустынное место, где бы никто его не нашел. Сжалившись над ним, они дали ему ветхую одежду и пищу и отвезли верст на 30 вверх по реке, где и указали ему шалаш звероловов.

Однако поморские звероловы, встретив Феофана, узнали в нем бывшего Соловецкого закупщика. Они подумали, что он бежал из монастыря с деньгами и хотели отнять у него предполагаемое богатство. Когда Феофан стал уверять, что денег у него нет, звероловы сожгли его келию, били его, пытали на огне; потом, привязав веревкой, протаскивали Феофана подо льдом на озере из одной проруби в другую, и грозили или отвезти его в монастырь, или совсем утопить в озере. Не добившись желаемого, они оставили пустынника полумертвым.

Придя в себя, Феофан благодарил Бога за перенесенные страдания, признавая себя достойным и большего наказания за свои грехи. Увидев хижину свою сожженной, хлебный запас и рабочие орудия, данные от христолюбцев, разграбленными, он слезно молился Богу: «Ты зришь, Господи, страдания мои, видишь беду мою: я не имею чем питаться и прикрыть наготу мою; молю Твое милосердие, помоги мне. Я умру здесь, если есть на то воля Божия; но Господь силен укрепить немощь мою».

Оправившись, он пошел на другое место, достал огня, собрал дров, и с великим трудом выкопал себе пещеру. Не имея ни хлеба, ни орудия для копания каких-нибудь корней, он собирал гнилое дерево и мох, варил их в воде в берестяной

[29] РГИА. Ф.796. Оп. 76. Д. 290. 1795. Копию этого документа любезно предоставил сотрудник СГИАПМЗ О. Г. Волков.

посуде, и так питался. Впоследствии он рассказывал, что сильный голод заставлял его употреблять такую пищу, но желудок отказывался принимать ее. Когда он проглатывал ее, то чувствовал тяжкую боль, так что много раз падал на землю и, прощаясь с жизнью, говорил: «Господи, приими в мире дух мой». Потом, ощущая в себе некоторую теплоту, вставал и просил Бога об укреплении своей немощи.

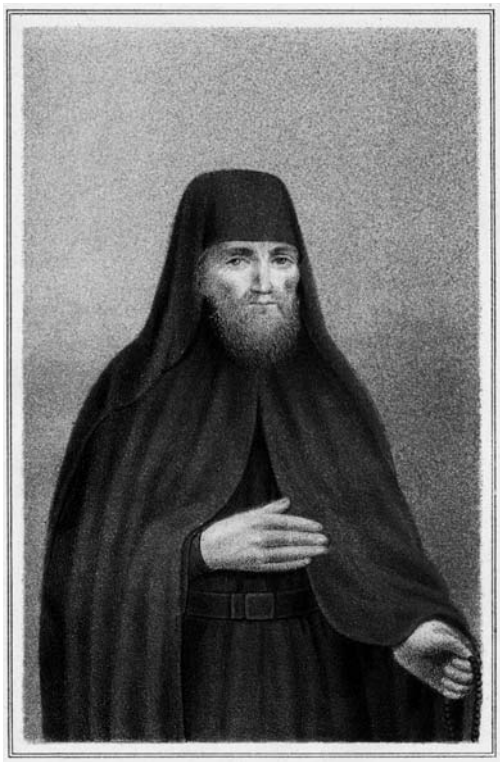
Ослабев от голода, Феофан едва дожил до лета. Тогда он заготовил себе коренья, мох, разные ягоды и пять лет питался такой пищей. Соседние поселяне, узнав о пустыннике, иногда приносили ему необходимое. Когда же Феофан расчистил небольшой участок и начал сеять рожь и ячмень, то не только ему самому доставало на прокормление, но иногда оставалось и для других.

Молитвенное правило его было 2400 поклонов в сутки. Многие поморяне, особенно живущие в Кеми, имели к Феофану великое усердие и любили его, как своего духовного отца. Феофан прожил здесь 24 года. Местные власти с подозрением смотрели на то, что Феофан учит народ, и угрожали ему изгнанием. Действительно, вскоре прибыл Соловецкий иеромонах Иосиф и, взяв пустынника, привез в Соловецкий монастырь. Это было в 1817 году, при архимандрите Паисии.

Старец прибыл ночью. Придя к утрени в церковь преподобных Зосимы и Савватия, он приложился к их мощам и стал с умилением слушать службу. Странен был вид пустынника: он был малого роста, весь почерневший от дыма, в изорванной одежде, на голове ветхая камилавка.

Из Соловецкой обители Феофан скоро был отпущен в Голгофский скит на Анзерский остров. Сюда приходили к нему поморяне, скорбевшие, что он оставил их, и желали увезти старца к себе, но Феофан с угрозой отгонял соблазнителей. Ему тогда исполнилось 73 года. Уже не было сил носить воду и дрова на гору, поэтому осенью поставили ему келию под горой, где он и поселился. И здесь ему приходилось терпеть болезни и напасти от людей и от нечистых духов. Когда старец начинал молитвенное правило, около его келии слышались звуки бубнов, хлопки в ладоши, кто-то будто бы ходил вокруг кельи, стуча в стены и окна, но ничто не могло отвлечь подвижника от богообщения.

Необходимыми припасами старца снабжал монастырь и усердствующие богомольцы. Монастырская братия часто обращалась к нему за духовным наставлением, в котором он никогда не отказывал. «Ища вечных благ, – говорил он инокам, – думаем ли мы получить спасение, не оставляя своих страстей? Невозможно работать двум господам, Богу и мамоне» (Мф 6. 24). Обливаясь слезами, он прибавлял: «Воззрите на сладчайшего Владыку Иисуса Христа! Совершая наше спасение, сколько Он претерпел мучений, биений, оплеваний, заушений, наконец, и распятие на кресте? И тогда, как Он, во истощании сил телесных, просил пить, говоря: “Жажду!” Что Он принял? Неблагодарные Иудеи даже не дали капли воды, а поднесли оцет с желчию смешен, и, взяв губу на трость, этим утоляли жажду Спасителя (Ин 10. 28–29). А мы сладостраствуем! Подвижники Христовы не искали утешений, как например преподобный Парамон, мучимый огневицею, не дал телу своему никакого утешения. А мы без нужды безвременно едим и пьем, не считая этого для себя предосудительным. Разве нет у нас общей трапезы? На ней мы до сыта едим и пьем: что же еще потребно? Но мы, придя в келию, вместо того, чтобы творить молитву и читать книги, и, после краткого отдохновения,



ОТЕЦЪ ѲЕОФАНЪ,
подвижникъ Соловецкій, скончавшійся въ 1819 году.

заняться в молчании другими богоугодными делами, проводим время в праздности, угождая плоти и удовлетворяя сластолюбию без всякой нужды: призовем брата или двух и празднословим, кто что видел или слышал о ком-либо; иной начинает поносить кого-либо, а товарищи из угождения поддакивают; иной высказывает свои мечты того купить, там то побывать, и, таким образом, "кийждо суетная глаголет ко искреннему своему", развращая один другого. Это ли любовь братская, духовная? Увы, не только не духовная, но и душевредная. Лучше будем слезы источать из глаз наших».

Иным инокам он давал такие наставления: «Если мы вышли из мира, ради спасения души и для взыскания вечных благ, то спасение невозможно без подвига и терпения, без горести и искушений, без алчбы и жажды. Мы же всегда ищем сладкого; за несладкое ропщем; едим и пьем без меры; небрежем о заповеданном правиле. Это не истинный путь; не вкусившему горького нельзя знать и сладкого. Явно, что мы забыли, зачем вышли из мира; лучше бы нам жить там, нежели, придя в монастырь и приняв иноческий образ, делать мирское; лучше бы нам не познавать пути истины, нежели, познав, совратиться с него; лучше бы не давать обетов, нежели, произнеся, не исполнять их и подвергнуться грозному истязанию. Если бы я так, как теперь, принимал страшные обеты иночества в то время, когда постригался, то никак не принял бы полного иноческого пострижения, боясь тяжкого ответа. С меня довольно было бы остаться в рясе и, делая дела, приличные рясе, получить хотя малое воздаяние, не опасаясь подвергнуться великому осуждению. А ныне вижу: хлопочут, как бы поскорее получить мантию; но принявший пострижение дал обещание, пребывая несходно в монастыре, работать Богу в нищете, алчбе и в повиновении. Мы скоро это забываем и живем в небрежении, худшем прежнего. Не будем же таковыми; каждый из нас пусть старается положить благое начало к деланию добродетелей; поелику и мзда от Бога готовится по мере трудов. Послужим Господу в жизни сей во смирении и кротости; Он Сам говорит: на кого воззрю, токмо на кроткого, и молчаливого, трепещущего словес Моих (Ис. 66. 2). Правила, данные от отцов духовных, исполняйте без опущения; держитесь отеческих преданий и не нарушайте монастырских уставов. При встрече с братом, предваряйте его поклоном; в келию другого без нужды не ходите, возло-

женное послушание исполняйте со смирением; праздности всячески избегайте. В церкви Божией стойте со вниманием и усердием; подвизайтесь ради сладчайшего Иисуса от всей души и отриньте мирские пристрастия. Тогда Господь просветит очи вашего сердца, и вы, уразумев сети бесовские, оставите злые страсти и, угодив Господу нашему Иисусу Христу, сподобитесь быть причтенными с первоначальниками нашими, отцами Зосимой и Савватием, в Царствии Небесном, которое да получим все мы благодатию Христовой».

Два брата просили Феофана воспринять их от пострижения. Старец согласился, учил их иноческой жизни и молился за них. Однажды во время молитвы нечистый дух, явившись ему, сказал: «Ты, злой старик, молишься об учениках; но не всегда они будут таковы, как при тебе; будет и наше время». «Бог не попустит этого», – отвечал Феофан. В другой раз, когда он молился за этих учеников, диавол сказал ему: «Ты свое делаешь, а я свое; одного двумя стрелами поразил, другому шепчу на ухо». Старец опечалился и, призвав учеников своих, нашел в них некоторые малые прегрешения; научив и вразумив их, отпустил. При архимандрите Паисии в обители произошло некоторое нестроение. Ученики спросили Феофана: «Сколько времени продолжится это смущение и кто будет архимандритом?» Старец отвечал: «Враг диавол испросил на время искусить обитель и живущих в ней; искушаемые же оказались нетерпеливыми. Поэтому обитель потерпит поношение, но вскоре, молитвами Преподобных, это пройдет, и обитель еще более прославится. В обители будут два настоятеля подобные Зосиме и Савватию, которые в смирении духа и в простоте сердца управят ею, подвизаясь о спасении ближних: тогда многие преуспеют в добродетелях».

Испытывая одного из учеников своих, Феофан спросил его: «Как ты слагаешь персты для крестного знамения?» Тот, показав ему троеперстное сложение, сказал: «Так, отче, как Православная церковь учит. Во всей России, послушные сыны Церкви, слагают персты для крестного знамения так же, как и я». Феофан сказал: «Будучи в пустыни, я грубым людям не воспрещал знаменоваться двумя перстами, только бы они ходили в церковь, но ты берегись последователей раскола. Когда я жил в Киеве, то во всей Малороссии не видел ни одного, кто бы молился двуперстным сложением. Был я и в Молдавии, в Нямецком монастыре, у аввы Паисия; там было более 700 братий из разных стран – молдаван, сербов, болгаров, венгерцев, греков, армян, евреев, турок, великороссиян и малороссиян: и все они молились троеперстным сложением, о двуперстии же там и не слышно».

Некогда Феофан пришел в Соловецкий монастырь, чтобы поклониться мощам Преподобных и навестить своих учеников. Придя в церковь к утрени, старец стал в углу и смотрел, как иноки прикладываются к Святым мощам. И вот духовными очами он увидел, что преподобные Зосима и Савватий как бы сидят при своих раках и одних благословляют, а от других отвращаются. Поэтому старец заповедал ученикам ежедневно с благоговением прикладываться к ракам Угодников.

Старец понуждал своих учеников относиться с вниманием к каждому шагу и никогда не терять самообладания. Ободряя страшившихся трудности подвигов спасения, он говорил: «Есть и в нынешнее время никому неведомые пустынножители, истинные иноки и рабы Христовы».

Нередко приходили к старцу на Голгофу и миряне, прося его наставлений. Он заповедовал им трудиться без лености, не роптать и не оставлять церковных служб.

Однажды, когда Феофан утром совершал молитвенное правило, явились два беса с грозным видом. «Видите, – кричали они, – не хочет старик исправиться; раскидаем келию и убьем живущего в ней». Старцу показалось, что они стали ломать келию, выбили окна, разбили двери, крича: «Теперь не уйдет от нас». Старец испугался и пал на землю, прося у Бога помощи и заступления, тогда бесы исчезли. Помолившись, старец встал и увидел, что келия его цела и невредима. Господь утешал подвижника среди этой борьбы благодатными посещениями. Вскоре в сонном видении ему явилась Жена, Сияющая благолепием, с двумя светозарными мужами и ободряла его, убеждая не малодушествовать и не бояться бесовских нападений. Тут же явилось полчище бесов с угрозой погубить пустынника, но узрев Явившуюся, бесы содрогнулись и с воплем: «Горе нам! Покрывающая его пришла сюда: если бы не Она, мы давно погубили бы этого инока», – исчезли. Это видение утешило старца надеждой на помощь Богоматери, к которой он ежедневно обращался с молитвой, полагая по сто поклонов.

Памятны наставления, какие давал Феофан своим ученикам, убеждая их быть истинными иноками. «Чада мои о Господе, – говорил он, – возлюбите Господа от всей души своей; служите Ему со страхом и любовью; исполняйте Божественные заповеди Его; умерщвляйте тело воздержанием и трудом; обеты, данные при пострижении, усердно соблюдайте; пристрастия к миру и его удовольствиям убегайте; слабости телесные отсекайте, не чреву, но Богу работая; да будет ваш исход из мира ради сладчайшего Иисуса; возлюбите единого Бога, и все вас полюбят; почитайте братию, и вас будут почитать. Считайте себя недостойнее всех, чтобы Господь возвысил вас над страстями. Отгоните от себя гордость: ибо Господь гордым противится, смиренным же дает благодать (Прит. 3. 34). Прошу вас, чада мои, когда молитесь, будьте внимательны, чтобы молитва, возносимая для умилостивления Господа, не обратилась вам в грех. Блюдите, чтобы в то время, когда считаете себя совершающими молитву, не быть вам далеко от молитвы, и не трудиться без приобретения, устами поя псалмы, а умом бродя по разным местам. Совершайте молитву со страхом Божиим; ибо молитва есть беседа с Богом; потому, произнося слова молитвы, всем умом своим взирайте к Богу. Собираясь в церковь, стойте в ней, как пред лицом Божиим, языком совершая псалмопение, а умом внимая слышимому. Помните, с Кем беседуете. В келии же никак не оставайтесь праздными; ибо праздность вредит и усердным, а тем более вам юным. Юный, оставаясь в келии праздным, не избежит лености и расслабления; в это время лукавый влагает множество помыслов, а праздный не в силах противиться им и падает, исполняя волю врага. Святые отцы говорят, что сидящий в келии праздно борется с тьмою бесов, и постоянно бывает побеждаем. А тот, кто исполняет послушание, или занимается рукоделием, борется с одним бесом и легко одолевает его. Вспомните повесть о великом отшельнике, жившем со своим учеником. Бесы говорили, что к старцу не могут приблизиться, а ученика никогда не застают праздным, так как он постоянно строит и разрушает. Старца соблюдала благодать Божия, а ученик строил стену из камней и разорял ее, избегая праздности; трудясь так, он избавлялся духовного врага. Вы, чада мои, в келии занимайтесь молитвой и трезвитесь умом, последуя псалмопевцу: предзрех

Господа предо мною выну, яко одесную мене есть (Пс. 15. 8); и: очи мои выну ко Господу, яко Той исторгнет от сети нози мои (Пс. 24. 15). Слава Создателю моему, я творю умом молитву Иисусову без принуждения. Подвизайтесь и вы в юности, вселите в сердца ваши сладчайшего Иисуса, да, стяжав ныне Утешителя Духа, возможете возвеселиться в старости своей. Если вы послушаете меня, то узрите свет Божественный, который и наставит вас на всякое доброе дело. И еще говорю вам; если сохраните мои заповеди и послушаетесь моих увещаний, то неотлучны от меня будете там, где уготовано и мне быть. Если преслушаете мои слова, то я не виновен, потому что все вам сказал».

Незадолго до кончины Феофана грабители, требуя от старца денег, били его, вырвали волосы на голове и бороде, горящей головней опалили все тело, и, оставив едва живым, ушли. Феофан три дня лежал полумертвый, изнемогая от голода и холода, и до конца своей жизни уже не мог совершенно оправиться. Вид престарелого отшельника – без бороды, без волос на голове, сгорбленный от побоев – казался странным приходящим. Скоро свет осиял его келию, и ему явился иеросхимонах Иисус Голгофский: «Радуйся, брат, – сказал он, – скоро наступит твой конец».

Старец имел еще некое видение, возвещавшее ему смерть, но с уверенностью говорил, что доживет до лета. Он не страшился мысли о близкой смерти, но по временам смущался, представляя строгость суда Божия и высоту иноческих обетов. Успокоение он находил в уповании на милосердие Божие к кающимся грешникам. Скорбя о слабой жизни некоторых из братии, он беспокоился и о своих учениках, как бы они не соблазнились худыми примерами. С утешением он видел во сне двух почивших пустынников, подвизавшихся на Муксалмском острове. Имена их: Антоний и Феодосий. «Мир тебе о Господе, возлюбленный брат наш, – сказали они старцу, – не скорби о братии, живущей в обители; в нынешнее время много прельщений и нападений: спасаяйся, да спасет свою душу. И в учениках твоих нет еще ничего подвижнического; они подобны прочим». Феофан, призвав своих учеников, велел им усугубить пост и молитву.

Страдая от старческой немощи, Феофан едва пережил зиму и весной был взят в Соловецкий монастырь. У него поднялась температура, и всякая пища казалась ему горькой. Желая проститься с ним, стекалось много посетителей, что нарушало его покой. Перед началом Петрова поста старец был перенесен в келию своего ученика Антония и через три дня пожелал приобщиться Святых Таин. После причастия он сказал Антонию: «Вот, чадо, наступает час моей кончины, час более всех дней моей жизни тяжелый и страшный, в который откроется сокровенное, которого трепетали и праведные; болезнь более всех болезней, время полное ужаса и страха». Старец стал озираться, как бы страшась кого-то, потом просил ученика своего покадить в келье ладаном.

Феофан отошел ко Господу 26 июля 1819 года 75 лет от роду. Тело его похоронили внутри обители, близ часовни преподобного Германа, с восточной стороны. После возведения на этом месте церкви в честь преподобного Германа в 1859 году могила его находилась внутри церкви перед иконостасом, против местного образа Тихвинской иконы Божией Матери, у царских врат. До настоящего времени археологических исследований предполагаемого места погребения не производилось.

3.6. ПЕТР ИВАНОВИЧ КАЛЬНИШЕВСКИЙ – ГЕРОЙ ВОЙНЫ И БЛАГОЧЕСТИВЫЙ УЗНИК

Памятник П. И. Кальнишевскому на Соловках

Последний кошевой атаман Запорожской Сечи Петр Кальнишевский оказался на Соловках в качестве ссыльного.

Он бессменно избирался атаманом в течение 10 лет: с 1765 по 1775 год, чего до тех пор в коше «из веку веков не бывало». Выходец из дворянского рода, человек состоятельный, Кальнишевский верой и правдой служил русскому правительству. Он был участником русско-турецкой войны 1768–1774 годов и за храбрость был награжден золотой медалью с бриллиантами. В то время он состоял в приятельских отношениях со светлейшим князем Григорием Александровичем Потемкиным. В 1772 году Потемкин даже попросил Кальнишевского записать его в казаки, что было с охотой исполнено. Казаки именовали князя Грицком Нечесой за его букли. В дни победоносного окончания войны новороссийский генерал-губернатор не скупился на комплименты кошевому: «Уверяю вас чистосердечно, что ни одного случая не оставлю, где предвижу доставить каковую-либо желаниям вашим выгоду, на справедливости и прочности основанную» – так писал Потемкин Кальнишевскому 21 июня 1774 года.

Менее чем через год по распоряжению того же Потемкина военный отряд под командованием П. А. Текеллея неожиданно напал на Сечь и разорил ее. 4 июня 1775 года кошевой атаман Кальнишевский, войсковой писарь Глоба и войсковой судья Головатый были взяты под стражу, а имущество их и войсковое описано. 3 августа был издан указ Екатерины II, в котором объявлялось, что «Сечь Запорожская вконец уже разрушена, с истреблением на будущее время и самого названия запорожских казаков, не менее как за оскорбление нашего императорского величества через поступки и дерзновения, оказанные от сих казаков в неповиновение нашим высочайшим повелениям»[30].

После ареста Кальнишевского вместе с войсковыми писарем и судьей отправили в Москву и держали под стражей в конторе военной коллегии до окончательного определения их дальнейшей участи. Исход дела решило письмо

[30] РГИА. Ф.796. Оп. 55. Д. 402. 1775. Л.2.

Г. А. Потемкина императрице, в котором он сформулировал обвинительное заключение крайне лаконично, как «вероломное буйство», и предложил отправить их «на вечное содержание в монастыри»:

«Всемилостивейшая государыня!

Вашему императорскому величеству известны все дерзновенные поступки бывшего Сечи Запорожской кошевого Петра Кальнишевского и его сообщников судьи Павла Головатого и писаря Ивана Глобы, коих вероломное буйство столь велико, что не дерзаю уже я, всемилостивейшая государыня, исчислением оного трогать нежное и человеколюбивое ваше сердце, а при том и не нахожу ни малой надобности приступать к каковым-либо исследованиям, имея явственным доводом оригинальные к старшинам ордера, изъявляющие великость преступления их перед освященным вашего императорского величества престолом, которою, по всем гражданским и политическим законам заслужили, по всей справедливости, смертную казнь. Но как всегдашняя блистательной души вашей спутница добродетель побеждает суровость злобы кротким и матерним исправлением, то и осмеливаюсь я всеподданнейше представить: не соизволите ли высочайшим указом помянутым преданным праведному суду вашему узникам, почувствовавшим тягость своего преступления, объявить милосердное избавление их от заслуживаемого ими наказания, а вместо того, по изведанной уже опасности от ближнего пребывания их к бывшим запорожским местам, повелеть отправить на вечное содержание в монастыри, из коих кошевого – в Соловецкий, а прочих – в состоящие в Сибири монастыри, с произвождением из вступившего в секвестр бывшего запорожского имения: кошевому по рублю, а прочим по полуполтине на день. Остающееся же затем обратить, по всей справедливости, на удовлетворение разоренных ими верноподданных ваших рабов, кои, повинуясь божественному вашему предписанию, сносили буйство бывших запорожцев без наималейшего сопротивления, ожидая избавления своего от десницы вашей и претерпев убытков более нежели на 200000 рублей, коим и не оставлю я соразмерное делать удовлетворение, всемилостивейшая государыня.

Вашего императорского величества верно всеподданнейший раб князь Потемкин».

На подлиннике собственной рукой ее императорского величества подписано: «Быть по сему. 14 мая 1776 года Царское Село»[31].

8 июня 1776 года правительственный Сенат уведомил Синод о докладе Потемкина и высочайшей резолюции. Со своей стороны Синод предписал объявить арестованным указ и немедленно отправить кошевого в Соловецкий монастырь, а Глобу и Головатого в дальние сибирские монастыри «под строжайшим присмотром военных команд». Более того, Потемкин добился, чтобы в сопроводительных бумагах было указано монастырским властям содержать узников «безвыпускно из монастырей и удалены бы были не только от переписок, но и от всякого с посторонними людьми обращения». Об этом 10 июня 1776 года настоятелю Соловецкого монастыря архимандриту Досифею был отправлен соответствующий указ Синода. Начальнику соловецкой тюрьмы было приказано «посылаемого туда узника содержать за неослабным караулом обретающихся в том монастыре солдат».

[31] РГИА. Ф.796. Оп. 57. Д. 234-а. 1776. Л. 3-4.

25 июня 1776 года под конвоем из семи человек Кальнишевский был отправлен из Москвы в Архангельск, куда и прибыл 11 июля. Далее на нанятом у купца Воронихина за двадцать рублей судне он был перевезен на Соловки и сдан архимандриту на вечное заточение.

В монастырь Кальнишевский ничего не привез, кроме одежды, которая была на нем, поэтому в его деле отсутствует обычная в арестантских делах «опись шкарба». На содержание бывшего кошевого казной было отпущено 330 рублей в год. Когда эти деньги стали подходить к концу, монастырь обратился к Головцыну (письмо от 23 июня 1777 года) с просьбой перевести на следующий год назначенную сумму, дабы «оный кошевой за неимением себе пропитания не мог претерпеть глада и в прочих нуждах недостаток».

Важный арестант содержался в каземате № 15, устроенном в бойнице крепостной стены возле сушила. Маленькое окошко выходило в сторону кладбища. Каземат был сырой. В делах монастырского архива сохранился доклад от 12 октября 1779 года наместника иеромонаха Симона архимандриту Иерониму: «По многократной меня просьбе П. И. Кальнишевского для надобности ему к исправлению и перекрытию кельи, в которой он живет, что от дождя великая теча происходит, отчего и платье у него гниет, и просит ваше высокопреподобие приказать особливо, сверх монастырских нанятых в плотничную работу работных, на его счет нанять четырех человек и весной с прочими монастырскими работными прислать с показанием на его имя, кто и какими ценами»[32]. Просьба узника отремонтировать каземат за его счет была удовлетворена. По утверждению историка П. Ефименко, Кальнишевский находился в заключении безвыходно, ворзогорские крестьяне рассказывали ему, что «атамана казаков» выводили из камеры лишь три раза в год: на Пасху, Преображение и Рождество. В летнее время четыре человека посменно охраняли Кальнишевского, персональный состав стражи был постоянным.

Первые годы «порционные деньги» на Кальнишевского выдавала монастырю на год вперед Архангелогородская губернская канцелярия из сумм, полученных от казны. Возникавшие перебои в перечислении денег на узнике не отражались. Например, 11 июля 1782 года Соловецкий архимандрит Иероним пожаловался в Синод, что с 26 июня 1781 года он не получает на Кальнишевского денег и «оный кошевой через годишное слишком время состоит на штатном монастырском содержании, от чего монастырь себе напрасный убыток несет». Синод незамедлительно доложил об этом Сенату, и тот решил вернуть монастырю не выданные за прошлые месяцы кормовые деньги на Кальнишевского в указном размере и впредь производить выдачу их из Вологодской казенной палаты из доходов Вологодского наместничества.

В монастыре Кальнишевскому выдавали «указноположенное жалование» один рубль в день за счет конфискованных войсковой казны и имущества (примерно в 40 раз больше других узников) в конце каждого месяца за прожитое время. В РГАДА сохранилась «Тетрадь, данная конторой монастырского правления казначею иеромонаху Иоанну, для записи выдачи кормовых денег бывшему Сечи Запорожской кошевому Петру Кальнишевскому»[33]. Из дела видно, что один из ка-

[32] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Ч.1. Д. 949. 1779. Л. 1.
[33] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ч.2. Д. 5336. 1785-1786. Л. 4.

раульных солдат аккуратно, раз в месяц, получал у монастырского казначея деньги на содержание охраняемого арестанта, по одному рублю на сутки, выдавал расписку казначею и по заказу узника покупал ему пищу.

В 1792 году Петр Кальнишевский был переведен в одиночную тюрьму возле поварни, где он просидел взаперти еще 9 лет. Указом Александра I от 2 апреля 1801 года бывшему кошевому было «даровано прощение» и право по своему желанию выбрать место жительства. Петру Кальнишевскому было тогда ровно 110 лет, к тому же он совершенно ослеп.

7 июня 1801 года кто-то написал по просьбе и от имени амнистированного атамана письмо архангельскому гражданскому губернатору Мезенцову, в котором благодарил правительство и просил разрешить ему «в обители сей ожидать со спокойным духом приближающегося конца своей жизни». Это решение Кальнишевский обосновывал тем, что за 25-летнее время пребывания в тюрьме к монастырю он «привык совершенно», а свободой сейчас «и здесь наслаждается в полной мере». Но чтобы провести на воле «остаток дней безбедно», освобожденный просил сохранить за ним арестантское денежное довольствие – по рублю на день. Царь удовлетворил просьбы кошевого атамана, и 17 августа 1801 года Соловецкий архимандрит Иона сообщил губернатору, что Кальнишевский принял «милости с достодолжным нижайшим благодарением».

Следует отметить, что П. И. Кальнишевский действительно относился к Соловецкому монастырю с искренней любовью. В описи монастырского имущества 1866 года записаны три его солидных вклада:

1) В Успенской церкви икона «Пресвятыя Богородицы Иверския, длиною 33, шириною 20½ вершков (147х91 см), вся риза с двумя венцами серебряная, золоченая, чеканной работы, белая, весу двадцать четыре фунта восемьдесят четыре золотника (10,2 кг), два ожерелья низаны жемчугом мелким с разноцветными стеклами. Пожертвована в 1798 году Запорожской сечи Кошевым Петром Ивановичем Кольнишевским»[34].

2) В главном алтаре Спасо-Преображенского собора «Запрестольный крест четырехконечный с рукоятью, серебряный 72-й пробы, местами золоченый, чеканной работы. Пожертвован в 1794 году Запорожской сечи Кошевым Петром Ивановичем Кольнишевским»[35].

3) В ризнице «Евангелие на Александрийской бумаге в большой лист печатано в Москве 1759 года, доски кипарисныя мерою в длину 17 вершков (75,6 см) обложены серебром 84-й пробы золоченым полированным, на верхней девять образов финифтяных в серебряной оправе со стразами, из них средний Преображения Господня с сиянием из страз же, поля наложены из серебра золоченаго, а внутри из Белаго витаго в виде струи, которая внизу немного отломлена, на полях четыре образа финифтяных без страз. Над Евангелистом Марком немного страз с оправою нет. На нижней доске изображены черневою работою в девяти клеймах два Распятия и апостольския страсти, а на застежках Петр и Павел. На корню чеканкою ветхий и новый завет и внизу подпись резная: “Построено сие Евангелие

[34] РГАДА. Ф. 1183.Оп.4. Д.405.1866. Л.88 об.
[35] Там же. Л.12.

радением и коштом бывшаго Запорожской сечи Кошеваго Петра Ивановича Кольнишевскаго, 1801 года, весу серебра кроме украшения тридцать четыре фунта двадцать пять золотников (14 кг)"».

Это Евангелие стоимостью 2435 рублей было вкладом П. И. Кальнишевского на вечное поминовение о упокоении его души. Он через два года скончался и был похоронен на монастырском дворе вблизи Спасо-Преображенского собора. Могила не сохранилась.

Во дворике церкви преподобного Германа находится надгробная плита с могилы П. И. Кальнишевского с текстом следующего содержания: «Здесь погребено тело в Бозе почившего кошевого бывшей некогда Запорожской грозной Сечи казаков атамана Петра Кальнишевского, сосланного в сию обитель по Высочайшему повелению в 1776 году на смирение. Он в 1801 году по Высочайшему повелению был освобожден, но уже сам не пожелал оставить обитель, в коей обрел душевное спокойствие смиренного христианина, искренно познавшего свои вины. Скончался 1803 года, октября 31 дня, в субботу 112 лет от роду смертию благочестивою, доброю». Рядом с плитой в 2004 году был поставлен памятник.

Надгробная плита
П. И. Кальнишевского

Глава 4

СОЛОВЕЦК-ГОРОДОК: ВНЕШНЕЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО И ДУХОВНОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ МОНАСТЫРЯ

Середина XIX – начало XX века

«За 10 верст Соловецкий монастырь
начинает показываться плывущим к нему
от города Архангельска по Белому морю.
Здесь представляет он множество колоссальных белых зданий,
церковных и колоколенных остроконечных строений и башенных верхов,
украшенных шпицами. Все сие, смежаясь вместе,
образует в отдаленном взоре,
хотя не обширный, но обзаведенный строениями город…
Предварительная мысль о самой дикости
и уединении острова Соловецкого, на довольно значительное
пространство отделенного от градов и весей
водною бурною стихиею,
о Богоносных отцах и Чудотворцах Соловецких,
безмолвно упражнявшихся в духовных подвигах
и просиявших многими чудотворениями…» [17, с.7–9]
в совокупности со зрительным впечатлением порождает
ощущение неотмирной гармонии, величия
и чудесности устроения монастырского града
на пустынном острове.

Церковная политика русских монархов XVIII века, направленная на внешнее упорядочение церковных дел, привела к бюрократизации церковной власти и подчинению ее влиянию власти светской, к подрыву авторитета духовенства, к охлаждению веры и благочестия как среди интеллигенции, так и среди народа. Сословные и возрастные ограничения на вступление в монашество привели к уменьшению числа братии на Соловках ниже положенного по штатам. На монастырских производствах не хватало людей. И все же Соловецкий монастырь, сохраняя дух и жизненный уклад древних времен, остался и в XIX веке духовным центром Поморья, где «процветало подлинное благочестие и где могла отдохнуть, обновиться и сил набраться человеческая душа»[1].

Уже в начале XIX века на Соловки устремлялось так много желающих монашеского подвига, что в 1826 году по требованию братии были сняты ограничения на количество монашествующих в Соловецкой обители. За последующие 25 лет число монашествующих увеличилось более чем вдвое – от 47 в 1826 году до 105 человек в 1852 году, а к 1913 году достигло 233 человек.

В основном в Соловецкую братию поступали выходцы из северных губерний Российской империи. В середине XIX века уроженцы Вологодской, Архангельской, Вятской губерний составляли более 50% от общего числа братии, а в начале XX века – около 70%[2]. При этом количество представителей Московской губернии сокращалось от 19% в 1736 году[3] до 3% во второй половине XIX века и до 1% в 1913 году.

Сословный состав братии с первой половины XVIII века до первой половины XIX века практически не изменился. Сравнение послужных списков за 1736 и 1865 годы показывает, что большинство соловецких монахов происходили из крестьянского сословия – 52 и 51% соответственно, из мещан было 15 и 22%, из духовных – 9 и 11%, из купцов – 6 и 7%, из военных – 11 и 4%. К 1913 году крестьянское сословие составляло уже 75% братии, уменьшилось количество мещан – 6%, духовных – 4% и купцов – 0%, а число военных увеличилось до 11%. Так что вполне оправданно было впечатление паломника 1870-х годов В. И. Немировича-Данченко, когда он писал со слов своего собеседника иеромонаха Авраама: «И члены-то собора нашего, и мы все – мужики. Крестьянское царство тут. Наше дело работать в поте лица своего» [58, с. 82-83]. В то же время писатель отмечал большую начитанность и обширные знания о. Авраама, бывшего вологодского крестьянина: «это находчивый и бойкий диалектик», причем с чувством некоторого понятного самодовольства: «Подивись-ка, ты, ученый, как тебя со всем твоим университетским образованием простой мужик заго-

[1] Шавельский Г. И. Русская церковь перед революцией. М., 2005, С.351.

[2] Марков С. А. Братия Соловецкого монастыря во второй половине XIX – начале XX века. Дипломная работа. М., исторический факультет ПСТГУ. 2009. С. 55.

[3] ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Ед. хр. 1422-ОЦ. 1736.

няет». Этот же отец Авраам говорил, что стоит пустить в монастырь человек 25 дворян, и все благосостояние обители окажется под угрозой. «У нас стол грубый, одежда грубая, а те начнут заводить свои порядки, и все пойдет прахом» [58, с. 84], ибо дурной пример – соблазн.

В XIX веке «соловецкий монах – тип крестьянина-хозяина. Он зорко блюдет свои интересы, работает и сам, не отказываясь от косы, лопаты и снасти… Он готов на все ради обители. Это человек труда. Он … бойко переймет все, что найдет хорошего у других, и устроит это у себя, пожалуй, еще лучше. Он изобретателен и предприимчив. Но в то же время он крайне прост во всех своих потребностях. Ряса – грубого сукна, рубаха – из деревенского холста, да бахилы вместо сапог; обильная, но грубая трапеза, да – как верх роскоши – чай утром и вечером, больше ему ничего не надо» [58, с.191]. Не желая ничего лишнего для себя, монастырские насельники прилагали всевозможные усилия для благоустройства обители. Немирович-Данченко писал: «За что они ни возьмутся, все у них выходит удачно, все ведется со знанием дела, упорно, неотступно, пока полный успех не увенчает их усилий» [58, с. 146]. Иеромонахи, хотя и начальствовали на послушаниях, но трудились больше всех, привычно управляясь с киркой, ломом, косой, рыболовной снастью, глиной. Их пример имел громадное влияние на богомольцев.

Усилиями нескольких сотен простых крестьян были построены монастырские пароходы, док, причалы, «мост через море» (дамба) к о. Б. Муксалма, устроены кузница и литейка, реконструирована водяная мельница, в 1912 году на канале «Вешняк» устроена одна из первых в России гидроэлектростанций, заведена своя радиостанция, проложена на острове система судоходных каналов, всего не перечесть. И все это действовало: мололо зерно, пилило лес, давало свет, перевозило пассажиров, пропускало паровые катера с баржами (на баржах – лес, камень, сено), связывало с Большой землей. Все приносило пользу, и еще – радовало глаз и поражало воображение путешественников. «Это наше царство», – говорили крестьяне-паломники, направлявшиеся на Соловки [58, с.194].

Ехали «к Соловецким» за отпущением грехов, из любопытства, из подражания, но больше всего — помолиться у рак преподобных, испросить милости у Спасителя, пожертвовать — деньгами или трудами — зачтется. Паломники верили, что на святой земле, где трудились, молились и упокоились Чудотворцы, молитвы страждущих будут услышаны, преподобные походатайствуют за них пред Богом, и будет подана благовременная помощь. Поток паломников к началу XX века превышал 20 000 человек в год. Монастырь удостоился посещения царственных особ: Великого Государя Александра Николаевича в 1858 году и Великой княгини Елизаветы Федоровны, будущей преподобномученицы, в 1913 году.

Ради просвещения и духовного окормления паломников и крестьянской братии Соловецкого монастыря, имевшей большей частью лишь начальное домашнее образование, настоятелями знаменитой обители назначались от Синода яркие и выдающиеся личности, известные своими добродетелями самому государю. Настоятельство каждого из них оставило заметный след в истории обители, о чем и повествуется ниже.

4.1. АРХИМАНДРИТ ДОСИФЕЙ – СОЛОВЕЦКИЙ ЛЕТОПИСАТЕЛЬ И ВОЗОБНОВИТЕЛЬ ГОЛГОФСКОГО СКИТА

Весной 1826 года в Александро-Невской Лавре был посвящен в архимандрита Досифей (Немчинов), назначенный по указу Святейшего Синода настоятелем Соловецкого монастыря на место скончавшегося архимандрита Макария.

Шестнадцатилетним юношей из купеческой семьи города Риги он впервые прибыл в Соловецкий монастырь в 1796 году. Через год он был уже определен в число послушников, очень скоро (1799 г.) принял монашеский постриг, а в 1803 году стал иеромонахом. В 1804 году он переведен в Ростовский Яковлевский монастырь и определен казначеем, а в 1819 году определен в число братии Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге, где ведал ее доходами. В 1822 году по просьбе Адмиралтейской коллегии иеромонах Досифей был направлен на Балтийский флот благочинным и провел 4 месяца в плавании. В 1823 году его поставили игуменом Новгородского Кириллова монастыря. А 4 июня 1826 года он вернулся уже в качестве настоятеля в Соловецкий монастырь на военном бриге «Новая Земля» вместе с архангельским генерал-губернатором и прочими чиновникам, командированными по Высочайшему повелению для осмотра тюремных зданий на предмет перестроек «к удобнейшему помещению содержащихся здесь секретных арестантов» [41, с. 148][4].

Став настоятелем обители, архимандрит Досифей в первую очередь обратился в Синод с прошением об увеличении числа монашествующих. Особенно не хватало служителей в многочисленных храмах монастыря, так как в воскресные и праздничные дни в службах были заняты 10-15 иеромонахов, столько же диаконов и 10 пономарей. А всего по штату, включая Анзерские скиты, было положено 45 человек, и в их числе множество престарелых, проживших в обители 30–40 лет. Иноки просили увеличения числа монашествующих без прибавки казенного содержания, так как монастырь своими средствами содержал в то время до 600 человек разного звания, необходимых для ведения монастырского хозяйства. Некоторые послушники, желая пострижения, за неимением вакансий уходили в другие монастыри или, много лет подвизаясь, отходили ко Господу, не сподобившись монашеского чина. Учитывая эти обстоятельства, 13 сентября 1829 года указом Святейшего Синода было дозволено сверх положенных по штату иметь в Соловецком монастыре 26 человек больничных монашествующих на собственном монастырском содержании.

Усилиями деятельного и заботливого настоятеля в 1827 году для расширения Соловецкого подворья в Архангельске был куплен двухэтажный каменный дом с участком земли, «учинен новый план вообще всему строению» подворья и построена странноприимная гостиница; открыта судовая верфь и построены два больших

[4] Предполагалось отправить в ссылку на Соловки участников восстания на Сенатской площади, но впоследствии лишь один из «декабристов» (А. С. Горожанский) был в 1831 году препровожден в заключение на Соловки.

мореходных судна, «каковые ныне превосходят красотою все поморские суда» [17, с. 197]; реконструированы и расписаны «превосходною живописью с изображением исторических картин, из Священного Писания и из Патерических повестей подчерпнутых» [41, с. 148], обширная братская трапеза и галерея, соединяющая церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы с церковью преподобных Зосимы и Савватия.

Главным делом своего настоятельства архимандрит Досифей почитал возобновление Распятского скита на острове Анзер. На горе Голгофе была сооружена и 13 сентября 1830 года освящена новая каменная церковь в честь Распятия Господня с колокольней, каменными келиями и службами. В 1831 году в монастыре был разобран древний обветшавший храм во имя Святителя и Чудотворца Николая, и на его месте возведена ризница, а над ней новый, более обширный храм. С 1829 года по ходатайству архимандрита Досифея в Соловецкий монастырь из города Кемь «учрежден был почтовый ход на казенном отчете с почтальоном от 15 мая до 15 октября» [41, с. 151].

Занимался настоятель и книжными трудами: под его руководством и при его деятельном участии были подготовлены и изданы «Летописец Соловецкий» в 1833 году и солидный трехтомный труд «Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря» в 1836 году [17]. Сам архимандрит Досифей писал, что краткость «Описания Соловецкого монастыря», составленного архимандритом Макарием, и обилие обнаруженных в монастырском архиве документов, никем до сих пор не изученных, побудили его «приступить к сему новому изданию и поместить в оном все происшествия более или менее важные по своей древности и достопамятности… Здесь же приложено краткое описание монастырей и скитов, ныне существующих и упраздненных, которые были приписаны к Соловецкому монастырю» [17, с.3].

В это издание были также включены тексты грамот древних Российских самодержцев и знаменитых духовных особ, «которые по содержанию своему особенно замечательны и служат к подтверждению описанных здесь событий» [17, с.4].

Архимандрит Досифей придал своему сочинению четкую структуру, объединив имеющиеся сведения в три раздела: природный, исторический и статистический. Изложение истории монастыря от его основания до начала XIX века он перевел из летописной формы в повествовательную с периодизацией, соответствующей смене настоятелей. Благодаря трудам архимандрита Досифея, многие поколения историков получили возможность работать с опубликованными текстами документов, содержавшихся в архиве Соловецкого монастыря.

Сам архив был разобран, систематизирован и описан. Главным исполнителем этой работы архимандрит Досифей назначил ссыльного учителя Василия Воскресенского[5], принявшего монашество с именем Кассиан в 1841 году. Им были сделаны копии всех грамот XV–XVIII вв., собранных в монастырской ризнице, из которых были составлены

[5] В книге М. Колчина «Ссыльные и заточенные в острог Соловецкого монастыря» о нем сказано: «В 1825 году... прислан навечно в Соловецкий острог на заточение учитель Новоторжского приходского училища Василий Воскресенский за богохульство. Находясь в остроге, он, как человек сравнительно образованный, был употребляем на письменные работы при архимандрите Досифее… Конечно, он тотчас же по приезде на Соловки раскаялся в своих резких словах относительно религии, сказанных в запальчивости, но только через десять лет освободили его из тюрьмы. И то с условием остаться в монастыре» [86, С. 356].

три тома копийных книг 1834–1835 годов. Впоследствии он так описывал свои труды: «Старинный архив Соловецкого монастыря разбирал я столь тщательно, что каждый лоскут бумаги был в моих руках. Ветхости я починивал и столбцы, от времени распаявшиеся, склеивал, написал также новую опись… Собрать и написать три огромных тома копий грамот, валяющихся в здешней монастырской башне, было мое дело, они написаны по порядку времени»[6]. Тогда же монах Кассиан и иеродиакон Памва составили подробную опись монастырской библиотеки, насчитывавшей в 1835 году 4606 названий.

За усердные труды по внешнему благоустройству обители и выдающийся духовный вклад в дело сохранения исторического наследия Соловецкой обители архимандрит Досифей (Немчинов) был награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

Выполняя указания правительства, архимандриту Досифею пришлось приложить немало усилий для размещения ссыльных и улучшения условий их содержания в остроге Соловецкого монастыря. В 1828 году было переоборудовано здание тюрьмы, однако вскоре количество присланных арестантов превысило количество казематов.

9 сентября 1830 года архимандрит Досифей обратился к обер-прокурору Синода со следующим письмом: «Долгом почитаю вашему сиятельству почтеннейше донести, что в Соловецком монастыре арестантов по сие число находится 44 человека да еще ожидается в присылку двое, с коими составит 46, и может быть еще вновь между тем какие-либо пришлются. Чуланов же арестантских состоит 27; из них 16 чуланов в верхнем жилье по малости своей – в длину 3 аршина, а в ширину 2 – не могут вмещать в себе более одного человека, а затем все прочие арестанты помещаются по нужде в 11 чуланах нижнего жилья (хотя и сии немного просторнее первых) по двое и более, ибо один арестант сумасшедший тут содержится один. Сие обстоятельство от неимения для них места крайне озабочивает меня между прочим и потому, что от такого стеснения их легко могут произойти болезни по причине здешнего и без того уже тяжелого климата ко вреду не только их, но и караульных, и прочих здоровых людей, имеющих по надобностям законным быть в остроге. А как присылка арестантов из разных мест умножается, при том делается и прямо через г. генерал-адъютанта Бенкендорфа… то осмеливаюсь ваше сиятельство просить всепокорнейше, не благоугодно ли будет о неимении более мест, где содержать арестантов, довести до сведения Бенкендорфа или другого какого места по принадлежности, дабы приостановить присылку сюда арестантов, так как их совершенно негде уже будет поместить»[7].

В это же время (1830–1831 гг.) в портовых пунктах Беломорья – в Архангельске, в Онеге и в Кеми с уездами – распространилась холерная эпидемия. Настоятель опасался, как бы болезнь не перекинулась на острова, но обитель молитвами преподобных Зосимы, Савватия и Германа была от этого бедствия избавлена. Особенно же милость Божия, покрывающая обитель, была очевидна потому, что многие богомольцы, направлявшиеся на Соловки из Архангельска, страдали этой болезнью и многие по пути или по приезде в монастырь окончили жизнь свою. Однако никто из живших в обители от холеры не пострадал.

---

[6] Тутова Т. А. Из истории архива Соловецкого монастыря // Археографический ежегодник за 1984 г. М: Наука, 1986. С. 117.

[7] РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 12902. 1830 г. Л. 1-1 об.

Перемещение архимандрита Досифея с Соловков было инициировано чрезвычайным происшествием. 9 мая 1833 года в монастырском остроге ссыльный поручик Горожанский, будучи выпущен для отправления естественной нужды из своей камеры, ударил ножом часового, отчего тот через пять минут скончался. Следствие выяснило, что поступок свой арестант совершил в припадке сумасшествия. Сам убийца ссылался на то, что солдаты беспокоили его своим шумом, а часовой их не унимал. В 1835 году была проведена ревизия острога, после которой архимандрит Досифей был переведен в 1836 году в Задонский Богородицкий монастырь, а оттуда архимандрит Иларий – в Соловецкий.

В 1840 году архимандрит Досифей ходатайствовал об увольнении его на покой в какой-либо из московских (Донской или Симонов) монастырей. В его прошении сказано, что в Задонском монастыре в то время были начаты «значительные постройки, требующие от Настоятеля неустанного смотрения и бдительного надзора, а он, Архимандрит, в настоящее время ощущает слабость своего здоровья, которое может остановить должную деятельность по строению и вовлечь его в ненамеренное по оному опущение»[8]. Согласно прошению архимандрит Досифей был уволен на покой в московский Симонов монастырь с назначением пенсии по 85 руб. 80 коп. серебром в год с 1 сентября 1840 года.

Ночью 28 февраля 1845 года архимандрит Досифей «был поражен сильно апоплексическим ударом, так что не мог уже говорить», ему оказывал помощь искусный медик-доктор, а также он был «приобщен Священных Тайн, и соборно Елеосвящен»[9]. 5 марта в четыре часа утра душа его отошла ко Господу. Настоятель Симонова монастыря сообщил, что архимандрит Досифей «отпет был погребальным пением и погребен в ближайшем расстоянии от теплой Соборной Церкви на восточной стороне честно, и всякое поминовение о упокоении души его совершается»[10].

В 1844 году архимандрит Досифей, «имея обязанность христианскую помнить о часе смертном, в целом разуме и памяти находяся, сочинил и написал Духовное завещание, в котором распорядился: «родственникам своим… я совершенно ничего из имения моего уделять им не желаю, и от наследства вовсе устраняю, а оставляю промыслу Всевышнего. Но как рожден, воспитан и умираю в недрах Святыя Православныя Российския Церкви, то и желаю, дабы все имение мое, распределено было во славу Божию и в пользу Святые Церкви, частию в то место, где мое грешное тело погребено будет, и в прочие места по назначению для вечного поминовения… Прошу во святых молитвах своих меня грешного не забудьте, но прилежно помолитеся, а до шести недель служить особенно Святую Литургию, и о мне грешном вспоминать у Святого Жертвенника на Проскомидии, на Ектении по Святом Евангелии, в Херувимскую песнь, в Достойно есть, при положении частей с дискоса во святой Потир, по Литургии служить Литию, а по отпусте Панихиду, вся исполнять по Уставу Церковному, вписать во все Синодики, и раздавать милостыню нищим по грешной душе моей»[11].

---

[8] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч.34. Дела за 1840 г. Д. 197. Л.1.
[9] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч.35. Дела за 1845 г. Д. 56. Л.1-1об.
[10] Там же. Л. 8.
[11] Там же. Л. 16 об.

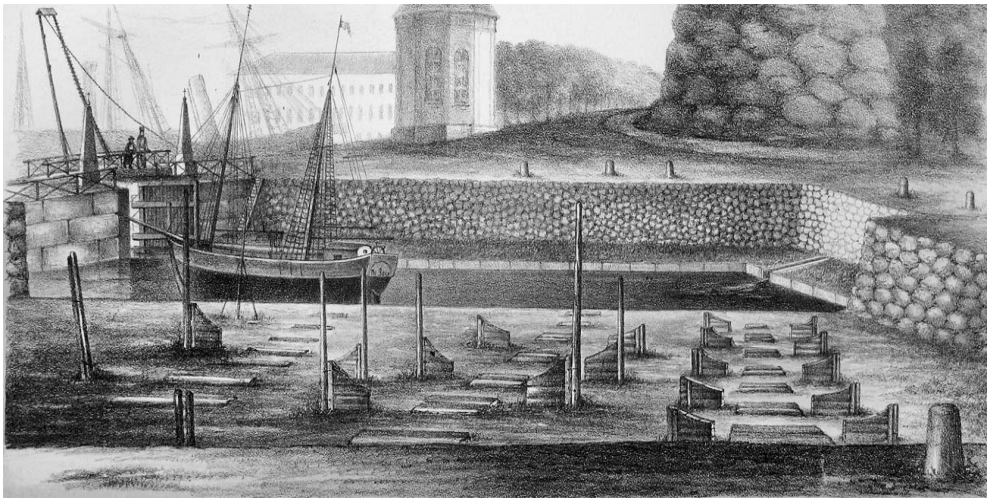
В Симонов монастырь он оставил вклады на изготовление богослужебных сосудов, чтобы их «употреблять при служении каждодневно, а наипаче во дни моего поминовения, где умру и погребен буду». В Соловецкий монастырь были отправлены его митра, золотые наперсные кресты, награды в ризницу, а также вся личная библиотека, причем духовные книги предназначались в Голгофо-Распятский скит, а остальные – в монастырскую библиотеку.

При следующем архимандрите Иларии были напечатаны в Московской Синодальной типографии Жития Преподобных Зосимы, Савватия и Германа с чудотворениями в 1837 году тиражом 2400 экземпляров и Служба Преподобным Соловецким Чудотворцам Зосиме и Савватию в 1839 году тиражом 1200 экземпляров. При нем также выстроены в 1837 году две двухэтажные гостиницы для богомольцев, с северной стороны от бухты Благополучия – Петербургская, а с южной – Архангельская; устроен на Сельдяном мысу салотопенный завод, а на Муксалмском острове – скотный двор. В 1842 году архимандрит Иларий по болезни и желанию своему был возвращен на настоятельство в Задонский Богородицкий монастырь, где и скончался 14 ноября 1845 года.

4.2. АРХИМАНДРИТ ДИМИТРИЙ – «ПО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВУ ХОРОШИЙ ХОЗЯИН»

Портрет архимандрита Димитрия из портретной галереи настоятельских покоев Соловецкого монастыря. После 1845 г. АОМИИ. [57, с. 76]

Архимандрит Иларий, оставляя обитель, писал о своем наместнике следующее: «Я не смею рекомендовать на место себя в настоятели Соловецкого монастыря наместника своего иеромонаха Димитрия, но твердо уповаю, что он мог бы нести настоятельство Соловецкое; по жизни хороший монах, неутомимый послушник, по домостроительству хороший хозяин, пороков не имел и не имеет, порядок обители знает и все монастырские послушания сам испытал, судит о делах основательно, кроток, смирен, братолюбив и сострадателен, к настоятелю и старшим уважителен» [30, с. 145]. Архимандрит Димитрий родился в Олонецкой губернии и был женат, но, овдовев, поступил в Соловецкую обитель, где и принял пострижение 11 апреля 1831 года. Проходя все послушания от тяжелых и низших (даже очищал по зимам сортиры) до высших и почетных (как строгий ревнитель порядка, поставлен благочинным обители, а затем – наместником), везде проявлял усердие и способности, не оставляя молитвен-



Док. Литография Черепанова, 1884 г.

ного правила и чтения слова Божия. С 23 июля 1842 года иеромонаху Димитрию поручено было управление монастырем, 18 сентября 1843 года он утвержден в звании настоятеля с возведением в сан игумена, а 31 августа 1845 года произведен в сан архимандрита.

Обитель имела в нем ревностного благоустроителя: в приделах святого Иоанна Предтечи, святого Димитрия Солунского и в Благовещенской церкви он устроил новые иконостасы[12], в переходе от Преображенского собора к Успенскому на стенах обновил обветшавшую за 20 лет живопись, выстроил вновь Филипповскую часовню. При нем выстроен док, выложенный гранитными плитами, взамен прежнего деревянного. При церквах сделаны гранитные крыльца.

Все постройки архимандрита Димитрия отличаются необыкновенной прочностью и соответствием своей цели. «Отличительной чертой его было спрашивать совета даже у послушника и богомольца, как лучше что устроить, и, если совет был полезен, приводить его в исполнение. Был добр и ласков и по смирению своему велел себя погрести там, где братия и богомольцы, по выходе с богослужения, близ самой церкви останавливались для малой нужды, каковое место прямо было видно из окон настоятельских келий. Желание чтимаго настоятеля было исполнено, и тем устранено неприличие это» [91, с. 301]. Справа под аркой, ведущей во дворик церкви преподобного Германа, на стене сохранился кирпичный кивот для иконы. По-видимому, именно здесь и был погребен архимандрит Димитрий «в ограде у Спасо-Преображенского собора». Сохранилось надгробие с надписью на боковой стороне:

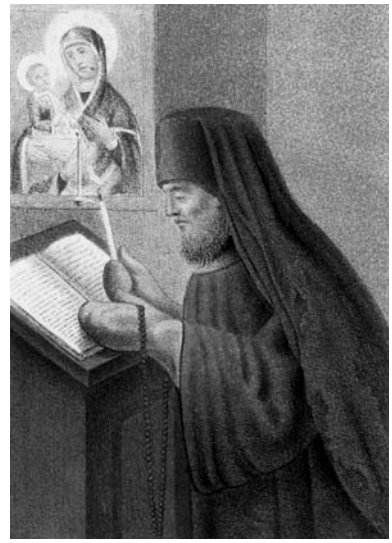
[12] Вкладом архимандрита Димитрия 1850 г. была храмовая икона придела в честь святого великомученика Димитрия Солунского: «длиною 28½, шириною 18½ вершков (127х82 см), на ней вся риза серебряная 84-й пробы, белая, чеканной работы, венец золоченый, а одежда с золоченым филигранным украшением и две подписи черневой работы, весу двадцать два фунта шестьдесят шесть золотников (9,3 кг)» [146, Л.96 об.].

«На прах мой всяк взирай,
Се мой гроб пред тобой,
Час смертный вспоминай,
То же последует и с тобой.

На сем месте погребено тело в Бозе почившаго настоятеля Соловецкаго монастыря Священноархимандрита Димитрия, скончавшагося августа 19 дня 1852 года. От роду на 62 году. Управлял монастырем 10 лет и пять дней. А с поступлением в оный и до кончины прошло 26 лет».

4.3. МОНАХ НАУМ. «КЕЛИЯ – ТА ЖЕ ПУСТЫНЯ»

Меньше чем через год после настоятеля скончался духовно близкий ему монах Наум, ревностно потрудившийся для своего спасения в Соловецком монастыре в течение 62 лет [83, с. 155–173].



Монах Наум.
Соловецкий патерик СПб. 1873 г.

Родом он был из Кемского уезда, по происхождению – карел. Оставшись сиротой, он в 1791 году 14-летним отроком попал со звероловами на Соловки и пожелал остаться трудником в обители. Главными чертами его характера были всегдашнее спокойствие духа, кротость и незлобие. Только через 28 лет ему дозволено было ношение рясы. Он был определен псаломщиком в Анзерском скиту.

При новом настоятеле было усмотрено, что Наум проживает в монастыре без увольнительного свидетельства, и решено было выслать его на место жительства. Он без пререкословия сел в карбас с попутчиками-поморами. Карбас отнесло противным ветром к Заяцкому острову, и две недели невозможно было тронуться в путь. Когда корабельщики догадались отвезти Наума обратно в монастырь, ветер переменился, и они благополучно ушли в Кемь.

Видя явное покровительство Божие изгнаннику, настоятель вернул его в скит. Разделяя с братией все труды, отец Наум прилагал к ним подвиги иноческого самоотвержения: ночи он проводил в слезных молитвах, сокращая, по возможности, время телесного упокоения; от рождения не пил ни вина, ни пива, ни чая; не носил теплого платья, довольствуясь одним поношенным подрясником и ветхой рясой, которых не взял бы и нищий, если бы нашел брошенными на дороге; никогда не мылся в бане, но летом купался в морской воде, а зимой часто обнаженный опускался в снег или в ледяную прорубь. В 1826 году архимандрит Досифей, во время новоначалия трудившийся вместе с Наумом в звериной и рыбной ловле, поручил ему чтение синодика в церкви преподобных Зосимы и Савватия. Так он

и простоял у гробов преподобных 27 лет в неотапливаемой церкви. Он не надевал теплой одежды и на замечание: «Батюшка, ведь ты застыл», – с улыбкой отвечал: «Ничего, зато не дремлется».

Когда в 1834 году производилась ревизская перепись, увольнительное свидетельство Наума, хотя и было в монастыре, но затерялось, и старца, более 40 лет подвизавшегося в обители, на страстной седмице в Великий Четверг отправили в г. Кемь. Он, выйдя на берег, не подумал заботиться о деле, ради которого прибыл, а направился в церковь. Некоторые купцы кемские, знавшие о его благочестии, сами приобрели для него формальный акт, свидетельствующий о его давнем увольнении в Соловецкий монастырь. Через две недели бургомистр ратуши привез его обратно в монастырь в его любимую келию, о которой он говорил: «Келия – та же пустыня».

Действительно, не входя в другие келии, всех любя и не имея ни к кому особенного пристрастия, постоянно погруженный в заботу о своем спасении, он и среди людей пребывал как в пустыне. Его постоянными сожителями были кот и петух. Преосвященный Игнатий Олонецкий, посещавший старца, спросил: «Для чего у тебя петух?» Он отвечал: «С ним жить, владыко, очень полезно: как он запоет ночью, вот и вспомнишь Петра Апостола, как он гласом петела пробудился к плачу о своем грехе». Отец Наум летом неутомимо трудился на им устроенных пяти огородах, а зимой делал деревянные поплавки для сетей. Он говорил: «С памятью о Боге усердное отправление всякого труда равно церковной молитве; то и другое равно благоугодно Богу и нам полезно».

Однажды перед утреней отец Наум шел с фонарем к часовне преподобного Германа, чтобы зажечь лампаду, и сподобился видеть самого угодника, идущим в мантии и клобуке от соборного храма в свою часовню. Вслед за ним вошел Наум, но уже никого не увидел. Поняв, кого удостоился видеть своими глазами, он всех увещевал ежедневно приходить к гробам соловецких чудотворцев и целовать их раки.

9 июня 1847 года архимандрит Димитрий, во время молебна преподобным, стоя у их раки, плакал. Наум, читавший канон соловецким угодникам, спросил его тихо: «О чем, брате, плачешь?» Архимандрит отвечал: «Видно за мои грехи Бог не дает тепла, и богомольцы страдают в море, истомятся, быть может, и воротятся домой, не побывав у преподобных»[13]. «Полно, брат, малодушествовать, – возразил Наум. – Преподобные пекутся о тех, кто с верою стремится к их святым мощам. Вот увидишь, что завтра же будут здесь все богомольцы». Потом прибавил: «Каково-то в Анзерах? Гостиница невелика и келий мало; пожалуй, и хлеба не хватит; напрасно зимой не послали муки побольше». Архимандрит удивился такому предсказанию. Однако в тот же день вечером в монастырь пришел по льдинам гонец с Анзера, прося о помощи: около 2000 богомольцев, отправившихся из Архангельска, были принесены льдами к Анзерскому острову. Все келии и помещения двух скитов были переполнены гостями, которые к тому же за два дня съели скудные скитские запасы продовольствия и оказались в бедственном положении. Немедленно из монастыря была подана помощь, и на следующий день богомольцы оказались в монастыре. Так слова старца в точности исполнились.

[13] В тот год весна была поздняя, и море было еще покрыто наносным льдом.

Надгробная плита монаха Наума

До конца жизни старец Наум неопустительно ходил в церковь и не оставлял своих трудов. За два дня до кончины он, с трудом возжигая свечу перед иконой Божией Матери, сказал: «В последний раз сам зажгу». На следующий день он вышел к озеру и, опустившись в воду по грудь, долго стоял, не в силах сам выйти на берег. Проходивший брат помог ему и привел в келью. В тот же день совершили над ним Елеопомазание, а наутро он причастился Святых Таин.

В последние минуты жизни старец Наум тихо творил молитву, перебирая четки. В два часа дня 10 июня 1853 года большой колокол возвестил о преставлении старейшего из братии, 62 года подвизавшегося с неослабной ревностью. По желанию всей братии могила была устроена за алтарем Преображенского собора, близ усыпальницы преподобного Зосимы, – почесть, которой удостаивались одни настоятели. На могильной плите начертаны были слова: «На сем месте покоится прах блаженного подвижника монаха Наума, потрудившегося в сей обители в простоте и терпении 60 лет, и благочестно скончавшагося 1853 года июня 10 дня, жития его было 73 года. Блаженни мертвии, умирающие о Господе!.. Ей, глаголет Дух, да почиют от трудов своих».

4.4. ЕПИСКОП АЛЕКСАНДР – ПЛАМЕННЫЙ МОЛИТВЕННИК И МУЖЕСТВЕННЫЙ ВОИН

Преосвященный епископ Александр был поставлен настоятелем Соловецкого монастыря в сане архимандрита в 1853 году, незадолго до того, как обители пришлось выдержать нападение английских кораблей. Промыслом Божиим во главе монашеского братства оказался человек с благочестивой и мужественной душой, проведший большую часть своей жизни в среде военных, будучи полковым священником.

Во время английской бомбардировки в 1854 году он вдохновил защитников святой обители на подвиг христианского самоотвержения и истинного патриотизма, так что отлично вооруженный и безжалостный враг был посрамлен и отказался от своих планов по захвату Соловецкой крепости. Память об этой

победе русского духа над английскими пушками свято хранится в истории Русской Церкви и Русского государства. Каждому посетителю Соловецкого архипелага о минувших событиях напоминают храмы и часовни, выстроенные архимандритом Александром в благодарение Господу Богу, Царице Небесной и всем святым за защиту обители от англичан, а также надписи на гранитных плитах, поставленных им на всех достопамятных местах.

Архимандрит Александр. Фотография из портретной галереи настоятельских покоев Соловецкого монастыря. АОМИИ. [57, с. 78].

Будущий епископ Александр (в миру Андроник Иванович Павло́вич) родился 17 мая 1799 года в селе Кобриновой Гребле Уманского уезда Киевской губернии в благочестивой священнической семье Иоанна Павловича и Агапии Ивановны Павло́вичей. О. Иоанн более тридцати лет священствовал в сельском храме Святителя Николая, при котором и кончил свою жизнь. Он был трезвенным, скромным, честным и трудолюбивым пастырем. Особенно почитая бескровное жертвоприношение пречистых Таин Христовых, он по освящении святых Даров усердно прочитывал все помянники и записки, так что на клиросе после пения «Достойно есть…» приходилось не один раз пропевать еще и Догматик. Принимая приношения от прихожан храма, он раздавал их Христа ради нуждающимся, всех утешал, всех наставлял и никогда никого не бранил.

Супруга его Агапия Ивановна была удивительно богомольна: бывая в Киеве, она иногда испрашивала дозволение провести ночь в лаврских пещерах на молитве. О любви преосвященного Александра к родителям свидетельствуют два придела, устроенные им на свои средства в Свято-Никольском храме, где служил его отец: один – во имя святого Иоанна Крестителя Господня и святого апостола Андроника, а другой – во имя святых мучениц Агапии, Ирины и Хионии. Вблизи этого придела были погребены оба родителя.

В память о матери преосвященный Александр пожертвовал в этот храм икону святых великомучеников Георгия Победоносца и Иоанна воина со следующей надписью на обратной стороне: «Сколь дивен Бог во святых своих! Епископ Александр в младенчестве был болен. Родная мать его Агапия Ивановна молила Бога об исцелении сына своего первенца, призывая с великою верою и упованием на помощь святых великомучеников Георгия Победоносца и Иоанна воина. Для

прославления имени Божия и Его святых икона сия написана для хранения на могиле матери моей в храме святых мучениц Агапии, Ирины и Хионии, в олтаре в незабвенную память. Каковое событие свидетельствует о святости и благочестии матери моей, которая прожила до глубокой старости, испытанная в горниле лишений и скорбей. Она пережила их с примерным истинно-христианским смирением и покорностью, и находила единственное утешение в молитве и в попечениях сына своего первенца. Она принадлежала к редкому числу людей истинно благочестивых, в поступках и делах которых все носит отпечаток простоты, скромности, чистосердечия, которые проникнуты превыше всего убеждением в бренности и суетности всего земного, и в святости и неизменности неисповедимых путей Вышнего Промысла. Она пред самою кончиною предсказала, что сын ея первенец будет архиереем, который в то время находился в Соловецкой обители архимандритом, при нападении Англичан на эту святую обитель – достояние преподобных отец Зосимы и Савватия, Германа и святителя Филиппа, митрополита Московского, а в начале игумена Соловецкого. Слава и благодарение Господу, дивному во святых, за дарованное нашим сердцам утешение! Аминь. 1857 г. Александр, епископ архангельский и холмогорский, настоятель Николаевского Корельского монастыря на острове Белого моря». В 1862 г. епископ Александр положил над могилой родителей чугунную плиту с надписью: «На терниях сего мира скончавшимся даждь, Боже, на цветах царствия пробудиться».

До принятия монашества епископ Александр носил имя в честь святого апостола Андроника, празднуемого Церковью 16 мая. Первоначальное образование отрок Андроник получил в сельской школе, в которой учитель-дьячок жестоко наказывал детей розгами. Однажды утром Агапия Ивановна заметила, что Андроник поднимается с постели, страдая от боли, а его рубашка на спине вся в кровавых пятнах. Узнав, что причиной этого была вчерашняя учительская экзекуция, родители забрали отрока из школы, и затем его обучением занимался двоюродный брат – священник.

Поступив в Киевскую духовную академию, Андроник всегда приезжал на каникулы домой, помогая отцу в хозяйственных делах и распоряжениях по дому. 17 июля 1817 года он окончил академию и 29 июля был рукоположен в диакона в местечко Бородянку Киевского уезда с оставлением при митрополичьем хоре в Киеве учителем латинского языка.

В это время отец Андроник служил в церкви Михаила Архангела в Свято-Михайловской обители, где почивали мощи святой великомученицы Варвары. Впоследствии, проживая на покое в Киеве, владыка неустанно каждый вторник совершал акафист перед мощами святой страстотерпицы.

Во время служения в Свято-Михайловской обители большое влияние на отца Андроника оказал преосвященный епископ Ириней Фальковский. Это был человек разносторонне образованный, знавший шесть языков. За двадцать лет наставнического служения в академии (1783–1804) он читал все курсы, начиная с арифметики и грамматики и кончая сложнейшими курсами философии и Богословия. Конец своей жизни преосвященный Ириней провел в строгом уединении, посещая ежедневно богослужения в храме, читая слово Божие в своей келии и полагая при совершении келейного правила от 100 до 500 земных поклонов.

На принадлежавших владыке книгах сохранились его собственноручные пометки: Псалтирь на греческом и латинском языках был прочитан им 331 раз, слово Иоанна Златоуста «К Феодору падшему» на латыни – 374 раза, чин присяги архиерейской – 814 раз, и тому подобное.

С глубокой благодарностью и великим благоговением рассказывал отец Андроник своим близким о преосвященном Иринее, а после кончины его поставил над его могилой в придельном храме во имя святой великомученицы Екатерины Свято-Михайловского монастыря икону, возжег пред ней на свои средства неугасимую лампаду, устроил на свои же средства ежегодное поминовение и начертал следующую надгробную надпись: «Здесь погребено тело в Бозе почившаго епископа Иринея Фальковскаго, бывшаго викария киевскаго, потом епархиальнаго смоленскаго и снова, по желанию своему, возвратившагося в эту обитель в 1812 г. со званием коадъютора настоятелем сей обители. Был в оба раза 15 лет. Скончался в 1823 г. апреля 12 дня, в неделю Фомину, на коленях в молитве к служению литургии, прочитав пред началом правила свою архиерейскую грамоту. Икону принес епископ Александр, в мире А. П-ч, в память своего рукоположения во священника 15 июня 1820 г. епископом Иринеем в сей обители во вторник. Ежегодно бывает 15 июня заупокойная литургия и панихида по вкладу епископа Александра. Лице преосвященнаго Иринея – лице его ангела на сей стене священномученика Иринея. Из земли взят, в землю и пойдешь, иерарх, и если время все уносит, то дела живут вечно. Со святыми упокой раба Твоего епископа Иринея. Аминь. 1866. Е. А.»

Спутницей жизни Андроника Ивановича была скромная киевлянка из бедного сословия Александра Максимовна, которая своей нежностью, добротой и благочестивым настроением души поддерживала мужа во всех трудах и скорбях. После рукоположения о. Андроник был назначен в Полоцкий пехотный полк, затем переведен в Либавский.

О семейной жизни о. Андроника в то время рассказывал его старший сын Иоанн[14]: «Нежно заботливая о муже и детях мать моя была необыкновенно домовитая хозяйка и вместе самых благородных и высоких правил жизни. Жалование батюшка, как полковой священник, получал весьма ограниченное: 150 рублей серебром в год. На эти деньги как трудно было и одеться и прокормиться всему нашему семейству! И вот, помню, бывало матушка скажет отцу: “Дай мне два рубля, сделаю тебе подрясник да еще и кофею себе куплю”. И действительно, сумеет купить на эти деньги материи на подрясник, а скроить и сшить умела сама. Когда квартировали мы в Риге, тамошние раскольники любили совершать свои браки у некоторых полковых священников без обязательства вступить в Церковь и воспитывать детей в православии. За такие бракосочетания давались не малые приношения… И хотя батюшка сам никогда не решался на подобные бракосочетания, все же матушка считала долгом заявлять и перед ним свое нежелание обогащаться от раскольников: “Отец Андроник! – были слова ее, – помни: пусть мы будем

[14] Протоиерей Иоанн Андроникович Павло́вич окончил курс в Киевской семинарии в 1839 г. Он единственный из всех детей оставался в живых в 1885 г., когда протоиерей Н. Флоринский собирал материалы для составления жизнеописания преосвященного епископа Александра.

еще беднее, и тогда не соглашусь, чтобы ты обвенчал раскольников, без полного обращения в православие жениха и невесты. Нам честь и правда всего выше и дороже!" За то Господь Бог видимо и ощутимо благословлял и награждал наших попечительных и вместе высоко честных родителей. Когда в 1824 году отец мой был переведен в Малороссийский кирасирский полк, господа офицеры скоро узнали о бедности своего нового священника. Что же делают добрые и благородные молодые люди? Немедленно предложили они между собой подписку на пожертвование в пользу батюшки и, собравши подписанное, поднесли ему сумму в 250 рублей серебром. Боже мой! С каким, помню, благодарением принял сию жертву батюшка, и с каким восторгом это неожиданное вспомоществование передавал матушке! Вспомоществование почти вдвое превышало сумму жалования, получаемого тогда полковыми священниками» [95, №6, с.165].

С 1827 по 1832 год отец Андроник был настоятелем Покровской церкви в местечке Рыжановке Звенигородского уезда в Киевской епархии. Прихожане полюбили своего доброго пастыря и не желали бы расставаться с ним, однако в январе 1831 года, будучи тридцати лет от роду, скончалась супруга отца Андроника. На его попечении осталось четверо детей: Иоанн, Гавриил, Христофор и Анастасия.

Дружескую поддержку овдовевшему священнику оказал преосвященный митрополит Филарет (Амфитеатров). По его благословению все сыновья отца Андроника воспитывались в Киевской духовной семинарии и успешно окончили в ней курс наук. Для дочери Анастасии первоначально нашлось место в Киевском Флоровском монастыре, где воспитательницей ее была благочестивая и трудолюбивая монахиня Сусанна, искусная златошвея. А затем Анастасия получила образование в образцовом пансионе г. Киева.

Отец Андроник, определив на воспитание детей, подал прошение обер-священнику армии и флота о зачислении его опять в полковые священники. Святейший Синод удовлетворил просьбу: 5 августа 1832 года он был определен священником в Алексапольский полк, в котором и прослужил старшим священником 15 лет.

Отец Андроник вел жизнь почти монашескую, строгую и подвижническую: никогда, за исключением священнослужений, не употреблял даже виноградного вина, чай употреблял не каждый день, трапезу свою ограничивал двумя самыми простыми блюдами. Он с великой любовью относился к своим прихожанам – воинам, которые готовы были положить душу свою за отечество.

За отлично-усердную службу и благонравное поведение Андроник Иванович был награжден в 1831 году скуфьей, в 1840 году – полугодовым жалованием 102 р. 85 к., в 1841 году он удостоился получить благословение Святейшего Синода, а в 1842 году был возведен в сан протоиерея преосвященным Тимофеем епископом Смоленским, так как в то время его полк квартировал в Смоленской епархии.

По этому случаю благоговейный и благодарный Богу протоиерей подарил старшему сыну икону со следующей надписью: «Протоиерей Андроник Ив. Павло́вич посвящен во диакона 29 июня, на память свв. апостолов Петра и Павла, во священника 15 июня на память св. Ионы митрополита Московского, возведен в протоиерея 22 января, на св. апостола Тимофея. В память молитвенного благодарения Премилосердому Господу Богу за великие Его благодеяния, излиянные в эти дни, написана сия икона тех святых, на память коих совершались сии мило-

сти. Да сохранится она в благословение в семействе старшего моего сына свящ. Иоанна. 1852 г. мая 17 день. А.» [95, №6, с. 169].

В 1845 году при содействии Андроника Ивановича в Алексапольском полку был выстроен новый храм, украшенный богатейшими крестами, за что командир полка и все воинские чины засвидетельствовали свою признательность отцу протоиерею.

В 1846 году отец Андроник был Высочайше награжден фиолетовой бархатной скуфьей. В тот год 6 августа Андроник Иванович навещал в Китаевой пустыни отца архимандрита Платона (Фивейского)[15]. Протоиерей Николай Флоринский, впервые увидевший там отца Андроника, так описывает свои впечатления: «В то время Андронику Ивановичу было под 50 лет. Роста он был высокого. Лицо имел приятное и многовыразительное, исполненные света и благости большие голубые глаза, величественную осанку, открытую добросердечную и благородную речь. Мы все восхищались сановитым протоиереем. По отъезде его, о. Платон сообщил доверенным к себе студентам, что о. Павло́вич – муж нравов непорочных, доброты сердца примерной, православия непоколебимого; … что в Павло́виче он имел о Господе друга самого искреннего, которому поверял он все свои скорби и находил не только сочувствие, но и подкрепление и утешение своей душе».

20 мая 1847 года указом Святейшего Синода протоиерей Андроник Павло́вич был переведен в Архангельский Морской Преображенский собор на вакантное место настоятеля и благочинного армейского ведомства.

Старший сын отца Андроника Иоанн был уже в то время протоиереем, средний – Гавриил – священником в полках, а младший – Христофор – обучался в Киевской семинарии. Дочь Анастасия собиралась отправиться с отцом в Архангельск.

Протоиерей Николай Флоринский вспоминал, как пришел с другом, бывшим тогда также студентом академии, навестить отца Андроника в скромном домике его родных в Киеве. Батюшка принял их ласково и предложил разделить свой скромный ужин, состоявший из борща и вареного картофеля. «Это моя всегдашняя трапеза, – пояснил он, – каша из гречневых круп составляет для меня лакомство». Когда студенты, простившись с отцом Андроником, возвращались домой, И. А. Гошкевич (впоследствии протоиерей и профессор Киевской семинарии) рассказал, что он познакомился с Андроником Ивановичем, когда его полк квартировал в Минске, что отец Андроник – подвижник строгий, что в Минске все его любили и уважали, что дочь его Анастасия – сколь образованная, столь и добродетельная девица, у которой было много достойных женихов, но она предпочла брачной жизни девическую.

Через год, 28 июля 1848 года, отец Андроник писал одному из студентов: «В г. Архангельске скучно жить. Удовольствий нет тех, что в благодатном климате южном. Холод, частое наводнение, как весной на Подоле в Киеве; в прошлом году сгорел, а теперь известная болезнь присоединилась. Имею утешение в храме Божием, великолепном соборе, где каждодневное служение, и в переписке с батюшкой[16], вашим благодетелем» [95, №6, с. 172]. Кроме служения в соборе отец Андроник преподавал Закон Божий в Константиновском детском приюте на сто девиц.

---

[15] Впоследствии архиепископ Костромской и Галичский.

[16] Преосвященным Платоном, бывшим тогда ректором Тамбовской семинарии.

О пастырской деятельности Андроника Ивановича в то время свидетельствовал в 1849 году начальник Архангельского порта вице-адмирал маркиз де Траверсе в своем представлении к награде его золотым наперсным крестом: «Определенный указом Святейшего Синода 20 мая 1847 г. настоятелем Морского Соломбальского собора Преображения Господня протоиерей Андроник Павло́вич, по прибытии в Архангельск, в самое короткое время привел в наилучшее устройство как часть духовную, так и хозяйственную. А при существовании здесь в лете истекшего 1848 года эпидемической болезни холеры, как истинный пастырь, примерной жизни, одаренный убедительнейшим красноречием слова и проникнутый редкою ревностью к славе веры Христовой, несколько раз делал крестные ходы на иордань, с увещеванием народа, которого в Соломбале жительствует более 10 тысяч, вести жизнь благочестивую, не верить ложным слухам, что эта болезнь – отрава, а внушал исполнять в точности правила, изданные на этот предмет правительством, чем самым водворил спокойствие. Для выражения же благодарности к Подателю всех благ, за прекращение язвы предложил прихожанам воздвигнуть памятником две иконы в кивотах: одну Живоначальной Троице, а другую Царице Небесной, Всех Скорбящих Радости, которые на собранную по подписке сумму уже изготовляются, и сверх сего принял немалое участие в призрении вдов и сирот всякого состояния, лишившихся мужей и родителей во время холеры» [95, №6, с. 174].

В 1850 году Андроник Иванович был награжден наперсным крестом, а в 1851 – палицей, «по вниманию к долговременной, отлично-усердной и полезной службе Церкви и российскому воинству». Заботясь о спасении душ вверенных ему воинов, отец Андроник не забывал и о благе духовенства, состоящего в военном ведомстве. В частности, он старался изыскивать средства для вдов и сирот армейского духовенства. За это ему дважды, в 1848 и в 1852 годах, была изъявлена благодарность от обер-священника армии и флота.

В 1853 году всеблагий Промысл воззвал ревностного служителя дома Божия на новое поприще – в святую Соловецкую обитель.

Впоследствии епископ Александр так рассказывал об этом в Киеве своим близким знакомым: «В марте 1853 года получил я приглашение в монашество. Это приглашение было, когда дочь моя заболела простудой. Она не любила, когда отец ректор Архангельской семинарии, бывая у нас, надевал на меня монашеский свой клобук со словами: “Как шло бы к вам, отец протоиерей, наше монашеское облачение”. “Что вы делаете, отец ректор, – говорила тогда моя Настя, – я не желаю, чтобы батюшка мой был монахом”. И говорила это серьезно. По такому ее отношению к монашеству, не сказывал я ей о приглашении меня в монахи из Синода. Но больная сама мне сказала: “Батюшка, вас зовут в монахи. Поступите в монашество и похороните мое тело в Соловецкой обители”. “С чего ты взяла мысль о смерти?” – возразил я. Больная отвечала: “Я видела сон, будто хожу по двору Соловецкого монастыря. Какой-то монах-старец взял меня за руку, привел в подвальный этаж церкви и, указывая на надгробные плиты, говорил: здесь такой-то святой похоронен, а здесь такой-то. Показав все могилы, старец вывел меня из-под храма, провел до врат и сказал прощаясь: “Иди и кланяйся от нас отцу своему, а о себе не беспокойся: ты скоро у нас будешь, и так легко прибудешь, как яблоко

скатишься". "Что же из этого сна следует? – сказал я. – По-моему, он означает вот что: ты доселе уже два раза удостоилась путешествовать на богомолье к преподобным Соловецким чудотворцам. И вот в болезни твоей они внушили тебе: дай обещание, когда выздоровеешь, в третий раз молиться там Богу". "Нет, батюшка, – отвечала больная, – я чувствую, что умру. Сделайте милость, не отказывайтесь исполнить моей просьбы: схоронить меня у Соловецких угодников". "А как ты узнала и от кого, что меня приглашают в монахи?" "Да, к вам есть приглашение именно в Соловецкий монастырь", – ответила больная. Удивило меня такое ясновидение дочери. Но все же еще не терял я надежды видеть ее выздоровление, и потому на частное пригласительное мне письмо из Синода ответа не давал. Только когда скончалась дочь моя, ответил я на формальное уже меня приглашение в настоятеля Соловецкого монастыря, последовавшее от обер-священника в ордере от 28 марта и в письме от 30 марта» [95, №6, с. 175].

В этом письме обер-священника В. И. Кутневича подробно излагаются обстоятельства избрания отца А. И. Павло́вича на место настоятеля Соловецкой обители: «Почтеннейший отец протоиерей! Возлюбленный о Господе собрат! Известная мне ревностная ваша служба, направляемая вами всегда к благу Церкви, и назидательный образ вашей жизни внушили мне мысль при рассуждении в Святейшем Синоде об избрании настоятеля в Соловецкий монастырь упомянуть о вас. Монастырь сей по важности своей во многих отношениях действительно заслуживает того, чтобы на избрание настоятеля в оный обращено было особенное внимание. Тут находятся многочисленные братия, посвятившие себя на служение Богу, требующие правильного, благопопечительного руководства в духовной жизни; тут находятся многие заключенные лица, страждущие различными недугами ума и сердца, которые требуют сердобольного, соединенного с христианской любовью и терпением попечения и врачевания их болезней; тут стекается из различных мест великое множество боголюбивых странников, желающих излить различные чувствования своего сердца у святых мощей великих угодников Божиих, Соловецких чудотворцев, которые требуют братолюбивого приема и душеспасительного назидания к утешению и подкреплению в благих их намерениях; не говорю о внешнем домостроительстве, которое по своей обширности и значительности требует деятельного попечения и благоразумной распорядительности, дабы обитель не оскудевала в способах своего содержания. Святейшему Синоду угодно было обратить внимание на сделанный мной о вас отзыв и поручить мне узнать о вашем на то согласии. Вот начало настоящего дела, продолжение коего вам известно из ордера моего от 28 марта. Поспешите, хотя это может быть соединено для вас с затруднением, приехать в Санкт-Петербург. Не смущайтесь сим распоряжением. Это для вас будет полезно. Высшее начальство ближе вас узнает, и вы можете получить от него нужные наставления для будущего вашего служения. В Санкт-Петербурге, если Бог благословит, вы примете пострижение в монашество и дальнейшее производство в сан архимандрита. Надеюсь, что дело сие, начавшееся из чистого побуждения любви к общей пользе, всепопечительным Промыслом приведено будет к вожделенному окончанию. Желая вам милости и благопоспешения во всех ваших намерениях от Господа, остаюсь с братской к вам любовью обер-священник В. Кутневич.

PS. При подписании сего письма получил я от вас бумагу о кончине вашей любезной дочери и желании вашем погребсти тело ее в Соловецком монастыре. Сердечно разделяю с вами вашу скорбь, неизбежную для природы, но желаю, чтобы вы нашли успокоение вашему сердцу в преданности воле Отца Небесного, Который все, что ни делает с нами, делает по бесконечной премудрости своей и благости к нашей пользе. Взойти теперь представлением в Святейший Синод о дозволении погребсти в Бозе почившую дочь вашу я нахожу неблаговременным. Это может быть испрошено по прибытии вашем в Санкт-Петербург, когда Святейший Синод благоволит назначить вас настоятелем Соловецкого монастыря» [95, №6, с. 177].

На письме рукой получателя отмечено: «получено 8 апреля 1853 года. Благодарю Бога». В те же дни друг отца Андроника архимандрит Платон писал к нему с места новой службы своей – из Владимира: «Возлюбленный о Господе брат! Честнейший отец протоиерей! Сам Господь все так устроил около тебя, чтобы тебе приять предлагаемое тебе настоятельство в Соловецкой обители. Сие звание Божие примите с полной покорностью и сознанием немощи своей. Не страшитесь трудностей сего служения. Сила Божия в немощи совершается. Земля Соловецкая – земля святая, истоптанная ногами святых, благоухающих благоуханием святыни. Если устрашает климат, то предайтесь и здесь воле Божией. Благодать Божия везде сильна поддержать и прекратить жизнь. При помощи благодати Божией и в Соловецком будете здоровы, а без благодати и в Киеве не проживете года. Итак, призвав Господа на помощь, скажите из полноты души: да будет воля Господа. Я же со своей стороны несомненно уверен, что Господь не оставит вас Своей милостью. Ибо Он сам зовет вас к Себе, сам так все устроил, что вам нечем отговориться, нечем задерживаться от принятия сделанного предложения… Умоляю вас сообщить мне о себе, что с вами и как будет устроено. Убедительнейше прошу вас принять предложение. Если же найдете себя не в силах исполнить возложенную на вас должность настоятеля, то всегда можете отказаться и ничего не потеряете» [95, №6, с. 177].

Ободренный этими дружескими писаниями отец Андроник, по совершении погребения умершей дочери и сорокадневного поминовения, подготовил к передаче своему преемнику все дела по собору и отправился в Санкт-Петербург, где подал следующее прошение на имя первенствующего члена Святейшего Синода преосвященного митрополита Никандра: «Будучи священнослужителем 36 лет, лишась жены, имею трех сыновей: одного священника и благочинного в Литовской епархии, другого священника Киевской епархии, и третий, прибывший из Киевской семинарии, находится при мне до поступления на гражданскую службу. Посему, не имея никаких семейных забот, я желаю остальные годы жизни своей посвятить на службу Господу Богу в святой Соловецкой обители в чине монашеском. Посему приемлю смелость припасть к святительским стопам вашего высокопреосвященства и смиреннейше прошу принять меня и дозволить постричь в чин монашеский. Формулярный же о службе моей список представлен господином обер-священником армии и флота Святейшему Правительствующему Синоду, при донесении о желании моем поступить в монашество, июня 5 дня

1853 года. Вашего высокопреосвященства нижайший послушник, протоиерей Андроник Иванович Павло́вич» [95, №6, с. 178].

Согласно своему прошению 20 июня 1853 года протоиерей Андроник был пострижен в монашество в Александро-Невской Лавре епископом Христофором, викарием Санкт-Петербургским. «Перед тем временем как постригать меня, – рассказывал потом друзьям своим епископ Александр, – на меня напал такой страх, что я вознамерился даже убежать от пострига и искал в алтаре, где стоял, двери для выхода из церкви. Заметив во мне смущение духа, бывший здесь отец духовник мой спросил о причине. Когда откровенно исповедал я ему страх свой, он мне сказал: "Укрепись, брате, верой в Господа, и поверь мне, – по совершении над тобой обряда пострижения почувствуешь над собой великую благодать и милость Его!" И подлинно, когда окончилось чинопоследование пострижения, я чувствовал необыкновенную радость и обновление духа. Скажу и об имени. Мне желалось, чтобы дали мне имя Александра, в честь святого благоверного великого князя Александра Невского, к которому питал я издавна особенное благоговение. Но нельзя по правилам монашеским самому назначать себе имя. Как же я удивился и обрадовался, когда меня назвали в пострижении Александром!» [95, №7, с. 257].

21 июня 1853 года священноинок Александр был возведен в сан архимандрита преосвященным митрополитом Никанором, а 25 июля 1853 года по Высочайшему соизволению назначен настоятелем Соловецкого монастыря.

Вскоре после прибытия в Соловецкий монастырь отец Александр получил разрешение перенести тело своей почившей дочери из кладбищенской церкви Архангельска, в которой оно было положено в свинцовом гробе, в Соловецкую обитель. Местом упокоения девицы Анастасии стал подклет нынешнего Троицкого собора, под тем самым местом, где почивали мощи преподобных Зосимы и Савватия. Скорбящий отец положил над ее могилой гранитную плиту со следующей надписью: «"Тогда восставше все девы и украсиша светильники своя"… Здесь погребена девица Анастасия – дочь настоятеля архимандрита Александра, бывшаго в мире протоиерея Андроника Ивановича Павло́вича, скончалась в г. Архангельске 16 марта 1853 г. Смерть двадцатилетней любимейшей дочери, лишившейся матери младенцем, расположила родителя ея по приглашению Святейшаго Синода вступить в монашество в сию обитель. Прибывши сюда на служение того ж 1853 г. октября 2 дня, принес и тело дочери с разрешения г. Министра Внутренних дел Д. Г. Бибикова.

О Преблагословенная Матерь распятого Господа моего! О сладчайшая Матерь милосердия! Умоляю тебя при гробе сем, принеси Твое умилостивительное слово пред Божественным Твоим Сыном, да ради твоего ходатайства, и молитв преподобных отец наших Зосимы и Савватия и прочих Соловецких угодников примет усопшую Анастасию в Царство Небесное. Не оставь и меня, когда и моя душа будет разлучаться с сею жизнию. Аминь.

Сколь дивны судьбы Твои, Господи! В Бозе почившая прибыла с родителем из Киева в Архангельск, в течение пятилетнего там нахождения два раза посетила эту обитель, а перед кончиною своею по чудному явлению угодника Соловецкого, предсказано ей было, что она еще будет в обители, но без путевых издержек. 1854 г. марта 16 дня».

Надгробная плита девицы Анастасии

Рядом с Анастасией через девять лет был похоронен и брат ее – Христофор, о чем будет сказано ниже.

О настоятельской деятельности архимандрита Александра в Соловецкой обители свидетельствует его письмо от 17 октября 1853 года, адресованное его земляку преосвященному Смарагду, архиепископу Орловскому: «Приношу вашему высокопреосвященству искреннюю благодарность за все ваши архипастырские милости, и всенижайшее прошу не оставить меня на будущее время вашею отеческою милостью, как земляка вашего, который с любовью в обители Соловецкой воспоминает имя ваше, да и покойных родителя вашего иерея Петра и братца протоиерея Гавриила, – и вашими молитвами о ниспослании мне помощи Всесильного. Братия приняли меня с любовью. Все рады были прибытию моему. Я сряду 12 дней служил Литургию по разным храмам; братию угощал четыре дня по чинам, – иеромонахов, иеродиаконов, манатейных монахов и рясофорных монахов, а между тем все успел осмотреть. Соловецкую обитель мирские жители обыкновенно называют Соловецк-городок, потому что они не имеют вблизи города, и все получают из обители, как из города. Теперь в моем ведении 757 человек на пяти островах. Я не посмел прислать что-нибудь вам своего рукоделья, – ремень опоясываться или что другое. В обители вся братия смирны, из мужиков; есть мало высшего звания, но все они крайне не любят опрятности. Я завел читать по субботам акафист Божией Матери с 12 иеромонахами, со славой, по примеру Братства Киевского; даже "Взбранной Воеводе" поют также как в Братстве. Я привез с собой разных нот и завел хор певчих, потому что мне эта часть хорошо известна: я был учителем певчих архиерейских в Киеве. Стараюсь служение величественное иметь по вашему совету. Не знаю, как дальше будет, а теперь с охотой занимаюсь служением и хозяйством. Малороссы способны ко всему. Я часто выхожу на повечериях читать за служащего иеромонаха акафист, и это всем нравится. Мне послал Бог дар читать хорошо. Теперь надолго прощайте, добрейший владыко святый. До апреля месяца мы не имеем сообщения ни с кем. Не успел я написать кое-что об арестантах своих. Я подробно описывал митрополиту. Верно он расскажет Вам. Поручая себя вашей святительской милости» [95, №7, с. 260].

Описывая свою мирную жизнь в Соловецком монастыре, архимандрит Александр не мог предположить, что здесь уготовал ему Господь место военного подвига, осиявшего славой не только северную обитель, но и все наше отечество. Причем победа совершилась более силой веры защитников Соловецкой крепости, чем силой оружия.

Военная угроза возникла в связи с началом Крымской войны: со 2 марта 1854 года Архангельская губерния была объявлена на военном положении. На

Соловках об этом узнали только 16 апреля, когда в монастырь добрался гонец из Архангельска, который доставил указ Святейшего Синода об эвакуации из монастыря драгоценностей и библиотеки.

В конце мая на гребном судне «Александр Невский» 26 ящиков и 4 бочки с драгоценностями и 16 ящиков с рукописными и старопечатными книгами были отправлены в Сийский монастырь. После соборной литургии в храме преподобных архимандрит Александр увещевал братию не унывать, что неприятель готовится проникнуть в наше Белое море, но вооружиться против него молитвой и постом, и заповедал со всей строгостью поститься по пятницам трех последующих недель. «Знайте, – сказал он малочисленной братии, отправлявшейся вместе с ценностями, – что где бы вы ни были, на море или на суше, когда придет пяток, мы все здесь в обители, каждый по своей силе, молимся и постимся; вы то же делайте, и вас Господь помилует и сохранит достояние угодников, с вами отправляемое неприкосновенным, и если вы сохраните сию мою заповедь, то возвратитесь опять в свою обитель в целом здравии, при спасении всего, что с вами было».

Для поднятия духа братии настоятель, кроме положенных ежедневно канонов и молебнов, начал совершать по воскресным дням за всенощным бдением акафист Сладчайшему Иисусу, а за утреней акафист Божией Матери, которые читал сам в церкви преподобных Зосимы и Савватия у святых их мощей, а также пред чудотворной иконой Божией Матери. К ектениям были присоединены молитвенные прошения, установленные Церковью при нашествии врагов.

Архимандрит Александр приложил все усилия, чтобы организовать оборону обители. В монастыре имелось всего 20 пушек, отлитых еще во времена Ивана Грозного и Петра I, и только две из них, трехфунтового калибра, годились в дело. В Арсенальной (Успенской) башне хранилось: 4 пищали, 2 мортиры, 645 ружей, 20 самострелов, 12 пистолетов, 1 карабин, 40 шпаг, 381 пика, 648 бердышей и один меч. Все это древнее оружие ремонтировали и подновляли в монастырской кузнице и раздавали желающим. 16 мая на остров были доставлены из Новодвинской крепости еще восемь пушек шестифунтового калибра с запасом боевых снарядов – по 60 штук на орудие. 10 имевшихся пушек расставили так: две в Корожной башне, две – в Прядильной, четыре – в различных местах по западной стене, еще две составили передвижную батарею на Сельдяном мысу. 26 мая 1854 года фейерверкер В. Друшлевский рапортовал военному губернатору: «Вооружение соловецкой батареи окончено 25 числа сего месяца». Неделю спустя в воды Белого моря вошла англо-французская эскадра под командованием капитана королевского флота Эрасмуса Омманея.

Архимандрит Александр стремился всех ободрить и произносил поучения, исполненные живого упования на помощь Божию. За десять дней до нашествия англичан, корабли которых уже совершали пиратские нападения на суда и прибрежные поселения по всей акватории Белого моря, после воскресной литургии архимандрит Александр произнес краткое слово для поднятия духа братии, внушая ей «не скорбеть о том, что мала, по-видимому, защита к предстоящей обороне от сильнаго врага, но твердо уповать на Господа и Пречистую Его Матерь и преподобных основателей, Зосиму и Савватия; ибо сам Господь заступлением их покажет такое чудо над обителью, какого дотоле там не видали» [67, с. 55].

За два дня до осады он говорил: «Что скорбите, братия, будто мы забыты и нет у нас войска? Нет, не забыты мы, а это Божий о нас Промысл: если отразим войском, то войску и слава, а наша вера где? Где и упование на Бога? Если же мы молитвою и верою отразим неприятеля, и нам Господь поможет, то будет Богу хвала, обители же вечная слава, что без войска отразили супостата» [67, с. 58].

Все это благотворно действовало на обитателей монастыря. Многие монахи и миряне пожелали с оружием в руках встать на защиту обители. Из них был сформирован отряд, приданный в помощь инвалидной команде под началом прапорщика Николая Никоновича. Вместе с прибывшим из Новодвинской крепости фейерверкером Викентием Друшлевским они каждодневно проводили обучение инвалидов и добровольцев приемам штыкового боя и меткости стрельбы.

6 июля трехмачтовые паровые фрегаты «Бриск» и «Миранда» приблизились к Соловецкому монастырю. Как только вражеские корабли показались в виду обители, колокольный звон призвал братию и мирян на молебен. Иноки собрались в храм преподобных Зосимы и Савватия, начался молебен перед ракой с мощами Соловецких угодников. В конце молебна прибыл в монастырь архимандрит Александр. С непокрытой головой, в одной дорожной рясе, преклонив колена и воздев руки к образу Божией Матери, он дрожащим голосом воззвал: «Царица Небесная! Ты защити обитель нашу и спаси нас; грехи наши навлекли на нас лютое испытание; но Ты, Премилосердная, отврати его и умоли Сына Твоего, Бога нашего, избавить нас от бед!..»

Затем был совершен крестный ход по крепостным стенам, с чудотворными иконами, и, для большего смирения, без парадного облачения и митры. По окончании крестного хода архимандрит Александр объявил трехдневный пост и призвал всех живущих в монастыре, включая и арестантов, на кого надеялся, «стать храбро за веру, за святую обитель и что каждый получит награду от Бога и от царя». Все были настроены решительно: или погибнуть, защищая святую землю, или победить.

Между тем на одном из фрегатов были подняты сигнальные флаги. Монастырь не отреагировал. Тогда англичане произвели три выстрела. Одно из ядер попало прямо в святые врата, отчего стоявшие поблизости стали их в испуге запирать.

Оказавшийся тут же архимандрит Александр, обеспокоенный более страхом защитников крепости чем вражеским ударом, закричал: «Что вы это? Еще неприятель далеко, а вы уже смешались! Посмотрите, сколько народу вне монастыря: если вы запретесь, то как они спасутся?» Мужество его ободрило оробевших. Береговая батарея ответила неприятелю столь удачным залпом, что «Миранда» получила пробоину и вынуждена была, прекратив огонь, отойти за кладбищенский мыс для ремонта. Настоятель сам поспешил на мыс, чтобы поздравить всех находившихся на батарее с удачным выстрелом и царской наградой. Он остановился на открытом месте против самых фрегатов, спокойно их рассматривал, пока спутники громкими криками не напомнили ему об опасности, которой он добровольно подвергался, ставя общественную пользу выше собственной жизни.

На следующее утро богослужение совершалось обычным порядком в соборном храме Преображения Господня, когда после великого славословия около пяти часов утра в гавани Благополучия ошвартовалось британское гребное судно под

белым флагом. В нем сидел парламентер, доставивший пакет с маловразумительной надписью на русском: «По делам ее Великобританского величества, его высокоблагородию, главному офицеру по военной части соловецкой». Вскрыв пакет, архимандрит Александр обнаружил в нем послание Э. Омманея, который выражал крайнее неудовольствие по поводу того, что давеча монастырские бомбардиры «палили на английский флаг». Далее шел ультиматум. Англичане требовали безусловной сдачи гарнизона, находящегося на острове Соловецком, вместе со всеми пушками, оружием, флагами и военными припасами. В случае нападения на парламентерский флаг, с которым эта бумага передана, грозили немедленной бомбардировкой монастыря. Предупреждали, что начнут бомбардировку, если комендант гарнизона не передаст сам свою шпагу на военном пароходе ее величества «Бриск» не позднее чем через три часа после получения этой бумаги. Указывали, что весь гарнизон со всем оружием должен сдаваться как военнопленные на острове Песий в Соловецкой бухте не позже, чем через шесть часов после получения послания.

Портрет архимандрита Александра. Лит. 1855 г.

Совместными усилиями Александра и соборных старцев вкупе с начальником инвалидной команды был сочинен достойный ответ, который незамедлительно передали английскому офицеру: «Гарнизона солдат Его Императорского Величества монастырь не имеет... и сдавать гарнизона, за неимением оного, нечего, и флагов, и оружия, и прочего не имеется.

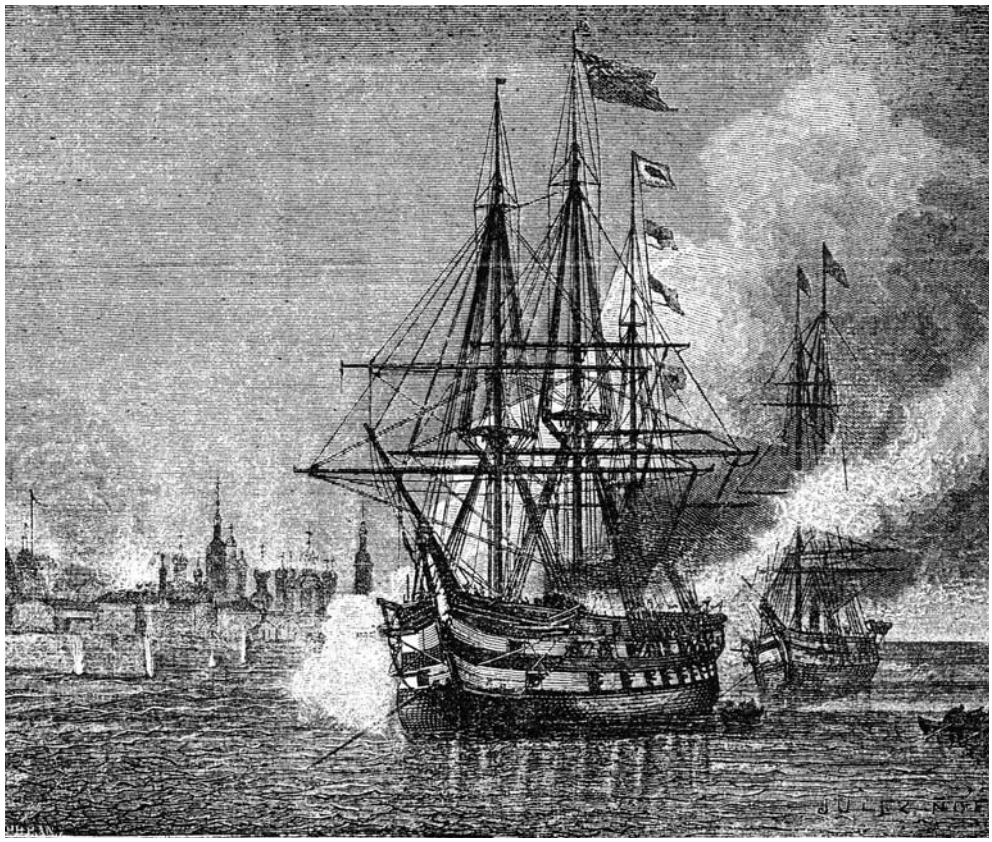
Нападения со стороны монастыря на парламентарный флаг не могло последовать и не сделано, а принята посланная депеша в тишине.

Коменданта гарнизона в Соловецком монастыре никогда не было и теперь нет, и солдаты находятся только для сохранения монашествующих и жителей.

Так как в монастыре гарнизона нет, а только охраняющие солдаты, упоминаемые в 3-м пункте, то и сдаваться, как военнопленным, некому».

И подписали: «Соловецкий монастырь».

Пока шли переговоры, настоятель благословил совершать литургию в трех храмах: в Преображенском соборе, в приделе Преподобных Зосимы и Савватия и в больничной церкви Святителя Филиппа. По окончании литургии архимандрит Александр сам с коленопреклонением читал акафист Царице небесной перед ее чудотворной иконой и преподобным у их священных рак. Во время этих вопи-

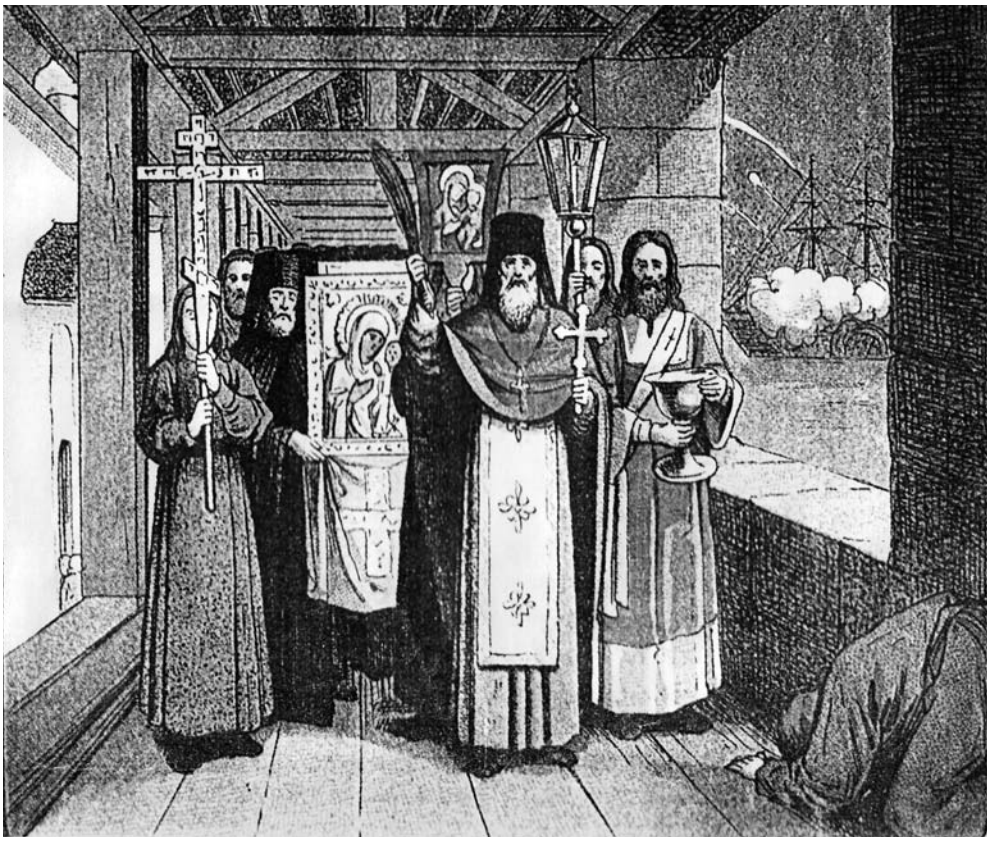


Бомбардирование англичанами Соловецкого монастыря. Рис. 1884 г.
«Соловецкий монастырь и его святыни». С-Пб. 1884. С. 73

ющих к небу молений в 7 часов 45 минут утра началась пальба. Бомба, пробив стену Преображенской паперти, разорвалась с ужасным треском, зажгла на паперти иконостас и наполнила дымом весь собор, ибо все стекла были выбиты и двери раскрылись сами собой. Многие люди попадали на пол, сам настоятель пошатнулся, но устоял: «Стойте, стойте; не бойтесь, только молитесь», – со слезами увещевал он народ. Потушили пожар и продолжали молитву.

Бомбардировка монастыря шла более 9 часов. Англичане имели подавляющее преимущество в вооружении: 120 артиллерийских стволов против 10 монастырских пушек. Несопоставимы были калибры орудий: на обитель сыпались и 96-, и 36-, и 24-фунтовые ядра, бомбы и гранаты, картечь. Отвечать обитель могла лишь 3- и 6-фунтовыми ядрами, да пулями засевших в прибрежных кустах стрелков. Э. Омманей, видимо, надеялся, что мощная корабельная артиллерия, произведя в монастыре достаточные разрушения и устрашив защитников обители, заставит их поднять белый флаг. Этого, однако, не произошло.

По окончании молебна в церкви преподобных архимандрит решил со всей братией в полном церковном благолепии совершить крестный ход по стенам вокруг



Крестный ход по стенам обители во время обстрела

обители, чтобы духовным оружием отразить вещественное. Иноки двинулись, с умилением воспевая тропарь: «К Богородице прилежно ныне притецем…» В самом опасном месте на юго-западном прясле стены, как раз напротив пароходов, нужно было остановиться для литии. Архимандрит, стоя на помосте, осенял народ крестом и чудотворной иконой Божией Матери, которую нес в руках. Ядра, прежде ударявшиеся в крышу над стеной, теперь пролетали над головами, не причиняя гибели.

Едва сошли с помоста, как два двухпудовых ядра сорвали его со страшным треском, не ранив, однако, никого. Когда спустились со стены около Благовещенской церкви, чтобы вернуться в собор, увидели, что по каменным плитам дорожки, по которой надо было идти, прыгают одно за другим ядра. Крестный ход остановился, не решаясь следовать дальше под градом ядер и бомб, но архимандрит Александр с иконой шагнул вперед, говоря: «Идите, идите». И когда крестный ход около 500 человек двинулся за ним, ядра стали перелетать через головы идущих, не задевая никого.

Настоятель приказал духовнику старцу Варнаве всех исповедовать и причащать запасными Дарами, полагая, что при высадке десанта монастырь может

быть сожжен, а многие защитники его убиты. Сам он тоже исповедался, а затем непрерывно служил молебны, взывая: «О многомилостиве Владыко, создатель всея твари, видимыя и невидимыя! Твоею божественною властию вся быша! Ты нас, недостойных и непотребных рабов Твоих, посетил еси страхом; но щедрою милостию не остави погибнути до конца от лютаго супостата, воюющаго и угрожающаго обители и нам грешным!»

«О Пресвятая Госпоже, Дево Богородице, скорая помощница и заступница рода христианскаго, родившая плотию Сына Божия! Ты предстоиши престолу владычню; непрестанно молися о рабех твоих к Сыну Твоему и Богу нашему, скорая помощница всем к тебе прибегающим по Бозе с верою и упованием на Тебя, Богомати!»

«О Преподобные отцы наши Зосимо и Савватие, молитвенники наши! Вы обрели на море-океане и благословили остров сей, и насадили его, трудами и слезами посвященное место Богу и иноческому сожитию, и аки виноград зрелый принесли плоды добродетелей своих. Вы создали и украсили обитель вашу святую, и нас привели от конец земли, и водворили нас недостойных, оставивши нам наследие ваше, яко чадом своим; и мы ныне грешнии по Бозе к вам прибегаем, яко к молитвенникам и ходатаям к Богу и его Пренепорочной Матери, о еже избавитися обители вашей и нам от грядущаго страха лютых супостатов, воюющих на святую православную церковь и угрожающих обители вашей. Яко же и ныне избавили от меча и огненнаго запаления. Не имамы надежды ни на оружие, ни на воинскую силу, токмо на Божие милосердие, и на Пречистую Матерь Спаса и на ваши святые молитвы. Не дайте в поругание святыя обители и нас грешных, да прославится имя ваше и обитель Богом спасенная, и по всей земли, и в православных христианах ведомо будет чудодействие» [67, с. 73].

Бывший строитель Анзерский достопочтенный старец Савватий, слыша эти пламенные молитвы, сказал: «Не может быть, чтобы Бог не услышал слез нашего настоятеля и не помиловал нас!»

Стойко и мужественно держались защитники монастыря. Начинавшиеся пожары тут же тушили, накидывая войлоки, смоченные водой, и используя брандспойты, расставленные по крепостной стене. Наместник иеромонах Матфей бегал по всему монастырю под выстрелами, принимая меры для тушения огня.

Особенно отважно сражалась береговая батарея под командованием унтерофицеров Пономарева и Николаева. Десять инвалидов и горстка ополченцев с двумя пушечками, ядра которых были размером с яблоко, противостояли двум шестидесятипушечным кораблям, ни на минуту не прекращая огня. Они просили принести на батарею икону или крест. Архимандрит отвечал: «Я послал приказание снять людей с батареи, грозит опасность, и я боюсь за вас». Однако рядовой Николай Яшников возразил: «Я штрафованный и желаю умереть или заслужить милость». Настоятель дал ему икону, благословил и сказал: «Я тебя не забуду». Он также послал на батарею благочинного иеромонаха Николая со святой водой, чтобы окропить храбрых воинов.

С полудня, когда фрегаты приблизились к монастырю, в дело вступили восемь 6-фунтовых пушек, установленных на западной стене. Здесь распоряжались Н. Никонович и В. Друшлевский. Из стрелков, рассредоточенных вдоль береговой

линии — на случай попыток высадить с фрегатов десант — и обстреливавших неприятеля из ружей, «отменно показали свое мужество» отставной лейб-гвардии унтер-офицер Николай Крылов, рядовые Тимофей Антонов и Терентий Рогожин, норвежский мещанин Андрей Гардер, впоследствии принявший православие, сосланные в монастырский острог бывший студент Киевского университета Егор Андрузский, бывший придворный певчий Алексей Орловский и многие другие.

Икона Божией Матери «Знамение» над входом на паперть Спасо-Преображенского собора. Фото нач. XX в.

Капитан вражеского судна признался, что затраченных при бомбардировке Соловецкого монастыря снарядов было бы достаточно для разрушения шести городов. Но снаряды отскакивали от стен строений, не причиняя им существенного вреда. Отчаявшись сломить волю защитников обители, Э. Омманей приказал прекратить огонь. В 5 часов вечера со свистом пролетело поверх стены последнее ядро и ударило поверх лика древней иконы «Знамение» Пресвятой Богородицы. Эта икона была написана во времена святителя Филиппа и поставлена над западными вратами при входе в Преображенский собор. Сию рану благоволила принять за обитель Царица Небесная, как и Сын Ее, за весь мир. И самый лик на иконе после сильного потрясения как будто сделался бледным из темного.

И наступила тишина. «Бриск» и «Миранда» стали на якорь. В обители служили всенощное бдение в память иконы Божией Матери «Казанская». С умилением пели акафист Заступнице и Взбранной Воеводе православных христиан. В три часа утра началась Божественная Литургия. Настоятель служил сам, без отличий, как простой иеромонах. В ожидании продолжения пальбы все до единого сделались причастниками Святых Таин, а после Литургии служили молебен у рак преподобных и совершили крестный ход по стенам, как и накануне.

Во время крестного хода внезапно, к общему удивлению, фрегаты, разведя пары, снялись с места и покинули Соловецкие острова. Тут же на дворе, перед пораненной иконой «Знамение» Пречистой Богородицы, начали служить благодарственный молебен. Сам настоятель на коленях читал акафист, и все плакали от избытка чувств. Архимандрит в донесении писал: «Неприятель за безуспешностью своих напряжений к разрушению ушел, … и мы, воздав Всевышнему благодарение с приложением трехдневнаго поста сухоядением, и крестнаго хода по стене, остаемся до сего времени в совершенном спокойствии». В монастыре убитых нет,

раненых нет, повреждения — самые незначительные. Бомб и ядер по монастырю выпущено около 1800 штук.

Обитель, как докладывал позднее архимандрит Александр в Святейший Синод, была спасена «великим ходатайством и заступничеством перед Богом Соловецких Чудотворцев». Это обстоятельство, по убеждению архимандрита Александра, достойно было увековечения в памяти потомков.

Уже летом 1854 года в центральном дворике устроена была на каменном фундаменте «решетчатая деревянная ограда, окрашенная масляной краской, в коей помещены собранные неприятельские ядра и черепки разбившихся бомб»[17]. Рядом поставлены две трехфунтовые чугунные пушечки, которые были в действии против англичан. На стенах крепости, собора, келейных корпусов места попадания вражеских снарядов были обозначенными черными, наведенными масляной краской, кругами, которые до сих пор можно видеть на южной стене святительского корпуса.

Тем же летом в Макарьевской пустыни была выстроена и освящена деревянная часовня во имя Благоверного князя Александра Невского – святого покровителя русских воинов и самого архимандрита Александра. При входе в Сухой док установили обелиски, на которых также имеются приличествующие надписи[18].

К югу от входа на паперть Спасо-Преображенского собора, над которым помещалась икона Божией Матери «Знамение», принявшая на себя удар последнего 96-фунтового английского ядра, укрепили гранитную плиту со следующей надписью: «Сию едину рану сотвориша в Богоспасаемой обители сей корабли англов, иже нападаху на ны в лето от создания мира 7362, от воплощения же Бога Слова 1854, в 6 и 7 дни месяца иулия. Се бысть последнее оружие их прелетевшее сверху

---

[17] В 1858 году, при сооружении Царской колокольни, ядра и осколки были сложены в виде пирамиды под колоколом «Благовестник».

[18] Обелиски при входе в Сухой док имеют в основании постаменты прямоугольной формы. На постаментах — усеченные пирамиды, ранее венчавшиеся крестами. На обелисках имеются надписи. На северном: «Гавань сия начата строить по дозволению Святейшего Правительствующего Синода при архимандрите Димитрии с братиею в апреле 1843 года, а окончена работа 1846 года сентября 26 числа» (надпись сделана на западной стороне постамента). Обелиск установлен во второй половине XIX века. На южном: «Главнокомандующий эскадрою в Белом море Английского флота капитан Эрасмус Омманей учинил нападение на Соловецкую обитель на 2-х фрегатах Бриск и Миранда в 1854 году июля 6 и 7 числ, перед тем требовал сдачи монастыря и команды. Настоятель архим. Александр отказался исполнить требование неприятеля. Июля 6-го в 5 часов пополудни бомбардировал с одного парохода с западной стороны час. 7-го июля открыл канонаду с 8 часов утра с обоих пароходов ядрами и бомбами 36-ти и 96 фун. и палил с юга через это место без умолку 9 часов, во 2 часу один пароход отделился за Песий остров и стрелял с западной стороны до Благовеста вечернего. Несмотря на десятичасовое в оба дня бомбардирование монастыря убитых и раненых не было не только людей бывших в крестном ходу вокруг монастыря и по послушаниям, но и малых чаек, во дворе между коими падали ядра. Только деревянная гостиница Архангельская была как решето избита навылет каменными ядрами, но возгорания не было нигде. О! Вера Святая наша Вера! О! Великое ходатайство и заступление пред Богом Соловецких Чудотворцев о своей обители. Господь допустил напасть на монастырь, да являются дела Божии на нем, Россия узрела дивное милосердие Божие и чудный Покров от Знамения Пресвятыя Богородицы, Царству Русскому. С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог, услышите до последних земли, яко с нами Бог. Аминь. Видеша вси концы земли спасение Бога нашего, яко дивная сотвори Господь».

Благодарственный молебен перед
пораненной иконой Пречистой Богородицы «Знамение» . Лит. 1855 г.

стен обители и приразися к честней иконе, егда начат петися вечернее пение празднества Пресвятыя Богородицы честныя иконы Ея Казанския. Вемы, Владычице, яко язвою Твоею от язв спасохомся, и сего ради со слезами припадаем к честней иконе Твоей, от нечестия врагов пострадавшей, лобызающе и взывающе: Пробави (продли), Владычице, милость Твою на ны и на всю Землю Русскую, и споборствуй Благочестивейшему Государю нашему Императору Николаю Павловичу на языки брани хотящему, омраченная же сердца врагов наших просвети и обрати, мир умири молитвами Твоими. 1854. А.А[19]. Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою».

На следующее лето, а именно 10 июня 1855 года малярный старец Григорий и послушник Василий Чудинов, осматривая крышу Спасо-Преображенского собора, чтобы выяснить, требуется ли ремонт, обнаружили за иконой неразорвавшуюся гранату 26-фунтового калибра.

Слух об этом мгновенно разнесся по монастырю, стали собираться любопытствующие, однако архимандрит Александр приказал оставить смертоносный снаряд на месте. На другой день 11 июня во время утрени настоятель с 12 иеромонахами и 2 иеродиаконами вышел из Преображенского собора и читал на паперти перед пораненной иконой акафист Божией Матери. 12 июня в день воскресный был храмовый праздник в кладбищенской церкви преподобного Онуфрия Великого, где и отслужили соборную литургию. Затем настоятель пришел с крестным ходом в монастырь и пел молебен Царице небесной перед иконой «Знамение». После молебна в присутствии всего народа граната была вынута из-под крыши фейерверкером Рыковым. Граната была вполне исправна и, если бы разорвалась,

[19] Архимандрит Александр.

«то могла бы разрушить икону и всю стену храма при входе в собор. А сим явно доказывается бывшее великое заступление Царицы Небесной о Соловецкой обители, не допустившей причинить пагубу оной гранатою» [95, №7, с. 272].

В память об этом событии с северной стороны от входа на паперть Спасо-Преображенского собора была поставлена еще одна гранитная плита с надписью: «И другую рану благоволила Матерь Божия принять за спасение всех и на сей Свой образ при бомбардировании обители англичанами Июля 7 дня, 1854 года, по прошествии почти годичного времени, Июня 12 дня, 1855 года — найдена за сим образом чугунная граната 26-фунтового калибра с механическою трубкою и двумя фунтами пороху, которая, влетевши с левой стороны под крышу, приразилась к задней стороне к подножию образа и здесь остановилась без разрыва, обозначив свое приражение и на лицевой стороне отпадением красок и штукатурки. О Пресвятая Дево, Мати Божия! Видеша очи наши Твою помощь и заступление, язвами бо Твоими спасохомся недостойнии от обышедших ны видимых зол и бед; молим Тя, крепким Твоим воеводством побори и победи невидимые полки сатанины, непрестанно нападающие на ны, исхити и свободи от порабощения их и неприступны и страшны нас тем покажи. На Тебе, Богородице, надеемся, Тобою хвалимся и Тебе поем песнь: Аллилуиа».

В богослужебный устав Соловецкого монастыря по просьбе архимандрита Александра были внесены следующие дополнения: ежедневно на литургии по малом входе петь кондак Божией Матери «Не имамы иныя помощи», а по окончании литургии – «Под Твою милость», кроме великих Господских праздников; ежегодно соблюдать 7 июля строгий пост, а 8 числа литургию служить ночью в 3 часа утра, а затем совершать крестный ход вокруг монастыря по стене и служить молебен перед пораненной иконой Божией Матери у входа в Спасо-Преображенский собор.

В конце октября 1854 года архимандрит Александр выехал в Архангельск, чтобы далее следовать в Санкт-Петербург с отчетом о событиях, происходивших в обители во время нападения англичан.

Он отправился в путь на малом гребном карбасе. На другой день начался шторм. Ветер дул в сторону берега, так что карбас должен был либо опрокинуться, либо разбиться о камни. Посоветовавшись, мореходы решили оставить судно и броситься в море на самую большую волну. Архимандрит Александр лежал на дне карбаса пораженный морской болезнью. Монах Арфаксад, опытный мореход, закричал: «А что ж мы не говорим архимандриту, что погибаем?» Народ стал бросаться в море на волны, а архимандрит Александр со слезами на глазах ожидал смерти, ибо плавать он не умел. Тогда послушник Виталий, купеческий сын из города Слободского, сказал: «Хватайтесь за мою шею и крепко держитесь, а я брошусь в море на волну и вас удержу». Предложение было принято, и они вдвоем последними оставили карбас. По милости Божией всех людей волны выбросили на песчаный, а не на каменистый берег близ селения Яреньга, и все бывшие в карбасе спаслись. Архимандрит писал, что когда он пришел в себя, то «сладко-сладко заплакал от радости и благодарил Бога за спасение»[20].

В 1855 году англичане вновь подходили к Соловецким островам, но военных действий не открывали. Они высаживались только на Заяцкий остров, чтобы по-

[20] Странник. СПб., 1861. Т. 3. С. 210.

полнить запас воды и продовольствия, и передали через жившего там при церкви монаха Мемнона записку с просьбой о встрече с настоятелем. Опасаясь агрессивных действий с их стороны, архимандрит Александр дал согласие на переговоры.

22 июня в среду в 11 часов дня он на гребной шлюпке направился в сторону английского фрегата. Сначала он обратился к неприятелю по-немецки, но затем перешел на русский язык, сказав, что будет разговаривать на их языке, когда они прибудут в монастырь гостями, а не завоевателями: «А начал я с вами говорить по-немецки, чтобы вы знали, что в России духовенство и на пустынных островах с образованием служат Господу Богу и пламенно любят своего Царя и Отечество».

Английский офицер Антон просил о выдаче быков для провианта. Архимандрит Александр отказался снабдить представителей английской эскадры продовольствием, сказав, что быков в монастыре нет, а коровы необходимы для снабжения молоком братии, и пообещал утопить коров в море, если англичане попробуют силой завладеть ими.

Вернувшись в монастырь после переговоров в 1 час дня, настоятель служил в тот день в Успенском соборе литургию и молебны; служба кончилась в 4 часа пополудни. В эту неделю три дня в обители и скитах был строгий пост, и Господь в лето 1855 года не попустил завоевателям нарушить покой иноков. В память об этих событиях был установлен переговорный камень на берегу моря в трех километрах от монастыря напротив того места, где в море состоялись переговоры. с. 600

Хотя, по словам беседовавшего с архимандритом Александром в 1856 году С. В. Максимова, из других архимандритов он был самым кротким и милостивым, это не помешало ему проявить завидную энергию и мужество, когда пришлось быть не только духовным настоятелем монастыря, но и комендантом военной крепости. За отражение нападения англичан архимандриту Александру выразили свою признательность, как духовные, так и гражданские власти. Он получил ряд наград: 17 апреля 1854 года – орден Святой Анны 2-й степени, 22 июля 1854 года – золотой наперсный крест, украшенный драгоценными камнями на Георгиевской ленте, 31 декабря 1856 года – благословение Святейшего Синода за постоянную ревностную заботу о благоустроении Соловецкой обители.

Архимандрит Александр испросил разрешение на устроение десяти новых престолов в благодарность Господу за избавление от англичан, но в бытность его настоятелем Соловецкой обители была освящена только церковь во имя иконы Пресвятой Богородицы Живоносный источник в Филипповой пустыни, а для остальных храмов он священнодействовал антиминсы, когда стал уже епископом Архангелогородским.

Также по его инициативе на своде церкви святителя Филиппа в восьмерике был устроен придел в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение». В приделе была помещена каменная плита с надписью: «Господи, отверзи нам ум разумети Твоя чудеса! Некто в сей обители перед нападением англичан в 1854 г., после скорбной молитвы, услышал во сне глас: “Прославляющих мя прославлю”. Это вдохновило его и всех сетовавших в обители. Прославляемая Царица Небесная прославила обитель Соловецкую во спасение всего отечества. Явила явное заступление в страшную, яростную канонаду десятичасовую, во время коей благоволила усвоить в иконе “Знамение” уязвление двумя ядрами за живущих в обители: а по-

тому в обители никто не был убит, никто не ранен, малые чайки, на монастырском дворе сидевшие стаями, между коими падали ядра, не ранены. В вечную благодарность Премилосердной Царице Небесной за великое и дивное заступление обители настоятель архимандрит Александр с братией возжелали иметь храм Знамения Пресвятыя Богородицы, который и устроили в 1857 г. в здании, построенном в 1801 г. В сей храм по указу Святейшего Синода перенесена из Анзерского скита чудотворная икона "Знамение" Пресвятыя Богородицы времен преподобнаго Елеазара. Аще Бог за ны никто же на ны, и кто постыдится исповедати Бога пред человеки, того и Он постыдит пред ангелами Своими. Аминь. 1857 г.» В настоящее время эта плита находится у северного фасада церкви святителя Филиппа.

с. 508

Обустройством Савватиевского скита Соловецкая обитель также обязана архимандриту Александру. В 1854 году он ходатайствовал перед Святейшим Синодом об устроении каменной церкви в честь Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии на месте первого поселения преподобного Савватия, в 1856 году церковь была уже построена, а в 1860 году – освящена. Остальные храмы, задуманные архимандритом Александром, достраивались и освящались его преемниками, так как 13 августа 1857 года Высочайше конфирмованным докладом Святейшего Синода Всемилостивейше ему было повелено быть епископом Архангельским и Холмогорским.

Прощаясь с Соловецкой братией, архимандрит Александр сказал: «Соловецкую обитель я столько возлюбил, в коей Господь спас мою жизнь от видимой смерти, что я желал бы здесь и кости свои положить» [95, №7, с. 273].

Рассказ о настоятельстве архимандрита Александра в Соловецкой обители уместно закончить словами приснопамятного Филарета митрополита Московского, сказанными им в беседе с протоиереем Иоанном Андрониковичем Павло́вичем: «Настоятеля в Соловецкий монастырь мы могли найти, но защитника нам только Промысл мог указать».

17 ноября 1857 года архимандрит Александр был хиротонисан во епископа Архангельского и Холмогорского в Казанском соборе Санкт-Петербурга митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Григорием. На Архангельской кафедре он служил в течение трех лет. 5 января 1858 года преосвященный Александр прибыл в Архангельск. Он направился сразу в кафедральный собор к литургии, где при вступлении его приветствовал речью протоиерей собора отец Николай Жданов.

В июне 1858 года епископ Александр сопровождал императора Александра Николаевича, пожелавшего лично осмотреть следы бомбардирования Соловецкого монастыря англичанами.

Государь прибыл в обитель на пароходофрегате «Гремящий» 20 июня в 11 часов вечера. Светлой северной ночью около трех тысяч богомольцев ожидали встречи императора. При колокольном звоне и пальбе с парохода и находящихся на монастырских стенах орудий предшествуемый духовенством государь император направился в Спасо-Преображенский собор.

Отслушав молебен в церкви преподобных Зосимы и Савватия и приложившись к их святым мощам, его величество пошел осматривать весь монастырь и обошел вокруг стен крепости в сопровождении преосвященного Александра,

выслушивая из первых уст подробности военных действий 1854 года. После кратковременного отдыха государь в половине пятого утра слушал литургию в церкви преподобных Зосимы и Савватия. Затем он посетил гробницу преподобного Германа и келию, в которой жил митрополит московский Филипп, будучи игуменом Соловецкого монастыря.

В половине седьмого утра царственный гость вернулся на «Гремящий», чтобы совершить обратное плавание в Архангельск. По случаю нахождения при высочайшем плавании государя императора 21 июня 1858 года преосвященный Александр удостоился лично получить из монарших рук орден Святой Анны первой степени и бронзовую медаль на Андреевской ленте за участие в Крымской войне.

с. 496

Удостоверившись в военных подвигах Соловецких монахов, государь отличил их крестами и медалями в память Крымской войны 1853–1856 годов, пожертвовал обители 72-пудовый колокол с изображением обстрела монастыря, а также пожертвовал 2000 рублей на устроение придела в честь благоверного князя Александра Невского.

с. 442

На следующий день преосвященный Александр сопровождал его величество при посещении Сийского Антониева монастыря, известного тем, что при Борисе Годунове там находился в заключении Феодор Никитич Романов – родитель царя Михаила Феодоровича, будущий Патриарх Филарет.

Преосвященный Александр приложил немало усилий, ходатайствуя перед Святейшим Синодом о возведении Холмогорского Успенского третьеклассного жен-

ского монастыря во второй класс, с тем, чтобы вместо одного священника, служившего ежедневно, можно было назначить двух и увеличить число монашествующих, которое было ограничено 17 кроме игумении. Это был единственный женский монастырь на Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую епархии, поэтому в то время около 80 вдов и девиц проживали в нем, и не постригали их только потому, что не было вакансий в штате. К радости насельниц, это ходатайство было удовлетворено.

Помимо трудов по епархии, епископ Александр с 1858 года нес еще нагрузку как вице-президент Архангельского попечительного тюремного комитета. Не забывал преосвященный и Соловецкую обитель. По воспоминаниям паломника, в Лазареву субботу 1859 года епископ Александр прибыл со свитой на Орлов Нос, откуда можно было с великой опасностью между льдами на небольших лодках добраться до Соловков. С владыкой привезли на лошадях три карбаса, и на них он смело пустился в море, после того как со слезами, на коленях все путники пропели тропарь и кондак Соловецким преподобным и песнь Божией Матери «Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево».

Владыка приказал всех странников-богомольцев забрать без платы со своей свитой. На карбасах во время плавания пели Богородичные. Льды, как громадные здания, со страшным шумом и треском двигались в разных направлениях, и между этими льдами пробирались паломники на трех маленьких карбасах, ободряемые верой в Промысл Божий. Господь даровал милость епископу Александру: морской путь протяженностью 60 верст был пройден за три с половиной часа, хотя, по словам мореплавателей, сопровождавших владыку, часто этот переход занимал от трех до десяти дней и не всегда оканчивался в желаемом месте. Пристали карбасы к острову Муксалма, их вытащили на берег, разожгли костры и послали гонца на лыжах в монастырь просить о присылке лошадей для владыки, так как предстоял еще путь по острову около 25 верст.

«В обитель преосвященный прибыл к концу всенощной в неделю Ваий, и все братия обители от мала до велика, в руках с ваиями и свещами вышли из храма во Святые врата встречать бывшего своего начальника с радостью и любовью, и архипастырь умел надлежащим образом оценить их чувства. Он решился провести с ними все дни Страстной седмицы и праздновать Пасху… С понедельника Страстной седмицы и до самого отъезда своего он сам совершал ежедневно литургии и все уставом положенные дневные службы; сам читал Евангелие на часах. Каждый день Страстной седмицы он заключал трогательным и умилительным каноном и акафистом Страстям Христовым… <В Великий четверток был совершен чин омовения ног, в пяток – омовение мощей, а в субботу таинство Елеосвящения.> При всех богослужениях ходили в храм на молитву арестанты, содержащиеся в Соловецкой обители, и один из них при совершении Елеопомазания до того умилился, что раскаялся в своем заблуждении. Архипастырь как бы в память посещения обители рукоположил трех иеродиаконов в сан иеромонаха, трех иноков в сан иеродиакона и одиннадцать послушников посвятил в стихарь. 14 апреля – это был вторник Светлой седмицы – после литургии и молебна Преподобным преосвященный, напутствуемый благословениями монашествующих, богомольцев и трудников отправился в обратный путь»[21].

[21] Душеполезное чтение. 1860. Т.3, №9. С.174-184.

Таково было пасхальное прощание преосвященного Александра с Соловецкой обителью. В том году ему исполнилось 60 лет. Старческие недуги заставили его подать прошение о переводе в одну из южных епархий. 13 сентября 1860 года преосвященный Александр был назначен епископом Полтавским и Переяславским. По причине тех же болезней 16 октября 1862 года он написал прошение об увольнении на покой: «Прослужив Церкви Божией сорок шесть лет, уже чувствую себя ослабевшим в силах, потому что служба моя разнообразная на воде и на сухом пути сопряжена была с большими трудами, до того, что каждый раз, будучи в великих опасностях, приготовлялся к смерти, и не могу более продолжать епархиальной службы». Затем преосвященный Александр изложил причины, побуждающие его просить разрешения провести оставшееся время своей жизни в Соловецкой обители: «1) Я полагал начало монашества в этой обители и удостоился быть зрителем радостного, дивного милосердия промысла Божия, совершившегося во время нападения англичан на эту обитель. 2) Во время Высочайшего плавания Государя Императора в Соловецкую обитель в 1858 году я имел счастье сопровождать Его Величество из Архангельска в обитель в качестве настоятеля и объяснять Его Величеству со всеми подробностями штурм англичан на обитель, и на обратном плавании кроме Высочайшей награды – сопричисления к ордену святой Анны – имел утешение удостоиться получить на корабле из монарших рук медаль на Андреевской ленте за минувшую войну, и слышать слова Августейшего монарха: "Еще раз благодарю вас за службу в Соловецкой обители; вот вам моя медаль". И когда я от радости стал плакать, то Августейший монарх произнес: "Вы мне при служении молебна так прекрасно прочитали молитву, что я вас не забуду". О подробностях этого дела было мною донесено тогда же бывшему господину обер-прокурору Святейшего Синода Александру Петровичу графу Толстому с представлением молитвы, которую Святейший Синод разрешил напечатать. 3) Во время священного венчания и помазания на царство Государя Императора, ныне благополучно царствующего, в Бозе почившая Великая Княгиня Мария Павловна изволила мне передать свой привет через архангельского городского голову и назвать меня Палицыным… Палицын скончался в Соловецкой обители. Посему смиреннейше осмеливаюсь просить Святейший Синод определить меня управляющим Соловецким монастырем на правах настоятеля» [95, №7, с. 280].

Была и еще одна веская причина проситься в Соловецкий монастырь преосвященному Александру – любовь к двум младшим детям своим, там похороненным. 27 апреля 1862 года скончался его сын Христофор Андроникович, состоявший чиновником в канцелярии Святейшего Синода. За 10 дней до кончины он писал отцу: «Воистину воскресе Христос, дражайший родитель! Телеграмма ваша на первый день Пасхи обрадовала меня. Благодарю Бога и Пречистую Матерь Его, что я могу хотя несколько слов написать вам. Тяжка была болезнь моя, страшны были и нравственные потрясения… Ко мне больному принесли вчера из Вознесенской церкви чудотворную икону… Дражайший родитель! Если Господу угодно будет исцелить меня, то я дал обет посвятить остаток дней Богу в иноческой жизни под вашим покровом. А потому не выходить ли мне по выздоровлении прямо в отставку, или брать отпуск? Как ваше на это будет приказание, я совершенно выполню. Пишите скорее. Молитесь, молитесь и молитесь о недостойном сыне Христофоре, 17 апреля 1862 года» [95, №7, с. 282].

Однако, несмотря на усиленные молитвы, болезнь не отступила. Больной приобщился Святых Таин, над ним было совершено Таинство Соборования, наконец, священник из Вознесенской церкви пришел читать последование на исход души. С последним словом отходной больной испустил дух.

Кончина его была истинно христианская: тихая и мирная. Отец, получив печальное известие, немедленно разослал щедрые пожертвования на помин души Христофора и сродников в Троице-Сергиеву и в Киево-Печерскую лавры, в Соломбальский Архангельский собор и в Соловецкую обитель. Он распорядился о погребении покойного рядом с его сестрой, девицей Анастасией, в подклете под приделом, где находились раки преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев.

В надписи на надгробной плите Христофора выражены чувства скорбящего отца: «Плачущися чад своих и не хотяше утешитися, яко не суть. Здесь погребено тело в Бозе почившаго Христофора Андронниковича Павло́вича – чиновника канцелярии Святейшего Синода. Скончался в Санкт-Петербурге 27 апреля 1862 года в возрасте 30 лет. Тело сюда привезено по желанию отца усопшаго – Александра епископа Полтавского с разрешения начальства.

В часы страдальческой тоски
Мне тяжко… мне одне лишь милы
Мои две хладные могилы.
Бог усопших да упокоит
И мою судьбу да устроит.
1863 Е. А.»

Нужно сказать, что Христофор находился в Соловецкой обители все время, пока отец был в ней настоятелем, а впоследствии поступил на службу в канцелярию Синода. Поэтому знавшие его братия соловецкие искренне оплакивали раннюю кончину достойного молодого человека, о чем извещал преосвященного настоятель Соловецкий архимандрит Порфирий в письме о совершении погребения тела усопшего. Естественно, что епископ Александр желал и себе устроить могилу рядом с любимыми чадами своими под кровом угодников Соловецких. Но Промысл Божий направил его в родную сторону – в богоспасаемый Киев, где он немало молился в юности и где с ним и за него усердно молилась его благочестивая родительница Агапия Ивановна.

12 ноября 1862 года преосвященный Александр был уволен согласно его прошению на покой с назначением пенсиона 1500 рублей серебром в год в воспоминание его особых заслуг при нападении неприятеля на Соловецкий монастырь. Тем не менее члены Святейшего Синода не нашли возможным предоставить преосвященному Александру в управление Соловецкий монастырь, и он был дружелюбно принят митрополитом Киевским Арсением в Киево-Софийский митрополичий дом, в котором ему выделили две комнаты. Хотя в письме к митрополиту Арсению от 23 июля 1863 года преосвященный Александр писал: «помещением моим, по милости вашего высокопреосвященства, и всем я доволен», но сердце его все же тосковало по Соловецкой обители, где он желал бы теперь быть просто насельником. «Указом Святейшего Синода дозволено мне просить перемещения в другое место жительства, если не пожелаю оставаться в Киеве. На основании этого про-

шу Святейший Синод уволить на жительство в Соловецкий монастырь на таком основании, на каком я живу в Киеве; посему нижайше прошу ваше высокопреосвященство исходатайствовать мне пред Святейшим Синодом перемещение в Соловецкий монастырь. Живя в Киеве, я не имею покоя от родных и знакомых».

Видя, что надежды на возвращение в Соловецкую обитель не оправдываются, преосвященный Александр стал унывать. В январе 1868 года он отправился из России через Одессу в паломничество по святым местам Востока, включая Иерусалим и гору Афонскую. В Иерусалиме он был принят с любовью и вниманием. О путешествии архиерея-паломника можно получить представление из письма преосвященного Платона, архиепископа Костромского к преосвященному Александру: «С особенным утешением я читал о ваших странствованиях молитвенных по Афону. С удивлением прочитал, что вы посвящали не только в диаконы и священники, но и в архимандриты, освящали храмы и антиминсы, как епархиальный архиерей. С особенным благоговением читал ваши сказания о ваших молитвенных подвигах во святой Горе. Из всех русских архиереев едва ли не вы одни могли вынести такой подвиг молитвенный. Ваша непрестанная молитва, конечно, была полезна, как добрый пример бывшим свидетелям оной, но вместе великую честь принесла всему епископству русскому, ибо от вас будут заключать и о других. Господь сам да воздаст вам своею великою и богатою милостью за нас и за всех…» [95, №7, с. 289].

В сентябре 1868 года епископ Александр вернулся в Киев. Теперь он избавился от уныния, но усилились в нем болезни телесные. Однако в 1869 году он участвовал в богослужении в Зимнем Дворце в честь столетнего юбилея ордена св. великомученика и победоносца Георгия. Чувствуя приближение кончины, епископ Александр усилил свои молитвенные подвиги и стал часто посещать Киево-Печерскую Лавру.

Еще 14 октября 1868 года преосвященный Александр подал на имя священно-архимандрита лавры, Киевского митрополита следующее прошение: «Если Господу Богу угодно будет переселить меня в вечность, то приемлю смелость смиреннейше просить ваше высокопреосвященство: благословите погребсти мое грешное тело на Дальних пещерах в церкви зачатия святой Анны, где погребен проживавший на покое в лавре преосвященный Иосиф, бывший Смоленский, а в начале Архангельский, как и я там был на служении… Милостивейший архипастырь и отец! Нижайше прошу вас учинить милостивую резолюцию для сведения Духовному собору лавры». Через две недели митрополит Арсений передал это прошение в Духовный собор лавры со следующей резолюцией: «Желание преосвященного Александра – по смерти его – исполнить; да в случае и моей смерти прошу возлюбленных о Господе отца наместника и братию Киево-Печерской лавры похоронить мое грешное тело в притворе Кресто-Воздвиженской церкви, при входе в пещеры, против образа Казанския Божия Матери, и вспоминать меня в молитвах своих» [95, №7, с. 290].

По этому же поводу было написано письмо, полученное преосвященным Александром 7 января 1869 года от иеромонаха Виталия, спасшего его от потопления в 1854 году: «Преосвященный владыко! Все скорби переносите с благодарностию. Так верно Господу угодно, чтобы попустить на вас вся скорбная. Какой

угодник Божий из святителей не перенес скорбей? Святитель Иоанн Златоуст каких гонений не перенес, и пишет, что благополучная жизнь – погибель человеку. Милость Божия свыше есть за терпение и унижение ваше. Устрояйте себе дом в будущем веце терпением своим. Да и мне уголок дайте молитвами вашими, когда устроите себе могилу в Киево-Печерской лавре в пещерах. Тако да будет! И я советую быть погребенну телу вашему в пещерах. Я надеюсь, что Киево-Печерские угодники умолят о вашей душе, и милость Божию получите. Если я помру наперед вас, меня грешного поминайте; а если вы наперед меня упокоитесь, так я буду вас поминать. Нам дороже всего будущая жизнь. И так простите. Я вашу любовь о Христе помню и содержу в сердце моем. Вам известный убогий чернец настоятель Кожеозерской обители иеромонах Виталий».

На этом письме епископ Александр оставил следующую заметку: «Благодарю Бога! Какая добрая душа писатель сего – настоятель Кожеозерской пустынной общежительной обители иеромонах Виталий, спасший меня в Белом море от потопления, и бывший при мне в Соловецкой обители архидиаконом! За спасение моей жизни указом велено рукоположить его в иеромонахи. Был в Соловецкой обители наместником примерно-строгой монашеской жизни и детского сердца. Никаких напитков не употребляет и даже чай мало любит. Необыкновенно силен и здоров. Сын купца из Вятской губернии. Очень любил меня и при расставании в Соловецкой обители приглашал меня приезжать к ним на старые годы умирать. А теперь вот другой совет дает на мою пред ним откровенность, касательно избрания мною могилы, может быть потому, что и сам он уже не в Соловецкой обители, где перемен много и не к лучшему. Да будет же мне по желанию его и молитвам его и моей дорогой матери, молившейся часто на Дальних пещерах в келии преподобного Феодосия, во время служения мною литургии в церкви преподобного Феодосия, когда я был священником и протоиереем» [95, №7, с. 273].

Преосвященный Александр заранее приготовил себе гроб, который хранил в келии своего кабинета. Всегда имея перед глазами свое последнее прибежище и помышляя о близкой кончине, он готовил себя к переходу в жизнь вечную не только молитвой и богомыслием, но и нескудными милостынями бедным и беспомощным. Почти до самой кончины он с христианской любовью принимал в своей келии всех приходящих к нему за советом и помощью, веровавших в силу его святительских молитв и благословений. Каждому он уделял внимание независимо от сословия, и все износили из келии доброго архипастыря мир, утешение и назидание душам своим.

17 октября 1874 года преосвященный Александр последний раз участвовал в богослужении. В этот день он обошел все пещеры Киево-Печерской лавры с усердной молитвой. А на следующий день (18 октября) он почувствовал себя совсем плохо и с этого дня уже не выходил из своей келии.

В эти дни он принял Таинство Елеосвящения и ежедневно приобщался Святых Таин в своей келии. 7 ноября после приобщения Святых Таин он попросил усадить себя в кресло и весь день пробыл бодрствующим. На следующий день, когда зазвонили к всенощной в честь праздника Архистратига Михаила, он взял в руки горящую свечу и стал вслух молиться, призывая к тому же окружавших его: двух сыновей-протоиереев и двух келейников. Им представлялось, что он ви-

Церковь зачатия Анной Пресвятой Богородицы
в дальних пещерах Киево-Печерской Лавры. Современный снимок

дит перед собой целый сонм небожителей. Во время этой молитвы лицо епископа Александра светилось необычайной радостью и оживлением, глаза сияли, на бледных щеках появился румянец. По выражению его сына протоиерея Гавриила, в нем произошло «взыграние духа». После молитвы он заснул таким глубоким и спокойным сном, что окружающие думали, что он скончался. Но в девять часов вечера он проснулся и сказал сыновьям своим: «Думал я умереть во вторник, а умираю в пятницу». «Батюшка, – отвечал один из сыновей, – да ведь ныне какой праздник? Собор святого Архистратига Михаила и прочих Сил небесных. Не помолятся ли все они за вас?» Затем он стал тяжело дышать и в три часа ночи 8 (21) ноября 1874 года преставился ко Господу.

В минуту перехода его в жизнь вечную как бы кто-то разбудил преосвященного митрополита Арсения. В тот же день после совершения Божественной литургии в Свято-Михайловском монастыре владыка митрополит поспешил к своему брату и сослужителю – новопреставленному епископу Александру. Совершив по нему заупокойную литию и положив тело его в гроб, преосвященный сам начал чтение над скончавшимся Четвероевангелия.

В пять часов вечера того же дня все киевское духовенство с крестным ходом и хоругвями провожали гроб со священными останками епископа-подвижника в Киево-Печерскую лавру, где его приняли архимандрит

Варлаам с братией и внесли в церковь Зачатия Анной Пресвятой Богородицы, что над Дальними пещерами, где продолжилось чтение Четвероевангелия. 10 ноября после совершения Божественной литургии и отпевания по священническому чину гроб с телом почившего архипастыря был опущен в могилу, приготовленную у северной стены притвора церкви Зачатия Анной Пресвятой Богородицы. Место упокоения преосвященного Александра было отмечено иконой с изображениями благоверного князя Александра Невского и апостола Андроника, со следующей надписью: «Из земли взят, в землю пойдешь, иерарх. Отечество твое – гроб, мати – земля, а богатство – грехи»[22].

P. S. Иван Сергеевич Шмелев донес до нас удивительную историю иконы, которую поставил архимандрит Александр в подклете Преображенского собора у могилы своей дочери[23].

В 20-е годы XX века швейцарский подданный, проживавший в Петрограде, был присужден к соловецкой каторге на 10 лет, как «паразит» советской страны. Сначала он попал на лесные работы, а через год, когда выяснилось его знание языков, был определен в канцелярию, «по иностранной части». Однажды он шел вдоль монастырской стены и увидел в грязи дощечку. Поднял ее, думая бросить в печь, смотрит – половинка иконы, расколотой штыком. Хотя опасно было хранить «священное», что-то подсказало: «Взять, сберечь!» И он спрятал дощечку под фуфайку. Потом хранил ее под нарами, – «а для чего – не знаю: мы, лютеране, никаких священных изображений, кроме Креста, не почитаем».

Через неделю ему случилось проходить мимо монастырского кладбища. И видит: мотается на могильном кресте, на проволоке, дощечка. Что-то толкнуло его подойти взглянуть, и к удивлению своему, он узнал другую половинку расколотой иконы! Тут у него мелькнула мысль – «какая странность!.. указание, что ли?..» – и он уже сознательно взял вторую половинку. И решил – «непременно хранить эту икону». А зачем – не знал и предположений не высказывал.

Теперь он уже не переставал думать о находке... Почему икона не была уничтожена, а он, чужой всему этому, нашел ее половинки, далеко друг от друга? Для него стало ясно, что «это не случайно». Через два с половиной месяца осенью 1928 года его вызвали в «управление» и объявили приказ: «с вещами на пристань!» Он страшно испугался: «в расход» или «загонят дальше». И не мог предположить, что это – конец каторге.

Швейцарец стал собирать свои пожитки, увидел икону и... «что-то чуть мелькнуло в мыслях, стал разглядывать лики Угодников Соловецких». Строго они смотрели, – «будто в себя смотрели, что-то тая в себе». Расколотые половинки иконы он запрятал на дно мешка, в лохмотья. Их не дощупались. В Архангельске он узнал, что его отправляют в Ленинград. Зачем?.. Всякие приходили мысли. И вот он в Ленинграде. Через неделю его вызвали в тюремную канцелярию, дали «проходное свидетельство» и восемь рублей с копейками – «заработной платы». Не хватит на билет и до границы. И говорят: «Катись в свой „огород"!» Было это – «как сон». Двинулся он пешком на Гатчину, таща свое барахло в мешке. Погода была – золотая

[22] Проценко Л. А. «И до небес рукой подать». Киев. 2002. С. 75.
[23] Шмелев И. С. Душа Родины. М., 2003. С. 422-432.

осень. И было это великое путешествие для него «самым радостным путешествием за всю жизнь», и самым легким, «будто несло на крыльях». Питался спелой брусникой, пёк рыжики и волнушки на угольках, – и казались они ему «несравненными ни с чем по вкусу». И странно: «не хотелось с Россией расставаться!»

Вернулся он в родной Цюрих. Оставались еще какие-то родные, дальние. Подивились «выходцу с того света». Он рассказал им свою историю. Показал им икону: «она вывела меня из ада!» – так и сказал. Они не поверили. Но ему казалось, что он теперь знает все. Отдал мастеру «русскую икону», склеить разбитые половинки и заделать «раны»; велел отмыть и покрыть лаком. Икона поновилась. Молился ей?.. Этого никто не ведал, но почетно хранил икону, «на полочке», как православные.

Русская благочестивая женщина, однажды попросила отдать ей эту икону и даже предлагала деньги, но швейцарец решительно ответил: «Ни за что!.. ОНА ВЫВЕЛА МЕНЯ ИЗ АДА! Но вы после моей смерти ее получите». Так и вышло. Она зашла как-то в ту швейцарскую семью и узнала, что бывший соловчанин умер. Она не успела спросить, не было ли распоряжений покойного насчет иконы, как ей сказали: «Возьмите икону, которую он вынес из России... нам она не нужна». Она приняла икону благоговейно, «как дар НАЗНАЧЕННЫЙ», хотя швейцарец не оставил никаких распоряжений. Она и рассказала Шмелеву в июле 1948 года эту историю и показала икону. Рассматривая строгие лица угодников Соловецких, Иван Сергеевич как-то постиг, что они вернутся в свою обитель: «Вернутся по воле Божией... ибо не втуне написал неведомый Архимандрит А. “на вечное время”».

Икона была среднего размера: 30 на 26 см. Писана, вероятно, иконописцем обители. Слева направо в рост: святитель Филипп митрополит Московский, преподобные Сергий и Герман Валаамские и Зосима и Савватий Соловецкие. Над ними – Господь Саваоф. На тыльной стороне наклейка, с надписью поблекшими чернилами: «Сию Святую Икону Соловецких Угодников, на их Святых нетленных Мощах освященную, приносит Соловецкий Архимандрит А... В благословение на гроб своей дочери девицы Анастасии, в этой обители погребенной, на вечное время. Мая 17 день 1856, четверг А. А.»

Мы приводим историю этой иконы-мученицы, иконы-странницы, иконы-освободительницы от тяжких уз с надеждой, что она действительно вернется в Соловецкую обитель на вечные времена.

4.5. ИЕРОСХИМОНАХ МАТФЕЙ И СХИМОНАХ ГЕРАСИМ

Иеросхимонах Матфей (Чернцов) родился в 1775 году в купеческой семье в Вологде. До 45 лет он занимался лавочной торговлей, проводя жизнь благочестивую и целомудренную.

Много лет был церковным старостой, не пропускал ни одного богослужения, изучил в совершенстве церковный устав и знал на память все службы из постной и цветной триоди. О честности его было известно даже отдаленным деревенским жителям: «Вот придет Матфей из церкви, и у него купим сходне и без обмана», – говорили они.

В монастыре он сначала был поставлен пономарем, затем закупщиком, а после принятия священства в течение 10 лет был казначеем обители. Монашеское имя его было Мамант, в сохранившихся списках 1832–1839 гг. он значился казначеем. Настоятели отмечали, что он «поведения честного и трезвого» [145, л.1], а также, что он «способен и усерден к должности» [145, л.8].

Образ жизни его был высок и по монастырским меркам: он настолько приучил себя к воздержанию, что всю жизнь не пил вина и чая, не мылся в бане, вкушал пищу только в трапезной один раз в день. Даже в преклонном возрасте он никогда не пропускал церковных служб и выстаивал их от начала до конца, склонив голову и с умилением внимая чтению и пению.

Отец Матфей всегда убеждал певчих и чтецов совершать службы с благоговением и тщательностью. Во время чтения кафизм он никогда не садился, несмотря на монастырский обычай. От продолжительных стояний ноги его опухли и на них образовались раны. Поэтому он вместо сапог носил широкие башмаки, но никогда не жаловался на болезнь и не лечился. В келии он кроме молитвы занимался чтением и переписыванием книг аскетического содержания. Этими книгами, писанными полууставом, пользовались многие ищущие спасения. В дополнение к келейному правилу, он имел обычай в полуночное время читать Евангелия.

«Все настоятели обращались к нему с уважением и пользовались его опытностью и благоразумием; а братия смотрели на него как на образец подвижничества» [83, с.175].

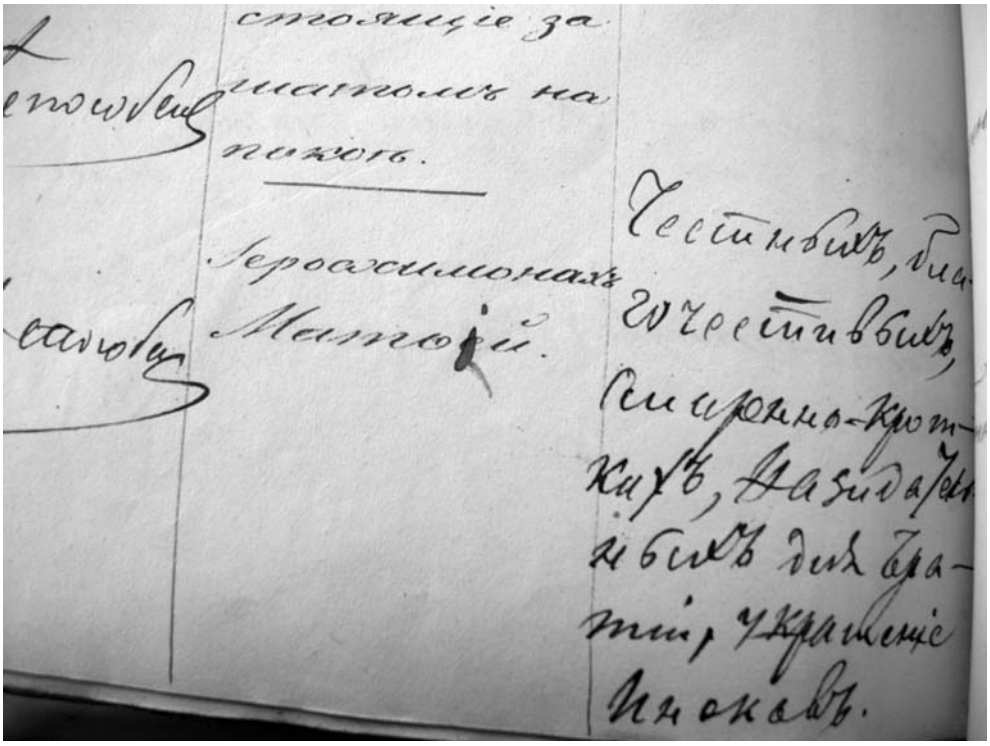
После пострижения в схиму в 1849 году[24] он оставил священнослужение, причащался Святых Таин вместе с братиею перед алтарем и даже не благословлял никого по-священнически. За несколько лет до кончины у него закрылся один глаз, и, не имея возможности заниматься переписыванием книг, он стал вязать шерстяные четки для братии и богомольцев.

Всю жизнь он не пользовался ничьими услугами и молил Бога, чтобы никого не обременить и при кончине. За два дня до смерти он еще молился на утрени в соборе, но изнемог и вышел из церкви раньше окончания службы.

На другой день братия пришли к нему в келию для совершения таинства Елеопомазания. «Меня уже соборовали», – сказал старец. «Кто же тебя соборовал?» «Вот недавно приходили из собора иеромонахи молодые и благообразные, и меня соборовали». «И мы пособоруем, ведь это таинство повторяется», – возражали ему братия. Во время соборования старец еще был в силах стоять на ногах. Намереваясь утром приступить к Святым Тайнам, о. Матфей не разрешил своему ученику, монаху Палладию, остаться на ночь в его келии, желая сам и без свидетелей прочесть последование ко Святому Причащению. Утром его нашли лежащим в епитрахили перед аналоем. С благоговением, стоя на ногах, он причастился Божественных Таин и чрез несколько часов почил с миром о Господе 25 сентября 1857 года, имея от рождения 82 года.

Из келейных записок иеросхимонаха Матфея стало известно о чудесных случаях действия Божественного Промысла в жизни его духовного сына схимо-

[24] В конце списка братии от 31 декабря 1849 г. дописано рукой настоятеля: иеросхимонах Матфей [145].



Аттестация, данная 31 декабря 1856 года архимандритом Александром в послужном списке братии состоящему за штатом на покое иеросхимонаху Матфею (Черницову): «Честных, благочестивых, смиренно-кротких, назидательных для братии <качеств>, украшение иноков» [145, л.102]

наха Герасима (в миру Георгия, родом из Карачева Орловской губернии) – ученика и постриженника старца Арсения, пришедшего с Афона. «Похоронив своего наставника, Герасим один подвизался в посте и молитве. Раз случилось у него оскудение в хлебе, и, пробыв без пищи 12 дней, Герасим хотел идти в селение за пищею; но утром следующего дня, в преддверии своей кельи, неожиданно нашел ячменный хлеб, великий и теплый, которого было достаточно ему на пропитание на долгое время. Распалась от ветхости срачица[25] его, и, не имея другой, пустынник долгое время оставался нагим; но в один день вдруг очутилось пред кельей полотно, которого было довольно ему на устроение одежды. Много он терпел напасти от бесов, старавшихся разными привидениями поколебать его терпение, но молитвою Иисусовою и чтением псалмов он прогонял демонскую силу; а умиленным чтением акафиста Пресвятой Богородице удалял от себя уныние и отчаяние» [83, с. 177–178].

Отец Герасим поступил в Соловецкий монастырь в 1823 году при архимандрите Макарии, который, видя его опытность в подвигах отшельнической жизни, благословил его на пустынное житие. Около 5 лет он прожил в пещере в 10 вер-

[25] Нижняя рубаха.

стах от монастыря, пребывая в молитве и подкрепляя силы лишь горстью сухарей в сутки. Затем братия, желая пользоваться его беседами, построили ему келию неподалеку от монастыря. Однако через два года эта келия сгорела, и он поселился со своим учеником Памфилом в Филипповской пустыни, где они продолжали молитвенный подвиг и телесно трудились, изготовляя небольшие сосуды для соленых сельдей.

В 1845 году по причине старческой немощи пустынника пришлось поместить в монастырскую больницу. «В то время было ему более 100 лет; но память ему не изменяла, и приятно было беседовать с ним, как с пришельцем из иного мира, касавшимся воспоминаниями своими царствования императрицы Елизаветы Петровны. Глубоко назидательны были его беседы о подвижничестве, дышавшие редкою простотою и состоявшие в кратких изречениях, в которых давало себя чувствовать какое-то особенное духовное помазание. В последнее время старец казался совершенным младенцем; не заботился о том, в рубашке ли он, или нагой, и, забывая о временах дня, спрашивал вечером, отошла ли утреня, а утром, звонили ли к вечерне; но молитвенное расположение не оставляло его никогда. Случалось, что в беседе с братиею, среди рассказа, он вдруг останавливался и начинал произносить молитву Иисусу» [83, с. 178–179]. До последних дней своих он просил, чтобы его водили в храм к богослужению. Схимонах Герасим отошел ко Господу 28 октября 1848 года в возрасте 108 лет.

4.6. АРХИМАНДРИТ ПОРФИРИЙ – РЕВНОСТНЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ЛЮБВЕОБИЛЬНЫЙ БЛАГОДЕТЕЛЬ

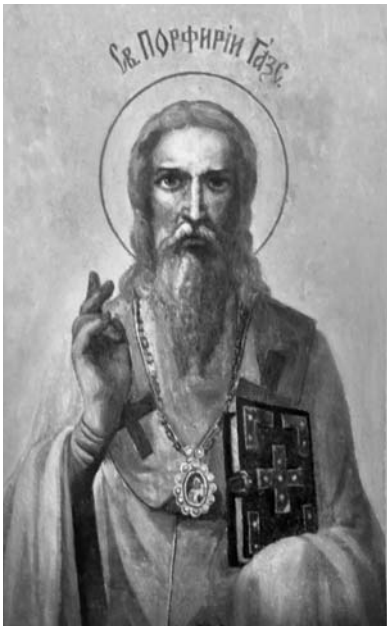
По мнению современника, архимандрит Порфирий «не оставлял братию без слова назидания и возбуждал ее к подвигам самоотвержения». Он «был одним из выдающихся настоятелей знаменитого монастыря. Высокообразованный, энергичный, смело-предприимчивый и глубоко-сострадательный к людям, он в шестилетнее управление монастырем сделал столько добра как своему монастырю, так и многочисленным посетителям обители, равно и соседям – поморам и другим посторонним беднякам, – что благодарная память о нем доселе свято хранится в сердцах многих им облагодетельствованных» [89, №20, с.277].

Архимандрит Порфирий, в миру Карабиневич Феодор Михайлович, родился в день памяти вмч. Феодора Стратилата, 8 февраля 1813 года, в семье бедного дьячка Подольской епархии.

Обучался он сначала в Подольской (1831–1834 гг.) и в Полтавской (1834–1837 гг.) духовных семинариях, а затем в Киевской духовной академии. Несмотря на то, что по бедности ему приходилось во время обучения думать и о хлебе насущном, Феодор Михайлович окончил академию на отлично со степенью старшего кандидата богословия в 1841 году и был определен в Полтавскую духовную семинарию на вакансию наставника для преподавания Священного Писания.

Сын чтеца стал воспитателем будущих пастырей Церкви. Преподавал он герменевтику, патристику, чтение греческих отцов и латинских писаний, а также немецкий язык.

Согласно его желанию совершенно посвятить себя служению церкви, 25 февраля 1845 года он был пострижен в монахи с именем Порфирий в честь свт. Порфирия, архиепископа Газского, в Лубенском Спасо-Преображенском Мгарском мужском монастыре Полтавской епархии. 11 апреля того же года о. Порфирий был рукоположен в сан иеродиакона, а 30 июля на него была возложена должность инспектора Полтавской духовной семинарии. 15 апреля 1847 года о. Порфирий стал иеромонахом, вскоре был награжден набедренником, а 20 мая 1849 года возведен в сан архимандрита с присвоением степени настоятеля монастыря третьего класса.



Свт. Порфирий, архиепископ Газский. Роспись в церкви во имя Чуда Архистратига Михаила в Хонех на Секирной горе

30 апреля 1850 года, учитывая усердное служение, Святейший Синод утвердил его в должности ректора Полтавской семинарии. За отличный порядок в семинарии в 1851 году о. Порфирию была объявлена архипастырская признательность преосвященным Иеремией.

В декабре 1852 года его направили в Петрозаводск ректором Олонецкой духовной семинарии, а в 1855 году – настоятелем Спасо-Елеазарова монастыря Псковской епархии.

Близко знавший архимандрита Порфирия И. Я. Сырцов (послушник Иоасаф) в своем очерке пишет, что за многие годы обучения в церковных школах характер у о. Порфирия выработался сильный и независимый. На службе он привык пользоваться всеми соответствующими его должности правами. «Поэтому, будучи ректором в Полтаве и Петрозаводске, водил знакомство с изысканным обществом, выезжал в карете, одевался в лучшие рясы, отправлял Богослужение всегда пышно и каждую службу заканчивал непременно своей проповедью, произнесенной экспромтом» [89, №20, с.285].

Это не всегда нравилось местным епископам. В Полтаве преосвященный Нафанаил, впоследствии епископ Архангельский, на руках которого скончался архимандрит Порфирий, не одобрял его частое служение в городских церквах и особенно проповедничество. Поскольку прямо он об этом стеснялся сказать, о. Порфирий продолжал свое дело, как бы не замечая неудовольствия епископа. Поэтому вскоре последовал его перевод в Петрозаводск, а позднее по тем же причинам в Псковский монастырь.

Там о. Порфирий попал под благотворное влияние Рижского преосвященного Платона, которому он до конца своих дней оставался глубоко благодарным и говорил, что от него получил лучшие уроки жизни. Сохранились отрывки из дневника архимандрита Порфирия, написанные в период с 1854 по 1857 год и опубликованные уже после его кончины. В этих келейных записках перед нами раскрывается душа, стремящаяся к небу и скорбящая о своей нечистоте: «Слаб я стал и телом и духом.

Как бодро просиживал я когда-то дни и ночи за занятиями, как неутомимо трудился над работами полевыми и без усталости проводил в путешествии дни! А сердце так и рвалось к горнему, небесному. Дух уносился туда, куда не смеет странник земной возвести очей без смущения внутреннего. Когда я сознавал себя одиноким на пути под открытым небом, вдали от людей, от жилищ человеческих, без помощи, без защиты в случае опасности, какая-то грусть в душе являлась и томила меня; но это ощущение было сладостное. Не Ангел ли это хранитель наводил меня на благие мысли, внушал светлые чувствования? Не душа ли это сближалась с родным своим небесным краем? О дай, Господи, мне и теперь больше подобных сладостных минут»[26]. «Злополучна доля моя. Пока я оставался сиротой безродным и бездомным, тяготила меня нищета; при содействии доброго начальства, получив образование в высших заведениях и тем проложив себе путь к почестям и стяжанию зыблющегося богатства, я отягощен теперь больше прежнего – сознанием недостоинства во всем. Образование мое ничтожно, положение в свете незавидно, состояние не блистательно, скудно, а бремя грехов велико, велико… Иногда тяжко жалеешь, что расстался с тем состоянием, в которое поставил меня жребий рождения. Но это Твоя воля, Господи, о мне недостойном! Я повинен пред Тобой, что не оправдал Твоих о мне попечений, потерял вверенный мне талант…»[27] В качестве средства борьбы с грехом о. Порфирий указал себе два «золотых правила». Первое – не пей вина, постись, молись и трудись, представляя дела свои не как жертву Богу, а как средство к успокоению духа, изнемогающего от величия благодеяний Божиих. Второе – помни день судный и во веки не согрешишь.

Однако, несмотря на глубокий покаянный дух этих записок, в отношениях с людьми о. Порфирий иногда бывал резок, так как не терпел человекоугодия и унижения своего достоинства. Когда указом Святейшего Синода от 24 августа 1859 года архимандрит Порфирий был переведен в Соловецкий монастырь, он должен был непременно представиться в С.-Петербурге некоему высокопоставленному лицу. Проезжая через столицу, о. Порфирий явился в приемную. Важная особа была чем-то занята, и о. Порфирия попросили подождать, он же повернулся и уехал на Соловки. Последствием этого поступка было то, что о. Порфирий при всех заслугах в должности настоятеля Соловецкой обители оставался без наград, имея только ранее полученный орден Святой Анны третьей степени.

Архимандрит Порфирий прибыл в Соловецкий монастырь 10 октября 1859 г. Настоятеля, назначенного из посторонних и из ученых, иноки ожидали с беспокойством. Когда старец караульный заметил монастырское судно с золотыми крестами на мачтах, приближающееся к пристани, он ударил в большой колокол. Все монашествующие вышли за ограду монастыря и построились в два длинных ряда, поставив впереди священнослужителей с крестом, образами и хоругвями. С появлением настоятеля все низко поклонились ему. Пройдя между рядами братии в Спасо-Преображенский собор и поклонившись мощам Соловецких угодников, о. Порфирий приветствовал незнакомую еще братию краткой, но сильной речью: «Для нас, новая братия моя, странников и пришельцев земных, – одно утешение в жизни. Это сладостная уверенность в том, что нашим жребием управляет свыше

[26] Духовная беседа, т. 2, №50, 12 декабря 1870, с. 338.
[27] Духовная беседа, т. 2, №44, 30 октября 1865, с. 367.

Промысл Божий. При этой уверенности, где бы мы ни находились, хотя бы и на краю света, ничто в мире не может смущать и тревожить нас.

Благодарю Господа милосердаго! Когда дошла до моего слуха и коснулась сердца весть о назначении меня на настоятельство в отдаленную обитель сию, с полным упованием на всеблагий Промысл воззвал и я в тайне души моей: Аще вселюся в последних моря, и тамо рука Твоя наставит мя, и удержит мя десница Твоя. (Пс. 138, 11).

Время осеннее, ненастное, путь дальний и тяжкий. Как достигну, думал я, по этому пути до тихаго, определеннаго мне пристанища? Как переплыву бурное море Белое, которое, в эту пору особенно, редко кому дозволяет пройти безопасно на утлой ладии по разъяренным, уже не белым, а черным волнам своим?

О, немало скорбей, трудностей и болезней испытал я на пути еще до моря. Но бедствий моих на море не могу пересказать вам. Впрочем, вы еще не знаете меня, вы можете не выразить вашего сочувствия ко мне. Скажу кратко: Аще не Господь помогл бы ми, вмале вселилася бы во ад душа моя. (Пс. 93, 18).

Так было бедственно мое плавание по морю. Оно страшно ярилось и бросало ладиею, как хотело, по высоким пенистым волнам своим… Ветер дул непрерывно бурный и холодный. Паруса рвало. Их непрестанно то опускали, то поднимали с криком и тайною тревогою, для меня весьма явною… Целый день туман; долгое время не видно было ни неба, ни солнца, не знали куда и как направить ладию.

Как я радуюсь теперь, что твердою стопою стал на земле, как утешаюсь, что не колеблются более ноги и глава моя! Особенно, как духовно восхищаюсь о том, что вот, я теперь среди древняго, прославленнаго Богом святилища, во страсе поклонился храму Божию, припал к олтарю Господню, к Заступнице обители сей и к святым угодникам, основателям и защитникам ея, Зосиме и Савватию. Благодарю Господа, что Он на камени поставил нозе мои и сподобил меня воспеть хвалу Ему вместе с вами посреде церкви Его. От души благодарю теперь и вас за сделанное мне священное приветствие ваше и молитвенное ко Господу о моем недостоинстве воззвание.

С великою радостию сказую вам истинную правду. Далеко несется молва о святости обители Соловецкой, о добром подвижничестве иноков, населяющих ее. Многие именитые и достойные чести мужи во граде первопрестольном с высокою похвалою и уважением отзываются о ней. Могу ли же после сего вступить без трепета и некоего смущения в обитель вашу, братие, сознавая свои немощи и недостатки?

С участием и любовию приветствую тебя, святая обитель Соловецкая с дарованными тебе от Господа благами духовными, и всеусердно молю, прими меня и ты с любовию и миром в лоно твое, напитай и меня духом твоим – кротким, сокрушенным и смиренным – исполни жаждущую душу обитающим в тебе духом подвижничества иноческаго.

Господи Боже наш! К Тебе взываю из глубины души. Благослови обитель сию милостию и щедротами многими еще и еще. Ради предстательства преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и молитв святых угодников Зосимы и Савватия, да сохранится она от нападения врагов, видимых и невидимых и от всяких напастей, да прославляется в ней святое и страшное Твое имя выну, да соделывается в ней спасение душ всех, притекающих к ней с верою и любовию» [59, с.1-3].

Никогда не слышавшие с церковной кафедры живого слова, Соловецкие иноки слушали ученую речь о. Порфирия с большим вниманием. Но ни речь, ни

первые приемы, ни внешность нового настоятеля не произвели на иноков благоприятного впечатления. В нем не было ничего похожего на прежних настоятелей, избранных из своей братии.

Величественно-благообразная наружность о. Порфирия дала повод думать, что это настоятель, не прошедший иноческого искуса и потому не опытный в подвигах. Ученая речь и первый, без особенной ласки, прием братии в настоятельских покоях давали монахам понять, что он будет начальствовать с властью.

Действительно, о. Порфирий был настроен подтянуть иноков, дисциплинировать, просветить, чтобы люди говорили о монастыре и братии только с лучшей стороны. Вскоре иноки прозвали своего нового настоятеля за строгость «папой римским». Он ни с кем близко не дружил, никого запросто не навещал и к себе на чашку чая принимал только немногих заслуженных старцев.

Непокорность со стороны братии сопровождалась строгим взысканием: случалось, что заслуженных почтенных старцев архимандрит Порфирий своей властью в 24 часа отрешал от монастырских должностей и ссылал в отдаленные скиты или в архангельские монастыри. Однажды иеродиакон Лазарь, обладавший сильным и приятным басом, был назначен в служение с настоятелем и отказался, сославшись на мнимое нездоровье. О. Порфирий в тот же день выслал его в Архангельск в распоряжение Преосвященного.

В то же время покорные и трудолюбивые иноки щедро награждались крестами от Святейшего Синода, орденами, повышением в монашеских чинах и должностях. В день Ангела настоятель каждому вручал образ, картины, книги, фунт чая, несколько фунтов сахара или меда, иногда бутылку вина. Такими мерами о. Порфирий скоро достиг полной покорности со стороны братии.

По словам послушника Иоасафа, «братия боялись его и при встрече, иногда среди ограды монастырской, падали пред ним ниц» [89, №20, с. 289]. Однако память о нем осталась хорошая. П. Ф. Федоров писал: «Собой был красавец, осанкой солидный и форсистый, волосы и бороду имел волнистые, служил с благоговением и со славою, которая ему была как-то к лицу. Поучения говорил наизусть и красноречиво, почему при его служении церковь всегда была полна народа, который не сгонялся, а шли посмотреть на его служение сами. Прилив желающих поступить в братство был необыкновенный, из коих еще и теперь 68 человек живут… Жили при нем весело, без притеснений, мастерские были полны народа. Он сам, хотя и нечасто, обойдет мастерские с келейником или наместником, посмотрит на дело, расспросит да и похвалит скороговоркой: “Ах, хорошо-хорошо, благодарю, трудитесь, помоги вам Бог”… Кроме человек пяти, которым не нравилась его пышность, все его любили и ожидали, что долго жить здесь ему не дадут, а возьмут куда-нибудь в архиереи… Наказания при нем почти не существовало, разве иногда кого-нибудь за провинность пошлет на послушание в скит» [91, с. 224].

До 1866 года[28] соловецкий настоятель в своем монастыре был самостоятельным хозяином, которому братия должны были подчиняться безусловно.

[28] В 1866 году, согласно распоряжению Святейшего Синода, управление монастырем было вверено Учрежденному собору, которому была дана соответствующая инструкция. Собор под председательством настоятеля состоял из наместника, казначея, благочинного, ризничего и духовника.

Пользуясь этим, о. Порфирий сумел осуществить несколько смелых и грандиозных по масштабам проектов, которые послужили к приумножению славы Соловецкой обители.

Первым и главным своим делом архимандрит Порфирий считал духовное просвещение братии и богомольцев. Он был убежден, что личное торжественное Богослужение Соловецкого настоятеля имеет громадное религиозно-воспитательное влияние как на монашествующую братию, так и на приезжих богомольцев. Поэтому в течение шести лет по воскресным и праздничным дням в главных монастырских соборах он обязательно совершал служение сам с многочисленным духовенством и с отличным хором певчих. Служение его почти ни в чем не уступало архиерейскому: в праздничные дни перед Литургией все братство шло в настоятельские покои для встречи своего настоятеля, затем он направлялся в собор при громогласном пении. В притворе храма его встречал чередной иеромонах с крестом и диаконы, которые облачали его в мантию со скрижалями и звонками.

Как и при епископском служении, о. Порфирий благословлял дикирием и трикирием, в богослужении участвовали иподиаконы, исполатчики, свещеносцы и посошник, державший дорогой посох с сулком. Богослужения всегда заканчивались горячим назидательным словом архимандрита Порфирия. «Горе мне, аще не благовествую», – говорил он часто словами апостола Павла. Проповеди его всегда отличались строгой логичностью и убедительностью, так как он никогда не произносил их, не приготовившись серьезно накануне, и не хвалил тех проповедников, которые являются на кафедру с одной темой, развивая ее на месте. Говорил он всегда с увлечением, без тетрадки, только с посохом в руках.

Желая возбудить в братии охоту к полезному чтению, о. Порфирий выписывал все современные духовные и некоторые светские журналы, епархиальные ведомости и множество полезных книг по всем отраслям знания. Вскоре вокруг него образовался из бывших священников и учителей небольшой ученый кружок. С членами этого кружка о. Порфирий вел научно-богословские беседы, поручал им составлять и говорить проповеди, учить безграмотных послушников и детей, писать и посылать в печать различные статьи и корреспонденции.

Во все время его настоятельства в журналах «Духовная беседа», «Странник», «Душеполезное чтение» и других можно было постоянно видеть статьи или краткие корреспонденции из Соловецкой обители. Некоторые из молодых послушников, занявшись чтением, развили себя настолько, что впоследствии смогли сдать экзамены на машиниста, штурмана или шкипера.

От всех архимандрит Порфирий требовал грамоты и доступного понимания жизни, а особенно – основ вероучения. При всяком удобном случае он каждого наставлял и экзаменовал. По заведенному обычаю, в день своих именин каждый из жителей монастыря должен был явиться к настоятелю с освященной просфорой за благословением. О. Порфирий обратил этот обычай в настоящий экзамен: именинник должен был рассказать житие святого, имя которого носит, и отвечать на катехизические вопросы.

Забота архимандрита Порфирия простиралась и на временных обитателей монастыря – богомольцев и ссыльных. Ежегодно в монастыре оставалось на зиму около 200 мальчиков-подростков («безбрадых трудников»), которых родители отправ-

ляли «по обещанию» поработать в монастырь на 1-2 года или из-за бедности семьи, или из религиозного побуждения. Мальчикам давались легкие послушания в портной, сапожной, косторезной, живописной мастерских, хоре певчих, а также поручалось подметать двор, управлять лошадьми, копать гряды и т.д. До настоятельства о. Порфирия мальчики не имели за собой ни надлежащего надзора, ни руководства.

Вскоре после своего приезда о. Порфирий обратился в Святейший Синод с донесением, в котором обосновывал необходимость открыть для них училище: «Желая доставить этим мирным и усердным трудникам в пользу святой обители прочное вознаграждение от обители преподобных на будущее время, я, испросив благословение преподобных Зосимы и Савватия, по согласию со старшею братиею, решился открыть 15 декабря для них училище с целью знакомить одних с грамотностию, а других усовершить в оной, и во всех укоренять добрую нравственность и религиозность» [30, с. 174].

Первоначально училище было открыто 15 декабря 1859 года, в ветхом корпусе за монастырской оградой. В училище поступили 115 мальчиков от 10- до 15-летнего возраста, в том числе 73 совершенно неграмотных. Учились они с удивительным прилежанием и при публичном испытании в присутствии братии, родителей и родственников в конце мая «показали удовлетворительные и утешительные успехи»[29]. 8 сентября 1860 года архимандрит Порфирий освятил выстроенный за лето деревянный двухэтажный училищный корпус для детей. Жили они в нижнем этаже, а в верхнем находились классные комнаты.

Воспитателем мальчиков был отставной майор П. И. Соколов, служивший лично самому Аракчееву и принимавший живое участие в обороне монастыря от англичан в 1854 году. Смотрителем училища был поставлен благочинный монастыря из бывших учителей духовного училища иеромонах Николай (Кошурников).

Утром дети вставали по звонку, умывались, молились и распределялись по дневным занятиям. Учились с первой половины октября по начало апреля. Уроки проводились с 4 до 6 часов вечера, в училище было два класса: в одном обучались чтению, а в другом слушали уроки из Закона Божия, отечественной истории, географии и арифметики. В каждый воскресный и праздничный день детям объясняли прочитанное на литургии Евангелие и историю праздника.

Все дети ежедневно участвовали в пении наиболее употребительных церковных песнопений. Весной, перед возвращением детей на родину, им устраивали экзамен, который иногда принимал сам настоятель в храме в присутствии братии.

Нередко рядом с детьми обучались грамоте и взрослые богомольцы. Многие дети участвовали в настоятельском хоре певчих, были исполатчиками, канонархами, посошниками; другие обучались живописи, малярному, столярному, сапожному, портному и другим ремеслам. Таким образом, дети проникались духом христианского благочестия, осваивали грамоту, получали ремесленные навыки, что составляло хороший фундамент для их последующей взрослой жизни по возвращении из монастыря. За заботу об образовании крестьянских детей, проживающих в зимнее время в монастыре, 26 июля 1862 года архимандриту Порфирию было преподано благословение Святейшего Синода.

[29] Странник, 1861, дек., отд. IV, с. 211–214.

Безбрадые трудники. Фото начала XX в.

Заботу о приеме трехдневных богомольцев, которых за летний сезон бывало в обители до 7-8 тысяч, архимандрит Порфирий почитал одной из главных монашеских добродетелей.

Перед открытием навигации в воскресный день 17 мая 1860 года он обратился к братии со следующим поучением: «О, братия святой обители сей! Будем непрестанно благодарить Господа за то, что в стенах сей обители обретаем мы тихое пристанище и покой душам и телесам нашим… Как и чем благодарить? – Повсечастным, неленостным приношением на святой алтарь бескровной жертвы, благоговейною молитвою и усердным предстоянием Ему здесь, во храме святем Его, и торжественным исповеданием беспредельного Его величия, бесконечной любви и неизреченного милосердия к нам грешным. Как и чем благодарить? – Добровольным приношением самих себя в жертву живу, святу, благоугодну Богови (Рим. 12, 1), через распинание ветхого человека своего со страстьми и похотьми, … через приношение в жертву Богу своего духа сокрушеннаго и смиреннаго сердца, горько болезнующего о грехах… Как и чем благодарить? – Ревностным служением спасению душ тех братий и сестер, кои во множестве притекают в обитель нашу. Усердно молитесь, когда они еще здесь, и просите у Господа отпущения грехов их вольных и невольных, приводите их к искреннему сокрушению и скорби о грехах, убеждайте, трогайте сердце добрыми вашими словами, чтобы никто из них не вышел без назидания, без уврачевания, без утешения! Не преставайте молиться и как можно чаще воздевать свои руки к небу о спасении их тогда, когда они отыдут отсюда и паки вступят в море для плавания,

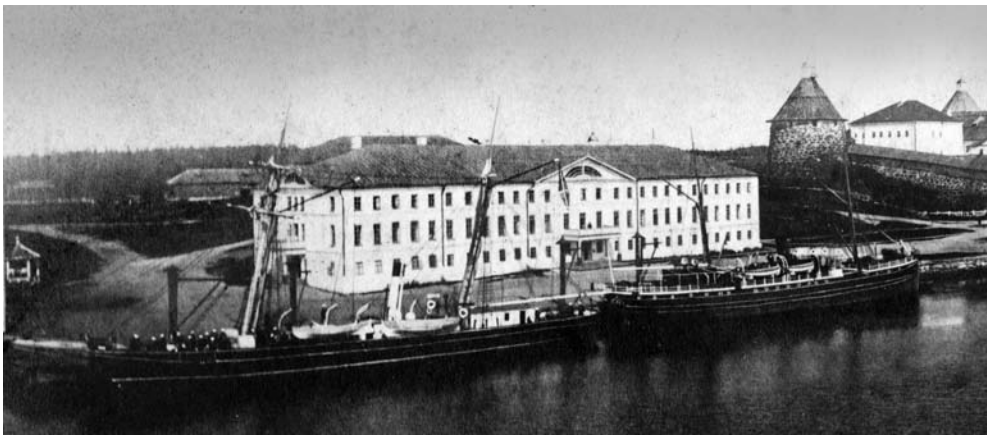
а потом и в море житейское, воздвигаемое напастей бурею. Ах, на том и другом море сколько бывает несчастий, сколько слез и стонов, сколько камней претыкания и опасностей для спасения души. Беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от лжебратии (2Кор. 11, 26), эти беды, которые нам, инокам, вовсе не известны, предстоит им испытать в жизни... Можно ли нам, безопасно покоящимся в тишине пристанища иноческого, не молиться со всем усердием о мире всего мира, о плавающих, путешествующих, труждающихся и бедствующих на море и на суше? Таким, а не иным образом, братие, вы можете приносить Господу постоянное благодарение за то, что Он благоволил поставить ноги ваши твердо на камени обители сей, и чрез то избавил вас от мирскаго мятежа, от рова страстей, от брения мирской тины. Утешая, ободряя всех притекающих в обитель радушным приютом и благовременной помощью во всякой нужде, а паче духовной, потщитесь, молю вас, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа и святых отец наших Зосимы и Савватия, достойно ходити иноческого звания, в неже звании бысте, и тако да просветится свет обители нашей пред человеки, яко да видят все добрая дела ваша и прославят Отца нашего, иже есть на небесех» [59, с. 10-13].

Для удобства размещения богомольцев архимандритом Порфирием в 1859–1864 годах была выстроена новая каменная Преображенская гостиница на 70 номеров. На втором этаже комнаты с высокими потолками, чистые с хорошей мебелью. 1-й и 6-й номера имеют по три комнаты с мягкой мебелью, зеркалами, диванами. Несколько номеров по 2 комнаты. Номера 3 этажа попроще, а первого еще проще, но все же лучше, чем в старых деревянных гостиницах, рассчитанных на самых невзыскательных деревенских жителей. Средний этаж для купцов и лиц власть имеющих, верхний – для разночинцев, нижний – для крестьян и мещан, кто побогаче. По словам П. Ф. Фёдорова, «гостинщики отлично умеют определять общественные и экономические градации по платью и выражению лица и соответственно с этим размещают» [91, с. 56].

Архимандрит Порфирий непосредственно участвовал в строительстве, о чем братия с удовлетворением говорили: «У нас первое дело – пример. Как гостиницу строили, сам архимандрит камни таскал. Кирпичи на тачках возил. Труд – дело святое, всякому подобает. Не трудишься, так и хлеба не стоишь!» [58, с. 106].

В то же лето 1860 года архимандрит Порфирий окончательно убедился в необходимости улучшить способ перевозки богомольцев с материка на Соловки.

С 1851 года Соловецкий монастырь получил исключительное право заниматься перевозкой своих паломников. Монастырь приобрел десяток так называемых «богомольческих» судов, представлявших собой пузатое судно с палубой и одной мачтой, увенчанной золотым крестом. Для устойчивости при морском волнении на дно судна укладывали некоторое количество булыжника, кое-как закрепленного и прикрытого досками. На этих досках и размещались пассажиры числом до 150–200 человек, вперемешку с прилучившимся грузом. Плавание на таких судах, не приспособленных для перевозки людей и набивавшихся паломниками до отказа, было делом утомительным и опасным. При попутном ветре из Архангельска добирались более суток, а при безветрии или при противном ветре плавание могло продолжаться неделями, и люди в душном переполненном трюме испытывали невероятные мучения. Архимандрит Порфирий испытал на себе



Преображенская гостиница и монастырские пароходы у пристани

всю трудность переправы морем в Соловецкий монастырь в 1859 году, добираясь четверо суток из Архангельска на одном из лучших судов с наиболее опытным кормщиком.

Единственным способом улучшить пассажирское и грузовое сообщение с материком было заведение монастырем своего собственного морского пароходства. Дело это было на севере новое и не могло встретить сочувствия со стороны Соловецких монахов, которые не привыкли тратить большие суммы денег на предприятия, «польза от которых носилась в тумане будущности» [59, №21, с. 300].

Нельзя было рассчитывать архимандриту Порфирию и на поддержку Московской Синодальной конторы, испрашивая разрешения на трату десятков тысяч монастырских денег. Тогда, по свойственной его характеру решительности, о. Порфирий в марте 1861 года купил у архангельского купца В. Брандта за 13 тысяч рублей пароход «Волга» с машиной мощностью 45 л.с., построенный в 1847 году в Англии. Архангельское портовое начальство оказало содействие в ремонте и переоборудовании парохода для перевозки пассажиров, и летом он появился на море как соловецкий пароход с именем «Вера».

В течение зимы 1861–1862 годов в монастырском доке многое было поновлено и исправлено в пароходе снаружи и внутри, хорошо отделаны каюты для высшего и среднего класса пассажиров, устроены удобные нары для 3-го класса. В навигацию 1862 года, к радости паломников, пароход «Вера» уже регулярно ходил между Соловками и Архангельском за 20–24 часа, безопасно и благополучно перевозя до 500 паломников за рейс.

Так было положено начало Соловецкому пароходству. Уже в навигацию 1861 года, видя явную выгоду и удобство плавания через море на пароходе «Вера», почти никто из богомольцев не желал отправляться в монастырь на парусных судах.

Сотни паломников скапливались на подворье в Архангельске в ожидании парохода, которому часто приходилось пускаться в обратный путь, имея лишь два часа на отдых. Поэтому зимой 1861–1862 годов под руководством архангельского портового мастера Коншина руками братии и трудников в монастырском

доке был изготовлен деревянный корпус для нового парохода. Тем временем из Шотландии была доставлена паровая машина мощностью 60 л.с., которая обошлась монастырю в 28 тысяч рублей. В первых числах августа новый соловецкий пароход «Надежда» был спущен на воду.

Первым испытанием парохода была двухсуточная прогулка архимандрита Порфирия с многочисленной монашествующей братией вокруг Соловецких островов с небольшими остановками у отдаленных скитов. При отличной погоде монастырский хор пел на открытой палубе духовные песнопения, а счастливый настоятель угощал старцев чаем и закуской. В заключение только что освобожденный из острога Селенгинский игумен Израиль[30] изложил торжество в стихах и прочитал перед всем братством. Негодование, которым были одержимы братия в начале дела, было совершенно забыто.

Теперь пароход должен был отправиться в Архангельск, чтобы получить разрешение на перевозку пассажиров. В день Успения Пресвятой Богородицы после Божественной Литургии при звоне колоколов братия и богомольцы вышли с Крестным ходом на пристань, где после должного молитвословия пароход «Надежда» был освящен окроплением святой воды. Архимандрит Порфирий произнес речь, в которой назвал новый пароход «подвижным храмом Божиим, малою церковью Христовою». Действительно, в тот же день, во время первого рейса в Архангельск, архимандритом Порфирием с многочисленной братией прямо на пароходе было отслужено Всенощное бдение по случаю праздника Нерукотворного Образа Господня.

По прибытии в Архангельск хор иноков воспел благодарственный гимн «Тебе Бога хвалим». Затем в течение двух недель пароход «Надежда» проходил освидетельствование и испытание, после чего члены комиссии Архангельского порта признали его прочным и благонадежным для плавания по Белому морю. Братия, желая, чтобы на новом судне почило благословение Божие, просили архимандрита Порфирия дозволить в первый рейс отправиться таким богомольцам, которые желают поклониться преподобным, но не имеют возможности заплатить за проезд. Он согласился с удовольствием, и около 600 человек благополучно совершили трехдневную поездку в Соловецкую обитель.

С самого начала существования обоих пароходов на каждый из них в летнее время назначался особый иеромонах, который совершал на пароходе дневные службы, кроме литургии, и нужные для богомольцев требы, имея запасные Святые Дары. Команде было предписано «кроткое и благоснисходительное обращение с поклонниками, недозволение словом и делом поступков, оскорбительных для нравственности людей, которые уже как бы вступили на порог обители».

На монастырских пароходах пассажирам запрещалось иметь с собой спиртные напитки и курить табак «из благоговения к фимиамному курению при богослужении и присущей здесь святыне Креста Господня, Евангелия и святых икон, и особенно – присутствию запасных, для всякаго случая, Святых Даров Тела и Крови Христовой».

---

[30] Сектант, мнивший себя вторым Христом и серьезно готовившийся к страданиям на кресте, за что в 1830-е годы был препровожден в Соловецкий острог. Поддавшись убеждениям о. Порфирия, Израиль раскаялся в своих заблуждениях, был освобожден и поступил в братство.

Фото начала XX в.

Два парохода стоили монастырю больше сотни тысяч рублей, однако затраты эти скоро окупились. Ропот братии, которым сопровождалось начало этого труднейшего и полезнейшего дела, совершенно прекратился. Начальство, которому архимандрит Порфирий донес о приобретении пароходов, ограничилось строгим выговором. «Но избавление многочисленных поклонников обители от тех испытаний, которые им приходилось терпеть четыреста лет при прежнем плавании по морю в судах, смахивающих на боченки с сельдями, – это избавление не имеет цены» [59, №21, с. 303].

О. Порфирий умел подметить, кто из братии к чему был более склонен, и старался в каждом развить полезные способности, приставляя к соответствующему делу. Он избрал из среды молодых монахов несколько человек, которые знали мореходство и могли бы, подучившись, служить на новых пароходах. На первых порах их поставили в помощники к наемным шкиперам и механикам, а в 1865 году они сдали экзамены в Архангельском порту и стали шкиперами: иеромонах Александр (Алексей Петрович Заборщиков) и иеродиакон Иона (Иван Иванович Падорин), или механиками: монах Вонифатий (Василий Прокопьевич Прокопьев) и монах Фортунат (Феодор Фаддеевич Иванов), которые более 10 лет управляли соловецкими пароходами.

Казалось бы, великими трудами надежное сообщение по морю было устроено, однако, по Божиему Промыслу, архимандрит Порфирий, возвращаясь в монастырь после освидетельствования корабля 31 августа 1862 года, попал в страшную бурю. Белое море кипело и бросало как мячик огромный пароход: деревянный

корпус дрожал, стены трещали, мачта от качки сломалась на половине высоты, паруса были оборваны, даже железные цепи, удерживающие руль, вырвались из своих мест в стенах судна. О. Порфирий вспоминал потом об ужасе положения команды и пассажиров корабля: «Страдали все, страдал и я. Я мучился за себя, не чувствуя себя еще готовым к смерти и суду Божию; мучился за спутников моих, за самое судно, построенное по моему распоряжению.

– О, пощади, Господи, душу мою, – взывал я. – Помилуй всех страждущих и плавающих со мной! Братия мои во обители Соловецкой, видите ли скорбь мою? Усугубите теперь ваши старческие молитвы пред Господом о спасении недостоинства моего! О, Мати Божия и Преподобные Отцы и Чудотворцы Соловецкие! Ради молитв братии моей, не дайте погибнуть безвременно грешной душе моей, явитесь предстателями пред Господом за всех нас, погибающих.

Измученный и истомленный скорбью и страхом, я подозвал к себе о. Анатолия[31] и сказал:

– Помолимся, о. Анатолий. Видишь, какое горе наше. Пойте: К Богородице прилежно ныне притецем, грешнии.

Он надел епитрахиль, взял в руки крест, и, держась за перила, благословил и тихо запел. Никто не подошел поучаствовать с ним в пении. Все были в состоянии страха и оцепенения. Я присоединил свой голос к его старческому пению. Он прочитал Евангелие наизусть. Книги не было возможности держать, а тем более читать по ней. Кончился скорбный молебен и пропели: Не имамы иныя помощи; Под Твою милость прибегаем; Пресвятая Богородице, спаси нас. О. Анатолий, приблизившись ко мне, сказал на ухо:

– Позвольте отслужить акафист Матери Божией. В жизни своей я неоднократно испытал, что после чтения этого акафиста, я, не чая, получал помощь Матери Божией в бедствиях и скорбях. Уповаю, что Она, премилосердая Матерь наша, и теперь не оставит нас.

– Ради Бога, скорее пойте…

Старец опять тихо запел, склонившись ко мне: Взбранной Воеводе победительная, и читал наизусть весь акафист, а я пел в скорби моей: Радуйся Невесто неневестная. Из спутников, господа Кардаков, Дудин и Леденцов, подошли и стали пособлять мне в пении.

– Нет никакой возможности идти вперед; благословите поворотиться назад, – сказал кормщик, подошедший ко мне с англичанами, – подобной погоды на Белом море не было еще на моей памяти.

– С Богом, с Богом, давно бы так. Только, пожалуйста, поосторожнее ворочайте судно.

– Не беспокойтесь, уж это наше дело. Мы это знаем.

Сильно гонимое ветрами и качаемое волнами, стрелой понеслось наше судно в обратный путь, и не более, чем через час, очутились мы у Жигжинского маяка за двадцать с лишним верст. Якорь бросили, Слава Богу, мы в тихой пристани и безопасны! Все стали молиться и благодарить Господа и Преподобных за спасение свое. Было 9 часов утра. После чрезвычайной восьмичасовой изнурительной

[31] Иеромонах, строитель Голгофо-Распятского скита.

борьбы со стихией силы истощились; все спешили отдохнуть и скрылись в каютах и трюме. Прилег и я. Но еще свежие, тяжкие впечатления моря не давали мне сна. Я думал об опасности, в которой был, о неожиданном избавлении и находил в этом событии вразумление для себя. Я хотел избежать осенних бурь на море, поэтому спешил из Архангельска в монастырь, а Промысл устроил так, что я попал в самую страшную бурю. Я думал, что на прочном, прекрасно устроенном судне, при отличном действии машины, плавание по морю будет совершенно безопасно, а Господу угодно было показать, что мой расчет неверен, и подвергнуть меня самой величайшей опасности. Три года начальствуя на острове Соловецком, и не выезжая из него никуда, я не испытывал всех бедствий мореплавания, а потому, может быть, не имел полного сочувствия к мореплавателям. А теперь я лично ознакомился со всеми опасностями на море и могу судить, как велик ужас бедствующих, какая усиленная потребна молитва со стороны братии моей для облегчения их горя, какая нужна скорая готовность для подания им возможной помощи. Но, особенно, Глас Господень на водах и в буре, казалось, говорил мне: подобно морю постоянно воздвизается и жизнь твоя бурею страстей и соблазнов. Будь деятелен и осторожен. Иначе ты погибнешь вне горняго отечества в пучине житейской»[32].

На другой день в 6 часов утра пароход снялся с якоря и к полудню был уже у Соловецкой пристани. Со страхом смотрели братия на сломанную мачту. По прибытии все поспешили в храм преподобных и с коленопреклонением воспели Господу Богу благодарственный молебен за спасение жизни.

Старожилы говорили, что такой бури не было еще на их памяти: с некоторых часовен сорвало ветром кресты, многие поклонные кресты по берегу были опрокинуты, на острове много переломало леса и с корнем вырвало до тысячи деревьев. Архимандрит Порфирий сказал братии: «Да, великое горе послал Господь вчера на долю мою… Прошу вас, братия, усугубить ваши молитвы о плавающих вокруг нас. Я не знаю бедствия, которое могло бы сравниться с бедствием мореплавателей во время бури. Наш иноческий подвиг в тиши келейной, особенно если он не сопровождается крепкой борьбой со страстями, – ничто по сравнению с подвигом мореплавателей, усталых, изнуренных во время бури. Кто хочет знать истинное подвижничество, тому надобно испытать бурю морскую»[33].

Архимандрит Порфирий продолжил труды по устроению церквей, начатые архимандритом Александром и исполнявшим обязанности настоятеля архимандритом Мельхиседеком. Последним был вчерне построен Троицко-Зосимо-Савватьевский собор с тремя престолами и под ним церковь во имя преподобного Германа. Сооружение иконостаса, сеней над мощами преподобных и новых серебряных рак угодников, а также само освящение собора было совершено уже архимандритом Порфирием.

При нем были учреждены Савватиевский и Спасо-Вознесенский скиты и в каждом из них освящены храмы: в 1860 году – церковь в честь Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии в Савватиевской пустыни, а в 1863 году – оба престола в церкви в честь Вознесения Господня на Чудовой (Секирной) горе. При нем же

[32] Душеполезное чтение. 1863, ч.I, №3, с. 64–77.
[33] Душеполезное чтение. 1863, ч.I, №3, с. 77.

расписаны Преображенский и Троицкий соборы. Из хозяйственных построек по инициативе о. Порфирия выстроены каменный двухэтажный просфорный корпус, лесопильный завод, переходы из церквей в настоятельский корпус, каменная на сваях пристань на северной стороне бухты Благополучия.

Из душевных качеств архимандрита Порфирия больше всего поражает его сострадательность, выражающаяся в деятельной заботе обо всех, кто был вверен его попечению. Самой несчастной частью Соловецкого населения были ссыльные, которых в 60-е годы в монастыре содержалось около 20 человек. Поскольку это были преимущественно сектанты, к ним не допускался даже монастырский духовник из опасения, чтобы и он не заразился их идеями.

Архимандрит Порфирий стал лично посещать острог почти каждую неделю[34], иногда часами беседуя с каждым из заключенных. Ласковые разговоры, посылка заключенным чая, сахара и белого хлеба, а также разрешение прогулок по тюремной ограде или даже по монастырю обратили некоторых к раскаянию.

Сознались в своих заблуждениях мнимый Христос – игумен Израиль, скопец Антон, раскольничий поп – московский купец Дмитрий Крынин и другие. Всем им о. Порфирий исходатайствовал полную свободу: Израиль с Антоном поступили в братство, а Дмитрий Крынин даже написал на 45 страницах «Краткое сказание бывшаго старообрядца о своем обращении и присоединении к православной церкви»[35]. Это сказание завершается изъявлением благодарности архимандриту Порфирию, который, по словам Крынина, «со дня достославного прибытия своего в Соловецкий монастырь, не уставал беседовать со мною в духе мира, действуя на мое грубое сердце и помраченный смысл, чтобы соделать меня членом святой, соборной и апостольской Христовой Церкви… Отец архимандрит доказывал все истины из Писания по одной любви Христовой и, таким образом, поставлял меня на прямой путь ко спасению души моей. Великая его христианская любовь к моему недостоинству впечатлевалась в сердце моем, которое из благодарности заставляло меня сознаваться в своих неправильных понятиях о святой Церкви и ея служителях…»

Далее Крынин непосредственно обращается к архимандриту Порфирию: «Все ваши желания устремлены к тому, чтобы собрать чада расточенная; и вы высоким своим учением, представляете и прочим пример и образец, как убеждать умы разумом, и сердца привлекать христоподражательною любовию».

В числе сосланных, но живших среди братства, было несколько священников Казанского округа, замешанных в бунте крестьян против помещиков в 1861 году, и петербургский дворянин Якубовский, сосланный за беспорядочную жизнь своими вельможными родителями. Их смиряли черными работами, отчего состояние их было близко к отчаянию. О. Порфирий нашел возможным ходатайствовать за них перед высшим начальством, чтобы священникам разрешили совершать богослужение в монастыре, а Якубовскому, как человеку образованному и вполне ис-

[34] По послужному списку можно видеть, что архимандрит Порфирий всегда проявлял заботу о заключенных и при своем служении в Петрозаводске, а затем в Пскове состоял членом и даже директором Петрозаводского и Псковского тюремных комитетов. В 1852 году он удостоился благодарности за должный порядок в Псковском тюремном замке.

[35] Духовная беседа, 1864, № 38, с. 81–100; №39, с. 113–129; №40, с. 150–157.

правившему свое поведение, преподавать в училище для трудников. Конечно, все благодарили Бога и о. Порфирия за облегчение своей участи.

Сам испытав в молодости нужду и лишения, о. Порфирий все четырехтысячное настоятельское жалованье расходовал на благотворительность. Каждый нуждающийся монах, странник, бедняк-помор мог обратиться к нему за помощью. Он постоянно поддерживал нескольких студентов Петербургской духовной академии из архангелогородцев. Своим бедным родственникам – каменец-подольским псаломщикам о. Порфирий ежемесячно высылал назначенную сумму. Как указывает И. Я. Сырцов, в 1864 году в Архангельске, предчувствуя печальный исход своей болезни, о. Порфирий 2000 рублей переслал по почте в различные братства, а еще 2000 рублей лично вручил архиерею и губернатору для раздачи в благотворительные учреждения Архангельска. Поэтому после его кончины осталось только около 2000 рублей, предназначенных на погребение и поминовение.

По праву настоятеля о. Порфирий иногда расходовал на благотворительность и монастырские средства. «Монастырь, – говорил он, – пользуясь богатыми жертвами от народа, должен и сам оказывать помощь народу, когда она потребуется». В голодные годы бедняки-поморы увозили безденежно из монастыря десятки и сотни кулей хлеба. Бедных богомольцев одевали, питали и снабжали денежной помощью. При известии о пожаре, истребившем Симбирск, от монастыря немедленно была послана погорельцам 1000 рублей.

К сожалению, о. Порфирию пришлось в последний год своей жизни выслушать больше обвинений, чем благодарностей со стороны окружающей его братии. Главным поводом к обвинению было то, что, не имея возможности ежедневно полностью присутствовать за будничными богослужениями, продолжавшимися около 8 часов, о. Порфирий установил для себя несколько сокращенное, по сравнению с монастырским уставом, богослужение и совершал его в церкви Благовещения рядом с настоятельскими покоями.

По свидетельству близко знавших о. Порфирия, а также из его проповедей и дневников, можно заключить, что присутствие за богослужением и личное служение составляло для него жизненную потребность и источник душевной радости и силы. Он писал: «Более ста человек приобщил я святаго Тела и Крови Христовой, удостоившись приобщения прежде и сам. – Боже мой! Какую тайну великую совершаешь Ты через меня грешнаго, соделав меня орудием благостыни Твоей милующей! Чистейшие сонмы ангелов не смеют взирать на Лице Божие, а я, немощный, приемлю Бога устами и сердцем, и своими дланями преподаю и другим. О, дай мне Всеблагий, иметь смиренную жизнь и равно смиренную душу!»[36]

О. Порфирий всегда оставлял свои многочисленные дела и ученые занятия и в положенные монастырским уставом часы предавался молитве, как и должно монаху. Однако блюстителям монастырского порядка этого казалось недостаточно: настоятель должен молиться с братией. Было обращено внимание и на то, что о. Порфирий в будние дни не бывает за братской трапезой, состоящей главным образом из непривычной для него трески и каши, живет в хороших покоях, носит

[36] Духовная беседа, т. 1, №16, 19 апреля 1869, с. 262.

дорогие рясы, выезжает в карете. Все это, по мнению обвинителей, свидетельствовало об отсутствии в о. Порфирии монашеского смирения.

Летом 1864 года в обитель прибыл ревизор, который поддержал точку зрения жалобщиков. К тому же о. Порфирий вынужден был отправиться в Архангельск для советов с докторами, не дожидаясь конца ревизии (так как заканчивалась навигация), что показалось ревизору оскорбительным. Братия же, не расположенная к о. Порфирию, усилила обвинения, так что он оказался достоин предания суду.

Рассматривая его отставку как дело уже решенное, монастырский собор решил задержать в монастыре на зиму пароход, который по приказу о. Порфирия должен был еще раз отправиться в Архангельск за настоятелем. Были приглашены на совет с собором все иноки, и только после долгих пререканий большинством голосов было решено исполнить приказание не смененного еще настоятеля. О. Порфирий был до слез расстроен известиями о действиях собора. По возвращении в монастырь он высказал эту обиду пред братством, и многие из старцев плакали, сознавая свою вину, но исправить ошибку было уже поздно.

Оскорбление со стороны братии, по-видимому, окончательно нарушило и без того расстроенное трудами и северным климатом здоровье о. Порфирия. В 1859 году он прибыл совершенно крепким и о болезни не думал. Однако осенью 1860 года он простудился так, что все тело покрылось сыпью, превратившейся в гнилые струпья. И эта болезнь мучила его до весны, воспрещая даже иногда посещать храм Божий. Летом болезнь куда-то скрывалась, но каждую зиму возобновлялась с некоторым усилением.

О. Порфирий с покорностью воле Божией переносил все, ожидая исхода к лучшему или к худшему. Зимой 1864 года о. архимандрит страдал более прежнего и потому решился отправиться летом в Архангельск за медицинской помощью. Помощь была оказана, но болезнь опять лишь затаилась. В сентябре по долгу службы о. Порфирий вопреки советам врачей отправился на Соловки, награждающие новыми болезнями, не исцеляя прежних. Осень прошла спокойно, но первый день 1865 года оказался началом новых тяжких страданий для о. Порфирия: болезнь ушла внутрь, ломота и стреляние во всем теле временами становились невыносимыми. К весне из крепкого, видного собой человека он превратился в скелет, покрытый кожей и едва имевший дыхание.

На отходивший в Архангельск 2 июня пароход «Надежда» о. Порфирий был уже внесен в креслах под наблюдением нарочно вызванного из Архангельска доктора Серикова. При отъезде настоятель возложил управление Соловецким монастырем на Соборную братию, а преимущественно на наместника – иеромонаха Матфея.

По прибытии в Архангельск бывшие на пароходе братия перенесли больного в ближайшую к берегу удобную квартиру. Благочинный Соловецкого монастыря иеромонах Анатолий рапортом от 4 июня обратился к преосвященному Нафанаилу с просьбой от лица всей братии Соловецкой об участии к болящему и необходимых для него заботах. По заключению врачей, сразу прибывших, «архимандрит Порфирий оказался тяжко больным, особенно поражением печени и самой большой доли правого легкого… Врачи Сериков и Липницкий постоян-

но три раза в день бывали у больного, и по их личным отзывам, хотя положение больного архимандрита Порфирия нельзя признать решительно безнадежным, но болезненные его припадки крайне тяжелы и опасны. Посетив архимандрита Порфирия, преосвященный (Нафанаил) нашел его в постели, едва могущим немного приподняться и с трудом говорящим. Квартира больного покойная и прислуга монастырская, сколько можно было заметить, благонадежна»[37].

В последние дни страданий о. Порфирий находил нравственную поддержку и утешение только в почти постоянном присутствии при нем преосвященного Нафанаила и ректора Архангельской семинарии архимандрита Доната. Они и закрыли ему глаза 26 июня 1865 года.

29 июня преосвященный Нафанаил епископ Архангельский и Холмогорский в Архангельском кафедральном соборе совершил над усопшим самое торжественнейшее отпевание «в собрании всего градского духовенства, при необыкновенно многочисленном стечении народа»[38]. Усопший все время пребывания своего в Соловецкой обители пользовался глубоким уважением многих архангелогородцев, видевших в нем кто – искреннего друга и ученого сотрудника, кто – любвеобильного благодетеля, а все вместе – ревностного проповедника истины, громкое слово которого летело из отдаленной северной пустыни во все концы России.

30 июня, по желанию самого почившего и братии, тело покойного архимандрита Порфирия во гробе было привезено на пароходе в Соловецкий монастырь. С парохода гроб был принят на рамена старшей соборной братией и, сопровождаемый архимандритом Донатом, при пении архиерейскими певчими ирмосов «Помощник и покровитель бысть мне во спасение», перенесен в Преображенский собор и поставлен на особо устроенное возвышение. Двое суток Соловецкая обитель с горькими слезами молилась ко Господу о упокоении со святыми отца ее, священноархимандрита Порфирия. Во всех церквах совершались заупокойные литургии и многократные панихиды по желанию братии. 2 июля в Преображенском соборе совершал заупокойную Божественную литургию архимандрит Донат со старшей братией. Затем отслужили последнюю надгробную панихиду, в которой участвовали более 30 иеромонахов, а присутствующих едва вмещал огромный собор. Братия воздала последнее поклонение скрывшемуся во гробе своему настоятелю и проводила его с подобающей честью на уготованное ему место под Троицко-Зосимо-Савватьевским собором. Место это было указано одним из старцев и явилось верхом всех последних почестей, ибо теперь его окружают опустевшие могилы святителя Филиппа, преподобных Зосимы, Савватия, Германа и Иринарха.

Архимандрит Донат в слове при погребении описал подвижничество архимандрита Порфирия на ученом поприще, напомнив заповедь апостола Павла, чтобы труждающимся в слове и учении воздаваема была сугубая почесть. Он подчеркнул также, что о. Порфирий без рассуждения и с покорностью принял свое назначение в Соловецкий монастырь и пребыл в нем делателем послушливым даже до смерти, со многим терпением перенося страдания от болезни.

---

[37] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 39. Д. 166. 1865 г. Л. 1.

[38] Николай, иеромонах. Архимандрит Порфирий. Настоятель Соловецкого монастыря: Некролог // Духовн. беседа. 1865. № 36, с. 521.

Обращаясь к почившему, архимандрит Донат сказал: «Горько сетуем о разлуке с тобой, но, с другой стороны, радуемся о блаженном твоем успении. Мы уповаем, что душа твоя, искушенная и переплавленная огнем тяжких болезней и страданий и седмерицею предочищенная всеми очистительными таинствами нашей веры, пошла чистою и светлою в небесное отечество; потому-то и почил ты сном смерти с молитвою на устах, тихо, спокойно, мирно и радостно, как дитя, засыпающее на лоне матернем»[39].

На надгробной плите, сохранившейся до нынешнего времени, надпись: «Лета от Р.Х. 1865 месяца иуния в 26 день преставися настоятель Ставропигиальнаго Соловецкаго монастыря священно-архимандрит Порфирий, имея от рождения своего 52 года, монастырем сим управлял 5 лет и 9 месяцев». Все неприятности давно забыты, зато помнятся и теперь многими великие труды почившего и его доброта.

Боже духов и всякия плоти! Ты тяжкими болезнями яко злато в горниле искусил еси раба Твоего, священно-архимандрита Порфирия на земле: прими его на небеси в лоно милосердия Твоего, идеже веселятся и радуются все, очищенные страданиями и покаянием, убеленные пречистою кровию закланного за нас Агнца Божия, Господа Иисуса Христа. Аминь.

4.7. АРХИМАНДРИТ ФЕОФАН – ДВОРЯНИН-МОНАХ

Будущий Соловецкий настоятель архимандрит Феофан (Александр Федорович Комаровский) родился в 1808 году в семье белозерских дворян. Он получил наилучшее мирское образование, окончив институт Корпуса инженеров путей сообщения. Однако, имея склонность к благочестивой жизни, он в конце 1828 года в день Рождества Христова поступил в Кирилло-Новоезерский монастырь.

Мать его в то время жила в Горицком монастыре при игумении Маврикии и впоследствии скончалась в иноческом звании. 13 июля 1832 года Александр был определен послушником в том же Новоезерском монастыре. Об этом периоде его жизни сохранились следующие воспоминания: «Александр Федорович Комаровский имел характер кроткий, смиренный, услужливый, за что был всеми и любим, и уважаем, и не только братией, но и самим игуменом Аркадием. Старец Феофан[40] считал его своим самым искренним учеником, видимо отличал его от прочих, и, глядя на это особое к нему расположение старца, бывало, невольно ему позавидуешь. Многие про него говорили, что он со временем будет для обители вторым старцем Феофаном, и всеобщее расположение было к нему таково, что не будь он так молод, его готовы были бы избрать себе в настоятели»[41].

По неизвестным причинам в начале 1834 года послушник Александр был перемещен в Свято-Троице-Сергиеву пустынь С.-Петербургской епархии.

---

[39] Там же. С. 528.

[40] Архимандрит Феофан (Соколов), настоятель Кирилло-Новоезерского монастыря в 1793–1826 гг., †4 декабря 1832 г.

[41] Воспоминания архимандрита Пимена. Николо-Угрешский монастырь. 2004. (Репринт. изд. М., 1877). Л. 49.

Настоятелем в этой обители был тогда архимандрит Игнатий (Брянчанинов), будущий святитель, который заботился как о внешнем благоустройстве обители, так и о воспитании монашествующих в истинно христианском духе. Обитель славилась тогда удивительным пением и красотой уставного богослужения.

Образованный и способный послушник Александр, по-видимому, обратил на себя внимание настоятеля, который духовно окормлял всех вновь поступающих, приучая их быть откровенными с ним не только в делах, но и в помыслах. Через два года в праздник Рождества Христова архимандрит Игнатий постриг двадцатисемилетнего Александра в монашество с именем Феофан. Через десять дней 4 января 1836 года новопостриженный монах был рукоположен в сан иеродиакона, 7 января – в сан иеромонаха, а 13 января определен казначеем обители.

Отец Феофан пользовался доверием начальства и любовью братии и 12 сентября того же года был определен наместником, то есть, стал ближайшим помощником настоятеля. В 1837–1841 годах он состоял членом строительной комиссии, учрежденной для исправления соборной церкви в Троице-Сергиевой пустыни. 25 марта 1838 года по ходатайству архимандрита Игнатия он был награжден набедренником «за исправление всегда с особенным усердием должности наместника, при честной, трезвой и вполне похвальной жизни» [101, Л.1].

В 1841 году отец Феофан пожелал вернуться в Кирилло-Новоезерский монастырь, что ему и было позволено 9 октября. Затем последовал ряд перемещений по распоряжению начальства: 24.11.1842 – в Нило-Сорскую пустынь для временного управления оною; 14.03.1844 – строителем в Старо-Ладожский Николаевский монастырь; 5.07.1846 – настоятелем в Троицко-Зеленецкий монастырь с возведением в сан игумена; и, наконец, 29.09.1847 по распоряжению Его Высокопреосвященства Антония митрополита Новгородского и С.-Петербургского он вернулся настоятелем в Кирилло-Новоезерский монастырь.

По воспоминаниям одного из посетителей обители того времени, игумен Феофан не сумел соблюсти в обители порядок, установленный старцем Феофаном. Он допускал в обители винопитие, строго воспрещенное ее основателем преподобным Кириллом, потакая распущенности братии, не требовал строгого соблюдения устава[42]. Однако для начальства эти погрешности в управлении остались незамеченными или покрывались положительными качествами игумена. По результатам ревизии, произведенной преосвященным Антонием, епископом Старорусским, 31 мая 1851 года ему была «объявлена признательность Его Высокопреосвященства Никанора митрополита Новгородского за порядок, устройство в зданиях и благочиние в церквах», а 5 июня 1851 года он был произведен в архимандрита. Подобным образом он удостоился от Высокопреосвященного Никанора объявления признательности 12 марта 1853 «за благоразумное управление обителью, найденной в хорошем состоянии при обозрении оной в 1852 г.» и архипастырского благословения 29 ноября 1856 года «за устройство и порядок в монастыре по всем частям».

27 марта 1857 года архимандрит Феофан был переведен в первоклассный Кирилло-Белозерский монастырь настоятелем и 25 апреля 1857 года

[42] Там же. С. 50.

определен благочинным монастырей и членом Кирилловского Духовного Правления. В том же году 17 апреля он «в воздаяние отлично усердной службы Всемилостивейше награжден орденом Св. Анны 2-й степени, который 6 апреля 1865 года украшен императорской короной». В 1865 году 14 июля отцу архимандриту было преподано благословение Святейшего Синода в благодарность за его труды, а 6 октября определением Святейшего Синода (от 22 сентября) он был перемещен настоятелем в Соловецкий монастырь.

Архимандрит Феофан был в то время шестидесятилетним старцем, известным своими иноческими добродетелями и административными способностями. Прибытие настоятеля затянулось до зимы, когда сообщение с берегом затруднено по причине носящихся по морю льдов.

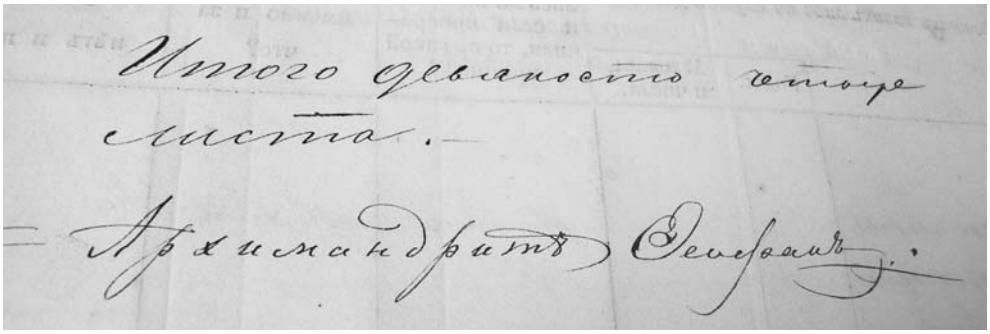
При нужде (например, раз в месяц, ради доставки почты) переправа осуществлялась от ближайшего полуострова, отстоящего на 60 верст к югу от о. Муксалма. На этом пути два раза в сутки приходят с приливом подвижные льды с севера. Обходя Соловецкие острова, они на южной стороне сталкиваются со страшным грохотом, пока вода не пойдет на убыль. С отливом льды уносятся на север. За то время пока они отсутствуют (не больше 6 часов), надо успеть проскочить от берега до Муксалмы. В случае неудачи льды окружают лодку, отнимая возможность двигаться в нужном направлении. Тогда соловецкие почтари вытаскивали лодки на первую надежную льдину и носились на ней недели, пока не удавалось пристать к какому-нибудь берегу иногда за 200-300 верст от Соловецких островов. Поэтому поморы, отправляясь с почтой, брали запас провизии на месяц.

Однако о. архимандрит Феофан не убоялся опасной зимней переправы через море и прибыл в обитель среди зимы, незадолго до сырной седмицы. Встретить нового настоятеля с подобающими почестями на отдаленном Муксалмском острове было некому. Однако известие о его прибытии достигло монастыря не более чем за час, и тут же были посланы карета для настоятеля и экипажи для свиты и клади.

На колокольне начался звон в тысячный колокол «Борисович» – дар царя Бориса Годунова. Вся братия с послушниками и трудниками числом не менее 500 человек собралась в Преображенском соборе. Священнослужители во главе с наместником иеромонахом Михаилом выстроились по храму в две длинные линии. Архимандрит Феофан, появившись в соборе, произвел на всех благоприятное впечатление: во взорах и на лице его иноки видели выражение доброты и сердечной мягкости.

Помолившись за кратким молебном, о. архимандрит взошел на амвон, благословил всех дикириями и трикириями и удалился в алтарь, не сказав никакого приветствия, чем несколько озадачил братию, привыкшую к поучениям и речам его предшественника архимандрита Порфирия. Впоследствии в беседах с братией и в собраниях архимандрит Феофан говорил всегда свободно и убедительно, то есть, возможно, он воздержался от выступления по иноческому смирению. При приготовлении к первому богослужению он просил сослужащих иеромонахов учить его соловецким обычаям, чтобы каким-либо неуместным поступком не нарушить заведенного порядка.

В 1865 году по указанию Синода был создан новый монастырский контролирующий орган исполнительной власти – Учрежденный Собор Соловецкого монастыря. Поэтому архимандрит Феофан, тяготясь внешними делами по управлению монастырем, оставлял их на усмотрение наместника и Собора. Большую


Итого девяносто четыре листа.
Архимандритъ Феофанъ.

Автограф архимандрита Феофана [101, л. 94 об.]

часть промахов и неважных проступков молодой братии он покрывал отеческой любовью, заменяя наказание наставлением или налагая на виновных легкую епитимию, вроде поклонов. Он всем и все прощал.

При архимандрите Феофане начали составляться подробные годовые послужные списки монашествующих и послушников[43], которые обновлялись ежегодно, вплоть до 1915 года и полностью сохранились в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) [101–140]. Из этих списков можно узнать мирское имя монаха, его возраст, сословную принадлежность и место рождения, уровень образования, срок пребывания в монастыре, занимаемую должность, время поступления в монастырь в качестве трудника, дату определения в число послушников, дату пострижения и хиротонии.

Также указывались сведения о прошлых и настоящих послушаниях, о церковных и государственных наградах, об отпусках монаха и о взысканиях, а в последней графе – краткая характеристика личности монаха, данная настоятелем монастыря. Почти всех монашествующих архимандрит Феофан характеризовал положительно и единообразно: «качеств хороших, к послушаниям способен». Но в выдающихся случаях он не скупился на похвалу, например, о наместнике иеромонахе Матфее (Сунцове), назначенном в 1866 году настоятелем возобновляемой Ульяновской пустыни, сказано: «очень хороших качеств, жизни строгой, к послушаниям весьма способен, деятелен и усерден в своей должности» [101, №1].

При архимандрите Феофане была достроена дамба между Соловецким и Б. Муксалмским островами, что существенно облегчило доставку молочных продуктов в монастырь. О его подвижнических трудах сведений не сохранилось. Однако его биограф протоиерей И. Сырцов упоминает, что видел у архимандрита Феофана сборник аскетических поучений «Добротолюбие», заключающий в себе до 1000 страниц, переписанный красивым и убористым почерком о. Феофана. Такой труд свидетельствует об аскетическом настроении, так как печатное издание «Добротолюбия» всегда можно было найти в монастырской библиотеке или недорого купить. Тем не менее, о. Феофан посвящал немногие свободные от служебных занятий и уставной молитвы часы переписыванию творений древних подвижников.

[43] При архимандрите Александре в послужных списках указывались только сан, имя, оценка поведения настоятелем и, иногда, должность [145].

5–8 июля 1870 года архимандрит Феофан с братией встречали в Соловецкой обители великого князя Алексея Александровича. На царской пристани была сооружена из живых цветов триумфальная арка с вензелями его высочества. В Преображенском соборе великий князь молился за Божественной литургией, которую служили настоятель с четырьмя старшими иеромонахами в великолепных облачениях, пожертвованных в 1859 году императором Александром II. Затем архимандрит Феофан соборно отслужил молебен прпп. Зосиме и Савватию перед их мощами и преподнес его высочеству два образа монастырского письма. После того великий князь осмотрел достопримечательности обители и посетил скиты. Провожали высокого гостя звоном во все колокола и пушечной пальбой. В знак признательности его высочество пожертвовал монастырю 1000 руб. и прислал в монастырскую школу детям книги, карты и глобус.

Через три года управления архимандрита Феофана члены Учрежденного собора донесли в Московскую Синодальную контору о пропаже драгоценных камней из ризницы. В ответ была прислана следственная комиссия, которая прожила в монастыре три года, возбуждая множество толков и пересудов. Конец делу был положен 21 августа 1871 года смертью архимандрита Феофана от карбункула. Братия его жалели, но рады были, что расследование прекратилось. Тело его погребено в подклете Троицкого собора. Сохранилась надгробная плита с надписью: «Лета от Р. Х. 1871 месяца августа 21 дня преставился настоятель Ставропигиальнаго Соловецкаго монастыря священно-архимандрит Феофан, имея от рождения 63 года, монастырем сим управлял 5 лет и 7 месяцев».

4.8. АРХИМАНДРИТ ФЕОДОСИЙ, ВПОСЛЕДСТВИИ ЕПИСКОП ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ

Архимандрит Феодосий прибыл в Соловецкий монастырь во главе комиссии, производившей расследование по делу архимандрита Феофана. За три года следствия он успел познакомиться с братией, обычаями и всем строем жизни обители и потому 20 августа 1871 года был назначен настоятелем Соловецкого монастыря.

Феофан Семенович Рождественский (его имя в миру) родился в 1820 году в семье дьячка села Мясное, что близ г. Серпухова Московской губернии. 3 августа 1843 года по окончании Московской духовной семинарии он стал учителем Перервинского духовного училища, с 10 февраля 1848 года – инспектором того же училища. 6 июня того же года он был пострижен в монашество, а 29 июня – рукоположен во иеродиакона. Через полгода 2 января последовало рукоположение во иеромонаха.

Следующие 10 лет его жизни были посвящены воспитанию юношества: в 1851 году он, по распоряжению митрополита Филарета, был назначен смотрителем Перервинского училища, а в 1853 году – Заиконоспасского училища в Москве. В 1859 году он был назначен настоятелем Синодальной церкви Двунадесяти апостолов. С 1859 по 1867 год иеромонах Феодосий исполнял послушание ризничего Московской синодальной ризницы, причем 8 июля 1863 года он был возведен в сан архимандрита.

В 1867 году был назначен настоятелем Московского Покровского монастыря и стал членом московской консистории. При нем Покровский монастырь был при-

веден в благолепный вид и, согласно представлению митрополита Иннокентия, обращен в миссионерский монастырь.

Опыт управления монастырем у архимандрита Феодосия был невелик, да и с таким обширным хозяйством, как соловецкое, он прежде дела не имел. Поэтому, хотя он не разорял монастырь лишними расходами, но «оказался очень непрактичным. Бывало, придет куда-нибудь на послушание и начнет рассчитывать, во сколько времени вещь сделают, и досчитается, что ты и на хлеб не заработал, а на квас уж так и говорить нечего; ну, само собою разумеется, руки опустятся! По прочему хозяйству всегда тормозил, наместнику же не давал ходу, обзовет его бестолковым, неучем, да с тем и отправит, а после сам один и рассчитывает, как что-нибудь повыгоднее устроить, и конца не дождешься… считал всех мужиками, невежами, что нередко выражал и словами… ласкового слова у него никто не слышал, кроме насмешек… Для братии он был только тем хорош, что ничем не стеснял и немногих наказал, кроме высланных[44], а если уж как, бывало, порешит кого-нибудь наказать, то уж прощения у него никоим образом не вымолишь» [91, с.226–227].

Во время управления архимандрита Феодосия был впервые издан в 1873 году «Соловецкий патерик», в 1873–1876 годах построен на острове Б. Муксалма каменный храм во имя преподобного Сергия Радонежского и украшены живописью стены Троицко-Зосимо-Савватиевского собора. Поскольку, несмотря на полезные для обители труды, доброжелательные отношения между архимандритом Феодосием и братией так и не установились, он, сославшись на болезнь, попросил перевода в другой монастырь. 23 августа 1878 года архимандрит Феодосий был переведен настоятелем Ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря в Ярославской губернии, а с 31 марта 1881 года – настоятелем Ярославского Афанасиевского монастыря и членом ярославской консистории.

16 февраля 1886 года состоялась его хиротония во епископа Михайловского, викария Рязанской епархии. В речи, сказанной после наречения, о. архимандрит Феодосий сказал, что его образование и служебная деятельность мало его подготовили к высокому епископскому служению: «Будучи учителем и наставником низших духовных училищ, где воспитываются маленькие дети самого бедного духовенства и преимущественно сироты, я познакомился только с теми материальными нуждами, какие испытывают и служащее духовенство и его дети, и привык сострадать этим нуждам… Будучи хранителем древних летописных сказаний о церковной жизни наших предков, я старался по мере своих сил и разумения вникать в смысл этих летописей и научился из них тому, что современное общество слишком отличается от прежнего, крепкого в своей вере и непоколебимого в своей церковной жизни… Состоя затем начальником монашествующих в разных монастырях, я встречал здесь примеры высокого христианского подвижничества, особенно в славной Соловецкой обители, но, смотря на подвиги отдельных лиц, я мог только помышлять о том, что не я должен быть учителем и руководителем их, а мне самому следует поучиться у них»[45].

---

[44] Архимандрит Феодосий выслал из монастыря 35 послушников за то что «они раза два или три в продолжение года напьются до веселости».

[45] Ярославские епархиальные ведомости. 1886. №10. С. 160.

Поэтому, сознавая свою слабость и недостоинство, он просил богомудрых иерархов помолиться о нем Господу, чтобы Он восполнил его недостатки своею благодатью. В 1892 г. он был назначен епископом Владикавказским и Моздокским, но по состоянию здоровья был вынужден проситься на покой. Тогда он был определен управляющим Заиконоспасским монастырем и членом Синодальной конторы. Осенью 1894 года он заболел и в понедельник 23 января 1895 года тихо скончался, причастившись накануне Святых Таин.

Отпевание его совершилось 26 января после заупокойной литургии в Заиконоспасском монастыре преосвященным Нестором, епископом Дмитровским. Гроб с телом почившего епископа Феодосия был перевезен на погребальной колеснице, сопровождаемой торжественным шествием в Покровский монастырь и погребен под северным Тихвинским приделом Воскресенского собора[46].

4.9. АРХИМАНДРИТ МЕЛЕТИЙ – РЕВНОСТНЫЙ БЛАГОУСТРОИТЕЛЬ

Архимандрит Мелетий управлял Соловецким монастырем в течение 12 лет (1879–1891). Сведения о его личности в документах Соловецкого монастыря крайне скудны. Документы, позволившие воссоздать его биографию, были обнаружены в архивных делах Троице-Сергиевой Лавры, где он принял монашеский постриг и подвизался более тридцати лет.

Его духовное становление проходило под руководством двух человек, ныне прославленных в лике святых: настоятеля Высокопреосвященнейшего Филарета[47] и наместника архимандрита Антония[48]. Оказавшись на Соловках, он, подражая своим наставникам, стремился лично вникать во все тонкости монастырских дел, стараясь поддерживать ревностное и благоговейное исполнение богослужебного устава и благоустроить хозяйство монастыря в соответствии с последними достижениями науки и техники.

«Его цельная, неугомонная, карающая, дисциплинирующая натура держала весь монастырь на известной высоте и в постоянном напряжении» [46, №1, с. 75]. Однако единомышленников и учеников в среде братии архимандрит Мелетий не обрел. Когда по старости и состоянию здоровья ему трудно стало единолично управлять Соловецкой обителью, добрых помощников у него не нашлось. Святейший Синод определил уволить архимандрита Мелетия на покой и впредь не назначать настоятеля Соловецкого монастыря со стороны, а избирать из среды братии. Таким образом, архимандрит Мелетий стал последним из чреды настоятелей XVIII и XIX веков, которых Святейший Синод назначал из других монастырей с целью просвещения и духовного назидания Соловецкой братии, состоявшей преимущественно из крестьянского сословия.

---

[46] Некролог. Московские церковные ведомости. 1895. № 5. С. 50–51.

[47] Высокопреосвященнейший Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский, Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Священноархимандрит и разных орденов кавалер, член Святейшего Правительствующего Синода, †18 ноября 1867 г.

[48] Архимандрит Антоний (Медведев) – наместник Троице-Сергиевой Лавры с 10 марта 1831 г. до своей кончины 12 мая 1877 г.

Архимандрит Мелетий родился 4 ноября 1814 года в семье священника Преображенской церкви города Сольвычегодска Вологодской епархии Алексея Шергина. На следующий день после рождения он был крещен и назван Михаилом в честь архангела Михаила. В 1838 году Михаил Шергин окончил курс учения в Вологодской семинарии «при способностях довольно хороших, и при успехах довольно же хороших, поведения он честного, воспитывался на собственном содержании»[49]. В том же году он подал прошение о принятии в братство Троице-Сергиевой Лавры на имя Высокопреосвященнейшего Филарета: «Во все продолжение семинарского учения чувствовал я себя более склонным к уединенной жизни, и по окончании оного не переменяя намерения своего с согласия и благословения родительского, непреклонно решил посвятить себя монашеской жизни. А посему, покорнейше прошу, дабы соблаговолено было меня определить в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру в число братства»[50].

10 мая 1840 года Михаил Шергин был принят в число послушников Лавры. Он проходил клиросное послушание и преподавал в лаврском народном училище, занимаясь первоначальным обучением детей. Смотритель училища иеродиакон Матфей отмечал, что «Михаил Шергин проходил с поступления своего училищное послушание с любовию и охотою»[51].

11 января 1841 года послушник Михаил Шергин дал подписку Учрежденному Собору Лавры в том, что он хотел бы принять постриг: «Я, нижайший, воспринять монашеский сан усердно желаю»[52]. Учрежденный Собор и наместник архимандрит Антоний, поддерживая его намерение, обратились к митрополиту Филарету, «достойным признавая пострижение в Лавре послушника Михаила Алексеева Шергина, коего хорошее поведение, постоянные труды и усердие в возложенном на него послушании, убеждают ходатайствовать о нем пред Вашим Высокопреосвященством»[53].

15 марта 1841 года послушник Михаил Шергин был пострижен в монашество с именем Мелетий. Спустя год 29 июня он был рукоположен в иеродиакона Высокопреосвященнейшим Филаретом в лаврском храме Живоначальной Троицы. В конце его послужного списка этого года сохранилась приписка наместника архимандрита Антония: «Поведения скромного, послушание проходит с усердием»[54].

В 1844 году иеродиакон Мелетий был назначен помощником благочинного «для побуждения к благонравной и благочестивой жизни монахов и послушников». Наместник архимандрит Антоний составил для него инструкцию, которая заканчивалась словами: «старайтесь все то передавать им и внушать, чего бы вы сами к своему спасению желали себе»[55]. В марте 1845 года Учрежденный Собор поручил иеродиакону Мелетию должность смотрителя Лаврского народного

[49] РГАДА. Ф. 1204. Оп.1. Ч.3. Д. 5119. 1838 г. Л. 8.
[50] Там же. Л.1.
[51] Там же. Л. 4.
[52] РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Ч.4. Л. 3.
[53] Там же. Л. 4.
[54] Там же. Л.6.
[55] РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Ч.4. 1844 г. Д. 5991. Л. 2-6об.

Свято-Троицкая Сергиева лавра. Открытка начала XX в.

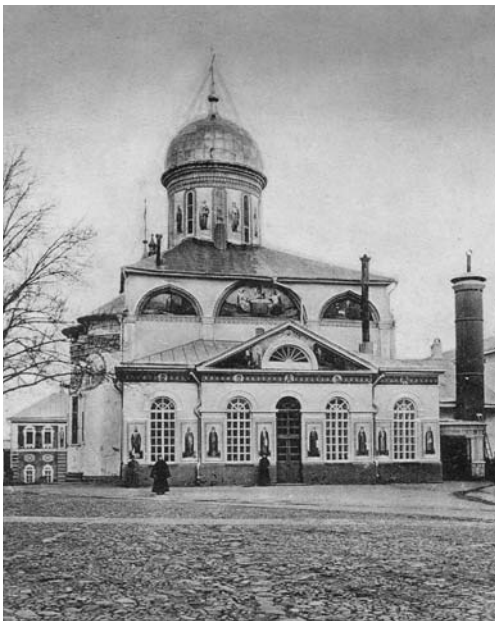
училища и странноприимных мужской и женских больниц, не освобождая его от прежнего послушания. Кроме того он исполнял череду священнослужения и клиросного пения в соборе[56].

В июле этого же года Учрежденный Собор, признавая иеродиакона Мелетия достойным иеромонашеского сана, испросил ему рукоположения, которое совершил 1 августа 1845 года Высокопреосвященнейший Филарет в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Свято-Троицкой Лавре[57]. 28 февраля 1850 года иеромонах Мелетий был определен Благочинным Лавры «с прохождением, если не встретится неудобства, и настоящей его должности смотрителя училища и больниц»[58]. 3 июня 1855 года «на Благочинного иеромонаха Мелетия возложен набедренник Высокопреосвященным Филаретом … при служении в Соборном храме Живоначальной Троицы в Троице-Сергиевой Лавре»[59]. 15 февраля 1856 года благочинный отец Мелетий утвержден Соборным иеромонахом, а 26 августа награжден наперсным крестом «в уважение благочестивого служения Церкви и монашеской жизни»[60].

В 1858–1860 годах иеромонах Мелетий исполнял послушание ризничего Лавры[61], а в июне 1860 года он стал казначеем Лавры. При вступлении в должность иеромонах Мелетий обещал исполнять послушание казначея «со всяким тщанием,

---

[56] РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Ч.4. 1845 г. Д. 6151. Л. 2.
[57] РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Ч.4. 1845 г. Д. 6120. Л. 16об.
[58] РГАДА. Ф 1204. Оп.1. Ч.5. 1850 г. Д. 7007. Л.3об.
[59] РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Ч.5. 1855 г. Д. 7831. Л. 1.
[60] РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Ч.5. 1856 г. Д. 8005. Л. 4.
[61] Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой лавры / Сост. Иеромонахом Арсением. СПб., 1868. С. 27, 71.



Храм Живоначальной Троицы в Троице-Сергиевой Лавре. Открытка начала XX в.

верностью и правдолюбием, стараясь… споспешествовать Духовному благу и временному благоустройству и спокойствию людей, до которых служение мое касаться может»[62]. Одновременно его родной брат, иеромонах Агафангел, был назначен экономом Лавры.

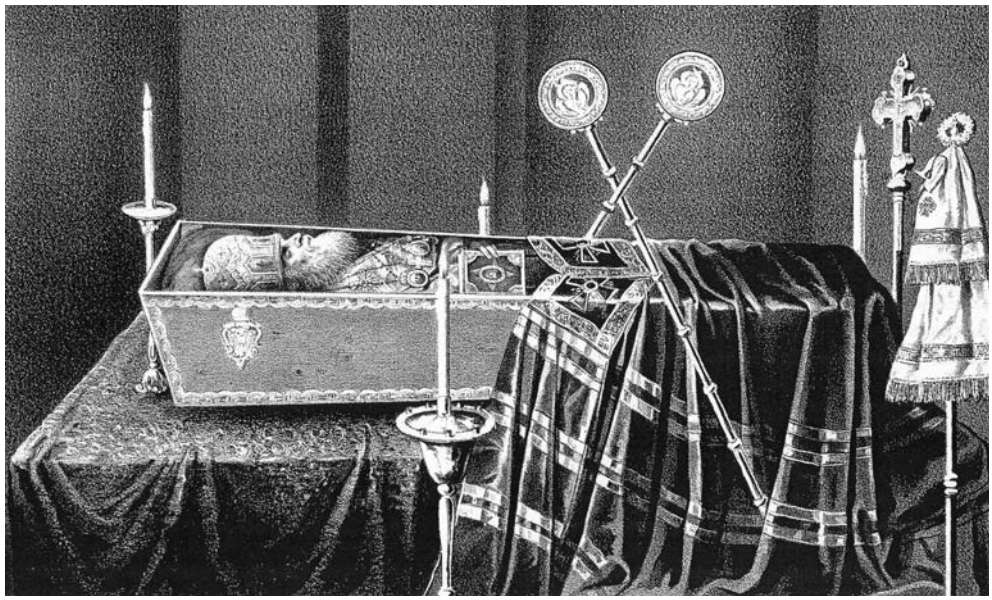
Когда 19 ноября 1867 года преставился ко Господу Высокопреосвященнейший Филарет, иеромонахом Мелетием была составлена брошюра о его блаженной кончине[63]. К описанию погребальных торжеств о. Мелетий присовокупил подборку лучших слов и речей, произнесенных при гробе, а в конце посчитал нужным высказать свое свидетельство о почившем, которого почитал как своего отца, покровителя и руководителя в монашеской жизни: «Святитель Филарет ничего не делал для блеска, для шума, для показа, для того только, чтобы заговорили о нем; да и других удерживал от сего. Он никогда не старался выказать себя набожным молитвенником, подвижником, а на деле был и молитвенник, и подвижник, и благоговейно набожный. Бесчисленные благодеяния его совершались большею частию тайно. Будучи по преимуществу мужем долга и законности, он строго преследовал беспорядок, о котором узнавал; но с трепетом удерживал руку, которая для того, чтобы стереть пятно со светлого лика истины, готова была раздробить в куски самый лик. Сочувствуя всему доброму и хорошему, он не подчинялся минутным увлечениям так называемого общественного мнения, и для снискания столь модной в нынешнее время популярности не жертвовал своими убеждениями. Он никогда не был назади своего века, но не давал его течению и увлечь себя… Как в деле так и в слове был он воздержен. Он не говорил ничего не подумавши, никогда не говорил неправды, не хвастал, не льстил. Он умел привлекать к себе, кого хотел; и если сам кого полюбил, то оставался верен этой привязанности, и защищал пред всеми любимых им. Он не обременял подчиненных делами выше сил; напротив, всегда старался сам сделать все, что мог сделать, и работал, как последний приказный, не только за себя, но и за других. Трудолюбие его было непостижимое: он не знал, что такое отдых от дела. Ответственность за дела никогда не сваливал на других, но сам на себе нес немощи немощных подобно апостолу Павлу. Он был Епископ, по удачному выражению Современных Известий, с утра до вечера, и с вечера до утра»[64].

---

[62] РГАДА. Ф. 1204. Оп.1. Ч.6. 1860 г. Д. 8920. Л. 8.

[63] Мелетий, иеромонах. О блаженной кончине приснопамятного Высокопреосвященнейшего митрополита Московского и Коломенского и Священноархимандрита Филарета. М., 1867.

[64] Там же. С. 102–103.



В Бозе почивший Высокопреосвященнейший Филарет, митрополит Московский. Фото 20 ноября 1867 г.

Указом Святейшего Синода от 4 ноября 1870 иеромонах Мелетий был назначен настоятелем Серпуховского Высоцкого монастыря с возведением в сан архимандрита[65]. В московской епархиальной хронике упоминается, что в субботу 21 ноября в день Введения во храм Пресвятой Богородицы в Сергиевской церкви Петровского монастыря на литургии преосвященным Игнатием епископом Можайским «казначей Сергиевой Лавры Соборный иеромонах Мелетий посвящен в сан архимандрита в Серпуховской Высоцкий монастырь»[66]. Для архимандрита Мелетия, по-видимому, тягостно было расставание с возрастившей его Лаврой и с преподобным наставником архимандритом Антонием. Но, подражая преподобному Афанасию Высоцкому, он смиренно принял бремя настоятельства.

Слово, сказанное им 12 сентября 1874 года в день празднования пятисотлетия основания монастыря, вполне передает его отношение к обители как к детищу преподобного Сергия Радонежского: «Пятьсот лет прошло с тех пор, как пришел сюда пешком для основания здешней обители преподобный и богоносный отец наш Сергий с любимым учеником своим Афанасием, которого поставил первым настоятелем монастыря Высоцкого… Что показывает нам пример великого Сергия... как не глубокое смирение? Что говорит нам речь его, обращенная к ученику его Афанасию, в которой он умолял его именем Божиим принять на себя труд устроения обители? Она показывает в говорящем не строгого начальника, обращающегося с приказанием к своему подчиненному, не высокомудрого учи-

[65] РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Ч.7. 1870 г. Д. 11146. Л.1; Московские епархиальные ведомости. 1870. № 46. С. 3.

[66] Московские епархиальные ведомости. 1870. № 49. С. 8.

теля, перед которым трепещет ученик, но показывает в Сергии доброго отца, который с теплою любовию и нежным участием обращается с прошением к своему доброму сыну… А посмотрите, сколько любви у этого ученика Сергиева к своему учителю... “Не прогневайся на меня, вселюбезный отче, – так говорил Афанасий Сергию, когда сей просил его остаться в Серпухове и расстаться с ним, – не прогневайся на меня, что будет говорить худой раб твой. Как разлучусь я с тобою, преподобный? К кому прибегну я в скорбях и страстных движениях души? Как забыть мне обитель Святыя Троицы? Как расстаться мне с равноангельною братиею, при ногах которой я воспитан? Как воспою песни и вознесу молитвы на этой земле пустынной и мне незнакомой?” Поистине, трогательный пример глубокой привязанности ученика к учителю, по стопам которого твердо шел он к пристанищу вечному! И, землю родную оставив, не оставил Афанасий являть в себе ученика Сергиева. Когда митрополит Киприан звал его ехать из Царьграда на Русь, обещая ему почести, Афанасий сказал: “Эта келия моя дороже для меня всех почестей”… Блаженна обитель, преукрашенная славными именами Сергия и Никона Радонежских, двух Афанасиев и Никиты Серпуховских. Духовным оком любви взирая на жительство их, будем, братие, подражать вере их и молить Господа, да сохранит Он всемощною Своею благодатию сию святую обитель, ими насажденную, еще и еще на многие веки! Аминь»[67].

Архимандрит Мелетий был настоятелем в Высоцком монастыре с 1870 по 1879 год. В память 500-летия основания Высоцкой обители им был построен величественный каменный храм во имя преподобных Сергия Радонежского и Афанасия Афонского[68], освященный в 1878 году. Также при архимандрите Мелетии в 1872 году была перестроена и расширена придельная церковь Похвалы Пресвятой Богородицы, освящение которой совершилось в 1879 году[69]. В описании 1902 года отмечается, что в иконостасе церкви во имя Святителя Николая Чудотворца в деисусном чине находилась икона святителя Мелетия Антиохийского. «Это последнее указывает, что возобновление иконостаса произошло во время настоятельства архимандрита Мелетия»[70].

7 декабря 1878 года в Московской конторе Святейшего Синода слушалось дело о замещении настоятельской вакансии в Соловецком монастыре в связи с переводом прежнего настоятеля архимандрита Феодосия в Ростовский Богоявленский монастырь. Подходящего кандидата на эту должность из числа братии Соловецкого монастыря не нашлось, поэтому было принято решение «для достижения большей возможности наилучшего выбора, обратиться к Высокопреосвященнейшему Митрополиту Московскому Иннокентию, и просить указать кого-либо из настоятелей Московской епархии, или из братства Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, которые по способности управлять многочисленною братиею, могли быть определены на должность настоятеля Соловецкого Монастыря»[71].

---

[67] Душеполезное чтение. 1874. Ноябрь. С. 297–299.

[68] Прежде на этом месте была церковь во имя преподобного Афанасия Афонского, построенная в 1697 г.

[69] Тренёв Д.К. Серпуховской Высоцкий монастырь, его иконы и достопамятности. М., 1902. С. 76–77.

[70] Там же. С. 71–72.

[71] РГАДА. Ф. 1183. Оп.1, Ч. 42. Дела за 1878 г. Д. 134. Л. 3–5.

Митрополит Иннокентий объявил через Благочинного монастырей некоторым настоятелям: не пожелает ли кто из них занять настоятельскую вакансию в Соловецком монастыре. Единственным, кто с полной готовностью откликнулся на это предложение, был архимандрит Мелетий, написавший преосвященному: *«Если Вы изберете меня на эту должность – быть настоятелем Соловецкого монастыря, и находите во мне что-нибудь полезное для такой великой обители сослужить, то я вполне покорюсь Вашей Святой – данной Вам от Бога власти – употребляйте меня на всякое полезное дело благоугодное Богу, и на пользу ближним. Я совершенно предаюсь воле Божией и поставленным надо мною властям покоряюсь со всяким смирением»*[72].

Митрополит Иннокентий со своей стороны инициативу архимандрита Мелетия поддержал, находя его «достойным и более других способным к управлению <Соловецким> монастырем. Он, во-первых, как уроженец Вологодской епархии, скорее прочих может привыкнуть к климату Соловецкого острова. Во-вторых, по окончании полного курса в семинарии имел желание поступить или в Соловецкий или в Троицкую Сергиеву Лавру. Но жребий указал ему последнюю, где он и пробыл более 30 лет проходя разные послушания и должности, и последнее время около 15 лет был казначеем. В-третьих, во внимание к опытности и к заслугам его, он определен был настоятелем Высоцкого монастыря, который вполне возобновил и украсил благолепно, не получив от своего предшественника никаких к тому средств и не сделав никаких долгов»[73].

30 апреля 1879 года по указу Святейшего Синода архимандрит Мелетий был назначен настоятелем Соловецкого монастыря.

Прибыв в монастырь 9 июля, он в первую очередь обратил внимание на благоустроение церковное. До него в зимнее время соборные богослужения совершались в трапезной Успенской церкви, так как в самом вместительном Троицком соборе, где находились мощи преподобных Зосимы и Савватия, не было хорошего отопления. Архимандрит Мелетий устроил в подклете Троицкого Зосимо-Савватьевского собора духовые печи и тем сделал его удобным для ежедневных и соборных служений.

с. 442

При архимандрите Мелетии была также построена в Анзерском скиту новая церковь к востоку от прежней так, чтобы гробница преподобного Елеазара находилась внутри церкви у южной стены перед алтарем. «Над гробницей устроен балдахин искусной работы. Храм сооружен и освящен в 1884 году» [30, с.177].

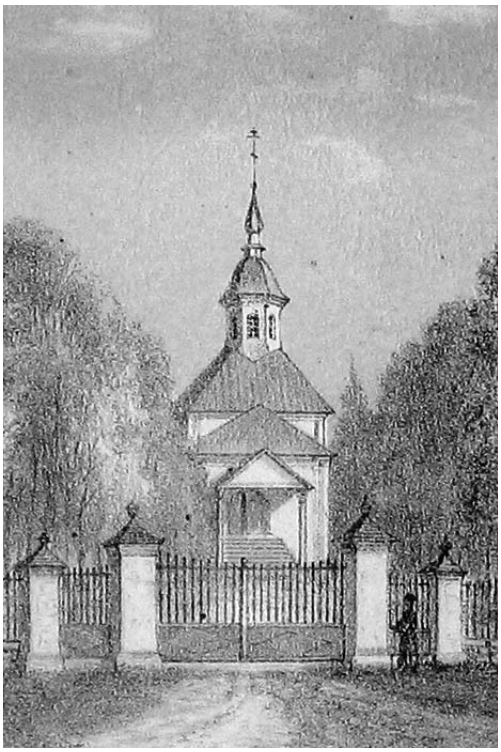
с. 538

В это же время выстроен новый кирпичный корпус для братии, живущей в Савватиевой пустыни, на месте, где подвизался преподобный Савватий «шесть лет без исхода»[74]. В 1886 году было закончено строительство колокольни при церкви преподобного Онуфрия Великого на кладбище, чтобы сопровождать звоном всякого усопшего до места погребения. Тогда же Соловецкий монастырь принимал участие в сооружении архангельским епархиальным начальством каменного соборного храма в г. Кемь, причем окончание постройки было полностью возложено Святейшим Синодом на монастырь.

[72] Там же. Л. 7–7об.

[73] Там же. Л. 5об.-6.

[74] РГАДА. Ф. 1183. Оп.1. Ч. 42. Дела за 1884 г. Д. 40. Л.1–2.



Колокольня преподобного Онуфрия Великого на кладбище. Фрагмент литографии Черепанова, 1884 г.

Настроение архимандрита Мелетия в первые годы настоятельства в Соловецкой обители вполне передает письмо, писанное им 5 марта 1881 года высокопреосвященному Савве, архиепископу Тверскому и Кашинскому: *«Что Вам сказать о себе? … Я здесь живу как в Божием раю: тихо, мирно и благодушествую. Святая обитель, как полная чаша. Братство – большое, но и мирное; развлечений у нас никаких нет; восемь месяцев сидим и никого из мирского люда не видим и не слышим, кроме богомольцев-тружеников, оставшихся на зиму работать, которые живут за монастырскою оградою в особых домах и каждый день работой для обители заняты. Женского пола ни одной души в течение этих месяцев не бывает. Живем и не знаем, что у Вас в мире деется. Почта наша приходит в полтора месяца раз; привезет газеты, которые не хочется и читать, как давно уже вышедшие, так и лежат нераспечатанными. Да притом же и времени мало, некогда и читать. Службы церковные у нас длинные, – пение столповое, – большею частию половину суток, а иногда и более, постоянно проводим в храме за богослужениями, так что в праздничный день приходишь из трапезы в келию около трех часов с девяти утра. А всенощные бдения почти постоянно продолжаются с 7 часов до 2 ночи на праздничные дни, а на воскресные до 1 часа. Будничная наша служба тоже идет очень долго: утреня начинается с трех часов и кончается в половине 7, а если – полиелей, то до 7 часов; литургия обыкновенно с 9 часов и до 11 часов; вечерня в зимнее время начинается с 5 часов и продолжается с правилом и ужином до половины 9 часа, а когда полиелейная, то до 9 часов, и остается времени только что отдохнуть. Молодые послушники и монахи манатейные все заняты послушаниями, то рыбною ловлею, то морскими зверями; кто смолу курит, кто дрова заготовляет, кто на морских судах плавает, кто на пароходах, кто в обители хозяйственные дела исправляет в кухне, хлебной и просфорне, в прачечной, на мельнице, в амбарах, в квасоварне, столярне и еще многих послушаниях. В храмах, при отправлении божественных служб, каждодневно бывает в монастыре шесть литургий, да вне монастыря четыре литургии в скитах и пустынях. Поют в главном соборе очень хорошо, и много поющих братий, так что до 60 человек на обоих клиросах. Я приучил мальчиков-богомольцев петь на клиросе вместе с монахами, и они прекрасно поют, и так – в общем составе прекраснейшая стройность выходит.*

Вид Соловецкого монастыря с Огородной горы, именуемой Прекрасной.
Из альбома литографий Черепанова, изданного при архимандрите Мелетии в 1884 г.

Служение здесь настоятельское бывает с большой церемонией, с осенением свечами, с рипидами, и "Святый Боже" поется, и настоятель говорит: "призри с небесе, Боже"; почти все архиерейское служение, и Царские врата до самого причастного стиха отверсты. Здесь иеромонахов до 45 человек, а также иеродиаконов до 30 человек; я всегда наряжаю с собою служить до 10 иеромонахов и до 7 диаконов с поддиаконами. Дела мне очень немного. Большею частию, вся хозяйственная обязанность лежит на наместнике; он обязан все послушания осматривать и доносить настоятелю и потом брать благословение на всякое дело до следующего дня. Казначей тоже участвует в этом деле, но большая часть всего лежит на наместнике. Но Вы знаете, что я не люблю лежать и ничего не делать, а потому большею частию во все сам вхожу и весьма часто хожу по послушаниям, впрочем не оставляя Божественных Богослужений и утром, и вечером. Вспоминаю нашего покойного о. Наместника Антония: спасибо ему. Он приучил меня ко всему хорошему – и к порядку в Богослужении и в управлении. И слава Богу за все; я так счастлив этим назначением, что не знаю, как и благодарить Господа. Это здесь блаженная жизнь для настоятеля, да и для всех монахов. Всего у них много, келии прекрасные и теплые. Только одного жаль: здесь нет ни одного человека с образованием, все из простого звания и малограмотные.

Скажу Вам один случай про одного престарелого послушника, который долгое время лежал на одре болезненном не от болезни, а от старчества болезненного; старец – более 80 лет; ему дан был келейник, который весьма тщательно ухаживал за ним. В одно время этот старец спрашивает своего слугу: "Иван, где я?" А Иван отвечает ему: "Ты – на том свете". "А! Слава Тебе, Господи! – как мне хорошо". Через пять месяцев этот старец скончался самою мирною христианскою кончиною»[75].

[75] Савва, архиеп. Тверской и Кашинский. Хроника моей жизни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. Т. 6. С. 401–403.

В 1882 году вышеописанное благостное житие архимандрита Мелетия было омрачено донесением Учрежденного Собора в Московскую Контору Святейшего Синода. Члены Собора жаловались на то, что в нарушение инструкции 1865 года[76] настоятель принимает решения по важным монастырским делам единолично без согласования с Собором. На это обвинение архимандрит Мелетий отвечал: «Я им предлагал много раз делать определение в докладном реестре против входящих бумаг, но они мне сказали, что мы не можем и не умеем этого сделать. После этого я говорю им, надобно же кому-нибудь дело это делать, а иначе все дела наши остановятся, и поэтому, не мешайте мне делать. Я с любовью и охотою буду делать за всех Вас со всяким тщанием для пользы обители, а не для себя – мне ничего совершенно не нужно, пока мне Бог дал силу, здоровье и умение дело делать, то я считаю за грех ничего не делать»[77].

Действительно, большинство дел архимандрит Мелетий решал сам, и на это было несколько причин.

Во-первых, вольно или невольно он руководствовался в своем управлении обителью примером, который имел перед глазами многие годы в Троице-Сергиевой Лавре. Там «архимандрит Антоний действительно был полным хозяином Лавры. Он окружил себя людьми, которые беспрекословно ему повиновались. Сам он входил во все тонкости управления, что же касалось конкретных дел, то буквально ни одного гвоздя нельзя было вбить без его дозволения. Он неутомимо выслушивал доклады подчиненных по всем отраслям хозяйства, делал срочные распоряжения, сам следил за их исправлением. Нельзя было даже представить, что какое-то его приказание останется неисполненным»[78]. Однако управление наместника архимандрита Антония никогда не было авторитарным, как, быть может, казалось со стороны. При всем доверии и уважении к нему со стороны митрополита Филарета, последний требовал, чтобы без его ведома и предварительного разрешения ничего не предпринималось: «Припадем, отец наместник, – писал святитель Филарет 2 сентября 1847 года, – к истинному настоятелю нашему, преподобному Сергию, с молитвою, чтобы он устроил и сохранил нас послушниками своими единомысленными и единодушными, чтобы Вам дал мир, не нарушимый моими прекословиями, а меня исправил и удержал от прекословий, когда они погрешительны и несправедливы»[79].

Таким образом, митрополит Филарет и архимандрит Антоний пользовались взаимным духовным советом и находились во взаимном послушании настолько, что Преосвященный Филарет избрал своего наместника архимандрита Антония духовником.

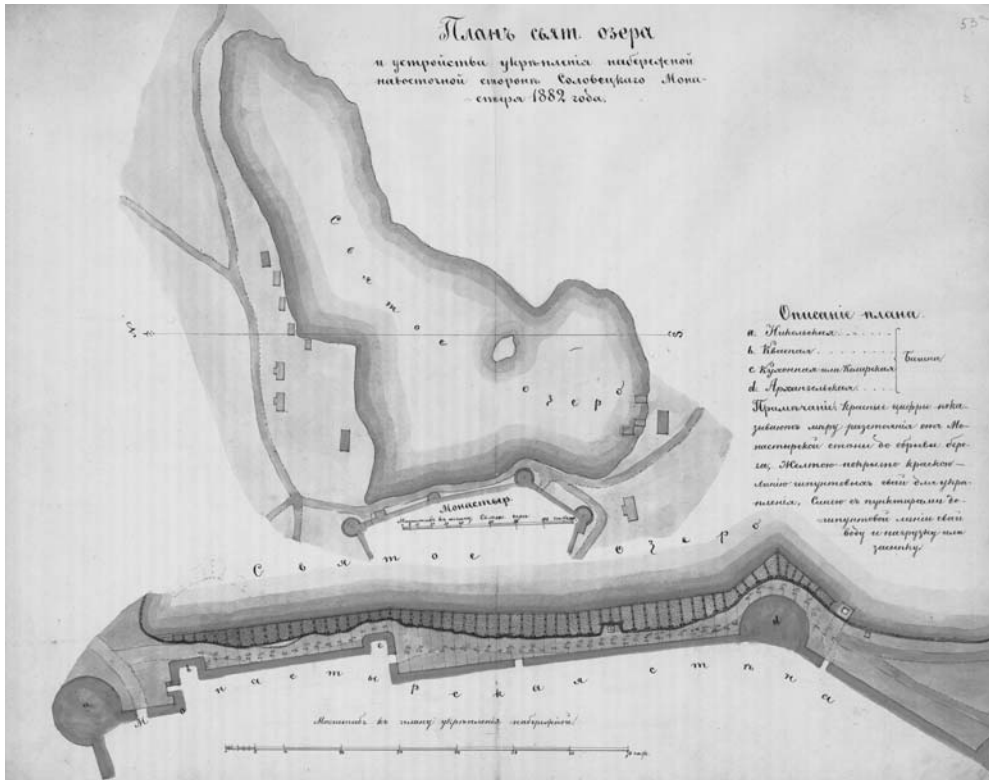
---

[76] Интересно, что о. Мелетий принимал участие в составлении этой инструкции. Он писал: «Когда Высокопреосвященнейший Филарет Митрополит Московский составил инструкцию, то послал ее прочитать о. Наместнику Сергиевой Лавры архимандриту Антонию, а он меня пригласил, и мы вместе читали и обратно послали к Владыке с мнением своим» (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Ед. хр. 862. 1882–83 г. Л. 61).

[77] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Ед. хр. 862. 1882–83 г. Л. 2.

[78] Георгий (Тертышников) архим. Архимандрит Антоний (Медведев), наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. С. 30.

[79] Там же. С. 29.



План укрепления набережной Святого озера. 1882 г.

Отец Мелетий не нашел среди Соловецкой братии человека, с которым мог бы советоваться, и остался без духовной поддержки.

Во-вторых, Соловецкая братия была преимущественно из крестьянского сословия, малообразованная, косная и при том с весьма развитым чувством собственного достоинства и собственной правоты. Судебное разбирательство в отношении архимандрита Феофана и десятилетнее недовольство правлением архимандрита Феодосия, которого считали в братстве чужим и провожали без сожаления, расшатали основу монашеского жития – многими обет послушания настоятелю перестал восприниматься как нравственный закон. Писать доносы в вышестоящие церковные инстанции и требовать «справедливости» не считалось преступлением против совести.

Строгое и требовательное отношение архимандрита Мелетия к братии спровоцировало ответную критику и желание подмечать изъяны во всех его делах. Несмотря на то, что он подходил к делу обстоятельно, заказывал проекты, консультировался со специалистами, иногда возникали непредвиденные трудности, мешавшие делу, как, например, при попытке укрепить набережную Святого озера.

О. Мелетий писал: «По приезде моем в 1879 г. покойный о. Наместник иеромонах Иларион заявил мне, что крайняя необходимость предстоит принять не-

Пароход «Соловецкий»

отложные меры подкрепить шпунтовыми сваями берег Святого озера, начиная от Архангельской башни до Никольских ворот на протяжении ста сажен. Три лета проживши во Святой Соловецкой обители… я видел своими глазами, что во время восточных ветров…земля вымывается и береговые камни сваливаются в воду… а через это берег незаметно приближается к стене, угрожая падением… Считаю ради пользы и нужды для обители … <необходимым> поручить дело укрепления монаху Феоктисту, как искусному и практичному строителю Муксалмского моста и береговой гавани против каменной гостинницы, а именно вдоль восточной стены на Святом озере близ берега пробить шпунтовыми сваями по предложенной им модели… Плотничной работой поручаю заведовать и распоряжаться людьми иеродьякону Михаилу, как опытному человеку и знающему дело и рассудительному, в помощь ему будет Тимофей Окромешников… За сим призвав Бога в помощь и Божие благословение при предстательстве главных наших Начальников, Управителей, Помощников и Руководителей Преподобных отцов Зосимы и Савватия, начинать это важное и полезное дело… Янв. 18 дня 1882 года»[80].

[80] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Ед. хр. 862. 1882–83 г. Л. 49.

В течение полугода до конца июня сваи были забиты вдоль берега Святого озера начиная от Архангельской башни и до Никольских ворот, но приблизительно десятую часть их пришлось вытаскивать, так как, не выдержав насыпанной земли, они обрушились в озеро. Дело это старались повернуть в укор о. Мелетию, но с такими же трудностями столкнулся бы любой на его месте, а гранитная набережная, выстроенная впоследствии из тесаных камней, положенных на те самые сваи, до сих пор оберегает монастырские строения от напора вод Святого озера.

Пароходы «Соловецкий» и «Архангел Михаил», за постройку которых укоряли архимандрита Мелетия в расточительности, также оказались построены добротно и своевременно и прослужили монастырю более 35 лет.

Архимандрит Мелетий живо интересовался научными достижениями и стремился использовать их к приумножению Славы Божией. По его инициативе на берегах монастырской бухты Благополучия появились здания биологической и метеорологической станций, из части настоятельской светелки, рядом с Благовещенской церковью была устроена фотолаборатория, в монастыре была открыта живописная школа. При нем же возбуждено дело об открытии литографической мастерской для печатания священных изображений на продажу и раздачу богомольцам, которое было положительно решено Святейшим Синодом в 1892 году.

История организации биостанции для размещения профессоров и студентов разных университетов, приезжающих в летнее время на Соловецкий остров для исследования беломорской фауны, известна из донесения самого архимандрита Мелетия. В начале донесения приведено письмо обер-прокурора Святейшего Синода от 23 мая 1880 г., которым запаслись естествоиспытатели, направляясь в Соловецкий монастырь: «Высокопреподобный Отец Архимандрит, Милостивый Государь! Профессор зоологии Императорского С.-Петербургского университета Н. П. Вагнер командируется с ученою целию на Белое море… и просит меня оказать ему содействие… По вниманию к той пользе, какую могут принести для науки зоологическия исследования этого профессора, желая по возможности удовлетворить его ходатайству, обращаюсь к Вашему Высокопреподобию с покорнейшею просьбою, не изволите ли найти возможным дать помещение во вверенной Вам обители как для г. Вагнера, так и для его спутников и служителя, разрешив им во время пребывания в монастыре употребление мясной пищи. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности. Константин Победоносцев»[81].

Просьба была удовлетворена, исследователи остановились в монастырской гостинице, и вскоре профессор Вагнер обратился к Учрежденному Собору с предложением поднять рыбные промыслы в Белом море с помощью искусственного рыбоводства: «Соловецкий монастырь, имеющий у себя школу, служащую рассадником первоначального просвещения в Беломорье, вероятно не откажется… быть центром обучения искусственному рыбоводству… Я полагаю, что вместе с заведением для искусственного рыбоводства Соловецкий монастырь мог бы устроить и Биологическую станцию, где натуралисты, приезжающие на Белое море, могли бы иметь приличный приют и необходимые средства для их занятий»[82].

[81] Там же. Л. 42.
[82] Там же. Л. 44.

Имея в виду пользу, которую мог получить монастырь от рыборазводного производства, Учрежденный Собор принял 21 июля 1880 года следующее постановление: «Немедленно уведомить г. Вагнера о нашем общем желании завести сие полезное рыбоводство… Предписать о. Наместнику, чтобы заготовил лесного материалу для построения означенной Биологической станции по проекту г. Вагнера»[83]. Вскоре «над сельдяной одноэтажной избой, которая стоит на берегу монастырской гавани, надстроен второй этаж с прибавлением с западной стороны крыльца для входу в верхний этаж, а по бокам двух выступов… с юго-западной стороны для кухни, а с северо-западной для рыбоводной комнаты. Устроен второй этаж для житья Профессоров Университетов, которые приезжают в летнее время в Соловецкий монастырь для исследования в море животных… На устройство этой надстройки на сельдяную избу денег не употреблено ни копейки: работа произведена послушником Тимофеем с рабочими людьми, а материалы свои, ранее заготовленные»[84]. Здание биологической станции на Сельдяном мысу сохранилось до настоящего времени и используется теперь как кресторезная мастерская.

За поддержку российской науки архимандрит Мелетий был избран 28 декабря 1880 года действительным членом Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, а 28 декабря 1881 года – его почетным членом. Также и общество испытателей природы при Императорском Харьковском университете на заседании 31 января 1881 года избрало в почетные члены архимандрита Мелетия и прислало диплом на звание почетного члена[85].

3 мая 1887 года ректор С.-Петербургского университета ходатайствовал о награждении настоятеля Соловецкого монастыря отца архимандрита Мелетия за его труды по устройству местной биологической станции орденом Св. Владимира IV степени[86].

Архимандрит Мелетий радел о приведении в правильный и неспешный порядок богослужения. Он требовал, чтобы чтение совершалось по уставу церковному «со всяким тщанием и со смыслом во славу Божию». Одноголосное столповое пение он попытался разнообразить многоголосием, «не изменяя мотива пения в существе, от этого и вышло пение лучшее, правильное и умиленное, а не крикливое, как раньше, когда все в один голос пели, как попало… Стихиры на "Господи воззвах" и стиховны все поются на подобны… Ектении, прокимны, ирмосы и т. д. исполняются «издревле установленным напевом, но длительнее прежняго для большей отчетливости и торжественности, как это весьма приличествует к Церковному Богослужению»[87].

Желая отразить в богослужении памятные события, связанные с нападением англичан на Соловецкий монастырь в 1854 году, архимандрит Мелетий внес изменения в молебный канон иконе Божией Матери «Знамение», проведя анало-

[83] Там же. Л. 44.
[84] Там же. Л. 42, 44.
[85] РГАДА. Ф. 1183. Оп.1. Ч. 42. Дела за 1889 г. Д. 22. Л. 3–10.
[86] РГАДА. Ф. 1183. Оп.1. Ч. 42. Дела за 1887 г. Д. 73. Л. 1.
[87] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 862. 1882–83 г. Л. 54.

гию между осадой Новгорода и осадой Соловецкой обители. Как «Новгород спасла Божия Матерь Своею иконою Знамения, так и Соловецкую обитель спасла Божия Матерь Своею иконою Знамения, в которую последние два ядра ударили и не повредили Св. Изображения Ея на стене – и тем кончилось нападение англичан. И после этого события в обители Соловецкой тогда же установлено Акафистное пение Божией Матери во храме после вечерни в пяток на субботу в память избавления от явной погибели. По этому случаю я и взял применение об освобождении Новгорода из службы Знамения Божией Матери к освобождению Соловецкой обители и некоторые слова заменил другими подходящими к Соловецкой обители: вместо града – Соловецкую обитель, вместо людей – братию Соловецкой обители»[88].

В Соловецкой обители полагалось также по воскресным дням после поздней литургии петь параклисис (молебен) в память избавления от нападения англичан. О. Мелетий предложил до отдания Пасхи вместо него по обычаю Троице-Сергиевой Лавры петь пасхальный канон, одобренный покойным Высокопреосвященным Митрополитом Филаретом. «Этим благодарным молением я хотел выразить особенное душевное и сердечное чувство благодарности за спасение от конечной погибели и разорения живущих в обители»[89].

Живо интересуясь историей и агиографией Соловецкого монастыря, архимандрит Мелетий отредактировал и переиздал историческое описание Соловецкого монастыря [50] и Анзерских скитов[90]. Он взял за основу капитальный труд архимандрита Досифея [17], сократил и упорядочил его для удобства читателя, добавил описание часовен на памятных местах, продолжил летопись настоятелей Соловецкого монастыря до своего времени. В результате получилась компактная и емкая книга, в которой можно найти исторические сведения о Соловецкой обители, описание ее святынь, жития ее основателей и жизнеописания подвижников, в ней потрудившихся.

Из послужного списка 1888 года видно, что архимандрит Мелетий щедро жертвовал личные средства на нужды благотворительных обществ и был избран в 1883 году почетным членом Православного Палестинского общества и Пятигорского общества помощи нуждающимся больным, а в 1884 году – действительным членом Холмского Свято-Богородицкого Братства.

Архимандрит Мелетий сделал значительные вклады и в Соловецкую обитель. В 1885 году он пожертвовал два Евангелия в серебряных окладах, ценность которых была определена Учрежденным Собором на вес: «одно Евангелие стоит 1440 рублей, так как в нем серебра 16 фунтов по 90 рублей за фунт; другое, в коем серебра 5 фунтов по 60 рублей за фунт – стоит 300 рублей, а оба Евангелия стоят 1740 рублей»[91].

Им также были пожертвованы церковные сосуды с надписью на потире: «Потир, дискос, звездица, блюдца, лжица и копие сребропозолоченные с эмалью и разными образами украшенные построил собственным коштом и пожертвовал в

[88] Там же. Л. 57.

[89] Там же. Л. 57.

[90] Мелетий, архим. Историческое описание Свято-Троицкого Анзерского скита. М., 1882. Мелетий, архим. Историческое описание Голгофо-Распятского скита на Анзерском острове. М., 1882.

[91] РГАДА. Ф. 1183. Оп.1. Ч. 42. Дела за 1886 г. Д.6. Л.4 об.

Святую Боголепную Соловецкую обитель по теплому своему усердию к Великим Чудоворцам Зосиме и Савватию в молитвенное воспоминание по моей грешной душе и моих родителей для употребления при Богослужении Божественной Литургии, Настоятель Соловецкой обители Архимандрит Мелетий 1886 года июня 30 дня»[92].

Тогда же он пожертвовал и серебряный напрестольный крест с распятием и эмалевыми изображениями святителя Мелетия Антиохийского, преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. В надписи на оборотной стороне креста архимандрит Мелетий просил братию Соловецкой обители хранить крест «в дарнице для употребления при Богослужении и никуда не отдавать, это жертва и залог моей души и обет пред Богом и пред Преподобными Зосимою и Савватием; в молитвенное воспоминание по грешной душе своей и по своим родителям иерею Алексию, Евдокии во инокинях Евфимии»[93].

Весной 1886 года Святейший Синод принял решение о возобновлении Трифоно-Печенгского монастыря на Кольском полуострове, причем восстановление монастыря возлагалось на Соловецкую обитель.

Несмотря на старость, в начале лета архимандрит Мелетий сам отправился в Печенгу вместе с архангельским губернатором князем Голициным и другими влиятельными лицами. Они нашли «место самое уединенное при храме Божием, где Святые мощи почивают Преподобного Трифона Печенгского, и удобное для монашеской жизни»[94]. Там у ветхой Сретенской церкви решено было возобновить монастырь, так как место древнего монастыря у Печенгской губы было заселено мирскими жителями. «С этого года стали отпускать полное монастырское содержание на 15 человек братии по уставу Соловецкой обители и всем, чем только можно помочь я старался помогать, дано им, кроме строителя, два иеромонаха и два иеродиакона и монахов <всего 10 иноков>; но дело наше заглазное и в дальнем расстоянии от нас нельзя ничего лучшего сделать».

При весьма разносторонних интересах и активности, поразительной для 70-летнего человека, архимандрит Мелетий, видимо, приуготовлялся к переходу в вечность. Описывая покои настоятеля, П. Ф. Федоров отметил, что «к числу особенных оригинальностей обстановки настоящего архимандрита относится следующее: когда находишься в гостиной, то через полуотворенную дверь видишь из спальни конец дубового гроба» [91, с.157].

Архимандрит Мелетий искренне полюбил Соловецкую обитель и надеялся обрести в ней место покоя, но некоторые члены Учрежденного Собора продолжали враждовать против него, надеясь изгнать его из обители. Поводом для недовольства стало участие монастыря в сооружении каменного соборного храма в городе Кеми.

Епископ Архангельский и Холмогорский Нафанаил писал, что достройка Кемского собора была передана в ведение Соловецкого монастыря Определением Святейшего Синода 11 апреля 1888 года, но, несмотря на это, «со стороны намест-

[92] Там же. Л. 5-7об.
[93] Там же. Л. 5-7об.
[94] РГАДА. Ф. 1183. Оп.1. Ч. 42. Дела за 1888 г. Д. 125. Л. 107-108.

ника монастыря иеромонаха Павла и казначея иеромонаха Иоанникия выражен был резкий протест, произведший большой соблазн среди братии монастыря, между раскольническим населением г. Кеми и вообще в Архангельской епархии»[95]. В связи с этим преосвященный Нафанаил предлагал уволить иеромонахов Павла и Иоанникия с их должностей и перевести в Сийский и Веркольский монастыри. Архимандрит Мелетий все же оставил своих недоброжелателей в обители, надеясь на примирение, однако дело повернулось не в его пользу.

Вследствие жалоб, поданных на архимандрита Мелетия, в 1889 году Святейший Синод направил в обитель своего представителя для обозрения. Выслушав отчет ревизора, Святейший Синод нашел, что в монастыре и на подворье в Сумском посаде запись приходорасходных книг при настоятеле архимандрите Мелетии велась с нарушением правил, установленных в 1865 году Московской Синодальной конторой. Нарушения эти в основном допущены были казначеем, но отвечать пришлось настоятелю, который не выполнил свои контрольные функции.

Главной ошибкой о. Мелетия было то, что, нарушая инструкцию 1865 года, он в некоторых случаях для ускорения дела расходовал значительные суммы из монастырских средств без предварительного обсуждения в Учрежденном Соборе или даже вопреки мнению всего Собора и при этом не испрашивал начальственного разрешения и благословения на производство значительных расходов и хозяйственных работ. Поэтому некоторые его дела были признаны Святейшим Синодом произвольными и единоличными, а именно: работы по укреплению набережной Святого озера, переливка колокола, реконструкция кладбища, учреждение метеорологической станции.

В результате Святейший Синод определил: «Архимандрита Мелетия, по преклонности лет и слабости здоровья, уволить от должности настоятеля Соловецкого монастыря, с представлением ему избрать для жительства другой монастырь»[96]. Указ об увольнении архимандрита Мелетия на покой был подписан 5 апреля 1891 года.

Избрание нового настоятеля было предоставлено Учрежденному Собору Соловецкого монастыря. Трудно оценить, насколько объективными были заключения ревизора Синода, так как в его отчете в основном цитируется донос 1882 года, написанный бывшим казначеем иеромонахом Варлаамом, который в результате и был избран настоятелем Соловецкого монастыря 26 мая 1891 года.

Архимандрит Варлаам прибыл на Соловки 9 марта 1892 года и, как следует из его донесения в Московскую Синодальную Контору, нашел все хозяйство монастыря в образцовом порядке, в том числе и об иконописной школе, по словам ревизора, закрытой, сказано: «Недавно заведенная в монастыре школа живописи находится в состоянии развития и управляется настоящим художником, служащим по найму».

Сдав дела, архимандрит Мелетий оставался в монастыре, пока 24 июля 1892 года Учрежденный Собор не предложил ему письменно выбыть «из Соловецкой

---

[95] РГАДА. Ф. 1183. Оп.1. Ч. 42. Дела за 1888 г. Д. 125. Л. 44–45.

[96] РГАДА. Ф. 1183. Оп.1. Ч. 43. Дела за 1891–1894. Д. 64. Л. 3об.-4об.

Вифанский скит Троице-Сергиевой Лавры. Открытка начала XX в.

обители до окончания навигации нынешнего лета. На такое предложение от архимандрита Мелетия последовал ответ, в котором он писал, что согласно требованиям Учрежденного Собора, желает перейти в Сергиеву Лавру и просил выдать ему от Собора квитанцию в сдаче монастыря и паспорт для свободного проезда в Сергиеву Лавру, Москву и С.-Петербург для приискания места в других монастырях, а также просил снабдить его нужным на дорогу и дать ему в сопровождение двух или трех послушников, так как он по причине болезни ног своих не может ходить сам без помощи другого человека. По сему требованию архимандрита Мелетия ему были выданы от Учрежденного Собора квитанция и паспорт и во внимание к болезни ног его и старческой дряхлости даны в сопровождение три человека из монастырской братии: один послушник и двое из проживающих в монастыре богомольцев, исправлявших при нем обязанности келейников. Самому Архимандриту Мелетию на путевые издержки выдано от монастыря 150 рублей, а сопровождающим его 75 рублей. Отъезд его из обители состоялся 3-го сего августа»[97].

Среди прочих злополучных случайностей, преследовавших о. Мелетия, была и ошибка газетчиков, поторопившихся его с почетом похоронить.

Вскоре после своего увольнения на покой архимандрит Мелетий мог прочитать два очень доброжелательных некролога в свой адрес, опубликованных в мае 1891 года газетами «Московские епархиальные ведомости» и «Новое время». «На днях братия Соловецкого монастыря потеряла своего любимого настоятеля архимандрита Мелетия. Покойный много лет трудился для пользы этой от-

[97] Там же. Л. 33об.-34.

Больница-богадельня Троице-Сергиевой Лавры с церковью во имя Иоанна Лествичника 1891–1898 гг. (на строительство которой пожертвовал средства архимандрит Мелетий). Открытка начала XX в.

даленной обители. Он не жалел своих сил, чтобы поднять обитель до того цветущего состояния, в котором она теперь находится. Всегда ласковый и добрый по отношению к братии, он не иначе назывался ею как "батюшкой" или "святым отцом". Со слезами вся братия провожала покойного до места вечного упокоения»[98]. «Ведомости» добавили, что выбор настоятеля Святейший Синод предоставил «братии Соловецкого монастыря, насчитывающей в своей среде много иноков вполне просвещенных и получивших образование в высших гражданских и духовных учебных заведениях»[99]. Последнее утверждение выдает желаемое за действительное: из полутора сотен монашествующих в 1880–1890 годах только человек пять имели семинарское образование и один окончил курс в Ярославском Демидовском лицее, у остальных, согласно послужным спискам, «образование домашнее, читать, писать обучены».

Одолеваемый болезнью архимандрит Мелетий прибыл в начале октября в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру для поклонения святым мощам преподобного Сергия и, остановившись в Спасо-Вифанском монастыре, обратился к наместнику Лавры и Вифанского монастыря архимандриту Павлу с прошением позволить ему «провести остаток дней своих вблизи родной Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в Спасо-Вифанском монастыре»[100]. Прошение это было с любовью удовлетворено, «принимая во внимание 37-летнюю службу Обители Преподобного Сергия Архимандрита Мелетия»[101].

---

[98] Кончина настоятеля архимандрита Мелетия // Новое время. 1891. 29 мая (5476). С. 3.

[99] Некролог // Моск. епарх. вед. 1891. 31 мая (148). С. 3.

[100] РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч.8. Опись делам Учрежденного Собора за 1892 г. Д. 14554. Л.2.

[101] Там же. Л. 7.

Однако недолго пришлось архимандриту Мелетию пробыть на покое под кровом преподобного Сергия. Болезнь не отступала, но усиливалась, и волей Божией 3 апреля 1893 года он «скончался, быв перед смертию Соборован Святым Елеем и приобщен Святых Христовых Тайн, и тело его, отпетое по чину монашескому, погребено 6-го апреля на кладбище Спасо-Вифанского монастыря»[102].

Предчувствуя скорую кончину, архимандрит Мелетий лично просил наместника Лавры «архимандрита Павла исполнить предсмертную его волю: из 5 000 рублей, оставленных им по духовному завещанию, причислить к вечному капиталу Лавры 1 000 рублей для вечного поминовения его в Смоленской церкви с родными, а 4 000 рублей употребить на новую постройку в Пафнутьевском саду больницы-богадельни и имя его в храме при оной вписать на вечное поминовение о упокоении»[103].

В Соловецкую обитель согласно завещанию архимандрита Мелетия в 1893 году были пожертвованы священные облачения, митра и два наперсных креста, а в 1894 году на его средства были сооружены три серебряные ризы с позолотой на местные иконы в Троицком соборном храме Соловецкого монастыря, а именно: на икону Покрова Божией Матери, на икону Святителя Николая и на икону Александра Невского[104]. Эти дары – свидетельство искренней любви архимандрита Мелетия к обители Соловецких преподобных.

4.10. АРХИМАНДРИТ ВАРЛААМ

Постриженник Соловецкий архимандрит Варлаам, бывший в 1891 году игуменом Онежского Крестного монастыря, был единогласно избран собором на настоятельство 26 мая 1891 года. Отец Варлаам выразил желание, чтобы это избрание было подтверждено всем братством, что и было сделано почти единогласно. 1 января 1892 года игумен Варлаам был возведен в сан архимандрита.

Происходил он из мещан г. Архангельска, где родился в 1841 году, в миру именовался Василий Феодорович Горбачев. 17-летним в 1858 году приехал в Соловецкий монастырь и пожелал остаться потрудиться для обители. Исполнял церковное послушание и 19 августа 1862 года был посвящен в стихарь преосвященным Нафанаилом епископом Архангельским.

7 февраля 1864 года принят в число послушников. В послужном списке послушников Соловецкого монастыря за 1865 год указано, что послушник Василий по благословению настоятеля пострижен и носит рясофор. Послушание он проходил «при казначействе монастырском в качестве письмоводителя»[105].

18 июня 1872 года был пострижен в монашество с именем Варлаам. В том же году 8 августа рукоположен в иеродиакона, а через два года 6 сентября – в иеромонаха. В 1872–1877 годах исправлял должность библиотекаря Соловецкого монастыря, что способствовало его самообразованию.

---

[102] Там же. Л. 8.
[103] Там же. Л. 15.
[104] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 43 Дела за 1891–1894 гг. Д. 73. Л.1.
[105] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 794. Л. 9.

Архимандрит Варлаам

15 июля 1877 года по указу Московской Правительствующего Синода Конторы он был назначен казначеем монастыря. 1 июня 1880 года за отлично усердную и ревностную службу иеромонах Варлаам награжден набедренником. Так, добросовестно и старательно исполняя послушания, он прожил в обители более 25 лет. После назначения настоятеля архимандрита Мелетия он остался казначеем обители и занимал вторую позицию в послужном списке монашествующих (после наместника), но, увы, не смог принять стиль управления нового настоятеля и стать его добрым помощником, а вместо этого написал на него в 1882 году жалобу.

По мнению архимандрита Мелетия, причиной появления жалобы была обида на него членов Собора: «Казначею, ризничному и экономе было Собором предписано 28 февраля 1880 года составить опись монастырского имущества согласно предписанию Московской Святейшаго Синода Конторы, они до сих пор не подумали это предписание исполнить. Я и сказал: "Лучше отказаться от места, нежели, занимая должность, ничего не делать"… Отцу казначею высказал его недостатки, что он все материальные предметы держит на своих руках и покупает и продает из этой кладовой закрыто… А как я им это все высказал, то они и вздумали писать донос»[106]. Настоятель не учел, что для членов Собора важнее было его уважительное к ним отношение, чем все его благие начинания на пользу обители. В объяснении на жалобу членов Собора 1882 года он не скрывал довольно низкой оценки их деловых качеств: «Никогда не было мною сокрыто никакое дело от членов Собора, да и не могло сокрыться, потому что я не своими руками делал, что нужно было делать. Также, что и выписывал для обители, то всегда говорил ранее или Наместнику или Казначею и при том же я не для своей пользы делал, но для пользы обители и с самою чистою целию, что-либо улучшить и привести в порядок, но здесь не любят порядков, и не знают, как устроить порядок.

Это неправда, чтобы я не уважал права членов Собора, но всегда старался как бы их возвысить и рад был, когда они чем-нибудь полезным для обители займутся, но, к сожалению, они весьма недалеки умом и ничего сами не могут полезного придумать, обсудить и сделать, и потому они ничего не делают, а говорят пусть так и будет, как было, а что я сделаю, то это говорят не нужно и в ущерб обители, и начнут критиковать и меня обвинять, сами ничего не делая»[107].

Оправдывая свои действия, о. Мелетий по-монашески смиренно признавал и свои ошибки: «Все здесь сказанное весьма преувеличено и много лишка напи-

[106] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 862. 1882–83 г. Л. 62, 63.
[107] Там же. Л. 2.

сано, но да простит им Господь Бог за все… Впрочем во всем чистосердечно раскаиваюсь и прошу смиренно прощения во всех моих словах и делах»[108].

Хотя архимандрит Мелетий иногда громогласно распекал провинившихся, но зла не держал даже на тех, кто жаловался на него. После жалобы 1882 года все члены Учрежденного Собора остались на своих местах. В отношении своего главного оппонента казначея иеромонаха Варлаама архимандрит Мелетий карательных мер не предпринимал. В характеристике 1882 года явно отмечена неприязнь казначея к настоятелю: «Занимается делом, но скрытен, неблагонамеренно против настоятеля вооружается» [110, №2], в 1884 году еще была надежда на примирение: «Начинает вести себя исправнее, но скрытен, в неблагонамеренности к настоятелю» [111, №2], а в 1886 году иеромонах Варлаам был назначен настоятелем Онежского Крестного монастыря. Хотя он был удален из Соловецкой обители с повышением, но, по-видимому, затаил обиду и через шесть лет все же добился увольнения на покой архимандрита Мелетия и своего возвращения, причем в качестве настоятеля.

9 марта 1892 года архимандрит Варлаам прибыл в Соловецкий монастырь. Как пастырь добрый, он с полным вниманием относился к братии, руководя и наставляя их на избранном ими пути.

Богомольцы-трудники, ежегодно проживающие в монастыре в количестве более 600 человек, всегда находили в нем любвеобильного и ласкового отца. Он устроил для их проживания два новых корпуса, и в одном из них было отведено помещение для монастырского училища, в котором обучались не только дети, но и взрослые. При нем было закончено сооружение гранитной набережной Святого озера. Он оставил по себе память благолепным украшением ниш, в которых помещаются раки преподобных Зосимы и Савватия.

Много забот и трудов было положено им на восстановление Трифоно-Печенгского монастыря, где настоятелем был архимандрит Ионафан, у которого архимандрит Варлаам был восприемным отцом при постриге. Однако в сравнительно молодом возрасте (53 года) в октябре 1894 года его постигла тяжкая болезнь. Уповая на Господа, он отказался от всякой медицинской помощи.

Его духовный сын и преемник архимандрит Иоанникий писал в донесении в Московскую контору Синода: «Заболев тяжкою болезнию, которая скоро оказалась предвестницею смерти, покойный отец настоятель прекратил занятия делами монастырскими в последних числах октября месяца. 2 ноября в последний раз побыл он в церкви и затем окончательно слег в постель, обремененный водянкою, которая не позволяла ему принимать никакой пищи. За месяц до кончины больной соборовался святым елеем, и в самый день кончины сподобился причаститься святых Таин. Напутствованный святыми Таинствами, 16 декабря вечером после соборного чтения акафиста Божией Матери на церковном повечерии он тихо отошел в вечность. Смертный одр его окружали мы, члены Учрежденного Собора, близкие к нему из всей братии. Тело почившего было облачено по прежним примерам в нашей обители в полное архимандритское облачение и в воскресение 18 числа с подобающею церемониею вынесено в Троицкую соборную церковь. Отпевание совершено

[108] Там же. Л. 61, 62.

19 числа при участии всей старшей братии, и затем тело предано земле за алтарем церкви преподобного Германа, в ряду с могилами прежде бывших архимандритов Порфирия и Феофана… Покойный не оставил письменного духовного завещания, а только словесно завещал из имеющихся у него денег отослать в Крестный монастырь 100 руб., в Кожеезерский и Печенгский по 50 руб., родной сестре его мещанской вдове Марье Федоровой Ивановой, проживающей в г. Архангельске, выдать 300 руб., кроме того в числе находящихся у него денег 500 руб., данные ему лицом, пожелавшим остаться в неизвестности, в личное распоряжение, употребить на благоукрашение церковное»[109]. Судя по тому, что среди икон, принадлежавших архимандриту Варлааму, было несколько с изображением Варлаама Хутынского[110], это был его святой покровитель в монашестве.

6 ноября 1896 года над его могилой была установлена надгробная плита с надписью:

«Так волей неба суждено:
Все на земли, что нам дано,
Для нас не долговечно.
Величье сана, чести блеск,
Как волн на море шумный плеск,
Минуют скоротечно.
Богатство наше – сущий прах,
Одно, что есть на небесах,
Пребудет бесконечно.

Незабвенному другу и духовному отцу от благодарного сына архимандрита Иоанникия с братией».

«Великий соловецкий старец, иеросхимонах Зосима, в свое время, при кончине настоятеля о. Варлаама, свидетельствовал ближним своим из братии, что Господь сподобил его знаменательного видения и соучастия в нем. В момент отшествия души о. Варлаама "он сам был духовно в числе небожителей в небесной славе и встречал со славою душу о. настоятеля, удостоенную доступа в обители небесные. В то же время он видел там многих благочестивых священнослужителей (очевидно, соловецких – и своих сверстников, и знаемых им), удостоенных райского блаженства, и в отдельном месте схимонахов"» [46, №2, с. 40].

4.11. АРХИМАНДРИТ ИОАННИКИЙ – РЕВНИТЕЛЬ БЛАГОЧЕСТИЯ

Во время настоятельства архимандрита Иоанникия (1895–1917)[111] и под его непосредственным руководством выросли и духовно сформировались те подвижники благочестия Соловецкого монастыря, которым пришлось претерпеть поругание святынь, изгнание из стен родной обители и преследования безбожной государственной власти даже до смерти.

---

[109] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 34. 1895. Л.1–2.

[110] Там же. Л.3 №4,9; Л.4 №27.

[111] За все время существования Соловецкого монастыря только трем его настоятелям дано было понести свой подвиг более 20 лет: преподобному игумену Зосиме – 26 лет, архимандриту Фирсу (Шарапову) – 28 лет и архимандриту Иоанникию – 22 года.

Архимандрит Иоанникий

В отличие от большинства настоятелей XIX века, избранных Святейшим Синодом из других монастырей, отец Иоанникий был плоть от плоти и кровь от крови Соловецкой обители: в течение 54 лет он опытно прошел весь путь монашеского подвига от трудника до настоятеля монастыря, последовательно воплощая в жизнь свой идеал монашеского жития. И в отношении к себе, и в отношении к своему словесному стаду он, несомненно, «руководствовался, главным образом, стремлением не только внешне возвеличить и возвысить вверенную ему святую обитель, но и обновить и возродить духовно ее насельников» [46, №1, с.77].

Обратимся сначала к личности архимандрита Иоанникия, а затем постараемся проследить, какие же всходы дали посеянные им семена.

Архимандрит Иоанникий, в миру именовавшийся Иван Филиппович Юсов, родился в 1849 году в семье государственных крестьян Онежского уезда Архангельской губернии – Филиппа и Марии Юсовых. Обучив сына грамоте и основам благочестия, они отправили его в 17-летнем возрасте в Соловецкий монастырь «по обещанию» на безвозмездные труды.

С самого начала своего пребывания в обители Иван исполнял клиросное послушание в Соборной церкви и заведовал архивом в монастырской канцелярии (1867–1873). Видя его усердие к храму Божию, добросовестность в исполнении послушаний и стремление к монашеской жизни, монастырское начальство ходатайствовало об определении Ивана в число послушников Соловецкого монастыря, что и было исполнено 12 октября 1871 года по его прошению и увольнительному свидетельству Архангельской казенной палаты.

Послужной список игумена Иоанникия за 1895 год[112] позволяет проследить, как изменялось его положение в монастыре и какие послушания он проходил. 15 августа 1872 года послушник Иоанн был посвящен в стихарь. Проходя послушнический искус, Иоанн исполнял всякое поручение быстро, толково, тщательно и благоговейно. Желая привлечь его к церковному служению, архимандрит Мелетий совершил постриг послушника Иоанна в мантию с именем Иоанникий 18 июня 1880 года, и в этом же году 8 сентября в праздник Рождества Богородицы он был рукоположен во иеродиакона.

Обладая хорошей грамотностью, он исправлял должность письмоводителя у казначея Соловецкого монастыря (1873–1885), а также обучал чистописанию и русскому языку в монастырском училище (1884–1888). 1 апреля 1888 года всегда трезвый, честный и деловитый иеродьякон Иоанникий по ходатайству архимандрита Мелетия указом Московской Правительствующего Синода Конторы был определен

[112] РГАДА Ф. 1201. Оп. 4. Д. 886. 1895 г.

Строительство каналов. Фото С. Прокудина-Горского. 1915 г.

исправляющим должность казначея Соловецкого монастыря и членом учрежденного Собора, а 29 мая по тому же указу он был рукоположен в иеромонаха.

В сентябре этого же года о. Иоанникий «получил внушение (от Синода) за нарушение своих служебных обязанностей вмешательством в дела, не подлежащие его ведению, чтобы впредь не дозволял себе подобных действий под опасением ответственности» [116, л.134об.]. Тогда проявилась особенность характера о. Иоанникия, состоявшая в том, что ради внешней пользы дела он мог пожертвовать миром с окружающими его людьми. С этой наклонностью ему приходилось бороться, так как она противоречит азбуке монашеского жития, ибо «всякое дело, велико оно или мало, есть восьмая часть искомого, а сохранить свое устроение (сохранить мир, пусть даже в ущерб делу) есть три восьмых с половиною»[113]. Нарушение этой заповеди впоследствии дорого стоило о. Иоанникию, а пока, благодаря своим исключительным деловым качествам, 1 июля 1892 года он стал исполняющим должность наместника Соловецкого монастыря и был награжден набедренником. Через 2 года он был утвержден в этой должности.

Будучи ближайшим помощником архимандритов Мелетия и Варлаама, он пользовался у них неограниченным доверием во всех хозяйственных делах мо-

[113] Авва Дорофей. Поучения, послания, вопросы и ответы. М.:Актис, 1991. С. 73.

Монастырская гидроэлектростанция. Фото С. Прокудина-Горского. 1915 г.

настыря, так как всегда осторожно и обдуманно приступал к делу. К его голосу прислушивался и Духовный собор, так как он обладал многолетним опытом монастырской жизни в сочетании с редкой начитанностью и вниманием к Слову Божию и святоотеческим писаниям. Поэтому после кончины архимандрита Варлаама братия Соловецкого монастыря избрала его на должность настоятеля.

В представлении преосвященного Никанора епископа Архангельского и Холмогорского от 3 мая 1895 года говорится: «На выборах кандидата на вакантную должность настоятеля Соловецкого монастыря, произведенных 26 марта 1895 года, большинство голосов – 51 – получил наместник иеромонах Иоанникий, 10 – игумен Питирим, 6 – казначей иеромонах Наум, и по одному голосу иеромонахи Филарет и Тарасий[114]. В этом же деле (Л. 18) содержится указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Московской Святейшаго Синода Конторы от 28 июня 1895 года: «Избрание иеромонаха Иоанникия на должность настоятеля Соловецкого монастыря Контора признает правильным, и его самого достойным занятия сей должности по уважению к его 28-летнему пребыванию в сей обители . <…> Приказали: избранного братией Соловецкого монастыря на

[114] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 34. 1895. Л. 13, 14.

должность настоятеля их обители наместника оной иеромонаха Иоанникия утвердить в означенной должности с возведением в сан игумена».

6 августа 1895 года он был возведен в сан игумена в Архангельске в Соломбальском Преображенском соборе Преосвященным Никанором епископом Архангельским и Холмогорским. В сан архимандрита он был возведен в 1896 году.

Архимандрит Иоанникий прилагал к делу благоустройства монастыря все свои силы, опыт и энергию. Он всегда наставлял братию ссылками на Священное писание, подчеркивая, что его решения и указания имеют основанием волю Божию, поэтому, когда кто-то пытался тормозить его решения, пересуживать или критиковать их так, что дальнейшему делу грозила задержка или пагуба, он считал вполне законным проявлять настоятельскую власть во всей полноте.

С самого начала его настоятельства монастырское хозяйство стало расширяться. Из фонда государственных земель был приобретен остров Кондо, весь покрытый сосновым лесом. Это дало возможность монастырю наладить заготовку леса для строительных работ и даже открыть смолокуренный завод, который работал на отходах от обработки бревен и производил, среди прочего, скипидар.

В 1908 году в скиту на Кондострове был освящен храм в память святителя Николая, который мог вместить 500 молящихся. При архимандрите Иоанникии под руководством самоучки монаха Иринарха создана система судоходных каналов между 12 озерами, причем по каналам проходили не только лодки, но даже маленькие паровые катера; в 1910–1912 годах с южной стороны от монастыря была построена единственная в России монастырская гидроэлектростанция мощностью 40 кВт; в 1914–1916 годах была построена радиотелеграфная станция, обеспечившая связь с материком; построен келейный корпус на острове Б. Муксалма.

Архимандрит Иоанникий принимал деятельное участие в строительстве железнодорожной ветки до Кеми, как видно из его переписки с начальником Управления по сооружению железной дороги Г. О. Паукером: «С чувством искренней радости получил я Ваше извещение, о том, о чем убежденно и настойчиво говорил с господином министром Путей Сообщения Сергеем Васильевичем Рухловым. Весьма радуюсь осуществлению моих давнишних желаний устроить железнодорожный путь в нашем северном крае, во первых, как патриот, радея о Государственной пользе, во-вторых, как местный обитатель и настоятель северной великой обители, выгоды которой близки моему сердцу…

Но не могу умолчать, что избранная правительством Сороцкая бухта несравненно менее удобна для сооружения железной дороги, чем г. Кемь.

Для подтверждения моего личного мнения о сем посылаю Вам копию с протокола заседания членов попечительного комитета Кемской мореходной школы от 30 ноября 1914 г. и письмо начальника Кемской мореходной школы капитана дальнего плавания А. Фирсова, который является первым и лучшим знатоком Беломорского края по своей специальной эрудиции.

Очень желательно мне получить сведения о продолжении железнодорожной линии на Мурман. 31 янв. 1915 г.»[115]

[115] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 49. Д. 192. 1913 г. Л. 151.

Архимандрит Иоанникий с братией, трудниками и паломниками (группой участников передачи колокола, захваченного англичанами во время Крымской войны в 1855 г.) на фоне Сергиевского корпуса. Фото 1912 г.

Убедив правительство в необходимости построения железнодорожной ветки до Кеми, а от Кеми до Попова острова, на котором находилось подворье Соловецкого монастыря, архимандрит Иоанникий продолжал оказывать помощь в производстве работ лошадьми, кирпичом и всякими жизненными припасами. По настойчивой просьбе одного из строителей железной дороги монастырь уступил свой последний запас – 50000 штук кирпича: «Кемский исправник известил меня, что дорога от Сороки до Кеми будет готова к половине марта… Заведывающий этой дорогой инженер Хомейко самым убедительным образом просил меня продать 50000 кирпича, и я решился, и уговорил членов Учрежденного Собора пожертвовать последним запасом кирпича, радея о государственной пользе, какую может принести строящаяся дорога в обстоятельствах военного времени».

Архимандрит Иоанникий обладал исключительной памятью на лица и свободно ориентировался в тысячной массе братии и трудников, которая была вверена ему Господом для руководства на пути спасения. Из 500-700 трудников-годовиков отец настоятель внутренним чутьем избирал тихих, послушливых, молитвенно настроенных, чтобы оставить их в обители по окончании срока трудничества. Впоследствии он всегда внутренне знал, кто из братии откуда и зачем пришел, о чем задумал просить, и тут же давал быстрые удовлетворительные ответы.

Неизменно следил настоятель за сохранением устава монастырской жизни. «Все приезжавшие на богомолье удивлялись образцовому и обширному монастырскому хозяйству, умилялись особенным благолепием, уставностью и пением

монастырских служб, тому общему и редкому порядку, который проявлялся во всем, исключительно благодаря заботливому и мудрому хозяину святой обители… А такие старцы, как иеросхимонах о. Зосима и целый сонм других, согревали и ободряли богомольцев» [46, №1, с.81].

Заботясь о повышении уровня грамотности и просвещенности среди братии и трудников, архимандрит Иоанникий добавил к программе 4-классного монастырского училища еще 4 богословских класса и в 1913 году ходатайствовал о предоставлении богословскому училищу прав семинарии[116]. Однако это ходатайство, а также строгий порядок в обители в сочетании с властным характером настоятеля вызвали недовольство Духовного собора и некоторой части братии. 23 июля 1913 года они написали донесение в Святейший Синод с жалобой «на неправильные и вредные для обители действия настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Иоанникия»[117].

Обвиняли архимандрита Иоанникия в том, что он не всегда посещает богослужения и братскую трапезу, упрекали в расточительности, выставляя все дела его (постройка парохода «Вера», строительство новой мельницы и скита на Кондострове, устройство каналов и т. д.) как личные и ненужные.

Подписали жалобу 22 иеромонаха из 64, 8 иеродиаконов из 42 и 6 монахов из 130. Инициаторами письма были казначей иеромонах Анатолий, ризничий иеромонах Аверкий и делопроизводитель иеродиакон Виктор, которого архимандрит Иоанникий характеризовал как «революционера в душе», что и оправдалось впоследствии. Так началась горестная смута, растянувшаяся на десятилетие вплоть до закрытия монастыря.

В Синоде жалобщикам не поверили и благословили архимандрита Иоанникия уладить дело по-домашнему. Однако сделать это оказалось невозможно, так как исконно сатанинская болезнь – борьба за свои «права» и неповиновение настоятелю – уже поразила сердца зачинщиков смуты, среди которых были члены Собора.

Поэтому архимандрит Иоанникий писал в Московскую Святейшаго Синода Контору: «Осведомленный от Его Высокопревосходительства г. Обер-Прокурора Святейшего Синода, что на меня подана жалоба, <...> я нахожусь в большом недоумении и смущении, каким образом в состоянии я буду успешно продолжать управление монастырем с членами Собора, явно вставшими во враждебныя отношения ко мне и воспользовавшимися моим отсутствием (с 1 августа по 1 октября для лечения в Ессентуках), дабы произвести бунтовской заговор против меня части братии монастыря. Не признает ли Контора Святейшаго Синода благопотребным и необходимым отстранить сих двух членов казначея Анатолия и ризничаго Аверкия, как виновников сего возмущения, от их обязанностей впредь до окончания расследования, уполномочив меня с остальными тремя членами Учрежденного Собора приставить к временному исполнению их обязанностей других вполне благонадежных лиц из братии».

Естественно, на это дано было благословение и казначей иеромонах Анатолий был удален в Сергиев скит на Муксалме, ризничий иеромонах Аверкий – в Анзерский скит.

---

[116] Согласно послужному списку 1915 г. [138] из 46 иеромонахов 31 прошел обучение в братском училище, причем 14 из них закончили 6–8 классов, а 17 – 2–4 класса.

[117] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 49. Д. 192. 1913 г. Л. 1.

Сохранилось письмо иеромонаха Анатолия от 30 ноября 1913 года прокурору Московской Святейшаго Синода Конторы Филиппу Петровичу Степанову: «Ваше Высокопревосходительство! Бога ради простите нас за то, что мы сделали ошибку, подали жалобу на о. Настоятеля. Хотя сознают все, что написано все верно и правда. Признаюсь, что на это научили нас люди, которые остались в стороне, а мы оказались пушечным мясом. И теперь от о. Настоятеля с нами идет жестокая расправа. Большинство причастных к жалобе сосланы в скиты… и нам за 7,5 годовую службу казначеем непорочную у о. Иоанникия не нашлось келии в монастыре, а сослали в скит. По-нашему это несправедливо и обидно».

Из дела видно, что архимандрит Ионафан, настоятель Печенгского монастыря, действительно склонял иеромонаха Анатолия к борьбе с настоятелем, которого именовал «деспотом», «бироном» и «бисмарком». Увлечение борьбой за свои права заставило жалобщиков начисто забыть о монашеских обетах: терпении, послушании, нестяжании. В письме митрополиту Макарию от 9 июля 1914 года иеромонах Аверкий, жалуясь на свое положение: «помещение по двое в тесных келиях» и лишение некоторых кружечного вознаграждения, пишет, что «некоторые изнемогают в терпении» и нельзя ручаться, чтобы они «не окончили свое поприще произвольно».

Надеясь, что «обиженные» со временем смирятся, Святейший Синод указом от 29 июля 1914 года №12536 постановил ввиду военного времени дело о ревизии Соловецкого монастыря отложить до особого распоряжения.

Тем не менее, 29 января 1915 года иеродиакон Виктор опять обратился к митрополиту Макарию с письмом: «29 августа 1914 г. архимандрит Иоанникий распорядился перевести меня в отдельную келью, но отнял денежное вознаграждение 10 руб., вместо чего дается 0,5 ф. чаю и 4 ф. сахару в месяц. Но надо спички, деревянное масло, свечи, мелочи из одежды, заплатить трудникам за стирку белья, очистку ретирадных мест, колку дров. Между тем я не живу праздно, несу послушание – исполняю чреду священнослужения – следовательно, много ли – мало ли зарабатываю своим трудом и потому имею право на получение денежной доли из монастырских доходов. Потребности насущныя сократил поневоле, как нет грошиков, а там из сердца не вырвешь угнетающих дум о таковой несправедливости!».

3 апреля 1915 года наконец последовал достойный ответ: «Объявить жалобщику иеродиакону Виктору строгий выговор за допущение им укоризненных и дерзких выражений по отношению к Синодальной Конторе, и уведомить его, что за оскорбление на бумаге присутственного места он может быть предан уголовному суду. Распоряжение архимандрита Иоанникия о лишении иеродиакона Виктора денежного вознаграждения, ввиду его строптивости, признать правильным».

С новой силой вспыхнул бунт в 1916 году, когда все, в том числе иеромонахи и иеродиаконы были привлечены к работам по сооружению ГЭС и каналов. Многие были недовольны, требуя освобождения от физического труда. Конфликт набрал силу. В это время пришло известие об отречении царя Николая II от престола в пользу брата Михаила. О. Иоанникий, прочитав эту радиограмму, не смог сдержать слез: «Отечество в опасности. Результаты нельзя предусмотреть», – и первым же пароходом выехал в Петроград [74, с. 82].

В его отсутствие 23 июня 1917 года была написана еще одна жалоба в Святейший Синод, подписанная иеромонахами Аверкием и Викторином и монахом Викентием, в которой они предлагали:

1) продать кобыл и купить коров, чтобы каждому для трапезы получать молоко по бутылке в неделю;

2) продать сепаратор;

3) остановить на время покоса электростанцию;

4) уничтожить навсегда курятник;

5) уравнять братию жалованьем;

6) увеличить число членов Собора тремя, которые должны образовать «братский комитет». В случае отказа «не можем приступить к работе покоса и вынуждены послать депутацию в Петроград»[118].

То есть, никаких серьезных альтернатив жалобщики не предлагали, они надеялись иметь своих ставленников в духовном соборе и с их помощью улучшить свои бытовые условия. Депутация в составе трех авторов этого письма отправилась в Святейший Синод, который 4 августа 1917 года принял решение уволить архимандрита Иоанникия на покой по старости (67 лет), с правом проживания в монастыре и ежегодной пенсией в размере 2000 рублей. Настоятель, проживавший в это время в течение месяца в Ново-Иерусалимском монастыре и готовившийся к участию в Поместном Соборе, узнал об этом решении из газет. «Он только перекрестился и сказал: "Слава Богу за все, – и, немного погодя, тяжело вздохнув, со слезами на глазах тихо закончил: – мне своих дел не стыдно"» [46, №1, с. 87].

Освободившись от начальственной должности и соответствующих ей обязанностей, архимандрит Иоанникий поспешил в любимую Соловецкую обитель, где провел 50 лет своей жизни, но вернулся он уже не как хозяин, а как смиренный богомолец.

Сначала он занял келию бывшего ризничего близ настоятельских покоев, но вскоре, под давлением части братии, вынужден был удалиться в Савватиевский скит, где ему отвели 2 комнаты в нижнем этаже деревянного корпуса. Там он провел около трех лет в покаянных молитвах, самоукорении и самоуглублении.

Когда «вся земная совершишася», он отошел на делание «богатеть в Господа». Близких по духу людей рядом не было.

В 1920 году в монастыре пошли слухи о возможной скорой кончине архимандрита Иоанникия. Многие из бывших его недоброжелателей потянулись в Савватиевский скит просить прощения. Подходя к о. Иоанникию под благословение, они с трудом узнавали в смиренном, согбенном старце своего бывшего грозного настоятеля, не терпевшего противоречий. Истончилась плоть, обновился дух, смирился взгляд, сделавшись кротким, любвеобильным и всепрощающим. Никто не знал его келейного правила последнего времени, но все теперь могли почти осязать труд и достижения молитвенного делания архимандрита Иоанникия. Он каждого приходившего к нему принимал с братской любовью, и бывшие у него тогда ощущали в нем присутствие особого мира и благодати.

6 июня 1921 года, примирившись со всеми и простив всем и вся, после соборования и напутствия Святыми Тайнами архимандрит Иоанникий тихо и почти

[118] РГАДА . Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 49. Д. 192. 1913 г.

безболезненно отошел ко Господу в возрасте 71 года, прожив всего в Соловецкой обители 54 года. Когда ему еще во время настоятельства указывали на живших в обители подвижников и блаженных, он обычно говорил: «Вид-то их благочестив и молчалив, а каков конец-то у самих будет?» Сам о. Иоанникий стяжал блаженную кончину безропотным преданием себя воле Божией.

4.12. ЦВЕТЫ ЛУГА ДУХОВНОГО: СХИМОНАХ ДИОМИД, ИЕРОСХИМОНАХ ЗОСИМА, МОНАХ ГУРИЙ

Архимандрит Иоанникий немало трудился над укреплением монашеского духа в братии, и именно в период его настоятельства в монастыре было наибольшее (10-12) число схимников.

Схимничество было естественным завершением жизни монаха – последней ступенью приготовления к вечности. Сам о. Иоанникий рассуждал о схимниках так: «Многолетнее наблюдение за образом жизни старцев схимонахов являет излишними отзывы о поведении их. Сущность воспринятого ими духовного подвига, требующего устранения от монастырских послушаний и большею частию крайний старческий возраст не позволяет входить в их келейную жизнь с какими-либо требованиями. О всех схимонахах и монахах состоящих на покое можно сделать один общий отзыв: живут безмолвно, исполняя каждый молитвенный долг свой по мере сил, пред судом собственной совести» [136, Л.125об.-126].

Для примера приведем краткие жизнеописания трех подвижников, о которых повествуется в «Соловецком цветнике» митрополита Мануила.

Схимонах Диомид (Трофимов Диомид, р.1851 – †29 августа 1921)

Диомид родился в православной крестьянской семье Кадниковского уезда Вологодской губернии. Семья была благочестивая, но бедная, поэтому «дома приходилось ему всяко пожить – и по миру с зобней, и в пастухах с сумой» [46, №2, с. 46]. В монастырь он прибыл в 25-летнем возрасте и остался в качестве трудника. Официально он считался насельником монастыря с 1880 года. Первоначально ему было поручено послушание трубочиста, потом он трудился в скитах и был несколько лет пономарем при церквах на о. Б. Муксалме и в Савватиеве. 24 июня 1903 года пострижен в монашество с именем Тарасий.

Грамотой владел плохо, только для себя разбирал. Под конец жизни читал в Савватиевой пустыни Псалтирь, с поминовением о здравии и за упокой рабов Божиих, благотворителей Соловецкой обители. В послужных списках 1909–1915 годов значится: «Послушание проходит синодичное в Савватиевском скиту. Очень хороших качеств и способностей, рачительно исполняет свое послушание» [138, №44].

«Жившему на послушании в сапожной мастерской одному годовику богомольцу, у которого сильно болела голова (уже в течение нескольких дней), во сне явился монах Тарасий и говорит: “У вас в сапожной мастерской, у икон, есть святой крест,

сотвори пред ним три земных поклона, поцелуй его, приложи к больной голове и получишь отраду". Парень сделал, как ему было велено, и получил облегчение.

Монах Тарасий был прилежен к церковным службам и к келейному монашескому правилу, которое никогда не пропускал. Любил читать акафист преподобным Соловецким чудотворцам (по нескольку раз в течение недели). Никогда не бывал праздный, все что-нибудь да делал. Отличался безграничным послушанием.

Однажды пришел он из скита в монастырь к одному брату (который и теперь еще жив) и сказал: "Да, брат, отец Н., я скоро, кажется, помру". А брат ему и говорит: «Сделай такую милость, исполни мое послушание, явись мне за три дня до моей смерти, чтобы мне с покаянием помереть". Первоначально стал он отказываться, мол, грешный, нет, нет, не берусь за это дело, а брат и говорит: "Да как же так – раньше ты был послушный, а теперь отказываешься?" Тогда он согласился. В конце жизни он ослеп и был пострижен в схиму о. игуменом Феофаном с мирским именем Диомид. Немного поболев, с миром скончался. Прожил он в монастыре 43 года. С подлинным верно: иеромонах Мартин» [46, №2, с. 46].

В списке братии 1920 года [141, № 235] упоминается монах Тарасий, значит, постриг в схиму был совершен после июня 1920 года. В подписях под договором 1921 года [142, Л.18] и в списке дома инвалидов 1921 года [143, Л.53] он упоминается как Диомид Трофимов с указанием возраста – 70 лет и диагнозом – слепота.

Иеросхимонах Зосима
(Феодосиев Варлаам Павлович, р. 1841 – † 4 мая 1920)

Происходил из крестьян Архангельской губернии, образование получал дома. Проживал в монастыре с 1865 г. 11 июня 1868 г. определен в число послушников Соловецкого монастыря. 8 мая 1876 г. пострижен в монашество в Соловецком монастыре с именем Венедикт. В 1882–1884 гг. проходил послушание в качестве приставника при св. мощах преподобных Зосимы и Савватия. От взыскательного архимандрита Мелетия заслужил стабильный отзыв: «смиренный, честный и послушливый человек» [111, №48]

25 июня 1893 г. рукоположен во иеродиакона. 1 августа 1901 г. рукоположен во иеромонаха. 23 марта 1908 г. пострижен в схиму. Был награжден серебряной медалью на Александровской ленте в память царствования Государя Императора Александра III.

Архимандрит Иоанникий характеризовал его следующим образом.

1909: «Ведет строгую аскетическую жизнь, постоянно стремится мыслить о Боге, о вечности и о бессмертии души».

1911,1912: «Благоговейный старец-инок, весь исполнен страхом Божиим, молитвою и богомыслием. Некоторые признают его прозорливым».

1913: «Аскетической жизни, постоянно занят молитвою и богомыслием».

1915: «Примерный инок во всех отношениях».

В ЦАКе Соловецкого монастыря хранится ксерокопия записей о паломничестве девочки Екатерины на Соловки в 1916 г. В первую очередь она и родственники пошли прикладываться к мощам Зосимы и Савватия. «У Преподобных стоял "гробный монах" схимник Зосима, когда мы подходили к нему под благословение, я очень боялась, что он скажет мне все мои грехи, но он мне ничего не сказал. А Коля хотел попросить,

чтобы он помазал ему глаза из лампадки Преподобных, т. к. у Коли всегда было слабое зрение (близорукость), но сказать об этом забыл. О. Зосима сам задержал его и помазал глаза, опустив и напитав в лампадке кисточку».

«Пророчения о. Зосимы в 1913–1919 гг.

Это было весною 1914 года. Входит в Троицкий собор рясофорный послушник Стефан, человек грубый и неприветливый. Он был старостой при женской трапезе богомольцев и заходил в церковь за огарками для трапезы. Проходя мимо о. Зосимы, был ласково окликнут последним:

– А что, парень, как живешь?

– А тебе какое дело? – в сердцах грубо ответил ему Стефан.

Отец Зосима отвернулся в сторону и тихо так говорит:

– Смотри, помрешь, как головня будешь валяться.

Иеросхимонах Зосима с братией на крыльце часовни. Фото В. Якубовского. 1912 г.

Не прошло и полгода, как послушник Стефан, осенью смещенный с должности старосты и отправленный на Заячьи острова, во время перехода в бурю, 1 ноября, в день именин настоятеля о. Иоанникия, вместе с монахом Павлином утонул. Тела их осенью не нашли, и никто в монастыре не знал об их смерти до престольного праздника заяцкой церкви св. ап. Андрея Первозванного. Только весною 1915 года все, что сохранилось от тела Павлина, было найдено за Мельничной губой. И тогда вспомнили, как Стефан приехал поздравить о. настоятеля в день его именин без благословения на эту поездку, а о. Иоанникий сказал ему резко:

– Поезжай назад.

И теперь неведомо где, как головня, валяется его тело... От монаха Павлина отыскалась лишь одна нога и ту узнали только по его чулку, а тела Стефана вообще так и не нашли. В точности исполнились слова старца Зосимы.

<…>

Еще задолго до первой мировой войны о. Зосима приточно, загадочно говорил о грядущем великом кровопролитии, о низложении Царя и о скорбях для России, но все это в сердцах большинства братии не откладывалось. Незадолго до неожиданного прихода в монастырь англичан он говорил так:

– Еще монастырь подпадет под владычество англичан, но недолго они здесь будут.

Когда англичане стали требовать себе монастырский скот, то о. Зосима утешал братию:

– Скот будет весь ваш.

Иеросхимонах Зосима в бричке. Фото В. Якубовского. 1912 г.

И действительно, в скором времени англичане отступили от своих требований, ограничились самым незначительным побором с монастыря и покинули его, не причинив ему ущерба.

– Эта невелика туча... А вот идут грозные, неминуемые... грядут скоро... – говорил о. Зосима, когда в 1918 году английский отряд посетил Соловки. Последние годы он жил в филипповском корпусе, в келии № 34. Часто прохаживаясь по коридору, он вдруг останавливался, словно начинал прислушиваться, а затем так спокойно и каким-то особым голосом говорил:

– Все стоны слышу... иду коридором... прохожу... все стоны. Слышу всё стоны.

– К чему это, о. Зосима? – спрашивали его окружающие. А он, помолчав, как бы нехотя, отвечал:

– А не знаю.

И уходил к себе в келию. Уже с 1918 года братии был уменьшен хлебный паек, так как истощились прежние монастырские запасы. Братия всю зиму от сей нехватки хлеба в скорбях прожили, а о. Зосима все, бывало, утешает:

– А вот нам американского хлеба представят.

И что же? Весною следующего года к Соловкам подошел океанский пароход, нагруженный мукой, пожертвованной одним американцем, неким Лявли, для Соловецкого монастыря. Он обещал впредь еще прислать, но в дальнейшем помешали военные действия.

<…>

Уже в последние годы своей жизни, приблизительно лет за восемь, духовно прозревая надвигающееся грозное будущее своей родины и св. обители Соловецкой, стал о. Зосима иногда прикровенно, а большею частью немногими словами открывать завесу грядущих событий, и не только братии монастырской, но и богомольцам, приблизительно в следующих выражениях:

– Настанет такое время, что, не дай Бог, нам до него дожить.

Когда же его спрашивали, что именно случится, то он со вздохом говорил, что всю Россию победят. В монастырь наедет множество нечестивых людей, а монахи разбегутся в разные стороны… Еще пророкал он, что в обители “и стены задрожат, и камни-то переворотятся”. И действительно, наступили тяжелые годы владения монастырем неверами и извергами, которые якобы в поисках зарытых ценностей не совестились разрывать могилы недавно захороненных монастырских деятелей (о. Иоанникия и др.) и осквернять святыни.

<…>

В момент занятия Соловецкого монастыря сельхозом и первым лагерем раннею весною 1920 года о. Зосима говорил окружающей его братии отрывочно, односложно, порою более прикровенно о грядущих скорбях, ожидающих насельников святой обители:

– Кто вытерпит сие житие, тот венцы получит...

И еще говорил:

– Все осквернят, святыни разрушат... Жизнь худая приходит... Келии плакать будут... Стены плакать будут...

Не раз заходил он в Благовещенский корпус и, как бы озираясь и прислушиваясь, говорил окружающим:

– Рев, стоны... дети орут... келейки-то заплачут... некому будет жить в них...

Ближайшее будущее оправдало его слова. В 1920 году в сем корпусе помещалось несколько семейств вольных с детьми, которые, конечно, и плакали, и шумели, и кричали. Осенью 1925 года в Благовещенском корпусе, в так называемой 7-й роте, была помещена команда музыкантов духового оркестра, которая ежедневно грохотала своими инструментами.

И еще сказывал про монахов-«подписчиков» и чинителей беспорядков и монастырской смуты, но со скорбью:

– Достойные сего рассеются, что сеют, то и пожнут...

Отрывочные слова его, очевидно, относились к тем скорбным событиям весны 1923 года, когда почти вся братия, и в том числе и "подписчики", должны были поспешно покинуть святую обитель по распоряжению администрации лагеря ГПУ» [46, №2, с. 51–56].

Монах Гурий

Были в братии многие подвижники и прозорливцы, не сподобившиеся пострига в великую схиму, но получившие от Бога великие дарования за ревностное исполнение монашеских обетов. В «Соловецком цветнике» упоминается, что весной 1923 года вместе со многими другими иноками покинул Соловецкую обитель и 63-летний монах Гурий, проживший в монастыре 30 лет.

Возраст, время пребывания в монастыре и послушание монаха Гурия совпадают с данными Гавриила Кирилловича Булатова, представленными в послужном списке послушников 1915 г.: «Из крестьян Вологодской губернии. Домашнего образования. Холост. Проживал в монастыре с 1893 г. Определен в послушники 8 октября 1902 г. Послушание проходит нарядчика огородников. Очень хороших качеств и способностей» [138, № 28].

22 июня 1918 г. Гавриил был пострижен в монашество с именем Гурий, поэтому его фамилия не упоминается в списке послушников 1920 года, зато имя его упоминается в списке монашествующих [141, №175]. В 1920–1923 годах он трудился в совхозе. Его фамилия присутствует в списке отказавшихся от освидетельствования на инвалидность 1921 года [143, №6] и в списке работников совхоза 1922 года [144, №30].

Отец Гурий не только представлял собой редкий пример трудолюбия, терпения, воздержания, но и имел особенное усердие к посещению церковных служб.

Услышав сигнал колокола, он немедленно оставлял работу и торопился в храм, забывая даже об обеде. Уходя в молитву, он совершенно отрешался от всего мирского и суетного, оставшегося за порогом храма. Молитва его была горяча и действенна, ее силу неоднократно ощущали прибегавшие к нему за духовной помощью и советами или стремящиеся к нравственному подражанию.

Будучи в благодушном настроении, он рассказывал о прошлой своей жизни некоторым из братии, всецело им доверяя. С его слов, архимандрит Вениамин составил в назидание братии краткое описание его жизни с малых лет и до последних дней его пребывания в обители: «Я внук священника, но отец мой не был духовного звания. Родом я из Валдайского уезда, местности Устюжской. В малых годах постигла меня смерть родителей. Не желая крестьянствовать, я занялся мелочною торговлею, но так как я должен был поступать по совести, а не по-хозяйски, то в скором времени у меня не оказалось ни денег, ни товару, ибо по доброте своей часть их отдал нуждающимся, а остальное – в долг, поверив на честное слово. Не зная, как устроиться мне в дальнейшем, решил я сходить помолиться к преподобным Зосиме и Савватию во Флорищеву Успенскую пустынь, находящуюся от нашего места в 50 верстах. Монастырь расположен среди густого леса над рекой. В церкви местной святыней была чудотворная икона Соловецких угодников. В день преставления преподобного Савватия здесь бывает двухдневная ярмарка, главным образом, конная и мануфактурная. К этому дню со всей округи собиралось много богомольцев. Пошел и я на этот праздник. Остановившись у добрых людей и поразведав от них о славных своей праведной жизнью здешних старцах, пошел я в келию к одному такому известному (“знаменитому”) старцу, одиноко живущему ради Бога при монастырской церкви. Старец меня во многом утешил, а при моем выходе сунул мне в карман бумажку. С нетерпением и волнением вышел я на монастырский двор и здесь прочитал ее краткое, но знаменательное содержание: “Тебя ждут преподобные Соловецкие”. И тогда же я возымел желание идти на богомолье в Соловецкий монастырь. Покончив навсегда со всеми домашними делами и рассчитавшись с окружающими, поспешно покинул я свою родину, торопясь до зимы достигнуть Соловецких святынь и угодников. Принятый о. настоятелем в трудники, я стал трудиться и до сего времени по милости Божией не бросаю своего послушания, благодаря Господа Бога за явленные мне милости Его» [46, №2, с. 70–71].

Основным послушанием отца Гурия в течение почти 30 лет были труды на огороде, которые он исполнял всегда внимательно и добросовестно, зная все тонкости выращивания рассады и заботясь о том, чтобы овощи вовремя были посажены и политы.

Весь день занятый на огороде, он иногда пропускал трапезу, но первым отправлялся по зову колокола в храм и оставался всегда до конца службы. Он имел обыкновение вставать ночью за час до полунощницы, и, после исполнения келейного правила, полагать поклоны поименно за всю братию, начиная с о. настоятеля и кончая послушниками, а затем отправлялся в церковь.

Молитвенное правило он всегда совершал по уставу, а кроме того «имел дар Иисусовой умной молитвы, которая слагалась за последнее время в его сердце в непрестанное делание. Будучи духовно и телесно согреваем ею, он источал на

окружающих духовную теплоту и любовь, а в своих дерзновенных молитвах, благодаря неистощимой вере, получал просимое для ближних. Особенно эта духовная черта обнаружилась в последние годы его жизни, когда многие из братии свидетельствовали о силе и действенности его молитвы к Богу» [46, №2, с. 72]. Свято исполняя обет нестяжания, о. Гурий ничего лишнего в келии не держал, раздавая и подаренные вещи нуждающимся из братии.

Трапезой он пользовался только общей братской и никаких съестных запасов у себя в келии не держал, до обеда ничего не пил и не вкушал, а чай совсем не употреблял. Несмотря на это, о. Гурий всегда был бодр, здоров и легок. Братия с любовью пошучивали над ним: «бывало, бежит, торопится о. Гурий в церковь, а братия шутливо точно укоряют его: "Ну, о. Гурий, опять уже побежал, дай нам-то немного отдохнуть". А другие отвечают за него: "Ему что?! Он не по-нашему живет, брат. До обеда ему ни о чем заботиться не нужно, как нам – позавтракать. А как из церкви – так и на работу сейчас"» [46, №2, с.72].

Сам он никогда не произнес ни одного неприличного, праздного или осуждающего слова и других от этого удерживал. Когда в обители началась внутренняя смута, вызванная недовольством действиями настоятеля о. Иоанникия, о. Гурий по ревности Божией укорял зачинщиков и предостерегал от душепагубного пути восстания против монастырских властей. За свою безмерную простоту и чистоту веры о. Гурий сподобился нескольких видений.

«Вначале приходил к нему в сонном видении преподобный Зосима, один, с крестом в руке, и просил передать братии, чтобы они прекратили смуту и нестроения, ибо небесные ходатаи за святую обитель сильно скорбят о ней, так как гнев Божий невидимо надвигается на нее. Вскоре после сего, ввиду непрекращающегося раздора, явилась Сама Царица Небесная своему усердному служке и приказала передать настоятелю с братиею, что если они не прекратят между собою вражды и несогласия, если они не начнут исправляться в своей монашеской жизни, то Божие наказание постигнет монастырь и братию. Но начальствующие и прочие насельники обители остались глухи к его рассказу, а самого о. Гурия посчитали пребывающим в прелести и не обратили внимания на грозное небесное предупреждение» [46, №2, с. 72].

Глава 5

БОЖИЯ ГРОЗА

1917–1988 гг.

5.1. ЦЕРКОВЬ ПОБЕЖДАЕТ, КОГДА ЕЙ ВРЕДЯТ

В начале XX века на фоне внешнего благополучия в церковной и государственной жизни России стали проявляться апокалипсические симптомы: «Посмотрите, как мир движется к концу; смотрите, что творится в мире: всюду безверие, всюду хула на Создателя, всюду дерзкое самомнение и неверие, неповиновение; повсюду в мире вооружения и угрозы войною; во многих местностях России и в других странах острый голод; повсюду угрозы смертью, повсюду убийства, всюду расхищения казны и частной собственности; повсюду потеря стремления к высоким духовным интересам» [73, с. 12], – говорил святой праведный Иоанн Кронштадтский в 1907 году.

Предупреждая о грядущих бедствиях, он обличил и духовную болезнь российского общества: «Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению. Отчего же столь великое, бывшее столь твердым, могущественным и славным прежде царство Русское ныне так расслабленно, обессилело, уничтожилось, поколебалось? Оттого, что оно сошло с твердой и непоколебимой основы – истинной веры – и в большинстве интеллигенции отпало от Бога, Который один есть непоколебимая во веки вечная держава» [73, с. 14].

Хотя православная вера в течение почти тысячелетия была основанием русской государственности и национальной идеи «Святой Руси», в XVIII и XIX столетиях Русская Православная Церковь оказалась в такой зависимости от государства, что крушение Российской империи должно было, казалось, привести и к крушению Русской Церкви. Однако царство пало, а Церковь выстояла. За два месяца до Октябрьской революции начал работу Поместный Собор, главным деянием которого стало восстановление Патриаршества. 5/18 ноября 1917 года был избран, а 21 ноября/4 декабря возведен на патриарший престол митрополит Московский и Коломенский Тихон. Во время настолования он принял жезл святителя Петра, митрополита Московского, рясу священномученика Гермогена, а также крест, мантию, митру и клобук Патриарха Никона. После двухвекового синодального периода в рамках государства, провозгласившего себя внеконфессиональным, Русская

Церковь вновь обрела своего предстоятеля и первосвятителя, чтобы стать Церковью воинствующей, Церковью гонимой и, в итоге, Церковью торжествующей.

Об этой неодолимости Церкви говорил священномученик Иларион (Троицкий) в день своей епископской хиротонии: «Когда до основания разрывают старый мир, чтобы лишь на развалинах его строить новый фантастический мир, когда очень многое из дел человеческих оказалось построенным на зыбучем песке, когда падоша сильнии многие <…> – Церковь Божия стоит непоколебимо, лишь украшенная, яко багряницею и виссом, кровьми новых мучеников. Что мы знали из церковной истории, о чем читали у древних, то ныне видим своими глазами: Церковь побеждает, когда ей вредят. <…> Среди ветров лжеучений, среди мутных яростных волн злобы, лжи и клеветы неистовых врагов как скала стоит Церковь, та Русская Православная Церковь, о которой так любили недавно повторять, что она в параличе, что лишь полицейской силой государства держится она. Но вот силы государства направились против Церкви, и наша Церковь дала больше мучеников и исповедников, нежели предателей и изменников» [27, Т.1, с. 36].

Волны революционных потрясений достигли и Соловецкого монастыря. В августе 1917 года по требованию части братии был уволен на покой настоятель архимандрит Иоанникий, который за 22 года управления обителью стал как бы олицетворением традиционного уклада монастырской жизни. Добившись его отставки, смутьяны все же вынуждены были подчиниться воле основной части братии, усердствовавшей о своем спасении, и настоятелем был избран достойнейший архимандрит Вениамин, впоследствии преподобномученик. Ему удалось на некоторое время водворить порядок, так что в 1917–1920 годах жизнь монастыря продолжалась в привычном русле.

29 апреля 1920 года на Соловки прибыла в сопровождении отряда красноармейцев комиссия во главе с начальником Особого отдела ВЧК М. С. Кедровым для ознакомления с состоянием хозяйства Соловецкого монастыря. В результате работы комиссии монастырь был полностью лишен собственности, а имущество его передано лагерю для лиц, осужденных на принудительные работы, и совхозу «Соловецкий». Чтобы обезглавить монашескую дружину, осенью 1920 года были арестованы и высланы с островов архимандрит Вениамин и его ближайшие помощники. Однако монастырь продолжал существовать как религиозная и трудовая община, в которой тогда состояло около 280 человек [142], называвшихся теперь работниками совхоза.

13 октября 1923 года Совет народных комиссаров СССР принял постановление за подписями зампредседателя СНК Рыкова, управделами Горбунова и секретаря Фотиевой об организации нового крупномасштабного карательного учреждения — Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения (СЛОН) и двух пересыльно-распределительных пунктов в Архангельске и в Кеми.

Согласно этому постановлению лагерю передавались все угодья, здания и инвентарь, принадлежавшие ранее Соловецкому монастырю, а с 1920 года — совхозу «Соловецкий». Еще до принятия официального решения, 6 июня 1923 года, пароход «Печора» доставил на Соловки первую партию заключенных из Архангельска и Пертоминска. Они были привлечены к работам по ликвидации последствий недавнего пожара, по восстановлению жилья и подсобного хозяйства, по подготовке к зиме. В районе Сосновой губы заработали первые артели лесорубов. Между

тем прибывали новые партии заключенных, так что к закрытию навигации 1923 года их было уже 3049 человек.

В связи с организацией СЛОНа в июне 1923 года было принято решение о принудительном выселении всех монашествующих с Соловецкого архипелага в порядке административной высылки как элемента, к пребыванию в Архангельской губернии политически нежелательного. Многие насельники монастыря вернулись в родные места и служили на приходах; некоторые монахи поселились в наиболее близких к Соловкам городах – Архангельске и Кеми, объединившись в небольшие общины; на Соловках остались в качестве вольнонаемных работников СЛОНа около 60 насельников, которые продолжали жить по монастырскому уставу до 1931 года. По воспоминаниям В. Кичкаса, «18 июня 1931 г. покинул Соловки последний свободный Соловецкий монах» [6, с.212]. Традиция монашеского жительства на Соловецких островах была прервана до 1988 г.

Место подвигов духовных стало местом подвига мученического. В Собор Соловецких святых за пять столетий было включено 52 имени, а в Соборе новомучеников и исповедников Соловецких за двадцать лет воссияло более шестидесяти звезд. Из них три — насельники Соловецкой обители, а остальные, совершавшие свой мученический и исповеднический подвиг на Соловках, попали на острова не по своей воле, а под конвоем по этапу.

На Соловки ссылали участников Белого движения — офицеров и солдат, политических противников советской власти — анархистов, меньшевиков, эсеров (до 1925 г.), неугодных ей представителей духовенства, творческой интеллигенции, раскулаченных крестьян из России, Белоруссии, Украины (крестьяне в 1927 г. составляли около 75% заключенных). Значительный процент (в 1927 г. не менее 20%) заключенных составляли уголовные преступники. До 1930-х годов численность заключенных в лагере постоянно увеличивалась (по годам на 1 октября): в 1924 г. – 4145, в 1925 г. – 7093, в 1926 г. – 6753, в 1927 г. – 7445, в 1930 г. – 15834 человека [82, вып. 9, 2010, с. 129–131].

Изощренные издевательства, пытки, физическое уничтожение тысяч людей придали самому слову – Соловки – зловещее звучание. По определению соловецкого узника, генерала Русской армии Ивана Матвеевича Зайцева, СЛОН – это «оргия обезумевших людей для осквернения святого места».

При советской власти сам смысл судопроизводства и наказания был совершенно извращен. Вспомним, как в «Преступлении и наказании» Достоевского следователь добивался раскаяния от Раскольникова, чтобы не каторга его страшила, а вечные муки совести. В монастырь до революции ссылали «на покаяние». В советское же время С. М. Киров так определил задачу своего управления: «Карать по-настоящему, чтобы на том свете был заметен прирост населения, благодаря деятельности нашего ГПУ» (1932 г., приветственная речь на торжественном заседании в день пятнадцатилетнего юбилея ВЧК ОГПУ). И далее он с удовлетворением констатировал: «У многих людей мы прекратили их физическое существование, на многих мы нагнали такой величайший, подобающий революции страх, что они и сейчас ходят с согбенными головами» [80, с.22].

На Соловках с самого начала существования концлагеря совершенно раскрылись принципы отношения советской государственной системы к своим

гражданам: безграничный произвол, абсолютное презрение к человеческой личности, лицемерие и ложь в средствах массовой информации, коррупция и «блат» на всех уровнях власти, хамство, непосильный, принудительный, часто бессмысленный труд. Людям и в лагере, и на воле не давали по-человечески жить, а заставляли по-звериному «выживать».

«И вместе с тем, среди этой наползавшей мути безвременных лет, на Соловках того периода еще вспыхивали зарницы высокого жертвенного подвига, отблеска осознанного до глубин души долга, светочи чистой Христовой любви, каких уже не было позже, – писал Борис Ширяев. – Соловецкие каторжане "первых призывов" были осколками Великого Рухнувшего. Они не прошли еще шлифовки НЭПа, переплавки пятилеток, их сознание не было еще истерто в порошок дробилкой советской пропаганды, жерновами звериного, скотского советского быта – "житухи", они не были еще теми "мизерами", размельченными личностями, в которых неуклонно и неотвратимо превращает русских людей победивший социализм и неразрывная с ним жалкая, мелочная и страшная именно своей мелочностью борьба за "местечко под солнцем", за сто граммов колбасы, за полметра дополнительной жилплощади…» [100, с. 42].

Многие заключенные достойно несли свой крест, а некоторые из духовных лиц репрессии и ссылку на Соловки воспринимали как особую милость Господа. Юрий Чирков вспоминал: «Сквозь дрему я услышал тонкий жалобный плач, отец Василий, священник из Рязани, с зеленоватой от старости бородой, стоял в углу на коленях, молился и плакал. Я не мог вынести и спустился утешить старика. Оказалось, он плакал от радости, что умрет не где-нибудь в тайге, а на земле, Зосимой и Савватием освященной» [98, с.12].

На протяжении почти двух десятилетий, с 1920 по 1939 год, около 83000 заключенных прошли через Соловки, и из них, по подсчетам М. Розанова[1], возможно несколько завышенным, до 40000 человек осталось лежать в Соловецкой земле. По словам архимандрита Иоанна Крестьянкина: «Соловки – это антиминс под открытым небом, здесь вся земля полита кровью мучеников». Их жертва – основание нынешнего возрождения духовной жизни в России. Источником сил для них была любовь к Богу и ближним, и, кажется, к нам обращены слова из письма архиепископа Петра (Зверева): «Сумейте полюбить Христа, сумейте Им единым дышать, жить, о Нем лишь думать, к Нему стремиться, о Нем беседовать, Его слова в Евангелии читать, заучивать и воплощать в жизни. Сумейте полюбить Христа, и всем около вас будет тепло, покойно и не тесно» [15, с. 65].

Полюбить Христа – значит последовать за ним по Крестному пути с верой и надеждой, что за Голгофой последует Воскресение. Если не замечать действия Промысла Божия в жизни каждого человека, эпоха гонений превращается в бессмысленную мясорубку. Понять и принять неизбежность страданий в человеческой жизни можно, только глядя с высоты Небесной. СЛОН был создан на островах, отдаленных от Большой земли и по необходимости обращенных только к Небу. Утешая Бориса Ширяева, получившего приговор на Соловки, художник Михаил Нестеров сказал: «Не бойтесь Соловков, там Христос близко» [100, с. 10].

[1] Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939 гг. 1979. Кн. 1. С. 119.

Борис Ширяев смог за тьмой советской каторги увидеть свет неугасимой лампады, о которой писал: «Последний на Руси схимник умер, склоненный в земном поклоне перед своей лампадой на освященном страданием, подвигом и молитвой острове. Его лампада не угасла. Пламя от пламени, свет от света. Тихими тайными светильниками возгорелись иные лампады. Я их видел и сохранил в своей памяти. Духа не угасить» [100, с. 424].

Борис Ширяев задумал свою повесть, еще будучи в заключении на Соловках. Он начал писать о слезах и крови, страданиях и смерти, но неожиданно для него самого «дивная, несказанная прелесть преображенного Китежа засияла из-за рассеянной пелены кровавого, смрадного тумана. Обновленными золотыми ризами оделись обгорелые купола Соловецкого Преображенского собора, вознеслись в безмерную высь и запели повергнутые на землю колокола. Неземным светом вечного духа засияла поруганная, испепеленная, кровью и слезами омытая обитель веры и любви. Стоны родили звоны. Страдание – подвиг. Временное сменилось вечным» [100, с.422]. Эти строки писались в 1950-х годах, когда о воскресении Соловецкой обители никто не помышлял. Борис Ширяев верил в воскресение, потому что видел Голгофу, на которую восходили те, кто нес в себе искру пламени духа, кто отверг тьму и победил ее в своем сердце. Из них первый «князь церкви» – архиепископ Иларион (Троицкий) [100, с. 329–337], «утешительный поп» – протоиерей Никодим [100, с. 249–274], Василек – святая душа [100, с. 275–287], фрейлина трех императриц баронесса Наталья Модестовна Фредерикс [100, с. 275–298], всех не перечислишь...

Послужив полигоном для отработки принципов гулаговской системы, в конце 1933 года СЛОН был расформирован, а заключенные, аппарат и имущество переданы Беломоро-Балтийскому ИТЛ, однако лагерь на Соловецких островах продолжал существовать до 1937 года как 8-е отделение Беломоро-Балтийского лагеря.

В феврале 1937 года места заключения на Соловках были реорганизованы в Соловецкую тюрьму ГУГБ (Главного управления государственной безопасности) НКВД. Большинство заключенных было переведено на тюремный режим. В дверях камер появились глазки и «кормушки», в окнах – решетки. В центральном дворе монастыря вырубили деревья, уничтожили цветочные клумбы. Возле тюремных корпусов (на первом этаже которых окна были забиты глухими щитами) устроили дворики для прогулок. В тюремных камерах разрешалось только сидеть на кровати, не опираясь на стену, с открытыми глазами, держа руки на коленях. Разрешалась прогулка до 30 минут в день, пользование книгами из тюремной библиотеки и обращение с заявлениями на имя начальника тюрьмы.

За малейшее нарушение следовал карцер до пяти суток или лишение прогулки до 10 дней. Заключенных водили по двору только на допрос под конвоем. Всех одели в одинаковые черные рубашки с темно-коричневыми нашивками на воротниках и рукавах. Ботинки полагалось носить без шнурков. К осени 1939 года было принято решение о ликвидации Соловецкой тюрьмы (во-первых, в связи с военными действиями на финской границе, во-вторых, за нерентабельностью тюрьмы, в которой в 1939 году на 3600 заключенных приходилось 1005 штатных работников тюрьмы). В декабре 1939 года последние заключенные и охрана были вывезены с Соловков.

В 1940 году на Соловецких островах дислоцировался Учебный отряд Северного Флота, выпускники которого принимали участие в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны. В 1942–1945 годах в составе Учебного отряда действовала Школа юнг ВМФ, куда по направлениям военкоматов набирали подростов 15–16 лет для обучения различным флотским специальностям: рулевой-сигнальщик, судовой электрик, судовой механик, боцман, судовой радист и т.д. С 1942 по 1945 год школа юнг подготовила для Военно-морского флота около четырех тысяч первоклассных специалистов, из которых около тысячи погибли во время войны. Многие из них служили на торпедных катерах, сопровождавших английские транспортные суда с союзнической помощью для России. Именами погибших выпускников Учебного отряда Саши Ковалева и Ивана Сивко названы улицы поселка Соловецкий. Учебный отряд действовал на Соловках до 1957 года.

В 1967 году на Соловках был организован филиал Архангельского краеведческого музея, взявший под охрану многочисленные памятники истории и культуры архипелага. Семь лет спустя, в 1974 году, филиал был преобразован в Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. С этого времени начались научные исследования архитектурного комплекса и культурного наследия Соловецкого монастыря, на основании которых проводились и масштабные реставрационные работы. Важной вехой в истории музея стало включение памятников, охраняемых и реставрируемых им, в «Список всемирного наследия» ЮНЕСКО в 1992 году, а год спустя – в государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Переходя к жизнеописаниям подвижников новейшего времени, оговоримся, что история этого периода еще далеко не полностью написана, ибо он еще не завершился и имеет продолжение в нашей сегодняшней жизни. Для многих наших современников новомученики и исповедники Российские – родственники во втором-третьем поколении. Поэтому предлагаемые ниже жизнеописания отличаются от канонических житий святых, в которых акцент делается не на личности, а на типе святости. Классическое житие – словесная икона, изображающая путь святого ко спасению. Жизнеописания новомучеников, не претендуя на полноту, имеют в основе своей документально подтвержденные сведения и являются историческим свидетельством возможности и реальности жизни во Христе в наше время. В жизнеописания, по возможности, включены выдержки из писем, воспоминания, фотографии. По содержанию жития святых XX века отличаются от агиографии древних времен тем, что повествуют более не о чудесах и знамениях, а о смиренном ежедневном крестоношении.

Изучение следственных дел и биографий пострадавших за веру показывает, что в поражающем своими масштабами общецерковном подвиге страдания за веру (епископата, клира, монашествующих, мирян) участвовало не так уж много людей лично святых, то есть тех, чью жизнь Церковь признала образцом для подражания. Личный подвиг часто состоял в смиренном исполнении своего служения на фоне собственного несовершенства. Поэтому в главу включены материалы как о прославленных новомучениках, так и о пострадавших за Христа, но не канонизированных боголюбцах.

5.2. ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКИ АРХИМАНДРИТ ВЕНИАМИН (КОНОНОВ) И ИЕРОМОНАХ НИКИФОР (КУЧИН)

По требованию братии Соловецкого монастыря 1 сентября 1917 года на Соловках состоялись официальные выборы настоятеля в присутствии члена Святейшего Синода Преосвященного Иосифа (Петровых), епископа Угличского (из Ростовской епархии). Преосвященный Иосиф совершил Божественную Литургию, затем молебен Соловецким святым, после чего собор старшей братии большинством голосов (70 голосов из 80) избрал настоятелем архимандрита Вениамина (Кононова), будущего преподобномученика.

Происхождения архимандрит Вениамин был крестьянского – из Шенкурского уезда Архангельской губернии. В 1893 году при архимандрите Варлааме 24-летний Василий Васильевич Кононов поступил в Соловецкий монастырь трудником. Через четыре года он был определен в число послушников и в течение шести лет совмещал труды (руководство хлебопекарней, заведование расходной монастырской лавкой) с учебой в братском училище.

Видя его благонравие и послушание, архимандрит Иоанникий постриг его 12 июня 1903 года в монашество с именем Вениамин (в честь сщмч. Вениамина Синайского). Новоначальный инок отличался склонностью к уединению, любил церковную службу. 28 августа 1905 года он был рукоположен в иеродиакона, а 15 июля 1908 года – в сан иеромонаха. Уважая иеромонаха Вениамина за подвижническую жизнь и духовную мудрость, братия избрали его духовником монастыря, когда в декабре 1909 года отошел ко Господу прежний духовник обители старец иеромонах Дамаскин. На общем собрании старшей братии за сорокалетнего иеромонаха Вениамина было подано 60 голосов из 80, несмотря на то, что он лишь полтора года назад стал священником. На момент избрания отец Вениамин, помимо исполнения череды богослужения, нес послушание приставника при святых мощах преподобных Зосимы и Савватия и состоял законоучителем в III и IV классах братского училища.

В послужном списке за 1909 года настоятель архимандрит Иоанникий дал о нем следующий отзыв: «Кроткий, смиренный и благоговейный инок, весь исполнен страха Божия» [132, №40]. Из характеристики следующего года видно, что новый духовник оправдал доверие братии: «Отличных нравственных качеств и способностей, благоговейный инок, жизни строгой, внимательной, ревностно исполняет свои высокие обязанности» [133, л.7].

Святейший Синод также высоко оценил духовные дарования и организаторские способности иеромонаха Вениамина, назначив его в 1912 году на должность настоятеля Антониево-Сийского монастыря с возведением в сан архимандрита, что и было исполнено преосвященным Нафанаилом, епископом Архангельским. За время пятилетнего управления Антониево-Сийским монастырем о. Вениамин был награжден наперсным крестом от Святейшего Синода (1913 г.) и орденом Святой Анны (1916 г.).

После избрания настоятелем в августе 1917 года архимандрит Вениамин должен был по должности участвовать во Всероссийском Поместном Соборе, от-

крывшемся 15 августа, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, в Успенском соборе Кремля[2]. Однако он, по-видимому, не решился оставить обитель, так как в России уже шла гражданская война, и в монастыре братия так и не склонилась к единству. Архимандрит Вениамин с горечью писал: «Тяжело жилось монахам в эти смутные годы. Братия разделились на два лагеря и враждовали между собою, не было покоя в их душах и менее всего были заняты они думами о своем душевном спасении» [46, №2, с. 72]. В таких условиях настоятельство означало не только тяжкое бремя, но и мученический крест.

В ночь на 7 декабря 1917 года над монастырем прошла первая гроза – по неизвестной причине сгорел бучильный (прачечный) корпус. Огонь угрожал мельнице и всему южному двору с Головленковой башней. Несмотря на свирепствовавший ветер, после совершения молебна и обнесения местных святынь вокруг пламени огонь, грозивший уничтожить весь монастырь, затих и ветер переменился.

«Отец Вениамин после постигшего обитель пожара неоднократно высказывал братии, что сие несчастие Бог попустил на обитель за тяжкие братские грехи и смуту против прежнего настоятеля, причем как бы пророчески предрекая и о себе: "Все ли мы хороши сами? Отца Иоанникия не считали ли первым человеком, и его же загрязнили и заплевали, и заушали. Ныне я кажусь многим из братии хорошим, но боюсь, что придет, и скоро время, когда и я буду казаться тоже худым и ненужным, и против меня также начнут вести козни и смуты". Говоря сие, отец Вениамин призывал всех усердно к миру, любви, примирению и забвению всего прошлого и скорбного. "Отныне никаких обвинений против о. Иоанникия я принимать не буду", – твердо сказал отец Вениамин» [46, №1, с. 89].

Многие покаялись в несправедливом гонении на прежнего настоятеля. По его ходатайству они поступали в обитель, почти всех их он постриг в монахи, а затем представил к священным степеням. И они, дети, подобно Хаму, восстали на своего родителя… Однако нашлись непримиримые бунтовщики, которые требовали замены всех монастырских должностных лиц своими сторонниками. Архимандрит Вениамин твердо отказался исполнять их незаконные требования и по возможности продолжал хозяйственные дела, начатые при архимандрите Иоанникии.

Видимая сторона монастырской жизни на Соловках почти не изменилась. Продолжались работы по строительству каналов под руководством монахов Иринарха и Авенира. В монастырь даже добирались паломники, один из них в 1918 году писал: «Приветливы лица монашествующих, радушие и гостеприимство их говорят о мирной тихой работе во имя Творца и любви к ближнему и заставляют хоть на время забыть весь гнетущий ужас классовой борьбы, где люди, забыв совесть и правду, готовы перегрызть друг другу глотки. Ведь перед нами многовековая коммуна, но какая колоссальная разница между ее работой и работой коммуны той, зафронтовой. Здесь терпеливая созидательная, культурная работа на голом камне, там – полное разрушение всего прежде созданного в кратчайший срок…» [84, 2003, с. 178].

Уже весной 1918 года по распоряжению Архангельского Губисполкома в Соловецкий монастырь был отправлен из Кеми ледокол «Микула Селянинович» с

[2] Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. М.:1918. I.1. С. 65.

Преподобномученик архимандрит Вениамин. Фото из архива М. И. Стрелкова

комиссией, которая должна была реквизировать «в пользу голодающих» продовольственные запасы.

«О приезде комиссии монахи были предупреждены и отнеслись к ней враждебно, но сдержанно… Явившись в покои настоятеля, комиссия была встречена двумя архимандритами, Вениамином и Иоанникием, с секретарем иеромонахом Досифеем, которым она предъявила требование на осмотр всех запасов продовольствия, всех кладовых и амбаров. Архимандрит Иоанникий потребовал от комиссии предъявить мандаты. Члены комиссии от удивления рассмеялись, когда из уст архимандрита услышали слово мандат, но удовлетворили любопытство монахов. Посмотрев мандаты, архимандрит Иоанникий заявил, что книги записей продовольствия отосланы в Синод, а допустить осматривать склады без духовного собора он не может. Комиссии стало ясно, что монахи хитрят, не желая показать приходно-расходные книги, и поэтому она категорически приказала к утру следующего дня сдать книги и приготовиться к сдаче. Монахи согласились. Всю ночь отцы переписывали книги, чтобы показать только минимальное количество, а остальное скрыть. Однако укрывательство не удалось. Комиссия уличила в тайной работе монастырского секретаря иеромонаха Досифея и прекратила ее, забрав настоящие книги, по которым и проверила записи продовольствия. Запасы оказались громадные. Капитал монастыря приносил 25 000 рублей одних лишь процентов, а прочие доходы были свыше 200 000 руб. В потаенных комнатах Преображенского Собора было найдено большое количество оружия и снаряжения. В “доме молитвы” за иконостасом укрывались обнаруженные комиссией 8 трехдюймовых орудий, 6 пулеметов, 600 винтовок, берданок, большое количество пороха и снарядов. Все это было припасено для борьбы с большевиками. Всего было обнаружено так много, что пришлось опасаться отправлять отобранное на плохом пароходе, каким являлся “Микула Селянинович”, старый и дырявый пароход. Снеслись с Архангельском, и решено было ждать нового парохода. В этот промежуток времени началась английская интервенция, и Кемь… пала. По распоряжению Соловецкого монаха Досифея был арестован т. Степанов с комиссией и выдан английскому командованию»[3].

[3] Новые Соловки. № 40, 3 октября 1926.

Во время этих событий 28 апреля 1918 года в архангельской газете была опубликована заметка следующего содержания: «Делегация духовных лиц и мирян под руководством смотрителя Соловецкого подворья иеромонаха Серафима обратилась к председателю губисполкома, обеспокоенная высадкой отряда красногвардейцев в Соловецком монастыре. Делегации объяснили, что… исполком считает своим делом охранять, а если потребуется, обезопасить все ценности, имеющиеся на Соловках»[4].

Поживиться монастырским имуществом исполкому в тот год не удалось, так как в начале июня Соловецкий архипелаг был занят английскими войсками. Член очередной комиссии, посланной на Соловки, писал: «Пароход "Север" из Архангельска вышел 6 июня и 7-го прибыл в Соловки.… Проснувшись, вижу: английская канонерка и одна подводная лодка ведут нас в Соловки.… Схватив все свои служебные документы вплоть до партийного билета, забежал в кочегарку и бросил в топку парохода. Минут через 10 мы остановились в Соловках. К нам выехала еще моторная лодка; в ней сидело несколько английских моряков, английский офицер и много переводчиков. Стали обыскивать пароход и, отобрав у всех нас оружие, под арестом повезли в Кемь»[5].

После первой же встречи лицом к лицу с представителями советской власти стало очевидно, что в случае победы большевиков Соловецкий монастырь будет закрыт, а насельники изгнаны. Поэтому ввиду неустойчивости военно-политической обстановки было принято решение постричь в монашество тех послушников, которые желали встретить последние времена, будучи воинами Христовыми, и были к этому готовы. С 21 по 26 июня 1918 года было совершено более 60 монашеских постригов.

Английские войска дислоцировались на Соловецких островах до осени 1919 г., они проводили военные маневры, использовали монастырский флот для нападения на г. Онегу. Когда стало известно о предполагаемом выводе английских войск, 11 августа 1919 года учрежденный собор Соловецкой обители в лице настоятеля архимандрита Вениамина, наместника иеромонаха Зосимы, благочинного иеромонаха Геронтия, казначея иеромонаха Арсения и ризничего иеромонаха Климента обратился к митрополиту Англии, архиепископу Кентерберийскому с телеграммой, в которой просил его «ходатайствовать перед своим правительством и обществом о том, чтобы военные силы Англии оставались еще в Архангельске и в иных местах Северной Области».

Основанием для такого обращения собора было предчувствие, «что с уходом английских войск большевики сожгут наши жилища, прольют целые реки человеческой крови, истребят не только интеллигенцию и буржуазию, не только священников и монахов, но крестьян с рабочими, массы которых относятся к ним отрицательно и смотрят с негодованием на их преступления. Мы уверены, что храмы наши и святыни подвергнутся кощунственному надругательству и разорению и к боли физической присоединяется при этом боль страдающего бессилием воспрепятствовать такому святотатству сердца».

---

[4] Известия Архангельского губернского исполкома СОЛОВЕЦК и Губкома РСДРП. 28 апреля 1918.

[5] Новые Соловки. № 45, 3 ноября 1925.

В дополнение к телеграмме учрежденный собор передал архиепископу Кентерберийскому икону Соловецких Чудотворцев. Однако осенью 1919 года английские войска вынуждены были покинуть Соловецкие острова. 21 февраля 1920 года Красная армия взяла Архангельск, и на Севере установилась советская власть.

29 апреля 1920 года на Соловки прибыла комиссия Кедрова, по результатам работы которой монастырское имущество уже в мае было поделено между тремя организациями: совхозом «Соловки», лагерем принудительных работ Архангельского губчека и затоном для ремонта судов Белмортрана. Поскольку большая часть монашествующих пожелала оставаться на Соловках в качестве работников совхоза, им была оставлена для богослужений кладбищенская церковь во имя преподобного Онуфрия Великого. В остальных храмах и часовнях совершать богослужения не разрешалось. Во главе монашеской общины оставался настоятель архимандрит Вениамин. Им, а также иеромонахом Досифеем и монахами Иерофеем и Пафнутием подписаны все акты, касающиеся передачи монастырского имущества в мае–июле 1920 года.

Поскольку началось бесконтрольное расхищение монастырских запасов продовольствия различными советскими организациями, 20 июля 1920 года архимандрит Вениамин обратился в Кемский продовольственный комитет со следующим письмом: «Все хлебные продукты и запасы мною были открыты в надежде, что Советское правительство не оставит монастырь без внимания и попечется о нем… потому что, если не достанет хлеба хотя бы на пятнадцать дней, – все мы должны будем помереть с голоду на диком суровом морском острове… А потому, чтобы не остаться на зиму совершенно без хлеба, вследствие могущих последовать новых распоряжений о вывозе хлебных продуктов с Соловецких островов, еще раз всепокорнейше прошу Кемский уездный продовольственный комитет оставить годовую норму продуктов на братию монастыря и разрешить для большей сохранности и безопасности перевезти их внутрь монастыря в каменную кладовую» [141]. Ходатайство не было принято во внимание. Некоторые монашествующие, настроенные враждебно к настоятелю, стали пособниками новой власти, указывая скрытые запасы.

Поскольку архимандрит Вениамин был истинным пастырем, вокруг которого сплачивались монашествующие, и, вдобавок, свидетелем расхищения монастырского имущества летом 1920 года, от него решили избавиться. 14 сентября 1920 года по постановлению Архангельской губернской ЧК архимандрит Вениамин был лишен свободы на 5 лет «за способствование побегу заключенных Онегина и Гандлера с Соловков» [20, с. 87]. По этому же делу вместе с ним осужден на три года послушник Сергей Воробьёв. Истинной причиной ареста было их участие в «сокрытии монастырских ценностей и хранении оружия»[6].

Через несколько дней – 20 и 21 сентября 1920 года – за «антисоветскую агитацию» и сокрытие монастырского имущества были арестованы монах Никифор Кучин (будущий преподобномученик иеромонах Никифор) и послушник Александр Коробицин (будущий иеромонах Александр). Их приговорили к заключению в концлагерь принудительных работ «до конца гражданской войны».

[6] Так указано в базе данных ПСТГУ.

Все они отбывали наказание в Холмогорском лагере принудительных работ и были освобождены досрочно в связи с амнистией, посвященной 4-й годовщине Октябрьской революции.

Некоторое время архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор жили в Архангельске на Соловецком подворье. Несмотря на то, что здания подворья были «муниципализированы», а склады разграблены, около 20 человек братии занимали часть здания в качестве жильцов. В январе 1922 года они от имени объединенного коллектива верующих Зосимо-Савватиевского храма ходатайствовали о передаче им дома в аренду на приемлемых условиях. Это ходатайство было подписано фамилией Кононов, то есть, по-видимому, архимандритом Вениамином[7]. Тем не менее, храм был закрыт, дом отобран, и верующим предложено было освободить его до 26 октября 1922 года.

После закрытия подворья архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора приютил Александр Алексеевич Левичев, архангелогородский фармацевт. В его квартире на Обводном канале (д.7, кв. 8) они проживали с 28 ноября 1922 года до 17 июня 1926 года. Где они служили, когда и кем был рукоположен монах Никифор, неизвестно.

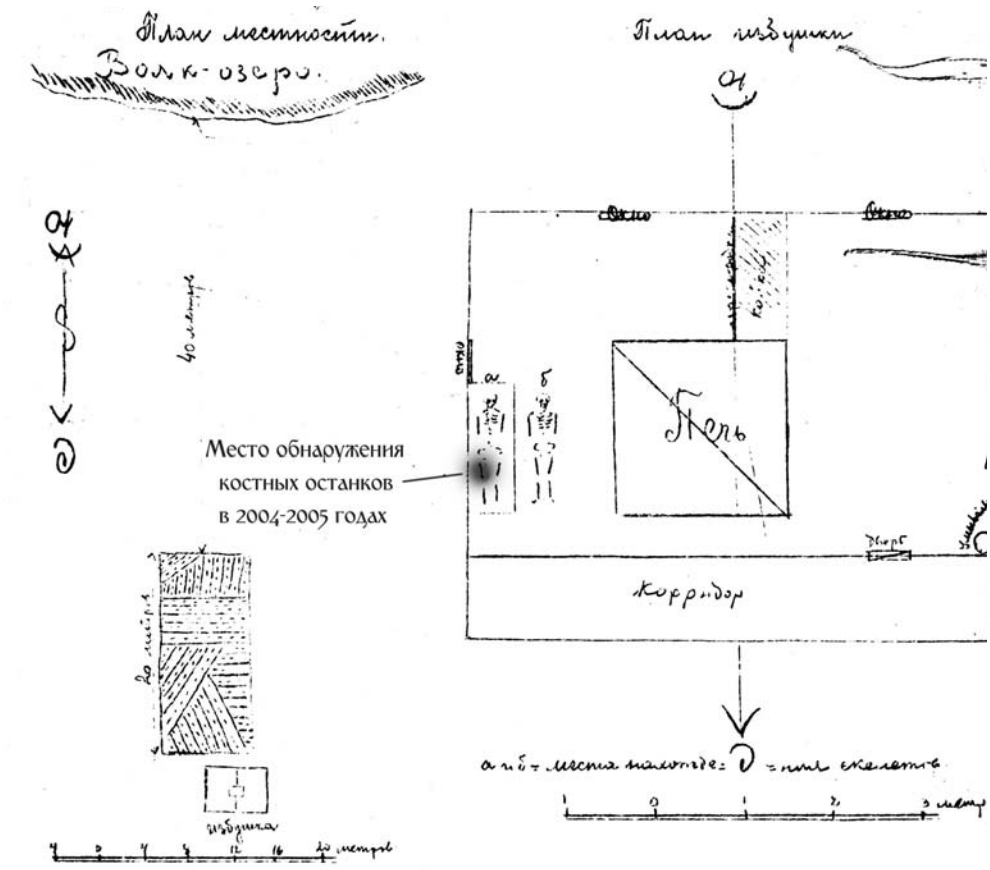
Летом 1926 года о. Вениамин и о. Никифор по совету бывшего послушника Соловецкого монастыря Степана Антонова переехали в село Часовенское, где жила Анна, сестра Степана. Они нашли подходящее для пустынножительства труднодоступное место на высоком берегу Волкозера, в 32-м квартале Беломорского лесничества, в 40 верстах от ближайшего населенного пункта – деревни Коровкинской Часовенского сельсовета.

Там с помощью Степана они поставили себе келию, а рядом разбили небольшой огород. В трудах и молитвах прожили два года. Недостающие продукты Степан привозил по зимнику из Архангельска. Изредка их навещали бывшие насельники Соловецкого монастыря, жившие неподалеку в лесных избушках-келиях, да местные православные крестьяне-охотники, которые относились к монахам с большим почтением.

4/17 апреля 1928 года во вторник Светлой седмицы архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор были зверски убиты жителями села Часовенского, 19-летним комсомольцем Владимиром Ивановым и дважды судимым бандитом 23-летним Степаном Ярыгиным с целью ограбления. Бандиты предполагали, что у отшельников хранятся сокровища Соловецкого монастыря. Грабители сначала стреляли в окна – туда, где располагалась кровать архимандрита Вениамина. Услышав стоны, бандиты не посмели переступить порог кельи. Они залезли на чердак и взяли две пары сапог, два дождевика, фуфайку, нижнее белье, носки, брюки, кусок черного брезента, голубой эмалированный чайничек, набор рыболовных крючков и плотницкий инструмент. Чтобы замести следы, сообщники облили избушку керосином, найденным на чердаке, и подожгли.

9 июня 1928 года Степан Антонов, приехавший навестить архимандрита Вениамина, обнаружил только остатки избы и два обгоревших скелета в ней. Совершал отпевание преподобномучеников соловецкий иеромонах Елисей. Где были погребены их останки, до сих пор неизвестно.

[7] ГААО Ф. 286. Оп. 1. Д. 882. Л.8.



План пустыни архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора, составленный следственной комиссией в 1928 году, с указанием места обнаружения костных останков в 2004 и 2005 годах. Материалы Соловецкого отряда МАКЭ

Кадило, принадлежавшее преподобномученикам, обнаруженное во время экспедиции 2005 г.

Соловецкие преподобномученики архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор были канонизированы в 2000 году, их память совершается в день их мученической кончины 4/17 апреля и в день празднования Собора новомучеников и исповедников Соловецких 10/23 августа.

В 2004 и 2005 годах на месте мученической кончины архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора проведены обследование и раскопки участниками совместной экспедиции Соловецкого монастыря

и Соловецкого отряда Морской Арктической комплексной экспедиции (МАКЭ). На месте сожженной избушки был установлен поклонный крест. На месте кончины преподобных у восточной стены избы обнаружены несколько кальцинированных фрагментов человеческих костей. Найдено более ста предметов, принадлежавших преподобным, в числе которых кадило, чашка и т. д. Эти реликвии хранят на себе следы пламени, в котором приняли смерть за Христа преподобномученики Соловецкие. Все находки в 2006 году переданы на хранение в Церковно-археологический кабинет (ЦАК) Соловецкой обители.

О преподобномученике иеромонахе Никифоре (Кучин Николай Иванович, р. 1880 – † 17 апреля 1928) известно, что он родился в крестьянской семье Ильинско-Подамской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. В армии дослужился до чина старшего унтер-офицера 103-го пехотного Петрозаводского полка. Был уволен в запас в 1905 г. и через четыре года поступил в Соловецкий монастырь. В 1912 г. он вместе с другими отставными военными подал прошение о постриге:

«ЕГО ВЫСОКОПРЕПОДОБИЮ

Отцу Настоятелю Соловецкого ставропигиального первоклассного монастыря Священно-Архимандриту Иоанникию с Учрежденным собором состоящих в запасе армии нижних чинов разных сроков службы в числе 22 человек

ПРОШЕНИЕ.

Мы нижеподписавшиеся запасные нижние чины, движимые желанием посвятить себя навсегда на служение Господу Богу в иноческой жизни, для подготовления к которой избрали обитель Соловецкую, находимся в оной уже по нескольку лет (от 3 до 12) и постепенно проходя различныя монастырския послушания, мы, насколько возможно, испытали себя и окончательно утвердились в своем намерении; но в силу циркулярных указов Святейшаго Синода от 11 июля 1886 года и 31 декабря 1891 года за №№ 16 и 17 пострижение запасных чинов в монашество разрешается не иначе как по исключении их из запаса после подлежащего сношения с Военным Министерством.

При сем, представляя свои увольнительные из войск билеты, имеем честь смиреннейше просить ВАШЕ ВЫСОКОПРЕПОДОБИЕ с Учрежденным собором принять нас в монашествующее братство вверенной Вам обители и войти с ходатайством чрез Московскую Святейшего Правительствующего Синода Контору об исключении нас из запаса нижних чинов, согласно вышеозначенных циркулярных указов Святейшаго Синода.

В чем и подписуемся:

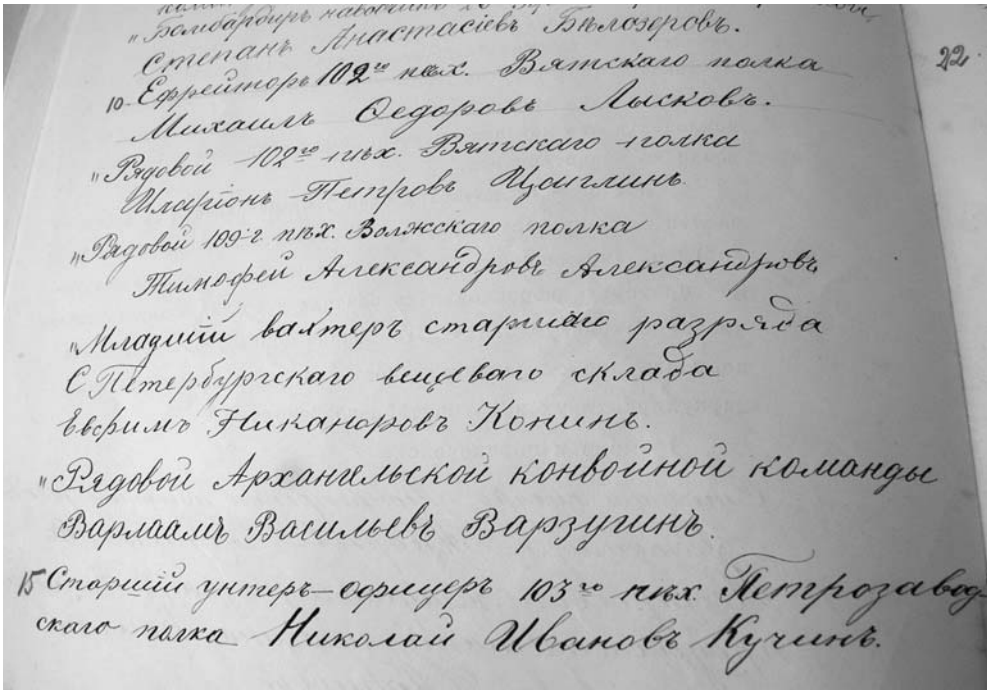
<...>

15. Старший унтер-офицер 103-го пех. Петрозаводского полка Николай Иванов Кучин»[8].

По указу Московской Святейшего Правительствующего Синода Конторы за № 3534 от 22 ноября 1912 г. Николай Кучин был определен в число монашествующих Соловецкого монастыря. В послужном списке указано: «Послушание проходит писарское при рухлядной палате»[9]. В этом же деле (Л. 24, 25) Военный билет

[8] РГАДА. Ф 1183. Оп. 1. Ч 49. Д. 199. 18 октября 1912 г. Л.2.

[9] Там же. Л. 7 об.



Автограф прпмч. иеромонаха Никифора

№ 8178 – 1905 г. «Командир 103-го пех. Петрозаводского полка уволен в запас 20 декабря 1905 г. сроком по 31 декабря 1919 г.» и справка: «От Сольвычегодского уездного Воинского Начальника: на пострижение в монашество Н. Кучина с моей стороны препятствий не встречается».

24 февраля 1913 года Николай Кучин был пострижен в монашество в Соловецком монастыре с именем Никифор. В братском училище окончил 5 классов. В 1913 году проходил послушание заведующего почтовой частью в монастырской канцелярии [136]. В 1915 году монах Никифор заведовал рухлядной палатой. Согласно характеристике настоятеля: «Очень хороших качеств и способностей» [138, №97]. В списке 1920 года упоминается как монах. По-видимому, был рукоположен на Соловецком подворье в Архангельске. В синодике 1929 года упоминался как убиенный иеромонах.

5.3. МОНАШЕСКАЯ ОБЩИНА – РАБОТНИКИ СОВХОЗА «СОЛОВКИ» 1920–1923 гг.

1 мая 1920 года на Соловках впервые состоялся митинг, посвященный дню международной солидарности трудящихся, на котором члены комиссии М.С. Кедрова разъясняли монахам, послушникам и трудникам монастыря политику советской власти по отношению к церкви и монастырям и декрет об отделении Церкви от государства.

«Советская власть не будет разрушать хозяйство монастыря, она его будет всеми силами поддерживать, расширять»[10], – заявил представитель хозяйственного сектора комиссии. 18 мая 1920 года Соловецкий монастырь был упразднен[11]. Монастырская собственность перешла в руки государства, а монахам как умелым и добросовестным работникам было предложено трудиться в совхозе.

Заведующим хозяйственной частью на Соловецких островах был назначен Г. А. Алексеев. 10 июня 1920 года он докладывал: «Жителей в монастыре 566 человек. Все они заняты полевыми и домашними работами. Тунеядства нет. Работают все с большой охотой, без всяких толчков и побуждений. Это люди, которые уже закалили себя в непрестанной борьбе с природой за существование, и работа их не пугает» [6, с. 39].

Все монастырские храмы, кроме кладбищенского, были закрыты. Имущество и продовольственные запасы монастыря изымались представителями многочисленных советских организаций настолько бесконтрольно, что заведующий хозяйством Г. А. Алексеев подал в отставку.

Новый уполномоченный Губисполкома на Соловках А. В. Варганов прибыл на острова 30 июля. Чтобы иметь возможность без ограничений привлекать монашествующих к сенокосным работам и к труду на рыболовных и звериных промыслах, на Соловецких островах было объявлено военно-трудовое положение. Даже престарелые монахи не освобождались от трудовой повинности: «Есть монахи 65 или 75 лет. Они по своему телосложению и здоровью каждого из нас за пояс заткнут», – писал в докладе Архангельскому губисполкому председатель Управления Соловецкими островами А. В. Варганов.

В этом же докладе он описал свои взаимоотношения с монашеской общиной: «Жители монастыря относились к нашим распоряжениям сначала презрительно-недоумевающе, но сейчас, можно сказать, как к действительной власти, особенно после того, как мной было отдано распоряжение, чтобы все Управление расположилось в крепости монастыря. Этим я имел в виду ближе соприкасаться с ними в обыденной, а может быть даже и в духовной жизни, что отчасти почти удалось. Скажу пример: нужно нам было изменить дневное их моление на ночное, т. к. днем работать нужно, а молиться они могут ночью. Позвали заседание Собора, долго обсуждался вопрос, и постановили отвергнуть наше предложение. Тогда предложили им собрать общее собрание монахов, зная, что это постановление было сделано начальством – буржуями монастыря. На общем собрании будет большинство трудящихся. Наше предположение оправдалось – труженики-монахи высказывались за наше предложение, но собор все-таки не согласился. Тогда я отдал приказ об изменении часов моления в категорической форме, Собор, видя, очевидно, настроения монахов-тружеников, на другой же день пересмотрел свое постановление и вынес новое в духе нашего предложения»[12].

Представители советской власти пытались заниматься «агитацией» монахов. Так, 19 января 1921 года был проведен митинг на тему «Что такое советская

[10] Боговой И. В. В Соловецком монастыре.// Известия Архгубревкома и Губкома РКП(б)». 4 мая 1920. С. 2.

[11] Обзор архивных материалов, относящихся ко времени закрытия монастыря, приведен в работе А. Я. Шубина [85, вып. 3, сс. 187–201].

[12] ГААО Ф. 352, оп.1, ед. хр. 168, л. 35.

власть?», на котором присутствовало около ста человек. «Настроение монахов не весьма важное», – отмечено в протоколе собрания членов коммунистической ячейки [85, вып.3, с. 189]. В марте 1921 года Управлением Соловецкими островами был издан приказ о снятии икон со всех общественных зданий [85, вып.3, с. 191]. Казалось бы, позиция власти в отношении монашествующих ужесточилась. Однако в реальности дело обстояло не так просто.

Сохранился очень любопытный документ, свидетельствующий о том, что в январе-марте 1921 года монашеской общине были переданы «в бессрочное бесплатное пользование находящиеся на Соловецком, Муксаломском Большом и Малом и Заяцком островах богослужебные здания» [142, л. 115], а именно, – все церкви и часовни. Договор начинался словами: «Мы, нижеподписавшиеся граждане монашествующие Соловецкого Ставропигиального первоклассного монастыря, имеющие в нем свое местожительство, заключили настоящий договор с Управлением Соловецкими островами…» То есть, договор был составлен от лица действующего (не упраздненного!) монастыря и подписан он был 282 насельниками. Согласно п. 2 договора, в храмах предполагалось совершать богослужения: «Храмами и находящимися в них богослужебными предметами мы обязуемся пользоваться и предоставлять их в пользование всем нашим единоверцам исключительно для удовлетворения религиозных потребностей». Более того, представители Управления предусмотрели не только право доступа в храмы «во вне богослужебное время уполномоченных Управления Соловецкими островами лиц к периодической поверке и осмотру имущества» (п. 6), но и предусмотрели для себя возможность совершения треб. Например, в отношении отпевания и погребения было сказано: «в кладбищенском храме и на кладбище мы <монашествующие> обязуемся сопровождать своих единоверных, в случае желания заинтересованных лиц, религиозными обрядами в смысле торжественности одинаковыми для всех граждан» (п. 9).

Естественно, монашествующие взяли на себя «ответственность за целость и сохранность врученного им имущества», а также приняли обязательства не допускать в богослужебных помещениях «политических собраний, враждебного Советской власти направления, раздачи или продажи книг, брошюр, листков и посланий, направленных против Советской власти, произношение проповедей или речей, враждебных Советской власти» (п. 3). Монашествующие обязались также «из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храмов, часовен и прочих помещений, упомянутых в сем договоре, и находящихся в них предметах, как то: по ремонту, отоплению, страхованию, охранению, по оплате долгов, налогов, местных обложений и т. п.» (п. 4).

Таким образом, монашествующие пытались последовательно провести в жизнь декрет об отделении церкви от государства. Они готовы были добросовестно трудиться, если этот труд не был связан с чуждыми им идеями. Иногда это идейное противостояние проявлялось в открытых конфликтах. Так, 9 апреля 1921 года «присланный живописец Иларий монах (иеромонах) отказался работать по своей специальности» [85, вып.3, с. 190]. Ему было предложено раскрасить декорации для очередной театральной постановки, а за отказ секретарь ячейки РКП(б) требовал от Коллегии Управления Соловецкими островами привлечь монаха-живописца к ответственности «согласно законов о труде».

Секретарь ячейки негодовал также на то, что «монахи занимают отдельные комнаты, причем тратятся непроизводительно дрова», и предлагал уплотнить их «согласно лишенческих условий жильцов». Однако в 1921 году Управление было настроено доброжелательно по отношению к монашествующим, и санкций не последовало. Братия монастыря даже вступили в Объединенный союз служащих и рабочих на Соловецких островах и, составив в нем большинство, воспользовались возможностью под эгидой профсоюза[13] организовать дом инвалидов в Савватиеве, где проживало около 60 престарелых монахов. Акт, регламентирующий порядок работы дома инвалидов, и приложенные к нему списки относятся к 15–21 августа 1921 года. В это время еще мог обсуждаться вопрос о возможности оставить иконы в здании, занимаемом государственным учреждением. «В виду того, что в доме, ныне занимаемом под дом инвалидов, ранее находились кельи монахов, и в них до сих пор сохранились иконы, вопрос о том, могут ли таковые оставаться и в дальнейшем, надлежит выяснить Губсобезу, имея в виду, что призреваемые состоят исключительно из монахов и в большинстве схимонахов, что изъятие икон из келий для них явится как нарушением культа верующих» [144, л.52].

Весной 1922 года все жители дома инвалидов были перевезены в богадельню в Архангельск. В их числе был иеросхимонах Иоанн, о котором иеромонах Мартин вспоминал: «Перед смертью предстала ему в видении Царица Небесная, приглашая его в горние обители, и велела сказать остальным монастырским братиям, находящимся с ним в богадельне, чтобы они не скорбели и не выезжали с Соловков, а терпели бы скорби мужественно: "Я Сама им воздам награду за терпение". После чего старец вскоре с миром скончался» [46, №2, с.57].

Иеросхимонах Иоанн (в монашестве Иов, в миру Редников Иван Евстратьевич, р. 1837 – †7 августа 1922) прибыл в Соловецкий монастырь в 1852 году из г. Елабуги Вятской губернии. С 15 лет пребывая в обители, он прожил в ней 69 лет. 11 января 1864 года он был определен в число послушников Соловецкого монастыря, а 15 августа 1864 года посвящен в стихарь.

В 1870–1873 годах он проходил малярное послушание с одобрительным отзывом: «качеств хороших, к послушаниям способен» [105, л.17]. 25 июня 1872 года был пострижен в монашество в Соловецком монастыре с именем Иов, а 2 июня 1875 года рукоположен в иеродиакона. В 1878 году заслужил порицание от настоятеля: «ленивой жизни» [108, л.48]. При архимандрите Мелетии был отправлен в 1880 году в Голгофо-Распятский скит для исполнения череды богослужений, старался «вести себя хорошо» [109, л.57].

По возвращении в монастырь опять получил неодобрительный отзыв: «ленивый человек» [110, л.48] и был переведен в Спасо-Вознесенский скит, где совершенно исправился. В отзывах 1885–1889 годов значится: «ведет себя хорошо» [116, л.168]. 27 сентября 1892 года был рукоположен в иеромонаха, исполнял череду богослужений и в 1892–1893 годах заслужил похвалу архимандрита Варлаама: «очень хороших качеств, к послушаниям способен» [118, л.202]. В 1894–1900 годах был направлен для священнослужения в Трифоно-Печенгский

[13] В 1923 году монашеский профсоюз был признан «организованным черным вороньем – оплотом контрреволюции на Севере» и монахов из него исключили [85, вып. 3, с.191].

монастырь. Там проявились его монашеские добродетели: «весьма хороших качеств, жизни скромной, уединенной, к послушаниям очень способен» [120, л.45]. 7 октября 1896 года награжден набедренником. В 1900 году вернулся на Соловки и служил череду до 1907 года с похвальной аттестацией: «очень хороших качеств, к послушаниям способен» [129, л.14].

С 1907 года состоял на покое. Архимандрит Иоанникий писал о нем: «очень кроткий и смиренный старец, усердно ходит в церковь, когда бывает в силах [131, л.54, 1908 г.]; кроток, смирен, послушлив и молчалив [133, л.39, 1910 г.]; тихо и мирно доживает свой век, занимается келейною молитвою и выслушивает все церковные богослужения [138, л.36, 1915 г.]. В списке 1920 года он упоминался уже как иеросхимонах. В списке дома инвалидов 1921 года ему установлена I группа нетрудоспособности – полная слепота по старости, ему было тогда 84 года [144, л.53].

В 1922 году оставшаяся монашеская община продолжала трудиться в совхозе. В списке рабочих совхоза «Соловки», состоявших на приварочном и денежном довольствии, на 1 января 1922 года значилось 174 бывших насельника монастыря [144]. Администрация совхоза активно привлекала грамотных монахов к работе, доверяя им делопроизводство и организацию работ: Коптелов Владимир – иеродиакон, заведовал кассой[14], Гулин Прокопий[15] и Истомин Михаил[16] – иеродиаконы, работали конторщиками. Однако, обратив внимание на то, что сохраняется монастырский обычай испрашивать благословение у священников перед началом работ, уполномоченный губисполкома издал 24 ноября 1922 г. следующий приказ: «Мною

[14] Иеромонах Всеволод (Коптелов Владимир Андреевич, р. 1874). Отставной писарь из крестьян Костромской губернии, закончил портовую школу г. Кронштадта. Проживал в монастыре с 1901 г. Окончил 8 классов Соловецкого братского училища. Имеет свидетельство на право регента частного хора, выданное ему Наблюдательным советом при Синодальном училище церковного пения в Москве. 24 февраля 1913 г. пострижен в монашество. 8 августа 1913 г. рукоположен в сан иеродиакона. В 1915 г. исполнял чреду богослужения и клиросное послушание в качестве регента и преподавал священное писание Ветхого Завета и пение в братском училище. Отличных качеств и способностей, всей душой предан своему делу и по церкви и по училищу. В 1929 г. в Синодике Никифора Стрелкова упоминается как иеромонах среди рукоположенных до 1924 г.

[15] Иеродиакон Потапий (Гулин Прокопий Ульянович, р. 1874-†8 мая 1942). Из крестьян дер. Анисимовская Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Проживал в монастыре с 1905 г. Окончил 5 классов Соловецкого братского училища. 19 февраля 1911 г. пострижен в монашество. 26 августа 1912 г. рукоположен в сан иеродиакона. В 1915 г. исполнял чреду богослужения и клиросное послушание. Очень хороших качеств и способностей. «В 1923–1928 гг. – трудился при церкви Лявлинского прихода псаломщиком. 1929 г. – осужден за невыполнение твердого задания по лесозаготовкам на полтора года лишения свободы. После освобождения возвратился в г. Архангельск. Трудился в первой горбольнице (пилил и колол дрова). 8 января 1942 г. арестован по обвинению в контрреволюционной агитации как участник контрреволюционной группировки церковников. Оказывал помощь бывшим монахиням Сурского Иоанно-Богословского монастыря в организации тайных богослужений. 8 мая 1942 г. – умер в тюрьме. 10 апреля 1958 г. реабилитирован посмертно» [20, с. 128].

[16] Иеродиакон Маркеллин (Истомин Михаил Петрович, р. 1880). Из крестьян Архангельской губернии. Проживал в монастыре с 1903 г. Окончил 8 классов Соловецкого братского училища. 19 февраля 1911 г. пострижен в монашество. 21 июля 1911 г. рукоположен в сан иеродиакона. В 1913-1915 гг. исполнял чреду богослужения и преподавал русский язык в 1 классе братского училища, а также закон Божий, чтение и письмо в 1 классе училища для богомольцев-трудников. Очень хороших качеств и способностей, всегда исправен по церкви и по училищу.

Иеродиакон Потапий,
фото из следственного дела

замечено, что во время работ в совхозе "Соловки" при встрече рабочих с табельщиком Калининым последний использует религиозный обряд – благословлял зацеловать руку. Такой унизительный обряд как пережиток средневековья и крепостного права в Советской Республике не допустим, тем более в часы служебных занятий. А потому приказываю на будущее время таких унизительных обрядов в часы служебных занятий не производить, а все религиозные обряды отправлять в церкви или у себя на квартирах в не служебное время. За неисполнение сего виновные будут привлечены к ответственности. Настоящий приказ опубликовать среди жителей Соловецких островов. Уполномоченный Архгубисполкома на Соловках: Александровский»[17].

Табельщиком был иеромонах Игнатий (Каликин Ириней Феодорович, р. 1883). Бывший военный, стрелок. Проживал в монастыре с 1909 г. В Соловецком братском училище окончил 8 классов. 24 февраля 1913 г. пострижен в монашество в Соловецком монастыре. В списке 1915 г. значился монахом. Проходил послушание учителя при братском училище и канцелярское. Отличных нравственных качеств и способностей, к церкви весьма привержен. 15 августа 1917 г. рукоположен в сан иеромонаха. Упоминается в списках 1920–1922 и 1929 гг. Имел особое усердие к поминовению усопших подвижников, для чего составил синодик, из которого заимствовал материалы для «Соловецкого цветника» митрополит Мануил.

Несмотря на враждебную позицию советской власти по отношению к служителям Церкви, в монашеской общине продолжали совершаться постриги. 3 декабря 1922 г. был пострижен монах Никон, а 31 декабря – монахи Даниил, Панкратий, Феофан, Пантелеймон, Аристарх и Ионафан. «Да не оскудеют истинные ревнители ангельского жития…» Возможно, постриженников было больше, но пока известны имена только тех, кто впоследствии оставался в монастыре до 1929 года [85, вып.2, с.182].

5.4. ПОЖАР

В жизнеописании Соловецкого монаха Гурия говорится, что смуты в умах и сердцах монашествующих не утихли с приходом советской власти.

Еще в 1920 году Матерь Божия являлась монаху Гурию в видении с грозным предупреждением: «Грехи монастыря Соловецкого тяжки. Грешны и старшие, и младшие. Старшие виноваты тем, что обижают и притесняют младших, а младшие грешны тем, что, не терпя сих утеснений и не желая в скорбях спасаться, на-

[17] ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 1. Орфография сохранена.

Пожар 12/25 мая 1923 г.

ушничают власть имущим на деяния старших. Те и другие не хотят терпеть скорбей от ближних. Если не одумаются и не примирятся, то кара Божия постигнет их неминуемо…» [46, №2, с. 73]. Пересказ видения на братию впечатления не произвел, а о. Гурия стали называть «чудаком». В начале 1923 года через него же, «чудака», Царица Небесная предупредила: «Если не исправятся и не помирятся братия, огнем попалю сию святыню, вас накажу и рассею» [46, №2, с. 74].

Митрополит Мануил (Лемешевский) писал об исторической аналогии между духовной ситуацией в монастыре в 1923 и в 1538 годах. Тогда преподобные Зосима и Савватий пришли в видении к старцу Леониду и сказали, что Господь ниспошлет огонь, который попалит весь монастырь за поругание святыни, нарушение обетов и попрание идеала монашества. Видению тогдашние насельники не поверили, и в день Вознесения Соловецкий монастырь сгорел дотла. Через 385 лет история повторилась вновь за упорство в тех же грехах. 12 мая 1923 года за три дня до Святой Троицы сгорела почти вся святая обитель.

«Это был день скорби (пятница – день воспоминания крестной смерти нашего Спасителя и Господа Иисуса Христа); наконец, Господь не дал породиться великой радости от тех даров, которые ниспосылаются христианам в день Святой Троицы, когда происходит Сошествие Духа Утешителя на скорбную землю. Бог отнял от насельников сию радость, лишил их ее как недостойных и сим заключил свой праведный гнев – на времена и лета, еже заключены суть у него под печатями... И плач обуял келии и храм – ибо великий некогда, но ныне повапленный Израиль исшел из Иерусалима, дабы с гор окрестных вздыхать и плакать о грехах своих и потерянных и поруганных святынях.

Пламя выбросилось в разных местах и церквах почти одновременно. Но страшно то, что пожар начался в храме Успения Божией Матери. Царица Небесная испепелила Свою святыню за нечестие братии и в предупреждение еще большего и неизбежного кощунства со стороны властей. Вскоре после пожара Успенская церковь была отведена под жилое помещение нового лагеря особого назначения ГПУ, заполнилась отбросами и отщепенцами мира и осквернилась, как и другие храмы. Монахи были изгнаны из монастыря; потеряли святыню, потеряли свои келии, кров. Большая часть их (главным образом, смутьяны, бунтовщики) была вывезена на берег за ненадобностью. И так, по слову Царицы Небесной, они рассеялись. По промыслу Божию, наиболее крепкие, трудолюбивые и менее виновные в сих смутах остались при святой обители на разных хозяйственных должностях для обслуживания лагеря и сохранения последней монастырской святыни – кладбищенской Онуфриевской церкви, при которой образовалась "двадцатка".

Исполнились слова и видения о. Гурия, ныне уже не чудака и не в прелести бывшего. Сам он, в числе многих, покинул бывший монастырь святую обитель весною 1923 год, завершив в ней все ему и чрез него прореченное во славу Господа и в назидание и спасение братии и Святой обители сей» [46, №2, с. 74–75].

5.5. МОНАСТЫРЬ В СИСТЕМЕ СЛОНа

Пожар оказался мистической границей, невозвратно разделившей монастырскую историю на «до» и «после». 7 июня 1923 года на Соловки прибыли пароходом «Печора» новые хозяева острова – сотрудники Управления Северных лагерей ГПУ и с ними первая партия заключенных. Через два дня было принято решение отобрать оставшееся церковное имущество, находившееся в храмах и жилых помещениях, и, после выделения предметов художественно-исторического значения, остальное передать на утилизацию Управлению Северными лагерями.

В отношении монашествующих Управлению Северными лагерями было дано право оставить на работах необходимое количество квалифицированных работников на тех же условиях, на которых они трудились в совхозе, «но не иначе как на определенный срок и по обоюдному соглашению обеих сторон». Остальным монашествующим было предложено дать подписку о выезде с Соловецких островов в желаемое для них место. «В отношении тех, которые не сделали заявки на выезд и уклонились от дачи подписки, войти с представлением в комиссию при Наркомвнуделе о выселении их в порядке административной высылки как элемента, к пребыванию в Архгубернии политически нежелательного»[18].

Учтенное советской властью имущество совхоза «Соловки» передавалось Управлению Северных лагерей ГПУ в июне–августе 1923 года. Сохранились акты, в которых подробно описаны все храмы, часовни и хозяйственные строения с указанием времени постройки[19]. В этих актах упоминаются также имена некоторых монахов-работников совхоза. Так, Заусаев Тимофей (монах Трофим) был старостой рыболовной тони на острове Большая Муксалма. Представителем совхоза «Соловки»

[18] ГААО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 97. Л. 17-17об.
[19] ГААО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 97. Л. 1-386.

Монах Григорий. Рис. Н. Качалина, 1926 г. [82, вып.11, с.101].

ответственным за хозяйство на Малой Муксалме значится послушник Федор Богатырев. Имущество салотопенного завода сдавал послушник Василий Рыболовлев.

Таким образом, когда 13 октября 1923 года Совет народных комиссаров СССР принял официальное решение об организации Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения (СЛОН) и двух пересыльно-распределительных пунктов в Архангельске и в Кеми, часть постановления, касающаяся передачи имущества была уже выполнена. Согласно этому постановлению полагалось «все угодья, здания, живой и мертвый инвентарь, ранее принадлежавший бывшему Соловецкому монастырю, а равно Пертоминскому лагерю и Архангельскому пересыльно-распределительному пункту, передать безвозмездно ОГПУ».

К осени 1923 года большинство монашествующих были высланы с Соловецких островов. Около 60 человек братии заявили чекистам, что их последнее желание – сложить свои кости на Соловках, и если присутствие их нежелательно, то они просят расстрелять их здесь же, на монастырском кладбище. Им разрешили остаться в качестве вольнонаемных «инструкторов» по различным производствам. Они с радостью согласились, считая, что работают не на ГПУ, а состоят в «послушании» у Святой обители.

Соловецкий узник Иван Матвеевич Зайцев писал в своих воспоминаниях о монахе Григории[20], который так рассуждал о судьбах Божиих: «Святая обитель по предопределению Божественного Промысла послужила Голгофой страданий русского народа. Земли обители пропитаны слезами и орошены кровью невинных людей. На землях обители погребено многое множество соловецких узников; многие из них приняли славную смерть за светлое Имя Христа. Наша глубокая вера в том, что Всемогущий Господь, допустивший, что наша обитель превратилась в арену духовной борьбы между по-

[20] Монах Григорий (Григорьев/Григорьевский Димитрий, р. 1864). Отставной унтер-офицер. Образование получил на военной службе и в Соловецком братском училище. Проживал в монастыре с 1897 г. 19 января 1903 г. пострижен в монашество в Соловецком монастыре. В 1909–1913 гг. – смотритель Сумского Соловецкого подворья. В 1914–1915 гг. трудился на разных послушаниях в монастыре. Очень хороших качеств, благочестивого настроения, честен, верен, благонадежен. Упоминается в списках монашествующих 1920, 1922, 1929 гг. [138, № 34]

следователями Христа и клевретами антихристовой сатанинской власти, предопределил, что свет победит тьму. После низвержения в России слуг Веельзевула наша святая обитель послужит памятником духовной победы Христа над темными силами ада. Как ныне Соловецкий маяк освещает путь мореплавателям, так в последующие века наша святая обитель, озаренная победным Божественным светом Христа, будет путеводным маяком в истории православной России» [84, 1998, с. 18].

Жили монахи сначала в Петербургской гостинице, а затем в наместническом корпусе около Сельдяных ворот, имели отдельный вход, свободно перемещались по острову. Им было разрешено совершать Богослужения в церкви преподобного Онуфрия на монастырском кладбище. Обязанности настоятеля монастыря исполнял игумен Феофан (Окулов), бывший духовник Соловецкого монастыря [82, вып. 9, с.117].

Его ближайшим помощником и настоятелем кладбищенской церкви был иеромонах Агапит [82, вып. 9, с.117]. В 1929 году на Соловках он был возведен в сан игумена, а 10 октября 1933 года в Москве – в сан архимандрита. В 1930-е годы он проживал в Архангельске и был настоятелем церкви на Кегострове[21], где тайно совершали богослужения ссыльные епископы Игнатий (Садковский) и Парфений (Брянских)[22]. 14 марта 1938 года архимандрит Агапит был «арестован по обвинению в "контрреволюционной агитации" как активный участник "контрреволюционной группировки духовенства". 4 июля 1938 года по приговору Архангельского областного суда заключен в ИТЛ на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. 26 февраля 1992 года реабилитирован» [20, с. 8].

Монахи-инструкторы работали либо своими артелями (сельхоз в Савватьево, рыболовные артели на Березовой, Сосновской и Филимоновой тонях, звероловные артели на Реболде и Малой Муксалме), либо на бывших монастырских заводах, ставших лагерными производствами: литейный, керамический и кирпичный заводы, механические мастерские. «Игумен, уставщик и все схимники были на иждивении работающих» [72, с. 9]. Основным консультантом по бывшему монастырскому хозяйству был монах Иринарх. На маяке на Секирной горе смотрителем работал иеромонах Флавиан [82, вып. 11, с.36].

Монашеская община совершала богослужения по монастырскому уставу. Служба в церкви преподобного Онуфрия совершалась ежедневно: в 6 часов вечера служили вечерню и утреню, а в 4 утра – литургию. Архимандрит Феодосий (Алмазов) вспоминал: «В кладбищенской церкви богослужение совершалось по уставу ежедневно. В мое время (1927–1928 гг.) пел хор заключенных и иногда в праздники настолько хорошо, что многие рыдали, я сам плакал навзрыд. Монашеское пение Соловецкого напева очень грубое, особенно в исполнении иеромонаха Мартина, которому «подмартинивать» (любимое выражение владыки Илариона, обычно певшего с монахами на правом клиросе) было очень тяжело в виду своеобразия Соловецкого напева. В 1927 году регентом был преосвященный Амвросий Полянский, его заместил Дехтярев, работник отдела труда, а потом наш лесник. Он управлял хором в Пасху 1928 года, когда мы служили в Знаменской церкви Кремля» [92, с.99].

---

[21] Остров на р. Сев. Двина, расположенный напротив центральной части Архангельска.

[22] [20, с. 195, 299] Епископ Игнатий (Садковский) в 1923–1926 гг. был в ссылке на Соловках, т. е. был, по-видимому, знаком с о. Агапитом. В 1937 г. оба епископа были арестованы.

Вначале заключенные в церковь не допускались. Когда в 1925 году начальником УСЛОН стал Федор Иванович Эйхманс, ссыльному духовенству разрешили не только молиться в церкви, но и служить. Порядок посещения церкви постоянно менялся. «Иногда священнослужителям разрешалось ходить в церковь и даже служить на Рождество и на Пасху, иногда они получали право служить каждое воскресение, иногда – в свободное от занятий время, т. е. до поверки в 6 часов утра. Потом неожиданно совсем запрещалось, а через месяц разрешали снова. Соловецкое начальство строго следило за тем, чтобы в церковь допускались только осужденные по церковному делу… За посещение церкви без разрешения налагался арест от двух недель и более» [72, с. 10].

Осенью 1925 года ссыльные католические священники вели переговоры с администрацией по поводу разрешения совершать свои богослужения в притворе кладбищенской церкви. Администрация в принципе дала свое согласие, но иеромонах Агапит с братией были настроены категорически против этого. Поэтому католикам для совершения богослужений была выделена часовня преподобного Германа к северо-западу от монастыря (2,5 км) на берегу моря.

Зимой 1924–1925 годов ссыльные архиереи могли совершать богослужения вместе с вольнонаемными монахами. Свидетельство этому – рукоположения, отмеченные в списке 1929 года: 19 октября 1924 года в день памяти апостола Фомы иеродиакон Симон был рукоположен в сан иеромонаха, 4 декабря на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы рукоположен во иеромонаха иеродиакон Киприан. 19 декабря в день памяти Святителя Николая состоялось рукоположение в сан иеромонаха иеродиакона Иувеналия (Ювеналия), 15 февраля на праздник Сретения Господня монах Мисаил был рукоположен в сан иеродиакона, а 7 апреля 1925 года в день Благовещения Пресвятой Богородицы рукоположен в иеромонаха иеродиакон Сосипатр [85, вып.2, с.182].

Цв. вкл. III, с. 14

Эти первые известные рукоположения после августа 1917 года стали возможными благодаря терпимому отношению к духовенству со стороны начальника лагеря Ф. И. Эйхманса, который лично подписывал пропуска для посещения богослужений. На фотографии ссыльного духовенства 1924 года из архива В. П. Чехранова изображены четыре иерарха: архиепископ Митрофан (Гринев), архиепископ Иларион (Троицкий), митрополит Евгений (Зернов), архиепископ Захария (Лобов). Вероятно, рукоположения совершал архиепископ Евгений (Зернов), который был избран старшим Соловецким архиереем. Его поминали как архиепископа Соловецкого.

5.6. СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕВГЕНИЙ (ЗЕРНОВ), МИТРОПОЛИТ ГОРЬКОВСКИЙ

Первым архиереем на «Соловецкой кафедре» был архиепископ Приамурский и Благовещенский Евгений (в миру Зернов Семен Алексеевич, р. 18 января 1877 – † 20 сентября 1937). 22 февраля 1924 года он был приговорен к трем годам заключения в Соловецком концлагере по обвинению в «контрреволюционной агитации и распространении религиозной литературы к/р характера». В самом начале своего пребывания

на Соловках (1924 г.) владыка был избран старшим Соловецким архиереем и оставался таковым до конца ссылки (1926 г.) по общему согласию архиереев, даже после того, как в лагерь прибыли более старшие по рукоположению.

Епископ Евгений (Зернов). Иркутск, 1913 г.

По воспоминаниям известно, что он возглавлял богослужения в кладбищенской Онуфриевской церкви в 1925–1926 годах [72, с.46]. «Богослужение его отличалось величием, покоем и благоговением; это чувствовали и отмечали, получая глубокое удовлетворение. Это был постник, невзирая ни на какие условия лагерной жизни, когда в пище нельзя было разбираться. Он был верен своему порядку и никогда не вкусил кусочка мясной пищи вообще или рыбы в неположенное время. Казалось, что это человек нежного телосложения, но он носил самое грубое холщовое белье, которое и достать-то в наше время было трудно. Высокообразованный вообще и богослов, компетентно рассуждавший по всякому теоретическому вопросу, он был житейски глубоко мудр, всегда тактичен и спокоен. Пастырям делал замечания наедине в самой мягкой форме, сомневающегося и неверующего провожал побежденным, скорбящего – ободренным. В нем была притягательная сила истинной духовной власти.

Для остатка соловецких монахов-рабочих он являлся святейшим авторитетом, власть которого простиралась в область, которая недоступна пониманию людей внутренне недуховных. Заболел монах, которому большевистское соловецкое начальство как неспособному к работе предложило выехать на материк. Но на материке он также был бы никому не нужен, и там ему не было пристанища. Выясняя все это в разговоре с больным, владыка Евгений сказал ему, что ему лучше бы умереть в монастыре, как это задано по монашескому обету. Монах согласился: “Благословите и помолитесь”. “Бог тебя благословит”, – сказал владыка. И через несколько дней монах умер по молитвам своим и владыки. Необходимость этой смерти была Богу представлена и Им услышана. Согласие двух было достаточно, чтобы получить просимое. Так монах не покинул своего монастыря»[23].

Конечно, перед праздниками Рождества Христова и Пасхи у многих заключенных была затаенная мысль побывать в храме, причаститься Святых Таин, хоть раз услышать: «Христос Воскресе!..» Понимая это, начальство предпринимало кон-

[23] Польской М., протоиерей. «Соловецкие узники и их исповедание». «Север». 1990. № 9. С. 99.

Духовенство, выходящее после богослужения из церкви прп. Онуфрия Великого

трмеры: то неожиданно отменялись все пропуска на выход за стены крепости, то объявлялась всеобщая проверка с запрещением на сутки выхода из своей роты, или затевалась санобработка, в результате которой заключенным приходилось часами сидеть, ожидая очереди в баню или возвращения взятых на дезинфекцию вещей. И все же в 1926–1928 годах многим заключенным удавалось попасть в церковь.

В 1926 г. «на утрени Великой Пятницы двенадцать Евангелий читают одиннадцать епископов, не потому, что нет двенадцатого, а потому, что одно Евангелие читает Соловецкий игумен. Церковь полна народа, но стоять удобно, так как монахи строго следят за порядком, и никто никуда не двигается, а знает свое место. Случайно пришедшие стоят у дверей. Все застыли, углубившись в молитву и наслаждаясь прекрасными словами, несущимися из храма. И вдруг, нарушая порядок, сквозь сплошную массу богомольцев по направлению к алтарю, усердно работая локтями и плечами, пробираются три молодых “шпаненка” – худые, бледные, оборванные. Монахи их пропускают, и, к недоумению всех молящихся, они восходят на амвон, кланяются правящему епископу и дрожащими голосами начинают петь “Разбойника Благоразумного”. В первый раз очень тихо и робко, потом смелей и громче, и, наконец, в третий, полной грудью, с большим чувством, прекрасно. Все богомольцы плачут, даже у сдержанных Соловецких монахов на глазах появляются слезы. Как выяснилось потом, они приходили к Правящему (архиепископу Евгению) с просьбой разрешить им пропеть “Разбойника” и выхлопотать для них разрешение прийти в церковь. Владыка заставил их пропеть и умудрился достать пропуск. Что было в их душе во время пения “Разбойника”, где

и когда они раньше пели, почему попали на такой страшный путь, чувствовали ли себя хоть в эту минуту разбойниками благоразумными, знает один Серцеведец.

Утреня Великой Субботы началась в три часа утра. По окончании ее три епископа совершили таинство Елеосвящения, желающие соборовались, но далеко не все – многим пора было идти на работу. Литургия началась в одиннадцать часов, и к ней уже приходил тот, кто смог урвать несколько минут из своего рабочего дня. В двенадцать часов все пропуска по лагерю были объявлены недействительными... Те, кому посчастливилось получить пропуск, задолго до начала полунощницы пришли в церковь. Духовенство читает Деяния Апостольские. Каждому епископу и священнику хочется хоть несколько стихов прочитать, и по-особенному звучит это чтение. В крестный ход выходят шесть епископов и множество духовенства. Сразу по выходе из церкви неприятно поражает, что кругом расставлена охрана из конвойных... В стороне стоит несколько человек из главного лагерного начальства. Конвойные стоят небрежно и курят. Вдруг слышится грозный голос из группы начальства: "Конвойные? Вы что поставлены стеречь заключенных или курить", – конвойные бросают папиросы и подтягиваются.

А что было потом в храме – Светлое Христово Воскресение, Пасха, Господня Пасха. Во время чтения Евангелия ярко светило северное солнце» [72, с. 48–49].

Об этом же Пасхальном богослужении сохранились воспоминания В. А. Казачкова: «Незадолго до Пасхи новый начальник Управления потребовал, чтобы все, кто хочет ходить в церковь, подали ему заявления. Почти никто из заключенных не подавал заявлений – боялись последствий. Но вот перед Пасхой огромное количество людей подали заявления… По дороге к кладбищенской Онуфриевской церкви двигалась огромная процессия, люди шли в несколько рядов. В церкви все, конечно, не поместились. Стояли вокруг, а тем, кто пришел позднее, не было слышно пения… Службу Пасхальную вели епископы, и среди них старший – архиепископ Евгений (Зернов), еще помню епископа Мануила (Лемешевского), он как-то объединял всех петербургских священников, они вместе держались, епископа Белевского Игнатия, совсем уже пожилой был» [72, с. 46].

В мае 1926 года архиепископ Евгений фактически возглавил так называемый Собор соловецких епископов, включавший 17 архиереев, в том числе архиепископов Прокопия (Титова), Пахомия (Кедрова), Иувеналия (Масловского) и, после возвращения на Соловки в начале навигации 1926 года, Илариона (Троицкого).

В первом и наиболее известном из своих посланий Собор обратился к правительству с просьбой о легализации церковного управления без вмешательства во внутренние дела Церкви, указал на факты гонения на Церковь, на необходимость полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства, на несовместимость сыска и политического доноса с достоинством пастыря. Это послание, известное также как «Памятная записка Соловецких епископов, предоставленная на усмотрение правительства», представляло мнение наиболее многочисленной группы епископата, включавшей представителей многих епархий России, собранных в месте заключения на Соловках.

В день отдания Пасхи 27 мая/9 июня 1926 года епископы собрались для обсуждения послания на продуктовом складе, который полностью обслуживался

духовенством, как «единственно честным элементом» в лагере. В это время начальник Управления Эйхманс устроил внеочередной обход лагеря. Застав в складском помещении большую группу духовенства, «он удивился: "Что это за собрание?.." – "У нас сегодня праздник", – ответил смущенно о. Питирим (заведующий складом)» [72, с.51]. Почему-то Эйхманс удовлетворился этим объяснением.

Приведем выдержки из послания, которые передают смысл и дух этого документа:

«Было бы неправдой, не отвечающей достоинству Церкви и притом бесцельной и ни для кого не убедительной, если бы они стали утверждать, что между Православной Церковью и государственной властью Советских республик нет никаких расхождений. Но это расхождение состоит не в том, в чем желает его видеть политическая подозрительность и в чем его указывает клевета врагов Церкви. Церковь не касается перераспределения богатств или их обобществления, так как всегда признавала это правом государства, за действия которого не ответственна. Церковь не касается и политической организации власти, ибо лояльна в отношении правительств всех стран, в границах которых имеет своих членов. Она уживается со всеми формами государственного устройства от восточной деспотии старой Турции до республики Северо-Американских Штатов. Это расхождение лежит в непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, официальной философией коммунистической партии и руководимого ею правительства Советских республик.

Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в Живого Бога, Творца мира, Руководителя его жизни и судеб, коммунизм не допускает Его существования, признает самопроизвольность бытия мира и отсутствие разумных конечных причин в его истории. Церковь полагает цель человеческой жизни в небесном призвании духа и не перестает напоминать верующим об их небесном Отечестве, хотя бы жила в условиях наивысшего развития материальной культуры и всеобщего благосостояния, коммунизм не желает знать для человека никаких других целей, кроме земного благоденствия. С высот философского миросозерцания идеологическое расхождение между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического значения, в сферу нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условным результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь проповедует любовь и милосердие, коммунизм – товарищество и беспощадность борьбы. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью. Церковь охраняет плотскую чистоту и святость плодоношения, коммунизм не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, не только обеспечивающую человеку постижение его вечного предназначения, но и служащую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий их энергию, как на источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм – ее уничтожения. При таком глубоком расхождении в самых основах миросозерцания между Церковью и государством не может быть никакого сближения или примирения, как невозможно примирение между положением и отрицанием, между да и

нет, потому что душою Церкви, условием Ее бытия и смыслом Ее существования является то самое, что категорически отрицает коммунизм. <…>

При таком непримиримом идеологическом расхождении между Церковью и государством, неизбежно отражающемся на жизнедеятельности этих организаций, столкновение их в работе дня может быть предотвращено только последовательно проведенным законом об отделении Церкви от государства, согласно которому ни Церковь не должна мешать гражданскому правительству в успехах материального благополучия народа, ни государство стеснять Церковь в Ее религиозно-нравственной деятельности. <…>

При создавшемся положении Церковь желала бы только полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства. <…> Церковь не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, Она никогда не призывает к оружию и политической борьбе, Она повинуется всем законам и распоряжениям гражданского характера, но Она желает сохранить в полной мере Свою духовную свободу и независимость, предоставленные Ей Конституцией и не может стать слугой государства. <…>

Совершенное устранение Церкви от вмешательства в политическую жизнь в Республике с необходимостью влечет за собой и Ее уклонение от всякого надзора за политической благонадежностью Своих членов. <…>

Всецело подчиняясь закону, Церковь надеется, что и государство добросовестно исполнит по отношению к Ней те обязательства по сохранению Ее свободы и независимости, которые в этом законе оно на себя приняло.

Церковь надеется, что не будет оставлена в этом бесправном и стесненном положении, в котором Она находится в настоящее время, что законы об обучении детей закону Божию и о лишении религиозных объединений прав юридического лица будут пересмотрены и изменены в благоприятном для Церкви направлении, что останки святых, почитаемых Церковью, перестанут быть предметом кощунственных действий и из музеев будут возвращены в Храм.

Церковь надеется, что Ей будет разрешено организовать епархиальное управление, избрать Патриарха и членов Священного Синода, действующих при нем, созвать для этого, когда Она признает это нужным, епархиальные съезды и Всероссийский Православный Собор.

Церковь надеется, что правительство воздержится от всякого гласного или негласного влияния на выборы членов этих съездов (Собора), не стеснит свободу обсуждения религиозных вопросов на этих собраниях и не потребует никаких предварительных обязательств, заранее предрешающих сущность их будущих постановлений.

Церковь надеется также, что деятельность созданных таким образом церковных учреждений не будет поставлена в такое положение, при котором назначение епископов на кафедры, определения о составе Священного Синода, им принимаемые решения – проходили бы под влиянием государственного чиновника, которому, возможно, будет поручен политический надзор за ними.

Представляя настоящую памятную записку на усмотрение правительства, Российская Церковь еще раз считает возможным отметить, что Она с совершенной искренностью изложила перед Советской властью, как затруднения, меша-

ющие установлению взаимно-благожелательных отношений между Церковью и государством, так и те средства, которыми они могли бы быть устранены. Глубоко уверенная в том, что прочное и доверчивое отношение может быть основано только на совершенной справедливости, Она изложила открыто, без всяких умолчаний и обоюдностей, что Она может обещать Советской власти, в чем может отступить от Своих принципов и чего ожидает от правительства СССР.

Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, Она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если Ее ходатайство будет отклонено, Она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целости внешней организации заключается Ее сила, а в единении веры и любви преданных Ей чад Ее, наипаче же возлагает Свое упование на непреоборимую мощь Ее Божественного Основателя и на Его обетование неодолимости Его Создания» [73, с. 213–215].

В том же духе был составлен митрополитом Сергием (Старгородским) проект обращения к всероссийской пастве, в котором хотя и подчеркивалась лояльность Церкви к гражданской власти, но в отличие от обновленческих манифестов, не затушевывались мировоззренческие различия между христианством и материализмом. Отделение Церкви от государства рассматривалось в проекте обращения в качестве гарантии от всякого вмешательства как Церкви в политику, так и государственной власти во внутрицерковные дела. 10 июля этот проект был подан в НКВД вместе с ходатайством о легализации высшего церковного управления, регистрации канцелярии и епархиальных советов, о разрешении проводить архиерейские соборы и издавать церковный журнал. Однако проект гражданскими властями не был признан удовлетворительным, и никаких шагов по пути правовой легализации органов высшего и епархиального церковного управления сделано не было.

После освобождения владыки Евгения из Соловецкого лагеря 3 декабря 1926 года последовала трехлетняя ссылка в Зырянский край. Затем в 1931 году он был назначен архиепископом Котельническим, викарием Вятской епархии. 8 сентября 1933 года он временно возглавил Вятскую епархию, получив титул архиепископа Вятского и Слободского. 3 мая 1934 года архиепископ Евгений был назначен на Горьковскую (Нижегородскую) кафедру с возведением в сан митрополита. В Нижнем Новгороде он проживал в центре города. Преосвященный Евгений был высокого роста, с выразительными ярко-серыми глазами и седыми волосами. Когда он шел по городу, люди останавливались и просили благословения.

3 мая 1935 года митрополит Евгений был арестован по доносу одного из клириков за произнесение с церковного амвона проповедей с «антисоветским содержанием в целях внедрения в массу верующих контрреволюционных идей». Владыка Евгений отрицал это обвинение, утверждая, что все произнесенные им проповеди «были исключительно религиозно-нравственного содержания». Например, слова владыки: «...кто из нас, возлюбленные, не отягчен или не обременен? Мы хотим добиться счастья своей силой, своими средствами, без Божией помощи, поэтому нам и тяжело», – были истолкованы следствием как попытка доказать верующим, что в тяжелое для страны время они не должны подчиняться Советской власти.

Аналогичным образом была воспринята проповедь митрополита Евгения, произнесенная им 21 октября 1934 года в Успенской церкви: «У каждого человека есть

душа, о которой должны мы заботиться для будущей загробной жизни. Когда придет Иисус Христос и будет судить живых и мертвых, тогда душа каждого человека вспомнит, что он сделал для себя в течение временной земной жизни. Нужно как можно больше каждому из вас над этим задумываться, а все, что происходит в настоящее время в нашей временной жизни, – это суета сует». На вопрос следователя о его проповеди, сказанной 9 декабря 1934 года в Печерском храме, где Владыка рассуждал об общей культуре человека, Преосвященный Евгений отвечал: «Мое убеждение по этому вопросу таково, что исключительно одна внешняя культура не может удовлетворить духовных потребностей человека: у него всегда остается потребность в Боге».

Сщмч. Евгений (Зернов), митрополит Горьковский

Помимо обвинений в незаконном проповедничестве митрополита Евгения обвиняли также в том, что «...в день 1 мая сего года (на Пасху) под руководством Зернова было организовано торжественное служение литургии в Крестовоздвиженской церкви г. Горького, которое с целью отвлечения граждан от участия в первомайской демонстрации было сознательно начато позднее обычного времени и затянуто до 12 часов дня».

В 1935 году праздник Пасхи совпал с пролетарским праздником 1 мая. На торжественной литургии в Крестовоздвиженском соборе церкви служил сам митрополит Евгений (Зернов) в сослужении местных священников. Выходившие из храма сотни православных невольно «отвлекли граждан от участия в первомайской демонстрации». Более того, по свидетельству очевидцев, сам Владыка, собираясь после службы домой, не стал ждать, пока рассеются демонстранты, а сел на поданную ему лошадь и поехал по улицам в клобуке домой. В ответ на советы доброжелателей обождать, чтобы не привлечь к себе внимания, митрополит Евгений заметил: «Что нам бояться… Надо Бога бояться». Наблюдая его выразительную фигуру на лошади, пересекающую толпу демонстрантов, пролетарское руководство восприняло это как вызов, прокомментировав: «Пропустите, пропустите его. Мы его наградим».

«Награда» не заставила себя ждать: через день владыка и другие нижегородские священнослужители были арестованы. 4 ноября 1935 года преосвященный Евгений был приговорен Особым Совещанием при НКВД СССР к трем годам ИТЛ.

20 сентября 1937 г. митрополит Евгений был расстрелян в Карагандинском лагере за «к/р религиозную агитацию монархического направления, создание вокруг себя к/р группы служителей культа, нелегальные моления, распространение к/р акафистов и молитв, служил панихиды по расстрелянным». Прославлен как священномученик Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000 года.

5.7. ВСКРЫТИЕ СВЯТЫХ МОЩЕЙ

Поскольку в 1925 году в целях антирелигиозной пропаганды по всей стране развернулась кампания по вскрытию и изъятию мощей святых, культурно-воспитательная часть СЛОНа должна была поучаствовать в общем деле. В августе 1925 года была образована комиссия по вскрытию святых мощей под председательством начальника культурно-воспитательной части Д. Я. Когана.

В комиссии, кроме заведующего историко-археологическим отделом музея А. П. Иванова, принимали участие представители духовенства: ссыльные епископы Мануил (Лемешевский) и Иувеналий (Масловский), иеромонах Агапит (Рогозин) – представитель Соловецких монахов, ссыльные священники Вертоградский и Кедров[24].

21 сентября вскрыли мощи преподобных Германа и Иринарха. Их было легко обнаружить по надписям на белокаменных плитах, вделанных в стену у мест их упокоения в церкви преподобного Германа и в часовне преподобного Иринарха. В составленном комиссией акте утверждалось: «Нетленного тела Германа не оказалось. Обнаружено: левая височная кость, часть правой височной кости и девятнадцать других костей, легко поддающихся разрушению…»[25]. В примечании к акту было указано: «При вскрытии мощей присутствовавшему монаху Герману по его просьбе была выдана кость из находящихся в могиле Германа».

В «Безбожнике» – приложении к газете «Новые Соловки» №39 за 1925 год этот эпизод описывается следующим образом: «Увидал какой-то монашек, что косточки их открыли и ну, просить умолять, чтоб ему хоть одну подарили как святыню, хотя погнившую и смердящую, но все же святителю Герману принадлежащую. Начальство благодушно ему это разрешило, но на его горе Иванова до крайности возмутило, что монашек самую большую мосталыгу взял, поэтому он тут же ее и отнял, вытолкал монашка, приговаривая в назидание: “Уходи, уходи, нечего тут расхищать народное достояние”». А. П. Иванов был, судя по его корреспонденциям в газете «Новые Соловки», воинствующим безбожником. Д. С. Лихачев писал, что среди заключенных Иванов имел самую дурную репутацию: он «был карликового роста, и его звали “антирелигиозной бациллой”» [42, с.206]. В лагере он сидел за кражи церковных ценностей в особо крупных размерах. По мнению Лихачева, публикации Иванова «полны выдумками – главным образом в антирелигиозных целях. Верить им никак нельзя».

Акты о состоянии мощей были составлены тенденциозно, а опубликованы были лишь выдержки из актов. По воспоминаниям Д. С. Лихачева, в 1929 г. заведующий музеем Н. Н. Виноградов показал ему акт о вскрытии мощей преподобных Зосимы и Савватия, «молча указав пальцем на одну важную деталь: в одной из рак при вскрытии был “обнаружен” окурок папиросы советского времени. Эта деталь ясно свидетельствовала, что до официального вскрытия (22 сентября 1925 г.) раку кто-то осматривал. Мощи преподобных Зосимы и Савватия нашли с трудом. Монахи рас-

[24] Вскрытие Соловецких мощей. //Новые Соловки. №39, 27 сентября 1925, С. 2.
[25] Иванов А. Соловецкие мощи. //Карело-Мурманский край. № 7. 1927.

Вскрытие святых мощей прп. Германа в 1925 г.

пространяли слухи, что мощи вывезены за границу, или отговаривались незнанием. «После долгих опросов удалось найти одного жителя, который посоветовал искать мощи в Преображенском соборе в потайной комнате. Внимательно осмотрев стену собора, мы наткнулись на одно тщательно заделанное отверстие в южной стене, разобрали его и увидели железную дверь, запертую на ключ. Дверь пришлось взломать. Она скрывала небольшую квадратную комнату с оконцем. С левой стороны комнаты стояли два ящика, забитые хорошими винтовыми гвоздями. На одном ящике была надпись «Зосима», а на другом – «Савватий». Ящики были опечатаны сургучной печатью коллектива верующих местной Онуфриевской церкви. Представитель коллектива, почему-то явившийся неожиданно в собор, заявил, что мощи опечатаны Главмузеем и трогать их нельзя»[26]. Несмотря на это заявление, ящики были вскрыты, а мощи, плохо сохранившаяся старинная епитрахиль преподобного Зосимы и его обувь (кожаные чувяки) – изъяты и переданы для хранения в антирелигиозный отдел краеведческого музея, расположенный в Благовещенской церкви.

Археологические исследования места упокоения преподобного Германа, проведенные в 2002–2003 годах под руководством сотрудника ИА РАН археолога В. А. Бурова, показали истинную цену актов о вскрытии мощей. В перекопе 1920-х годов было обнаружено 37 фрагментов костных останков. «Все костные фрагменты имели желтовато-бурый цвет с отдельными участками серо-черного и красноватого оттенка. Подавляющее большинство фрагментов – плотные, не крошились даже при значительном сдавливании пальцами. Поверхность костей имела блестящий, как бы лощеный вид»[27]. То есть, даже брошенные в разрытую могилу вместе с землей мощи оставались нетленными! Антропологические исследования показали, что костные останки, обнаруженные при археологических раскопках на месте захоронения преподобного Германа, относятся к одному скелету мужчины европеоидной расы, выше среднего роста, умершего в возрасте старше шестидесяти лет. Сравнения найденных останков с мощами преподобного Германа, возвращенными Соловецкому монастырю в 1992 году из Государственного музея истории религии и атеизма, показало полное совпадение по разломам 4 крупных фрагментов. «Расколотые куски черепа, разломанный фрагмент челюсти с зубом, прочие мелкие фрагменты искореженных и сброшенных в яму костей святого Германа не оставляют никаких сомнений в том, что над его останками был совершен акт надругательства. “Антирелигиозная пропаганда” большевиков свелась к глумлению над прахом исторического деятеля Русской Православной Церкви и Русской земли» [82, вып. 4, с. 81].

5.8. ФИГУРЫ СТАРЫХ СОЛОВКОВ

В 1926 г. в газете «Новые Соловки» появились две доброжелательные корреспонденции о Соловецких монахах, заслуживающие внимания современного читателя. Первая представляет нам монаха Иринарха – «колоритнейшую фигуру старых Соловков, сохранившуюся до новой жизни, до нового лагерного Соловецкого быта.

[26] «Карело-Мурманский край», № 7, 1927.

[27] Протокол осмотра костных останков, обнаруженных на месте захоронения преподобного Германа Соловецкого. 19 июня 2003 г.

Монах Иринарх

Нет, вы все-таки познакомьтесь с отцом Иринархом. Самое лучшее, утром когда уже развилась работа на постройке бучильного[28] корпуса, когда все тридцать человек Иринархова штата уже стоят на своих местах, – пойдемте на постройку. Там вовсю стучат топоры, хорошо пахнет стружками, визжат пилы, и скрипит, как немазаная ось, сам неугомонный, вертлявый, как кошка, Иринарх… Вы найдете его сразу. Маленький, какой-то неровный. Коричневое личико. Носик сливой. Подойдите с каким-нибудь разговором и не смущайтесь, если он сразу прикрикнет на вас: так полагается, потому что он кричит даже на самого начальника управления, а с учеными инженерами и прочим "экочевым"[29] начальством не всегда даже согласен разговаривать. Если вы сумели внушить ему какое-нибудь доверие, то он проводит вас на свою постройку. В то же время он ни одной минуты даром не потеряет. По дороге он при вас будет раздавать поручения своему "народу". Заметит неладно пригнанную половицу – будет четверть часа прыгать по ней, прижимать, а потом заскребет в затылке и скажет:

– Мать Богородица! А виноват-то кто? Я виноват, сам виноват…

Объяснять вам на постройке он, пожалуй, ничего не станет. Смотри, мол, и будет с тебя. Да к тому же – сам должен понимать. Третий этаж – светлый и чистый. Внизу – мрачней. Взял Иринарх свой подряд с 15 марта. А за месяц, где раньше стояли голые недогоревшие стены и куча мусора, теперь вырос целый корпус. Зашел на постройку начальник ЭКЧ. Разговор на этот раз происходит мирный. Ведь все "материалы" подрядчик ухитрился вытянуть из ЭКЧ. От того лицо у строителя довольное. Вынул из зубов складной аршин – похвалился: с Божьим благополучием управимся:

– К Пасхе, что ль?

– К Пасхе, к Пасхе! А ты мне во время сдал-то? Когда б я сам у вас не вытащил все, что полагалось, – и до Покрова голые бы стены стояли!

В ЭКЧ говорят про Иринарха:

– И все это он одно стучит: давай да давай материал!

Даже анекдот рассказывают про него. О том, как подал Иринарх рапорт начальнику управления. Давай, мол, бревна, тридцатиаршинные[30].

Начальник резолюцию чиркнул:

– Выдать.

А Иринарх по коридорам управленческим забегал, направо и налево хвастался:

– А я, брат, начальника разыграл!

---

[28] Прачечного.

[29] ЭКЧ – эксплуатационно-коммерческая часть.

[30] 1 аршин = 71,12 см.

– Да как разыграл-то?

– Да так! Резолюцию-то он отхватил, а бревен тридцатиаршинных и на свете не бывает…

Что-то говорил мне Иринарх по пути. Потом увидал, как ребята тянут балан "не по форме". Сорвался с места, бросил меня, сам в балан впрягся.

В зубах аршин. На плечах – 58 лет. И видно, что Иринархова жизнь не была лишней»[31].

Дополним этот литературный портрет сведениями из послужного списка 1915 года. В миру монаха Иринарха звали Иван Семенович Мишнев. Родился он в 1873 году в крестьянской семье Вологодской губернии. С 1895 года он проживал в монастыре и 7 апреля 1907 года был пострижен в монашество. В 1909–1915 годах он проходил плотницкое послушание в качестве нарядчика и руководил работами по очистке старых и прорытию новых соединительных каналов между внутренними озерами Соловецкого острова и Святым озером при монастыре. Архимандрит Иоанникий характеризовал его следующим образом: «Отличных качеств: сильной воли, твердого характера, несокрушимой энергии, до самоотвержения предан своему делу» [138, №46]. Монах Иринарх оставался на Соловках до 1929 года. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Персонаж второй публикации[32] – монах Ардалион – ни в монастырских, ни в лагерных списках не упоминается. Возможно, автор – Сергей Акарский – пожелал скрыть настоящее имя своего героя (в этом случае прототип можно искать среди монахов из олонецких крестьян: монах Авенир или монах Дометий) или он был пострижен после 1920 года и покинул Соловецкий остров до 1929 года.

«Я встретил его на морошковой роще. В руках кузовок, через плечо торбочка. Из-под черного ведерка клобука стекает саврасая кудель свалявшихся в войлок волос. Он медленно, осторожно переступал с кочки на кочку, пощупывая бурую почву такой же корявой, суковатой, как он сам, палкой... отец Ардалион... На Соловках отец Ардалион не больно давно: с Преображения двадцать пятый годок пошел. С кочки на кочку, от куста к кусту лезем мы по бурой россыпи с отцом Ардалионом и между кустами морошки и среди папоротникового листа, из-под черного клобука струится тихий ручей несложной наивной повести. Двадцать четыре бусины, двадцать четыре жемчужины неслышной поступи Соловецких лет. Отец Ардалион на Соловки трудником по обещанию на годик пошел. Сам олонецким был. Так и говорит "был".

– А теперь-то?

– Теперь – видишь! – И на лес рукой кажет.

– Ну, а как год прошел?

– А как год прошел – думаю: что дома-то? Братья и без меня управятся. А тут письмо пришло. Отец помер. Братья делиться зовут. Делиться – судиться…

Молчит лес. Молчит Ардалион. Молчат каменные жертвенники на моренной гряде.

– Ну, а как же монахом-то стал?

---

[31] «В гостях у Иринарха». Новые Соловки. 1926. №18. С. 5.

[32] Болотный попик // Новые Соловки. 1926. №34. С. 4.

– А так же. Не поехал. Братьям бумагу отписал.

– И не скучно?

– Как это скучно?

Пятнадцатый век слился с двадцатым. Морошковая ягода в берестяном кузовке, окуневый клев на Гремячьих озерах... над озерами дымки из земляных потаенных отшельничьих келий. Бытие неподвижно».

Кроме того, что разрешались такие лирические публичные высказывания в адрес монахов, разрешалось в некоторой степени и общение с ними. Заключенный В. Казачков вспоминал: «В мое время (1925–1928 гг.) в лагере работали шестьдесят четыре вольнонаемных Соловецких монаха. Некоторых я знал. Отец Агапит – уставщик, который следил за службой в церкви, отец Самсон[33] – крупный специалист кузнечного дела; отец Авенир ведал системой каналов между озерами; отец Мельхиседек – специалист по портновской части, он шил мне пальто перед высылкой в Сибирь» [6, с. 212].

5.9. СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПРОКОПИЙ (ТИТОВ), АРХИЕПИСКОП ОДЕССКИЙ И ХЕРСОНСКИЙ

После окончания соловецкого заключения владыки Евгения его преемником на «Соловецкой кафедре» стал архиепископ Прокопий (в миру Петр Семенович Титов, р. 25 декабря 1877–†23 ноября 1937). Владыки были связаны давними дружескими отношениями: с 1906 по 1909 год иеромонах Прокопий был преподавателем Иркутской Духовной семинарии, ректором которой был тогда архимандрит Евгений (Зернов).

Когда иеромонах Прокопий был возведен в сан архимандрита и переведен помощником заведующего в пастырское училище города Житомира, архимандрит Евгений прощался с ним с искренним сожалением. Он высоко оценил преподавательскую деятельность отца Прокопия: «Преподавание Священного Писания в настоящее время — труд весьма тяжелый, при той холодности, какая нередко наблюдается в учащихся к этому предмету, и надо иметь много ума, любви и старания, чтобы им заинтересовать учеников и заставить относиться к нему если не с любовью, то во всяком случае с вниманием и уважением. И вы этого достигли. В этом отношении немалое значение имела ваша личность, как человека доброго, искреннего и последовательного. Ученики не могли не понять, что то, чему вы учили, — для вас не звук, а жизнь, и что вы стремитесь не только научить, но и воспитать. Честь и слава вам за это».

30 августа 1914 года архимандрит Прокопий в кафедральном соборе Одессы был хиротонисан во епископа Елисаветградского, викария Одесской и Херсонской епархии.

При наречении его во епископа Елисаветградского архимандрит Прокопий сказал: «Служение епископское поистине есть подвиг и труд. Прошло время спокойствия в нашей церковно-общественной жизни, когда внешние наблюдатели

[33] Иеродиакон Сампсон (Иудичев Феодор Дионисиевич, р. 1874).

полагали, что епископский сан несет с собою лишь величие положения и всеобщее почитание. Теперь ясно стало всем, что в наше время повсеместной сектантской вакханалии и хлыстовского психоза, поддерживаемого многими общественными кругами, всякому человеку, имеющему хоть малую долю чувства пастырского душепопечения и сострадания к заблуждающимся и погибающим, епископское служение несет многие скорби и непрестанные труды, налагает великий подвиг, требует, чтобы добрый пастырь забыл о себе, о своем покое и удобствах и преимуществах жизни, отдал бы все силы свои на служение Божией Церкви, на защиту ее от нападений вражиих, обуревающих волнами страстей человеческое общество…

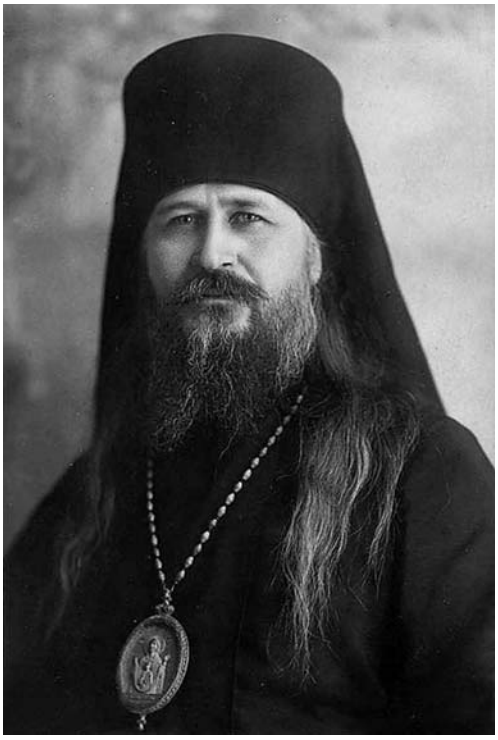
Но главный труд святительский заключается как бы в усугублении подвига общехристианского, подвига очищения своего сердца и жизни добродетельной, терпения, любви и снисхождения к немощам братий и чад духовных… Ведь если архипастырь должен научить пасомых добродетели поста и благодатной молитвы, он сам должен непрестанно возносить свои сердечные воздыхания ко Господу, пребывая в посте и воздержании. Чтобы не допустить чад своих до превозношения и гордыни, он сам должен явить пример Христовой кротости, терпения и любви, и только своим смирением посрамит он гордыню человеческую. И потому, хотя епископ и не может быть совершенно чужд всякой немощи, греха и нечистоты, ибо "несть человек, иже жив будет и не согрешит", но во всяком случае он должен непрестанно трудиться и подвизаться добрым подвигом всей своей жизни ради очищения сердца, искоренения страстей, изгнания всякой нечистоты чрез непрестанное самоукорение, молитву, постное воздержание и труд. Но посему-то святой апостол Павел и пишет апостолу Тимофею: "аще кто епископства хощет, добра дела желает" (1 Тим. 3, 1); ибо таковой желает подвига благочестия, чистоты и святости».

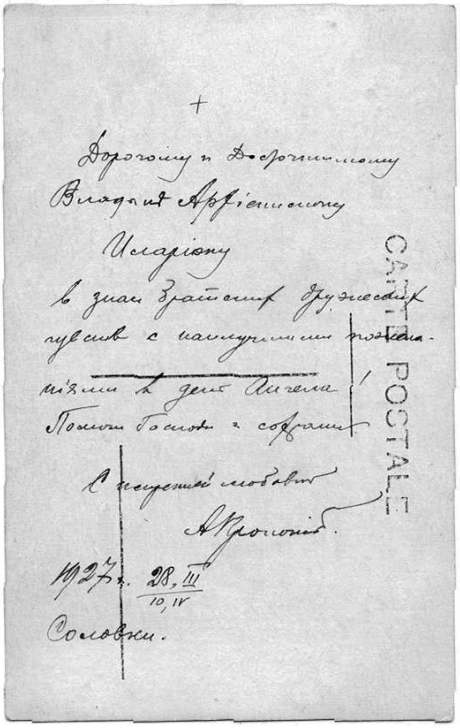
Епископ Прокопий был участником Всероссийского Поместного Собора 1917/18 годов. В 1921 году он стал епископом Одесским и Херсонским. С этого времени началась его активная деятельность как православного архипастыря в условиях гонений на Русскую Православную Церковь. Чистота и безупречность его нравственной жизни, твердые убеждения святителя, подвижническая личная жизнь — все это создало ему репутацию архипастыря высокой духовной жизни.

16 февраля 1923 года епископ Прокопий был арестован и заключен в Херсонскую тюрьму по обвинению в том, что он для белой армии устраивал молебны и сбор пожертвований. Епископ Прокопий был приговорен к расстрелу, который заменили высылкой за пределы Украины. 12 января 1925 года он был освобожден и выехал в Москву, где был включен в состав Синода Русской Православной Церкви.

После кончины Патриарха Тихона 7 апреля епископ Прокопий участвовал в погребении Святейшего, в избрании митрополита Петра (Полянского) на пост Местоблюстителя и активно помогал Местоблюстителю в управлении церковными делами. В июне 1925 года епископ Прокопий был возведен в сан архиепископа Одесского и Херсонского, а 19 ноября 1925 года был арестован в Даниловском монастыре по делу митрополита Петра (Полянского).

26 мая 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа Прокопия к трем годам заключения; он был отправлен вместе с аре-





Сщмч. Прокопий (Титов), архиепископ Одесский и Херсонский.
На обороте надпись: «Дорогому и досточтимому владыке архиепископу Иларионе в знак братских дружеских чувств с наилучшими пожеланиями в день Ангела. Помоги, Господи, и сохрани. С искренней любовью, А. Прокопий. 1927 г. 28.III/10.IV. Соловки».

стованным по тому же делу епископом Амвросием (Полянским) в Соловецкий концлагерь. В лагере был избран правящим архиереем, участвовал в составлении обращения к правительству СССР православных епископов из Соловецкого лагеря.

В декабре 1928 года власти без предъявления нового обвинения приговорили его к трем годам ссылки на Урал, и он был сослан сначала в Тюменский округ, а затем в Тобольский.

С мая 1935 года Владыка Прокопий вместе со священником о. Иоанном Скадовским и его супругой находился в ссылке в Каракалпакии в г. Турткуле. Они организовали домашнюю церковь, доступную для местных жителей, которые находили в лице исповедников деятельное участие и духовную поддержку. 28 октября 1937 года архиепископ Прокопий и священник Иоанн были приговорены тройкой при УНКВД Узбекской ССР к расстрелу за «систематическую контрреволюционную монархическую агитацию и принадлежность к ИПЦ». Приговор был приведен в исполнение 23 декабря 1937 года.

На Юбилейном Архиерейском соборе в августе 2000 года архиепископ Прокопий был прославлен в лике священномучеников.

5.10. СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ), АРХИЕПИСКОП ВЕРЕЙСКИЙ

Сщмч. Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский. Архангельск, 1923 г.

После архиепископа Прокопия правящим Соловецким архиереем был избран его друг архиепископ Иларион (в миру Владимир Алексеевич Троицкий, р. 13 сентября 1886 – †28 декабря 1929), выдающийся богослов и духовный писатель XX века, советник и сподвижник патриарха Тихона, мужественный борец с обновленчеством, знаменитый проповедник и полемист начала 20-х, наконец, узник СЛОНа с 1923 по 1929 год.

На всяком месте и во всяком деле он неотступно и радостно следовал пути спасения, о котором писал: «Не как внешняя награда дается христианину блаженство. Да не будет этого наемничества и торгашества в святом деле спасения! Блаженство, как дерево из зерна, вырастает из добродетели, из утверждения человека в воле Божией и в добре. Добрыми делами человек не зарабатывает себе плату или награду, не заслуживает себе блаженство, а творит их потому, что он благ и уподобляется Всеблагому Богу. Аскетический подвиг борьбы с грехом скорбен, но и радостен, тяжел, но и облегчает душу. Есть на земле носители торжествующего христианства, всегда радостные, всегда с пасхальными песнопениями на устах, и лицо их, как лицо ангела» [27, т. 2, с.286].

Священномученик Иларион, казалось, с детства приготовлял себя к служению ученого-богослова. Сын священника, он рано научился читать и с пяти лет стоял на клиросе, читая часы и шестопсалмие. После окончания духовного училища, а затем семинарии в Туле, Владимир поступил в Московскую Духовную академию.

В 1910 году он окончил академию со степенью кандидата богословия и был оставлен при ней в качестве профессорского стипендиата. В 1913 году он защитил магистерскую диссертацию на тему: «Очерки из истории догмата о Церкви», за которую он получил премию Московского митрополита Макария.

Эта работа стала богословским откликом на революционные события 1905 года. Молодой исследователь увидел духовную причину государственного и цер-

ковного кризиса в России в расцерковлении большей части образованного русского общества. Для того он и занялся разработкой вопроса о сути Церкви и церковности, чтобы на богословском уровне выразить свое понимание, что жизнь Духа Божия в Церкви не пустое догматическое положение, а опытно познаваемая истина и самая важная сторона церковной жизни. «Эту церковную атмосферу, это дыхание церковное особенно ощущаешь в монастырях. Вот где убеждаешься в силе и действенности Божией благодати, живущей в Церкви! Дивишься и благодаришь Бога, когда видишь, что церковная жизнь действительно перерождает человека, делает его "новой тварью". Здесь просвещается ум, создаются высокие, чистые взгляды, сердце умягчается любовью, и радость нисходит на душу»[34].

В 1913 году в день празднования Торжества Православия Владимир Троицкий подал прошение о пострижении. Постриг (с именем Иларион) был совершен 28 марта в пустыни Святого Параклита, неподалеку от Троице-Сергиевой Лавры. «Думаю, что не придется еще в жизни пережить такой радости, какую я пережил 28 марта 1913 года. Эта радость у меня не прошла с окончанием обряда. Я был полон радости целых два месяца» [27, т. 1, с.28].

Опечалило о. Илариона его назначение на административную должность инспектора Московской Духовной академии 30 мая 1913 года. Произошло то, чего он больше всего опасался и из-за чего откладывал постриг: ученому богослову пришлось заниматься работой администратора. Утешало то, что еще до назначения 11 апреля в Великий Четверг монах Иларион был рукоположен в сан иеродиакона, а 2 июня, на Троицу, в сан иеромонаха. С того времени «он отдавался богослужению всей душой, всем существом своим, как главному делу жизни» [27, т. 1, с.29]. 5 июля 1913 года иеромонах Иларион был возведен в сан архимандрита и стал самым молодым архимандритом и профессором в России того времени.

Архимандрит Иларион принимал самое деятельное участие в работе Поместного Собора 1917–1918 годов. Его речь о необходимости восстановления патриаршества в Русской Церкви заставила даже церковных либералов согласиться с тем, что «патриаршество есть основной закон высшего церковного управления каждой Поместной Церкви», что патриаршая власть не противоречит принципу соборности церковного управления, а дополняет его.

10 марта 1919 года архимандрит Иларион был впервые арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, где провел три месяца.

25 мая 1920 года архимандрит Иларион был хиротонисан во епископа Верейского, викария Московской епархии. Его святительское служение включало почти ежедневные богослужения, сопровождавшиеся пламенными проповедями, помощь патриарху Тихону в смягчении позиции государства в отношении Церкви, блестящие выступления на диспутах. Все это привело к повторному аресту 22 марта 1922 года. Его обвинили в том, что он исполнял поручения Патриарха, принимал в патриаршем подворье посетителей, устраивал диспуты и дискредитировал оппонентов-безбожников. 22 июня Коллегия ГПУ постановила выслать епископа на один год в Архангельскую губернию. Отбыв ссылку, 5 июля 1923 года владыка Иларион

[34] Иларион (Троицкий), сщмч. Христианства нет без Церкви. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. С. 76.

Заключенные из духовного сословия вяжут сети на Филимоновой тоне.
Фото середины 1920-х гг.

вернулся в Москву и сразу был возведен Патриархом Тихоном в сан архиепископа. Ближайший помощник Святейшего преосвященнейший Петр (Полянский), был в это время в ссылке, и архиепископ Иларион стал помощником Патриарха.

15 ноября 1923 года архиепископ Иларион был вновь арестован. Его обвинили в «распространении ложных слухов и агитации против советской власти под религиозным флагом». 7 декабря 1923 года комиссия НКВД по административным высылкам приговорила владыку к трем годам заключения на Соловках. 1 января 1924 года его привезли в пересыльный пункт на Поповом острове, а в июне отправили на Соловки. Увидев весь ужас лагерного бытия, владыка изрек: «Живыми мы отсюда не выйдем». И все же он не унывал и часто говорил, что его имя Иларион означает «веселый». Владыка никогда не сетовал на свое положение и писал из лагеря бодрые письма, как, например, 9 декабря 1924 года: «Живу я доселе в полном благополучии и благодушии. Соловки мне очень понравились, и я не вижу особой тяготы здесь жить» [15, т.4, с. 429].

Соловецкий узник Борис Ширяев свидетельствовал, что «силе, исходившей от всегда спокойного, молчаливого владыки Илариона, не могли противостоять и сами тюремщики: в разговоре с ним они никогда не позволяли себе непристойных шуток, столь распространенных на Соловках, где не только чекисты-охранники, но и большинство уголовников считали какой-то необходимостью то злобно, то с грубым добродушием поиздеваться над “опиумом”.

Нередко охранники, как бы невзначай, называли его владыкой. Обычно – официальным термином “заключенный”. Кличкой “опиум”, попом или товарищем – никогда, никто.

Архиепископ Иларион (слева) на рыболовной тоне развешивает сети для просушки

Владыка Иларион всегда избирался в делегации к начальнику острова Эйхмансу, когда было нужно добиться чего-нибудь трудного, и всегда достигал цели. Именно ему удалось сконцентрировать духовенство в 6-й роте, получить для него некоторое ослабление режима, перевести большинство духовных всех чинов на хозяйственные работы, где они показали свою высокую честность.

Он же отстоял волосы и бороды духовных лиц при поголовной стрижке во время сыпнотифозной эпидемии. В этой стрижке не было нужды: духовенство жило чисто. Остричь же стариков-священников значило бы подвергнуть их новым издевательствам и оскорблениям.

Устраивая других – и духовенство и мирян – на более легкие работы, владыка Иларион не только не искал должности для себя, но не раз отказывался от предложений со стороны Эйхманса, видевшего и ценившего его большие организаторские способности. Он предпочитал быть простым рыбаком. Думается, что море было близко и родственно стихийности, непомерности натуры этого иерарха, русского князя церкви, именно русского, прямого потомка епископов, архимандритов, игуменов, поучавших и наставлявших князей мира сего, властных в простоте своей и простых во власти, данной им от Бога» [100, с. 332–333].

«На Филимоновой рыболовной тоне, – рассказывал очевидец, – в семи верстах от Соловецкого кремля и главного лагеря, на берегу заливчика Белого моря, мы с архиепископом Иларионом и еще двумя епископами и несколькими священниками (все заключенные) были сетевязальщиками и рыбаками. Об этой нашей работе архиепископ Иларион любил говорить переложением слов стихиры

на Троицын день: “Вся подает Дух Святый: прежде рыбари богословцы показа, а теперь наоборот — богословцы рыбари показа”». Так смирялся его дух с новым положением.

Владыку Илариона очень веселила мысль, что Соловки есть школа добродетелей — нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения, трудолюбия. Однажды обокрали прибывшую партию духовенства, и отцы сильно огорчились. Один из заключенных в шутку сказал им, что так их обучают нестяжанию. Владыка от этой шутки был в восторге. У одного ссыльного два раза подряд пропадали сапоги, и он разгуливал по лагерю в рваных галошах. Архиепископ Иларион, глядя на него, приходил в подлинное веселье, чем и вселял в заключенных благодушие. «Любовь его ко всякому человеку, внимание и интерес к каждому, общительность были просто поразительными. Он был самой популярной личностью в лагере, среди всех его слоев. К нему обращались генерал, офицер, студент и профессор, хотя епископов было много и были старейшие и не менее образованные. Его знали и в уголовной среде воров и бандитов именно как хорошего, уважаемого человека, которого нельзя не любить. На работе ли урывками, или в свободный час его можно было увидеть разгуливающим под руку с каким-нибудь таким «экземпляром» из этой среды. Это не было снисхождение к младшему брату и погибшему, нет. Владыка разговаривал с каждым как с равным, интересуясь, например, «профессией», любимым делом каждого. «Шпана» очень горда и чутко самолюбива. Ей нельзя показать пренебрежения безнаказанно. И потому манера владыки была всепобеждающей. Он, как друг, облагораживал их своим присутствием и вниманием. Наблюдения же его в этой среде, когда он делился ими, были исключительного интереса»[35].

Благодушие владыки распространялось и на само лагерное начальство. Борис Ширяев описывал случай, когда ранней весной карбас с военкомом лагеря Суховым и четырьмя гребцами оказался в плену шуги (талого льда), и его понесло на север в открытое море. Несмотря на безнадежность ситуации, владыка Иларион отважился выйти на карбасе в море «на спасение душ человеческих» и спас не только жизнь, но и душу военкома [100, с. 334–337].

Находясь в лагере, архиепископ Иларион не ожесточился. Те, кто в это время находились вместе с ним, свидетельствовали о его полном монашеском нестяжании, глубокой простоте, подлинном смирении, детской кротости. Он просто отдавал все, что имел, что у него просили. Своими вещами он не интересовался, поэтому кто-то из милосердия должен был все-таки следить за его чемоданом. Архиепископа Илариона можно было оскорбить, но он на это никогда не отвечал и даже мог не заметить сделанной попытки. Он всегда был весел, и если даже озабочен и обеспокоен, то быстро старался прикрыть это все той же веселостью. Он на все смотрел духовными очами, и все служило ему на пользу духа.

В конце 1925 года владыку внезапно перевели в Ярославскую тюрьму, чтобы склонить его к присоединению к новому расколу, который возглавил архиепископ Григорий Екатеринбургский. После категорического отказа владыки Илариона, его весной 1926 года вернули на Соловки.

[35] Иларион (Троицкий), сщмч. Христианства нет без Церкви. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. С. 18-19.

Некоторое время он работал лесником и жил в бывшей часовне великомученицы Варвары, потом в качестве сторожа жил в Филипповой пустыни. Соловецкий узник писатель Олег Волков вспоминал, как по-дружески встречал владыка в пустыни его и Георгия Осоргина. Благословив, угощал чаем, как радушный хозяин, шутил, утешал. «Надо верить, что Церковь устоит, – говорил он. – Без этой веры жить нельзя. Пусть сохранятся хоть крошечные, еле светящиеся огоньки – когда-нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга. Это понимал даже Вольтер… Я вот зиму тут прожил, когда и дня не бывает – потемки круглые сутки. Выйдешь на крыльцо – кругом лес, тишина, мрак. Словно конца им нет, словно пусто везде и глухо… Но "чем ночь темней, тем ярче звезды…"[36] Хорошие это строки. И как там дальше – вы должны помнить. Мне, монаху, впору Писание знать» [13, с. 91–93]. Волков отмечал бережность и осторожность владыки в наставлениях к своей пастве. Как епископ, он должен был призывать к стойкости и подвигу, но по-человечески его устрашало предвидение скорбей и гонений, которые обрушатся на тех, которые последуют его наставлениям. «О себе он не думал и готов был испить любую чашу».

В 1927 году по просьбе владыки Илариона начальник лагеря Эйхманс дал разрешение всем желающим заключенным посетить Пасхальное богослужение в кладбищенской церкви прп. Онуфрия Великого. Он также разрешил позаимствовать на Пасхальную ночь древние хоругви, кресты и чаши из лагерного музея. Об этой единственной общелагерной Соловецкой Пасхе известно по описанию Бориса Ширяева. «Попасть в саму церковь удалось немногим. Она не смогла вместить даже духовенство... Все кладбище было покрыто людьми... Тишина... Грозным велением облеченного неземной силой Иерарха... прогремело заклятие-возглас владыки Илариона: "Да воскреснет Бог и расточатся враги Его!" ... Из широко распахнутых врат ветхой церкви, сверкая многоцветными огнями, выступил небывалый крестный ход. Семнадцать епископов в облачениях, окруженные светильниками и факелами, более двухсот иереев и столько же монахов, а далее нескончаемые волны тех, чьи сердца и помыслы неслись к Христу Спасителю в эту дивную, незабываемую ночь... С победным ликующим пением о попранной побежденной смерти шли те, кому она грозила ежечасно, ежеминутно... Пели все. Ликующий хор "сущих во гробех" славил и утверждал свое грядущее, неизбежное, непреодолимое силами зла Воскресение...» [100, с. 411–414][37]. За все время существования СЛОНа эта Пасхальная служба была единственной, которую могли посетить многие заключенные.

Осенью 1927 года началось новое нестроение в церковной жизни, связанное с публикацией декларации митрополита Сергия и с иосифлянским расколом. Архиепископ Иларион собрал в «келью архимандрита Феофана полтора десятка епископов, некоторые из которых стали соблазняться происходящим на воле смятением, и убедил святителей ни при каких условиях не идти на раскол: "Никакого раскола! – сказал он. – Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это как на провокацию!"» [15, т.4, с.440]. В 1928 году, когда все же не удалось избежать раскола

[36] Чем ночь темней – тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь – тем ближе Бог.
(А. Майков)

[37] Ширяев Б. Неугасимая лампада. М.: Сретенский монастырь, 1998. С. 411–414.

Архиепископ Иларион, 1929 г.
«Выкинут я стихией на далекий остров. Но сожаления я стараюсь не растравливать в душе моей… Так за долгие годы привык и живу не тужу. На лучшее не надеюсь, от худшего не отрекаюсь. Какова есть о мне воля Божия – так пусть и будет».

епископата на Соловках, Соловецкие монахи во главе с архимандритом Феофаном оставались в административном подчинении Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию, поэтому принадлежавшие к движению «непоминающих» не стремились служить в единственной «сергианской» Онуфриевской церкви, а предпочитали совершать богослужения в лесу.

28 июня 1928 года владыка Иларион писал своим близким, что до крайней степени не сочувствует всем отделившимся и считает их дело неосновательным, вздорным и крайне вредным. Такое отделение он считал «церковным преступлением», по условиям текущего момента весьма тяжким. «Я ровно ничего не вижу в действиях митрополита Сергия и его Синода, что бы превосходило меру снисхождения и терпения»,— считал он. В отношении митрополита Иосифа владыка Иларион считал, что переубедить его невозможно, «хоть лбом об стенку бейся», и что он, как допустивший грех отделения по злобе, останется до конца жизни при своих взглядах.

Много трудов положил архиепископ Иларион для того, чтобы найти общий язык с епископом Глазовским Виктором (Островидовым), который был близок к иосифлянам по убеждениям. «Говорить с ним не приведи Бог, – писал владыка в письме от 28 июня 1928 года. — Ничего слушать не хочет и себя одного за правого почитает». Несмотря на эту характеристику, архиепископ Иларион добился того, что епископ Виктор не только осознал свою неправоту, но и написал своей пастве, увещевая ее прекратить разделение.

Осенью 1929 года срок заключения владыки заканчивался, но власти не собирались выпускать его на свободу. 14 октября 1929 года он получил новый срок, который должен был отбывать в Средней Азии. Везли владыку этапным порядком. В дороге он заразился сыпным тифом. Без вещей (в дороге его обокрали), в одном рубище, кишащем насекомыми, его привезли в Ленинградскую тюрьму, где он и скончался 15/28 декабря 1929 года. Митрополит Серафим (Чичагов) добился у властей разрешения на похороны владыки в соответствии с саном. В больницу было доставлено белое архиерейское облачение и белая митра. Гроб с телом был доставлен в Новодевичий монастырь у Московской заставы, где и был похоронен владыка.

Владыка Иларион (Троицкий) был прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских на Архиерейском Соборе в 2000 году. Его мощи покоятся в московском Сретенском монастыре. Вся его жизнь, вплоть до мученической кончины, была горением величайшей любви к Церкви Христовой. Его постоянное напоминание: вне Церкви нет спасения.

Пророчески звучат слова владыки, призывающего каждого христианина к личной ответственности за судьбу Церкви: «Трудность настоящего времени для православного человека состоит, между прочим (если не главным образом), в том... что теперешняя жизнь Церкви требует от него высокодуховного отношения к себе. Нельзя полагаться на официальных пастырей (епископов и иереев), нельзя формально применять каноны к решению выдвигаемых церковной жизнью вопросов, вообще нельзя ограничиваться правовым отношением к делу, а необходимо иметь духовное чувство, которое указывало бы путь Христов среди множества троп, протоптанных дивьими зверями в овечьей одежде. Жизнь поставила вопросы, которые правильно, церковно правильно, возможно разрешить только перешагивая через обычай, форму, правило и руководствуясь чувствами, обученными в распознавании добра и зла. Иначе легко осквернить святыню души своей и начать сжигание совести (1 Тим. 4, 2) чрез примирение, по правилам, с ложью и нечистью, вносимыми в ограду Церкви самими епископами. На "законном" основании можно и антихриста принять...»[38].

5.11. СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПЕТР (ЗВЕРЕВ), АРХИЕПИСКОП ВОРОНЕЖСКИЙ

Последним правящим Соловецким архиереем стал архиепископ Петр (в миру Зверев Василий Константинович, р. 12 февраля 1876 – †7 февраля 1929). Родился в семье протоиерея Константина Петровича Зверева, который служил сначала в с. Вешняки под Москвой, потом был назначен настоятелем церкви в честь благоверного князя Александра Невского при доме московского губернатора. После убийства генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, по прошению великой княгини Елизаветы Федоровны протоиерей Константин Зверев служил в Сергиевском храме при Чудовом монастыре в Московском Кремле и был духовником будущей преподобномученицы Елизаветы.

У отца Константина было четверо детей, и у всех рано определились наклонности: Арсений любил писать разные бумаги и избрал карьеру чиновника; Кассиан играл в войну, впоследствии стал офицером и был убит на фронте в 14-м году; а Василий любил играть в церковную службу и всегда торопился попасть к началу богослужения в приходской храм вместе с отцом. Звонарь, видя идущего священника, ударял три раза в колокол, и мальчик считал, что два раза звонят отцу, а третий раз – ему.

---

[38] Письмо архиепископа Илариона (Троицкого) к Н. Н. по поводу Декларации митрополита Сергия (Страгородского) от 29 июля 1927 г., 4 ноября 1927 г. «Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы». М., 1996. С.236–237. Также, «Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей Церковной власти 1917–1943». М. 1994. С. 524–529.

Сщмч. Петр (Зверев), архиепископ Воронежский, 1926 г.

Василий с детства ощущал свое предназначение для дела Божия. Однажды он рассказывал о себе детям в назидание: «В детстве я был очень толстый и пухлый, и взрослые любили меня тискать, а я этого очень не любил. И вот вижу сон. Сидит за столом Спаситель в синей и красной одежде и держит меня на руках. А под столом – страшная собака. Спаситель берет мою руку и протягивает под стол собаке со словами: "Ешь ее, она дерется". Я проснулся и с тех пор уже никогда не дрался, а во всем старался себя сдерживать, не сердиться и не делать ничего дурного. Вам, мальчишкам, всегда хочется попробовать курить. А у нас отец строгий был, он нам однажды сказал: "Если кто будет курить, губы оторву!" Но попробовать все-таки хотелось. Выкурил я папиросу и пошел в церковь. Было Прощеное воскресенье. Запели: "Не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя..." Это было самое мое любимое песнопение. Но тут у меня нестерпимо закружилась голова, и пришлось мне выйти из храма. С тех пор я уже не пробовал курить» [15, с. 28].

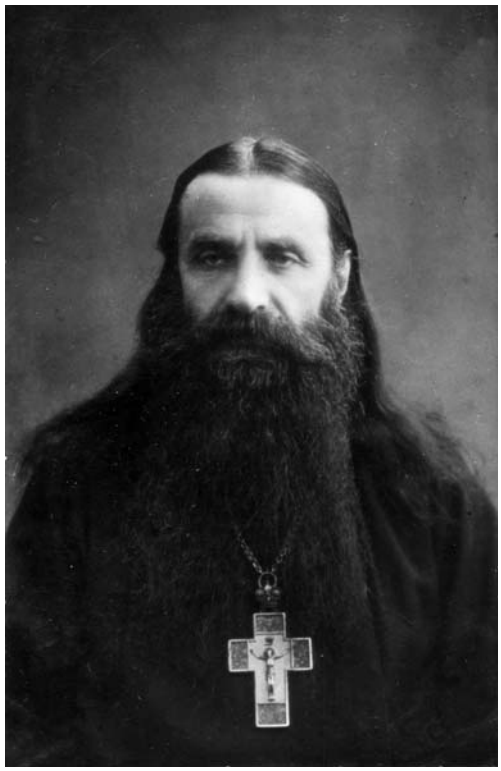
По окончании гимназии в 1895 году Василий поступил на историко-филологический факультет Московского университета, а в 1899 году подал прошение о зачислении на первый курс Казанской Духовной академии. Через год он был пострижен в монашество с именем Петр и рукоположен в сан иеромонаха.

В 1902 году иеромонах Петр был удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии. После нескольких лет педагогической работы в июне 1909 года он был назначен настоятелем Белевского Спасо-Преображенского монастыря Тульской епархии. В 1910 году он был возведен в сан архимандрита. В 1909–1916 годах архимандрит Петр имел возможность общаться со старцами Оптиной пустыни, он неоднократно бывал в Саровском и Дивеевском монастырях, имея особенное доверие к дивеевской блаженной Прасковье Ивановне. Она подарила ему холст своей работы, из которого ему впоследствии сшили архиерейское облачение, и он бережно его хранил, предполагая быть в нем погребенным.

15 февраля 1919 года в праздник Сретения Господня архимандрит Петр был хиротонисан Святейшим Патриархом Тихоном во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Епископ Петр был высокого роста, худощавый, с длинными волосами, которые он никогда не подстригал, с рыжеватой бородой, ясными голубыми глазами. У него был очень сильный голос и хорошая дикция; когда ему приходи-

лось служить в храме Христа Спасителя и он говорил проповедь, то по всему храму было слышно каждое слово.

Владыка поселился в нижегородском Печерском монастыре. Стены и потолок древнего монастырского собора в честь Успения Божией Матери были темными от копоти. Епископ обратился к народу с просьбой помочь навести порядок, и сам первый влез на лестницу и промыл часть потолка. Незадолго перед Пасхой владыка сам вышел очищать от снега двор монастыря. Кто-то спросил его: «Что это вы так трудитесь, владыко святый?» «Да как же? Надо будет в Великую Субботу с крестным ходом идти, а кругом снег, идти негде», – отвечал он.



Прпмч. Иннокентий (Беда), архимандрит. Скончался, будучи заключенным на Соловках в 47-летнем возрасте после тяжелой болезни 24 декабря (6 января) 1928 года, «примиренный со всем и со всеми, не произнося ни одного слова ропота или злобы» [15, с. 66]. Был погребен на монастырском кладбище близ Онуфриевской церкви. Он был келейником владыки Петра со времени его служения епископом Старицким викарием Тверской епархии в 1922 г.

Епископ Петр постепенно наладил в монастыре уставное богослужение, привлекал прихожан к пению и чтению на клиросе под руководством опытного уставщика. Он без устали служил и проповедовал, собирая множество народа. Иногда он служил всенощные всю ночь. «Под Рождество Христово всенощная начиналась в десять часов вечера, и после нее сразу же служилась литургия. Несмотря на столь продолжительные службы и самое простое пение, храм всегда был полон народа. Акафистов за всенощной епископ никогда не читал, но зато требовал, чтобы полностью вычитывались кафизмы; акафисты читались только на молебнах. Епископ Петр особенно любил Псалтирь, которая отражает все многообразие душевных переживаний и обстоятельств, в каких приходится бывать человеку; богодухновенная книга, она нас научает — как и о чем просить Бога. Как-то раз епископа пригласили служить в один из храмов и на всенощной почти полностью пропустили кафизмы. Епископ Петр подозвал настоятеля и сказал ему: “Почему ты не любишь царя Давида? Люби царя Давида”» [15, с. 40].

В нем была особенная благодатная сила, которая притягивала к нему людей. Когда в мае 1921 года владыка был арестован по обвинению «в разжигании религиозного фанатизма в политических целях», сормовские рабочие объявили трехдневную забастовку. Власти пообещали рабочим, что отпустят архиерея, но вместо этого отправили

его в Москву на Лубянку, потом в Бутырскую тюрьму, а затем в Таганскую. «Когда его уводили из Бутырской тюрьмы, то с ним прощались все заключенные в камере, многие плакали, даже надзиратели пришли проститься. "Я вспомнил тогда прощание апостола Петра", – говорил епископ, рассказывая о своем пребывании в заключении» [15, с. 42].

После тюремного заключения, епископ Петр был назначен на Тверскую кафедру, затем вновь арестован и отправлен в ссылку, а в 1926 году избран общим желанием народа на Воронежскую кафедру, где ему пришлось бороться с обновленчеством.

Владыка Петр находил утешение в молитвенном обращении к преподобному Серафиму Саровскому. Он послал своего ближайшего помощника архимандрита Иннокентия (Беду) в Саров за нотным акафистом преподобному Серафиму и затем каждую среду служил преподобному молебен с акафистом. Архиепископ Петр любил церковную молитву, так как в словах церковных гимнографов и святых подвижников, как и в церковных уставах, открывалась перед его духовным взором «неохватная жизнь, в них еще на земле ощущалось небесное. Будучи в Воронеже, владыка говорил своему келейнику отцу Иннокентию: "Во всем твой Петр грешен, только устава никогда не нарушал"» [15, с. 41].

Архиепископ Воронежский и Задонский Петр был арестован 29 ноября 1926 года, а 26 марта следующего года был приговорен к десяти годам заключения в Соловецком концлагере. Владыка принимал испытания без ропота, смиренно следуя пути спасения. После первого тюремного заточения в 1921 году он сказал своим духовным чадам: «Как хотел бы я открыть свое сердце, и показать вам, как страдания очищают сердце» [15, с. 42].

На Соловках владыка сначала работал сторожем вместе с архиепископом Курским Назарием, а затем счетоводом на продовольственном складе, где в то время трудилось заключенное духовенство. Он жил в стенах монастыря в «малой комнатке» при складе, вместе с епископом Печерским Григорием из Нижнего Новгорода. На Соловках еще действовала церковь преподобного Онуфрия Великого, и владыка имел возможность служить. «Одна у нас радость и утешение – это церковь, где находим абсолютный душевный покой, забываются все жизненные невзгоды далекого севера. В церковь имеем возможность ходить почти ежедневно. Вот тут в уголке, в тиши молитвенно вспоминаются лица, с которыми так или иначе приходилось в жизни встречаться; и когда всех вспомнишь, легко, легко на душе станет, уходишь из храма обновленным и ободренным» [15, с. 446], – писал верный сподвижник владыки Петра архимандрит Иннокентий.

В 1928 году владыку Петра поминали на богослужениях как архиепископа Соловецкого. 7 января 1928 года в день празднования Рождества Христова настоятель Соловецкой монашеской общины игумен Феофан был возведен в сан архимандрита. Кто из архиереев возглавлял тогда богослужение – неизвестно, так же, как неизвестно, кто совершил рукоположение иеромонаха Геласия в день Благовещения[39]. Из-за того, что еще до Пасхи владыку Илариона переместили на

[39] Архимандрит Феодосий (Алмазов) писал, что после освобождения с Соловков архиепископа Херсонского и Одесского Прокопия (Титова) «главой Соловецкого православного духовенства Соловецким епископатом был избран, после отказа архиепископа Илариона, преосвященный Петр» [92, с. 93]. Последнее упоминание о пребывании архиепископа Прокопия на Соловках относится к июню 1927 г. [72, с. 179]

отдаленную Филимоновскую тоню, Пасхальное богослужение 1928 года в церкви преподобного Онуфрия Великого возглавил архиепископ Петр (Зверев). Ему сослужили двенадцать иерархов.

М. Никонов-Смородин вспоминал: «Запас риз в ризнице церкви был небольшой, и пришлось монахам несколько риз сшить из мешков. Незабываемая была служба. Трудно о ней и рассказать обычными людскими словами. В церкви небольшая кучка монахов, два-три заключенных в серых бушлатах. Крестный ход вокруг церкви без колокольного звона и соловецкое особое пение на древний образец вызывали у всех слезы. Еще бы, пятисотлетние традиции. И заметьте, – иерархи отправляют службу так же – именно на этот старинный лад. Помните поговорку – со своим уставом в чужой монастырь не суйся. Это, оказывается, не пустые слова. И вот от этого особого лада соловецкая служба получается особенная, проникновенная.… С клироса глазами пронзительными и невидящими одновременно озирал стоящих в храме иеромонах[40]. Лицо его под надвинутым на брови клобуком – как на древних новгородских иконах: изможденное, вдохновленное суровой верой. Он истово следил, чтобы чин службы правили по монастырскому уставу, и не разрешал регенту отклониться от пения по крюкам. Знаменитые столичные дьяконы не решались при нем петь молитвы на концертный лад... Все мы в церкви воспринимали ее как прибежище, осажденное врагами. Они вот-вот ворвутся... как семь веков назад ворвались татары в Успенский собор во Владимире»[41].

По воспоминаниям архимандрита Феодосия (Алмазова), бывшего в заключении в Соловецком лагере в 1927–1929 годах, во время Великого поста 1928 года желающих побывать на богослужении водили в церковь под конвоем, а на Пасху удалось получить разрешение на выход за крепостные стены только с большим скандалом. Вскоре ссыльному духовенству запретили служить, под предлогом борьбы с сыпно-тифозной эпидемией. Все духовные лица были острижены и переодеты в гражданскую одежду. Тем не менее, на праздник Покрова Пресвятой Богородицы был рукоположен в диаконы монах Иларион. Рукоположение совершил либо архиепископ Иларион (Троицкий) либо архиепископ Петр (Зверев), считавшийся в то время правящим архиепископом Соловецким, так как в этот день оба они, по-видимому, присутствовали за богослужением. Архимандрит Феодосий (Алмазов) писал о том, что в праздник Покрова, как особо чтимый в Московской Духовной Академии, ректором которой был архиепископ Иларион, они имели утешение собраться в каптерке у счетовода первого отделения (Кремля) – владыки Петра. Там были «речи, яства, чай – уютно, назидательно и сытно» [92, с. 93]. Эта радость была дана как укрепление перед грядущими испытаниями. Через неделю архиепископа Петра отправили на о. Анзер на Троицкую штрафную командировку за то, что вопреки строжайшему запрету лагерной администрации на совершение треб он крестил в Святом озере эстонку.

Владыка Петр трудился счетоводом на лагерной командировке, находившейся в бывшем Троицком скиту, а жил в четырех километрах в доме бывшей спаса-

[40] Иеромонах Мартин (Марков Василий Иванович, р. 1868) – уставщик [82, вып. 9, с. 118].
[41] Никонов-Смородин М. З. Красная каторга. София, 1938. С. 191–193.

Избушки бывшей Троицкой спасательной станции. Фото начала XXI в.

тельной станции на Троицком мысу. 15 января 1929 года владыка писал: «Слава Богу за все, что пришлось мне за это время пережить и переживать. Нынешний раз как-то особенно грустно и скорбно я встретил и провожу праздники – ведь шестые праздники провожу вне дома, не с теми, с кем бы желалось. Но все это решительно надо терпеть. Ну, что делать. Не так живи, как хочется, а как Бог велит… У нас, по-видимому, настала настоящая зима, с ветрами и метелями, так что ветер едва не валит с ног… Живу в уединенном и пустынном месте на берегу глубокого морского залива, никого не вижу, кроме живущих вместе, и могу воображать себя пустынножителем» [15, с.70].

Владыка Петр искал утешение в молитвах преподобному Герману – первому Соловецкому пустынножителю – и составил ему акафист, который переслал по частям своим чадам в Воронеж. Одна, тогда юная, будущая монахиня Ксения (Новикова) собрала разрозненные отрывки по знакомым и восстановила этот акафист праведника праведнику, соловчанина последних времен первооснователю. Затем этот акафист был издан игуменом Германом (Подмошенским) [74, с. 25–35]. В завершающей акафист молитве преподобному Герману владыка Петр обратился к нему с просьбой о помощи и укреплении: «Да ревностне поработаем Господу Богу прочее время живота нашего и понесем на себе иго Его благое и легкое Его бремя и, тако достигше благодатию Христовою Небеснаго Царствия, сподобимся с Тобою и со всеми Святыми славити и воспевати пречестное и великолепое Имя Отца и Сына и Святаго Духа…». Владыка предчувствовал близкую встречу с вечностью.

В январе 1929 года владыка заболел тифом и был доставлен в больничный изолятор, открытый в стенах церкви Распятия Господня на Голгофе. Перед кончиной архиепископ Петр удостоился посещения великомученицы Варвары, кото-

Голгофо-Распятский скит в 1990-е годы

рая причастила его Святых Христовых Таин. В тот же день 25 января (7 февраля) 1929 года на праздник любимой им иконы Царицы Небесной «Утоли моя печали» владыка Петр скончался. Он чувствовал себя готовым переступить порог вечности и несколько раз написал на стене карандашом: «Жить я больше не хочу, меня Господь к Себе призывает».

Лагерное начальство приказывало хоронить всех умерших в общих могилах, поэтому тело владыки Петра было также брошено в общую, почти уже заполненную, могилу. Один из священников пошел к начальнику 6-го отделения просить разрешения устроить торжественные похороны почившему и поставить на могиле крест. С Большого Соловецкого острова, еще когда владыка болел, Георгий Осоргин сумел передать мантию и малый омофор для облачения усопшего. В мастерской хозяйственной части заказали сделать гроб и крест. Разрешение на участие в похоронах получили три священника и двое мирян, однако не позволено было торжественного совершения отпевания и погребения в облачении. Сам архиепископ Петр всегда служил отпевания и панихиды без малейшей поспешности полностью, по уставу, с семнадцатой кафизмой, без всяких сокращений. «Кто отслужит по мне такую панихиду?» — говорил он [15, с.41]. И Господь исполнил желание его сердца.

Вопреки запрещениям начальства, выкопали отдельную могилу напротив алтаря Воскресенского храма. «Освободили от еловых веток общую могилу. Владыка лежал в длинной рубахе со сложенными на груди руками, лицо было осыпано еловыми иголочками. Три священника на простыне подняли его из могилы, расчесали волосы, отерли лицо и начали прямо на снегу облачать. Весь он был белый и мягкий, как будто вчера только умер. Облачили владыку в лиловую новую мантию, клобук, омофор, дали в руки крест, четки и Евангелие и совершили

отпевание. Перед тем как вложить в руку владыки разрешительную молитву, все три священника расписались на ней. Монахиня Арсения спросила: “Почему вы расписываетесь? На молитве ведь не расписываются?” Они ответили: “Если время переменится, будут обретены мощи владыки, будет известно, кто его хоронил”.

На отпевание собралось около двадцати человек. После отпевания кто хотел, произнес слово, затем опустили останки священномученика в могилу, поставили на ней крест и сделали надпись. Один из хоронивших архиепископа священников рассказывал впоследствии, что, когда зарыли могилу, над ней стал виден столп света и в нем явился владыка и благословил их [15, с.41].

В июне 1999 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил рабочую группу при Синодальной комиссии по канонизации святых под руководством иеромонаха (ныне игумена) Дамаскина из Синодальной комиссии и игумена Германа из Соловецкого монастыря отыскать место захоронения архиепископа Воронежского Петра. Ранее Синодальная комиссия по канонизации святых изучила документы, свидетельства и другие исторические материалы, касающиеся судьбы владыки, и передала их в Синод для решения вопроса о канонизации архиепископа Петра на ближайшем Архиерейском Соборе. Единственным документом, который мог помочь в поиске места погребения владыки Петра, были вспоминания его духовной дочери игумении Иулиании: «Похоронили Владыку внизу против престола (алтаря храма) на полугоре. Поставили крест. В головах — елка, в ногах — три пихты. Владыка умер от тифа последним, после него никто уж не умирал. Тиф кончился, и настало тепло». И все же 17 июня 1999 года мощи были обретены среди тысяч безымянных захоронений!

По возвращении в Москву участники рабочей группы вспоминали: «Стояли мы у подножия анзерской Голгофы в растерянности. Густой лес, травы и мхи покрывали склоны горы. Никаких видимых следов захоронений! Еще весной 1929 года, по свидетельству архимандрита Феодосия, “все кресты на Соловецких кладбищах были сняты и обращены в дрова. В Соловках, видите ли, дров мало и топиться нечем. Да видит и судит Господь...” После закрытия тюрьмы в 1939 году всякие следы концлагеря уничтожались с участием военных.

Рабочей группе могли помочь свидетельства очевидцев. Известно, что владыку Петра похоронили напротив алтаря. Но какого алтаря? Каменного ли Распятского храма на вершине или

Обретение мощей сщмч. Петра

Икона сщмч. Петра

нижней деревянной Воскресенской церкви? После общей молитвы в нижней церкви решили начать поиски наверху, у каменного храма. Там, за развалинами старой монастырской конюшни, просматривались среди травы какие-то ямы. Но к исходу второго дня работы убедились, что захоронений здесь нет. Члены поисковой группы вновь спустились к подножию горы, к Воскресенской церкви, и начали обследование старого монастырского кладбища. И вот вечером 17 июня, почти одновременно, были обнаружены следы пяти захоронений периода соловецкого концлагеря: одиночная могила на полугоре, выше апсиды храма и четыре больших захоронения к северо-западу от церкви. Все собрались у одиночной могилы — предполагаемого места захоронения архиепископа Петра — служить литию в память владыки-мученика. Закатное небо окрасилось в густой багровый цвет. Поднялся сильный ветер. Облака с бешеной скоростью летели на север…

Вскрытие общих захоронений непреложно свидетельствовало: на Анзере замученных, умерших от голода, страданий и болезней сбрасывали в ямы без гробов и даже без одежды, а по мере наполнения присыпали эти чудовищные братские могилы землей. Мы, наверное, никогда не узнаем, сколько безымянных узников приняла таким образом Соловецкая земля. Неслышный крик разносился над Голгофой. Семьдесят лет души этих несчастных томились и ждали упокоения. После обследования могилы были закрыты, над каждой поставили крест. У подножий крестов загорелись свечи. В наступившей ночной тишине послышалось тихое церковное пение: совершался чин погребения усопших...» [81, с. 172].

17 июня 1999 года в одиночном захоронении, по милости Божией, были обретены честные останки архиепископа Петра. Сначала они были перенесены в Воскресенскую церковь, где отслужили перед ними первые молебны. И те, кто прикладывался к мощам священномученика, ощущали не могильный холод, а живую теплоту и благоухание...

На Юбилейном Архиерейском соборе в августе 2000 года архиепископ Петр прославлен в лике святых, 23 августа того же года в день памяти Святых Новомучеников и Исповедников Соловецких его честные мощи впервые были принесены в Спасо-Преображенский собор для общецерковного поклонения. На месте обретения мощей, на склоне Голгофы, в 2002 году поставлена деревянная часовня.

В 2009 году состоялось перенесение мощей священномученика Петра на место его последнего епископского служения в Алексиево-Акатов монастырь города Воронежа. 9 августа в Преображенском соборе Соловецкого монастыря митропо-

Ковчег с главой священномученика Петра

лит Воронежский и Борисоглебский Сергий совершил Божественную литургию, во время которой мощи священномученика Петра (за исключением главы) были переданы Воронежской епархии, а затем ковчег с мощами был доставлен крестным ходом в аэропорт.

Во время торжественной встречи мощей в Воронеже Высокопреосвященнейший Митрополит Сергий сказал: «Мы должны воспринять перенесение мощей святителя Петра как особый знак милости Божией, милости святителя к нам, грешным. Как его протянутую руку для того, чтобы мы воспользовались его помощью на пути ко спасению. Ведь мы живем не в лучшие времена. Искушений у нас больше, чем в XIX и XX веках. У нас размывается сама граница между грехом и святостью. Часто мы пребывание во грехе считаем нормальным состоянием, а подчас – героическим.

И нам нужны жизнь и подвиг святителя Петра в качестве живого примера, чтобы устоять в правде и сделать выбор: с кем мы – с Богом или с силой противной. Готовим ли мы своей жизнью приход антихриста, или же мы своей жизнью отодвигаем торжество зла.

Дай Бог, чтобы по молитвам новомучеников Российских, святителя Петра, архиепископа Воронежского, Господь подал нам милость, чтобы не только мы, но и наши дети, и наши внуки славили Господа под мирным небом и способствовали тому, чтобы добро побеждало зло».

В настоящее время на Соловках ковчег с главой священномученика Петра находится в монастыре в храме Святителя Филиппа.

5.12. ДЕЛО ЕПИСКОПА АРКАДИЯ (ОСТАЛЬСКОГО) И ЛИКВИДАЦИЯ МОНАШЕСКОЙ ОБЩИНЫ НА СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ

В 1929 году на Пасху в церкви были только Соловецкие монахи и высшее духовенство. Вход в храм заключенным строжайше запретили. 30 июля 1929 года к 500-летию прихода на Соловецкие острова Преподобных Савватия и Германа (1429 г.) иеромонах Мартин составил последний известный список братии, в котором перечислены имена 58 насельников [85, вып.2, с. 182]. Из 13 иеромонахов 11 рукоположены после 1923 года, а иеродиаконы все рукоположены после 1924 года. В 1929 году иеромонахи Агапит, Алексий и Наум возведены в игуменский сан, иеродиаконы Сосфен, Вонифатий и Феодорит рукоположены в иеромонахи, а иеродиакон Филипп – в архидиакона. Точные даты посвящений не указаны.

Когда составлялся список, еще только было принято решение о наградах и рукоположениях. Все понимали, что неотвратимо приближается конец существования монашеской общины на Соловках. Ю. Бродский пишет: «В 1930 г., когда из заключенных было подготовлено уже достаточное количество специалистов, необходимых для поддержания Соловецкого хозяйства, монахов лишили пристанища в Кремле, а в 1931 г. конфисковали, наконец, и кладбищенскую церковь» [6, с. 212].

Некоторые упоминания о жизни монахов в 1930–1931 годы сохранились во внутрилагерном деле епископа Аркадия (Остальского)[42]. Дело было возбуждено по доносу осведомителя ГПУЭ «епископа» раскольнической автокефальной украинской церкви Стефана Орлика. Он сообщил, что накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы 4 декабря 1930 года ему стало известно, что «в часовне около пристани, где проживают вольные монахи, состоится богослужение в последний раз, так как монахов отправляют на материк. Утром праздничного дня в 5-6 часов я зашел в часовенку. Там на втором этаже шло богослужение, которое совершал епископ Аркадий Остальский совместно со священником Савченко и вольным монахом. Остальные присутствующие, в том числе и я, пели… Богослужение ничем от обычного не отличалось, за исключением "слова утешения", произнесенного Остальским в конце литургии. Обратившись к присутствующим (было человек 15-20), Остальский указал на гонения христиан в первые века, когда верующие прятались в катакомбы, сравнил первые века христианства с нынешним временем и указал, что, хотя молиться собираемся на чердаках, но унынию предаваться не следует, а каяться, молиться и просить у Всевышнего прощения личных наших грехов, и Богоматерь умолит Сына Своего ниспослать на наш народ страждущий и на страждущих насельников исторической святыни Соловецкой благодатную милость Свою, избавляющую от тяготы жизни настоящей, а если вера наша будет крепка, то грядут и лучшие дни, и будем радоваться во Имя Господне»[43].

Епископ Аркадий был арестован во время всенощного бдения на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы 6 апреля 1931 года. Он пришел на богослужение с лагерной командировки, расположенной за 14 километров от монастыря в Савватиевском скиту «по увольнительной № 16»[44]. На допросе владыка, конечно, отрицал, что пришел в часовню ради богослужения: «На службу к вольным монахам на Благовещение я попал ненамеренно, а приходил к ушному врачу, но потом задержался – и к монахам зашел, чтобы достать у них что-либо съестное, так как я молочной пищи не ем, поэтому иногда необходимые продукты достаю через них; потом я туда заходил иногда, чтобы исповедоваться…»[45].

Приведем также показания епископа Аркадия, касающиеся положения монашеской общины в 1931 году: «В посещении вольных монахов я не считаю себя виновным. В 1928 г., когда я прибыл в п. Кремль, мы, заключенное духовенство, не только имели полное общение с вольными монахами в храме, но и невозбранно ходили к ним на квартиры и даже дневалили в их квартире. Сам я в продолжение

[42] Архив УФСБ по Архангельской области. Д. П-15353.
[43] Там же. Л. 25–26.
[44] Там же. Л. 50.
[45] Там же. Л. 53б.

некоторого времени дневалил в их помещении. Большую часть 1929-го и 30-го годов я провел на о. Анзере и, когда после длинного перерыва пришел в п. Кремль, то узнал, что пять монахов живут в часовне и подле них нет даже дневального; отсюда я понял, что вход к ним не возбранен, тем более, что никто и никогда не объявлял мне запрет на встречу с вольными монахами. К тому же мне было известно, что они работают вместе с заключёнными и потому находятся в непрерывном с ними общении»[46].

Описание богослужения 6 апреля 1931 года известно со слов оперуполномоченного, пришедшего арестовать владыку: «В верхнем помещении часовни происходило богослужение, на котором присутствовало 15 человек, в том числе 8 человек заключенных. Совершал богослужение вольный монах Мошников Ювеналий в полном облачении священника, помогал ему заключенный Травин Константин Павлович, одетый в монашескую мантию и в то же был одет и заключенный Остальский Аркадий Осипович. Остальные заключенные стояли в своих одеждах… Заключенный Остальский мной задержан… Богослужение мной не прерывалось и продолжалось после моего ухода»[47]. К этому донесению прилагался «Список вольных монахов, присутствовавших 6 апреля 1931 г. на богослужении в помещении часовни ими занимаемой:

Кордин Сергей Ильич
Губкин Семен Андреевич
Селезнев Семен Климович
Рыболовлев Ионикий Федорович
Колотов Платон
Варакин Феодорит Павлович
Иеромонах Ювеналий»[48].

Удалось найти данные обо всех участниках этого богослужения. Первая фамилия была записана ошибочно. Следует читать: Коркин Сергей Ильич – мирское имя иеромонаха Симона (р. 1874). Был отставным надзирателем больных. Проживал в монастыре с 1906 года. В Соловецком братском училище окончил 5 классов. 24 февраля 1913 года пострижен в монашество. В 1915 году проходил слесарное послушание и состоял помощником заведующего электростанцией. «Отличных нравственных качеств, очень способен и внимателен к порученному делу» [138, №87]. В 1920 году упоминается как иеродиакон, по-видимому, рукоположен в сан иеродиакона в августе 1917 года. 6 октября 1924 года рукоположен в сан иеромонаха. Упоминается в списках 1922 и 1929 годов. Он считался ценным работником в совхозе, а затем в лагере.

Вторым в списке значится мирское имя монаха Самуила. Родился он в 1873 году в семье вологодских крестьян. Поступил в монастырь в 1899 году. Окончил 4 класса Соловецкого братского училища. 20 февраля 1911 года пострижен в монашество. Был хорошим столяром. Отзыв 1915 года: «Кроток, смирен, послушлив и трудолюбив» [138, №79]. Упоминается в списках 1920–1922 и 1929 гг.

[46] Там же. Л. 136.
[47] Там же. Л. 50.
[48] Там же. Л. 51.

Третьим в списке стоит имя Селезнева Семена Климовича. Под договором 1921 года он подписался как Сосфен Селезнев. Таким образом стало известно его монашеское имя. В послужном списке 1915 года он значился послушником. Семен Климович родился в 1875 году в семье мещан г. Архангельска, проживал в монастыре с 1904 года. Окончил 4 класса братского училища. 9 июня 1914 года определен в послушники. В 1915 году проходил слесарное послушание при электростанции. «Очень хороших качеств и способностей» [138, №124]. В списке 1920 года его имя упоминается среди имен монахов, постриженных 24–25 июня 1918 года. В 1929 году был рукоположен в иеромонаха.

У четвертого участника богослужения монашеское имя соединено с фамилией и отчеством. Из сопоставления списков 1915 и 1929 годов следует, что послушник Василий Федорович Рыболовлев стал монахом Иоанникием, а 1 января 1925 года был рукоположен в сан иеродиакона. Он родился в 1883 году в крестьянской семье Вятской губернии. Проживал в монастыре с 1906 года. 17 сентября 1910 года определен в послушники. В 1915 году трудился на разработке торфяных болот под сенокосные луга. «Примерный послушник, весьма полезный труженик, всей душой предан своему делу». Упоминается в списке 1920 года как послушник. В совхозе он заведовал салотопенным заводом до 1923 года. Его имя присутствует в списках 1920–1922 и 1929 годов и упоминается в актах о сокрытии имущества 1923 года.

Пятым записан монах Платон. Его полное имя в миру Колотов Павел Никитич. Родился он в 1863 году в крестьянской семье в Вологодской губернии. Проживал в монастыре с 1888 года. 14 марта 1899 года пострижен в монашество. Согласно послужным спискам 1909–1915 годов, проходил послушание нарядчика по разным монастырским работам и заведовал лесопильным заводом. «Очень хороших качеств и способностей, заботлив и старателен в своем деле, терпеливый старательный труженик» [138, №21]. Отец Платон был хорошим организатором работ, поэтому и был оставлен на Соловках до 1931 года.

Следующим записан Варакин Феодорит Павлович. Из сопоставления списков 1915 и 1929 годов, следует, что послушник Феодор Варакин, упоминаемый 79-м в списке 1915 года, стал иеромонахом Феодоритом. Он родился в 1880 году в Архангельске и поступил в монастырь в 1905 году. 7 июля 1909 года был определен в послушники. В 1915 году проходил послушание по прорытию каналов между озерами. Его имя присутствует в списках 1920–1922 годов. В 1920 году упоминался как послушник. Дата пострига неизвестна. Рукоположен в сан иеромонаха в 1929 году.

Сан вместе с именем указан только у служившего в тот день иеромонаха Иувеналия. Его имя в миру было Иоаким Никитич Мошников. Родился он в 1877 году в крестьянской семье, по-видимому, в Варзуге на Терском берегу Архангельской губернии. Проживал в монастыре с 1900 года, окончил 4 класса братского училища. 19 февраля 1911 года пострижен в монашество. 15 июля 1911 года рукоположен в сан иеродиакона. Согласно послужному списку 1915 года, усердно исполнял череду богослужения. По характеру «кроток, смирен, послушлив и трудолюбив». Его имя упоминается в списках 1920, 1921 и 1922 годов. 19 декабря 1924 года о. Иувеналий рукоположен в сан иеромонаха.

Таков был состав Соловецкой монашеской общины в апреле 1931 года. Дальнейшая судьба последних членов Соловецкого братства пока неизвестна. По

воспоминаниям В. Кичкаса, «18 июня 1931 г. покинул Соловки последний свободный Соловецкий монах» [6, с. 212].

Расскажем теперь о священномученике Аркадии, епископе Бежецком (Остальский Аркадий Иосифович, р. 1888–†29 декабря 1937), который был арестован во время богослужения 6 апреля 1931 года.

Он с юных лет стремился к монашескому подвигу, но по настоянию родителей женился. В 1911 году был рукоположен в сан священника к Староконстантиновскому собору с оставлением в должности Волынского епархиального миссионера. В 1914–1917 годах служил военным священником в 408-м Кузнецком пехотном полку. Затем – священником в Житомире, много проповедовал, создал при приходском храме Свято-Николаевское братство, которое оказывало помощь всем нуждающимся и больным, хоронило умерших, не имевших близких и родственников. В 1922 году был арестован за оглашение в храме послания Патриарха Тихона об изъятии церковных ценностей. На суде все свидетели говорили об отце Аркадии как об удивительном пастыре, добром и исключительно самоотверженном человеке, бессребренике, священнике, который всю свою жизнь посвятил служению Богу и людям. Однако в слове прокурора утверждалось, что эти характеристики лишь усугубляют характер преступления священника Аркадия Остальского, «показывая в нем человека идейного, убежденного, между тем как проповедуемые им религиозные идеи противоречат установкам и идеям советской власти; такие люди, как священник Аркадий Остальский, не только не нужны советскому государству, но и крайне вредны для него.

Суд приговорил отца Аркадия к расстрелу. Во время чтения обвинительного заключения и приговора отец Аркадий заснул, и конвоиры вынуждены были его разбудить, чтобы сообщить, что он приговорен к смерти. “Ну что ж, – сказал священник, – благодарю Бога за все. Для меня смерть – приобретение”» [15, т. 3, с. 447].

Впоследствии по ходатайству прихожан расстрел был заменен пятью годами заключения, а в 1924 году отец Аркадий был досрочно освобожден. Пока он находился в тюрьме, его супруга вышла замуж за офицера Красной армии и после освобождения отца Аркадия потребовала, чтобы он дал ей развод. Отец Аркадий не возражал, так как детей у них не было, а он отдавал все время молитве и церкви.

Для определения своей судьбы он отправился на богомолье к преподобному Серафиму в Дивеево и в Саров. В Дивееве его встретила блаженная Мария Ивановна и сказала: «Будешь епископом, но из тюрьмы не выйдешь». В Саровской Успенской пустыни он был пострижен в мантию с оставлением того же имени.

«Вернувшись из Сарова в Житомир, иеромонах Аркадий все время стал отдавать братству и усилил молитвенные и аскетические труды; перед ним, как никогда ясно, предначертались смысл и цель христианской жизни – в стяжании Духа Святого и в святости. Он видел, что внешний мир – и государственный, и административно-церковный – беспощадно разрушался врагами Христа и все попытки восстановить его могли оказаться тщетными, и потому для верующих самым надежным оставался узкий путь ко спасению – в исполнении с наивозможной тщательностью заповедей Христовых… На одной из открыток, подаренной духовной дочери, он написал пожелание, которое в такой же степени относил и к себе: “Не тот блажен, кто хорошо начинает, но кто хорошо кончает

подвиг свой. Посему подвиг покаяния и борьбы со страстями должен быть пожизненным"» [15, т. 3, с. 447].

В начале 1926 года иеромонах Аркадий был возведен в сан архимандрита, а 15 сентября того же года в Москве был хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. Хиротонию возглавлял митрополит Сергий (Страгородский).

Въезд в епархию, в город Лубны, ему был запрещен, однако епископ решил отслужить хотя бы пасхальное богослужение. Ему удалось никем не замеченным добраться до лубенского собора и перед самым началом пасхальной полунощницы, около половины двенадцатого, войти в алтарь. Представившись настоятелю, владыка облачился, и началось пасхальное богослужение. Уже во время службы в храме стали появляться представители властей. Чтобы не быть арестованным, епископ Аркадий сразу после богослужения выехал из города. Это было единственное богослужение в назначенной ему епархии.

Сщмч. Аркадий (Остальский), епископ Бежецкий. «Только Христос услаждает наши скорби, только Он навсегда излечивает наши душевные раны; посему только на Него возложим всю нашу надежду». Надпись на одной из фотографий [3, т.1, с. 182].

Епископ уехал в Новоафонский монастырь на Кавказе и скрывался в горах вместе с подвижниками, которые населяли в то время пропасти и ущелья Кавказских хребтов. Понимая, что он находится в розыске и в любой момент может быть убит, владыка Аркадий носил под подкладкой сапога свою фотографию, чтобы в случае смерти люди могли установить личность.

Он поддерживал переписку с духовенством Полтавской епархии, и, когда один из священников после опубликования декларации митрополита Сергия (Страгородского) хотел отказаться от канонического подчинения, считая изложенную в декларации позицию изменой православию, написал ему увещевательное письмо, которое без его ведома было распространено как послание к лубенской пастве. В тексте письма владыка откровенно писал, что Церковь подвергается гонениям за веру со стороны советской власти, поэтому современным христианам нужно быть готовыми последовать примеру мучеников, которые «умирали за свободу Церкви, за ее священные предания и даже за книги и сосуды».

Епископ Аркадий считал, что Церкви следует отказаться от выказывания всяких внешних знаков подчинения советской власти, а народу следует под-

держивать стойкость и мужество своих пастырей заботой об их семьях в случае преследований. Позиция, изложенная в письме, и отказ назвать имя священника, которому это письмо было адресовано, послужили достаточной причиной для ареста епископа Аркадия и вынесения Коллегией ОГПУ приговора (23 июля 1928 г.) о заключения его в Соловецкий концлагерь сроком на 5 лет.

12 августа преосвященный Аркадий прибыл в Соловецкий концлагерь и был определен в 11-ю роту на тяжелые работы. В сентябре его перевели в 6-ю «сторожевую» роту, в которой тогда в основном трудилось духовенство. Сторожем епископ трудился до 9 мая 1929 года, затем ему пришлось выполнять земляные работы при строительстве дренажной системы, а в июне 1929 года он был отправлен на общие работы на Троицкую командировку на остров Анзер. Эти перемещения были обусловлены тем, что и в среде духовенства, и в среде уголовников владыка не только раздавал все, что получал сам от своих духовных детей, но и окружающих настраивал на помощь друг другу, чтобы никто не чувствовал себя лишенным поддержки. Начальство было недовольно его влиянием на заключенных. Один из осведомителей доносил, что на страшной командировке Овсянке, куда отправляли штрафников на лесные работы, епископ Аркадий, бывший там вещкаптером, «среди заключенных пользовался особой популярностью, и каждое его слово считалось почти за святое» [3, т.1, с. 462].

В лагерном формуляре тюремщики характеризовали владыку Аркадия следующим образом. В 1929 году на Анзере: «Взысканиям не подвергался, поведение и отношение к труду удовлетворительное, религиозного убеждения». В июле 1930 года на Троицкой командировке: «Лагерному распорядку не подчиняется... группировал вокруг себя служителей культа, ведя среди них агитацию против обновленческого направления... Требует строгой изоляции и неуклонного наблюдения». В октябре 1930 года епископа Аркадия перевели во 2-ю роту поселка Савватиево, где он получил место сторожа. Здесь старший надзиратель писал о нем: «Поведение хорошее, работу выполняет, так как находится в лагере... среди служителей культа имеет большое влияние; религиозного убеждения». В марте 1931 года епископа снова перевели на общие работы на участок Овсянка, а затем на том же участке он работал сторожем [3, т.1, с. 456].

Как упоминалось выше, 6 апреля 1931 года епископ Аркадий был арестован во время всенощной под Благовещение. Следствие продолжалось до конца июля. Большинство проходивших по этому делу священников и мирян были приговорены к 6 месяцам штрафного изолятора, нескольким священникам добавили к сроку заключения два года, а епископу Аркадию – пять лет. После вынесения приговора епископ на некоторое время был помещен в штрафной изолятор на Секирной Горе.

В воспоминаниях Юрия Чиркова рассказывается о последней пасхальной заутрене, отслуженной епископом Аркадием на Соловках в 1936 году. Служили в библиотеке. На столике под портретом Дарвина стоял складень с иконами и горели три восковые свечи. Присутствовали Петр (Руднев), архиепископ Самарский, Лев (Черепанов), епископ Ставропольский, Николай (Розанов), епископ Тамбовский. «Службу вел епископ Аркадий Остальский. Его бледное красивое лицо светилось, глаза были полузакрыты. Другие архиереи сосредоточенно молились» [98, с. 94]. Богослужение было прервано обходом дежурного по управлению,

но, к счастью, всем удалось быстро скрыться и наказания не последовало.

После десятилетнего заключения в Соловецком лагере, в феврале 1937 года епископ Аркадий был освобожден. Так как находиться в Москве ему было запрещено, он в ожидании назначения от митрополита Сергия около четырех месяцев жил в Касимове у родственников священников Правдолюбовых, которые сами еще оставались в заключении на Соловках.

В сентябре 1937 года во время массовых арестов среди духовенства епископ Аркадий был снова арестован. На допросах в Бутырской тюрьме он твердо и последовательно излагал свою позицию, отрицал свое участие в контрреволюционной деятельности, указывая, что расходится с советской властью только по вопросу отношения к религии. Владыка прямо сказал следователю: «Я считаю себя сейчас не враждебным к советской власти… я вернулся из Соловков с настроением... всего себя отдать служению Православной Церкви и религии».

Сщмч. Аркадий на Соловках, 1931 г. «Пусть наши скорби велики, но награды, какие нам за них обещаны, несравненно больше. Неужели мы откажемся потерпеть малое, чтобы не получить большого? Без искушения нет борьбы; без борьбы нет победы; без победы нет воздаяния». Надпись на одной из фотографий [3, т.1, с. 178].

Когда следователь спросил, что именно он собирается делать, преосвященный Аркадий ответил: «В порядке обычных разговоров со своими знакомыми кто-то из них задал вопрос, что необходимо сделать для укрепления Церкви. Я говорил, что Церковь расшатывается вследствие нашего нравственного падения. Следовательно, для того, чтобы укрепить Церковь, необходимо в основу положить наше нравственное усовершенствование. Последнее является средством борьбы с неверием и его наступлением на Церковь… К этому убеждению я пришел в 1935 году, когда в Соловки прибыл епископ Петр Руднев, который много рассказывал мне о нравственных проступках епископата и духовенства и полной разрозненности среди последнего. Уже в это время я пришел к выводу, что после освобождения я буду стремиться не к тому, чтобы управлять епархией, а чтобы иметь возможность совершать богослужение в храме. Если это не удастся, то быть хотя бы сторожем любого храма, скрыв от верующих свое епископское звание, с тем, чтобы своим высоким нравственным совершенствованием дать образец того, что и наши люди могут украсить Церковь в современных условиях. О борьбе с советской властью какими-то физическими или

иными средствами я давно перестал и думать, вследствие того переворота, который я лично пережил, и сама Церковь в современном состоянии не способна к какой-либо подобной борьбе. Только нравственное усовершенствование служителей Церкви и верующих свяжет их между собой и сделает Церковь гибкой для сопротивления против наступающего неверия» [15, т. 3, с. 467].

7 декабря тройка НКВД приговорила епископа к расстрелу. Епископ Аркадий был расстрелян 29 декабря 1937 года на полигоне НКВД недалеко от поселка Бутово под Москвой и погребен в общей могиле.

5.13. ИЗГНАННИКИ

Сведения о судьбах братии, высланной из Соловецкой обители, сохранились в основном в архивах МВД и ФСБ в делах, возбужденных против людей за исповедание православной веры.

Часть братии осталась на жительство в г. Кемь. По воспоминаниям жителей, там были целые улицы, где жили монахи. На настоящий момент есть сведения о мученической кончине игумена Наума, монаха Дометия и послушников Алексея Углова и Афанасия Усцова.

Игумен Наум (Челпанов Василий Константинович, р. 1876–† 8 января 1937) был родом из крестьянской семьи Кирилловского уезда Новгородской губернии. Проживал в монастыре с 1889 года. Окончил 6 классов Соловецкого братского училища. 8 апреля 1907 года пострижен в монашество в Соловецком монастыре. 15 июля 1908 года рукоположен во иеродиакона. В 1909–1911 годах исполнял череду богослужения и проходил просфорное послушание в качестве старосты. По отзыву настоятеля в 1909 году: «Отличных качеств, очень способен, верен, честен и благонадежен». 20 июля 1911 года рукоположен во иеромонаха. Возведен в сан игумена в 1929 году на Соловках. «10 декабря 1937 г. арестован по месту проживания в г. Кемь Карельской АССР. Русский, беспартийный, перед арестом без определенных занятий. Приговорен Особой тройкой УНКВД ЛО 31 декабря 1937 г. к высшей мере наказания, обвинение по ст. 58–10 УК РСФСР. Расстрелян 8 января 1938 г. Место захоронения – г. Ленинград»[49].

Монаха Дометия, послушника Алексея Углова и послушника Афанасия Усцова арестовали в январе 1938 года в Кеми (ул. Полевая, д. 11) как «участников контрреволюционной монашеской организации», которые принимали «участие в обсуждении вопросов контрреволюционной практики». 1 февраля 1938 года все трое были осуждены Тройкой НКВД КАССР по статье 58–10,11 и 25 февраля расстреляны в окрестностях Петрозаводска. Реабилитированы в 1989 году[50].

Некоторые из братии после того, как покинули Соловки, служили в церквах Архангельска или Архангельской области. В церкви Святителя Николая неподалеку от Соловецкого подворья служил в 1926–1928 годах иеродиакон Гурий (Строганов). В Архангельской области служили и пострадали за веру: ие-

[49] Ленинградский мартиролог: 1937–1938. http://lists.memo.ru/d35/f366.htm

[50] Поминальные списки Карелии. Уничтоженная Карелия. Ч. 2. Большой террор / Сост. Ю. А. Дмитриев. Петрозаводск, 2002. С. 253, 254.

ромонах Антонин (Фалькин), иеромонах Артемий (Власов), иеромонах Иоанн (Носов), иеромонах Марин (Пядин), иеромонах Маркелл (Болотников), иеромонах Модест (Бабкин), иеромонах Тимофей (Никулин), иеродиакон Потапий (Гулин).

Архимандрит Серафим (Ядрихинский) и иеромонах Вонифатий (Самуйлов) служили и пострадали в Ленинграде, иеромонах Селевкий (Хориков) – в Москве. Сведения о них включены в краткий Соловецкий мартиролог [82, вып. 9, сс. 110–121]. Ниже приведены жизнеописания преподобномученика иеромонаха Моисея и старца-подвижника иеросхимонаха Анатолия, которые представляют типичные судьбы Соловецких монахов, вынужденных покинуть свою обитель.

5.14. ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК ИЕРОМОНАХ МОИСЕЙ (КОЖИН)

Митрофан Никитич Кожин родился 1 мая 1868 году в селе Оленица на Терском берегу Белого моря (южный берег Кольского полуострова) в семье рыбака[51]. В 21 год Митрофан должен был исполнить воинскую повинность, и, с учетом его поморского происхождения, был направлен во флот. С 1890 по 1897 год он служил сигнальщиком на кораблях императорского флота.

Вернувшись в Оленицу после демобилизации, Митрофан решил отправиться в Соловецкий монастырь в качестве трудника. Ему тогда исполнилось 29 лет. И в монастыре его жизнь по-прежнему оставалась тесно связанной с морской стихией. С 1897 по 1907 год Митрофан проходил послушание зверолова, рыбака и перевозчика через пролив между Соловецким и Анзерским островом. После десятилетнего испытания 7 апреля 1907 года Митрофан Кожин был пострижен в монашество с именем Моисей. В тот год он был охарактеризован настоятелем как «примерный инок, весьма полезный труженик, всегда исправный в своем деле».

Ощущая недостаток образования, он с радостью воспользовался возможностью обучения в Соловецком братском училище и окончил 6 классов. В сорокалетнем возрасте 20 июля 1908 года в день памяти пророка Илии он был рукоположен в сан иеродиакона. Из послужного списка за 1909 год видно, что он исполнял череду богослужения в монастырских храмах и был на хорошем счету у настоятеля архимандрита Иоанникия: «Отличных качеств и способностей, очень воздержной и примерной жизни, верен и благонадежен». 15 июля 1911 года в день памяти равноапостольного князя Владимира отец Моисей был рукоположен в сан иеромонаха.

Кроме исполнения череды богослужений в его ведении были все рыболовные и звероловные промыслы монастыря на Соловецких островах. Из харак-

[51] Терский берег, расположенный приблизительно в 200 км к северу от Соловецкого архипелага, был освоен Соловецкими монахами уже с конца XV века. Там находились рыболовные тони, где ловили семгу, треску, сельдь и т. п. Тоня – небольшое рыбацкое поселение, включающее избушки, часовню, поклонный крест, амбары, погреба, лабазы, вороты для вытягивания сетей и карбасов. В селе Варзуга до сих пор сохранились Зосимо-Савватиевская и Никольская церкви, построенные Соловецкими монахами.

Прпмч. иеромонах Моисей (Кожин)

теристики 1912 года видно, что ему удавалось сочетать обширную хозяйственную деятельность с ревностным служением перед престолом Божиим: «отличных качеств, очень способный, трудолюбивый и старательный труженик, всегда привержен к церкви». В послужном списке за 1915 год указано, что он «исполняет чреду богослужения в Сергиево-Муксалмском скиту», причем мнение настоятеля, стабильно отличное на протяжении 10 лет, изменилось: «Посредственных качеств и способностей, настроения не мирного». Дело в том, что иеромонах Моисей оказался среди тех членов братства, которые летом 1913 года подписали жалобу на настоятеля архимандрита Иоанникия. Впоследствии многие покаялись и примирились с настоятелем, например, бывший наместник иеромонах Ефрем (земляк о. Моисея). Возможно, так же повел себя и иеромонах Моисей. Он оставался в монастыре до последней возможности, его имя упоминается в списках монашествующих 1920, 1921 годов и в списке работников совхоза «Соловки» за 1922 год.

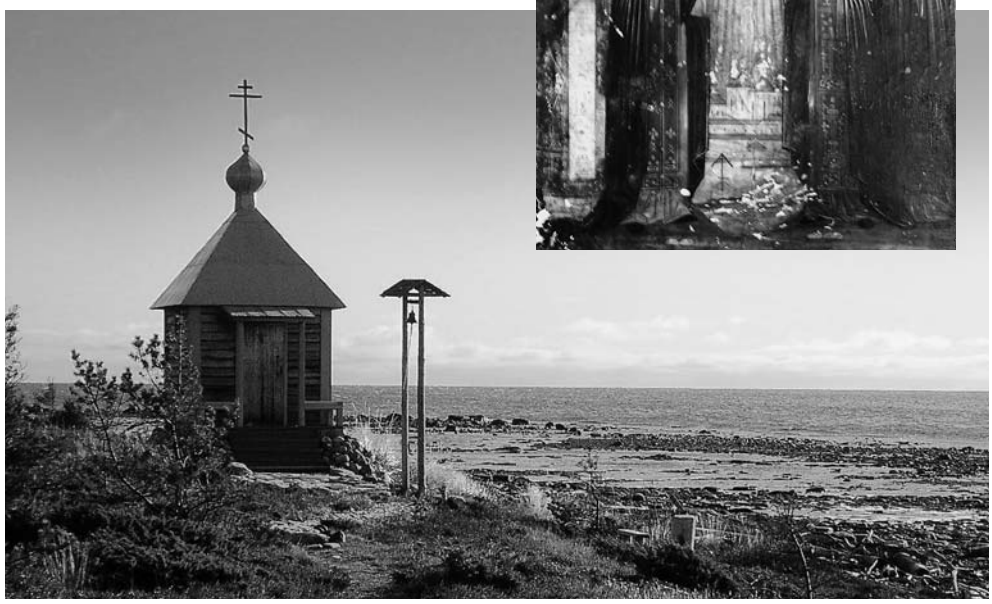
Когда осенью 1923 года Президиум Архангельского губисполкома возбудил ходатайство перед НКВД о срочной высылке с Соловецких островов бывших монахов, отец Моисей отправился на родину. Согласно анкете[52], с 1 августа 1925 года о. Моисей стал служащим священником в церкви в честь Рождества Иоанна Крестителя в своем родном селе Оленица.

Зимой 1931 года отец Моисей вместе с церковным старостой Петром Егоровичем Кожиным и псаломщиком Федором Климентьевичем Кожиным ходили по селу и собирали подписи против закрытия церкви. В марте 1931 года после воскресного богослужения в 12 часов дня староста П. Е. Кожин устроил у себя дома обед для односельчан. В это же время должно было проводиться колхозное собрание. На собрание никто не пришел, рыбаки предпочли отправиться на обед к Петру Егоровичу. 16 апреля 1931 года все трое: священник, церковный староста и псаломщик были арестованы под предлогом того, что «систематически проводили антиколхозную пропаганду, прикрываясь флагом религии». Обвинение при осуждении: «срыв колхозного собрания и контрреволюционная агитация под прикрытием религии».

Иеромонах Моисей был приговорен к трем годам ссылки в ИТЛ, но скончался 7 сентября 1931 года в Ленинградской больнице доктора Гааза (диагноз скорбут – цинга). По представлению Мурманской епархии в 2003 году решени-

[52] Анкета служителя религиозного культа, написанная рукой о. Моисея 6 марта 1929 г., найденная в 2010 г. краеведом А. Б. Комаровым среди «Документов по Терскому району за 1930 годы». Кировский филиал государственного архива Мурманской области ГОУ. Ф. 115. Оп-1.

На Терском берегу в часовне в честь преподобного Варлаама Керетского хранится икона, которой в 1907 г. Соловецкий архимандрит Иоанникий благословил новопостриженного монаха Моисея



ем Священного Синода он был причислен к лику Святых (Определение от 30 июля 2003 г.). День памяти Преподобномученика иеромонаха Моисея (Кожина): 7 сентября.

На Терском берегу в часовне в честь преподобного Варлаама Керетского, построенной краеведом А. Б. Комаровым в Тетриной тоне в 25 км от поселка Умба, хранится икона, которой в 1907 году Соловецкий архимандрит Иоанникий благословил новопостриженного монаха Моисея. На иконе на фоне Соловецкого монастыря слева изображены преподобные Зосима, Елеазар и Святитель Филипп, а справа – преподобные Савватий, Герман и Иринарх. Над ними – образ Пресвятой Богородицы «Знамение». На обратной стороне черной тушью надпись: «Благословляю сею св. иконою новопостриженнаго мною инока Соловецкой обители Моисея для всегдашняго молитвеннаго призывания изображенных на ней преподобных отец наших Зосимы, Савватия и проч. Соловецких Чудотворцев и для посильнаго подражания житию их. 1907 года апреля 7 дня». И подпись уже другим почерком и другими чернилами: «Настоятель Архимандрит Иоанникий».

5.15. ИЕРОСХИМОНАХ АНАТОЛИЙ

Родился Александр Михайлович Хлебников в г. Старом Осколе Курской губернии в 1859 году. Получив домашнее образование, он был призван на воинскую службу. В 1884 году «нестроевой рядовой» Александр Хлебников получил отставку «по неизлечимой болезни и по неспособности 3-ей степени в первобытное состояние на родину» [117, №47]. В том же году он отправился в Соловецкий монастырь и остался там трудником. Через четыре года «по прошению и по увольнительному приговору Старо-Оскольского мещанского общества… 12 января 1888 г. определен в число послушников Соловецкого монастыря» [117, №47].

В послужных списках 1892 и 1895 годов указано, что Александр в основном проходил клиросное послушание. В 1895 году он пел и читал в соборном храме в честь Преображения Господня и заслужил одобрение настоятеля: «очень хороших качеств, немощен телом, но бодр духом, привержен к церковной службе и способный чтец и певец»[53].

9 марта 1896 года послушник Александр Хлебников был пострижен в монашество с именем Августин. 17 июля того же года он был рукоположен в иеродиакона, а 24 августа 1899 года – в сан иеромонаха. Он исполнял череду богослужения и продолжал нести клиросное послушание. Настоятель архимандрит Иоанникий вместо обычной краткой пометки: «хороших <качеств>, способен», – написал о нем в характеристике 1900 года: «Благочестив и очень начитан, послушлив безответно, готов всякому услужить, за всех прочитать и отслужить» [125, №32].

В 1903 году иеромонах Августин находился в богослужебной командировке на Кондострове «для охраны онаго и для совершения богослужения для занимающихся там лесоустройством послушников, богомольцев и трудников. Отличных нравственных качеств, очень способен и благонадежен» [139, №23].

Затем в 1909–1915 годах, как человек надежный и устойчивый к мирским соблазнам, иеромонах Августин был направлен в Архангельск на подворье Соловецкой обители в качестве духовника. И здесь он вполне оправдал доверие настоятеля, который дополнял его характеристики все новыми положительными чертами. В 1909 году: «Простой, доброй и открытой души. Поведения безукоризненного, жизни воздержанной» [132, №14]. В 1915 году: «По душевным качествам удовлетворяет своему назначению и способен сказать назидание своему исповеднику» [138, №13]. Отца Августина очень любили и его воспитанники. В церковно-археологическом кабинете Соловецкого монастыря хранится фотография, подаренная одним из «безбрадых трудников» Константином Ищуком «на память добрейшему батюшке священномонаху Августину».

25 мая 1916 года отец Августин отправил в Старый Оскол свою фотографию с надписью «Дарю на добрую память и воспоминание любезным братиям Ивану Михайловичу и Николаю Михайловичу Хлебниковым от любяще-

[53] РГАДА. Ф. 1201. Оп 4. Д. 888. 1895 г. №34.

го брата Соловецкого иеромонаха Августина Хлебникова».

Сохранилась книга, подаренная о. Августином духовному сыну в день памяти Святителя Филиппа «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции, Святой Земле постриженика Святыя горы Афонския инока Парфения» (М.: 1856), с дарственной надписью: «Дарю сию книгу на добрую память духовному моему сыну Никифору Ивановичу Стрелкову. Соловецкий иеромонах Августин Хлебников. 1922 года января 9 дня».

Вскоре после этого Соловецкое подворье в Архангельске было закрыто. Когда о. Августин принял схиму и когда вернулся на родину, точно не известно. В помяннике Никифора Стрелкова, составленном в 1929 году, о. Августин упоминается уже как иеросхимонах Анатолий.

Иеромонах Августин. Фотография, подаренная им И. А. Колесову 7 сентября 1899 г. ЦАК Соловецкого монастыря

О служении иеросхимонаха Анатолия в Старом Осколе рассказал священник села Кунье Владимир Русин. «В первые годы советской власти, и особенно после Гражданской войны, чувствовалось оскудение духовной жизни в Старооскольском крае. В значительной степени подорвали в народе веру в Бога и доверие к духовенству действия обновленцев. В этих условиях отец Анатолий, невзирая на преклонный возраст и немощи, будил народную совесть, не давал угаснуть искоркам веры в душах людских. Он неустанно утешал, напоминал, обличал, не ограничиваясь территорией какого-то одного прихода. Он заходил помолиться во все старооскольские храмы. С любовью и кротостью делал замечания духовенству. Заходил и в дома старооскольцев. Побуждал их хранить церковные установления, поститься, не забывать об исповеди и причастии. И вскоре многие верующие города и пригородных слобод стали считать схимника своим духовным отцом. Когда он исповедовал, к нему выстраивались многочасовые очереди и батюшка порой вынужден был проводить общие исповеди, чтобы не задерживать богослужение. Разогнувшись после длительного стояния у аналоя с крестом и Евангелием, отец Анатолий обращался ко всем, ожидающим своего часа покаяния: “Товарищи, я всех поисповедовать не в силах. Все кайтесь, называйте свои грехи и подходите”. И все каялись и шли, как некогда на общих исповедях подходили к святому праведному Иоанну Кронштадтскому».

В конце 1929 года в Старый Оскол прибыл епископ Онуфрий (Гагалюк). Узнав об отце Анатолии, он пригласил старца быть своим духовником. «И ты вразумил меня и ободрил, – говорил впоследствии владыка Онуфрий, стоя у гроба почившего иеросхимонаха. – Тебе я открыл свою грешную душу, просил наставлений. И не раз заходил ты ко мне со словом утешения»[54].

[54] РГАДА. Ф. 1201. Оп 4. Д. 888. 1895 г. №34.

Иеромонах Августин, 1916 г. Из архива священника Владимира Русина

Стоит заметить, что дом на улице Пролетарской, в котором квартировал священномученик Онуфрий, отец Анатолий хорошо знал. Он еще до приезда владыки в город заходил туда к хозяевам: Николаю Ивановичу и Александре Никитичне Давыдовым. И всегда ему там были рады. Вера Алексеевна Степанова, племянница хозяйки, вспоминала об отце Анатолии с теплотой: «Как-то батюшка с порога тете говорит: «Александра, а я к тебе на блины». И откуда он узнал, что тетя блины собралась печь? Попробовал блины, но долго за столом не засиделся. Призвал всех к молитве и прямо в комнате молебен с акафистом отслужил. И часто приходил молиться к тете с дядей. Это я потом догадалась, что он их дом и их самих к приезду владыки Онуфрия готовил»[55].

Почил отец Анатолий 6 марта 1933 года, накануне Торжества Православия, и отпевали его в понедельник Второй седмицы Великого Поста. В этот день обычно не совершается Литургии. Но настоятель Троицкого храма протоиерей Михаил Павлюк обратился к владыке Онуфрию с просьбой благословить совершить во время погребения иеросхимонаха Анатолия Литургию святителя Иоанна Златоуста. Такое исключение в практике делается лишь ради престольного празд-

[55] Священномученик Онуфрий (Гагалюк), архиепископ Курский. Творения: в 2-х томах. Том II. Тверь, 2005. С.432.

ника. Владыка благословил служить Литургию и сам возглавил службу, на которую собрались множество священников и народа.

Во время погребения старца священномученик Онуфрий произнес проникновенное прощальное слово: «Что это за духовное торжество в настоящий будничный день? Почему такое множество народа? Откуда целый сонм духовенства? Это многочисленные духовные дети и друзья почившего старца, иеросхимонаха Анатолия, пришли отдать ему последнее целование! Вот он, дорогой наш покойник, лежит во гробе, обвитый схимническими одеждами, как малое дитя! Теперь не услышим его крепкого слова, не узрим его светлого лика!

Много, много духовных детей было у почившего батюшки. Можно сказать, весь наш Старый Оскол и окружающие его слободы, все верующие – и миряне, и духовенство – считали иеросхимонаха Анатолия своим духовным отцом. И не только здесь, а и в других городах все чтили нашего батюшку. И все, кто услышал о его блаженной кончине, вспомянут о нем и помолятся об упокоении его души! <…>

Тридцать восемь лет подвизался покойный батюшка в святой обители Соловецкой. Здесь, в Старом Осколе, текла обычная жизнь, греховная и суетливая. А там, в святой обители Соловецкой, молился о жителях града сего отец Анатолий!

Уже в старости батюшка наш стал схимником. Если монашество есть жизнь во Христе вдали от забот житейских, то схимничество есть полная отданность Богу, всецелое отрешение от дел мирских. Только келью и святой храм знал наш схимник в обители. И до конца своих дней думал так прожить отец Анатолий. Но Господь судил иначе. Совершенно неожиданно для себя старец Божий посылается из святой обители Соловецкой обратно в мир. И куда? В тот же Старый Оскол, откуда он вышел на иноческий подвиг... Господь как бы говорил отцу Анатолию: иди в мир, проповедуй о Мне, зови людей к покаянию. И смиренный старец покорно вышел на служение миру... Он поселился в Старом Осколе и целых десять лет светил своей жизнью и своим словом.

Вот по улицам града нашего и весей проходит старенький инок, в монашеской скуфейке, с палочкой и сумкой. Какое странное явление в наши дни! Не один человек останавливался и спрашивал: кто это? – Это схимник отец Анатолий! И приходили людям мысли о мире ином, о Боге, о тленности всего земного, о жизни будущей. А вот батюшка отец Анатолий посещал дома верующих: иного утешал, иного упрекал. И никому не был в тягость старец Божий. “А ты, Иван Павлович, давно не говел?” – и смущенный Иван Павлович сознавался, что уже три года не исповедывался, и спешил в храм, и приобщался Святых Христовых Тайн. “В посту грешно есть скоромное”, – скажет батюшка другому. И тот начинает поститься. “А ты, Мария Петровна, зря сердишься на мужа: он не так плох, как ты думаешь”, – и Мария Петровна иными глазами смотрела на мужа, и восстанавливался мир в семье. Заходил покойный батюшка и в святые храмы – Кладбищенский, когда он был еще православным, Николаевский, Козацкий, на Гумны, в Ямской храм, в Собор, в Стрелецкий... Придет в храм, поклонится святым иконам, поцелует их, войдет в святой алтарь, подойдет к жертвеннику и начинает вынимать частицы из просфор о спасении своих духовных чад... И батюшке иногда скажет старец: “Не спеши в

Крест на месте упокоения иеросхимонаха Анатолия

служении, кафизмы не пропускай!" И нисколько не обижались на замечания отца Анатолия, а относились к нему с любовью. У покойного батюшки отца Анатолия не было врагов!

Так зерно за зерном сеял старец Божий духовную пшеницу в сердца людские. Тихо и незаметно делал свое дело старец Божий. В своем смирении он и не подозревал, как много добра творил людям. Да и мы как будто этого не замечали. Но теперь, когда его уже нет среди нас, когда стоим у его гроба, как дети около умершего отца, – начинаем со скорбью узнавать, кого мы лишились, кем был для нас дорогой батюшка отец Анатолий!

Задолго до кончины батюшка готовил себе могилку. Как птичка вьет гнездышко, так и покойный еще при жизни искал, где бы ему почить смертным покоем. Сначала он думал об общем кладбище, потом о Ямском, наконец, он приискал себе место на Стрелецком кладбище около Троицкого храма и здесь завещал себя похоронить.

Несколько лет тому назад отец Анатолий говорил одному из здесь предстоящих отцов протоиереев: "Когда я умру, похороните меня по уставу. Все, что полагается, прочитайте и пропойте надо мною: ничего не пропустите!" Все, все вычитаем и пропоем над тобою, дорогой наш покойничек! Воля твоя для нас священна! Мы совершим над тобою полный чин погребения, а потом понесем твой гроб к могиле и здесь опустим твое тело, засыплем землю, а потом поставим над тобою святой крест. И будем молиться Господу над твоей могилкой, и не только мы, но и многие твои духовные чада. И верим – не зарастет народная тропа к твоей дорогой могилке!»[56].

Сами похороны иеросхимонаха Анатолия стали, по точному замечанию владыки Онуфрия, «великим духовным торжеством, как бы храмовым праздником». Все духовенство было облачено в белые ризы. А в момент перенесения гроба из храма к месту, уготованному для могилы, повалил хлопьями снег. Священномученик Онуфрий первым бросил комья земли на крышку гроба.

На гранитном основании креста, поставленного на месте упокоения иеросхимонаха Анатолия, выбиты слова: «скончался он, оставив в смерти своей образец доблести и памятник добродетели. (II Мак.VII.9)».

[56] Священномученик Онуфрий (Гагалюк). Творения… с.429.

5.16. ВЛАСТЬ СОЛОВЕЦКАЯ

После высылки с Соловков последних монахов в 1931 году только величественные монастырские постройки как немые свидетели напоминали вновь прибывающим заключенным о прежней славе Соловецкой обители.

Таинственное дыхание святости, исходящее от древней поруганной обители, передано в словах соловецкого узника Олега Васильевича Волкова: «Прежние путешественники на Соловецкие острова рассказывали о слезах, о сиявших счастьем лицах богомольцев, при виде святой обители забывавших беды многотрудной жизни. Я был слишком человеком своего времени, закрытым для подобного просветления, и все-таки... И все-таки с невольным трепетом всматривался в несокрушимую православную твердыню, воздвигнутую, чтобы противостоять любым покушениям...

Корабль вплыл в тень каменных громад монастыря. Этап, сбиваемый кулаками, оглушенный святотатственной бранью, сошел на берег. И еще сильнее, чем на палубе, я ощутил, что здесь святыня длинной чреды поколений моих предков: точно незримо реяли вокруг их душевные устремления, их смиренные помыслы.

Кто искал здесь утешения, приходил за очищением, кто усердной молитвой и обращением к религиозным началам жизни надеялся помочь людям в их скорбях. Почти шесть веков подряд на этих камнях и за этими стенами непрерывно шли службы. Молились, совершенствовались в духовных подвигах пламенно веровавшие в добрую людскую суть. И тщились побороть силы зла, вывести к свету и радости с темных перепутий жизни.

Теперь не стало больше окутывавшей остров оберегаемой от века тишины; место смиренных монахов и просветленных богомольцев заступили разношерстные лагерники и свирепая охрана; уже меркли тени прежних молельников за Русь и на развалинах скитов и часовен воздвигали лобное место для всего народа, — душа и сердце продолжали испытывать таинственное влияние вершившейся здесь веками жизни... несмотря ни на что! Влияние, заставлявшее вдумываться в значение подвига и испытаний» [13, с. 72].

Что ожидало прибывшего на Соловки заключенного? Борис Ширяев писал, что, когда прибывшая партия заключенных выстраивалась на причале в бухте Благополучия, для приемки этапа выходил сам начальник лагеря[57] Ногтев и приветствовал заключенных фразой: «Вот, надо вам знать, что у нас здесь власть не советская (пауза, в рядах – изумление), а соловецкая! (Эта формула теперь широко растеклась по всем концлагерям). То-то! Обо всех законах надо теперь позабыть!» [100, с. 26] Затем начиналась перекличка, во время которой Ногтев «лично убивал одного или двух прибывших по собственному выбору.

[57] Начальники СЛОНа: Ногтев А. П., с момента организации лагеря в 1923 г. по 10.07.24; Эйхманс Ф. И, с 1925 г. по 20.05.29 ; Ногтев А. П., с 20.05.29 по 19.05.30; Иванченко А. А., с 19.05.30 по 25.09.31, врио нач. — Дукис К. Я., с 25.09.31 по 06.11.31; нач. — Сенкевич Э. И., с 06.11.31 по 16.11.31 и с 16.01.32 по 21.03.33 (с 16.11.31 по 16.01.32 он — нач. Белбалтлага ОГПУ); врид нач. — Бояр; нач. — Бухбанд, с 28.01.33; Иевлев (упом. как врид нач. 08.10.33).

Он делал это не в силу личной жестокости, нет, он бывал скорее добродушен во хмелю. Но этими выстрелами он стремился разом нагнать страх на новоприбывших, внедрить в них сознание полной бесправности, безвыходности, пресечь в корне возможность попытки протеста, сковать их волю, установить полное автоматическое подчинение "закону соловецкому".

Чаще всего он убивал офицеров, но случалось погибать и священникам, и уголовникам, случайно привлекшим чем-нибудь его внимание.

Москва не могла не знать об этих беззаконных даже с точки зрения ГПУ расстрелах (многие из заключенных продолжали оставаться под следствием и в ссылке), но молчаливо одобряла административный метод Ногтева: он был и ее методом. Вся Россия жила под страхом такой же бессмысленной на первый взгляд, но дьявольски продуманной системы подавления воли при помощи слепого, беспощадного, непонятного часто для его жертв террора. Когда нужда в Ногтеве миновала, он сам был расстрелян, и одним из пунктов обвинения были эти самочинные расстрелы» [100, с. 31–32].

Затем прибывшие заключенные направлялись в карантинную роту, которая в 20-е годы находилась внутри монастыря, в Троицком соборе[58]. Там висел плакат: «ЧЕРЕЗ ТРУД ВОЗВРАТИМСЯ К ОБЩЕСТВУ». Целью «первичной обработки», продолжавшейся от 3-4 недель до 3 месяцев, было подавить волю заключенных к сопротивлению лагерным порядкам, то есть, приспособить их к «полезному сожительству в трудовом обществе»[59].

Тяжелая работа, поверки во дворе монастыря и на паперти собора, затягивавшиеся на 2-3 часа, «штрафная пайка» (700 г черного хлеба и суп из гнилых селедок), страшная скученность арестантов (внутри собора помещали до 800–900 человек на трехъярусных нарах), вечный холод, ограбления шпаной, размещавшейся на нарах вперемежку с теми, кто был осужден как контрреволюционер (каэр). На измученных, истомленных тюрьмой и следствием людей накатывалось подавлявшее их волю бремя бессмысленного, безнадежного труда. Вместо божественного достоинства человеку в лагере предписывалась роль бессловесного животного. Например, на заготовку дров лошадей не давали, а посылали ВРИДЛО (временно исполняющий должность лошади). На эту работу назначали только вполне здоровых, не старше 40 лет людей. Каждая группа из 5 человек, впряженных в сани веревочными лямками, должна была выполнить норму 1 лошади. Довелось поработать ВРИДЛО и Д. С. Лихачеву.

Чтобы представить общую структуру лагеря, приведем информацию о его подразделениях и их размещении на территории Кремля в 1923–1929 годах.

На Соловецких островах в составе лагеря существовало шесть отделений.

Первое отделение (Кремлевское) включало территорию Соловецкого монастыря и окружающего его поселка. В разные периоды существования лагеря здесь находилось от 50 до 80% всех заключенных на Соловках. В Преображенской го-

[58] В 1930 году карантин был вынесен за пределы монастыря в специально построенный для него Карантинный городок, который находился в 500 метрах к северу от Кремля и состоял из 4 бараков, обнесенных высоким забором, с вышкой для надзирателей и проходной, рассчитанных на 800 заключенных.

[59] Соловецкие острова. 1925, №1, с.24.

стинице размещалось Управление СЛОН и всех его административных подразделений (до 1929 года, когда Управление перебралось в г. Кемь), к северо-востоку от монастыря в Никольском, Филипповском, Германовском корпусах и Овощном доме располагались казармы для солдат Соловецкого Особого Полка (СОП), квартиры для комсостава и жилые помещения для служащих сельхоза. К югу от монастыря, по краю монастырского кладбища, хоронили умерших и убитых заключенных и производились расстрелы.

Второе отделение включало до 30 командировок на территории Б. Соловецкого острова, где располагались лагерные производства: лесозаготовки, торфоразработки, производство кирпича, рыбная ловля, сельхозработы, заготовка водорослей, разведение пушного зверя. Самые значительные из них – Кирпичный завод, Филимоново, Старая Сосновая, Новая Сосновая, Реболда, Красное озеро, Перт-озеро, Зеленые озера, озеро Валдай, озеро Амбарчик, Овсянка, Березовая тоня, Варваринское озеро, Пушхоз, Торфогородок. В это же отделение были включены: Савватьево, где до 1925 г. существовал политизолятор, а затем был сельхоз и молочная ферма; Исаково, где сначала был центр лесозаготовок, позднее располагался совхоз; Филиппова пустынь, где находился Биосад (Биостанция), в котором содержались и разводились различные животные, а позднее находилась центральная лаборатория Йодпрома. Отделение Биосада, в котором выращивались селекционные растения, находилось на территории бывшей Макарьевской пустыни. Здесь же была резиденция начальника лагеря – «Хутор Горка».

Третье отделение располагалось на острове Б. Муксалма, в нем были преимущественно сосредоточены заключенные, потерявшие трудоспособность и нуждавшиеся в отдыхе (с 1927 г. стало командировкой первого отделения).

На Секирной горе, в здании Вознесенской церкви, было устроено четвертое отделение – мужской штрафной изолятор с чрезвычайно суровым режимом. Здесь же приводились в исполнение расстрельные приговоры.

В пятом отделении на Кондострове содержались заключенные, больные заразными болезнями, и заключенные, отказывавшиеся от работы.

Шестое отделение на острове Анзер использовалось для содержания больных, инвалидов и заключенных с ограниченной трудоспособностью.

В первом, Кремлевском, отделении было в 1923–1929 годах 15 рот, располагавшихся на территории монастыря и разделявшихся как по составу заключенных, так и по видам выполняемых ими работ. Еще две рабочие роты помещались вне крепостной стены. Наиболее ценные специалисты и администраторы из заключенных находились в 3 первых ротах. Эти роты располагались в Южном дворике монастыря, в Новобратском и Прачечном келейных корпусах (относительно новых, построенных в XIX веке). В 1-й роте жили заведующие различными предприятиями, их помощники и лагерный старостат. Во 2-й роте – специалисты и лица свободных профессий (актеры театра, музыканты, сотрудники музея и редколлегии журнала). В 3-й роте – заключенные из чекистов и работников следственных органов, милиции, угрозыска, используемые на ответственных должностях в администрации лагеря. Жили здесь в светлых, теплых кельях по 2–6 человек, спали на монашеских койках и топчанах, питались в особой сто-

ловой. Вход шпане в эти роты был запрещен. Численность в каждой роте не превышала 100 – 150 человек.

4 и 5-я роты располагались в Благовещенском корпусе. В них жили музыканты, артисты, подсобный персонал театра, а также пожарные.

6-я рота, которая официально называлась «сторожевой», находилась в Святительском корпусе. В ней (начиная с 1925 года) проживало духовенство. Численность в этой роте временами доходила до нескольких сотен человек.

В 7-й роте, расположенной в Благовещенском корпусе, проживал средний и низший персонал лазарета, банщики, парикмахеры, дезинфекторы и т.д.

В Казначейском корпусе находились 8-я и 9-я роты. 8-я рота, рота общих хозяйственных работ, состояла из уголовников, осужденных за незначительные преступления (мелкие воришки, мошенники и т.д.). В 9-й роте находились заключенные, имевшие право занимать мелкие посты в тех отделах лагерного управления, в которые каэры не допускались. Здесь преобладала хозяйственная и партийная мелкота, осужденная за служебные преступления. Условия их жизни выгодно отличались от условий жизни других заключенных. Все они получали денежный паек до 30 рублей в месяц (против обычного в 9 рублей), имели отдельную кухню (одной из кухарок была княжна Гагарина), уборщиков. Катались на лодке по Святому озеру, занимались спортом на спортплощадке, зимой – на катке.

В западной части Наместнического корпуса находилась 10-я, счетно-канцелярская, рота. В ней было до 500–600 заключенных, в подавляющем большинстве интеллигенция и дворяне, реже – священнослужители.

В Успенской церкви, Трапезной и Келарской палатах располагались 11-я и 12-я роты. В них преобладали шпана и рецидивисты. О топчанах здесь не мечтали. На ночь вносили «парашу», и роты запирались на ключ. Это были роты общих (неквалифицированных) работ. 11-я рота, называвшаяся РОЭ (Рота отрицательного элемента), была последней ступенью перед Секиркой. В эту роту помещали тех, кто совершенно не поддавался исправлению, т.е. воров-рецидивистов, симулянтов, саботажников и тех, кто упорно отказывался от принудительных работ. Рота размещалась в приделах Успенской церкви, в третьем ярусе храма. В небольшое холодное помещение (толщина стен доходит до 3 метров) набивали до 300 босых, полуголых и грязных людей, тесно располагавшихся на двухъярусных нарах и на полу. Спали в холода «тепловыми группами» по 4–6 человек: ноги одного переплетали шею другого. К РОЭ относилась и карцерная камера, в которой содержались заключенные перед отправкой в ШИЗО на Секирную гору.

13-я рота, «карантинная», до 1930 года находилась в Троицком соборе.

14-я рота, рота «запретников», располагалась в Прачечном корпусе по соседству с братской баней. В этой роте содержались политические заключенные, которым по тем или иным причинам запрещалось общаться с другими заключенными. Зимой их под конвоем выводили на работу за стены Кремля, но с началом навигации держали в камерах. В этой роте было 100-300 человек.

Самой многочисленной была 15-я (сводная рота). Половина ее состава проживала внутри Кремля в разных ротах, а вторая половина была размещена в конце 1927 года в стандартных рубленых бараках за южной стеной монастыря. В этой

роте содержались железнодорожники, электрики, водники, рабочие, занятые на лесопильном и механическом заводах, вообще мастеровые и рабочие морской лесобиржи.

В Северном дворике монастыря в бывшей Иконописной палате находился лагерный лазарет.

Женское население лагеря[60] размещалось в основном в женском бараке, прежней Архангельской гостинице монастыря, которая была окружена высоким деревянным забором (Ширяев писал, что она была обнесена тремя рядами колючей проволоки). Из женбарака его обитательниц под усиленным конвоем водили на работы в прачечную, канатную мастерскую, на торфоразработки и на кирпичный завод (последние работы считались самыми тяжелыми). Наиболее удачливые из каэрок, те, кто работал в театре, в канцелярии, в лазарете, в семьях военного начальства гувернантками, поварихами, учительницами в школах, жили на втором этаже Архангельской гостиницы своим особым, замкнутым мирком. Первый этаж занимали в основном уголовницы и проститутки. Жизнь тех каэрок, которые оказались вместе с ними, превращалась в сущий ад. Штрафной изолятор для женщин находился на Заяцком острове.

Главным средством перевоспитания заключенных считался труд. СЛОН унаследовал производства, существовавшие ранее в Соловецком монастыре. Их поначалу возглавляли оставшиеся монахи под руководством создателя транспортной озерно-канальной системы монастыря – монаха Иринарха. Только на территории поселка существовали кожевенное, швейное, столярное и лесопильное производства; известково-алебастровый, гончарный, механический заводы; бондарная, канатная, наждачная мастерские; карбасная мастерская (до 1929 г.); работали радиостанция и электростанция, с 1924 года – типография, с 1930-х годов – Йодпром. На Муксалме при СЛОНе продолжал существовать скотный двор, правда, в нем начали разводить свиней, которые не выращивались там при монастыре. С середины 20-х годов появился Пушхоз, ставший одним из крупнейших пушных хозяйств в Советском Союзе.

Наибольшее количество заключенных было занято на лесозаготовках и торфоразработках, считавшихся самым гиблым местом в лагере. В лес попадали те, у кого не было блата (в основном шпана и крестьяне), кто был наказан начальством и на кого был формуляр, предписывающий использовать его только на тяжелых физических работах. В 1923–24 годах в лесу на заготовке дров работали не более 200–300 человек. Жили они в Кремле в карантинной и рабочей ротах в Троицком соборе. Усиленная вырубка леса на экспорт началась с зимы 1926–27 годов, а в 1927–29 годах уже существовали самостоятельные лесные командировки Исаково, Савватьево, Новая Сосновка, Амбарчик, Овсянка, Красное, Щучье. За зимний период в лесу погибала четверть работающих там, и столько же заключенных покидали лесные командировки как инвалиды и доходяги с правом на медленную и мучительную смерть.

[60] Среди заключенных лагеря было меньше 10% женщин: из них 60% составляли профессиональные проститутки, от которых «разгружали» столицы, 15% – уголовницы и жены нэпманов, а остальные, т.е. 25% – каэрки.

Жилищные условия на лесозаготовках были гораздо хуже, чем в Кремле. Жили заключенные в «крикушниках» – сараях с земляным полом из плохо подогнанных досок. Часто, экономя лес, «крикушники» строили наподобие землянок: копали яму, над ней ставили крышу, на дно ямы стелили солому.

У А. И. Солженицына есть описание работы на лесоповале, которое может служить иллюстрацией лесозаготовок на Соловках: «Снег – по грудь. Ты – лесоруб. Сперва ты собой утопчешь его около ствола. Свалишь ствол. Потом, едва проталкиваясь по снегу, обрубишь все ветки (еще их надо искать в снегу и топором до них добираться). Все в том же рыхлом снегу волоча, все ветки ты снесешь в кучи и в кучах сожжешь. Теперь лесину распилишь на размеры и сошташелюешь».

Была установлена норма выработки в лесу: срубить, очистить от сучьев и вытащить, по пояс в снегу, на дорогу, располагавшуюся, бывало, за 500 метров по десять бревен – по 5 кубометров на человека. Норма выполнялась немногими сильнейшими. Невыполнение нормы влекло за собой задержку на морозе в лесу на несколько часов, а то и на всю ночь. За обессилевших или заболевших товарищей остальные должны были выполнять норму, пока не пришлют замену. Лагерники называли три недели лесоповала сухим расстрелом. «Саморубам», которые специально калечили себя, чтобы получить освобождение от работы, конвоир давал «пропуск» в Кремль – полено в 2 пуда весом с пометкой, чтобы после перевязки направили обратно в лес закончить урок.

Хуже всего приходилось тем заключенным, кто, изможденный от работы и холода, отказывался продолжать работу. Таких раздевали и в одном белье босыми ставили на пень на виду у конвоиров. Зимой 1925–26 годов вместе с началом заготовки экспортного леса был издан приказ, дающий право начальникам лесозаготовок расстреливать отказчиков на месте без суда. Погибших на лесозаготовках хоронили в братских могилах за Кремлем. Весной, когда сходил снег, в лесу обнаруживали много трупов.

Сваленный лес доставляли к берегу моря, где бригады заключенных сплачивали бревна в плоты, стоя по колено в морской воде, температура которой даже в июле редко поднимается выше 8° С. И находились добровольцы, которые шли на эту работу за усиленное питание.

Только по воскресеньям заключенные немного приходили в себя. Одни отсыпаются, другие разговаривают, сушат у печки одежду, слоняются по бараку. Слышится диалог:

«– Это похоже на ад… Не хватает только жары и адского пламени. А люди как раз из царства теней.

– Нет, это только чистилище…

– Да, чистилище. Ад – это всегда, вечность. А чистилище – временно. Каким бы долгим оно ни казалось, оно все равно пройдет». [13, с.75].

В 1929–1930 годах лесозаготовки на Соловках были сокращены из-за тифозной эпидемии и перехода УСЛОНа на эксплуатацию более выгодных и ценных массивов на материке. Заготавливали после этого только березовые чурки для обжига кирпича и для отопления зданий.

В лагере существовала невеселая шутка, что кроме 15 рот есть еще и 16-я – кладбище, которое находилось за южной стеной монастыря, по соседству с мона-

стырским кладбищем. Место в этой роте было гарантировано всем заключенным СЛОНа, и большинство рано или поздно оказывались там.

Обычно вырывали длинную узкую траншею, на дно которой сбрасывали трупы, присыпая их немного землей и хлоркой. С течением времени, когда траншея наполнялась умершими, окончательно засыпали ее и выкапывали новую. В лагере существовал единственный «почетный» гроб, сколоченный из нестроганных досок. Если друзья умершего хотели проводить его на кладбище, они могли брать этот гроб, доносить покойника до могилы, сбрасывать его туда, гроб же ставить на место. У соловчан это называлось «прокатить на автобусе».

Заключенных в СЛОНе ставили в такие условия, чтобы вытравить из них все человеческие чувства, чтобы в своих действиях они руководствовались только чувствами страха, голода, холода и животным инстинктом самосохранения. Сохранить человеческую личность можно было, только делая что-нибудь, не предусмотренное лагерным распорядком. Так среди заключенных возникла идея театральной постановки. «Театр на каторге – экзамен на право считать себя человеком. Восстановление в этом отнятом праве» [100, с.53]. Именно поэтому артисты находили в себе силы для репетиций по вечерам после 10–12 часов тяжелого труда на морозе. Театр назвали ХЛАМ (Художники–Литераторы–Артисты–Музыканты). Эта аббревиатура выражала и ощущения самих создателей театра, и отношение коллегии ОГПУ к первому крупномасштабному концлагерю как к свалке недобитых буржуев, интеллигентов и контры – они не годились для строительства нового общества, а потому были обречены на вымирание. Начальник лагеря Эйхманс допустил включение в репертуар соловецкого театра даже запрещенных в РСФСР пьес, мотивируя свое разрешение тем, что: «Попов и генералов все равно не сагитируешь, а гнилую шпану и агитировать не стоит!»

Билеты на первый спектакль «распределялись через ротных командиров, и для получения их нажимались все пружины всемогущего блата. Не обошлось и без барышничества, и цена за билет доходила до десяти хлебных пайков – стоимости крепких ботинок на каторжанском рынке…

Когда выяснилось, что больше половины мест в зрительном зале получат солдаты Соловецкого особого полка, охрана и начальство, спектакль чуть не сорвался.

– Не для них после работ репетировали!.. – негодовали актеры, и только обещание повторения спектакля удержало их от отказа играть, хотя знали, что это будет сочтено саботажем и репрессии неизбежны.

Сказать трафаретно “спектакль прошел с шумным успехом” значило бы обокрасть Арманова[61] в день зенита его славы. Хлопали до онемения ладоней, стучали ногами, завывали воплями вызовов… Было забыто все: каторга, непосильный изнурительный труд, безмерное унижение, голод, поджидавшая многих смерть…

Огни рампы, вспыхнувшие в монастырской ризнице, творили свое чудо преображения. На сцене из поваленных шкафов их свет превращал заурядного акте-

[61] Заключенный Сергей Арманов, провинциальный актер, художественный руководитель, режиссер и директор первого Соловецкого театра драмы и комедии [100, с. 52].

ра Арманова в могущественного миллиардера Детердинга, но на скамьях зрителей он претворял в людей отчаявшихся ими быть…» [100, с. 55].

На следующий день в приказе по УСЛОН было отдано распоряжение об организации КВЧ (воспитательно-просветительной части). Впоследствии театр возглавил провинциальный комик Макар Семенович Борин. В бывшей монастырской трапезной для богомольцев был обустроен настоящий театральный зал на 700 – 800 мест с костюмерными и гримерочными для артистов. Актеров театра освободили от общих работ, к театру прикрепили портного, парикмахера, бутафора, плотников.

Репертуар театра состоял из классики русской сцены: «Борис Годунов», «Царь Федор Иоаннович», «Девичий переполох», «Дети Ванюшина», «На дне», «Идиот», «Коварство и любовь» и др. В театре играли младший режиссер 2-го МХАТа Н. Красовский, артист Камерного театра Борис Глубоковский, Борис Ширяев, куплетист Жорж Леон. Играли в театре и уголовники. Например, бандит Алексей Чекмаза играл Арбенина в «Маскараде». Два раза в неделю шли платные спектакли, два раза – бесплатные, по пропускам от воспитателей и ротных командиров. С 1934 года театром руководил Лесь Степанович Курбас (1887–3.11.1937) – известный украинский режиссер, который ставил спектакли в харьковском театре «Березиль» и в московском – «Игосэт». Уголовники имели свой театр, который назывался «Свои» и был знаменит сводным хором в 150 голосов. В лагере были духовой и симфонический оркестры, оперетта.

На Соловках во время СЛОНа было две библиотеки: лагерная и монастырская. Монастырская находилась в ведении музея и насчитывала около 2000 книг и рукописей. Лагерная библиотека располагалась на втором этаже, в помещении бывшей монастырской библиотеки. Уже к 1927 году ее фонды превышали 30 000 томов и несколько тысяч журналов по всем отраслям знаний.

Основой СЛОНовской библиотеки были книги, выделенные библиотекой Бутырской тюрьмы, а также книги из нескольких частных и коммерческих библиотек, реквизированных в Москве. Библиотека пополнялась также за счет книг, отобранных у заключенных при освобождении или при обыске, а также поступавших после их смерти. В библиотеке выдавали книги, уже изъятые из обращения на материке, например, «Бесы» Достоевского, статьи К. Леонтьева, «Россия и Европа» Данилевского, «К трехсотлетию дома Романовых» и др. Особенно богатым был фонд литературы на иностранных языках, благо, на Соловках было немало тех, кто имел возможность этими книгами пользоваться.

Вначале библиотекой заведовал большевик с дореволюционным партийным стажем Шеллер-Михайлов. В 1930-х годах заведующим библиотекой был Григорий Порфирьевич Котляревский, тоже бывший большевик, разрешивший, однако, епископам совершить в помещении библиотеки богослужение на Пасху 1936 года. Заведующим иностранным отделом библиотеки был профессор Алексей Феодосьевич Вангенгейм, до 1934 года возглавлявший Гидрометеорологический комитет при Совнаркоме СССР. Библиотеки-передвижки, посылаемые в другие отделения (позднее – лагпункты) СЛОНа, формировал Пантелеймон Константинович Казаринов – президент Сибирского отделения Географического общества. При библиотеке был большой читальный зал, в котором проводились диспуты и читались доклады на литературные или научные темы. В то же время

в библиотеку не поступали, по крайней мере до 1934 года, центральные газеты, и о том, что творится в стране и в мире, соловчане узнавали в основном из местной газеты «Новые Соловки» и передач местного радио.

В лагере существовало около 80 школ по ликвидации неграмотности, а также различные профессиональные курсы. Если первые посещались в основном уголовниками, желавшими за посещение курсов получить для себя поблажки от начальства, то на профессиональные курсы ходила интеллигенция, которой необходимо было приобрести профессии, востребованные в системе ГУЛАГа, прежде всего профессии счетоводов, бухгалтеров, нормировщиков и табельщиков.

С января 1925 года на Соловках в типографии издавалась газета «Новые Соловки». Редакцию составляли профессионалы и научные работники. Газета выпускалась тиражом в 1000 экземпляров, из которых на островах расходилось 100–120 экземпляров. На остальной тираж подписывались на материке родственники заключенных, стремившиеся хотя бы таким способом узнать что-то о жизни своих близких в лагере. Подписаться можно было в любом почтовом отделении страны. Большую часть материалов составляли заметки о том, как споро и качественно враги советской власти «перековываются» в лагере в строителей нового общества.

Гораздо интереснее был журнал «Соловецкие острова», печатавшийся на 250–300 страницах. Большую часть журнала занимали материалы, посвященные краеведению, мемуары, меньшую – художественная проза и стихи. В журнале печатались поэты Борис Емельянов, Александр Панкратов, Юрий Казарновский, Владимир Кемецкий (Свешников)[82, вып. 8, с. 122]. Несмотря на налет сентиментальности и романтизма (нужно помнить, что журнал подвергался цензуре и серьезную прозу просто не напечатали бы), проза и особенно поэзия были очень высокого уровня.

По инициативе заключенных приказом УСЛОНа от 13 марта 1925 г. было организовано Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения (СОАОК)[62], которое объединило около 60 человек (10 действительных членов, 10 научных сотрудников и 40 сотрудников-любителей из заключенных), прилагавших огромные усилия для спасения историко-культурных и природных ценностей Соловков. Председателем СОАОКа был сам начальник лагеря Ф. И. Эйхманс. Музей стал одним из первых отделов СОАОКа[63]. Одним из организаторов музея был художник и искусствовед, профессор Академии художеств Осип Эммануилович Браз (1873–1936). На Соловках он отбывал наказание в 1924–1926 годах.

В первую очередь усилия сотрудников музея были направлены на розыск и сбор находившихся под угрозой уничтожения старинных икон, рукописей, книг, предметов быта и т. д. Уже в 1925 году фонды музея насчитывали 12000 единиц хранения. 19 июля 1925 года состоялось торжественное открытие музея, который разместился в Благовещенской церкви и в утепленном прясле стены от церкви до Белой башни.

В алтаре церкви размещалось более 500 наиболее ценных экспонатов: богослужебные сосуды прп. Зосимы, белокаменный келейный крест прп. Савватия,

[62] В конце 1926 года преобразовано в самостоятельное Соловецкое общество краеведения (СОК).
[63] Подробнее о музее можно прочесть в статье А. Сошиной [82, вып. 3, 2004,с.130-142].

чудотворные иконы, среди которых Сосновская, Словенская (сейчас в ГИМ) и Хлебенная, рукописи, кресты, древние облачения. В самой церкви и на хорах были выставлены предметы монастырского быта.

Одновременно шла работа по организации музея и в Преображенском соборе, где неплохо сохранился иконостас. 20 сентября 1925 года собор был объявлен заповедником. В алтаре была открыта выставка иконописи, причем количество икон достигало 2000. В алтаре висела резная позолоченная надпрестольная сень, находящаяся ныне в музее «Коломенское». В Архангельском приделе были представлены гравированные медные доски и оттиски с них. В самом соборе находились коллекции лампад и подсвечников XVII века, в серебряных раках лежали мощи Зосимы, Савватия и Германа, а в деревянных ящиках – Иринарха и Елеазара, экспонировались предметы церковного обихода, оружие, утварь. По воспоминаниям Чиркова, «в музее были великолепные гербарии и мастерски выполненные чучела всех представителей флоры и фауны Соловецкого архипелага; детальные карты всех островов, системы каналов, макеты построек; чудесная надвратная церковь с иконостасом, иконами, росписью и сенью над престолом в алтаре».

С 1927 года заведующим музеем стал Николай Николаевич Виноградов. Он был сослан на Соловки в 1926 году за службу в канцелярии Костромского губернатора. После освобождения в 1929 году Николай Николаевич остался вольнонаемным заведующим музеем. В 1928–1932 годах он был ученым секретарем СОКа и при этом написал 4 тома научных работ, 30 статей, редактировал 23 выпуска материалов СОКа. В 1937 году он был повторно арестован и расстрелян в окрестностях Петрозаводска.

В музее работали также историк А. П. Приклонский, В. П. Никольский, искусствовед и реставратор Александр Иванович Анисимов, археолог и реставратор Назимов. Активным сотрудником музея был митрополит Мануил (Лемешевский), собиравший сведения о Соловецких подвижниках из архивов, агиографических сочинений, синодиков, проводивший обследования некрополя. Копированием древних грамот занимался епископ Аркадий (Остальский). Хотя СОК было закрыто в начале 30-х годов, музей продолжал существовать до 1937 года, когда СЛОН был реорганизован. Наиболее ценные его экспонаты были отправлены в Москву.

В системе СЛОНа проводились и научные исследования. В сентябре 1934 года на территории Филипповской пустыни была устроена химическая лаборатория Йодпрома (Соловецкого завода йодной промышленности), в которой работали заведующий кафедрой химической теплотехники Нижегородского химико-технологического института Роман Николаевич Литвинов[64] и, с 15 ноября, о. Павел Флоренский[65]. Они занимались проблемой добычи йода и агар-агара из морских водорослей. Полученный ими в лагерных условиях на самодельном оборудовании первый советский агар-агар оказался по качеству превосходящим японский и на уровне лучшего американского. В 1936 году ими в соавторстве с Н. Я. Брянцевым были запатентованы три изобретения и разработана технология водорослевой промышленности на севере: при полной утилизация водорослевого

[64] Арестован в марте 1934 г. по ложному обвинению в «руководстве террористической группой, в разработке ультракоротких волн для террористических актов».

[65] Священник Флоренский Павел Александрович (р. 22 января 1882 – †8 декабря 1937).

вещества налажено изготовление из водорослей клея, лаков, кальки, краски. Все это производство было уничтожено при реорганизации СЛОНа летом 1937 года, а наградой гениальным разработчикам стали расстрельные приговоры.

Уже в мае научная работа в Йодпроме была свернута, а о. Павел был поставлен в полуразоренном помещении сторожить еще не вывезенную продукцию. 3–4 июня 1937 года он писал: «Отчаянный холод в мертвом заводе, пустые стены и бушующий ветер, врывающийся в разбитые стекла окон… Доносятся тревожные крики чаек. И всем существом ощущаю ничтожество человека, его дел, его усилий» [1, с. 129]. Трагизм жизненного пути христианина П. А. Флоренский воспринимал как проявление всеобщего духовного закона: «Ясно, что свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонениями» (из письма от 13 февраля 1937 г.)

Отец Павел своим примером проложил путь к священству для русской интеллигенции. «В отце Павле встретились и по-своему соединились культурность и церковность, Афины и Иерусалим, и это органическое соединение само по себе уже есть факт церковно-исторического значения», – писал протоиерей Сергий Булгаков [1, с. 67]. О. Павел был убежден, что церковные таинства составляют основу жизни человечества: «Из культа исходит все, что затем обмирщается в культуре: философия, наука, формы общественности, искусство. Культ (и его основа – Таинство Причащения) есть священная и единственная основа для живой мысли, творчества, общественности. Поэтому бедами грозят Православию те богословские системы, которые уклоняются от признания центрального значения таинств, богослужения и символов-обрядов для Церкви, жизни и философии» [1, с. 81].

Такие убеждения были несовместимы с советской идеологией, поэтому летом 1928 года священник Павел Флоренский был арестован и сослан в Нижний Новгород. По ходатайству Е. П. Пешковой спустя три месяца он был возвращен в Москву и восстановлен в должности, однако на него начались такие нападки в прессе за истолкование им теории относительности в книге «Мнимости в геометрии» и за статью «Физика на службе математики», что Флоренский как-то сказал: «Был в ссылке, вернулся на каторгу» [1, с. 105]. Священник, не снявший с себя сана, продолжал вести научную работу в государственных организациях. Он мог эмигрировать с семьей в Прагу, но решился остаться в России. Он также продолжал оставаться в каноническом подчинении митрополиту Сергию в то время, когда многие из его друзей примкнули к движению «иосифлян» или других «непоминающих». Его позиция выражалась словами: «Лучше грешить с эпохой, нежели, отойдя от греха эпохи, сказать: я не таков, как прочие!» [1, с. 83].

26 февраля 1933 года о. Павел был вторично арестован, а 26 июля 1933 года осужден особой тройкой на 10 лет и отправлен по этапу в восточно-сибирский лагерь, где проводил исследования, касающиеся строительства в условиях вечной мерзлоты. 1 сентября 1934 года Флоренский неожиданно был отправлен со спецконвоем в Соловецкий лагерь особого назначения, где и работал дальше с Литвиновым. А. Г. Фаворский, находившийся вместе с ним в заключении, писал: «Флоренский на Соловках был самый уважаемый человек – гениальный, безропотный, мужественный, философ, математик и богослов. Мое впечатление о Флоренском, да это и всех заключенных, мнение, бывших с ним – высокая нрав-

ственность и духовность, доброжелательное отношение к людям, богатство души. Все, что облагораживает человека» [1, с. 128].

25 ноября 1937 года о. Павел получил новый приговор – «без права переписки», что означало смертную казнь. 8 декабря 1937 года приговор был приведен в исполнение. Предполагаемое место захоронения – Левашовская пустошь под Санкт-Петербургом. Посмертно реабилитирован в 1959 году.

5.17. СОЛОВКИ – НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОЛГОФА

За монастырским кладбищем находится аллея памяти жертв СЛОНа. Большая часть погибших в Соловецком лагере умерли своей (нельзя ее назвать естественной, но, по крайней мере, ненасильственной) смертью. Но в течение всего периода существования лагеря в нем казнили людей. Расстреливали по одиночке под колокольней. Уводили в лес со связанными за спиной колючей проволокой (не тратиться же на веревку!) руками. Вели босого, в одном белье, заключенного и обрывали его жизнь внезапным выстрелом из револьвера в затылок. Целые группы заключенных выгружали с парохода на причале и, не заводя в Кремль, конвоировали к Секирной горе и расстреливали у подножия горы или на Большом Куликовом болоте.

Было в лагере и несколько массовых расстрелов заключенных. Первый произошел 29 октября 1929 года. Побег морских офицеров, потом побег сумасшедшего Кожевникова и его манифест дали повод администрации обвинить арестованных в подготовке восстания с целью захвата лагеря и освобождения всех заключенных. Завели дело, открыли следствие. Всего набралось 36 человек. Их держали в карцере.

Расстреливали невдалеке от Женбарака (Архангельской гостиницы). Убийцы светили фонариком в темноте и стреляли из револьверов в затылок заключенного. Женщины видели расстрел из окон второго этажа. Могилы были вырыты за день до расстрела. Палачи, видимо, изрядно выпили для храбрости и многих закопали живыми, слабо присыпав землей. Утром земля над ямами еще шевелилась. Место, на котором были зарыты убитые, некоторое время спустя было выровнено заключенными под музыку оркестра. Образовалась большая, 80х80 метров, свободная от леса, удобная для застройки площадка. Летом 1975 года здесь начали рыть котлован для жилых домов – и вместе с грунтом и камнями экскаватор выгребал кости и простреленные черепа. Новый дом был, тем не менее, выстроен на костях мучеников.

Осенью 1930 года на Соловках произошел еще один расстрел, который явился следствием борьбы за власть в лагере между чекистами (вольными и ссыльными), возглавлявшими Информационно-следственный отдел, и заключенными-офицерами, составлявшими Административную часть, то есть лагерное самоуправление. Под предлогом борьбы с искривлениями лагерной дисциплины, чрезмерной жестокостью по отношению к заключенным были арестованы (в лагере!) и судимы несколько десятков ротных, старост и иных мелких лагерных начальников, на самом деле отравлявших жизнь заключенным. Из Москвы в мае 1930 года в лагерь даже приехала комиссия, собиравшая жалобы заключенных

на лагерное начальство. После приезда комиссии дезорганизованное начальство ослабило дисциплину, ввело выходные дни. Новая обстановка увеличила число побегов, отказов, краж и освобождений от работ по болезни. От лагерной «оттепели» выиграли, прежде всего, уголовники, ставшие «социально-близкими» лагерной администрации.

И вот пришел Приказ Коллегии ОГПУ (цитируется по Розанову): «На основе материалов следственной комиссии по Соловецкому концлагерю, коллегия ОГПУ вынесла приговор в отношении контрреволюционеров и произвольщиков, искривлявших основы карательной политики. Определенная часть заключенных восприняла данный приказ, как изменение трудового режима и как право работать тогда и там, где они желают. Учет использования рабочей силы по лагерям с мая констатирует рост побегов и отказов от работы. Классово враждебный элемент распространяет злостные слухи, будто означенным приказом отменяются меры принуждения и воздействия к нарушителям трудовой и лагерной дисциплины. Все это, вместе взятое, привело к срыву производственных планов и крупным материальным убыткам по ряду лагерей. В отношении нижепоименованных отказчиков от работы, беглецов и контрреволюционных агитаторов, на которых информационно-следственными отделами лагерей был представлен материал, коллегия ОГПУ применила высшую меру наказания – расстрел». Следовал длинный список из 120 фамилий. Наряду с каэрами – представителями лагерной администрации в список были включены рецидивисты, неоднократно пытавшиеся бежать из лагеря и систематически отказывавшиеся от работы.

Летом 1937 года администрацией соловецкого лагеря были подготовлены документы на расстрел заключенных. На основании этих документов особая тройка УНКВД по Ленинградской области постановила расстрелять 1825 заключенных СЛОНа. Расстрел был осуществлен в три приема. Первую, самую многочисленную, группу расстреливали в несколько этапов в октябре–ноябре 1937 года под Медвежьегорском, в песчаном урочище Сандармох. Исполнителем был капитан Матвеев, которого репрессировали в 1938 году. Он расстрелял 1111 человек. В этой группе погибли основоположник нового украинского театра Лесь Курбас, министры правительства Независимой Украины А. Крушельницкий и М. Полоз; видный адвокат А. Бобрищев-Пушкин, дворянин, профессор А. Вангенгейм, основоположник удмуртской литературы Кузебай Герд, член правительства Белоруссии Ф. Волынец, группа татарских общественных деятелей во главе с И. Фирлевсом, выборный глава российского цыганского табора Г. Станеско, грузинские князья Н. Эристов и Я. Андронников, черкесский писатель князь Х. Абуков, видный деятель корейской общины в России Ан Тай До. Там же были расстреляны православные епископы: священномученик Дамиан (Воскресенский), архиепископ Курский, епископ Воронежский Алексий (Буй), епископ Тамбовский Николай (Розанов), архиепископ Самарский Петр (Руднев); католический администратор Грузии Ш. Татманишвили, глава баптистской церкви СССР В. Колесников и 22 католических священника. Вторую группу из 509 человек, в которую входили отец Павел Флоренский и Р. Н. Литвинов, 8–10 декабря вывезли и расстреляли где-то в окрестностях Ленинграда.

Последнюю группу из 200 человек, в отношение которых постановление было вынесено 14 февраля 1938 года, расстреляли 17 февраля в районе Исакова.

Таково завершение истории СЛОНа. Об этом учреждении скажем словами бывшего заключенного, а ныне новомученика и исповедника Соловецкого Виктора (Островидова), епископа Вятского. Он так напутствовал отбывшего уже срок писателя Олега Волкова: «Ты, сынок, вот тут с год потолкался, повидал все, в храме бок о бок стоял. И должен все это сердцем запомнить. Понять, почему сюда власти попов да монахов согнали. Отчего это мир на них ополчился? Да, не люба ему правда Господня стала, вот в чем дело! Светлый лик Христовой Церкви – помеха, с нею темные да злые дела неспособно делать. Вот ты, сынок, об этом свете, об этой правде, что затаптывают, почаще вспоминай, чтобы самому от нее не отстать. Поглядывай в нашу сторону, в полунощный край небушка, не забывай, что тут хоть туго да жутко, а духу легко…» [13, с. 143].

СЛОН – концентрированное выражение беззакония революционной стихии. Советское общество отвергло от себя лучших представителей духовенства и интеллигенции, поставив их в положение узников, и вместе с ними отвергло христианские начала, на которых основывалась Российская государственность. Сейчас уже очевидно, что невозможно оказалось построить жизнеспособное общество на иных основаниях, получается «дом на песке» (Мф. 7, 26), который рушится, едва подует ветер. Поэтому необходимо возвращаться к прошлому ради осмысления, ради покаяния. В России возрождается традиция паломничества, люди осознанно или неосознанно стремятся к святыням, стараясь найти твердый камень, который можно положить в основание своего духовного мира.

Приведем впечатление от посещения Соловков архиепископа Львовского и Галицкого Августина: «Мне кажется, что каждому православному человеку надо обязательно найти возможность побывать на Соловках. Тут тесно переплетаются история и сегодняшний день. Все это вразумляет, остепеняет и заставляет более духовно относиться к жизни. Вот итальянцы, с которыми я вчера разговаривал, прежде всего интересовались трагической историей Соловков и скорбели о жертвах насилия и жестокости. Но ведь Соловецкие новомученики и исповедники были похожи на первых христиан, на тех, кто в Риме и других местах Римской империи пострадал от гонителей. И многие принимали мучения с благодарностью, потому что этим имели возможность свидетельствовать о своей вере, доказать Богу и людям свою верность и любовь ко Господу. Во время гонений Рим был для христиан как бы второй Голгофой. А Соловецкая Голгофа в истории христианства может считаться третьей. Во всяком случае, для православного русского народа Соловки – национальная Голгофа»[66].

Невозможно перечислить имена всех соловецких узников, с упованием на Господа мужественно стоявших за веру и Отечество. Помянем лишь имена тех, кто уже прославлен Русской православной церковью в чине новомучеников и исповедников Соловецких:

[66] Соловецкий вестник. № 3. 2004. С. 9.

Священномученики:
Евгений (Зернов), митрополит Нижегородский †1937;
Александр (Щукин), архиепископ Семипалатинский †1937;
Дамиан (Воскресенский), архиепископ Курский †1937;
Захария (Лобов), архиепископ Воронежский †1937;
Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский †1929;
Иувеналий (Масловский), архиепископ Рязанский †1937;
Петр (Зверев), архиепископ Воронежский †1929;
Прокопий (Титов), архиепископ Херсонский †1937;
Серафим (Самойлович), архиепископ Угличский †1937;
Амфилохий (Скворцов), епископ Красноярский †1937;
Антоний (Панкеев), епископ Белгородский †1937;
Аркадий (Остальский), епископ Бежецкий †1937;
Василий (Зеленцов), епископ Прилукский †1930;
Герман (Ряшенцев), епископ Вязниковский †1937;
Дамаскин (Цедрик), епископ Стародубский †1937;
Игнатий (Садковский), епископ Скопинский †1938;
Иосаф (Жевахов), епископ Могилевский †1937;
Никодим (Кононов), епископ Белгородский †1918;
Онисим (Пылаев), епископ Тульский †1937;
Александр (Сахаров), протоиерей †1927;
Владимир (Лозина-Лозинский), протоиерей †1937;
Владимир (Медведюк), протоиерей †1937;
Александр (Орлов), иерей †1937;
Иоанн (Стеблин-Каменский), иерей †1930;
Николай (Правдолюбов), иерей †1941;
Николай (Восторгов), иерей †1930;

Священноисповедники
Амвросий (Полянский), епископ Каменец-Подольский †1932;
Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский †1962;
Виктор (Островидов), епископ Глазовский †1934;
Роман (Медведь), протоиерей †1937;
Сергий (Голощапов), протоиерей †1937;
Сергий (Правдолюбов), протоиерей †1950;
Николай (Лебедев), иерей †1933;
Петр (Чельцов), иерей †1972;

Преподобномученики
Иннокентий (Беда), архимандрит †1928;
Вениамин (Кононов), архимандрит †1928;
Никифор (Кучин), иеромонах †1928;
Моисей (Кожин), иеромонах †1931;
Елевферий (Печенников), схиархимандрит †1937;

Преподобноисповедник
Никон (Беляев), иеромонах †1931;

Мученики
Владимир (Правдолюбов) †1937;
Иван (Попов) †1938;
Стефан (Наливайко) †1945;
Анна (Лыкошина) †1925;
Вера (Самсонова) †1940.

Нам трудно представить сегодня, как смогли они устоять перед махиной СЛОНа, которая безапелляционно обещала их раздавить, не оставляя другого выбора, кроме смерти. «Когда человек осознал свое положение полной беззащитности, остался, как говорят святые отцы, лишь под покровом своей кожи, то ему ничего не остается кроме смирения. У него открываются глаза на собственные недостоинство и греховность. Становится ясно, как благоразумному разбойнику на кресте, что ничего в жизни не собрано. И вот тут он начинает взывать ко Господу… И тогда он получает укрепление от Него, обретает благодать, которая дает возможность устоять перед испытаниями… Господь полагает предел страданиям… Человек выносит страдания и пытки только до известного предела. Потом он перестает чувствовать боль. Если же его страх превышает его веру, то он начинает ощущать себя лишь земным существом и тогда сдается раньше, чем Господь его уводит с поля мучилищного». Это слова игумена Дамаскина (Орловского) [84, 2006, с. 279] – ревностнейшего агиографа, собирающего драгоценные жемчужины жизнеописаний новомучеников и исповедников Российских [15]. В этих житиях поражает безжалостность мучеников к себе и беспощадное обличение своего недостоинства. Перед лицом физической смерти они видели свою почти прожитую жизнь совершенно недостойной вечности с Богом. И вера в благой и спасающий Промысел Божий давала им силы терпеть мучения. Пролив кровь за Христа, новомученики и исповедники Соловецкие предстоят ныне Престолу Божию и имеют дерзновение умолить Всевышнего о даровании милости и благодати всем обращающимся к ним с молитвой.

*«Опять падает снег, скоро снова наступит Соловецкая ночь…
В ноябре пароход гудит в последний раз и на полгода Соловки
оказываются отрезанными от всего света…
и мы не по своей охоте и неизвестно зачем сидим на этом
краю света, охраняемые льдом, морем, метелями, тьмой».
Геннадий Андреев. «Соловецкие острова». 1927, с. 20.*

Глава 6

ВОЗРОЖДЕНИЕ МОНАСТЫРЯ

Конец XX – начало XXI века

Начало возвращению монашествующих на Соловецкий остров было положено 2 июля 1989 года, когда игумен Герман и диакон Иоанн (ныне игумен Зосима) совершили освящение часовни во имя святителя Филиппа.

История повторилась: через 560 лет после того, как преподобный Герман открыл для себя Соловецкий остров, а затем стал проводником и сподвижником для преподобных Савватия и Зосимы, первым из насельников возрождающейся обители пришел на остров игумен Герман, получивший свое монашеское имя в 1982 году в честь преподобного Германа Соловецкого. Указом епископа Архангельского и Мурманского Пантелеимона от 18 мая 1990 года игумен Герман (Чеботарь), настоятель Сергиевского храма с. Ширша Приморского р-на Архангельской области, был назначен служащим священником и председателем вновь зарегистрированной православной общины на Соловках. В неотапливаемой часовне игумен Герман с прихожанами совершали суточный круг богослужений. Молились и мечтали о возрождении монастыря.

Осенью прибыли пять насельников, пожелавших проводить монашескую жизнь на Соловках. 25 октября 1990 года определением Священного Синода Русской Православной Церкви совершилось долгожданное открытие Соловецкого Зосимо-Савватьевского ставропигиального мужского монастыря. В адрес епископа Архангельского и Мурманского Пантелеимона была направлена телеграмма: «Божие благословение на труды первых насельников в возрожденной Спасо-Преображенской Соловецкой обители. Радуюсь и благодарю Спасителя за Его милость к нам, выразившуюся в возрождении этой древней и славной обители. Патриарх Алексий».

28 октября в домовой церкви, устроенной братией на втором этаже корпуса у Никольских ворот, была отслужена первая после многолетнего перерыва Божественная литургия. Вновь подтвердилось неложное обетование Божие, данное некогда первоначальникам Соловецким преподобным Савватию и Герману о том, что Соловецкие острова должны быть уделом иноков, которые были и остаются светильниками для окружающего мира.

Знаменательным для обители стал 1992 год: 9 февраля, в день, когда Русская Церковь совершала ежегодное молитвенное поминовение всех пострадавших в

Установка креста на часовне святителя Филиппа. 1989 г.

Игумен Герман и иеромонах Зосима. 1990 г. С них – двух родных братьев и четырех послушников началось возрождение монашеской жизни в Соловецкой обители. Архимандрит Герман (Чеботарь Георгий Андреевич, р. 1956) в 1990–1992 гг. исполнял обязанности наместника монастыря. С 1992 г. – духовник обители (до 2007 г. нес также послушание благочинного). В 2012 г. возведен в сан архимандрита. Игумен Зосима (Чеботарь Иван Андреевич, р. 1958) с 1990 г. несет послушание эконома. В 2010 г. возведен в сан игумена.

лютую годину гонений исповедников и мучеников[1], игумен Иосиф (Братищев) был поставлен наместником Соловецкого монастыря.

В субботу 8 февраля на Секирной горе в Вознесенском храме, превращенном в 1923–1937 годах в штрафной изолятор СЛОНа, была совершена заупокойная лития в память о тех, для кого эта гора стала личной Голгофой. 9 февраля, в неделю о Закхее, в домовой церкви Соловецкого монастыря была отслужена великая панихида по всем мученически пострадавшим на Соловецких островах, с поименным поминовением многих узников в священном и иноческом сане. Во время Божественной Литургии на Малом Входе Преосвященный епископ Владимирский и Суздальский Евлогий, Председатель Синодальной комиссии по монастырским делам, зачитал указ Святейшего Патриарха Алексия II о назначении игумена Иосифа наместником Соловецкого монастыря. По прочтении молитв из Чина поставления во игумены обители, отец Иосиф был оглашен наместником Спасо-Преображенского ставропигиального Соловецкого монастыря. В конце Литургии ему был вручен игуменский жезл. Преосвященный Евлогий обратился к новопоставленному наместнику и братии с поучением, взятым из древнего Чиновника. На братскую трапезу насельники и трудники монастыря впервые прошли Чином о Панагии.

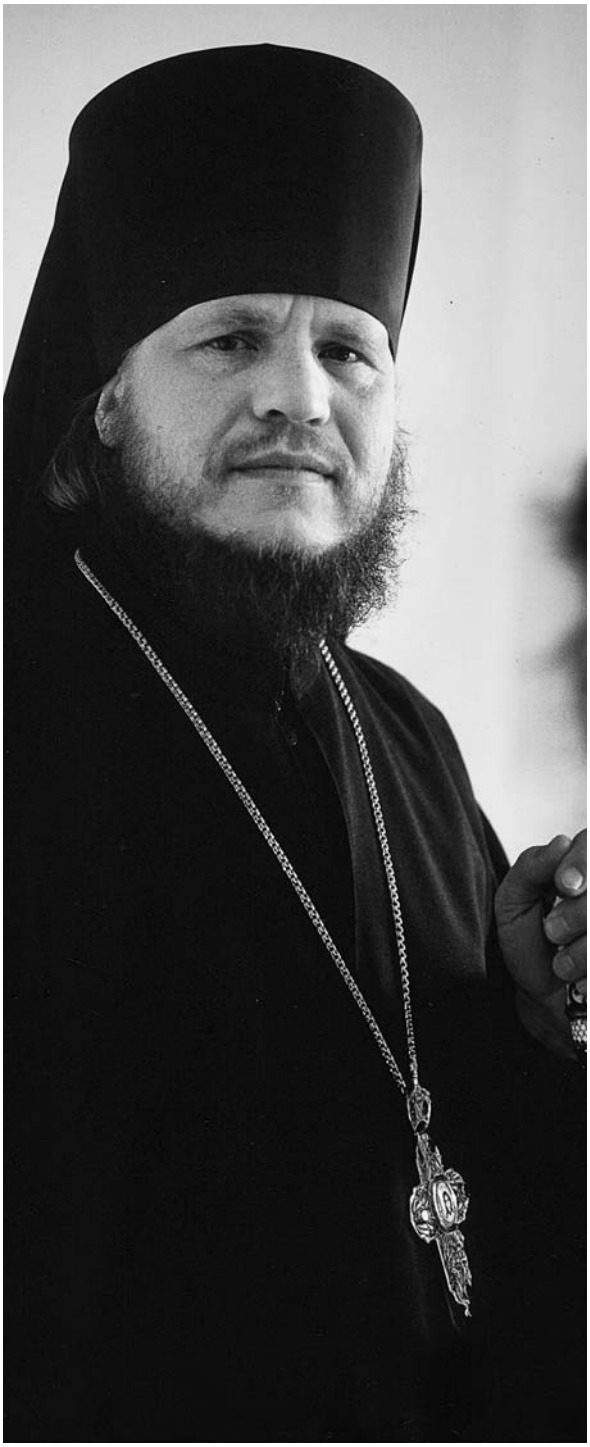
В 15 часов того же дня был впервые отслужен водосвятный молебен в храме Благовещения Пресвятой Богородицы, что над Святыми вратами. На молебне вместе с монашествующими присутствовали и представители Соловецкого историко-архитектурного и природного музея-заповедника. По распоряжению его генерального директора Людмилы Васильевны Лопаткиной монастырю были переданы величайшие святыни – два мощевика с крупными частями святых мощей древних святых: Иоанна Предтечи, апостолов Варнавы и Филиппа, евангелистов Матфея, Марка и Луки, святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, святителя Николая Мирликийского, святителя Спиридона Тримифундского, священномученика и целителя Пантелеимона, великомученика Георгия Победоносца, мучеников Прокопия и Киприана, мучениц Марины, Ирины, Христины, Иустины, Феодосии и Анастасии.

Эти мощи с древних времен хранились в Благовещенском соборе Московского Кремля. Во время нашествия войск Наполеона и пожара Москвы в 1812 году Господь сохранил мощи неприкосновенными и невредимыми. В марте 1816 года псаломщик Благовещенского собора Иаков Стефанов сделал для них киоты. О происхождении мощевиков свидетельствуют исторические надписи на обратной стороне киотов. Этот дар был знаком установления добрых отношений между руководством музея и монастыря.

В храме Благовещения разрешено было совершать богослужения, и 5 апреля, накануне престольного праздника, игумен Иосиф освятил его чином малого освящения. В день Благовещения 7 апреля 1992 года в этом же храме состоялся первый постриг в мантию двух насельников монастыря – послушника Ильи Буева с именем Савватий[2] в честь преподобного Савватия

[1] Определением Поместного собора 1917–1918 гг. установлено творить это поминовение 25 января/7 февраля или в следующий за сим воскресный день.

[2] Игумен Савватий с 1994 г. ризничий монастыря.



Архимандрит Иосиф (Братищев Иван Алексеевич, р. 1957) Фото 2006 г. До назначения наместником Соловецкого монастыря о. Иосиф в 1978–1979 гг. был иподиаконом у Высокопреосвященного архиепископа Рязанского и Касимовского Симона. С 1979 по 1985 гг. обучался в Московских духовных школах – Семинарии и Академии. 27 августа 1983 г. пострижен в монашество с именем Иосиф в честь преподобного Иосифа Волоцкого. Во время обучения нес послушания в Церковно-археологическом кабинете МДА, был помощником инспектора Московской Духовной Семинарии. В 1986 г. зачислен в братство Московского Свято-Данилова монастыря, где проходил послушание помощника эконома. Осенью 1987 г. по благословению наместника Даниловой обители архимандрита Тихона (ныне епископ Новосибирский и Барнаульский) командирован в Оптину пустынь. Его трудами подготовлены келии для насельников и трудников обители, а также устроена над Святыми вратами церковь, где 3 июня 1988 г. был освящен престол в честь Владимирской иконы Божией Матери и совершена первая в возрожденной Оптиной обители Божественная Литургия. В 1988–1991 гг. исполнял послушание настоятеля храма Святителя Николая Чудотворца в г. Шацке Рязанской епархии, а затем – эконома-строителя и казначея в Иоанно-Богословском монастыре. 16 апреля 1990 года удостоен Патриаршей награды – возведения в сан игумена с возложением креста с украшениями

Возвращение мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа.
Встреча на пристани. 1992 г.

Соловецкого и инока Давида Кондратьева с именем Елеазар[3] в честь преподобного Елеазара Анзерского.

Игумен Иосиф ходатайствовал о возвращении святых мощей Соловецких первоначальников преподобных Зосимы, Савватия и Германа в стены основанной ими обители. Перенесение святых мощей состоялось в августе 1992 года. При подготовке к этому событию на монастырскую колокольню были подняты колокола – обитель обрела голос. Церковные торжества в Соловецкой обители возглавил ее священноархимандрит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

19 августа 1992 года раки с мощами преподобных были доставлены самолетом из Петербурга в Архангельск, а оттуда на теплоходе «Борис Пастернак» отправились на Соловки. 20 августа мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа в сопровождении Святейшего Патриарха Алексия II и 300 паломников вернулись в родную обитель к месту своих подвижнических трудов и праведного упокоения. Духовенство на руках перенесло ковчеги с мощами в Спасо-Преображенский собор, где Святейший Патриарх в сослужении сопутствующих архипастырей, наместника монастыря, братии обители

[3] Игумен Елеазар много потрудился на Архангельском подворье Соловецкого монастыря и скончался 4 сентября 2010 г.

Святейший Патриарх Алексий II у мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа в Спасо-Преображенском соборе. 1992 г.

и паломников в священном сане совершил молебен, малую вечерню с акафистом и в тот же вечер всенощное бдение. В Спасо-Преображенском соборе, освященном малым чином, 21 августа, в день памяти преподобных Зосимы, Савватия и Германа, была совершена Божественная литургия, за которой игумен Иосиф за усердные труды по возрождению обители и служению Святой Церкви возведен в сан архимандрита.

Возвращение мощей преподобных было видимым знаком благословения Божия возрождающемуся монастырю. 3 апреля 1993 года было установлено празднование второго перенесения мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа (8/21 августа в день первого их перенесения в 1566 году) и празднование Собора Соловецких святых (9/22 августа). Примечательно, что в трудное для обители время ее первоначальники видимым образом – своими святыми мощами, которые прежде почивали в разных храмах, – объединились. Они вместе кочевали по «темницам» спецхранов, вместе вернулись в обитель и нераздельно почивают ныне под единой сенью. Прославленные за равноподвижное житие, они никогда не разлучались друг от друга в Небесном Царствии, и теперь в своей обители являют нам пример единства в предстательстве за нас ко Господу.

21 августа 1992 года Святейший Патриарх Алексий посетил Свято-Вознесенский скит Соловецкого монастыря. У подножия г. Секирной был воз-

двигнут и освящен Святейшим Патриархом семиметровый поклонный крест, водруженный в ознаменование совершаемого празднества и в память всех Православных христиан, на Соловецких островах пострадавших.

22 августа 1992 года Святейший Патриарх совершил чин освящения и первую литургию в надвратной Благовещенской церкви, где с тех пор почивали святые мощи преподобных и совершалось ежедневное монастырское богослужение до 2001 года. В тот же день Святейший Патриарх Алексий рукоположил инока Иринарха[4] в сан иеродиакона.

с. 435

22 августа 2001 года Святейшим Патриархом Алексием был освящен храм Святителя Филиппа – светлый, просторный и теплый. Он был передан Соловецкой православной общине «для удовлетворения религиозных потребностей верующих граждан» еще 30 августа 1989 года в совершенно разоренном состоянии. Для восстановления храма понадобилось больше десяти лет. С тех пор преимущественно в нем совершается суточный круг монастырских богослужений.

На примере Филипповского храма становится понятно, насколько медленно и трудно идет дело восстановления обители на Соловках. Когда наместнику архимандриту Иосифу задавали вопрос: «Как скоро будет полностью восстановлен Соловецкий монастырь?» – он отвечал приблизительно так: «Прежняя братия монастыря, строившая и украшавшая обитель, никому ведь не давала обещаний построить, например, крепостную стену за "пятилетку". Они трудились для Бога, и когда появлялась необходимость в строительстве храма или крепостной стены, они получали Божие благословение и начинали трудиться. Таков и мой подход: мы должны не внешним только строительством заниматься. Мы должны создать в обители ту благодатную атмосферу, в которой не только братия монастыря могла бы спасаться, но где могли бы черпать духовные силы и приходящие к нам паломники. Сейчас главная наша задача – не только восстановить разрушенные стены, но в первую очередь восстановить разрушенные за годы безбожия души людские. А ведь в этом состоянии "разрухи" находится сейчас значительная часть общества. И с этой важнейшей задачей мы постепенно справляемся. Не хочу говорить "от себя". Приведу мнения паломников. Мне ни от кого не приходилось слышать, чтобы люди, побывавшие в нашем монастыре, оставались неудовлетворенными. Да, сегодня интерьеры наших храмов еще не блистают великолепием. С Божьей помощью пока восстановлен полностью только надвратный Благовещенский храм. В Преображенском соборе еще не закончены реставрационные работы. И все же, несмотря на это, люди в нашем монастыре черпают духовные силы, согреваются душой. А это значит, что стоящая перед нами задача пусть на малую толику, но уже выполнена» («Благовест», 20.04.2001).

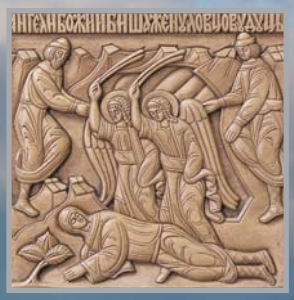
За те семнадцать лет, в течение которых архимандриту Иосифу пришлось быть наместником Соловецкой обители, была восстановлена духовная и материальная структура монастыря: собрался костяк братии в самой обители, затеплилась монашеская жизнь во всех скитах, открылись подворья в Москве, в Архангельске, в Кеми, в Фаустово. В монастыре, скитах и на подворьях стало совершаться уставное богослужение, была восстановлена традиция крестных ходов вокруг монастыря по воскресным и праздничным дням. По благословению Святейшего Патриарха Алексия с 1992 года в дни престольных праздников стали служить Божественную Литургию

[4] Иеродиакон Иринарх (Михеев, р. 8 апреля 1960–†7 сентября 1994)

Собор Соловецких святых. Современная икона

«Те, которых весь мир не был достоин,
скитались по пустыням и горам,
по пещерам и ущельям земли».

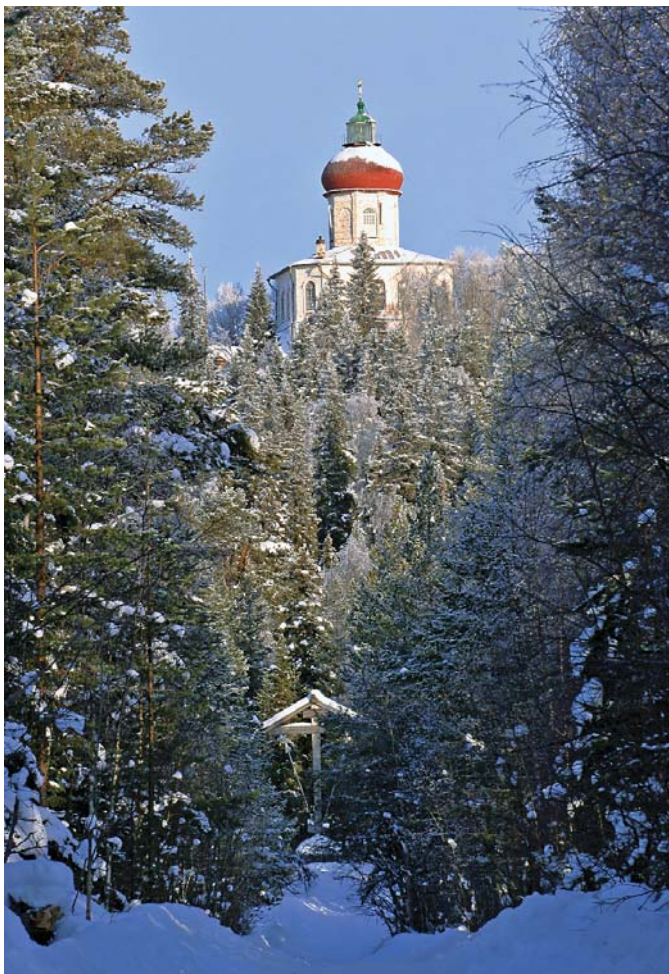
Евр. 11, 38.



Свято-Вознесенский скит на г. Секирной.
На врезке: ангелы секут жену рыбака.
Фрагмент резьбы сени 1997 г.

Савватиево. Церковь Смоленской иконы
Божией Матери и крест
на месте келии
прпп. Савватия и Германа

Храм Вознесения Господня
и келейный корпус на г. Секирной



Престольный образ нижнего храма в честь Чуда Архистратига Михаила в Хонех. XIX в.

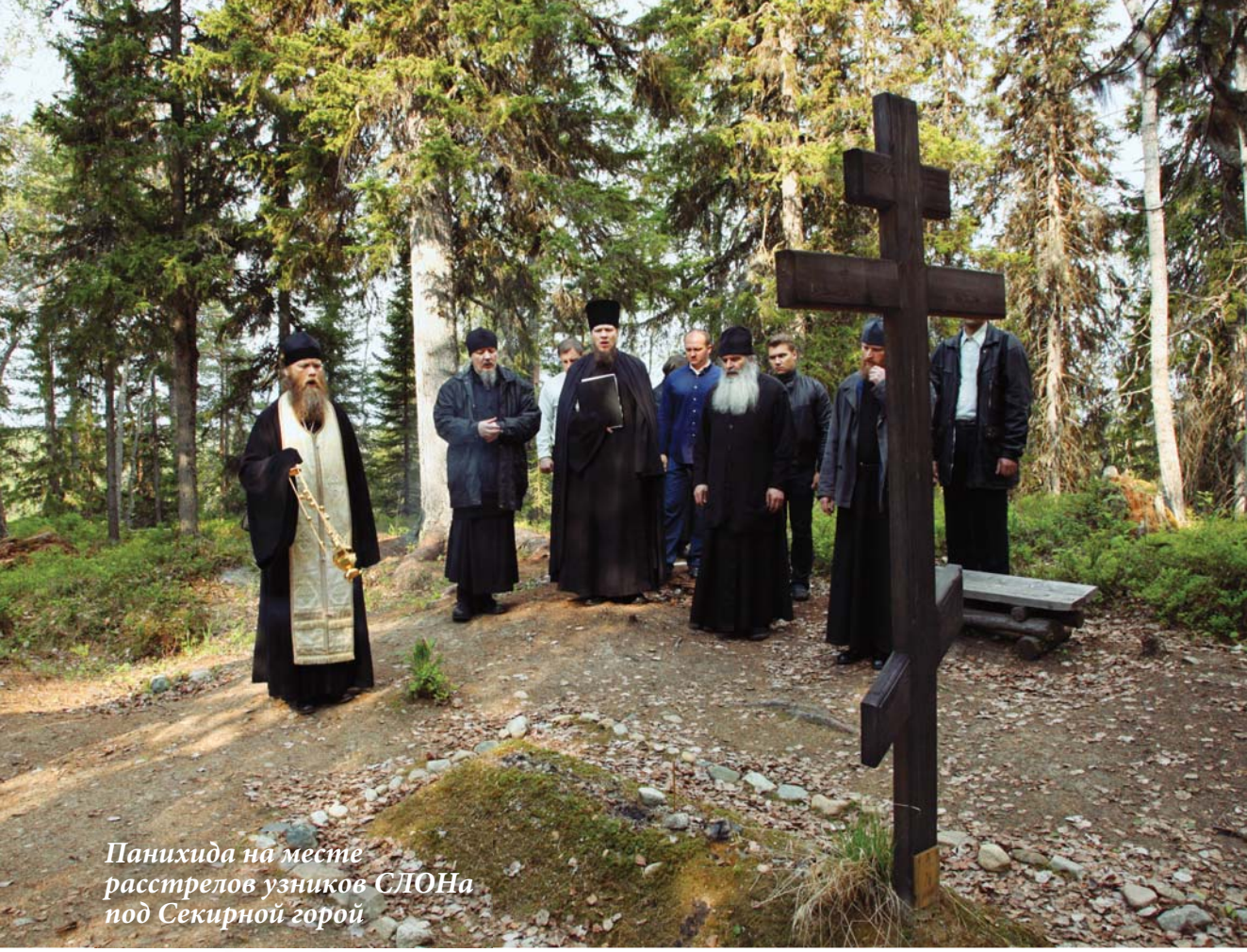
Литургия в день освящения престола храма. 10.02.13 г.

Интерьер верхнего храма Вознесения Господня

«Преславно отторгнуть себя от общения с миром и от суетного попечения. И неослабно соблюдать, находящееся внутри нас Небесное Царство. По этой причине монашеское жительство названо наукой из наук и художеством из художеств».

Никифор уединенник

Освящение престола нижнего храма

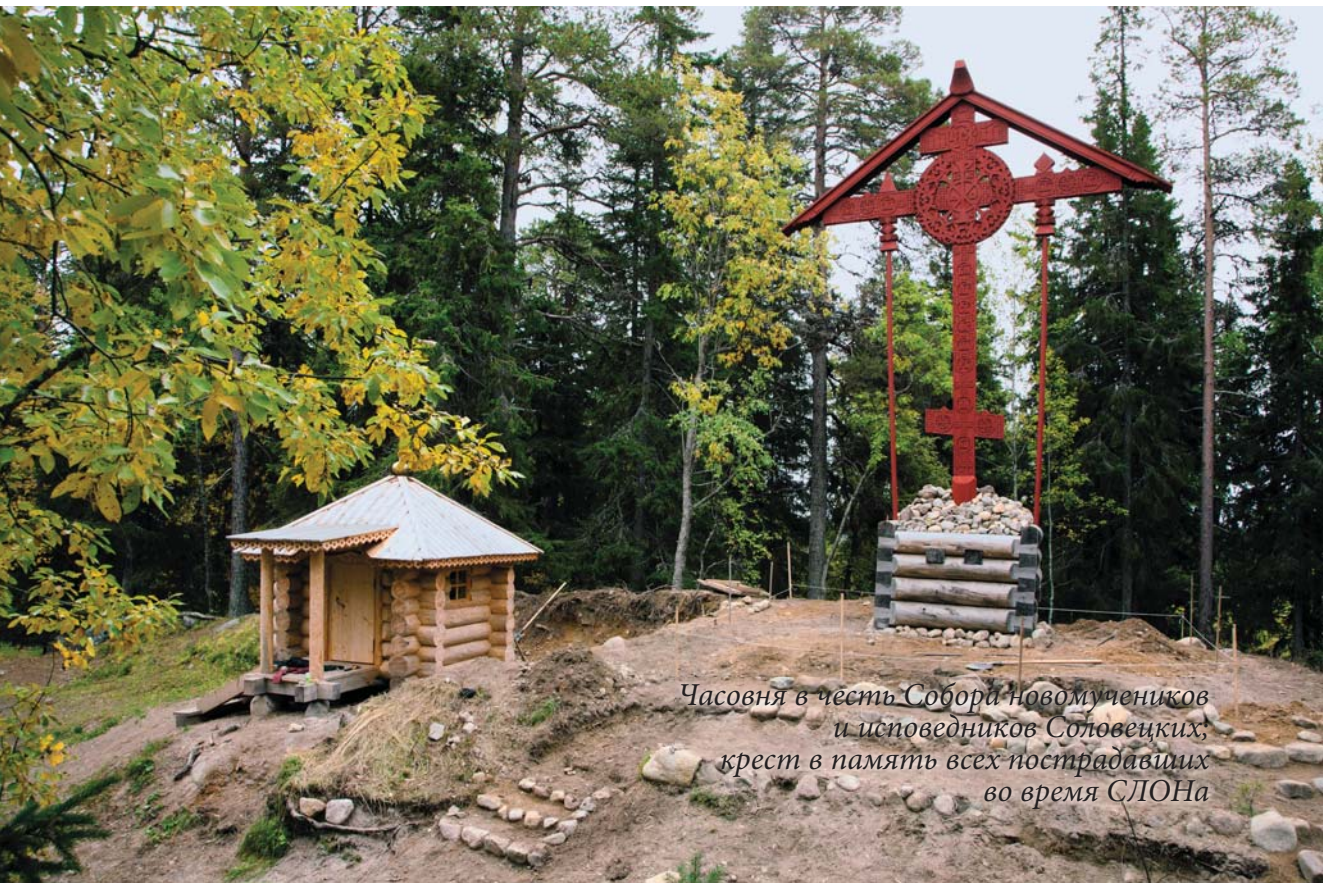


Панихида на месте расстрелов узников СЛОНа под Секирной горой

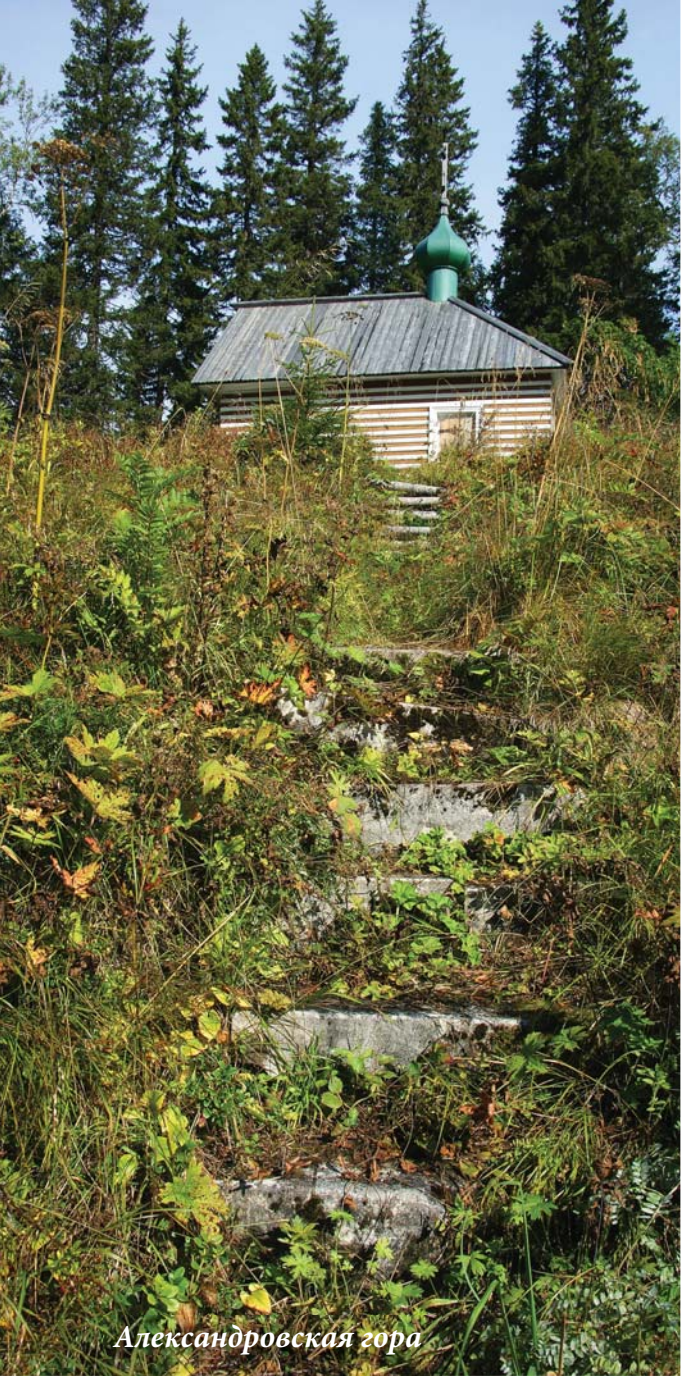
Вскрытая братская могила, в которой было захоронено 26 человек, расстрелянных во время СЛОНа

Прпп. Савватий и Герман в молении.
Фрагменты росписей Свято-Вознесенского скита

Заметки эксперта на могильных крестах



Часовня в честь Собора новомучеников
и исповедников Соловецких,
крест в память всех пострадавших
во время СЛОНа



Александровская гора

Крестовая гора

Дом архимандрита
в Макарьевой пустыни

Вид на монастырь
с острова прп. Зосимы

Место келии прп. Зосимы

Видение прп. Зосиме
«церкви на воздусе»
Клеймо иконы XIX в.

Место келии прп. Германа

Прп. Зосима и Герман направляются на о. Соловецкий. Фрагмент резьбы сени 1997 г.

Филипповы садки

Филипповская пустынь

Филипповская часовня

Господь Вседержитель с припадающими святителем Филиппом и Святейшим Патриархом Никоном.
Икона, написанная для Голгофского придела храма Воскресения Христова Ново-Иерусалимского монастыря в 1657 г.

Церковь св. Апостола Андрея Первозванного на о. Б. Заяцкий

Источник на о. Б. Заяцкий

Валунная гавань XVI в.

Каменная выкладка-лабиринт

Часовня Иоанна Предтечи

Крест на месте часовни св. вмц. Варвары

Часовни: св. апостолов Петра и Павла (справа), св. блгв. князя Александра Невского (слева) и св. равноап. царя Константина (вдали)

Святейший Патриарх Алексий подписывает антиминс во время освящения храма Святителя Филиппа в 2001 г.

во всех храмах, сохранившихся на Соловецком архипелаге, возродилась традиция изготовления и установки поклонных крестов на исторических и памятных местах. В монастыре появились необходимые службы: отдел реставрации, издательский отдел, церковно-археологический кабинет, паломническая служба, воскресная школа, флот, автохозяйство, столярная мастерская, скотный двор, огороды. 10 октября 2009 года Священный Синод выразил благодарность архимандриту Иосифу за понесенные труды по восстановлению обители и, в связи с тяжкой болезнью, освободил его от обязанностей наместника.

В тот же день – день памяти преподобного Савватия Соловецкого – новым наместником Соловецкого монастыря Священный Синод назначил архимандрита Порфирия (Шутова), который до этого состоял казначеем Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Архимандрит Порфирий прибыл на Соловки в день праздника Иверской иконы Божией Матери 26 октября. В своем первом слове к братии и прихожанам монастыря он сказал: «Сердечно приветствую вас в этом святом храме на этой святой земле. Господь судил мне быть здесь не по человеческому, а тем более – не по моему помышлению и размышлению, и судил быть не смиренным послушником и монахом, а стоять во главе вашей монашеской дружины. И сегодня мы вместе совершили первые шаги здесь, у цельбоносных и чудотворных мощей основателей святой Соловецкой обители. Надеюсь, что много и много дней Господь благо-

словит так – единым духом, едиными устами – прославлять Пресвятую Троицу и святых, прославляющих Бога в своем совете.

У вас же всех прошу молитв, потому что два чувства есть у меня в душе. С одной стороны – трепет под этими святыми сводами, на этой святой земле. Она хранит память о слезах и молитвах святых и великих угодников Божиих, на протяжении веков вслед за отцами-основателями, проведших здесь дни своей жизни в благочестных трудах и молитвах, самоотвержении и великой благодати Божией. Она обильно орошена и мученической кровью. Лик русских святых в XX веке восполнен святыми мучениками и исповедниками, которых до тех пор было не так много на нашей земле.

Вместе с тем я переживаю сейчас и ощущение великого покоя, и причина тому – что не по моему, не по человеческому размышлению было мое назначение. Когда Патриарх сказал мне о своем благословении 7 октября во время всенощного бдения, то мы пошли служить акафист преподобному Сергию. И в соборе духовенства, епископов и священников мне выпало чтение кондака: "Спасти хотя душу твою, в юности возраста своего отреклся еси воли своея и во знамение отсечения ея постригл еси власы главы своея и был еси монах, покоривый себе воли Божией и начальником, от Него поставленным, их же веления тако слушал еси, яко Самаго Господа, никогда же прекословя, но слову веления исполнением дела отвещавая. Всяческая же приключения благодарно, яко верный раб, от Господа приимал еси, Емуже на Небесех предстоя, ныне вопиеши: Аллилуиа"[5]. У мощей преподобного Сергия в день его памяти это воспринималось как чудо, как небесное откровение. Трепетно было это понимать и осознавать.

После богослужения у меня было несколько минут свободного времени. В Патриарших покоях под рукой оказалась книга – старая, затертая. Когда я ее открыл, то это оказалось житие преподобного Феофана, Соловецкого святого. Я ничего не знал об этом подвижнике, и меня поразили его слова, свидетельства и откровения. В первый раз, когда он пришел сюда из Киева, духовным зрением он увидел преподобных Зосиму, Савватия и Германа, сидящих, как живые, рядом с их святыми мощами. И приходили иноки, и прикладывались к ним, и просили у них благословения. И одних они благословляли, а от других отворачивались. И все его поучение так легло на сердце – такое монашеское наставление монахам и инокам: ибо взялись за плуг, дали великие и страшные обеты, – и за них придется отвечать. И за каждое праздное слово, и за нечистоту сердечную, сокровенную и неявную для других, и за ослушание, и за все и за вся.

Поэтому будем подвизаться со страхом Божиим, с трепетом перед Богом, видящим наше сокровенное и сердечное так же явно, как и наши поступки, и наши слова. И будем молиться друг за друга, чтобы быть нам в русле Промысла Божия. А нам, монахам, для этого надо просто послушание. Если мы не собьемся с этой спасительной стези, – каждый из нас и все мы вместе – то наследуем те обители, путь в которые проложили великие основатели, вслед за которыми взошли на них многие, до нас здесь подвизавшиеся. За их святые молитвы Господь, быть может, и нам судит и дарует восприятие этих вечных и вожделенных благ.

Поэтому прошу святых молитв, прежде всего, за нашего настоятеля – Святейшего Патриарха Кирилла. Да дарует ему Господь сил и разум право править

[5] Акафист преподобному Сергию, Радонежскому чудотворцу. Кондак 10.

Архимандрит Порфирий (Шутов Владимир Викторович, р. 1965) родился и вырос в Сарове в семье ученых. Получил высшее инженерно-экономическое образование, окончив Московский авиационный институт. В 1994 г. в начале Великого Поста по благословению старца Кирилла (Павлова) поступил на послушание в Троице-Сергиеву Лавру. В 1997 г. принял монашеский постриг. Окончил Московскую духовную семинарию. 2 июня 1999 г. рукоположен в сан иеромонаха. С 2003 г. исполнял послушание казначея объединенного хозяйства Лавры и Московской духовной академии. 1 января 2006 г. возведен в сан архимандрита.

слово Христовой истины. Прошу молитв обо мне, да вразумит Господь исполнять его предначертания точно, правильно и мудро. И прошу молитв друг за друга, за всех подвизающихся и приходящих в эту святую обитель – будь то монахи или мирские, священники или миряне, верующие или только ищущие веры. Всем да поможет молитва, поспешествуемая любовью».

19 ноября 2009 года наместник Соловецкого монастыря архимандрит Порфирий был назначен директором Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. В рамках сотрудничества Церкви и государства был сделан шаг к преодолению церковно-музейных споров путем объединения заинтересованных сторон вокруг общего дела – возрождения Соловков как духовного и культурного центра. В настоящее время очевидно, что сбереженные и восстановленные музейными работниками в советское время памятники, в частности, архитектурные, обретают новую полноценную жизнь именно в рамках их совместного использования и сохранения монастырем и музеем. Модель гармоничного соработничества между монастырем и музеем была отработана в Троице-Сергиевой Лавре и теперь приносит свои плоды на Соловках.

Размышляя о восстановлении нравственных ориентиров в современном обществе, наместник архимандрит Порфирий, напомнил о временах преподобного Сергия Радонежского. «Тогда в состоянии всеобщей Смуты, сбитых ориентиров, постоянного страха за свою жизнь и жизнь близких из-за набегов монголов каждый беспокоился только о себе. В результате, так же как сейчас, нравственность

общества была на чрезвычайно низком уровне. Грабежи, воровство, покоя и безопасности не было нигде – ни на дорогах, ни в городах. Но появились очаги другой жизни – спокойной, уравновешенной, осмысленной духовно. Эти были монастыри. Их тогда возникло больше сотни. Приходя в них, люди видели пример иной жизни и понимали, что жить так, как они живут, нельзя. Так и сейчас сбитый с толку человек может приехать в монастырь, погрузиться в его духовную и эстетическую красоту. Все окружение здесь должно настраивать его на восприятие традиционных ценностей, того, чем жила Россия, – на служение не себе любимому, а Богу и ближнему. Миссия Соловков в этом и состоит по большому счету»[6].

Подводя итоги двадцатилетия возрождения монашеской жизни на Соловках, о. Порфирий подчеркнул, что за это время совершенно изменился статус монастыря на острове. Вначале «местное население было убеждено, что появление на острове монахов и церкви – это недоразумение. Сейчас, конечно, по-другому – и доброжелатели, и недоброжелатели понимают, что нет другой альтернативы для Соловков, кроме как развитие, связанное с восстановлением монастыря».

В то же время, хотя за двадцать лет был пройден огромный путь, начиналось все с нуля и в материальном смысле, и в духовном, и в социальном, теперь храмы и инфраструктура большей частью восстановлены, количество братии в монастыре увеличивается[7], богослужение налажено, но во всех отношениях Соловкам еще очень далеко до уровня начала XX века – монастырского «государства в государстве».

Причин этому две. Во-первых, насельники монастыря представляют социальный срез общества, в котором на протяжении 70 лет Церковь была гонима и преемственность монашеского делания была нарушена, поэтому для накопления опыта духовной жизни в новых условиях должно смениться несколько поколений монашествующих. Во-вторых, теперь на архипелаге находится кроме монастыря поселок, в котором проживает около 1000 жителей, и требуется длительная и вдумчивая работа, чтобы, как и в прежние времена, объединить монастырь и окружающее его население общей верой и общим делом. «Нельзя, чтобы около стен возрожденного во всем своем великолепии и красоте монастыря люди жили так, как они живут сегодня… Монастырь не помеха, а великий оплот жизни людей на этом северном острове. Как кормил людей монастырь прежде, так должен кормить и сейчас, в прямом и в переносном смысле слова, предоставляя рабочие места, содействуя развитию поселения… Необходимо, чтобы уникальное духовное, религиозное, культурное, историческое и природное наследие Соловков было защищено, поддержано особым статусом», – сказал Святейший Патриарх Кирилл во время своего посещения обители.

Учитывая масштабность задач, связанных с сохранением и приумножением наследия Соловецкого архипелага как православной святыни России и уникального исторического, культурного и природного комплекса общенационального и мирового значения, в 2012 году было принято решение разработать федеральную целевую программу реставрации исторических памятников и социально-экономического развития территорий Соловецкого архипелага. Стратегической целью программы является сохранение духовного, культурно-исторического и природного наследия

[6] Юшкин С. Острова другой жизни. «Известия». Октябрь. 2010.

[7] На 2012 г. на Соловках в монастыре и скитах 55 монашествующих, с учётом подворий – 75.

Соловецкого архипелага на фоне комплексного развития его инфраструктуры, которая позволит обеспечить достойные условия для жизни населения и для приема паломников и туристов на Соловецких островах. Принципы разработки и реализации программы основаны на понимании того, что сердцем Соловецкого архипелага должен быть благоустроенный монастырь, в котором представлены все образы монашеской жизни: общее житие, скитское, пустынное, включающее отшельничество и затворничество, и биение этого сердца должно задавать ритм всему организму Соловков: прихожанам, жителям и гостям острова. Если удастся в какой-то степени к этому идеалу приблизиться, то само существование на Соловках монастырского комплекса, подобного Афону, будет великим свидетельством истины в современном мире и будет способствовать духовному укреплению всей России.

Проведение в жизнь федеральной программы должно стать государственно-общественным актом покаяния за разрушение и поругание Соловецкого монастыря в годы гонения на Церковь. По словам Святейшего Патриарха Кирилла, «Соловецкая обитель является одним из символов трагической истории нашего Отечества. Здесь в духовные подвиги вплетаются подвиги мученичества и исповедничества… поэтому восстановление Соловков должно объединить всех: и Церковь, и государство, и бизнес, и простых граждан. Все мы в долгу у тех, кто в заключении на Соловках был верен Христу даже до самой смерти».

Святейший Патриарх Кирилл во время посещения обители в августе 2013 г.

Миниатюра из лицевого жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. XVI в.

Часть II
Храмы и постройки Соловецкой обители

Соловецкий монастырь. Вид с северо-западной стороны.
Открытка начала XX века

Глава 1

ОБРАЗ ГРАДА НЕБЕСНОГО

Согласно Священному Преданию Церкви, храм объемлет всю вселенную и созидается, по существу, не только людьми, но великим Строителем – Словом и существует на земле как мысленное подобие того, что превыше небесного свода.

Расположенный за морем на краю света Соловецкий монастырь естественно воспринимался как земля обетованная, образ обителей Небесных. Эта ассоциация укреплялась и историей основания монастыря: преподобный Зосима видел «осияние Божественное» и церковь, стоящую «на воздусе». Видение божественного Света определило посвящение первого храма Преображению Господню.

Развивая идею о том, что русская земля Промыслом Божиим и интуицией великих угодников Божиих сознательно устраивалась во образ града Небесного Иерусалима, протоиерей Лев Лебедев писал: «Соловецкий остров с монастырем на нем – настоящая церковная твердыня, сущий град, или престол Божий, но не посреди земли, а посреди моря. Вполне вероятно, что образ престола Божия, града святых посреди воды тогда уже запал в душу иеромонаха Никона, породив прямые ассоциации с Откровением Иоанна Богослова, где сказано: "Перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу" (Откр. 4.6), и в другом месте: "И видел я как бы море стеклянное, смешанное с огнем, и победившие зверя и образ его... стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии, и поют песнь Моисея – раба Божия, и песнь Агнца, говоря: велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! Праведны и истинны пути Твои, Царь Святых! Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего? Ибо Ты един свят. Все народы придут и поклонятся пред Тобою..." (Откр. 15.2–4)» [39, с. 307].

Протоиерей Лев предложил своеобразное богословие «острова спасения»: Русская земля остается единственным островом православия в мире, в самой России хранительницей веры (духовным островом) является Церковь, а в ней островом посреди «житейского моря, воздвизаемого напастей бурею», является монастырь. Чтобы подчеркнуть неотмирность монастырского пространства, вокруг монастырей всегда строили стены.

Возможно, что еще на Соловках будущий патриарх Никон понял, что монастырь может быть архитектурной иконой Града Небесного Иерусалима, хотя замысел построить монастырь, именуемый Новый Иерусалим, окончательно сло-

жился в его сознании только к 1656 году. Впоследствии, оправдывая название своей любимой обители, Святейший Патриарх Никон писал: «Не погрешит тот от истины, иже называет всякую православную церковь Святый Сион или Новый Иерусалим».

Со времен основателей древних палестинских монастырей преподобных Феодосия Великого (†529) и Евфимия Великого (†473) стены и келейные корпуса общежительных монастырей представляли собой в плане четырехугольник во образ града праведников – Нового Иерусалима. В откровении Иоанна Богослова (Апокалипсисе) он описан следующим образом: «И аз Иоанн видех град святый, Иерусалим нов сходящ от Бога с небесе, приготован яко невесту украшену мужу своему… Имущ стену велику и высоку, имущ врат дванадесять и на вратах ангелов дванадесять … от востока врата троя, и от севера врата троя, и от юга врата троя, и от запада врата троя… И град на четыре углы стоит и долгота его толика есть, елика же и широта» (Откр. 21. 2… 12-16). Основания стен Нового Иерусалима будут украшены двенадцатью видами драгоценных камней, которые образно представляют добродетели подвижников, составляющих стены града. Необработанные гранитные валуны, из которых сложены стены Соловецкой крепости – лучший образ соловецкого монаха – крестьянина-помора, способного ко всякому труду, твердого в вере и благочестии.

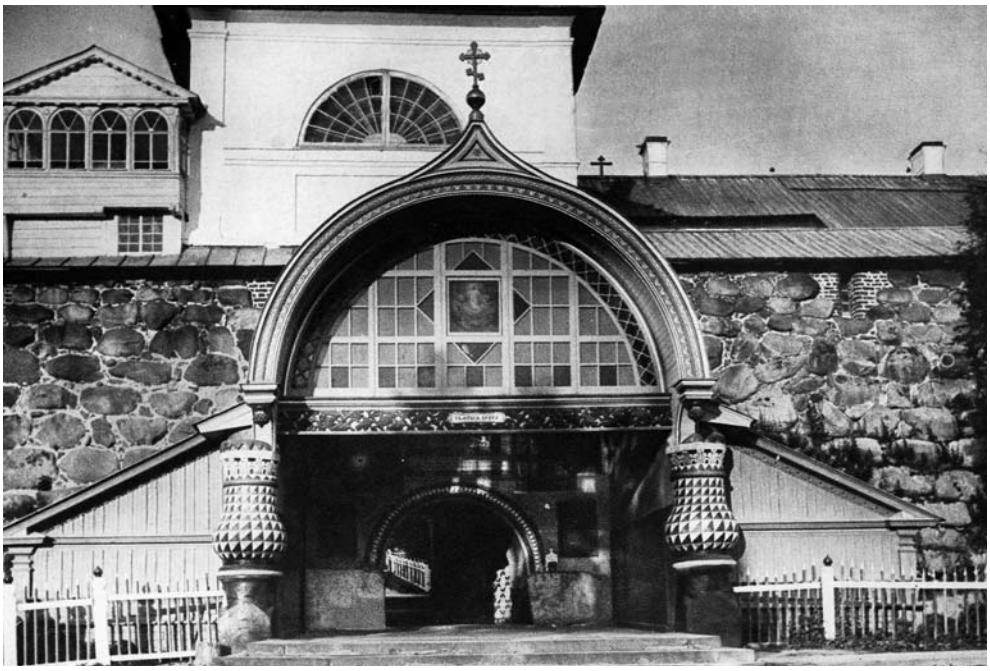
О Небесном Иерусалиме апостол Иоанн пишет, что в нем «храма не видех… Господь бо Бог Вседержитель храм ему есть и агнец» (Откр. 21. 22). В монастыре же центральное место занимает соборный храм, как место особого присутствия Божия, место встречи Бога и человеков во время совершения Божественной Литургии.

Главный вход в монастырь воспринимался как вход в иное, освященное благодатию Божией, пространство – отсюда и название «Святые врата». Всякий входящий в монастырь должен отрешиться от всего скверного и нечистого, отягощающего его душу, ибо в Небесный Иерусалим не внидет «всяко скверно и творяй мерзость и лжу, но токмо написанные в книгах животных[1]». Поэтому на Соловках среди паломников было принято прежде, чем идти в монастырь, омыться в водах Святого озера. В Соловецком монастыре в конце XVI века над Святыми вратами был устроен храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. И мы, проходя через Святые врата, можем обращаться к Матери Божией: «Радуйся, Благая Вратарнице, двери райские верным отверзающая!»

Оказавшись на соборной площади монастыря, попытаемся представить себе, как складывался на протяжении веков архитектурный ансамбль обители.

Из жития преподобного Зосимы известно, что в середине XV века на указанном Богом месте им была выстроена небольшая деревянная церковь во имя Преображения Господня с приделом святителя Николая. К северу от нее находилась церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы с трапезной и звонница с каменными колоколами-билами, сделанными, по преданию, самим Зосимой. (В описаниях ризницы значились «зазвонный каменный колокол» и «клепало каменное» преподобного Зосимы [71, с. 75].) Вокруг располагались келии и хозяйственные

[1] В книгах жизни.



Святые врата. Фото начала XX в.

постройки, обнесенные оградой. Все это помещалось на площади, занимаемой ныне Спасо-Преображенским собором с папертями.

В середине 60-х годов деревянный ансамбль был перестроен с увеличением размеров храмов. Расположение алтарей первых храмов известно довольно точно благодаря тому, что за алтарем храма Преображения был похоронен преподобный Зосима, как первый игумен и строитель первого храма. При строительстве каменного Спасо-Преображенского собора в его подклете с северо-восточной стороны над местом погребения преподобного Зосимы была устроена часовня-усыпальница, сохранившаяся до настоящего времени.

Известно также, что места погребения преподобных Савватия и Германа находились за алтарем трапезной Успенской церкви, отсюда следует, что церковь с трапезной располагались на месте дворика перед существующей церковью преподобного Германа.

Деревянный монастырь неоднократно горел. Так, во время игуменства Исаии в 1485 году зимней ночью случился опустошительный пожар, который уничтожил трапезную палату, Успенскую церковь и хранившиеся в подклетах припасы: «все погоре, ни едины иконы успеша вынести из церкви» [51, с. 62]. Оставшиеся в нищете братия унывали и даже советовались, не разойтись ли им, куда кого Бог направит. Однако чудным заступлением преподобных Зосимы и Савватия через старца именем Зосима, жившего на реке Шуе, был послан монастырю короб со всем необходимым для богослужения и запас рыбы для пропитания. Братия обо-

дрились, и вскоре монастырь был отстроен заново: церковь с трапезной возобновили «по обычаю», т.е. в прежних формах.

Второй опустошительный пожар произошел в мае 1538 года. О нем преподобные предупредили старца Леонида, явившись ему в его пустынной келии в четырех верстах от монастыря. Леонид поклонился им и принял от них благословение. Преподобный Зосима сказал: «Не бойся, брат, и не ужасайся; мы много молили Всемилостиваго и Всещедраго Бога, но он не послушал нас, и, прогневавшись на это место, хотел вскоре наказать обитель огнем: имеющие власть в обители неправо поступают с братией, а братия всегда ропщут и терпения не имеют и этим наводят гнев Божий на обитель. Поди в монастырь и расскажи, что ты слышал от нас».

Поскольку исправления не последовало, в праздник Вознесения, поздно вечером, весь монастырь выгорел от молнии. Это посещение Божие послужило уроком для вразумления обитателей монастыря [30, с.33].

Свидетелем тяжких последствий этого пожара был поступивший в монастырь в 1538 году Феодор Степанович Колычев – будущий игумен Соловецкого монастыря. Во время его настоятельства и началось строительство каменных храмов и келий. Средства для строительства доставляли солеваренный промысел, денежные пожертвования и доходы от пожертвованных вотчин.

В первую очередь игумен Филипп позаботился об обеспечении монастыря местными строительными материалами: в двух верстах за Святым озером было разведано месторождение глины и устроен кирпичный завод, на котором производили очень прочный большемерный «филипповский» кирпич.

Далее рассказы о монастырских храмах и зданиях приведены в хронологическом порядке, соответствующем времени их возведения.

Глава 2

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ С ТРАПЕЗНОЙ И КЕЛАРСКОЙ ПАЛАТАМИ

2.1. ВНЕШНИЙ ВИД ТРАПЕЗНОГО КОМПЛЕКСА

Общежительный устав Соловецкого монастыря предполагал общую трапезу для всей братии и настоятеля, поэтому, когда братия умножилась к середине XVI века, появилась необходимость в строительстве новой трапезной с церковью при ней.

В 1552 году игумен Филипп благословил закладку Трапезной палаты, объединенной с Келарской палатой[1] и Успенской церковью. Летописец записал: «Начаты строением каменная церковь Успения Пресвятой Богородицы с трапезою и келарскою в одной стопе, со сводами на погребах» [41, с. 26]. Строительством руководили новгородские мастера Игнатий Салка и Столыпа. Сооружение Трапезного комплекса было завершено за шесть летних сезонов — в 1557 году в день престольного праздника Успенская церковь была освящена игуменом Филиппом.

Материалы для строительства использовались местные: основание Трапезного комплекса сложено из гранитных плит, стены – из кирпича местного производства, только известь для приготовления скрепляющего раствора была привозная. Известковый камень ломали под Орлецами на Северной Двине и лодьями доставляли на Соловки. Здесь его обжигали, а готовую известь гасили в течение 10-12 лет в ямах с водой. После отвердевания раствор набирал высокую прочность и огнестойкость. Лиственницу, сосну, осину для кровли заготавливали на материке, в Кемской и Сумской волостях.

При игумене Филиппе были внесены усовершенствования в технику строительного дела. Если раньше глину на кирпич копали и мяли вручную, то теперь это стали делать с помощью лошадей и волов. Лошади и волы использовались и при подъеме тяжестей (кирпича, леса и т.п.) во время строительства.

---

[1] Келарь — второе, после настоятеля, лицо в монастырской иерархии в XVI-XIX веках. Он ведал хозяйством обители, поэтому палата была одновременно канцелярией и кладовой. В XVII веке в ней хранились книги, документы, посуда. Палата одностолпная, в плане квадратная, перекрыта перекрещивающимися цилиндрическими сводами. В северной и западной стенах сделаны внутренние камеры, в южной стене — лестница, ведущая в подклет.

Успенская церковь с трапезной (северный фасад). Фото конца XIX в.

С северной стороны трапезный комплекс представляется двухъярусным. На первом ярусе, в подклетах, располагались хозяйственные службы: под Трапезной – «погреба хлебный да квасной»; под Келарской – «хлебопекаренная[2] и мукосейная службы»; под церковью – «просвиренные службы». Там же, в подклетах, находились и печи[3], обогревавшие здание. На втором ярусе расположены сами палаты и церковь.

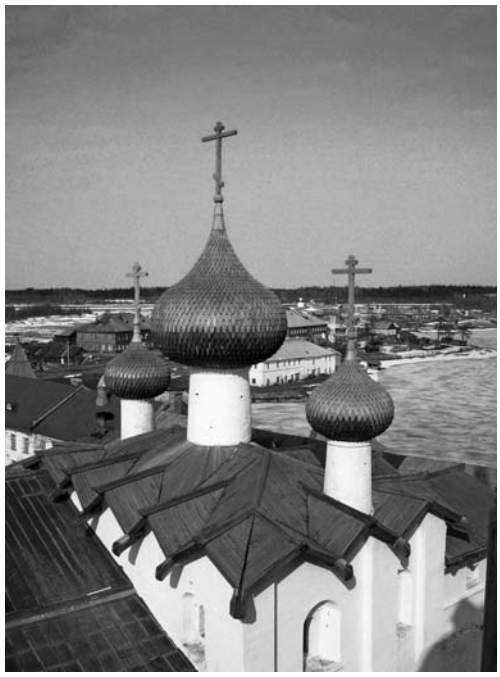
Если обойти трапезный комплекс с восточной стороны, мы окажемся в уютном дворике, куда выходит южный фасад трапезной и Успенской церкви. Отсюда видно, что церковь имеет два придела на третьем ярусе. Одновременно с Успенской церковью был построен и освящен придел в память Усекновения главы Иоанна Крестителя. Престольный праздник этого придела совпадает с днем тезоименитства главного ктитора монастыря царя Иоанна Васильевича Грозного, и предполагалось, что до конца времен здесь будут возноситься молитвы о спасении его души[4].

---

[2] В конце XIX в. в хлебопекарне выпекали хлеб в двух огромных печах, в каждой из которых помещалось по 150 хлебов по 25 фунтов (10, 25 кг) весом. В хлебопекарне на лавке сохранялся «пятипудовый дикий камень, служивший возглавием для отдыха после трудов свт. Филиппу вместо подушки» [50, с. 58].

[3] Через большую кованую дверь с северной стороны можно войти внутрь печи, обогревавшей трапезную. Окно с коваными ставнями слева – поддувало, которое открывалось во время топки. Оно расположено не внизу, как у обычной печи, а выше уровня закладки дров, чтобы обеспечить медленное сгорание. Дым поднимался вверх в дымоход, а горячий воздух расходился по воздуховодным каналам (слева и справа) в толще стен и под полом.

[4] В настоящее время службы в приделе не совершаются, но в братском синодике поминается имя схимонаха Ионы, так как перед кончиной царь Иоанн IV принял схиму.



Щипцовая кровля Успенской церкви

В 1605 году алтарная часть третьего яруса была расширена в восточную сторону до размеров главного алтаря на втором ярусе. Тогда на третьем ярусе было устроено два придела: северный сохранил посвящение в память Усекновения главы Иоанна Крестителя, а южный был освящен в память Димитрия Солунского – святого покровителя царевича Димитрия, убитого в Угличе.

В связи с появлением самозванцев – Лжедмитриев – в монастыре решили обратиться с молитвой к великомученику Димитрию, чтобы он указал, кто по праву носит его имя. Интересно, что прекращение смуты в 1612 году связано с именем князя Димитрия Пожарского, святым покровителем которого также был священномученик Димитрий[5]. Престол придела был освящен в 1717 году в честь святого покровителя «Димитрия Пожарского, как благотворителя обители» [50, с. 67].

Полюбовавшись южным фасадом трапезного комплекса, можно пройти под аркой галереи переходов и подняться на галерею по лестнице с западной стороны. Оттуда хорошо видна многоскатная щипцовая кровля Успенской церкви с тремя луковичными главками, крытыми деревянной чешуей – лемехом, на круглых шейках-барабанах без окон. На южный и северный фасады выходят по три сомкнутых щипца, на западный и восточный – по пять. В XVIII–XIX веках щипцовая кровля была заменена простым четырехскатным покрытием, как сейчас на Благовещенской церкви, а над Трапезной палатой кровля была устроена полукруглая с часовой башней с западной стороны.

После пожаров 1923 и 1932 годов здание оказалось почти разрушенным. В результате реставрационных работ, проведенных в 1970–80-х годах по проекту архитектора О. Д. Савицкой, Успенская трапезная церковь восстановлена в том виде, в котором она была задумана и выстроена игуменом Филиппом. Изломанный узор щипцовой кровли над церковью, плавные очертания луковичных глав, тени тесовой кровли на беленых стенах восполняют отсутствие каменного декора и придают нарядный вид суровому в своей простоте сооружению Трапезного комплекса.

[5] В Нижегородской земле существует предание, что в 1606 году князь Д. М. Пожарский привез из Соловецкого монастыря чудотворный Животворящий Крест Господень, который был поставлен «в монастырь Петровский ради избавления от морового поветрия и нашествия Гетман, который и до ныне стоит в церкви Преображения Господня и всем с верою приходящим подает неоскудно изцеления» (Гациский А. С. Нижегородский летописец. Н. Новгород, 2001. С. 419).

Трапезная палата (интерьер). Фото конца XIX в.

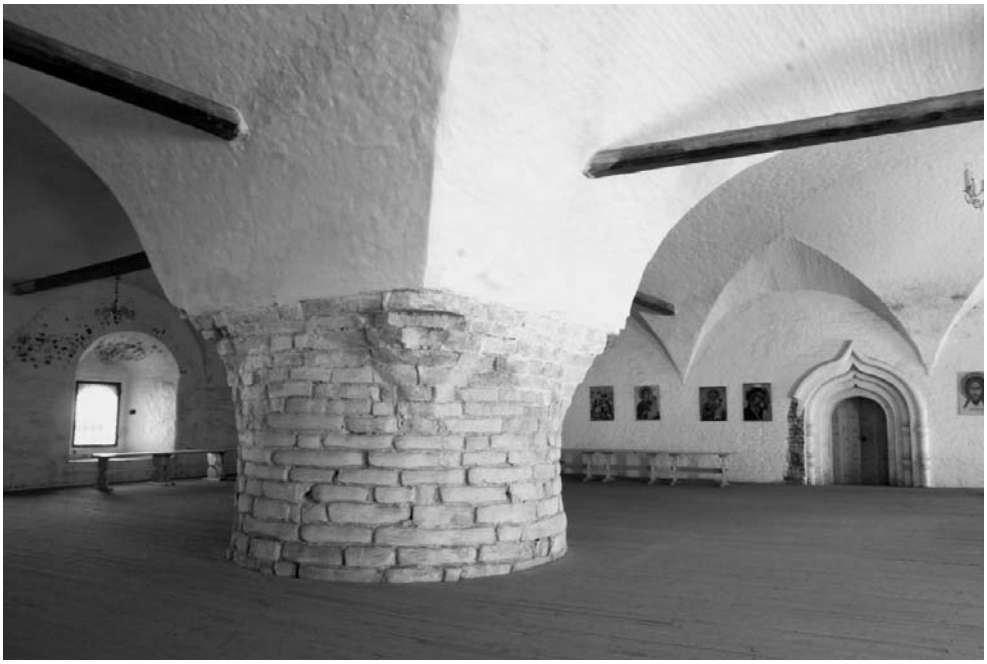
2.2. ТРАПЕЗНАЯ ПАЛАТА

Стены Трапезного комплекса выложены с уклоном внутрь. Они разделены по вертикали массивными прямоугольными выступами – лопатками, которые усиливают конструкцию стены в тех местах, на которые приходится основная нагрузка (пяты арок и сводов). Поэтому по расположению лопаток на фасаде легко представить внутреннюю структуру сводов. Некоторые лопатки обрываются по высоте или обходят оконные проемы за счет уменьшения ширины.

Все оконные и дверные проемы имеют арочную форму, но отличаются по размерам в зависимости от назначения. Основной вход в Трапезную палату устроен с западной стороны через паперть, которая в течение XVII–XIX веков неоднократно перестраивалась. Считается, что первоначально она была деревянной на столбах. В 1602 году при строительстве галереи была сооружена каменная лестница, которая ныне полностью восстановлена.

Северная часть паперти оставлена такой, какой она была в начале XX века. Первоначально в XVI веке западная стена Трапезной палаты была выше кровли, и в ее верхней части по новгородской традиции была устроена звонница: колокола были подвешены в арочных проемах.

Келарская палата имела свой вход, о котором говорится в описи 1705 года: «Из той келарской на западной стене дверь, на крыльце в тое двери затвор деревянной,



Трапезная палата (интерьер). Фото конца XX в.

с того крыльца лесница каменная всходная, то крыльцо и лесница покрыты тесом». Каменная лестница и крыльцо безвозвратно утрачены, подняться в Келарскую палату можно по восстановленной в 1989 году реставраторами деревянной лестнице.

Трапезная Соловецкого монастыря превосходит по размерам все аналогичные одностолпные монастырские трапезные палаты XV–XVI веков, ее площадь составляет 483 кв. метра. Лишь площадь одностолпной Грановитой палаты в Московском Кремле, где царь принимал иностранных послов, на 13 кв. метров больше.

Палата перекрыта цилиндрическими сводами, опирающимися на стены толщиной до трех метров и на центральный столп, диаметр которого составляет около четырех метров. Нижняя часть столпа сложена из тесаного белого камня, а верхняя, переходящая в своды, – из кирпича. Первоначально пол в Трапезной палате был выложен из поливной керамической плитки. На фотографиях XIX века виден паркетный пол.

К этому времени изменилась и система отопления. Вместо печи в подклете, от которой теплый воздух распространялся по воздуховодам, фрагмент одного из которых можно и теперь видеть в северной стене, были устроены три печи прямо в трапезной. В описи 1866 года указано: «в западной стене трапезы выложена из кирпича печь, которая топится из паперти, и две печи находятся в трапезе в углах при западной же стене. Обиты листовым железом и раскрашены масляными красками» [146, л.80].

Юго-восточный угол Трапезной палаты с аркой. Фото конца XIX в.

Входы из Трапезной в Успенскую церковь и в Келарскую палату были оформлены перспективными порталами. Тот, что ведет в церковь, частично реконструирован: богатое обрамление дверного проема было образовано уступами круглых и прямоугольных тяг с декоративными вставками в виде «дынек». Вход в Келарскую украшен скромнее – он имеет в обрамлении только один уступ и круглую тягу.

Палату освещают восемь окон – по четыре с южной и северной сторон. Окна были растесаны[6] сначала в 1747, а затем в 1800 годах, чтобы увеличить световой поток. В 70–80-е годы XX века была восстановлена арочная форма окон с откосами, расширяющимися внутрь палаты. Нынешние оконные переплеты имитируют металлические оконницы, в которые вставлялась слюда.

В 1800 году в стене, отделяющей палату от Успенской церкви, была сделана арка, «открывающая, – писал архимандрит Досифей, – все внутреннее церковное благолепие» [17, с.237]. Таким образом, молитвенное пространство храма было расширено за счет помещения Трапезной. Появилась возможность совершать бо-

[6] На фотографиях начала XX века окна имеют прямоугольную форму.

гослужения в Успенской церкви для большого количества молящихся, например, в престольный праздник. В 1825 году стены и своды трапезной были расписаны маслом картинами из библейской истории с изображением разных святых. Роспись была утрачена во время пожара 1923 года. В 70-е годы XX века в Трапезной палате были проведены масштабные реставрационные работы: укреплены своды, заложена арка, восстановлен перспективный портал, обрамляющий вход в Успенскую церковь, и внутристенная лестница в верхние приделы. Теперь интерьер Трапезной палаты выдержан в стиле XVI века, не решен, однако, вопрос отопления.

В Трапезной палате питалась монастырская братия, гости обители и «чистая публика». Вот как описывал братскую трапезу священник-паломник отец Николай Емельянов в 1892 году: «Это громадная комната со сводами, которые поддерживаются необыкновенной толщины колонной, расположенной посередине. По сводам и по стенам она вся расписана живописью. В передней части трапезной, против главного ее входа, помещается церковь во имя Успения Божией Матери. Повсюду у стен расставлены длинные столы с чистыми белыми скатертями и приборами, состоящими из тарелки, ложки, вилки, ножа и салфетки. Вся монастырская братия располагается за столы по чинам. Иеромонахи во главе с игуменом и наместником занимают передний стол у восточной стены. Далее вдоль правой стены, близ окон, тянутся столы до самого входа, за которые садятся иеродиаконы и рясофорные монахи; на левой стороне у стены расположены столы для послушников, у задней стены столы предназначены для богомольцев, одетых почище. Крестьяне обедают с служителями; женщины же отдельно от всех. В большинстве случаев публику различают по платью. Мне отцы иеромонахи предложили занять почетное место против настоятеля монастыря. За обедом или ужином соблюдается такой порядок. Сначала все, стоя у своих мест, ждут удара колокола, который висит с протянутым шнурком близ настоятельского стула. При первом ударе в колокол настоятелем все молятся и садятся. В это время в дверях, идущих с кухни в трапезную, в ожидании второго звонка стоят более 50-ти человек послушников с закрытыми мисками и блюдами в руках. Раздался второй удар колокола, и все послушники целой волной поспешно входят в трапезную… и в один момент расставляют свою ношу по столам. Но есть еще не начинают. Лишь при третьем ударе колокола ложки опускаются в миски. Таким же образом и третья перемена блюд возвещается колоколом. Ужин прошел тихо и безмолвно; разговоров никто себе не позволял. Все время ужина монах, стоя среди трапезной на особом возвышении в виде кафедры, читал Священное Писание. На ужине при мне было подано: соленая сельдь, окрошка из соленой трески с капустою и картофелем, суп из палтуса, просовая каша со скоромным маслом и кислое молоко. Кроме того перед каждым лежал огромный ломоть черного хлеба весом приблизительно в 1,5 фунта (около 0,6 кг). Ужин кончился, раздался звонок, все встали из-за стола и началось чтение вечерних молитв»[7]. В день престольного праздника Святой Троицы «на обед были поданы холодное из вареной семги с квасом, суп из семги, уха из свежей трески, каша просовая со скоромным маслом и свежее молоко с булкою»[8].

[7] Вятские епархиальные ведомости. 1893. № 1. С. 43–44.

[8] Там же. № 9. С. 315.

Келарская палата. Фото конца XIX в.

После праздничных богослужений на трапезу торжественно шли из храма с чином о Панагии (несли впереди большую богородичную просфору, которую в конце трапезы разрезали и раздавали присутствующим). «В конце трапезы разносились кусочки просфоры, или богородичного хлеба, освященные в конце пением и разрезанного при том же пении и тогда же. Певчие пели потом молитвы и отпуст, и затем все расходились» [45, С. 134–135].

Полный набор столовых приборов полагался только за игуменским столом. На других столах каждому едоку предназначалась деревянная ложка и оловянная тарелка. Суповая миска полагалась одна на четырех человек. К. Коковцев, посещавший Соловки летом 1900 года, писал, что, хотя непривычно было есть суп из общей миски, чувства брезгливости он не испытывал. «Здесь, в далекой пустыне Соловецкой обители, среди людей, связанных одной общей идеальной целью, с особенной силой проникает в душу сознание единения, сознание братства людей во Христе»[9].

Для многочисленных богомольцев из простого народа имелась так называемая нижняя трапезная[10], женщины питались в отдельном помещении. Все три дня богомольцы пользовались трапезной бесплатно. Желающие сделать какое-либо пожертвование на содержание трапезной опускали его в находившиеся там кружки.

---

[9] Коковцев К. Поездка в Соловецкий монастырь. С-Пб. 1901. С. 47.

[10] Общая трапезная была построена в 1798 году к востоку от алтаря Успенской церкви на фундаменте старых келий. В первом ярусе здания находились кладовые для хранения продуктов, во втором — трапезная для богомольцев длиной 23 сажени (около 50 метров). Во времена Учебного Отряда Северного Флота в этом помещении был спортзал.

Обычно богомольцы были довольны трапезой: «Весьма хорошо в Соловецком монастыре для странных людей: хотя 1000 человек, всех накормят и напоят. И что братия кушают, то и трудники одну пищу употребляют. За поздней обедней поставляют братии 8 перемен кушаний: 1-е кушание – холодные сельди хорошие с луком и деревянным маслом, 2-е кушание – щи с грибами, капуста белая как снег, 3-е кушание – суп с картошки и с лавровым листом, и с перцем, от одного запаха сыт будешь, 4-е кушание – картошка жареная с маслом, 5-е – макароны, 6-е – рыба белужина, 7-е – каша с маслом, ежели постный день, с постным, а ежели скоромный, то со скоромным и подают молоко, 8-е – булки чистые и по укруху хлеба житного. Квас – настоящее питие хорошее» [82, Вып. 6, 2007, с. 180]. Помимо трапезы, из съестного в монастыре можно было купить хлеб, булки, соленую рыбу, заказать пирог с рыбой.

Пищу готовили в Поваренном корпусе и доставляли в Келарскую палату[11] по переходам, которые были устроены в 1799 году на проездной арке. Келарская одностолпная палата с архитектурной точки зрения подобна Трапезной, только меньшего масштаба, а функционально она в XIX веке выполняла роль сервировочной, где хранилась в шкафах посуда, и пища раскладывалась по мискам и блюдам перед подачей на столы.

Трапезная палата была также местом общего собрания всей монастырской братии — большого черного собора. Соборы созывались для решения хозяйственных и церковных вопросов, для выбора настоятелей.

2.3. ЦЕРКОВЬ УСПЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Успенская церковь в плане квадратная, небольшая, она отапливалась от печей пекарни и просфорни. По площади алтарь и помещение для молящихся почти одинаковы. Они перекрыты одинаковыми цилиндрическими сводами, которые опираются соответственно на восточную и западную стены и на алтарную преграду, в которой три арки соответствуют царским, северным и южным вратам иконостаса.

К алтарной преграде крепился иконостас «столярной работы, о двух ярусах, вместо краски обложен свинцом, с колоннами и резьбою вызолоченными червонным золотом, на полимент[12]» [146, л. 87]. Над царскими вратами «в сиянии вызолоченном на полимент» находилась икона Успения Пресвятой Богородицы, по размерам (29х42 см) и письму – точная копия чудотворной Киево-Печерской иконы. Икона была пожертвована в 1715 году царевной Марией Алексеевной в Голгофский скит. Серебряная с позолотой чеканной работы риза была устроена монастырским иждивением в 1854 году. В местном ряду иконостаса сохранились большие древние иконы в сребропозлащенных ризах: справа – поясное

[11] Поваренный корпус построен в конце XVI века. В 1796 году он реконструирован: сделаны большие окна, настлан кирпичный пол, устроен большой очаг с котлами и трубой. Из Святого озера проведена подземная труба в котел, где вода согревалась и через медные трубы выпускалась. В верхнем ярусе корпуса были келии для поваров.

[12] Полимент – тип столярного лака.

Слюдяное окно и внутристенные ниши в Успенской церкви

изображение Спасителя, сидящего на херувимах, и Успения Пресвятой Богородицы, а слева – Иверской Божией Матери, оклад которой был пожертвован в 1798 году П. И. Кальнишевским, и Пресвятой Троицы с библейскими историями в клеймах.

К настоящему времени интерьер храма в архитектурном отношении восстановлен. На примере Успенского храма можно видеть характерную особенность сооружений XVI века – наличие внутристенных камер и ниш, которые предназначались для хранения церковной утвари и обогрева помещения. В Успенской церкви две небольшие внутристенные комнаты расположены в южной стене: в одной из них хранились церковные облачения, в другой – богослужебные книги. В северной стене устроены три ниши: самая большая служила книжным шкафчиком для клироса (в кладке

даже остались пазы для деревянных полок), небольшая верхняя ниша служила для обогрева (в ней осталось отверстие для горячего воздуха, поднимавшегося от печи пекарни, и вентиляционное отверстие; остались также вделанные в кладку железные крюки для дверцы, которой закрывалась ниша). В толще западной стены устроена лестница, ведущая наверх, в приделы. Арочное окно в южной стене закрыто металлической оконницей, в которую вставлена слюда (прозрачный слоистый минерал, который в монастырские времена добывался на материке в районе села Кереть).

В XIX веке стены и своды Успенской церкви одновременно с Трапезной палатой были расписаны сюжетами из Священного Писания и из Патериковых повестей. Например, на одной из картин можно было увидеть изображение кающегося грешника и схимника, приемлющего покаяние. Из уст кающегося выходили разные гады и, наконец, змея. К этой картине дано объяснение: «Сей грешник прииде ко схимнику, дабы покаяться во гресех своих. И виде схимник, что по наименованию грехов из гортани кающегося излетают гады и всяческая мерзость — скорпии и жабы, василиски и аспиды, хамелеоны и драконы крылатые, напоследок показалась оттуда глава змия погибельного. Но грешник не покаялся искренне, и змий обратно в гортани сокрыся. Из сего научитеся не таиться пред пастырем во дни покаянные». Наглядно, просто и поучительно.

2.4. ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

В подклете трапезного комплекса у западной стены пекарни была устроена сначала часовня, а с 1859 года церковь в честь Рождества Божией Матери.

Часовня предназначалась для иконы Божией Матери «Хлебенная», которая была явлена иноку Филиппу (будущему митрополиту Московскому) в Соловецком монастыре в 40-е годы XVI века. Проходя послушание в хлебне (пекарне), он, утрудившись, задремал за печью. Благословляя его труды, сама Царица Небесная посетила его и оставила ему в память о своем явлении образ Тихвинской иконы Божией Матери, в знамение того, что не высота служения, а сердечное расположение и ревность в прохождении его приближают нас к Богу. Икона получила название «Хлебенная» или «Запечная», по месту явления. В память о явлении и была устроена часовня, когда – в точности неизвестно. По крайней мере, в начале XIX века она уже существовала.

Цв. вкл. I, с. 3

Сохранилось свидетельство о чуде, бывшем от этой иконы: «1816 года июня 4-го дня Нестор Исааков, показанный в плакатном своем пачпорте немым, пришед в Соловецкую обитель… и, оставшись здесь с прочими богомольцами… двукратно удостоен был ощутительно видеть Преподобных Зосиму и Савватия, являвшихся ему при молитве пред образом Пресвятыя Богородицы, который находился при здешней хлебне. Наконец, июля 12-го дня того же года ночью получил совершенное разрешение своей немоты (в которой находился девять лет) по глаголу, бывшему к нему от Преподобных Соловецких Чудотворцев. Он, получив употребление языка, начал от радости своей кричать и разбудил прочих, в хлебне тогда находившихся… Братия монастырская и все в оном бывшие при-

несли молебное благодарение Господу Богу, Пречистой Богородице Марии и Преподобным Зосиме и Савватию, тако силою Божиею чудодействующим» [84, 1999, с. 128].

В 1830 году чудотворная икона была перенесена в Спасо-Преображенский собор и поставлена у северного столпа. Тогда «около двух четырехугольных столбов, поддерживающих посреди церкви своды, тщанием архимандрита Досифея устроены столярные с отличною резьбою иконостасы, вызолоченные на полимент» [17, с. 235].

Современный список иконы Божией Матери «Хлебенная»

При архимандрите Александре вместо часовни была устроена церковь. Внутри церкви на южной стене можно видеть белокаменную плиту с надписью: «Святейший Синод Указом от 5 мая 1854 года за № 1724 по прошению архимандрита Александра с братиею разрешил устроить в сей часовне церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы и возвратить сюда на прежнее место из Преображенского собора чудотворную Икону Пресвятыя Богородицы Хлебенную времени св. Филиппа 1538 года. Явление чудотворной Иконы Богородицы в сем месте доказывает особенное покровительство Пресвятой Девы Православному Отечеству нашему и сей Обители. Мати Божия! Сама научи Христианских детей благочестию, молитве, трудолюбию, послушанию, кротости, милосердию и всякому благоугодному делу! 1857 г.»

Церковь была освящена в 1859 году. Входы в церковь располагались с северной стороны Успенского трапезного комплекса с монастырского двора и с восточной – из пекарни. «В церкви находится пятипудовый камень, который св. Филипп в бытность свою на послушании в хлебопекарне, любил иметь возглавием при отдыхе. Он и теперь служит возглавием для временного отдохновения трудящихся в хлебопекарне» [30, с. 187].

В Описи ризничных и церковных вещей Соловецкого монастыря 1866 года интерьер церкви Рождества Богородицы описывается следующим образом:

«Олтарь придела устроен на юго-восточной стороне длиной 6,25 шириной 9,75 аршин, освящен 7-го сентября 1859 года.

Святый престол из простого дерева, вышиною 22,5, длиною 19, а шириною 21 вершок, на нем срачица полотняная. Святый Антиминс на белом атласе, священнодействован 3-го мая 1859 года Преосвященным Александром Епископом Архангельским, в шелковом литоне.

Над царскими вратами (в олтаре) икона – коронование Пресвятыя Богородицы, длиною 8 вершков, пожертвована в 1859 г. Соловецким рясофорным монахом Игнатием.

Иконостас одноярусный, столярной работы, с колоннами, окрашен лаковыми красками и местами вызолочен червонным золотом по полименту» [146, л.100].

С южной стороны от царских врат находились икона Спасителя с припадающими прпп. Зосимой и Савватием, храмовая икона Рождества Пресвятой Богородицы, а за ней икона «Коронования Пресвятыя Богородицы и прп. Зосимы, Савватия, Германа и Иринарха Соловецких длиною 26 шириною 16 вершков, в средине ея вставлена икона: Пресвятыя Богородицы Тихвинския, на полях два Святых, длиною 5¼ вершков (около 23 см), на ней венец с прорезною короною и вся риза серебряные, золоченые, чеканной работы; убрус низан жемчугом мелким и средним со стеклами, в венце три, а на полях четыре хрусталя разноцветных в оправе, весу с украшением один фунт пятнадцать золотников.

Сия святая икона явилась Святителю Филиппу в хлебопекарне и именуется Хлебенная. Над сею иконою в клеймах, с деревянным золоченым сиянием написано Всевидящее око. Пред сими иконами решетка железная крашеная» [146, л.101].

21 сентября 2007 года в праздник Рождества Пресвятой Богородицы после Божественной Литургии во время крестного хода была освящена часовня во имя Рождества Пресвятой Богородицы, восстановленная под Успенской трапезной. Соловецкий музей-заповедник на средства, пожертвованные р. Б. Михаилом, устроил подобие иконостаса, включающего репродукции на пластиковой основе следующих икон: Св. Филиппа с житием, Рождества Пресвятой Богородицы, Спасителя с припадающими Зосимой и Савватием, Божией Матери «Хлебенной» и Собора Соловецких Святых.

Что касается иконографии образа Божией Матери «Хлебенная», следует отметить, что явлена была икона Божией Матери Тихвинская, то есть, средник иконы. Уже в XVI веке на полях были сделаны «приписи». По сторонам – изображения преподобных Зосимы и Савватия в молитвенном предстоянии Царице Небесной, а на полях – родословное древо Пресвятой Богородицы: внизу царь Давид, вверху – его сын Соломон, далее его потомки: Ровоам, Авия, Аса, Иосафат, Иорам, Озия, Ахаз, Иоаким. На некоторых поздних списках вместо имени праведного Иоакима – отца Пресвятой Богородицы написано имя Иоанн. Это явная описка, так как в книгах Ветхого Завета имя Иоанн не встречается. На литографии 1872 года [81, с. 31] надпись легко читается – святой праотец Иоаким. Изображения потомков царя Давида помещены в обрамлении виноградной лозы. В богородичном тропаре 3-го часа раскрывается смысл этого образа: «Богородице, ты еси лоза истинная, возрастившая нам плод живота…» Виноградная лоза – образ Пресвятой Богородицы, от которой родился плод – Спаситель. Хотя некоторые из изображенных царей Израильских жили неблагочестиво, на иконе они все изображены с нимбами, так как они были предками Спасителя по плоти.

Последнее упоминание о явленной иконе Божией Матери «Хлебенная» встречается в акте от 22 августа 1939 года о передаче имущества музея Соловецкого общества краеведения представителям Музейного отдела Наркомпроса РСФСР.

В списке под номером 4 значится икона «Запечная» (Тихвинская). Предполагалось передать икону в Центральный антирелигиозный музей (ЦАМ).

Где находится сейчас чудотворный образ иконы Божией Матери «Хлебенная», не известно. В наши дни список с этого образа XIX века был обретен в Москве в антикварном магазине как раз накануне праздника Рождества Пресвятой Богородицы. Он хранится на подворье Соловецкого монастыря в Москве в храме вмч. Георгия Победоносца в Ендове, где главный престол освящен в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

День празднования иконы Божией Матери «Хлебенная» совпадает с памятью Тихвинской иконы Божией Матери 26 июня/9 июля. Об этом есть упоминание в письме Я. И. Старкова, который был трудником в монастыре в 1910 году: «У нас в хлебопекарне был праздник 26 июня в церкви у Запечной Божией Матери… нам был пирог испечон белой на всех с семгой» [57, с.139].

Глава 3

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР

3.1. ВНЕШНИЙ ВИД СОБОРА

Уникальный по конструкции Спасо-Преображенский собор (1558–1566 гг.) был, по-видимому, построен теми зодчими, которые возводили Трапезный комплекс, при непосредственном участии игумена Филиппа[1].

Высокий с мощными стенами Спасо-Преображенский собор с четырьмя верхними угловыми приделами, напоминающими башни с узкими окнами-бойницами, имеет вид крепостной твердыни. Основной объем собора – массивный сорокаметровый куб, утвержденный на мощном цоколе из гранитных плит, чуть сужающийся кверху, – производит впечатление монолита. Храм господствует в окружающем пространстве: он первым появляется на горизонте при подходе к монастырю по морю, его же громада, подобная вздымающейся к небу горе, привлекает восхищенные взоры паломников, входящих в монастырь через Святые врата. Широкие угловые лопатки, выложенные с уклоном внутрь,

Вид Спасо-Преображенского собора с северо-западной стороны

[1] Патриарх Никон, глубоко почитавший святителя Филиппа и старавшийся ему подражать в первосвятительском служении, подражал ему и в своей храмоздательной деятельности. При постройке Спасо-Преображенского собора Ново-Спасского монастыря в Москве (1647 г.), Успенского собора Иверского Валдайского монастыря (1656 г.) и Крестовоздвиженского собора на Кий-острове (1661 г.) он взял за основу конструкцию Соловецкого Спасо-Преображенского собора.

Юго-восточный фасад Спасо-Преображенского собора

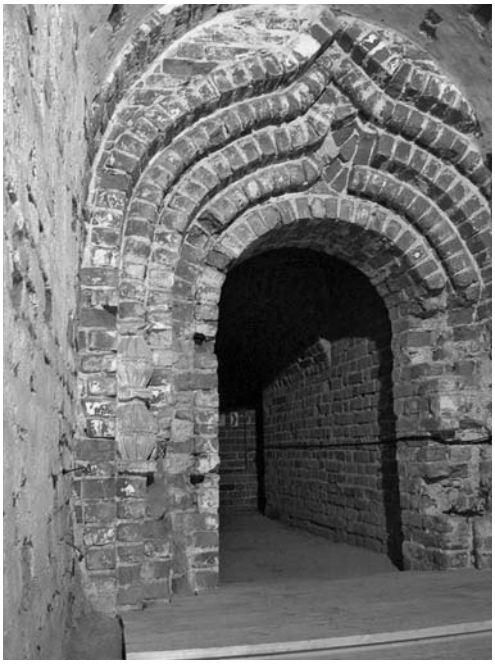
отсутствие горизонтальных членений фасадов, центральный световой барабан, имеющий форму усеченной пирамиды, подчеркивают устремленность храма к небу, как бы напоминая о цели христианского жизненного пути.

Этому же напоминанию способствуют и изображения в закомарах на западном фасаде Преображенского собора. Они появились в конце XVII – начале XVIII века. В описи 1705 года о них говорится: «С западной стороны тоя церкви в четырех закомаринах писано настенным письмом образ Преображения... да образ Благовещения... да образ преподобных Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев, да образ Филиппа Митрополита, да Германа Чудотворца».

Эти иконописные изображения иллюстрируют основополагающие для понимания пути спасения понятия. Образ Преображения свидетельствует о возможности изменения человеческой природы под действием божественной благодати. Образ Благовещения напоминает о милости Бога, умалившегося до вмещения в человеческую утробу, и о величии человека, могущего быть храмом Божества. Изображения основателей Соловецкой обители преподобных Зосимы, Савватия, Германа и святителя Филиппа являют наглядный пример достойного завершения пути спасения – достижения святости.

Собор трехъярусный. В нижнем ярусе находятся подклеты, имевшие хозяйственное назначение, а также использовавшиеся для захоронений. Толщина стен собора достигает на уровне подклетов четырех-пяти метров. На втором ярусе расположен главный храм с двумя приделами: северный придел освящен в честь преподобных Зосимы и Савватия, а южный – в честь архистратига Михаила. В угловых надстройках третьего яруса помещаются еще четыре придела: северо-западный – Иоанна Лествичника, юго-западный – Феодора Стратилата (оба эти придела освящены в честь святых покровителей сыновей Иоанна Грозного), юго-восточный – Собора двенадцати апостолов и северо-восточный – Собора семидесяти апостолов.

Собор увенчан пятью луковичными главами – центральной и четырьмя придельными. Каждый верхний придел завершается бочкообразной деревянной кровлей, над которой на глухом цилиндрическом барабане высится луковичная главка, покрытая лемехом. Центральная глава также покрыта лемехом, она возвышается на сужающемся кверху восьмигранном барабане над четырьмя придельными главами. Восьмиконечные деревянные кресты на всех главах были обиты золоченой медью.



Северный вход в подклет Спасо-Преображенского собора, ведущий в усыпальницу преподобного Зосимы

В посвящении приделов Собора проявилось миропонимание и мироощущение русского средневековья. Главный престол освящен во имя Преображения Господня – события, смысл которого раскрывает главную цель не только монашеской, но и христианской жизни. Освящение приделов во имя небесных покровителей царской династии (обычай такого посвящения возникает на Руси именно в этот период) символизирует идею «симфонии» (гармоничного взаимодействия) церковной и государственной власти. Освящение приделов в честь Соборов 12 и 70 апостолов воплощает собой хорошо знакомую и понятную для русского человека идею соборности, общинности, и подчеркивает апостольскую миссию Соловецкого монастыря на Русском Севере. Всходы в приделы устроены в толще южной стены, на которой можно видеть небольшие прямоугольные отверстия – оконца, освещающие внутристенные лестницы.

В XVI–XVII веках собор был окружен деревянными и каменными папертями, лестницами и переходами. В 1602 году была построена каменная галерея перехода от соборного храма в трапезную, и тогда же в южной часть паперти Спасо-Преображенского собора была устроена книгохранительная палата, где она и помещалась до второй половины XVIII века, когда была переведена в специально построенное помещение на первом ярусе колокольни. Существующая каменная паперть, которая окружает собор с северной и западной сторон, сформировалась в результате многократных переделок XVIII–XIX веков.

В наиболее соответствующем XVI веку облике собор можно увидеть с юго-востока, так как с этой стороны отсутствуют пристройки. На южном фасаде сохранился оформленный порталом вход на уровне второго этажа, к которому вела деревянная лестница. Сохранились южная и центральная алтарные апсиды. В плане они прямоугольные в отличие от обычных полукруглых. Возможно, что здесь сказалось влияние деревянной архитектуры, основным формообразующим элементом которой была прямоугольная клеть. Вместо северного Зосимо-Савватиевского придела[2] в 1860 году был пристроен Троицкий храм. Под центральной апсидой алтаря в

[2] В 1795 г. придел был расширен: «пристроен вновь алтарь и церковной паперти прибавлено». Следующая перестройка последовала в 1816 г., когда выстроен был алтарь над проездной аркой, соответственно увеличилось и пространство церкви [17, с.236].

подклете находилась часовня преподобного Зосимы на месте его погребения в 1478 году. В настоящее время в усыпальницу преподобного Зосимы можно пройти из подклета Троицкого собора через северный вход в подклет Преображенского собора. Сохранился перспективный портал, обрамленный наличником с килевидным завершением и резными каменными вставками в виде двойных дынек.

Усыпальница преподобного Зосимы представляла собой сводчатое квадратное помещение со стороной 5,3 м. Место первоначального погребения святых мощей преподобного Зосимы было отмечено гробницей, обитой досками, поверх которой была положена большая икона преподобного (128х64 см). На стене над гробницей помещались вырезанная из дерева и раскрашенная икона, изображающая перенесение мощей преподобного Зосимы (55,5х40 см), и резная же надпись о времени погребения и перенесения мощей [146, л. 64].

В XIX веке в усыпальнице находился также «крест, сделанный из весьма толстых сосновых брусьев и, по верованию народа, обладавший целебным действием против зубных болей. Нужно только с верою, после предварительной молитвы, своими собственными больными зубами погрызть этот крест; он так усердно грызется страждущими паломниками, что в одном месте совсем перегрызен, и верхняя часть стоит отдельно, приставленная к стене. Несомненно, не одна сотня тысяч людей грызла этот крест, и не одна тысяча получала исцеление. Многие, желая запастись целящим деревом, стараются отгрызть его как можно больше, прячут в бумажки отгрызенные куски и по приезде домой по доброте душевной дают болящим соседям» [91, с. 68].

3.2. ИНТЕРЬЕР И СВЯТЫНИ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА

Спасо-Преображенский собор двустолпный. Два массивных квадратных в плане столпа разделяют интерьер на три нефа по направлению север–юг, и на два – по направлению восток–запад. Нефы перекрыты крестовыми сводами. Наклоненные внутрь стены и сужающиеся кверху грани центрального светового барабана создают ощущение сильного перспективного удаления. Арочные входы в собор расположены с южной, западной и северной сторон. Храм хорошо освещается арочными окнами, низ откосов которых выложен ступеньками с расширением оконного проема внутрь, чтобы обеспечить проникновение света сквозь толщу стен.

Полы, по-видимому, первоначально были вымощены кирпичом. Фрагменты этого древнего мощения с отпечатками ладоней на кирпичах ручного изготовления можно видеть у южного столба. В 1797 году пол в соборе был выложен квадратными белыми и темными известняковыми плитами «в шахмат». В алтарную часть, где находится главный престол в честь Преображения Господня, ведут две арки в восточной стене: большая, соответствующая расположению царских врат, и малая — северных (пономарских) врат. Две двери, расположенные прямо в иконостасе, с соответствующими арками в стене соединяли собор с придельными храмами: Зосимо-Савватиевским с северной стороны, Михаило-Архангельским с южной.

Главный престол был освящен 6 (19) августа 1566 года в день Преображения Господня. А 8 (21) августа мощи преподобных Зосимы и Савватия были перене-

сены в собор от земных недр и поставлены в посвященном им приделе. День перенесения мощей с тех пор стал одним из главных праздников обители. Именно в этот день мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа вернулись в возрожденную обитель в 1992 году.

Деревянный с верхней кипарисной доской престол в честь Преображения Господня был украшен серебряной одеждой чеканной работы с изображениями Тайной вечери с западной стороны, Преображения — с южной, преподобных Зосимы и Савватия с иконой Знамения и видом монастыря — с восточной стороны, Успения — с северной. По нижнему краю одежды была вырезана надпись: «1843 года обложен престол при игумене Димитрии с братиею из монастырского ломового серебра; веса 2 пуда 16 фунтов 72 золотника (39 кг)» [50, с.38].

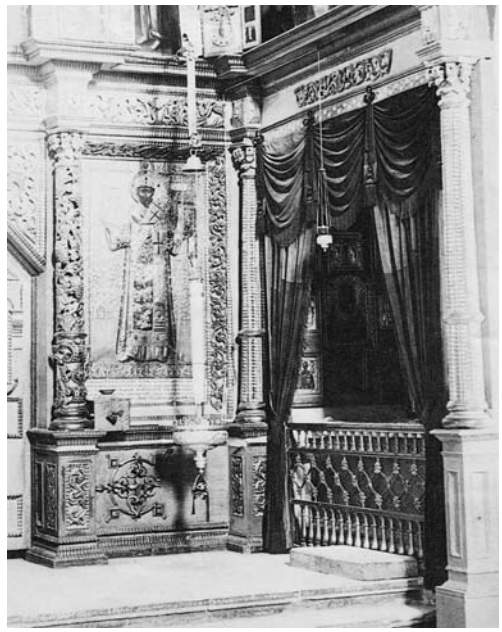
Центральная часть иконостаса. Фото Я. Лейцингера, 1888 г.

Над престолом висела деревянная резная золоченая снаружи и внутри восьмигранная сень, на которой помещались 24 иконы разных святых в резных золоченых рамах. Внутри сени как бы парил сребропозлащенный голубь (весом около 800 г) – символ Святого Духа. Из резной надписи на сени следовало, что сделана она была в Соловецком монастыре через год после подавления «сидения» 3 апреля 1677 года в первый год царствования Феодора Алексеевича при архимандрите Макарии. В настоящее время сень находится в отделе деревянной резьбы музея «Коломенское».

На горнем месте находился сребропозлащенный четырехконечный запрестольный крест, с лицевой стороны которого было укреплено белое литое распятие Господне, а с обратной стороны вычеканены изображения страданий Христовых. Из надписи на рукояти креста следовало, что он был пожертвован в 1794 году кошевым атаманом Запорожской сечи Петром Ивановичем Кальнишевским.

Также на горнем месте в иконостасе находилась древняя икона Божией Матери Одигитрии, которой митрополит Филипп благословил 25 июля 1566 года (в день поставления на митрополию) соловецкого старца Иова, а он, в свою очередь, 1 января 1568 года поставил икону в Преображенском соборе «на поклонение православным христианам». Там же находился список греческой иконы Богородицы «Троеручица», принесенный в дар Святейшему Патриарху Никону со святой горы Афон из Хиландарского монастыря архимандритом Феофаном в подмосковный Воскресенский монастырь, называемый Новый Иерусалим, в 1663 году.

Основным украшением собора был трех-, а затем пятиярусный тябловый иконостас, крепившийся на алтарной стене. В 1697 году на пожалованные



Иконостас у южного столпа Спасо-Преображенского собора и южная сторона солеи собора. У стены – рака с частями мощей Святителя Филиппа. Фото конца XIX в.

Петром I деньги (600 рублей)[3] был сооружен новый резной позолоченный иконостас в стиле барокко. Часть икон была поновлена, некоторые написаны заново, однако в основном сохранились иконы письма XV–XVII веков[4], которые в XVIII веке были украшены богатыми окладами.

В местном ряду иконостаса правее двери в придел архангела Михаила находилась икона святителя Филиппа митрополита Московского в серебропозлащенном окладе весом 7 фунтов 77 золотников (3,2 кг). Митра на главе святителя по материи была низана мелким жемчугом с драгоценными камнями, а по краю обнизана перламутром [146, л. 16 об].

В арке южной стены стояла «рака, в коей почивали мощи Святителя Филиппа, деревянная, длиною 46, шириною 17, вышиною 20 вершков (204х75,5х89 см), снаружи передняя сторона и крыша обиты парчею крестовою апплике; внутри обито атласом зеленым, с белыми цветами, на крыше написан образ Святителя живописным художеством. Рака запирается внутренним замком. В сей раке находится ковчег с крышею, длиною 9, шириною 3 вершка (40х13 см), в нем часть мощей Святителя Филиппа Московскаго, бывшаго Игумена Соловецкаго, длиною во весь ковчег, и

[3] «Выдано на иконостасное в соборной Преображенской церкви строение денег в Москве 200 рублей да на Двине из таможенных доходов 400 рублей» [40, с. 71].

[4] По свидетельству П. Д. Барановского, иконостас был разобран и уничтожен сотрудниками школы юнг Северного флота в начале 1940-х годов. (Соловецкий монастырь: Из архива П. Д. Барановского. М., 2000. Т.1, с. 37). Некоторые иконы, например, образ Спасителя с припадающими Зосимой и Савватием, бывший в местном ряду иконостаса справа от царских врат, находятся в коллекции Третьяковской галереи. Другие иконы оказались в музеях Московского Кремля и в музее «Коломенское».

две части его же каждая длиною около вершка (4.4 см), обложены серебром золоченым, чеканной работы, верхняя доска или крыша, снаружи обложена серебром белым, по коему вырезан образ сего Святителя, а внутри его же образ живописный; на нем риза и венец серебряные, золоченые, чеканной работы» [146, л. 60, 60 об.].

Перед ракой со святыми мощами святителя Филиппа, подающими исцеление приходящим с верой, висела «серебряная старинной работы большая лампада, на коей подпись: "1753 г. февраля 20 дня, сделана сия лампада Соловецкого монастыря из вкладного казенного серебра при архимандрите Геннадии с братиею"» [50, с. 45].

В иконостасе около раки на восточной стороне икона «Пресвятыя Богородицы Словенския, длиною 10 ½ вершков (46,6 см), на ней венцы с короною, чеканной работы, золоченые, а цата резная, белая, серебряная, весу двадцать восемь золотников, свет и поля сребропозлащенные, басменные; на обороте сея иконы написано: "моление Игумена Филиппа"» [146, л. 45 об].

В 1830 году были устроены иконостасы вокруг столпов, как драгоценные обрамления для двух чудотворных икон Богоматери – «Сосновской» и «Хлебенной». Согласно описи 1866 года иконостасы вокруг обоих столпов состояли из трех частей и располагались, соответственно, с трех сторон. На каждой стороне были установлены по две великолепных витых колонны с карнизами и с резьбой.

С западной стороны столпов были устроены балдахины, украшенные штофными малиновыми занавесями с бахромой и кистями, и по два вырезанных из дерева Ангела. У южного столпа Ангелы держали в руках рипиды, вырезанные из дерева. Ангелы как бы охраняли поставленную под балдахином икону Пресвятой Богородицы «Корсунская (по местному названию Сосновская), явившуюся в древности, при морской Сосновой губе на сосне от монастыря в 15-ти верстах; длиною 8 ¼ вершков (36,6 см), на ней два венца с прорезною короною, и вся ризы серебряные, золоченые, чеканной работы, на короне один хрусталь желтаго цвета и пять звезд стразовых; весу один фунт шестьдесят золотников. Убрус и два ожерелья низаны жемчугом мелким и средним, на убрусе одна жемчужина и одно стекло в оправе, и пять зерен бурмицких, и одно стекло без оправы, на убрусе же звезда из семи жемчужин и одного стекла в оправе».

У северного столпа «Ангелы держат Дикирии и Трикирии медные, посеребренные, весом 8 ¼ фунтов; в сем иконостасе икона на западной стороне Пресвятыя Богородицы Тихвинския; на поле два Святых, длиною 6 вершков (список с явившейся Святителю Филиппу в хлебопекарне), на ней вся риза серебряная, золоченая, чеканной работы, в венце хрусталь фиолетоваго цвета, две звезды стразовых, в каждом по одному хрусталю фиолетовому, весу восемьдесят девять золотников. Убрус на Богородице по фольге низан жемчугом мелким… С трех сторон (кроме восточной) решетка железная крашеная» [146, л. 42, 43].

В XVIII века прежде беленые стены и своды собора были расписаны, с того времени изображение Спаса Вседержителя – в куполе светового барабана. В 1861–1863 годах на пожалованные Императором Александром II деньги собор был вновь расписан масляными красками по сухой штукатурке. Эти росписи обветшали к 1980-м годам. Наиболее полно сохранившиеся фрагменты росписи были сняты реставраторами и сейчас находятся в фондах музея-заповедника. На паперти собора в стеклян-

ной витрине представлена летописная надпись о пожертвованиях царственных особ (Иоанна Грозного, Петра I и Александра II) на строительство и украшение собора.

9/22 января 1864 года в день памяти святителя Филиппа состоялось торжество освящения обновленного храма Преображения Господня. «Служили всенощное бдение, водоосвящение и Божественную литургию 24 старца. Зрелище было трогательное, когда они, в светлых облачениях, выступили из алтаря на середину храма, освещенного четырьмя большими паникадилами. Стены, украшенные живописными изображениями святых ликов, открылись во всем великолепии. Представлялись воображению и те 24 старца апокалипсических, кои повергались ниц пред Сидящим на престоле и воздавали поклонение Живущему во веки веков. Пение совершалось братиею протяжно, торжественно и умилительно. Молящимся казалось, что они не на земле, а на небе; они не чувствовали утомления, хотя всенощная окончилась за полночь»[5].

Первоначальное сложное завершение Спасо-Преображенского собора, включавшее, кроме тесовой кровли, элементы деревянных щипцовых покрытий и кокошников, крытых лемехом, в XIX веке было заменено четырехскатной железной кровлей. В 1923 году деревянные конструкции кровли и все деревянные главы были уничтожены пожаром. К началу 90-х годов XX века были восстановлены своды, окна, стены и все завершение Спасо-Преображенского собора, включая барабаны и луковичные главы, крытые лемехом.

В 2002 году по заказу благотворителей был написан и установлен новый пятиярусный тябловый иконостас[6]. Выглядит иконостас довольно эклектично, так как тябловая структура (иконы расположены как бы на полках, прикрытых расписанными досками – тяблами) повторяет конструкцию первоначального иконостаса, а сами иконы из-за пестроты красок и обилия позолоты не соответствуют традициям XVI века.

Наиболее удачно написаны пять икон слева в нижнем ряду, которые являются копиями икон XVI века, действительно бывших в этом иконостасе. Они были вывезены в 1921 году и пребывают в настоящее время в Успенском соборе московского Кремля: «Преподобные Зосима и Савватий с житием», «Пресвятая Богородица с предстоящими преподобными Зосимой, Савватием и братией с житием», «О тебе радуется», «Неопалимая купина», «Достойно есть, четверочастная».

На северных вратах изображен благоразумный разбойник, как первый насельник рая (алтарь – образ рая). Образ Богоматери рядом с царскими вратами – неудачная копия иконы «Богоматерь – гора нерукосечная», которая находится в музее «Коломенское» [4, с. 268, 273]. Эта большая (91х127 см) икона была написана для местного ряда первоначального иконостаса Преображенского собора и находилась с северной стороны от царских врат за иконами «Богоматерь Тихвинская» и «Успение». Тип иконы «Богоматерь – гора нерукосечная» встречается довольно редко. Иконография ее связана с толкованием пророком Даниилом

[5] Духовная беседа. 1864. № 14. С. 495-505.

[6] Иконостас выполнен мастерами Российского фонда архитектурного наследия имени Андрея Рублева по проекту академика О. И. Журина. Освящен 18 августа 2002 года.

Вид Спасо-Преображенского собора после пожара 1923 г.

сна царя Навуходоносора, который видел гору и камень, отколовшийся от нее и сокрушивший колосса на глиняных ногах. «Камень нерукосечный от несекомыя горы Тебе, Дево, краеугольный отсечеся Христос», – поется в церковном песнопении. Поэтому на иконе Богоматерь с младенцем на руках изображена сидящей на высоком нарядном, подобном покрытой цветами горе троне. Узор на одеждах Богоматери напоминает облака, клубящиеся над горными вершинами. Свиток в руке младенца с надписью: «Аз есмь прежде Авраама…» свидетельствует, что он и есть воплотившийся предвечный Бог. На иконе представлено несколько наиболее часто используемых в церковных гимнах образов Богоматери: лестница – «Радуйся, лествице небесная, ею же сниде Бог»[7], неувядающий цветок – «Радуйся, цвете нетления»[8], светильник – «Радуйся, светило незаходимого света»[9].

Царские врата – современная (2003 г.) копия врат, подаренных келарем Троице-Сергиевой лавры Александром Булатниковым «по себе и по своим родителям в наследие вечных благ»[10]. Врата были вывезены в 1939 году и находятся в Москве в музее «Коломенское».

---

[7] Акафист Пресвятой Богородице, икос 2.

[8] Там же, икос 7.

[9] Там же, икос 11.

[10] Врата были подарены для Зосимо-Савватиевской церкви в 1633 году. Позднее они были перенесены в Успенскую церковь, а после 1785 года – в Благовещенскую. В надписи на резных колоннах упоминается имя резчика Троице-Сергиевой лавры Льва Иванова [50, с. 63].

Справа от царских врат помещен храмовый образ Преображения Господня. Преображение есть явление Божественной природы Спасителя в его человеческой природе. По мысли святого Григория Паламы, Фаворский Свет – это «Слава Божия», в нем апостолам была открыта тайна светоносного града Нового Иерусалима. Господь преобразился, чтобы показать нам будущее преображение естества нашего и будущее Свое пришествие на облаках во славе с ангелами.

В стремлении к озарению нетварным Фаворским Светом состоит смысл нашей духовной жизни. Об этом говорил преподобный Серафим Саровский: «Смысл христианской жизни состоит в стяжании Духа Святаго». Тем более в этом смысл жизни монашеской. По словам архимандрита Рафаила Карелина, «Монашество – это безраздельная любовь человеческой души к Божеству, это непрестанное искание Божественного света, который псалмопевец Давид назвал ликом Бога… Божественный свет открывается душе как полнота бытия… как совершенная красота… как внутреннее озарение, и тогда душа чувствует, что вне этого света она наполнена непроницаемой, тяжелой тьмой, о которой она раньше даже не подозревала». [84, 2011, с. 132].

Когда Господь касается благодатью человеческого сердца, а потом, по-видимости, отступает, душа скучает и плачет, как плакал Адам о потерянном рае. В поисках богообщения человек оставляет мир и вступает на путь монашества. «Монос» означает не только «один», но и «един» – «единение», то есть, жизнь в Боге без потери собственной личности. «Свет, который стяжал монах в своем сердце, преображает весь мир… Дух Святой не только освящает душу, но и само вещество делает иным. Поэтому благословение и молитвы святых изводят из земли источники, пустыни превращают в цветущие сады… Напротив, любой грех не только убивает человеческие души, но даже землю иссушает и как бы опаляет проклятием [84, 2011, с. 134]. В напоминание о смысле монашеского подвига главные храмы краесветных обителей Валаамской и Соловецкой освящались в честь Преображения Господня.

Второй ряд иконостаса состоит из так называемых «пядничных», или аналойных, икон (размер которых не превышал 30 см). Третий ряд (деисусный чин) – образ Страшного суда: Спаситель изображен как сидящий на престоле судия, а святые молятся об определении участи тех, кто обращается к ним за помощью. Четвертый ряд – праздничный – раскрывает перед нами Евангельскую историю, в центре которой крестная жертва Спасителя. В центре пятого – пророческого – ряда находится икона Божией Матери «Знамение» с младенцем на лоне, так как одной из главных тем ветхозаветных пророчеств было боговоплощение – явление Бога на земле в человеческом образе. В верхнем ряду можно видеть ветхозаветных праведников, начиная с Адама и Евы.

В 2007 году (в год 500-летия со дня рождения святителя Филиппа, митрополита Московского), в день Преображения Господня высокопреосвященнейший Алексий, архиепископ Орехово-Зуевский, совершил Великое освящение Спасо-Преображенского собора, воздвигнутого трудами и молитвами святителя Филиппа.

Цв. вкл. I, с. 14

Собор не отапливаемый, поэтому богослужение в нем совершается только в летние месяцы. На это время мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа переносятся в собор и почивают слева на солее под резной сенью, изготовленной в 1997 году.

В 1602 году была построена каменная галерея, соединившая паперть Спасо-Преображенского собора с Трапезной палатой. Необходимость крытой галереи была обусловлена тем, что после праздничных богослужений на трапезу полагалось идти с чином о Панагии – торжественным шествием, впереди которого несли богородичную просфору. При соловецком климате с обилием осадков удобнее было совершать это шествие под крышей. Галерея выстроена на арочном основании из необработанных валунов по той же технологии, что и стены. Северная часть галереи, примыкающая к паперти Успенской трапезной церкви, восстановлена такой, какой была в XVII веке – тесовая кровля на кирпичных столбах. Южная часть оставлена в виде, соответствующем XIX веку, когда были заложены проемы между столбами и вставлены большие застекленные оконные рамы.

Глава 4

ЦЕРКОВЬ БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы над Святыми вратами[1] была заложена в 1596 году, а 1 октября 1601 года в праздник Покрова освящена игуменом Исидором.

Цв. вкл. III, с. 16

Первоначально она была в плане квадратная, покрытая тремя ярусами щипцов «вперебежку» (изображение щипцовой кровли сохранилось на иконе Преображения XVII века). В 1794 году щипцовая кровля была заменена четырехскатной крышей из листового железа[2], а в конце 1830-х годов церковь была «распространена» — ветхие деревянные притвор и галереи заменили каменными, над западным входом появились хоры. Церковь венчает одна глава, крытая лемехом – «деревянною чешуею и окрашена медянкою, на ней крест деревянный осьмиконечный, окрашен желтою краскою на масле», – повествует опись 1866 года. Это единственная сохранившаяся с дореволюционных времен глава. Крест был снят, а глава уцелела.

С северной стороны к церкви примыкали покои настоятеля монастыря[3], поэтому она всегда использовалась как домовая церковь настоятеля, в ней совершались монашеские постриги, в ней же новопостриженные пребывали безвыходно в течение недели в молитвах и благодарении, приобщаясь ежедневно Святых Таин.

---

[1] К главному входу в обитель вела мощеная дорожка от царской пристани. Над Святыми вратами сохранился кирпичный кивот, в котором до закрытия монастыря находился чудотворный образ Спаса Нерукотворного, написанный преподобным Елеазаром Анзерским в 1621 году. Помимо двустворчатых деревянных, обитых железными полосами ворот, вход перекрывался еще опускной решеткой – герсой. В XVII веке к вратам была пристроена аркада, восстановленная в 2006–2009 гг. (от прежней остались только опорные столбы с фрагментами росписи). По обе стороны от входной арки размещались торговые лавки для богомольцев.

[2] В летописи упоминается, что в ночь на 11 февраля 1745 года «погорела церковь Благовещения Пречистыя Богородицы и кельи архимандричьи. Архимандрита (Геннадия) тогда в монастыре не было, и оная церковь им же, архимандритом, построена и освящена того ж году октября 15 дня, и кельи архимандричьи построены» [40, л.30]. В каком виде церковь была перестроена, неизвестно, возможно, что четырехскатная крыша появилась уже тогда.

[3] «В алтаре на северной стороне в настоятельские келии двери деревянные, до половины со стеклами, а за ними дверь деревянная глухая, с внутренним замком, окрашены масляною краскою» [146, л. 199 об.].

Здесь же совершалось неусыпаемое чтение Псалтири с поминовением о здравии и упокоении имен братии и благотворителей монастыря. Во второй половине XIX века в церкви ежедневно отправлялась ранняя литургия в 6 часов утра.

Во время СЛОНа в церкви был устроен антирелигиозный музей, благодаря чему в ней единственной частично сохранился интерьер. Росписи были сделаны, по-видимому, при архимандрите Иоанникии, так как на южной стене вблизи алтаря изображен его святой покровитель[4]. На северной стене сохранились изображения двух духовных друзей: игумена Иринарха и его ученика преподобного Елеазара Анзерского[5]. Достойно удивления, что при совершенно различных образах служения Господу (Иринарх возглавлял огромное монастырское хозяйство: около 400 монахов, 400 трудников и 1000 стрельцов, а Елеазар жил в безмолвии, угождая Господу постом и молитвами), они сохранили поразительное единодушие и взаимную любовь, так что при кончине преподобного Иринарха знали о происходящем, находясь на расстоянии в 30 верст.

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы (восточный фасад). С северной стороны – покои настоятеля монастыря

с. 90

Главная тема росписей – Благовещение. В арке перед иконостасом изображены Дева Мария и архангел Гавриил с цветком лилии (символом чистоты), возвестивший Деве: «Радуйся Благодатная, Господь с тобою! И се зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь имя ему Иисус. Сей будет велик, и Сын Вышнего наречется» (Лк. 1.28,31). Мария недоумевала, как все это может быть, если она дала обет Богу сохранить свое девство. И архангел отвечал ей: «Дух Святый найдет на тя, и сила Вышнего осенит тя… Вот уже шестой месяц, как родственница твоя Елизавета, называемая неплодной, зачала сына в старости, яко сильно у Бога всякое слово». Мария отвечала: «Се, раба Господня, буди мне по глаголу твоему». Архангел был послан к деве Марии в Назарет в дом Иосифа Обручника. И оттуда Мария отправилась одна в 180-километровый путь по пустыне в селение Горнее вблизи Иерусалима, чтобы повидать Елизавету и убедиться, что архангел открыл ей тайну Промысла Божия.

[4] Рядом с прп. Иоанникием изображены северные святые прп. Антоний Сийский и прп. Никодим Кожеезерский, а также прп. Сергий Радонежский.

[5] Рядом с ними ближе к алтарю изображение прп. Германа Соловецкого, а с другой стороны – прп. Трифона Печенгского.

Иконостас церкви Благовещения Пресвятой Богородицы

Над аркой на стене слева – встреча Девы Марии с Елизаветой – матерью Иоанна Крестителя. Когда Елизавета увидела Марию, взыграл младенец во чреве ее, и, исполнившись Духа Святого, она воскликнула: «Благословенна ты в женах и благословен плод чрева твоего. И откуда мне сие, да придет мати Господа моего ко мне» (Лк. 1. 42,43). Так Мария получила подтверждение благовестия из уст Елизаветы во укрепление своей веры.

Справа – ангельский хор, воспевающий «честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим». На северной стене написан ветхозаветный образ Пресвятой Богородицы – лестница, которую видел во сне патриарх Иаков. В

акафисте Благовещению поется: «Радуйся, лествице небесная, ею же сниде Бог». Богородица сравнивается с лестницей, ибо через нее Господь пришел с неба на землю – воплотился, и ее молитвами мы надеемся достичь Царства Небесного.

Роспись на южной стене церкви – пророк Моисей на фоне горы Синай, предстоящий горящему и несгорающему кусту, из которого к нему обращается сам Господь, – напоминает о другом образе Богородицы из того же акафиста: «Радуйся, купино[6] неопалимая». Как куст горел и не сгорал, так Мария родила своего Божественного Сына и осталась чистой Приснодевой. Мария первая из земнородных приняла в себя огонь Божества и не была им попалена. А мы, готовясь к принятию Святых Таин, молимся: «Радуяся вкупе и трепеща, огневи причащаюся, трава сый, и странно чудо, орошаем неопально, якоже убо купина древле неопально горящи». То есть, мы словами Симеона Нового Богослова себя сравниваем с неопалимой купиной.

Эти росписи можно рассматривать и как иллюстрации ветхозаветных историй (паремий), читаемых во время вечерни на Благовещение. На клиросе на северной стене роспись «Гедеоново руно», также образ Богородицы, а на западной стене – огненное восхождение пророка Илии. На «небе» над основным объемом церкви изображен крест в таком виде, как он явится в небесах перед вторым пришествием Христовым. «Небо» над алтарной частью расписано изображениями ангельских сил, окружающих потир – чашу для причастия.

Настенные росписи реставрировались в 1980-е: укреплялся грунт, шпаклевались утраты и заделывались трещины в нем, укреплялся красочный слой, живопись расчищалась от поверхностных загрязнений и от поздних записей. Утраченные участки восполнялись с помощью тонировок. Эти работы проводились силами студентов реставрационного отделения Московского Художественного училища им. 1905 года. Руководитель работ – реставратор Ю. М. Егоров.

Резной позолоченный иконостас XIX века был восстановлен реставраторами[7] в 1996–1999 годах по сохранившимся фрагментам. Царские врата – аналог врат, подаренных келарем Троице-Сергиевой лавры Александром Булатниковым, но вместо росписи красками врата полностью покрыты позолотой. Современный вид иконостаса полностью соответствует дореволюционному. Иконы все новописаные (праздничный ряд и деисусный чин – копии икон, бывших в иконостасе и хранящихся в музее «Коломенское») за исключением Нерукотворного образа Спасителя XIX века в верхней части иконостаса.

Икона «Спас на убрусе» размером 150х132 см была написана в 1882 году послушником Соловецкого монастыря иконописцем Иосифом Агафоновым маслом по дереву. Икона находилась в центре верхнего ряда иконостаса церкви Благовещения Пресвятой Богородицы до 1939 года, когда она была вывезена в музей «Коломенское», а затем передана в действующую церковь иконы Божией Матери Казанской. Там этот образ Спасителя почитался как чудотворный, и перед ним служили молебны о здравии. 4 августа 1993 года икона была возвращена Соловецкому монастырю и установлена на прежнее место.

---

[6] Купина – куст по-древнеславянски.

[7] Работы велись под руководством В. И. Николашина НИиПК «Палата» по проекту Т. М. Афанасьевой.

В нижнем ряду иконостаса на северной стене – икона «Преподобный Онуфрий Великий» – список храмового образа из местного ряда иконостаса кладбищенской церкви во имя преподобного Онуфрия [4, с. 284].

Церковь была отреставрирована и передана в пользование Спасо-Преображенскому Соловецкому монастырю. С 25 марта 1992 года по благословению Святейшего Патриарха Алексия в храме совершаются богослужения.

22 августа 1992 года церковь Благовещения была освящена чином Великого освящения и Святейший Патриарх Алексий совершил в ней первую литургию. В надвратной Благовещенской церкви справа на солее находились святые мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа, и совершалось ежедневное монастырское богослужение до 2001 года.

Вход в церковь Благовещения с западной стороны устроен через паперть, являющуюся одновременно и частью галереи крепостной стены. На паперти помещена икона, на которой изображено водружение поклонного креста преподобными Савватием и Германом на месте первого их поселения. Савватий и Герман пришли на Соловецкий остров в 1429 году на «малом кораблеце». Путь их по Белому морю от устья реки Выг занял три дня. Утлое суденышко во власти волн (изображенное в правом углу иконы) – что это, как не образ человеческой жизни, подвластной стихиям бурного моря житейского. Твердь земная посреди моря воспринималась как земля обетованная – остров спасения. А Крест – главное орудие нашего спасения («Аще кто хощет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой». Лк. 9.33), и знак силы Божией, ограждающей нас в нашем странствии. Кресты на местах монашеских поселений ставили в знак того, что эти места находятся под особым покровительством Божиим. Икона написана, по-видимому, в XIX веке соловецким живописцем с множеством узнаваемых деталей: крест поставлен в срубе, так как вкопать его в каменистую почву невозможно; в руках у преподобного Германа деревянная лопата с металлическим краем; штормовое море также изображено натуралистично, воздетые к Богу руки мореплавателя – иллюстрация поморской поговорки: «Кто в море не бывал, тот горя не видал, тот Бога не маливал».

Цв. вкл. I, с. 2

Эта икона была чудесным образом обретена в 1992 году. Ожидая возвращения мощей Преподобных на Соловки, решили покрасить дверь на паперти храма Благовещения Пресвятой Богородицы. Когда стали счищать слои старой краски, обнаружилась живопись замечательной сохранности. Пришлось восстановить только правый верхний угол: когда иконную доску превратили в дверь, в ней было выпилено отверстие для кошки.

Снаружи на восточной стене алтаря над вратами находилась икона Благовещения Пресвятой Богородицы в деревянной крашеной раме.

Глава 5

ЦЕРКОВЬ СВЯТИТЕЛЯ ФИЛИППА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО

В 1798–1799 годах была выстроена каменная теплая больничная церковь святителя Филиппа, взамен прежней обветшавшей[1].

Она представляла собой прямоугольный объем, над которым возвышался восьмерик (после пожара 1932 года он был разобран на 4/5 своей высоты), венчавшийся восьмискатной купольной кровлей и граненым барабаном с главкой. Главка и кровля из листового железа были окрашены в зеленый цвет.

Алтарная часть храма прямоугольная. Основным декоративным элементом являются пилястры, поддерживающие карнизы. Над высокими арочными окнами устроены люкарны (круглые окна) второго света. Снаружи в треугольных фронтонах были «написаны на восточной стороне образ Спасителя на убрусе, на южной – Пресвятая Богородица с омофором; на северной – Всевидящее око, а на верхней паперти, с западной стороны – Знамение Пресвятыя Богородицы; прочия части с наружной стороны обелены известкою» [146, л. 179 об].

С западной стороны к четверику храма примыкала трапезная часть, а за ней – двухэтажный корпус больничных келий. Входов в храм во второй половине XIX века было два: с северной стороны с крыльцом «в три ступени, настланным гранитным камнем», над входом икона святителя Филиппа; и с западной стороны из коридора братских келий. Оба эти входа восстановлены. Восстановлен и клирос (деревянный балкон, опирающийся на две колонны) у западной стены храма. Алтарная часть от церковной и церковная от трапезной отделены арками.

Храм был расписан масляными красками. Иконостас был двухъярусный столярной работы, раскрашен масляными красками, с золоченой резьбой. Иконы в его нижнем и верхнем ярусах сверху округлены. Нынешний временный иконостас был устроен в 2001 году.

В 1859 году на своде церкви в восьмерике был устроен придел в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» в память об отражении нападения английских кораблей. В приделе на юго-западной стороне в стене была помещена гранитная шлифованная плита (167х107 см) с высеченной и вызолоченной надписью о време-

[1] Первая больничная церковь святителя Филиппа была построена в 1688 году к востоку от нынешнего казначейского корпуса.

Церковь святителя Филиппа. Фото конца XIX в.

ни и причине построения этого храма: «Господи! Отверзи нам ум разумети чудеса Твои! Некто в сей обители перед нападением англичан в 1854 г., после скорбной молитвы, услышал во сне глас: “Прославляющих мя прославлю”. Это вдохновило его и всех сетовавших в обители. Прославляемая Царица Небесная прославила обитель Соловецкую во спасение всего отечества. Явила явное заступление в страшную канонаду десятичасовую, во время коей благоволила усвоить в иконе “Знамение” уязвление двумя ядрами за живущих в обители: а потому в обители никто не был убит, никто не ранен, малые чайки, на монастырском дворе сидевшие стаями, между коими падали ядра, не ранены. Вечная благодарность Премилосердной Царице Небесной за великое и дивное заступление обители. Архимандрит Александр с братией возжелали иметь храм Знамения Пресвятыя Богородицы, который и устроен в 1857 г. В сей храм по указу Святейшего Синода перенесена из Анзерского скита чудотворная икона “Знамение” Пресвятыя Богородицы времен преподобнаго Елеазара. Аще Бог за ны никто же на ны, и кто постыдится исповедати Бога пред

человеки, того и Он постыдит пред ангелами Своими. Аминь. 1857 г.» В настоящее время эта плита находится у северного фасада церкви.

Святой престол верхнего храма был освящен в день празднования Казанской иконы Божией Матери 8 июля 1859 года. Накануне этого дня в монастыре был установлен строгий пост, литургию служили в 3 часа утра и совершали крестный ход по стенам обители в память чудесного избавления от нашествия англичан в 1854 году. Антиминс на желтом атласе для этого храма был священнодействован 3 мая 1859 года преосвященным Александром, епископом Архангельским, бывшим настоятелем Соловецкого монастыря.

Местный образ иконостаса (справа от образа Спасителя) представлял собой довольно сложную композицию: «икона длиною 34, шириною 19 ½ вершков (151х87 см); на ней написаны: Святая Троица, внизу преподобные Зосима и Савватий и по сторонам Ангелы, в середине вставлена икона Знамения Пресвятыя Богородицы, длиною 14, шириною 12 вершков (62х53 см); на ней риза серебряная, золоченая, с филограновым украшением два венца и звезды со стразами, на Богородице корона и зарукавья таковыя же с зелеными стеклами, весу с украшением восемь фунтов семьдесят восемь золотников; на полях написаны: великомученики Георгий и Иаков, и преподобные Онуфрий и Петр, и внизу тропарь» [146, л. 191]. По-видимому, это и была икона, написанная преподобным Елеазаром.

Во время лагеря в храме святителя Филиппа находился центральный вещевой склад, а в прилегающем корпусе располагалась 6-я сторожевая рота, в которой было много священнослужителей. Иногда им удавалось совершать богослужения в Знаменской церкви, например на Пасху 1928 года, как указано в воспоминаниях архимандрита Феодосия (Алмазова) [92, с.99].

Во время нахождения на острове учебного отряда Северного флота в храме располагался учебный класс мотористов. Наглядные пособия – дизельные двигатели торпедных катеров – установили на мощных бетонных основаниях прямо в храме, разрушив при этом своды подклета.

В конце 1980-х годов церковь святителя Филиппа была передана церковной общине. В 1990 году И. Г. Брагиной и В. В. Сошиным был разработан эскизный проект реставрации храма. Реставрационные работы начались в середине 1990-х годов по инициативе наместника Соловецкого монастыря архимандрита Иосифа и дирекции Соловецкого музея-заповедника. К 2001 году силами реставраторов НИиПК «Палата» и студентов строительного отряда физического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова удалось завершить восстановление четверика и трапезной части храма. 22 августа 2001 года в день, когда празднуется Собор Соловецких святых, совершилось Великое освящение храма. Чин освящения и первую литургию совершил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Накануне во время праздничного богослужения в Спасо-Преображенском соборе 21 августа 2001 года Святейший Патриарх Алексий передал в дар Соловецкому монастырю две святыни, связанные с именем святителя Филипа, митрополита Московского: ковчег с частью мощей и подголовный камень.

Ковчег был изготовлен в 1653 году по благословению Святейшего Патриарха Никона для перенесения части мощей святителя Филиппа в новоустроенный Иверский монастырь. В «Слове об Иверском монастыре» Патриарх Никон писал:

Святейший Патриарх Алексий II передает в дар монастырю подголовный камень святителя Филиппа. Фото 2001 г.

«Повелехом же и церковь воздвигнути древяну во имя Пречистыя Богородицы честнаго ея образа Одигитрии Иверския. Уже бо святей церкви совершитися… много ми желание бысть, яко дабы видех сам место то святое: уже бо и зима настала. Приложишеся ми и второе желание к сему, яко да устроив ковчег сребрян, и вложив едину часть нового страдальца и исповедника Филиппа митрополита, отнесу на освящение святей обители» [65, с. 80]. Ковчег серебряный с позолотой, имеет размеры 48х15 см, высота с рельефом на крышке – 17,5 см. На крышке изображение святителя Филиппа.

На ковчеге надпись: «В царство благочестивого Государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича, всея Руси Самодержца, в девятое лето державы его, при отце его государе и богомольце, при Великом Государе, Святейшем Никоне, Патриархе Московском и всея Руси, сделан сей ковчег на мощи иже во святых отца нашего Филиппа, митрополита Московского и всея Руси чудотворца и иных святых. В монастырь Пречистой Богородицы Иверской и чудотворца Филиппа, что на Святом озере. В лето от создания мира семь тысяч сто шестьдесят второго [7162], а от еже по плоти Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1653, месяца сентября».

Подголовный камень святителя Филиппа использовался им во время отдыха как возглавие (вместо подушки). Таких камней в описаниях монастыря XIX века упоминается, по крайней мере, два. Один – черный камень весом около пуда с вырезанной на нем надписью: «Сие возглавие Святителя Филиппа», – хранился в

Архимандрит Герман и игумен Зосима, бывшие первыми насельниками возрождающегося монастыря, переносят ковчег с частью мощей святителя Филиппа. Фото 2001 г.

церкви Живоносного источника в Филипповой пустыни, он по преданию избавлял от головных болей [91, с. 74]. Согласно описи 1866 года он представлял собой необработанный камень «темного цвета, длиною 9,75; шириною 3 и вышиною 1 вершок (42х13х4.4 см)» [147, л. 257]. По размерам этот камень близок к хранящемуся в настоящее время в музее «Коломенское»: «овальный блок из серого гранита размером 44х14х8 см. На лицевой стороне камня вырезана надпись уставом "СИЕ ВОЗГЛАВИЕ С[вя]ТИТЕЛЯ ФИЛИППА" с остатками в ней желтой краски» [82, вып. 6, с. 107].

Второе возглавие хранилось на лавке в хлебопекарне: «пятипудовой дикий камень, служивший возглавием после трудов для отдыха св. Филиппу вместо подушки» [50, с. 58]. Хранящийся в настоящее время в Филипповском храме камень отличается от описанных наличием рельефного изображения скорбного лика. Когда и кем выбит на камне этот лик – неизвестно.

С 2001 года суточный круг монастырского богослужения совершается преимущественно в храме святителя Филиппа, и в нем же находятся главные святыни обители: мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа, мощи святителя Маркелла, архиепископа Вологодского, глава священномученика Петра, архиепископа Воронежского, ковчег с частью мощей святителя Филиппа, митрополита Московского.

Глава 6

ЦЕРКОВЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ, АРХИЕПИСКОПА МИРЛИКИЙСКОГО

Церковь святителя Николая. Современное фото

Вся жизнь Соловков связана с морем, поэтому к святителю Николаю – покровителю мореплавателей – приходилось часто обращаться с молитвами. Первоначально в честь святителя Николая был освящен придел первого деревянного Спасо-Преображенского собора. При перестройке собора во второй половине XV века была построена деревянная церковь в честь святителя Николая, которая в 1584 году была перенесена на остров Анзер. Каменная церковь была заложена в день памяти перенесения мощей святителя и чудотворца Николая 9/22 мая 1577 года, а освящена 1/14 сентября 1584 года. Это был небольшой одноглавый двустолпный храм на высоких подклетах с каменной папертью и часозвонной башней [4, с. 76].

Когда через 250 лет эти постройки «пришли в совершенную ветхость», по усердию архимандрита Досифея с братиею церковь «была разобрана до самого фундамента, которого и прибавлено вперед под алтарь на 3 сажени. В то же время, по утверждении того старого фундамента новою накладкою диких каменьев, по составленному плану пристроена к старой… ризнице… новая со сводом палата, которая, будучи соединена со старою, составила одну огромную залу длиною 16,3, а в ширину 6 саженей. В 1832 году над оною ризницею выстроена вчерне с папертию и самая церковь в новейшем вкусе о пяти главах, в высоту

Церковь в честь святителя Николая помечена цифрой 4, а часовая башня при ней – 8. Фрагмент литографии 1825 г.

с главою 18,5 сажен; 1833 года вся церковь с папертью внутри оштукатурена, покрыта листовым железом, и пол настлан из белых каменных плит» [17, с.238].

Главы покрыты лемехом. Барабан, поддерживающий центральную главу, – световой, а четыре барабана под угловыми главами – без окон. Высота храма до креста – 38,5 метра. Храм не отапливаемый, бесстолпный. «Иконостас столярной работы, о четырех ярусах окрашен лаковыми красками и местами позолочен червонным золотом... Святый престол деревянный. Освящен 4-го июля 1834 года… Святый Антиминс, на желтом атласе, священнодействован 30-го Сентября 1772 года, Преосвященным Самуилом, Епископом Крутицким и Можайским, в шелковом литоне» [146, л. 169].

В местном ряду иконостаса с северной стороны у стены находилась икона преподобного Досифея – святого покровителя архимандрита Досифея, во время настоятельства которого была выстроена церковь.

Церковь была восстановлена в 80-е годы XX века, так как к этому времени находилась почти в руинах.

Глава 7

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ЗОСИМО-САВВАТИЕВСКИЙ СОБОР

7.1 АРХИТЕКТУРА И СВЯТЫНИ СОБОРА

Троицкий собор был построен в 1859 году по проекту архангельского губернского архитектора Шахларева.

Первым был освящен престол в южном приделе во имя преподобных Зосимы и Савватия 1/14 мая 1860 года[1]. Деревянный престол был украшен одеждой, верхняя часть которой была из штофной материи малинового цвета, а нижнюю составляли с трех сторон серебряные доски с чеканными, частью позолоченными, изображениями с финифтяными накладками. С западной стороны было изображено «Положение Господа во гроб», с южной – «Преображение Господне», а с северной – «Пресвятая Богородица в облаках, пред нею в молении: Преподобные Зосима, Савватий, Герман и Святитель Филипп». Восточная сторона престола была закрыта медной посеребренной доской с изображением креста чеканной работы.

Главный престол был освящен 27 сентября/10 октября 1861 года во имя Святой Троицы[2], а освящение престола в северном приделе во имя святого благоверного князя Александра Невского состоялось в день преставления преподобного Зосимы 17/30 апреля 1862 года[3].

Квадратный в плане собор перекрыт четырехскатной кровлей из окрашенного листового железа. Над цилиндрическим световым барабаном возвышается массивная луковичная глава, которая в XIX веке была «покрыта листовым железом, окрашена голубою кобольтовою краскою, а по ней звезды вызолочены червонным золотом на мардане, выше главы яблоко в диаметре два (1,4 м), а вышиною полтора (1,1 м) аршина из медных листов, вызолочено так же, над ним крест деревянный восьмиконечный, обит медными листами и вызолочен

---

[1] «Святый Антиминс на белом атласе священнодействован 30 Июня 1857 года, Преосвященным Антонием, Епископом Архангельским и Холмогорским» [146, л. 122].

[2] «Святый Антиминс, на белом атласе, священнодействован 3-го Июля 1860 года, Преосвященным Александром епископом Архангельским» [146, л. 118].

[3] «Святый Антиминс, на белом атласе, священнодействован 3-го Июля 1860 года, Преосвященным Александром епископом Архангельским» [146, л. 128].

Свято-Троицкий Зосимо-Савватиевский собор. Фото конца XIX в.

червонным золотом на мардане» [146, л. 111 об.]. В настоящее время восстановленная в 2010 году глава покрыта медью.

Собор «вырос» из северного Зосимо-Савватиевского придела Спасо-Преображенского собора. Придел дважды расширялся в восточную сторону: первый раз в 1795 году, а второй раз в 1816 году до восточного ряда келий. В середине XIX века стало очевидно, что необходим просторный теплый храм, где бы находились мощи преподобных Зосимы и Савватия, и могли бы поместиться многочисленные богомольцы. При поддержке императора Александра II собор был выстроен, причем мощи остались на том же месте, где были поставлены в 1566 году, в юго-западном углу собора.

Интерьер собора поражал паломников великолепием отделки и обилием света. Обширное внутреннее пространство собора разделено на три равных по площади нефа четырьмя прямоугольными пилонами, поддерживающими своды. Освещение в основной части храма двухсветное: полукружия окон второго света расположены над парными окнами. Алтарная часть храма выделена аркадой с гранеными столбами и большой аркой в центре. Алтари разделяются капитальными стенами с арочными пролетами.

Стены храма и алтаря были расписаны масляной живописью в 1873–1876 годах. Резной вызолоченный иконостас был выполнен под руководством московского мастера Астафьева, а иконы писаны в 1861 году в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре под руководством лаврского иконописца иеромонаха Симеона.

У передних столпов были устроены два клироса на деревянных помостах – «окрашены лаковою краскою, с резьбою золоченою, и по одному клиросу таковой же работы, пред иконостасами придельных храмов, при стенах южной и северной, и пред всеми четырьмя клиросами, по одному шкафу деревянному, или аналою для книг, столярной работы, окрашенных под ореховое дерево.

Подле правого переднего столпа на северной стороне находится место для Настоятеля, таковой же работы, окрашено голубою краскою, а резьба вызолочена червонным золотом, вверху обито бархатом красным, с двух сторон решетка железная, крашеная…

Полы в алтарях и солеи с амвонами возвышены на две ступени (6,5 вершков (29 см) и настланы белою каменною плиткою, а вся церковь таковою же перемешана с гранитом темного цвета, в виде шахматной доски» [146, л. 115–115об., 117]. Каменное покрытие полов с соответствующим рисунком восстановлено в 2011 году.

Собор выстроен на подклете сложной структуры, который объединил в себе части более ранних сооружений, в частности, часовни-усыпальницы преподобного Германа, преподобного Иринарха и святителя Филиппа. В подклете с восточной стороны под алтарями находилось отделение для продажи просфор, западнее его под всей церковью была выложена арка для проезда с воротами на обеих сторонах [146, л. 113].

Юго-западный угол церкви имеет общую стену с южной стороной главного алтаря Преображенского собора. Через арку в западной стене был выход на солею древнего собора: «внутри церкви, подле рак, в западной стене двери деревянные, ведущие в Преображенский Собор» [146, л. 114 об.]. С северной стороны к Свято-Троицкому собору примыкает Никольская церковь.

Главный вход в храм расположен на северной паперти Спасо-Преображенского собора. На деревянных дверях изнутри «на правой половинке написан Ангел Господень со свитком, а на левой таковой же с пламенным мечем» [146, л. 114]. Перед входом в собор находился длинный прилавок, где можно было подать просфоры с именами для поминовения о здравии и упокоении, записать имена усопших в монастырский синодик на 1 год (30 коп.), на 3 года (1 руб.) или на вечные времена (3 руб.). П. Ф. Фёдоров указывает, что в народе существовал огромный спрос на монашескую молитву об усопших: в 80-е годы XIX века за поминовение усопших в монастырь жертвовали около 20000 рублей в год [91, с. 62]. Далее продавались билетики на молебны и панихиды, которые затем предъявлялись служащим иеромонахам. В конце прилавка благочестивые паломники запасались свечами и направлялись к поставленным справа от входа в собор у южной стены ракам с мощами преподобных Зосимы и Савватия.

«Над арками величественно высится дорогой резной, золоченый балдахин… С балдахина спускаются три массивных серебряных лампады, из которых на одной неугасимо горит масло, а на остальных во время богослужения ставятся свечи. Перед лампадами стоит на полу большая железная кружка в виде кубического ящика в 5 четвертей вышины с надписью на одной стороне: “Преподобным Зосиме и Савватию в монастырскую казну”[4]. Под балдахином, на перешейке,

[4] «Против Рак поставлена кружка, вышиною 20, длиною 14, шириною 16,5 вершков (89х62х73 см). В виде четырехугольного ящика, деревянная, окована железными полосами и окрашена на масле, с железными – висячим и внутренним замками» [146, л. 116].

Раки с мощами преподобных Зосимы и Савватия. Фото конца XIX в.
Согласно описи 1866 г. сами раки прпп. Зосимы и Савватия были древние «деревянные, столярной работы, а на крыше образ Преподобнаго резной», одинаковых размеров: «вышиною 20, длиною 39,5, шириною 19 вершков» (89х175х87 см).
В 1660 г. боярин Борис Иванович Морозов заказал в Амстердаме оклады из белого серебра для наружных боковых сторон рак, «с цветами и четырьмя колоннами золочеными, чеканной работы». Над раками свод арки и южная стена были также «обиты золоченым басменным серебром, а снаружи арка обложена каймою серебряною, шириною в полтора вершка (7 см), на ней тропарь и кондак изображены чеканкою, слова вызолочены с финифтью» [146, л. 144-150]. Архимандрит Мелетий упоминает, что «при раках на стене находится каменный крест преподобного Савватия и святая икона прпп. Зосимы и Савватия, первописанная учеником прп. Зосимы игуменом Досифеем» [50, с. 57]. В деревянную резную вызолоченную сень над раками были вставлены иконы, принадлежавшие святителю Филиппу: икона Божией Матери Одигитрии Словенская и Деисус на трех досках [50, с. 55]. В арках над раками находились большие поясные иконы преподобных.

между 2 арками помещен образ Преподобных Зосимы и Савватия, а поперек образа протянута проволока, на которой повешена масса серебряных вещиц, изображающих более или менее грубо разные части человеческого тела: глаза, руки, ноги, голову; есть изображение всего человека, а также коров и лошадей. Нечего говорить, какое странное впечатление производят на незнающего человека эти вещицы, которые представляют собой не что иное как дары Преподобным от болящих или болевших. Дары эти — то просьбы больных о выздоровлении, то благодарность за полученное исцеление. У кого что болит, тот приносит соответственное серебряное изображение к Преподобным или сам, или же дает обещанное принести по исцелении, или же, наконец, посылает вещицу чрез знакомых, если сам не может идти в обитель. У многих существует уверенность, что такой способ просьбы самый действительный. Повешенные серебряные изображения монастырь или переливает в другие вещи, или же сбывает в г. Архангельск, где на рынке есть торговки, специально занимающиеся продажею этих изображений.

По правую сторону балдахина стоит шкаф, близ него широкая со спинкой скамья в виде дивана, по левую сторону балдахина — большой стол, весь уставленный склянками, в которых одни содержат масло от неугасимой лампады Преподобных, другие – "Святую воду" (крещенская освященная вода с примесью благовонной воды, употреблявшейся при омовении мощей угодников). И масло, и вода считаются целебными против всех болезней и хорошо раскупаются от 10 до 20 коп. за склянку, смотря от величины. Каждая склянка имеет на одной стороне выпуклое изображение: в верхней части – Знаменской Божией Матери с благословляющими руками, по бокам – Преподобных Зосимы и Савватия, а внизу, между ними, Соловецкая обитель. Такое же изображение имеет печать на просфорах.

Вот богомолец пробирается между густой толпы народа, кладет на лампаду свою свечу. Свечей скапливается огромное количество, так что поставить их на лампадах и зажечь одновременно нет никакой возможности, и поэтому часть маленьких свечей глазомером заменяется большими – в 1 аршин (71 см) длины. Такие свечи продеваются чрез проволочные кольца, прикрепленные к лампадным цепям на высоте трех четвертей аршина от поверхности лампады, вследствие чего не могут сгореть больше четверти своей величины…

Близ самих мощей стоит гуськом ряд богомольцев, в ожидании очереди приложиться "к Преподобным". С глубочайшим благоговением, с трепетным сердцем паломник кланяется в землю перед раками "Преподобных" и целует их изображения, совершая все это как бы пред самим Богом, и при той торжественной таинственной обстановке, которая окружает гробы угодников, душа паломника невольно бывает объята каким-то страхом, трепетом — он чувствует себя погруженным как бы в священную атмосферу благодати Божией. И почти каждый паломник, прося о какой-либо помощи или получив ее, сам непосредственно приносит от себя какой-нибудь дар Угодникам, кладя его на раку их, близ ног. Всякий приносит "по мере возможности", чем он богат: кто кладет платок, кто холст, кто варежки, рукавицы, рубашки, всевозможнейшие мотки ниток, полотенца, салфетки, женские платки и т. д. Раз при мне даже был такой случай: один зырянин из Печерского края поднес Преподобным лыжи, причем задки их стояли на полу,

а носки упирались в сами раки. В большинстве случаев все эти дары — изделия самих дателей и лежат на раках короткое время —около 5 минут, — а затем убираются в близ стоящий шкаф, а когда он наполнится (за одно богослужение), то на скамью или под нее, на пол.

Подходя к кубическому ящику, стоящему пред лампадами, паломник вытаскивает свою мошну, и на лице его нередко изображается нерешительность, сколько опустить. К таким иногда подходит монах и говорит: "Смотри, не утаиваешь ли ты чего? опускай все, что тебе другие дали, а то Преподобные тебя накажут!"

И я видел сам несколько раз, как такие паломники — мужички, с виду очень бедные, опускали от 5 до 50 рублей. Не всегда все опущенные деньги свои собственные; часто большая или меньшая часть их получены от соседей — односельчан "для передачи Преподобным". В каждую навигацию вынимается из одного кубического ящика, стоящего пред раками, близ лампад, около 8000 руб., иначе сказать, каждый богомолец опускает в эту кружку 66 коп., а во все остальные кружки и кошельки в пользу монастыря – 36 коп., так как ежегодный кошельковый и кружечный сбор обители в среднем равняется 12000 руб.

Есть не малое количество больных богомольцев, которые приезжают в обитель с надеждою получить чудесное исцеление от Преподобных; в большинстве случаев это бесноватые, кликуши, икотницы, параличные и т. д. Трудно представить, сколько хлопот, лишений, неприятностей приходится иметь провожатым таких беспокойных или беспомощных больных, привозимых иногда за тысячи верст. Вступая в обитель, провожатые этих больных, прежде всего, приносят дары Преподобным, а затем обращаются с просьбою к монаху, стоящему при мощах, дать пелену, которая покрывает раки. Пелена эта, по верованию народному, священна и обладает благодатной силой, исцеляет верующих от всех недугов. Больного, или больную, ставят пред мощами на колена, голову прикладывают до земли и всего покрывают священной пеленой, так повторяется каждое богослужение. Такой больной, распростертый в таинственном полумраке пред гробами Преподобных, с густою массою народа вокруг, народа, благоговейно стоящего, горячо молящегося, при огромном количестве горящих свеч на дорогих лампадах, при всей торжественной величественной обстановке храма — производит глубокое впечатление на всякого новичка, — глаза у всех блестят, воздух проникнут какой-то благодатной священной силой, все с напряжением смотрят на распростертого больного в ожидании чуда, веря в его возможность. Так и думаешь: вот больной встанет и громко скажет: "Слава Преподобным, теперь я здоров"! И, по словам богомольцев, редкое лето не бывает чуда. Рассказы о чудесах с разными дополнениями и вариациями, всевозможнейшие легенды, разносятся по всем закоулкам православной Руси и сильно влияют на религиозное чувство и воображение набожных крестьян, возвышая в то же время славу обители. Хотя я и мало беседовал с паломниками, но все же слышал о нескольких чудесных исцелениях. Так, в 1884 г. привезли в обитель мальчика, лет 16, больного острым умопомешательством. Мальчик работал на заводе и там же жил, ночуя в казарме. Раз утром товарищи начали будить его к работе, мальчик не просыпался. Тогда его окатили ведром холодной воды, он вскочил, задрожал и с того времени помешался, а на пути в Соловки постоянно порывался броситься через борт в

Свято-Троицкий собор. Фото 2005 г.

воду. В Соловках этого мальчика три дня, во время всех богослужений, держали под пеленой Преподобных и служили им молебны. Мальчику сделалось значительно лучше, и он мало по малу оправился. Родственники, видя чудо, оставили мальчика в обители "поработать Преподобным", так как заранее обещали это в случае выздоровления.

В 1886 г. прибыл в обитель больной крестьянин с параличом ног. Когда он из-под пелены, приложившись к ракам Преподобных, должен был идти причаститься св. Таин, то сделал это без посторонней помощи…

В конце обедни пред раками преподобных торжественно служится общий молебен; все иеромонахи монастыря, обыкновенно не менее 30 человек, в священных облачениях с клобуками на головах ставятся в два ряда, во главе их с драгоценной митрой на голове архимандрит, пользующийся правами архиерейского служения, величественная обстановка всего храма, громогласное, стройное, простое (совершенно в народном духе) пение двух хоров, из которых в каждом около 25 человек, служение самим преподобным и непосредственно перед ними, в их святом месте — все это поражает, ошеломляет паломников, они как бы находятся на небе, отрешившись, забывши все земное, и испытывают высокое наслаждение, особенное какое-то душевное ликование, как бы чувствуя в себе Бога. Восторженность, высокий религиозный энтузиазм заметен в это время на многих лицах» [91, с. 62–66].

В 1923–1937 годах в Троицком храме помещалась карантинная рота для вновь прибывших заключенных. «Утром обнаружили в нашем размещении на нарах, что наши архипастыри, архиепископ Ювеналий, епископ Глеб и епископ

Мануил были помещены на том месте нар, где доски были положены на жертвенник – таким образом, они спали на жертвеннике... По этому поводу архимандрит Серафим изрек следующее: "Воистину исполняется в самой жизни наш богослужебный возглас, приносимый нами, когда мы вырезаем на жертвеннике Святый Агнец: "Яко овча на заколение ведеся, яко агнец непорочен прямо стрегущего его безгласен""... Духовенство отбывало принудительные работы на общих основаниях... Никто из духовных никогда не заявлял протеста против назначения на ту или иную работу; никто никогда не жаловался на мнимую болезнь, а всегда все шли молча и по-христиански покорно туда, куда их назначали» [84, 1998, с. 17–18].

Впоследствии в 1940–50-х годах в соборе размещалась столовая Учебного Отряда Северного Флота, в алтаре находилась кухня и посудомойка, а стены собора были облицованы черной плиткой.

Вследствие пожаров и перестроек были утрачены все деревянные конструкции, разрушен кирпичный барабан с главой, разрушены окна и белокаменные полы. В 80-е годы производились работы консервационного характера по кровле: была отремонтирована стропильная конструкция и заменено покрытие, разобраны поздние перегородки и завалы мусора. В 90-х годах установлены оконные рамы со стеклами. С 2007 года в храме начались восстановительные работы силами монастыря. Планируется, что после завершения реставрации Свято-Троицкий Зосимо-Савватиевский собор станет главным теплым монастырским храмом, где круглогодично будут почивать мощи преподобных и совершаться полный суточный круг богослужения.

7.2. ЦЕРКОВЬ ПРЕПОДОБНОГО ГЕРМАНА И НЕКРОПОЛЬ

В 1859 году, согласно проекту архитектора Шахларева, под Свято-Троицким собором вместо построенной в 1753 году над местом погребения преподобного Германа каменной часовни была выстроена церковь. Западный фасад церкви на 4 метра выступает из фасада Троицкого собора.

Двускатная кровля церкви Преподобного Германа покрыта листовым железом. До начала XX века главка церкви была также покрыта железом и окрашена в голубой цвет. Восьмиконечный крест был вызолочен червонным золотом. Церковь была восстановлена в 80-е годы XX века. При реставрации луковичная главка церкви покрыта медью, крест поставлен деревянный.

Под кровом церкви Преподобного Германа были объединены места древнейших захоронений. Первой появилась на этом месте часовня над местом погребения мощей преподобного Савватия, перенесенных преподобным Зосимой из селения Сорока в 1465 году. Затем, в 1484 году, поблизости было погребено тело преподобного Германа, перенесенное братией с места погребения на берегу реки Свирь. Деревянная часовня преподобного Германа упоминается в описи 1668 года [82, вып.4, с. 76]. В ней 5/18 июня 1663 года было погребено, согласно завещанию, тело святителя Маркелла, архиепископа Вологодского.

с. 19

с. 81

В 1753 году на месте деревянной часовни была построена каменная «четвероугольная с осмериком» [17, с.244], причем места погребений были в ней отмече-

Церковь Преподобного Германа

ны вделанными в стены белокаменными плитами с надписями [17, с. 304]. После строительства каменной церкви эти плиты были установлены на ее стенах. Они упоминаются в описи 1866 года: «В церкви находятся три высеченные на камнях подписи: 1-я на южной стороне “о преставлении Преподобного Германа”, 2-я на северной стороне – “о преставлении Преподобного Савватия” и 3-я “о преставлении Маркелла Архиепископа Вологодского, бывшего Игумена Соловецкого”» [146, л. 160 об.]. Плита, сохранившаяся над местом погребения преподобного Германа, хорошо видна на фотографии конца XIX века.

Поставленный после Маркелла игумен Илия, преставившийся 1 июля 1659 года, был погребен рядом с деревянной часовней с восточной стороны [40, л. 17].

26 июля 1819 года также с восточной стороны от часовни преподобного Германа был похоронен прах старца Феофана, преставившегося ко Господу 75 лет от роду. После того как на этом месте была построена церковь, могила его оказалась перед иконостасом, против местного образа Божией Матери, у царских врат [83, л. 154].

Престол церкви Преподобного Германа был освящен 24 мая 1860 года преосвященным Александром, епископом Архангельским и Холмогорским. Святой антиминс на желтом атласе священнодействован 3 мая 1859 года также преосвященным Александром [146, л. 149 об.]. Иконостас был одноярусный из окрашенного дерева, а рамы около икон вызолочены червонным золотом по полименту. Полы были настланы белой каменной плиткой, солея и алтарь возвышались на одну ступень (15 см).

Интерьер церкви Преподобного Германа. Фото Я. Лейцингера, конец XIX в.

В церкви справа от входа стояла бронзопосеребренная рака на месте, где под спудом покоились мощи преподобного Германа до их изъятия в 1925 году. «Рака над мощами Преподобнаго Германа Соловецкаго Чудотворца… близ южной стены, на деревянном помосте, медная, посеребренная, на четырех ножках, вышиною с крышею 20, длиною 48,5, шириною 19,5 вершков (89х215х87 см), на крыше чеканкою изображен Преподобный во весь рост, на нем одежда вызолочена; на боках: на южной стороне преставление, на северной пренесение мощей Преподобнаго, на восточной водружение Креста на Соловецком острове – изображены чеканною работою, на западной стороне молитва Преподобному Герману резная, на углах раки Херувимы и накладки золоченые, чеканной работы… На раке икона Преподобнаго Германа, длиною 8,25 вершков (37 см), на ней венец чеканной работы, серебряный, золоченый… с трех сторон поля серебряныя, басменныя, позлащенныя» [146, л. 164–164 об.].

Церковь Преподобного Германа не отапливалась, в ней в летнее время служили ранние заупокойные литургии по заказу богомольцев. Во время СЛОНа церковь была разорена, по крайней мере к 1925 году, когда производилось «изъятие» мощей преподобного Германа. По свидетельству Д. С. Лихачева в церкви находился продуктовый ларек для заключенных, а по свидетельству Геннадия Русского – карцер[5].

с. 328

[5] Житие преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких чудотворцев. Издание Соловецкой обители, 2003. С. 228.

Надгробные плиты, находящиеся во дворике перед церковью Преподобного Германа, положены в нынешнем порядке в 2002 году. Первоначально они располагались над захоронениями внутри монастыря или на монастырском кладбище. Здесь находятся надгробные плиты:

игумена Макария († 1632 год), о нем известно только, что он был настоятелем после преподобного Иринарха;

епископа Тамбовского Игнатия († 1718 г.). По обвинению в сочувствии к лжеучению Григория Талицкого[6] епископ Игнатий был расстрижен и «послан в Соловецкий монастырь в Головленкову тюрьму, за крепким караулом до его смерти, неисходно, а пищу ему давать против таких же ссыльных» (5 ноября 1701 года). О пребывании его на Соловках ничего не известно. На надгробной плите его была сделана следующая надпись: «Лета 7226 (1718 г.) марта 26 дня преставился раб Божий преосвященный Игнатий Тамбовский». В XIX веке была сделана надпись, сохранившаяся до настоящего времени: «Здесь погребено тело преосвященного Игнатия, епископа Тамбовского, преставившегося 1699 года марта 26 дня, понесшаго горькое отлучение от паствы. Положил плиту 1854 г. архимандрит Александр». Как видим, год кончины указан неправильно;

монаха Феофила («Под сим камнем погребено тело рясофорного монаха Соловецкого монастыря Феофила уроженца Московской губернии Богородицкого уезда Павловского посада. Сына Ивана Дмитриева Широкова, скончавшийся в 1827 году октября в 28 день»);

иеросхимонаха Алимпия («Здесь погребены Соловецкой обители иеросхимонах Алимпий. Близ его гроба <похоронены> два его родных сына, прекрасные трудолюбивые живописцы, расписавшие храмы и коридор в обители. Алимпий скончался 6 декабря 1848 года в понедельник, 1–й сын его монах Горгоний скончался 14 мая 1845 года в понедельник, 2–й сын его послушник Андрей скончался 2 марта 1833 года в четверг. Отец, Сын и Святый Дух! Всесвятая и единосущная и животворящая Троица, едино Божество и Царство: да простит, да отпустит вам вольная и невольная согрешения ваша, да вчинит вас в месте светле, в месте прохладне, где ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание не могли бы нарушить вашего покоя. Аминь»);

схимонаха Андрея («Во царствии твоем, Господи, помяни раба твоего. На сем месте покоится прах в Бозе почившаго раба Божия схимонаха Андрея, скончавшагося 20 апреля 1879 года на 67 году своей жизни, потрудившегося в Соловецкой обители 21 год»);

крестьянина Орловского уезда Вятской губернии, потомственного почетного гражданина, монаха Соловецкого монастыря Афанасия Васильевича Булычева († 1902 года апреля 8 дня 75 лет от роду). Вятский крестьянин стал крупнейшим беломорским судовладельцем, а конец своей жизни пожелал провести в монастыре. На западной стороне надгробия изображено сердце, пронзенное крест-накрест якорем и четырехконечным крестом, над сердцем по дуге надпись «Десятинный».

[6] Называя Петра I антихристом и мучителем, книгописец Г. Талицкий намеревался с помощью стрельцов произвести государственный переворот и возвести на царский престол князя Михаила Черкасского. При обыске у него были найдены грушевые доски с воззванием к народу. Он был четвертован.

Памятуя о заповеди Божией, согласно которой полагалось десятую часть доходов жертвовать Богу, Афанасий Васильевич один из принадлежавших ему кораблей назвал «Десятинный» и предоставил Соловецкому монастырю для бесплатной перевозки грузов по Северной Двине;

крестьянина Архангельской губернии деревни Перхачевской Алексея Васильевича Ананьева († 1916 г.),

а также архимандрита Макария, архимандрита Димитрия; архимандрита Порфирия, архимандрита Варлаама, монаха Наума, детей архимандрита Александра (дочери девицы Анастасии и сына Христофора), последнего кошевого атамана Запорожской Сечи П. И. Кальнишевского, о которых подробно рассказывается в исторической части этой книги.

У дорожки вдоль западного фасада Спасо-Преображенского собора остались надгробные плиты:

иеросхимонаха Иеремии («† 1756 году июня 24 дня преставися раб Божий иеросхимонах Иеремий сего Соловецкого монастыря постриженник родом града Чебоцара Алексиев он прозванием Титов»);

две плиты без надписей на могилах ссыльных: бывшего графа, начальника Тайной канцелярии при Петре I Петра Андреевича Толстого († 17 февраля 1729 г.) и его сына Ивана Петровича Толстого († 3 июня 1728 г.);

коллежского асессора Зосимы Ильича Ахаткина († 1900 г.);

крестьянина из села Варзуга Никиты Дмитриевича Мошникова († 19 июля 1889 г. в возрасте 51 г.).

7.3. УСЫПАЛЬНИЦЫ СВЯТИТЕЛЯ ФИЛИППА И ПРЕПОДОБНОГО ИРИНАРХА

Вход в усыпальницу святителя Филиппа, располагающуюся теперь в подклете Троицкого собора, находится с южной стороны от церкви преподобного Германа. Сначала входящий видит вход в часовню преподобного Иринарха, а правее, через открытую арку, видна усыпальница святителя Филиппа. На этом месте у северного входа в подклет Спасо-Преображенского собора святитель завещал себя похоронить.

Исполняя его волю, игумен Иаков с братией в 1584 году перенесли мощи святителя Филиппа из Тверского Отроч монастыря и погребли рядом с могилой старца и восприемного отца святителя Филиппа Ионы Шамина[7]. Там они почивали до 31 мая/13 июня 1646 года, когда по прославлении святителя Филиппа его честные мощи были поставлены в арке в южной стене собора. На месте захоронения была положена памятная плита с надписью. На плите лежала икона святителя Филиппа. У ног святителя Филиппа пожелал быть погребенным его ученик игумен Иаков. На южной стене усыпальницы укреплена полуразбитая белокаменная доска с надписью о том, что здесь погребено тело 27 игумена Соловецкого Иакова, тщанием (усердием) которого мощи святителя Филиппа были перенесены из Твери на Соловки.

с. 56

[7] Надпись на надгробной плите: «В лето 7076 (1568) преставися раб Божий инок Иона Шамин месяца генваря в 10 день».

По предположению В. А. Бурова белокаменная надгробная плита со сбитой надписью, ориентированная по линии север-юг, указывает место погребения игумена Иакова [8, с.504]. Однако дата кончины, оставшаяся на фрагменте этой плиты, хранящемся в фондах СГИАПМЗ – 18 апреля 1622 года – не совпадает с приведенной у С. К. Севастьяновой – 1614 год[8]. Соответственно, не исключено, что эта плита относится к другому захоронению. В этой же усыпальнице у арки в северной стене находится место погребения игумена Антония (†1612) с надгробной плитой.

В часовне преподобного Иринарха мощи его почивали под спудом, а над ними была поставлена массивная деревянная рака (75х200х82 см), украшенная с трех сторон голубой парчой с красными букетами, золотыми травами и крестами. Поверх была положена икона преподобного Иринарха размером во всю крышку раки. Его икона была также в иконостасе часовни, в котором, кроме того, находились икона Божией Матери «Знамение» и икона преподобного Елеазара.

Обе усыпальницы были устроены в 1859 году. Между стеной часовни преподобного Иринарха и церковью преподобного Германа сделан перекрытый арочным сводом проход к усыпальнице, в которой хоронили настоятелей после 1860 года. Там были погребены архимандрит Порфирий (†26 июня 1865 г.), архимандрит Феофан (†21 августа 1871 г.), архимандрит Варлаам (†16 декабря 1894 г.) и, по-видимому, архимандрит Иоанникий (†6/19 июня 1921 г.).

[8] 1614 год указан также в: Сергий (Спасский), архиеп. Владимирский и Суздальский. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Владимир, 1901. С. 560.

Глава 8

ЦЕРКОВЬ ПРЕПОДОБНОГО ОНУФРИЯ ВЕЛИКОГО НА МОНАСТЫРСКОМ КЛАДБИЩЕ

Братское монастырское кладбище с церковью во имя преподобного Онуфрия Великого расположено вне монастырских стен на холме к югу от монастыря. Первая деревянная шатровая церковь была «построена за монастырем для погребения умерших братий и мирских и освящена в 1667 году, июня 16 дня» [40, л. 18]. Эта же дата (7105 год) была указана и на древнем кресте, хранившемся в алтаре храма [50, с. 91].

К началу XIX века деревянная церковь обветшала и в 1821 году была разобрана. Новый каменный храм был освящен в день своего престольного праздника на память преподобного Онуфрия Великого 12/25 июня 1824 года архимандритом Макарием.

Иконостас в нем был трехъярусный деревянный окрашенный. На южной стене каменного храма была установлена плита с надписью: «Святая церковь Христова от начала своего считает священной обязанностью молиться за усопших. Для сего и тела усопших полагают вблизи святых храмов, дабы во время совершения бескровной жертвы Господу, возносить моление о покое душ их. И усопшая братия наша умоляет нас живых не забывать их постоянною молитвою. Молитва – суть живая непрерывная наша утешительная беседа, наше свидание с почившими. Каждое слово молитвы принесет отраду в вечности. Сила молитвы может поднять душу со дна адова, очистить от всех грехов и дать вечный покой. Умершие – суть воины, отдыхающие мирным сном после трудных подвигов борьбы, но прозвучит труба Архангелова и мертвые о Христе воскреснут. Отцы и братие! Будем прилежно молиться об усопших: но в то же время попечемся и о себе самих, чтобы наши дела, большею частию злыя и лукавыя, не последовали за нами в вечность и не постыдили нас пред лицем неба и земли, ангелов и человеков. Аминь» [50, с. 92–93].

В 1886 году был увеличен алтарь храма за счет уменьшения площади самой церкви [82, вып.9, с.90], а с западной стороны была пристроена колокольня. Тогда же в дополнение к старой печи, находившейся в юго-западном углу церкви, была устроена новая печь в алтаре.

Важна молитва о упокоении душ усопших, но возможно и молитвенное обращение ко многим подвизавшимся на Святой Соловецкой земле и обретшим в ней

Братское монастырское кладбище с церковью во имя прп. Онуфрия Великого. Фото конца XIX в.

покой. В жизнеописании монаха Даниила[1] сохранилось следующее повествование, касающееся упокоившихся на монастырском кладбище: «В одно время, проживая в соловецком кремле, о. Даниил проходил по внутреннему коридору крепостной стены Соловецкого монастыря, где встретил одного инока, поприветствовав которого, спросил: “Как, брат, живешь?” Брат сей разочарованно отвечал: “Все мы живем очень худо, наверно и погибнем”. И в таком глубоком разочаровании продолжал свой разговор с о. Даниилом. На все это о. Даниил и говорит ему: “Так думаешь, что все в монастыре грешники? Все погибнут? Нет, брат, напрасно ты так думаешь”. Сказав сии слова, стал о. Даниил смотреть в окно на братское кладбище. Собеседник о. Даниила также подошел к окну, а старец уже строго вопрошает сего скорбного инока: “Посмотри-ка, брат, на кладбище, все ли в обители грешники?” И вдруг инок увидел горящие светильники над многими могилами почивших из братии. В это время о. Даниил снова спрашивает стоящего в благоговейном страхе

[1] Монах Даниил (старец Дионисий) († 31 октября 1888). Сей замечательный старец и подвижник, удостоенный от Бога дара прозорливости в особенной степени, доживал свой век при настоятеле Соловецкого монастыря архимандрите Мелетии. Среди братии и богомольцев он был известен как о. Дионисий (его имя в рясофоре). Незадолго до смерти был пострижен в мантию с именем Даниил. В подробностях жизнь его в описаниях не запечатлена, и сохранилось очень мало сведений о его подвигах и благодатных случаях великого дара прозорливости, передаваемых между братией изустно.

инока: “Ну-ка, брат, как ты думаешь, все ли грешники там? Нет, не думай так, много было здесь людей, угождавших Господу и от Него прославленных и упокоенных во Царствии Небесном, но безвестных для нас. И сейчас еще много людей живет здесь благочестиво и богоугодно...” И множество других душеполезных наставлений поведал старец сему брату и отпустил его с миром душевным и бодрым духом, с изменившимся суждением о монастырской братии» [46, №2, с. 41].

Церковь преподобного Онуфрия была единственной действовавшей во время СЛОНа. Богослужения в ней были разрешены до 1929 года, ради 60 монахов, отказавшихся покидать Соловецкий остров и трудившихся на правах вольнонаемных в лагерном хозяйстве.

О разорении монастырского кладбища писал Георгий Гаврилович Гордон – сын заключенного, приезжавший на Соловки в 1931 году для личного свидания. Ему еще пришлось видеть «поистине циклопические кресты на некоторых могилах. Восьмиконечные, потемневшие от непогоды, больше обхвата в окружности и до восьми метров высотой, как я определил, измерив шагами тень, показавшегося самым высоким, они казались особенно большими на фоне окружавших крестов обычных размеров… За первый “ударник”[2] снесли примерно треть кладбища. На той самой косе, с которой монахи стреляли в англичан (в 1854 г.), выросла груда крестов и деревянных могильных оград… высотой с четырехэтажный дом… Потом эту кучу подожгли: она горела и тлела несколько суток» [6, с. 172].

В 1939–1940 годах колокольня, а потом церковь были разрушены сначала силами заключенных, а затем военных моряков. В воспоминаниях С. Эпштейна рассказывается о том, что в мае 1939 года заключенных соловецкой тюрьмы вывели за крепостные ворота и построили вдоль стены. Начальник тюрьмы объявил, что заключенным вместо сидения в казематах предоставляется возможность поработать на свежем воздухе. Работа оказалась для заключенных омерзительной. «Приказано было раскопать старое монастырское кладбище и сровнять это место с землей, а грунт вывезти на площадку, где строился аэродром. Заключенные разрывали ослабевшими в тюрьме руками холмики и бросали на тачки все, что еще сохранялось в могилах: почти истлевшие кости, черепа с длинными волосами… Вскоре мне досталась еще одна довольно жуткая работа. Уничтожали кладбищенскую церковь, и велено было, начиная с самой верхушки звонницы, отламывать лопаткой кирпичи, сбрасывая их вниз. Голова у меня постоянно кружилась, падение казалось неизбежным… Но в конце концов колокольню разрушили, кладбище расчистили» [6, с. 512]. Большая часть кладбищенских плит была использована для устройства фундаментов зданий госпиталя, дизельной электростанции, детского сада.

с. 170

От громадного кладбища осталось только 4 плиты:

архимандрита Паисия († 4 декабря 1825 г.);

иеромонаха Михаила (Рябовский Матвей Варлаамович, р.1813–†15 мая 1877), бывшего казначеем и наместником Соловецкого монастыря;

иеромонаха Илариона (Антонов Иван Антонович, р. 1813–†19 марта 1880), бывшего наместником Соловецкого монастыря;

[2] Авральная работа в выходной день.

Возвращение могильной плиты архимандрита Паисия с дорожки у школы на монастырское кладбище в 1992 г.

иеромонаха Симона в схиме Симеона (Нилотов Семен Макарович, р. 1818 – †27 августа 1880) бывшего духовником Соловецкого монастыря. Надпись на его надгробной плите заканчивается словами: «Помня заповедь Божию, отца духовного я чту. И положил сию плиту Креста сего к подножию. Архимандрит Варлаам. 1892».

14 июля 1990 года на месте церкви преподобного Онуфрия, от которой сохранилось лишь валунное основание, был установлен крест по инициативе международной культурной миссии «Истоки».

В настоящее время планируется воссоздание церкви преподобного Онуфрия Великого в качестве приходской при монастыре, чтобы в ней можно было совершать богослужения по приходскому уставу, таинства крещения и венчания, заупокойные литургии и чин отпевания для мирян. В 2008 году были проведены подробные археологические исследования фундамента церкви [82, вып.9, с.82]. В настоящее время идет сбор средств на восстановление храма.

Сейчас на кладбище высятся три креста над могилами насельников обители нашего времени. Первым перешагнул порог вечности в тридцатичетырехлетнем возрасте иеродиакон Иринарх (Михеев, р. 8 апреля 1960 – †7 сентября 1994). Несмотря на тяжкие страдания от неизлечимого недуга, отец Иринарх до последней возможности стремился не оставлять церковного богослужения, оставался всегда радостным и приветливым к окружающим и просил только об одном: «Братия, молитесь за меня, а я, если стяжаю дерзновение, буду молиться за вас». Слова эти имеют силу: многие из приходящих на старое кладбище помолиться о упокоении иеродиакона Иринарха, получают духовное утешение. Хочется надеяться, что, забрав совсем еще молодого человека, Господь дал монастырской братии небесного предстателя.

6 февраля 2007 года на семидесятом году жизни отошел ко Господу протоиерей Милий (Руднев) – яркий проповедник, внук полкового священника, окормлявшего моряков крейсера «Варяг». В августе 2005 года он впервые приехал на Соловки с паломнической группой из Краснодара. Будучи по возрасту и состоянию здоровья заштатным священником, он согласился по просьбе священноначалия Соловецкого монастыря остаться в обители для помощи в молитвенном поминовении живых и усопших. В тот год было подано так много имен для поминовения на проскомидии, что отец Милий ежедневно по нескольку часов помогал

Иеродиакон Иринарх, протоиерей Милий, инок Елисей

служащим священникам совершать поминовение. Когда через полгода он впервые не пришел на литургию, подумали, что он занемог, но оказалось, что он уже предал Богу душу в келии, готовясь к службе. Отец Милий особенно почитал память новомучеников и исповедников Соловецких, а также усердно поминал все известные имена пострадавших на Соловках в годы гонений православных христиан, и ему суждено было упокоиться у стен храма, где многие из тех, о ком он молился, принимали участие в богослужениях в 1924–1929 годах.

14 октября 2011 года трагически погиб в море во время шторма инок Елисей (Рашковский), потрудившийся в монастыре двадцать лет в иноческом звании. На отпевание кроме братии собрались многие жители поселка, и все вспоминали об отце Елисее как о человеке добрейшей души, всегда открытом чужим нуждам, всегда готовом прийти на помощь, как о безотказном труженике, который мог разобраться в любой технике, все починить, отрегулировать, привезти.

Глава 9

БОЛЬНИЧНАЯ ЦЕРКОВЬ В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «УТОЛИ МОИ ПЕЧАЛИ»

История здания, в котором была устроена домовая церковь, необычна. Трудно догадаться, что эта старейшая в северном дворике постройка была воздвигнута в 1615 году как иконописная палата. О древности ее свидетельствуют толщина стен да арочный поясок, раскрытый реставраторами на южном фасаде на уровне второго этажа.

Палата была двухъярусной: в нижнем этаже помещались больница и пономарня, в верхнем – иконописная и сапожная мастерские. В 1798 году здание было переоборудовано под тюрьму: в нижнем ярусе находилось 12 чуланов (камер), в верхнем – караульные помещения. В 1826 году был надстроен третий этаж на 16 чуланов.

Когда осенью 1903 года тюрьма была упразднена, началась реконструкция здания. На первом этаже были устроены аптека, кабинет врача, приемный покой, баня, ванная, раздевалка; на втором – больничные келии и жилые помещения; на третьем – церковь в честь Иконы Божией Матери «Утоли мои Печали». Церковь была освящена 24 октября 1906 года. Сейчас в здании располагаются общежитие для паломников-трудников, паломническая трапезная и издательский отдел. Разрабатывается проект реконструкции здания и восстановления церкви.

В Соловецком Новом Патерике, составленном преподобномучеником архимандритом Вениамином, сохранилось свидетельство о служившем в этом храме иеромонахе Дорофее, к имени которого добавляли прозвище «Больничный». «Из монашествующих, добрым подвигом подвизавшихся в монастырской больнице, обращал на себя особое внимание своей высокой, дивной богоугодной жизнью заведующий больницей иеромонах Дорофей (в миру Яков Иванович Лебедев). По образованию он был не врачом, а фельдшером, но, несмотря на это, поражал всех обращавшихся к нему своим большим опытом, наблюдательностью и знаниями в медицинской области. Много лет трудился он в Соловецкой обители, облегчая телесные недуги и ободряя малодушных и тяжко и безнадежно больных. Постоянно уравновешенный, веселый, ласковый, какой-то особенно обаятельный, всегда добрым приветливым словом придаст всем бодрости, душевных сил, поднимет дух. Пламенеющий в молитвах о страждущих, он всегда – во всякое время дня и ночи и не в свои часы дежурства – готов был прийти на помощь близкому и для отдания последнего долга – исповеди с причастием и отходной. И легко, как-то отрадно

Храм во имя иконы Божией Матери «Утоли мои Печали».
Фото С. Прокудина-Горского, 1915 г.

было умирать в его присутствии, без страха уходить примиренным в вечность. По назначению губернских властей он поступил в больницу Соловецкого монастыря сперва в звании фельдшера. С течением времени возымел рвение к монашеской жизни и постепенно, проходя ступень иноческого жития уже на положении насельника св. обители, а не служащего, он сподобился пострижения в мантию с именем Дорофей, а по некоем времени и возведения в сан иеромонаха, пробыв недолго в звании иеродиакона. Вот с этого времени и начался его подвиг безмездного врачевства и облегчения страждущей братии, трудников и богомольцев. На этом послушании о. Дорофей явил собою дивный образец неустанного и безропотного служения, редкого прилежания и усердия. В скором времени он приобрел общую братскую любовь и неограниченное доверие как отца настоятеля, так и монастырской братии. Он почти не знал покоя в заботах и хлопотах о больных. С раннего утра начинался его трудовой день в больнице. За литургией, которую он часто служил в больничной церкви, он усердно молился за тяжелобольных и благоговейно чтил молитвами память умерших у него в больнице. Вскоре после службы начинался обход палат.

Являясь к пациентам, о. Дорофей сначала клал три поклона перед палатными иконами, потом приветствовал больных, ободряя их уже одним своим веселым видом, ласковым утешающим словом поддерживая малодушных и тяжко больных. А осматривая больного, всегда утешал его надеждою на скорое выздоровление с помощью Божией. И больные чувствовали себя в его присутствии особенно благодатно и радостно и всегда скорбели, когда он покидал палату, хотя бы и ненадолго; но особую печаль причинял он им, когда отлучался из монастыря по делам службы. В последние годы своей поистине многотрудной жизни о. Дорофей стал жаловаться на ноги, но все же, несмотря на частые и сильные ревматические боли, не бросал своего послушания и продолжал нести его так же безукоризненно и безропотно, как и раньше. Будучи родным отцом не только для своих больных, но и для больничных служащих, он, ослабевая телесно в почти беспрерывных трудах, всегда был вовремя заменяем сослуживцами-иноками, которые сами наперебой старались помочь ему в служении больным, а также оказать помощь и ему самому, постепенно изнемогавшему на сем великом и святом поприще. Незадолго до своей кончины он стал заметно слабеть, но зато часто приобщался Святых Таин. Наступил день кончины. Вдруг он просит окружающих повернуть его лицом к лику Богоматери. Почувствовав в это время некое облегчение, он говорит весело: "А я теперь ничем не болен". И, сказав сии слова, чрез несколько минут с молитвою на устах блаженно и тихо почил – безмездный врач и целитель душ и телес болящих братий и трудников. Отпевание и погребение его отличалось редким, единодушным многолюдством монастырской братии, свидетельствовавшей свое особенное уважение к нему множеством молитвенной благодарности за те милости и облегчения, кои Господь являл им по молитвам своего Соловецкого Пантелеймона» [46, №2, с.47].

Присовокупим к патериковому повествованию сведения из послужного списка, которые придают документальную реальность образу современного праведника.

«Иеромонах Дорофей (Лебедев Яков Иванович, р.1851 – †19 апреля 1919).

Отставной медицинский фельдшер. Домашнего образования, состоял в военной службе, обучался фельдшерскому делу. Холост.

Проживал в монастыре с 1882 г.

1 июля 1896 г. определен в число послушников Соловецкого монастыря.

22 ноября 1898 г. пострижен в монашество в Соловецком монастыре.

1 августа 1901 г. рукоположен в иеродиакона.

15 августа 1903 г. рукоположен в иеромонаха.

12 марта 1907 г. указом Московской Правительствующего Синода Конторы № 513 награжден набедренником.

30 марта 1910 г. определением Святейшего Синода за № 2415 награжден наперсным крестом от Святейшего Синода выдаваемым.

В 1909–1915 гг. послушание проходил заведующего монастырской больницей и совершал богослужения в больничной Утолимовской церкви по воскресным и праздничным дням.

По отзыву настоятеля: отличных нравственных качеств, всей душой предан своему больничному делу, которое ведет весьма исправно и умело; неопустительно и усердно совершает богослужения в больничной церкви» [138, №21].

Господь принял его душу в небесные селения в Пасхальную седмицу 19 апреля 1919 года.

Митрополиту Мануилу (Лемешевскому), находившемуся в заключении на Соловках в 1924–1928 годах, довелось беседовать с больничными фельдшерами иеромонахом Анатолием и иеромонахом Игнатием, которые рассказывали, что они неоднократно были свидетелями истинно блаженной кончины никому неведомых подвижников. Некоторые из них получали от Господа извещение о своей кончине, «точно предсказывали ее день и час и в указанный срок с миром и радостью о Господе уходили в вечный покой. Были и такие, которые при кончине своей словно ощущали присутствие невидимых для внешних, неведомых небожителей, ободрявших при отходе в вечность умирающих и оставлявших на их лице и устах неземные улыбки и радость о Господе.

Для безнадежно больных и стариков больница являлась последним этапом их труженнической жизни, в большинстве долголетней и многотрудной, этапом радости последних усилий покинуть грешный мир» [46, №2, с. 66].

Глава 10

СОБОРНАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

Соборная колокольня.
Вид с северо-восточной стороны.
Фото конца XIX в.

В XVIII веке за ветхостью была разобрана трехшатровая звонница в древнерусском стиле. Вместо нее в 1777 году была возведена колокольня в стиле барокко высотой до креста около 50 метров с двумя ярусами звонов. Верхний ярус колокольни перекрыт купольным сводом и увенчан глухим восьмигранным двухъярусным барабаном с крытыми медью главкой и шпилем. В верхнем ярусе колокольни была устроена обходная площадка с рустованными колоннами-контрфорсами. Над арками верхнего яруса для света добавлены круглые застекленные окна – люкарны.

В конце XIX века на двух ярусах колокольни имелось 29 колоколов. На нижнем ярусе находилось 14 колоколов и среди них самый большой колокол обители – Преображенский, весом 1120 пудов (около 17,9 т), перелитый в 1888 году при архимандрите Мелетии. Следующие по величине колокола на том же ярусе существенно меньшего веса: безымянный (1775 г.) – 300 пудов и полиелейный (1771 г.) – 284 пуда. Самым большим колоколом на верхнем ярусе был литийный, отлитый в 1777 году, весом 527 пудов. Он хорошо виден на фотографии. Язык этого колокола раскачивал отдельный помощник, в то время как сам звонарь управлялся с остальными 14 колоколами.

О звонаре, изображенном на фотографии, сохранились воспоминания паломника К. Коковцова, посетившего монастырь в 1901 году. Он писал: «Я направился

Звонари на верхнем ярусе колокольни. Фото Я. Лейцингера, 1895 г.

на колокольню, с высоты которой уже раздавался благовест. Меня привлекал туда слепой звонарь, о котором мне, между прочим, говорил о. Иоанникий. По мере восхождения по ступеням довольно крутой лестницы, устроенной в стене, гул постепенно возрастал. Раздельные звуки то сливались в один общий мощный аккорд, то распадались на более или менее сложные гармонические сочетания. За последним поворотом звон достиг своего предела; масса звуков, врываясь в узкий проход, казалось, обладала механической силой. На верхней площадке моему взору представилась следующая картина. В деревянной будке сидел слепец-монах; на вид ему можно было дать не более 35 лет. Одетыми в черные перчатки руками он держал веревки, идущие от четырех малых колоколов; веревки от остальных двух колоколов, подвешенных на одной балке с первыми, охватывали его руки выше локтей. Три колокола, несколько большей величины, помещенные в наружной арке позади звонаря, приводились им одновременно в действие ножной педалью. Более глубокое нажатие ее заставляло колебаться языки двух других колоколов, еще больших размеров, укрепленных в нише по левую сторону будки.

Управляя таким способом одиннадцатью колоколами, звонарь должен был строго соблюдать ритм, чтобы согласоваться с ударами самого большого, двенадцатого колокола, висящего в третьей амбразуре; в него звонил молодой послушник. Движения его были до того правильно соразмерены, что как промежутки между ударами, так и сила звука оставались постоянными. При внимательном взгляде, высокая стройная фигура юного звонаря поражала какой-то странной безжизненностью. Я подошел ближе: передо мной стоял – слепец…

Звон кончился. Старший монах, видимо напрягавший свои слабые силы, в изнеможении прислонился к стене будки; его вдохновенное лицо покрылось матовой бледностью; он снял перчатки, вынул платок и отер скатившуюся слезу; потом, позвав помощника, взял свою трость и быстрыми шагами начал спускаться. За ним невозможно было поспеть; когда я сошел вниз, звонарь успел уже скрыться»[1].

По послужным спискам удалось установить имя и биографические данные звонаря. «Монах Самуил (Негодяев Степан Васильевич, р. 1837). Из крестьян Архангельской губернии. Холост. Неграмотен и слеп. Проживал в монастыре с 1860 года. 24 апреля 1867 года определен в число послушников. 24 мая 1876 года пострижен в монашество. В 1897 году послушание проходил в должности звонаря в монастыре. Очень хороших качеств, благочестивого настроения, искусный и всегда исправный звонарь» [122, л.139об.-140].

Помогать ему мог либо послушник Александр Михайлович Агапитов (р. 1871, в монастыре с 1889, определен в послушники 27 июня 1896), либо послушник Максим Михайлович Киселев (р. 1872, в монастыре с 1889, определен в послушники 19 сентября 1902). Александр был звонарем с 1899 по 1905 год [122, л. 277 об.; 129, л.137об.; 138, л.126 об.], а Максим сначала был его помощником, а после 1905 года значился звонарем. В характеристике 1915 года о нем сказано «исправный звонарь» [129, л.165 об.; 138, л.131 об.].

Максим Михайлович Киселев был пострижен в монашество с именем Михей 22 июня 1918 года. О нем упоминается в «Соловецком цветнике»: «Монах Михей (слепец) двадцать три года был звонарем. Вот что он сам о себе рассказывал.

“Когда был послушником, читал Псалтирь, враг на меня полчищами нападал. А во сне то зверем бегал, то бесноватым. А когда поучения или псалмы читал, то бесы повторяли сии песни громко.

И это еще что! А вот когда нечистые явно с койки сбросят. Боялся я в келии спать. Так около двух лет и страдал. По молитвам о. Филарета избавился от искушений. “Живый в помощи Вышняго” читал, дверь крестил и ту и другую…

До пожара 1923 года на трапезе была икона Божией Матери “Всех Скорбящих Радость”. После вечерней трапезы приложился к устам Ее. И вижу во сне Владычицу: – Как ты мог на иконе к Моим устам приложиться?! – Царица Небесная, прости меня, по неведению приложился, как слепой приложился. Вся затрепетала, засияла, как огонь... Такое видение было...

Когда поступил, все плакал и просил себе исцеления. Пришел во сне к преподобному Зосиме. Он сидит, одних благословляет, других отводит. Я подошел. Он нахмурился.

– Ты что же просишь? Прозреть. А где лучше видеть, как думаешь, там или здесь?

– Как не там.

– Ну, если Бог посетил тебя, так и живи.

И благословил...

Вскоре по вступлении своем в монастырь я любил ходить в свободные часы на службы в церковь. Из старшей братии я никого и не знал еще. Вдруг подходит ко мне старичок-батюшка и говорит:

[1] Коковцов К. Поездка в Соловецкий монастырь. СПб. 1901. С.83–85.

– Ты будешь монахом, и тебя из монастыря не вывезут.

А были у меня думушки о том, что, по слабости здоровья моего, настоятель меня держать в послушниках не будет, а как сказал он мне это, я в сердце своем сложил и хранил, а сам тотчас спросил кого-то из братии:

– А как зовут этого батюшку?

– Это иеросхимонах Иоанн[2]".

Прошли годы. Наступило время занятия монастыря сперва сельхозом, а затем лагерем ОГПУ. И что же? Несмотря на целые десятки высланных на материк инвалидов-монахов, о. Михей, хотя и слепец, остался на месте. И ныне исполнились в точности слова старца о. Иоанна, что о. Михея из монастыря не вывезут. Стало понятно, почему он уверенно сказал о. Михею о том, что он будет монахом. Дабы сперва надлежало быть первому, а затем утвердиться второму» [46, №2, с. 63-64].

Имя монаха Михея упоминается в списке отказавшихся от освидетельствования на инвалидность в 1921 г., в списке работников совхоза за 1922 г. [144, №91] и в списке монахов, остававшихся на Соловках в 1929 г. [85, вып. 2, с. 182].

В советское время на колокольне была установлена металлическая пятиконечная звезда, которую сняли во время реставрации в середине 80-х годов. В 1985 году в главку колокольни ударила молния, в результате возникшего пожара сгорела главка и деревянное покрытие свода, с тех пор продолжаются реставрационные работы. Тем не менее, к августу 1992 года на колокольню были подняты 15 колоколов (12 из фондов СГИАПМЗ и 3 пожертвованных благотворителями). 20 августа 1992 года впервые после долгого перерыва зазвучал над Соловками колокольный звон, созывая прихожан и гостей на встречу святых мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа, которые в тот день вернулись в основанную ими обитель в сопровождении Святейшего Патриарха Алексия и 300 паломников. Всенощное бдение и Божественная Литургия на праздник перенесения святых мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа сопровождались праздничным колокольным звоном.

19 августа 2007 года во время праздничного крестного хода после окончания Божественной Литургии владыка Алексий, архиепископ Орехово-Зуевский, освятил новые колокола, подвешенные на временной звоннице у северного фасада Трапезной палаты. 23 колокола общим весом около 32 тонн были отлиты на Воронежском колокололитейном заводе ООО «Вера» на пожертвования благотворителей. Колокола украшены рельефными изображениями икон престольных праздников Соловецкого монастыря и Соловецких святых. В память о трагической истории Соловков один из поясков на больших колоколах-благовестниках имеет вид тернового венца. Вес самого большого колокола 880 пудов – чуть больше 14 тонн. Звук колокола красивый, бархатистый. В летописных строках больших колоколов навечно запечатлены имена благотворителей и мастеров, приложивших свои старания к их созданию. В 2012 году на верхний ярус колокольни были подняты 14 легких и средних колоколов, которые в настоящее время и участвуют в звонах.

[2] Иеросхимонах Иоанн – иеромонах Тарасий (Сорокин).

Глава 11

БИБЛИОТЕКА И РИЗНИЦА

С конца XVIII века под колокольней в двух сводчатых помещениях нижнего яруса помещалась библиотека. «Аще не почитаеши книг часто, не ощутиши грехов своих и не можеши спастися. Блажен муж, его же тело последует душе, горе человеку, его же душа последует телу. Сия убо два душа и тело, яко львы борются: душа хощет спастися, а тело нежитися», – писал один из Соловецких книжников [99, с. 94].

Соловецкая библиотека стала складываться в середине XV века из необходимых для богослужения книг. В конце XV века она была пополнена иноком Досифеем, впоследствии игуменом. Он заказывал переписывать книги, «не мало лет» находясь в Новгороде, а сохранившиеся списки (1493–1494) показывают, что те книги были не только богослужебные, но и «для чтения и образования». Досифей известен как первый на Руси автор книжного знака, экслибриса, и как первый соловецкий писатель, автор Жития Зосимы и Савватия.

К концу XVI века в библиотеке находились 481 рукопись и 38 печатных книг. В ее фонде были и исторические сочинения – летописи, где сообщалось о внутренней жизни монастыря, о поездках игуменов в Москву и Новгород, о событиях на Севере, в России. Например, о походе Ивана IV на Новгород и Псков, о землетрясении в Керети, Ковде и Кандалакше (1542 г.). В XVI – начале XVII века библиотека пополнилась сборниками двух групп текстов: традиционного содержания и современной исторической публицистики. В монастыре появились «книгописная палата» – скрипторий и, при нем, переплетная мастерская. Книги переписывали для внутримонастырского пользования, «на раздачу», продажу, в другие монастыри.

Рукописные книги были произведениями не только литературного, но и прикладного искусства. Деревянный переплет обтягивали кожей, которую вручную тиснили затейливым орнаментом. Самые дорогие переплеты – окованные серебряными или медными окладами и украшенные жемчугом, драгоценными камнями. Для лучшей сохранности их снабжали металлическими застежками, а чтобы внутрь не попадала пыль, в Соловках придумали хранить их корешком вверх. Для защиты переплета на ребрах досок со стороны, противоположной корешку, делались маленькие выступы-ножки (иногда и по углам переплета), чтобы тисненая кожа не истерлась и не поцарапалась при чтении. Переписка книг в монастыре велась, по-видимому, до семидесятых годов XVII века.

Дороговизна рукописной книги делала ее пожертвование существенным и ценным вкладом. Книжные вклады составляли половину всех поступлений библиотеки. Так, 12 книг подарил монастырю Иоанн IV, дарили книги священник Сильвестр, святитель Филипп, патриарх Иоасаф, патриарх Никон, келари Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын и Александр Булатников («Житие Зосимы и Савватия» 1623 г. и др.), князь Дмитрий Пожарский (рукописное Евангелие XVI века было подарено в 1613 г.).

В числе раритетов значились: «Псалтирь», принадлежавшая преподобному Зосиме; «Апостол» 1586 года; «Временник» Георгия Амартола, греческого писателя IX века; «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона – XI века; старопечатные Евангелия начала XVII века в драгоценных окладах (вес одного – 40 килограммов).

О тех, кто пользовался книгами, остались «пометы»: «сия книга дается на прочтение в братскую больницу», «обменяна на псалтырь Никифору кузнецу», «читал сторож Ивашко Иларионов сын Веревкин». С возвратом книг читателей не торопили, один книгочей пользовался книгой 42 года.

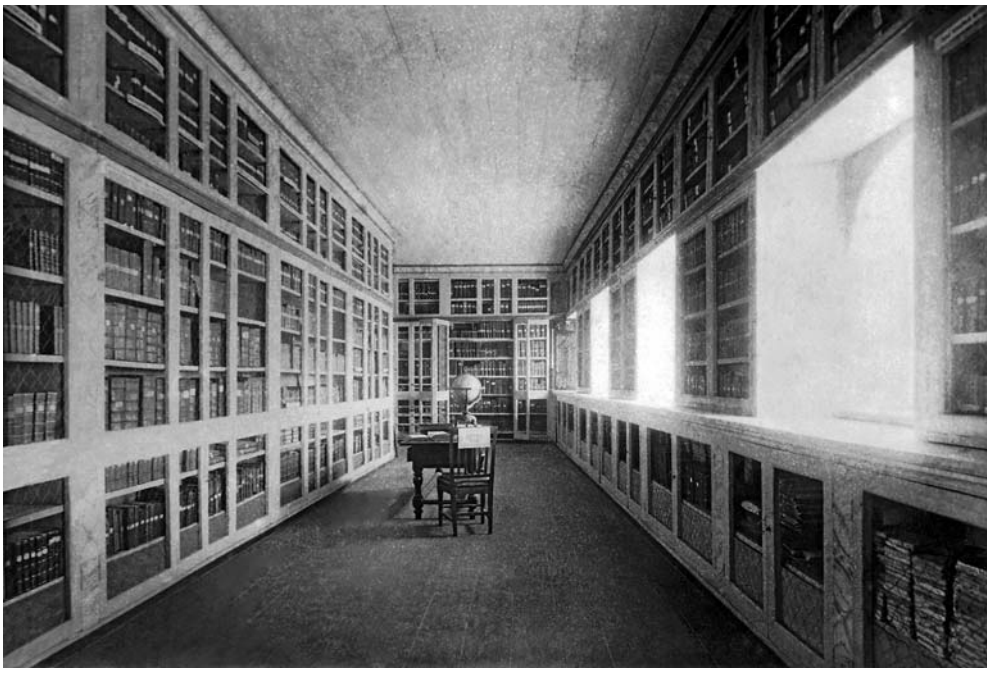
Когда в XVII–XVIII веках рукописные книги из монастырей изымались, Соловецкий, как ставропигиальный, оставил их у себя. Источники пополнения библиотеки расширялись постепенно: сначала это были дары, вклады, поступления из других монастырей, покупка, переписка. Позже книги стали поступать по завещаниям, изыматься у ссыльных.

Из описей XVI века следует, что в начале века книги хранились в монастырской казне вместе с другим ценным имуществом. В описях середины XVI века упоминаются книгохранительные палатки под присмотром специального книгохранителя. К концу XVI века библиотека так разрослась (в описи 1597 г. значится 497 книг, из них 36 печатных), что потребовала специального помещения. С этой целью в 1602 году при перестройке паперти Преображенского собора устроили каменную палату. Согласно описи 1676 года[1] книжные богатства Соловков составляли: 917 рукописных и 526 старопечатных книг, представляющих большую ценность. Позднее книги перенесли в помещение, примыкавшее к ризнице, в 1797 году – на первый этаж ризницы.

В том же году для библиотеки была оборудована небольшая комната со сводчатыми потолками в Нижнем ярусе новой колокольни. Вход в нее был устроен с галереи между колокольней и ризницей. Последнее перемещение произошло в 1846 году в специальное каменное строение над самой галереей, примыкавшее к западной стене колокольни. Древняя часть Соловецкой библиотеки практически полностью сохранилась до наших дней. Это связано с событиями 1854 года, когда обители угрожало нападение английского флота. Распоряжением Синода наиболее дорогие книги вместе с драгоценностями были перевезены в Антониев-Сийский монастырь.

В то время для изучения раскола и борьбы со старообрядчеством в среднем Поволжье Казанский архиепископ ходатайствовал о передаче 406 соловецких книг. Библиотеку в Сии не распаковывали, книги были в ящиках, поэтому ее пере-

[1] РГАДА. Ф.1201. Оп. 1. Д. 555.



Монастырская библиотека. Фото Я. Лейцингера, 1888 г.

дали в Казанскую духовную академию «для отбора требуемых книг» полностью. Драгоценности и только 33 рукописные книги вернулись на Соловки в 1856 году. А в 1858 году решением Синода 1513 томов рукописных и 83 тома старопечатных книг были оставлены в Казани «навсегда». В том числе рукописи Анзерского скита, жития святых, богослужебные и историко-церковные книги («Лавсаик» прп. Зосимы).

Книги Казанского собрания послужили основой для издания журнала «Православный собеседник» и отдельных книг древнерусских писателей Филофея, Иосифа Волоцкого, Максима Грека. В разное время в Казани к ним обращались историки Н. Аристов, В. Ключевский, В. Стасов, Ф. Буслаев. После революции и упразднения Духовной академии Соловецкое книжное собрание перешло в ведение архивов (куда поступили и оставшиеся на Соловках книги). 29 июня 1928 года около полутора тысяч томов из Казани были переданы в Рукописный отдел Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Петербурге и выделены в отдельный фонд, где ведется их постоянное изучение. Досифеевские книги находятся в фондах древнерусских рукописных томов и до сих пор узнаваемы по экслибрису на титульном листе. О Соловецкой библиотеке можно подробнее узнать из книги «Монастырские библиотеки Русского Севера» М. В. Кукушкина (Л.: Наука, 1977) и публикаций сотрудников Пушкинского дома [33-35].

Оставшаяся в монастыре часть библиотеки содержалась в конце XIX века в образцовом порядке: «Каждая книжка за номером, на определенном месте. Есть и исправные каталоги. Книжные шкафы очень удовлетворительны. В библиотеке светло и чисто. Несмотря на то, что из Соловецкой библиотеки много черпали различные ученые уч-

реждения, и до сих пор в ней еще есть книги и бумаги, заслуживающие внимания всякого серьезного русского ученого»[2], – писал в 1899 году инспектор Московской Духовной академии архимандрит Евдоким (Мещерский). Эта часть монастырской библиотеки, по-видимому, была полностью утрачена во время пожара 1923 года.

О ризнице известно, что в 1602 году для нее было сооружено специальное двухэтажное каменное здание. Внизу хранилось ручное оружие, а в сводчатой палате наверху – облачения, церковная утварь и драгоценности. Со временем ризница уже не вмещала всех накоплений, тогда под Никольской церковью была построена новая, с отдельной библиотекой. Помещение второго этажа в 1797 году было расширено за счет объединения с библиотекой, и драгоценности, древние книги, документы хранились в одном месте. Затем в 1831 году к ризнице под церковью пристроили новую палату (445 кв. м). По стенам залы установили застекленные деревянные шкафы с бесценными коллекциями. С восточной стороны была выделена казнохранительница: «На восточной стороне за шкафами в капитальной стене дверь железная, кованая, с внутренним и висячим замками; вторая дверь железная, решетчатая, с висячим же замком, за нею отделение, для хранения принадлежащих монастырю денег и документов» [146, л.168].

Сокровища ризницы, описанные в прежних путеводителях, поражают воображение. К числу древнейших, упомянутых в описи 1514 года, относились: небольшой зазвонный каменный колокол и деревянный потир, сделанные при преподобном Зосиме, резной крест из моржового клыка, железное клепало. Щедро жаловал деньги и вещи Иван IV: часы, кресты, меха, драгоценные ткани, тысячу рублей и «немало серебряной утвари» (1557 г.), один из золоченых серебряных кубков весил более восьми килограммов. По заказу царя в 1562 году в мастерских Кремля изготовили для передачи Соловкам напрестольный золотой крест во здравие царевичей Ивана и Федора. Тысяча сто рублей «в поминовение» замученных новгородцев поступило в 1584 году.

Среди вкладов семьи Романовых были драгоценные церковные облачения, шитые из аксамита, парчи, бархата, атласа. Были вклады необычные, например, переданные в 1647 князем С. Прозоровским: сабля князя Дмитрия Пожарского (пожалованная на упокой души) и палаш воеводы Михаила Скопина-Шуйского, оправленные в серебро с золочением, жемчугом и бирюзою. Сохранилась серебряная кружка соловецкого старца Стефана, бывшего казанского царевича Симеона Бекбулатовича. Также была кружка с крышкой, выполненная в 1774 году холмогорским косторезом О. Х. Дудиным, украшенная шестью круглыми медальонами с портретами правителей России от Петра I до Екатерины II среди причудливых завитков с мелкими цветочками и сквозной резьбой. Остаток дней своих мастер провел в Соловецком монастыре, где скончался около 1785 года, оставив там свою замечательную библиотеку. Книги собирал еще его отец, и с ними был знаком юный Ломоносов.

В ризнице хранились драгоценные облачения: фелони с оплечиями из жемчуга и драгоценных камней. Однако верующее сердце более трепетало при виде простой ризы белого полотна с оплечием из шелковой материи, данной преосвященным Ионой, архиепископом Новгородским, преподобному Зосиме при поставлении его игуменом. «Да Филипп же игумен сыскал Зосимины ризы, в коих сам служил, да вы-

[2] Евдоким (Мещерский), архимандрит. Соловки. Странички из дневника паломника. М., 1900. С.19.

Ризничная палата. Фото Я. Лейцингера, конец XIX в.

чинил, да и подписал на них, кое на чудотворцовы памяти игумены сами служат в них, и учинил их первыми ризами», – писал летописец [40, л. 5]. Сохранилась также риза св. Филиппа камчатной двуличной материи с черным, шитым золотом оплечием.

Кроме вещевых коллекций в ризнице хранилось более пятисот ценных документов, связанных с историей монастыря (в их числе 58 – на пергаменте): жалованные грамоты Ивана III, 7 грамот – Ивана IV, 13 – царя Федора, 4 – Бориса Годунова, 9 – Василия Шуйского, царей Михаила и Алексея – 151, Петра Первого – 61, грамот митрополитов и патриархов – 186.

Ризница обычно посещалась богомольцами после дневной трапезы в сопровождении ризничего монаха и оставалась открытой до двух часов пополудни. По замечанию П.Ф. Федорова, внимание простых людей более всего привлекали «вериги»[3] и железные пояса подвижников. Паломники желали даже надеть их на себя, чтобы хоть на минуту испытать то иго, которое терпеливо, во имя Бога, подвижники носили годами. «Старичок крестьянин примеряет железный пояс, пояс не сходится: “В про-

[3] «Вериги» – параман и крест, выполненные из металла. Параман – небольшой четырехугольный плат с изображением креста и других орудий страдания Спасителя, а также с изображенными на нем словами святого апостола Павла из его послания к галатам: «Аз бо язвы Господа Иисуса на теле моем ношу» (Гал. 6, 17). Он носится на теле под одеждой на четырех шнурах, пришитых по углам. Согласно чину монашеского пострига, параман является символом обручения великого ангельского образа и подъятия на себя благого ига Христова, во исполнение слов Самого Спасителя: «Да отвержется себе, и возьмет крест свой, и последует Ми» (Мк. 6, 34). Вместе с параманом надевается на постригаемого и крест (обычно простой, деревянный) – в воспоминание крестных страданий Господа и в знамение последования Ему в несении своего креста, то есть терпения всех случающихся скорбей и страданий.

шлом году больше не сходился; нужно еще попоститься, помолиться да посбавить грехов, авось-либо и сойдется". За стариком молодая женщина надевает тот же пояс, без всякого труда застегивает его, с чувством делает три земных поклона и затем молчаливо уходит. Многие берут вериги только в руки, желая определить их тяжесть и делая такие замечания: "Да, брат, вот люди-то как спасались"» [91, с.68].

с. 108

В ризнице хранилось также множество икон. Иконное богатство начало складываться на Соловках с XV века. Первую икону Богородицы Одигитрии, по преданию, привез преподобный Савватий. Когда мощи его были перенесены в Соловецкий монастырь, новгородский купец Иоанн пожертвовал образ преподобного Савватия, поставленный в часовне у мощей.

Первое изображение преподобного Зосимы сделал в 1478 году игумен Досифей, знавший его и помнивший его облик[4]. Основу соловецкого собрания икон составили вклады. Так, священноинок Иов дал вкладом «Богоматерь Смоленскую» (1568 г.), митрополит Новгородский Исидор – деисус поясной и пять икон (1607 г. и 1609 г.), Михаил Федорович – икону Вседержителя (1614 г.), царевна Мария Алексеевна – «Успение» (1715 г.), митрополит Филипп Колычев – деисус на трех досках, «Одигитрию», икон на 65 рублей 50 копеек и «свои собственные старинного письма». В числе других – от московских иконописцев Назария Истомина, Карпа Золотарева. В середине XVI века в связи с широким строительством новых храмов привозных икон стало не хватать. Были приглашены новгородские иконописцы, возможно, и московские, заложившие основы местного письма. Постепенно набирались опыта свои мастера, была организована иконописная школа. Подробнее познакомиться с иконописным наследием Соловецкого монастыря читатель может по статье Л. А. Щенниковой [81, с. 199].

В советское время коллекция ризницы была объявлена народным достоянием. 19 мая 1922 года, как только открылась навигация, на Соловки прибыла комиссия по изъятию церковных ценностей в Помгол. Изъятые вещи передавались в комиссию по обезличению и сортировке ценностей, которая превращала церковные реликвии и предметы искусства в лом драгоценных металлов.

Видя это, представители Главмузея 24 мая направили в Москву отчаянную телеграмму: «Предметы 16-17 века не признаются даже спорно. Ликвидируются. Мошков. Адамсон». В ответ на нее из Москвы выехала группа экспертов Главмузея, в которую входили Н. Н. Померанцев, П. Д. Барановский и А. В. Лядов. Прибыв на Соловки 27 мая, эксперты застали уже скомплектованные, но не запечатанные ящики с изъятыми ценностями. «Ризница, считавшаяся одним из лучших музейных собраний, оказалась вся изъятой, за исключением произведений, не имевших большой материальной стоимости… Многие иконы найдены в полуразрушенном состоянии… У иконы митрополита Филиппа, имеющей большое историческое и художественное значение для Соловков, снят чеканный венец 17 века… Кирками оборвана басма на местной иконе "Предста царица"», – констатировал в отчете Н. Н. Померанцев.

[4] В летописи об этой иконе говорится: «Образ Преподобных отец Зосимы и Савватия в сребропозлащенном окладе; на нем вставлено 18 пластинок жемчужных; писан 1478 года, в первый год по преставлении преподобного Зосимы, игуменом и учеником его Досифеем» [17, Ч. I, с. 295].

Эксперты Главмузея характеризовали работу комиссии Помгола как акт вандализма по отношению к существующему исключительному по своей цельности и значению музею древнерусского искусства и культуры, каковым является бывший Соловецкий монастырь. Они настаивали на пересмотре ценностей, но получили категорический отказ. Удалось добиться только распоряжения ВЦИК о вывозе в Москву в Оружейную палату всех изъятых на Соловках музейных ценностей. Благодаря упорству сотрудников Главмузея, и прежде всего Н. Н. Померанцева, 1 декабря 1922 года в Оружейную палату поступило 332 предмета из соловецких ценностей, которые составили основу так называемого Церковного отдела.

Восстанавливая целостность коллекции, музейные сотрудники целенаправленно разыскивали известные предметы из Соловецкой ризницы в Гохране и добивались их передачи в музеи. В результате Н. Н. Померанцев атрибутировал 488 соловецких вещей (кроме грамот), спасенных им и его коллегами от уничтожения. Памяти подвижников отечественной культуры, сохранивших реликвии Соловецкого монастыря, была посвящена выставка, организованная музеем-заповедником «Московский Кремль» в 2001 году [87].

23 ноября 1923 года в помещении ризницы «открылся серый занавес с нашитой на нем белой соловецкой чайкой, символом весны и свободы». Ризницу отдали под лагерный театр, соорудили подмостки и скамьи на 400 человек[5].

В 2006 году в помещении ризницы была открыта экспозиция Соловецкого музея-заповедника «Ризницы Русского Севера». На примере Соловецкой ризницы авторы экспозиции убедительно показали, что монастырские ризницы и церковно-археологические кабинеты были настоящими церковными музеями, сохранявшими и экспонировавшими богатые коллекции церковно-исторических реликвий [85, вып.3, с. 205]. В XIX веке Соловецкая ризница представляла собой специально приспособленное помещение с мощными кирпичными стенами и коваными железными дверями, предохраняющими от пожаров. Все вещи надежно хранились в специальных застекленных шкафах, тщательно описывались во вкладных книгах и описях, ветхие предметы при необходимости поновлялись.

Уничтожение монастырей по идеологическим причинам нанесло серьезный урон русской культуре: действительно, в течение всего советского периода под давлением господствующей идеологии музейные работники должны были отделять культуру от культа, подрубая корни дерева, от которого ожидали плодов. В настоящее время монастырь и музей объединяют усилия по сохранению святынь и историко-архитектурных памятников Соловецкого архипелага.

[5] В 1926 году театр был переведен в помещение общей трапезной.

Глава 12

КАМЕННЫЕ КЕЛИИ XVII–XIX ВВ. – ЭВОЛЮЦИЯ МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ

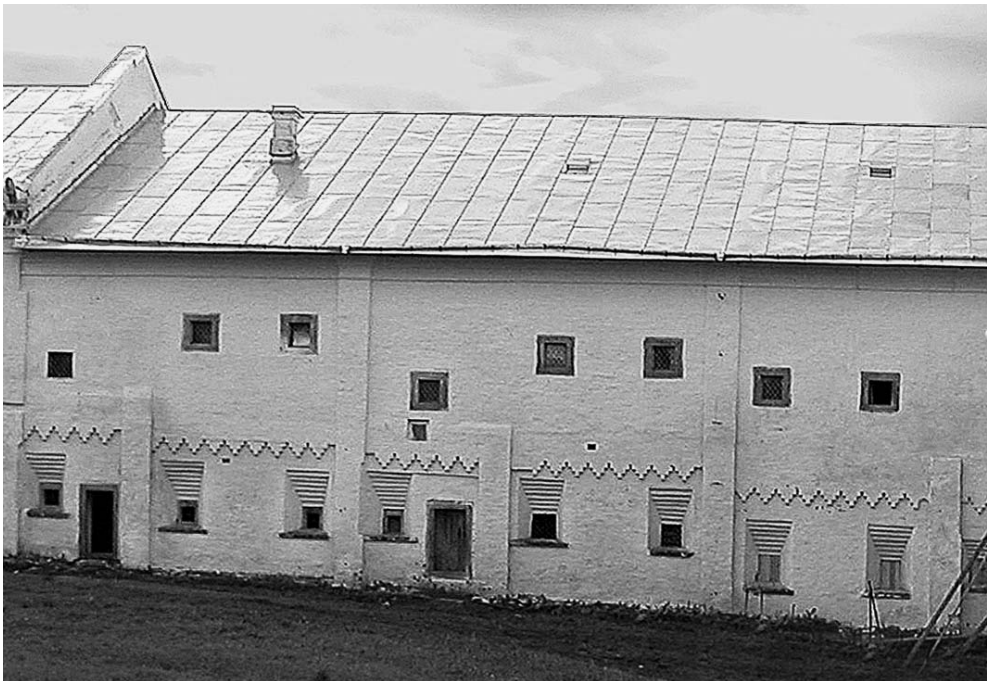
К 1553 году стараниями игумена Филиппа по периметру центрального дворика монастыря устраиваются деревянные келии в виде замкнутого прямоугольника с проездными воротами [9, с.24]. При этом площадь монастырского двора была увеличена почти вдвое, чтобы освободить место для строительства нового каменного соборного храма.

С начала XVII века на месте деревянных келий стали возводить каменные двухэтажные. К 1641 году в монастыре была 51 каменная келия и 10 деревянных. Спустя пятьдесят лет последние две деревянные келии, принадлежавшие настоятелю, были заменены каменными [9, с.201].

На примере отреставрированной части Святительского корпуса можно представить, как выглядела келейная застройка в XVII веке. Корпус был одноэтажным. Под обрезом тесовой кровли по фасаду протянут «городок» – декоративный поясок, состоящий из треугольных кирпичных выступов. Он прослеживается также на Благовещенском и Наместническом корпусах. «Городок» по ребру обводился красно-кирпичной краской.

Глубокие ниши окон имеют ступенчатый верхний откос, чтобы достаточно света проникало через небольшое оконце. Кирпичный подоконник не белился. В колодные оконницы была вставлена слюда. Снаружи окна закрывались деревянными ставнями на фигурных кованых жиковинах. Вертикальные выступы на фасадах – лопатки – выявляют внутреннюю структуру здания: к каждой келии примыкали теплые сени, куда выходило и устье печи. Из теплых сеней одна дверь вела в холодные сени и в подсобные помещения (дровяной, нужный и другие чуланы), а вторая дверь выходила непосредственно на улицу. Так устроена открытая для посещения келия в Святительском корпусе. С подробнейшим описанием разных типов келий, предметов обихода, принципов расселения монашествующих можно ознакомиться по монографии В. А. Бурова [9].

Попробуем представить, как протекала монашеская жизнь в этих келиях. Суть монашеской жизни – подражание ангельскому служению: «ангельское дело – молитва, молчание, почитание книжное, апостольское житие, безимение, рукоделие, последняя нищета» [99, с. 95]. Иноческая жизнь подразумевает обращенность души



Святительский корпус

к Богу. А для этого необходимо внимание, безмолвие и тишина, ибо Бог не в громе и в буре, а в тихом веянии ветра, «во гласе хлада тонка». Поэтому в наставлении иноку говорится: «да бывает ти житие, и хождение, и седение, и глаголание тихо. В келию же подобает входити тихо, и вон исходити такоже. И скрыпания двернаго не любити, и колодицею поклонною не гремети, да не смутится сердце брату, живущему воскраи келии твоея. И аще случится помести келию, то тихо и безмолвно, ангельский бо образ прияхом, безмолвное житие. А келию ти, брате, имети чисту, пометену всегда. Аще, брате, у инока келия чиста, то и душа чиста» [99, с. 95].

Келия инока – образ обители небесной, место нынешнего подвига и место будущего покоя. «Аще хощеши обрести покой, и здесь и везде, о всем всегда себе зазирай[1], и не осуждай никого же, не уничижи, не укори, не оклеветай, не похули никого же; и даст ти Бог покой. И будет ти седение, еже в келии, без мятежа и без печали. И тако прочее время седи в келии своей, и келия твоя научит тя всему добру. И буди, яко мертв, не осуждая и не угождая человекам, и славы от них не приемли» [99, с. 104].

Каждая келия имела отдельный вход и представляла собой обособленную пустыньку, в которой, согласно общежительному уставу, размещались от одного до четырех насельников[2] или старец (более опытный в духовной жизни монах) и 2-3

[1] Всегда во всем себя обвиняй.

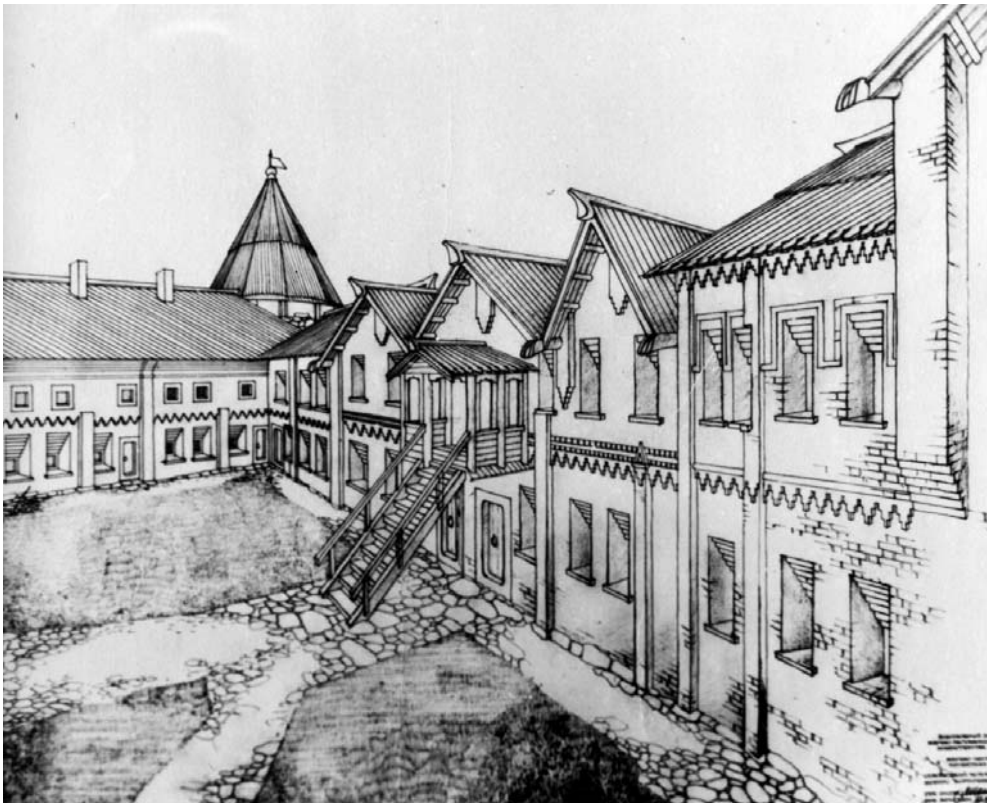
[2] По данным В. А. Бурова, в XVII веке только 6% монахов жили в келиях по одному, 24% – по двое, а 70% – по четыре человека [9, с.201].

ученика. Через совместное жительство со старцем-наставником обеспечивалась преемственность духовного опыта. По совершении пострига игумен избирал «старца духовного житием велика, и свята, и искусна житию иноческому» и передавал ему новопостриженного инока от Святого Евангелия (как из рук Божиих). И говорил ему игумен с молением: «Приими, господине, Бога ради, себе, яко сына духовного, и направи его на путь спасения, и научи, яже сам твориши о спасении души своея»[3]. Под руководством старца ученик постепенно усваивал «чин келейный» и «чин монастырский». Правило келейное давалось старцем ученику «по силе», так как в уставе указания по поводу келейного правила отсутствуют. Поэтому, согласно «преданию старческому»: келейное правило «деется от своего произволения, как кто возлюбит Бога, но толико твори его по благословению» [99, с. 114].

Монашеское делание рассматривалось как «наука из наук», «художество духовное» – особое ремесло, для овладения которым необходим навык. В монастырских рукописях XVII века встречаются подробные инструкции для новоначальных: как стоять в церкви («на молитву ходити к началу, аще можеши, к стене ти ся не приславнивати, не говорити праздных слов, говорити «Господи помилуй» во едино слово»[4]); как вкушать трапезу («а смотрети пред собою, и быть довольным тем, что есть, а не припрашивати, не взяти бы больше другого брата пищи или пития, и от своего урока воздерживаться всею крепостию, никако же бы чреву угождати»); и даже как разжигать печь, чтобы не угореть («нагревая келию свою, носи углие вон из печи и чад добре спущай. Таков бо суть угар, обимет спящего инока и смерть бывает»). Заканчиваются все эти наставления словами: «Занеже, брате, всему тому наук», – то есть, все умения приобретаются через навык. О главном же навыке старец Геронтий писал: «Подобает во общем житии быти сомжарив[5] очи, и уши затокши, и отнюд нему быти. Аще не тако, то многа истязания достойни будем» [99, с. 104].

Чем были вызваны перестройки келейных корпусов в XVIII-XIX веках? Рост материальных и финансовых возможностей монастыря, расширение контактов с внешним миром, расцерковление общества в целом повлекли за собой обмирщение уклада монастырской жизни. Вследствие этого участились, а затем вошли в систему нарушения отдельных положений общежительного устава. Манатейные монахи расселяются по одному человеку в келью. Проблема увеличения числа жилых помещений решалась за счет надстройки келейных корпусов вторыми и третьими этажами. Корпуса перестраивались по коридорной системе, которая диктовала более социализированный способ взаимоотношений. В XVII веке, например, существовал специальный чин о приходе брата к брату в келию: «Егда идеши ко игумену или к брату коему, не дошед келии, покашляй и приступи с тихостию. А брату, пришедшу ко твоей келии, не открой все оконце, но прежде услыши глас его, мало отверзи ему, да не все лице твое видит». Ломалось трепетное бережное отношение к внутренней жизни инока. Ломались своды древних келий и делались накатные бревенчатые потолки. Растесывались окна под большие застекленные рамы. Изменились и эстетические вкусы. XVIII-XIX столетия были

[3] И научи тому, что сам делаешь для спасения души своей.
[4] Одновременно с другими.
[5] Зажмурив (закрыв) глаза.



Благовещенский корпус (реконструкция О. Д. Савицкой)

временем исправления «неправильной русской архитектуры»: уничтожался декор, менялись кровли, разбирались за ненадобностью внешние крылечки и лестницы. Наглядным примером в этом отношении может служить Благовещенский корпус, примыкающий с юга к надвратной церкви.

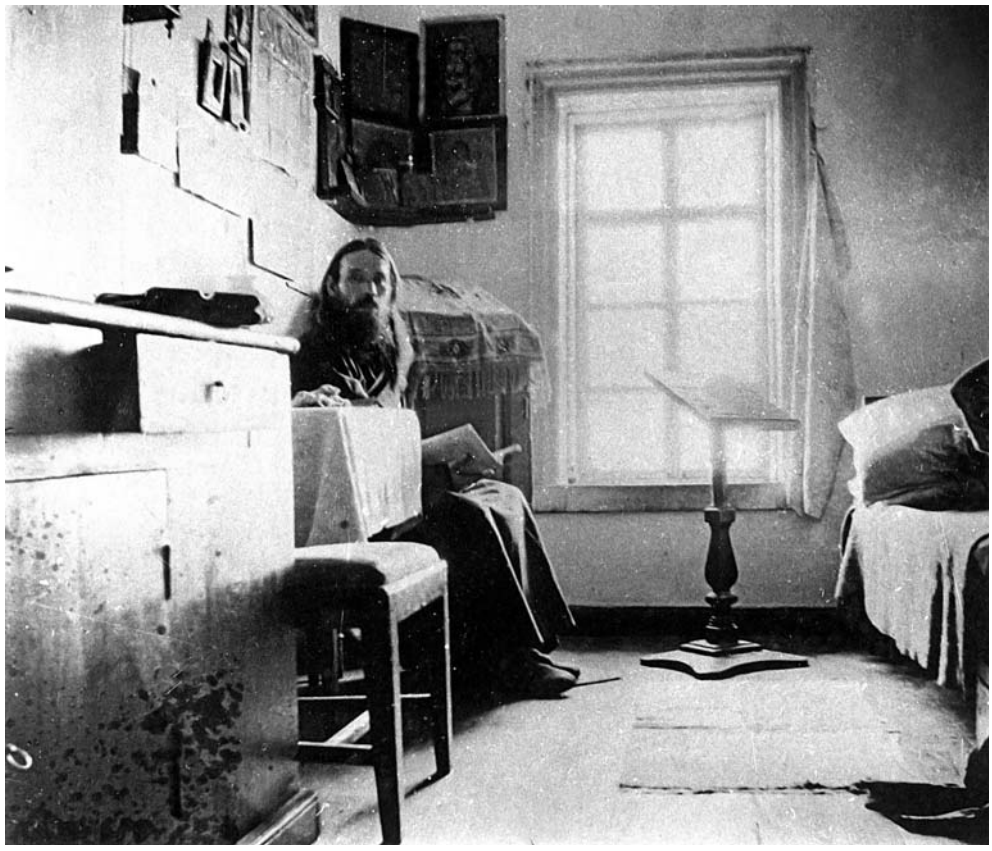
Первоначально, в XVII веке, Благовещенский корпус, в котором размещались гостиничные кельи, был двухэтажным. Его южная и северная части были крыты двускатной тесовой кровлей. Средняя часть – тройным щипцом. На крыльцо второго яруса вела деревянная лестница. В ходе позднейших переделок были сбиты лопатки на фронтонах центральной части, наполовину сбиты лопатки, делящие фасад на прясла, растесаны и смещены по фасадам окна, уничтожены крыльцо и лестница, частично сбит «городок» и замазан «поребрик», заложены входные двери первого яруса. Многие из этих «усовершенствований» достаточно хорошо прослеживаются при взгляде на здание. В конечном итоге оно было обезличено «в новейшем вкусе» и обрело черты типичной казенной постройки. То же можно сказать и о большинстве других келейных корпусов.

Келейный быт конца XIX века скрупулезно описан П. Ф. Федоровым: «Все монашествующие имели свои отдельные келии, отличающиеся одна от другой только величиной и отчасти обстановкой, – и келия и обстановка давались от монастыря даром по усмотрению начальства и по заслугам данного лица в пользу обители…

Монашеские келии отличались простотой, отсутствием роскоши. Стены и потолки всюду оштукатурены и побелены мелом; полы не крашены (красить позволялось за свой счет). Высота обыкновенно 4 аршина (284 см). Для образца я опишу двухоконную иерейскую комнату, каковых имеют человек 80. При входе, шагах в двух от входной двери, с одной стороны стоит высокий платяной шкаф, одним боком прислоненный к стене, а дверцами обращенный к выходу, с другой – печь, всегда имеющая в комнату выступ, так называемую лежанку, покрытую деревянной доской, под которой устроено два или три выдвижных ящика. Один ящик служит для хранения углей, другой – для спичек и лучины; третий, если есть, не имеет определенного назначения), в него кладется всякая мелочь: ненужные бумажки, тряпки, нитки, иголки и т. д. На лежанке стоит обыкновенно маленький самоварчик; иногда для помещения его в стенке печки делается специальное углубление. В верхней части печи, близ наружной стены, виднеется маленькое отверстие, в которое вставляется изогнутая под тупым углом самоварная труба, обыкновенно никогда не вынимаемая, так что если бывает нужно поставить самовар, то он только подвигается под эту трубу. Зимой труба вынимается, и отверстие закрывается крышкой, чтобы "не было сквозного воздуха от окон". Пространство между платяным шкафом, лежанкой и дверью представляет как бы маленькую прихожую, в которой, кроме самовара на лежанке, имеется медный умывальник со стержнем, подталкиваемым к верху во время умывания, а под ним, на табурете медный таз.

У некоторых умывальный прибор помещается в особом маленьком шкафчике или в том же платяном шкафу, в особом отделении.

Минуя полутемную маленькую прихожую, мы вступаем в настоящую комнату, где, прежде всего, бросается в глаза, в простенке между 2-мя окнами, аналой с несколькими книгами на нем; в числе книг есть непременно "следованная псалтирь" и молитвенник, реже часослов, какая-либо другая богослужебная книга и Евангелие. Для предохранения от пыли все эти книги закрыты платком, а у иереев – епитрахилью. Пред аналоем, на стене – масса различной величины икон, перед которыми висит лампадка. В последней горит по праздникам масло, покупаемое на собственные деньги. В одном из передних углов стоит небольшой столик, на который кладется монашеский клобук и, если монах любит читать, книги для чтения, чаще всего Четьи Минеи, соч. Иоанна Лествичника, Кассиана Римлянина и т. д. Другой, большой стол, для чаепития и других занятий приставлен к середине боковой стены, а против него, в противоположной боковой стене приставлена кровать, имеющая обыкновенно форму дивана с высокой спинкой, прислоненной к самой стене. Спинка и ручки койки-дивана сделаны из толстых прямых досок, перпендикулярных к поверхности сиденья и при том герметически с трех сторон его окружающих, так что со стороны стены холод ни в каком случае не может проникать до тела спящего. Тюфяков, пуховых подушек, одеял не полагается никому из живущих в монастыре, но приобретать эти разнеживающие тело предметы не воспрещается. Обыкновенно на монашеской кровати лежит простой войлок, одетый в холщовую белую наволочку, никогда не сменяемую, а потому почти всегда грязную; в изголовье – довольно жесткая подушка из оленьей шерсти. Спят монахи или совсем открытые, или же прикрываясь верхней одеждой. Некоторые наиболее зажиточные старцы "из грешной любви к своей плоти" (конечно, на свои



Келия инока. Фото начала XX в.

деньги) имеют – кто тюфяки, кто одеяло, весьма многие – пуховую подушку, а некоторые мягкое кресло и даже диванчик. Впрочем, последние две вещи встречаются весьма редко, в виде исключения – кроме начальствующих, может быть, найдутся человек у 4. Близ большого стола стоит обыкновенно два стула с простым деревянным сиденьем или, гораздо реже, с жестким кожаным.

В одной из боковых стен каждой келии сделано четырехугольное углубление, имеющее одну или две полки и плотно, в уровень со стеной, снаружи затворяющееся дверцами, так что углубление представляет маленький шкафчик, куда монахи помещают чайную посуду, все чайные принадлежности, рюмку, спиртное, сласти и т. д. Все эти предметы покупаются на свои деньги и имеются у каждого сколько-нибудь зажиточного монаха, конечно, не непрерывно весь год, а по временам, в зависимости от состояния финансов и отчасти от времени года, напр., зимой спиртного часто нельзя достать ни за какие деньги. Дверцы шкафчика снаружи побелены одинаково со стеной, так что присутствие его не сразу заметно. Кроме этого шкафчика, каждый монах имеет в коридоре другой хозяйственный шкаф, в котором хранятся собственные продовольственные запасы, как-то: булки, пироги, крендели, сушки, соленые палтус и семга, реже свежая рыба, а иногда и спиртное.

Стены келии у каждого монаха обязательно украшены теми или другими картинками, чаще всего видами Соловецкого монастыря, а также других обителей, далее лубочными изображениями страшного суда Господня и тому подобными духовно-нравственными картинами, наконец, фотографическими карточками своих собратов, мирских родственников, знакомых, а также хромолитографированными портретами царской фамилии.

Далее в каждой монашеской кельи вы непременно услышите тиканье стенных часов; монахи особенно ценят боевые часы с кукушкой. Некоторые имеют даже двое стенных часов, а многие – стенные и карманные, несмотря, по-видимому, на полную их ненужность: утром монаха будит звонок будильника, а в продолжение дня сильные удары соборного колокола призывают его к исполнению обязанностей, да кроме того, на колокольне имеются большие часы, колокольный бой которых с разными музыкальными трезвонами через каждые полчаса ясно слышен всем в обители. Очевидно, часы удовлетворяют в монахе потребность видеть вокруг себя в келье хоть какое-нибудь движение, жизнь, а не гробовое молчание.

Окна некоторых монашеских келий украшены горшками с цветами и комнатными растениями. Для меня было большою неожиданностью встретить во многих келиях термометры.

Вся келейная мебель самой простой, грубой, весьма прочной работы сделана и делается в монастыре по одному, раз установленному, шаблону и покрыта однообразной масляной серо-желтой краской.

Остается упомянуть еще об одной вещи, обыкновенно стоящей пред входом в келию, именно, о большом медном, внутри луженом кувшине, называемом в Соловках почему-то “курганом” и служащим для приноса воды» [91, 156–159].

На соборную площадь монастыря выходят окна большинства келейных корпусов: Настоятельского, где к северу от Благовещенской церкви размещались покои настоятеля, Казначейского, Наместнического, где в настоящее время проживает большая часть братии монастыря, Квасоваренного, Поваренного и Просфорного, где прежде размещались и впоследствии будут находиться соответствующие службы и помещения для людей, состоящих при данном хозяйственном деле.

За алтарем Спасо-Преображенского собора располагается Новобратский корпус, где размещается дирекция Соловецкого музея-заповедника. С южной стороны к нему примыкает Прачечный корпус, переоборудованный под фондохранилище музея. К церкви святителя Филиппа с западной стороны примыкает Святительский корпус, где находятся монастырская ризница и гостевые келии. В Благовещенском корпусе размещаются музейные фонды. В настоящее время в Настоятельском, Казначейском, Квасоваренном и Поваренном корпусах ведутся реставрационные работы.

Между гранитными дорожками центрального двора произрастал сад из рябиновых, черемуховых деревьев и кустов сирени. Деревья были обнесены деревянной оградкой. В настоящее время на монастырском дворе разбиты цветочные клумбы и посажен декоративный кустарник.

Глава 13

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ ЮЖНОГО И СЕВЕРНОГО ДВОРИКОВ

Уже во второй половине XVI века с южной стороны от четырехугольника келейной застройки Соловецкого монастыря сформировалась зона хозяйственного назначения – южный дворик. Здесь находились амбары для хранения зерна, сушило и водяная мельница.

Деревянные постройки были уничтожены пожаром 1601 года, но вскоре возобновлены, причем мельница отстроена в камне. Первоначально она состояла из двух корпусов, соединенных галереей. До наших дней сохранился только южный корпус. В XVII веке в его нижнем ярусе стояло два жернова, в верхнем – один жернов, толчея и подсевальня. После реконструкции 1828 года в мельнице действовало уже четыре постава, толчея и была устроена сукновальная машина. Последнее по времени усовершенствование относится к 1908 году, когда водяные колеса были заменены более мощной водяной турбиной. Чтобы подвести воду к мельнице, еще в XV веке был устроен открытый канал. В 1836 году русло канала было выложено толстыми сосновыми брусьями, между которыми был проложен войлок, пропитанный смолой и залитый варом. По сторонам канала были сделаны валунные простенки, во многих местах превышающие рост человека, а под стенами сооружений (мельницы, солодовни, под крепостной стеной) – выложены булыжные своды. Длина канала составляет более 100 метров.

Мельница соединена с сушилом каменной галереей, которая архитектурно включена в общий объем здания и находится под одной с ним кровлей. Декоративное убранство второго яруса галереи состоит из кирпичного орнамента в виде каплеобразных подвесок на парапетах и ямок на постаментах колонн; круглые колонны обведены двойным валиком, а восьмигранные – поясами небольших фронтончиков; арки обрамлены полукруглыми архивольтами. Выкрашенные в темно-красный цвет элементы декора контрастировали с чистой побелкой основных объемов и плоскостей стен, что придавало постройке нарядный праздничный вид.

На том же канале повыше мельницы находилась портомойня (существующее ныне здание построено в конце XIX – начале XX в.), где «мылось стремлением воды опускаемое в нее на крючках белье». В 1825 году портомойня была приведена «в лучшее состояние устроением в ней с трубою печи, способной к со-

Мельница

греванию утвержденного в ней медного котла с краном, в который поднимается холодная вода посредством помпы» [17, с. 18]. При портомойне находилась также келия для послушников. К юго-западу от мельницы расположена братская баня, построенная в 1851–1859 годах из необработанного валуна. Оконные проемы выполнены из кирпича.

Вдоль юго-восточного прясла крепостной стены расположен Прачечный корпус, который состоит из трех разновременных частей (их границы достаточно четко читаются на фасадах). Наиболее ранняя – северная – часть здания построена в конце XVII века (тогда она была одноэтажной, и в ней размещалась солодовенная служба). Центральный участок сооружен в XVIII столетии. Южная пристройка появилась в XIX

веке. В корпусе размещались «бучейня» (прачечная) с сушильней над нею и келии послушников.

В северном дворике можно познакомиться с архитектурными особенностями построек XVII века и проследить, как менялся их облик при позднейших перестройках.

О трансформации иконописной палаты, построенной в 1615 году, в тюремный замок, а затем в монастырскую больницу с церковью в честь иконы Божией Матери «Утоли Мои Печали» сказано выше в главе 9.

Следующая по времени постройка – кожевенный склад (1619 год). Первоначально в нем хранились выделанные кожи. С 1827 по 1885 год в этом здании располагалось караульное помещение: в верхнем этаже была комната офицера, цейхгауз (оружейный склад) и магазин (продовольственный склад). В настоящее время используется в качестве склада.

Чоботная (Портная) палата была построена в 1642 году. В XVII веке в ее верхнем ярусе (одностолпная палата) находилась швейная мастерская, в нижнем — квартиры «рубашечных швалей», то есть учеников-«недорослей», и караульщиков Никольских ворот. В конце XVIII – начале XIX века в верхнем ярусе были устроены слесарные и плотницкие мастерские, внизу — кладовая для «разных изделий». Этому зданию реставраторы вернули первоначальный вид.

Рухлядный корпус был построен в конце XVI – начале XVII веков. На втором этаже находилась одностолпная палата, где хранилась «рухлядь» – одежда и обувь, выдаваемые по потребностям братии. В подвальном помещении был рыбный амбар. В XIX веке на первом этаже были устроены погреба для кожи и ворвани; на втором и третьем – граверная мастерская и кельи.

Корпус между Иконописной и Чоботной палатами был построен в 1906 году. На первом этаже находились кухня-буфет и столовая; на втором были помещения для врачебного персонала; на третьем – келии священнослужителей и операционная. После реставрации в 2005 году в этом корпусе расположены гостиницы для священнослужителей и келии для монастырских трудников.

Глава 14

СОЛОВЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ

Когда северные рубежи России оказались под угрозой нападения шведов, по указу Ивана IV Грозного, подтвержденному грамотой его преемника царя Федора Иоанновича, на Соловках началось строительство государевой крепости. На начальном этапе (1582–1583 гг.) строительством руководил каменных дел мастер из Вологды Иван Михайлов. Затем работы возглавил соловецкий монах Трифон (Кологривов), талантливый зодчий, построивший позднее Благовещенскую церковь (1601 г.) и каменные переходы центрального комплекса (1602 г.).

Крепостные стены сложены из необработанных валунов, в изобилии встречающихся на Соловках. Валуны подвозили к месту строительства поздней осенью или ранней весной по малому снегу и льду на санях и волокушах. Архимандрит Досифей писал, что некоторые валуны весят до 700 пудов (более 11 тонн). По-видимому, с помощью системы блоков и рычагов камни поднимали на стены, перекатывая по земляным насыпям и настилам из досок. При этом самые крупные валуны старались поместить в нижней, наиболее широкой части стены. Пустоты между валунами забутовывались битым камнем и кирпичом и заливались известковым раствором. Кирпич применяли только в случае необходимости: из него, например, сделаны своды печур – бойниц для пушек в нижней части стены – и выложены верхние бойницы на галерее боевого хода, устроенной по всему периметру крепости. Галерея покрыта двускатной тесовой кровлей, которая с внешней стороны опирается на валунную кладку стены, а с внутренней – на кирпичные столбы. Парапет с внутренней стороны галереи также выложен из кирпича. Башни венчаются тесовыми кровлями в виде шатров.

В основном крепость была построена с 1582 по 1596 год. Натурные исследования дают основание предполагать, что крепость строилась отдельными участками не по периметру, а одновременно с двух наиболее опасных с точки зрения штурма сторон – с севера и с юга. По-видимому, сначала была возведена северная часть крепости от поварен до Сельдяных (Рыбных) ворот и южный угол от Прядильной (Стратилатовской) башни до Сушила и далее до середины юго-восточной стены. На втором этапе были возведены Прядильная и Архангельская башни и закончено юго-восточное прясло стены; затем была выстроена западная часть стены, включая Успенскую (Арсенальную) башню и Святые врата; на последнем этапе было достроено прясло между Успенской башней и Сельдяными вратами [75, с. 18]. В пользу такого поэтапного возведения крепости свидетельствует наличие

Пушки в Прядильной (Такелажной) башне

швов в каменной кладке основного массива стен. Самую очевидную границу разновременной кладки можно видеть вблизи Сельдяных ворот.

Соловецкая крепость относится к типу регулярных крепостей, рассчитанных на активную круговую оборону с использованием артиллерии. Поэтому отличительными чертами крепости являются: равномерное распределение по периметру боевых башен и их значительный вынос за плоскость стен, прямые прясла стен большой толщины при относительно малой высоте, наличие бойниц подошвенного пушечного боя.

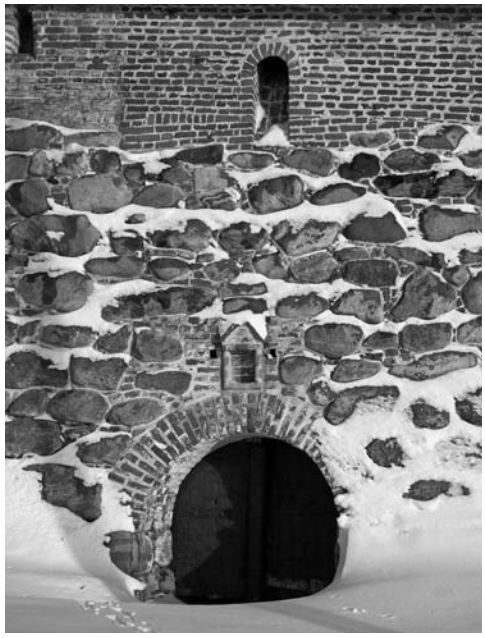
Общая протяженность стен Соловецкой крепости по внешней стороне составляет около 1200 метров, толщина у основания достигает 5–7 метров, а на уровне боевого хода – 3–5 метров [75, с. 30]. Высота стен зависит от рельефа местности. Так, высота северного прясла достигает 11 метров, а восточного – около 8 метров, высота валунной кладки башен – от 12 до 17 метров, а вместе с шатром, покрытым тесом, – до 30 метров.

Стены имеют два яруса бойниц. Верхний ярус предназначался для ведения ружейного огня. Пушки устанавливали в башнях или в печурах подошвенных бойниц на лафетах и специальных срубных конструкциях. Кроме того, над проездными воротами и в местах примыкания стен к башням устроены бойницы навесного боя[1], позволявшие вести огонь по неприятелю, находившемуся у подножия стен.

Цв. вкл. I, с. 16

В плане крепость имеет форму вытянутого с севера на юг пятиугольника, напоминающего корабль, по углам которого размещены круглые боевые башни: Архангельская, Никольская, Корожная, Прядильная, Белая. Западное пряс-

[1] Наклонные бойницы можно рассмотреть над входом в Никольскую башню, над Святоезерскими вратами, справа и слева от Архангельской башни.



Участок стены с Сельдяными (Рыбными) вратами

Никольская башня со стрельницей, на которой видны бойницы косого боя

ло, обращенное к морю, укреплено Успенской башней. На Святое озеро выходит пристенок с двумя башнями – Поваренной и Квасоваренной. В башнях и стенах устроено одиннадцать ворот: три – в угловых башнях – Никольской, Корожной и Белой; далее – семь ворот непосредственно в пряслах стен, – Сельдяные, Святые, Сушиленные (заложены), Архангельские, Святоезерские, ворота пристенка – Поваренные и Квасоваренные, а также Никольские, переделанные в начале XX века из пушечной бойницы.

с. 402

Прямым и широким был только главный вход в монастырь – Святые врата. В XVII веке они были оформлены пристройкой, от которой остались только расписанные «ромбом» опорные столбы в виде фигурных бочек. По обе стороны от входной арки размещались торговые лавки. В 2006–2010 гг. были восстановлены открытые кирпичные арки между стеной и столбами и деревянное покрытие в виде полуцилиндра.

Над Святыми вратами восстановлен кирпичный кивот, в котором до закрытия монастыря находился чудотворный образ Спаса Нерукотворного, написанный преподобным Елеазаром Анзерским в 1621 году.

Сведения, касающиеся строительства крепости, были высечены на плитах и составляют как бы каменный летописец. Надпись на плите, вмонтированной в стену слева от Святых врат, сообщает: «По указу государя Царя и Великого князя Феодора Иоанновича построена кругом монастыря доселе существующая каменная крепость для защиты обители от нападения иноплеменников на монастырскую сумму, собранную с береговых монастырских вотчин по плану Соловецкого монаха Трифона, строение продолжалось 12 лет под смотрением Воеводы Ивана Яхонтова».

Пушечные бойницы второго и третьего ярусов Архангельской башни (перекрытие между ярусами сгорело во время пожара)

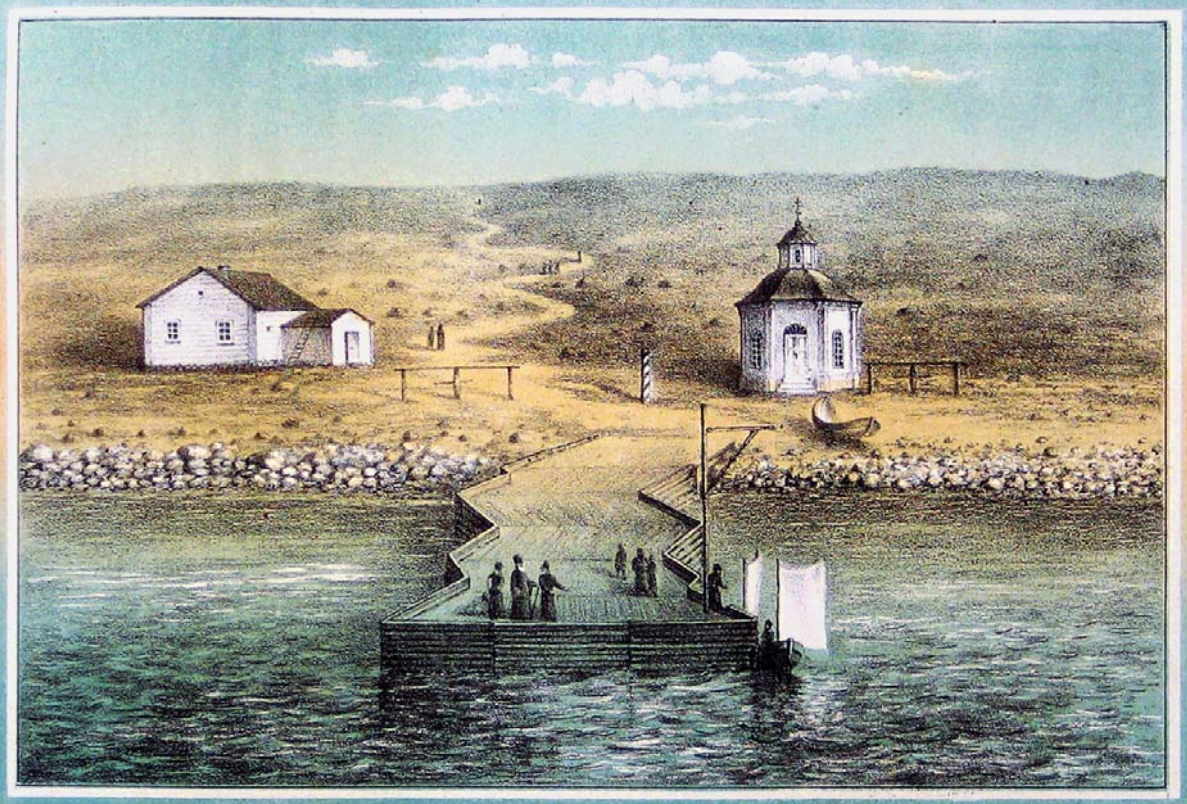
Надпись на плите, помещенной у выхода с паперти Благовещенской церкви на обходную галерею стены подводит итог строительства: «Крепостная стена вокруг 509 сажень, с 8 башнями и 8 воротами. Внизу с амбразурами для пушек».

Надпись на стене справа от Святых врат свидетельствует о том, что монахи более надеялись на покровительство Божие, чем на мощь крепостных стен: «Сей образ Спаса и Господа нашего Иисуса Христа написан тщанием и усердием основателя Анзерского скита преподобного Елеазара чудотворца. Во времена нападения на обитель англичан в 1854 году сей образ перенесен и поставлен здесь, над Святыми вратами, в защищение и спасение обители от врагов видимых и невидимых».

Помимо массивных кованых ворот с деревянной основой вход через Святые врата перекрывался еще опускной кованой решеткой – герсой. Здесь толщина стены достигает 7,5 м.

Остальные проездные ворота первоначально были устроены в башнях «коленом», т.е. имели в плане Г-образную форму. Пример таких проездных ворот можно видеть в нижнем ярусе Никольской башни. Наружная и внутренняя арки проезда расположены под углом 90°, причем наружная арка расположена не на фасадной, а на боковой стороне башни. Наружная арка дополнительно укреплена стрельницей с тремя бойницами косого боя, направленными к подножию башни и блокирующими непосредственные подступы к воротам. Все это делало ворота неуязвимыми для артиллерийского огня и живой силы противника. Когда военной угрозы больше не предвиделось, для удобства проезда была растесана ближайшая пушечная бойница.

Внутреннее устройство круглых боевых башен Соловецкой крепости рассмотрим на примере Белой башни, которая замыкает крепость с южной стороны.



Монастырский причал на мысе Кеньга. Лит. Черепанова, 1884 г.

Высадка паломников на мысе Кеньга

Основатели Свято-Троицкого скита на Анзерском острове: игумен Иринарх и преподобный Елеазар. Фрагмент росписи церкви Благовещения

Поклонный крест в Елеазаровой пустыни

Явление Пресвятой Богородицы преподобному Елеазару

Часовня прп. Елеазара, восстановленная на месте его пустынной келии в 2005 г.

Пустынь преподобного Елеазара. Келия. Часовня. Лит. Черепанова, 1884 г.

«Ничто так душу не очищает и не возводит к Богосозерцанию, как пустыня и безмолвие». Из наставлений преподобного Елеазара

Часовня в честь иконы Божией Матери «Знамение»

Икона прп. Елеазара. XXI в.

Свято-Троицкий Анзерский скит. Лит. Черепанова, 1884 г.

Скитоначальник иеромонах Георгий преподносит в дар Святейшему Патриарху Кириллу икону «Видение прп. Елеазару Нерукотворного образа Спасителя»

Свято-Троицкий Анзерский скит. 2012 г.

Церковь Воскресения Христова у подножия г. Голгофа. Интерьер

Скитское кладбище за алтарем церкви Воскресения Христова

Явление Божией Матери
и прп. Елеазара прп. Иову.
Икона, XXI в.

Освящение престола церкви Распятия Господня на г. Голгофа. 24 августа 2008 г.

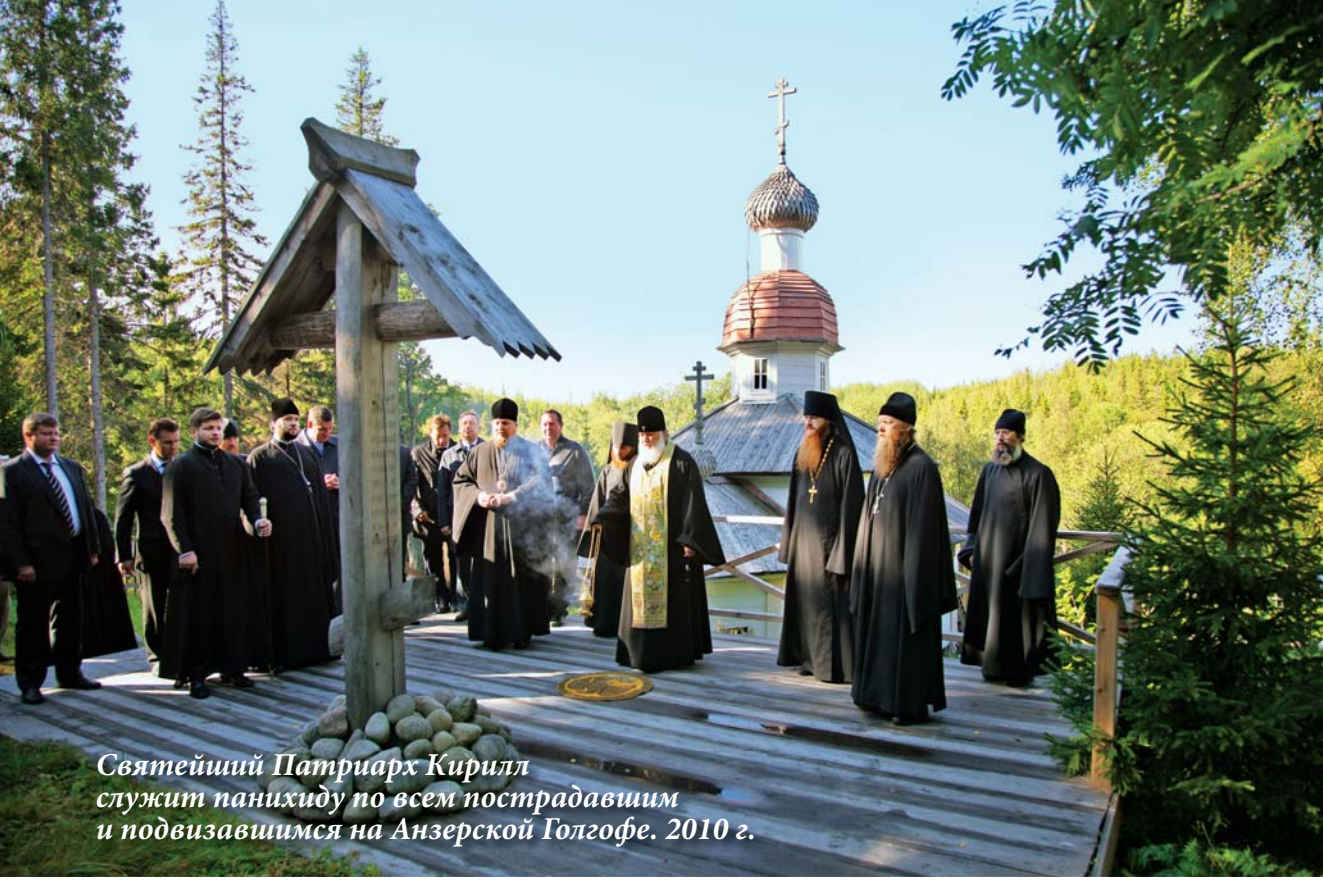
Церковь Распятия Господня, 1990-е годы

Церковь Распятия Господня, 2008 г.

Голгофо-Распятский скит, 2008 г.

Богослужение в день памяти сщмч. Петра, архиепископа Воронежского. 17 июня 2011 г.

Обретение мощей сщмч. Петра, архиепископа Воронежского. 17 июня 1999 г.



Святейший Патриарх Кирилл служит панихиду по всем пострадавшим и подвизавшимся на Анзерской Голгофе. 2010 г.

Береза, выросшая в форме креста на г. Голгофа

Гефсиманский сад

Поругание у Пилата

«Стены и своды Голгофского храма были покрыты живописью, изображавшей всю историю Страстей Господних, начиная с взятия Его под стражу в Гефсиманском саду, допроса у Каиафы, суда у Пилата и кончая Его крестной смертью… Помимо своего прямого значения эти фрески как бы пророчески символизировали судьбу анзерских страстотерпцев нашего поколения:

Сщмч. Петр (Зверев),
архиепископ Воронежский

Сщмч. Аркадий (Остальский),
епископ Бежецкий

Несение Креста

Воскресение

ведь каждый соловчанин и каждая соловчанка прошли через все эти стадии: арест, допросы, суд приговор. Каждый нес свой тяжелый крест, многие, кончая этот крестный путь здесь, на анзерской новой Голгофе, страданием и смертью искупали свои грехи…»

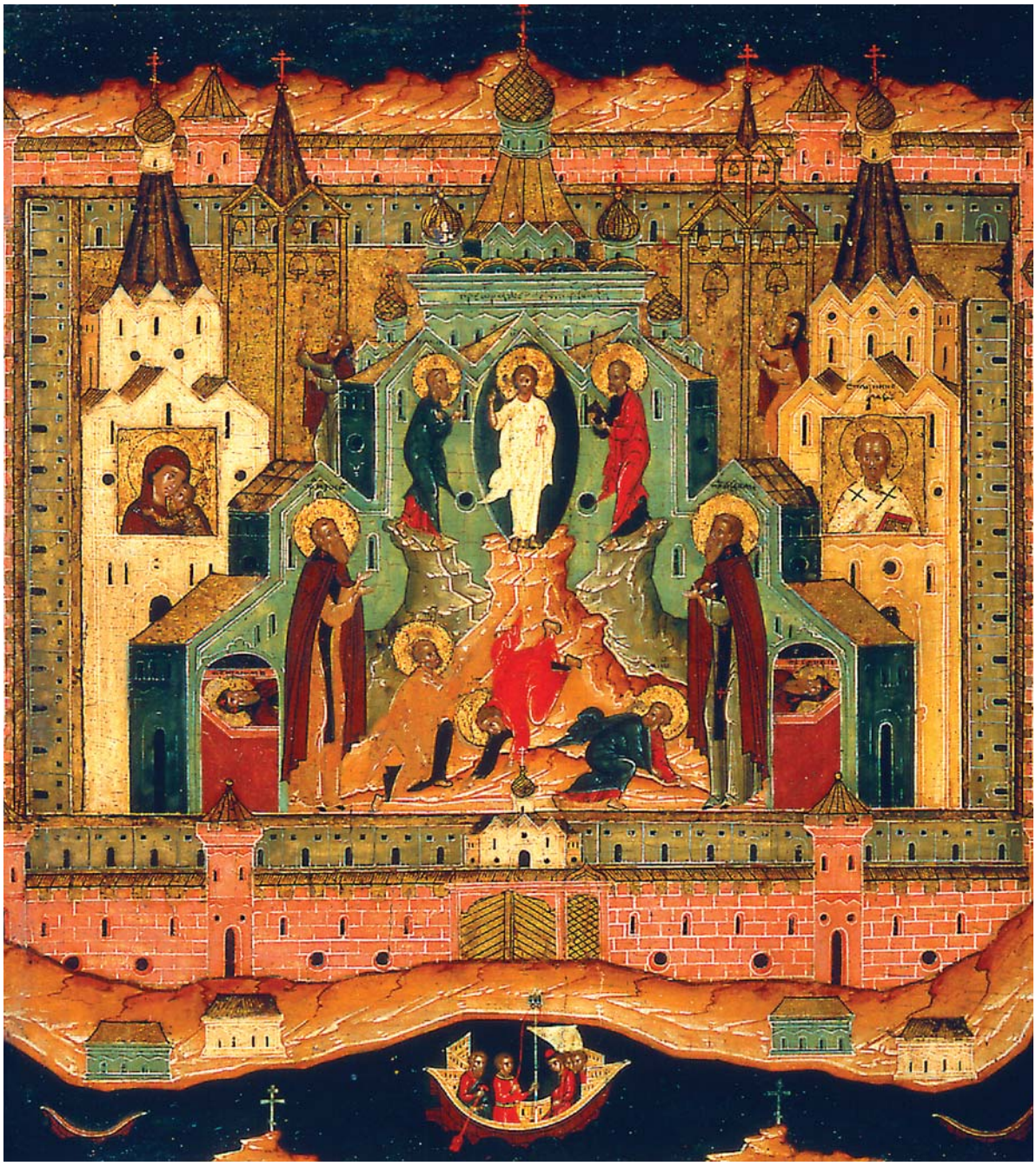
Ольга Второва-Яфа.

Сщмч. Серафим (Самойлович), архиепископ Угличский

Ольга Второва-Яфа

Соловки, 1924 г. Ссыльные священнослужители. 1-й ряд: о. Алексей Шишкин, архиеп. Митрофан (Гринев), архиеп. Иларион (Троицкий), митр. Евгений (Зернов), архиеп. Захария (Лобов), о. Павел Чехранов. 2-й ряд: о. Симеон Краснов, о. Илия Пироженко, о. Алексей Трефильев, о. Петр Фалевич, о. Владимир Вологурин

Икона Собора новомучеников и исповедников Соловецких, XXI в.



Икона Преображения Господня. Соловецкий монастырь. XVII в.

«О ты – горний, грядущий Иерусалим! Не одно исстрадавшееся, облитое кровью, сердце бьется великою верою в твое пришествие. Не один грустный взгляд измученного устремляется в синюю, бездонную высь, следит за серебристо-белыми облаками, словно испытуя, где сверкают стены этого града, где стоят купола его, где зыблются и шепчут, зеленеют и цветут благоуханные сады Эдема»[58, с.5]

Сушило

Она выложена с уменьшением внешнего диаметра по высоте и имеет четыре яруса. Перекрытия из бруса между ярусами положены на мощные балки, закрепленные в гнездах валунной кладки. Перейти с одного яруса на другой можно было по деревянным лестницам, а для подъема с помощью лебедок орудий и боеприпасов в центре настила каждого яруса был устроен большой прямоугольный люк.

Для установки артиллерийских орудий в толще стен трех нижних ярусов сделаны печуры – глубокие сводчатые ниши. Амбразуры пушечных бойниц выходят на фасады малозаметными квадратными оконцами. В боковинах печур крепились блоки или металлические кольца, через которые продевались укрепленные на пушечных лафетах канаты, служившие для наката орудий к амбразуре после выстрела. Для хранения пороха и свинца в боевой обстановке в толще стен устроены сводчатые камеры. Бойницы четвертого яруса предназначались для ведения огня из стрелкового оружия. Поверх деревянного настила верхнего яруса уложен кирпичный паркет – в целях противопожарной безопасности.

Круглые башни Соловецкого монастыря примерно на 60–70% своего объема вынесены за стены. Это позволяло из крайних амбразур защищать огнем прясла крепостной стены. Все было устроено очень продуманно и с архитектурно-художественной, и с фортификационной точек зрения. Зодчие Иван Михайлов и Трифон Кологривов с помощниками создали неприступную крепость.

Однако в начале XVII века были предприняты дополнительные усилия для укрепления обороноспособности монастыря. При сооружении восточной стены крепости здания поварни и квасоварни оказались встроенными в нее. Неукрепленные стены зданий ослабляли боеспособность крепости, поэтому в 1614–1621 годах был

Каземат под сушилом, использовавшийся для содержания узников

возведен закрывающий их пристенок с двумя башнями и двумя воротами, получившими названия расположенных за ними служб. Надпись на плите, вмонтированной в кирпичную кладку стены около северных ворот пристенка, рассказывает о продолжении строительства: «Построен этот каменный пристенок при игумене 30 Иринархе Святом в 1621 году, спустя 37 лет по строении стены вокруг монастыря. Надпись сия сделана в 1854 году при Архимандрите Александре».

Также и сушило, примыкающее к Белой башне, было обстроено валунными стенами. Сушило было построено в середине XVI века рядом с мельницей, которая действовала на канале, протекавшем из Святого озера в море. Для просушки перед помолом зерно рассыпалось в одностолпной палате с теплым каменным полом, под которым располагались сводчатые камеры с печами. Тепло, как и в Трапезной палате, поступало по специальным каналам в толще стен. Здесь, в случае дождливой погоды, могли также сушиться сети, одежда и т. п. В 1614–1621 годах западный и южный фасады здания, остававшиеся за пределами крепостных стен, были обнесены валунной кладкой. Во время Соловецкого восстания 1668–1676 годов на сушиле были прирублены «роскаты» (деревянные стены) и установлены пушки. Таким образом, сушило, задуманное и возведенное как хозяйственная постройка, в силу необходимости стало элементом крепости. Впоследствии в нижнем ярусе сушила были устроены три каземата для содержания узников в печурах пристроенных валунных стен. В систему оборонительных сооружений Соловецкого монастыря входили также два сухих рва, прорытых с «приступных» – южной и северной – сторон крепости. Северный ров хорошо сохранился до наших дней.

Глава 15

ЧАСОВНИ ВОКРУГ МОНАСТЫРЯ

15.1. ФИЛИППОВСКАЯ ЧАСОВНЯ

Каменная восьмигранная часовня во имя святителя Филиппа была построена с северо-западной стороны от монастыря на берегу морского залива в память об отправлении с сего места святых мощей святителя Филиппа в царствующий град Москву 8/22 июня 1652 году.

Цв. вкл. II, с. 12

Внутри часовни находилась памятная доска со следующей надписью: «По указу царя Алексея Михайловича, в 1652 году было перенесение мощей святителя и чудотворца Филиппа, митрополита всея России, игумена Соловецкого, из Соловецкой обители в Москву митрополитом Никоном в сопровождении царского боярина князя Хованского, и бояр служилых и множества богомольцев; на этом месте совершено последнее моление и прощание со святыми мощами, и рака была поставлена на ладью; здесь была тогда пристань. Усердие братии и народа было так велико при прощании, что многие от слез умиления изнемогали на этом месте; плач и рыдание наполняли воздух и потрясали чувства всех. В честь и память святителя Филиппа на этом месте была часовня деревянная, а в 1857 году, по распоряжению настоятеля архимандрита Александра с братиею, поставлена каменная. В эту часовню ежегодно, в неделю всех святых, бывает крестный ход из обители со святыми мощами святителя Филиппа, коих три частицы отделил Никон в утешение сетующей братии» [50, с. 107].

В 1989 году часовня была передана для богослужений Соловецкой религиозной общине. По благословению епископа Архангельского и Мурманского Пантелеймона 2 июля 1989 года часовня была освящена игуменом Германом, и на ней был установлен крест. Таким образом, с этой часовни началось духовное возрождение Соловецкой обители. В 2004–2005 годах в часовне закончены реставрационные работы, проведенные на средства М. О. Поваляева. В часовне находится колодец.

15.2. ИОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКАЯ ЧАСОВНЯ

Цв. вкл. II, с. 16

Таборская часовня, освященная во имя святого Предтечи и Крестителя Иоанна, расположена к северо-востоку от монастыря, в районе аэропорта. Название Таборская она получила, по-видимому, потому, что на этом месте сто-

ял лагерь стрельцов воеводы Мещеринова. Деревянная часовня была выстроена стрельцами «на том самом месте, где погребены убитые и умершие из войска», осаждавшего монастырь.

В 1854 году по распоряжению архимандрита Александра часовня возобновлена в камне. В плане она восьмиугольная с круглым деревянным световым барабаном на купольной кровле. «Крыша и глава покрыты железом и выкрашены масляными красками – крыша зеленою, глава желтою. Входные двери с западной стороны – деревянные, створчатые, глухие – окрашены масляными красками. Над ними снаружи икона Св. Иоанна Предтечи... Окон внизу – 4, в фонаре – 4 и над дверью одно полукруглое, во всех рамы деревянные со стеклами. Пол настлан белою каменною плитой, внутри ее мерою 7 аршин, на восточной стороне иконостас столярной работы с полуколоннами» [146, л.261 об.]. Во весь иконостас – восьмиконечный крест с резным Распятием и с пространной надписью о мятеже Соловецком, зачинщиками которого прямо называются князь Львов и беглые разинцы со своими начальниками Фаддейкой Кожевниковым и Ивашкой Сарафановым.

Часовня поставлена на гробах павших здесь 112 царских воинов, о упокоении которых архимандритом Александром установлено совершать панихиду 22 января и 29 августа.

«Иисусе Христе! Молитвами Святаго Иоанна Предтечи даждь верным сынам нашего отечества, убиенным и зде погребенным, в день праведного своего воздаяния живот вечный и венцы нетления. Аминь» [50, с. 111].

15.3. ПЕТРОВСКАЯ ЧАСОВНЯ

Петровская часовня была выстроена при архимандрите Фирсе на месте большого деревянного Креста, поставленного на берегу бухты Благополучия по приказанию Петра I в память о его пребывании в Соловецком монастыре 7–10 июня 1694 года и 10–15 августа 1702 года.

Согласно летописцу: «Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержец, прииде от города Архангельска в обитель Соловецкую помолитися со всем своим царским синклитом на яхте и с Холмогорским епископом Афанасием. И изволил отбыть к Архангельскому городу июня 10 дня» [40, л.21].

Цв. вкл. II, с. 16

Часовня была возобновлена тщанием архимандрита Геннадия 25 августа 1758 года и украшена внутри картинами исторических деяний сего великого государя. Каменная восьмигранная часовня выстроена в 1855 году. Посещение Петра I было чрезвычайно важно для монастыря, так как он тем самым восстановил статус царского богомолья, утраченный во время Соловецкого сидения.

После советского запустения часовня восстановлена при наместнике Спасо–Преображенского монастыря архимандрите Иосифе и при директоре Соловецкого музея М. В. Лопаткине специалистами художественно-промышленной академии СПб. на средства Товарищества Северного морского пароходства и освящена в 2001 году Святейшим Патриархом Алексием.

Петровская часовня у дока

15.4. КОНСТАНТИНОВСКАЯ ЧАСОВНЯ

Каменная Константиновская часовня, расположенная к северу от монастыря у Петербургской деревянной гостиницы, построена при архимандрите Димитрии в 1844 году в память посещения Соловецкого монастыря великим князем Константином Николаевичем[1].

«16 июня в 7 часов утра Великий Князь, прибыв в монастырь, посетил молебен в Зосимо-Савватиевской церкви, слушал литургию в Преображенском соборе, после литургии был в братской трапезе и осматривал обитель со всеми

[1] Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) – второй сын императора Николая Павловича. Император Николай с детства определил его для службы во флоте, и уже в 1831 году он был назначен генерал-адмиралом, начав, вместе с тем, проходить лестницу морских чинов. С 1855 года он управлял флотом и Морским ведомством на правах министра. Первый период его управления ознаменовался целым рядом важных реформ: прежний парусный флот был заменен паровым, был сокращен личный состав береговых команд, упрощено делопроизводство по делам Морского ведомства, раньше всех других ведомств во флоте был положен конец господству телесных наказаний. В состав служащих в морском министерстве были привлечены новые, по преимуществу интеллигентные, силы; многие видные русские писатели, как Гончаров, Писемский, Григорович, Максимов, в эту пору состояли служащими в этом министерстве или исполняли его поручения.

Цв. вкл. II, с. 16

ее хозяйственными заведениями; на другой день 17 числа в 6 часов утра ездил в скиты: Троицкий и Голгофо-Распятский на Анзерском острове. Возвратясь оттуда в 4 часа пополудни, после молебна в Преображенском соборе, Великий Князь отправился в Архангельск» [30, с.145].

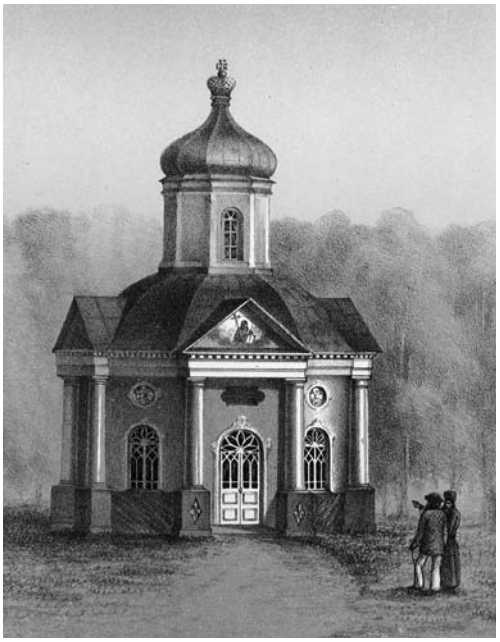
Часовня посвящена святым равноапостольным царям Константину и Елене. Часовня в плане восьмиугольная, сложена из кирпича, крыша крыта листовым железом (в XIX веке крыша была выкрашена зеленою краскою, глава — желтою краскою). В четырех фронтонах располагались треугольные иконы: Господа Саваофа, Архангела Михаила, Святителя Николая и Святой Княгини Ольги. В часовне 4 окна, вход с западной стороны. В круглом деревянном барабане — также 4 окна прямоугольной формы. По углам фасады часовни украшены лопатками, под карнизом — декоративный ряд «сухариков». Пол выстлан белыми каменными плитами. В фонаре «во весь потолок икона круглая, на ней написан Спаситель до пояса с благословляющею рукой».

В часовне на большом кресте собственноручно Его Императорское Высочество великий князь Константин Николаевич изволил выбить медными гвоздями следующую надпись: «К. Н. 16 июня 1844». [50, с. 107]

15.5. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЧАСОВНЯ

Александровская часовня, каменная, у монастырской пристани близ Святых ворот, построена в 1858 году в память Высочайшего посещения Соловецкой обители императором всероссийским Александром Николаевичем (1818–1881, на престоле с 1855 года).

«20 июня 1858 года в 11 часов утра Государь прибыл к Соловецкому острову. Архимандрит Александр, бывший во время осады настоятелем обители, в 1857 году рукоположенный во епископа Архангельского, сопровождал Государя Императора и встречал его вместе с управляющим Соловецкою обителью настоятелем Сийского монастыря архимандритом Мелхиседеком. Государь, отстояв молебствие у рак преподобных и приняв иконы, преподнесенные ему и для Государыни Императрицы, осматривал поврежденные выстрелами иконы и, увидев на иконе Страстей Спасителя пробоину от выстрела, Государь изъявил желание, чтоб этот знак, на память потомкам, остался незаделанным. Выйдя на площадь внутри обители и осмотрев сложенные в виде пирамид неприятельские ядра и бомбы, Государь взошел на крепостную стену и, обойдя ее, посетил оружейную, из которой пожелал получить несколько древних бердышей для принца Виртембергского и своих детей; осматривал гостиницу за монастырем, наиболее пострадавшую от бомбардирования; ездил на береговые батареи, заходил в часовни: Константиновскую, устроенную в память посещения монастыря Великим Князем Константином Николаевичем, и Иоанно-Предтеченскую, воздвигнутую на могиле царских воинов, павших во время Соловецкого мятежа, и потом в обители посетил ризницу, где обратил особенное внимание на царские грамоты, а затем — Успенский собор, братскую трапезу и воинские казармы и арестантские помещения, и при этом некоторым заключенным оказал милость. На другой день



Александровская часовня.
Литография Черепанова, 1884 г.

в половине пятого утра Государь был уже за литургиею в церкви преподобных, поклонившись мощам преподобных Германа и Иринарха в их часовнях и посетив усыпальницу Святого Филиппа, возвратился на пароход. Там архимандрит Мелхиседек поднес Государю Императору икону для Государыни Императрицы Александры Феодоровны, хлеб, соль и рыбу. В 6 часов пароход отплыл от острова. Царские щедроты и предшествовали, и сопутствовали высочайшему посещению обители, впервые увидевшей монарха после Петра I. Еще в 1856 году от Государыни Императрицы Александры Федоровны присланы в обитель на поминовение Императора Николая I золотые, весом 12 фунтов — потир, дискос, звездица и тарелочки. 20 июня 1858 года в день своего прибытия Государь Император от себя и от Государыни Императрицы пожаловал золотую лампаду к раке преподобного Зосимы, покров, шитый по бархату золотом, на раку преподобного Савватия и 2000 рублей на построение придельного храма во имя Св. Князя Александра Невского. Впоследствии было прислано от монарших щедрот пять парчовых священнических облачений и четыре диаконских с одеждами на престол и жертвенник. В 1860 году доставлен в обитель колокол в 72 пуда, отлитый в Ярославле на заводе Чарышникова, из украшений, бывших на гробе Императора Николая I. На колоколе изображена Соловецкая осада. Колокол повешен на колокольне, устроенной в ограде обители и освященной в 1863 году» [30, с.169–170].

Часовня посвящена святому благоверному князю Александру Невскому. Она восьмиугольная в плане, с четырьмя фронтонами, каждый из которых поддерживается двумя круглыми колоннами. Стены оштукатурены и побелены. На барабане устроена главка в форме стилизованной императорской короны с крестом. Крыша восьмигранная купольная, крыта листовым железом (в XIX столетии была выкрашена в зеленый цвет, корона и крест позолочены). В треугольных фронтонах росписи масляной живописью: Спас Вседержитель, Знамение Пресвятой Богородицы, Святой Благоверный Князь Александр Невский, Святитель Николай, преподобные Зосима и Савватий. Вокруг часовни пониже карниза надпись крупными буквами из торжественного псалма Давидова в честь царя: «Господи, силою Твоею возвеселится царь и о спасении твоем возрадуется зело… Яко царь уповает на Господа, и милостию вышняго не подвижится… Вознесися Господи силою твоею, воспоем и поем силы твоя» (Псал. 20).

Входные двери — с западной, северной и южной сторон (створки дверей были до половины застеклены). Внутри часовни на восточной стороне был иконостас с четырьмя колоннами столярной работы, окрашенный лаковыми красками с золоченой резьбой, в нем иконы святых, тезоименитых Императорскому дому. В центре были помещены иконы святых покровителей Государя и Государыни: святого благоверного князя Александра Невского и святой равноапостольной Марии Магдалины. По сторонам находились две большие иконы одинакового размера: с северной стороны на одной иконе были изображены архистратиг Михаил, царь Константин, князь Владимир, святители Николай и Алексий, преподобный Сергий Радонежский и юродивый Николай Новгородский, с южной стороны – царицы Александра и Елена, княгиня Ольга, великомученица Екатерина, мученица Вера, праведная Анна [146, л.252 об.].

Часовня получилась, по выражению архимандрита Порфирия, «истинно царская. Хороша снаружи, еще лучше внутри. Ни один богомолец, кажется, не пройдет мимо. Каждому хочется зайти и помолиться в ней о здравии батюшки-Царя: "Спаси Господи доброго Царя нашего за это милостивое призрение дальней святой обители нашей, которая иным и на ум не приходила"»[2].

15.6. ЦАРСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ И ЗНАМЕНСКАЯ ЧАСОВНЯ НА МОНАСТЫРСКОМ ДВОРЕ (РАЗРУШЕННЫЕ)

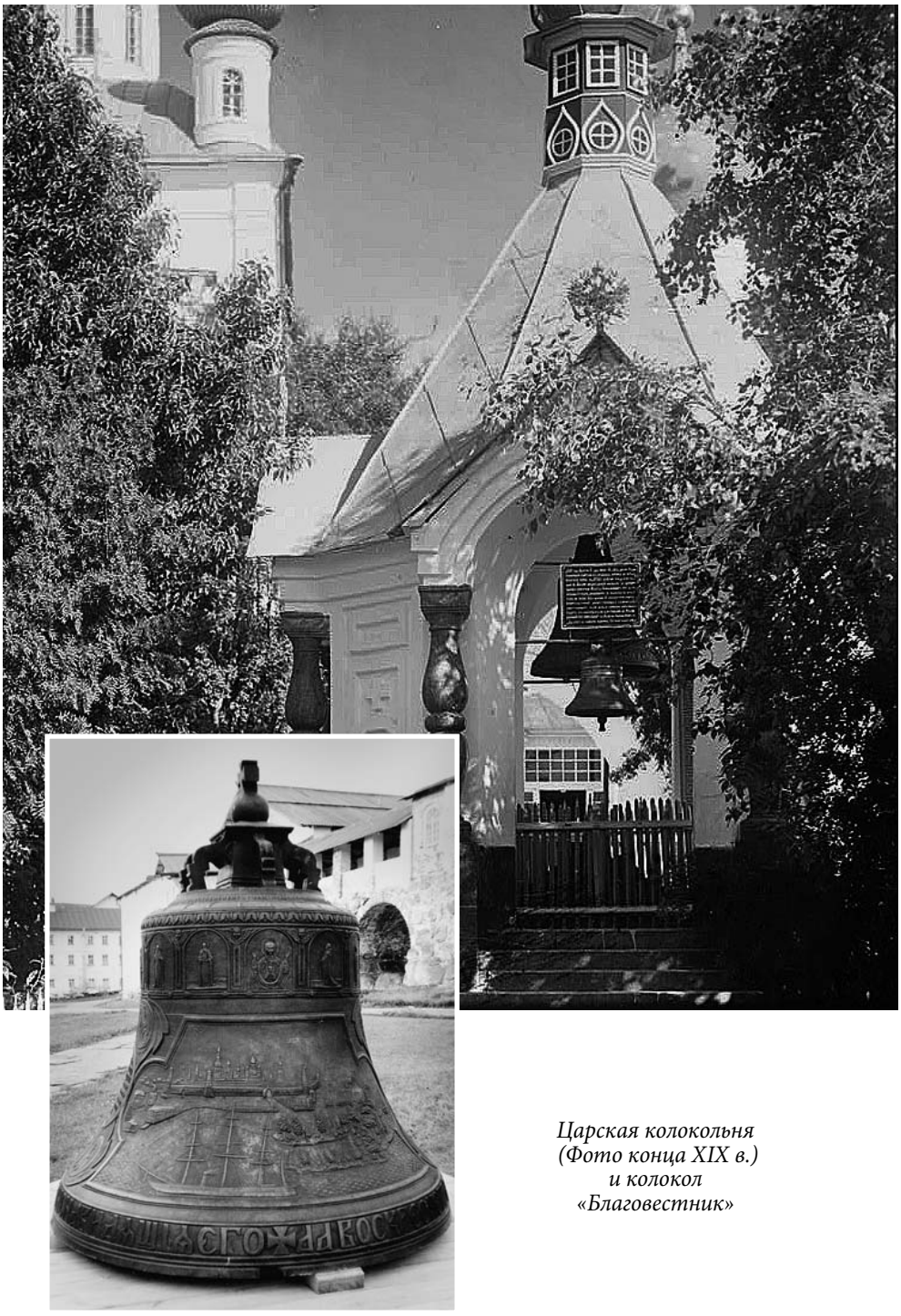
В 1862–1863 годах справа от дороги, ведущей от Спасо-Преображенского собора к Святым вратам, была построена царская колокольня, не сохранившаяся до настоящего времени.

Она представляла собой крытый листовым железом шатер на четырех столбах. Столбы стояли на гранитном постаменте. Шатер венчался восьмигранным глухим барабаном и главкой с крестом. Высота до креста — около 7 метров. В колокольне был подвешен 72-пудовый колокол, дарованный Императором Александром II в память о войне 1854 года и отлитый в 1859 году на заводе Чарышникова в Ярославле. Под колоколом на чугунном постаменте в виде пирамиды были выложены чугунные ядра и бомбы, собранные в обители и вокруг нее в 1854 году после бомбардировки монастыря англичанами. Близ пирамид стояли две маленькие пушки, из которых стреляли во время обороны от англичан. Ничего из этого не сохранилось.

Сам же колокол «Благовестник» ныне находится почти на месте часовни у восточного фасада Настоятельского корпуса. Колокол венчается «Державой»[3], покоящейся на четырехскатной крыше, которую поддерживают восемь проушин. Верхняя часть колокола украшена двумя декоративными поясками колокольчиков, под которыми в широком поясе изображены: икона Божией Матери «Знамение», поверх лика которой изображен след от удара неприятельского ядра; справа от Нее и далее по часовой стрелке: преподобный Зосима, преподобный Герман, преподобный Иринарх, святейший Никон Патриарх (единственное сохранившееся его изображение как местночтимого Соловецкого

[2] Странник. 1865. Сент. Отд. V. С. 29.

[3] Сфера с крестом – знак царской власти.



Царская колокольня (Фото конца XIX в.) и колокол «Благовестник»

святого с нимбом), святитель Николай, Преображение Господне, святый благоверный князь Александр Невский, святитель Филипп, преподобный Иисус Анзерский[4], преподобный Елеазар Анзерский, преподобный Савватий. Изображения небесных заступников Соловецкого монастыря разделены изображениями херувимов.

В средней части колокола изображен вид Соловецкой обители с фрегатами на море, бомбардировавшими ее. По сторонам два клейма с надписями: «Дарован сей колокол Благочестивейшим Государем Императором Александром Николаевичем в Богохранимую Соловецкую обитель» и «В лето от Р. Х. 1856, повелением Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича отлит бысть сей колокол из бронзовых украшений, бывших в Санкт-Петербургском Петропавловском соборе при погребении тела в Бозе почившаго Императора Николая I».

В пространной надписи с противоположной стороны от изображения обстрела излагается вся история чудесного избавления от англичан: «Дивен Бог во святых своих. Лета 1854, июля в день 6-й, при настоятеле архимандрите Александре, два английские паровые 60-ти пушечные фрегаты "Бриск" и "Миранда" подошли к Соловецкой обители, и один из них сделал несколько выстрелов по монастырю ядрами, после которых из двух монастырских шестифунтовых пушек отвечали так удачно, что повредили фрегат и заставили удалиться. На другой день 7-го июля, после отказа сдать монастырь и отдаться военнопленными, оба фрегата 9 часов безпрерывно бомбардировали бомбами, гранатами, картечью, даже трехпудовыми каленными ядрами, и, несмотря на то, заступлением угодников Божиих, обитель осталась цела. До начала и во все время бомбардирования шла служба и был крестный ход, во всем церковном благолепии, по стенам вокруг всей обители; когда поднялся ход на стену, во время пения "дерзайте убо, дерзайте людие Божии", усилились неприятельские выстрелы, дрожали монастырские стены, затрещала на них деревянная крыша, огненные шары насквозь ея прорывали и с потрясающим шумом неслись над главами шествующих; ядра или падали на землю, ударяясь в стену братских келий, или, пролетая насквозь кельи, все в них разрушали; смерть была на волос от каждого, и – о, чудо явное! – во все время ни один человек не только не убит, но и не ранен, даже из бывших на монастырском дворе птенцов чаек ни один не убит; в довершение, ядро последнего вражеского выстрела пролетело насквозь соборной стены над западными вратами, поверх лика иконы Знамения Божией Матери, благоволившей принять сию рану за обитель, как и сын Ея за весь мир. После сего выстрела все прекратилось, на другой день враги со стыдом удалились. По отзыву самих врагов, от количества брошенных снарядов могли быть разрушены не только малая, безоружная обитель, но шесть больших городов, что и сами они сознали явным чудесным покровительством Божиим». Вокруг колокола внизу надпись: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его и да бежат от лица Его ненавидящие Его».

В конце XIX века в южной части центрального дворика перед Святительским корпусом была построена деревянная Знаменская часовня. В часовне хранился список иконы «Знамения» Божией Матери, пробитой английским ядром в 1854 году. Часовня ныне не сохранилась.

---

[4] Он же упоминается и как преподобный Иов Анзерский (в схиме Иисус). В XIX веке считался местно чтимым Соловецким святым, а в 2000 году после обретения его нетленных мощей (11 июня 2000 г.) прославлен общероссийским прославлением.

15.7. ВАРВАРИНСКАЯ ЧАСОВНЯ

Часовня во имя святой вмц. Варвары, деревянная, крестообразная, была построена в 1857 году в трех верстах от монастыря при морской губе, называемой Долгой.

Вблизи часовни был построен причал для перевоза в дальние скиты на остров Анзер и на остров Муксалма. В часовне находилась надпись следующего содержания: «Безначальный Боже, сияя солнце на благия и злыя, и одождяяй на праведныя и неправедныя, Ты и ныне, молящуюся к Тебе, услыши мя рабу Твою, всякому человеку, иже мене и моя страдания воспоминати будет, да не приближится ему болезнь внезапная, и смерть нечаянная его да не похитит. Так молилась святая вмц. Варвара, ведомая своим родителем на мечное посечение. И Господь внял усердной молитве рабы Своей, и благоволил явить видимое знамение того, что пламенная предсмертная молитва ея вниде во уши Господа, и сице, егда моляшеся святая, слышан бысть глас с небесе, призывающ ю в горняя и обещающ ей просимое исполнити» [50, с.117]. Одной благочестивой христианке даровано было исцеление и повелено в благодарность принести икону святой вмц. Варвары в часовню Соловецкой обители, что и было исполнено.

В 20-30-е годы XX века в часовне размещалось Управление лагерного лесничества. По воспоминаниям архимандрита Феодосия (Алмазова) [92] среди работавших в лесничестве были: архиепископ Иларион (Троицкий), епископ Антоний (Панкеев), епископ Василий (Зеленцов), протоиереи Гриневич и Трефильев, писатели О. Волков и М. Розанов, князь И. Н. Чегодаев и многие другие.

Часовня в честь святой вмц. Варвары. Литография Черепанова, 1884 г.

О встрече с владыкой Иларионом во время посещения лесничества М. З. Никонов-Смородин писал: «На широкой колонне большая икона великомученицы Варвары, около стоит кровать и на ней сидит высокий, плотный, еще не старый ширококостный человек, с длинными, как у священника, волосами, окладистой русской бородой и такими же усами. Одет он в полушубок, – по-видимому только что пришел. Его спокойное лицо совсем не носило печати угнетения, – общей печати нашей Соловецкой жизни, – а его медленные, уверенные движения дополняли впечатление какой-то живущей в нем скрытой силы. Это был лесник Соловецкого лесничества архиепископ Иларион Троицкий. Он внимательно на меня посмотрел и приветливо поздоровался» [85, вып.2, с.153]. Лесничество должно было заниматься учетом и устройством леса Соловков, а также надзором за лесозаготовительными работами, но реально его распоряжения и рекомендации не выполнялись.

После лагеря часовня была заброшена, а в 50-х годах XX века разобрана за ветхостью Сводным отрядом Северного флота. В 2002 году архимандритом Иосифом с братией на месте фундамента часовни был воздвигнут поклонный крест.

К великомученице Варваре обращаются с молитвой отправляющиеся в путь по морю на Анзер и Муксалму, почитая ее как избавительницу от внезапной смерти, от бури на море и от огня на суше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понимание того, что видимый мир может быть образом Горнего мира, нашло свое отражение в соловецких иконах. На иконе «Богоматерь Боголюбская с житиями Зосимы и Савватия», написанной в 1545 году по заказу игумена Филиппа, деревянные храмы обители показаны как образ сияющего Небесного Града и, одновременно, как прообраз каменных храмов, построенных спустя 20 лет.

Цв. вкл. III, с. 16

На одной из икон Преображения Господня XVII века Соловецкий монастырь изображен в виде Града Небесного Иерусалима. Стены обители изображены в виде четырехугольника, а не пятиугольника, как на самом деле, так как в «Откровении» Иоанна Богослова говорится: «Город расположен четвероугольником и длина его такая же как широта» (Откр. 21.16). Надвратный храм Благовещения с деревянной кровлей написан документально точно, а стены изображены не валунные, а сложенные из крупных известняковых блоков, то есть, согласно иконописной традиции изображения стен Иерусалима (например, позади Распятия).

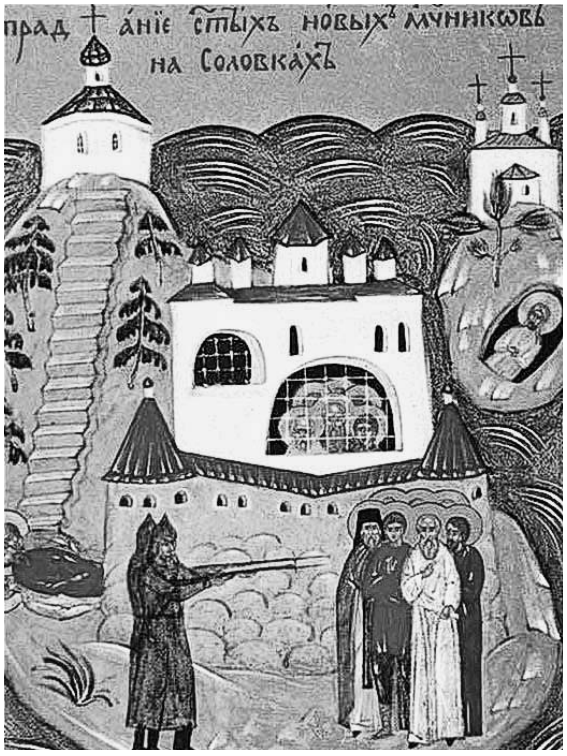
На обращенной к зрителю стене изображены трое врат, согласно «Откровению» Иоанна Богослова: «С востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот» (Откр. 21.13). В изображенном на иконе Небесном граде три обители: Спасителя, Пресвятой Богородицы и святителя Николая. Спасо-Преображенский собор представлен как образ горы Фавор. Это, очевидно, соответствовало и замыслу строителей: сужающийся кверху барабан центральной главы напоминает вершину горы, а потоки света, льющиеся через световой барабан на иконостас, – нетварный Фаворский свет.

Преподобные Зосима и Савватий изображены упокоившимися в раках в приделах собора, но в то же время стоящими на молитве и созерцающими Фаворский

свет. Подчеркивается и островное положение обители: по волнам бурного моря житейского к тихой пристани направляются кораблики с богомольцами.

Помимо стен, Иоанн Богослов описывает в «Откровении» таинственный храм, который по временам «отверзается на небе» (Откр. 11.19; 15.5–8). Алтарь земного храма почти в точности повторяет описание храма небесного [39, с. 313–314]. Праздничные монастырские богослужения в Преображенском соборе, в ходе которых более двадцати иеромонахов возносили хвалу Богу, поразительно соответствовали образу «Откровения». Алтарь, город, новая земля – все это разные способы описать явление Царства Небесного, то есть, области вечного жития праведников. Крестьяне-паломники так интуитивно и воспринимали Соловецкий монастырь: «Это – наше царство!» [58, с. 194]. «Рай – наши Соловки!» – говорили монахи. «Господь своим инокам предоставил их, чтоб здесь на земле еще видели, что будет даровано праведникам там, на том свете» [58, с. 80]. С точки зрения людей XXI века, когда уже во многом открылась тайна беззакония, Преображенский собор воспринимается как престол Божий, а весь остров как «золотой жертвенник», под которым обитают «души убиенных за слово Божие» (Откр. 6, 9).

Клеймо иконы Собора новомучеников и исповедников Российских, посвященное Соловкам



Свято-Вознесенский скит на Секирной горе

Часть III

Скиты и памятные места на Соловецких островах

Савватиевский скит.
Литография Троице-Сергиевой Лавры, 1881 г.

Глава 1

О СОЛОВЕЦКОМ ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВЕ

Соловецкие острова, отделенные морем от Большой земли, во все времена представлялись идеальным образом «пустыни» – места сурового, уединенного, способствующего внутреннему сосредоточению и непрестанной молитвенной обращенности к Богу.

Уже в житиях первых подвижников Савватия, Германа и Зосимы отмечены два главных впечатления от Соловецкой пустыни: с одной стороны, остров представлялся им подобием рая, насажденного Богом для обитания иноков[1], с другой стороны, духи нечистые, попаляемые молитвами преподобных, вступали с ними в открытое противоборство, вынуждая покинуть остров. Ввиду трудности этой борьбы ученики преподобных проводили жительство близкое к пустынному, но при этом не теряли связи с монастырем, приходя на праздничные богослужения ради причащения Святых Таин, наставляя братию и получая наставления, трудясь на монастырских промыслах. На этой почве – сочетания аскезы, внутренней молитвы и общежительного устава и появились Соловецкие пустыни и скиты.

Скитом может называться небольшой монастырь, или подразделение большого монастыря, или сообщество отшельников, собирающихся для церковной службы. Устав в скитах более строг, чем в общежительных монастырях, в нем основной акцент делается на упражнении в безмолвии и внутренней молитве. Само слово «скит» произошло от названия Скитской (Нитрийской) пустыни[2], в которой в эпоху расцвета египетского монашества (IV–VII века) подвизались самые строгие отшельники, первым из которых был Макарий Египетский.

При Соловецком монастыре в 1917 году действовало восемь скитов и три пустыни, которые возникли в разное время в течение XVI–XIX веков.

Первыми Соловецкими пустынями были места поселения Савватия и Германа, а затем Зосимы и Германа. Преподобный Зосима, после основания им общежительного монастыря, по временам уединялся в своей пустынной келии ради безмолвия и молитвы. Также и ученик его монах Макарий (в миру рыбак

[1] «Остров Соловецкий велик есть, имея в окружности около ста верст, имеет же в себе воды сладкие и озера рыбные, горы же и дебри, леса и боры и иные к пребыванию человеческому угодия. Не населяют же того мирстии человецы неудобного ради к нему пути» [33, с. 161].

[2] Расположена на северо-востоке Ливийской пустыни к западу от дельты Нила.

Марк) жил в пустыни, но приходил в монастырь на богослужения и когда братии необходимо было слово утешения [52, т.2, с. 55]. Также, по-видимому, поступали и другие подвижники, в том числе и игумен Филипп. Его пустынная келия благоговейно сохранялась, и впоследствии вокруг ее образовалась Иисусова (Филиппова) пустынь. Игумен Филипп положил начало мемориализации мест, связанных с первыми Соловецкими пустынножителями: он поставил крест на месте подвигов преподобного Савватия и устроил садки для рыбы неподалеку от места поселения преподобных Зосимы и Германа.

В начале XVII века многолюдство в монастыре в связи с угрозой нападения шведов и активная хозяйственная деятельность на Большом Соловецком острове побудили игумена Иринарха способствовать ревнителю пустынных подвигов Елеазару в устроении Свято-Троицкого скита на острове Анзер как прибежища для отшельников.

Андреевская пустынь возникла в середине XVI века как тихое пристанище для мореплавателей на Большом Заяцком острове. После устроения храма в 1702 году там совершали богослужения в период навигации, но скитской устав был введен только в 1916 году.

В 1712 году во время явления Пресвятой Богородицы иеросхимонаху Иисусу была открыта воля Божия об устроении Голгофо-Распятского скита на Анзере.

Поскольку в связи с реформами Петра I в 1722 году отшельничество и «скитки пустынные» были запрещены [82, вып. 8, с.74], дальнейшее развитие скитов на Соловках прекратилось до середины XIX века. Усердием архимандрита Александра в 1856–1862 годах были построены храмы и учреждены два скита: Савватиевский и Свято-Вознесенский на Секирной горе. Братия этих скитов кроме совершения богослужений трудились на огородах, сенокосах, занимались рыбной ловлей. В Исаковской пустыни братия проживала лишь временно во время сенокоса или ради рыбной ловли в озерах [30, с. 199]. Филипповская пустынь в XIX веке стала прибежищем престарелых отшельников и схимников. Для них архимандритом Александром в 1856 году была построена церковь.

В Макариевской пустыни находился дом архимандрита для уединения и ученых занятий настоятеля монастыря, свечной завод, сад и парники. В 1916 году пустынь получила статус скита.

В 1876 году было закончено строительство церкви во имя преподобного Сергия Радонежского на острове Большая Муксалма, где с XVI века находился монастырский скотный двор с обширными пастбищами, и в 1900 году учрежден Свято-Сергиевский скит.

Кроме того, по типу пустыней было устроено множество рыболовных и звероловных тоней, в которых были не только промысловые избы, амбары, во́роты для вытаскивания сетей, но и часовни. Наиболее известные из них: Старая и Новая Сосновка, Овсянка, Реболда, Филимоново на Большой Соловецком острове, Троицкая, Кирилловская, Капорская тони и причал Кеньга на Анзере, промысловое поселение на Малой Муксалме.

Кроме скитов, возникших на традиционных местах подвижничества или хозяйственной деятельности, при архимандрите Иоанникии был устроен новый Никольский скит на Кондострове, переданном монастырю в 1897 году. «За не-

сколько лет на этом диком клочке суши было создано образцовое монастырское хозяйство с жилыми корпусами и хозяйственными постройками, различными мастерскими, лесными питомниками, каменоломнями, хорошими дорогами и морским причалом. В 1908 году в скиту был торжественно освящен деревянный Никольский храм на 500 молящихся» [30, 2004, Послесловие, с.5]. Хотя обычно подчеркивается хозяйственное значение этого скита, в основе этих достижений лежало молитвенное делание. Священником там с 1903 года был иеромонах Августин, ставший впоследствии иеросхимонахом Анатолием. А сослужил ему иеродиакон Климент (Антропов)[3], которого очень осторожный в оценках духовной жизни архимандрит Иоанникий характеризовал как отшельника: «по усердию своему проживает на о. Кондострове в полном уединении, занимается молитвой и чтением и поучается в памяти смертной» [139].

с. 364

Архимандрит Евдоким (Мещерский) после своей поездки в 1899 году на Соловки писал: «Когда мысленно переносишься в те пустыни, среди которых подвизались и подвизаются иноки, невольно приходит на мысль следующее сравнение. Пустынь – это как бы громадный ученый кабинет, где почти непрерывно день и ночь заняты изучением духа человеческого и подвигами самовоспитания. Знаменитые ученые здесь аскеты… Никакие труды и подвиги не останавливали и не охлаждали горячего желания потрудиться здесь. На место иноков, переселявшихся в вечность, приходили новые. Снова заселялись пустыни, скиты. Новые пришельцы удивляли всех подвигами поста, молитвы, самоотвержения и собирали около себя новые сонмы подвижников. То же самое мы наблюдаем в обители и в настоящее время. То же будут наблюдать и наши потомки»[4].

[3] Антропов Константин Петрович родился в 1827 г. в крестьянской семье Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. В 35 лет поступил в монастырь, в 40 – стал послушником. 15 апреля 1876 г. пострижен в монашество, 27 июня 1882 г. рукоположен в иеродьяконы. По отзыву настоятеля архимандрита Мелетия: «Смиренный, послушливый, трудолюбивый» [111, №19].

[4] Евдоким (Мещерский), архим. Соловки. Странички из дневника паломника. М., 1900. С.55.

Глава 2

САВВАТИЕВА ПУСТЫНЬ

Савватиево расположено приблизительно в 14 километрах от монастыря и в километре от Сосновой губы, где преподобные Савватий и Герман впервые пристали к Соловецкому острову. Они направились вглубь острова вдоль ручья и обрели поляну на берегу озера, защищенную от холодных ветров. Поставив крест и устроив келию, они основали на острове первую монашескую пустынь, названную впоследствии Савватиево. Здесь преподобные прожили с 1429 по 1436 год.

Через столетие в эту пустынь приходил помолиться игумен Филипп, который обрел в ветхой келии каменный крест и икону Божией Матери Одигитрии, принадлежавшие преподобному Савватию. Сейчас на месте келии преподобных установлен поклонный крест. Здесь хорошо почитать житие преподобного Савватия и обратиться к святому с молитвой.

с. 14

Почитая память преподобных, в Савватиево издавна приходили помолиться монахи-отшельники. В середине XVIII столетия старую часовню перестроили, тогда же здесь появились новые келии, пристань, конюшня. Иногда в это святое место приезжал на богомолье архимандрит, живший в выстроенной для него келии.

Сохранившиеся постройки скита относятся ко второй половине XIX века. В 1856 году здесь по проекту архитектора Шахларева была построена каменная церковь в честь Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрии». Около северного входа на церковную паперть стоит каменная плита с надписью: «Преподобные отцы Савватий и Герман Соловецкие Чудотворцы первыми прибыли на сей остров в 1429 году и жили на сем месте 6 лет. Сей храм во славу Пресвятыя Богородицы Одигитрии <построен> по обету архимандрита Александра с братиею в 1856 году в вечную благодарность Премилосердному Богу и Царице Небесной за избавление Обители от нашествия англичан в 1854 году. Преподобного Савватия здесь в благословение икона Божией Матери Одигитрии и крест каменный. До построения сего храма здесь была часовня деревянная. Матерь Божия, Царица Небесная! Молитвами преподобных отец Соловецких сохрани сей храм во спасение всего Отечества и всех Христиан. Аминь». Престол был освящен 24 июля 1860 года архимандритом Порфирием. Антиминс на белом атласе священнодействован 3 мая 1859 года Преосвященным Александром епископом Архангельским, которым и была выстроена церковь.

Савватиевский скит после построения кирпичного корпуса для братии и трудников. Фото Я. Лейцингера, конец XIX в.

Икона «Одигитрия» Смоленская, принесенная на Соловецкий остров преподобным Савватием, была перенесена в новопостроенный храм и поставлена в местном ряду иконостаса сразу за южными вратами: на большой иконной доске размером 155х80 см были изображены «два ангела, а вверху Спаситель благословляющий… В середине вставлена в раме деревянной, вызолоченной червонным золотом за стеклом икона Пресвятыя Богородицы Смоленския, длиной 5,5, шириной 4,75 вершка (24х21 см), а с полями длиной 9,25, шириной 8 вершков (41х35,5 см); на полях написаны: вверху Святая Троица, по сторонам апостол Филипп, Святитель Николай и преподобные Зосима и Савватий, а внизу подпись: "В 1543 году сей образ Пресвятыя Богородицы обретен Игуменом Филиппом, а привезен первый на остров Савватием Чудотворцем; на ней вся риза серебряная, 84-й пробы, золоченая, чеканной работы, с филигранным белым украшением; венцы убраны бирюзою, стразами и разноцветными стеклами, три звезды такия же; весу с украшением два фунта 36 золотников (0,97 кг)"» [146, л. 233об.-234 об.]. Перед иконой ежедневно читался акафист Пресвятой Богородице.

Своим видом эта церковь напоминает древнерусские храмы с простой четырехскатной кровлей, увенчанные шлемовидной главой. С западной стороны к церкви примыкает шатровая колокольня и кирпичный двухэтажный братский корпус, выстроенный в 1886–1890 годах. С появлением церкви оживилась и хозяйственная жизнь в скиту: были осушены болота, расчищены сенокосные луга,

устроены огороды, посажены кусты смородины, разбиты клумбы. В конце XIX века в скиту постоянно проживало «до 15 человек братии для исправления ежедневного богослужения» [30, с.197]. Скит напоминал тихий деревенский уголок с деревянной оградой и двором, заросшим травой. У самой дороги на лужайке были вделаны в землю длинные столы и скамьи, чтобы удобно было трапезовать братии и трудникам во время сенокоса.

Приезжавшие богомольцы обычно просили отслужить для них молебен перед главной святыней скита – иконой Божией Матери «Одигитрия». Они также посещали часовню преподобного Савватия, построенную на том самом месте, где им был поставлен «первый крест. Находящийся ныне (в 1900 г.) крест с изваянием распятого Спасителя, поставлен святителем Филиппом в 1554 году. Подобного рода деревянные скульптурные изображения Распятия можно видеть и в других разбросанных по острову часовнях»[1]. Сохранились воспоминания о посещении Савватиевой пустыни в день престольного праздника Смоленской иконы Божией Матери 28 июля/10 августа. Войдя в ворота скита, паломники увидели такую картину: «старик-монах возле крыльца келий кормил рыбой из мисочки большую лисицу и разговаривал с нею: "Ну, что же плохо ешь, сыта? Сахарку, небось, дожидаешься, лакомка?" Лисица ласково посматривала на старика, видно было, что они давнишние друзья… Мы угостили ручную лисицу куском сахара и пошли в церковь»[2]. В этот день из монастыря приехал архимандрит Иоанникий с четырьмя иеромонахами и хором. После обедни и молебна Пресвятой Богородице архимандрит пригласил паломников в келейный корпус на чай, беседовал с ними, затем клирошане пели стихиры духовного содержания на музыку Глинки.

Сюда, в Савватиево, удалился уволенный на покой архимандрит Иоанникий, здесь же он мирно упокоился в 1921 году.

В 1923 году в Савватиево было размещено подразделение СЛОНа для содержания около 250 политических заключенных, к которым относились члены политических партий, оппозиционных большевикам: эсеровской, социал-демократической и анархистской. Такие заключенные назывались в лагере «политиками», или «социалистами», а место их содержания – политизолятором. Еще около 250 политических заключенных, сосланных в 1923–24 годах на Соловки, находились на Муксалме и на Анзере в Троицком скиту.

Территория скита была обнесена колючей проволокой, по углам участка стояли вышки с часовыми, однако политические заключенные пользовались некоторыми привилегиями. Охране было запрещено входить в зону, внутренний распорядок поддерживался с помощью самоуправления: у каждой партии был свой выборный староста, завхоз, своя каптерка, куда поступали посылки и денежные переводы от родных. Политические заключенные проживали в отдельных келиях, им разрешены были свидания с родными. В основном среди политических заключенных была партийная молодежь, вступившая в социалистические партии после

---

[1] Коковцов К. Поездка в Соловецкий монастырь. СПб. 1901. С.56.

[2] «Поездка на Соловки». Путевые заметки из рукописи, хранящейся в церковно-археологическом кабинете Соловецкого монастыря. Рукопись представляет собой общую тетрадь в линейку в твердом переплете, обтянутом черной материей. Рукопись передана в монастырь паломником из США протоиереем Борисом Киценко 2 августа 2005 года. По упоминанию в тексте рукописи имени наместника иеромонаха Антония можно датировать ее 1897–1902 годами.

И сейчас лисы не упускают случая выпросить у насельников скита рыбки или сладостей

Февральской революции. Были среди них и супружеские пары, некоторые с детьми. «В церкви читались лекции, проводились доклады с диспутами на различные темы; выписывались книги, журналы, газеты. Социалисты были освобождены от общих работ. Для детей они соорудили снежную горку и салазки, а потом и сами взрослые увлеклись катанием с горки, причем использовали для этого иконы из церкви, облив их водой и заморозив. Был у них и каток на озере».

В декабре 1923 года заместитель начальника СЛОНа Ф. И. Эйхманс объявил старостам, что изменяется режим содержания социалистов. Переписка ограничивалась тремя письмами в месяц, сокращалось время прогулок, с 18 часов до 6 утра запрещалось выходить из корпусов. Все социалисты единодушно отказались принять новый режим. Эсеры, левые эсеры и анархисты решили не прекращать прогулок, и чтобы гуляние продолжалось весь день, разбились на группы, которые сменяли друг друга до и после поверки. Обычно в 6 часов вечера ударами колокола с колокольни объявляли поверку. Приходил старший надзиратель и вместе со старостами обходил келии, пересчитывая людей. До поверки заключенные гуляли во дворе. Гуляющих вечером 19 декабря 1923 года было около 60 человек. Вдруг из административного корпуса, где размещалась охрана, вышел наряд конвоиров с ружьями наизготовку, и после отказа заключенных прекратить прогулку раздались залпы. Всего их было три. Шесть убитых и трое тяжело раненых были занесены в корпус.

20 декабря в скит прибыл начальник лагеря Эйхманс и, объяснив все происшедшее как досадное недоразумение, обещал наказать виновных. Он разрешил отправить раненых в кремлевскую больницу и самим социалистам похоронить убитых. За колючей проволокой вдоль ограды выкопали братскую могилу. На похоронах пели «Вы жертвою пали в борьбе роковой», на могиле поставили большой валун, на котором были высечены имена убитых. После вывоза социалистов с островов валун перевернули, а позднее разбили кувалдами и, по-видимому, побросали в озеро куски.

Сведения о расстреле дошли до западных социалистов, и в феврале 1924 года в «Социалистическом вестнике», выходившем тогда в Берлине, была напечатана статья под названием «Бойня в Соловецком концлагере». В статье сообщалось, что Президиум ЦИКа Советской республики создал комиссию для расследования происшествия. Весной 1924 года эта комиссия приехала на Соловки, однако социалисты согласились разговаривать с ее членами только в присутствии представителей Красного Креста. Социалисты уже знали, что «Правда» описала это происшествие, как столкновение конвоя с напавшими на него заключенными.

Политические заключенные требовали перевода на материк. Когда переговоры между ними и администрацией результатов не дали, в конце 1924 года «политики» провели 15-дневную голодовку. 10 июня 1925 года СНК СССР принял постановление о вывозе политических заключенных с Соловецких островов, что и было исполнено в конце июня. Всех социалистов вывезли на лагерном пароходе «Глеб Бокий» и распределили по политизоляторам страны. «Социалистический вестник» прокомментировал это событие как конец Соловецкого концлагеря.

После 1925 года в Савватиево находился лагерный сельхоз с молочной фермой. Был устроен отдельный женский барак. В 1937 году в Савватиево было 3 тюремных корпуса и несколько лагерных бараков для заключенных, занятых на сельскохозяйственных работах.

С 1942 по 1945 год на территории Савватиева находились подразделения школы юнг. В юнги отбирали 15–16-летних юношей-добровольцев, имеющих 6–7-классное образование. Но, горя желанием воевать, некоторые мальчишки выправляли себе документы, чтобы начать учиться раньше, городские и районные комитеты комсомола были атакованы тысячами мальчишек, желающими стать юнгами. Некоторым преимуществом пользовались дети военных и воспитанники детских домов.

«В Савватьево юнг встретили полуразрушенное здание церкви, каменный корпус и бывшая деревянная гостиница, ранее предназначавшаяся для богомольцев. Эти здания отвели под учебные корпуса. Юнг поселили в палатках, и они сразу начали строить землянки. Мальчишкам приходилось копать землю, корчевать пни, ворочать валуны, валить лес и таскать на своих плечах бревна. К ноябрю 1942 года строительные работы были закончены, и первый набор юнг приступил к учебе. Занятия проходили в бывших монашеских кельях, переделанных в классы, и даже в землянках.

Школа в Савватьево состояла из трех частей. В самом скиту находились жилой дом для преподавателей школы и их семей, учебные корпуса с 42 классами, небольшая баня (еще монастырской постройки), прачечная и клуб. На расстоянии 1–2 км, по берегам озер и склонам сопок, в лесу, расположились жилые землянки вместимостью 52 человека каждая. В полукилометре от Савватьево действовала столовая на 500 мест, камбуз, хлебопекарня и санитарная часть. Расселение юнг производи-

лось в зависимости от получаемой специальности. Школа готовила боцманов, рулевых, радистов, артиллерийских электриков, мотористов и др.» [82, вып.5, с. 49].

За три года в школе юнг было подготовлено более 4000 выпускников.

В послевоенное время большинство построек скита было утрачено, хорошо сохранилась только валунная баня, построенная в 1901 году вблизи ручья, вытекающего из озера. Летом 1994 года в Савватиевском скиту возобновилась монашеская жизнь. На берегу озера были разбиты огороды и построены теплицы, чтобы обеспечить монастырскую братию свежими овощами. Обезглавленные в советское время храм и колокольня были восстановлены, продолжаются работы по восстановлению кирпичного келейного корпуса.

Осенью 2011 года в церкви был установлен резной иконостас, изготовленный в мастерской Абрамцево. Иконы писаны в Нижнем Новгороде р. Б. Анной. В местном ряду иконостаса образы первых насельников Соловецкого острова. В свитке у преподобного Савватия надпись: «Аще кто в терпении пребудет до конца в месте сем пустыннем, аще и нерадив будет, обрящет милость от Пресвятыя Троицы». А у преподобного Германа: «Видите, братие, и чудитеся, каково подавает Бог воздаяние терпению, не забудет бо убогих своих до конца». В скиту стала совершаться Божественная литургия не реже 1 раза в неделю совместно с насельниками Свято-Вознесенского скита на Секирной горе.

20 августа 2012 года Святейший Патриарх Кирилл совершил освящение церкви в честь Смоленской иконы Божией Матери в Савватиево. По словам Святейшего Патриарха Кирилла, это освящение стало событием исторического масштаба как в жизни скита, так и в жизни самого Патриарха: «Получилось так, что мой родной дед Василий, будучи сослан на Соловки, был заключен именно в этом месте. Отсюда их водили на лесоповал, здесь же вместе с ним томились священнослужители и архипастыри. И вот однажды этой православной группой заключенных было принято решение совершить Божественную литургию <…> на лесоповале, на пеньках; в ней участвовало всего несколько человек – Преосвященный, два или три священника и мой дед. В тот же день все стало известно начальству <…> Преосвященного приговорили к дополнительным пяти годам заключения, примерно к таким же срокам, чуть меньше, – священнослужителей, а деда приговорили, казалось бы, к самому незначительному сроку, но когда его огласили, все поняли, что это смертная казнь, – к 30 дням пребывания в штрафном изоляторе на Секирной горе. <…> Каким образом мой благочестивый предок выжил, представить себе невозможно. Но удивительно, что он никогда об этом не говорил, хотя много рассказывал о лагерной жизни, в том числе и о совершении этой Литургии на пеньках. Причем рассказывал всегда с неким назиданием: меня, маленького мальчика, он учил тому, что в любой момент может настать время, когда снова придется служить Литургию на пеньках. В послевоенные годы это звучало очень актуально. Его слова были для меня бесценным даром, который формировал мое отношение к вере, к Церкви и к возможным последствиям, проистекавшим от принадлежности к ней. Дед выжил чудом Божиим… Но это было не последнее его заключение. Последовали злостраждения и муки другого порядка – он не мог проживать в городах, он не мог вернуться к семье и более 10 лет жил в подвалах, пустых отопительных котлах, без всяких средств к существова-

Протоиерей Михаил Гундяев и священник Василий Гундяев. Фото 1950-х гг.

Василий Степанович Гундяев (1878–†31 октября 1969) был сослан в Соловецкий лагерь особого назначения в 1928 году сроком на 5 лет за свои религиозные убеждения. До революции он трудился машинистом и механиком на Казанской железной дороге, водил литерные поезда. После революции он вместе с братом Захарием организовал свечное производство в Нижегородской области и всех старост храмов, которые приезжали за свечами на завод, убеждал не поддерживать обновленческий раскол. Тем, кто оставался при своем мнении, свечей не давали. В результате за очень короткий срок абсолютное большинство приходов епархии вернулось в лоно канонического Православия. Когда об этом стало известно в ГПУ, в местной газете появилась заказная статья «О фанатике-машинисте Гундяеве». Вскоре Василий Степанович был арестован, а затем отправлен в лагерь на Соловки.

В 1931 году он находился в заключении в Савватиево вместе со священством и раскулаченными крестьянами и был привлечен к следствию по внутрилагерному делу епископа Аркадия Остальского за помощь священнослужителям. По этому делу ему был определен срок сначала 6 месяцев, а потом 1 месяц в штрафном изоляторе с выводом на работу. Однако, как инвалида, его в июне 1931 г. перевели в Котлас еще до окончания следствия. В 1957 году он принял священный сан.

нию и пропитанию. А в более или менее благополучном 45-м году снова был арестован и снова отбывал очередные пять лет ссылки – только за то, что требовал открытия храма в своем родном селе Оброчном, тогда Нижегородской области, а ныне Мордовии… Поэтому с особым чувством совершал я сегодня службу. Я, конечно, вспоминал его: невысокого роста, худого, очень жилистого, физически сильного человека с непреклонной волей. Про таких говорят: "человек-камень", "глыба – свернуть невозможно". Просил его и о том, чтобы он молился о нас пред Престолом Божиим, – ибо верю, Господь дал ему такую возможность, – за людей православных, за монахов Соловецких и за меня, недостойного. День совершенно особый, и я хотел бы искренне, сердечно поблагодарить всех тех, кто потрудился и приблизил его, – в первую очередь отца скитоначальника иеродиакона Иакова (Макеева). Считаю справедливым удостоить отца Иакова права ношения двойного ораря. Завтра во время торжественного богослужения в главном храме Соловецкой обители я возложу на тебя, отец Иаков, этот двойной орарь как знак моей признательности, любви и уважения к тебе. Хотел бы сердечно поблагодарить людей, без которых невозможно было бы возрождение этого храма, которые внесли свой материальный вклад в его преображение. Сегодня мы видим, что храм прекрасно обустроен. Пусть Господь помогает всем тем, кто своими усилиями, своими средствами помогает возрождаться святой обители.

В память же о посещении скита я хотел бы преподнести этот евхаристический набор. Пускай он всегда находится здесь, его не надо вывозить ни на какие службы. Пусть эти чаша и дискос напоминают нам о сегодняшнем богослужении, а также о тех наших выдающихся предшественниках, которые без чаши и дискоса совершали на пеньках Божественную литургию».

19 августа 2013 года во время Божественной литургии в праздник Преображения Господня Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил иерейскую хиротонию скитоначальника Савватиевой пустыни иеродиакона Иакова (Макеева).

Глава 3

ФИЛИППОВЫ САДКИ И МЕСТА КЕЛИЙ ПРЕПОДОБНЫХ ЗОСИМЫ И ГЕРМАНА

Филипповы садки

Игумен Филипп, много порадевший о благоустроении Соловецкой обители, на берегу моря к северо-западу от монастыря соорудил садки для содержания выловленной в море рыбы: «К Зосимину колодезю идучи, губу запруди – чрез мост каменной забра, и рыбу морскую, зовомую треску, насади. И благословением его и молитвами его расплодися и доныне живет», — писал летописец в конце XVII века [33, с. 172].

Мысль о создании садков рачительному настоятелю подсказала сама природа: в этом месте морская рыба иногда сама заходила в большой мелководный залив. Для устройства садков залив был перегорожен двумя грядами из крупного булыжника. Внешняя валунная перемычка, через которую легко проходила вода, но не могла проникнуть рыба, протянулась на 150 метров при ширине и высоте около двух метров. Внутренняя валунная гряда, по-видимому, использовалась для отлова рыбы сетями во время ее переходов из мелководной в глубоководную часть пруда, и наоборот. Учитывалась повадка трески выходить во время прилива в поисках пищи на мелководье,

а во время отлива уходить на глубину для отдыха. Обновление воды в садках достигалось за счет свободного проникновения воды через дамбу и большой разницы уровней воды во время прилива и отлива, которая составляет для Соловков около 70 см. Со времен святителя Филиппа треска — свежая летом, соленая зимой — стала существенным добавлением к скромной братской трапезе; хватало ее и для трудников, и для многочисленных паломников.

Садки использовались в течение нескольких столетий. На одной из карт XIX века они названы «прудом для свежей трески». Свое существование они прекратили, видимо, из-за поднятия суши в районе Соловков (в среднем до 30 сантиметров в столетие) и, как следствие, уменьшения поступления в пруды свежей морской воды.

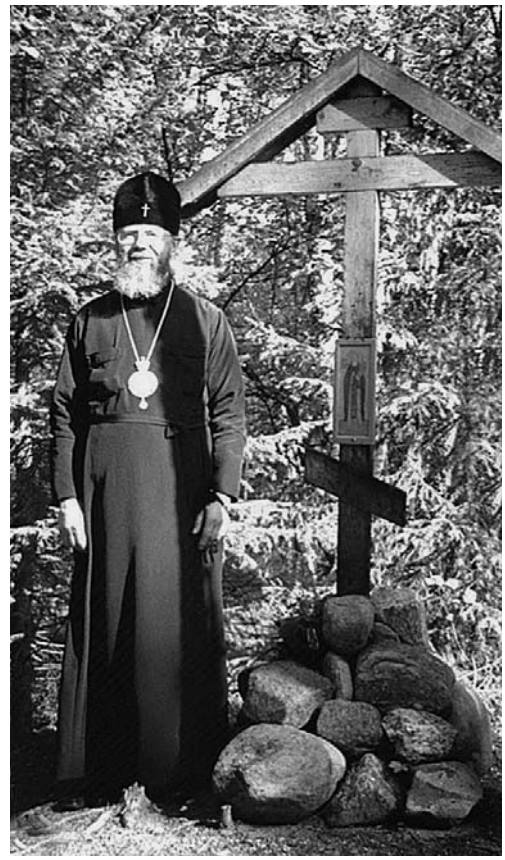
Часовня на месте келии преподобного Зосимы, освященная в 1859 г. Фото начала XX в.

Игумен Филипп устроил садки вблизи того места, где в 1436 году поселились преподобные Зосима и Герман. Небольшой островок к западу от садков до сих пор называют «остров Зосимы». Отсюда он мог видеть таинственный свет и церковь «на воздусе» над тем местом, где сейчас располагается монастырь. Действительно, очень живописный вид на монастырь открывается с мыса острова Зосимы, а также с мыса, на который ведет дамба садков. Место келии преподобного Зосимы находится метрах в ста от берега напротив островка его имени. Там сохранился колодец с желтоватой, но вкусной водой. У источника установлен поклонный крест.

К юго-востоку от креста видны развалины часовни во имя преподобного Зосимы Соловецкого чудотворца. Каменная восьмигранная часовня была построена в память первоначального жительства преподобного Зосимы на этом месте, о чем свидетельствовала следующая надпись на доске: «Святый преподобный Зосима прииде на этот Соловецкий остров с преподобным Германом в 1436 году, жил на сем месте в келии, близ таковой же преподобнаго Германа. С этого места благоволил Господь Бог чудесно показать преподобному Зосиме славу Свою в храме, сходящем с неба в сиянии на то место, где имела быть преславная обитель. После этого видения преподобные Зосима и Герман перешли на место, указанное Богом; там построили храм, — нынешнюю обитель во имя Преображения Господня, и при ней общежительство на строгих душеполезных правилах для жительствующих и посетителей. Еще с начала обители поставлена здесь часовня, куда Преподобный

Зосима по временам приходил для безмолвной беседы с Богом о испрошении милости Божией, и отпущения грехов любящим обитель; для сохранения этого святого места богоугодного труженичества великого угодника Божия, на память потомству — любителям святыни, построена эта часовня вместо деревянной, тщанием архимандрита Александра с братиею в 1854 году» [50, с. 111].

Если пройти далее по дорожке вдоль берега метров 800, мы окажемся на месте келии преподобного Германа. Сейчас это место отмечено крестом, а гладкий камень у его подножия – ступенька от разрушенной часовни преподобного Германа.



Архиепископ Львовский и Галицкий Августин на месте келии прп. Германа. 2004 г.

В часовне находилась следующая надпись на доске [25, с. 112]: «Святый преподобный Герман, по вторичном приходе на Соловецкий остров с преподобным уже Зосимою в 1436 году жил на сем месте в келии близ келии преподобного Зосимы, до того времени пока Бог чудесно не открыл в видении преподобному Зосиме в пресветлом сиянии церкви “на воздусе”, сходящей с неба на то место, где имела быть преславная великая обитель. По видении этом преподобные отцы Зосима и Герман перешли жить туда, где ныне обитель, которую Господь Бог благоволил устроить в незабвенную память к святому угоднику Герману и святых его подвигов; с древних времен на этом месте была поставлена часовня, а вместо той ветхой деревянной поставлена эта при архимандрите Александре с братиею в 1854 году».

Глава 4

ФИЛИППОВА ПУСТЫНЬ

От монастыря до места молитвенных подвигов святителя Филиппа можно пройти пешком по дороге, начинающейся от Никольских ворот и ведущей на восток по улице И. Сивко[1] вдоль Святого озера[2]. Само Святое озеро было очищено и расширено при игумене Филиппе, а чтобы наполнить его водой, была устроена система каналов, соединяющих 52 озера. И сейчас около поворота на аэродром виден питьевой канал, питающий Святое озеро. На этом канале в 2002 году была устроена крестильная часовня.

Вдоль лесной дороги еще видны дренажные канавы, оставшиеся с монастырских времен. По мнению паломников конца XIX века, дорога содержалась в образцовом порядке: «Нигде ни одной рытвины. Каменистые пригорки срыты, а впадины засыпаны щебнем и землей. По дороге можно было постоянно видеть и следы этой работы: около дороги лежат громадные камни-булыжники, заботливо собранные в одно место или расположенные в линию вдоль в виде загороди.

---

[1] По выходе из Никольских ворот справа на берегу Святого озера видно белое здание кузницы XVII–XIX века. В нижнем ярусе располагались горны, вначале – 4, а в XIX веке – 8. В верхнем ярусе (пристроен в 1841 году) размещались кельи для проживания кузнецов и слесарей. В настоящее время здание передано Соловецкому монастырю. Здесь находится общежитие для трудниц. Первое здание слева по ул. И. Сивко – Никольский корпус, построенный по проекту архангельского губернского архитектора Вуколова для проживания трудников в 1896–1897 годы. Сейчас в этом здании жилой дом. Напротив, по правой стороне, расположено деревянное здание Овощного (Лукового) корпуса XIX века. В нижнем этаже находилось овощехранилище, в верхнем проживали трудники, работавшие на монастырских огородах. Сейчас в нем также жилой дом. Далее по правой стороне – монастырское училище для «безбрадых трудников», построенное в 1860–1862 годы. Сейчас в первом ярусе размещаются почта, АТС и паломническая служба Соловецкого монастыря. На втором этаже располагается странноприимница для паломников. Чуть дальше по левой стороне – деревянная гостиница для паломников (Германовский корпус), за ним – монастырские скотные дворы.

[2] Святое озеро – одно из средних по размерам озер Большого Соловецкого острова. Его площадь – 12 га. Дважды в год здесь совершается чин Великого водоосвящения: во время крестных ходов в Крещенский Сочельник и на само Крещение Господне — 6/19 января, а во время крестных ходов в воскресные и праздничные дни совершается чин малого освящения воды. Считается, что вода Святого озера целительна от многих недугов. Прежде по прибытии на Соловки богомольцы совершали «цельбоносное купание в телесное здравие и душевное спасение» в специально оборудованных купальнях, которые планируется восстановить.

Дорога, ведущая от Никольских ворот в Филиппову пустынь. Фото начала XX в.

По краям дороги отличные канавы, всюду раскрашенные столбы с указанием числа верст, отличные загороди, воротца с интересным доморощенным механизмом для затворения и отворения их. Припоминая наши захолустные и даже лучшие земские дороги, невольно удивляешься этому благоустройству и забываешь, что катишь[3] по Руси, а не где-либо за пределами отчизны. На перекрестках всюду стоят большие деревянные кресты, – символ царства духа, силы, славы Христа, борьбы с грехом»[4].

Через два километра слева близко к дороге подходит Игуменское озеро, за ним — поворот налево к Филипповой пустыни. Прямо продолжается дорога на остров Большая Муксалма, расстояние до дамбы, соединяющей острова, — около 7 километров.

На холме, возвышающемся над озером, от когда-то благоустроенной пустыни сохранился лишь келейный корпус середины XIX столетия, колодец, выложенный изнутри гранитными плитами, да несколько старых могучих кедров.

На этом месте будущий митрополит Филипп с благословения игумена построил себе пустынную келию и провел немало лет, навыкая безмолвию и богомыслию. Еще будучи простым иноком, он избегал «даже и тени славы земной, бо-

[3] В скиты можно было поехать на лошадях: на парных линейках по 4 человека или троечных — по 6 человек. Желающие записывались у гостинника с вечера или утром до поздней обедни. Лошадей подавали сразу после трапезы. Плата по всем маршрутам была одинаковая — 1 рубль с человека в оба конца.

[4] Евдоким (Мещерский), архим. Соловки. Указ. соч. С.10.

ясь, как бы ради нее не лишиться Царства Небесного». И позднее, став игуменом, Филипп удалялся сюда из обители для уединенной молитвы.

«Долго здесь он оставался один со своими заветными думами о Соловецкой обители. Долго искушал себя в борьбе с грехом. Каждая пядь земли здесь освящена его присутствием и подвигом. Каждое дерево слышало его молитвенные вздохи. До сих пор в пустыне сохраняется небольшой домик, в котором жил св. Филипп. Домик так мал, что в него можно войти только двоим или троим. Чистые стены старинного, почти красного, соснового леса; на них нет никаких украшений. Несколько икон, стол и скамейка составляют все богатство этого домика. Как просто все и мирно в этом домике. Какою седою стариной веет от него. В нем еще как бы слышишь присутствие самого великого подвижника»[5]. Келия святителя Филиппа была увенчана небольшой деревянной главкой, крытой лемехом, и благоговейно сохранялась как часовня.

Незадолго до того, как царь Иоанн Грозный повелел игумену Филиппу отправиться в Москву, чтобы нести бремя предстоятеля Русской церкви, он усердно молился в пустыни. По преданию, ему «явился Иисус Христос в терновом венце, в оковах, униженный, обагренный кровью, с ранами на теле, в таком виде, как он, после поруганий и биений пред судилищем Пилата, веден был в темницу; На месте этого явления брызнули из земли струи чистой ключевой воды» [50, с. 94]. Это явление стало предзнаменованием мученической кончины будущего Первосвятителя. В память о явлении Спасителя святитель Филипп в 1565 году поставил в пустыни часовню, в ней устроил из дерева резное изображение Иисуса Христа, а там, где из земли брызнула вода, ископал колодец. Пустынь тогда называлась «Иисусовой».

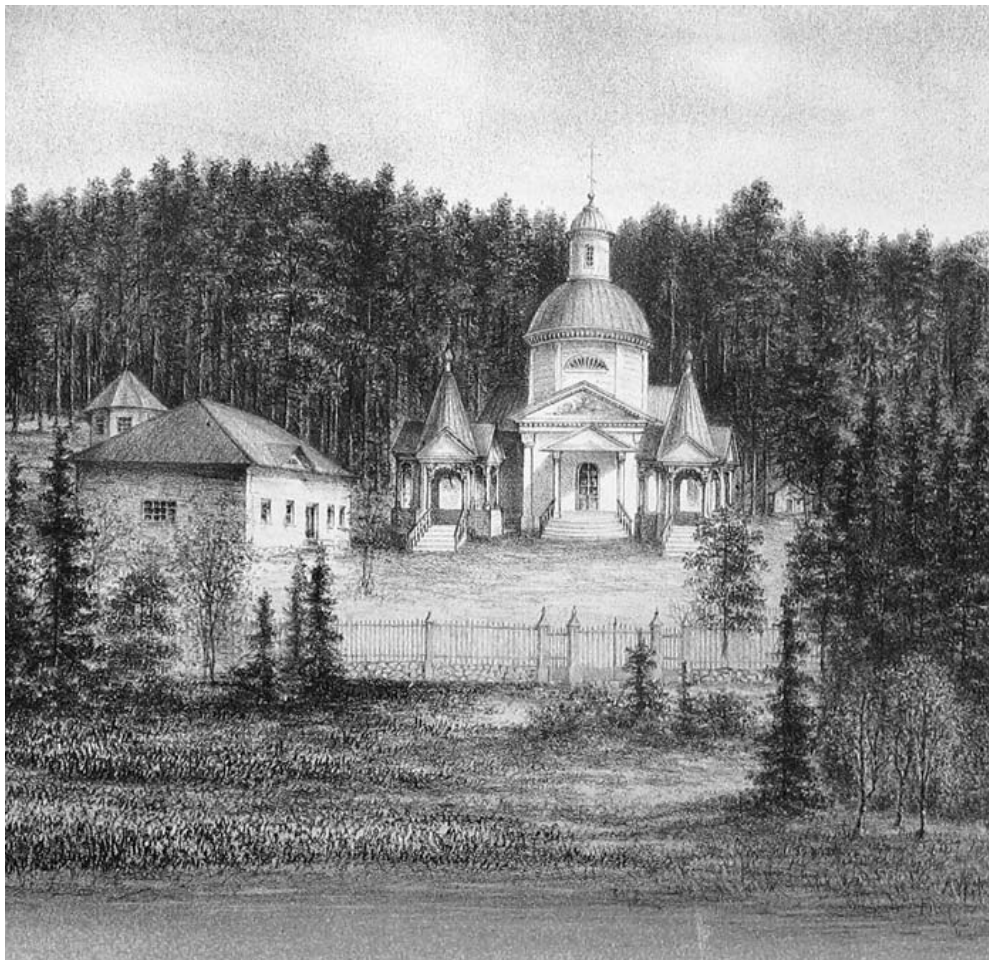
В 1838 году [146, л.221] при архимандрите Иларии над источником святителя Филиппа была возведена новая деревянная часовня больших размеров с тремя крыльцами. В 1853 году архимандрит Александр обратился в Синод с предложением обратить эту часовню в церковь в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник», так как в ней имелся просторный алтарь и иконостас. Объявление военного положения в связи с угрозой нападения англичан задержало исполнение этого намерения. Церковь была освящена архимандритом Александром 26 августа 1856 года в день коронации императора Александра II. С западной стороны от церкви слева и справа были построены небольшая колокольня и беседка для отдыха богомольцев.

Согласно описи 1866 года церковь была «деревянная на фундаменте из дикого камня, крестообразная, на ней кровля, на восемь скатов, покрыта тесом и окрашена красною краскою на масле. Над нею купол восьмиугольный с круглым фонарем и одною главою, покрыты листовым железом и окрашены медянкою, внутри купол поддерживается двумя деревянными колоннами, на главе крест деревянный восьмиконечный, окрашенный желтою краскою на масле.

Высота Церкви … – двадцать пять аршин (18 м)...

Стены внутри отштукатурены и покрыты клеевыми красками, а в куполе написано: “Видение Св. Иоанну Богослову семи светильников” (Откр. 1.12).

[5] Там же. С. 11.



Филиппова пустынь. Литография Черепанова, 1884 г.

С наружной стороны <стены> обшиты тесом и окрашены масляной краской. В фронтонах написано: на восточной стороне – Господь Саваоф, на западной – Пресвятая Богородица с омофором, на южной – Спаситель на убрусе, на северной – Святитель Филипп с преподобными Зосимой и Савватием.

Выходов из Церкви три: с западной, южной и северной сторон, снаружи их крыльца деревянные с перилами, и по сторонам дверей с колоннами деревянными…

Над западными дверями снаружи в раме деревянной за стеклом икона Пресвятыя Богородицы Живоносный Источник, длиною 7 вершков (31 см). В церкви пред амвоном колодезь, внутри выложен диким камнем, снаружи вышиною 18 вершков (80 см) обшит тесом и раскрашен масляными красками, наверху решетка деревянная» [146, л.221–223]. Из колодца можно было напиться чистой, холодной и вкусной воды, которая «верующим подает исцеление» [50, с. 94].

Келия святителя Филиппа. Литография Черепанова, 1884 г.

Предалтарный трехъярусный иконостас был «столярной работы … окрашен масляными красками с полуколоннами вызолоченными».

В нижнем ярусе иконостаса с южной стороны за иконами Спасителя и Пресвятой Богородицы «Живоносный Источник» была поставлена темница размером 186х80х67 см, в которой находился вырезанный из дерева образ Спасителя в терновом венце, сидящего в оковах, каким видел Его святитель Филипп.

С противоположной стороны за северными вратами, на которых был написан образ архидиакона Стефана, находилась большая икона (133х106 см) с изображениями апостола Андроника, благоверного князя Александра Невского, святителя Филиппа, преподобных Зосимы, Савватия и Германа. Апостол Андроник и благоверный князь Александр Невский – святые покровители устроителя церкви архимандрита Александра в миру и в монашестве.

Церковь в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». Фото начала XX в.

В середине второго яруса иконостаса находилось изображение Тайной вечери, а по сторонам – изображения пророков Исайи, Осии, Елисея и Софония с южной стороны и Моисея, Илии, Захарии и Иоиля с северной. В центре третьего яруса – икона Воскресения Христова, а по сторонам – иконы архангелов Михаила и Гавриила. Над иконостасом – Распятие Господне, с предстоящими Пресвятой Богородицей и Иоанном Богословом, резные из дерева и раскрашенные масляными красками.

В Филипповой пустыни богомольцы обычно просили служить молебен перед Страждущим Спасителем, пили воду из живоносного источника и окроплялись ей. Многие старались поносить на голове камень, который долгое время служил возглавием святителю Филиппу и который, по преданию, помогал от головной боли. Этот небольшой, как бы отполированный камень лежал при входе в храм, на особом постаменте. Священник-паломник из Вятки отец Николай описал его в 1892 году следующим образом: «При церкви, на рундуке, лежит на особом стольце черный камень овальной формы, весом около полупуда, служивший возглавием святителю при отдыхе после пустынных подвигов. Камень ежеминутно переходит из рук в руки богомольцев, которые носят его на голове кругом церкви, в надежде получить исцеление от хронической головной боли. И жена моя также обнесла его на голове кругом церкви»[6].

Со времени основания пустыньки святителем Филиппом и до начала XX века в этом уединенном месте селились монастырские схимники, которых при-

[6] Вятские епархиальные ведомости. 1893. № 11. С. 362.

с. 233

влекали покой и благодать сего места. В XIX веке здесь жили схимонахи Герасим, его ученик монах Памфил и схимонах Иоанн.

В Соловецком патерике говорится, что схимонах Иоанн прожил в пустыньке более 20 лет в строгом воздержании, безмолвии и молитве. В миру его звали Трофим Дмитриев, он был из вольноотпущенных поселян Псковской губернии. За честную и усердную службу своему господину во время нашествия Наполеона он получил свободу, какое-то время работал подмастерьем портного в Санкт-Петербурге, а потом решил посвятить себя служению Богу в иноческом звании.

Трофим поступил трудником в Соловецкий монастырь в 1827 году, имея от роду 52 года. 3 мая 1834 года он стал послушником, а 5 марта 1835 года был пострижен в монашество с именем Товия. Будучи искусным портным, он долгое время нес послушание закройщика, а затем рухольного. 1 апреля 1842 года он был уволен на покой по старости и пострижен в схиму с именем Иоанн. С тех пор он поселился в Филипповой пустыни. Всю дневную службу он исправлял по чину церковному, с приложением иноческого правила, состоящего из трех кафизм Псалтири и 300 земных поклонов. В монастырь приходил только в некоторые праздники для приобщения Святых Таин. В часы, свободные от молитвенного подвига, он не оставлял занятия иглой на пользу братии. В послужном списке 1865 года его имя упоминается при перечислении монахов, состоящих за штатом на покое, за №8. Настоятель писал о нем: «Качеств хороших, жизни подвижнической, по слабости здоровья к послушаниям не способен» [101]. Из-за слабости и болезни отцу Иоанну пришлось провести последние годы жизни в монастырской больнице. Не желая оставлять пустынного образа жизни, он выходил из келии только к богослужениям, которые посещал неопустительно до самой кончины. Он угасал тихо и безболезненно, как угасает лампада, в которой истощается масло, и отошел ко Господу 26 мая 1870 года в 95-летнем возрасте.

И впоследствии до самого разорения монастыря в Филипповой пустыни проживали настоящие подвижники. В 1899 году архимандрит Евдоким писал: «Старец, который теперь заведует пустынькою, производит сильное впечатление. Старый, немощный, едва бродящий, он так силен духом, как не силен самый бодрый юноша. Нужно было видеть его на молитве. Казалось, шел не он сам, а его хилое тело несла какая-то неведомая сила. Сколько умиления, какая глубокая проникновенность во все, какое трогательное, за душу хватающее, осмысленное чтение молитвословий! Казалось, как будто не он читает, а кто-то другой за него. Видимо, дух великого св. подвижника до сих пор витает в этой пустыньке. Глубоко верим, что он будет витать в ней и после того, как мы сойдем со сцены жизни»[7]. Возможно, имя этого старца было Герман, так как в воспоминаниях паломниц приблизительно того же времени упоминается, что в пустыньке их встретил монах отец Герман.

Паломницы обратили внимание на восьмигранную часовню, «внутри которой изображение святителя Филиппа во весь рост. Часовня эта выстроена 30 лет тому назад, службы в ней почти никогда не бывает, и дверь в нее мы нашли от-

[7] Евдоким (Мещерский), архим. Соловки. Указ. соч. С.10.

Изображение страждущего Спасителя. Фото начала XX в.

Схимники в Филипповой пустыни. Фото начала XX в.

крытой, но, войдя внутрь, мы почувствовали такое благоухание, что не могли надышаться и решили спросить об этом о. Германа.

– Отчего в этой часовне такое благоухание, накурено что ли чем?

– Кто же в ней накурил; мы и сами не знаем отчего; вот уже года три, как это все замечают. Хотели было сломать эту часовню, да оставили ради благоухания в ней; ведь и двери-то не затворяем. Предполагают, что образ святителя Филиппа чудотворный, а достоверно никому неизвестно; может, со временем откроет Господь. А теперь сами дивимся!»[8].

Монах Герман (Харитонов Евфимий Николаевич, р.1831) проживал в монастыре с 1858 года. 12 февраля 1868 года был пострижен в монашество и трудился до 1909 года, пока позволяли силы, на разных послушаниях, начиная от караульщика на монастырских стенах. Последний раз его имя упоминается в послужном списке 1915 года [138, №110] среди числившихся на покое, в то время ему было уже 84 года.

В 1920-е годы Филиппова пустынь была разорена и опустошена. Во время СЛОНа в ней устроили Биосад, к которому относился пушной заповедник для ис-

[8] «Поездка на Соловки». Путевые заметки. Указ. соч.

Паломники у часовни.
Фото В. Якубовского, 1912 г.

кусственного разведения гаги, ондатры, лисы, соболя. Его обширная территория простиралась через болото до Долгой губы. Часовни разобрали на строительный материал для вольеров, в которых содержались пушные зверьки. В 1928 году в пустыни работал сторожем священномученик Иларион (Троицкий). В начале 30-х годов сгорела церковь. Тогда в пустыни размещалась центральная лаборатория Йодпрома, в которой в 1934–1936 годах работали священник о. Павел (Флоренский), Р. Н. Литвинов, Н. Я. Брянцев.

с. 378

В 2002 году 30 августа в Филипповой пустыни был установлен поклонный крест, изготовленный в монастырской мастерской. Крест несли на руках до пустыни и установили по традиции в деревянном срубе немного восточнее колодца, на том месте, где был алтарь церкви. Над колодцем был устроен сруб с крышкой. С тех пор ежегодно в пятницу Светлой седмицы, когда празднуется память иконы Божией Матери «Живоносный Источник», в пустыни у колодца совершается водосвятный молебен. К 500-летию от рождения святителя Филиппа возобновилась монашеская жизнь в пустыньке. В 2007 году был восстановлен келейный корпус, и с тех пор в пустыни постоянно проживает монах Севастиан (Носовский). В 2011 году в связи с началом работ по восстановлению церкви в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» крест был перенесен на маковку холма, где прежде находилась часовня.

Глава 5

ЕЛЕАЗАРОВА ПУСТЫНЬ

Пустынь расположена посреди Анзерского острова на вершине холма, возвышающегося на берегу озера Большое Елеазарово, которое прежде именовалось Круглое. Здесь в 1615 году на праздник Покрова поселился преподобный Елеазар. Он поставил сделанный своими руками деревянный крест, устроил убогую келию и прожил в безмолвии четыре года.

с. 87

В первые месяцы он особенно страдал от бесовских страхований, но был утешен явлением Пресвятой Богородицы, которая вручила ему посох и четки и повелела написать на стене келии слова: «Христос с нами уставися». Это явление изображено на иконе, писанной в мастерской Никиты Нужного в 2008 году для часовни в Елеазаровой пустыни.

Цв. вкл. III, с. 3

После переселения преподобного Елеазара к Троицкой губе[1] место его пустынного пребывания позабылось. В начале XIX века анзерский иеросхимонах Иосиф обрел крест на месте, где прежде жил преподобный, и поставил там келию для безмолвствующих. В 1825 году рядом была сооружена часовня во имя преподобного Елеазара Анзерского.

В середине XIX века здесь поселился схимонах Федор. Он служил прежде в Преображенском полку и однажды по простоте сердца высказал Государю свое желание стать Соловецким монахом. Через два дня будущий инок получил увольнение и деньги на дорогу в обитель, где принял постриг с именем Филипп. Жизнь в многолюдном братстве не вполне соответствовала его пламенному стремлению к монашескому подвигу, поэтому, испросив благословения, он удалился первоначально на Заяцкий остров – «место дикое и угрюмое», куда обычно ссылали провинившихся. Вскоре подвижник перешел в пустынь преподобного Елеазара. В глубокой старости он принял схиму с именем Феодор. По немощи естества ему пришлось оставить пустынь и перейти в Троицкий скит, где он мирно почил и был погребен на скитском кладбище.

Паломник-священник отец Николай писал о посещении пустыни в 1892 году: «На половине пути <между Троицким и Голгофским скитами> мы посетили часовню преподобного Елеазара и его домик, выстроенный им, в котором он жил в уединении. Небольшой домик его, еще не ветхий, срубленный из толстого леса,

[1] Губа – залив.

Часовня во имя преподобного Елеазара Анзерского

с двумя окошечками и сенцами, расположен на высоком откосе, по правую сторону дороги, среди леса; тут же неподалеку и часовня. Внутренность домика напоминает убогую избушку бедняка-мужика, с лавками и большою русскою битою печью и печурками, с приложенными с боку двумя деревянными ступеньками. На лавке лежала деревянная лапотная колодка преподобного»[2].

Во время Соловецкого лагеря в келии, где была печь, размещался пикет охраны, а в неотапливаемой Елеазаровой часовне – карцер. Сохранились воспоминания о том, как ссыльная монахиня Вероника провела тридцать суток в карцере за то, что отказалась вышить карикатуру антирелигиозного содержания по заказу начальника Троицкой командировки. Сначала мать Вероника даже обрадовалась этому наказанию, так как втайне мечтала провести хоть одну ночь в древних стенах, освященных молитвами преподобного Елеазара, но скоро ее настроение изменилось. «Несмотря на то, что теперь ей никто не мешал молиться, хотя бы и по 24 часа в сутки, она часто не находила в себе необходимого душевного спокойствия и равновесия, чтобы сосредоточить все свои помыслы и чувства на устремленности к Богу. Ряд внешних условий и обстоятельств, с виду незначительных и не достойных внимания, препятствовал этому: начались заморозки, и в карцере, который не отапливался, становилось с каждым днем все холоднее, а она и не подумала захватить с собой сюда ни одеяла, ни теплой одежды; горячую пищу давали через сутки, да и ту она не всегда находила возможным есть, т.к. шел Филиппов пост, и она ни за что не согласилась бы нарушить монастырский устав, разрешив себе есть в эти дни рыбное или пищу, заправленную “елеем”, т.е. растительным маслом; поэтому она часто по нескольку дней кряду жила лишь на хлебе и воде.

[2] Вятские епархиальные ведомости. 1893. №6. С. 229.

Голод и холод, оказалось, имели над нею гораздо больше власти, чем она могла это себе представить, и она страдала не только от того, что мерзла днем и ночью и непрерывно, до дурноты, хотела есть, но и от того унизительного в ее глазах сознания, что ее душевное состояние оказалось в такой рабской зависимости от чисто физических и таких, в сущности, ничтожных лишений. Ей казалось, что если бы на ее долю выпали пытки, которым подвергались христианские мученики первых веков, у нее хватило бы силы принять их с радостью, но ведь то, что испытывала она сейчас, было таким распространенным, прозаическим, бытовым явлением, которое было уделом многих самых обыкновенных людей – а ей хотелось ореола мученицы… На плаху – хоть сейчас пошла бы с радостью, а вот померзнуть немного, поголодать – и сил нет! <…> Ей вспомнились слова евангелистки в ДПЗ:

– В вас нет смирения и терпимости. Нет внимательного и бережного подхода к людям. Вы слишком самоуверенны, слишком строги к другим и всегда воинственно настроены.

Да, она всегда была готова в бой за чистоту православия, за целомудрие и неподкупную честность. Но не была ли она и правда слишком опрометчива и прямолинейна, слишком безапелляционна в своих суждениях о людях?»[3].

Мать Вероника провела в келии преподобного Елеазара двадцать девять суток. За это время душа ее совершенно переменилась. Она испытала собственное бессилие, когда, будучи не в силах справиться с прозаическими обстоятельствами голода и холода, впала в безразличное оцепенение и не могла даже со вниманием произнести про себя слова молитвы. Она осознала, что, обличая немощи окружающих, она видела лишь соринки в их глазах, не замечая бревна в своих. Когда в Рождественский сочельник заведующий карцером передал ей сочиво и белую булку от монашек, которых она прежде гневно осуждала, она приняла их приношение и даже просила благодарить и поздравить с наступающим праздником. Гнев и обида остались далеко в прошлом. С тихой и радостной душой встречала она Рождество. «Мать Вероника мысленно, по памяти, прочла Евангелие, читаемое на этой службе, и запела рождественский тропарь… и все рождественские песнопения, такие трогательные, с детства любимые! “Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение...” И она сейчас всем существом своим испытывала это “благоволение”… А за окном теперь, охватив полнеба, гигантским веером раскинулась над горизонтом лучистая корона северного сияния. В первый раз в жизни видела мать Вероника это величественное и таинственное явление. Как завороженная, смотрела она на него – и пела, и молилась, и плакала слезами радости и умиления»[4]. И ей казалось, что рядом возносит хвалу Богу сам преподобный Елеазар.

После вывода заключенных с Анзера пустынь была заброшена, и местонахождение ее забыто. В 1996–1998 годах здесь производились археологические работы, был расчищен фундамент келий, обнаружены остатки деревянной лестницы на вершину холма и место поклонного креста у дороги. В 2005 году была восстановлена часовня, а к 2008 году установлен поклонный крест у поворота на тропинку, ведущую с дороги к часовне, и восстановлена лестница на крутом склоне холма.

[3] Второва-Яфа О. В. Авгуровы острова // Мироносицы в эпоху ГУЛАГа. Нижний Новгород, 2004, с.396–398.

[4] Там же. С. 400.

Глава 6

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ АНЗЕРСКИЙ СКИТ

На берегах Троицкой губы, на 4 километра врезающейся с северной стороны в Анзерский остров, в XVI веке были устроены монастырские солеварни с двумя цренами – огромными сковородами для выпаривания соли. Летом здесь трудилось около семидесяти человек иноков и мирских людей. Чтобы они не оставались долгое время без церковной службы, в 1583 году на Анзер была перенесена из монастыря деревянная церковь во имя святителя Николая Чудотворца, и на летнее время присылался из монастыря иеромонах.

Игумен Иаков надеялся, что со временем вокруг этого храма устроится скит или монастырь, и обращался к царю за поддержкой с прошением. Однако получил в 1596 году от царя Феодора Иоанновича грамоту с отказом, а в 1597 году был переведен в Костромской Ипатьевский монастырь. В конце XVI века из-за нехватки дров солеварни на Анзере были закрыты, и посещали его только рыболовы и звероловы во время промысла. По преданию там селились отшельники, имена которых известны только Богу.

с. 85

Первым пустынножителем, который поселился на Анзерском острове по благословению игумена, стал преподобный Елеазар.

По желанию родителей царя Михаила Федоровича, патриарха Филарета и инокини Марфы, в 1620 году община пустынников, подвизавшихся под руководством преподобного Елеазара, приобрела статус скита. Согласно царской грамоте в скиту полагалось жить 12 инокам, которым отпускалось государственное жалованье, чтобы они в хозяйственные дела Соловецкого монастыря «не вступались», а молились, сколько хватит сил, о душевном спасении и телесном здравии государя и его родителей, а также о благоустроении всего мира. Грамотой Патриарха Филарета от 18 марта 1620 года Соловецкому игумену Иринарху было предписано послать в скит плотников и срубить для пустынников клетской храм в честь Святой Троицы с приделом преподобного Михаила Малеина.

Место для скитской церкви было указано чудесным образом. «Некогда же видех аз, грешный Елеазар, умныма очима над тем местом, идеже ныне стоит святая церковь, облак темен, и нача быти красен, и сниде, нача гремети, обходяще то место, попаляя и очищая остров, идеже церковь и келии ныне стоят, в длину восемьдесят сажен, поперек — сорок. Ин же брат поведа мне, имя ему Феофил,—

видяще идуще от высоты небесныя, от Востока, церковь на место богоизбранное. Старец мой Фирс слышал яве звон велми, и мене воззва из келии во свидетельство се бывающи. Лука же верижник, что был у губы у Троицкой, слышал во дни глас неизреченный и звон мног на том же месте: в то время брал ягоды на монастырь Соловецкой. И мнози людие поморцы, егда стояще у острова ко пристанищем, поведаху мне страшная и различная знамения» [76, с.111].

Когда уже были заготовлены бревна для церковного строительства, на Анзер отправился сам игумен Иринарх и положил основание церкви на том месте, где теперь стоит храм. Неожиданно преподобный Елеазар стал ему возражать: «Аз же моляще его подвигнути основание повыше, чтоб среди острова. Он же не послуша. Мне же перекующе ему о сем. Он же поведа мне: "Сын, де, мой духовной, инок, сидел на тони, со служебники ловил рыбу красну на Соловецкой монастырь, — на устье Кобыльей губы, от того места за две версты. И поведа мне страшно видение: во время полудня сидящу ему стрегуще рыбы и видех на том месте столп огнен, до небес восходящ. Он же вскоре посла двух человек своих рыболовцов: "Идите и возвестите ми, что се есть таково дивное знамение?" Они же приидоша на место то, огня же не видяще, токмо от того места восходяще дым и гарь. И приидоша к старцу и поведаху ему, яко на том месте быша знамения подле того, идеже келия стояла Усольскаго дворища[1]". Имени же игумен того старца не поведа[2].

Во оно же время, при игумене Рафаиле[3] видяще в нощи иноцы и белцы Соловецкаго монастыря над монастырем Анзерским свет неизреченный. Они же мняще, яко церковь и вси келии от огня погореша. И в той же нощи игумен посла двух человек на проведание. Они же приидоша скоро ко мне и вопрошающе мя и братию: "Что у вас в нощи сей бывше?" Нам же отвещающе: "Ничто же видехом, токмо милостию Божией хранимы"» [76, с.112].

Деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы была построена и освящена в 1621 году. От Соловецкого игумена был определен в Анзерский скит строителем (скитоначальником) иеромонах Варлаам, а в 1624 году строителем был назначен преподобный Елеазар.

31 июля 1633 года царской грамотой Анзерский скит был отписан от монастыря: пустынникам разрешалось избирать строителей из своей среды, иметь братии 12 человек и 2 мирян для рубки дров.

с. 95

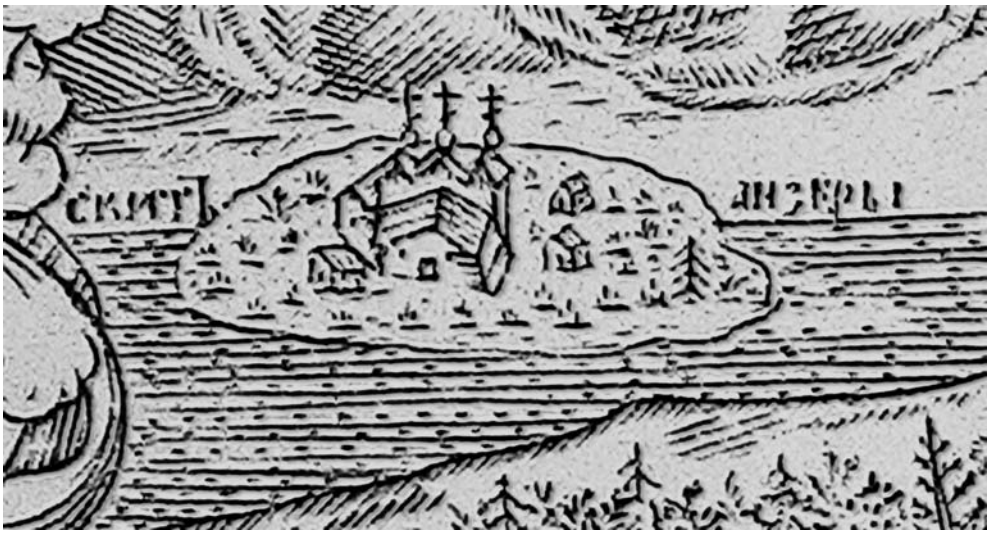
В «Своеручной хартии преподобного отца нашего Елеазара Анзерского о бывших ему видениях и откровениях» упоминается о явлении ему Пресвятой Богородицы, держащей Предвечного Младенца на левой руке, которая повелела: «Елеазар, имейте смирение и любовь между собой по заповеди Христовой, и во имя Мое поставьте святую церковь». Ссылаясь на это видение, преподобный Елеазар в 1636 году обратился к царю с просьбой поспособствовать в строительстве каменного храма в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение».

---

[1] Келия Соляного двора, где хранили вываренную соль.

[2] По-видимому, старец Елеазар написал о своих пререканиях с игуменом, чтобы и последователи его не сомневались в том, что место для церкви указано Богом, и не соблазнялись мыслями из соображений удобства расположить церковь посреди острова подальше от ветров.

[3] Управлял монастырем в 1632–1636 гг.



Вид Анзерского скита с середины XVII до середины XVIII в.
Ровинский Д. А. Указ. соч. Фрагмент гравюры №1

Учитывая, что прежняя церковь стала тесной для умножающейся братии, царь в 1638 году повелел «вместо малой трехсаженной деревянной церкви, выстроить каменную, поземную, внутри пяти саженей, с трапезою, во имя Знамения Пресвятыя Богородицы».

Царь велел Двинскому воеводе князю Львову послать мастеров для строительства на Анзере каменной церкви. Соловецкому же игумену Варфоломею в грамоте 12 января 1638 года было приказано дать с монастырского завода для предполагаемого строения кирпич и известь, с платою из сумм, принадлежащих Анзерскому скиту, т. е. пожалованных царем и имеющихся в соборе. Государь Михаил Федорович дал на строение 200 рублей с тем, чтобы Анзерские пустынники молились Богу за упокой души его родителя патриарха Филарета, и послал из Москвы своего придворного зодчего Трефила Шарутина. Соловецкому игумену Варфоломею не нравилось дело, задуманное Елеазаром, а потому он донес в Москву, что Анзерский строитель начинает церковное строение не по средствам и что в монастыре нет готовых материалов. Хотя Варфоломей в следующем году оставил настоятельство, но строение каменной церкви замедлилось на неопределенное время. В конце 40-х годов недостроенный храм разобрали и впоследствии из этих кирпичей поставили церковь Святой Троицы.

Только через восемь лет преподобный Елеазар нашел возможность возобновить строительство. Алексей Михайлович, вступив на престол после кончины своего родителя, вспомнил об Анзерском пустыннике, предсказавшем его рождение, и пожелал видеть его. Преподобный, несмотря на старческую дряхлость, отправился в столицу и был милостиво принят государем. 11 февраля 1646 года царь вручил ему подтвердительную грамоту (т.к. первая в монастыре исчезла) о правах и независимости Анзерского скита и о строительстве каменной церкви. Соловецкому игумену Илии государь повелел по предложенной мере выстроить в скиту каменную

церковь и донести в приказ большого дворца боярину князю Львову, во что обойдется строение. Теперь, казалось, все препятствия были устранены; тем не менее игумен Илия не приступал к постройке, пока не получил подтверждения о царской воле от двинского воеводы, князя Ромодановского. Между тем, негодуя на Елеазара, он успел подержать его некоторое время в Соловецком монастыре в заключении.

В 1650 году состоялось освящение трехглавой каменной Троицкой церкви на Анзерском острове, но постройка была завершена лишь к 1654 году, а полностью освящена уже после кончины преподобного Елеазара (†13 января 1656 г.). В церкви было освящено три престола: во имя Святой Троицы, преподобного Михаила Малеина и иконы Пресвятой Богородицы «Знамение». При постройке церкви было соблюдено традиционное расположение келий, характерное для монастырской застройки – вокруг храма[4]. Ранее «келии <…> расположены были одна от другой расстоянием на одну версту» [17, с.318]. Таким образом, вокруг церкви возник маленький монастырь, или скит для пустынников. Из бревен старой церкви рядом была построена колокольня.

В житии преподобного Елеазара упоминается, что хотя в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» был устроен небольшой придел, а не храм, но в нем непременно совершалась Божественная литургия в богородичные праздники. «И было некое преславное знамение. Ибо внутри святого алтаря пол был плинфеный (вымощенный кирпичем), и за самым престолом божественным пред образом Знамения же, также как показан был Моисею на Синайской горе в купине образ боговоплощения, и здесь показано было подобное знамение: из помоста твердого, сухого и безводного выросли купины (кусты) три леторасли (годовые побеги). А над ними образ Пресвятой Богородицы Знамение утверждается на месте своем. И многие считают, что через сие удивительное дело показуется благодать и милость Пресвятой Богородицы, привлекаемая к месту святому сему» [76, с. 145].

После кончины преподобного Елеазара скитом в течение 21 года управлял иеромонах Никодим в духе своего учителя. Денежное и ружное жалованье, о котором извещал скитян патриарх Никон в 1655 году, было подтверждено царской грамотой 1662 года. Однако в результате смуты, возникшей в Соловецком монастыре по поводу исправления богослужебных книг, Анзерский скит был разорен «от начальствующих» за поддержку мятежной Соловецкой обители. В 1677 году по указу Патриарха Иоасафа в Анзерском скиту были отобраны иконы, церковные сосуды, книги, ризы, жалованные грамоты и денег 494 рубля. В этом же году скончался строитель Никодим.

Однако отшельники Анзер не покинули, и в 1680 году царь Феодор Алексеевич именным указом назначил строителем скита отшельника Романа (1680–1685 гг.), велел все отобранное возвратить и продолжать выдачу ружного и денежного жалования на скит. Была подтверждена и самостоятельность Анзерского скита.

В 1681 году «Святейший Патриарх Никон прислал святых книг: Псалтирь толковую на виршах, книгу Триодь Святаго Великаго поста, книгу Житие Иоасафа царевича великия Индии – все новоисправленные» [76, с.246]. Будучи тяжелобольным, в заточении и предчувствуя скорую встречу с вечностью, Святейший Никон пожелал

[4] Скопин В. В. На Соловецких островах. М.: «АСТ»; «Астрель, Хранитель», 2008. С. 214.

хотя бы через книги еще раз поклониться месту своего обещания, Анзерскому скиту, прося молитв о водворении души своей в небесные кровы со всеми угодившими Богу. В 1682 году указом архиепископа холмогорскаго Афанасия скит был отдан в ведение Соловецкого архимандрита, которому повелевалось иметь строжайшее наблюдение за пустынниками и распоряжаться всем по усмотрению.

Составитель жития преподобного Елеазара летописец Макарий пишет, что к началу XVIII века скит уже «не был в цветущем положении… память об основателе скита почти изгладилась, и гробница его мало посещается» [83, с. 107]. По словам того же летописца, «неизвестно, чем бы кончилось такое положение скита, если бы не явился муж, который восстановил пустынную жизнь в Анзерском ските, оживил память об основателе его и положил начало новому приюту пустынников на горе Голгофе».

с. 155

Таковым замечательным мужем был иеромонах Иов, пожелавший перейти из Соловецкого монастыря в Анзерский скит в 1702 году. Через два года по благословению Соловецкого архимандрита Фирса он стал строителем Свято-Троицкого скита. Скитоначальник возобновил строгий скитский устав, пополнил хозяйственные припасы, начал ремонт ветхих строений, восстановление библиотеки. Когда в 1714 году преподобный Иов перешел на жительство в новоустроенный им на Анзере Голгофо-Распятский скит, строителем Свято-Троицкого скита стал иеромонах Паисий.

Перестройка скитской церкви в 1740 году зафиксирована в «Переписных книгах»:

1676 г. – «Церковь каменная с трапезою и с папертью. Церковь и трапеза крыта в два теса, три главы, а на главах кресты древяные главы же обиты чешуею. В церкве Живоначальныя Троицы Царьские двери, сени и столбцы писаны на золоте… Да в той же церкви с южную сторону под однем тяблом в ряд придел Знамения пречистыя Богородицы, Царьские двери, сени и столбцы писаны краски… Да в той же церкви с северной страны в ряду под однем тяблом придел Михаила Малеина, Царьские двери, сени и столбцы писаны краски…

1735 г. – Соборная церковь Живоначальныя Троицы с трапезою и притвором каменные о трех главах с кресты и бочки и в ней три престола с южную страну Знамение Пресвятыя Богородицы а с северную преподобного Михаила Малеина все три престола без перегороды. В трапезном притворе к северной стране построена книгохранительница. Над притвором церковным ризница, и казенной чулан…

1741 г. – Церковь соборная Живоначальныя Троицы с трапезою и притвором каменная, в ней по странам два престола, первой с южной страны Знамение Пресвятыя Богородицы, второй с северную страну преподобного отца Михаила Малеина все три престола в церкви о одной стране без перегороду; токмо оная каменная церковь и олтари в прошлом 1740 году зачата перестраивати и сломана. Всего в 1741 году над всеми трем олтари своды сведены, а церковь еще строитца, а до сводов церковных строения будет немалое время; из оной церкви и престолов церковная утварь книги и ризы и образы святые все вынесено вон, а трапеза с притвором стоит вся в целости…

1764 г. – Церковь во имя Святыя Живоначальныя Троицы с трапезою каменная из прежней переделанная со главою осмеричною и к ней пристроена па-

латка с папертью каменная осмигранная над трапезою церковною сделана ризница под стропило и оная церковь и колокольня и главы крыты на стропила тесовою кровлею на них кресты железныя»[5].

Еще в 1729 году архиепископ Холмогорский Варнава дал соловецкому архимандриту Варсонофию грамоту с разрешением на перестройку в Анзерском скиту каменной Троицкой церкви и переносе из нее престолов Знамения Богоматери и Михаила Малеина в новую деревянную.

Вид Анзерского скита во второй половине XVIII в. Ровинский Д. А. Указ. соч. Фрагмент гравюры №14.

В 1735 году приделы оставались на месте. А к 1740 году в Троицком скиту была выстроена деревянная церковь во имя преподобных Зосимы и Савватия, в которую «за теснотою» были перенесены приделы Михаила Малеина и Знамения Богородицы. В 1740–1743 годах приезжие каменщики Федосей Иванов и Яков Прокофьев с товарищами разобрали обветшавший храм Святой Троицы и на его месте возвели новый с восьмигранным барабаном. Восьмигранную форму получила и каменная колокольня, поставленная над папертью перед старой трапезной. Над местом погребения преподобного Елеазара была построена новая деревянная часовня, которая впоследствии была заменена каменной. Позднее в трапезной был устроен придел Михаила Малеина тщанием Архангелогородского епископа Варсонофия. Придел Знамения не возобновлялся, оставалась только чудотворная икона, писанная преподобным Елеазаром.

В 1762 году Архангелогородский епископ Иоасаф побывал в Анзерском скиту, произвел строителя Мельхиседека[6] в игумена и установил ежедневное чтение акафиста Божией Матери перед чудотворной иконой «Знамение», а в праздничные дни – отправление молебна перед чудотворной иконой Святой Троицы. В 1764 году при учреждении штатов Анзерский скит был приписан к Соловецкому монастырю, с назначением в нем строителя и 12 монашествующих.

Архимандрит Досифей писал, что в 1803 году была поправлена церковь во имя Живоначальной Троицы, в паперти которой находился теплый придел преподобного Михаила Малеина. В том же году над братскими келиями, находящимися в связи с церковью, была выстроена каменная колокольня. На ней было 6 колоколов: два большие весом от 40 до 90 пудов с немецкими надписями, средний – с надписью на латыни «Ассвер Костер сделал меня в Амстердаме; слава единому

[5] [35, с. 169–170]; РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5, ч.1. Д. 874.

[6] Иеромонах Мелхиседек по принятии схимы наречен Адамом, за старостью и слепотой от настоятельства отказался и умер в скиту в 1777 году.

Свято-Троицкий Анзерский скит.
Литография Троице-Сергиевой лавры, 1881 г.

Богу», надписи на двух малых двухпудовых колоколах свидетельствовали о том, что отлиты они были 1 сентября 1624 года по заказу келаря Троице-Сергиевой Лавры старца Александра Булатникова, надпись на подобном малом колоколе 1572 года – голландская. В 1830-х годах за алтарем церкви была уже каменная часовня, в которой почивали под спудом мощи преподобного Елеазара Анзерского Чудотворца, а по сторонам – мощи двух его угодивших Богу учеников – монахов Никодима и Никифора.

Затем архимандрит Досифей подробно описал сохранившийся до сих пор каменный двухэтажный братский корпус, пристроенный с западной стороны к Свято-Троицкому храму в 1801–1803 годах. Общая длина корпуса – около 40 м, ширина – около 13 м. В нижнем этаже, перекрытом сводами, были расположены братские келии с трапезой и поварней. В коридоре первого этажа сделаны зимний и летний погреба для припасов, а в верхнем этаже устроены настоятельская и братские келии, оштукатуренные и выбеленные, с накатными потолками.

Крыша корпуса была тесовая, фасады украшены тремя фронтонами. В 1827 году поставлен деревянный двухэтажный гостиный корпус для трудников и паломников. Комнаты в нем оштукатурены алебастром. В 1837 году построена валунная баня и портомойня, упоминаются и другие деревянные хозяйственные постройки: изба для рабочих, конюшенный сарай, амбары [17, с. 330–331]. Несколько позднее была срублена над каналом деревянная часовня в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение», куда совершались крестные ходы из Анзерского скита для освящения воды. Чудотворная икона «Знамение» находилась в 1836 году на левой стороне паперти в иконостасе. В 1859 году эта икона, написанная препо-

добным Елеазаром, была перенесена на Соловецкий остров в придел Знамения Пресвятой Богородицы, устроенный над церковью в честь святителя Филиппа.

Нынешний Свято-Троицкий храм был заново отстроен за три года по проекту архангельского архитектора Введенского при архимандрите Мелетии и освящен 30 июля 1884 года. Храм возведен на искусственном подсыпном холме, укрепленном с севера и запада валунной подпорной стенкой. На этом месте стояла прежде надгробная часовня преподобного Елеазара. Отвечая мемориальному назначению, основной объем храма решен в виде восьмигранной призмы[7] на невысоком цоколе. Декор фасадов выполнен в древнерусском стиле. Каждая грань увенчана закомарой с кокошником, углы акцентированы лопатками. В кокошниках – символическое изображение Святой Троицы – треугольник с «сиянием». Под кокошниками фигурный карниз, а под ним – узорный пояс, выложенный из кирпича. Шатер кровли на половине высоты прерывается восьмигранным поясом, в грани которого вставлены полукруглые окна. Эта цилиндрическая часть покрыта верхним шатром с высокими слуховыми окнами. Шатер увенчан небольшим барабаном и луковичной главкой.

Внутреннее пространство храма перекрыто сомкнутым сводом. Полы храма были выложены белокаменными плитами, стены украшены масляными росписями по штукатурке, пятиярусный иконостас с колоннами покрывала позолота. К западной стене храма были пристроены хоры на железных кронштейнах с опорой на деревянные колонны; вход на них был сделан прямо со второго этажа келейного корпуса. На стене над дверью на хоры было написано изображение Божией Матери «Знамение» с предстоящими перед Ней в коленопреклоненном молении Зосимой и Савватием Соловецкими чудотворцами. Снизу из храма на хоры вела деревянная винтовая лестница.

С запада к церкви примыкала небольшая паперть, органично соединяющая храм со старым келейным корпусом, в ней помещались ризница и библиотека. Вход в церковь сейчас расположен с северной стороны. Прежде вход был с западной стороны – через паперть. Теперь на этом месте провал. Под папертью размещался подвал.

Западнее паперти находилась сводчатая трапезная XVII века с приделом во имя преподобного Михаила Малеина. Свято-Троицкий храм был летний – холодный. Теплая зимняя церковь во имя преподобного Михаила Малеина располагалась в восточной части трапезной. Одноярусный иконостас голубого цвета с позолотой включал в себя 15 икон. Стены трапезной были украшены росписями с растительным орнаментом и медальонами. Северо-западный угол занимала печь, облицованная бело-голубыми изразцами с орнаментом из виноградных кистей и изображениями единорогов и сказочных птиц. Общая площадь трапезной составляла приблизительно 60 кв. м. Трапезная была перекрыта сомкнутым сводом

[7] С числом 8 связано представление о круговороте церковного времени: семь дней творения и восьмой день будущего века. По восьмеричному принципу устроен основной круг церковного богослужения – «осмогласие», который начинается от Пасхальной седмицы, когда каждому гласу соответствует один день, затем песнопения каждого гласа начинают звучать на воскресной всенощной и продолжаются до следующей субботы. Первый восьминедельный цикл завершается на праздник Троицы, а затем повторяется каждые восемь недель.

с распалубками на каждой стене над окнами и дверями. Максимальная высота свода в трапезной – 3,5 м. На втором этаже находились покои настоятеля. У колокольни, примыкавшей к трапезной с западной стороны, было изменено завершение по подобию завершения новой Троицкой церкви: добавлены кокошники и поставлена главка вместо шпиля.

Цв. вкл. III, с. 4

В конце XIX – начале XX века в скиту проживало 15 человек братии под управлением иеромонаха-строителя. В «Историческом описании Свято-Троицкого Анзерского скита», которое вышло в 1914 году, говорилось, что в Анзерский скит уходят по благословению настоятеля Соловецкого монастыря «испытанные в благочестии старцы, чтобы в отдаленном уединении и тишине беспрепятственно предаваться молитвенному подвижничеству и в безмолвии, внимая своему спасению, беседовать с единым Богом».

Вот каким увидел Троицкий скит священник отец Николай в 1892 году: «Анзерский скит расположен на равнине. Местоположение со стороны дороги не живописно. Издали скит кажется как будто селом с церковью и стоящими около нее домиками и усадьбами. Сама церковь с прилежащим к ней каменным корпусом обнесена деревянной оградой, внутри которой разбит, как заметно, еще недавно сад. Мы прошли в Троицкую церковь, где покоятся мощи преподобного Елеазара под спудом. В церкви нас встретил иеромонах о. Мисаил, строитель скита, и показал нам все достопримечательности скита. Обходился он с нами с предупредительной внимательностью и уважением, в которых слышалась искренняя душевная доброта, желание услужить и сделать посетителям, сколько возможно, пребывание в скиту приятным. Отслужив перед ракою преподобного Елеазара молебен, мы посетили и другой придел во имя преподобного Михаила Малеина. При выходе из скита, нас сопровождал о. Мисаил до самых скитских ворот и простился с нами глубоким поклоном с пожеланием нам счастливого и благополучного пути. Добрый человек! Память о нем останется у меня навсегда. По распоряжению о. Мисаила, нам была подана пара лошадей, запряженная в долгушку, для дальнейшего путешествия. Расстояние от Анзерского скита до Голгофского 4 версты»[8].

Иеромонах Мисаил (Кулюбакин Михаил Гермагенович, р. 1839) управлял Свято-Троицким скитом в течение 10 лет (14 апреля 1888 г. – 18 марта 1898 г.). До этого он 8 лет проходил послушание ревизора книг монастырских и скитских послушаний. По отзыву настоятеля архимандрита Иоанникия: «К начальственной должности очень способен, хозяин заботливый и разумно распорядительный» [120, л.12 об.-14]. Впоследствии до 1900 года иеромонах Мисаил был строителем Спасо-Вознесенского скита на Секирной горе. Здесь к предыдущей характеристике добавилось слово «обходительный». В 1900 году ему исполнился 61 год, в списке 1901 года иеромонах Мисаил уже не числился.

После него строителем Свято-Троицкого скита был иеромонах Вениамин (Резников Василий Павлович, р. 1833 – † 26 февраля 1900). О встрече с ним в 1899 году с восхищением вспоминал инспектор МДА архимандрит Евдоким: «Из всей братии, живущей здесь, я успел только сосредоточить немного внимания на о. строителе. Ему 67 лет. Пустынно место, не сложны начальнические обязанности, но, несмотря на

[8] Вятские епархиальные ведомости. 1893. №6. С. 228–229.

это, о. строитель давно уже просится в схимонахи. Очевидно, человеку хочется еще глубже уйти в себя, более погрузиться в созерцание тайн Божиих, разлитых всюду в неисчерпаемом количестве. "Бываете ли вы на Голгофе", – спросил я его. "Нет, – отвечал он. – Зачем ходить, когда не нужно?" Оказывается, в течение трех лет он ни одного разу не побывал на Голгофе. Так не любят здесь иноки ходить без дела. И понятно – почему. Когда внутренняя жизнь полна глубокого смысла, когда свет Христов непрестанно озаряет душу, когда мир ни на минуту не оставляет человека, тогда нет ему нужды скитаться по людям и искать спасения у них. Такой человек спасение свое носит с собой и ни в чем от других не нуждается. И северный полюс не страшен ему»[9].

Это впечатление гостя совпадает с мнением настоятеля: «отличных качеств, жизни очень воздержной, к управлению скитом способен, ревностен в исполнении своих обязанностей» [123, л. 15об.-17].

В 1924 году, после закрытия Соловецкого монастыря, на Анзере было создано VI отделение Соловецкого лагеря особого назначения. Скит стал административным центром анзерского отделения. Здесь содержали духовенство и политзаключенных. В 1929–1931 годах в келейном корпусе скита находились в заключении инокини из разных монастырей. В келейном корпусе была устроена кустарная мастерская, которой в 1929–1930 годах заведовала Ольга Викторовна Второва-Яфа, осужденная на три года по делу религиозно-философского кружка «Воскресение». Она назвала свои воспоминания «Авгуровы острова», имея в виду, что люди, окружавшие ее на Соловках, под маской нового советского человека-винтика в отлаженной машине СЛОНа умудрялись свято хранить в глубине сердечной образ Божий, освящающий и просвещающий их жизнь. Ольга Викторовна рассказала о праздновании на Троицкой командировке Первого мая, совпавшего в тот год с Пасхальным торжеством.

«Лед еще лежал на заливе, и окрестные холмы были покрыты сугробами снега, но, ввиду приближающегося Первого мая, уже шли подготовительные работы для достойной встречи великого пролетарского праздника.

У древних белокаменных монастырских ворот плотники сооружали триумфальную арку фантастической архитектуры, женщины вязали гирлянды из ельника, в живописном цехе выводили белилами по кумачу очередные лозунги, а на сохранившемся еще амвоне, служившем эстрадой для антирелигиозных постановок, шли спевки лагерного хора, репетировавшего революционные песни.

Оставалось еще одно необходимое дело: очистить от снега площадь перед зданием бывшего скита, на которой должен был происходить первомайский митинг, и усыпать его песком…

И вот, как раз в Великий Четверг – день этот, по-видимому, был выбран не случайно – с Троицкой <спасательной станции>, отдаленного и засекреченного пункта, в котором было сосредоточено духовенство высших иерархий, затребованы были в Анзер все находившиеся там в то время православные и католические епископы.

И они пришли – и старые, и еще сравнительно молодые, но все одинаково изнуренные, одинаково неприспособленные к грубой физической работе – и в со-

[9] Евдоким (Мещерский), архим. Соловки. Указ. соч. С. 33.

средоточенном, спокойном молчании принялись за дело: скалывали железными ломами утоптанный, слоями слежавшийся и заледенелый снег, складывали его в тачки и носилки и сбрасывали в овраг, соединявший озеро с заливом. Потом внизу, у нагорного берега, брали из-под откоса желтый чистый песок и, нагрузив им телегу, общими усилиями с невероятным трудом втаскивали ее вверх, на расчищенную перед домом площадку. В сельхозе были и лошади, и даже волы для перевозки тяжестей, но использование их на этот раз, видимо, рассматривалось… как идеологически неуместное облегчение.

У всех двадцати семи окон второго этажа стояли люди и смотрели, как четырнадцать слабосильных мужчин в рясах, надрываясь, втаскивали в гору большую, нагруженную песком телегу: одни тянули ее за оглобли, другие, навалившись на воз, толкали его сзади, остальные поддерживали телегу с боков.

Соединившись в одном усилии, шли рядом еще молодой, видимо, очень близорукий католический епископ, бритый, в круглых роговых очках, и сухонький изможденный старичок с белой бородой, православный епископ – ветхий денми, но сильный духом, с неослабным старанием напиравший на воз.

В женской кустарке все побросали работу и столпились у окон; монашки плакали и причитали: "Господи, Господи! И это – в Великий Четверг!.. Им бы теперь как раз участвовать в торжественной службе омовения ног – а они вместо того чем занимаются!"

Я тоже смотрела – и тоже плакала. Мне казалось, что страницы Четьих Миней ожили перед нашими глазами. Эти четырнадцать епископов не были сейчас в подобающем их сану облачении и не находились в храме, не участвовали в обряде омовения ног – этой ежегодно повторяющейся мистерии, символизирующей подвиг смирения; но для меня было ясно: то, что происходит сейчас перед нами, – гораздо больше и выше, ибо это уже не условный символ, не обряд, а подлинный подвиг смирения истинных пастырей Церкви, самоотверженно и до конца твердо отстаивающих веру Христову "противу учений мира сего".

И вот Бог сподобил нас, недостойных маловеров, быть самим очевидцами мученических подвигов этих новых страстотерпцев – безымянных и "неявленных", но от этого не менее достойных "славу многу от Бога принять", как говорится в каноне всем святым, в земле Российстей просиявшим...

К вечеру работа была выполнена. Площадь перед фасадом скита была выровнена и густо усыпана золотисто-желтым песком. И они ушли – все четырнадцать – усталые, не евшие целый день, – по лесной дороге на Троицкую. И думалось, что, вернувшись, они не лягут отдыхать, а станут, наверное, читать Двенадцать Евангелий.

С залива потянуло холодным ветром, стало пасмурно – и вскоре густой и обильный снег повалил на землю и шел, не переставая, всю ночь, покрывая пушистой пеленой лед на заливе, прибрежные холмы, лесные дороги, крышу скита и только что расчищенную перед ним площадь. Утром взошедшее солнце осветило сверкающие девственной белизной анзерские просторы.

В первый день Пасхи была чудесная погода, в воздухе впервые запахло весной, а к первому мая весь новый снег, выпавший на Страстной, растаял и, смешавшись на площади перед домом с обильным песком, превратился в жидкую грязь, в которой вязли ноги согнанных на митинг подневольных людей...

Но перед глазами ослепительно блестел на солнце своей снежной пеленой морской залив, и над ним любовно склонялось северное бездонное небо, благое и безгрешное, говоря людям о вечной Правде и Красоте, в которых когда-нибудь растворятся все их временные, земные страдания»[10].

Анзерское отделение Соловецкой тюрьмы просуществовало до 1939 г.

После Великой Отечественной войны на острове располагались различные подразделения вооруженных сил. Строения Свято-Троицкого скита использовались в хозяйственных целях. Колхозники беломорского села Летняя Золотица заготавливали на Анзере сено. Заброшенный скит подвергался бесконтрольной и зачастую варварской эксплуатации. С 1967 года все здания и сооружения скита перешли в ведение Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. В 1994 году начались реставрационные работы под руководством В. В. Сошина.

После возрождения иноческой жизни в Соловецком монастыре Святейший Патриарх Алексий II благословил совершать Божественную литургию во всех сохранившихся храмах и приделах Соловецкого монастыря, его скитов и пустыней. В престольный праздник Свято-Троицкого храма в 1992 году состоялось первое богослужение: Всенощное бдение и Божественная литургия.

В августе 2009 года при посещении Свято-Троицкого скита Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл благословил насельника Соловецкой обители иеромонаха Георгия (Курдогло) возглавить работу по восстановлению Свято-Троицкого скита. В 2010 году были продолжены работы по реставрации Троицкого храма, братского корпуса, «млечного дома». В 2011–2012 годах воссоздана валунная баня, проведена консервация амбара с квасоварней и ледником, амбара для сушки сетей, каретника и скотного двора. В летнее время раз в месяц скитоначальник иеромонах Георгий дает возможность паломникам побывать на праздничных богослужениях в скиту.

В день Святого Духа 4 июня 2012 года Божественную Литургию в скиту возглавил наместник монастыря архимандрит Порфирий. В проповеди после литургии он сказал: «Господь собрал нас сегодня в день Святого Духа – в день рождения Церкви – в Своем малом скиту, устроенном во имя Святой Троицы, для того, чтобы, как говорил преподобный Сергий, воззрением на Святую Троицу побеждалась ненавистная рознь века сего. Так и преподобный Елеазар три столетия спустя на этом святом месте по особому откровению Божию основал этот скит, посвятив его также Святой Троице. Сегодня мы здесь совершаем празднование и молимся о возрождении этой святой обители. Сегодня мы слышали слова Господа: “Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них” (Матф. 18:20). В этих коротких словах вся тайна Святой Церкви. Церкви не может быть там, где явился лишь один благочестивый человек. Господу нужно, чтобы соборное единство людей образовало ту общину, в которую Господь может войти и соединиться с нею. И сегодня Он дает наставление людям о том, как они должны, находясь в этой общине, любить друг друга, чтобы быть угодными Богу, чтобы быть сосудом Господним для сошествия на них Святого Духа.

[10] Второва-Яфа О. В. Авгуровы острова. Указ. соч. С. 311–314.

Во-первых, Он говорит, что нет воли Божией, чтобы погиб хотя бы один из малых сих (Мф. 18:14), то есть Господь призывает каждого человека, каким бы он ни был, к какому бы племени и роду ни относился. Все призваны в Царство Святого Духа, в Царство спасения.

Во-вторых, Он предостерегает нас от того, чтобы пренебречь кем-либо из малых сих, то есть кем-либо из людей. Нельзя пренебречь решительно никем, каким бы незначительным он ни казался нам по нашему человеческому разумению.

А в-третьих, Он дает великое правило о том, как следует восстанавливать наше единство. “Если же согрешит против тебя брат твой или сестра твоя, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, обличи при свидетелях; если же их не послушает, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытáрь”. (Мф. 18:15–17)

И сегодня мы, молящиеся здесь, являем как бы слепок нашей Церкви. Восстанавливать этот скит Святейший Патриарх, находясь здесь два года назад, назначил отца Георгия. Он из Молдавии, ваша группа – из Закарпатья, матушки, которые сегодня пели, из Золотоноши. Вот мы здесь и собрались от всех племен нашей Святой Руси, чтобы помолиться о восстановлении этого места. Конечно, трудностей много, только через их преодоление можно привлечь благодать, почивавшую прежде на этом месте. В первую очередь не стены восстанавливаются, а душеспасительный уклад скитской жизни, чтобы было чем поделиться с паломниками и с приходящими из мира людьми. Чтобы скит стал как бы источником живой воды, из которого приходящие могли бы черпать силы».

Глава 7

ГОЛГОФО-РАСПЯТСКИЙ СКИТ

Как упоминалось выше, в 1702 году в Анзерском скиту появился инок, которому было суждено не только собственным духовным подвигом восстановить традиции пустынножительства, но и стать основателем нового скита на горе Голгофа. Этим иноком был преподобный Иов (в схиме Иисус) Анзерский.

с. 155

В рукописи XVIII века[1] говорится, что иеромонах Иов, будучи строителем Анзерского скита, проходил житие благое и непорочное, ревностно подражая основателю скита преподобному Елеазару, и твердо намеревался пребывать на том месте до конца дней своих. Под его руководством подвизались еще два ученика-пустынника, и он посещал их келии ради духовного наставления и беседы.

Один из них, иеродиакон Паисий, иконописец, жил как отшельник в пяти верстах к востоку от Троицкого скита у подножия высокой конусообразной горы с юго-западной стороны. В рукописи утверждается, что именно на этой горе и жил сначала преподобный Елеазар, когда он «во Анзерский остров един жити вселися, и первее поживе на самом верху высокия святыя горы, иже обретается посреде морскаго того оттока… По летех убо многих водворися под тою горою Паисий отшельник и живяше ту»[2].

Итак, в среду 18 июня 1712 года после Божественной Литургии преподобный Иов пришел в свою келию и по обычаю вкусил «муки ячменныя, растворенныя варом (кипятком), и воды мало. Такую пищу он имел всегда, с тех пор как поселился в Анзерском скиту, и ту принимал в меру, только полфунта (200 г) в день, лишь бы не умереть от голода, хлеба же никогда на огне не пек, следуя сказанному пророком: постом и воздержанием смиряя душу свою, и питие свое с плачем растворяя. Посевая семя в век грядущий (заботясь о плодах жизни вечной), преподобный и сна позволял себе мало, подолгу пребывая в бдении».

В тот день он оставался в скитской келии, собираясь немного поспать. Но едва задремал, как внезапно был восхищен духом и оказался в келии отца Паисия, который писал образ преподобного Елеазара по благословению преосвященного Рафаила, архиепископа Холмогорского и Важеского. Тут же преподобный Иов

[1] РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 263. Л. 36–43. Предположительно датируется третьей четвертью XVIII в.

[2] Там же. Л.37.

увидел и второго своего духовного сына и, удивляясь происходящему, начал, как обычно, беседовать с учениками. Неожиданно «предста ему преподобный Елеазар, и ничто же к нему глагола». Отец Иов удивился явлению святого и, прекратив беседу, прилежно смотрел то на честные седины преподобного, то на его живописное изображение, стоявшее рядом, и поражался сходству. Преподобный стал невидим, но вскоре предстал ему второй раз, и снова отец Иов замолчал, а преподобный скрылся.

Представ же в третий раз, преподобный Елеазар, сказал: «Господине, честный отче и брате, что скрываеши беседу твою, не таи убо от мене ничтоже, аз вем намерение ваше доброе, с вами всегда пребываю и слышу благое учение твое, и совет поучений твоих, яже между собой о святом житии вашем в ревности тщаливно располагаете. Аз же елико могу испросити у Пресвятыя Троицы и Пресвятыя Богородицы, то во всем помогаю вашему преподобию и правде»[3].

Преподобный Елеазар «богомудренно помолился, воссылая молитву свою на небо, и был вокруг келии отшельника как бы шум ветра, и покров хижины его отверзся, и свет явился необычный, и лучи возблистали многие, келия же показалась пространна зело, и устроилась в подобие неба, и окрест нея стояли облака многие, и <сияние> дивного оного света божественного, яко молния скоро изыде. И предстала в келии чудная Царица Небесная всего мира Заступница, Пресвятая Владычица наша Богородица, в ризах багряных и премудростию великого Бога позлащенных и весьма человеческими умы необыменная, иже всякими пестротами учиненная; и отнюд несказанный с нею же Царицею Небесною снизшел и девственных иноков полк, во облацех носим и как бы в небе стоящий. Лица же иноков, взирающих из облаков к Богоматери были прекрасны и благообразны как лица ангелов, одни из них были видны по пояс, другие же до персей, а у иных были видны только главы. Священный же скитский отец <преподобный Иов>, зря сия чудная видения, премного удивлялся о преславном к нему пришествии и милостивом посещении Пресвятой Богородицы, радуяся духом и сердцем веселяся от видения Небесной Царицы, и, пав на землю, поклонися ей. Яко совершен знаменоносец, но плотию своею от безмерного света ея облистания зело ужасеся и весь вострепета. Пречистая убо Богоматерь глагола ему: “Не бойся, возлюбленный угодниче Сына моего и Бога!” И отверзе оконце внутренния келии и показа ему божественным своим перстом: “Зри высокую гору сию, иже нарицается Голгофа, и будет утверждение твое наверху горы сия, и вселишися на ней жити со двема ученики твоими”. И по сем слыша глас божественный глаголющий к нему: “Освяти гору сию Голгофу, и поставь на ней крест, иже зде устроится церковь Распятия Христова, и скит Распятский прозовется, и превознесется паче ливана плод Его, и процветет ограда яко трава земная”. И со гласом Господним в мгновение ока вси обретошася на верху горы тоя, и паки глагола Пресвятая Богородица к священному мужу к служителю своему: “Се заповедь вам трем полагаю, еже в пребывании своем, егда на горе сей церковь созиждется, и тогда ничтоже ни с кем глаголати повелеваю, но точию между собою совет творити спасительный и ради нужных дел расположение вещати. Аще кто от великих людей приидет посетить вас, еже видети жилища ваша и возжелает глаголати с

[3] Там же. Л.38.

вами пользы ради, тогда, веры ради его, писмены ответ ему чините, а усты и языком ничтоже к нему не глаголите. Пищу же себе притяжавати и одежды устроявати от своих трудов, и на птицы небесныя взирати, и на Промысл Божий попечение о себе возлагати. Женам же зде на гору сию отнюд пришествия да не будет. Аще кто от вас отидет к Богу в жизнь будущую, тогда в наставниково место или в число двух учеников его избирати искусного мужа духовна из таковых, кто во всем во благой ревности вашему спасительному житию последовати будет, и окрест сея святыя горы Голгофы по иным холмам селитися имать, да всегда явится троичное ваше число исполнено". В тот же час Господним велением и действием Святаго Духа, иже везде сый пребывает и своею божественною силою вся исполняет, яко на освящение все принесено бысть на гору: святый крест Христов и многоявленная икона, на ней же образ Пресвятыя Богородицы Тихвинския, яже и прежде сего в чудотворениих своих явися Ему скитскому отцу, и тогда во действии Божии небесныя силы на горе святей Голгофе устрояху, иже ту утвердиша столец, и на нем поставлена в чаше вода и круг ея у святыя иконы свещам многим горящим. Еще же ими и кадило в руку священного того знаменоносца вложено быша, и обретеся в ризах и каждаше и пояше над водою тропарь: "Спаси Господи люди Твоя…" и прочая. И честным крестом осеняя воду, и освящая гору Голгофу, нарицаемую от Господа. И вокруг ея по верху хождаше и водою кропяше, и возглашая тропарь: «Спасение соделал еси посреде земли, Христе Боже…» и прочая. И в сем пении очутися в келии своей скитской, идеже живяше, и размышляя в себе от Пресвятыя Богоматери бывшее чудное явление, и умом колебася, аще истина есть видение»[4].

Цв. вкл. III, с. 7

Пока преподобный Иов с опасением размышлял, истинное ли было это видение, последовало второе явление Пресвятой Богородицы с преподобным Елеазаром, и Дух Божий, действуя устами и языком праведника, понудил его петь тропари: «Спасение соделал еси посреде земли, Христе Боже, на кресте пречистыя руце Твои простерл еси, собирая вси языки, зовущия, Господи, слава Тебе», после него: «Нас ради Распятаго придите вси воспоим, того бо виде Мария во гробе и глаголаше, аще и распятие терпиши, Сыне и Боже мой», а в конце стихиру: «Днесь висит на древе…», которая заканчивается трижды торжественно повторяемыми словами: «Поклоняемся страстем Твоим, Христе!» Тогда богоблаженный отец признал виденное истинным проявлением Божественного действия, повелевающего ему вселиться на святой горе Голгофе и там поставить церковь Распятия Христова, а не в старой Троицкой пустыни.

29 июня в воскресный день и в праздник первоверховных апостолов Петра и Павла после Божественной литургии преподобный Иов взял с собой ученика, которого видел во время явления, и пошел с ним в пустыню к другому ученику, отшельнику. Они взошли на гору, названную Голгофой, поставили на самом верху ее четвероконечный крест и, поклонившись честному и животворящему кресту, освятили по чину церковному воду и кропили освященной водой гору с каждением благовонными фимиамами и с пением тропарей.

«Святый же крест, егоже постави блаженный отец по Божественному гласу и по явлению Пресвятыя Богородицы, и днесь на горе той обретается во истин-

[4] Там же. Л. 39–41.

ное уверение и полезное людем спасение, и приходящим человеком в поклонение. Святая же гора Голгофа в самой середине Анзерского острова обретается, и там ныне новое наше спасение устрояет Господь… Того ради и Дух Святый пояше усты праведнаго сего тропари: “Спасение соделал еси посреде земли, Христе Боже…”

Еще же к сему ведению большее исполнение открыл ему Господь. 4 июля в пяток в девятый час дня явился ему в тонком сне троекратно великий Божественный Креститель и Предтеча Христов Иоанн в одеждах верблюжьих и учил носить власяныя и грубые одежды, а мягких и дорогих риз повелел удаляться, ибо такие одеяния слабые и бесчинные монахи по малодушию привыкли носить и народ соблазнять. После же слышен был, как гром, сходящий с неба, голос от Господа повелевающий так: “Се полагаю вам завет спасительный, да будут живущие здесь иноки в пище, и в питии, и в одеждах подражать пустынному житию Предтечеву – вина и сикера не будут пить. И да обновятся ныне ваши древние монашеские законы, и всякий правый путь уставится во обычай полезный, ибо слабостью бесчинных монахов уклад нынешнего жития растлился, исказился и многим небрежением развратился и мерзок явился”. С Божественным же пророком Иоанном священный той отец видел стоящую при святой горе Голгофе матерь его святую праведную Елизавету и поклонился ей с благодарением, восклицая: “Блаженна ты еси в женах, прежде бывшая неплодной, родившая нам великого во пророках, святого Крестителя и Предтечу Господня Иоанна – монашескому пустынному житию первого законоположника”. И от того дня, ради бывших ему божественных откровений, преподобный Иов покинул Анзерский скит и вселился на верху святой горы, называемой Голгофой. Во-первых, построил келию, а потом, по проречению Пресвятыя Богородицы, и церковь во имя Распятия Христова создашася, дабы славити и воспевати в ней Владыку и Господа всяческих и Пречистую Его Матерь»[5].

Краткое повествование об этом чудесном событии было вырезано иеродиаконом Паисием на запрестольном деревянном позолоченном кресте, сделанном руками иеросхимонаха Иисуса. Первоначально крест стоял в алтаре деревянного храма на вершине горы Голгофы, а после устроения каменного храма «находится на стене в Успенском приделе каменной Голгофской церкви в стеклянном футляре, над гробницей иеросхимонаха Иисуса.

Надпись на кресте гласит: “Лета 1712 июния 18 дня в среду, у иеродиакона Паисия в келлии в тонце сне явися Пресвятая Богородица с преподобным Елеазаром Богоблаженному отцу Иисусу распятскому и глагола ему: “Сия гора нарицается Голгофа, на ней же имать быти церковь Распятия Господня и устроится вселение твое, со двема ученики своими, на верху горы сея и скит Распятский построится; слыши глас Божий, освяти гору сию Голгофу и постави на ней крест Господень”. Иисус взем с собою два ученика своя, их же в явлении виде, и шед с ними в неделю по литургии, в память святых Апостол Петра и Павла, и освяти воду по показанному ему образу, и пояше тропари, и кадяше и кропяше гору, и постави сей крест по изволению Пресвятыя Богородицы во уверение и в поклонение”.

[5] Там же. Л. 42-43.

В 1713 году, по челобитной иеросхимонаха Иисуса, преосвященный Варнава, архиепископ Холмогорский и Важский, грамотою своею благословил построить на горе две каменные церкви: одну на вершине, – во имя Распятия Господня, другую – на месте явления Пресвятыя Богородицы во имя Ея Успения; горе именоваться Голгофою, а скиту – Распятским, и быть ему в управлении иеросхимонаха Иисуса.

Но к сооружению каменных церквей встретилось много затруднений и препятствий, и только в 1715 году освящена деревянная церковь во имя Распятия Господня, построенная на вершине горы руками скитской братии. 6-го марта 1720 года иеросхимонах Иисус мирно отошел ко Господу»[6].

После кончины преподобного Иова одни иноки перешли в Троицкий скит, другие – в Соловецкий монастырь, так что в 1721 году на Голгофе осталось только два пустыннолюбца, поэтому в 1723 году Голгофо-Распятский скит был приписан к Троицкому. В 1764 году, по утверждении Духовных штатов, оба скита были приписаны навсегда к Соловецкому монастырю. В 1826 году настоятель монастыря архимандрит Досифей испросил благословения Святейшего Синода на возобновление Распятского скита, «как места священного и способного к провождению безмолвной жизни иноков» [17, с.378]. Получив в следующем году указное дозволение на строительство новой каменной церкви во имя Распятия Господня, архимандрит Досифей принялся за сооружение широкой и пологой дороги, винтообразно поднимающейся к вершине горы, затем началось возведение каменных зданий.

Цв. вкл. III, с. 6

13 сентября 1830 года была освящена сооруженная на вершине горы каменная церковь в честь Распятия Господня с теплым приделом Успения Богородицы, в котором под спудом находились мощи преподобного Иова. Прежняя деревянная церковь была перенесена в 1833 году к подошве горы на место явления Царицы Небесной (место келии иеродиакона Паисия). 14 июля 1835 года этот древний храм был освящен в честь Воскресения Христова.

В XIX – начале XX века в скит назначался по усмотрению Соловецкого архимандрита опытный в иноческой жизни монах, в должности строителя, и десять иноков под его ведение. Все они «отправляются туда по собственному желанию к препровождению воздержнейшей и безмолвной жизни: ибо … в сем скиту воспрещено употребление рыбы и молочной пищи, <…> и установлено неусыпное чтение Псалтири» [17, с. 382] в поминовение живых и умерших благотворителей монастыря. Ради немощи братии архимандрит Досифей благословил вкушение рыбы в субботы, воскресенья и другие Господские и торжественные праздники.

Таким образом, в XIX веке Анзерские скиты приобрели благоустроенный вид. В них были построены каменные келейные корпуса, заведено свое хозяйство, по острову были проложены дороги, для паломников были построены гостиницы. Однако молитвенному деланию это не мешало.

Среди подвижников благочестия XIX века, жизнеописания которых содержатся в «Соловецком Патерике», пять подвизались какое-то время в качестве

[6] «Краткие сведения об основании Голгофо-Распятского скита для раздачи в юбилейный день братии и богомольцам». РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 49. Д. 90. 1912 г.

с. 198
с. 172

анзерских пустынников. Здесь исполнял послушание псаломщика в Голгофском скиту старец Наум. Тут же под Голгофой стояла келья старца Феофана. На ее месте в 1999 году был сооружен небольшой келейный корпус. И еще о двух подвижниках упоминается в «Соловецком Патерике», хотя сведения о них весьма скудны, но пустынным подвигом своим они заслужили уважение братии. Это схимонах Зосима, происходивший из чудского племени, который трудился на рыбной и звериной ловле в Кирилловской и Троицкой тонях. Он никогда не держал в руках денег, не принимал кружечного вознаграждения. Умер 23 июня 1855 года, оставшееся после него имущество состояло из одного только пояса. Второй подвижник – схимонах Матфей. По пострижении в схиму он жил в Голгофо-Распятском ските, «неусыпно упражняясь в молитвах и трудах, имел дар слез, и в ночное время его рыдания слышались в соседних келиях». Умер в глубокой старости и перед смертью видел ангелов.

Сохранились воспоминания паломников о посещениях скита и о его обитателях. Отец Николай в 1892 году писал: «Дорога пошла в гору и, по мере нашего приближения к скиту, становилась все круче, так что мы вынуждены были идти пешком. Вся гора покрыта еловым лесом. До вершины ее идет спирально вокруг нее тропинка; мы несколько раз останавливались отдыхать. Кое-как поднялись. Оглянулись и что за прелесть! Кажется, глаз бы не отвел, все бы смотрел на чудный вид окрестностей острова, разом открывшийся перед нами чуть не с высоты птичьего полета. Вот он весь остров перед вами, как на ладони, с его лесистыми мысами, далеко вдавшимися в море, – вот и пролив, издали кажущийся совсем узким! А вот и то озеро у подножия Голгофы, которое я столько раз видел на картинах; на нем все тоже мостик у берега, что и на картине, виднеющейся с вершины горы, словно щепка. Посмотришь в другую сторону – перед вами безбрежная лазурь моря. Вот как будто на горизонте что-то полощется, что-то мелькает. Чайка, или парус? Это – рыболовная шхуна. Вот и еще несколько таких чаек. Но довольно наслаждаться видами, нужно зайти в церковь. Зашли. На клиросе перед раскрытым складным аналоем стоит молодой послушник и что-то шепотом читает. Мы заговорили с ним; он, посмотрев на нас, ничего не ответил и снова погрузился в чтение. Я снова ему предложил вопрос и снова он ничего не ответил. Странно! Но вот входит в церковь иеромонах и, после обычного приветствия и расспросов, дело объяснилось. Оказывается, что при ските по уставу читается братией в церкви попеременно день и ночь псалтирь с поминовением всех православных христиан и, особенно, благотворителей скита. Послушник, упорно не отвечавший нам, именно и занят был чтением псалтири. Отец Авраам[7], так звали иеромонаха, старик 73 лет, высокого роста, с приятными чертами лица, живет в скиту уже 50 лет, как он нам сообщил; родом оказался из мещан нашего города Слободского, почему, как я заметил, весьма был рад, увидевши пришельцев с своей родины,

[7] В миру Платунов Александр Петрович, родился в 1817 г. Проживал в монастыре с 1839 г. 9 мая 1848 г. пострижен в монашество в Соловецком монастыре. 11 августа 1861 г. рукоположен во иеромонаха. В 1872–1875 гг. исправлял должность строителя Голгофо-Распятского скита [108, л.20 об.-21]. С 1885 г. состоял на покое, находился на Голгофе и исправлял послушание клиросного певца [112, л.189 об.-190]. Скончался в 1892 г.

и отнесся ко мне, как к самому ближнему. С ним мы осмотрели всю церковь, причем он показал нам святыни и достопримечательности, объяснив нам их происхождение; коснулся также истории скита, теперешней жизни братии, условий ее, находя их самыми благоприятными для братии; обратил наше внимание и на красоту местоположения скита, от которой мы уже, еще не увидевшись с ним, взойдя на гору, пришли в восхищение… Отслужив молебен Спасителю, мы направились в обратный путь. О. Авраам, выходя с нами из церкви, приглашал нас зайти к нему напиться чаю, но мы, опасаясь опоздать ко всенощной в монастырь, радушное его приглашение отклонили»[8].

Архимандрит Евдоким так описывал строителя иеромонаха Иулия (Ильин Иван, р. 1842) в 1899 году: «Старец отличался удивительной простотой, лаской, сердечностью и совершенно христианским незлобием. В его душе, кажется, уместился бы весь мир. До сих пор он не имеет у себя никакого келейника; все он делает своими старческими руками. Он готов все отдать ближнему и ничего не оставить у себя. Угощая нас, чем Бог послал, он сбился совершенно с ног. Его нельзя было усадить никоим образом. Оставалось только привязать к стулу, чтобы он не суетился. Хороший старец, и братия относится к нему с любовью. Говорят, пустыня делает людей черствыми и холодными, которым чужды горе и радость других. О, если бы мир имел больше таких "черствых людей", как сократилось бы тогда число раздоров, несогласий, страданий и слез, которые "добрые люди" на каждом шагу причиняют друг другу, да и плачутся от них как малые дети! Этот старец напомнил мне немного старца Зосиму Достоевского, к которому приходило столько народу за лаской, советом и любовью и от которого никто не уходил неутешенным»[9].

Таково же было мнение и студентов-паломников: «Когда мы спустились с колокольни, откуда смотрели на острова, нам предложили пройти в корпус братии и здесь угостили чаем, что было вполне кстати, так как холод давал себя чувствовать довольно сильно. Необыкновенно больших размеров самовар, самой старинной конструкции, пыхтел на столе, возле него суетился о. И., стараясь угостить всех: он бегал взад и вперед и урывками рассказывал о своем житье-бытье, отвечая на наши вопросы. "Слава Богу, – говорил он, – живем мы хорошо, молимся каждый день Богу, работаем, сколько по силам, только вот холодно у нас – это правда; топим печи мы круглый год и зимой и летом, да и снег-то у нас лежит круглый год почти; зато и спокойно здесь: как подует холодком с моря, да поднимется вьюга, разбушуется метель – и занесет нас так, что к нам ни пути, ни дороги не будет, и живем мы девять месяцев, не видя лица человеческого, даже с горы-то невозможно спуститься, всю как есть снегом заносит, только и выйдешь разве один раз в день – воду принести, а то сидишь в своей келье – Богу молишься, да работаешь"»[10].

Отец Иулий был назначен строителем Голгофо-Распятского скита в 1892 году, на следующий день после рукоположения в иеромонаха, и оставался на Голгофе в

[8] Вятские епархиальные ведомости. 1893. №6. С. 229–231.
[9] Евдоким (Мещерский), архим. Соловки. Указ. соч. С. 31.
[10] Соловки и Валаам. Дневник студентов-паломников. М., 1901. С.117.

течение 11 лет. В 1902 году в возрасте 60 лет он был переведен со строительской должности сначала в Сергиевский скит на остров Муксалму, а на следующий год в Филиппову пустынь, заведующим церковью в честь Живоносного Источника. Там он, по-видимому, и скончался в возрасте около 67 лет. Архимандрит Иоанникий на протяжении многих лет неизменно давал ему отличную характеристику: «жизни очень воздержной, к церкви привержен, в управлении скитом заботлив и распорядителен» [125, л. 17об.-19].

Совсем другое впечатление произвел Голгофо-Распятский скит на писателя Михаила Пришвина, который пришел на гору Голгофу 11 июня 1907 года. Пришел, как многие современные путешественники, чтобы «посмотреть и переночевать». Понимая, что вид его нисколько не напоминает богомольца: высокие сапоги совершенно грязные, куртка в смоле от лодки, изорвана, на плече котомка, в которой гремят пустые патроны, он чувствовал некоторое смущение. Тем более что путь по Белому морю в белые ночи и разговоры с кормчим о промысле на тюленей, когда охотников на льдине уносит в море и они прощаются там со всем земным и живут только верой в Бога, настроил его против обыкновения серьезно. «Монашеская жизнь на диком острове – тоже реальное выражение этой веры, – размышлял он. – Как с ними говорить? Я никогда не говорил с монахами, я знаю, у них какие-то свои обычаи, устав, хитрость...» Неведомым течением житейского моря его занесло в этот скит, и он теперь пытался объяснить себе и другим, зачем: «Я не богомолец, туристы сюда не ездят, ученые тоже. Кто я такой? Зачем я сюда забрался?»

– Вы как же сюда пожаловали, по усердию ли…или?.. – обратился к нему строитель Голгофского скита.

– Я, батюшка, от Географического общества, занимаюсь изучением жизни поморов и вот заехал сюда… и по усердию… конечно, конечно, по усердию…

– От Географи–и–ческого? – заулыбался отец Нифонт[11]. – Но ведь у нас, на Соловецких островах, никакой же географии нету.

Пришвин пытался географию защитить. Но, подумайте, какая география может объяснить, как два скита могут практически не сообщаться, находясь на расстоянии в 4 версты, а в то же время в Троицком скиту в XVII веке вершатся судьбы России, а столетием позже в Распятском скиту предвозвещается

[11] Иеромонах Нифонт (Федоров Николай, р. 1865). Вдовый крестьянин Новгородской губернии, жил в монастыре с 1894 г. Окончил 4 класса Соловецкого братского училища. Будучи послушником, с 1898 по 1902 г. проходил послушание в просфоропекарне, с 1900 г. – в качестве старосты. По отзыву настоятеля: «похвальных качеств, трудолюбивый и старательный труженик и очень послушливый» [123, л.272], «честный и добросовестный, внимательный к делу и старательный» [125, л. 280], «благонравен, способен и благонадежен, к церкви очень усерден [126, л.237]. 23 июня 1902 г. пострижен в монашество. 8 сентября 1903 г. рукоположен во иеродиакона. 26 сентября 1905 г. рукоположен во иеромонаха. Кроме исполнения череды богослужений он оставался старостой просфоропекарни и пел на клиросе. 22 марта 1907 г. назначен строителем Голгофо-Распятского скита. К строительской должности он оказался «способен и благонадежен» [140, л.10], а кроме того «обладал особенной способностью иметь мир с неимущими в себе мира [131, л.10]. Поэтому оставался во главе Голгофского скита до 1915 г., при очень хорошем мнении о нем настоятеля: «способен управлять скитом, заботлив по хозяйственной части и распорядителен» [138, л.7]. Дальнейшая судьба неизвестна.

Российская Голгофа века XX. И время здесь, как заметил Пришвин, тоже необыкновенное:

– А уж половина восьмого, сейчас будет трапеза, – заметил строитель.

– Как половина восьмого, солнце садится, одиннадцать!

– У вас, – говорит он, – а у нас половина восьмого, а вот в Анзерском скиту восемь, в Соловецком – девять.

– Как это так?

Он объяснил, что время изменяется потому, что служба должна быть в определенное время, а монастырские работы так складываются, что служить нельзя, когда требуется. А потому и переводят часы.

– Это ничего, – сказал монах, – в сутках остаются те же двадцать четыре часа» [70].

И этот эпизод весьма характерен: время властвует над миром, а монахи силятся принадлежать вечности. И напрасно расстроился незадачливый путешественник, узнав, что и схимники теперь живут в каменных кельях в скитах, а не в лесных хижинах, как прежние старцы-подвижники. Михаил Пришвин едва ли смог бы предположить, что пройдет еще почти сто лет, и в 1999 году в разоренный Голгофский скит придут монахи и будут жить так, как жили пустынники в XVII–XIX веках: в маленьком деревянном домике, без электричества, постясь в течение всего года, на себе перетаскивая за несколько километров все необходимые грузы, доставляемые по морю, и, главное, непрестанно вознося Богу молитвы о всех и за вся. Так что время здесь с нашим не совпадает, и как ни подводи часы, они таинственным образом устанавливаются на тот момент, когда: «Се жених грядет в полунощи…»

18 июня 1912 года состоялось торжественное празднование по случаю 200-летнего существования Голгофо-Распятского скита. От Московской Синодальной Конторы было дано разрешение на следующий порядок празднования: «17 июня отслужить соборно Всенощное бдение в каменном храме Распятия на самой горе и в деревянном храме Воскресения, находящемся у подошвы горы на месте явления Божией Матери, 18-го утром отслужить раннюю обедню в храме Воскресения, и оттуда крестным ходом идти на вершину горы в храм Распятия. Здесь отслужить позднюю Литургию торжественным служением. На литургии сказать приличное торжеству слово, по окончании Литургии петь молебен Божией Матери с возглашением многолетия. Церковное торжество завершить целодневным звоном»[12]. Всем богомольцам были розданы специально напечатанные брошюры с краткой историей скита и житием преподобного Иова.

28 июня 1923 года все постройки Голгофо-Распятского скита были переданы представителями совхоза «Соловки», большинство которых составляли бывшие насельники монастыря, Управлению Северных лагерей ОГПУ. В статье лагерного журнала один из заключенных писал: «В иконах анзерских видел лик преподобного Иисуса. Это благодушный старец... Нет, другие лица опестряют ныне Голгофские стены. Они, эти желтые испитые, болезненные лица – яркий упрек благочестию святых … На склоне горы погост. Под бурыми крестами и плитами – схимники. На крестах череп и две кости. Предназначенный их жизни смысл! На

[12] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 49. Д. 90.

с. 456

кресте надпись: "На сем месте покоится смиренный раб Божий, монах Даниил[13]. В мире именовался Дионисий. Скончался в 1887 года сентября 3 дня от роду 65 лет[14]. Блаженный старец подвизался во святой обители 44 года. Был примером смирения всему братству. Перенес он тяжкие искушения по зависти врага рода человеческого, безропотно с помощью Божией все побеждал, по высоте же смирения достиг благодати свыше – дара прозорливости, которую познавали, как братия, а также и приходящие богомольцы; после всех искушений в земном странствовании отец Даниил в вере, надежде, любви отошел с миром ко Господу". Так вещают буквы старческой витиеватой дрожью славянского письма, а рядом крохотный

[13] Монах Даниил (Ермаков Дионисий Максимович, р. 1822). Из мещан г. Архангельска. Проживал в монастыре с 1844 года. Юродствовал, что нашло отражение в отзывах настоятелей архимандрита Феодосия за 1873 г.: «по внешнему образу жизни неукоризнен, но по религиозно-нравственному настроению одобрения не заслуживает [106, л.114], и архимандрита Мелетия в 1883 г.: «Странно юродивую жизнь проводит». С 1882 г. «в Голгофо-Распятском скиту нес послушание синодичного, каковое исполнял с ревностью, любя поминать покойников. Имел он Библию громадных размеров. Она постоянно лежала у него на полу. Он любил читать Слово Божие и почти не расставался с ним. Бывало, когда приходили к нему братия или многочисленные богомольцы, прослышанные о его благодатных дарах, то он обращался со всеми очень внимательно и ласково, раздавал крестики, Троицкие листочки и др., но не всем все говорил из того, чего они ждали или хотели, потому что не с искренним чувством и покаянным настроением приходили к нему… Братия монастырская считали о. Даниила истинным подвижником благочестия и свято чтят его память и по сие время. Никого он не боялся по-человечески, ни перед кем не пресмыкался, никому не льстил, а правду говорил всем в лицо. Бывали случаи, что и обличал, кого следует, но делал все это под маской юродства. Подвиг такой взял он на себя не сразу, сначала братия замечали в нем только странности, но от времени это выявлялось определенно, и он во мнении богомольцев и братии слыл за "блаженненького". "Блажит отец Дионисий", – бывало, говорили про него, и все уже знали, что он что-либо особенное или сотворил, или сказал» [46,№2,с.46]. 17 ноября 1885 г. пострижен в монашество, но в рассказах братии и богомольцев больше упоминался как о. Дионисий Голгофский. Трудник Петр из колесной мастерской так почитал о. Даниила, что по благословению своего старшего иногда ходил к нему за советом или утешением. Однажды в марте, когда море между Соловецким и Анзерским островами сплошь замерзло, он задумал сбегать к своему старцу. Пошел по дороге на Реболду, но заплутал и вышел на губу не в том месте, где существовал пеший переход. Пошел дальше и провалился по пояс в полынью. Выбраться не хватало сил, и мешал тонкий лед. Видя близкую смерть, он стал с мольбой кричать: «Отец Дионисий! Отец Дионисий! Не к тебе ли я иду, что же ты мне не поможешь?» Вдруг кто-то с необычайной силой как бы выпихнул его на твердый лед, он упал, но тут же, «радостный от явившейся помощи и явного спасения от неминуемой смерти, побежал я вперед. Одежда и обувь на мне заледенели. В Анзеро добрался к самой вечерне. Скрыл я от братии, кому обязан своим спасением. Обогрели меня, одежду высушили, и рано поутру побежал я на Голгофу. Не доходя версту до скита, вижу, словно поджидает меня кто-то, спустившись с горы. Радости не было конца, когда я, приблизившись, узнал своего старца о. Даниила. Сам ласковый, но, как бы сердясь на меня, скороговоркой проговорил:

– Царица Небесная тебя спасла, Она тебя вызволила. А ты меня просил! Что вздумал – меня просить, от меня помощи ждать. "Отец Дионисий! отец Дионисий! Не к тебе ли я иду, что же ты мне не поможешь?" – повторил он мои слова.

А мне стало и стыдно за себя и радостно за него, что такого великого прозорливца Бог слушает и по его молитвам помогает нам, грешным» [46,№2,с.42]. Сам о. Даниил в простоте и смирении скрывал от суждений братии свои благодатные дары, так как считал себя недостойным милостей Божиих.

[14] В помяннике (ЦАК Соловецкого монастыря КП вещ. №309 Л.8об) его имя записано о упокоении 5 сентября. По-видимому, дата кончины 5 сентября 1887 г.

Расстрелянные росписи в храме Распятия Господня

холмик, на холмике венок с черными лентами, и на холмике нет креста. Унылая девушка с коричневыми кругами у выцветших глаз бросила букет бирюзовых незабудок. Зачем? Она сама не знает. Ей отпущена порция лирики, и она изливает ее, как умеет. Ей сегодня хочется быть "опечаленной невестой". И, если нет щепотки кокаину, чтобы посолить свою пресную душу, она польет ее каплями истерических слез»[15].

В конце 1928 – начале 1929 года, когда в СЛОНе свирепствовала эпидемия тифа, в Голгофо-Распятском скиту был устроен стационар медчасти Соловецкого лагеря особого назначения, в котором умерли тысячи заключенных. Сбылось предсказание Божией Матери преподобному Иову о том, что «придет время, верующие на этой горе будут падать от страданий как мухи» [15, с.73] Один из служащих этого тифозного госпиталя вспоминал: «Картина, которую я застал по приезде, была ужасна, название Голгофы вполне оправдалось. В тесных помещениях, битком набитых людьми, стоял такой спертый воздух, что само пребывание в нем... казалось смертельным. Большая часть людей, несмотря на мороз, была совершенно раздета... Истощенные люди... скелеты, обтянутые кожей, голыми выбегали, шатаясь, из часовни к проруби, чтобы зачерпнуть воды в банку из-под консервов. Были случаи, когда, наклонившись, они умирали...» Множество

[15] Цвибельфиш. На острове на Анзере. // Соловецкие острова, №7, 07.1926. С.3-9.

Дверь келии, превращенной в тюремную камеру

таких свидетельств было собрано в 1930 году комиссией по расследованию случаев жестокого обращения с заключенными.

Ольга Второва-Яфа писала, что осенью 1928 года «в одной только Голгофской больнице из сыпнотифозного барака ежедневно в среднем выносили по шестнадцати покойников; вырытых за лето четырех траншей, на триста трупов каждая, не хватило и до середины зимы. Приходилось срочно заготовлять новые — и по склону Голгофской горы днем и ночью горели костры для оттаивания закаменевшей почвы»[16]. Скоро вся гора, от вершины до основания, оказалась изрезанной траншеями — братскими могилами умиравших на Анзере заключенных соловчан. Гора оказалось подлинной Голгофой: в деревянной Воскресенской церкви был устроен карцер, а в Распятском храме – инфекционный барак[17].

В этом бараке умирал епископ Иустин, который когда-то служил здесь в день двухсотлетия скита. Молясь, он живо вспоминал праздничное богослужение и украшенный храм, стены и своды которого «были покрыты трогательно-наивной фресковой живописью, изображавшей последовательно всю историю Страстей Господних, начиная с взятия Его под стражу в Гефсиманском саду, допроса у Каиафы, суда у Пилата и кончая Его крестной смертью… Помимо своего прямого значения эти фрески как бы пророчески символизировали судьбу анзерских страстотерпцев нашего поколения: ведь каждый соловчанин и каждая соловчанка прошли через все эти стадии: арест, допросы, суд приговор. Каждый нес свой тяжелый крест, многие, кончая этот крестный путь здесь, на анзерской новой Голгофе, страданием и смертью искупали свои грехи»[18].

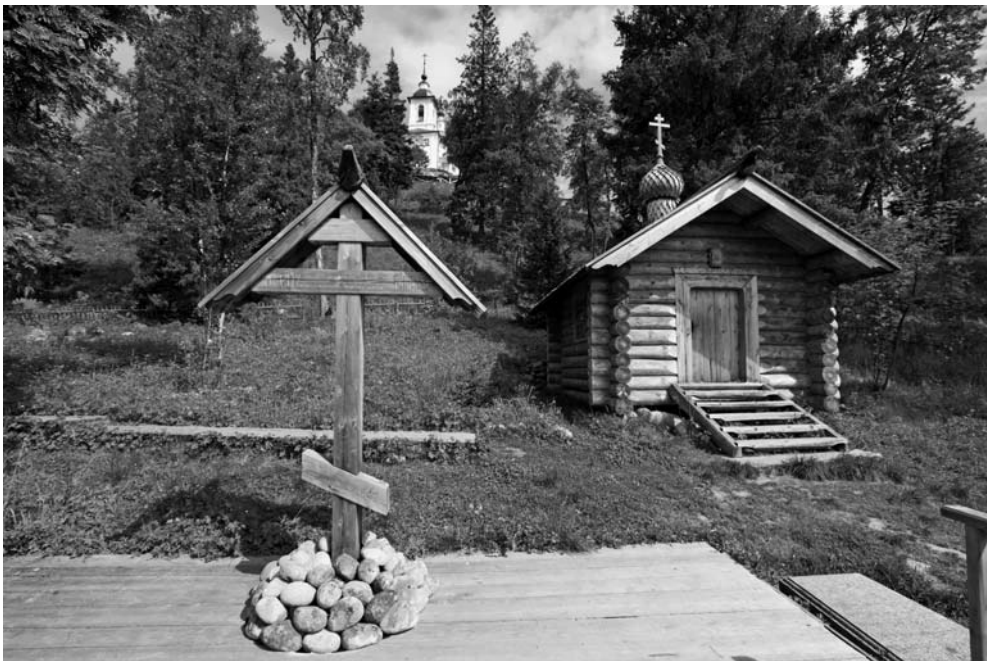
Цв. вкл. III, с. 13

Ко дню явления Божией Матери преподобному Иову гора Голгофа покрывается крупными синими незабудками: по преданию они особенно пышно цветут там, где ступали стопочки Пресвятой Богородицы. И в этом природном явлении усматривается подтверждение обещания Божией Матери «вовеки пребывать на месте сем».

Цв. вкл. III, с. 11

У тропинки, спускающейся от алтаря храма по восточному склону горы Голгофы, ниже восстанавливающегося келейного корпуса, выросла береза-крест.

[16] Второва-Яфа О. В. Авгуровы острова. Указ. соч. С. 314.
[17] Там же. С. 421.
[18] Там же. С. 432.



Часовня на месте обретения мощей сщмч. Петра, архиепископа Воронежского

В советские годы все кресты уничтожались, но Голгофа без креста остаться не могла. Господь сотворил чудо: выросла береза в форме креста. Считая годовые кольца на рядом расположенном пне, оставшемся от березы приблизительно такой же толщины, мы оценили возраст ее около 110 лет. Хорошо бы, конечно, эту оценку проверить специалистам. А нам довольно и того, что «всякое дыхание, да хвалит Господа»: дерево готово воспринять образ Креста, а готовы ли мы воспринять образ Распятого Господа? Подумаем об этом, вспоминая о живших и живущих здесь монахах, они-то, принимая постриг, по крайней мере, изъявили намерение последовать Распятому Христу. Да и мы давали обет в таинстве святого Крещения! Трижды отвечали мы на вопрос священника: «Сочетаешися ли Христу?» – «Сочетаюсь!» Часто ли мы вспоминаем о своем обещании? В начале пути Господь нам сразу показывает цель – соединение с Ним, а путь к этой цели – вся жизнь. Так Голгофа видна издали с моря, потом скрывается, пока совершаем мы свой путь по лесам, болотам, грязи, и вот, мы замираем от восхищения, стоя на вершине и созерцая красоту этой поднебесной земли. А Господь желает открыть нам Небо. Паломники покидают Голгофу все чуть изменившиеся и умиротворенные. В душе Пасха, и они обычно поют «Христос воскресе…» внизу у деревянной церкви, тем более что это тропарь престольного праздника.

3 июля 1994 года в праздник Всех святых архимандрит Иосиф с братией возрождающегося монастыря установили у подножия горы Голгофы поклонный крест в память новомучеников и всех пострадавших на Соловках в годы гонений. В 1999 году на склонах горы Голгофы были найдены массовые захоронения лагер-

ного периода, на месте погребений были поставлены могильные кресты и стали регулярно совершаться заупокойные богослужения. 17 июня 1999 года за алтарем Воскресенского храма были обретены мощи священномученика Петра, архиепископа Воронежского. Мощи были перенесены в Соловецкую обитель, а на месте их обретения в 2002 году поставлена деревянная часовня. с. 343

К концу лета 1999 года были закончены работы по реставрации деревянного храма в честь Воскресения Христова. На праздник Успения Божией Матери в этом храме впервые после долгого перерыва игумен Герман (Чеботарь) и иеромонах Евлогий (Стручалин) совершили всенощное бдение и Божественную литургию. В это же лето к северу от церкви был построен небольшой келейный корпус, в котором впервые остались на зимовку четыре насельника монастыря.

15 марта 2000 года в день празднования иконы Божией Матери «Державная» Святейший Патриарх Алексий издал указ о возобновлении иноческой жизни в Голгофо-Распятском скиту и назначил скитоначальником иеромонаха (ныне игумена) Евлогия (Стручалина).

11 июня 2000 года в трапезной части церкви Распятия Господня на четырехметровой глубине были обретены мощи основателя скита преподобного Иова Анзерского. В том же году на Юбилейном Архиерейском соборе совершилось общецерковное прославление преподобного Иова. Паломники обычно совершают молебен преподобному Иову и прикладываются к его честным мощам, которые поставлены справа на солее у храмового образа в церкви Распятия Господня.

Церковь Распятия Господня, простояв более полувека без кровли, была почти в руинах: главы и верхняя часть колокольни снесены, деревянные келии под колокольней разрушены, своды над алтарем и над трапезной частью провалились, по стенам змеились трещины. Восстановительные работы были начаты в 2002 году и продолжались в течение шести лет. За это время были полностью восстановлены церковь и колокольня, написан новый иконостас в московской мастерской Никиты Нужного, отлит полный набор колоколов. Цв. вкл. III, с. 8

24 августа 2008 года в воскресный день[19] архиепископ Орехово-Зуевский Алексий совершил великое освящение храма Распятия Господня. Ему сослужали исполняющий обязанности наместника Соловецкого монастыря архимандрит Мефодий, благочинный игумен Иоанн уарий, настоятель Голгофо-Распятского скита игумен Евлогий, московские священники: ректор Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета прот. Владимир Воробьёв, прот. Димитрий Смирнов, прот. Александр Салтыков, другие клирики Московской епархии. По завершении чина освящения церкви была торжественно совершена первая Божественная литургия, за которой причастились около 150 человек.

За литургией Высокопреосвященнейший Владыка Алексий рукоположил насельника Соловецкой обители монаха Никифора в иеродиакона. В проповеди скитоначальник игумен Евлогий рассказал о том, что храмов, посвящен-

[19] Предполагалось совершить освящение 23 августа в день Собора новомучеников и исповедников Соловецких – соучастников страданий Христовых, однако из-за нелетной погоды на сутки задержалось прибытие владыки Алексия и гостей, поэтому освящение было перенесено на следующий день.

Святейший Патриарх Кирилл в молитве у мощей прп. Иова Анзерского

ных Распятию Господню, известно всего четыре: на Голгофе Иерусалимской, на Голгофе Ново-Иерусалимской, выстроенной патриархом Никоном под Москвой, в Московском Кремле, где служил преподобный Иов, будучи духовником царя, и на Голгофе Соловецкой. В этих храмах днем престольного праздника должна быть Великая Пятница – день Распятия Господня – день вселенской скорби, когда торжества неуместны. Поэтому торжественные богослужения совершаются в Крестопоклонную неделю Великого поста и на Крестовоздвижение. Отец Евлогий подчеркнул, что почитание Креста Господня помогает христианину противостоять апостасийному духу нашего времени, когда стилем жизни становится стремление к удовольствиям, потребительство, эгоизм. «Не будем обольщать себя мыслью, что можно жить удобной жизнью и в то же время быть христианами – это невозможно. Господь говорит: "Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет" (Ин. 12.26), поэтому, если мы хотим быть с Господом, то последуем смиренно за Ним на Голгофу, терпя с благодарением все, что Ему благоугодно будет послать для нашего спасения».

По окончании Литургии архиепископ Алексий поделился с участниками богослужения своими размышлениями о словах святителя Филарета о том, что суть страданий Христовых – святая и блаженная любовь «Отца, Сына и Святаго Духа к грешному и окаянному роду человеческому. Любовь Отца – распинающая. Любовь Сына – распинаемая. Любовь Духа – торжествующая силою крестною»[20].

[20] Крест Господень. М., 1998.С.120.

Владыка говорил о том, что в жизни нельзя бояться боли, что настоящая любовь рождается только на Кресте, что Отец «через распятого, но послушного Сына приобретает распинателей. Вот в этом Евангелие… об этом мы забываем, когда отказываемся идти со Христом по пути, ведущему на Голгофу. Мы закрываем возможность Небесному Отцу спасать тех, кто рядом с нами. От нас требуется только смирение и мужество… Сегодняшнее освящение мы называем знаковым событием потому, что оно еще раз напоминает сегодня, в день воскресения, что христианство – это религия креста, и только через крест. Через сораспятие на кресте, через соумирание на кресте вместе со Христом возможно вместе с Ним и воскреснуть! И пусть память об этом оберегает нашу жизнь от нехристианских поступков. И будем напоминать себе, что наша жизнь – со Христом. Со Христом распятым, но воскресшим!»

По окончании богослужения братия скита накормили всех паломников вкуснейшим обедом с анзерскими грибами, картошкой, морошкой, свежевыловленной селедкой и привезенными из-за моря арбузами, каждый богомолец получил в дар икону прп. Иова, Анзерского чудотворца, и набор памятных изданий, подготовленных специально к этому высокоторжественному дню.

Глава 8

АНЗЕРСКИЕ ПРИЧАЛЫ, РЫБОЛОВНЫЕ ТОНИ И ДОРОГИ

От Соловецкого острова Анзер отделен проливом Анзерская салма. Минимальное расстояние от мыса Кеньга на Анзере до монастырского поселка Ребалда[1] на Соловецком острове составляет около пяти километров. Раньше здесь была налажена переправа на Анзер паломников и грузов. Теперь из-за плохой дороги на Ребалду предпочитают пользоваться морским путем из бухты Благополучия или из Долгой губы.

Берега о. Анзер сильно изрезаны и образуют несколько глубоких, удобных для подхода небольших морских судов и рыбацких лодок, бухт: Троицкая губа на северо-западе, Кирилловская губа на севере, Капорская губа на юге острова. В зависимости от состояния моря выбирается маршрут: Кеньга – Капорская губа, когда ветер северный, или Троицкая губа – Кирилловская губа, когда ветер южный, чтобы обеспечить безопасность высадки на берег.

На Троицком мысу сохранился деревянный дом, в котором с 1875 года была открыта спасательная станция для оказания помощи при кораблекрушениях. Для этого монастырским начальством избирался старшина из опытных моряков монахов и 12 моряков рабочих людей. Общество спасения на водах выдало спасательный бот со всеми принадлежностями и одеждой для рабочих.

Здесь была устроена часовня во имя Святой Троицы для молитвословия братии, тут живущей и занимающейся рыбной и звериной ловлей. В конце 20-х – начале 30-х годов XX века на Троицкой спасательной станции содержались в заточении католические священники. В 1928 году здесь был помещен и святитель Петр, архиепископ Воронежский.

К Троицкому скиту ведет лесная дорога (4 км), пройдя по которой мимо невысоких березок и полян, покрытых тундровой растительностью, путешествен-

[1] Здесь на холме у причала была деревянная часовня, а в ней доска с надписью: «Часовня эта вновь отстроена по распоряжению архимандрита Александра с братиею, и освящена в 1857 году во имя Святителя Христова Николая, спасающаго призывающих имя его в морях и во всех концах вселенной. Св. Николай – сильнейший ходатай пред Богом и посредник спасения для всех, с истинною верою и любовию к нему прибегающих, и невозможно исчислить множества благодетельных чудес его, совершенных, и ныне совершаемых в помощь и спасение людям» [50, с.118]. В часовне служились молебны о даровании благополучного плавания. Море всегда ненадежно, поэтому и теперь паломническое путешествие на Анзер начинается с молебна с акафистом святителю Николаю.

Троицкая спасательная станция

ники попадают в чудесный сосновый бор, в котором, по выражению одного из паломников «можно детские сказки снимать без декораций». Приблизительно через три километра слева от дороги видна тропа, спускающаяся круто вниз к источнику преподобного Елеазара. Если вы не заметили тропинку или она показалась малоудобной, можно, пройдя сотню метров вперед, вернуться по пологой дороге, по ней же потом следует и продолжать путь до скита (1 км).

Вода в источнике чистейшая, вкусная и, по вере, обладает целебными свойствами. Рядом с источником поставлен крест с надписью: «При строителе Пармене поставлен иеромонахом Ефремом 1917 года октября 24». В день богоборческого переворота, как видимое знамение пребывающей с нами силы Божией, был поставлен этот крест, выкрашенный красно-коричневой краской. Поразительно, что он уцелел, находясь на перепутье Анзерских дорог. В лагерные времена сюда приезжали водовозы со всего острова и на срубе источника писали свои имена, чтобы подать о себе весточку. Существующий сруб и сень над источником восстановлены в 2005 году.

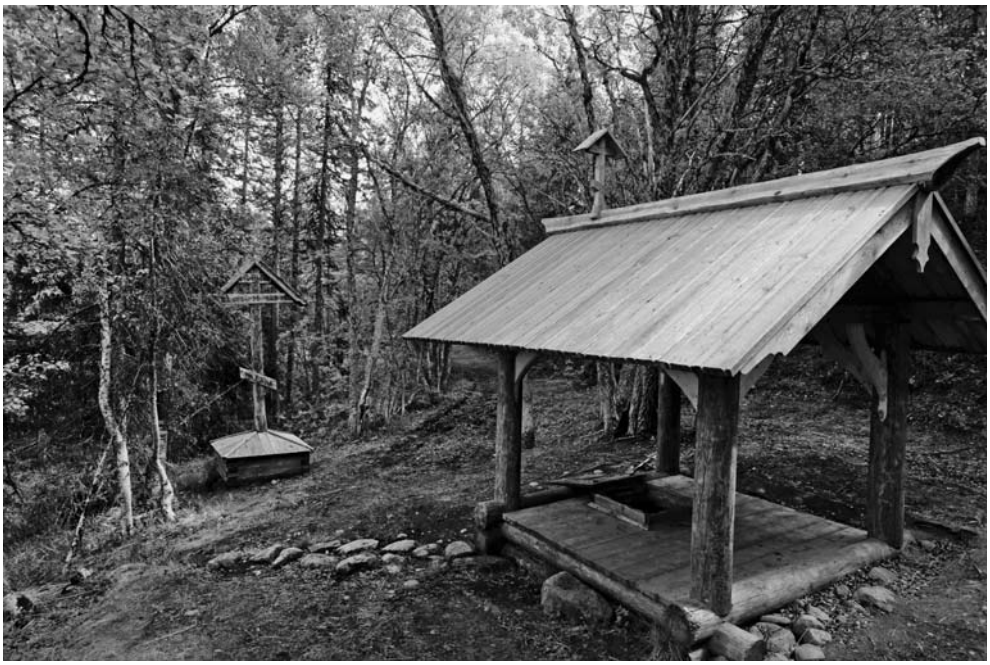
Цв. вкл. III, с. 1

Чаще всего путь паломников по Анзеру начинается с мыса Кеньга[2] с юго-западной стороны Анзера. Здесь когда-то была восьмигранная каменная часовня в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Здесь хорошо помолиться Пресвятой Богородице, вступая на остров, где Сама Пречистая неоднократно являлась и обещала пребывать вовеки. Отсюда около трех километров до Троицкого скита.

В Троицком скиту паломники посещают церковь во имя Святой Троицы. Вход в трапезную часть и келейный корпус категорически запрещен ввиду возможности обрушения. С площадки за алтарем храма хорошо виден канал, прорытый из Святого озера в море. По каналу вода доставлялась к млечному дому, где хранились и перерабатывались молочные продукты, и к утраченному теперь скотному двору, который располагался между млечным домом и валунной баней. В млечном доме живут скитские трудники. Баня восстанавливается.

Ближе к берегу моря сохранились три амбара и причал. С южной стороны от церкви – плохо сохранившееся здание конюшни и развалины печи от сго-

[2] Это название означает «Красная (красивая) пристань».



Крест у источника прп. Елеазара

Цв. вкл. III, с. 4

ревшего в советское время корпуса для трудников и богомольцев. Отсюда дорога уходит на восток в Голгофо-Распятский скит. У мосточка, где дорога пересекает канал из Святого озера в море, воссоздана в 2008 году часовня в память иконы Божией Матери «Знамение». Метров через триста дорога выходит на Богородичный луг, на котором по преданию особенно пышно цветут незабудки на тех местах, где ступала Пресвятая Богородица. Многие иноки старались привезти семена трав из своих родных мест и посеять на этом лугу. Километра через два дорога упирается в Большое Елеазарово озеро (бывшее Круглое). Посмотрите внимательно на противоположный берег: на пригорке, поросшем островерхими елями, построил себе келию преподобный Елеазар. Обогнув озеро, нужно не пропустить тропинку с правой стороны, ведущую к вершине холма. С него можно спуститься по деревянной лестнице с другой стороны горы, где у дороги стоит поклонный крест.

с. 528

Пройдя по основной дороге еще около километра, увидим справа тропинку к девятиметровому поклонному кресту, установленному братией Соловецкого монастыря 3 июля 1994 года в день Всех святых в земле Российской просиявших. От креста открывается вид на Голгофу. Таким образом, Голгофский скит устроился во образ Иерусалима: в поднебесье гора Голгофа, под горой деревянная церковь Воскресения Христова – Гроб Господень, а холм с крестом представляет собой поклонную гору. Примечательно, что Голгофа Иерусалимская и Голгофа Анзерская находятся на одном меридиане: 36 градусов восточной долготы. Совершив поклонение кресту, паломники направляются к Голгофе.

Под горой путников встречает деревянный храм Воскресения Христова, поставленный на месте явления Пресвятой Богородицы и преподобного Елеазара преподобному Иову[3]. В 2004 году была написана большая икона с изображением этого явления. Обратите внимание: она расположена на западной стене храма напротив иконостаса, так что видна только, когда вы находитесь в четверике храма. На южной стене четверика икона преподобного Иова – копия миниатюры из рукописного «Сказания об Анзерских пустынножителях». Новый иконостас написан в 2002–2003 гг. в мастерской Никиты Нужного. В местном ряду рядом с царскими вратами – икона Божией Матери «Страстная».

Цв. вкл. III, с. 6,7

с. 155

Посетив часовню на месте обретения мощей священномученика Петра и помолившись о упокоении всех прежде почивших отцев и братий, здесь подвизавшихся, и о упокоении всякой души, в лютую годину безбожия здесь конец принявшей, паломники поднимаются на Голгофу по пологой дороге. Дорога была проложена Соловецким настоятелем архимандритом Досифеем в 1828 году, когда нужно было подвозить материалы, в первую очередь кирпич, для строительства нового храма. Построенная в 1830 году и отреставрированная в 2008 году церковь парит над горой, как белый лебедь. Рядом с ней – построенный в 1833 году на южном склоне кухонный корпус с трапезной и кельями. В XIX веке его не удалось использовать по назначению из-за сырости, поэтому в нем размещалась квасоварня с погребом. Здание медленно сползало по склону, отчего появились трещины в стенах. Тем не менее, в начале XXI века его удалось «оживить», и теперь в нем трапезует и проживает братия скита. С северной стороны от храма находились конюшни и дом для трудников. Деревянный келейный корпус для братии располагался на восточном склоне горы. Из него можно было пройти в храм по закрытой деревянной галерее, устроенной вдоль северной стены храма.

В храме паломники по возможности совершают молебен преподобному Иову и прикладываются к его святым мощам. Необычен праздничный ряд иконостаса. Он вместил иконы, изображающие главные события Страстной Седмицы: «Вход Господень в Иерусалим», «Моление о чаше», «Поцелуй Иуды», «Приведение на суд к Пилату», «Поругание от римских воинов», «Несение креста», «Распятие» и «Воскресение».

От Голгофы группы обычно уходят к ожидающему их кораблю, или в северо-восточную сторону к Кирилловской губе (1,5 км), или на юг в Капорскую губу (3 км). В Кирилловской губе в 2003 году был поставлен поклонный крест, а в 2007 году воссоздана деревянная часовня в память преподобного Кирилла Новоезерского. Здесь в прежние времена располагалась Кирилловская тоня для занимавшейся рыбной ловлей братии. В Капорской (Капельской, Копальской) губе в 2004–2006 годах восстановлена на прежнем месте кирпичная часовня в память Покрова Пресвятой Богородицы.

[3] То есть, на месте келии диакона Паисия. В срубе храма могли сохраниться бревна, которых касался сам преподобный Иов; этот самый сруб стоял на вершине Голгофы с 1715 по 1830 год.

Глава 9

СВЯТО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ СКИТ НА СЕКИРНОЙ ГОРЕ

Цв. вкл. II, с. 2

От Савватиева скита хорошо видна церковь на вершине Секирной горы, названной так в память об ангелах, высекших жену рыбака.

Это место обжито в середине XIX века, тогда же у подножия Секирной горы был поставлен камень с надписью: «На Чудову гору вход женскому полу возбранен по тому случаю, когда преподобные Савватий и Герман жили на сем месте, рыболовы, проживая летом с женами под горою, оскорбляли преподобных, чтобы изгнать их из острова. Перст Божий явил чудо. Ангелы в виде двух светозарных юношей изгнали рыболова жену прутьями из горы. На крик ея пришел преподобный Савватий <согласно житию – Герман>, коему жена сказала, что ангелы, изгоняя ея говорили: "Сей остров назначен Богом для иноков". Это чудо заставило рыболовов оставить остров и благоговеть к преподобным, а женский пол не бывает на этой горе по таинственному страху». Памятуя о том, как ангелы высекли жену рыбака, гору прозвали Секирной. После устроения на горе Свято-Вознесенского скита паломницам разрешено было бывать здесь.

Место для возведения Вознесенского храма было предуготовано Богом по крайней мере за 150 лет до начала строительства. В 1696 году 12 марта высокопреосвященный Игнатий[1], митрополит Тобольский и всея Сибири бил челом Архимандриту Фирсу с братией: «Молю ваше Преподобие о прежде бывшем моем прошении во еже на горе святого Савватия, еже просторечием на Секирной вараке, построити церковь святого Вознесения Господня, а вверху в подглавии, сиречь в шее церковной, церковь святых апостолов Петра и Павла, по образу церкви творения Святейшего Никона Патриарха, что на Истре на лугу у Воскресенского монастыря, егоже нарицают царие Новый Иерусалим, в ней же пустыньке и Святейший Никон живяше, а тот образец

[1] В издании [67, с. 39] упоминается, что после подавления Соловецкого мятежа в 1676 году был назначен в обитель Архимандрит Макарий из Тихвина. Далее говорится: «Должность экклисиарха три года исполнял при нем благоговейный Игнатий, из рода Римских-Корсаковых, бывший впоследствии митрополитом Тобольским, который сильно обличал раскол своими посланиями; они весьма для нас драгоценны, как свидетельство современное неистовых действий мнимых ревнителей старины». Около 1679 года иеромонах Игнатий был назначен строителем Новосоловецкой Марчуговской пустыни, в 1683 году он был рукоположен во архимандрита Новоспасского Московского монастыря, а оттуда в 1692 году произведен в митрополита Тобольского.

ведает каменщик наш Трофим; прошу любовь вашу, постройте, а во что станет, мы со многою любовию по письму вашему к вам деньги пришлем» [17, Ч.III, с. 238].

Через год митрополит Игнатий написал еще одну грамоту, упоминая, что послал уже 100 рублей и посылает еще 50 рублей своих келейных денег. Он просил, чтобы начинали сооружение храма, который он дал обет построить, когда возглавлял Московское подворье Соловецкого монастыря. Однако строительство храма было начато только спустя 150 лет при архимандрите Александре и завершено в 1862 году при архимандрите Порфирии.

Столпообразный храм возведен по проекту архитектора Шахларева по типу «иже под колоколы», то есть, над церковным объемом расположена колокольня, которая первоначально имела четыре открытых проема, впоследствии застекленных. Купол над колокольней покрыт сохранившимся с монастырских времен деревянным лемехом, окрашенным красной краской. Внутри купола – деревянная лестница, ведущая к маячному фонарю, для ее освещения в куполе с северной стороны сделаны маленькие окошки.

Храм двухпрестольный. Нижний (теплый) храм освящен 30 июня 1863 года в память чуда архистратига Михаила в Хонех, верхний (холодный) освящен 30 июля 1863 года в честь Вознесения Господня.

В оформлении фасадов сочетаются черты древнерусского и классического зодчества. Для традиционной древнерусской архитектуры характерны: основной объем в форме восьмерика, наличники окон с килевидным завершением, карнизы с рядами сухариков, горизонтальные тяги. К элементам классического стиля можно отнести высокие полуциркульные окна и угловые пилястры, которыми оформлены грани восьмерика. Сочетание мощного валунного цоколя и беленых кирпичных стен характерно для средневековой соловецкой архитектуры.

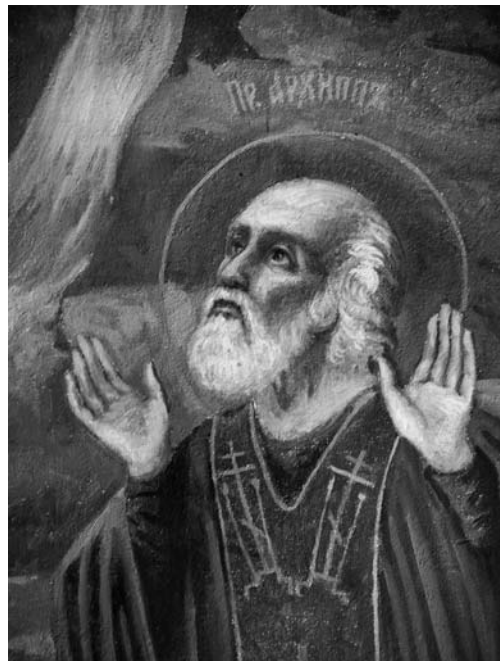
Алтарь храма ориентирован на север, что, по-видимому, связано с рельефом горы и требованиями симметрии. С южной стороны церковь связана галереей с деревянным келейным корпусом, в котором проживают иеромонах-скитоначальник и несколько человек братии. Корпус, построенный в 1862 году, практически сохранил внутреннюю планировку и печи. С балкончика на западном фасаде открывается хороший обзор, видны острова Кузова.

Цв. вкл. II, с. 3

Свято-Вознесенский храм поставлен на вершине одной из самых высоких гор на Большом Соловецком острове, высота Секирной горы – 74 м. Когда храм был уже почти завершен, помощник начальника Гидрографической части в Архангельске штабс-капитан Зарубин обратился к настоятелю Соловецкого монастыря архимандриту Порфирию с предложением устроить маяк на куполе строящегося храма. В это время архимандрит Порфирий изыскивал возможности для монастыря обзавестись собственными пароходами для перевозки богомольцев, поэтому вполне оценил пользу от наличия маяка на Соловецком острове для безопасности мореплавания. Несмотря на то, что нужно было перестраивать уже законченное завершение храма, архимандрит Порфирий не только дал согласие на устройство маяка, но и предложил обслуживать его за счет монастыря. В 1861 году он писал: «Монастырь готов дать у купола колокольни приделать фонарь и прочее, что следует для освещения, и таким образом казна будет иметь весьма полезный мореплаванию маяк без расходов постройки кроме одного фонаря; за-

тем монастырь может принять на себя самое освещение присылаемыми от казны материалами, но чтоб один знающий для освещения маячный служитель был прислан от казны».

Первоначально фонарь маяка представлял собой деревянную будку с тремя застекленными окнами и освещался тремя масляными лампами. В 1904 году деревянный фонарь был заменен железным, каркас для него, линза Френеля[2], выполненная из горного хрусталя, и керосиновые лампы были изготовлены в Париже и установлены специалистами. В таком виде маяк и существует до сих пор, только керосиновые лампы заменены электрическими. Маяк находится на стопятиметровой высоте и свет его виден на расстоянии до 23 морских миль (43 км). Работал маяк с 1 августа по 16 ноября (ст. стиль).



Преподобный Архипп. Фрагмент росписи «Чудо архистратига Михаила в Хонех».

В настоящее время маяк находится в ведении Гидрографической службы Северного Флота, его ежедневное обслуживание осуществляет братия скита. Он работает с 28 июля по 16 декабря. Мощность лампы маяка – 6 Вт, она работает от аккумуляторов, которые подзаряжаются от солнечных батарей, дизель-генератора или ветряка.

Это единственная на Русской земле церковь-маяк. Свет маяка, увенчанного крестом, указывает путь плавающим, путешествующим, терпящим бедствие на море, так же, как Крест Христов указывает путь спасения людям, утопающим в волнах моря житейского.

Посвящение нижнего храма ангельским силам – Чуду архистратига Михаила в Хонех (6/19 сентября) – связано со следующей историей. В IV веке у одного из жителей города Лаодикии, находящегося во Фригии в юго-западной части Малой Азии, была немая дочь. В сонном видении отцу немой девицы, еще не просвещенному святым крещением, явился архистратиг Михаил и открыл, что его дочь получит дар речи, испив воды из источника, расположенного неподалеку близ города Колоссы. Девица действительно получила исцеление при источнике и начала говорить. После этого чуда отец и все семейство крестились, и усердием благодарного отца был воздвигнут храм в честь святого архистратига Михаила.

К источнику стали приходить за исцелением не только христиане, но и язычники. В храме святого архистратига Михаила в продолжение 60 лет исполнял пономарское служение благочестивый человек по имени Архипп. Проповедью о Христе и примером своей богоугодной жизни он многих язычников приводил к вере во

[2] Линза собирает свет от лампы в горизонт, повышая яркость маяка.

Христа. В своем озлоблении на христиан вообще, и в первую очередь на Архиппа, который никогда не отлучался от храма и был примерным служителем Христовым, язычники задумали уничтожить храм и одновременно погубить Архиппа. Для этого они соединили в одно русло две горные реки и направили их течение на храм. Святой Архипп усердно молился архистратигу Михаилу о предотвращении бедствия. По его молитве около храма явился архистратиг Михаил, который ударом своего жезла открыл в горе широкую расселину и повелел устремиться в нее водам бурлящего потока. Храм остался невредим. Увидев такое дивное чудо, язычники в страхе бежали, а святой Архипп и собравшиеся к храму христиане прославили Бога и благодарили святого архистратига Михаила за помощь. Место же, где совершилось чудо, получило название Хоны, что значит «отверстие», «расселина».

Этот сюжет изображен в росписи алтарной стены над правым клиросом в нижнем храме. Росписи выполнены в конце XIX – начале XX века масляной краской по сухой штукатурке. В алтаре изображены Пресвятая Троица, слева и справа от нее – святители Феодосий Черниговский и Григорий Двоеслов.

На своде храма – собор Архистратига Михаила и прочих Небесных сил бесплотных. Изображены семь предводителей небесного воинства – Архангелы, имена которых известны из Священного Писания и апокрифов: Михаил («Кто яко Бог»), Гавриил («Сила Божия»), Уриил («Огонь и свет Божий»), Салафаил («Молитва к Богу») и Иеремиил («Высота Божия»), Иегудиил («Хвала Божия») и Варахиил («Благословение Божие»). В арках изображены ангелы хранители, а в нефах – апокалиптические ангелы с трубами, возвещающие второе Христово пришествие.

На алтарной стене с западной стороны представлено явление архангела Михаила Иисусу Навину перед вторжением иудейского войска в Землю Обетованную близ Иерихона. На столпах изображены святители Николай Мирликийский (справа) и Порфирий Газский (слева). Святитель Порфирий был небесным покровителем настоятеля монастыря, архимандрита Порфирия, при котором был построен и освящен храм. В сохранившихся росписях присутствуют также изображения святых покровителей архимандрита Александра, который был инициатором строительства храма (с восточной стороны на стене изображен благоверный князь Александр Невский) и архимандрита Иоанникия, во время управления которого были выполнены росписи (изображение Иоанникия Великого встречает нас при входе справа).

Скитоначальником в 1911–1914 годах был иеромонах Владимир (Котов), возможно, поэтому с западной стороны на стене изображен равноапостольный князь Владимир. Изображения святых благоверных князей Михаила Тверского и Михаила Черниговского, по-видимому, указывают на то, что их святым покровителем был архистратиг Михаил.

На западной стене над входом в храм изображена икона Пресвятой Богородицы «Знамение» с предстоящими преподобными Савватием и Германом. Во время нападения англичан в 1854 году икона «Знамение», находящаяся над папертью Спасо-Преображенского Собора, приняла на себя удар пушечного ядра противника, после чего она считалась особой покровительницей монастыря.

Цв. вкл. II, с. 7

Слева и справа от входа изображены великомученик Феодор Тирон, святой Алексий, человек Божий и святой благоверный царевич Димитрий Угличский.

Архистратиги Божии

Предполагается, что храм расписывал иеромонах Флавиан, который в 1911–1912 годах исполнял череду богослужений в Спасо-Вознесенском скиту и был по отзыву настоятеля: «очень хороших качеств и способностей» [135, л.11]. До этого он в 1902–1905 годах состоял строителем Голгофо-Распятского скита, а в 1907–1910 годах исполнял череду богослужений в Троицком Анзерском скиту. Возможно, эти перемещения были связаны с участием иеромонаха Флавиана в росписи скитских храмов. По крайней мере, практически одинаковые по композиции и письму росписи на западной стене Распятского и Вознесенского храмов вполне могли быть написаны одним художником. Сведений о других иконописцах, длительное время проживавших в скитах, в послужных списках не встречается.

В 1913 году отец Флавиан потерял слух настолько, что не мог совершать богослужения, и с этого времени он исполнял синодичное послушание и заведовал маяком в качестве смотрителя [138, л. 41]. Он оставался на своем посту и при советской власти. 27 февраля 1921 года отец Флавиан поставил свою подпись под договором о передаче Управлением Соловецкими островами монашеской общине церквей и часовен в бессрочное бесплатное пользование. Он подписался: «Смотритель маяка Иеромонах Флавиан – Иван Абросимов» [82, вып. 11, с. 38]. Он скончался 26 марта (ст. стиль), по крайней мере, до 1927 года и был похоронен с левой стороны на монастырском кладбище.

Ангел последних времен

В руках митрополита Мануила (Лемешевского), находившегося в Соловецком лагере особого назначения в 1924–1928 годах, оказалась принадлежавшая иеромонаху Флавиану книга «Правило молитвенное готовящимся ко Св. Причащению» (М., 1893), которая по его кончине поступила на братское пользование в Онуфриевскую церковь. На заглавном листе книги рукой отца Флавиана была записана молитва: «Господи Иисусе Христе, Боже мой, посещаяй тварь Свою, Емуже явленны страсти моя, и немощь естества нашего человеческаго, и крепость супостата нашего. Ты Сам покрый мя от злобы его, зане сила его крепка, естество же наше страстно, и сила наша немощна. Ты убо, о Благий! Ведый немощь нашу и носяй неудобство бессилия нашего, сохрани мя от смущения помыслов и потопа страстей: и достойна сотвори мя сея службы Твоея святыя, да не како в страстех моих растлю сладость ее, и обрящуся безстуден пред Тобою и дерзостив: Господи, Пресладкий мой Иисусе, помилуй и спаси мя» [46, №2, с. 64–65].

В лагерное время росписи забелили известкой, поверх побелки написали советские лозунги, вколотили гвозди, на которые повесили плакаты. Долгие годы храм практически не отапливался, зимой смотрители маяка даже убирали снег из помещения. Все это нанесло невосполнимый ущерб живописи, многие сюжеты почти не читались. В августе 2005 года на средства благотворителей скита началась реставрация живописи. Исполнителем работ стал художник-реставратор Евгений Николаевич Чебак. В 2005 году живопись была раскрыта из-под нескольких слоев побелки, укреплен красочный слой, выполнено тонирование и реконструкция живописи в местах утрат масляными художественными красками. Чтобы соблюсти температурный режим, необходимый для сохранения росписей, в 2004 году в церкви Чуда Архистратига были восстановлены две цилиндрические кирпичные печи с металлическими кожухами.

Верхний храм посвящен Вознесению Господню, он летний (толщина стен заметно меньше, стены не расписаны), поэтому богослужения в нем совершаются от Вознесения до Покрова. Расположение этого храма между небом и землей особенно способствует отрешению от всякого житейского попечения и сосредоточению на молитве.

Цв. вкл. II, с. 5

Окрестности скита были хорошо обустроены и ухожены: на южном склоне устроены ягодники и огороды, дорожки выложены булыжниками, на крутом склоне с западной стороны в сторону Савватиева устроена лестница, насчитывающая 294 ступени.

На середине восточного склона горы, по которому к скиту ведет пологая дорога, сохранилась валунная баня XIX века, рядом с ней колодец.

«Часовня во имя святого архангела Михаила Чуда в Хонех, каменная, восьмиугольная, с деревянным круглым фонарем, построенная на юго-восточной стороне подле горы Секирной в память бывшего чуда от ангелов, бивших жену, при жизни прп. Савватия и Германа» [146, л. 249 об.], не сохранилась. Внутри часовни был с восточной стороны одноярусный иконостас «столярной работы». В нем иконы: Спасителя, сидящего на престоле, по сторонам от Него – иконы Иоанна Предтечи и Пресвятой Богородицы в рост, и, с южной стороны, иконы «Чуда Архистратига Михаила, по сторонам преподобные Савватий и Герман, а по углам в клеймах житие 33х28 вершков (147х124 см)» [146, л. 250], а с северной – Благовещения Пресвятой Богородицы. Икона «Чудо Архистратига Михаила» после закрытия монастыря была вывезена в музей-усадьбу «Коломенское», а в 1993 году возвращена Соловецкому монастырю и находится теперь на алтарной стене над правым клиросом в верхнем храме.

Цв. вкл. II, с. 4

Свято-Вознесенский скит в первые же лагерные годы был превращен в штрафной изолятор, куда направляли проштрафившихся на островах, пойманных беглецов с Кемперпункта и с материковых командировок УСЛОНа. В штрафной изолятор заключали на срок от 1 месяца до 1 года за побеги и подготовку к ним, за отказ от работы, за самоувечье и за «контрреволюционную агитацию в лагере».

Вокруг церкви поставили 3 сторожевые будки. Храм превратили в тюремный замок, каждый ярус которого был разделен на 3 отделения: общая камера, одиночные и «особые» – за взятки для привилегированных заключенных, а в келейном корпусе помещалась охрана из СОП (Соловецкого особого полка). В воспоминаниях И. М. Зайцева на рисунке с планом скита надпись: «Гора Секирная. Здесь был монастырский скит и высокочтимый храм. Прежде место горячих молений и душевных успокоений, а теперь место коммунистического ада». Иван Матвеевич писал: «Штраф-изолятор помещается в большом двухэтажном здании на горе Секирной. В этом здании прежде, в славное время процветания Соловецкой обители, были два монастырских храма. Прежние боковые алтари переделаны в карцеры, где теперь происходят избиения строптивых и обезумевших от кошмарного режима штрафников и бесчеловечное насильственное одевание на них смирительных рубах. В верхнем этаже, где в храме был расположен Святой Жертвенник, теперь стоит огромная “параша” для большой нужды (“параша” — большая кадка с положенной на ней доской для ног). Различие между этажами в суровости режима. Заключенные в “нижнем изоляторе” имеют некоторые облегчения в сравнении со штрафниками “верхнего изолятора”.

Сначала все прибывающие на Секирную новички заточаются в “верхний штраф-изолятор”. По прошествии более или менее продолжительного времени, когда администрация “изолятора” убедится, что заключенный “перевоспитан” – это почекистски, а по-человечески – морально убит, то его снимают в нижний изолятор.

Штрафники верхнего изолятора содержатся в невыносимо кошмарной обстановке… Главною сугубо-суровою особенностью содержания заточенных в верхнем изоляторе является та бесчеловечная пытка, что штрафники должны сидеть полуголыми. Каждый может иметь на себе лишь нижнюю рубашку и кальсоны. Все сидят босые с непокрытой головой. Абсолютно все вещи отбираются у них на все время заточения. У многих из уголовников вместо рубашек и кальсон висят одни лохмотья. У всех мнимое белье приняло от давности пепельно-земельный

цвет. Нужно лишь представить себе, что несчастные узники сидят в таком виде в холодном каменном, не отапливаемом здании, притом громадной высоты, которое они должны согревать своей теплотой. И это в холодную приполярную зиму. Я сидел в верхнем изоляторе с 20 сентября по 10 декабря. В это время на Соловках была довольно суровая зима. Правда, в конце ноября (1926 г.), вследствие массовых простудных заболеваний и благодаря настойчивым ежедневным слезным мольбам, начальник IV отделения (это изолятор) Кучма разрешил поставить железную печку (времянку), которую топили лишь на ночь с 20 до 24 часов. Теплоту ощущали лишь близь лежащие к печке арестанты.

Тот же Кучма допустил и другое послабление: он разрешил выдавать на ночь штрафникам по одному предмету из верхнего одеяния, – или пальто, у кого есть, или пиджак. Большинство "шпаны" не имели никакого верхнего одеяния, и они проводили все время в полуголом виде, и так пребывали несколько месяцев…

В сильные холода некоторые дежурные по отделению разрешали составлять группы для согревания. Это делалось таким образом: четыре человека, сидя на нарах, прижимались спинами плотно один к другому, наружную часть тела согревали, хлопая ладонями по плечам, бокам и ногам. У нас были даже выработаны приемы, как бы групповой гимнастики — все делали по команде; приемы выполнялись по счету, и выходило хорошо... Это гораздо удобнее, чем каждый отдельно будет хлопать себя и беспокоить других...

Вот распорядок дня в верхнем штраф-изоляторе. В 6 часов утра частые удары колокола, как пожарная тревога, раздаются в коридоре... Это сигнал: "Подъем". Еще колокол не перестал гудеть, как внутренний часовой кричит: "Поднимайся, мигом! Сдавай барахло, живо!". Все штрафники быстро соскакивают с нар, несут свои пожитки, выданные на ночь для мнимого согревания, бросают их в общую кучу для относки в цейхгауз. После команды "По местам" медлить со вставанием опасно, так как уборщики обходят сейчас же нары и поднимают лежащих ударами палок.

Когда первый дневной акт кошмарного мытарства Соловецкого ада исполнен, тот же внутренний часовой командует: «Садись по местам! Прекрати разговоры! Ни слова больше!"... Все усаживаются в ряд на нары, спустив ноги. При многолюдстве в изоляторе сидят в два ряда; — второй ряд посередине нар, подогнув под себя ноги. В таком положении все сидят молча... Можно лишь шепотом, и то украдкой от часового, перебрасываться словами с ближайшими соседями.

Через несколько минут после подъема уборщики приносят вонючие деревянные ушаты с кипятком и несколько кружек. Обыкновенно одна кружка на троих. Утром, конечно, ни у кого не было ни крошки хлеба, и желающих пить кипяток без хлеба бывает не так и много.

В 7 часов снова тревожный колокол, — это сигнал на поверку. Штрафники мигом спрыгивают с нар и строятся в проходе в несколько шеренг, в зависимости от многолюдства узников. Приходит дежурный по отделению и староста и выполняют обезьянью комедию поверки. Казалось бы, бессмысленно делать поверку в таком каменном каземате. Как везде на Соловках, за несогласованный ответ на приветствие начальства обычным собачьим лаем "Здра!" или за вялый расчет по порядку наказывают всех выдержкой на стойке на полчаса или на час, в течение которых заставляют многократно выкрикивать: "Здра! Здра!"...

Здесь это наказание, помимо морального глумления, углубляется физическим издевательством, так как заключенные узники стоят босиком на холодном цементном полу, притом по полу гуляет все время холодный зимний сквозняк от щелей двери к разбитым окнам.

После поверки опять все сидят молча и ждут очередного акта повседневной комедии.

Следующий номер – это умывание. Уборщики приносят ушат холодной воды и несколько грязных полотенец из числа отобранных у штрафников. Желающие подходят к ушату. Уборщик поливает ковшом воду на руки умывающихся. Холодная вода течет под ноги босых. Охотников мыть лицо обычно мало, многие опасаются стоять босыми ногами в луже холодной воды.

Шпана предпочитает умываться раз в две недели, – в бане. Собственно говоря, в бане только и можно умыть лицо, а не больше. При посещении бани время для мытья дается 15-20 минут и одна небольшая шайка теплой воды. Все же водят в баню, чтобы показать, что и у нас, как у культурных людей.

В 12 часов бывает суточное принятие пищи. Это не есть обед. В штрафизоляторе нет никаких ни обедов, ни ужинов, ни завтраков... Пища, притом весьма скудная, принимается единожды в сутки, в полдень.

В 11 часов совершается тщательное деление хлеба на так называемые "пайки", по одному фунту черного хлеба в сутки на человека.

Затем уборщики приносят ушаты горячей пищи; ее составляют: мутная жидкость, именуемая супом, такого же качества и тех же сортов, что и в Кремле, и три-четыре ложки каши, преимущественно пшенной. Вот и все суточное питание. Фактически надо считать питательным продуктом лишь один фунт черного хлеба в сутки. Не надо забывать, что такое питание продолжается не неделю, или две, а несколько месяцев, вплоть до года. Вообразите себе, какой вид принимают несчастные узники, просидев на Секирке несколько месяцев!..

Я описывать не буду этих мрачных теней, в какую я сам лично превратился после двух месяцев пребывания в верхнем штраф-изоляторе...»

Здесь закончил свой земной путь «утешительный поп» – герой повествования Б. Ширяева. На Секирную он попал за совершение Литургии в праздник Рождества Христова. «Вздумали всем лесным бараком – человек двадцать в нем жило – обедню отслужить затемно, до подъема, пока дверей еще не отпирали. Но, видно, припоздились. Отпирает охрана барак, а там отец Никодим Херувимскую с двумя казаками поет. Молившиеся успели разбежаться по нарам, а эти трое были уличены.

– Ты что, поп, опиум здесь разводишь?

Отец Никодим не отвечает – обедню прерывать нельзя – только рукой помахивает. Все трое пошли на Секирку…

Весной я спросил одного из немногих, вырвавшихся оттуда, знает ли он отца Никодима?

– Утешительного попа? Да кто же его не знает на Секирке! Целыми ночами нам в штабелях "священные сказки" рассказывал.

– В каких штабелях?

– Не знаете? Не побывали еще в них? Ну, объясню. Зимой Секирная церковь, где живут штрафные, не отапливается. Верхняя одежда и одеяла отобраны. Так

мы такой способ изобрели: спать штабелями, как баланы кладут. Ложатся четыре человека в ряд, на бок. На них – четыре поперек, а на тех еще четыре, снова накрест. Сверху весь штабель имеющимся в наличии барахлом укрывают. Внутри надышат и тепло. Редко кто замерзнет, если упаковка тщательная. Укладывались же мы прямо после вечерней поверки. Заснуть, конечно, не можем сразу. Вот и слушаем "священные сказки" Утешительного попа... и на душе светлеет... Отца Никодима у нас все уважали, епитрахиль ему соорудили, крест, дароносицу...

– Когда же он срок кончает?

– Кончил. На самую Пасху. Отслужил ночью в уголке Светлую Заутреню, похристосовался с нами. Потом в штабель легли досыпать, он же про Воскресение Христово «сказку» сказал, а наутро разобрали штабель – не встает наш Утешительный. Мы его будим, а он холодный уже. Надо полагать, придушился, – в нижний ряд попал. Это бывало. Сколько человек он у нас за зиму напутствовал, а сам без напутствия в дальний путь пошел...»

Под Секирной горой, где начинается дорога на Савватиево, в 1992 году в присутствии Святейшего Патриарха Алексия архимандритом Иосифом с братией установлен поклонный крест в память всех здесь пострадавших. Лестница рядом с крестом напоминает о том, что Крест – «небесная лествица, ступеням святыни наставниче, Христова высота и слава, Божий образ назнаменателен, миру невидимому же и видимому единочестне».

В 2003 году восстановлен девятиметровый поклонный крест с восточной стороны горы. Надпись 1837–1937 на перекладине креста напоминает о том, что крест был изготовлен в 1836 году в память четырехсотлетия прихода на Соловки преподобных Зосимы и Германа, воздвигнут – в 1837 году и простоял сто лет до 1937 года, когда был спилен и вместе с заготовленным лесом отправлен на материк. На самом верху креста надпись: «ИНЦИ» – Иисус Назарей Царь Иудейский – слова, обозначавшие вину распятого, написанные Понтием Пилатом. На малой перекладине в кругах: «ЦРЬ» – Царь, «СВЫ» – славы, а между ними евхаристическая чаша, по сторонам которой вырезаны слова, сказанные Спасителем на Тайной вечери и повторяемые теперь в божественной литургии: «Сие есть Тело Мое… Сия есть Кровь Моя…». Эта надпись означает, что Крест – всесовершенный жертвенник, на котором Иисус Христос – Царь Славы – принес Себя в жертву нашего ради спасения. Ниже малой перекладины в круге – начальные буквы имени Спасителя: I ХР и первая и последняя буквы греческого алфавита: Альфа и Омега (**α** и **ω**). Это напоминание о словах из Апокалипсиса: **«И сказал мне <Сидящий на престоле>: совершилось! Аз есмь Альфа и Омега, начало и конец. Аз жаждущему дам от источника воды животныя туне»** (Откр.21,6). Начало нашего спасения — это Голгофа, когда Сын Божий, умирая на Кресте, произнес: «Совершилось!» (Ин.19,30), а конец нашего спасения — это Царство Славы, в котором верующим подается благодать Святого Духа, как дар Божественной Любви. На большой перекладине начертаны имена Божии: в кругах – ІСЪ ХСЪ СНЪ БЖІЙ – Иисус Христос Сын Божий, а в перекрестии внутри тернового венца греческими буквами – «Сущий». Это символическое изображение догмата о боговоплощении: Творец неба и земли пришел на землю в человеческом образе и пострадал на Кресте ради нашего спасения. Изображения Луны

Крест при подъезде к Секирной горе

и Солнца – символы Ветхого и Нового Заветов. Ниже большой перекладины в кругах: КТ – Копие и Трость (орудия страданий Христовых), МЛ – место Лобное, РБ – распят бысть, ДН – днесь (сегодня), ГГ – гора Голгофа, ГА – глава Адама. На косой перекладине надпись НИКА – победа (греч.), напоминает, что через крестную жертву Иисус Христос стал Победителем греха, смерти и ада.

С 2003 года в Свято-Вознесенском скиту на Секирной горе возобновилась монашеская жизнь: совершаются регулярные богослужения, на которых скитоначальник иеромонах Матфей с братией возносят молитвы о всех убиенных и замученных в штрафном изоляторе СЛОНа.

Цв. вкл. II, с. 6

В июле 2006 года на юго-западном склоне горы было обнаружено около 60 могильных ям, из них вскрыто 9. Их обследование показало, что в самой большой яме покоятся останки 26 человек, причем 22 из них убиты выстрелами в голову, а четверо – в грудь. У всех погибших перед расстрелом были связаны руки. Найденные в яме пули и гильзы указывают на то, что расстрел производился прямо на месте.

На всех обнаруженных могилах ныне установлены кресты, возле которых братия монастыря и паломнические группы совершают панихиды и литии. 21 ноября 2007 года у тропы, ведущей на мемориальное кладбище, была освящена часовня в память Собора новомучеников и исповедников Соловецких, построенная братией скита. В часовне поставлен большой кипарисовый крест, вырезанный одним из насельников скита, и икона Собора новомучеников и исповедников Соловецких. 21 августа 2008

года рядом с часовней был воздвигнут шестиметровый поклонный крест в память всех пострадавших в годы гонений. Отличительной особенностью этого креста стало укрупненное изображение символов страданий Спасителя – большого тернового венца вокруг перекрестья и четырех гвоздей – по два на самой длинной поперечной и нижней косой перекладинах с надписью «Сей гвоздь Господень». Красный цвет креста ассоциируется в церковном предании не только со страданиями мучеников, но и Пасхальными торжествами – с воскресением в жизнь вечную.

Цв. вкл. II, с. 7

10 февраля 2013 года в воскресный день, в который совершалась память Собора новомучеников и исповедников Российских, состоялось освящение престола в нижнем храме Свято-Вознесенского скита в честь чуда святого архистратига Михаила в Хонех. Чин освящения храма и первую божественную Литургию в новоосвященном храме совершил преосвященный Феогност (Гузиков), архиепископ Сергиево-Посадский при сослужении наместника и игумена Соловецкого монастыря архимандрита Порфирия (Шутова), скитоначальника иеромонаха Матфея и прочей братии.

Цв. вкл. II, с. 4,5

В слове на освящение храма владыка Феогност поздравил архимандрита Порфирия и настоятеля о. Матфея и всех предстоящих с совершившимся великим событием, ибо наконец восстановлено достоинство сего храма как дома Божия: «место сие, когда-то славное, потом превратилось в бесславное: здесь в храме был устроен штрафной изолятор – карцер, чтобы люди, которые не выдерживали здесь испытаний, хулили Бога, но не было по сему. Люди, которые здесь претерпевали мучения в далекие 20-30-е годы, благословляли Бога. Есть такие замечательные слова в молитве: “телесныя бо сия мучения – веселие суть рабом твоим”. Люди здесь страдали за правду, и благословенны они были. Жизнь человеческая всегда конечна: проживет ли человек 30 или 50 или 80 лет. Благословенны те, кто в этом месте не хулили Бога, а благословляли и ушли в вечные обители с благодарением Богу. Неисповедимы пути Господни, никто не знает, как сложится наша жизнь, но об одном только хочется попросить Бога, чтобы Господь дал силы благословить Его в минуту трудную, в годину испытания, чтобы было по словам молитвы: “телесныя бо сия мучения – веселие суть рабом твоим”. Какие удивительные слова: не просто мы терпим, мучаемся, а с веселостью, с радостью. Благословенны вы братия, паломники, что вы здесь молитесь, ходите по Соловецкой земле, которая вся как антиминс, так как в ней скрыты тела 40 тысяч мучеников и свидетелей, и каждый из них был пред Богом и не забыт у Бога».

В 2013 году исполнилось 150 лет со времени первого освящения престола этого храма, которое было совершено 30 июня/12 июля 1863 г. при архимандрите Порфирии (Карабиневиче), 90 лет со времени организации СЛОНа и 10 лет с начала возобновления монашеской жизни в Свято-Вознесенском скиту. Когда на эти совпадения обратили внимание владыки Феогноста, он прокомментировал: «В действии Промысла Божия ошибок не бывает».

В том же 2013 году 18 августа Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил чин великого освящения верхнего храма Вознесения Господня. В проповеди после Божественной литургии Святейший Патриарх Кирилл сказал: «10 лет прошло с тех пор, как возобновилась здесь монашеская жизнь... И я хотел бы выразить сердечную благодарность Вам, отец Матфей, за

то, что Вы были первым монахом, который прибыл на Секирную гору в качестве смотрителя этого маяка и этого храма, в то время осквернённого, и здесь началось Ваше подвижническое служение по восстановлению скита на Секирной горе... Сегодня мы вспоминали всех тех, кто был невинно погублен на Секирной горе, отдавая дань силе веры людей, а также и силе монашеского подвига, который процветал здесь, особенно в веке XIX, и который явил себя и в веках XX и XXI. Радуемся, что трудами монашествующих возрождена здесь скитская жизнь, возрождены храмы».

Патриарх Кирилл вручил братии Свято-Вознесенского скита Иверскую икону Божией Матери, которую он получил в качестве подарка на Святой горе Афон.

Глава 10

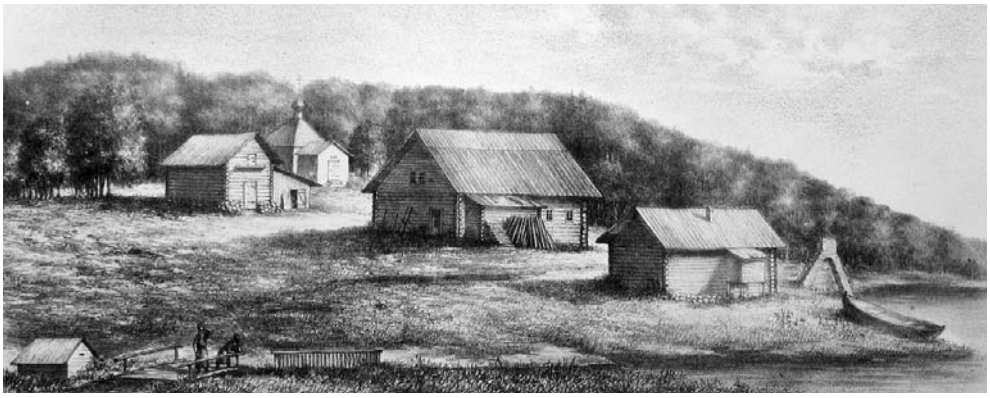
ИСАКОВО

Исаково расположено в двух километрах от Секирной горы, на берегу Исаковского озера. В древние времена здесь селились соловецкие отшельники – подвижники веры.

О многих угодниках Божиих, возлюбивших пустынное житие, даже при их жизни в самой обители слышали только по рассказам. Обычной пищей отшельников были травы, питием – чистая вода из близлежащего озера, кровом – землянки и пещеры. Свое название Исаакиевская пустынь получила от стоявшей здесь деревянной часовни во имя преподобного Исаакия Далматского – святого подвижника древнехристианской Церкви (†383 г.). На месте часовни в 2005 году был поставлен поклонный крест, изготовленный в кресторезных мастерских Соловецкого монастыря.

С XVIII века в Исаково были сенокосные угодья. В XIX столетии в скиту стояло несколько жилых домов, много земли было расчищено под сенокосные луга, в озерах разводили рыбу.

В настоящее время из старых построек Исаакиевского скита сохранились валунная баня на берегу озера и складской амбар (конец XIX в.). В Исаково планируется создать условия для возрождения традиций пустыннической жизни, с 2012 года здесь постоянно проживает один из насельников монастыря.



Глава 11

МАКАРИЕВА ПУСТЫНЬ

с. 171

Первые келии пустынников появились на берегу озера Перт еще в XVII веке, но монастырская пустынь возникла на этом месте в 1819 году, когда настоятелем в Соловецкий монастырь был назначен архимандрит Макарий. Он прибыл на Соловки из Валаамского монастыря, где вел пустыннический образ жизни. Поэтому в четырех верстах от монастыря в 1822 году он поставил две пустынные келии. Одна из них была предназначена для настоятеля, а в другой проживала братия. Возможно, что сохранившаяся маленькая часовня является перестроенной келией, так как в описях XIX века она названа «часовней неизвестного посвящения». Если бы ее строили специально, посвящение было бы известно. Архимандрит Досифей писал, что за озером Перт «находятся две пустынные келии, куда временно уединяются монашествующие на безмолвие» [17, с. 263].

Цв. вкл. II, с. 9

В середине XIX века, уже при архимандрите Порфирии, в этом месте был построен большой летний дом с мезонином. После строительства этого дома южный склон холма начал обустраиваться и засаживаться специально завезенными сюда редкими и экзотическими растениями. Из монастырских посадок остался ряд кустов сирени венгерской, заросли розы морщинистой (крупноягодный шиповник) и бадана толстолистного. Два последних растения были по преданию подарены Соловецкому настоятелю тибетским далай-ламой в начале XX века, когда два монаха с миссионерской целью добрались до Тибета[1].

Соловецкие монахи давно заметили, что место, где расположена Макариева пустынь, обладает собственным микроклиматом. Юго-восточный склон Макариевой горы, защищенный по бокам холмами и высоким лесом от ветров, хорошо прогревается. Температура почвы и воздуха здесь почти всегда на 2-4 градуса выше, чем в других частях острова. Да и климатические условия на Соловецких островах в целом заметно мягче, чем на прибрежных территориях Белого моря.

Известный этнограф XIX века С. В. Максимов писал: «Местность Соловецкого острова составляет решительный контраст со всеми соседними ей: словно природа огорчилась, истощенная в береговых тундрах и болотах, и, собравши послед-

[1] В послужных списках, в которых фиксировались все отлучки монахов из монастыря, сведения о путешествии монахов на Тибет не обнаружены.

ние оставшиеся силы, произвела на острове новый, особенный мир, в котором так все привольно и так все сродни и знакомо дальнему, заезжему человеку...». В Ботаническом саду много растений и цветов более типичных для средней полосы, чем для северных широт: орешник-лещина, калина обыкновенная и бульденеж, жимолость альпийская, разные виды черемухи, барбариса, боярышника и туи, тополь бальзамический, липа мелколистная, сортовые розы.

Из посадок монастырского периода в саду сохранились посадки сибирской кедровой сосны и яблони Палласа, которым более ста пятидесяти лет. Соловецкие кедры являются самой северной самовоспроизводящейся популяцией кедров в мире. А яблони, несмотря на столь преклонный возраст, по-прежнему плодоносят. Интересен единственный на Соловках дуб – растущий большим кустом дуб черешчатый. Вообще, многие виды деревьев, завезенных из более теплых мест, например, клен остролистный, на Соловках начинают «куститься» – так легче выживать в приполярных условиях и бороться с ветром и морозом.

После войны 1854 года, в которой Соловецкая обитель героически отразила жестокое нападение англичан, на горе возле креста была поставлена небольшая деревянная четырехгранная часовня во имя Святого Благоверного князя Александра Невского, в коей была следующая надпись [50, с. 114]: «Настоятель архимандрит Александр поставил на сей горе в 1854 г. Крест Господень и часовню во имя Святаго великаго князя Александра Невскаго, ангела своего, и гора сия названа «Александровская» за спасение жизни своей при нападении Англичан на Соловецкую обитель в 1854 г. июля 6 и 7 числ, в самую страшную канонаду, под градом ядер и бомб 36 и 96 фун. летавших над головами во время крестнаго хода вокруг монастыря». От часовни и сама гора получила название Александровской.

Цв. вкл. II, с. 8

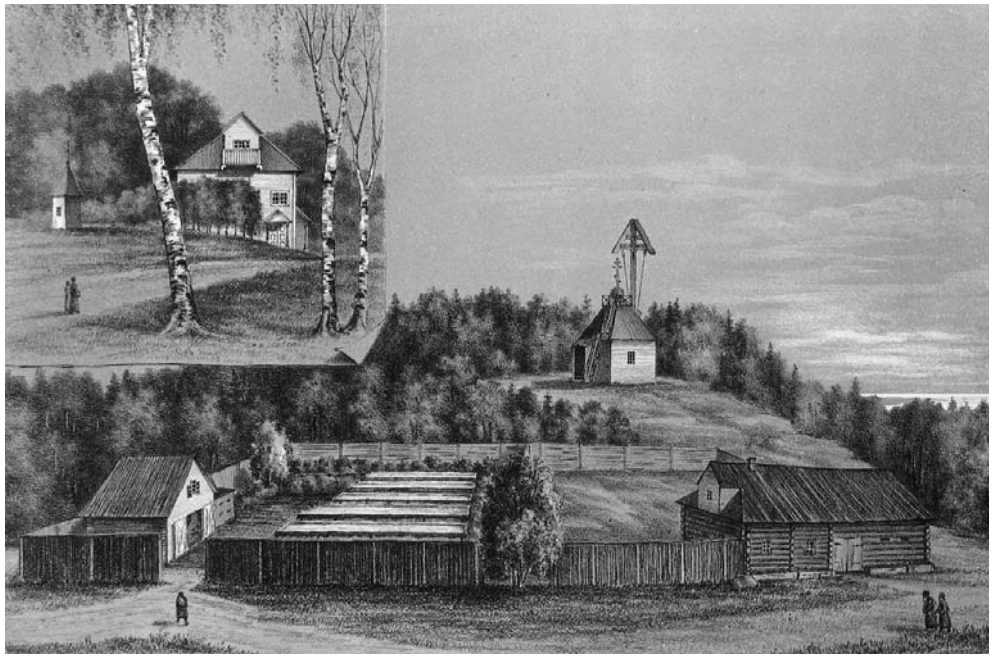
Сильно перестроенная часовня и сейчас стоит на Александровской горе, сохранился и памятный камень с названием горы. Со смотровой площадки также открывается панорамный вид на монастырь, находящийся в 4 км от сада. В XIX веке на склоне Александровской горы был устроен каскадами аптекарский огород, где выращивались лекарственные травы. В настоящее время аптекарский огород восстанавливается. В нем можно увидеть два вида полыни, календулу, пиретрум, подорожник краснолистный, родиолу розовую.

Цв. вкл. II, с. 8

На противоположной Крестовой горе в 1907 году был установлен поклонный крест. Сейчас он окружен высоким лесом, а в прошлом был виден с дороги и с моря.

Под Александровской горой в середине XIX века был устроен валунный амбар с ледником для хранения припасов. Сейчас он засыпан землей и порос травой, отчего производит впечатление глубокой древности. Интересно устройство ледника, как типичной для своего времени постройки. Вырытая в земле яма обкладывалась по периметру валунами, а сверху надстраивался небольшой каменный же навес. В конце зимы яму наполняли льдом (иногда присыпая его сверху опилками). Получался естественный термос – лед внутри такой каменной ямы таял очень медленно, поддерживая достаточно холодную температуру для хранения быстро портящихся продуктов. Растаявшая вода стекала в меньшую по размеру яму, устроенную ниже уровня основного объема.

Рядом с ледником сохранился фундамент воскобелильного завода. Технология отбеливания воска была такова. Был устроен небольшой цех с метал-



Макариевская пустынь. Литография Черепанова, 1884 г.

лическими чанами для нагрева воды. После того, как вода нагревалась, ее по деревянным и керамическим трубам направляли к большому деревянному чану, куда помещали крупные куски дешевого воска-сырца, имевшего грязновато-желтый или серый цвет. Воск не должен был контактировать с металлом, поэтому воду сначала нагревали отдельно, и уже горячей подавали в деревянную емкость. Воск начинал плавиться и тонкими пластинами всплывать на поверхность, где его собирали и, после того, как он остывал, стругали и рассыпали на столы, установленные на месте современных длинных гряд с цветами. Разложенный на столах воск отбеливался естественным образом под солнцем и дождем за две-три недели. Для лучшего отбеливания воск неоднократно переворачивали деревянными лопаточками, предварительно сбрызнув водой.

Монахи, как рачительные хозяева, не хотели терять большое количество горячей воды, остающейся после расплавления воска. Родилась идея устроить обогреваемые горячей водой парники, в которых выращивались виноград, арбузы, дыни. Здесь же была цветочная оранжерея. «Тут росли арбузы, дыни, огурцы и персики. Печи были устроены с теплопроводами под почвой, на которой росли плодовые деревья», – писал Немирович-Данченко в 1874 году.

Большие работы по акклиматизации привозных растений проводились в 20–30-х годах Соловецким обществом краеведения. Были высажены и выращены пихта сибирская, туя западная, тополь бальзамический, яблоня сливолистная, боярышник желтокорый, вишня птичья, а также декоративные деревья и кустарники, такие, как калина, орешник, барбарис, чай курильский, и многие другие.

Среди заключенных СЛОНа был выдающийся ботаник Владимир Николаевич Дегтярев, осужденный «за шпионаж» из-за двух букв в частном письме из-за границы – сокращение ВК, означавшее город Вера-Круз (Веракрус), чекисты истолковали как «великий князь». На Соловках Дегтярев заведовал парниками в Сельхозе и занимался акклиматизацией растений, саженцы которых ему присылали коллеги-ботаники из разных стран (как ни странно, в 20-е годы было возможно и такое). Он создал дендрологический питомник, в разных местах сада высаживал цветы. Сохранилась статья 1927 года, где перечислены однолетние цветочные растения, успешно выращенные Дегтяревым: анютины глазки, карликовые астры, бархатцы, маргаритки, девица в зелени, просвирник, лжепросвирник, низкая настурция, ромашка, ноготки, портулак, резеда, скабиоза, душистый табак, хмель, пиретрум. В 1929 году ученый был повторно обвинен в заговоре и погиб. Неизвестно, умер он от болезни в заключении или был расстрелян. Памятником СЛОНа стала лиственничная аллея, ведущая к дому архимандрита, которая была посажена заключенными в 1933 году.

После войны за находящимся на территории исторической пустыни садом ухаживали соловецкие школьники, а с 1974 года Ботанический сад является подразделением Соловецкого музея-заповедника. Это один из самых высокоширотных Ботанических садов в мире. Общая охраняемая площадь сада равняется примерно 14 га. Из них культурными растениями занято примерно 4–4,5 га, остальную территорию сада занимает лесопарковая зона. В саду проводится планомерная научно-исследовательская работа по акклиматизации растений. В настоящее время постоянно пополняющаяся коллекция Ботанического сада насчитывает более 950 видов и сортов растений из Средней Европы, Сибири, Средней Азии и даже Северной Америки. Заложены коллекционные участки, делянки для апробации культурных растений, несколько цветочно-декоративных экспозиций. Одной из задач сотрудников Соловецкого музея-заповедника является также восстановление исторического облика сада, сохранение памятников и посадок монастырского и лагерного периодов.

Глава 12

АНДРЕЕВСКИЙ СКИТ НА БОЛЬШОМ ЗАЯЦКОМ ОСТРОВЕ

Большой и Малый Заяцкие острова расположены всего в 5 километрах к юго-западу от Соловецкого монастыря, однако растительность здесь совершенно иная – тундровая, низкорослая, повсюду россыпи камней, покрытых лишайниками. Большой и Малый Заяцкие острова (соловчане их ласково называют «Зайцы», «Зайчики») – пятый и шестой по площади острова Соловецкого архипелага, их площадь, соответственно 1,4 и 1,1 квадратного километра.

В грамоте, данной правителями Новгородской республики монастырю на владение Соловецкими островами около 1458 года, упоминался уже остров

Андреевская пустынь. Фото 1922 г.

Заяцкий [17, с.49]. Возможно, это название связано с тем, что вблизи этих островов отдыхали, выбравшись на прибрежные камни, морские зайцы – так называется один из видов крупных беломорских тюленей.

Существует и другая версия названия острова. Павел Александрович Флоренский в письме из Соловецкого лагеря писал: «…ездили в монашеские времена, давно, за яйцами и потому острова, где гнездилась гага, назывались Заяицкими; впоследствии это название переделали в Заяцкие»[1].

Монастырские сооружения сосредоточены в северо-западной части острова. В XVI веке небольшие морские суда, следуя к монастырю, в течение многих часов находились в море и, при быстрой смене погоды на Севере, часто попадали в шторм, относились в сторону ветрами и течениями. Заяцкий остров был первым прибежищем по пути следования от Двинской земли и Летнего берега Онежского полуострова к Карельскому берегу.

Монастырским мореплавателям слишком знакомо было коварство Белого моря с часто сменявшимися ветрами и мощными приливами и отливами, множеством опасных подводных камней. Морской путь, который сейчас преодолевается за 45 минут, в прошлом мог потребовать нескольких часов[2]. Приходившие из Архангельска парусные корабли движимы были юго-восточным ветром, а для входа в бухту Благополучия им приходилось дожидаться юго-западного или западного ветра. Поэтому такой необходимой и желанной была валунная гавань на Заяцком острове, сооруженная игуменом Филиппом: «В лето 7069-е (1561) … в Заяцком делал становище каменное, полатку да поварню, а люди монастырскими да игумновы наймиты, а хлеб ели общий монастырской» [11, с. 15].

Цв. вкл. II, с. 15

Гавань представляет собой небольшой прямоугольный водоем, огороженный с трех сторон валунными насыпями (размеры сторон: северная – 40 метров, восточная – 20, южная – 36, западная – 14). Валунные дамбы, широкие внизу, постепенно сужаются кверху. Восточная стена далеко выдается в море и заканчивается пристанью, к которой и до сего времени швартуются корабли. Рядом с пристанью нешироким (4 метра) вход в гавань. В северной части располагались пять эллингов, разделенных валунными перемычками. Здесь устанавливались в прошлом суда различной вместимости, как сравнительно крупные грузовые, так и мелкие промысловые. Известна надпись, сделанная игуменом Филиппом на стоящем здесь кресте: «по силе своей каменья же носили бы на заднюю сторону становища на угол от моря, для того, чтобы волнами морскими не располоскало» [79, изд. 2006 г. С. 192].

---

[1] Большой Заяцкий остров. Соловецкий монастырь, 2006.

[2] «Более суток пробыли мы на Заячьем острове, имея в виду здешнее прославленное место. Ветр веял все с одной стороны, т.е. N. O. прямо противной и довольно усильчивой. Наконец решились мы преодолеть, нещадением наших сил, его упорчивость, и пустилися 1 июля по утру в 9 часов бечевою, подле берега Заяцкаго острова. Трудно было откалываться от подводных камней, около берега лежащих, кои безпрестанно стучали во дно и киль нашего судна. Добравшись близ островка, неподалеку от Заяцкаго лежащаго, называемаго Парусная луда, пустились к нему на гребях, и миновав его, приближились к берегу Соловецкаго острова, через что получили небольшой выигрыш в ветре; растянув паруса с помощью весел добились напоследок до ворот гавани монастырской, ознаменованных по обеим сторонам прохода деревянными крестами, в каменных насыпях водруженными. В один час за полдень вошли мы в сие спокойное отишие». Письма Александра Фомина из путешествия в Соловецкий монастырь, 1789 года. Письмо XIV, 3 июля 1789.

На берегу рядом с гаванью при игумене Филиппе была построена каменная палата для проезжающих – первая гостиница. По времени сооружения это одно из самых ранних валунных строений на Соловецких островах. Сейчас палата, сохранившая в нижней своей части древние формы, частично отреставрирована. С восточной стороны от палаты можно видеть небольшую валунную поварню XVI века, в которой находилась печь для приготовления пищи. Она топилась «по-черному» – дым выходил прямо в помещение, поднимался под крышу и улетучивался через дымник. Верхняя часть стен и кровля поварни были восстановлены в 2003–2004 годах. К северу от палаты находится валунный ледник XIX века, покрытый дерном.

Заяцкий остров был важным стратегическим пунктом для торговых и рыболовных судов. В начале соловецкого «осадного сидения» здесь располагалось государево войско с целью обеспечить экономическую блокаду взбунтовавшегося монастыря и вынудить его сдаться. Стряпчий Игнатий Волохов со стрельцами «каждогодно приезжая на Заяцкий остров и простаивая на оном не более трех летних месяцев, почти в бездейственном положении, в течение четырех лет не имел никакого успеха» [11, с. 16]. Экономическая блокада не удалась, так как монастырь пополнял запасы, принимая малые поморские суда в Долгой губе или в Сосновой губе.

Следующая страница истории Заяцкого острова связана с посещением Петром I. В конце мая 1694 года царь Петр предпринял путешествие в Соловецкий монастырь на новопостроенной яхте «Святый Петр». Он пробыл в Соловецком монастыре с 7 по 10 июня 1694 года. Молился, поклонялся мощам святых угодников и, уезжая, одарил иноков «щедрою милостынею» [30, с. 115]. Для монастыря это посещение Петра I являлось очень важным событием, так как означало прекращение царского гнева на обитель.

В память о своем посещении Петр поставил большой деревянный крест на возвышенном берегу у пролива, разделяющего Большой и Малый Заяцкий острова. Н. Н. Виноградов писал: «Дожди и бури источили, обглодали деревянный крест. Он подгнил, свалился и, как реликвия, помещен был в церковь, где и хранится до настоящего времени (1927 г.) за левым клиросом у западной стены. К сожалению, вырезанная на подножье креста надпись настолько пострадала от времени, что из девятнадцати составляющих ее строк можно разобрать только лишь самое начало – “Божиею милостью…”» [11, с. 16].

Во второй раз Петр пробыл на Соловках неделю, с 10 по 16 августа 1702 года. Все это время 13 пришедших с ним кораблей с войском в числе 4000 человек стояли около Заяцких островов. Монастырский летописец сообщает, что по желанию государя под руководством придворного уставщика Иоанна Стефанова за несколько дней здесь была поставлена деревянная церковь во имя святого апостола Андрея Первозванного[3] — небесного покровителя России и русского флота. Церковь была освящена 1 сентября 1702

[3] Апостол Андрей первым из двенадцати апостолов последовал за Христом, поэтому он именуется «первозванным». Согласно преданию, апостол Андрей еще в I веке совершил путешествие по землям славян и проповедовал язычникам христианство. На Киевских горах им был воздвигнут крест. За приверженность учению Христа апостол Андрей был распят на кресте в Патрах в Пелопоннесе ок. 67 г. Крест, на котором пострадал и скончался апостол Андрей, был, по преданию, не обычной формы, а косой, как латинская цифра X. Память празднуется 30 ноября/13 декабря. Со времен Петра I в России Андрей Первозванный почитается покровителем военных моряков. Российский военно-морской флаг несет изображение Андреевского креста.

года, при преосвященном Афанасии, архиепископе Холмогорском и Важском, архимандритом Фирсом Соловецкого монастыря[4] [11, с. 78].

На месте нынешней церкви стояла деревянная часовня, перенесенная на остров в 1691 году (часовня, построенная стрельцами вблизи монастыря в 1672–1676 годах). В ней «лета 7200 (1691), сентября в 27 день… поставлен крест Христов с распятием Господним светло украшен при архимандрите Фирсе с братиею Соловецкого монастыря, на поклонение всем православным христианом» [11, с. 20, с. 77]. Высота креста 4 м 25 см определялась размером часовни. В церкви, где крест был поставлен у южной стены на клиросе по правую сторону иконостаса, верхняя его перекладина подходила под самый потолок. Самый низ креста был украшен чешуйчатой резьбой (дубовые листья, окрашенные в красный цвет) и представлял собою как бы чашечку цветка, из которого процвело Древо Крестное. По темно-синему фону креста были разбросаны золотые и серебряные звезды, восьмиконечные и четвероконечные кресты, розетки и другие украшения. Распятие было резное, выполненное горельефом.

16 августа 1702 года провожаемый архимандритом и братией флот Петра I отплыл в направлении Онежского залива, а через Онежский залив в село Нюхча. Отпустив основную эскадру, Петр оставил два корабля «Святой Дух» и «Курьер». Отсюда до Повенецкого погоста мостили гать – «Осудареву дорогу», по которой сухим путем переволокли суда до Онежского озера. Далее на них прошли по Онежскому озеру и реке Свири до Сермаксы. Пришедшие с Белого моря русские войска овладели крепостью Нотебург (бывшая русская крепость Орешек), закрывавшей выход из Ладожского озера в Неву. Захватив эту крепость, царь в нескольких километрах от нее, на полуострове с названием Заячий, соорудил крепость во имя святых апостолов Петра и Павла. Впоследствии вокруг нее стала строиться новая столица России – Санкт-Петербург. Так от соловецкого храма святого апостола Андрея началась славная 300-летняя история Петербурга, а с ним и Балтийского военно-морского флота.

В 1701 году для часовни на Заяцком острове была написана икона апостола Андрея Первозванного с надписью: «Сии горы Киевские, на нихже Первозванный апостол Христов Андрей восшедши, животворящий крест поставил и пророчески рекл, яко на сих горах возсияти имать благочестие и град велик быти. Якоже и бысть по пророчеству святаго. Писал сей св. храмовой образ апостола Христова Андрея иконописец Иулиан Иванов: 1701 год, августа 12 дня. А поправлен 1864 г., декабря 23 дня» [11, с. 77]. Предполагалось, что эта небольшая церковь с иконостасом была срублена на материке и перевезена на остров в разобранном виде. Однако проведенные при реставрации исследования позволяют утверждать, что при устройстве церкви были использованы основные конструкции часовни[5]. То есть, к часовне, построенной из круглых бревен, был прирублен пятигранный алтарь из бруса. В ранее глухой восточной стене часовни сделан проруб для входа в алтарь, сооружена солея и установлен иконостас.

Внешний облик церкви с 1702 года не сильно изменился. Остов ее имеет форму креста[6], в центре которого, над четвериком, водружен восьмигранный сруб,

---

[4] Из надписи на обороте закладного креста, находившегося в алтаре на юго-восточной стене.

[5] [2, вып. 4, 2005, с. 67]

[6] Рукоятью креста является крыльцо, нижней частью креста – широкий притвор, верхней частью – алтарь, а центральную поперечную перекладину составляет сама церковь.

увенчанный не шатром, как обычно на севере, а круглой шейкой с луковичной главой. На главе высокий восьмиконечный крест, глава и шейка покрыты лемехом. Четверик срублен «в угол» с длинными зауголками, а алтарь рублен на пять граней «в лапу». Стены церкви и алтаря сложены из толстых бревен, гладко обтесанных с внутренней стороны. Потолок в церкви настлан «в елочку», между пятью продольными брусьями. Крыльцо, кроме прямого своего назначения, играло еще роль звонницы: под крышей у лестницы были укреплены три маленьких колокола. Четвертый колокол, самый большой (полтора пуда), был снят и употреблялся в качестве сигнального. Он висел в 1927 году под особым навесом в виде гриба.

Первоначально церковь была окрашена: крыша – зеленой краской, восьмерик – белый с бледно-желтыми досчатыми зеркалами на каждой стороне, шейка главы – белая, глава – зеленая, а восьмиконечные кресты на церкви и на алтаре – желтоватого цвета, обшивка церкви окрашена в желтый цвет. В окнах алтаря в 1927 году еще сохранялись слюдяные оконницы.

Характерной особенностью этой церкви было наличие в прошлом небольшой закрытой галереи, окружавшей церковь и сохранявшей в ней тепло. Еще в XIX веке галерея и старинное крыльцо были утрачены, растесаны некоторые окна, не украшают церковь и следы поздней обшивки.

В конце XIX – начале XX века, когда обустроена была уже гавань Благополучия, Андреевский скит мало посещался, сюда ссылали в наказание «за мелкие провинки», и два монаха присматривали за «несколькими десятками ягнят и баранов, кои в пищу употребляются монастырскими штатными служителями и работниками» [11, с. 18].

Во время Крымской войны (1854–55 гг.) на Заяцкие острова неоднократно высаживались англичане с военных судов. Приведем тексты надписей на памятной доске, находившейся на западной стене церкви за правым клиросом [11, с. 80]. 8 июля 1854 года, «будучи посрамлены неудачным приступом к Соловецкой обители», английские корабли сделали 2–3 выстрела и по Большому Заяцкому острову. Не получив ответа, они «в злостном ожесточении устремились на сей храм, и, не заходя в гостиницу, где жил монах Мемнон, разрубили двери <Андреевского> храма и в нем церковную кружку, царские врата отворили, раскрыли престол, похитили с иконы Божией Матери крестики, принесенные богомольцами, захватили три колокольчика и бежали в Крестный монастырь грабить».

«В 1855 году англичане в течение лета раз пять приставали к Заяцкому острову, где и по три дня жили, а французы два раза бросали якорь. Храм отверстый стоял, при нем жил тот же монах Мемнон». Выйдя на берег, англичане охотились на зайцев и монастырских баранов. Отъезжая с острова, командир десанта передал через старца Мемнона соловецкому настоятелю штуцерную пулю (которая хранится в ризнице монастырской) с письменным требованием выдачи им нескольких быков. За быками они приехали 21 июня и, получив через старца Мемнона отрицательный ответ настоятеля, пожелали видеть его самого.

с. 600

Встреча состоялась на другой день 22 июня на Соловецком острове, на том месте, где теперь лежит переговорный камень. В выдаче быков было категорически отказано. 12 августа англичане еще раз приглашали настоятеля для объяснений, но он на этот раз им в свидании отказал. Затем англичане высаживались на остров 17 и 18 августа, и, уходя с острова, они забрали с собой годичный запас хлеба и дров, имевшийся у монахов.

И последний раз англичане посетили Заяцкий остров 7–10 сентября, после чего уже не показывались, так как вскоре был заключен мир. «При последнем уходе усиливались козла монастырского захватить, но он удивительною смышленостью избег плена, целое лето будучи ласков с неприятелем, как ручной. Монах Мемнон настоятелю объявил, что козла увезли англичане, но животное, убежавши из рук неприятелей, более суток пролежало в Каменной горе» [39 с.81].

После прекращения навигации Заяцкие острова были совершенно изолированы от окружающего мира. В 1914 году во время бури поздней осенью утонули в море два жившие здесь монаха. Об их смерти узнали только через несколько недель, когда установился пешеходный путь по льду [74, с. 81].

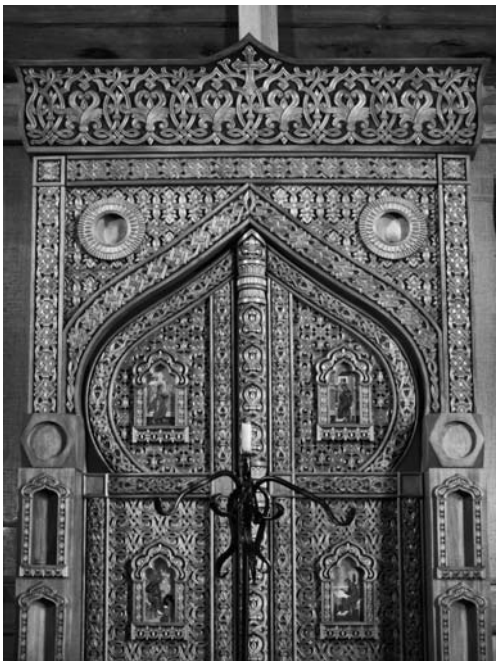
Однако этнограф Н. Н. Виноградов отмечает, что Андреевская церковь усердно посещалась поморами, и икона святителя Николая Чудотворца (Николы Морского) вся была завешена их приношениями: умилостивительными и благодарственными привесками (иконки, крестики, картинки, четки).

Со времени возрождения монастыря богослужения здесь непременно совершаются 13 июля (н.с.) в праздник Собора 12 апостолов, в число которых входит и апостол Андрей. 13 декабря, в день памяти апостола Андрея обычно добраться до скита невозможно.

5 августа 2006 года участниками Соловецкой регаты на Большом Заяцком острове был установлен поклонный крест в честь столетия подводного флота и в память всех погибших подводников.

Осенью 2009 года бригадой плотников под руководством В. В. Сошина были завершены реставрационные

Виноградов Николай Николаевич (10 ноября 1876 – †1937). Этнограф, археолог, музейный работник. Родился в семье священника. Учился в духовной семинарии. Работал учителем в сельской школе (1896–1903). Член Костромской ученой комиссии (1895); научный сотрудник Русского музея (1903–1904). Учился в Петербургском университете. Редактор журнала «Живая старина». Участвовал в создании «Словаря русского языка Академии наук»; редактировал 4-е издание «Словаря» В. И. Даля. В 1910 г. был арестован за хранение прокламаций социал-демократов и выслан в Кострому на 3 г. В 1926 г. был репрессирован и выслан на Соловки. В феврале 1928 г. был досрочно освобожден с зачислением вольнонаемным сотрудником ОГПУ в должности ученого секретаря Соловецкого общества краеведения. На Соловках написал около 30 статей; редактировал 3 выпуска «Материалов СОК» и 2 номера журнала «Соловецкие острова». Благодаря его труду об Андреевской церкви [11] она была объявлена музеем народного быта, и в ней в лагерное время все сохранялось так, будто вот-вот вернутся монахи и начнется служба. С 1 сентября 1932 г. Виноградов стал действительным членом Карельского НИИ культуры; в 1936 г. проводил исследования на полуострове Олений. С 1 сентября 1937 г. был старшим научным сотрудником государственного заповедника «Кивач». 21 мая 1937 г. был уволен с работы без выходного пособия. 28 декабря 1937 г. осужден постановлением тройки НКВД КАССР. Свидетельство о смерти ЦЮ № 128560 от 8 января 1938 г. не содержало указания причин и места казни. Реабилитирован в 1963 г.



Царские врата из церкви в честь святого апостола Андрея

работы в храме апостола Андрея Первозванного. В том же году и.о. скитоначальника был назначен игумен Симеон (Хисамутдинов), настоятель Кемского подворья Соловецкого монастыря. С тех пор он в летнее время регулярно совершает богослужения в Андреевском храме. В 2012 году в церкви был установлен резной иконостас.

Вблизи гавани на северо-западном мысу во множестве стояли обетные и благодарственные деревянные поклонные кресты на каменных подножиях. Посетивший в конце XVIII столетия Заяцкие острова А.И. Фомин писал, что деревянных крестов на них «великое множество» и что они «подобятся лесной роще, сквозь которую взор едва проникнуть может». Архимандрит Досифей упоминал, что «святая вера с давних времен руководствовала здешних поморян к обычаю водружать кресты, когда они близ островов или приморских берегов принуждены бывают стоять за противными ветрами. Сделав и поставив крест на той стороне, где пристали или куда им плыть надлежит, они надеются, что вскоре Бог даст им попутный ветр; а сие и действительно по усердию и вере их исполняется» [17, с.7]. Основание одного из подобных крестов сохранилось за алтарем Андреевской церкви.

Вокруг открываются пейзажи, близкие по типу к тундровым: дикий камень, тощий кустарник, слабый лес. Невысокие рябины, березы, редкие хвойные смело цепляются за валуны и камни, нащупав хоть небольшое количество земли, и тут же пригибаются к земле от холодного морского ветра, так и не успев набрать полной силы. По камням повсюду стелется тундровая растительность, среди которой преобладает шикша, олений мох-ягель, вереск, брусника, толокнянка, арктоус альпийский, дёрен шведский, на влажных местах встречается пушица, багульник, морошка. Поистине здесь, как нигде на архипелаге, вспоминаешь, что находишься в 160 километрах от Полярного круга.

Цв. вкл. II, с. 15

Единственный в настоящее время источник пресной воды на Заяцком острове находится в 900 м от пристани, туда ведет тропинка вдоль южного берега. В 2002 году над источником сооружена часовня.

Открытый всем ветрам, с мощными нагромождениями валунов и низкой растительностью, Заяцкий остров может показаться мало приспособленным для жизни, однако еще в эпоху неолита сюда приходили люди.

Памятники неолита – последнего периода каменного века, обнаруженные археологами на острове, датируются третьим – первым тысячелетиями до н. э. и представ-

лены лабиринтами и другими искусственными нагромождениями камней. Особенно много их на склонах невысокой Сигнальной горы. Здесь 13 лабиринтов и более 900 каменных выкладок (в основном курганы, два дольмена и др.). Наибольший интерес среди них представляют загадочные лабиринты — невысокие спиралевидные каменные выкладки круглой или овальной формы, с диаметром от 5 до 25 метров. Как правило, лабиринты имеют вход и выход в одном месте, так что, следуя в одном направлении, можно дойти до центра, а затем, не переступая через каменный барьер, вернуться туда, откуда вошел. При входе в лабиринт обычно с обеих сторон сложены кучи камней.

Н. Н. Виноградов в работе 1927 года «Соловецкие лабиринты» указывает, что название «лабиринт» возникло в научной литературе по подобию древнего лабиринта[7] на о. Крит и было совершенно неизвестно местным жителям в России, где такие сооружения называли «вавилонами», подчеркивая их замысловатость или принадлежность к некой древней языческой культуре. Каменные лабиринты встречаются в Скандинавии и в северо-западной части России. Они представляют собой наземные выкладки из валунов, покрытые дерном.

В Скандинавии у лабиринтов существуют местные названия, такие, как: Забор, или Дорога великанов, Игра Святого Петра, Девичьи пляски, Ограда монахинь, Троя, Гибель Иерусалима, Ниневия, Иерихон, Лиссабон и другие. Все эти названия свидетельствуют об их довольно позднем происхождении и характеризуют их внешнюю форму, тогда как их изначальное назначение было уже утрачено (древние предания языческого периода были забыты и получили в основном христианскую окраску).

Лабиринты обычно располагаются близ водных пространств (морей, рек, озер), в основном на островах, на возвышенностях, вдали от мест постоянного жительства.

Выделим несколько основных особенностей древних северных лабиринтов:

1. Основной элемент лабиринта – спираль, сложенная чаще всего из одиночных валунных камней в длинный ряд.

2. На протяжении всей своей длины спираль на отдельных участках имеет расширение и утолщение в виде каменной кучи округло-овальной формы. По концам спиралей также заметны утолщения, конструктивно обозначенные кучками камней или более крупными камнями.

3. Одиночную спираль укладывали в виде раскручивающейся из центра линии.

4. Укладка двух вписанных одна в другую спиралей имеет вид переплетенного клубка.

5. В центре лабиринтов размещено скопление камней в виде горки.

Изучавшие лабиринты ученые по-разному отвечали на вопрос об их назначении [47]. Н. Н. Виноградов выдвинул гипотезу о том, что лабиринты – изображение Saivo – священных гор, где по вере древних народов обитают духи усопших предков, наслаждаясь блаженством. Вместе с тем лабиринты, возможно, являлись и местом жертвоприношений для умилостивления этих духов. Лабиринты могли символизировать трудный и извилистый жизненный путь, заканчивающийся переходом в иной мир.

[7] Лабиринт – помещение с запутанными ходами, из которого трудно найти выход, возможно, название произошло от греческого «лабрис» – топор для жертвоприношений.

Современные исследователи северного неолита А. А. Куратов и А. Я. Мартынов[8] установили, что входы в лабиринты имеют различную пространственную ориентацию и часто соседствуют с каменными курганами, дольменами и другими каменным выкладками, которые, по-видимому, образуют единый культово-погребальный комплекс. Каменные курганы представляют собой искусственные валунные насыпи полукруглой или полуовальной формы небольших размеров и высотой около метра. При разборке некоторых из них были обнаружены остатки древних языческих захоронений. Возможно также, что в этих местах были первобытные капища.

Следует отметить, что по самим лабиринтам оказалось невозможно определить, кто и когда их строил. На территории, занятой лабиринтами, при обследовании и раскопках никаких артефактов не обнаружено. Поэтому предполагают, что их строили те посетители островов, чьи стоянки и погребальные комплексы находятся неподалеку. Они относятся к эпохе неолита, то есть ко II–I тысячелетию до нашей эры. К этому же времени относятся и стоянки Муксалма-1, Колгуевская-1 и Капорская, обнаруженные на террасах, расположенных на высоте 8–10 м поблизости от берега моря. Их обитатели пользовались охотничьим и рыболовным инвентарем, сделанным в основном из разноцветного карбонового кремня, ближайшее месторождение которого находится в Орлецах на реке Северной Двине. В обиходе были глиняные шаровидные сосуды, украшенные разнообразным орнаментом: гребенчатым, сетчатым, ямочным. Редчайшей находкой является культовый сверленый топор из сланца.

Остатки стоянок начала новой эры обнаружены на территории поздних монастырских поселений: Андреевской пустыни и исторической части поселка Соловецкий. Кремнево-кварцевый инвентарь этих становищ несет на себе следы вырождения каменной индустрии, обнаруженные при раскопках изделия невзрачны, грубы, небрежно обработаны.

Итак, на протяжении трех тысячелетий (III–I тыс. до н.э.) материковые жители Беломорья многократно посещали острова, о чем свидетельствуют два с половиной десятка уже открытых стоянок и мастерских. Обитатели раскопанных поселений умели делать многое: ловили озерную рыбу, охотились на лесную дичь, изготавливали инвентарь из дерева, глины, кварца, кремня, сланца, песчаника, занимались собирательством на литорали и островах.

Особый интерес представляют археологические свидетельства морской культуры первобытных посетителей островов: два пятикилограммовых якоря, в том числе — древнейший из обнаруженных к настоящему времени в Беломорье, заготовка кварцевой и две кремневые фигурки морских промысловых животных (тюленей), некоторые виды каменных орудий.

По-видимому, древние люди добирались до Соловецкого архипелага с материка через архипелаг Кузова с помощью легких каркасных лодок, рассчитанных на 3–5 человек, устройство которых не требовало таких больших усилий, как изготовление долбленок, но которые были гораздо надежнее плотов. На деревянный каркас натягивалась обшивка из выделанных с помощью скребков шкур крупных

[8] Мартынов А. Я. Древними тропами Соловецких островов. 2006.

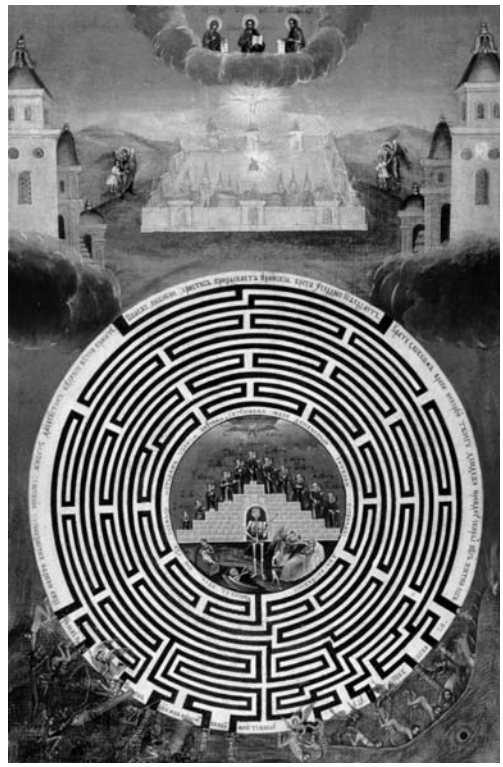
лесных и морских животных: медведя, лося, оленя, тюленя. Куски шкур сшивали сухожилиями ног оленя или лося, проделав отверстия «женскими» орудиями труда — проколками из кварца. Шкуры склеивались в 2–3 слоя смолой и пропитывались тюленьим жиром в качестве водоотталкивающего средства. Два якоря (на носу и корме) вполне способны удержать такую лодку на месте.

Назначение островных лабиринтов, по мнению А. Я. Мартынова, было двояким. «Построенные, согласно представлениям древних, на границе двух миров – «среднего» и «нижнего» – лабиринты, скорее всего, символизировали либо собственно нижний – потусторонний – мир, населенный мертвыми и враждебными человеку духами, либо запутанный путь в него. Одна функция лабиринта состояла, таким образом, в том, чтобы обеспечить перемещение в нижний мир душ умерших и погребенных по обряду, предусматривавшему трупосожжение. С другой стороны, лабиринты были, по-видимому, тем инструментом, с помощью которого и совершались обрядовые действия. Следует предположить, что сами Соловецкие острова воспринимались древними как особое – сакральное – место, в котором как бы смыкаются два мира – реальный мир живых людей и ирреальный потусторонний мир. Судя по все возрастающему количеству открываемых первобытных поселений, культово-погребальных и символических сооружений, Соловки были на протяжении нескольких тысячелетий религиозно-культовым центром юго-западного Беломорья, в котором происходила основная обрядовая часть жизни насельников».

Все исследователи отмечают связь лабиринтов с морским побережьем и островами, местами активной рыбной ловли. По мнению Н. Н. Гуриной, лабиринты могли символически изображать способ лова рыбы. По мнению И. М. Мулло, лабиринты – это планы рыболовных ловушек. Однако сходство лабиринтов с рыболовными ловушками весьма сомнительно. Ловля морской рыбы, будь то морское побережье или берега нерестовой реки, не требовала таких сложных и хитроумных устройств. Отрицание роли лабиринта как плана, макета или символа рыболовного снаряда не противоречит его связи с промысловой магией, т. е. обрядами, поверьями, церемониями, смысл которых заключался в том, чтобы обеспечить древним общинам благополучие в рыболовном промысле. Под этим благополучием могли подразумеваться не только хорошие уловы, но и благоприятная погода, безопасность и т. п.

Б. Ольсен предполагал, что лабиринт мог играть метафорическую роль в ритуалах, связанных с переходом от жизни к смерти. «Можно себе представить, что шаман входил в лабиринт, и это означало отделение смерти индивида от его жизни. Присутствие внутри лабиринта отмечало отделение от жизни на земле. Церемония заканчивалась тем, что шаман оставлял лабиринт, как бы символизируя этим переход умершего в новую стадию». Далеко не везде лабиринты сопровождаются захоронениями. Например, на Красной Луде, Терском берегу Белого моря и во многих других местах следы могильников не обнаружены.

Монахи, не имея возможности разобраться в культовой принадлежности археологических памятников, поступили просто: не разрушая то, что было устроено до них, они выложили на вершине Сигнальной горы валунный крест, то есть посвятили это место Богу.



Лабиринт духовный. Икона XVIII в.

В средние века идея лабиринта, как символического изображения запутанного жизненного пути, была переосмыслена в свете христианских представлений. До сих пор сохранились изображения лабиринта на стенах и мозаичных полах в готических соборах Шартра, Реймса, Амьена. Русским читателям была известна книга чешского философа и педагога Яна Амоса Коменского (1592–1670) «Лабиринт мира и рай сердца» с русским стихотворным предисловием 1630-х годов. Однако иконописные и лубочные изображения с этим сюжетом распространяются только с XVIII столетия.

Икона «Лабиринт духовный»[9] отражает представления о земном пути души христианина с помощью древнего образа лабиринта, перешедшего из античности в средневековую Европу, а затем – на Русь. В центре иконы изображен лабиринт, из которого два выхода ведут вверх, в жизнь вечную, и одиннадцать – вниз, в геенну огненную. Внутри лабиринта – круг, где представлены начало и конец пребывания человека на земле. Младенец еще лежит в колыбели (слева), а его уже готова скосить смерть, изображенная в виде скелета (в центре). На смертном одре (справа) душу человека принимает Ангел, но тут же стоит и бес со списком грехов усопшего. Жизненный путь человека изображен как уступчатая лестница, по которой поднимаются и спускаются мужчина и женщина. На первой ступени они еще дети, на последней – глубокие старцы. Надписи указывают их возраст: от 1 года до 90 лет.

Рифмованные тексты в верхней части лабиринта наставляют следовать за Христом, Который всех к Себе призывает «и райские врата усердно отверзает». Здесь же – слова псалма: «Пути Твоя, Господи, скажи ми, и стезям Твоим научи мя» (Пс. 24, 4). Надпись в нижней части лабиринта тоже из Псалтири: «Яко зол душа моя наполнится и живот мой аду приближися» (Пс. 87, 4).

Под лабиринтом изображена преисподняя. В правом углу – огненная пасть сатаны, куда низвергаются души грешников в виде обнаженных фигурок. Здесь же помещены наименования грехов: **«Блуд», «Уныние», «Сребролюбие», «Пианство», «Тщеславие», «Гордость», «Убийство», «Гнев», «Немилосердие»,**

[9] Икона XVIII века. Холст, масло. 57х80 см. Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим».

«Зависть», «Оклеветание», «Объедение». Преисподняя населена демонами – воинами тьмы, которые ведут с людьми духовную брань. Они поражают род человеческий с помощью страстей, изображенных в виде земного оружия – лука, ружья, пушки. Но между бесами мы видим и Ангелов, извлекающих раскаявшиеся души из греховной бездны.

Над лабиринтом изображено Царство Небесное с Градом Иерусалимом Новым, к стенам которого приближаются души праведников в виде двух отроков, сопровождаемых Ангелами. Образ Града Горнего соответствует Апокалипсису (Откр. 21). В небе над Новым Иерусалимом – Дух Святой в виде голубя, Пресвятая Богородица и святой Иоанн Предтеча, обращенные к Господу Вседержителю с молитвенным ходатайством о спасении человечества.

Глубокое духовно-назидательное содержание, выраженное в наглядных образах, способствовало появлению разных изводов «Лабиринта» не только в иконописи, но и в русской народной картинке – лубке.

Глава 13

БОЛЬШАЯ МУКСАЛМА

Остров расположен в десяти километрах от монастыря и отделен проливом шириной около километра от Большого Соловецкого острова. В 1975 году в северо-восточной части острова была раскопана неолитическая дюнная стоянка. Найденные здесь кремневые орудия, фрагменты лепного сосуда, наконечники стрел и другие предметы подтвердили существовавшую в древнейшие времена связь Соловецких островов с первобытными стоянками на берегах Белого моря во втором — первом тысячелетиях до нашей эры.

Обширные луга Большой Муксалмы благоприятствовали использованию острова для устройства скотных дворов и для выпаса монастырского стада. Много скота привозили в дар монастырю поморские крестьяне, а по заповеди преподобного Зосимы не полагалось заводить плодящихся животных близ монастыря и на всем острове Соловецком. Уже описи 1514 года свидетельствуют о существовании на Муксалме «коровниц», в которых содержалось «до 40 коров да 20 молодых бычков да телят».

При игумене Филиппе были построены скотные дворы, стадо умножалось, расчищались сенокосные луга и пастбища. Однако это хозяйство было разорено во время Соловецкого сидения. В описи 1765 года, после учреждения штатов, еще упоминаются конный и скотные дворы, покосы на Муксалме и «при Сумском остроге на скотном дворе рогатого скота 16 коров». Однако в описи архимандрита Иеронима (1788–1789 гг.) значится: «на Муксалмском острове, на котором издревле был скотный двор и содержались коровы, оных нет». Весь скот — «меринов езженных шесть, коров дойных восемь, бык один» — находился в Сумском посаде.

При архимандрите Герасиме в 1793 году монастырский скотный двор был полностью переведен из Сумского посада на Муксалмский остров. В 1801 году был построен новый просторный скотный двор с сенником наверху, а к 1829 году уже сформировалась пустынь с часовней во имя священномученика Власия [17, с. 262], которого на Руси почитали как покровителя домашнего скота. Часовня находилась на прибрежной террасе в 50 м севернее действующего ныне причала. В том же году туда перевезли деревянную кладбищенскую церковь во имя преподобного Онуфрия Великого (освященную 16 июня 1667 г. и разобранную за ветхостью в 1821 г.), из материала которой была сооружена часовня в честь Рождества Христова.

Скит прп. Сергия Радонежского на о. Б. Муксалма. Литография Черепанова, 1884 г.

В 1828 году при архимандрите Досифее Немчинове «с острова Большая Муксалма на Малую Муксалму через два морских пролива сделан большой каменный глухий мост, в длину более 140 сажен, а шириною до 3-х сажен для скотный пастьбы». Трехсотметровая дамба предназначалась для перегонки скота на небольшой, почти безлесый, покрытый сочной травой остров. Сейчас она сильно размыта и нуждается в ремонте. Помимо выпаса скота, на малом острове были заведены рыбные и тюленьи промыслы, в связи с чем построены жилые помещения, амбары и баня. После возведения на Большой Муксалме каменной церкви сюда была перенесена часовня Рождества Христова – бывшая Онуфриевская кладбищенская церковь. В сильно перестроенном виде стоит она и сейчас на возвышении в центре острова. От бывших жилых изб промысловиков сохранилось только две, хотя подобных построек когда-то стояло много вдоль соловецких берегов.

При архимандрите Илларии (1838–1842 гг.) уже подальше от побережья на месте существующего ныне каменного корпуса был построен скотный двор в одной связи с двухэтажным деревянным жилым корпусом. Над хлевами был устроен сарай для сена. В 1839 году были выстроены скотопойня и валунная баня для рабочих, а для накопления воды «вырыт у сего строения пруд новый, а из пруда сделана плотина с руслом для стока воды». Вода доставлялась по каналу протяженностью более 3 км, который соединил несколько близлежащих озер.

Дальнейшему расширению монастырской усадьбы препятствовала необходимость перевозить морем на лодках или плотах с Большого Соловецкого острова на Муксалму скот, молочные продукты и строительные материалы. Поэтому решено было построить полуторакилометровую валунную дамбу через пролив Южные Железные Ворота. Большое количество мелей между островами позволило использовать их как основу для прокладки дамбы. Она пролегает по наиболее мелким местам пролива, прихотливо изгибаясь среди моря и валунных насыпей. Подготовительные работы велись в течение нескольких лет при архимандрите Порфирии (Карабиневиче), само же строительство заняло летний период 1866 года.

Монах рассказывал Немировичу-Данченко: «Господь нам помог: архимандриту видение было... Молились долго, месяц пост строгий соблюдали и начали постройку. Сам настоятель помогал нам, таскал камни… Ну, и явил Господь чудо Свое! Не мы строили; Зосима и Савватий и легионы ангелов с ними. Бывало подымаем камни: в простое время никак не шевельнешь их, а тут легко, потому не-

видимая сила была… В лето все кончили. Вера – горами движет. Чрез простых рыбарей Господь силу свою явил древле, а ныне мы, иноки неграмотные, носители откровения Его!» [58, с.101].

Кроме трудников и монахов на сооружении дамбы работали «по найму, от монастыря, до 400 человек зырян». Работа велась под руководством рясофорного послушника крестьянина Холмогорского уезда Федора Ивановича Соснина. 12 февраля 1867 года он был пострижен в монашество с именем Феоктист. Довольно строгий архимандрит Мелетий писал о нем: «Проходит послушания разные по строительной части, в роде инженера-механика при укладке диких камней под фундамент монастырских строений, дорожных мостов, в гавани и доках для морских судов» [110, № 17], «послушливый, трудолюбивый» [111, №17].

Первоначально дамба была сложена из крупного валуна без скрепляющего раствора. В конце XIX века деревянный мост заменили тремя каменными арками для прохода карбасов, а в начале XX века дамба была надстроена, валуны по бокам были скреплены металлическими скобами, и устроено деревянное ограждение. Сухопутная дорога посреди открывающихся по сторонам морских просторов, подвижная стихия волн и неба, свежий ветер, приносящий запах водорослей, вызывали восторг паломников: «Только с такими работниками и можно было совершать подобные чудеса строительного дела, как, например, постройка монастырских стен или засыпка валунами морского пролива, чтобы соединить Соловецкий

Вид на дамбу с самолета

Пролив Южные Железные ворота

остров с Муксаломским, где теперь устроен обширный скотный двор; только соловецкие монахи могли совершить эти воистину работы гигантов»[1].

В 1873–1876 годах при архимандрите Феодосии на средства, пожертвованные купцом М. И. Шапошниковым, в скиту была поставлена каменная церковь во имя преподобного Сергия Радонежского. Проект был составлен и реализован архангельским губернским архитектором Г. Карминым. Строительство церкви было предсказано блаженным монахом Тихоном[2]. Однажды, будучи на Муксалме, он ходил неподалеку «от скита и мурлыкал про себя что-то странное, а потом подошел к одному месту среди кустарников и заглубил в землю сделанный им самим небольшой крест.

– Отец Тихон, что ты там делаешь? – спросили его братия.

– А это вот церковь здесь будет, – уверенным тоном ответил он.

– А вот и не будет, – возразили ему, – для Муксольмы достаточно и такой часовни, какая сейчас есть.

---

[1] Дунаев Б. И. Соловецкая обитель М.,1914 С.12.

[2] Блаженный монах Тихон Больничный (Кошелев Тимофей Иоакимович, р. 1837–† 30 января 1901). Жил в обители с 1868 г. Послушание проходил по портной части. Пострижен в монашество 23 апреля 1876 г. Жизнь он вел странную, загадочную, взяв, очевидно, на себя подвиг юродства. «Внимательной, но странной жизни» [110, л.84]. В 1889 году находился на излечении в Архангельской городской больнице с 20 мая по 5 октября и признан врачами страдающим манией величия (Mania grandiosa) [116, л. 214]. В последние 20-25 лет своей жизни он упорно, несмотря на настойчивые увещевания о. настоятеля и старшей братии, стал себя называть «Тихоном, Патриархом Московским и всея Руси» и при этом обеими руками благословлял всех встречающихся ему. За это он по приказанию о. настоятеля был изолирован от братии и помещен в одну из келий бывшего острога. В 1897–1899 гг. он стал усердно заниматься портняжным мастерством в своей келии, так что настоятель записал: «Благодарение Богу! Начинает постепенно приходить в нормальное состояние» [124, л.220]. Скончался после напутствия Святыми Тайнами и соборования. Во время отпевания некоторые из братии ощущали исходящее от него благоухание.

А блаженный Тихон лишь молча отошел, ибо лишних слов на ветер не пускал, не болтал, а более всего молчал.

Через несколько лет с благословения местного епархиального начальства как раз на том самом месте был выстроен храм в честь преподобного Сергия, игумена Радонежского» [46, №2, с. 60].

Во времена Соловецких лагерей Сергиевская церковь была разобрана до фундамента.

Сохранившиеся в настоящее время постройки, широко раскинувшиеся на большом ровном поле, относятся преимущественно к началу XX столетия. В 1900 году под руководством архитектора Вуколова был построен деревянный двухэтажный дом для приезжих, так называемый Сергиевский корпус. При церкви преподобного Сергия Радонежского образовался сам собой новый Сергиевский скит, строителем которого в 1900–1912 годах был иеромонах Феофан[3]. Настоятель архимандрит Иоанникий писал о нем в 1900 году: «Благочестив, честен и благонадежен, к церкви всегда усерден, старательно привыкает к управлению скитом», а в 1903: «Отличных качеств, неутомим в трудах и послушаниях, ревностен в богослужении, примерен в житии и кротости нрава». В 1914 году он был определен духовником Соловецкого монастыря, а после ареста архимандрита Вениамина возглавил общину монахов, оставшихся трудиться в СЛОНе. Возведен в сан архимандрита 25 декабря 1927 года. Упоминается в списке 1929 года с пометой: «†15 марта 1932».

При иеромонахе Феофане в 1901–1905 годах по проекту архитектора Г. К. Иванова был возведен самый большой из всех существующих на островах каменный жилой корпус с хозяйственными погребами. В прошлом к нему вплотную примыкал большой деревянный скотный двор.

В 1909 году на Муксалме были проведены крупномасштабные мелиоративные работы. К каналу, подводящему воду к бане, и к трем озерам вырыли канавы, благодаря чему прилегающий к озерам торфяник, покрытый мхом, стал несколько суше. Затем провели поперечные канавы, впадающие в ранее проведенную магистральную канаву, они еще больше осушили болото. Поверх сухого торфа (до 2 м в глубину) был мох (до 70 см). Верхний слой этого мха (15 см) сняли кирками, сожгли, полученную золу разбросали по полю, перепахали и посеяли клевер и тимофеевку. Для регулирования орошения была устроена плотина со шлюзами. К 1917 году площадь болот острова уменьшилась на четверть, количество скашиваемого сена увеличилось в 2,5 раза.

Во время СЛОНа ферма на Муксалме вначале даже расширилась. В церкви Сергия Радонежского разместили крольчатник, появилась свиноферма, в дверях келий каменного корпуса, превращенного в 1937 году в тюрьму, были прорезаны глазки и «кормушки». Но постепенно хозяйство пришло в запустение. Затем лагеря были свернуты, и в военное время на Муксалме был устроен аэродром. В двухэтажном деревянном доме проживали летчики (6 человек). В каменном доме – гражданское население. Содержали 19 коров и 8-9 лошадей. На огороде выращивали картошку, морковь, брюкву, косили сено.

---

[3] Архимандрит Феофан (Окулов Иван Николаевич, р.1863 – †15 марта 1932) Проживал в монастыре с 1888 г. 10 марта 1896 г. пострижен в монашество в Соловецком монастыре. 15 августа 1896 г. рукоположен в иеродиакона, 28 ноября 1899 г. – в иеромонаха.

В 1991 году памятники острова Большая Муксалма были переданы в безвозмездное пользование Соловецкому монастырю, в скиту постоянно проживает один насельник, ведутся реставрационные работы.

Сейчас уцелевшие строения скита сильно обветшали, а сто лет назад посещавшие Большую Муксалму православные паломники дивились мастерству и добротности здешних построек, большому размаху, чистоте, обжитости и ухоженности всего монастырского скотоводческого хозяйства. В. И. Немирович-Данченко писал: «Мы посетили птичий двор, ферму, где осмотрели великолепно содержимые конюшни, которые чистят и моют ежедневно. От этого так необыкновенно красив и сам скот соловецкий. Теплая комната для сквашивания молока опрятна до педантства. В кладовой медные, хорошо вылуженные посудины для молока сияют, как зеркало. Здесь доят коров не в деревянные ведра, а в металлические. Прохладная горница для хранения молочных продуктов, а рядом ледник — верх хозяйственного удобства и чистоты. Не знаешь, чему удивляться. Мы привыкли видеть нашего крестьянина в вечной грязи, тут приходится убедиться, что грязь – это только результат его нищеты. Те же крестьяне на Соловках рационально ведут свои хозяйства и по любви к порядку напоминают чистокровных немцев» [58, с. 101].

Глава 14

ПЕРЕГОВОРНЫЙ КАМЕНЬ

Переговорный камень лежит на берегу моря в трех километрах к югу от монастыря, на месте, где архимандрит Александр встретился с представителем английской военной эскадры.

На гладкой плите правильной формы сохранилась надпись: «Зри сие. Во время войны Турции, Франции, Англии, Сардинии с Россией здесь был переговор Настоятеля Архим. Александра с английским офицером Антоном Н. 22 июня, 1855 в среду в 11 час. до полудня по записке начальника неприятельской военной эскадры в Белом море, требовавшего от монастыря быков (записка представлена Святейшему Синоду). После переговоров, благополучных для обители, настоятель, возвратясь в монастырь в 1 час дня, служил в тот день в Успенском соборе Литургию и молебны; служба кончилась в 4 часа. В эту неделю три дня пост строгий был в обители и скитах и Господь в это лето не допустил воюющих нарушить иноков покой, как без милосердия они поступили в 1854 г. А.А.»

Не выдав в распоряжение англичан свежего провианта, монастырь в очередной раз подтвердил свою твердость и независимость. Это был первый и единственный в истории случай, когда неприятель ступил на святую Соловецкую землю.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО

С Соловками трудно прощаться. Хочется сказать, как Петр на Фаворе: «Господи, хорошо нам здесь быти! Поставим три кущи...» Но, как и в прежние времена, срок пребывания паломников в Соловецкой обители ограничен 3–5 днями. Однако если есть возможность потрудиться в обители и на это будет дано благословение священноначалия, то появляется больше возможностей присмотреться к монастырской жизни, пробудить душу свою от тяжкого сна греховного.

Мудро поступают те, кто, достигнув святых мест, дорожат здесь каждой минутой, каждым священнодействием Церкви, чтобы употребить их во благо своей души, привлечь на себя благодать, даруемую свыше. Благо нам, если прося о своих нуждах, благодаря Господа за Его милости, молясь о родных и близких, мы сумеем излить пред лицом Господа Всеведущего все горе нашей томящейся души. Покаянные молитвы, происходящие от живого сознания «множества содеянных нами лютых», не будут отвергнуты здесь милосердным Господом. Благо нам, если в сознании своей виновности и безответности перед Богом, мы поспешим на исповедь и дадим решительный обет переменить свою жизнь. Тогда по благоговейно-трепетном принятии Святых Таин мы уже вступим на новое поприще святой деятельности христианской[1]. Если вы так поступили, братия и сестры, труд вашего хождения за море не напрасен.

Тысячи богомольцев ежегодно стремятся побывать в Соловецкой обители. И кто может исчислить, сколько в этих благочестивых путешествиях получается сердечной отрады, духовного назидания и благодатной силы к благодушному терпению жизненных скорбей! Сколько снимается тяготы греховной, накопившейся в душе от суеты мирской! «Иди, учись у иноков, – говорил святой Иоанн Златоуст, – это светильники, сияющие по всей земле, это стены, коими ограждаются и поддерживаются сами города. Они для того удалились в пустыню, чтобы и тебя научить презирать суету мирскую... Итак, ходи к ним чаще, дабы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрестанно приражающихся к тебе скверн, ты мог настоящую жизнь провести сколь можно лучше и сподобиться будущих благ...»

В мире есть похвальный обычай напутствовать в дальний путь благопожеланиями. Чего же пожелать вам, покидающим Соловки – эту священную пристань спасения среди моря мирского? Благополучия, здоровья, долголетия ли

пожелаем? Да, но всему этому конец на земле. Поэтому, возлюбленные, мы желаем вам спасения души, которое есть единое на потребу и без которого ничего не значат все сокровища мира. И да радуются сердца ваши, если молитвами преподобных отец Зосимы, Савватия и Германа поселился в них покой Божий, и озарил отсвет благодати Преображения Господня и вашу душу. Ищите же прежде Царствия Божия, а благословение вашего семейства и обилие благ земных приложатся вам по Слову Евангельскому и по богатству благости Божией. Аминь.

Песнопения и молитвы

наиболее чтимым
Соловецким святым

ПРЕПОДОБНЫМ ЗОСИМЕ, САВВАТИЮ И ГЕРМАНУ (8/21 августа)

Тропарь, глас 8

Яко светильницы явистеся всесветлии/ во отоце океана моря,/ преподобнии отцы наши Зосимо, Савватие и Германе,/ вы бо, крест Христов на рамо вземше,/ усердно Тому последовасте/ и, чистотою Богови приближившеся,/ отонудуже силами чудес обогатистеся./ Темже и мы любезно притекаем ко святым мощем вашим и умильно глаголем:/ о преподобнии, молите Христа Бога// спастися душам нашим.

Кондак, глас 2

Христовою любовию уязвившеся, преподобнии,/ и Того крест на рамо вземше,/ понесли есте, Божественне вооружившеся на невидимыя враги,/ и непрестанные молитвы, яко копие в руках имуще,/ крепко победили есте бесовские ополчения;/ благодать Господню приемше целити недуги душ и телес/ притекающих ко святым мощем вашим,/ чудес лучи испущаете всюду./ Тем зовем вам:// радуйтеся, преподобнии отцы наши Зосимо, Савватие и Германе, монахов удобрение.

Молитва

О преподобнии отцы, велицыи заступницы и скории услышателие молитв, угодницы Божии и чудотворцы Зосимо, Савватие и Германе! Не забудите, якоже обещастеся, посещати чада ваша. Аще бо и отыдосте от нас телом, но духом присно с нами пребываете. Молим убо вы, о преподобнии: избавите ны от огня и меча, от нашествия иноплеменников и междоусобныя брани, от тлетворных ветров, и от напрасныя смерти, и от всех прилогов бесовских, находящих на ны. Услышите нас, грешных, и приимите молитву сию и моление наше, яко кадило благовонное, яко жертву благоугодну, и души наша, злыми делы, и советы, и помыслы умерщвленныя, оживите и, якоже умершую отроковицу востависте, якоже неисцельныя раны многих исцелисте, от духов нечистых зле мучимых избависте, тако и нас, содержимых во узах вражиих, измите и от сетей диавола избавите, из глубины прегрешений изведите и милостивым вашим посещением и ходатайством от врагов видимых и невидимых оградите ны благодатию и силою Всесвятыя Троицы, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРЕПОДОБНОМУ ЗОСИМЕ
(17/30 апреля)

Тропарь, глас 4

Изволением Божественного разума/ вселился еси в пустыню/ и тамо, вперив ум твой в Небесныя обители,/ равно Ангелом житие на земли пожив,/ в молитвах, и трудех, и пощениих образ был еси твоим учеником./ Отонудоже Бог, видя твое благое изволение,/ умножи тебе чада в пустыни,/ слез твоих теченьми напаяемей./ Но, яко имея дерзновенние к Богу,/ поминай стадо, еже собрал еси, мудре,/ и не забуди, якоже обещался еси,/ посещая чад твоих,// Зосимо преподобне, отче наш.

Кондак, глас 8

Христовою любовию уязвися, преподобне,/ и Того Крест славный на рамо взем,/ понесл еси, Божественне вооружився,/ и непрестанныя молитвы, яко копие в руце имый,/ крепко ссекл еси бесовская ополчения./ Тем зовем ти:/ радуйся, преподобне отче Зосимо,// монахов удобрение.

ПРЕПОДОБНОМУ САВВАТИЮ
(27 сентября/10 октября)

Тропарь, глас 3

Удалився мира и водворися в пустыни,/ добрым подвигом подвизався,/ злостраданием, и вниманием, и молитвами./ Отонудуже и по смерти источаеши исцеления,/ Савватие отче наш,/ моли Христа Бога// спастися душам нашим.

Кондак, глас 2

Житейския молвы отбег/ и вселися в морский остров, премудре./ И крест Господень на рамо взем,/ Христови последовал еси/ в молитвах, и во бдениих, и в пощениих,/ злостраданием плоть свою изнуряя./ Тем бысть иноком удобрение,/ иже любовию память твою празднующим;/ преподобне Савватие,// моли непрестанно о всех нас.

ПРЕПОДОБНОМУ ГЕРМАНУ
(30 июля/12 августа)

Тропарь, глас 8

Желанием духовным от юности распаляемь,/ преподобне Германе,/ Христу тесным жития путем последовал еси/ и, в морский пустынный остров, аки в тихое пристанище, вселився,/ в нем многа лета постнически пожил еси,/ идеже блаженным отцем Зосиме и Савватию сожитель был еси,/ с нимиже моли Христа Бога// о нас, любовию чтущих святую память твою.

Ин тропарь, древний, глас тойже

Украсився, премудре, постническим житием,/ спостник был еси и сожитель в морстем отоце преподобным отцем Зосиме и Савватию,/ сподвизався в молитвах, в трудех и в пощении,/ преподобне отче Германе,/ но, яко имея дерзновение к Богу,// моли избавити нас от враг и спасти души наша.

Кондак, глас 4

Вышних желая,/ вся долу влекущая возненавидел еси/ и, отечество свое оставль,/ в поморие пустынное отшел еси,/ таже в морский остров удалився,/ в нем многа лета Господеви поработал еси./ Темже, память твою празднующе,/ любовию вопием ти:// радуйся, Германе богомудре, отче наш.

СВЯТИТЕЛЮ ФИЛИППУ

В день памяти святителя Филиппа, митрополита Московского и всея России (9 / 22 января)

Тропарь, глас 8

Первопрестольников преемниче,/ столпе Православия, истины поборниче,/ новый исповедниче святителю Филиппе,/ положивый душу за паству твою,/ темже, яко имея дерзновение ко Христу,// моли за Отечество наше, за град же и люди, чтущия достойно святую память твою.

Кондак, глас 3

Православия наставника и истины провозвестника,/ златоустаго ревнителя, Российскаго светильника,/ Филиппа премудраго восхвалим,/ пищею словес своих разумно чада своя питающа:/ той бо языком хваления пояше,/ устнама же пение вещаше,// яко таинник Божия благодати.

В день праздника перенесения мощей святителя Филиппа от земных недр в храм Преображения Господня (31 мая / 11 июня)

Тропарь, глас 5

Радостный возсия день светлаго торжества:/ днесь церковная расширяются недра,/ приемлюще духовных даров неоскудеемо боготворное сокровище,/ струю благодатей неисчерпаемую,/ источника чудесем обильна,/ чудотворивыя и священныя мощи твоя, святителю Филиппе./ Тем же моли прославившего тя Дародателя Христа Бога// о воспевающих тя и кланяющихся священным мощем твоим.

Кондак, глас 3

Яко солнце, днесь от земных недр возсияша честныя твоя мощи, Святителю./ Землю же и воздух шествием твоим освятил еси/ и всех верных чудес богознаменьми облистал еси,/ чудотворец предивен и молитвенник к Богу о мире изящен явися./ Сего ради вопием ти:/ спасай нас теплым своим предстательством,// яко ученик Божия благодати.

ПРЕПОДОБНОМУ ЕЛЕАЗАРУ АНЗЕРСКОМУ (13/26 января)

Тропарь, глас 3

Отверг плоти тленная,/ нетленных потщался еси достигнути,/ и, мира удалився,/ вселился еси в морский остров,/ и на нем усердно многа лета Господеви поработал еси,/ сего ради и дары прозрения и чудес обогатился еси,/ отче Преподобне Елеазаре,// Христа Бога моли даровати нам мир и велию милость.

Кондак, глас 2

Воздержанием и труды постническими душу предочистив,/ храм Пресвятаго Духа был еси,/ желанием крайним ум очистив с вышними ликостоянии в вышних Богу предстоиши,/ наслаждаяся ясно Божественного осияния/ и приемля красная воздаяния за труд мног,/ иже в теле на земли показал еси,// молися, Преподобне Елеазаре, непрестанно о всех нас.

Молитва

О преподобне отче наш Елеазаре, безмолвнаго иноческаго жития в пустыни Анзерстей богоизбранный начальниче и основателю! Молим тя мы, смиреннии и недостойнии, обстояще священный гроб твой во храме Пресвятыя Троицы, имже место сие освятися и, сущия ради в тебе благодати пророческия, прославися; испроси, угодниче Божий, у Вседержителя Бога, в Троице поклоняемаго, Емуже в дерзновении с лики святых предстоиши, да дарует православному народу нашему на враги победу и одоление, державе Российстей мир и утверждение, церквам благостояние и всем людем тишину и благоденствие и изобилие плодов земных. Угаси молитвами твоими разжженныя на ны стрелы диавольския, да не прикоснется нам злоба вражия, да благочестно скончавше временное житие, сподобимся наследовати Царствие Небесное и купно с тобою славити Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

ПРЕПОДОБНОМУ ИОВУ АНЗЕРСКОМУ (6/19 марта)

Тропарь, глас 5

Показавый образ добродетелей,/ весь страха Божия и Духа Свята исполнен бысть,/ Преподобне отче Иове,/ безмолвия истинный рачитель явился еси,/ страстем Господним покланяяся,/ имже и обитель воздвигл еси во отоце Анзерстем./ Пустынножителей наставниче,// моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 8

Любовь Христову в сердце стяжа,/ еяже ради многи скорби претерпевый,/ пристанище обрел еси в морстем отоце,/ Преподобнаго Елеазара заветов верный преемник явился еси,/ покровом Божия Матере осеняемый:// достоблаженне отче Иове, поминай нас, чтущих святую память твою.

Молитва

О преподобне и богоносне отче наш Иове! Пустыни Анзерския безмолвный обитателю, обетов монашеских истинный ревнителю, ангелов любезный собеседниче, иноков в Бозе верный наставниче! Чудно житие твое, неисчислими подвизи твои, велие пред Богом дерзновение твое! Молим тя, избранниче Христов, посети немощствующие души наши, простри о нас теплую к Богу молитву твою, огради заступлением твоим обитель, тебе во изгнании приимшую, и на подвиг безмолвия тебе вдохновившую. Ты неустанно в покаянном плаче пребываваый, поучая братию, яко сие есть ключь к царству небесному, помози нам, погибающым в нечувствии и окаянстве, твоим благодатным предстательством отвергнути всякия греховныя скверны, и плоды истиннаго покаяния Господу принести. Ты, украсивый собою сонм иноков Соловецких, украси наше скудное житие, призывая на нас благословение Божие, да оставивше вся долу влекущая, обратим мысленнии очи свои к Богу, и истинных небесных благ насладимся. О досточудне Иове, во смирении твоем возвеличивыйся, и нищетою твоею обогативыйся! Умоли Христа Бога смирением душы наша украсити, оскудевшая сердца наша небесными даровании исполнити. Сподоби нас нищету Христову возлюбити, и стяжания единаго Духа Святаго в сердце своем присно желати. Ты до конца заповедь Божию о любви исполнивый, безмерную любовь к людем до последнего вздоха в сердце носивый, недугующым и страждущым со усердием велиим выну служивый, научи и нас сей вящщей добродетели, умоли Господа Иисуса Христа, да излиет от приснотекущаго источника своея Божественныя любве в обнищавшая сердца наша, да не токмо постом и бдением, молитвою и коленопреклонением, но наипаче незлобием и всепрощением, друг друга немощей ношением приклоним к себе милосердие Господа, иже есть всесовершенная любовь, и в царство небесное, царство вечныя радости, благодатию Его внидем. Достоблаженне Иове, молитвенниче к Богу усерднейший и благоприятнейший, глубиною сердечною сокровенныя тайны Божия созерцати сподобивыйся, научи нас теплая и сокрушенная моления к Тому простирати, неусыпно Бога пред очима внутреннима имети, имя Его сладчайшее яко некое многоценное сокровище, в сердце присно благодарно хранити.

Молим тя, преблагий отче, богоугоднаго жития твоего ради сподобившагося посещения Матере Божия, и повеление обитель Распятию Христа Бога создати от нея приимшаго, испроси нам твоею благомощною молитвою Тоя заступление и покров, да никогдаже оставит нас всесильная помощь Царицы Небесныя. Поминай обещание твое, мудре, духом присно пребывати с нами, не отлучайся нас, раб твоих, верою тебе молящихся, и во благовременную помощь тя призывающих. Моли за обитель сию, да процветет в ней Святыня Господня, да не исчезнут ея сокровеннии в Бозе подвижницы и молитвенницы, да не умолкнет глас воспевающих Бога, Ему же слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

ПРЕПОДОБНОМУ ИРИНАРХУ

(17/30 июля)

Тропарь, глас 4

Постническое по Бозе житие возлюбив,/ вся плотская мудрования духу покорил еси/ и воздержанием страсти умертвил еси,/ во трудех, и бдениих, и молитвах образ быв добродетели,/ тем монашеского жития наставник показался еси,/ отче преподобне Иринарше,// моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 8

Чистотою душевною Божественныя благодати дары стяжав,/ блаженную жизнь совершил еси,/ и путь ко спасению всем указал еси,/ и богомудрый начальник монахов явился еси./ Темже имея дерзновение ко Святей Троице,/ поминай нас, чтущих память твою, да зовем ти:/ радуйся, преподобне Иринарше,// монашествующих похвало.

ПРЕПОДОБНЫМ ВАССИАНУ И ИОНЕ ПЕРТОМИНСКИМ

(12/25 июня)

Тропарь, глас 8

Прежде отвержением мира,/ яко морскаго треволнения, избегосте, отцы преподобнии,/ послежде же, изволением Божиим,/ в водах морских кончину блаженную приясте/ и к неболезненному покою преставистеся от земли, радующеся./ Тем и по кончине от Христа Бога прославистеся чудесы обильно,/ теплии в бедах верным помощницы показастеся,/ и ныне на Небесех предстояще Престолу Христову,/ Вассиане преблаженне и Ионо преславне,// молитеся присно о душах наших.

Кондак, глас 2

Яко сокровище богатно, верным/ Божественная благодать из морских недр издаде мощи ваша,/ отцы преблаженнии,/ и в месте пусте целы и невредимы обретошася преславно,/ и тако вас ради ныне славится Бог,/ Емуже со дерзновением предстояще ныне на Небесех,/ Вассиане и Ионо досточуднии,// молитеся непрестанно о всех нас.

Молитва

О преподобнии и всечестнии отцы Вассиане и Ионо, угодницы Христовы блаженнии, чудотворцы преславнии! Постничеством Богу первее угодивше и делы благочестно на земли подвизавшеся, яко светила светлая, по смерти в мире возсиявше, просвещающе верных чудес светлостию, вы заступницы теплии показастеся. Многих, в скорбех и бедах страждущих и погибнути имущих, здравы сохранисте, непослушавших же завещания вашего и маловерующих отмстительне наказасте, и прежде заблудшей жене путевожди бывше, и ослепшему паки прозрение дароваасте. Дерзостно же коснувшагося целебных мощей ваших напрасно отринусте и,

разслаблением наказавше, помиловасте. К сим же и иная преславная соделасте, и бывшее оскудение во обители вашей сугубо исполнисте, соблюдающе ю. Молимся убо ныне вам, о преблаженнии отцы, услышите моление наше, не презрите нас в бедах и скорбех, призывающе вас верою, будите помощницы нам скории и покровители, сохраните же во благоденствии, мире и тишине отчество наше. К сим же и духовнаго о вас собрания не оставите до конца, посещающе я всегда, о преподобнии, изобилованием всяцем, и молитеся присно о нас ко Господу, да молитвами вашими грехов прощение получим, и Царствия Небеснаго сподобимся благодатию Его, яко Тому подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРЕПОДОБНЫМ ИОАННУ И ЛОНГИНУ ЯРЕНГСКИМ

(16/29 октября)

Тропарь, глас 8

Яко звезды многосветлыя, от юности возсиявше,/ осветили есте сердца верных пренесением честных мощей ваших,/ добродетельми чудес ваших,/ во плоти яко бо ангели на земли показастеся,/ пощением насаждени бысте, яко древо при водах воздержания,/ напоени струями слез ваших, и скверну омысте,/ сего ради явистеся приятелище Божия Духа, Иоанне и Лонгине,// молите Христа Бога спастися душам нашим.

СОБОРУ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЕЦ СОЛОВЕЦКИХ

(9/22 августа)

Тропарь, глас 4

Взыскующе Христа вожделеннаго бисера,/ во страну полунощную востекли есте,/ и подвигом первоначальников соловецких поревновавше,/ леса и пустыни облагоухали есте своими богоугодными молитвами./ Темже и Христос вас прослави,/ и мы вопием:/ вси святии Соловецтии,/ молите Христа Бога// спастися душам нашим.

Кондак, глас 3

Духовнаго жительства желающе,/ устремистеся в суровыя островы Беломория/ и, безбедно преплывше житейское море,/ соблазнов мирских избегосте/ и в радости велией водвористеся./ Непрестанным умным восхождением Бога достигли есте// и нас учите небесному восходу.

Молитва

О божественный полче, Небеснии воини Христа Бога, Преподобнии и богоносниии отцы Соловецтии! Вы первее ралом евангельских учений души своя плодоносны явили есте, послежде и неплодную пустыню сию, яко благоцветущий рай соделали есте. И явилися есте жертвы благоприятныя Богу, преоб-

разившеся умным деланием, во Свете Невечернем узрели есте будущей жизни славу. И Божественным огнем души своя возжегосте, востекли есте в Сион Горний и Нетварнаго Света причастилися есте. Темже и нам, на земли сущим, ходатайствуете душам спасение, земных плодов изобилие, времена мирна, блага. Да и мы, недостойнии, направляемии вашими молитвами поне, на конец нашего многомятежного жития, возлюбим вечное паче временнаго, и в свой единонадесятый час поработаем с усердием Небесному Домовладыке Христу, и услышим Его благоуветливый глас: «Приидите, наследуйте уготованное вам Царство от сложения мира». И мы с сердечным благодарением пролиемся слезами неизреченной радости и восхвалим великое и достопокланяемое имя Отца и Сына и Святаго Духа ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

СОБОРУ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ СОЛОВЕЦКИХ

(10/23 августа)

Тропарь, глас 1

Земли Соловецстей всемирную славу стяжасте,/ Голгофы Российския образ священный явили есте,/ венцы нетленными от Бога увенчастеся мук лютых терпением,/ отоки богоизбранныя напоивше обильно безвинною кровию./ Новомучеников Соловецких множество, / страдании велиими Вашими дерзновение в вышних обретосте:/ испросите нам у Господа покаяние и грехов прощение,/ да сподобит нас благий конец восприяти,/ и Царство Небесное// вкупе с Вами наследовати.

Кондак, глас 2

Светлое воинство новомучеников Соловецких/ с небесными лики престолу Божию ныне предстоит./ Тех бо страдании попираются врата адова,/ исповедничества подвигом отверзаются райския двери:/ тии бо за Христа мучении исполниша святыню древния обители,/ от гор Голгофы и Секирныя в мир горний шествие творяще,/ процветоша яко крини в Царстве вечного блаженства./ Мы же память благоговейную о вас всегда храним,/ достопокланяемые сродницы наши:// заступайте нас от всякия напасти вражия, смиренно молим вас.

Молитва

О достохвальный и досточтимый великоименитый соборе новых мучеников и исповедников Соловецких! Слава о велиих страданиих ваших пройде даже до конец вселенныя: священнии сии отоцы потрясошася, и вся земля вострепета и ужасом исполнися о муках лютых, яже вы за Христа претерпели есте. За умножение беззаконий и отступление от веры буря злодеяний поколеба великую Российскую державу, силою многою обрушися на святыя Соловецкия отоки, в мори мученическия крови потопити их хотящи, богомерзкими деянии оскверняющи древнюю обитель, самую же память о святыни истребити тщащися. Кое зло ни сотвори зде ярость сатанинская, кую муку верным ни измысли изощренный разум диаволь. Морю Белому вдашася страдальцы, безбожными мучители потопленныя: езера

водная имут останки страстотерпцев: каяждо пядь священныя земли сея напитана есть кровию безвинною убиенных и умученных архиереев и священников, монахов и мирских, всякаго звания и возраста верных. Тии же веру Христову твердо храняще не отступили суть пред силою вражиею, Царства Небеснаго приснии жители явишася, к лику избранных Божиих причтеннии. О славное и чудное воинство новомучеников и исповедников Соловецких, егоже предваряет Вениамин прехвальный, иноком обители сея начальник богомудрый! Смиренно молим вас, пред Богом дерзновение имущих: молите за обитель Соловецкую, милостию Божиею ныне паки восстающую, за ны недостойныя жители ея, дабы время сие благоприятное нам к пользе душевной и ко спасению нашему употребити. Молитеся, присноблаженнии, за державу Российскую, во еже свободитися ей от власти темныя, и к свету правды Божия воспрянути, да паки процветет во всякой благостыни. Всему же роду православному испросите духа мира и любве Христовы, и благодати исполнения, да тою сохраняеми вся до конца претерпевше спасени будем, и в радости Господней водворимся, славяще о всем Вседержителя и Благопромыслителя единаго в Троице Бога, Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Величание

Величаем вас,/ святии новомученицы и исповедницы Соловецтии/ и чтим честная страдания ваша,/ яже за Христа// претерпели есте.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИКУ ПЕТРУ, АРХИЕПИСКОПУ ВОРОНЕЖСКОМУ

(25 января/7 февраля, 4/17 июня)

Тропарь, глас 4

Верою пламенною апостолу Петру подобяся/, таже и трикратным слышанием воззвания Христова/, душу твою за Того положил еси, святителю отче Петре/, каменю твердый веры православныя:/ светильниче во мраце беззаконий добродетельми сиявй,/ радостию страдания за Христа претерпети изволил еси,/ со исповедники и страстотерпцы Российскими./ Молися с ними о нас, архиерею Божий,// священномучениче Соловецкий.

Кондак, глас 8

Во святительстве твоем добре подвизался еси, богомудре,/ и мученичества венцем светло украсился еси,/ прещения врагов Христовых не устрашився,/ кровьми твоими землю во оттоце Анзерстем освятил еси:/ сего ради силы небесныя удивишася терпению твоему,/ мы же с верою и любовию притекаем ко святым мощем твоим, досточудне./ Ныне со всеми Соловецкими святыми/ моли о нас Христа Бога, всеблаженне Петре, да зовем ти:// радуйся, отче приснопамятне.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИКУ ИЛАРИОНУ, АРХИЕПИСКОПУ ВЕРЕЙСКОМУ

(15/28 декабря)

Тропарь, глас 4

Воине Христов Иларионе,/ славо и похвало Церкве Русския,/ пред гибнущим миром Христа исповедал еси,/ кровьми твоими Церковь утвердися,/ разум Божественный стяжал еси,/ людем верным возглашаше:// без Церкве несть спасения.

Кондак, глас 6

Иларионе, священномучениче Христов,/ служителей грядущаго антихриста не убоялся еси,/ Христа мужески исповедал еси,/ за Церковь Божию живот твой положи./ Красо новомученик российских,/ Руси святыя похвало,// ты Церкви нашея слава и утверждение.

ИСТОРИЯ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ
СОЛОВЕЦКИЙ ПАТЕРИК
ЛЕТОПИСЕЦ СОЛОВЕЦКИЙ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

Литература

1. Андроник (Трубачёв), игумен. Обо мне не печальтесь. Жизнеописание священника Павла Флоренского. М.: Издательский совет РПЦ, 2007.
2. Аполлос (Алексеевский), архим. Начертание жития и деяний Никона, Патриарха Московскаго и всея России. М., 1845.
3. Аркадий (Остальский), сщмч. «Мы не должны бояться никаких страданий». Творения. Т.1–2. Житомир, 2007.
4. Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / Под общ. ред. Д. С. Лихачёва. М.: Искусство, 1980.
5. Беловолов Г., прот. Сказание о Хлебенной иконе Божией Матери. С.-Пб., 2010.
6. Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет особого назначения 1920–1939. М., 2002.
7. Буров В. А. Головленкова тюрьма Соловецкого монастыря. СПб., 2000.
8. Буров В. А. Государево богомолье – Соловецкий монастырь: Проблемы истории великой северной обители (XV–XIX века). Москва–Архангельск, 2012.
9. Буров В. А. История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков. Архангельск, 2011.
10. В Белом море красный СЛОН… Воспоминания узников Соловецкого лагеря особого назначения и литература о нем. М.: Пашков дом, 2006.
11. Виноградов Н. Н. Обозрение христианских древностей Музея С.О.К. Отдел II. Заповедник Б. Заяцкого острова (деревянная Андреевская церковь). Соловки, 1927.
12. Виноградов Н. Н. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. // Материалы СОК. Вып. IV. Соловки, 1927.
13. Волков О. В. Погружение во тьму. М., 2002.
14. Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Т.1–2. СПб., 1884–1887.
15. Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т. 4. Тверь, 2005.
16. Денисов Семен. История об отцах и страдальцах Соловецких. М., 2002.
17. Досифей II (Немчинов), архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Спасо-

Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, 2011. (Репринт. изд. М., 1836).
18. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1994.
19. Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев. Издание Соловецкой обители, 2001.
20. За веру Христову. Духовенство, монашествующие и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918–1951). Биографический справочник. Архангельск: Православный издательский центр, 2006.
21. Зеленская Г. М. Патриарх Никон – зодчий Святой Руси. М.: Изд-во Отчий дом, 2011.
22. Зеленская Г. М. Святыни Нового Иерусалима. М.: Северный паломник, 2002.
23. Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Ч.1–3. Москва, 1997.
24. Зызыкин М. В. Строитель Святой Руси //Патриарх Никон. Протопоп Аввакум. М.: Новатор, 1997, с. 217–237.
25. Игнатий (Семенов), архиеп. Воронежский. Истина Святой Соловецкой обители против неправды челобитной, называемой Соловецкой, о вере. СПб., 1844.
26. Известие о рождении и о воспитании и о житии Святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным // Патриарх Никон. Протопоп Аввакум. М.: Новатор, 1997, с. 13–106.
27. Иларион (Троицкий),сщмч. Творения. Т. I–III. М., 2004.
28. Иоанн (Снычев), митр. Санкт-Петербургский и Ладожский. Патриарх Никон // Патриарх Никон. Протопоп Аввакум. М.: Новатор, 1997, с. 395–404.
29. Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Священномученик Иларион, житие и свидетельства к церковному прославлению. Сретенский монастырь. 1999.
30. История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. М.: Товарищество Северного Мореходства, 2001. (Репринт., изд. СПб., 1899).
31. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909.
32. Кедров С. Авраамий Палицын. М., 1880.
33. Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб. 2004.
34. Книжные центры Древней Руси. Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб. 2010.
35. Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь: Сборник статей. — СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001.
36. Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление Московского самодержавия. СПб., 2004.
37. Крестный путь Патриарха Никона. М.: 2000.

38. Крижанич Юрий. Опровержение Соловецкой челобитной, писанное им в Сибири. 1675. ОР ГИМ Син. 889; То же / Изд. А. Башкиров // ЧОИДР. 1893. Кн.2. Отд.2, с.I–XI, 81–167.
39. Лебедев Л., прот. Москва патриаршая. М., 1995.
40. Летописец Соловецкий … 1-е изд. М., 1833.
41. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. Репринтное воспроизведение издания 1847 года. Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, 2010. (Репринт. изд. М. 1847).
42. Лихачёв Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. С.-Пб.: «АРС», 2006.
43. Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. С.-Пб. 2006. С. 19.
44. Макарий (Булгаков), митр. Московский. История русской церкви. Кн. VII., Т. 12. М., 1996.
45. Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1985.
46. Мануил (Лемешевский), митр. Соловецкий цветник //Духовный собеседник. 2000. №1, 2.
47. Мартынов А. Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов. Архангельск, 2002.
48. Мартынов А. Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск, 2010.
49. Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. В 8-ми тт. М., 1878–1890.
50. Мелетий, архим. Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881.
51. Минеева С. В. Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев. Курган, 1995.
52. Минеева С. В. Рукописная традиция жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). В 2-х тт. М., 2001.
53. Митрофан (Баданин), иером. Блаженный Феодорит Кольский. Мурманск. Изд. Мурманской и Мончегорской епархии, 2002.
54. Митрофан (Баданин), игум. Новомученики Кольские. Мурманск. Изд. Мурманской и Мончегорской епархии, 2011.
55. Михайловский С. В., протоиерей. Жизнь Святейшаго Никона Патриарха Всероссийского. – М., Издание Ставропигиальнаго Воскресенскаго Новаго Иерусалима монастыря, 1878.
56. Морозов С. Тогда на Анзерском острове. М.: Товарищество Северного мореходства, 2000.
57. Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области. М.: СканРус, 2006.
58. Немирович-Данченко В. И. Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами. М., 2000. (Первое издание 1875).

59. Несколько поучений, сказанных в Соловецком монастыре к братии и богомольцам настоятелем архимандритом Порфирием. СПб.: тип. «Странник», 1862.
60. Никодим (Кононов), иером. Архангельский патерик. Исторические очерки о жизни и подвигах русских святых и некоторых приснопамятных мужей, подвизавшихся в пределах Архангельской епархии. СПб., 1901.
61. Никодим (Кононов), иером. Верное и краткое исчисление, сколь можно было собрать, преподобных отец Соловецких, в посте и добродетельных подвигах просиявших, которые известны по описаниям, и исторические сведения о церковном их почитании. СПб., 1900.
62. Осипенко М. В. Кийский крест Патриарха Никона. М., Храм Преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках. 2004.
63. Очерк жизни Никона, патриарха Московскаго, основателя Крестнаго монастыря. // Арх. епарх. вед. 1890, № 8.
64. Патриарх Никон: стяжание Святой Руси – созидание государства Российского / Составление и общая редакция В. В. Шмидта, В. А. Юрчёнкова: в трёх частях. М.: Изд-во РАГС, 2011.
65. Патриарх Никон. Труды / Научное исследование, подготовка документов к изданию, составление и общая редакция В. В. Шмидта. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
66. Патриарх Никон. Рожденный на земле Нижегородской. Н. Новгород: РИДО, 2007. Составители архим. Тихон (Затёкин), О. В. Дёгтева и др.
67. Подвиги Соловецкой обители. Изд. 10. СПб., 1902.
68. Поместный Собор Русской Православной Церкви 30 мая — 2 июля 1971 года: Документы, материалы, хроника. М., 1972, с. 129–131. ЖМП. 1971, № 6, с. 5–7.
69. Порфирий, архим. Священноинок Иов, основатель Голгофо-Распятского скита на Анзерском острове. С-Пб., 1864.
70. Пришвин М. М. За волшебным колобком. М., 1984., с.194–212.
71. Путеводитель по Соловецким островам. СПб., 1900.
72. Резникова И. Православие на Соловках. СПб., 1994.
73. Русская Православная Церковь. XX век. М., 2008.
74. Русский паломник. Валаамское общество Америки. 1995. № 11, 12.
75. Савицкая О. Д. Соловецкая крепость. Архангельск. 2005.
76. Севастьянова С. К. Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита. СПб., 2001.
77. Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: Исследование и тексты. М., 2007.
78. Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология. М., 1994.
79. Скопин В. В. На Соловецких островах. М.: Искусство, 1991.
80. С.Л.О.Н. О.Г.П.У фотоальбом СПб., 2004.
81. Соловецкий монастырь. М.: Лето, 2000.
82. Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск–Москва, 2002–2012. Вып. 1–11.
83. Соловецкий патерик. М., 1991.

84. Соловецкий православный календарь. Издание Соловецкого Спасо–Преображенского ставропигиального мужского монастыря. М., 1995–2010.
85. Соловецкий сборник. Вып. 1-8. Архангельск: СГИАПМЗ. 2004–2012 гг.
86. Соловки: монастырь на островах. М., 2004.
87. Сохраненные Святыни Соловецкого монастыря. М., 2001.
88. Столяров В. П. Анзер и его святыни. Соловецкий монастырь, 2001.
89. Сырцов И. Архимандрит Порфирий Карабиневич, настоятель Соловецкого монастыря // Арханг. епарх. вед. 1891. №20, с. 277–293; №21, с. 297–304; №24, с. 351–353.
90. Толстой М. В. История Русской Церкви. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991.
91. Федоров П. Ф. Соловки. Архангельск. 2003. (Кронштадт, 1889).
92. Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания. М., 1997.
93. Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991.
94. Флоренский П. В., прот. Все думы – о вас. С.-Пб.: Держава, 2004.
95. Флоринский Н., прот. Жизнеописание преосвященного епископа Александра (Павловича)// Душеполезное чтение. 1885.
96. Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. М.: Музеи Московского Кремля, 2006 г.
97. Часть суши, окруженная небом. Соловецкие тексты и образы. С.-Пб.: Логос, 2011.
98. Чирков Ю. И. А было всё так… М., 1991.
99. Чудинова И. А. День Соловецкого клирошанина. //Наследие монастырской культуры. Вып. 3. СПб., 1998, с. 93.
100. Ширяев Борис. Неугасимая лампада. М.: Сретенский монастырь, 1998.

Архивные материалы

РГАДА. Фонд 1201 «Соловецкий монастырь»
101. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 793. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1865 г.
102. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 804. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1867 г.
103. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 806. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1868 г.
104. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 812. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1870 г.
105. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 813. Послужные списки послушников Соловецкого монастыря 1870 г.
106. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 821. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1873 г.
107. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 827. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1875–1877 гг.
108. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 838. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1878 г.

109. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 854. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1880 г.
110. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 863. Послужные списки монашествующих и послушников Соловецкого монастыря 1882 г.
111. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 869. Послужные списки монашествующих и послушников Соловецкого монастыря 1884 г.
112. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 871. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1885 г.
113. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 874. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1886 г.
114. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 876. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1887 г.
115. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 878. Послужные списки монашествующих и послушников Соловецкого монастыря 1888 г.
116. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 880. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1889 г.
117. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 882. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1892 г.
118. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 883. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1893 г.
119. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 885. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1894 г.
120. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 887. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1895 г.
121. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 889. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1896 г.
122. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 890. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1897 г.
123. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 891. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1898 г.
124. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 892. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1899 г.
125. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 893. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1900 г.
126. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 894. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1901 г.
127. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 895. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1902 г.
128. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 896. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1904 г.
129. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 897. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1905 г.
130. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 898. Послужные списки монашествующих и послушников Соловецкого монастыря 1906 г.

131. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 899. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1908 г.
132. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 900. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1909 г.
133. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 901. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1910 г.
134. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 902. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1911 г.
135. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 904. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1912 г.
136. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 908. Послужные списки монашествующих и послушников Соловецкого монастыря 1913 г.
137. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 910. Послужные списки монашествующих Соловецкого монастыря 1914 г.
138. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 911. Послужные списки монашествующих и послушников Соловецкого монастыря 1915 г.
139. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 5616. Послужные списки монахов и послушников за 1903 г.
140. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 5617. Послужные списки монахов и послушников за 1907 г.
141. ЦГА РК. Ф. 205, Оп. 1. Д. 7/143. Л. 8-11.
142. ГААО Ф. 1222. Оп. 1. Д. 4. Л. 115-120 об. (СГИАПМЗ, вспомогательный фонд № 2352).
143. ГААО. Ф. 105. Оп. 8. Д. 222. Л. 52-53об.
144. ГААО Ф. 105. Оп. 3. Д. 115. Л. 115-116. (СГИАПМЗ, вспомогательный фонд № 2144).
145. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5545а. Аттестации, даваемые настоятелями Соловецкого монастыря в послужных списках братии о поведении их. 1832–1856 гг.
146. РГАДА. Ф. 1183. Оп.4. Д. 406. 1866. Главная церковная и ризничная опись ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря.
147. РГАДА. Ф. 1183. Оп.4. Д. 405. 1866. Опись ризничных и церковных вещей ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря.

Список сокращений

ГААО – Государственный архив Архангельской области
РГАДА – Российский Государственный Архив Древних Актов
СГИАПМЗ – Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник
ЦАК – Церковно-археологический кабинет
ЦГА РК – Центральный Государственный архив Республики Карелия

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 8

ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ СОЛОВЕЦКОЙ ОБИТЕЛИ

Глава 1. Начало Соловецкой обители. XV век 13

1.1. Царство праведников 13

1.2. Преподобный Савватий – первоначальник Соловецкого иночества 14

1.3. Преподобный Зосима – созидатель обители Преображения Господня 20

1.4. Преподобный Герман – послушник и помощник 32

1.5. О почитании мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа 33

1.6. Ученики преподобного Зосимы 38

Глава 2. Соловецкий монастырь – государево богомолье, духовный и хозяйственный центр Поморья, северный форпост Руси. XVI – середина XVII века 39

2.1. Государевы богомольцы 39

2.2. Святитель Филипп, митрополит Московский (игумен Соловецкий) 44

2.3. Святые двоицы: Преподобные Вассиан и Иона Пертоминские и Иоанн и Лонгин Яренгские 57

2.4. Преподобный Феодорит Кольский – просветитель лопарей 60

2.5. Преподобный игумен Иаков – чудного стеноздания соградитель 64

2.6. Старец Авраамий Палицын – летописец и ратоборец 68

2.7. Преподобный Антоний, игумен Соловецкий – муж трезвенный и великий терпеливец 74

2.8. Преподобный Иринарх, игумен Соловецкий и его последователи 75
2.9. Святитель Маркелл, архиепископ Вологодский и Белозерский 81
2.10. Преподобный Елеазар, Анзерский Чудотворец 85
2.11. Святейший Патриарх Никон — созидатель Святой Руси 97
2.12. Смута по поводу исправления богослужебных книг и обрядов .. 122

Глава 3. Учреждение ставропигии и лишение вотчин. XVIII – начало XIX века 147

3.1. Архимандрит Фирс и посещения Петра I 148
3.2. Преподобный Иов (в схиме Иисус) – царский духовник и основатель Голгофо-Распятского скита на Анзерском острове ... 155
3.3. Архимандриты-труженики 166
3.4. Архимандрит Макарий – пустынник и добрый наставник 171
3.5. Пустынник Феофан – христолюбец 172
3.6. Петр Иванович Кальнишевский – герой войны и благочестивый узник 184

Глава 4. Соловецк-городок: внешнее благоустройство и духовное процветание монастыря. Середина XIX – начало XX века .. 189

4.1. Архимандрит Досифей – Соловецкий летописатель и возобновитель Голгофского скита 192
4.2. Архимандрит Димитрий – «по домостроительству хороший хозяин» 196
4.3. Монах Наум. «Келия – та же пустыня» 198
4.4. Епископ Александр – пламенный молитвенник и мужественный воин 200
4.5. Иеросхимонах Матфей и схимонах Герасим 231
4.6. Архимандрит Порфирий – ревностный просветитель и любвеобильный благодетель 234
4.7. Архимандрит Феофан – дворянин-монах 252
4.8. Архимандрит Феодосий, впоследствии епископ Владикавказский 256
4.9. Архимандрит Мелетий – ревностный благоустроитель 258
4.10. Архимандрит Варлаам 277

4.11. Архимандрит Иоанникий – ревнитель благочестия 280
4.12. Цветы луга духовного: схимонах Диомид, иеросхимонах Зосима, монах Гурий 289
Глава 5. Божия гроза. 1917–1988 гг. 296
5.1. Церковь побеждает, когда ей вредят 296
5.2. Преподобномученики архимандрит Вениамин (Кононов) и иеромонах Никифор (Кучин) 302
5.3. Монашеская община – работники совхоза «Соловки» 1920–1923 гг. 310
5.4. Пожар 315
5.5. Монастырь в системе СЛОНа 317
5.6. Священномученик Евгений (Зернов), митрополит Горьковский 320
5.7. Вскрытие святых мощей 328
5.8. Фигуры старых Соловков 330
5.9. Священномученик Прокопий (Титов), архиепископ Одесский и Херсонский 333
5.10. Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский 336
5.11. Священномученик Петр (Зверев), архиепископ Воронежский 343
5.12. Дело епископа Аркадия (Остальского) и ликвидация монашеской общины на Соловецких островах 352
5.13. Изгнанники 360
5.14. Преподобномученик иеромонах Моисей (Кожин) 361
5.15. Иеросхимонах Анатолий 364
5.16. Власть Соловецкая 369
5.17. Соловки – национальная Голгофа 380
Глава 6. Возрождение монастыря. Конец XX – начало XXI века ... 386
ЧАСТЬ II. ХРАМЫ И ПОСТРОЙКИ ОБИТЕЛИ
Глава 1. Образ града небесного 401
Глава 2. Успенская церковь с трапезной и келарской палатами 405
2.1. Внешний вид трапезного комплекса 405
2.2. Трапезная палата 408

2.3. Церковь Успения Божией Матери 413
2.4. Церковь Рождества Божией Матери 415
Глава 3. Спасо-Преображенский собор 419
3.1. Внешний вид собора 419
3.2. Интерьер и святыни Спасо-Преображенского собора 422
Глава 4. Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы 430
Глава 5. Церковь святителя Филиппа, митрополита Московского 435
Глава 6. Церковь святителя Николая, архиепископа Мирликийского 440
Глава 7. Свято-Троицкий Зосимо-Савватиевский собор 442
7.1 Архитектура и святыни собора 442
7.2. Церковь преподобного Германа и некрополь 449
7.3. Усыпальницы святителя Филиппа и преподобного Иринарха 453
Глава 8. Церковь преподобного Онуфрия Великого на монастырском кладбище 455
Глава 9. Больничная церковь в честь иконы Божией Матери «Утоли мои печали» 460
Глава 10. Соборная колокольня 464
Глава 11. Библиотека и ризница 468
Глава 12. Каменные келии XVII–XIX вв. — эволюция монашеской жизни 475
Глава 13. Хозяйственные постройки Южного и Северного двориков 482
Глава 14. Соловецкая крепость 485
Глава 15. Часовни вокруг монастыря 491
15.1. Филипповская часовня 491
15.2. Иоанно-Предтеченская часовня 491
15.3. Петровская часовня 492
15.4. Константиновская часовня 493
15.5. Александровская часовня 494
15.6. Царская колокольня и Знаменская часовня на монастырском дворе (разрушенные) 496

15.7. Варваринская часовня 499
ЧАСТЬ III. СКИТЫ И ПАМЯТНЫЕ МЕСТА
Глава 1. О Соловецком пустынножительстве 505
Глава 2. Савватиева пустынь 508
Глава 3. Филипповы садки и места келий преподобных Зосимы и Германа 516
Глава 4. Филиппова пустынь 519
Глава 5. Елеазарова пустынь 528
Глава 6. Свято-Троицкий Анзерский скит 531
Глава 7. Голгофо-Распятский скит 544
Глава 8. Анзерские причалы, рыболовные тони и дороги 560
Глава 9. Свято-Вознесенский скит на Секирной горе 564
Глава 10. Исаково 577
Глава 11. Макариева пустынь 578
Глава 12. Андреевский скит на Большом Заяцком острове 582
Глава 13. Большая Муксалма 594
Глава 14. Переговорный камень 600
ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО 601
ПЕСНОПЕНИЯ И МОЛИТВЫ НАИБОЛЕЕ ЧТИМЫМ СОЛОВЕЦКИМ СВЯТЫМ
Преподобным Зосиме, Савватию и Герману (8/21 августа) 604
Преподобному Зосиме (17/30 апреля) 605
Преподобному Савватию (27 сентября/10 октября) 605
Преподобному Герману (30 июля/12 августа) 605
Святителю Филиппу 606
В день памяти святителя Филиппа, митрополита Московского и всея России (9/22 января) 606
В день праздника перенесения мощей святителя Филиппа от земных недр в храм Преображения Господня (31 мая / 11 июня) 606
Преподобному Елеазару Анзерскому (13/26 января) 607
Преподобному Иову Анзерскому (6/19 марта) 607
Преподобному Иринарху (17/30 июля) 609

Преподобным Вассиану и Ионе Пертоминским (12/25 июня) 609
Преподобным Иоанну и Лонгину Яренгским (16/29 октября) 610
Собору преподобных отец Соловецких (9/22 августа) 610
Собору новомучеников и исповедников Соловецких (10/23 августа).... 611
Священномученику Петру, архиепископу Воронежскому (25 января/7 февраля, 4/17 июня)..... 612
Священномученику Илариону, архиепископу Верейскому (15/28 декабря) 613
БИБЛИОГРАФИЯ 615

Осипенко Марина Васильевна

Соловецкая обитель: история и святыни.
Книга паломника

Дизайн и оригинал-макет
Михаил Скрипкин

Редактор
Вениамин Слепков

Художник
Ольга Постникова

Корректор
Ольга Сидорова

Подписано в печать 15.01.2014
Формат 72 x 104 1/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. 46,5.
Заказ № 14. Тираж 5000 экз.

Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)
164070, Архангельская обл., пос. Соловецкий,
наб. бухты Благополучия, д. 1, корп. 8
izdat@solovki-monastyr.ru

Отпечатано в типографии «НП-Принт»
Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15